

РУССКОЕ СЛОВО.

V.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО - УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

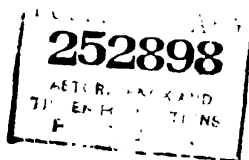
ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ-ВЕЗБОРОДКО.

1860.

М А Й

САНКТШЕТВЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Рюмина и комп.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 19 мая 1860 года

Ценсоръ *А. Ярославъ.*

РУССКІЕ ИНОРОДЦЫ.

I.

ЛИТОВСКОЕ ПЛЕМЯ И ОТНОШЕНІЯ ЕГО КЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

(Изъ лекцій русской исторіи, читанныхъ въ Императорскомъ с.-петербургскомъ университетѣ въ 1860 году.)

I.

Въ краѣ, прилегающемъ къ южному берегу балтійскаго моря, издревле обитало литовское или летское племя, котораго остатки и до-сихъ-поръ уцѣлѣли отъ губительнаго вліянія враждебнаго нѣмецкаго элемента, много вѣковъ систематически истреблявшаго порабощенное имъ племя. Въ древности оно граничило на западѣ съ славянами, на востокъ съ чудскими народами. Никогда исторія не знала этого племени подъ собирательнымъ для него всего туземнымъ названіемъ. На сколько простираются наши свѣдѣнія въ глубину до-историческаго мрака, всегда оно являлось раздѣленнымъ на единоплеменные народцы, болѣе или менѣе сохранившіе между собою духовную связь языка, вѣрованій, обычаевъ и образа жизни. Первые составители нашихъ лѣтописей перечисляли народы литовскаго племени такимъ образомъ: пруссы, корсь, зембгала, летгола, литва, русь, подъ которой вѣроятно разумѣлась не часть жмуди, но вся вообще жмудь.

Трудно съ точностію опредѣлить географическіе предѣлы жилищъ всѣхъ этихъ частей литовскаго племени, и приходится довольствоваться приблизительными указаніями. Корсь обитала по берегу моря на полуостровѣ въ нынѣшней Курляндіи, удержавшей отъ нея и свое названіе, ибо народъ, называемый въ нашихъ лѣтописяхъ корсью, на западѣ называется былъ куронами. Различнымъ образомъ производили это наименованіе; одни искали корня его въ словѣ *кауросъ*, которое будто бы означаетъ низменную землю, другіе, какъ Богущъ, искали его въ корнѣ «Кагасъ» война, «Kageiwiš» также «Kogioniš» значитъ воинъ; и тогда «куронъ» — названіе, подъ которымъ эта часть литовскаго племени была извѣстна у иноземцевъ, будетъ довольно-близко перенятое у туземцевъ слово; Риттеръ же искалъ въ наименованіи *корсь* единства съ мѣтологическимъ наименованіемъ солнца у восточныхъ народовъ. Зимѣгола было названіе народа и страны, имъ обитаемой, на востокѣ отъ Корси или Куроніи, прилегавшей къ Двинѣ. Производство этого слова удачнѣе, чѣмъ предъидущаго: Зимѣгола (правильнѣе Жемгала) значитъ земли конецъ, отъ Zeme — земля и Galas — конецъ; это объясненіе придумано Шлецеромъ; Богущъ раздѣлялъ его. По другую сторону Двины на востокъ отъ жемгалы, жилъ литовскій народъ летгала, иначе летгола, или лотыгола (латыши); въ происхожденіи его названія очевидно тоже слово «Galas», означающее конецъ, и кажется оно значитъ «конецъ литовцевъ»; корня же названія литовскаго племени можно равно искать въ словахъ «Lytus» дождь и «Lyta» образъ (глаголь lytu, lyteju касаюсь). Какъ далеко простирались предѣлы летгалы на востокъ — невозможно опредѣлить; здѣсь литовское племя соприкасалось съ чудскимъ (финскимъ) и находилось съ нимъ въ вѣковой непримиримой враждѣ. Вѣроятно эта-то древняя закоренѣлая вражда измѣнила судьбу и мѣсто жительства враждебныхъ народовъ, и произвела то, что имя эстовъ, первоначально принадлежавшее литовцамъ, перешло къ финнамъ, отнявшимъ у первыхъ ихъ землю, хотя, впрочемъ, перенесеніе этого нѣмецкаго названія съ одного чуждаго народа на другой могло совершиться втеченіе вѣковъ безъ отношенія къ исторіи этихъ народовъ по мѣрѣ бѣльшаго знакомства съ восто-

комъ; тогда, такимъ образомъ, имя, означавшее неопредѣленное названіе народовъ, жившихъ въ извѣстной сторонѣ, замѣнилось на прежнемъ мѣстѣ другимъ туземнымъ и перешло на народъ, менѣе знакомый и болѣе отдаленный. Видная въ составъ языка латышей и въ-особенности ихъ нравовъ, по отличію и по сходству съ прочими литовцами, оказывается, что эта вражда истекаетъ изъ обстоятельствъ древнѣйшаго времени, тсперь уже неизвѣстныхъ, когда оба разноплеменные народа — латыши и нынѣшніе эсты находились между собою въ такомъ столкновеніи, которое производило измѣненія въ признакахъ народности, посредствомъ вліянія одной на другую: въ латышскомъ языкѣ много финскихъ корней, которыхъ нѣтъ у ихъ единоплеменниковъ. На западъ отъ жемгалы была жмудь — жемонтъ (отъ слова «Земе» — земля), а на югъ по теченію Нѣмана и Вислы собственно такъ называемая литва. Къ литовскому племени надобно причислить ятвяговъ или ятвинговъ; Шаффарикъ считалъ ихъ остатками савроматовъ, которыхъ признавалъ за одноплеменниковъ древнихъ мидянъ; но свидѣтельства современныхъ ихъ существованію писателей, равнобѣрно остатки ихъ именъ и названій заставляютъ признать, что это былъ народъ литовскаго племени, однако въ древнѣйшія времена оторванный отъ соплеменниковъ, принявшій слишкомъ много чуждой примѣси и вообще усвоившій признаки своеобразнаго этнографическаго вида. Народъ этотъ, какъ извѣстно, жилъ въ нынѣшней гродненской губерніи и совершенно исчезъ, оставивъ по себѣ дурное воспоминаніе какъ о дикомъ и разбойническомъ народѣ. На западъ отъ жмуди простиралась пруссы. Очень удачнымъ кажется древнее объясненіе этого слова; названіе пруссы есть славянское, оно дано имъ сосѣдями — славянами по рѣкѣ Руси, къ которой они прилегали. Такимъ образомъ пруссы есть сокращенное слово поруссы, какъ полабы (живущіе по рѣкѣ Лабѣ). Названіе пруссы было для литовскаго племени древнѣйшимъ славянскимъ названіемъ, какъ нѣмецкимъ — эсты. На югъ, по всему протяженію своихъ жилищъ, литовское племя граничило съ славянами; древнихъ предѣловъ между этими двумя племенами нельзя опредѣлить, тѣмъ болѣе, что литовское

племя постоянно принимало славянскій языкъ и славянскую народность. Такой отрывокъ литовскаго племени обиталъ подъ именемъ голяди на берегахъ Протвы, — и окруженный со всѣхъ сторонъ славянскимъ элементомъ исчезъ безъ слѣда. Нѣкоторыя мѣстные названія въ древней землѣ новгородской обличаютъ литовское происхожденіе (напримѣръ Тверь отъ *twercin*, *twerti*, устроить, огораживать *tweraz* ограда, Валдай отъ *Waldyti* владѣти) и быть можетъ есть остатки древняго литовскаго заселенія этихъ странъ, если только эти названія не занесены литовскимъ элементомъ, прихлынувшимъ туда послѣ призванія Рюрика съ братьями.

Раздробленіе литовскаго племени этимъ неограничивается. Каждый литовскій народъ въ свою очередь дробился на второстепенные народцы. Такимъ образомъ въ Пруссіи насчитывались судовиты, натагги, самбиты, погезаны, надравиты, галинды, скаловиты. Небольшая жмудь въ свою очередь раздѣлялась на народныя отдѣлы.

Нѣкоторые ученые (см. Hartknoch de ling. weter. Pruss. 92) производили литовское племя отъ римлянъ. Это совершенно неосновательное мнѣніе опиралось единственно на сходствѣ нѣкоторыхъ словъ литовскихъ съ латинскими и на окончаніяхъ на *z*, свойственныхъ литовскому и классическимъ языкамъ. Съ бѣльшимъ правдоподобіемъ видѣли въ литовцахъ древнихъ геруловъ; это мнѣніе раздѣляли Богушъ и Лелевель. Поближе присмотрѣвшись къ ихъ языку, открывается близкое родовое сродство съ славянскимъ. Это произвело предположеніе, что литовское племя есть смѣсь славянъ съ готеами и отчасти съ финнами. Еще въ 1783 году ученый Готлибъ Антонъ называлъ ихъ полуславянами, придавая такое же имя и валахамъ, гдѣ очевидна смѣсь славянскаго съ латинскимъ. Ученые Циммерманъ и Арндтъ въ 1812 и въ 1818 году выводили, что во времена великаго переселенія народовъ и всеобщаго передвиженія племенъ, славяне смѣшались съ готеами и образовали литовское племя; впоследствии, по близости жительства, подмѣшалась сюда чудская народность. Точно также пасторъ Ватсонъ, знавшій хорошо латышско-литовскаго языка, раздѣлялъ это мнѣніе. Онъ объяснял такое смѣшеніе племенъ тѣмъ, что славяне

оттѣснили готеевъ къ востоку, а финновъ къ сѣверу, и смѣшались съ нѣхъ остатками, и оттого-то литовцы до-сихъ-поръ называютъ русекихъ, живущихъ отъ нѣхъ на юговостоку, *руддасъ*, постарой памяти, что когда-то въ ту сторону отъ нѣхъ жили готы. Въ нарѣчіяхъ литовскаго племени находятъ опредѣленное количество славянскихъ, готскихъ и финскихъ. При ближайшемъ изученіи посредствомъ сравнительнаго языкованія оказалось, что литовскій языкъ самый ближайшій къ санскритскому. Его корни имѣютъ близкое сродство съ языкомъ осетинцевъ на Кавказѣ. Такимъ образомъ прежніе выводы о происхожденіи литовцевъ посредствомъ смѣшенія славянъ съ другими племенами не возбуждаютъ болѣе довѣрія, особенно послѣ глубокаго изслѣдованія надъ литовскимъ языкомъ знаменитаго берлинскаго филолога Шлейхера. Опредѣляя филологическимъ путемъ мѣсто для литовской рѣчи въ ряду съ другими въ семьѣ индоевропейской вѣтви человѣчества, онъ доказываетъ, что близости литовскаго племени съ славянскимъ надобно искать не въ позднѣйшихъ взаимно-дѣйствіяхъ этихъ племенъ одно на другое, но въ томъ племенномъ единствѣ, которое по своей сѣдой древности недоступно историческому изслѣдованію надъ событіями въ судьбахъ народовъ, безъ содѣйствія историческаго анализа какъ состава, такъ и временныхъ видоизмѣненій языковъ. Выводы Шлейхера приводятъ къ тому результату, что прежде чѣмъ индоевропейская вѣтвь явилась на исторической почвѣ сѣвера Европы въ разнообразіи племенъ, она составляла одно племя, такое, въ которомъ находились зародыши и германскаго, и литовскаго, и славянскаго, послѣ отдѣленія отъ него и самообразованія германскаго элемента, осталось и существовало племя славяно-литовское, и оно-то въ свою очередь распалось на два отдѣла — литовцевъ и славянъ, и каждый изъ этихъ отдѣловъ въ свою очередь разбился на второстепенныя и третьестепенныя народности, и такъ началась историческая жизнь племенъ и народовъ.

Литовское племя представляетъ въ себѣ картину древней первобытной цивилизаціи. Вслѣдствіе обстоятельствъ у этого племени, оно остановилось и не подвергалось даль-

нѣйшимъ измѣненіямъ. Эту цивилизацію прилично назвать деревенскою, такъ какъ цивилизація, съ которою вступили въ исторію славяне, правильно можетъ назваться сельскою, цивилизація германцевъ — замковою, а древняя грековъ и римлянъ городскою. У славянъ даже самые города имѣли характеръ большихъ селъ, какъ у германцевъ — характеръ вооруженныхъ и укрѣпленныхъ замковъ. Всѣ народы начинали общественный строй жизни съ деревни, но иные оставались въ этомъ строѣ долѣе, другіе же подъ его вліяніемъ не успѣвали развить въ себѣ историческихъ началъ и подвергались процессу такого развитія уже въ высшемъ періодѣ цивилизаціи — сельскомъ или городскомъ. Уединенные въ своемъ прибрежномъ углу, литовцы долѣе другихъ племенъ удержали начатки глубокой старины и позже другихъ вошли въ колею, опредѣленную человѣческому развитію христіанствомъ. По этому ни у кого въ Европѣ не сохранилось столько стараго, первобытнаго, деревенскаго. Съ этой точки зрѣнія разработка литовской старины и существующей до-сихъ-поръ ихъ народной поэзіи и обычаевъ ихъ быта чрезвычайно интересна и важна для науки. Близость этого племени къ нашему славянскому дѣлаетъ необходимымъ изученіе явленій старой литовской жизни. Пока надлежащимъ образомъ не будетъ изслѣдована и приведена въ ясность дѣтская цивилизація литовцевъ со всѣми ихъ преданіями, вѣрованіями и народнымъ взглядомъ, до-тѣхъ-поръ неполно будетъ изученіе славянскихъ древностей.

Никто другой изъ народовъ славянской семьи не поставленъ былъ исторіею въ связи съ литовскимъ міромъ, какъ нашъ русскій. Для насъ, русскихъ, литовская жизнь имѣетъ самый ближайшій интересъ. Литовцамъ суждено было два раза стать орудіемъ великихъ переворотовъ, двигавшихъ судьбу нашу, первый — когда случилось призваніе русско-жмудскихъ князей; второй — когда совершилось подчиненіе западныхъ и южныхъ русскихъ областей силѣ литовскихъ государей въ XIV вѣкѣ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ литовскій элементъ являлся въ нашей жизни, чтобы опредѣлить на нѣсколько вѣковъ впередъ ея историческое движеніе. Въ IX вѣкѣ явились русско-литовскіе князья и дали на многіе вѣка русскимъ

славянамъ одинъ княжескій родъ, послужившій цѣлью соединенія славянскихъ частей, имѣвшихъ каждая достаточныхъ залоговъ своего отдѣльнаго самоуправленія слишкомъ много для того, чтобъ не нуждаться для связи съ другими въ видимой осязательной институціи; этой институціей сдѣлался для восточныхъ славянъ литовскій княжескій родъ; съ нимъ вмѣстѣ перешло на неизмѣримое пространство нашего отечества, занесенное изъ маленькой болотистой отчины предковъ нашихъ князей, названіе Руси. Если вліянія чужеземниковъ не допустили народъ до болѣе счастливыхъ условій политическаго быта; то несомнѣнно однако, что единство княжескаго рода, не забываемое членами его даже при самомъ мелчайшемъ развѣтвленіи, при самомъ крайнемъ несогласіи, способствовало поддержкѣ и въ народѣ чувства собственнаго единства. Когда, наконецъ, чужеземное завоеваніе бросило въ жизнь нашу еще болѣе началъ разрушительныхъ для удѣльной цѣли, тогда на востокъ нашей Руси начало возникать новое единеніе на средне-азіатскихъ основахъ; въ западную часть славянско-русскаго міра снова вступилъ литовскій элементъ съ лозунгомъ единства и опять разрозненныя, лишенныя всякой матеріальной значимой связи части прильнули другъ къ другу. На этотъ разъ роль литовской силы и ограничилась только половиною Руси. Въ этой половинѣ повторилось въ XIV вѣкѣ то, что случилось со всею Русью въ IX вѣкѣ, даже произошла подобная судьба съ собственнымъ именемъ, принесеннымъ къ славянамъ изъ Литвы въ этомъ новомъ переворотѣ. Въ IX вѣкѣ славяне прозвались Русью, въ XIV вѣкѣ Русь славянская прозвалась Литвою. Соединеніе это, — литовскій элементъ, собравши разрозненныя части Руси, служилъ и орудіемъ соединенія русскаго и польскаго народовъ. Это соединеніе происходило медленно, какъ будто этой самой медленностію общало что-то громадное въ будущемъ. Дѣйствительно, образованіе свободной Рѣчи Посполитой — союза самобытныхъ вольныхъ съ вольными, равныхъ съ равными двухъ народовъ, — русскаго и польскаго, казалось было первымъ шагомъ къ тому, чтобъ начать новую судьбу всего славянскаго міра, чтобы вмѣсто двухъ народовъ явилось три, че-

тыре въ единомъ союзѣ и такъ далѣе, въ обстоятельства великъ этому могучую Рѣчь-Посполитую, устроенную посредствомъ литовскаго вмѣшательства въ жизнь славянъ. Но ожиданіе не сбылось. Напрасно, какъ бы инстинктивно сознавая свое великое призваніе; указываемое судьбою, Польша хотѣла присоединить къ этому союзу восточную Русь, — деморализованная іезуитами внутри, она должна была сойти съ своей исторической дороги.

Такую-то роль орудія въ двухъ эпохахъ русской исторіи, опредѣлявшихъ сея обороты на столѣтія впередъ, принимало на себя литовское племя, и между тѣмъ въ обоихъ случаяхъ осталось безъ ошутительно-плодотворнаго нравственнаго вліянія на насъ, да и само не заимствовало отъ насъ силъ для сохраненія себя и для поступности своей въ исторіи человѣчества. Два раза давши толчекъ славянскому міру, оно возвращалось въ тѣсный кругъ своего недвижнаго быта. Въ то время, когда литовская кровь текла въ жилахъ Ярослава I, изъ Кіева управлявшаго неизмѣримымъ пространствомъ, усѣяннымъ разнородными племенами, отношеніе его къ народу, откуда вышли его дѣды, ограничилось, повидимому, тѣмъ, что часть этого народа платила ему дань вѣниками по своей бѣдности. И чѣмъ выказалась жизнь собственной Литвы послѣ Ольгерда и Ягелла, послѣ того, какъ имя Литвы перешло на западную и южную часть славяно-русской земли? Эта жизнь, по примѣру прежнихъ вѣковъ, и можетъ быть тысячелѣтій, начала протекать среди родныхъ лѣсовъ и болотъ въ скромной, ограниченной деревенской сферѣ, по бѣдной колѣѣ рабства и духовнаго невѣдѣнія. Все, что изъ этого народа передъ тѣмъ стояло на челѣ общества, теперь приняло чуждую народность и стало чужеземной тяготой для своей. — Многимъ народностямъ суждено было вселиться въ славянскій элементъ въ Россіи; но ни одна не представляетъ такого своеобразнаго, такого, можно сказать, страннаго къ намъ отношенія. Финскіе народы только вливались въ славянскій элементъ на русской почвѣ; ихъ воздѣйствіе на насъ не управляло историческими судьбами нашими; литовская стихія дважды измѣняла нашъ государственный строй, дважды выводила насъ на историческую

дорогу, дважды пробуждала въ насъ утомленныя силы. На- ни съ всю взаимныя отношенія напоминають въ народной нѣснѣ дѣвушку, которая будить уснувшаго богатыря и при- неситъ ему мечъ, чтобъ онъ оборонялся имъ отъ внезапно нападающихъ на него враговъ. Ужь не по старому ли ин- стинкту русскій народъ въ послѣднее время откликнулся на порывы трезвости, показанныя въ началѣ жмудскими жите- лями ковенской губерніи?

Въ характерѣ литовскаго племени есть много самоза- ключенности, много заронившагося въ глубину души и тамъ заснувшаго, много таинственнаго, если можно такъ выра- зиться; не даромъ въ западной Руси литвинъ — сино- нимъ колдуна. Это своенародная самозаключенность держа- ла литовцевъ въ сторонѣ отъ тревоженій исторіи; они по характеру своему непредпріимчивый и невоинственный народъ; у нихъ девизъ жизни: не трогай насъ! Но коль- скоро мѣшали имъ жить въ своемъ углу, литвины чув- ствовали въ себѣ силы и развертывали ихъ, и являлись на историческомъ полѣ, на короткое время, за то съ бле- скомъ, съ грохотомъ, и съ послѣдствіями не для себя, а для другихъ. Еще въ IX вѣкѣ, предъ пришествіемъ князей къ намъ, литовское племя было поднято нашествіемъ норман- новъ; оно страхнуло съ себя чужеземное иго и, по поводу взаимнаго дѣла, столкнулось съ славянскимъ племенемъ, про- будило въ немъ спящія основы государственной жизни, ко- торыхъ въ себѣ никогда не развило, и снова обратилось въ свой деревенскій сонъ, или тратило силы на мелкія кулач- ныя драки съ финнами. Такъ было до-тѣхъ-поръ, когда раз- будили ихъ съ одной стороны раздвигавшаяся на безпре- дѣльность къ сѣверу русская стихія, а съ другой явились не- званые гости нѣмцы, рыцари креста и цивилизаціи, попи- равшіе все священное и драгоцѣнное челоуѣку; тогда опять встрепенулось литовское племя. Упорно билось оно за свою спокойную, недвижную старину и виѣстѣ за нераздѣльное съ нею народное свое бытіе — и на этотъ разъ не устояло. Изъ укромнаго, кроткаго народа на полвѣка образовался воинственный, наѣздническій, но его первобытная, языческая, деревенская цивилизація покорилась болѣе высшей сельской,

славянской и уже христианской. Вошедши въ славянскую жизнь, литовскій элементъ обновилъ ее свѣжими силами, но самъ не могъ расти въ непривычномъ воздухѣ; свѣтлый путь прогрессивнаго житнетеченія былъ для этой старой народности слишкомъ яркъ; какъ поросль своихъ лѣсныхъ болотъ, онъ не вынесъ большой теплоты — и остался прозябать на старой непитательной почвѣ, безъ новыхъ соковъ, безъ надеждъ на дальнѣйшій ростъ.

II.

Остаткамъ литовскаго племени суждено было позже всѣхъ европейскихъ племенъ принять христианство, не иначе какъ послѣ долгой упорной борьбы противъ него цѣлымъ племенемъ, борьбы, въ которой оно оставило по себѣ неотрадную память косности и застоя. Когда у сосѣдей литовцевъ — нѣмцевъ и славянъ — языческія преданія уже составляли достояніе археологій, у литовцевъ мѣологія составляла еще живую духовную стихію. Если бы вскорѣ послѣ крещенія Литвы, даже черезъ вѣкъ или черезъ два послѣ Ягелла, кто-нибудь вздумалъ подбирать въ этомъ народѣ развалины падашаго язычества съ тѣмъ же рвеніемъ и осторожностію, какой можно ожидать отъ современныхъ намъ ученыхъ, какія сокровища пріобрѣла бы наука, какъ бы уяснились многіе обще-историческіе вопросы, касающіеся явленій первобытной образованности! Но, къ сожалѣнію, въ тѣ времена одни думали только объ уничтоженіи всего стариннаго, противнаго новымъ стихіямъ, другіе — ученые — не могли отрѣшиться отъ вліянія школьныхъ предразсудковъ и набрасывали на самобытныя народныя преданія и вѣрованія мантию греко-латино-классической схоластики. Все, что сохранилось у собирателей и повѣтствователей времени, близкаго къ существованію язычества у литовскаго племени, ограничивается слѣдующими источниками: 1) извѣстія Петра Дюнсбургскаго, прусскаго историка; 2) извѣстія Луки Давида, историка прусскаго XVI-го вѣка, пользовавшагося лѣтописью Христіана, перваго епископа прусскаго, теперь уже ~~стѣ~~ насъ погибшаго, который имѣлъ подъ рукою какую-то

русскую лѣтопись; 3) извѣстія пользовавшагося тѣмъ же Христіаномъ, и сверхъ того собственными наблюденіями Симона Грунау, жившаго при дворѣ прусскаго курфирста Альбрехта въ XVI вѣкѣ; 4) хроника Матвѣя Стрыйковскаго, который пользовался двумя предъидущими источниками и сверхъ того русскими и литовско-русскими лѣтописями; 5) самыя русскія лѣтописи, сохранившіяся до нашего времени; 6) извѣстія изъ хронографа Іоанна Малалы въ славянскомъ переводѣ; 7) извѣстія Ласидкаго, въ его сочиненіи de diis Sarmogitorum, напечатанномъ въ XVI вѣкѣ; 8) извѣстія, записанныя въ лексиконѣ Бродовскаго, учителя въ Треншенѣ въ Пруссіи, жившаго въ концѣ XVI вѣка. 9) Наконецъ, народныя преданія литовскія и пѣсни сохранившія до нашего времени слѣды языческой эпохи. Изъ всего этого, взятаго вмѣстѣ, открывается куча несвязныхъ, иногда трудно совмѣстныхъ, иногда между собою явно противорѣчивыхъ, иногда очевидно невѣрныхъ свѣдѣній. Что болѣе всего достойно сожалѣнія, это то, что нѣкоторые источники (Грунау, Лука, Стрыйковскій) сохранили подробное описаніе полубаснословныхъ событій, составлявшихъ, какъ видно, народный историческій эпосъ, но такъ изуродовали его, допустивъ небывалое въ народѣ преданіе о происхожденіи литовцевъ отъ Палемона, брата римскаго императора Августа, и о колоніи римской, будто бы основанной на прусскомъ берегу. Подъ эту нелѣпую школьную выдумку подведены, и по несовмѣстности ихъ съ нею изуродованы, чистыя народныя преданія, до того, что теперь едва ли возможно разложить ихъ и отдѣлить чистое туземное отъ чуждыхъ прибавокъ. По крайней мѣрѣ еще никто не принимался за такую работу съ необходимымъ терпѣніемъ, добровѣстностію, проницательностію и знаніемъ языка, народнаго быта и связи, какъ исторической, такъ и филологической литовскаго племени съ другими. А между тѣмъ у литовцевъ былъ свой героическій эпосъ: кромѣ изуродованныхъ сказаній изъ прусско-нѣмецкихъ хроникъ, на это указываетъ переводчикъ хронографа Малалы, приводя темное преданіе о какомъ-то Сови, называемомъ еще Совицею, который будто бы ввелъ между литовцами богослуженіе, научилъ ихъ мѣлологіи и входилъ въ какой-то таин-

ственный міръ, называемый у христіанина - повѣствователя адо́мъ, черезъ девять вѣровъ. Признавая незапамятную древность этого сказанія, повѣствователь считаетъ Совію современникомъ Авимелеха, жившаго при Авраамѣ. Этотъ Совія имѣетъ кажется сходство съ баснословымъ Видевутомъ, который въ прусско-нѣмецкихъ хроникахъ изображается вводителемъ религіознаго строя. Это достаточно показывается, что литовцы имѣли дѣйствительно свой эпосъ, но остатки его достигли до насъ въ искаженномъ видѣ. До-сихъ-поръ въ народныхъ сказкахъ остались слѣды миеологическихъ сказаній о хожденіи боговъ по землѣ. Такъ, напри́мѣръ, рассказывается, что нѣкогда Перкунасъ — повелитель неба и Пикульсъ, богъ преисподней, ходили вмѣстѣ по землѣ наблюдать: сохраняютъ ли люди священный огонь на земли. Много приключеній съ ними происходило. Между прочимъ они зашли къ богини Земепати, и за то, что она ихъ угостила, Перкунасъ награди́лъ ее неуваждаемою юностію, а Пикульсъ даровалъ семь чистыхъ святыхъ дѣвицъ, которыя ночью исполняютъ работы за ея примѣрныхъ и добронравныхъ почитателей. Есть слѣды о древней борьбѣ двухъ божескихъ поколѣній и о подвигахъ гигантовъ; существовало вѣрованіе, что низложенные богами, они превращены въ камни. Въ одномъ мѣстѣ въ Пруссіи показываютъ и теперь сорокъ камней, которые считаются окаменѣлыми людьми, бывшими нѣкогда испанскаго роста. Ласицкій, Стрыйковскій, Лука Давидъ оставили намъ множество именъ боговъ, такъ-что у каждаго изъ нихъ свои. Нарбуттъ и другіе изслѣдователи нашего времени еще болѣе умножили литовскій Олимпъ. Но чѣмъ онъ богаче, тѣмъ болѣе представляетъ затрудненій къ уясненію. Въ литовской миеологій для науки случалось обратное тому, чему подверглась наша славянская; у насъ скудость въ извѣстіяхъ, тамъ изобиліе мѣшается.

Достовѣрнѣйшій и простѣйшій изъ историковъ, Петръ Дюисбургскій, ограничивается тѣмъ, что о пруссахъ, близкородственныхъ по вѣрованіямъ съ прочими собратами по племени, сообщаетъ, что они поклонялись солнцу, мѣсяцу и звѣздамъ, и почитали разные предметы природы; — явленіе грома, птицъ, животныхъ (даже змѣй и жабъ) деревья, воду, камни;

оттого у нихъ были освященные лѣса, гдѣ не велѣно было не только рубить деревья, но и пахать земли; освященные воды, гдѣ нельзя было ловить рыбу. Какъ ни кратко это извѣстіе, но изъ него несомнѣнно можно признать, что въ обожаемые и чтимые предметы и явленія природы фантазія выгадала одушевленные существа міра высшаго, гешіевъ или боговъ; отсюда вытекаетъ, что дѣйствительно литовскій эллинь могъ быть чрезвычайно обиленъ, и вѣроятно разнообразенъ, въ особенности при такомъ дробномъ подѣлѣ народовъ на мелкія племена, въ какомъ представляется литовское племя въ языческую эпоху. Въ одномъ краѣ называть могли одно и то же фантастическое существо такъ, въ другомъ иначе, въ одномъ краѣ болѣе поклонялись одному, въ другомъ иному; все это, по истеченіи значительнаго времени послѣ принятія христіанской религіи, перешелось между собою и сбилось; сверхъ того литовцы почитали и фантастическія существа высшаго міра и умершихъ своихъ героев; имена тѣхъ и другихъ уже не могли отдѣлеть не только живографы, но и самъ народъ, и въ такомъ нестройномъ видѣ все это досталось собирателямъ, не имѣвшимъ къ тому еще ни критическаго такта, ни достаточнаго знакомства съ изгибами народной мысли и фантазіи.

Въ лѣтописи русской (галицко-волинской), при описаніи отступничества миндовгова, упоминаются литовскія божества: извѣстіе самое древнее, но лѣтописатель слышалъ о томъ, что писалъ — издали и, конечно, не зналъ того хорошо и обстоятельно.

Тамъ говорится, что принимая наружно христіанство, Миндовгъ жряше богамъ своимъ вѣтайтѣ Нѣнадѣви (въ другихъ спискахъ стоитъ Новадѣви — вѣроятно отъ Naudai, vandati, быть полезнымъ, pauda — польза), Телявели (есть существо, называемое у Ласицкаго tawals — божество способности) и Дивериксу (отъ Devas — божество и Rikys — князь) зачему богу и Мѣндѣну (въ другихъ спискахъ Миндѣну) «егда выѣхаше на поле и выбѣгнаше заяць на поле, въ лѣсъ рожденія не вохожаше вну и не смѣяше ни розгы уломити и богомъ своимъ жряше и мертвыхъ тѣлеса сожигаше и вогаиство свое явѣ твораше.»

Въ извѣстїи о почитанїи лѣсовъ русская лѣтопись сходитя съ Петромъ совершенно. Что поклоненіе деревьямъ составляло главнѣйшую черту литовскихъ вѣрованій, это подтверждается и извѣстіемъ, что когда Ягейло приводилъ къ христіанству свой народъ, то долженъ былъ прежде всего рубить священные лѣса, чтобы разлучить народъ съ предметами прежняго почитанія. Слѣды языческаго поклоненія деревьямъ и камнямъ долго сохранялись въ Пруссїи между народомъ. Послѣ принятія христіанства долго еще оказывали уваженіе къ священному у язычниковъ дубу близъ Ромова. Когда для искорененія языческихъ суевѣрій эрмеландскій епископъ Ансельмъ приказалъ его срубить, то никто изъ некрѣпкихъ въ новой вѣрѣ христіанъ не осмѣлился поднять на него топора, и самъ Ансельмъ срубилъ его. На мѣстѣ нынѣшняго Торва, по преданію, росъ огромный дубъ, которому поклонялись. Неподалеку отъ Растенбурга преданіе помѣщаетъ священную липу, подъ которою язычники приносили больныхъ для исцѣленія, вопреки при лунномъ свѣтѣ. Впослѣдствїи на томъ самомъ мѣстѣ почитали Божию Матерь. Также сохранялась память о священныхъ камняхъ. Недалеко Рагниты былъ на горѣ камень, къ которому, по старой привычкѣ, переходившей отъ прадедовъ къ правнукамъ, оказывали уваженіе даже въ XIX вѣкѣ. Рассказываютъ, что когда въ 1811 году какой-то мельникъ, съ разрѣшенія начальства, хотѣлъ было достать себѣ этотъ камень на жорновъ, то съ камня полетѣла ему въ глаза пыль и онъ ослѣпъ; у другаго, помогавшаго ему, отнялись руки, а третїй, вырвавшїй камень съ мѣста, скоро умеръ. Что касается до имени Телявели, то оно упоминается и въ переводѣ Малаалы, и притомъ тамъ присовокупляется неясный мѣзъ о кузницѣ, въ которой было сковано солнце и брошено на небо. (Сю прелесть Совїй въведе въ нѣ, ижъ приносить жрътву сквернымъ богамъ Андаеви и Перкоунови рекше Громоу и Жвороунѣ, рекше Соуцѣ и Телявели и съ кузнею, сковавше емоу солнце, яко свѣтити по земли и възвергышю емоу на небо солнце.) Имя Андай — названіе ятвязскаго божества въ русскихъ лѣтописяхъ (Временникъ, I, стр. XXI).

У Ласицкаго, Стрыйковскаго и Луки Давида, какъ выше

сказано, есть извѣстія о литовскихъ и прусскихъ богахъ. Ласицкій, который включилъ въ свой реэстръ боговъ болѣе чѣмъ всѣ другіе, сообщаетъ, что литовцы, при такомъ видномъ многобожїи, признавали одно высочайшее существо, которое у Ласицкаго названо Аукстейасъ Виссагистисъ. У Нарбутта послѣднее слово объясняется Вешайтасъ (старый отецъ); онъ думаетъ, что это то же, что Перкунъ, но едва ли это справедливо, ибо на такое мнѣніе нѣтъ основаній, напротивъ, Ласицкій, сообщаящій свѣдѣніе о немъ, отличаетъ его отъ Перкунаса (Perkunas). У пруссовъ это высочайшее существо называлось, по свидѣтельству Грунау, Окопирность. Кромѣ Виссагистиса литовцы призывали существа, называемыя вообще Zetos Zetoratios, духовъ генїевъ, парящихъ подъ землею и живущихъ въ природѣ. Изъ этихъ-то духовъ и состоитъ весь литовскій пантеонъ. Вообще ихъ можно раздѣлить на четыре разряда: 1) небесные и воздушные, 2) земные, 3) домашніе и управлявшіе человѣческими побужденіями и дѣлами, 4) злые.

Первое важнѣйшее существо между воздушными было Перкунасъ (Perkunas), олицетворенное явленіе грома: земледѣлецъ, услыша громъ, снималъ шапку и приносилъ божеству въ жертву мясо, которое послѣ самъ сѣдалъ. Перкунасъ былъ повелитель неба; надобно было женить повелителя небеснаго и создалась по этому мать небесная (Perkunate). По литовской мѣологии эта мать небесная воспріяла солнце изъ мовницы; прежде оно было нечисто, а она его вымыла и освѣтила и пустила по небу. Быть можетъ, эта самая богиня и есть Телявеля, упоминаемая въ нашихъ лѣтописяхъ и въ переводѣ Мамелы. Солнце называлось Сауле или Саулите (Saulyte) и считалось женскимъ существомъ; ея супругъ былъ мѣсяцъ. Утренняя и вечерняя заря у Ласицкаго названы — первая ауска, вторая — Безлея (Bezlea). Первая — есть искороченное названіе аушра, или аушрине (Auszra, auszrine), послѣдняя — неизвѣстно что за имя, но въ народныхъ пѣсняхъ видны слѣды древняго поклоненія вечерней звѣздѣ подъ именемъ Вакарине (Wakarine). По литовскимъ преданіямъ мѣсяцъ оттого является половинно, что Перкунасъ разрубилъ его за то, что онъ, будучи мужемъ солнца, влюбился въ

утреннюю звѣзду. Къ небеснымъ существамъ относится также Альгисъ (Algis), котораго Ласицкій называетъ посланикъ боговъ. При исчисленіи прусскихъ боговъ тамошніе летописцы къ небеснымъ существамъ присовокупляютъ еще бога свѣтлости, называемаго Свантестиксъ или Швантестиксъ (szwaistix), Свантестиксъ или Швинтестиксъ (szwintestix). Кажется, это же существо должно разумѣть подъ другимъ именемъ, Звайдзункасъ, то есть звѣздный богъ. Стрыйковскій помѣщаетъ въ числѣ небесныхъ существъ, управляющихъ воздушными явленіями, Литуванисъ — дождеиспускатель, была также богиня дождя, Дейвайте швента (Deivaitė szwenta). Ночь олицетворялась подъ образомъ богини Брексты (Breksta). Варпулисъ (Warpulis) — божество воздушнаго звука, Близгулисъ — божество свѣга (отъ Blizgu — блистаю), Праурине (prauginė) — богиня огня.

Производительная сила земли изображалась въ образѣ бога Земеника (Zemėnik), въ честь которому литовцы оказывали уваженіе къ ушамъ и кормили ихъ молокомъ. Вѣроятно одно и то же существо нужно разумѣть подъ именемъ Земберисъ (отъ žeme — земля и berju — усѣваю), котораго въ лексиконѣ Бродовскаго переводятъ Плутономъ, но который былъ существо доброе, а не злое, и самое его названіе это указываетъ.

Богиня Земепати или Жемепати (Zemėpatė), или Земине, переводится Церерою, въ пѣсняхъ встрѣчается до-сихъ-поръ поэтическое къ ней обращеніе (Zeminele Zedkele: цвѣтопроизводительница, отъ zedas — цвѣтъ и kielju — бросаю). Трудно рѣшить, одну ли ее почитали подъ другими именами, или эти имена означали существа женскаго рода, означавшія богинь ей подвластныхъ, таковы Явинне (отъ javas — зерно) покровительница посѣва; Круминне — называется въ лексиконѣ Бродовскаго Церерою, о которой до-сихъ-поръ сохранилось преданіе, сходное съ мною греческой богини (у Стрыйковскаго Krūminė pradžiu wargi, существо, покровительствующее урожаю, мужскаго рода), Мелетеле — богиня производительница зелени и цвѣтовъ (отъ melinos — голубой цвѣтъ), Срутисъ, другое божество цвѣтовъ, Каукарасъ (отъ kaukažas — холмъ), божество горное, Гирриастисъ

(отъ *gige* — *лѣсъ*) лѣсное, Рагана, лѣсная нимфа, живущая въ деревьяхъ; у Ласицкаго къ лѣснымъ божествамъ приписываются Модейна (*Modeina*), Киричъ (*Kiriczus*) и Силничъ (*Silincius*) — произрастатель грибовъ; въ орѣховыхъ деревьяхъ жила нимфа Ладона, а надъ вишневыми деревьями былъ покровитель Кирисъ (*Kirnis*); Лаукасаргасъ (*laukas* — равнина, и *zargas* — стражъ) — былъ стражъ равнинъ или полей, Дидисъ-Ладо (великій-ладо) — богъ весны; по извѣстію Стрыйковскаго ему праздновали поселяне и въ позднѣйшія времена съ 25-го мая по 25-е июня, мужчины въ корчмахъ, а женщины и дѣвѣнцы на лугахъ и на деревенскихъ улицахъ въ хороводахъ, взявшись за руки, плясали и припѣвали: ладо! ладо! ладо! дидисъ мусу деве! (ладо, ладо, ладо, нашъ великій боже!). Это существо было во всеобщемъ почтеніи у славянъ и кажется самими литовцами было заимствовано отъ славянъ съ прибавкою въ послѣдствіи эпитета дидисъ, которое случайно сходствуетъ съ славянскимъ диди — милый. Кажется, то же существо праздновалось у пруссовъ подъ именемъ Пергрубіоса (*Pergrubios*). Въ кустахъ сиреневаго дерева, которое почиталось въ числѣ особенно священныхъ, обиталъ богъ Пурсхайтасъ, предводитель маленькихъ человечковъ, двухъ разрядовъ: одни назывались Парстуками или Барстуками, другіе Маркопетами: эти пигмеи дѣлали чело-вѣку и пользу и вредъ, смотря потому, умѣетъ ли онъ имъ угодить. Божество, покровительствовавшее сады, называлось Бибчио-бобелисъ (у Бродовскаго) и у него искали покровительства пчеламъ, которыя обыкновенно водились въ садахъ; другое существо, покровительствовавшее пчеламъ, было женское — «Аустея» (*austeja*). Гониглисъ (*Goniglis*) было божество, покровительствовавшее стадамъ и охранявшее ихъ отъ волковъ, тоже значеніе имѣла богиня Валгини; для лошадей были особые гени: Стрыйковский называетъ одного Хаурирари (*Chaurigari*), у Ласицкаго — Ратайница (*Ratainiza*); надъ птицами было существо Свѣчпаукстинисъ (отъ *raukstis* — птица), можетъ быть одно и тоже божество, что Пурсхайтисъ, потому что у латышей птица пускается. Свины имѣли своего покровителя: онъ назывался Кремата, иначе Кіаулу Круке (*Kiauļu Krūke*, отъ *krūkiu* — ворчу по свиному

и *kiaksu* — кричу): нынѣ въ наемѣшку пастуховъ называютъ именемъ стариннаго свинаго бога.

Божества водяныя были: Аудрась, сила моря; у пруссовъ онъ назывался Атримпось; божество рѣкъ называлось Упиносъ-девосъ (*Upinos devos*), а у пруссовъ Протримпусъ (*Protrimpus*), духъ озеръ назывался Езернимъ (*Jezernim*), Бангпуттисъ было морское божество, управлявшее вѣтрами, духъ исполнѣнъ, стоявшій посреди моря, усмиравшій вѣтры и насылавшій ихъ, покровительствовавшій мореходцамъ, доводившій ихъ корабли до пристаней и также разбивавшій ихъ во время бури; у пруссовъ покровительствующее мореходцевъ божество вѣтровъ называлось Гардоатисъ (*Gardoatis*), иначе еще назывался онъ Пердоитусъ (*Perdoitus*), рѣки населялись дѣвцами, называемыми Вандиннѣями (*Wandynnje*). По принятіи крещенія, когда христіанскія представленія, замѣня прѣжнія языческія, появлялись въ языческой формѣ, должность морскихъ боговъ дана св. Николаю и Христофору; мореходцы обращались къ св. Николаю съ молитвою, чтобъ онъ приводилъ ихъ судна къ берегу, и можно было видѣть на берегахъ часовни съ образами св. Николая. Св. Христофоръ изображался въ воображеніи гигантомъ, какъ прѣжде Бангпуттисъ (*De diis Samog.*, 52).

Въ домашней жизни литовцевъ сопровождало безчисленное множество духовъ, которымъ, какъ древніе греки, давали они своеобразное занятіе или покровительство тому или другому человѣческому положенію. Литовцы признавали надъ каждымъ человѣкомъ особаго хранителя духа, называемаго Гульби-девосъ; выѣзжая въ дорогу, они призывали Келю-девосу (отъ *kelas* — дорога, *kelocju* — отправляюсь въ путь, въ дорогу). Датаносъ было божество, которое способствовало удачѣ человѣка въ собираніи богатствъ, Лигичъ (вѣроятно отъ *lugus* — равный, или *laikaui* — поддерживаю, сохраняю) — божество согласія между людьми. Иное названіе подобнаго значенія было Бентисъ (*Bentis*) и призывалось при устройствѣ согласія между путешественниками, когда они вмѣстѣ собирались въ путь; Лаукнатимо (у Ласицкаго *Lavukratimo*) духъ, покровительствующій земледѣльцамъ, когда они выходили на работу; Крукисъ — божество, покровительствовавшее

кузнецамъ. Пригиретитисъ было божество тяжбъ, выслушивающее ропотъ обиженныхъ и тому, кто кричалъ громко — говорили: тише, Пригиретитисъ услышитъ; божества брака были Пизіо и Гонда, первый мужескаго рода — жениховъ геній, другой женскаго рода — геній-хранитель невісты (piziu, корень въ глаголѣ pizzi — имѣю любовь, gondu — называется теперь свадебный коровай въ Литвѣ*). Лайма или Лаума (Laima, Lauma), богиня счастья и вмѣстѣ разрѣшительница родовъ, пережившая въ народной памяти другія божества. Это то же, что роженица у славянъ. Божество Пильвятъ или Пильвите покровительствовало жатвеннымъ работамъ, божокъ Вайсгантъ — росту и уборкѣ льна и конопли.

Домовой назывался Айтваросъ (Aithvaros); собственно это имя означало пелкана, и также баснословную птицу, и вѣрно въ образѣ птицы представлялся домовой; домашнія божества — Ягаубисъ (Jagaubis) и богини Паленгабія и Матергабія (можетъ быть одно и то же), покровительствовали огню въ домѣ. Аспеленія была богиня угловъ въ избѣ. Раугуземапати (Raugusemarati) (отъ слова raugas, rauginu, rauginti бродиться), завѣдывала напитками, и потому ей (иначе Ragutis) приносили въ жертву пива и меда; богиня Дугна завѣдывала приготовленіемъ хлѣба въ домѣ; Нумеасъ — вѣроятно охранитель денегъ, Убланицы соблюдали домашнюю посуду (корень перваго сохранился въ словѣ pumas — ростъ въ деньгахъ, втораго корень неизвѣстенъ); богиня, завѣдывавшая разбуженіемъ людей отъ сна называлась Будинтая (Badintaa); Тратитасъ-Кирбиксту (Tratitas Kirbixtu) — гаситель искръ, предохранялъ домъ отъ пожара. Впослѣдствіи, по крещеніи, тоже значеніе въ народномъ вѣрованіи получилъ св. Флоріанъ (De diis Samog., 52). Семидевосъ было божество, завѣдывавшее домашнею челядью. Наконецъ, было очень много боговъ частныхъ, домашнихъ, которыхъ названіе трудно разяснить; такъ у Ласицкаго, въ числѣ домашнихъ божествъ, значатся нѣсколько именъ безъ объясненія.

*) Нарбуттъ говоритъ еще о существованіи литовской Венеры подъ названіемъ Мальды; но древнихъ свѣдѣній о ней нѣтъ нигдѣ. По извѣстію Нарбутта, въ народѣ чаровницы, занимающіяся привораживаніемъ, называются нильдовинками.

Литовцы вѣровали въ маленькихъ человѣчковъ, живущихъ въ домѣ, называемыхъ Каукіе (Kaukié) и воображали себѣ, что каждый изъ нихъ не больше ладони, но съ большой бородой, и также вѣрили въ существа на подобіе змѣй, называвшихся Живоитами (Givoitas); кажется это совпадаетъ съ почитаніемъ ужей, въ которыхъ, какъ должно предполагать, литовцы видѣли этихъ духовъ. Почитаніе змѣй сохранялось въ силѣ въ XVI вѣкѣ и слѣды его остаются до-сихъ-поръ. Домашній ужъ былъ геній-покровитель дома, обижать его было опасно; напротивъ, хозяинъ кормилъ его, накрывалъ ему особо столъ и подавалъ кушанья: если ужъ ѣлъ, это считалось добрымъ знакомъ. Почитаніе домашнихъ ужей перешло и къ кривичамъ и сохраняется до-сихъ-поръ въ народныхъ обычаяхъ бѣлоруссовъ. Кладбища соблюдалъ Крктось — богъ могилъ. Велона была богиня душъ усоншихъ людей.

Изъ злыхъ существъ признавали адскаго бога, который у пруссовъ назывался Поклюсь, иначе Пиккульсь (Pikulc), называемый богомъ гѣва (отъ рукі — гѣваться), у Бродовскаго онъ названъ Муссу-Биркибсь съ объясненіемъ, что это веельзевулъ. Дребкуллсь (отъ drebeti — дрожать, kulia — бью), божество подземное, потрясающее землю, можетъ быть не иное что, какъ синонимъ Поклюса. Гильтине была богиня язвы и всеобщей гибели (отъ gel, gil). Кажется, однознаменательно съ нею имя Магила (Magila), что означаетъ фурию, карающую грѣшниковъ.

Какъ обыкновенно во всѣхъ мѣологіяхъ, и въ литовской милость и помощь боговъ приобрѣталась жертвами, которыя состояли въ растеніяхъ и въ животныхъ. Большею частію приносили въ жертву козловъ, быковъ и куръ. О послѣднихъ свидѣтельствуемъ Стрыйковскій. Земеніку приносили черныхъ куръ, Гульбидевосу и Дидисъ-Ладу — бѣлыхъ пѣтуховъ, другимъ богамъ куръ разныхъ перьевъ, Свѣчнаукстинису не приносили жертвъ вовсе, Бибцю-Бобелису приносили медъ, который жертвоприноситецъ держалъ въ чашѣ и, произвеса обычныя молитвы, ударялъ чашею о печь. Семидевосу бросали курицу въ огонь и не вынимали, пока она совершенно не старала. Гониглису приносили въ жертву дѣтород-

нымъ части животныхъ: жеребцовъ, воловъ, козловъ, думая, что черезъ это божество дастъ плодородіе стаду. Приносили въ жертву также порослятъ. Козлиное жертвоприношеніе было всеобщимъ и повсемѣстнымъ въ литовскомъ народѣ, и вообще козелъ считался животнымъ, котораго судьба особенно связана была съ поклоненіемъ богамъ. Оттого и теперь, по литовскому суевѣрію, бѣсы, въ которыхъ превратились впоследствии низложенные христіанствомъ боги, часто ѣздятъ на козлахъ, а нерѣдко и являются въ видѣ козловъ. Тоже самое и у насъ, у русскихъ; ибо и у насъ нѣкогда отправлялось приношеніе козловъ въ жертву, какъ это показываетъ ясно обычай *содать козла* по масляницѣ въ Малороссіи и нѣси, гдѣ описывается какъ вокругъ котла сидятъ добрые молодцы, передъ котломъ стоитъ козелъ и старикъ съ ножомъ готовится его зарѣзать.

О существованіи человѣческихъ жертвъ говорятъ лѣтописцы: люди больные и увѣчные, которымъ жизнь надоѣдала, приносили себя въ сожженіе божествамъ; отцы приносили въ жертву богамъ больныхъ дѣтей. Такимъ образомъ жертвовали жизнью человѣка не тогда, когда она была дорога, а тогда, когда становилась ненужною и тягостною. Во время борьбы съ крестоносцами, приносили христіанскихъ плѣнниковъ, умерщвляли и мучили передъ истуканами, но это, кажется, было выраженіемъ мести, а не жертвенной чести. Въ Пруссіи сохранилось преданіе, что во времена борьбы съ крестоносцами, когда пруссы то принимали по неволѣ крещеніе, то возвращались къ своему идолопоклонству, жрецы объявляли, что старые боги, для очищенія своихъ поклонниковъ отъ грѣха, въ который они впади согласіемъ креститься, потребовали, чтобы матери убивали новорожденныхъ дѣтей съ священнодѣйственными обрядами; потомъ какой-то пророкъ объявилъ, что боги тогда будутъ милостивы къ народу, когда найдется беременная женщина нѣмецкаго происхожденія, которая бы рѣшилась добровольно предать себя сожженію. Отыскалась какая-то потерянная женщина, получила много денегъ, прогуляла ихъ съ любовниками, сдѣлалась беременною и добровольно сгорѣла.

Выраженіе нѣсколькихъ вѣковъ мнѣологическія начала у

литовцевъ облеклись въ стройную систему; сами собою возникли и утвердились въ народѣ правила и такъ образовалось жреческое сословіе, признакъ созрѣвшей языческой цивилизаціи. Въ прусской сторонѣ былъ городъ Ромове: все литовское племя благоговѣло при этомъ названіи; тамъ обиталъ верховный жрецъ — Криве, имѣвшій первосвященническое достоинство надъ всей страной, гдѣ только господствовалъ языкъ литовскаго племени. Этого мало: въ глубокой древности эсты и ливы, народы чудскіе, признавали благословеніе великаго Криве (Криве-Кривейто) и часть нашихъ славянъ, Кривичи, предки нынѣшнихъ бѣлоруссовъ, причислялись къ его патриаршеской діоцезѣ. Онъ избирался изъ среды главныхъ жрецовъ на всю жизнь и не могъ оставить своего сана и должности иначе, какъ обрекая себя сожженію на кострѣ изъ священныхъ деревьевъ; преданіе считало двадцать одного криве такимъ образомъ окончившихъ свое призваніе. Его особа представлялась чрезвычайно таинственностію; онъ показывался народу рѣдко, и въ отдаленныхъ краяхъ, гдѣ его не доводилось лицезрѣть, вѣрили, что Криве не умираетъ, а всегда одинъ и тотъ же (поляки также думали о папѣ). Жрецы назывались вайделотами. Это слово могло происходить отъ прусскаго *вайдлитъ*, что значитъ видѣть; а Крашевскій производитъ его отъ *weidas* — изображеніе и *lytu* — касаюсь, а вайделотъ, правильнѣе вейдалотъ, значитъ прикасающійся къ изображеніямъ боговъ. Кажется, слово вайделоты означало вообще лицъ жреческаго сословія, самые высшіе изъ нихъ — подобіе кардиналовъ, избиравшіе криве, назывались кривиты, другіе звались сиггоны и жили въ окрестностяхъ Ромове; слово сиггоны означало — раздаватели богослуженія, ниже ихъ были вуршкайты, обязанные устраивать богослуженія. Подъ этимъ именемъ извѣстны были знахари, которые указывали, что по такому или другому случаю нужно приносить ту или иную жертву съ наблюденіемъ тѣхъ или другихъ обрядовъ.

Чрезвычайное множество духовныхъ лицъ жило въ селахъ и деревняхъ, повсюду съ различными названіями, напоминающими, по своему разнообразію и примѣненію къ извѣстному роду духовныхъ занятій, католическіе ордена; та-

новы свальсоны — анахары, наблюдавшіе надъ свадьбами и устроивавшіе свадебные обряды, таквы туллисоны и лгатыны, заботившіеся о больныхъ и о погребеніи умершихъ; было нѣсколько орденовъ гадателей: путтоны, отгадывавшія будущее по морской пѣнѣ, вейоны — по вѣтру, буртоны — по брошеннымъ жеребьямъ, сваконы — по пламени, сайтоны, суровые подвижники, творившіе надъ собою всякія истязанія, чтобы умилостивить боговъ; были и женщины пророчицы и гадалщицы, называемыя вообще вайделотками. Въ довершеніе подобія съ католическимъ міромъ, жрецы соблюдали безбрачіе.

Установленіе Криве произошло въ недосягаемой древности. Существованіе слова Кривичи въ IX вѣкѣ указываетъ, что когда-то власть этого литовскаго папы была въ большой силѣ и простиралась на отдаленные и чуждые народы. Въ житіи св. Войцеха говорится, что жрецы Криве составили заговоръ умертвить святаго мужа за его ревность въ распространеніи истинной вѣры. Слѣдовательно въ концѣ X вѣка и въ началѣ XI жреческое сословіе было вполне организовано.

Святость мѣста Ромова въ народѣ поддерживалось уваженіемъ къ неугасимому огню; огонь этотъ не прекращался ни на минуту при неусыпномъ надзорѣ и стараньи жрецовъ и поддерживался дубовыми деревьями изъ освященной рощи. Когда пруссы были завоеваны крестоносцами, въ Литвѣ образовался отдѣльный священный центръ; явился свой особый великій Криве и священный огонь, называемый Зипчь. Въ послѣднія времена онъ горѣлъ въ храмѣ, построенномъ въ Вяльнѣ, и былъ погашенъ съ принятіемъ крещенія. Почтаніе огня было самымъ распространеннымъ, самымъ крѣпкимъ вѣрованіемъ и слѣды его сохраняются во множествѣ народныхъ суевѣрій до-сихъ-поръ. Не только въ мѣстахъ, опредѣленныхъ для богослуженія, но въ каждой избѣ былъ свой священный огонь, поддерживаемый какъ охранительный талисманъ отъ всякихъ бѣдъ. При такомъ глубокомъ уваженіи къ огню не мудрено, что въ прусско-литовской странѣ составилась легенда о св. Бонифаціи: литовцы ничѣмъ лучше не нашли испытать истины проповѣди св. Бонифаціи,

какъ предложить ему, чтобъ онъ въ доказательство святости своей вѣры прошелся по огню.

III.

Съ такимъ обильнымъ запасомъ фантастическихъ существъ, съ такимъ сложнымъ развитіемъ мнѳологическаго строя, литовцы естественно находились подъ сильнымъ гнетомъ того мистическаго взгляда на окружающую природу, который въ каждомъ ея явленіи отыскиваетъ знаменательность для человѣческой жизни. Литовцы чрезвычайно преданы были гаданьямъ и примѣтамъ и оставались съ своими языческими предразсудками долгое время. Отъ XVI вѣка остались намъ описанія значительнаго числа суевѣрій и примѣтъ, которыя безспорно принадлежать языческой древности. Эти суевѣрія относятся къ разнымъ обстоятельствамъ семейной жизни и домашняго быта. Множество примѣтъ составляли народный гороскопъ: онѣ одинаковы съ нашими славяно-русскими и такое сходство доказываетъ глубокую старину ихъ происхожденія. Такъ замѣчали, что если у кого родится во дворѣ слѣпое животное, то надобно перемѣнить мѣсто жительства; надѣтъ сапогъ на лѣвую ногу прежде, чѣмъ на правую, считалось дурнымъ предзнаменованіемъ на цѣлый день, а для большей удачи во всѣхъ дѣлахъ надобно тотчасъ, вставши съ постели, перевернуться на одной ногѣ. Владиславъ Ягелло во всю жизнь соблюдалъ этотъ обычай. У литовцевъ (какъ и у насъ въ старину) чохъ имѣло многозначительное значеніе. Если случалось чихнуть вставши отъ сна, то это предзнаменовало что-нибудь въ предстоящій день, смотря по тому, какой тогда былъ день; чихнуть въ воскресенье значило пріятное; — въ понедѣльникъ — подарокъ, во вторникъ — печальную новость; въ среду — влюбиться; въ четвергъ — домашнюю непріятность, въ пятницу — получить издалека извѣстіе, въ субботу — неудача. Замѣчали: если сорока заскрегочитъ на дворѣ — признакъ, что вдругъ гости пріѣдутъ; курица закукорѣкаетъ (*кура коестъ* по нашимъ гадательнымъ тетрадамъ) — значить сосѣди между со-

бою пересорятся. Если появится на языкѣ прыщикъ, то оклеветаютъ по напрасну или оговорятъ. Отправляясь въ путь выводили предзнаменованія изъ встрѣчь: встрѣтить овцу — значило счастье, напротивъ встрѣча съ лисицею или зайцемъ считалась предвѣстіемъ неудачи. Если охотникъ, выходя изъ дома, встрѣчалъ женщину, то считалъ это дурнымъ предзнаменованіемъ и ворочался назадъ, и если бы ктонибудь, идя съ нимъ на охоту, сказалъ: «ты убьешь столько-то звѣрей», то отъ этого охотникъ не убилъ бы ни одного. Въѣзжая въ городъ или село, надобно было знать, что удача или неудача въ этомъ городѣ зависить отъ того, какой ногой ступишь первый разъ, правою — удача будетъ, лѣвою — не посчастливится. Когда жена и мужъ лягутъ вмѣстѣ первый разъ, то изъ нихъ то лицо, которое первое заснетъ, и умретъ прежде. Филинъ прокричитъ на кровлѣ — предзнаменованіе смерти. Напротивъ, знаменіемъ хорошимъ считается, если во дворѣ поселится аистъ. Литовцы чрезвычайно уважали эту птицу. Обидѣть или убить аиста — значило навлечь несчастье на домъ. И послѣ христіанства долго соблюдалось уваженіе къ этой птицѣ, и даже теперь сохраняется. Въ XVI вѣкѣ думали даже, что аистъ совсѣмъ не птица: въ мѣологическое время, вѣроятно, признавали, что подъ видомъ этой птицы является какое-нибудь божество.

Въ XVI вѣкѣ въ Литвѣ и Пруссіи повсюду по селамъ таскались вайделотки, старыя бабы, часто слѣпыя или вообще калѣки, и оказывали народу свои услуги во всякомъ житейскомъ дѣлѣ. Случится ли, у хозяина украдутъ что-нибудь, призываютъ вайделотку, и вайделотка беретъ два блюда или двѣ мисы; на оба блюда кладетъ по монетѣ, одну — на долю вора, другую — на свою, дѣлаетъ крестообразный знакъ, чтобъ монета указала движеніе и путь, куда воръ убѣжалъ съ украденной вещью. Узнавши, такимъ образомъ, ту сторону, гдѣ воръ, знахарка призываетъ Окопирноса, бога небеснаго, и Пурсхайтеса, бога земнаго со всѣми его маленькими человѣчками и просить, чтобъ они не дали вору убѣжать за предѣлы, гдѣ его уже поймать нельзя. Инаго рода, по тому же поводу, употребительно было гаданье на пивѣ. Вызывали въ мису пива и смотрѣли на него, пока забѣ-

жать на немъ пузырьки. Предъ началомъ дѣла знахарь или знахарка говорили: «о великій боже неба и звѣздъ! сотвори милость свою рабу твоему, дабы онъ чтилъ тебя! чтобъ вору его не было ни сна, ни покоя, чтобъ воръ воротился и принесъ украденное назадъ!» Если на пивѣ, налитомъ въ мису, появлялись пузырьки — это значило, что молитва услышана; иначе нужно было приглашать другихъ боговъ. Увѣряли, что послѣ такихъ чародѣйствъ, воры являлись сами. Въ большомъ ходу еще во времена язычества было гаданье литьемъ воска, столь извѣстное у насъ между святочными забавами: узоры или фигуры, образующіяся отъ наливанья въ воду воска, служили отвѣтомъ на заданный вопросъ. Подобно тому, какъ дѣлаютъ наши дѣвушки, литвинки бросали черезъ голову башмакъ или свернутый платокъ и выводили заключенія изъ того, носкомъ или задомъ упадетъ на полъ башмакъ, и какую фигуру образуетъ упавшій платокъ. Наканунѣ новаго года смотрѣли въ печь, думая тамъ увидѣть то, что станетъ въ слѣдующемъ году. Все это и теперь можно встрѣтить въ разныхъ мѣстахъ русскаго мира. Точно также, какъ у насъ до-сихъ-поръ, существовали у литовцевъ гаданья на тѣсто. Чтобъ узнать, живъ или умеръ въ далекой сторонѣ милый человекъ, литвинка дѣлала его изображеніе изъ тѣста. Если тѣсто всходило хорошо — значило: живъ тотъ, о комъ гадала; а противное имѣло значеніе, что его уже нѣтъ на свѣтѣ. Дѣвушки, желая выйти замужъ, призывали волшебницъ, и тѣ гадали имъ какъ-то посредствомъ бѣлыхъ голубей, и привораживали молодцевъ. Вѣрили въ гаданье палочками, источенными муравьями и по узорамъ ихъ заключали о будущемъ и неизвѣстномъ. Уже въ христіанскія времена въ Литвѣ такія палочки держали въ шлякахъ для привлеченія народа. Этотъ родъ гаданья былъ въ старину у насъ и назывался полазъ. Богѣзнь, когда человекъ начинаетъ сохнуть и терять силы, приписывалась дѣйствию подземныхъ духовъ, маленькихъ парстунковъ; ихъ старались умножить жертвами.

Вѣрили также въ дѣйствіе дурнаго глаза и потому старались укрывать недавно рожденныхъ младенцевъ, страшились показывать ихъ особенно женщинамъ, и думали, что

если кто изъ нихъ похвалитъ ребенка, то ребенокъ отъ вліянія дурнаго глаза начнетъ сохнуть. Опасность эта особенно постигала дѣтей въ теченіи шести недѣль послѣ рожденія. Нужно ли говорить, какъ скодно это суевѣріе съ нашими, но которыми въ старину царскихъ дѣтей держали къ глубинѣ покоевъ и не показывали людямъ до совершенности? До-сихъ-поръ и въ Литвѣ сохраняется множество суевѣрныхъ предостереженій на счетъ предохраненія младенцевъ, почти такихъ же, какія есть и у насъ; на примѣръ, не слѣдуетъ показывать дитяти его изображеніе въ зеркалѣ, а иначе оно заболѣетъ, не слѣдуетъ передавать его чужимъ въ руки, а то оно расти не будетъ. Вайделоты и вайделотки умѣли отводить всякое зло и уничтожать вредное вліяніе. Но были и такіе чародѣи, которые умѣли дѣлать зло: насылая болѣзни и сокращая жизнь. Извѣстное у насъ колдовство посредствомъ выемки слѣда изъ-подъ ноги человѣка, которому хотѣли повредить, старое литовское. Вынутый слѣдъ зарывался на кладбищѣ и тотъ человѣкъ, у котораго такимъ образомъ вынутъ слѣдъ, считался уже не жилецъ на этомъ свѣтѣ и долженъ былъ скоро умереть. Другое злое колдовство, существовавшее и у насъ, было таково: доставали рубашку или вообще одежду человѣка, вѣшали ее въ горячемъ воздухѣ, чтобъ она истлѣвала и рвалась на куски: такъ, думали, будетъ истлѣвать и постепенно рваться и тотъ, кто прежде носилъ эту одежду. Такъ какъ дѣлаютъ наши злые колдуньи, и литовскія крали волосы человѣка, обреченнаго имъ на погибель и творили надъ ними заклинанія, составляли изъ соковъ разныхъ травъ жидкость и выливали ее на порогъ того дома, которому хотѣли нанести зло, вредили чужой скотинѣ, копая на перекресткахъ землю и этимъ отнимая у коровъ молоко. Разбойники и воры употребляли колдовскія средства, подобныя тѣмъ, какія были въ ходу и у насъ, и кажется болѣе отвратительныя и жестокия. У насъ воры обводятъ домъ, который хотятъ обокрасть, мертвою рукою: у литовцевъ надобно сдѣлать свѣчу изъ человѣческаго жира и, зажегши ее, смѣло идти воровать: пока эта свѣча будетъ горѣть, никто не проснется. Это мрачное суевѣріе существовало и въ Великой Россіи, какъ свидѣтель-

отвуеть одна нѣсня, гдѣ дѣвушка въ отищеніе своему любовному грозитъ зарѣзать его и насучить свѣчей изъ желтаго жира. По литовскому повѣрью тотъ, кто хочетъ имѣть уснѣхъ въ разбояхъ и нападеніяхъ, долженъ зарѣзать девять беременныхъ женщинъ, вынуть изъ нихъ младенцевъ и съѣсть ихъ сердца; непременно нужно, чтобъ эти младенцы были мужскаго пола. Можно представить себѣ ужасъ такого суевѣрія. Такой разбойникъ могъ истребить чрезвычайное множество женщинъ, не достигая своей цѣли, находя женщинъ не беременными или младенцевъ не мужскаго, а женскаго пола.

Чародѣи и чаровницы въ литовскомъ мірѣ поучались одинъ отъ другаго и такимъ образомъ существовала таинственная наука, тѣсно связанная съ миеологическими воззрѣніями; но нужно было и отъ природы быть способнымъ. Не всякъ могъ достигать власти и управленія надъ таинственными силами. Надобно было родиться въ извѣстные дни, чтобъ видѣть духовъ и сообщаться съ ними. Теперь считается у литвиновъ, что тотъ, кто родится въ ночь съ субботы на воскресенье, способенъ видѣть мертвыхъ и созерцать таинственный процессъ, какъ смерть похищаетъ человѣка. Въ особенности считались способными ко всему таинственному тѣ, которые подвержены сомнамбулизму. Сомнамбулы подъ влияніемъ духовъ могутъ во время своего сна превращаться въ животныхъ и даже неодушевленные вещи, напримеръ въ обручи и кататься по дорогамъ: это — оборотни русскіе, только въ литовскихъ вѣрованіяхъ указывается источникъ, откуда произошли эти суевѣрія. Одна литовская дѣвица-сомнамбулка каждую ночь превращалась въ кошку, бѣгала за юношей и царапала его когтями. Юноша наконецъ поймалъ ее въ мѣшокъ и на другой день въ мѣшкѣ очутилась дѣвица.

IV.

Спустя значительное время послѣ принятія христіанства, въ XVI вѣкѣ записаны были драгоценными этногра-

этическія извѣстія о языческихъ остаткахъ пруссовъ. Насильно обращенный въ христіанство, порабощенный нѣмецкою стихіею, этотъ народъ изъ рода въ родъ сохранялъ тайнѣ враждебное чувство къ вѣрованіямъ, которыя ему навязали, и которыхъ смысла имъ не объясняли, онъ видѣлъ во всемъ организмѣ христіанства залогъ своего рабства и народнаго униженія.

Вѣка порабощенія приучили этотъ народъ къ той колонской двуличности и притворству, которое составляетъ обычное качество невольниковъ; пруссы выказывались передъ нѣмцами—христіанами, увѣряли; что вѣруютъ въ Св. Троицу и совершенно уже не сохраняютъ ничего изъ предразсудковъ и суевѣрій своихъ отцевъ, а на самомъ дѣлѣ, между ними, тайнѣ отъ господъ-нѣмцевъ, по селамъ проживали вайделоты, устроивали тихонько языческіе обряды, помогали народу въ нуждахъ и болѣзняхъ по своей таинственной наукѣ. Встарину язычники отправляли торжественно приношеніе въ жертву богамъ козла. Память объ этихъ народныхъ обрядахъ и вмѣстѣ съ ними о веселыхъ дняхъ независимости смѣшивались въ воображеніи съ преданіями о золотомъ времени. Встарину—твердили знахари—все было лучше и земля хлѣбъ производила урожайнѣе, и рыбы ловилось поболѣе, и скотъ тучнѣе и крупнѣе выросталъ, и люди были здоровѣе, и напастей не было никакихъ, потому что тогда люди старыхъ боговъ почитали. Поддерживалось вѣрованіе, что жертвоприношенія козлиныя особенно богамъ пріятны и счастье даютъ человѣку. Въ былыя времена независимости ихъ отправляли цѣлымъ селомъ, иногда нѣсколькими селами подъ священнымъ дубомъ. Симонъ Грюнау рассказываетъ, что въ 1520 году онъ случайно наткнулся на приготовленіе къ козлиному жертвоприношенію и поселяне, опасаясь, чтобъ онъ не рассказалъ и не узнали бы нѣмцы, хотѣли его убить, но онъ зналъ по прусски и упросилъ ихъ: онъ общалъ никому не говорить и согласился съ прочими участвовать въ обрядѣ. Добродушные пруссы, услышавъ господина, говорившаго на ихъ мужичьемъ языкѣ, кричали въ радости: онъ нашъ! онъ нашъ! Это нашъ господинъ! Любознательный нѣмецъ попалъ чрезвычайно кстати: происходило не простое козлиное жер-

твоприношеніе, а съ очищеніемъ грѣховъ языческою исповѣдью, существовавшей во всей силѣ въ языческое время.

Нѣсколько домовъ дѣлали складчину, иногда двѣ-три деревушки, которыя вообще у литовскаго племени не велики. Грюнау рассказываетъ, что вайделотъ предъ жертвоприношеніемъ говорилъ своимъ прихожанамъ проповѣдь и нравственныя правила, изложенныя въ ней, показались нѣмцу до того хороши, что онъ заключилъ, будто бы пруссы, еще до прибытія крестоносцевъ, познакомились съ христіанствомъ и заимствовали его мораль въ свою языческую религію: выводъ съ перваго взгляда несостоятельный. Сходство, замѣченное Грюнау, проще объясняется общечеловѣческимъ нравственнымъ чувствомъ, истекающимъ изъ естественнаго закона. Когда вайделотъ окончилъ свое поученіе, привели козла. Благословивъ обреченное на закланіе животное, вайделотъ началъ исповѣдывать. Каждый долженъ былъ предъ нимъ сознаваться въ томъ, что сдѣлалъ дурнаго. Окончивъ исповѣдь, вайделотъ отрубилъ козлу голову; кровь сливали въ посудину, и потомъ окропляли ею скотину, даже подливали въ воду для напоя. Съ козлиного туловища обдирали кожу, потомъ жарили мясо въ печи на дубовыхъ листьяхъ. Пока козель жарился, каждый по очереди подходилъ къ вайделоту, и тотъ трепалъ подходившаго за волосы, и этимъ вытряхивалъ изъ него грѣхи. По окончаніи такой индульгенціи всѣ въ свою очередь бросались на знахаря и начинали трепать его за волосы; онъ долженъ былъ кричать, и чѣмъ голосистѣе онъ кричалъ, тѣмъ болѣе, по всеобщему вѣрованію, боги отпустили грѣховъ всей компаніи. Тоже дѣлали и женщины. Такимъ образомъ, къ тому времени, какъ всѣ грѣхи со всѣхъ стрясутся и козель поспѣвалъ. Всѣ садились кругомъ и ѣли, запивая пивомъ.

И по другимъ поводамъ отправляли козлиныя жертвоприношенія: иногда они производились хозяевами, ради исцѣленія болѣзней своихъ домашнихъ, чтобъ умиловить боговъ и составлялись складчины ради надеждъ на урожай и изобиліе плодовъ. При складчинѣ, мужчины должны были привести на праздникъ козла и поставить пива, а женщины принести муки и приготовить изъ нея тѣсто. Когда козла приводили къ

заделоту, называемому другимъ именемъ вуршкайтесь, онъ клалъ на него руки и просилъ боговъ принять предлагаемую жертву благосклонно. При этомъ онъ поминалъ всѣхъ боговъ одного за другимъ. Такое жертвоприношеніе чаще всего отправлялась въ ригахъ и сушильняхъ. Посрединѣ ставили большой котелъ съ водою: вуршкайтесь подпоясывался, говорилъ короткую прелюдію: вотъ пришло время чествовать хвалесныхъ боговъ, чтобъ они не гнѣвались на людей, а были бы къ нимъ милостивы! Вуршкайтесь, окончивъ свою рѣчь, ударялъ козла ножомъ въ шею; кровь текла въ сосудъ, и, какъ выше сказано, ею послѣ кропили скотину и также домашнюю постройку. Козлу отрубивали голову, облупивали туловище, раздѣляли его на части и бросали въ котелъ, а сердце, печень и внутренности завязывали въ особый мѣшокъ и бросали туда же въ котелъ, но такъ, чтобы отъ этого мѣшка протягивалась лента лыка, за которую можно было дернуть и выдернуть мѣшокъ изъ котла. Когда вуршкайтесь находилъ, что внутренности въ мѣшкѣ поспѣли, выдергивалъ мѣшокъ за лыко, выкладывалъ изъ него потроха и внутренности на деревянную миссу, и раздѣлялъ на столько частей, сколько было участвующихъ въ жертвоприношеніи, и потомъ обливалъ мясо посредствомъ большой ложки тою самою похлебкою, въ которой они варились. Такихъ ложекъ слѣдовало вылить непременно девять числомъ. Вуршкайтесь прежде отвѣдывалъ торжественной пищи самъ, потомъ давалъ другимъ, но три раза каждому, приговаривая: лабба! лабба! что значитъ: хорошо! хорошо! Поѣвши такимъ образомъ потроха, принимались за мясо. Разстилали на землѣ ржаные снопы; на нихъ дѣлалъ вуршкайтесь мясо; сперва ѣли старые люди, потомъ молодые и наконецъ дѣти, которыхъ приводили съ собой отцы и взрослые родственники. Если не было столько присутствовавшихъ, чтобъ могли съѣсть цѣлаго козла за разъ, то объѣдки бросали снова въ котелъ и снова ѣли: обыкновенно вторичное пиршество предоставлялось дѣтямъ, ибо взрослые не могли въ одинъ день вкушать дважды отъ одного священнаго козла, а дѣти могли приниматься ѣсть его нѣсколько разъ на день; и если за всѣмъ этимъ все таки нельзя было съѣсть козла въ одинъ день, то его оставляли

на огнѣ до другого и даже до третьяго дня, и непременно слѣдовало его съѣсть, хотя козель дѣлался до невыносимости мерзокъ. Когда козляное жертвоприношеніе дѣлалось послучаю болѣзни для умилостивленія боговъ, то посѣтителей было не много, и тогда-то священный козель оставался на огнѣ на другой, на третій день и даже долѣе, и участники жертвенной трапезы должны были насыщаться имъ. По однимъ извѣстіямъ кости священнаго козла бросали въ огонь, по другимъ зарывали въ землю. Иногда при такихъ жертвенныхъ трапезахъ женщинъ не было во все, при другихъ были и женщины. Въ послѣднемъ случаѣ пиршествующіе садились кругомъ котла и перебрасывали одинъ другому въ руки черезъ пламя тѣсто, пока оно такимъ образомъ отъ жара не превращалось въ лепешки, похожія на хлѣбъ.

Во время пожиранія священнаго козла надобно было пить пиво и каждый изъ пиршествующихъ долженъ былъ воротиться домой, хорошенько упившись; для этого какъ можно болѣе солили козла, чтобъ гости могли побольше выпить. Выпивка производилась послѣ вкушенія священной козлятны съ такими обрядами: вуршкайтесъ бралъ изъ огня головню, непременно обѣими руками, бросалъ ее себѣ на открытую голову и въ тужь минуту схватывалъ снова обѣими руками и бросалъ снова въ огонь; а самъ, наклонившись къ землѣ, восклицалъ: лабба! лабба! Также должны были поступать одинъ за другимъ всѣ участники пира. Вуршкайтесъ наливалъ пива въ сосудъ, сдѣланный изъ бычачьяго или буйволоваго рога и, держа въ рукѣ, восклицалъ: о вы, покровители, милосердые боги! помогите сему хозяину (или хозяйкѣ): и утромъ, когда онъ (или она) встаетъ, и вечеромъ, когда ложится спать; помогите его (или ея или ихъ) сыновьямъ, дочерямъ, дайте имъ благополучія во всемъ, чтобъ у этихъ добрыхъ людей житница пустая не стояла, чтобъ у нихъ много лошадей развелось, чтобъ они сами были здоровы, чтобъ у нихъ коровы телились, и всѣ напасти прогоните за море, гдѣ крапива не растетъ, гдѣ пѣтухъ не поетъ. Вуршкайтесъ испиваетъ изъ рога въ честь боговъ, прежде самъ, потомъ наливаетъ большой горшокъ пивомъ и подаетъ гостямъ; всѣ пили одинъ за другимъ. Когда, такимъ образомъ, въ горшкѣ

не оставалось уже пива, вуршкайтесъ опять наливаетъ рогъ, опять провозглашаетъ воззваніе къ богамъ, выпиваетъ и снова наполняетъ пивомъ круговой горшокъ, и снова всѣ пьютъ поочередн и такъ продолжается попойка, до-тѣхъ-поръ, пока станетъ невозможно, пока всѣ не упьются. Вообще иттовскіе боги болѣе всего любили козлятинау, хотя, какъ извѣстно, имъ приносили также и быковъ, и гусей и куръ: послѣдними обыкновенно жертвовали бѣдняки, которымъ состояніе не позволяло собраться на козла. Рыбаки и мореплаватели чествовали жертвами Гардоатиса или Бангпуттиса, котораго, какъ сказано, воображали себѣ исполномъ, стоящимъ посреди морской пучины и насылающимъ вѣтры. Ему въ жертву приносили рыбъ, которыхъ варили въ котлѣ и клали потомъ на ржаную солому, наблюдая подобныя обряды, какіе сопровождали жертвоприношеніе козла и также точно запивали пивомъ. Но морской богъ любилъ также говядину и свинину: въ 1526 году, во время войны ордена съ Польшею, близъ Данцига ожидали нападенія польскихъ судовъ; какой-то вуршкайтесъ вызвался избавить побережье отъ непріятеля своимъ вѣдовствомъ и потребовалъ цѣлаго быка и двѣ большія бочки лучшаго пива. Мужики сдѣлали складчину и устроили языческое жертвоприношеніе на берегу, и дѣйствительно, поляки, проплывши мимо берега, не сдѣлали на него нападенія; впоследствии, когда возстановились дружескія отношенія прусскаго края съ Польшею, поляки рассказывали, что когда они подплывали къ берегу, то имъ привидѣлась неприступная гора. Впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ того, рыбаки не могли поймать рыбы въ морѣ у этого берега и опять прибѣгли къ пособію вуршкайтеса, и тотъ объяснилъ имъ, что въ то время, когда онъ своимъ вѣдовствомъ отводилъ поляковъ отъ берега, и рыба вся убѣжала далеко въ море виѣстѣ съ ними, а чтобы ее воротить снова, надобно принести въ жертву морскому богу жирную свинью и распить при этомъ двѣ бочки хорошаго пива. Когда мужики, по наученію знахаря, устроили такимъ образомъ на берегу пиршество, знахарь отрѣзалъ у свиньи сосцы, бросилъ въ котелъ, хорошенько посолилъ въ немъ воду, порѣзалъ свинью тушу на куски, посолилъ и побросалъ туда же.

Это сопровождалось таинственными приговорами. Бѣдные идолопоклонники за то должны были поплатиться у нѣмца-епископа, когда ему было донесено о ихъ продѣлкахъ. Въ наказаніе за это, всѣхъ участвовавшихъ раздѣли до-нага по поясъ, вооружили каждога розгами и заставили сначала вуршкайтеса дать по два удара каждому изъ прихожанъ, а потомъ прихожане должны были сѣчь своего вуршкайтеса; при этомъ на головѣ у знахаря надѣта была дурацкая шапка, формою на подобіе епископской, съ изображеніемъ свипей и чертей.

Во время язычества, у литовскихъ народовъ было нѣсколько годовыхъ праздниковъ: остатки ихъ сохранялись живо еще въ XVI вѣкѣ. — Такъ, по собраніи жатвы, въ въ Литвѣ отправлялся праздникъ, на подобіе того, какой досихъ-поръ устроивается въ Бѣлоруссіи и Малороссіи подъ названіемъ дожинокъ, или обжинокъ. Собиралась семья; женщины готовили кушанья, пекли хлѣбъ; разставлялись столы и покрывались сѣномъ; на сѣнѣ, накрывши его, сверху клали хлѣбъ и ставили два горшка пива; потомъ брали по одному или по нѣскольку разныхъ домашнихъ животныхъ обоого пола, какъ-то: поросятъ, гусей, куръ, телятъ и проч., и убивали. Вуршкайтесъ произносилъ надъ ними священныя слова и ударялъ по нимъ тросточкой; вся толпа пировавшихъ дѣлала вслѣдъ за нимъ тоже. Говорилось такъ: «Вотъ тебѣ, Земеникъ, боже, приносимъ въ благодарность за то, что прошлый годъ ты насъ охранялъ и всякаго добра намъ подавалъ, и впередъ тоже дѣлай, просимъ тебя!» Во время пиршества, каждый изъ участниковъ, поѣвши, накалывалъ на вилку куски и бросалъ во всѣ углы дома. «Прими, Земеникъ, произносилось при такомъ обрядѣ — благодумствуй и кушай на веселье! Этотъ праздникъ впоследствии начали праздновать въ день всѣхъ святыхъ (1-го ноября), но онъ удержалъ свое прежнее названіе *ильги* (можетъ быть алга отъ *alga* — награда, благодарность). На третій день послѣ ильги, дѣвницы соблюдали обрядъ, долженствовавшій быть одною изъ главныхъ принадлежностей древняго праздника. Большая ростомъ дѣвушка набирала себѣ за пазуху пироговъ, становилась на скамью одной ногою, а лѣвую руку поднимала вверхъ, держа въ ней

полосу вязаго или липоваго лыка, изъ котораго плели себѣ литовцы обыкновенно лапти. Она призывала бога Вайсганта: «Вайсгайтось девайте! возрасти намъ такой длинный лень, какъ я длинна теперь, чтобы мы голыя не ходили». Потомъ она выпивала пива изъ чаши и выбрасывала изъ пазухи пироги, думая, что приносить ихъ такимъ образомъ жертву Вайсганту. Если, стоя на скамьѣ одной ногою, она не пошатнется, это считалось предзнаменованіемъ хорошаго урожая льна на будущій годъ; противное считалось неблагопріятною примѣтою. Въ этотъ же самый день совершалось торжество угощенія мертвыхъ: оно происходило въ пустой банѣ; тамъ ставили пищу и питье, уставляли около стола скамьи, покрывали ихъ, клали на нихъ одежды и бѣлье и, совершивши призываніе мертвыхъ, выходили изъ бани. Три дня не слѣдовало туда входить, думали, что въ это время мертвецы выходятъ изъ могилъ, являются въ баню, наѣдятся и напьются, и уйдутъ къ себѣ въ свои могилы. Увѣряли, что подземные гости оставляли даже знакъ рукою. (Lasicki, de diis Samog. 50).

У литовцевъ, какъ у славянъ, весна имѣетъ праздничное значеніе, такъ что у поселянъ существовалъ длинный праздникъ, хотя прерываемый каждодневными работами, но чувствуемый хороводами, играми и гуляками. Это праздникъ Лада, по извѣстію Стрыйковскаго, продолжавшійся весною до 24-го іюня; впоследствии, по принятіи христіанства, весеннее праздничное торжество начинало совершаться со дня св. Юрія. Это былъ древній языческій праздникъ въ честь Пергрубіаса. (Relig. Boruss. Melet. 258.)

Быть можетъ это другое названіе одного и того же весенняго бога, извѣстнаго подъ именемъ Ладо, а можетъ быть это былъ другой геній; собственно Пергрубіасъ означалъ произрастателя травы изъ земли и листьевъ изъ почекъ древесныхъ. Вуршкайтесъ держалъ въ правой рукѣ чашу съ пивомъ и призывалъ бога: «О Пергрубіасъ! ты прогоняешь зиму, приводишь къ намъ пріятную весну, ты даешь цвѣтъ полямъ и садамъ, зелень рощамъ и лѣсамъ.» Потомъ онъ бралъ чашу съ пивомъ зубами, и, не прикасаясь къ ней руками, выпивалъ пиво, а пустую чашу бросалъ назадъ черезъ голову, ее подхва-

ывали, онъ наливалъ ее снова; всѣ такимъ образомъ пили пиво по очереди въ честь Пергрубаса. Стрыйковскій говоритъ (т. I, 142), что тогда обращались не къ одному Пергрубасу, но и къ другимъ божествамъ, и просили ихъ благопріятствовать людямъ въ предстоящее лѣто. Обращаются къ Перкунасу и просятъ, чтобъ онъ укротилъ громы, молніи и грады; обращаются къ Свастиксу и просятъ, чтобъ свѣтилъ на нивы, луга, травы и цвѣты; къ Пильвиту, чтобъ допустилъ въ время сжать и убрать хлѣбъ на полѣ, и такимъ образомъ обращаются къ разнымъ богамъ и просятъ каждого оказать съ своей стороны зависящее отъ нихъ благодѣяніе. Тогда приносился священный козелъ съ обычными обрядами жертвоприношенія. Вуршкайтесъ при этомъ долженъ быть непремѣнно въ зеленомъ вѣнкѣ на головѣ; подпоясавшись ручникомъ, онъ возлагалъ на козла руки, призывалъ благодать боговъ и, обращаясь къ прихожанамъ, восклицалъ: «мы собрались творить достославное дѣло, заповѣданное отцами нашими, чтобъ умолить нашихъ великихъ боговъ». Козла съ торжествомъ поднимали вверхъ; трижды обходилъ около него вуршкайтесъ съ ножомъ и потомъ закалалъ; кровь выпускалась въ кувшинъ или мису; вуршкайтесъ черпалъ ее маленькимъ ковшикомъ и окроплялъ ею около-стоявшихъ, прихожане разбирали ее себѣ въ сосуды и освящали дома и скотъ. Козлиное мясо варилося съ обрядами, описанными выше. Во время вкушенія священной козлятины играли на длинныхъ трубахъ и пѣли пѣсни. Такъ праздновали литовскіе поселяне цѣлую ночь до свѣта, а чего не успѣвали сѣдать, то относили, на распутіе и зарывали въ землю, наблюдая, чтобъ ни звѣрь, ни собака не могли выкопать зарытое изъ подъ земли.

День, когда литовцы выѣзжали пахать въ первый разъ при началѣ весны, былъ праздничнымъ днемъ, и первая борода считалась священной во весь годъ до уборки хлѣба; хозяинъ боялся черезъ нее перешагнуть.

Купальскій праздникъ существовалъ у литовцевъ: хоть до насъ не дошли древніе его обряды, но несомнѣнно, что онъ въ главныхъ чертахъ былъ сходенъ съ славянскимъ и совершался въ одно и то же время. Впослѣдствіи, уже по

принятіи крещенія, на канунѣ Рождества Предтечи всю ночь горѣли костры и на другой день черезъ испелъ ихъ проводили скотъ для очищенія.

Существовалъ особый праздникъ въ честь Пурсхайтеса съ его маленькими парстуками и маркопетами. Праздникъ этотъ отпразднывался лѣтомъ. Приносили на гумно въ ригу хлѣба, варенаго и печенаго мяса, сыра и масла и приглашали всю пурсхайтову челядь ужинать. Двери риги затворялись. На другое утро приходилъ туда хозяинъ, замѣчалъ, что осталось кушаньевъ меньше чѣмъ прежде было, и былъ увѣренъ, что это съѣли парстуки. У кого меньше, чѣмъ у другихъ, оставалось пищи, предложенной божкамъ, тотъ радовался и говорилъ, что парстуки лучше любятъ его, чѣмъ его сосѣдей; слѣдовало замѣчать, какой пищи оставалось меньше: это значило, что парстуки любятъ ее больше другой; и на другой годъ гостепріимный хозяинъ распоряжался, чтобъ угостить ихъ любимымъ кушаньемъ. Въ хроникѣ Луки Давида есть любопытный разсказъ о томъ, какъ одна женщина долгое время обманывала такимъ образомъ и своихъ семейныхъ и цѣлый околodoкъ; всѣ были увѣрены, что въ запертой кругомъ ригѣ кушали парстуки; впоследствии оказалось, что такъ проказила мать семейства. Вѣра въ парстуковъ была укоренена у литовцевъ чрезвычайно крѣпко и сохраняется до-сихъ-поръ, какъ вѣра въ домовыхъ у нашихъ мужиковъ. Вѣрили, что парстуки, любя своего хозяина, крадутъ хлѣбъ въ чужихъ житницахъ и переносятъ въ свои. Опасались чѣмъ-нибудь оскорбить ихъ; особенно никто не смѣлъ бросить какую-нибудь нечистоту въ сиреневые кусты: разсказывали о многихъ примѣрныхъ наказаніяхъ по этому поводу; между прочимъ парстуки наказывали непочтительныхъ къ себѣ парализчемъ и слѣпотою. Одна женщина оставалась дома безъ мужа. Ей не спалось; мѣсяцъ свѣтилъ въ окно. Вдругъ видитъ она: въ язу ея маленькіе человѣчки съ маленькими дѣвочками входятъ и начинаютъ вести хороводъ. Женщина смотритъ на нихъ съ удивленіемъ и любопытствомъ. Затвори окна! сказалъ ей одинъ парстукъ. Она не поняла и продолжала смотрѣть на нихъ. Затвори окна! сказалъ ей въ дру-

гой разъ духъ. Она можетъ быть и поняла да не послушалась. Тогда парстукъ дунулъ ей въ глаза, и бѣдная ослѣпла навсегда.

Съ младенцами наблюдался обычай въ языческомъ быту, равносильный крещенію въ христіанствѣ. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ рожденія дитяти, приглашали въ домъ женщину-знахарку. Ставили на столъ мису съ пивомъ, бросали туда деньги и накрывали платкомъ. Держа надъ этимъ платкомъ голову дитяти, остригали на ней волосы. Эти волосы зарывали въ землю подъ хмѣлевой тычинкой съ приговоромъ: «какъ хмѣль вверхъ растеть и вьется, такъ чтобъ волосы росли и вились у дитяти; или: «какъ хмѣль около тычины вьется, такъ чтобъ дитя увивалось отъ всякой бѣды напасти!» Думали, что черезъ это дитя спасается въ жизни отъ всякихъ напастей. Вотъ начало княжескихъ постригъ у насъ!

Свадебные обряды, описанные у Луки Давида, Ласицкаго и Мелетія чрезвычайно интересны для насъ, тѣмъ болѣе, что представляютъ аналогію съ нашими, и это объясняетъ древность славянскихъ обычаевъ. Въ языческую старину дѣвницы выходили въ хоробы и тамъ молодцы похищали ихъ — умыкали, какъ выражались языческіе славяне. Потомъ уже похититель начиналъ сватовство, примирялся съ родителями невѣсты и платилъ за невѣсту, какъ бы покуналъ ее; и тогда уже происходили священные свадебные обряды — обычай, общій всѣмъ финскимъ народамъ, бывшій и у славянъ, и наблюдаемый теперь у черкесъ. Весь процессъ языческаго бракосочетанія состоялъ въ привозѣ невѣсты изъ отческаго дома въ домъ жениховъ и нѣкоторыя церемоніи въ послѣднемъ. Наканунѣ брачнаго дня отправлялся, какъ и у славянъ, дѣвичь-вечеръ; подруги собирались къ невѣстѣ, пѣли ей пѣсни; а она оплакивала свое дѣвство и прощалась съ всею обстановкою дѣвической жизни. «О гуде, гуде, гуде, мой милый святой огонь, кто будетъ тебѣ дрова носить, чтобъ ба-тюшку и матушку на старости согрѣвать! Кто имъ ноги помоетъ! Кто огня подастъ! Мои милыя собачки, мои милыя курочки, кто теперь будетъ васъ кормить!» Въ то время, когда она обращалась къ огню, подруги подводили ее къ

печѣ и вторили ей заунывными пѣснями. Въ день брака женихъ присылалъ за невѣстою сватовъ съ колясою. Ее провожали съ пѣснями и плачемъ. Когда невѣста приближалась къ женихову дому, на встрѣчу ей выбѣгалъ дружка, въ одной рукѣ держа зажженную головню, въ другой чашу съ пивомъ; три раза онъ долженъ былъ объжать невѣстину колясу и закричать громко: какъ ты у отца-матери огонь берегла, такъ и въ домъ мужниномъ береги! Съ этими словами онъ подавалъ невѣстѣ чашу съ пивомъ.

Всѣ жениховы домашніе должны были кричать: келевесе періоте! келевесе періоте! т. е. возница ѣдетъ! возница ѣдетъ! (келевесе отъ kela — дорога, wezu — везу). Сидѣвшій на колясѣ съ невѣстой долженъ былъ сколько-возможно скорѣе въѣзжать въ избу и сѣсть на сѣдалище, покрытое наряднымъ плащомъ; за свою ловкость онъ получалъ этотъ плащъ въ подарокъ, а если онъ не успѣвалъ занять мѣсто, то его выгоняли изъ избы кулаками; невѣсту вводили въ женихову избу и тутъ начиналась брачная церемонія; она состояла въ слѣдующемъ: невѣсту подводили къ печи, по другимъ извѣстіямъ трижды обводили около зажженаго на очагѣ огня, потомъ сажали ее на приготовленное мѣсто и мыли ей водой ноги; этой водой кропили всѣ стѣны избы, домашнюю утварь и скотъ на дворѣ и въ загонѣхъ. Потомъ невѣстѣ намазывали губы медомъ, завязывали глаза платкомъ и подводили ко всѣмъ дверямъ домашней постройки какъ въ жилыхъ, такъ и надворныхъ строеніяхъ и загородахъ; двери были затворены; когда невѣста такимъ образомъ приближалась къ двери, ей говорили: Трѣдке! трѣдке! (отвори). Она толкала ногой — двери отворялись; въ это самое время изъ мѣшка, которой носили за ней, осыпали ее разнымъ зерномъ: пшеницею, рожью, бобами, ячменемъ, горохомъ и макомъ. При этомъ ей проговаривалось правоученіе, что она ни въ чемъ не будетъ имѣть недостатка, если будетъ благочестива, почтительна къ богамъ и прилежна къ хозяйству. Эти обычаи означали ввѣдъ новой хозяйки въ управленіе домомъ, а осыпанье означаетъ изобиліе, котораго желаютъ новобрачной четѣ. Когда такимъ образомъ молодую хозяйку обводили всюду во дворѣ, тогда снимали съ глазъ платокъ и начи-

нался свадебный пиръ. По окончаніи его, вечеромъ невѣстѣ обрѣзывали волосы, снимали съ нея вѣнокъ (рутяной, какъ говорятъ народныя пѣсни) и надѣвали вмѣсто его платокъ или шапочку, повязанную сверху платкомъ; этотъ уборъ она носила до рожденія сына. Въ это время около нея плясали и пѣли пѣсни. Потомъ вели новобрачныхъ на брачное ложе; когда молодая жена подходила къ нему, ее толкали и ударяли розгою тихонько; это имѣло символическое значеніе покорности мужу, точно такъ какъ и у русскихъ новобрачный ударялъ свою суженую плетью, давая тѣмъ знать о своей власти. Затѣмъ отправлялся другой символическій обычай; жениху и невѣстѣ давали зажаренныя козлиныя (подругимъ извѣстіямъ также медвѣжьи) дѣтородныя яички: было вѣрованіе, что отъ этого новобрачные получаютъ силу чадородія.

При погребеніи наблюдались такіе обряды: мертвеца обмывали теплою водою; у пруссовъ одѣвали въ бѣлое одѣяніе, а у литовцевъ въ обыкновенное платье и обували въ саногы и сажали на сѣдалницѣ. Всѣ садились. Каждый по очереди долженъ былъ съ чашею пива подходить къ трупу, кланяться ему и пить, говоря: «другъ, я пью за тебя!» Потомъ начинался плачь и причеты: «Галелеле! Галелеле! Зачѣмъ ты умеръ! Али у тебя не было чего ѣсть-пить? Зачѣмъ же ты умеръ? Галелеле! Али у тебя не было красной жеманки? Зачѣмъ ты умеръ?» Перечисляли всякіе предметы хозяйства, все, чѣмъ обладалъ покойникъ: и овцы, и гуси, и утки, и куры, и лошади; все это у тебя было! Вопили въ заключеніе: «Зачѣмъ же ты умеръ! Зачѣмъ же ты умеръ!» Достоинно замѣчанія, что точно такіе же причеты сопровождали погребеніе у великоруссовъ.

По окончаніи плача всѣ прощались съ трупомъ и подносили ему подарки; женскому — питки съ иглой, мужскому — убрूसъ, который обвертывали ему около шеи и привѣшивали къ нему мечъ. При этомъ желали, чтобъ умершій на томъ свѣтѣ увидѣлъ своихъ родныхъ и пріятелей. По извѣстіямъ прусскихъ лѣтописцевъ, тѣла сожигались, пепель собирали въ горшки и ставили ихъ при дорогахъ, на поляхъ и въ лѣсахъ; такъ и по принятіи христіанства, по-

всюду встрѣчались тѣмъ сосуды; точно тоже, какъ извѣстно, было у радимичей и вятичей во времена язычества. Но погребали эти сосуды и въ землѣ. И теперь еще въ сторонѣ, заселенной въ древности литовскимъ племенемъ, находятъ такіе сосуды подъ землею. Потомки тѣхъ, чей пепелъ сохраняется въ этихъ сосудахъ, составляютъ себѣ разныя санны причудливыя мнѣнія о такихъ находкахъ. Одни говорятъ, что эти сосуды дѣлали и употребляли подземные парстукки, которые нѣкогда во времена языческаго мрака жила тамъ, обольщая людей, другіе толкуютъ, что мать-земля бываетъ беременна весною и производитъ на свѣтъ эти сосуды, что если въ нихъ налить молока, то соберется изъ него въ большомъ обиліи превосходное масло. Болѣе смышленные считаютъ, что эти сосуды нѣкогда ставили въ землю съ умершими, чтобъ жертвцы ими пользовались. Умершихъ кунигасовъ (князей) и сунановъ (господъ) сожигали вмѣстѣ съ лошадыю и лучшею охотничьею собакою, чтобъ было на чемъ мертвецу ѣздить верхомъ и чѣмъ забавляться. Но кажется было въ обычаѣ хоронить и не сожигая, какъ это показываютъ явно языческіе обряды, удержавшіеся при погребеніи въ XVI вѣкѣ. Трупъ везли на телѣгѣ въ могилу, нѣсколько всадниковъ скакали за погребальной телѣгою; они махали мечами и отгоняли злыхъ духовъ, крича: «Гейгете, бегайте пекели! Бѣгите демоны въ пекло!» Хороня мертваго, клали съ нимъ монеты для издержекъ на путешествіе въ будущую жизнь; клали хлѣбъ и ставили коновку съ пивомъ и горшокъ съ медомъ въ головахъ у трупа, чтобъ душа могла покушать, если захочетъ, и зарывали разныя принадлежности домашняго быта; женщину иногда всю обматывали пряжей, чтобъ было чѣмъ въ гробѣ заняться отъ скуки. Жена умершаго должна была въ продолженіе тридцати дней проводить время на гробѣ при восходѣ и закатѣ солнца и плакать. Принявши христіанство, литовцы праздновали поминки въ третій, шестой, девятый и сороковой день и сопровождали свои шествія языческими обычаями. Тогда приглашали души умершихъ невидимо явовать вмѣстѣ съ живыми ихъ родственниками и пріятелями. Когда это приглашеніе говорилось, то слѣдовало всемъ стоять у дверей, какъ-будто для

пріема входящихъ въ избу. Послѣ приглашенія сѣдлись за столъ и не смѣли произносить ни одного слова. За этими пиршествами ножей вовсе не употребляли и не клали на столъ; обѣдая, бросали подъ столъ куски и думали, что это достается душамъ, а когда пили пиво, то также плескали имъ подъ столъ; если что-нибудь случайно упало на землю, то не поднимали, а говорили, что это достается на долю тѣхъ сиротствующимъ душъ, у которыхъ нѣтъ родни на свѣтѣ и нѣкому ихъ поминать. Окончивши поминальное пиршество, знахарь выметалъ изъ избы метлою души умершихъ, говоря: «ѣли-пили душечки, ну, ступайте теперь вонъ!» Послѣ того всѣ пирующие начинали вѣсслиться, разговаривали о житейскомъ, шутили и цѣловались другъ съ другомъ.

Язычники литовцы вѣрили въ безсмертіе и воображали себѣ будущую жизнь продолженіемъ настоящей. Они вѣрили, что какимъ былъ кто-нибудь здѣсь на землѣ, то есть, богатъ или бѣденъ, рабъ или господинъ, таковъ будетъ онъ и въ будущей жизни. По извѣстію Петра Дюисбургскаго у нихъ было вѣрованіе въ воскресеніе мертвыхъ съ тѣлами, и когда хоронили съ мертвецами лошадей, собакъ и даже живыхъ слугъ и служанокъ, то думали, что все это воскреснетъ съ ними вмѣстѣ. Трудно рѣшить, какъ воображали себѣ они воскресеніе: въ будущее время, долженствующее наступить для всѣхъ разомъ, или тотчасъ по смерти для каждаго въ отдѣльности. Болѣе вѣроятія, что они признавали послѣднее. Криве обладалъ искусствомъ вызывать умершихъ и зналъ ихъ состояніе послѣ смерти. Родственники покойника приходили къ нему и просили рассказать о житьѣ-бытьѣ близкихъ имъ на томъ свѣтѣ, и Криве имъ рассказывалъ, какъ души летаютъ около своего дома въ своемъ платьѣ съ копьемъ, верхомъ на лошади, со всѣми принадлежностями прежней жизни, и всѣ вѣрили и дивились его премудрости. Впрочемъ существовало вѣрованіе, что души умершихъ являются въ образѣ совершенно несвойственномъ тому, какой имѣли при жизни. Въ 1279 году замучены были крестоносцами два упорные язычника: одинъ изъ нихъ былъ разорванъ, будучи привязанъ къ лошади, другой къ дереву. Душа перваго летала въ видѣ дѣвицы, сидящей верхомъ на конѣ, душа дру-

гаго въ видѣ птички. До-сихъ-поръ литвины вѣрятъ, что мертвецы летаютъ по воздуху другъ къ другу на свиданіе отъ кладбища къ кладбищу. Говорятъ, если построятъ домъ на томъ пути, куда обыкновенно привыкли летать мертвецы, то въ этомъ домѣ невозможно спать; домъ скоро разрушится или по крайней мѣрѣ вѣтеръ будетъ срывать съ него кровлю. Тотъ, кто родился въ ночь подъ воскресный день, можетъ видѣть полетъ мертвецовъ. Незвѣстно, существовало ли въ язычествѣ вѣрованіе о злыхъ мертвецахъ, которые появляются изъ загробнаго міра для того, чтобъ вредить живымъ, и притомъ вредить не искугомъ, а матеріально. Въ настоящее время существуетъ у нихъ, такъ и у германцевъ, вѣрованіе о вампирахъ.

Представленіе мертвеца верхомъ — кажется характеристическое литовское суевѣріе, и по видимому во всѣхъ случаяхъ, гдѣ по литовскимъ вѣрованіямъ являются верхомъ духи — подъ этими духами разумѣлись первоначально умершіе. Это согласно съ извѣстнымъ видѣніемъ, происшедшимъ, по словамъ нашей лѣтописи въ Полоцкѣ, въ 1092 году, когда бѣсы рыскали по улицамъ и поражали всякаго, кто выходилъ неосторожно изъ дома. Но ихъ называли бѣсами въ Кіевѣ по незнанію подробностей смысла этого вѣрованія. Самъ лѣтописецъ прибавляетъ, что въ его время говорили, что мертвецы бьютъ полочанъ (навьѣ бьютъ полочаны). Какъ бы то ни было, но это вѣрованіе явилось въ Полоцкѣ изъ литовскаго міра, ибо у славянъ ни бѣсы, ни мертвецы не появляются верхомъ на конѣ. Поразительное сходство съ полоцкимъ событіемъ предоставляетъ рассказъ подъ 1440, записанный у Грюнау. Въ Торнѣ по улицамъ разъѣзжали верхомъ бѣсы на масляницѣ и дѣлали людямъ пакости, но одинъ храбрецъ убилъ такого рыцаря. Убийцу стали судить, но поднявъ убитаго, увидали что вмѣсто лица у него было маска, а подъ нею вонючая зола. До-сихъ-поръ въ Литвѣ существуетъ много рассказовъ, что на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходили нѣкогда извѣстныя побѣды, въ нынѣшнее время появляются всадники, выходяшіе съ конями изъ вѣковыхъ могилъ своихъ. Въ старину вѣроятно такіе бестѣлесные витязи помогали живымъ противъ живыхъ.

Когда въ 1088 году Болеславъ, польскій король, осаждалъ прусско-литовскій городъ Накель, нѣсколько ночей сряду появлялось съ противной осажденному городу стороны войско, какъ-будто намѣреваясь напасть на осаждающихъ, но нападенія не было. Поляки рѣшились наконецъ напасть на этихъ странныхъ враговъ сами, но только-что выступили противъ нихъ, какъ они поднялись на воздухъ и исчезли, а тѣмъ временемъ живые непріатели сдѣлали вылазку, зажгли польскій лагерь и принудили поляковъ снять осаду.

О загробныхъ вѣрованіяхъ литовцевъ сохранилось чрезвычайно любопытное, хотя, къ сожалѣнію, неясное извѣстіе у переводчика хроники Малалы. Такъ говорится о путешествіи Совія въ царство мертвыхъ, названное у христіанскаго писателя адомъ. Надобно было пройти туда черезъ восемь воротъ и войти въ девятые. Мертвый отецъ его рассказываетъ, что дѣлается съ умершимъ человѣкомъ при разномъ способѣ погребенія. Когда его похоронили просто въ землѣ и на другой день спросили: каково ему? онъ отвѣчалъ: «черви и гады меня съѣли.» Когда положили его въ деревянный гробъ и спросили: каково ему? онъ отвѣчалъ: «пчелы и комары закусали меня, тяжело спать!» Но когда, потомъ, сотворивъ *краву* (вѣрно кладу) велику, бросили туда мертвое тѣло, умершій на вопросъ: «хорошо ли ему спать?» отвѣчалъ: «Сладко, какъ дитяти въ колыбели!» Видно, что существовало вѣрованіе въ спасительность огня для мертвыхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь показывается очень слабое понятіе о сознательной жизни за гробомъ: высшее наслажденіе, которое воображеніе создаетъ себѣ — есть сонъ!

V.

Литовцы издавна занимались земледѣіемъ, вообще жили мирною деревенскою жизнію и почти не имѣли качествъ воинственности. Только жившіе при морѣ руссы и пруссы, расширили болѣе кругъ своей жизни. Земледѣіе, однако, не было у литовцевъ на высокой степенн; даже долго послѣ принятія христіанства они употребляли деревянные лемши

вѣсто желѣзныхъ и держались этого обычая по древнему суевѣрному уваженію къ дереву: это былъ остатокъ языческаго древопоклоненія. Они разводили много скота, очень хорошаго и крупнаго; молоко было ихъ любимымъ лакомствомъ. Ихъ лошади были наворослыя, но чрезвычайно крѣпкія и терпѣливыя.

Издавна они умѣли готовить пиво и медъ для пѣтя съ примѣсью хмѣлю. Пиво она пили молодое и считали достаточно вкуснымъ, когда оно отстоитъ въ теченіи нѣсколькихъ дней. Знатные на своихъ иярушкахъ пили изъ буйволовыхъ роговъ, простые изъ деревянныхъ сосудовъ. Простой вѣданный образъ жизни позволялъ имъ доживать безболѣзненно лѣтъ до ста и болѣе. Женщины литовскія отличались вѣрностію къ мужьямъ, рачительностію въ хозяйствѣ и трудолюбіемъ и занимались пряжею и тканьемъ холстовъ, которые составляли обычную лѣтнюю одежду обоего пола. Мужчины носили штаны; а на ногахъ, какъ у мужчины такъ и у женщины обувью были лапти. Зимомъ одѣвались въ овчинныя кофты, покрытыя холстомъ, штаны носили кожаные. Грубое сукно на одеждѣ считалось признакомъ зажиточности. Дѣвушки носили при носѣ колокольчики, которые своимъ звукомъ подавали возможность родителямъ слѣдить за ними; на головѣ дѣвушки носили вѣнокъ или повязку, замужніе шапочку.

Литовцы селились не большими селами, а маленькими, удивленными деревушками и этимъ, кажется, отличались отъ славянъ, которые, напротивъ, любили общительность. При дворахъ были у нихъ огороды съ разною съѣдомою зеленью и кореньями: рѣпа была обыкновеннымъ необходимымъ растеніемъ. Изба литовца дѣлалась съ узкою деревянною трубою для вывуса дыма, и крылась соломомъ или коромъ; близъ нея строился загонъ для скотины.

Литовець не бразговалъ, если телята, воросята и куры посѣщали его набу, и нерѣдко случалось, что сванья или собака вытаскивали мясо изъ горшка, приготовленное для пищи. Хозяинъ ждался у дверей, а хозяйка близъ печи и безпрестанно вставала и посматривала, чтобъ не погасъ огонь, и чтобъ не сдѣлалось пожара; по народному вѣрованію слѣ-

довало, чтобъ огонь никогда не погасалъ въ избѣ. Люди зажиточные спали на матрацахъ, набитыхъ перьями.

Баня у литовцевъ и пруссовъ считалась наслажденіемъ также, какъ и у русскихъ; ей придавали священное значеніе, такъ что язычникъ-литовецъ ходилъ въ баню въ честь своихъ боговъ.

Литовцы любили выпить и попить. Осенью начиналось въ литовскихъ деревняхъ веселое время; зажиточный хозяинъ убивалъ корову или свинью, варилъ пиво и звалъ сосѣдей изъ своей и сосѣдней деревни. Лучшимъ угощеніемъ считалась дичь; молодцы отправлялись въ лѣса, били звѣрей и птицъ и щеголяли на пирахъ своимъ искусствомъ. Какъ и у насъ, считалось у нихъ знакомъ гостопримства — напоить гостей допьяна. Тогда пили не только взрослые, но и молодые и дѣвцы. Пиво (alus) было у литовцевъ символомъ дружелюбія и веселости. Къ празднику дѣлали складчины — братчины и, какъ уже выше было сказано, приносили въ жертву козла или быка.

Умственное развитіе племени стояло на дѣтской ступени; это было причиною, что литовцы такъ легко подчинились вліянію славянской образованности. Петръ Дюисбургскій положительно указываетъ, что у прусско-литовскаго народа не существовало письменъ и понятіе о нихъ было первобытное. Когда пруссу нужно было помнить о томъ, что слѣдовало сдѣлать черезъ нѣсколько дней, онъ чертилъ на своемъ кожаномъ поясѣ по замѣткѣ каждый день и такимъ образомъ доходилъ до нужнаго числа; когда пруссы увидѣли письма, то очень удивлялись процессу передачи мыслей посредствомъ постороннихъ знаковъ: ихъ потѣшала возможность разговаривать съ отсутствующими. Но другія свидѣтельства указываютъ напротивъ, что въ язычествѣ письма на были имъ извѣстны. Въ XVI вѣкѣ, въ хроникѣ Симона Грюнау, бравшемъ свои извѣстія изъ прежнихъ, говорится о томъ, будто на щитѣ и на знамени прусскомъ находились письма. Странная ихъ фигура приводится въ хроникѣ. Туманнъ считалъ ихъ достовѣрными и дешифровалъ подпись такъ, что она заключаетъ въ себѣ обращеніе къ богу воину Корсу или Коршу: «Боже Корсъ! Возъярись на

опустошителей, сотвори имъ зло!» Байеръ считалъ это поддѣлкою, но ученый Гриммъ признаетъ ея подлинность и находитъ въ ей сходство съ готскими рунами.

Вообще этотъ вопросъ долженъ быть предметомъ болѣе тщательнаго изслѣдованія.

Въ отношеніи гражданскаго и общественнаго строя, въ языческомъ литовскомъ мірѣ господствуетъ большой мракъ. Въ древности, когда литовское племя жило уединенно, жрецы были вмѣстѣ съ тѣмъ и установители гражданскаго порядка. По мѣрѣ столкновения съ иноплемениками возникало отдѣленіе свѣтской власти отъ духовной, и, кромѣ Криве, существовали выборные князья, называемые у пруссовъ риксами или риками (Rikys), а у собственныхъ литовцевъ кунигасами. Въ народѣ существовало преданіе о какомъ-то Видевутѣ, который составилъ для цѣлаго народа законы и положилъ начало порядку, переходившему изъ рода въ родъ втеченіи вѣковъ. Но сказаніе о Видевутѣ, записанное у Луки Давида, какъ выше сказано, требуетъ большей критики, для насъ невозможной при нашихъ средствахъ. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ хроники Петра Дюнсбургскаго видно, что у нихъ существовали народныя собранія или вѣча. Въ дѣлахъ, относящихся до важныхъ случаевъ, на эти собранія сходились изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ сторонъ и такимъ образомъ собраніе принимало видъ верховнаго собора всей страны. Они происходили у священнѣйшихъ мѣстъ. Пользовались ли риксы и кунигасы правомъ собиранія дани — неизвѣстно, но кажется нѣтъ; но они получали въ вознагражденіе земли, дававшія доходъ. Первоначальное ихъ значеніе ограничивалось предводительствомъ на войнѣ, но когда обстоятельства сдѣлали войну частнымъ явленіемъ, власть ихъ расширилась и дошла до значенія правителей и государей. Частыя перемѣны династій кунигасовъ въ языческой Литвѣ заставляютъ предполагать, что наследственность между ними не была тверда, и власть ихъ не доходила еще до самодержавія. Признаки наследственности обозначаются полнѣе уже при гедиминовомъ домѣ, и можетъ быть заимствованы у славянъ.

Несомнѣнно, что и послѣ отдѣленія свѣтской власти отъ

духовной, значеніе последней продолжало переходить за предѣлы собственной сферы — върванія, и вступало въ чистое гражданственную сферу. Въ-особенности семейная жизнь и зависящія отъ нея отношенія рѣшались приговоромъ жрецовъ (криве). Такимъ образомъ криве были хранителями и истолкователями древнихъ обычаевъ, принявшихъ значеніе положительныхъ законовъ. Ихъ вліяніе поддерживало строгую нравственность и жестоко преслѣдовало все, что клонилось къ ея нарушенію. Такъ по законамъ, которыхъ истолкователями были жрецы, прелюбодѣяніе наказывалось сожженіемъ какъ мужчины, такъ и женщины; а того, кто, вмѣя жену, возьметъ другую, отдавали собакамъ на съѣденіе. Последнее извѣстіе сохранилось у Луки Давида, и противорѣчить другому извѣстію того же историка, что литовцы могли имѣть трехъ жещъ (L. Daw. 22.)

Войско состояло изъ охотниковъ, оставлявшихъ свои дома ради защиты отечества отъ вторженія непріятеля или ради добычи. Кумигасъ или рикъ былъ предводителемъ. Но съ усиленіемъ воинственности, пробужденной пришествіемъ крестовосцевъ, многіе богатые люди набирали себѣ особенныя дружины. Пруссы сражались пѣшіе, литовцы пѣшіе и конные, ятвяги вели наѣздническій образъ войны. На войнѣ употребляли луки, копья, мечи, метательные камни и топоры. Луки ихъ были невелики, а большими луками, которые натягивались посредствомъ кольца, они научились владѣть только со времени знакомства съ нѣмцами. Самое же древнее народное оружіе было дубина съ однимъ толстымъ концомъ. Одежда воиновъ состояла изъ лосиныхъ и медвѣжьихъ шкуръ, на головахъ носили большія войлочные шапки, называемыя неромками. Въ войскахъ ихъ развивались знамена съ изображеніями, напримѣръ, трехъ божествъ, или щита, держамаго тремя конями, или — съ груднымъ изображеніемъ челоуѣка съ медвѣжьей головой, или же: на знамени изображали щитъ съ двумя вѣнцами: вверху голубаго, внизу желтаго цвѣта. На литовскихъ знаменахъ изображался бѣгушій всадникъ, — впоследствии *поюня*, знаменитый гербъ великаго княжества литовскаго. Для возбужденія храбрости играли на трубахъ, сдѣланныхъ изъ буйволовыхъ роговъ. Военная

тактика имѣла признаки, общіе всѣмъ вообще народамъ первобытной цивилизаціи: нечаянно напасть на непріятеля, воспользоваться его оплошностью, побѣждать и заманить его за собою въ лѣсъ на засаду — то были обыкновенныя уловки. При осадѣ крѣпостей старались брать верхъ безпрерывными нападеніями, утомляя такимъ образомъ непріятеля, а между тѣмъ и сами окапывались, чтобъ предохраниться отъ непріятельскихъ вылазокъ. Когда въ походъ шли, то везли за собою рядами сани или возы и въ случаѣ нужды дѣлали изъ нихъ подвижное укрѣпленіе, что, какъ извѣстно, было обычною тактикою украинскихъ казаковъ впоследствии; обычая мазать колеса не было, и оттого, когда шель ихъ обозъ, то на большое пространство раздавалась дикая колесная музыка. На случай переправы черезъ рѣку они возили съ собою въ походахъ лодки, сдѣланныя изъ зубровыхъ шкуръ, а за недостаткомъ такихъ лодокъ, переправлялись черезъ рѣки вплавь, держась за хвосты лошадей своихъ, какъ это дѣлали татары. Съ плѣнниками, особенно съ нѣмцами, обращались безчеловѣчно, и это показываетъ въ нихъ невоинственный народъ: они считали всякаго, кто съ ними воевалъ, злодѣемъ и разбойникомъ.

Предъ начатіемъ военнаго предпріятія, отправлялось гаданіе на человѣческой жертвѣ. Вайделотъ поражалъ обреченнаго на жертву плѣнника ножомъ въ грудь или шею и наблюдалъ по истеченію его крови: удачно или неудачно будетъ грядущее предпріятіе. Если кровь брызгала фонтаномъ, то это былъ хорошій знакъ; если же она струилась медленно — надобно было страшиться неудачи. По окончаніи войны иногда приносили плѣнниковъ въ жертвы, особенно знатнѣйшихъ, прочихъ убивали или обращали въ неволю; вообще взятый въ плѣнъ считался скорѣе вещью, чѣмъ человѣкомъ; но съ русскими и поляками они обращались милостивѣе, чѣмъ съ нѣмцами. По окончаніи войны возвращавшихся съ побѣдою привѣтствовали женщины и дѣвицы, пѣли пѣсни и били въ ладоши; такъ былъ встрѣченъ Ольгердъ въ 1361 году, по возвращеніи изъ-подъ Москвы; подобный обычай, какъ извѣстно, соблюдался и у гунновъ при Аттилѣ. Неудача на войнѣ наказывалась выраженіями всеобщаго

презрѣнія, а тѣхъ, которые бѣжали съ поля битвы, казнили смертію. У литвиновъ былъ даже обычай убивать себя въ случаѣ проигрыша сраженія, чтобы не подвергаться поруганію отъ своихъ, и вообще литовцы-язычники не дорожили слишкомъ жизнью; самоубійство было у нихъ дѣломъ вовсе непредосудительнымъ и нерѣдко жены, потерявъ мужей, падалихъ на сраженіи, убивали себя.

Дюисбургскій лѣтописецъ говоритъ, что пруссы дѣлили добычу на три части: одна приносилась богамъ на всеожженіе, другая — криве и жрецамъ, третью дѣлили сами между собою. Лука Давидъ говоритъ, что по возвращеніи изъ похода дѣлили добычу на четыре части, и четвертую отдавали тѣмъ, которые оставались дома и защищали отечество отъ вторженія непріятели. Въ древности въ странѣ не было вовсе твердынь и замковъ; охраненіе жилищъ ограничивалось только выборомъ неприступнаго мѣстоположенія для постройки. Не прежде какъ литовское племя вошло въ непріязненные столкновенія съ русскими, поляками и, главное, вѣмцами, литовцы заимствовали отъ враговъ искусство возводить деревянные укрѣпленія и окапывать ихъ рвами. Съ приближеніемъ непріятели поселяне безъ сожалѣнія сжигали свои хижины и скрывались въ лѣса.

Жившіе при Балтійскомъ морѣ, были знакомы съ мореплаваніемъ издавна. По свидѣтельству Адама Бременскаго (Histor. Eccles. 48), прусскія суда плавали изъ Самландіи къ Юлину въ Померанію, къ Гедаби въ Шлезвигъ и въ Швецію, въ гавань Бирку (Voigt, Geschichte Preussens, 1. 545). Адамъ Бременскій говоритъ, что пруссы, жившіе при морѣ, подавали помощь мореходцамъ, претерпѣвавшимъ кораблекрушеніе и плавали по морю съ цѣлью защищать ихъ отъ пиратовъ (*obviam tendunt ad auxiliandum his, qui in mari pereclitantur vel qui a piratis infestantur: De sita Daniae 1 — 227*). Жертвоприношенія въ честь морскихъ божествъ указываютъ на древнее знакомство съ моремъ (Lucas David. 116). Въ литовскомъ языкѣ сохранились самобитныя, не заимствованныя извнѣ и носящія явную печать старины, названія, относящіяся до мореплаванія. Таковы, напримѣръ Eldijedide — большое судно морское, въ отличіе

отъ Lowajsk — рѣчная лодка; stekas — мачта, katas — люра, irtejas — мореходецъ, itajos — кормчій, dungas — дно корабля, Irkas — весло; aluntas maris — удобный для пристани заливъ. Море съ незапамятныхъ временъ способствовало знакомству литовскаго племени съ произведеніями чужеземной цивилизаціи, находимыми теперь въ прусскихъ и литовскихъ могилахъ. Видно, что прусскія и литовскія женщины въ глубокой древности украшали себя шею, уши и руки жѣбями, кольцами, серьгами, браслетами, а въ волосы втыкали согнутыя булавки; издавна ходили между ними чужеземныя монеты, служившія также для женскихъ украшеній; римскія монеты нерѣдко попадаются въ землѣ и теперь. Вывозными товарами были дорогіе мѣха и янтарь; еще до Р. Х. мореходцы плавали за ними по океану. Последнее произведеніе литовскихъ и прусскихъ береговъ шло также и къ нашимъ предкамъ восточнымъ славянамъ; наше слово янтарь, — литовское — hentaros; съ своей стороны литовцы получали отъ насъ жемчугъ, который привозили къ намъ съ Востока.

Важнѣйшее торговое мѣсто и главный портъ всей русско-литовской земли было при устьѣ Руси и называлась Русъ или Русна — въ XIV столѣтіи еще тамъ былъ торговый городъ, нынѣ селеніе подъ тѣмъ же именемъ. Оттуда, вѣроятно, за тысячю лѣтъ предъ настоящимъ временемъ, вышли три добрые молодца: Рюрикъ, Сенеусъ и Труворъ и съ дружиною своею направили путь къ берегамъ Невы, чтобъ заложить основу могущественнѣйшаго государства земнаго шара.

VI.

Изъ народовъ литовскаго племени пруссы не имѣли къ русской жизни непосредственнаго отношенія; исторія другихъ литовскихъ народовъ: латышей, (летгалы) жемгалы, жмуди и ятвяговъ должны входить въ нашу исторію. Латыши не являлись въ исторіи съ признаками самобытной политической дѣятельности. Когда въ началѣ XIII вѣка на

балтійское побережье явились крестоносцы, они застали ихъ во враждѣ съ ливами и эстами, и воспользовались этимъ. Латыши приняли сторону новыхъ пришельцевъ и усердно помогали нѣмцамъ въ истребленіи своихъ сосѣдей. Только тогда, когда, утомленные отчаянною борьбою, ливы и эсты въ изнеможеніи пали подъ гнетомъ чужеземнаго порабощенія, въ латышахъ блеснуло стремленіе отстоять свою народную независимость, но уже поздно было. Имъ суждено было подпасть той же участи порабощенія, какую они приготовляли своимъ кореннымъ врагамъ. Обращеніе ихъ въ христіанство и вмѣстѣ порабощеніе ускользаетъ какъ-то изъ исторіи, которая, какъ вездѣ, менѣе занималась мужиками чѣмъ господами, а послѣдніе въ странѣ были нѣмцы. Впрочемъ латыши достигли полнаго торжества надъ ливами; послѣдніе исчезли и латышская народность заняла ихъ мѣсто, хотя и подъ властію нѣмцевъ. Остатки ливовъ, недобитыхъ и старыми и новыми врагами своими, были такъ немногочисленны, что втеченіе вѣковъ передѣлались въ латышей, оставя на нихъ слѣды Финнской подмѣси.

Жемгалы удерживали свою самостоятельность энергичнѣе, тѣмъ болѣе, что получали свѣжія подкрѣпительныя силы отъ сосѣдей и единоплеменной жмуди и литвы. Въ началѣ XIII вѣка нѣмцы оставили жемгалу въ покоѣ и только тогда, когда уже успѣли поработить чудскихъ народовъ и латышей, принялись за этихъ новыхъ сосѣдей; орденъ утвердился въ Курляндіи въ Гольдингенѣ, и съ-тѣхъ-поръ жемгалы являются въ долгой борьбѣ за свою независимость, всегда почти вмѣстѣ съ жмудью и литовцами. Въ 1251 году, они поднялись противъ пришельцевъ съ энергіей. Въ слѣдующіе годы съ помощію жмуди, жемгалы выгнали отъ себя нѣмцевъ совершенно; попытки послѣднихъ возвратить утраченную власть нѣсколько разъ кончались неудачно. Въ 1257 году жемгалы получили для себя новую силу въ Миндовгѣ, литовскомъ князѣ, который принялъ было христіанство, но отсталъ отъ него вновь, и его подручникъ, жмудскій князь Тронате явился къ жемгаламъ и вмѣстѣ съ ними бросился на Ригу; на этотъ разъ союзникамъ не посчастливилось: они были разбиты. Но эта неудача была отплачена новыми побѣдами. Въ

1274 году воинственные ополченія жемгалы и жмуди вторгнулись на островъ Эзель: нѣмцы потерпѣли пораженіе на льду противъ острова Эзеля. Гросмейстеръ Отто погибъ тогда въ бою вмѣстѣ съ шестью стами рыцарей. Потомъ нѣмцы воспользовались внутренними смутами въ Литвѣ и Жмуди и новый постановленный отъ Тевтонскаго ордена глава ливонскихъ рыцарей Нордекъ всѣми силами ударилъ на жемгаловъ и привелъ ихъ въ повиновеніе; чтобъ утвердить въ ихъ землѣ власти нѣмцевъ, онъ раздѣлилъ ее съ капитулою рижскою и съ епископомъ; построили на границѣ Жмуди и покоренной Жемгалии укрѣпленія, епископъ — Эдваренъ, а рыцари Нейгаузенъ и Нптау. Но полная покорность была еще далеко. Народъ жемгальскій не принялъ искрення христіанства, которое ему навязывали насильно. Побѣжденный, обѣщая исповѣдывать Христа и платить обѣщанную дань, онъ при всякомъ удобномъ случаѣ возвращался къ своимъ богамъ и возставалъ противъ инеземныхъ поработителей. Преемникъ Нордека Эрнстъ былъ на голову разбитъ литовскимъ княземъ Тройденомъ и палъ въ битвѣ. Тогда возстали противъ нѣмцевъ жемгалы; явился у нихъ дѣятельный, храбрый предводитель Намейзе; онъ осадилъ новаго мастера въ городъ Терветъ, и, взявъ его въ плѣнъ, истребилъ со всѣми рыцарями, которые съ нимъ тогда находились. Новый мастеръ Веллекичъ построилъ противъ Тервете, гдѣ утвердился, Намейзе крѣпость подъ названіе святой Горы. Долго Намейзе, даже при постоянномъ содѣйствіи жмуди, не могъ съ нею сладить, наконецъ въ 1287 году онъ одержалъ блестящую побѣду. Мастеръ съ тридцатью тремя рыцарями палъ въ битвѣ и шестнадцать рыцарей достались въ плѣнъ; раздѣвъ ихъ до нага, жемгалы привязали ихъ къ лошадямъ, били дубинами, потомъ сжарили на огнѣ. Но эта была послѣдняя удача язычества и независимой Жемгалии. Новый мастеръ Куве, соединившись съ епископомъ, призвавши свѣжія силы изъ Пруссіи, послѣ упорной и кровопролитной битвы, разрушилъ укрѣпленныя мѣста жемгаловъ Тервету, Сидобру, Ракенъ и опустошилъ страшнымъ образомъ всю страну, такъ что жемгалы, оставшись въ маломъ числѣ, должны были покориться. Не смотря на разореніе и безсиліе, еще разъ

воспользовались было жемгалы домашнимъ раздоромъ, происшедшимъ между орденомъ и епископомъ; но ихъ противодѣйствія могли ограничиться только тѣмъ, что они отпадали отъ христіанства. Наконецъ, папа помирилъ орденъ съ епископомъ; жемгалы были снова укрощены и съ-тѣхъ-поръ уже не играли въ исторіи самобытной роли. Но своенародный элементъ еще долго показывалъ признаки жизни, коль скоро сосѣдніе жмудины и литовцы вступали въ борьбу съ орденомъ, а эта борьба долго не прекращалась.

Жмудины дѣлали нескончаемые набѣги на орденскія земли, но при описаніи событій въ первой половинѣ XIV вѣка литовскія лѣтописи, занятія внутренними распрями, скудны въ изложеніи дѣлъ съ литовскимъ племенемъ. Извѣстно, что литовцы дѣйствовали тогда противъ нѣмцевъ за одно съ русскими, съ которыми начинали жить одною государственною жизнью. Орденъ становился страшнѣе для литовскаго племени съ-тѣхъ-поръ, какъ датскій король за деньги уступилъ ему провинціи Гаррію съ ея главнымъ городомъ Ревелемъ и со всѣми своими владѣніями на остзейскомъ побережьѣ.

Не легко можно было сладить съ язычествомъ въ Жмуди, даже и послѣ крещенія собственно такъ-называемой Литвы. Жители этого края, уже давно находясь въ столкновеніи съ крестоносцами, укоренили въ себѣ вражду къ христіанству, которое имъ представляться должно было чѣмъ-то губительнымъ для ихъ народнаго бытія. Этому способствовало то, что вскорѣ послѣ полученія Ягейломъ польской короны, вспыхнула вражда между Ягейломъ и Витовтомъ, остававшимся въ Литвѣ въ качествѣ подручника. Рыцари боялись внезапно образовавшейся русско-литовско-польской державы, и поддерживали эту распрю. Тогда Ягейло, въ 1400 году, принужденъ былъ уступить Жмудь ордену. Нѣмцы принялись переработывать Жмудь, чтобъ сдѣлать изъ ней то же, что изъ Жемгаліи. Христіанская проповѣдь ихъ началась съ того, что они зазвали бояръ, главныхъ коноводовъ народа, и засадили въ тюрьму. Но случилось, что стражи ихъ были только по имени христіане; они отворили имъ тюрьму и бояре явились среди народа; жмудины поднялись поголовно, напали на построенный нѣмцами въ ихъ землѣ

замокъ Тобѣщаны, взяли его и перерѣзали въ немъ всѣхъ нѣмцевъ до единого.

Они умоляли о помощи великаго литовскаго князя Витовта; какъ ни сочувствовалъ онъ дѣлу ихъ независимости, однако не нарушилъ договора, заключеннаго Ягейломъ, тѣмъ болѣе, что могъ показаться въ глазахъ всей Европы отпадшимъ отъ христіанства, а въ то время онъ искалъ короны.

Два раза послѣ того, въ 1404 и 1406 году, Витовтъ уступалъ Жмудь крестоносцамъ и даже подавалъ заклятымъ врагамъ своего племени помощь въ принужденіи жмудиновъ къ крещенію. Всѣ мѣры нѣмцевъ не только не были удачны, но даже препятствовали желанной цѣли. По извѣстію хроника Луки Давида, въ 1409 году жмудины подали протестацію, въ которой писали, что посланные къ нимъ священники только грабятъ ихъ и берутъ съ словесныхъ овецъ молоко и шерсть, да пьютъ ихъ кровь, а вѣрѣ христіанской вовсе не учатъ.

На счастье Жмуди послѣдовало примиреніе Ягейла съ Витовтомъ и вспыхнула скоро война съ Литвою; въ этой войнѣ приняла дѣятельное участіе и Польша. Нѣмцы были разбиты на голову подъ Таненбергомъ, 15-го іюля 1410 года. На этой блестящей битвѣ пало сорокъ тысячъ нѣмцевъ, и съ ними великій мейстеръ ордена. Тогда Жмудь опять возвратилась къ Литвѣ. Ягейло занялся ея крещеніемъ.

Не смотря на то, что жмудинамъ проповѣдывали религію на ихъ языкѣ, христіанство до такой степени соединилось у нихъ нераздѣльно съ представленіемъ о нѣмцахъ, что на мирныхъ средствахъ, ни подарковъ было недостаточно; король и Витовтъ прибѣгли къ угрозамъ и наказаніямъ. Преданіе гласитъ, что самого Витовта мать, Бирута, не хотѣла креститься и изъ уваженія къ ней въ Полангѣ оставили язычскій храмъ и священный огонь, и въ то время, когда волею-неволею ея родная Жмудь приняла крещеніе и храмы новаго Бога возвышались на мѣсто моленей прежнихъ боговъ и священныхъ роуцъ — въ Полангѣ совершалось языческое богослуженіе до 1416 года, когда упорная язычница умерла и была погребена подъ развалинами алтаря, уничтоженнаго

тотчасъ послѣ ея смерти. Ея память стала священною для язычества и пережила самое язычество; народъ, забывши, что Бирута была послѣдняя охранительница и представительница его предковской религіи, не забывъ ея имени и думаетъ, что она была христіанская святая и простодушно покланяется ея гробу. Умиравшее язычество давало признакъ жизни и противодѣйствія новой религіи даже и по смерти Бируты.

И послѣ того какъ Жмудь возвратилась къ своему кроткому земледѣльческому быту, вражда къ нѣмцамъ еще прорывалась при удобномъ случаѣ; такъ при Казимирѣ Ягелловичѣ, въ 1466 году, когда во время возникшей съ прусскимъ орденомъ войны, ливонскіе рыцари отправляли войска на помощь своимъ братьямъ въ Пруссію, жмудины въ разныхъ лѣсистыхъ мѣстахъ накопили ямы и нѣмцы попадали туда; многихъ тамъ же побили, другихъ взяли въ плѣнъ. Эта война кончилась плачевно для ордена. Пруссія признала власть Польши и гроемейстеръ сталъ зависимымъ отъ польскаго короля.

VII.

Древнѣйшія вѣроятныя свѣдѣнія о любопытномъ входѣ Литвы и Жмуди въ систему русскаго міра, находятся въ нашихъ лѣтописяхъ; сказанія Стрыйковскаго, почерпнутыя изъ прусскихъ лѣтописцевъ, списывавшихъ хронику Христіана, представляютъ такія извѣстія, которыя нуждаются, какъ уже было нами сказано, въ особой тщательной критикѣ. Въ перечнѣ народовъ, въ древней нашей лѣтописи, упоминаются, какъ уже сказано выше, литовскіе народы: литва, жемгала, корсь, летгола, русь (жмудь), пруссы. Изъ нихъ изображаются: литва, жемгала и корсь платящими дань Руси.

Молчаніе нашихъ лѣтописей о сношеніяхъ нашихъ съ литовскимъ міромъ въ X и XI вѣкахъ не даетъ намъ право заключить, что ихъ вовсе не было, ибо лѣтописи, дошедшія до насъ, занимаются преимущественно дѣлами Южной Руси въ это время. Было преданіе, перенятое польскими истори-

ками, вѣроятно, изъ недошедшихъ до насъ лѣтописныхъ нашихъ сказаній, что во времена Ярослава литовскій народъ платилъ этому князю дань вѣниками. Въ словѣ о Полку Игоря говорится объ Изяславѣ, сынѣ Василька, полоцкомъ князѣ, который *подъ чьрлеными щиты притрепанъ литовскими мечи*. О немъ же говорится, что онъ позвонилъ мечемъ о шеломи литовскіе, *притрепанъ славу дѣду своему Всеславу*. Изъ этого видно, что и Всеславъ воевалъ противъ литовцевъ, хотя въ лѣтописяхъ объ этомъ нѣтъ. Такимъ образомъ видно, что были столкновенія между Полоцкою землею и Литвою.

Подъ 1132 годомъ говорится, что великій кievскій князь Мстиславъ, сынъ Владиміра Мономаха, ходилъ на Литву съ своими сыновьями, съ Ольговичами, съ княземъ городенскимъ (гродненскимъ) Всеволодомъ. Этотъ походъ былъ не ничтоженъ, когда въ княжескомъ ополченіи было столько князей. Походъ несовсѣмъ удался для русскихъ. Князья, хотя и побѣдили литвиновъ, но послѣдніе успѣли побить отрядъ кievлянъ, отставшихъ отъ своихъ князей на возвратѣ. Должно быть, этотъ походъ предпринятъ былъ послѣ отпаденія Литвы отъ подданства кievскому князю Всеволоду. Впослѣдствіи, въ теченіи XII вѣка, Литва упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ мимоходомъ и болѣе въ дѣлахъ полоцко-кривичской земли, такъ что, должно думать, Литва находилась въ зависимости отъ тамошнихъ князей, но управлялась своими князьями или старѣйшинами. Въ 1159 и 1161 годахъ мы встрѣчаемъ Литву въ междоусобіяхъ кривичскихъ князей (Володаръ выступилъ изъ города съ Литвою). Въ 1183 году Литва дѣлала нападеніе на Псковъ. Въ концѣ XII вѣка описываются отношенія Литвы и не къ полоцкимъ, а къ юго-западнымъ князьямъ: Рюрикъ, княжившій въ Овручѣ, собирався на Литву. По свидѣтельству Кадлубка и Стрыйковского Романъ волинскій и галицкій владѣлъ этимъ народомъ, мучилъ его и запрягалъ въ плуги, такъ что оттуда образовалась пословица: *зле, Романе, робиши, же Литвою ореши!* Соловьевъ замѣчаетъ, что эта пословица аллегорическая и означаетъ то, что Романъ приучалъ литвиновъ къ земледѣлію. Едва ли тутъ можно согласиться съ почтеннымъ исто-

решкомъ: уже и самая древняя религія показываетъ, что литовцамъ было извѣстно земледѣліе съ незапамятной старины. Но извѣстіе о Романѣ поясняетъ судьбу Литвы; до-тѣхъ-поръ зависимость Литвы отъ Руси была слабая; Литва управлялась своими князьками; во внутренней бытѣ ея не мѣшались русскіе; все ограничивалось платежемъ дани, да и самая дань вѣроятно требовалась непостоянно: занятые внутренними усобицами, князья не могли часто собирать тамъ дани, поэтому литовцы были данниками Руси не-столько, на-сколько нельзя было этого избѣгнуть.

Домогательства нашихъ князей не могли еще вывести народъ изъ терифніа. Но въ концѣ XII и въ началѣ XIII вѣковъ этотъ народъ началъ испытывать съ двухъ сторонъ иноземныя, одно за другимъ, сильныя покушенія на свое самостоятельное бытіе. Съ одной стороны волинскій князь запрягалъ литвиновъ въ ярмо, съ другой, вслѣдъ за тѣмъ, крестоносцы стали крестить насильно и поработали ихъ сосѣдей и единоплеменниковъ, и грозили поработить и истребить все литовское племя. Эти обстоятельства пробудили его отъ деревенскаго вѣковаго сна. Но когда пруссы, жемгалы и корсь въ своей отчаянной борьбѣ съ припелыцами должны были сдаваться, литва и жмудь, живши далѣе отъ послѣднихъ, могли дѣятельнѣе и усиленнѣе своихъ братьевъ-единоплеменниковъ защищать свою народность. Не трогая никого, пока ихъ самихъ не трогали, литовцы теперь не ограничились уже тѣмъ, что отбивали отъ себя враговъ, но стали мстить имъ и начался несчастливый рядъ набѣговъ, съ одной стороны на крестоносцевъ, съ другой на русскихъ. До времени Миндовга, который ввелъ Литву въ систему русскаго міра, у новгородцевъ и псковичей перечисляются въ нашихъ лѣтописяхъ литовскіе набѣги подъ годами 1200, 1210, 1213, 1217, 1223, 1224, 1225, 1229, 1237, 1240, 1245, 1253, 1258. По смерти Романа, освободившись отъ зависимости русской, литовцы на этотъ разъ, какъ русскіе славяне въ IX вѣкѣ по изгнаніи варяговъ, не могли совладать съ своею независимостію и начали ссориться между собою, и тогда явилось числомъ двадцать литовскихъ князей съ покорностію къ Данилу Галицкому и брату его Васильку, и русскіе князья

посылали ихъ воевать поляковъ. Самъ князь Данило женился на литовской княжнѣ, сестрѣ князей Эдивида и Тевтивила. По мѣрѣ того, какъ русскіе князья начали показывать наклонность къ подчиненію Литвы своей власти — со стороны литвиновъ усилились непріязненные отношенія къ Руси. Въ 1246 году появилась воинственная толпа подѣ начальствомъ Айшвана Рушькевича, и воевала около Пересопницы. Набѣги Литвы не ограничивались одними опустошеніями. Предводители вторгались въ Русь, овладѣвали городами и дѣлались въ нихъ князьями. Это вступленіе въ русскую жизнь было подобно тому, какъ поступали предки литовцевъ подѣ именемъ варяговъ въ IX и X вѣкахъ.

По извѣстіямъ, сообщаемымъ литовскимъ лѣтописцемъ, еще въ первой половинѣ XIII вѣка, послѣ опустошенія западной Руси татарами, жмудскій князь Монтвилъ послалъ своего сына, Эрдвила, занять опустѣлыя русскіе города; такимъ образомъ Эрдвилъ основалъ Новогородокъ, заложилъ тамъ себѣ столицу и овладѣлъ опустошенными отъ татаръ городами Дрогичинимъ, Мельникомъ и Берестьемъ. Литовскій лѣтописецъ здѣсь противорѣчитъ извѣстіямъ нашихъ лѣтописей, изъ которыхъ мы знаемъ, что Берестье и Дрогичинь не были тогда въ рукахъ литовскихъ князей и потому, если дѣйствительно эти города были заняты Эрдвилемъ, то не надолго. По смерти Монтвила Эрдвилъ продолжалъ править своимъ русскимъ владѣніемъ, а въ Жмуди княжилъ другой братъ, Викинтъ. Литва собственная также не принадлежала Эрдвилу.

Такимъ образомъ подѣ властію Эрдвила образовался первый литовскій удѣлъ съ русскими подданными. Сынъ его Мингайло завоевалъ Полоцкъ. Полочане, говоритъ лѣтописецъ, подобно Новгороду и Пскову управлялись *вѣчемъ* (вѣчюмъ ся справовали). Что сталося съ прежними князьями полоцкими — неизвѣстно: Мингайло разбилъ полочанъ у полоцкаго пригорода, называемаго Городень. Не надѣясь устоять противъ литвиновъ, полочане сдались ему; онъ оставилъ въ Полоцкѣ своего сына Гивила, который женился на тверской княжнѣ, прінялъ св. крещеніе и нареченъ Юріемъ. Другой сынъ Мингайла, Скарлунтъ наследовалъ отцу въ Но-

вогородкѣ, овладѣлъ Минскомъ и Туровомъ, потомъ взялъ Мозырь, Черниговъ, Карачевъ и Стародубъ. Эти страны, по извѣстію литовскаго лѣтописца (Pomniki do dz. Litwy. 6), отняты у татаръ. Почитая себя владѣтелями русскаго материка, татары требовали покорности отъ князя Новгородскаго, но Скирмунтъ обрѣзалъ уши и носы посламъ, явившимся къ нему съ такимъ унижительнымъ требованіемъ. Татары послали противъ него силы; Скирмунтъ разбилъ ихъ и завоевалъ русскіе города. Скирмунтъ отдалъ Туровъ сыну своему Писимонту, Карачевъ — Любортѣ, Новгородокъ — Тронятѣ. Эти извѣстія, неподкрѣпляемые собственно русскими древнѣйшими лѣтописями, кажутся сомнительными, тѣмъ болѣе, что въ нихъ противорѣчіе нашимъ лѣтописямъ и явились анахронизмы и ошибки: такъ боярина Дмитрія, который охранялъ Кіевъ во время нашествія Батыя, называли княземъ; время отъ татаръ до Миндовга, обнимавшее нѣсколько лѣтъ, растянуто на нѣсколько княжескихъ поколѣній. Но, присмотрѣвшись къ положенію тогдашнихъ дѣлъ, можно сказать, что если, быть можетъ, онѣ переданы въ подробностяхъ не совсемъ вѣрно, но основа ихъ историческая. Подобныя завоеванія не измѣнили сущности состоянія Руси; завоеватель отдавалъ города сыновьямъ, которые крестились и дѣлались русскими и жизнь текла по старинѣ. Важнѣйшія ошибки передающаго эти извѣстія литовско-русскаго лѣтописца XV вѣка заключаются въ томъ, что у него происшествія смѣшиваются между собою, иногда изъ двухъ дѣлается одно, нерѣдко изъ одного два. Въ то время княжило разомъ нѣсколько князей; лѣтописецъ перемѣшалъ ихъ; но какъ бы ни были невѣрны подробности, которыя онъ передаетъ, для насъ важно то, что литовскій элементъ въ первой половинѣ XIII вѣка дѣйствительно уже виѣдрился въ русскою міръ. Явился въ Новгородкѣ князь Миндовгъ, или Миндогъ; это былъ первый единовластитель Литвы; однихъ изъ князей онъ убилъ, другихъ прогналъ; двухъ—Тевтивила и Эдивида, своихъ родственниковъ, послалъ онъ въ Русь искать счастья, говоря: кто что приемиетъ, то и держи! Тевтивиль овладѣлъ Полоцкомъ, по смерти Гримвилова сына Глѣба; Эдивидъ—Смоленскомъ, а дядя ихъ Викинтъ—Витебскомъ. Но Миндовгъ и тамъ надъ ними хо-

тѣмъ имѣть власть. Эти притязанія довели до того, что князь заключилъ противъ него союзъ съ Даниломъ галицкимъ и орденомъ крестоносцевъ. Тевтивилъ отправился въ Ригу и крестился въ католическую вѣру; по извѣстію литовскихъ лѣтописцевъ, сохраненному у Стрыйковскаго, онъ былъ уже прежде крещенъ въ русскую вѣру какъ и другіе князья, его союзники, а теперь только, въ угоду крестоносцамъ, принялъ католичество. Миндовгъ, чтобъ парализовать союзъ противъ себя, объявилъ, что самъ желаетъ креститься. Онъ рассчитывалъ, что, такимъ образомъ, вмѣсто враговъ, приобрѣтетъ себѣ въ рыцаряхъ союзниковъ, при помощи ихъ сдѣлается полнымъ властителемъ Литвы, и проложитъ себѣ путь къ обладанію Русью. Изъявленное желаніе произвело большой шумъ и радость въ Европѣ: народъ почти до-сихъ-поръ неизвѣстный выходилъ на сцену политической жизни. Онъ давалъ на себя надѣяться тѣмъ, что успѣлъ уже подчинить себѣ часть христіанской Руси; новыя свѣжія силы отдавались въ распоряженіе римско-католической церкви. Открывалась надежда чрезъ посредство этихъ силъ, успѣшнѣе привести въ исполненіе давнее желаніе подчинить папѣ греческую церковь въ Руси. Въ Новгородокъ, въ 1252 году, прибылъ папскій легатъ, прибылъ туда и магистръ нѣмецкаго ордена Георгъ Стикландъ съ знатнѣйшими рыцарями. Миндовгъ крестился; съ нимъ крестилось до шести сотъ знатныхъ литовцевъ. Миндовгъ былъ коронованъ въ короли. Но рыцари скоро показали, чего можно было ожидать отъ этого. Въ 1257 году они потребовали отъ Миндовга уступки ордену нѣкоторыхъ земель. Миндовгъ долженъ былъ расплачиваться съ нѣмцами частью Жмуди. Это, разумѣется, раздражило его подданныхъ. Русскіе еще меньше могли быть этимъ довольны: ихъ ожидало насильственное обращеніе въ католичество отъ крестоносцевъ. Миндовгъ возстановилъ крестоносцевъ противъ Данила и противъ союзниковъ, своихъ родственниковъ; готовился истребительный крестовый походъ на православіе какъ и на язычество. Тевтивилъ вмѣстѣ съ Викинтомъ теперь подняли на ноги противъ Миндовга всю языческую Жмудь; приглашали Данила выступить съ силою на Новгородокъ. Крестоносцы въ такомъ неприятомъ для Миндога положеніи не иначе изъявили готов-

ность помогать ему, какъ только съ большими уступками въ свою пользу; вытребовали отъ него такое завѣщаніе, чтобъ всё его владѣніе, въ случаѣ онъ умретъ бездѣтнымъ, перешли къ ердену. Тогда Миндовгъ разсудилъ, что лучше поладить съ русскими князьями, чѣмъ съ нѣмцами; помирился съ одной стороны съ Даниломъ, отдалъ свою дочь за его сына Шварна, а съ другой съ Тевтивиломъ и сблизился съ другимъ своимъ родственникомъ, также имъ гонимымъ прежде, Тройнатомъ, заклятымъ врагомъ и ненавистникомъ нѣмцевъ. По новоду убѣжища, какое послѣдній давалъ въ Жмуди бѣжавшимъ отъ насильственнаго крещенія язычникамъ Пруссіи и Ливоніи, возстала открытая вражда. Миндовгъ и Тройнатъ разбили крестаносцевъ подъ Дорбомъ.

Миндовгъ, принявшій христіанство изъ политическихъ цѣлей, которыя, какъ онъ видѣлъ, не могутъ быть достигнуты, отрекся отъ него, и возвратился къ языческой вѣрѣ своихъ отцевъ, возстановивъ прежніе обряды. Но онъ не долго остовался послѣ того въ живыхъ. Его жена Марта, ревнистая христіанка, не пережила отступничества мужа. На погребеніе прѣехала ея сестра, бывшая въ замужствѣ за однимъ изъ многочисленныхъ удѣльныхъ литовскихъ князьковъ, — нальцанскимъ Даумондомъ. Миндовгъ задержалъ ее и женился на ней. Тогда Даумондъ согласился съ Тройнатомъ, который, сдѣлавшись союзникомъ Миндовга, тайно читалъ къ нему прежнюю вражду за его властолюбивые замыслы; порѣшили убить Миндовга. Она держала нѣсколько времени этотъ замыселъ втайнѣ. Случилось, однако, скоро Миндовгу выступить въ походъ противъ одного изъ подручныхъ князей, Романа Брянскаго. Даумондъ и Тройнатъ напали на него на дорогѣ и убили во время ночлега съ двумя сыновьями, Рукли и Репикіемъ 12-го сентября 1263 года. Тройнатъ захватилъ верховную власть и призвалъ къ себѣ Тевтивила, будто бы для того, чтобы раздѣлить имѣніе Миндовга, но какъ только этотъ давній врагъ убитаго прибылъ, Тройнатъ убилъ его; за-то черезъ нѣсколько времени три конюха составили заговоръ и умертвили самого Тройната въ банѣ. Оставалось еще два сына у Миндовга. Первый былъ Домонтъ, знаменитый въ русской исторіи псковскій князь. Онъ убѣжалъ

во Псковѣ, тамъ принявъ крещеніе и имя Тимося, подъ покровомъ впоследствии сподобился причислиться къ лику святыхъ православной церкви. Второю былъ Воишелгъ. Въ молодости приклизни отца онъ отличался звѣрскимъ характеромъ. Когда ему случалось управлять по порученію отца, то проходилъ рѣдкій день, чтобъ онъ кого-нибудь не замутилъ и при этомъ находилъ удовольствіе въ чужихъ страданіяхъ. Въ то время какъ Данило воевалъ противъ Миндовга въ союзѣ съ Тевтивиломъ, Воишелгъ устроилъ мирный договоръ отца своего съ Даниломъ и потомъ самъ привезъ сестру свою въ замужество за данилова сына Шварна. Внезапно въ страстной душѣ этого человѣка сдѣлалась перемѣна. Принявъ св. крещеніе, изъ кровожаднаго и свирѣпаго онъ сдѣлался не только ревностнымъ христіаномъ, но презрѣлъ королевскую власть, которая его ожидала по волѣ любившаго его отца, и обрекъ себя иноческому житію. Сначала онъ удалился въ монастырь на Половинѣ къ нѣкому Григорію; а сей Григорій, гласитъ волинская лѣтопись, былъ такою святою мужъ, какихъ и прежде не было, и послѣ не будетъ. Подъ назиданіемъ этого благочестиваго мужа, онъ провелъ два года въ суровыхъ подвигахъ; ему показалось этого мало; онъ хотѣлъ удалиться на Афонскую гору, святыню монашества. Отправившись въ далекій путь, онъ не могъ добраться до цѣли: въ византійскихъ странахъ было тогда безвокойство. Воишелгъ отложилъ намѣреніе до будущаго времени и, воротившись съ пути назадъ, построилъ монастырь на рѣкѣ Нѣманѣ, близъ роднаго Новогродка. Тамъ поселился онъ и предался посту и молитвѣ. Тамъ поразила его вѣсть о трагической смерти отца. Ему грозила участь братьевъ, убитыхъ съ Миндовгомъ; приходилась расплата всему миндовгову племени за мрачныя грѣхи старика. Нашъ монахъ спрятался въ Пинскѣ. Но скоро убили Тройдена. Литва распадалась. Снова во многихъ мѣстахъ воскресала прежняя независимость удѣловъ; образовалась между тѣмъ партія, которая пожелала миндовгова сына; Воишелга приглашали вступить на княженіе. Власть его не привлекала, но языческое чувство мщенія врагамъ зашевелилось въ сердцѣ, какъ видно не довольно еще умягченномъ веригами; въ мо-

нашеской мантии, съ мечемъ при бѣдрѣ, явился Воишелгъ въ Новгородокъ. Съ прежнею свирѣпостію онъ казилъ всѣхъ, кого только подозрѣвалъ въ убійствѣ отца; ходилъ въ Нальщаны, гдѣ также расправлялся съ своими врагами; что сдѣлалось съ Даумондомъ — неизвѣстно.

Въ то время братъ Воишелга Домонтъ Псковской нападалъ со псковитянами на литовскую землю и побѣдилъ какого-то князя Гердоя, — вѣроятно одного изъ второстепенныхъ литовскихъ кунигасовъ. Но болѣе Домонтъ уже не вмѣшивался въ событія Литвы и совершенно преданъ дѣламъ Пскова, обороняя его отъ нѣмцевъ.

Когда уже болѣе нѣкому было мстить, Воишелгъ призналъ отцомъ, т. е., старшимъ, князя Василька, брата уже скончавшагося Данила галицкаго, а свояка Шварна нарекъ своимъ сыномъ, передалъ ему княженіе въ Новгородкѣ и ушелъ въ свой монастырь. За короткое время его свирѣпой власти, его прозвали волкомъ въ овечьей кожѣ.

Не успѣлъ Воишелгъ въ своемъ монастырѣ замолить свѣжіе грѣхи свои, какъ Братъ Шварна, Левъ Даниловичъ, сталъ злобствовать на Воишелга: зачѣмъ онъ отдалъ княженіе Шварну, а не ему. Этой злобѣ не мѣшало то, что Воишелгъ былъ кумъ Льва и крестилъ его сына Юрія. Въ 1268 году на святой недѣлѣ былъ пиръ во Владимірѣ Волинскомъ, у какого-то Мартина Нѣмчина. Хозяинъ звалъ къ себѣ князей на обѣдъ повеселиться. Приѣхалъ Василько, приѣхалъ Левъ, приѣхалъ и Воишелгъ. Какъ монахъ, Воишелгъ остановился въ монастырѣ. Стали гости пить и веселиться за обѣдомъ у Мартина. Василько напился пьянъ и отправился спать; Воишелгъ поѣхалъ съ пира въ монастырь — вдругъ къ нему приѣзжаетъ Левъ и говоритъ: Куме! напиемся! Стали пить. Какъ разогрѣло Льва вино, разогрѣлась въ немъ ярость и онъ убилъ Воишелга. Тѣло его похоронено въ томъ же монастырѣ *).

Послѣ Воишелга скоро умеръ и Шварно, и такъ прекра-

*) Стрыйковскій наглядно рассказываетъ, что Левъ разсѣкъ Воишелгу голову и мозгъ его брызнулъ на стоявшихъ слугъ. Но этихъ подробностей нѣтъ въ волинской лѣтописи, которою Стрыйковскій въ этомъ случаѣ только и пользовался.

тлось неудачное подчиненіе Литвы русскому княжескому дому. Литовцы выбрали себѣ Тройдена, которому вольнская лѣтопись рсточаетъ эпитеты незаконнаго и окаяннаго. По видимоу, онъ былъ язычникъ, но братья его всѣ исповѣдывали православную вѣру. Съ этихъ поръ въ источникахъ литовской исторіи начинается такая путаница, сквозь которую никакая критика не въ силахъ достигнуть до какого-нибудь открытія. У литовскаго лѣтописца и, пользовавшагося имъ, Стрыйковскаго описываются съ литовскими князьями такія событія, которыя явно относятся къ исторіи Миндуга и Воншелга. Такимъ образомъ князю Домонту Псковскому приписывается отнятіе жены у Нарманта, пріѣхавшей плакать надъ трупомъ домонтовой жены, своей сестры, потомъ говорится, что, послѣ скорой смерти Нарманта, Домонтъ убилъ воцарившагося на его мѣсто его брата Тройдена, сынъ Тройдена Рымонтъ, бывший монахомъ, оставилъ монашеское званіе, сдѣлался княземъ и убилъ Домонта псковскаго, а потомъ снова воротился въ свой монастырь.

Этого достаточно, чтобъ видѣть, что лѣтописецъ перепуталъ событія, и слѣдовательно его извѣстія не имѣютъ достовѣрности. Вѣрнымъ остается только то, что въ концѣ XIII и началѣ XIV столѣтія (1293—1315) Литвою правилъ Витенесь. Его время было эпохою героическихъ войнъ языческой Литвы; эпоха эта очертилась непрерывными набѣгами на Польшу и драками съ крестоносцами, непримиримыми врагами литовскаго племени. Въ Польшѣ отъ литовскихъ набѣговъ страдали особенно земли Куявская и Ленчицкая; эти набѣги были быстры и неожиданны; съ врагами литовцы обходились съ дикою жестокостію: въ 1294 году воинственное ихъ ополченіе напало на Ленцицу во время праздника; язычники ограбили церковь и сожгли въ ней всѣхъ людей. Наѣздническія драки съ крестоносцами не прекращались; жители города Риги поссорились съ орденомъ, сами заключили союзъ съ литовцами, чтобъ не давать надъ собою верха притязаніямъ ордена. Въ 1298 году Витенесь разбилъ на голову магистра Бруна, но потомъ литовцы въ свою очередь потерпѣли пораженіе; крестоносцы ворвались въ Жмудъ и безъ состраданія рубили священные лѣса, куда литовцы не

смѣли даже входить, думая, что тамъ живутъ ихъ боги. Между-тѣмъ внутреннія безладицы выбрасывали изъ литовскаго народа молодежь, которые убѣгали къ врагамъ и дѣйствовали противъ своихъ; при самомъ дворѣ Витенеса жилъ измѣнникъ — одинъ изъ литовскихъ байоровъ (бояръ), который тайно сносился съ крестоносцами и передавалъ имъ извѣстія.

О смерти Витенеса и о преемникѣ его Гедиминѣ рассказываютъ разное. Длугошъ говоритъ, что Гедиминъ убилъ Витенеса, а Кромеръ прибавляетъ, что онъ былъ конюшимъ Витенеса. Литовскіе лѣтописцы напротивъ говорятъ, что Гедиминъ былъ сынъ Витенеса и принялъ власть по наследству послѣ смерти отца. Последнее сказаніе достовѣрнѣе; въ Литвѣ было много болѣе знатныхъ фамилій, которыя вѣрно успѣли бы захватить власть и отнять ее у человѣка, менѣе ихъ знатнаго; притомъ, самъ Гедиминъ, говоря о прежнихъ литовскихъ кунигагахъ, называетъ ихъ своими прародителями (Progenitores).

Княженіе Гедимина есть время вступленія литовскаго народа въ широкую область всемірной исторіи. Дѣятельный государь началъ съ того, что разбилъ крестоносцевъ при рѣкѣ Зеймилл и возвратилъ Литвѣ Жмудь, завоеванную ими при Витенесѣ. Заключивъ съ побѣжденными иѣмцами миръ, Гедиминъ обратился на Русь и тутъ началось великое дѣло историческаго призванія Литвы, подчиненіе русскихъ областей и образованіе великаго княжества литовскаго. Сѣверо-западные земли русской державы, земли кривичей вошли въ его державу. Въ Полоцкѣ посаженъ былъ братъ его Вопнь.

По волѣ Гедимина собраны были литовскія и русскія силы; съ ними пошла полочане подъ начальствомъ своего новаго князя Воина. Литовская лѣтопись говоритъ, что Гедиминъ прежде всего напалъ на владимирскаго князя, Владимира по имени, должно быть внука Василька. Владимиръ палъ въ бою и городъ былъ взятъ литовцами. Совсѣмъ другое говоритъ польскій историкъ Длугошъ, именно, что Гедиминъ не завоевалъ Владимира-Волынскаго, а этотъ городъ со всею землею достался его сыну Любарту, женатому на

единственной дочери князя Владимира. Въ это время волынская земля раздѣлена была на двѣ половины; кромѣ владимирскаго, было еще княженіе луцкое: по извѣстіямъ литовской лѣтописи тамъ княжилъ князь Левъ; онъ бѣжалъ и Луцкъ сдался Гедимину безъ боя. Волынскіе бояре и землевладельцы били челомъ Гедимину, чтобъ онъ не нарушалъ ихъ обычаевъ и литовскій князь обнадежилъ ихъ.

Гедиминъ остался перезимовать въ Берестѣ; весною его литовскія, жиудскія и русскія силы двинулись съ нимъ на Польше, которое тогда, кажется, зависѣло отъ Кіева. Кіевляне и переяславцы собрали ополченія и стали на берегу Ирпени подъ предводительствомъ своихъ князей: кіевскою землею правилъ тогда какой-то князь Станиславъ, Переяславлемъ Олегъ, съ ними были сѣверяне и брянцы, подъ начальствомъ князя Франскаго Романа; къ нимъ присталъ бѣжавшій изъ Луцка князь Левъ. Произошла битва. Гедиминъ побѣдилъ, Олега переяславскаго и Льва луцкаго убили (неизвѣстно въ бою или въ плѣну). Станиславъ и Романъ бѣжали. Побѣдители обложили Кіевъ; кіевляне, по сказанію литовской лѣтописи, защищались цѣлый мѣсяцъ; но князь ихъ бѣжалъ, а литовцы не думали отходить отъ города; поэтому кіевляне отворили городъ, выслали игумена и священниковъ съ крестами, за ними вышли жители отъ мала до велика, и били они челомъ, чтобъ Гедиминъ оставилъ ихъ ненарушимо при ихъ обычаяхъ. Побѣдитель обошелся съ ними ласково и далъ обѣщаніе сохранить ихъ права. Тогда всѣ пригороды русскіе: Вышгородъ, Черкасы, Каневъ, Слѣпородъ—послали къ Гедимину въ Кіевъ пословъ и покорились. Отдался ему также добровольно и Переяславъ. Итакъ въ одинъ годъ Гедиминъ овладѣлъ большою частію южной Руси.

Положеніе, въ какомъ находились жители края, ему помогало. Перемѣна князей было дѣло издавна обычное имъ. Воцареніе Гедимины не могло имѣть для нихъ характера иноземнаго завоеванія. Мы на вѣрное не знаемъ: былъ ли въ то время Гедиминъ язычникомъ; по крайней мѣрѣ въ письмахъ его къ панѣ выраженіе о своихъ предкахъ, что они умерли въ заблужденіяхъ идолопоклонства, заставляетъ подозрѣвать: не исповѣдывалъ ли онъ уже тогда правосла-

вія; но если справедливо всеобщее мнѣніе, что литовскій князь былъ некрещенъ, то несомнѣнно, что онъ не былъ врагъ христіанства. Еслибъ Гедиминъ оставался некрещеннымъ, то и потому для русскихъ не новость была — покориться некрещенному: русскіе уже испытали власть невѣрныхъ татаръ. Гедиминова власть все таки легче была власти татарской. Гедиминъ, напротивъ, освободилъ ихъ отъ татарской дани. Не могло быть у жителей и привязанности къ своимъ прежнимъ князьямъ: они уже слишкомъ измельчали.

Частыя перемѣны препятствовали въ народѣ воспитаться чувству любви къ наслѣдственности государей. Гедиминъ, вмѣсто того, чтобъ ихъ отягачать, старался облегчить и заставить полюбить свое правленіе. Гедиминъ не только правилъ покоренною Русью, но вмѣшивался и въ дѣла сѣверной и восточной. Смоленскъ признавалъ его верховное старѣйшинство, какъ это видно изъ договора между 1333—1339 годами съ Ригю, гдѣ князь смоленскій, Иванъ, называетъ Гедимина своимъ старѣйшимъ братомъ, и въ заключеніи договора руководствуется правилами, принятыми Гедиминомъ въ подобномъ договорѣ съ Ригю. Гедиминъ далъ укрыться у себя гонимому князю тверскому Александру; назначилъ въ Псковъ владыку Арсенія, пославъ его прежде для посвященія къ митрополиту Теофнсту, а сынъ литовскаго князя принять былъ на время Великимъ Новгородомъ въ князья. Что Гедиминъ былъ не дикій наѣздникъ, показываютъ его письма къ папѣ, къ ордену, къ ганзейскому союзу, отысканныя въ кѣнигсбергскомъ архивѣ и напечатанныя Крашевскимъ при сочиненіи его *Литва*. Изъ нихъ видно, что если бы онъ и дѣйствительно былъ язычникъ, то все-таки покровительствовалъ христіанству и гражданственности, приглашалъ въ свое ново-созданное государство проповѣдниковъ для обращенія язычниковъ, полезныхъ ремесленниковъ и хотѣлъ установить правильныя торговыя сношенія съ иноземцами. Существуетъ трактатъ, заключенный имъ съ Ригю въ 1323 году; тамъ съ одной стороны Литвѣ, Жмуди и Пскову, съ другой Ригѣ, городу Дерпту и епископствамъ: эзельскому и дерптскому и датскимъ владѣніямъ въ остзейскомъ краю обезпечивается свободное плаваніе и торговля, безопасный проѣздъ и справедливое удовлетворе-

ніе взаимныхъ жалобъ. Гедиминъ основалъ новую столицу Вильну; мѣсто выбрано имъ не безъ политическихъ видовъ; Вильно находится въ Бѣлорусскомъ краю, но на самой границѣ литовской народности. Основатель, какъ кажется, выбралъ это мѣсто съ цѣлію сдѣлать его средою соединенія литовской и русской народностей.

О смерти этого человѣка разсказываютъ разнo. Въ литовской лѣтописи говорится, что онъ умеръ спокойно въ старости; но прусскія хроники, а за ними Мѣховита и Стрыйковскій говорятъ, что онъ былъ застрѣленъ въ битвѣ съ крестоносцами, которые не переставали враждовать съ Литвою и были главнымъ препятствіемъ къ распространенію христіанства между литовцами и упорства ихъ въ язычествѣ.

Государственное зданіе, построенное Гедиминомъ, облеклось сначала въ прежнюю форму удѣльнаго порядка. Еще при жизни распредѣлялъ онъ удѣлы своимъ дѣтямъ; но въ отличіе отъ древняго государственнаго права, по которому столица доставалась старшему въ родѣ, Вильно, столица новообразованная, отдана младшему сыну Явнугію, по обычаю, общему какъ у русскихъ, такъ и у литовцевъ, отцовское гнѣздо отдавать при раздѣлѣ имѣнія меньшему изъ сыновей. Уже въ этомъ распоряженіи видно начало волости вмѣсто правленія. Князья какъ бы получаютъ значеніе владѣтелей собственниковъ управляемаго княжества, а прежніе рюрикова дома были только пародные правители. Другіе дѣти были раздѣлены такъ: Любарть, отдѣленный еще при отцѣ, владѣлъ Волинью, Монтвидъ получилъ Слонимъ и Карачевъ, Наримунтъ Туровъ, Пинскъ, Каріатъ Новогородокъ, Кестуть Троки, а Ольгердъ Креву, и, вслѣдствіе брака съ витебскою княжною, Витебскъ, гдѣ жилъ постоянно. Скоро послѣ отцовской смерти Ольгердъ съ Кестутомъ прогнали изъ Вильны Явнугію. Ольгердъ подружился съ братомъ Кестутомъ и съ согласія его сталъ старшимъ владѣтелемъ всего княжества; прочіе князья принуждены были сдѣлаться его подручниками. Такимъ образомъ, въ Гедиминову державу хотя и внесена была старая удѣльная форма, но сущность была иная. Эта держава становилась монархіей и удѣльныя князья должны были сходить на степень владѣтелей, зависимыхъ отъ вели-

каго князя. Они способствовали возникновенію той аристократіи, которая явилась въ своемъ развитіи послѣ образованія Речи Посполитой, когда Литва и присоединенная къ ней Русь соединились съ Польшею.

Важнѣйшее дѣло Ольгерда было завоеваніе Подолія у татаръ. Жители этого края жили тогда разсѣянными деревнями подъ начальствомъ атамановъ и управляясь сами собою, платили дань ханскимъ баскакамъ. По берегамъ рѣкъ, въ лѣсахъ, проживали монахи въ укромныхъ обителяхъ. Ольгердъ поразилъ татаръ и принялъ отъ подольскихъ атамановъ признаніе своей власти. Три брата, племянники Ольгерда, сыновья Каріата, взяли въ управленіе эту страну и должны были защищать ее отъ татарскихъ баскаковъ. Въ 1351 году татары напали было на Каріатовичей и Ольгердъ долженъ былъ явиться ихъ отстаивать: онъ снова поразилъ татаръ на берегахъ Спяюхи. Въ странѣ не было ни деревянныхъ, ни каменныхъ городовъ; Ольгердъ принялся возобновлять старые и строить новые по Бугу и Днѣстру. Между тѣмъ обладаніе южной Русью привело литовскую державу въ столкновеніе съ Польшею; тогда царствовалъ тамъ Казимиръ Великій, владѣвшій по сосѣдству съ Волынью и Подолію. Въ 1350 году Казимиръ заставилъ Любарта Волынскаго признать зависимость отъ польской короны, другой князь, сынъ Наримунта Юрій, владѣвшій Бѣльзомъ, также долженъ былъ побориться Казимиру и получилъ отъ него въ награду Хельмъ. Эти князья должны были уступать по неволѣ, но Каріатовичи, владѣвшіе Подоліею, сами отдались Польшѣ, чтобъ сохранить свою независимость отъ притязаній Ольгерда на верховную власть надъ ними. Одинъ изъ нихъ, Александръ, сдѣлался прежде другихъ данникомъ Казимира и получилъ отъ него Олеско; Константинъ, назначенный главнымъ намѣстникомъ Подолія, Ѳеодоръ, послѣ смерти отца княжившій въ Новгородкѣ, также склонился къ союзу съ Польшею противъ Ольгерда. Четвертый братъ, Юрій, сдѣлался княземъ молдавскимъ и выступилъ изъ круга литовской державы; говорятъ, его скоро отравили. Ѳеодоръ, владѣвшій въ Новгородкѣ, по смерти Константина, установился въ подольской землѣ и хотѣлъ сдѣлаться независимымъ, но принужденъ

быть уйти; онъ бѣжалъ въ Угрію и возбуждалъ противъ дады угровъ.

Такимъ образомъ Ольгердъ долженъ былъ усмирять оруженъ племянниковъ и вѣстѣ съ тѣмъ имѣть противъ себя двухъ сосѣднихъ враговъ — Польшу и Угрію; — этого мало, Казимиръ вступилъ противъ Литвы въ союзъ съ заклятыми врагами литовцевъ, нѣмцами-крестоносцами. Юрій бѣльскій и Любартъ волинскій, признавшіе власть Казимира во принужденію, вздумали было отложиться отъ него, но Казимиръ принудилъ снова Юрія покориться, а Любарта выгналъ. Волинь была разорена и покорена, Луцкъ и Владимиръ остались въ рукахъ поляковъ, а остальную Волинь Казимиръ отдалъ въ ленное владѣніе вѣрному себѣ каріатовичу Александру. Не прежде какъ по смерти польскаго короля, въ 1370 году, Кестуть и Любартъ покорили снова Владимиръ послѣ упорной осады, и тогда литовцы въ отищеніѣ опустошили сендомирскую и люблинскую земли польскаго королевства.

Ольгердъ, протянувши державу литовскую на югъ русскаго міра, хотѣлъ овладѣть и тѣми русскими землями, которыя лежали на востокъ и оспорить ихъ у возникающей московской державы. Полоцкъ призналъ княземъ сына его Андрея. Со Псковомъ онъ жилъ въ ладахъ и далъ псковитянамъ, по ихъ желанію, княземъ того же сына Андрея, уже князя полоцкаго, но потомъ, однако, возникали съ вольнымъ городомъ неудовольствія. — По смерти первой жены своей, витебской княжны, онъ женился на тверской княжнѣ Юліаніи Александровнѣ, и черезъ этотъ союзъ сталъ еще болѣе во враждебное отношеніе къ Москвѣ, съ которой ему было уже тѣсно и по соперничеству въ первенствѣ надъ Русью. Въ Великомъ Новгородѣ княжилъ Наримунтъ, братъ Ольгерда, бывший съ нимъ во враждѣ, потомъ Явнутій, не ужившись въ своемъ Заславлѣ, который ему дали вмѣсто Вильно, бѣжалъ туда же. — Ольгердъ привязался къ новгородцамъ, оскорбляясь тѣмъ, будто посадникъ, принявшій Явнутія, бранилъ Ольгерда псомъ. Началась по этому поводу война. — Ольгердъ покорилъ Луки, Шелонь, взялъ съ Порхова и съ

Опоки треста рублей и принудил новгородцевъ покориться, и казнить оскорбившаго его посадника.

Въ 1356 году Ольгердъ завоевалъ Брянскъ и всю Сѣверію; въ томъ же году взялъ Ржевъ и посадилъ въ немъ намѣстника. Смоленскъ призналъ его власть, стали князья его подручниками Ольгерда.

Помогая шурину своему князю Михаилу тверскому, два раза (1368—1370), онъ осаждалъ Москву и заключилъ съ Димитріемъ Ивановичемъ Донскимъ миръ; и въ знакъ союза предложилъ дочь свою Елену за двоюроднаго брата Димитрія, Владимира Андреевича; но это родство не могло погасить вражды; когда дѣло шло о томъ: кому изъ двухъ князей — литовскому или московскому обладать Русью.

Война опять возобновилась и окончилась перемиріемъ; но смерть Ольгерда въ 1376 году прекратила дальнѣйшія послѣдствія.

Замѣчательно, что въ литовской лѣтописи война Ольгерда съ Димитріемъ украшена характеромъ эпоса. Димитрій, рассказывая эта лѣтопись, заимствовавшая свое сказаніе изъ народнаго преданія, послалъ литовскому князю огонь и мечъ, давая тѣмъ знать, что онъ придетъ въ литовскую землю и опустошитъ ее. — Ольгердъ въ отвѣтъ вырубилъ изъ кремня огонь, зажегъ трутъ, далъ послу и сказалъ: «передай отъ меня великому князю московскому, что я его угощу краснымъ яйцомъ черезъ щитъ сулицею (копьемъ) и прислоню мое копые къ московскимъ стѣнамъ. Весною онъ пошелъ въ походъ. Димитрій, испугавшись, выѣхалъ къ нему на встрѣчу, привезъ соболей и разныхъ драгоценностей и просилъ мира. Ольгердъ согласился мириться, но требовалъ, чтобы ему можно было непременно прислонить свое копые къ московскимъ стѣнамъ. Подѣхавши къ Москвѣ, онъ сдѣлалъ то, что обѣщаль, и, отѣзжая, проговорилъ: князь великій московскій! помни, что литовское копые стояло подъ московскими стѣнами! Литовцы не иначе возвратились тогда въ отечество, какъ угнавши съ собою московскихъ плѣнниковъ. Общее мнѣніе говоритъ, что владѣнія ольгердовы на востокѣ отдѣлялись отъ московскихъ теченіемъ рѣки Угры. Быть-можетъ, Ольгердъ могъ въ свое время покорить Москву,

а потомъ и Новгородъ, и основать новое государство, которое, какъ прежнее варяжское, тоже распустилось бы въ удѣльно-федеративный составъ, если бы завоевательнымъ стремленіямъ литовскаго князя не поставили преграды нѣмцы-крестоносцы: они не давали Ольгерду сосредоточиться на распространеніи своего государства. Не проходило года, чтобъ нѣмцы съ нимъ не воевали. Война эта шла съ перемѣннымъ счастіемъ и для обѣихъ сторонъ была разорительна; то крестоносцы вторгались въ Литву, то литовцы проникали во владѣнія орденскія, далѣе самого Кѣнигсберга. Въ 1361 году крестоносцы взяли было въ плѣнъ Кестута, который однако счастливо успѣлъ освободиться при посредствѣ одного молодаго литвина, принявшаго у нѣмцевъ крещеніе. На слѣдующій 1362 годъ крестоносцы осадили и взяли Ковно и плѣнили кестутова сына, потомъ взяли Пилленъ, въ 1364 году Билены и Велону. — Между тѣмъ дѣти Ольгерда и родственники, недовольные его суровостію бѣжали отъ него къ врагамъ. Такимъ образомъ съ одной стороны внутреннія несогласія, а съ другой упорная вражда съ крестоносцами мѣшали Ольгерду достигъ предполагаемой цѣли.

До-сихъ-поръ остается нерѣшеннымъ — былъ ли Ольгердъ крещенъ или оставался язычникомъ, дозволяя, впрочемъ, сыновьямъ и родственникамъ принимать христіанство. Литовская лѣтопись положительно называетъ его крещенымъ. Извѣстіе это кажется вѣроятнымъ, если мы примемъ во вниманіе, что Ольгердъ былъ женатъ на христіанкѣ, проводилъ большую часть жизни среди христіанъ и позволялъ креститься своимъ дѣтямъ. Лѣтопись литовская объясняетъ, что онъ принялъ крещеніе по настоянцію жены своей, витебской княжны; но не принуждалъ литовскихъ бояръ креститься. Извѣстно, что онъ строилъ церкви и снабжалъ монастыри. Русская вѣра была господствующая въ его государствѣ, но безпрепятственно распространялась и римско-католическая. По извѣстію литовской лѣтописи, нѣкто Петръ Гаштольдъ, литвинъ, знатный вельможа, поставленный намѣстникомъ въ Каменцѣ, женился на полькѣ, дочери пана Бучицкаго, и потомъ, когда Ольгердъ перевелъ его въ Вильну, завелъ тамъ

римско-католическій монастырь; но жители-язычники, терпѣвшіе русскихъ христіанъ, перебили римско-католическихъ монаховъ, вѣроятно потому, что видѣли въ нихъ склонность къ насильственному распространенію вѣры. По настоянію Гаштольда, Ольгердъ казнилъ ихъ.

Послѣ Ольгерда, умершаго въ 1376 году, осталось двѣнадцать сыновей; Кестуть братъ его, имѣвшій у себя также шесть сыновей, сталъ родоначальникомъ огромной семьи. Любимый ольгердовъ сынъ Ягейло поссорился со старикомъ. Сперва ссора вышла за какого-то Войдила, ягейлова любимца, за котораго онъ отдалъ свою сестру. Войдилью былъ человекъ низкаго происхожденія.

Кестуть этимъ оскорбился. Потомъ Ягейло хотѣлъ посадить въ Полоцкѣ на княженіе брата своего Скиригейла и выгнать оттуда князя Андрея. Кестуть схватилъ Ягейла и отпустилъ его не иначе, какъ взявъ съ него обѣщаніе быть покорнымъ, а Войдила приказалъ умертвить совершенно безъ вины, единственно за то, что онъ женился на его племянницѣ. Ягейло сталъ открыто мстить дядѣ и пригласилъ противъ него крестоносцевъ. Кестуть собралъ противъ него литовскія силы. Когда два враждебныя ополченія сошлись на бой, сынъ кестутовъ Витовтъ, бывшій другъ Ягейла, сталъ мирить ихъ. Ягейло притворно согласился. Назначили съѣздъ въ Вильнѣ. Но когда Кестуть и Витовтъ явились туда, Ягейло приказалъ ихъ схватить. Кестута удавили въ тюрьмѣ, а Витовтъ былъ избавленъ своею женою изъ заточенія и убѣждалъ къ крестоносцамъ.

Лѣтописецъ описываетъ эти событія такъ:

Князь же великій Ягейло переступилъ тые правду мовячы: поѣдмо до Вилна: тамъ докончаемъ, а въ томъ войско, ничого не починаючи, разѣхалися и какъ къ Вилни прыѣхали, и князь великій Ягейло дялю своего князя великаго Кестутіа оковавши, ко Креву послалъ и всадылъ въ вежу, а князя великаго Витовта оставилъ былъ еще въ Вильни и тамъ въ Кревѣ пятое нocy князя великаго Кестута удавили коморники князя великаго Ягейловы на имя Прокца, што воду ему давалъ, и были иные Мостерь братъ и Кучукъ да Ляспца Жибентай. По смерти пакъ великаго князя Кестута

власть князь великій Ягейло Витовта до Крива жъ и со шшою, и велитъ его твердо стережи въ комнатѣ, помняща Войдыла, што былъ за него оестру свою даль: двухъ велѣлъ на колехъ разбити, одного Вадымонта дядю матки великаго князя Витовта, кто держалъ Ульяну, потомъ какъ была за Ментвидомъ, и ликихъ бояръ много постыжалъ, помняща Войдыла. Князь великій Витовтъ седѣлъ въ Кривѣ, а двѣ жонки заживали къ нему покладываты его со княгинею въ комнатѣ, да положивши ихъ вонъ выхожывали, а сторожы около. То-накъ великая княгиня его, послышавши отъ людей, новачы нежи собою: если князь великій Витовтъ будетъ недъ ними должей седеты, такъ какъ и надъ отцемъ его будетъ, и до-радыла ему такъ, какъ ирыдутъ жонки ихъ покладати, ынобы ему одное жонки вскласти на себе платѣ, да выйты вонъ зъ другою жонкою, а той жонке зостатыся въ неѣ. И онъ, подлю оное рады, нарядылся въ одное жонки платѣ да зъ другою вышолъ, и спустился за города, и втече къ немцомъ до Прусъ. (Rymiki dziejów Litwy, str. 26.)

Тогда Ягейло, чтобъ отклонитъ отъ себя удары нѣмцевъ, предложилъ Витовту отцовскій удѣлъ — еще кромѣ Трокъ Жмудъ. Витовтъ помирился съ Ягейломъ, и оба начали дѣйствовать противъ крестоносцевъ. Они сняли Ковно, которое оставалось у враговъ еще со времени покоренія его при Ольгердѣ и сожгли нѣсколько прусскихъ городовъ.

Въ 1386 году Ягейло женился на Ядвигѣ, польской королеви и сдѣлался польскимъ государемъ. — Наступаетъ новая судьба для Литвы, западной и южной Руси. На другой годъ послѣ бракосочетанія, Ягейло, принявшій имя Владислава, явился въ Литву и предпринялъ крестить весь народъ. Тотчасъ по своей коронаціи Ягейло отправилъ въ Литву какъ бы для предварительной проповѣди камедула Геронима, родомъ чеха; онъ сдѣлалъ короткій обзоръ языческой Литвы и нашелъ, что въ собственно такъ-называемой Литвѣ проповѣдь христіанская не встрѣтитъ препятствій, но Жмудъ будетъ упорствовать въ язычествѣ. Вслѣдъ за нимъ явился Ягейло съ гнѣзненскимъ архіепископомъ Богоріею и доминиканцемъ Ванжикомъ; имъ помогали виленскіе францисканы, знавшіе литовскій языкъ. Чтобъ привлечь къ этой черемѣнѣ язычниковъ, онъ накупалъ

въ Польшѣ бѣлаго сукна (одежда новокрещенныхъ) и раздавалъ каждому новокрещенцу на свитку; такимъ образомъ крестилось три тысячи семействъ. Тогда приказано было погасить священный огонь, денно и ночью горѣвшій въ виленскомъ замкѣ, развалить алтарь, на которомъ стоялъ идолъ Перкунаса, разрушить башни, съ которыхъ вайделоты возвѣщали народу пророчанія и совѣты; порубить деревья въ священныхъ рощахъ, гдѣ воображеніе искало одушевленныхъ существъ. — Литовцы сперва пришли въ изступленіе отъ ужаса, но какъ только увидали, что ихъ боги не въ состояніи отомстить за себя тѣмъ, которые такъ неуважительно обращаются съ ними, то стали спокойнѣе; христіанство введено было безъ потрясеній и повидимому скоро; этому способствовало то, что уже давно греческая вѣра была распространена между литвинами; язычники оставались уже не въ значительномъ числѣ. Вмѣстѣ съ язычествомъ, новообращенный король желалъ искоренить и православіе, и требовалъ отъ своихъ подданныхъ — принимать римское католичество. Изъ привиллегій, дарованной имъ послѣ своего вступленія (въ 1387 году), видно, что онъ предоставилъ католикамъ литвинамъ права польскаго дворянства, лишивъ всѣхъ правъ тѣхъ, которыя оставались въ православіи. Литовцы православнаго исповѣданія, конечно, не могли укоренить въ себѣ того сознанія народной святости этой религіи, какъ русскіе, ибо для нихъ, недавно обращенныхъ, православіе не образовало еще историческихъ воспоминаній; и такимъ образомъ литовцы-православные обращались въ католичество легко.

Языческія вѣрованія долго скрывались подъ одеждою новой вѣры. Ласицкій, почти черезъ два вѣка описывавшій бытъ литовскаго народа, могъ встрѣтить еще слишкомъ живыя воспоминанія язычества, а слѣды его остались и до нашего времени въ пѣсняхъ, сказкахъ, преданіяхъ и народныхъ обычаяхъ. Поддержкѣ остатковъ стараго язычества способствовало то, что никто не занимался воспитаніемъ народнымъ; высшій классъ скоро утратилъ свою народность; простой впалъ въ рабство. Лишенный возможности узнать сущность христіанской вѣры, литвинъ усвоилъ себѣ въ домашнемъ обиходѣ нѣкоторые изъ обычаевъ, предписываемыхъ

дерновью, и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдалъ старыя дѣдовскія, не сознавая даже противорѣчій между тѣми и другими; пагъ объ этомъ мало заботился.

Со времени бракосочетанія Ягелло съ Ядвигаго историческая роль литовскаго племени окончилась. Литовскій языкъ не достигъ литературнаго развитія; народъ, говорящій имъ, остался до-сихъ-поръ на бѣдной почвѣ деревенскаго быта. Вѣроятно, еслибы крестоносцы не пришли на берега балтійскаго моря и не напали на Пруссию и Жемганію, литовцы не играли бы такой роли въ политическомъ вѣншиемъ мірѣ; но судьба ихъ въ этомъ отношеніи была бы подобна судьбѣ латышей, ихъ соплеменниковъ, и финскихъ народовъ: чуди, корелы.

VIII.

Теперь бросимъ взглядъ на литовскую народную поэзію и посмотримъ, въ какой степени выразила она духовную жизнь этого народа *).

Если гдѣ-нибудь рельефнѣе выдается справедливость положенія, что народная поэзія служитъ выраженіемъ судьбы народа, которому принадлежитъ — то это въ литовскихъ вѣсняхъ и сказкахъ. Судьба поставила литовское племя на историческомъ полѣ слишкомъ не твердо и результатомъ его шумнаго появленія въ исторіи было не болѣе, какъ матеріальное воздѣйствіе на славянскій міръ. Проникая въ смыслъ событій XIII и XIV вѣка можно видѣть, что даже и тогда

*) См. Dainos oder lithauische Volkslieder, gesammelt, übersetzt und mit gegenüberstehendem Urtext herausgegeben von L. J. Rhesa. Königsb. 1825.

Die Volkssagen Ost-Preussens, Lithauens und West-Preussens, gesammelt von W. J. A. Tettau und J. D. H. Temme. Berlin. 1857.

Podania i legendy polskie, ruskie, litewskie zebrał Lucian Siemęski. Poznań. 1845.

Dajnes Ziamajttū pagal ŗediū Dajninikū iszrasytas. Petrop. 1846.

Lithauische Volkslieder, gesammelt, kritisch bearbeitet und metrisch übersetzt von G. H. F. Nesselmann. Berlin. 1853.

Lithauische Märchen, Sprichworte, Räthsel und Lieder. Gesammelt von August Schleicher. Weimar. 1867.

возникнувшее государственное тѣло витало и жило русскою стихіею, и не литовскою: уже Миндовгъ и его преемники жили въ Новогродкѣ среди русскаго народа и объяснились по русски; у литовцевъ не осталось даже своихъ собственныхъ писемей. Неудивительно, послѣ этого, если громкая эпоха XIII и XIV столѣтій, которая внесла ния Литвы на театръ политическихъ событій, почти прошла мимо и оставила на литовцахъ мало отпечатка, и въ своихъ нѣсляхъ литовскій народъ является кроткимъ деревенскимъ народомъ, безъ стремленій вырваться въ болѣе широкое поле жизни. За то у рѣдкаго народа въ поэзи найдется столько неискорченыхъ образцовъ первобытной красоты, какіе представляетъ литовская. Въ глубочайшей древности Литва достигла до первой степени образованности — деревенской, и развила въ себѣ ея начала на столько, на сколько не успѣли развить многіе народы въ то время, когда переходили чрезъ такой же періодъ своего историческаго бытія; но за то Литва и осталась съ ними на всегда; она не доросла не только до политическаго сознанія, но даже до городскаго — даже почти до сельскаго быта. Литовскія нѣсни и преданія сходны съ славянскими не только по духу, но и по формамъ, сходны такъ, какъ походитъ деревня на село. Если въ поэзи славянскихъ народовъ является юношеское изящество, то въ литовской болѣе свѣжести и дѣтскаго простодушія; въ ней господствуетъ какая-то неполнота, неясность формъ, такъ сказать недодѣланность. Литовскія нѣсни дышатъ уютною непробѣдною деревнею, гдѣ жизнь протекаетъ нераздѣльно съ природою, при отчужденіи отъ всего остальнаго міра, въ несложномъ обществѣ близкихъ между собою людей, соединенныхъ связью чувства, а не гражданскаго долга, не нуждаясь ни въ законахъ, ни въ администраціи, покорная внѣшнимъ силамъ, но упорно хранящая внутреннюю святиню души, и потому затаенная, даже иногда притворная. Въ литовскихъ нѣсняхъ чувства глубоки и нѣжны, но страсти до того слабы, что рѣдко являются на свѣтъ; желанія ограничены, за то неотравимо наслажденіе въ лонѣ природы; нѣтъ охоты къ размышленію; чувство не хочетъ нарушить обаятельнаго, бессознательнаго спокойствія сухостію

анализа; нѣтъ вражды, нѣтъ зависти, нѣтъ стремленія впередъ; фантазія, иногда затѣйливая, скорѣе обращается назадъ, чѣмъ впередъ, рѣдко соадаётъ образы жизни возвышенной надъ кругомъ деревенщины, но убѣгаетъ въ дубовыя рощи, прислушивается къ журчанію ручьевъ и корскому гулу, рѣдко мечтаетъ о чертогахъ или нарядахъ промышленнаго міра, а если иногда заходитъ въ эту сферу, то переступаетъ границы — и теряется въ призракахъ недействительности, какъ всегда бываетъ при мечтахъ о томъ, что слишкомъ далеко отъ жизни.

Почти всѣ пѣсни литовскаго народа отличаются непринужденною нравственностію и деликатностію, и въ этомъ отношеніи чище славянскихъ, какъ дѣтская жизнь чище юношеской. Литовская муза не находитъ прелести въ преступленіяхъ и злодѣяніяхъ, не тѣшитъ воображенія ничѣмъ соблазнительнымъ и развращеннымъ. Въ этомъ отношеніи она, при сравненіи съ поэзіею славянскихъ народовъ, далѣе всего отстоитъ отъ поэзіи велико-русовъ, болѣе другихъ соплеменниковъ перешедшихъ черезъ рубежъ сельскаго быта въ область городскаго. Въ литовской поэзіи въ образахъ нѣтъ ни выпуклости, ни рѣзкихъ чертъ: они воздушны, туманны; краски на нихъ не ярки, но нѣжны и мягки; нельзя назвать ее мрачною и грустною, нельзя назвать и веселою, разгульною. Въ ней не слышно ни раздрающаго вопля отчаянія, ни неистоваго смѣха; нѣтъ ни ослѣнительнаго свѣта, ни чернаго мрака; какая-то таинственность разлита въ ея созданія; міръ, куда она вводитъ насъ, напоминаетъ весенній вечеръ, когда при ясной зарѣ, въ душнстомъ воздухѣ, среди младенческой, чуть только воскресшей изъ подъ снѣга природы, чувствуется разомъ и упоеніе молодой жизни и легкая грусть. Литовское племя и въ своей жизни и въ своей поэзіи представляетъ переходъ отъ дѣятельной индо-европейской натуры къ страдательному быту финскихъ народностей, соединеніе живучести западныхъ началъ съ восточною неподвижностію.

Позже всѣхъ индо-европейскихъ народовъ принявши христіанство, болѣе и долѣе, чѣмъ другіе, сохранили литовцы до нашего времени слѣдовъ мифологій въ своихъ пѣсняхъ, сказ-

кахъ, преданіяхъ и обычаяхъ; изъ всѣхъ мифологическихъ вѣрованій уцѣлѣли болѣе всего слѣды поклоненія солнцу и небеснымъ свѣтиламъ и явленіямъ. Оно естественно, потому что въ земледѣльческомъ быту и жизни и работы измѣряются по годичнымъ и метеорологическимъ перемѣнамъ. Солнце въ литовскихъ пѣсняхъ олицетворяется существомъ женскаго пола, и называется божьей дочерью (*saulyte dewo dukte*). Оно — существо благое, человѣколюбивое, справедливое и сострадательное къ несчастію. Гдѣ ты пребывала, Савлита, дочь божія? говорится въ одной пѣснѣ. Савлита отвѣчаетъ: за морями, за горами; я призрѣвала сиротъ, согрѣвала пастуховъ, всѣмъ раздавала блага! Ей прислуживаютъ утренняя (*auszrine*) и вечерняя (*wakarine*) звѣзды: утренняя зажигаетъ ей огонь, вечерняя приготовляетъ ей на ночь постель.

*Saulyte Déwo dukte,
Kur taip ilgay užtrukai?
Kur taip ilgay gywenai,
• Nu mustū atstojusti?*

*Po juriū, po kalneliū
Kawojau sirateles,
Suszildau pemenaczus.
Daug mano duwaneliū.*

*Saulyte Déwo dukte,
Kas rytaiš wakareleis
Prakure taw ugnele?
Taw klojo pataleli?*

*Auszrine, wakarine,
Auszrine ugnuželę,
Wak'rine pataleli;
Daug mano gimenelės.*

(Nesselm. I.)

Мѣсяць (*menes*) представляется существомъ мужскаго пола и супругомъ Савлиты (солнца). Въ одной пѣснѣ рассказывается, что мѣсяць прежде ходилъ по небу съ своей супругою, и выходили и заходили они вмѣстѣ, и на ночлегъ

и мѣстѣ возвращались. Но однажды, когда по обычаю, Менесь повелъ свою Савлиту домой и уложилъ ее спать, самъ ушелъ отъ ней погулять и влюбился въ Аушрину (утренницу). Солнце вроснулось и пошло по небу одно, безъ супруга. Узнавъ объ этомъ, Перкуносъ разрубилъ невѣрнаго мечемъ пополамъ, и оттого мѣсяцъ является съ половиною лица, и оттого свѣтъ его такой грустный. Впрочемъ невозможно въ настоящее время изъ этихъ неясныхъ отрывковъ древней фантазіи заключить, что въ язычествѣ было именно такое представление, какъ въ пѣснѣ. Народная фантазія работала и впоследствии, послѣ паденія язычества, и нельзя съ точностію опредѣлить, что принадлежитъ раннему, и что — позднѣйшему ея труду.

Въ народныхъ пѣсняхъ есть еще инаго рода представление о свѣтилахъ: въ одной пѣснѣ утренняя звѣзда изображается не любовницею Менеса, не соперницею Савлиты, а ея дочерью; разрушеніе Перкуномъ относится не къ мѣсяцу, а къ дереву — дубу. Савлита выдаетъ дочь свою Аушрину замужъ; вдругъ пришелъ Перкунасъ и разрубилъ пополамъ зеленый дубъ; изъ него потекла кровь и обрызгала брачный нарядъ и дѣвическій вѣнокъ Аушрины; дочь солнца плачетъ и цѣлые три года собираетъ разсыпанные листья своего дѣвичьяго вѣнка. «Гдѣ я вымою свое платье?» спрашиваетъ она матери. Савлита отвѣчаетъ: «въ томъ пруду, куда текутъ девять ручьевъ.» «Гдѣ я буду его сушить?» спрашиваетъ Аушрина. «На лугу, гдѣ растеть девять розъ,» отвѣчаетъ мать. «А когда я буду носить его?» продолжаетъ дочь. «Тогда, когда взойдетъ девять солнць.» Этотъ отрывокъ, безъ сомнѣнія языческаго происхожденія, чрезвычайно неясенъ, и долженъ быть обломкомъ какой-нибудь священной исторіи. Выше было замѣчено, что число девять — священное въ языческой литовской числительности, какъ и въ скандинавской мифологіи. Переводчикъ хроникъ Іоанна Малалы говоритъ, что, по литовскому вѣрованію, Сояя долженъ былъ съѣсть девять селезенокъ и потомъ проходить черезъ девять воротъ въ адъ. Святость числа девяти, кажется, происходила отъ числа трехъ, которое у всѣхъ извѣстныхъ народовъ земнаго шара имѣетъ святое и симво-

лическое значеніе; девять есть три раза три, следовательно трижды святое, трисвятое.

Въ пѣсняхъ говорится о божьихъ сыновьяхъ и божьихъ дочеряхъ; вѣроятно подъ тѣми и другими разумѣли въ мифологическое время духовъ или боговъ, витающихъ въ природѣ. Одна пѣсня говоритъ: «подъ кленомъ течетъ ручеекъ; тамъ при свѣтѣ луны танцуютъ божьи сыны съ божьими дочерьми». Вѣроятно здѣсь эти божіи дочери — вандинніи, водяныя нимфы, одностепенныя съ нашими русалками. По народному вѣрованію, эти вандинніи, прекрасныя собою, выходятъ изъ воды и танцуютъ въ хороводѣ; ихъ очи блестятъ какъ небесныя звѣзды, а ихъ кудри шелестятъ очаровательною музыкою, но никакой человѣкъ не можетъ видѣть ихъ хоровода, потому что коль-скоро услышитъ музыку кудрей, то приходитъ въ упоеніе и засыпаетъ; — только тотъ, кто достанетъ волшебный прѣтокъ паноротника, можетъ созерцать невыразимо стройную пляску и слышать очаровательное пѣніе водяныхъ красавицъ. Этого мало: тотъ можетъ подчинить себѣ вандинній и заставить ихъ ловить себѣ рыбу. Тѣ, или можетъ быть другія, божія дочери прислуживали героямъ, какъ скандинавскія валькпріи. Кто будетъ тебѣ служить въ далекой угорской землѣ? говоритъ мать отгѣзжающему на войну сыну. Онъ отвѣчаетъ: божія дочери бѣлыми руками, ласковыми словами! Кажется, въ обширномъ смыслѣ божіими дочерьми назывались вообще всѣ богини или фантастическія существа женскаго пола. Въ ихъ кругъ относятся и лаймы, добрыя дѣвы, покровительницы дѣторожденія и дѣтей; о нихъ остались преданія въ пѣсняхъ; эти дѣвы также называются божіими дочерьми. Кто будетъ качать твое дитя? говоритъ мать дочери. Его будетъ качать лайма въ своей колыбели, отвѣчаетъ дочь. О лаймахъ остались въ изрядѣ поэтическія сказанія. Эти лаймы тоже, что наши рожаницы — добрыя дѣвицы — гении, соблюдающіе жизнь человѣка. Впоследствии, подъ вліяніемъ христіанства, представленіе о нихъ измѣнилось, и какъ существа языческаго міра, возносимыя священниками, онѣ поступили уже въ разрядъ злыхъ демоновъ. Народъ вѣритъ, что лаймы похищаютъ маленькихъ дѣтей. Повѣрье это имѣетъ аналогію съ древ-

нимъ значеніемъ лаймы, какъ дѣтской богини. Лаймы крадутъ у матерей младенцевъ и оставляютъ вмѣсто ихъ другихъ, которыхъ онѣ дѣлаютъ изъ соломы или изъ прутьевъ и чудодѣйственно сообщаютъ имъ жизнь. Подложенныя такимъ образомъ, вмѣсто настоящихъ, дѣти никакъ не могутъ достигнуть полнаго развитія человѣческой жизни. Однажды въ домѣ работникъ подсмотрѣлъ, какъ двѣ лаймы украли у хозяйки новорожденнаго ребенка и унесли его въ кухню; тамъ сдѣлали изъ помела другаго ребенка и заспорили: кому изъ нихъ нести его, и положить подлѣ матери въ колыбели; не согласившись никакъ, рѣшились они нести его обѣ, и оставили настоящаго ребенка на столѣ. Работникъ взялъ его. Лаймы, воротившись въ кухню, не нашли своей покражки и стали между собою ссориться; вдругъ заплѣлъ пѣтухъ и онѣ исчезли. На силу растолкавъ послѣ того хозяйку работникъ, такъ глубоко былъ сонъ, посланный на нее лаймами. Вставши, хозяйка благодарила работника, что онъ ее разбудилъ, и рассказывала, что въ это время ей снился сонъ, будто бы на нее навалилась ужасная тяжесть. Увидѣли двухъ младенцевъ—одинъ на другаго похожихъ, но тотъ, котораго оставили лаймы, былъ какъ будто полуживъ, и какъ бы недотворенъ. Работникъ сказалъ объ этомъ священнику. Заставивша присягнуть въ истинѣ разсказа, священникъ велѣлъ дитяти лаймы отрубить голову, но не иначе, какъ до окончанія сутокъ со времени, когда лаймы его сдѣлали: иначе онъ будетъ уже совершенно живъ и нельзя будетъ умертвить живое существо. Работникъ, однако, подождалъ возврата хозяина, ѣздившаго въ городъ, и когда вдвоемъ они стали рубить голову лаймину сыну, то изъ жплъ его потекла кровь, но еще кое-гдѣ въ организмѣ были соломенные стебли, не успѣвшіе превратиться въ жплы. Впрочемъ, не всегда подмѣненныя дѣти творятся изъ соломы или прутьевъ; ихъ считаютъ также и дѣйствительными дѣтьми лаймъ, но все таки они остаются какими-то недоносками и съ огромною, несоразмѣрною головою. У одной женщины было подобное дитя, которое достигло двѣнадцатилѣтняго возраста, не говорило и было до того слабо, что его надобно было водить и даже носить. По наученію какого-то знахаря, мать развела огонь, взяла

куриное яйцо и выпустила въ чашку съ водой, повѣсила два маленькихъ котелка и хотѣла варить алусъ (родъ домашняго пива). Вдругъ дитя отозвалось: «мама! что ты хочешь дѣлать?» — Алусъ варить! — «Я такъ старъ, что помню, какъ выходилъ изъ земли большой лѣсъ, который теперь уже усохъ, а такого дива не видывалъ!» Сказавши это, онъ захворалъ и умеръ. Лаймы шатаются между людьми и дѣлаютъ свои проказы по вечерамъ въ четвергъ, и тогда-то матери должны особенно беречь своихъ новорожденныхъ дѣтей; тогда женщины держать всю ночь огонь въ домѣ; въ эти вечера также остерегаются прясть, ибо иначе можетъ явиться лайма, немного попрядетъ сама и унесетъ съ собой всю чужую пряжу. Иногда онѣ, если и не унесутъ съ собой ребенка, то сдѣлаютъ ему вредъ; однажды мать купала свое дитя и вышла изъ дому; лайма это видѣла и вбѣжавъ въ избу, напла кипятку и положила въ него ребенка; отъ этого у него облѣзла вся кожа и онъ умеръ.

Но о лаймахъ остались не однѣ дурныя вѣсти; иногда онѣ и теперь еще являются добрыми существами. Напримеръ, одной бѣдняжкѣ-сиротѣ лайма носила полотно и пестрыя ткани на бѣлье и на наряды, но съ уговоромъ: не мѣрять этого. Сирота не послушалась и въ одинъ мигъ исчезло все, подаренное лаймою.

Лаймы представляются красавицами. Въ одинъ домъ являлась лайма и душила во снѣ молодаго человѣка. По совѣту знахарей, онъ отправился въ лѣсъ, срубилъ въ непроходимой чащѣ дубокъ, сдѣлалъ изъ него колотушку, заостренную кверху на подобіе клина, обдѣлалъ ее топоромъ, составленнымъ изъ девяти кусковъ желѣза, съ липовымъ обухомъ. Этой колотушкой слѣдовало забить дыру въ стѣнѣ, куда пролѣзала лайма. Ночью, услышавши, что лайма въ избѣ, онъ всталъ и заткнулъ щель. Цѣлую ночь до разсвѣта слышалъ онъ, какъ въ углу что-то возплось и дарапало, будто кошка. Утромъ онъ увидѣлъ предъ собою прекраснѣйшую дѣвушку. Онъ женился на ней. Она была чрезвычайно кротка и послушна, но очень странна: не могла ничего ни начать, ни кончить; надобно, чтобъ кто-нибудь началъ дѣло — она работаетъ по указанію, но кончить дол-

женъ кто-нибудь иной. Какъ ни старался мужъ, — никакъ не могъ ее измѣнить. Ототкни щель, сказала она: — можетъ быть, тогда я съумѣю и начать и кончить дѣло! Мужъ долго не хотѣлъ, догадываясь, что она улизнетъ отъ него; но наконецъ она какъ-то упросила его. Онъ ототкнулъ — и лайма въ первую же ночь исчезла отъ него; послѣ того каждый четвергъ вечеромъ она приносила своимъ дѣткамъ бѣленькую рубашку, но уже не показывалась мужу.

Въ числѣ многихъ разказовъ о лаймахъ чрезвычайно замѣчательна по своей древности одна сказка такого склада: Лицо, называемое въ сказкѣ плотникомъ, пошло по свѣту и встрѣтилось сначала съ Перкунасомъ — духомъ грома и молніи, потомъ съ вѣтромъ, который въ сказкѣ называется дьяволомъ. Они вмѣстѣ исторгали съ корнемъ вѣковѣчные лѣса, плотникъ сдѣлалъ плугъ и борону, постѣялъ хлѣба и всякихъ овощей и домъ состроили. Вдругъ ночью у нихъ изъ огорода стала пропадать рѣпа. Надобно было подкараулить вора. Сначала отправился дьяволъ (вѣтеръ), хотѣлъ схватить вора, но воръ такъ его ударилъ, что тотъ едва не умеръ; потомъ отправился на караулъ Перкунасъ, и его также поколотилъ воръ. Наконецъ, когда пришло время идти третьему — плотнику, караулить огородъ — онъ взялъ съ собою скрипку и началъ играть. Воръ явился и похлопывая бичемъ, кричалъ: пчъ! пачъ! желѣзная телѣжка, проволочная плеть! Плотникъ заигралъ; воръ заслушался: это была лайма, дѣва дикая, жившая въ лѣсу: никто ее одолѣть не могъ. Ей такъ понравилась музыка, что она подошла и стала просить выучить ее играть. Плотникъ замѣтилъ, что у ней пальцы слишкомъ толсты и надобно ихъ обстругать. Онъ расчепилъ дерево и лайма, по его приказанію, вложила туда пальцы обѣихъ рукъ. Плотникъ прижалъ ихъ деревомъ такъ, что изъ пальцевъ выступила кровь, а самъ отмѣрилъ ей по спинѣ нѣсколько тяжеловѣсныхъ ударовъ тѣмъ самымъ проволочнымъ бичемъ, которымъ она угостила его товарищей. По усильной просьбѣ, онъ однако освободилъ ее. Она исчезла и оставила у него свою желѣзную телѣжку и проволочную плеть.

Съ-тѣхъ-поръ трое товарищей жили спокойно и продол-

жали обрабатывать поля и никто уже не мѣшалъ имъ и не вралъ у нихъ плодовъ и овощей. Но потомъ наскучило имъ общинное житіе; пусть, сказали они, — владѣть одинъ изъ насъ всѣмъ. Рѣшили, что каждый по очереди долженъ пугать двухъ другихъ и кто не испугается, а, напротивъ, самъ больше прочихъ надѣлаетъ другимъ страха, тотъ получитъ во владѣніе домъ. Началъ сперва пугать товарищей вѣтеръ: подулъ такъ, что стѣны дома задрожали и Перкунасъ выскочилъ въ окно, а плотникъ развернулъ свой молитвенникъ и вѣтеръ не могъ его привести въ ужасъ. Потомъ Перкунасъ загремѣлъ и заблесталъ молніею такъ, что казалось не только домъ, но весь окрестный лѣсъ провалится сквозь землю, а молнія блистала такъ, что, казалось, вотъ все сожжетъ — и вѣтеръ въ окно улетѣлъ, а плотникъ не испугался, потому что занялся своимъ молитвенникомъ. Когда же по очереди на третью ночь пришлось пугать плотнику своихъ товарищей, то онъ взялъ желѣзную телѣжку и проволочную плетъ, что отнялъ у лаймы, хлопаетъ бичемъ, телѣжку катитъ, а самъ кричитъ: пачъ! пачъ! желѣзная телѣжка, проволочная плетъ! Перкунасъ и вѣтеръ какъ услышали — подумали, что это та самая лайма, что ихъ такъ сильно поколотила и убѣжала! И такимъ образомъ плотникъ сталъ обладателемъ всего хозяйства, подсмѣиваясь надъ своими товарищами, которые не могли его испугать ни бурею, ни грозю, а онъ ихъ испугалъ телѣжкою и бичемъ.

Въ этой сказкѣ видно древнее сознаніе побѣды человѣческаго ума надъ силами природы. Плотникъ здѣсь вѣроятно странствующая свѣтоносная божественная сила, водворяющая образованность на землѣ — Аполлонъ, Тезей, Геркулесъ Греціи, Свантовитъ славянскій, Бальдуръ скандинавскій. Что касается до лаймы, то едва ли не замѣнено здѣсь лаймою въ послѣдствіи, по ошибкѣ, другое мнѣологическое имя — можетъ быть, лѣсная Рагана — то же, что сербская вѣла, дикое, сильное и воинственное существо, но уступающее мудрости человѣческой болѣе, чѣмъ всякой богатырской силѣ.

Изъ другихъ мнѣологическихъ существъ парстукъ, если не въ пѣсняхъ, то въ сказкахъ играютъ до-сихъ-поръ не-

наловажную роль. Эти подземные божки являются хитрецами; дѣлающими проказы человѣку.

Въ одной сказкѣ трое охотниковъ отправились на охоту; двое должны были каждый день ходить по лѣсу за добычею, а третій, по очереди, готовить имъ обѣдъ къ ихъ приходу. Но когда, такимъ образомъ, оставался въ набѣ одинъ, исправлявшій должность повара, явился маленькій человѣчекъ, ростомъ не больше ступни, съ бородой, длинной въ сажень, и жалобно плакалъ, и просилъ дать поѣсть. Его просьбы казались такъ трогательны, что невозможно было отказать ему, но коль скоро ему давали кусокъ мяса, проказникъ рывалъ его и просилъ поднять, увѣряя, что самъ не въ сплахъ отъ болѣзни ни приподняться, ни нагнуться. Когда растроганный поваръ подаль ему кусокъ, парстукъ вскакивалъ ему на плеча и начиналъ тузить кулаками. Измучивши его дотѣхъ поръ, что онъ падалъ въ изнеможеніе, парстукъ исчезалъ изъ избы. Такимъ образомъ шалунъ успѣлъ измучить двоихъ, одного за другимъ, но когда пришла очередь столкнуться съ нимъ третьему — этотъ третій не дался въ обманъ, но поймалъ самого карлика за огромную бороду и расценивъ колоду, всадилъ туда его бородою. Парстукъ освободился изъ такого неприятнаго положенія, оставивши въ раздѣлиніи половину своей бороды.

Вода у древнихъ лтговцевъ имѣла религіозное значеніе, и до-сихъ-поръ это ярко выказывается въ памятникахъ народной поэзіи. Въ пѣсняхъ безпрестанно является вода въ разныхъ видахъ, какъ любимая обстановка того, къ чему обращается чувство. Свиданіе молодца съ дѣвицею происходитъ всегда у воды, у источника, который обыкновенно течетъ изъ подъ дерева, чаще кленоваго. Къ ручью ходитъ дѣвица выплакивать свое тайное горе и ея слезы сравниваются со струями ручья. Чрезвычайно часто является въ народныхъ пѣсняхъ море; оно символъ далекости; колышутся волны моря, стоитъ на берегу его старая родимая матушка, а на другомъ берегу ея дочь. Посылаетъ дочь къ матушкѣ поклонъ, заываетъ къ себѣ матушку, да той нельзя прійти. Изъ за моря пріѣзжаетъ молодой человѣкъ сватать дѣвицу. Поплыть на море — на поэтическомъ языкѣ

значить пуститься въ неизвѣстное. Дѣвица лишается дѣвства (чаще духовнаго незначія любви) — что выражается бросаніемъ вѣпка въ море. Очень часто говорится о плавающихъ по морю корабляхъ. Всѣ такіе образы указываютъ на древнее знакомство народа съ моремъ и на священное значеніе, которое море играло въ старыхъ вѣрованіяхъ. Въ одной пѣснѣ упоминается даже о морскомъ богѣ Бангпуттисѣ, перевертывающемъ суда пловцевъ. Въ другой пѣснѣ обломокъ какой-то мнѣологической исторіи объ утонувшей дѣвушкѣ: росли три липы изъ одного корня, изъ подъ нихъ вытекала быстрая рѣка; три сестрицы переходятъ черезъ рѣку, держась за вѣтви липъ; двѣ перешли, третья утонула; и понесли ее быстрыя воды въ Нѣманъ, а изъ Нѣмана въ Русь, изъ Руси въ океанъ-море и прибила ее волна къ берегу; тамъ изъ нея выросла зеленая липа съ девятью густыми вѣтвями; ѣхалъ молодецъ-братецъ, сломилъ вѣтвь и сдѣлалъ себѣ стрѣлу; пустилъ онъ стрѣлу — стрѣла поетъ жалостно; грустный отголосокъ достигаетъ до ушей матушки: «Это душа моей дочери» сказала она: мечется она надъ волнами! Эта пѣсня, чрезвычайно неясная, тѣмъ замѣчательна, что подобная, съ такими же туманными образами, есть и у славянъ; напримѣръ, у малороссіянъ, и поется на купальскомъ праздникѣ, а это уже показываетъ ея древность.

Въ народной памяти (по свидѣтельству Нарбутта) сохранилась поэтическая баснословная исторія морской богини Юраты. На днѣ моря Балтійскаго (бѣлаго отъ *baltas* — бѣлый) былъ когда-то янтарный чертогъ Юраты, царицы моря. Однажды узнала она, что люди начали ловить рыбу въ морѣ. Собрала Юрата своихъ совѣтницъ и прислужницъ и держала съ ними совѣтъ — что дѣлать съ рыбаками, которые стали истреблять принадлежащія ей власти рыбъ. Сама царица, прежде хоть и любила покушать рыбки, но не рѣшалась этихъ любимыхъ ея тварей лишать жизни; а только обгрызала у нихъ бока, и пускала опять на волю, отъ этого-то — говорятъ литовцы — и находятъ въ морѣ одnogлазыхъ рыбъ. Рѣшено было въ совѣтѣ заманивать рыбаковъ на морское дно. Но случилось, что сама царица влюбилась въ одного рыбака и вмѣсто того, чтобъ заманить

его на дно и утопить за истребленіе рыбъ, устроила съ нимъ постоянныя свиданія на берегу моря. На бѣду ихъ узналъ Перкунасъ, что богиня соединяется любовью съ смертнымъ, поразилъ рыбака и разбилъ громомъ въ дребезги янтарный чертогъ Юраты.

Прамжмасть (судьба) опредѣлила такое наказаніе самой богини: передъ трупомъ своего возлюбленнаго, она, прикованная на днѣ моря, должна вѣчно оплакивать свое паденіе; и часто балтійскіе пловцы слышатъ подводные стоны Юраты и вода выноситъ обломки янтарнаго чертога бывшей повелительницы моря.

Болото въ литовской демовологiи было жилище своего рода духовъ, которымъ придавалось вообще болѣе злое значеніе. У литовцевъ существуетъ преданіе о неизмѣримыхъ пропастяхъ посреди болотъ; въ одной изъ нихъ живетъ подземная царица, нѣкогда сидѣвшая на утесномъ тронѣ. Въ древнія времена она свела съ облаковъ воздушный корабль въ свою бездну и водворилась въ немъ, мачта этого корабля высовывалась нѣкогда наружу: прадѣды видѣли ее собственными глазами, но теперь она уже не видна и покрылась сверху островомъ. Въ старину царица выходила изъ своей бездны и жители окрестностей, пугаясь такого призрака, приглашали чернокожниковъ выгонять ее изъ ихъ отечества. Но богиня объявила, что если она переселится отъ нихъ, то всѣ окрестныя луга покроются водою, потому что главное отверстіе, ведущее въ бездну, теперь закрыто лошадиной головой; если же она выйдетъ изъ своей пропасти, то отверстіе останется не заткнутымъ и подземная вода хлынетъ безъ удержу. Поэтому ее и оставили въ покоѣ. Множество бѣсовъ снуютъ всегда по болоту; они дѣлаютъ людямъ разное безпокойство и вредъ.

Изъ предметовъ растительнаго царства природы многіе цвѣты и деревья имѣютъ символическія значенія и нерѣдко являются они въ олицетворенныхъ образахъ. Ничто не имѣетъ въ народныхъ пѣсняхъ такого символическаго значенія какъ рута, которая, также какъ и у славянскихъ народовъ, есть символъ дѣвственности, ни одна дѣвическая пѣсня не обходится безъ руты. Состояніе дѣвчества выра-

жается символомъ рутянаго огорода. Дѣвица цвѣтетъ своимъ дѣвствомъ, бережетъ свое дѣвство. Это выражается образомъ, что дѣвица ходитъ въ рутяномъ огородѣ и поливаетъ руту; цвѣтеніе руты символизируетъ разцвѣтъ дѣвческой красоты. Молодежь знакомится съ дѣвицею въ рутяномъ саду и женихъ, пріѣзжая къ невѣстѣ, застаётъ ее въ рутяномъ садикѣ, среди зеленѣющей руты. Броситъ рутяной вѣнокъ въ воду — значитъ прекращеніе дѣвства. Ухаживаніе молодца за дѣвицею выражается образомъ, что молодецъ поѣхалъ конемъ въ рутяной огородъ дѣвицы и потопталъ въ немъ руту. Рута всегда растетъ при водѣ, а вода — священный символъ чистоты. Вѣстѣ съ рутою нерѣдко упоминается и лилія, символизирующая также красоту и цѣломудріе; но лилія служила для выраженія и любовнаго чувства, чѣмъ никогда не бываетъ рута; ибо молодецъ сравниваетъ благосклонную къ себѣ красавицу съ лиліею, но никогда съ рутою. Лилія и роза значатъ дѣвицу, а біунъ (піонъ) — молодца: эти цвѣты въ пѣсняхъ символизируютъ любовную чету. Майоранъ — цвѣтокъ, очень употребительный въ пѣсняхъ — всегда символъ дружелюбія, гостепріимства, учтивости, точно какъ василекъ въ малороссійскихъ пѣсняхъ. Знакомство дѣвицы съ чувствомъ любви выражается такими обрядами: дѣвица рветъ майоранъ, или дѣвпцы идутъ покупать майоранъ, дѣвицы приглашаютъ благосклонно жениха и дарятъ ему майоранъ. Майоранъ символъ отдачи замужъ и согласія на бракъ: «о майоранъ зеленый, — говоритъ къ нему въ пѣснѣ невѣста, — кто садилъ тебя? кто поливалъ, кто обрѣзывалъ тебѣ вѣтви? Сестры сажали тебя и поливали, и вѣтви съ тебя обрѣзывали, а вдовецъ тебя засушить.» Когда молодецъ пріѣзжаетъ къ дѣвицѣ съ предложеніемъ, то дѣвица приходитъ къ нему съ пучкомъ майорана.

Хлѣбныя растенія упоминаются въ пѣсняхъ, и въ народныхъ повѣртіяхъ имѣютъ священное значеніе. По свѣдѣтельству Нарбутта, въ народѣ до-сихъ-поръ существуетъ древнее мнѣологическое повѣріе о Круминѣ — богинѣ, которое похоже на исторію греческой Цереры. Была у этой богини дочь; вышла она изъ своихъ палатъ на берегъ рѣки

Руса и увидѣла по среднѣ ея русла вышнй цвѣтокъ; она вопыла къ нему и только что достигла до него, какъ провалилась въ жилище подземнаго божества Поклюса и должна была сдѣлаться его женою. Мать долго не знала гдѣ она, и пошла къ міру искать ее; проходя по литовской землѣ, она научила жителей земледѣлю. Въ старину хлѣбные зерна пользовались религіознымъ уваженіемъ и предавались освященію, ибо и теперь сохраняется въ Литвѣ, подобно какъ въ Малороссіи на новый годъ, обычай посыпать хлѣбными зернами на рождество, но съ такой обстановкой, которая указываетъ, что этотъ обычай имѣлъ религіозное значеніе: прежде чѣмъ начать посыпать хлѣбными зернами, слѣдуетъ продержать ихъ въ рукѣ во все время обѣдни.

Изъ деревьевъ и кустарниковъ народная поэзія любитъ слѣдующіе: розовый кустъ, клѣнъ, липу, вербу, дубъ, сосну и березу. О розовомъ кустѣ сохранилось нѣсколько пѣсней, ясно обличающихъ въ себѣ обломки какихъ-то мнѣологическихъ разсказовъ. «Мать земля цвѣтопроизводительница—говорится въ одной пѣснѣ—куда мнѣ посадить розовый кустъ? На высокой горѣ посажу его, на берегу близъ моря. Гдѣ я найду отца-мать? Найдешь ихъ на высокой горѣ, на берегу близъ моря! Вотъ выросло розовое дерево, вершина его въ облакахъ; подъ нимъ я нашла молодца на божіемъ конѣ. О милая дѣва, о пышная дѣва! Воротися назадъ домой: отецъ и мать справляютъ свадьбу сестры твоей. Здравствуй мой батюшка, здравствуй моя матушка! Зачѣмъ вы меня отвергнули, въ море бросили? Я выросла, стала большая дѣвушка и нашла колыбель, гдѣ играла я, будучи дитятею.»—Въ другой пѣснѣ въ розовое деревцо превращается душа молодца, умершаго отъ тоски; оно выросло на его жюгнѣ; приходили молодыя дѣвицы рвать цвѣточки розовые. Не рвите, дѣвицы, не рвите. Приходила молодая сестра и сорвала пупочку, а матушка заплакала и молвила: не рвите, не рвите цвѣточикъ съ этого дерева; этотъ цвѣточекъ душа молодца, что скончался отъ тоски. Кленъ и липа въ пѣсняхъ символизируетъ любовную чету: молодець изображается въ образѣ клена, дѣвица въ образѣ липы. Древнее мнѣологическое значеніе липы высказывается въ пѣсняхъ,

хотя темными мѣстами. Дѣвица говорила, что когда ея маленькіе братья выростутъ, то сдѣлаютъ себѣ дворъ и посадятъ по липѣ на каждомъ изъ восьми угловъ двора; на липѣ куковать будетъ кукушечка сладкимъ голосомъ. Въ другой пѣснѣ женщина, удаленная отъ своего рода, говоритъ: липовые листья будутъ мнѣ подушками; липовые листья будутъ мнѣ вмѣсто матернихъ рукъ; листья съ липы упадутъ на меня вмѣсто матернихъ ласковыхъ словъ. Липа имѣла въ древности вѣроятно и значеніе для отжившихъ, потому что сажалась на могилахъ женщинъ; такъ въ одной пѣснѣ сирота дѣвица говоритъ, что на могилѣ ея матушки стоитъ липа. На могилѣ отца представляется посаженнымъ дубъ. Это дерево изображается олицетвореннымъ и разговариваетъ съ вѣтромъ. Пѣсня о разсѣченіи дуба Перкунасомъ и о вытекающей изъ подъ его коры крови показываетъ древнее вѣрованіе въ одушевленіе деревьевъ.

Изъ птицъ въ народной жизни представляется болѣе всѣхъ, въ знаменательныхъ образахъ кукушка (*gezu-lise*) возвѣстница правды и будущаго. Кукушка, говорится въ одной пѣснѣ, сидя на липѣ, предвѣщаетъ разлуку дѣвицы съ отцемъ и матерью, то есть выходъ замужъ; это намекаетъ на древнее гаданье по кукованью кукушекъ; слѣды его видны и теперь въ суевѣрныхъ вопросахъ кукушкамъ, сколько жить лѣтъ и пр., которые литвины и латыши задаютъ кукушкамъ, точно также какъ и наши поселяне. Кукушка помѣщается на деревѣ, на которомъ девять вѣтвей; это число вѣтвей, священное въ литовской мифологіи, подтверждаетъ древнее религіозное значеніе этой птицы: любимое дерево, на которомъ по народному поэтическому представленію сидитъ чаще всего кукушка — липа, но иногда помѣщалась она въ пѣсняхъ и на соснѣ и рѣдко на кленѣ. Кукованье кукушки имѣетъ часто грустное значеніе: съ нимъ сравнивается плачь дочери, увезенной отъ матери въ чужую сторону въ замужество. Есть пѣснь о превращеніи женщины въ кукушку въ томъ же точно родѣ, какъ у великороссіянъ и малороссіянъ. Дѣвица въ видѣ кукушки посѣщаетъ своего милаго молодца. «О сонъ дремота! мнѣ сказать хочется! усну я, усну, и стану кукушечкой, и буду я ку-

ковать утромъ и вечеромъ. Отдала меня мать за горы высокія, за рѣки глубокія; ворочусь я къ моей матушкѣ въ садочикъ къ старой отцовской хатѣ. Займу я пестрыя крылышки у кукушечки, полечу пестрою кукушкою по лѣсу, сяду въ вишневомъ садикѣ на зеленую рутяную грядку; буду я качаться, буду куковать, чтобъ услышала моя матушка. Какъ она услышала, матушка, мой голосокъ: что это, не дочка ли моя молодая; узнаю я мою дочку по кукованью грустному, по полету тихому. Узнаю мою молодую, въ чужую сторону отданную замужъ: прилетѣла свою матушку провѣдать. У ней коса русая, щеки румяныя, она моя дочка, мое милое дитятко! Вышла матушка изъ старой хаты. Плачетъ горькими слезами, обнимаетъ дочку; вышелъ изъ високаго терема батюшка, привѣтъ даетъ доченькѣ; выходитъ сестрица изъ рутянаго садика, прижимаетъ къ сердцу сестрицу свою молоденькую, выходитъ братецъ изъ новой конюшни, ведетъ въ рукѣ верховаго коня, подступаетъ къ молодой сестрицѣ.» Въ другой литовской пѣснѣ идетъ молодецъ черезъ дворъ и не знаетъ, что это за птица явилась. У ней голосъ какъ у дѣвicy, а пестрыя перья какъ у птицы кукушечки. Еще въ одной пѣснѣ дѣвица, избѣгая брака съ немилымъ суженымъ вдовцемъ, превращается въ кукушку; идетъ немилый вдовецъ и хочетъ ее стрѣлять, а она ему говоритъ: «не стрѣляй меня! я не птица, я отеческая дочь.» У южноруссовъ сохранилась исторія о сестрѣ, которую хотѣли отдать насильно замужъ и она, чтобъ избѣжать горькой судьбы, превратилась въ кукушку.

Кромѣ кукушки въ пѣсняхъ встрѣчаются соколъ, голубь, ласточка, соловей, зябликъ, утка. Соколъ символъ богатаго, знатнаго молодца: прилетаетъ соколъ изъ королевскаго сада; приѣзжаетъ молодецъ изъ далекой сторонки. Голубь также означаетъ молодца статнаго, красиваго и влюбленнаго. Въ литовской поэзіи встрѣчается образъ, частый въ малороссійскихъ пѣсняхъ; голуби вмѣстѣ слетаются пить воду и это означаетъ наслажденіе любовнымъ чувствомъ. Голуби, напившись воды, вмѣстѣ; полетѣли и сѣли на зеленой соснѣ въ лѣсу, и весь лѣсъ застоналъ, и всѣ деревья согнули низко свои вѣтви. Ласточка имѣетъ поэтическій эпитетъ: воздушная плы-

вунья (kreugdintele lakivcie). О соловѣй народъ сложилъ пѣсню, гдѣ человѣкъ ведетъ разговоръ о житьѣ-бытьѣ птицы. «Что ты соловушка, рѣзвая пташка, что не поешь? какъ мнѣ пѣть, пастухи разорили мое гнѣздышко, говорятъ будто я выклевалъ пшеницу, растопталъ траву на лугу, напугалъ воронныхъ коней. А это совсѣмъ неправда! меня молодцы оклеветали; я не выклевывалъ пшеницы, не вытаптывалъ травы на лугахъ, не распугивалъ воронныхъ коней. Образы природы чрезвычайно переплетаются въ пѣсняхъ, и очень разнообразны. Здѣсь упомянуты тѣ, которые особливо часто и съ любовію высказываются въ народной поэзіи.

Въ литовскихъ пѣсняхъ видна чрезвычайная сживчивость человѣческаго существа съ природою; воображеніе не представляетъ себѣ наслажденія жизнью какъ только на ея лонѣ. Дѣвица, оплакивая свое дѣвство, житье беззаботное и веселое у родимой матушки, говорить: «моя свѣтлица—березовая роща; постель мнѣ — мурава зеленая на лужку; на лѣсной опушкѣ подъ зелеными вѣтвями — коморка моя; вода въ студеномъ колодцѣ — вино мое.

Какъ вообще въ народныхъ пѣсняхъ, въ литовскихъ любовь играетъ главную роль, но едва ли гдѣ-нибудь выраженіе любви болѣе деликатно, болѣе дѣвственно, болѣе трезво, какъ въ литовской поэзіи. Литовская дѣвица не страстна, и не только не порывается къ любви, но принимая ее, сохраняетъ стыдливость; муза литовская не допускаетъ сладострастныхъ образовъ и выраженій: это отличительный характеръ эротической поэзіи литовской. Для каждаго положенія въ исторіи любви юноши и дѣвицы есть свои символическія черты и образы: обыкновенно, дѣвица знакомится съ молодцомъ у воды, куда она идетъ мыть бѣлье; молодецъ къ ней пріѣзжаетъ на ворономъ конѣ. У дѣвицы спадаетъ вѣнокъ въ воду, а молодецъ досталъ его: спадающій вѣнокъ всегда означаетъ знакомство съ любовью. Молодецъ, чтобы свидѣться съ дѣвицею, выбираетъ случай, чтобъ встрѣтиться у воды.

«Молю Бога — поетъ онъ — чтобъ завтра былъ ясный день; выйдетъ моя мергеле (дѣвица) мыть бѣлье на прудъ; я бы ей сказалъ утренній привѣтъ, подарилъ бы ей золотое ко-

легко на вальчикъ. У моей дѣвицы очи черныя, ясныя; какъ пойдетъ она въ погребъ, такъ и свѣчь ей не надобно, да еще отъ кольца искры выскакиваютъ.» Кольцо тоже принадлежность дѣвицы, какъ и вѣнокъ. Вѣнокъ покрытъ розою, а кольцо ржавчиною, — это признакъ, что дѣвица уже спозналась съ молодецъ. Древній обычай умыканія дѣвицъ у воды — ясно слышится въ пѣсняхъ. Молодецъ увидѣлъ дѣвицу у воды, схватилъ ее и увезъ въ свой пестрый дворъ. Мать посылаетъ за нею въ погоню сыновей, ея братьевъ, но обыкновенно братья ея не догоняютъ, а зять присылаетъ тещѣ сѣно. Одна пѣсня довольно подробно рассказываетъ такое умыканье. Посылаетъ мать дѣвицу по воду къ Дунаю (Danazelis) — у нея серебрянное ведро, золотое коромысло, жемчужный вѣнокъ; вдругъ на встрѣчу ѣдетъ королевскій сынъ и проситъ напоить коня. Если дѣвица соглашается напоить коня — это означаетъ согласіе на любовь. Но дѣвица не хочетъ поить коня, молодецъ разбиваетъ у ней ведра и увозитъ ее къ себѣ. Она плачетъ, точно кукушка жалобно кукуетъ утромъ и вечеромъ, молодецъ ее утѣшаетъ; похищенная тоскуетъ по матери, по роднымъ и проситъ помостить черезъ море мостъ, чтобы можно ей каждое воскресенье ходить къ родимой матушкѣ. Цѣль любви всегда существенная — семейная жизнь; молодецъ съ дѣвицею бесѣдуютъ о томъ, какъ они, сдѣлавшись супругами, срубятъ дерево и сдѣлаютъ изъ него колыбель для своихъ дѣтей. Страсти кипучей, пламеннаго увлеченія, довольнаго настоящаго положенія, забывающаго будущее — мало въ литовской поэзіи. Молодецъ пріѣзжаетъ къ дѣвицѣ свататься на воронѣмъ конѣ или же на лодкѣ по водѣ: «стройте корабликъ, утверждайте на немъ иарусъ, поплывемъ за дѣвицею въ чужую землю. Приставай, коричій, къ рутяному садку, привязывай корабликъ къ тещевымъ воротамъ. Здравствуйте тещушка и тещенька! гдѣ моя дѣвица? гдѣ моя гвоздичка? — Садись, сыночекъ, за бѣлый столъ; дѣвица сей часъ выйдетъ изъ рутянаго садика! Другой образъ прибытія вдовца таковъ: молодецъ пріѣзжаетъ къ двору, окруженному символическими деревьями: кленами и лианами; дѣвица гуляетъ въ рутяномъ садикѣ между лѣлями, въ рутяномъ вѣннѣ

на головѣ; вѣтеръ срываетъ съ нея вѣнокъ, раскидываетъ ей волосы, — послѣдній образъ символизируетъ ея согласіе.

По народному литовскому понятію трудолюбіе есть главное достоинство женщины; по извѣстіямъ изъ XVI вѣка литовци не должны были выходить замужъ, прежде чѣмъ не покажутъ работу своего рукодѣля; и теперь въ литовскихъ пѣсняхъ выхваляется дѣвица за то, что хорошо прядетъ, шьетъ, бѣлье моетъ. «Отъ чего ты дѣвица не ходила въ хороводъ? Сидѣла дѣвица за столикомъ, ткала красно, матери угождала, отъ того и въ хороводъ не ходила». — «Хорошая дѣвица — говоритъ другая пѣсня — въ хороводъ идетъ изъ за станка встаючи, а изъ хоровода придетъ — за красно берется.» Точно тоже и доброму молодцу честь и хвала за трудъ: хорошій молодецъ въ хороводъ идетъ плугъ принарядивши, изъ хоровода придетъ — пашеть. Восхваляя свою возлюбленную, молодецъ говоритъ, что онъ узнаетъ ее между всѣми дѣвицами по чистой одеждѣ, по тонкой ткани, по новому ткацкому лотку. То и честь дѣвицѣ, что она пряжа, да тчетъ хорошо, да сѣно грестъ умѣетъ, да бѣлье въ пруду моетъ.

Свадебныя пѣсни грустнаго содержанія, и причину грусти не страхъ тягости супружескаго деспотизма, а болѣе сожалѣніе о незамѣнимыхъ лѣтахъ дѣтства, разлука съ родною семьей. Дѣвица переходитъ въ другой домъ; это выражается на поэтическомъ языкѣ — за море; сама ея мать груститъ съ нею. «Пойди моя доченька, моя молодая — говоритъ мать — пойди въ рутяной садочикъ! Что-то твоя рута, твоя зеленая, такая пышная? Наклонились ея вѣточки до земли. Сорви, моя дочка, сорви моя молодая, цвѣточекъ въ саду. Вотъ уже цѣлый дворъ нарядныхъ гостей, засядутъ они за бѣлые столы, а съ ними женховы сестры. Ты уѣдешь моя доченька, моя молодая, съ гостями въ чужую сторону; не услышишь какъ загруститъ твой батюшка, какъ вздыхать станетъ твоя родная матушка, какъ будутъ пѣть твои братцы; не увидишь какъ будутъ танцовать твои сестрицы; только и услышишь, какъ станутъ куковать кукушечки, да спнее море будетъ шумѣть у берега!... Помостила бы я мосты изъ чистаго серебра; чтобы можно было воро-

тяться къ матушкѣ, къ моеѣ молодости; зазеленѣеть рута, зацвѣтутъ розы, а молодости своей я никогда не увижу! — Какъ вы хотите, чтобъ я весела была? — обращается невѣста къ сестрамъ; — я никогда не ворочусь къ матушкѣ; кто мнѣ руки-ноги согрѣеть, кто меня ласковымъ словомъ приголубить? — Свекоръ согрѣеть и руки, и ноги; милый заговорить ласковымъ словомъ.» Прощаясь съ матерью, невѣста съ любовью и грустью вспоминаетъ про свои прежніе домашніе труды: «Нѣкому будетъ для тебя прясть и ткать, моя родная матушка; не буду я перебрасывать изъ рукъ въ руки легкій ткацкій лотокъ, не буду я стирать бѣлые столы, не мести мнѣ муравы на дворѣ, не ходить въ поле сѣно грестъ и не носить новыхъ граблей; не станеть у меня на головѣ зеленѣть рутяной вѣнокъ; не будетъ моихъ волосъ развѣвать вѣтеръ; не въ вѣнкѣ, а въ чепцѣ приду я къ матушкѣ!»

Вотъ въ какихъ образахъ представляется прїѣздъ невѣсты къ свекру. Невѣста ѣдетъ съ своими братьями и сестрами: «Мы ѣдемъ, поетъ въ пѣснѣ, по полю, по свекровому полю: съ нами ѣдутъ братья и сестры и мужья, и прїѣхали мы къ свекровымъ воротамъ и увидѣла я свое горе на свекровыхъ воротахъ. Спиши, братецъ, бери мечъ свой, выруби мое горе изъ свекровыхъ воротъ. Беретъ братецъ мечъ, ударяетъ по воротамъ, разрубиваетъ доску, а моего горя ему не вырубить.» Отъѣздъ невѣсты въ домъ жениха, какъ и прїѣздъ жениха къ невѣстѣ, изображается также путешествіемъ по водѣ. «Вотъ ворочается назадъ корабликъ по морскимъ волнамъ; серебряныя снасти, золотыя паруса; а на этомъ корабликѣ, а на этомъ черномъ, сидитъ молодецъ, бѣлъ и румянъ, сидитъ съ дѣвицею; плывутъ по Нѣману; дѣвица держитъ свой зеленый вѣнокъ.

Полная глубокаго чувства, литовская народная поэзія создала особый разрядъ пѣсенъ похоронныхъ, гдѣ плачутъ о жертвыхъ сродникахъ, о родителяхъ, дѣтяхъ. Вотъ сестры-сироты плачутъ на материнской могилѣ и ведутъ съ мертвою разговоръ: «Ахъ, вы мои дѣточки, мои сироточки! говоритъ имъ изъ могилы матушка. Что вы тутъ сидите, вы ѣсть, пить захотите! Будемъ ѣсть зелену траву, а пить

утреннюю росу, отвѣчаютъ дочери: — лишь бы провѣдать матушку. А вотъ замужня женщина, оскорбленная свекровью, обращается въ своемъ горѣ къ умершей матери. «Ахъ, еслибъ я знала ту могилу, гдѣ лежитъ моя милая матушка, посадила бы я на могилѣ у ней зеленую липу да яблоню. Встань, милая матушка, приподними землю на гробѣ своемъ. Я пришла къ тебѣ, матушка, жаловаться на свекровь: она меня дергаетъ за волосы, даетъ мнѣ хлѣбъ черезъ огонь. Матушка моя родная! Оставила ты меня, какъ курица своего цыпленочка; цыплята вмѣстѣ сойдутся а я все одна, да одна... брошусь я между птицы морскія...

Вотъ какъ поэтически описывается смерть дѣвицы и плачь надъ нею молодца.

«Черезъ березовый лѣсъ, черезъ сосновый боръ, ѣхалъ молодецъ на ворономъ конѣ къ тестеву двору, къ своей милой дѣвицѣ, и вошелъ къ ней, и увидѣлъ, что милая дѣвица лежитъ больная въ свѣтлицѣ. — Здравствуй, моя дѣвица, моя милая, дай мнѣ ручку твою бѣленькую, скажи словечко ласковое! Еще я не взялъ ее за бѣлую ручку, а ужъ моя дѣвица заплакала. Не плачь, дѣвица, не плачь! Мое сердечко, ты выздоровѣешь. — Не выздоровѣю я, не буду твоею; пойду я въ могилу, подъ зеленую мураву. Я не выздоровѣю, а ты поплачешь обо мнѣ да найдешь другую! — Не плачь, дѣвица, не плачь мое сердечко! Скажи мнѣ, моя миленькая, гдѣ твои братцы? — Въ пестромъ городѣ, въ высококомъ теремѣ, дѣлаютъ мнѣ гробъ изъ липовыхъ досокъ съ ясными оконцами, чтобъ посрединѣ свѣтлѣли стеклушки, по окраинамъ блистало золото, серебро и перламутръ. Схороню я мою милую дѣвицу, на высококомъ кладбищѣ, на зеленомъ холмѣ; буду навѣщать мою милую дѣвицу каждую субботу вечеромъ, каждое воскресенье утромъ; холодныя ручки, холодныя ножки, блѣдное личико у моей дѣвицы!»

А вотъ на оборотъ плачь дѣвицы на могилѣ своего жениха.

«Въ лѣсу подъ землею лежитъ мой милый молодчикъ; цвѣтки цвѣтутъ у него на могилкѣ; изъ нихъ я совью себѣ вѣночекъ; на липѣ соловей поетъ; каждый вечеръ я буду

ходить туда, сяду на камнѣ подъ липою и буду плакать по моему милому молодчикѣ.»

Смерть изображается народною поэзіею нерѣдко въ видѣ потопленія; это слѣдуетъ принимать не за особенное событіе, а за символическіе образы; подобныя есть и въ пѣсняхъ славянскихъ народовъ: «Нанялъ молодчикъ черныи корабликъ, поплылъ онъ черезъ море въ городокъ; еще не переѣхалъ онъ моря, какъ поднялась буря и нахлыла водою корабликъ и утонулъ молодчикъ; плыветъ по волнамъ его шипа. Подобный образъ есть и для дѣвицы: «по волнамъ на морѣ плыветъ дѣвица, и утопаетъ дѣвица; кричитъ своему милому: — Спасай меня милый, мой молодчикъ, будешь ты проливать слезы на моему гробѣ, будешь цѣловать мое блѣдное лицо, и усыпать рутянымъ цвѣтомъ мою могилу.

Непрерывное спокойствіе сельской жизни въ поэзіи нарушается описаніемъ случаевъ отправленія молодца на войну; но война въ литовскихъ пѣсняхъ не представляется съ тою дикою, мужественною и героическою прелестію, какъ, напримеръ, въ казацкихъ южнорусскихъ пѣсняхъ. Литовскій молодецъ идетъ на войну по неволѣ; его въ войско не удаля тянутъ, а горькая судьба гонитъ, отрывая отъ родныхъ полей, отъ сохи и домашней печи; онъ не мечтаетъ о славѣ, не помышляетъ о добычѣ, не сознаетъ добродѣтели гражданскаго долга, не разсуждаетъ о своей судьбѣ и не думаетъ отъ ней ускользнуть, но покоряется ей съ тоской и безнадѣжностью, отчаявается въ возвратѣ къ родной хатѣ и обрекаетъ себя заранѣе на гибель. Когда возлюбленная спрашиваетъ своего милаго, отъѣзжающаго на войну, когда онъ воротится, молодецъ отвѣчаетъ: «не я ворочусь, а мой конь привезетъ мой мундиръ, обрызганный черною кровью. Моя дѣвица омоетъ его горячими слезами, а мать высушитъ его тяжелыми вздохами.» — Большая часть пѣсенъ, гдѣ являются военные люди новаго склада, составлены въ послѣднія времена, когда литовцы служили въ войскахъ польскихъ, прусскихъ и русскихъ. Къ числу немногихъ, составляющихъ исключеніе и безспорно относящихся къ древнимъ временамъ борьбы за независимость литовскаго племени противъ чужеземныхъ интересовъ, принадлежитъ одна, очень замѣча-

тельная по своему подобію съ такою же пѣснію, существующею почти у всѣхъ славянъ. Это плачь надъ тѣломъ убитаго ратнаго мужа родныхъ ему женщинъ, изображаемыхъ въ видѣ кукушекъ. Мертвый воинъ представляется говорящимъ: «конь наступаетъ мнѣ на руки, на ноги и на лицо. Струится кровь красная, какъ піонъ — цвѣтъ. Прилетѣли три кукушечки въ ночной тьмѣ, кукуютъ кукушечки надъ моимъ тѣломъ — одна въ ногахъ, другая въ головахъ, третья надъ самымъ сердцемъ: кукуетъ пестрая кукушечка! Въ ногахъ невѣста, въ головахъ сестра, у сердца родная матушка. Гудуть колокола, жалобно заводятъ органъ, плачетъ моя старая матушка. Не разбудятъ меня ни колокола, ни органъ, ни старая матушка; разбудитъ меня черная земля, бѣлая гробовая доска. Скроюсь я въ землѣ; тамъ не будетъ мнѣ гора. Невѣстѣ отдамъ я воронаго коня, сестрѣ мои хорошія платья, а любезной матушкѣ, моей кормилицѣ — ласковое словечко. Невѣста провожаетъ меня до воротъ, сестра до половины пути, а матушка, которая меня воспитала, до самой зеленой могилы. Невѣста будетъ плакать три недѣли, сестра три года, любезная моя матушка, моя кормилица, — всю жизнь!

НИКОЛАЙ КОСТОМАРОВЪ.

ОБЪ ИЗСЛѢДОВАШИ ПРЕСТУПЛЕНІИ

ВЪ УСТНОМЪ И ГЛАСНОМЪ ПРОЦЕССѢ.

Статья старая и послѣдняя.

Главное производство, направленное противъ опредѣленнаго, въ состояніи обвиненія находящагося лица, совершается всегда словесно и публично, при участіи защитника, и въ судебныхъ мѣстахъ высшаго порядка по всѣмъ, болѣе важнымъ преступленіямъ. Здѣсь раскрываются уже вполне доводы въ обвиненіе и оправданіе, и предметъ, за который завязалась борьба исчерпывается въ обоюдныхъ преніяхъ до того, что суду остается постановить окончательный приговоръ.

Формальное изслѣдованіе по уголовнымъ преступленіямъ въ Англіи происходитъ обыкновенно въ королевской скамьѣ (Queens Bench), завѣдующей независимо отъ другаго назначенія, въ качествѣ первой инстанціи и совместно съ центральнымъ уголовнымъ судомъ для Лондона, юрисдикціею въ столицѣ и графствѣ Мидлсексъ и за тѣмъ въ ассизахъ, учрежденныхъ для прочихъ графствъ. Ассизы не суть постоянные суды, а открываются по крайней мѣрѣ два раза въ годъ вестминстерскими судьями, объѣзжающими по очереди свои округа. Въ отправленіи правосудія участвуютъ присяжные. Они присутствуютъ и въ общихъ засѣданіяхъ мирныхъ судей графства по четвертямъ года, гдѣ между прочимъ, на подобіе французскихъ исправительныхъ судовъ,

разбираются и нарушенія, неподлежащія тяжкимъ наказаніямъ. Во Франціи формальное слѣдствіе по преступленіямъ наиболѣе важнымъ отнесено къ вѣдомству ассизовъ, которые считаются частію апелляціонныхъ судовъ и чрезъ три мѣсяца составляютъ въ главномъ городѣ департамента изъ ихъ совѣтниковъ, опредѣленнаго числа членовъ мѣстнаго окружнаго суда и присяжныхъ. Исключеніе сдѣлано только для значительныхъ политическихъ преступленій. Съ изданія закона 31 декабря 1851 года, они должны быть изслѣдуемы въ верховномъ судилищѣ (*haute cour*) съ особенными *jugés* изъ членовъ общихъ провинціальныхъ совѣтовъ (*conseils généraux*). Такое же почти назначеніе имѣютъ и суды присяжныхъ, введенные въ болъшей части германскихъ государствъ. Судейская должность повѣряется здѣсь отдѣленію, образуемому изъ засѣдателей низшихъ судебныхъ мѣстъ съ предсѣдателемъ, взятымъ оттуда же или чаще изъ трибуналовъ высшаго порядка; часть судей тоже нерѣдко берется изъ другихъ мѣстъ. Проступки, для которыхъ нѣсколько упрощено производство, разсматриваются въ первой степени — низшими, а во второй — судами средней степени, гдѣ есть такіе.

До начала собственнаго уголовного процесса подсудимому предоставляется право дѣлать возраженія съ цѣлію устранить его. Такъ на примѣръ, онъ можетъ требовать, чтобы въ одно время судимы были и другіе, обвиняемые въ томъ же преступленіи лица, когда отдѣльное производство для него вредно, — ссылаться на некомпететность суда, — на то, что нѣтъ жалобы обиженнаго или возможность преслѣдованія исключается давностію, помилованіемъ, также прежнимъ судебнымъ приговоромъ, которымъ объявленъ невиннымъ по тому же самому дѣлу. Тамъ, гдѣ обвиненіе не проходитъ чрезъ особую инстанцію, или просматривается бѣгло, возраженія обращаются противъ существенныхъ недостатковъ и неопредѣленности обвинительнаго акта или противъ существа обвиненія по той причинѣ, что поступокъ не запрещенъ закономъ. Поводомъ къ предварительнымъ разсужденіямъ служатъ часто предложенія объ отсрочкахъ производства со стороны государственнаго адвоката или защитника. Отсрочки послѣ открытія засѣданія допускаются вездѣ по усмотрѣнію

суда, а послѣ начала судебныхъ дѣйствій даются въ однихъ мѣстахъ и не позволяются въ другихъ.

У каждаго процесса, по роду основнаго принципа, своя точка отправленія. Ежели судъ избавленъ отъ труда собирать фактическій матеріалъ, и его призваніе главно состоятъ въ томъ, чтобы рѣшать, то съ признаніемъ подсудимаго, становится излишнимъ дальнѣйшее разбирательство, и суду слѣдуетъ прямо опредѣлить мѣру наказанія. Поэтому обвинительный процессъ начинается спросомъ обвиняемаго о томъ, считаетъ ли онъ себя виновнымъ или невиннымъ. Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, производство ограничивается постановленіемъ приговора. Но оно идетъ своимъ путемъ, какъ скоро подсудимый находитъ справедливою только часть обвиненія, или одинъ изъ подсудимыхъ признается, а другой нѣтъ. Впрочемъ по англійскимъ законамъ тотъ, кто объявляетъ себя виноватымъ, вправѣ указывать притомъ на свидѣтелей, которые могутъ удостовѣрить въ его хорошемъ поведеніи, а это удостовѣреніе важно, потому что имѣетъ вліяніе на величину наказанія. Спросъ о винѣ употребляется и въ Шотландіи, но здѣсь защитнику признающагося не мѣшаютъ утверждать, что тотъ или слабоумень или вообще находится въ такомъ состояніи, что неспособенъ понимать правильно связь вещей, и судъ рѣшаетъ, должно ли разбирать дѣло. Признаніе не оставляетъ въ покоѣ и обвинителя, который можетъ настаивать, чтобы подсудимый былъ осужденъ по предложеннымъ доказательствамъ. Но назвавшій себя разъ виновнымъ, волею потомъ въ Англіи говорить, что не виноватъ и на оборотъ. Право обвиняемаго брать назадъ заявленіе вины утверждено ясно и законами большей части Севѣро-Американскихъ Штатовъ.

Уголовный процессъ въ обвинительной формѣ ведутъ сами тяжущіеся, а судъ, пока не настаетъ мнута приговора, въ лицѣ своего предсѣдателя управляетъ ходомъ судебныхъ дѣйствій. Предсѣдателю предоставляется право разрѣшать встрѣчающіеся юридическіе вопросы, смотрѣть за соблюденіемъ законныхъ правилъ о доказательствахъ, высказывать мнѣніе о томъ, имѣютъ ли доказательства свои принадлежности, испытывать предварительно годность ихъ, отклонять незаконныя

предложенія и поставлять на видъ безполезность преній, если невозможно поддержать обвиненія. Онъ же охраняетъ равенство положенія противниковъ, заботится о назначеніи адвоката обвиняемому, о томъ, чтобы онъ пользовался всѣми средствами оправданія и съ наибольшею свободою. Но власть судьи вращается въ законныхъ предѣлахъ. Онъ не допрашиваетъ никогда подсудимаго вслѣдствіе положенія, что на обвиняющемъ лежитъ обязанность доказывать, а привлеченное къ суду лицо не имѣетъ надобности отвѣчать, до приведенія противъ него доводовъ. Отъ такого порядка не страдаетъ нисколько правосудіе, потому что публичный истецъ, не рассчитывая на признаніе, тщательно собираетъ все, чѣмъ надобно подкрѣпить искъ. Ежели подсудимый желаетъ сознаться въ преступленіи или замѣтить что-нибудь относительно выставленныхъ фактовъ, у него есть всегда случай къ тому. Допросъ считаютъ даже опаснымъ для безпристрастія судьи, который находясь въ борьбѣ съ допрашиваемымъ, и въ досадѣ, что тотъ не даетъ желаемыхъ отвѣтовъ, способенъ сдѣлаться грубымъ, запальчивымъ и склоннымъ ловить на другихъ вопросахъ. Наконецъ по воззрѣнію англійскихъ юристовъ допросъ усложняетъ напрасно процедуру и стоитъ большой потери времени, такъ какъ нельзя опредѣлить мѣры допрашиваній, и въ нихъ нерѣдко могутъ проходить цѣлыя засѣданія. Дабы поселить въ судѣ невозмутимое спокойствіе, предохранить его отъ односторонности и попользованія сдѣлаться адвокатомъ преслѣдующаго, ему отказывается и въ правѣ допрашивать свидѣтелей. Всѣ показывающіе противъ состоящаго подъ судомъ спрашиваются обвинителемъ, а пришедшіе говорить въ его пользу — защитникомъ и за тѣмъ опять истцомъ въ такъ называемомъ перекрестномъ допросѣ (Crossexamination). Обычай похваленъ и въ другомъ отношеніи. Опасеніе быть спрошеннымъ противникомъ усиливаетъ въ свидѣтеляхъ побужденіе высказывать правду, и они не обременяются излишними, не ведущими къ цѣли объясненіями; каждая приглашенная ихъ и сначала обстоятельно развѣдывшая сторона, знаетъ хорошо, о чемъ ей нужно спросить. Бываетъ впрочемъ иногда, что и предсѣдатель предлагаетъ вопросы, именно тогда, когда обвинитель или подсу-

дѣлѣ являются безъ адвоката и приглашенный свидѣтель отъ невозможныхъ вопросовъ выражается недостаточно и общо или хотя и отвѣчаетъ адвокату, но даетъ неясныя отвѣты. Чаще всего онъ пользуется этимъ правомъ въ интересахъ подсудимаго для разузнанія какихъ нибудь побочныхъ обстоятельствъ, преимущественно же для устранения сомнѣній при неопредѣленности показаній свѣдущихъ людей. Такъ принято и въ Шотландіи и Американскихъ Штатахъ. Судья и не назначаетъ свидѣтелей, потому что они выбираются самими тяжущимися, и истецъ нарушилъ бы въ высшей степени права другой стороны, пригласивши свидѣтеля, о которомъ не извѣстилъ ее заблаговременно. Если бы однако случилось, что не вызваны были важные свидѣтели, президентъ по крайней мѣрѣ стараетсяъ косвенно, — замѣчаніемъ объ исправленіи недостатка и особенно въ видахъ оправданія. Положеніе, занимаемое судьей въ англійскомъ процесѣ, разумѣется, есть исключительное, но эта нейтральность и возвышаетъ достоинство лица и вселяетъ довѣріе къ его правотѣ, какое привыкли питать къ людямъ, занимающимъ судейское кресло неведѣ.

Кто преслѣдуетъ преступленіе, обязанъ его доказывать и притомъ — такъ какъ въ Англии и Америкѣ суды руководствуются въ своихъ рѣшеніяхъ не однимъ личнымъ убѣжденіемъ, но также извѣстными, закономъ или обычаемъ введенными правилами, — сообразоваться точно съ постановленіями о доказательствахъ. Что обвинитель намѣренъ доказать и какими средствами, — это опредѣляется заранѣ обвинительнымъ актомъ, служащимъ основаніемъ всему главному производству. Такимъ образомъ хотя истецъ и располагаетъ свободно обвиненіемъ, имѣетъ возможность отказаться отъ него, но не вправе измѣнить обвиненіе ко вреду подсудимаго, поставивъ на видъ болѣе тяжкій видъ преступленія въ сравненіи съ тѣмъ, на какой первоначально указывалъ. И справедливо. У преслѣдующаго есть время и средства осмотрѣться; онъ долженъ выступить съ обвиненіемъ, которое предъявляется большому суду присяжныхъ и пропускаясь имъ; приговоромъ суда наконецъ дорожить и подсудимый, обдумывая свою защиту, особенно невинный. Укло-

ненія несущественныя отъ акта, неправильныя обозначенія мѣста, времени и т. п. не значать ничего. Но процессъ не рушится ради ослабленія обвиненія; на этотъ разъ присяжнымъ дается власть осуждать за меньшую степенъ вины или меньшее подразумеваемое преступленіе, напримѣръ за покушеніе вмѣсто окончанія, за внезапный умыселъ вмѣсто обдуманнаго и такъ далѣе, равно какъ объявлять виновнымъ въ другомъ однородномъ противозаконномъ дѣяніи, подлежащемъ одинаковому наказанію. Обвинительный актъ связываетъ истца и въ томъ отношеніи, что не позволяетъ пользоваться невключенными туда доказательствами; это потому, что новые доводы могутъ легко застать въ расплохъ защитника и затруднить оправданіе. Наконецъ онъ стѣсненъ и тѣмъ, что ему нельзя во всякое время обращаться къ актамъ предварительнаго изслѣдованія и искать тамъ подкрѣпленія для себя, ибо такое изслѣдованіе не признается составною частію уголовного процесса, и на него дѣлаются указанія только въ рѣдкихъ случаяхъ. Бываетъ ли обвинителемъ частный человекъ или коронный адвокатъ, онъ находится предъ судомъ въ положеніи, совершенно равномъ съ защитникомъ подсудимаго. Это не полномочный чиновникъ, какъ иной государственный адвокатъ, стращающій напримѣръ допрашиваемыхъ свидѣтелей арестомъ и угрозою преслѣдовать въ клятвопреступленіи, когда ему кажутся ложными показанія, не привилегированное и постоянно импонирующее лицо, предлагающее безъ всякой судейской повѣрки вопросы свидѣтелямъ и дѣлающее замѣчанія на счетъ ихъ достовѣрности. Ежели коронный адвокатъ по обстоятельствамъ и спрашиваетъ о чемъ нибудь или прерываетъ чужія слова, то такое же право присвоивается и защитнику. Къ нему не идетъ тонъ другихъ государственныхъ адвокатовъ оттого, что онъ, собственно говоря, не есть зависимый отъ правительства чиновникъ, а причисляется всегда къ сословію адвокатовъ, и, являясь предъ судомъ, не разнится ничѣмъ отъ собратьевъ, заступающихъ мѣсто частнаго обвинителя, сидитъ вмѣстѣ, и въ томъ же оффиціальномъ одѣяніи, съ защитниками подсудимаго и остерегается быть неуимѣреннымъ.

Главное производство раздѣляется на двѣ рѣзко разгра-

ниченныя половины: одна посвящена исключительно обвиненію, а другая защитѣ. Первая открывается вводною рѣчью обвинителя, отличающеюся краткостію и простотою. Въ ней излагается планъ, по которому должно происходить доказательство и выставляются моменты, могущіе имѣть значеніе при обсужденіи вопроса о виновности. Въ Шотландіи, гдѣ составляется подробный обвинительный актъ, раздаваемый въ нѣсколькихъ экземплярахъ всѣмъ членамъ суда, такія рѣчи не въ употребленіи, — и производство начинается прямо съ допроса обвинителемъ своихъ свидѣтелей. Въ Англіи и Американскихъ Штатахъ обвинитель тоже выполняетъ роль принадлежащую въ другихъ мѣстахъ самому суду, вызываетъ приглашенныхъ свидѣтелей и отбираетъ нужныя по его соображеніямъ показанія, но подъ контролемъ президента, который устраняетъ лицъ вовсе неспособныхъ къ свидѣтельству по закону, пресѣкаетъ допросъ объ обстоятельствахъ, уже достаточно разъясненныхъ или о предметахъ маловажныхъ, судить о возможности отвода по предложеніямъ противной стороны, наконецъ бываетъ нерѣдко посредникомъ въ спорѣ о томъ, можно ли спрашивать свидѣтеля о нѣкоторыхъ предметахъ и не изъявляетъ своего согласія, когда тѣ находятся въ слишкомъ отдаленной связи съ дѣломъ. Показанія, какъ и при изслѣдованіи предварительномъ, даются подъ присягою и съ соблюденіемъ условій, утвержденныхъ судебнымъ обычаемъ. Свидѣтелямъ можно предлагать только вопросы существенные, имѣющіе вліяніе на исходъ процесса. Конечно при доказательствѣ уликами трудно судить напередъ о важности будущаго отвѣта, но здѣсь защитникъ часто предлагаетъ обвинителю опредѣлить дѣль вопроса, и ежели тотъ не удовлетворяетъ своимъ объясненіемъ, то вопросъ останавливается. Чтобы видѣть, основываются ли показанія на собственномъ наблюденіи, принято не давать вопросовъ, наводящихъ на отвѣтъ, кромѣ случаевъ, когда свидѣтель недалекаго ума, робокъ или хитритъ. Обвинитель находится иногда въ необходимости идти противъ своего свидѣтеля и уличать его въ невѣрности, причѣмъ ему дозволяется не всегда указывать на разногласіе съ прежними, въ другое время сообщенными свѣдѣніями. Опасаясь за-

мѣшательства уличаемаго въ противорѣчїи свидѣтеля, который стоя предъ присяжными, можетъ быть имѣлъ бы болѣе побужденїи говорить правду, а между тѣмъ располагаетъ къ предубѣжденїю, англійское право очень осторожно относительно этой мѣры. Среди дѣятельности обвинителя не остаются безмолвными зрителями подсудимый и его защитникъ, но подвергають сами допросу приводимыхъ въ подтвержденїе обвиненїя свидѣтелей. Этотъ допросъ составляетъ одну изъ важнѣйшихъ частей производства и совершенно въ порядкѣ вещей тамъ, гдѣ судъ удаляется отъ всякаго разбирательства. Тяжущіеся принимаютъ на себя то, что обыкновенно дѣлають и президенты: вмѣшиваясь въ рассказъ свидѣтелей, заставляютъ ихъ выражаться точнѣе, прибавлять подробности, измѣняющїя иногда способъ возрѣнїя, выводятъ наружу отношенїя ихъ къ обвинителю или обвиняемому, интересы, побужденїя, ослабляющїя довѣрїе, испытываютъ даръ наблюдательности, способности, средства, употребленныя для познанїя истины и основанїя убѣжденїя, наконецъ стараются прямо показать невозможность или невѣроятность какого нибудь разказа. Правда свидѣтелямъ приходится иной разъ страдать отъ назойливости и выходокъ адвоката, но злоупотребленїя не перевѣшиваютъ существенныхъ выгодъ учрежденїя. Объемъ власти адвоката или его клиента неведѣкъ опредѣляется одинаково. Тогда какъ въ Англїи допрашивающїй неограниченъ и можетъ предлагать вопросы о такихъ фактахъ, о которыхъ дотогѣ не было помнну, — въ Америкѣ онъ долженъ касаться только обстоятельствъ, находящихся въ связи съ предметами, уже извѣстными. И здѣсь и тамъ ему разрѣшается обращаться съ вопросами, наводящими на отвѣтъ. Распрашивая можно натурально заходить далеко, развѣдывать о дурномъ поведенїи и вообще существованїи фактовъ, колеблющихъ или уничтожающихъ достовѣрность свидѣтеля. Англійское право ограждаетъ отъ непрїятности тѣмъ, что освобождаетъ отъ обязанности говорить къ своему стыду, именно о томъ, что повлекло бы за собою наказанїе, принуждая однако же отвѣчать на вопросы, затрогивающїе поведенїе, если они въ прямомъ соотношенїи съ подлежащимъ обвиненїемъ; сужденїе о томъ предоставляется

судѣ. Постороннія лица для свидѣтельства приглашаются, какъ сказано выше, не предсѣдателемъ суда, но онъ распоряжается вызовомъ свидѣтеля, поименованнаго въ обвинительномъ актѣ и оставленнаго въ сторонѣ истцомъ, когда о томъ предлагаетъ защитникъ, имѣющій въ виду спросъ. Оправданію обвиняемаго, наполняющему другой отдѣлъ производства, предшествуетъ равнымъ образомъ вступительная рѣчь, гдѣ защитникъ опровергаетъ доводы обвинителя и изображаетъ ходъ и направленіе предстоящей защиты. По сжатости и безыскусственности языка, эту рѣчь опять нельзя ставить въ параллель съ французскими и нѣмецкими образцами судебного краснорѣчія. Окончивъ слово, адвокатъ беретъ за доказательства въ пользу подсудимаго, напримѣръ за его свидѣтелей, спрашиваетъ ихъ такимъ же порядкомъ, какъ обвинитель, и слушаетъ чередной перекрестный допросъ послѣдняго. При оправданіи вниманіе сосредоточивается особенно на доказательствахъ хорошаго поведенія подсудимаго; съ этою цѣлю собираются одобрительные отзывы объ его личности, о такихъ чертахъ характера, по которымъ ему трудно приписать преступленіе, или по которымъ заслуживаетъ болѣе снисходительности суда. Старанія адвоката въ этомъ отношеніи часто не увѣнчиваются успѣхомъ, потому что онъ не въ силахъ отбиться отъ близкихъ родственниковъ кліента, называющихся въ свидѣтели объ его похвальныхъ, иногда завѣдомо ложныхъ качествахъ, хотя на такихъ свидѣтеляхъ и не очень серьезно смотритъ обвинитель и не подвергаетъ ихъ изъ деликатности своему допросу. Въ Сѣверныхъ-Американскихъ Штатахъ защитникъ говоритъ дважды, предъ началомъ оправданія и въ концѣ, въ Шотландіи же вслѣдъ за доводами истца идетъ доказательство невинности состоящаго подъ судомъ, и потомъ уже, когда все исчерпано, государственный адвокатъ излагаетъ связно причины къ обвиненію, стараясь показать ихъ основательность, а за нимъ адвокатъ другой стороны произноситъ рѣчь. По обычаю англійскихъ и американскихъ судовъ за истцомъ, ежели въ пользу подсудимаго свидѣтельствуютъ постороннія лица, утверждено право возражать на доказательства защитника; эти доводы, говорятъ, заключаютъ въ себѣ нападеніе на обвинителя, и

тотъ долженъ отражать напоръ, тогда какъ нѣтъ болѣе надобности въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ отъ адвоката подсудимаго. Непринято только оспаривать показанія о хорошемъ поведеніи, противопоставляя другія. Обычай представляетъ ту невыгоду, что защитнику не принадлежитъ послѣднее слово, у него отнимается возможность отвѣчать на многое, и онъ изъ страха возраженій часто отказывается приглашать свидѣтелей для поддержки своего клиента. Впрочемъ обвиняемому не возбраняется нигдѣ представлять лично по заключеніи производства, все что служить къ его оправданію; въ случаяхъ важныхъ этого требуетъ и самъ предсѣдатель суда.

Въ процессѣ слѣдственномъ съ обвинительными формами главною движущею силою всего бываетъ судъ. Правда и тутъ формальное производство привязывается къ обвинительному акту; государственному адвокату дается даже право излагать свои мысли гораздо пространнѣе, помѣщать въ вступительной рѣчи многое, чего нѣтъ тамъ, а подсудимому или его защитнику, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, — право тотчасъ возражать адвокату, чтобы ослабить возможное предубѣжденіе отъ его рѣчи. При всемъ томъ и актъ и участіе въ разбирательствѣ обоихъ противниковъ имѣютъ совершенно другое значеніе. Послѣ обвиненія начинается непосредственно слѣдствіе для удостовѣренія въ его справедливости. Во все время изслѣдованія дѣйствующимъ органомъ суда является предсѣдатель съ чисто инквизиціоннымъ направленіемъ, хотя спорные вопросы обсуживаются коллегіально. Президентъ говоритъ почти одинъ, опредѣляетъ по своему усмотрѣнію порядокъ судебныхъ дѣйствій и употребляетъ тѣ или другія способы дознанія. Чтобы дойти до истины, онъ пользуется не только доказательствами, указываемыми обвинителемъ, но по силѣ данной ему власти (*procvoir discretionaire*) можетъ при бѣгать и къ другимъ средствамъ, когда надѣется съ помощію ихъ открыть что нибудь, можетъ спрашивать новыхъ свидѣтелей, братья за новые документы, и т. д. Такую власть находятъ вездѣ опасною и стараются парализировать правиломъ, по которому всѣ доводы, представляемые президентомъ отъ себя должны быть

принимается судомъ за справку (*renseignement*), а не доказательство, хотя напрасно, потому что отъ подобнаго оборота не измѣняется нисколько впечатлѣніе, производимое доводами. Наконецъ предсѣдатель отвергаетъ приемъ доказательствъ, кажущихся ему не нужными или маловажными. Одну изъ характерныхъ чертъ инквизиціоннаго производства составляетъ допросъ подсудимому, первый обыкновенный шагъ къ изслѣдованію. Это не простое приглашеніе говорить хотеть ли кто защищаться противъ обвиненія и какъ, а требованіе обстоятельнаго объясненія на счетъ взводимаго преступленія. При такомъ допросѣ подсудимый теряетъ очевидно свойство субъекта, ведущаго процессъ и становится объектомъ изслѣдованія, средствомъ доказательства, свидѣтелемъ въ свою пользу или противъ себя, и ему вмѣняется въ обязанность показывать правду на всѣ предлагаемые вопросы. Время, о чемъ замѣчено было прежде, смягчило нѣсколько эту обязанность. Впрочемъ нѣкоторыя законодательства, именно виртембергское и прусское допускаютъ и предварительный спросъ подсудимаго въ смыслѣ англійскаго процесса, о томъ находится ли онъ себя виноватымъ или невиннымъ. Смотря по отвѣту или открывается полное слѣдствіе, происходящее по общему порядку, или обвиняемому дѣлается допросъ съ цѣлю получить подробное признаніе, и за тѣмъ судъ (въ Пруссіи по выслушаніи государственнаго адвоката и защитника) приступаетъ къ приговору. Подозрѣваемаго въ преступленія допрашиваютъ не столько въ его интересъ, не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы дать удобное время высказаться, сколько въ интересахъ истины; отсюда продолжительность допроса, возобновленіе его по поводу разности съ другими доказательствами, стараніе по возможности довести до признанія и за тѣмъ новые разпросы для повѣрки. Допросъ находятъ полезнымъ въ томъ отношеніи, что въ случаѣ признанія не тратится время на другія доказательства, а при запирательствѣ поведеніе подсудимаго, усилія исказить истину, разногласія доставляютъ данныя, приводящія судью къ убѣжденію въ вину; можно разумѣется опасаться злоупотребленій, но отъ нихъ ограждаютъ и публичность и постоянное присутствіе защитника. Пользы противопологаютъ до-

знанные опытомъ недостатки слѣдственнаго пріема. Не говоря уже о томъ, что при допросѣ право обвиняемаго быть выслушаннымъ свѣдѣвается съ обязанностию отвѣчать на все, обязанностию, на которой уже не настаиваютъ теперь законы, онъ нарушаетъ принципъ устности, такъ какъ председатель беретъ содержаніе для вопросовъ изъ актовъ предварительнаго изслѣдованія и, останавливаясь на разногласіяхъ, выдаетъ за правду помѣщенныя тамъ показанія. Далѣе подсудимый, непричастный вовсе преступленію, нерѣдко впадаетъ при допросѣ въ противорѣчія отъ слабости ли памяти или забывчивости, а между тѣмъ его колебаніе можетъ оставить самое неблагоприятное впечатлѣніе въ умахъ судей. Наконецъ, привыкшій къ инквизиціонному порядку и побуждаемый ревностию къ службѣ, также подстрекаемый негодованиемъ на преступленіе, или на недостойное поведеніе подсудимаго, председатель способенъ выказать свой умственный перевѣсъ, привести послѣдняго въ смущеніе ссылками на акты, разспросами о жизни и самомъ поставленіемъ вопросовъ. Поэтому нельзя не отдать предпочтенія законодательствамъ, по которымъ не учреждается нольаго допроса, но судья по выслушаніи каждаго свидѣтеля требуетъ отъ подсудимаго объясненія, ежели тотъ хочетъ дать его (уложеніе піемонтское и нидерландское), или допросъ не признается существеннымъ и отдается на волю президента, съ наставленіемъ спрашивать кратко и безъ настойчивости (уложеніе прюрикское). Судья допрашиваетъ и свидѣтелей; въ одной Пруссіи онъ уступаетъ свое право государственному адвокату и защитнику по обоюдному предложенію ихъ. Исчерпавъ одно доказательство, слѣдователь принимается по очередно за остальные доводы. Но разбирая преступленіе, судъ по строгости не можетъ держаться въ предѣлахъ заранѣе опредѣленнаго обвиненія, изслѣдовать только то, что ему предлагается. Напротивъ, вѣрный призванію узнать истину, на сколько возможно, сполна, онъ долженъ искать ее вездѣ, гдѣ думаетъ найти, и ему по духу инквизиціоннаго производства нельзя запретить давать слѣдствію иное направленіе и, что важнѣе, распространять на противозаконныя дѣянія, не указанныя обвинителемъ, когда открываются неизвѣстные доголѣ факты. Съ другой стороны

не подлежитъ никакому сомнѣнію и то, что обвинительныя формы, придаваемые слѣдственному процессу существуютъ не напрасно, а имѣютъ свой смыслъ; онѣ вводятся въ дѣло для облегченія оправданія, и потому съ ними не совмѣстны перемѣны въ обвиненіи, которыя могутъ спутать защиту. Законодательства рѣшаютъ дилемму различно, смотря потому стараются ли остаться послѣдовательными основному принципу или жертвуютъ въ нѣкоторой степени послѣдовательностію для пользы обвиняемаго. Говоря вообще, обвиненію въ слѣдственномъ процессѣ приписывается лишь предварительное значеніе: его истинныя признаки и послѣдствія дѣлаются ясными только въ главномъ производствѣ, гдѣ берутся во вниманіе и не приведенные прежде отягчающіе вину факты. Во французскомъ законодательствѣ нѣтъ правилъ о перемѣнѣ обвиненія и въ-особенности объ его распространеніи, но практика допускаетъ безусловно такое расширеніе, соединяя раскрываемыя вновь данныя подъ понятіемъ обстоятельствъ, увеличивающихъ вину (*circonstances aggravantes*), о которыхъ должны быть спрашиваемы присяжные, въ минуту приговора; по неопредѣленности выраженія они относятъ сюда не рѣдко много такого, что составляетъ отдѣльное преступленіе. Что касается до законовъ германскихъ, то всѣ они, не предвидя опасности затруднить оправданіе, предоставляютъ суду перемѣнять взглядъ на факты, приводимые въ обвиненіи при томъ условіи, что они остаются въ томъ же видѣ, подводятъ ихъ подъ понятіе другого преступленія, только не болѣе тяжкаго, исправляютъ ошибочныя обозначенія дѣйствія, мѣста, времени и т. п., дѣлать прибавленія и измѣненія, служащія лишь доказательствомъ, что въ указываемомъ противозаконномъ дѣяніи содержится утверждаемое обвинителемъ преступленіе. Нѣкоторые законодательства и довольствуются этимъ, другія же идутъ гораздо далѣе, оставляютъ за судами право измѣнять видъ преступленія, переходя къ слабѣйшему или на оборотъ, и даже самый родъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ однакоже предполагается почти вездѣ, что предметомъ розыска бываетъ одно и тоже дѣйствіе или обнаруженіе воли, потому что всякая новая преступная дѣятельность того же лица, выходящая наружу при

сѣдствіи, хотя бы и находилась въ связи съ предметомъ обвиненія, должна быть изслѣдуема отдѣльно въ обычной законной формѣ. Гдѣ нѣтъ возможности измѣнять обвиненіе и разбирать новые факты, касающіеся того же самаго предмета, адвокатъ съ согласія суда беретъ назадъ искъ для изготовленія другаго или старается объ оправданіи подсудимаго съ предоставленіемъ права преслѣдовать вновь. Наконецъ, законы не отличаются строгостію и въ томъ отношеніи, что не связываютъ обвинителя заявленными доказательствами и не препятствуютъ представлять другіе доводы, хотя съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ правилъ, установленныхъ въ огражденіе защиты.

Какое положеніе занимаютъ въ инквизиціонномъ процесѣ государственный адвокатъ и защитникъ подсудимаго? Имъ назначается естественно приравленная къ существу производства роль. Они только помогаютъ изслѣдованію, гдѣ вся движущая сила скрывается въ судѣ или лучше въ его предсѣдателѣ, и притомъ весьма неравны по правамъ. Почти вездѣ адвокату явно благопріятствуетъ законъ: онъ одинъ можетъ дѣйствовать на доказательство, предлагать отъ времени до времени вопросы обвиняемому и свидѣтелямъ, высказывать свободно мысли о достоинствѣ тѣхъ или другихъ показаній, выставять противорѣчія съ актами предварительнаго сѣдствія. Напротивъ защитникъ лишень самостоятельнаго участія, не имѣетъ права спрашивать когонибудь непосредственно, а долженъ обращаться къ президенту, который самъ дѣлаетъ вопросъ и иногда не въ томъ смыслѣ или отклоняетъ вовсе просьбу, находя ее почему либо неумѣстной. Къ защитнику и нѣтъ такого довѣрія, какъ къ государственному адвокату, потому что предъ открытіемъ судебного засѣданія его одного увѣщаютъ не говорить ничего противъ совѣсти, сохранять должное уваженіе къ закону, выражаться умѣренно и съ приличіемъ. Только предъ концомъ сѣдствія обѣ стороны становятся болѣе дѣятельными и вступаютъ между собою въ настоящее прѣніе. Состязаніе происходитъ въ заключительныхъ рѣчахъ обонхъ адвокатовъ, гдѣ обозрѣвается связно и обсуживается матеріалъ изслѣдованія каждымъ, понятно, съ своей точки зрѣ-

нія, опредѣляются всѣ болѣе важныя пункты, требующіе доказательства, исчисляются и повѣрются приведенные доводы. Эти рѣчи служатъ недостаточнымъ замѣномъ полного и непосредственнаго участія обѣихъ сторонъ въ разбирательствѣ, и оттого представляются чѣмъ-то въ родѣ рѣшиій о томъ, что дѣлалось въ судѣ. Сначала говоритъ государственный адвокатъ, а потомъ адвокатъ подсудимаго, и такъ какъ рѣчь послѣдняго считается существенною частію цѣлаго производства, то онъ не можетъ отказываться отъ защиты, и судъ не вправѣ возбранять ему слово. Судъ не долженъ мѣшать и обвиняемому говорить самому, хотя это правило высказывается ясно не во всѣхъ законахъ. Государственному адвокату предоставляется возражать, но обвиняемому принадлежитъ всегда послѣднее слово. Предсѣдатель наблюдаетъ за преніями и имѣетъ власть прерывать ихъ для того, чтобы предупредить нарушение приличій и оскорбительныя выходки, не дозволить уклоненій отъ предмета, поправлять извращаемыя юридическіе вопросы, наконецъ устранять ложное изложеніе фактовъ. Это не относится впрочемъ къ французскому государственному адвокату, котораго по его исключительному положенію нельзя останавливать.

Словесный и публичный процессъ, независимо отъ внутренняго, кореннаго своего начала, получаетъ особенныя, характерныя черты и оттого, рѣшается ли вопросъ о вишѣ присяжными или обыкновенными судьями и какія приняты правила о доказательствѣ.

Присяжные судятъ о всѣхъ нарушеніяхъ закона, за исключеніемъ у англичанъ полицейскихъ проступковъ, а у французовъ и нѣмцевъ и менѣе важныхъ преступленій (*delit, Vergehen*) хотя въ Германіи рѣшенію jury подлежатъ иногда и незначительныя нарушенія, въ томъ числѣ проступки противъ законовъ о печатаніи, и въ законодательствахъ нѣтъ однообразныхъ постановленій о подсудности за преступленія политическія, которыя то изслѣдуются въ судѣ присяжныхъ, то отчисляются совсемъ или отчасти въ вѣдомство другихъ высшихъ судебныхъ мѣстъ, замѣщаемыхъ сполна судьями отъ правительства. Присяжные разсматриваются съ разныхъ сторонъ. Въ самомъ отечествѣ учрежденія, — въ Англіи ему

главно и существенно придаютъ юридическое значеніе, считаютъ его наилучшимъ средствомъ къ тому, чтобы судить правильно о виновности или невинности. Достоинство института по мнѣнію англичанъ состоитъ въ томъ, что обращаясь въ различныхъ общественныхъ сферахъ, югу знакомы хорошо съ отношеніями жизни, положеніемъ и нуждами отдѣльныхъ сословій народа и оттого могутъ часто вѣрнѣе рѣшить вопросъ о винѣ подсудимаго по его индивидуальности, тогда какъ привязанность ученыхъ судей къ извѣстнымъ взглядамъ, образовавшимся въ коллегіи, или привычка подводить все подъ общія правила, заставляетъ опасаться односторонности въ ихъ сужденіяхъ. Особенно важно участіе югу, когда для приговора о виновности нужно предварительно знать, заключаетъ ли въ себѣ доказанное дѣяніе нарушеніе уголовного закона и могло ли это быть извѣстно обвиняемому по его образу мыслей; юридически образованные судьи, слѣдующіе ученому объясненію законовъ при подобномъ вопросѣ строже въ своихъ мнѣніяхъ, чѣмъ простые граждане, руководствующіеся однимъ общимъ сознаніемъ. Употребленіе присяжныхъ укрѣпляетъ и болѣе довѣріе къ гласному суду не только тѣмъ, что каждый судится своими согражданами, но и болѣшимъ числомъ судей, также обширнымъ правомъ отводить ихъ по подозрѣнію. Напротивъ во Франціи, Германіи и другихъ мѣстахъ присяжнымъ болѣе даютъ политическій смыслъ, ищутъ въ нихъ послѣдней гарантіи безпристранныхъ судебныхъ приговоровъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ заинтересовано правительство и гдѣ, говорятъ, менѣе можно довѣрять обыкновеннымъ судьямъ, поставленнымъ въ зависимости. Временно засѣдающимъ въ судѣ членамъ не предлагаются вопросы чисто фактическіе, доступные обыкновенному здравому смыслу; напротивъ рассуждая о виновности, они вмѣстѣ съ тѣмъ касаются предметовъ, принадлежащихъ къ области права, судятъ о вѣреніи и признакахъ каждаго вида преступленій. Не обладавъ досточными свѣдѣніями въ законахъ, присяжные имѣютъ вужду въ наставленіи, которое и дается имъ каждый разъ первоприсутствующимъ. Наставленіе дѣлается въ заключительной рѣчи предсѣдателя суда, составляющей послѣдній

актъ производства по послѣдовашию преступленій. Предметъ рѣчи впрочемъ неведѣ одинаковъ. Въ Англии, Шотландіи и Американскихъ Штатахъ президентъ, ежели находитъ полезнымъ и ежели того желаютъ присяжные, передаетъ по своимъ замѣткамъ, содержаніе различныхъ доказательствъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они раскрывались предъ судомъ. Этимъ обзорѣніемъ оживляются въ памяти подробности процесса, удерживаемыя иногда съ трудомъ людьми, не навывшими на-прягать долго умственные способности и облегчается задача, предстоящая jury. Далѣе имъ поставляются на видъ всѣ важные вопросы, сомнѣнія, заставляющія колебаться относительно вины, и они предваряются на счетъ шаткости извѣстныхъ способовъ доказательства. Преимущественно же судья объявляетъ всѣ юридическія стороны предмета, необходимыя для правильнаго пониманія его и приводитъ положенія закона, сообразно съ которыми долженъ быть рѣшенъ случай. Судебными обычаями адвокатамъ позволено останавливать заключительныя слова президента и дѣлать замѣчанія въ дополненіе или для поправки излагаемаго, хотя между американцами болѣе и болѣе распространяется мысль, что безпристрастное изложеніе президентомъ дѣла, при всемъ желаніи быть безразличнымъ, есть вещь невозможная по себѣ, и онъ долженъ ограничиваться только изложеніемъ законныхъ правилъ, не обнаруживая нисколько мнѣнія ни о доказательствахъ, ни о винѣ подсудимаго. То, что въ Англии зависитъ отъ усмотрѣнія судьи или присяжныхъ, признается самымъ существеннымъ французскими законами: они ставятъ президенту въ обязанность перечислять непременно всѣ главные доводы pro и contra и полагаются притомъ исполнѣ на его благоразуміе. Предсѣдатель говоритъ, сколько и какъ хочетъ, пополняетъ недостающее въ рѣчахъ адвокатовъ, оуждаетъ взгляды защитника и не таитъ своего личнаго убѣжденія. Прерывать и дѣлать замѣчанія на его слова запрещается, кромѣ того случая, когда въ обзорѣніи (resumé) помѣщены бывають не встрѣчавшіеся прежде доводы. Порокъ французскихъ рѣчей очевиденъ: онѣ не удовлетворяють настоятельнымъ потребностямъ присяжныхъ. Что касается до resumé, то его не одобряють многіе и во

Франции, ибо въ прибавочныхъ замѣнаніяхъ, а особенно — системѣ, въ какой группируются доказательства, невольно пробивается насквозь взглядъ говорящаго и вліяетъ невыгодно на судей. И тамъ согласны, что въ продолжительныхъ и запутанныхъ процессахъ, гдѣ трудно обойтись безъ обзора производства, его лучше дѣлать такъ, какъ въ Англии, т. е., придерживаясь порядка, въ которомъ получался постепенно матеріалъ. Нѣмецкіе законы слѣдуютъ бѣльшую частію французской системѣ, но предписываютъ останавливаться въ заключительной рѣчи преимущественно на опредѣленіи законныхъ признаковъ преступленія и разрѣшаютъ государственному адвокату и защитнику предлагать суду объ открытіи вновь производства по поводу не замѣченныхъ дотолѣ и упомянутыхъ предсѣдателемъ фактовъ. Нѣкоторые законы положительно обяыываютъ воздерживаться отъ всякаго перечисленія доказательствъ и довольствоваться указаніемъ состава преступленій, или же находятъ совершенно излишними рѣчи. Гдѣ судебныя мѣста замѣнены постоянными, юридически образованными и привыкшими къ усиленному вниманію судьями, не чувствуютъ надобности въ сокращенномъ обзорѣ производства и тѣмъ менѣе въ наставленіи, и тотчасъ послѣ рѣчей адвокатовъ переходятъ къ постановленію приговора.

Въ образѣ изслѣдованія преступленій многое зависитъ и отъ принятыхъ закономъ или обычаемъ началъ относительно доказательствъ, ихъ способахъ и принадлежностяхъ. Но какимъ путемъ достигается историческая достовѣрность, — опора каждаго процесса. Отысканіе истины есть ли, какъ думаютъ иногда, дѣло прирожденной, въ родѣ какого-то инстинкта или такта, силы, которая опредѣляется не столько отдѣльными основаніями, сколько общимъ впечатлѣніемъ дѣлности доказательствъ и поселяетъ въ душѣ безотчетное, неподчиняющееся никакимъ правиламъ и индивидуальное убѣжденіе. Или же изслѣдованіе истины есть удѣлъ строгой логической дѣятельности разсудка, которая усовершенствуется при помощи извѣстныхъ правилъ и руководится основаніями, производящими во всѣхъ одинаковое чувство? Законодательство расходится въ своихъ взглядахъ на этотъ предметъ и

идуть по разнымъ направленіямъ. Одни предоставляютъ все, или почти все касающееся до открытія истины внутреннему убѣжденію судьи, не стѣсняятъ его въ выборѣ неточности познанія или умотребленія плъ и не даютъ ему наставленій о томъ, что должно считать достовернымъ и вѣроятнымъ. Другія, хотя и не берутся строить полной теоріи судобныхъ доказательствъ, невозможной и вредной для судьи, но тѣмъ не менѣе, съ цѣлю обозначить невинныхъ подсудимыхъ противъ обманчивости доказательствъ, устанавливаютъ опредѣленные, одобренныя умомъ и долговременнымъ опытомъ, правила для отысканія истины. Этою мѣрою устраняется вліяніе силы воображенія и минутныхъ настроеній; она же ведетъ и къ однообразію въ судебныхъ приговорахъ. Судъ по внутреннему убѣжденію встрѣчается въ первые въ законодательствѣ французскомъ и за тѣмъ перенятъ многими нѣмецкими уложеніями, появившимися съ 1848 года, когда еще была въ ходу мысль, что присяжные и не судятъ иначе. Двойная система, избранная законодательствами, не имѣетъ впрочемъ никакого отношенія къ судоустройству, — къ тому, вѣрится ли рѣшеніе вопроса о винѣ присяжнымъ или обыкновеннымъ судьямъ. Не всѣ настоянныя судьи, разбираютъ ли они менѣе важныя уголовныя случаи, или особенныя тяжкія преступленія или же, наконецъ, всѣ вообще уголовныя дѣла, — судятъ по закону. Въ однихъ законодательствахъ (изъ нѣмецкихъ въ австрійскомъ) дѣйствительно опредѣляются иногда общія и отрицательныя границы для приговоровъ. — Правила, которыя стѣсняютъ если не въ оправданіи, то въ обвиненіи. Большешю же частію судьи рѣшаютъ по совѣсти, но такъ, что обязаны объяснить въ приговорахъ мотивы, даже по вопросамъ фактическимъ и тѣмъ самымъ принуждены означивать отчетливо доводы и по необходимости соображаться съ ученіемъ о доказательствахъ. Опять и не всѣ присяжные произносятъ приговоръ по внутреннему убѣжденію. Они свободны наиболѣе во Франціи, гдѣ имѣютъ всегда предъ глазами текстъ закона и еще нарочто слышать напоминаніе о томъ, что приступая къ рѣшенію должны отбросить въ сторону какія бы то ни было правила и испать увѣренности

въ глубинѣ сознанія, въ общемъ впечатлѣніи отъ доказательства, приводимыхъ въ обвиненіе и оправданіе. Впрочемъ и законодательство французское не отдастъ всего на усмотрѣніе жири; и въ немъ есть нѣсколько положеній, касающихся доказательства. Тамъ исчисляются лица, которыхъ не слѣдуетъ спрашивать въ качествѣ свидѣтелей; таковы близкіе родственники и свойственники, также доносители, получающіе денежное вознагражденіе. У многихъ свидѣтелей могутъ быть отбираемы показанія только для справокъ; сюда принадлежатъ во-первыхъ люди, не способные давать показаніе подъ присягою, именно: приговоренные къ гражданской смерти и безчестнымъ наказаніямъ, равно дѣти, не достигшія пятнадцатилѣтняго возраста, не выказывающія достаточнаго разумія и потомъ всѣ вызываемые самимъ президентомъ по собственной власти; послѣдній распространяетъ эту власть до того, что требуетъ и свидѣтелей, отвергаемыхъ закономъ. Французскія постановленія перешли и въ нѣмецкія уложенія, но съ измѣненіями и улучшеніями. Уложенія не исключаютъ изъ ряда свидѣтелей близкихъ родственниковъ обвиняемаго, но даютъ имъ право отклонять отъ себя свидѣтельство. Многіе законы не препятствуютъ безусловно отбирать показанія подъ присягою отъ людей, приглашенныхъ судомъ *ex officio*. Самое же важное уклоненіе состоитъ въ томъ, что нѣмецкіе присяжные, сколько можно судить по содержанію ихъ клятвы, обязаны рѣшить вопросъ о винѣ, взвѣсивъ напередъ надлежащимъ образомъ всѣ предъявленныя основанія и по разумнымъ, хотя и не выраженнымъ въ законѣ началамъ. Въ этомъ отношеніи законодательство брауншвейгское отличается тою особенностію, что оставило въ силѣ и всѣ прежнія постановленія о доказательствахъ. Въ Англіи, Шотландіи и Сѣверо-Американскихъ Штатахъ присяжнымъ также не присваиваютъ привилегіи судить по внушенію темнаго, неспособнаго къ анализу и перѣдко минутнаго чувства, но отсылаютъ ихъ къ здравому смыслу и его логическимъ законамъ, совмѣстно съ положительнымъ ученіемъ о доказательствахъ. Это ученіе образовалось законодательнымъ путемъ, а болѣе обычаями, и довольно обширно. Оно содержитъ положенія о возможности примѣ-

ненія извѣстныхъ средствъ дознанія. Объ условіяхъ доказательствъ, способѣ пользованія ими, числѣ, необходимомъ для обсужденія, о законныхъ предположеніяхъ, наконецъ правила объ оцѣнкѣ силы доказательствъ. 1) По взгляду новѣйшихъ англійскихъ законовъ, перешедшему и въ уложенія Американскихъ Штатовъ никто не устраняется отъ свидѣтельства по родству, собственному интересу въ дѣлѣ или понесенію наказанія за преступленіе, на томъ основаніи, что для суда много значитъ воспользоваться всѣми источниками познанія, и ему не трудно повѣрить надежность ихъ. Исключеніе сдѣлано для супруговъ, въ видахъ поддержать ненарушенное довѣріе, какое они должны питать другъ къ другу. Англійское право не приписываетъ значенія доказательствамъ, которыя находятся только въ отдаленной связи съ изслѣдуемымъ преступленіемъ, и слѣдовательно болѣе или менѣе ошибочны; таковы — свѣдѣнія о жизни обвиняемаго, дающіе поводъ заключать къ способности на преступленіе. Оттого обвинителю запрещено распространяться о дѣйствіяхъ, бросающихъ тѣнь на характеръ подсудимаго. Одному только защитнику не мѣшаютъ указывать на свидѣтелей хорошаго поведенія кліента; на этотъ разъ однако и обвинитель вправе выставить свидѣтелей, утверждающихъ противное. На томъ же основаніи и повтореніе, наказаннаго прежде преступленія, берется судомъ въ расчетъ не прежде того времени, какъ подсудимый осужденъ и ему нужно назначить наказаніе. Во всякомъ случаѣ должны быть отыскиваемы самыя убѣдительныя доказательства и притомъ изъ перваго источника. Вотъ почему обыкновенно не принимается свидѣтельство по слухамъ. Законъ велитъ пользоваться съ осмотрительностію и признаніемъ, сдѣланнымъ во время предварительнаго изслѣдованія и отклонять ссылку на него обвинителя когда есть причина предполагать, что оно было недобровольнымъ. 2) Никто не можетъ давать свидѣльскихъ показаній безъ утвержденія ихъ клятвою, ежели законъ не освобождаетъ отъ обряда изъ уваженія къ слишкомъ щекотливой совѣсти, причемъ уже ложь наказывается столь же строго, какъ и клятвopреступленіе. Къ присягѣ приводятся и дѣти, также страдающіе душевными болѣзнями и обладающіе достаточ-

нымъ сознаниемъ. 3) Что касается до правилъ о пользованіи доказательствами, то онѣ состоятъ въ томъ, что противъ подсудимаго должны быть приводимы свидѣтели, обозначенные въ обвинительномъ актѣ и заблаговременно ему извѣстные. Далѣе обвинительный приговоръ можетъ основываться на такихъ показаніяхъ, которыя дѣлаются словесно, предъ присяжными и въ присутствіи подсудимаго. Простое чтеніе свидѣтельскихъ отвѣтовъ, занесенныхъ въ акты предварительнаго изслѣдованія допускается въ крайней необходимости, именно отъ невозможности повторить ихъ въ судѣ за смертью лицъ, по болѣзни или отлучкѣ за-границу и подъ тѣмъ условіемъ, что они давались при подсудимомъ, и тотъ самъ или его защитникъ имѣли время распрашивать. 4) Для осужденія за нѣкоторыя преступленія, напримѣръ, государственную измѣну, съ цѣлю большаго огражденія противъ неосновательныхъ обвиненій, въ Англіи и Шотландіи постановлено требовать точное число свидѣтелей, — не менѣе двухъ. 5) Въ ученіи о доказательствѣ играютъ большую роль законныя предположенія. Самое важное изъ нихъ и благотельное по своимъ послѣдствіямъ есть то, что всякій подсудимый считается невиннымъ, такъ, что на обвинителя падаетъ обязанность доказывать вполне обвиненіе. 6) Опредѣленіе силы тѣхъ или другихъ доводовъ зависитъ совершенно отъ усмотрѣнія присяжныхъ. Хотя путемъ судебной практики втеченіе времени и составились многія, приведенныя потомъ наукою въ систему правила объ оцѣнкѣ доказательствъ, но они нисколько не обязательны и служатъ лишь руководствомъ; соображаясь съ ними, судья даетъ надлежащее направленіе изслѣдованію и обращаетъ вниманіе присяжныхъ на приложение ихъ къ отдѣльнымъ случаямъ, — опредѣленію достовѣрности свидѣтеля, достоинства признанія и такъ называемыхъ искусственныхъ доказательствъ, предваряя о шаткости иныхъ уликъ и напоминая постоянно о томъ, что нельзя осуждать, пока есть разумное основаніе сомнѣваться въ винѣ. Система, усвоенная англійскими и американскими законами относительно доказательства имѣетъ существенное вліяніе на теченіе и исходъ уголовного процесса и представляетъ преимущества, которыхъ не найдешь въ другомъ судопроиз-

водствѣ. Чтобы ослабить сколь возможно вліяніе случайностей произвола, законодательства принимаютъ испытанныя на дѣлѣ способы познанія истины, отвергаютъ показанія по слухамъ, не даютъ мѣста свидѣтелямъ, нужнымъ для однѣхъ справокъ, отсѣкаютъ бесплодные, часто даже ненавистные споры о жизни и характерѣ обвиняемыхъ. Все это упрощаетъ въ свою очередь и сокращаетъ судебное производство, ограничивая его самымъ необходимымъ.

Въ Англіи и соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ все судебное изслѣдованіе, а въ Шотландіи по крайней мѣрѣ главное производство, окружено всегда публичностію. На гласности основанъ и французскій процессъ, но она исключается всякій разъ, когда по усмотрѣнію суда открытыя пренія кажутся опасными для общественнаго порядка и нравственности. Впрочемъ двери присутствія растворяются предъ тѣмъ, какъ президентъ думаетъ начать гезишэ. По органическому декрету 17 февраля 1852 года суды имѣютъ даже право запрещать печатать въ журналахъ подробности уголовныхъ процессовъ, хотя такое запрещеніе и не распространяется на приговоръ, который можетъ быть всегда обнародованъ. Нѣмецкіе законы умножаютъ еще болѣе число изъятій и потому сами уменьшаютъ выгоды, ради которыхъ и желательна была гласность. Подъ двусмысленнымъ предлогомъ боязни за порядокъ и еще столь же неопредѣленнымъ предлогомъ государственныхъ интересовъ они даютъ судамъ полномочіе дѣлать закрытыми свои засѣданія, затѣмъ не позволяютъ находиться при судебныхъ преніяхъ людямъ не взрослымъ или лишенымъ гражданской чести. Нѣкоторые законы предписываютъ даже безъ околѣностей допускать въ судъ только извѣстныхъ лицъ, притомъ мужскаго пола и въ ограниченномъ количествѣ.

А. ПАДИОМБЕЦКІЙ.

ТРЕХМЪСЯЧНОЕ

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ЮЖНЫМЪ КРАЯМЪ АВСТРІИ.

I.

Я почти только что возвратился изъ своего путешествія по южнымъ, а частью и юго-восточнымъ краямъ австрійской имперіи. Путешествіе мое продолжалось слишкомъ три мѣсяца и времени, такимъ образомъ, было достаточно, чтобы заpastись значительнымъ количествомъ свѣдѣній во многихъ отношеніяхъ, особенно, если принять въ соображеніе, что путешествовалъ я далеко не по однимъ городамъ, а часто заглядывалъ и въ селенія, бесѣдовалъ и разсуждалъ не столько съ чиновничествомъ и людьми проезжающими, какъ съ крестьянами туземцами, горожанами и поселянами, не упускаемая изъ виду и низшаго военнаго сословія, на сколько, конечно, бесѣда съ послѣдними допускалась случаемъ. Не подѣлиться хотя частицею свѣдѣній моихъ съ посторонними людьми, я считаю непростительнымъ, и именно потому, что внутренняя жизнь народовъ австрійской имперіи извѣстна лишь отрывками публикѣ и не только иногда далеко не въ настоящемъ свѣтѣ, но не рѣдко положительно въ ложномъ. Причина понятна, когда сообразимъ характеръ путешествій русскихъ людей въ Австрію и характеръ извѣстій объ Австріи.

Наибольшая часть русскихъ путешественниковъ заѣзжаетъ въ Австрію случайно: или мимоѣздомъ въ Парижъ, Италію и Швейцарію, или также мимоѣздомъ на воды, въ Богемію и южную Венгрію. Не думайте, чтобы тутъ было

противорѣчіе: проѣзжать мимоѣздомъ по Австріи и оставаться на водахъ чуть не въ центрѣ Австріи. Нѣтъ, для такихъ людей Австрія, со всѣмъ ея народонаселепіемъ, со всею правительственной организаціей, со всѣмъ конкордатнымъ католичествомъ и воскресшимъ іезуитизмомъ, вещь рѣшительно посторонняя: они имѣютъ въ глазахъ однѣ воды съ тѣмъ сборнымъ со всѣхъ концевъ Европы обществомъ, которое вездѣ сохраняетъ особенный свой типъ и заслоняетъ обыкновенно собою все, что лежитъ внѣ черты воды, слѣдовательно, того же общества. Заѣзжаютъ иногда въ Австрію и люди ученые, по специализмъ учености ихъ до такой степени тѣсенъ, что дальше Вѣны и Праги они не заглядываютъ, а въ Вѣнѣ и Прагѣ находятъ для себя возможнымъ, и по времени и по другимъ обстоятельствамъ, ограничиваться лишь университетомъ, бібліотекой, кабинетами и другими учреждениями, относящимися непосредственно къ ихъ главной и специальной цѣли. Конечно, я не считаю нужнымъ говорить здѣсь о тѣхъ посѣтителяхъ Вѣны и Праги, которыхъ у насъ на Русь не мало и которые являются повсюду съ одною цѣлію — пропускать въ чужія руки русское золото. ими можно бы воспользоваться для статистики и характеристики модныхъ магазиновъ, актрисъ, пѣвицъ и т. п., но для свѣдѣній о положеніи народовъ въ Австріи и объ отношеніи къ нимъ правительства они не годятся на столько же, если не болѣе, какъ и путешественники на воды.

Откуда же русскимъ людямъ приходится почерпать объ этомъ свѣдѣнія? Есть нѣмецкія газеты, попадаютъ иногда и статьи въ журналахъ, имѣющія задачей сказать что-либо о многоязычной Австріи. Но лучше ничего не знать о нашей сосѣдѣ, чѣмъ вѣрить тому, что передается нѣмцами. Подобныхъ лицъ, какъ Фохтъ съ своею брошюрою, надобно искать по діогеновски въ Германіи, если и допустить, что русская публика успѣла уже понять, что австрійскіе нѣмцы, само по себѣ, не могутъ говорить правды о своемъ правительствѣ и о тѣхъ народахъ, на счетъ угнетенія которыхъ они только и существуютъ. Надобно ли говорить, что у другихъ народностей Австріи отпята возможность высказывать свои мысли и чувства, коль скоро послѣднія ка-

саятся обнаруженія правды и истины? Можно замѣтить развѣ о томъ, что въ силу многочисленной полиціи, проникающей во всѣ мѣста, гдѣ находится ея врагъ — человѣкъ не нѣмецъ, онѣ, эти народности, лишены всѣхъ средствъ изложить свое тягостное положеніе письменно и отправить въ другую страну, гдѣ бы могло это напечататься, но не всегда въ состояніи передать данныя о своемъ состояніи и устно. Понятно послѣ этого, что и свѣдѣнія наши могутъ быть лишь отрывочными, не полными, на сколько успѣетъ захватить ихъ рѣдкій путешественникъ во внутрь страны австрійской, и то украдкой отъ глазъ и ушей разсыпанныхъ повсюду полицейскихъ комиссаровъ и австрійско-нѣмецкихъ патриотовъ.

А между тѣмъ отказаться отъ точнаго и полнаго знанія Австріи, ни по ея положенію среди Европы, ни по отношенію къ обитающимъ въ ней народамъ, Россія не можетъ, да едва ли и должна, если принять во вниманіе современную силу и значеніе вопроса о народности въ организмѣ государственномъ, вопроса, столь живо интересующаго Европу, не чуждаго, въ послѣднее особенно время, и въ нашемъ отечествѣ. Мы привыкли, въ рѣшеніи этого вопроса, смотрѣть съ свѣтлой стороны на Западъ и, конечно, подобный взглядъ пишетъ свое основаніе; но забываемъ приэтомъ, что самая огромная по пространству держава на Западѣ, при отсутствіи положительныхъ о ней свѣдѣній, также захватывается не рѣдко въ этотъ взглядъ, и захватывается совершенно несправедливо. Австрійская держава не только не можетъ, по правамъ своихъ народовъ, примыкать къ Западу, но едва ли не должна занять самага низшаго мѣста въ ряду государствъ отдаленнаго востока Азіи: ей вполнѣ прилично названіе срединнаго государства. На первый взглядъ поражаетъ странностію подобное явленіе; оно, какъ будто, похоже на тотъ случай, когда человѣкъ спокойно оставляетъ погибать ближайшаго своего сосѣда отъ пламени или отъ воды, имѣя подъ руками всѣ готовые средства спасти его, и бѣжитъ искать такого же случая вдали, въ неизвѣстномъ мѣстѣ, на первыхъ порахъ, быть можетъ, даже и не зная, найдетъ ли онъ такой случай. Но не много стоитъ вникнуть въ отношенія наро-

довъ австрійскихъ къ Западу, чтобы повать эту стражность и несообразность съ истиннымъ гуманизмомъ Запада.

Ближайшіе и непосредственные сосѣди австрійской имперіи, германцы, привыкли, Богъ знаетъ почему, смотрѣть на нее, какъ на державу нѣмецкую, на свою соплеменницу, и спокойно закрываютъ глаза свои, когда приходится имъ столкнуться съ диковинными проявленіями своей сосѣдки, мнимои соплеменницы. У нихъ есть доля и основанія для такого воззрѣнія. Шести-милльонное количество нѣмцевъ въ Австріи, считающее себя господствующимъ народомъ въ имперіи, пользуется всѣми правами и привилегіями, и блаженствуетъ въ матеріальномъ довольствѣ и въ свободѣ національности на счетъ попранія довольства и свободы огромнаго большинства остальныхъ народовъ въ государствѣ. Заняться правильнымъ устройствомъ послѣднихъ, даровать имъ равноправность съ нѣмцами, значило бы неминуемо подорвать господство германскаго элемента, даже болѣе — низвести его на ту степенъ, на которой онъ едва былъ бы замѣтенъ и неизбежно долженъ бы былъ лишиться тѣхъ преимуществъ, какими владѣеть при настоящемъ устройствѣ. Все чиновничество, и высшее и низшее, и гражданское и военное, вся власть по всѣмъ частямъ управленія, сосредоточены почти исключительно въ рукахъ нѣмцевъ. Если и попадаются иногда въ ряду административныхъ лицъ фамиліи не нѣмецкія, то наблюдатель смѣло можетъ рѣшать, что душа носящихъ такія фамиліи давно уже сплотилась съ нѣмцами и не отдѣляетъ уже болѣе своихъ интересовъ отъ интересовъ господствующей націи. Словомъ, эти люди на столько же нѣмцы, на сколько нѣкоторые изъ имѣющихъ фамиліи нѣмецкія въ Богеміи должны считаться радикальными патріотами чешскими, въ Венгріи — венгерскими, у поляковъ — польскими. Отсюда понятно, почему только и видимое въ Австріи правительство является въ глазахъ міра чисто нѣмецкимъ, почему Австрія сама, при закрытости народовъ, не отдѣляется отъ государствъ нѣмецкихъ и почему нѣмцы союза германскаго смотрятъ на Австрію, какъ на частицу себя. Самолюбіе народа нѣмецкаго, видно, слишкомъ сильно и велико, чтобы не удовлетворяться господствомъ немногихъ паде мно-

жествомъ и не выставлять этого передъ свѣтомъ и передъ самимъ собою, какъ превосходство своей расы. Способъ господства, быть можетъ, и не разъ кольнетъ больно душу благородную, но, съ одной стороны, наслажденіе отъ удовлетворяющагося самолюбія, съ другой — обезпеченіе отъ чужероднаго сосѣда, а подъ часъ и надежда, въ случаѣ неудачи у себя, найти опору и защиту въ искусственномъ правительствѣ, служатъ достаточною причиною молчать о внутреннемъ хаосѣ имперіи и о странности въ ней правительственныхъ распоряженій. Нѣмцы вѣ Австріи могутъ даже и сами обманываться, полагая несправедливымъ не довѣрять своимъ собратьямъ австрійскимъ, цѣлою массою корреспондирующимъ изъ бюро Баха въ газеты германскія объ отеческихъ распоряженіяхъ власти, о довольствѣ народностей, о многообразныхъ готовящихся и приготовленныхъ преобразованіяхъ на пользу просвѣщенія, національной свободы, облегченія народа въ повинностяхъ и т. д. Ихъ довѣрію помогутъ еще и официальные газеты вѣнскія, съ торжественными прокламаціями объ утвержденіи того или другаго проекта реформаціи, о выходѣ того или другаго гуманнаго закона. Нѣмцы германскіе, въ душевной простотѣ своей и въ наивномъ довѣрїи къ печатному официальному объявленію, пожалуй, готовы даже восхвалять *свою* Австрію: ставитъ ее въ образецъ и наслаждаться мыслию объ осчастливленіи чуждыхъ народовъ національнымъ ихъ гуманизмомъ. Если же какой-либо саксонецъ, баварецъ, виртемберецъ проѣздомъ черезъ Австрію и успѣетъ подмѣтить, что прокламаціи и узаконенія въ газетахъ остаются лишь на бумагѣ, что въ дѣйствія приводятся особыя распоряженія, обыкновенно передаваемые конфиденціально, съ глазу на глазъ высшимъ начальникомъ низшему, то мягкость его національнаго чувства не позволитъ разубѣждать своихъ соотчичей въ ихъ прїятномъ, столь лстящемъ самолюбію заблужденіи. Да, признаться, чужеродпу, нѣмцу трудно бываетъ и подмѣтить въ Австріи такую возвышенную игру въ печатаніе правительственныхъ распоряженій. Прїѣзжаетъ онъ туда уже съ предубѣжденіемъ, сближается, разумѣется, съ тамошними нѣмцами, которые любезностію приѣма не замед-

затѣ распалить его чувства германскаго братства и приготовить къ вѣрѣ всему на слово, что ни станетъ отвѣчать на распросы гостепріимный хозяинъ, видящій въ современномъ порядкѣ администраціи вѣрныи и легки для себя кусокъ хлѣба, открытую широкую дорогу къ чаямъ и почестямъ и удержаніе своей расы на той высотѣ величія, съ которой можетъ давить не довольныхъ на нее *милежныхъ* итальянцевъ, мадьяровъ и славянъ. При такомъ отношеніи нѣмцевъ къ Австріи трудно ожидать правльныхъ и подробныхъ свѣдѣній отъ нихъ о положеніи въ ней не нѣмецкихъ подданныхъ, слѣдовательно почти четырехъ-пятыхъ цѣлаго народонаселенія австрійской имперіи. И дѣйствительно, глава сочиненія Карла Фохта (*Studien zur gegenwärtigen Lage Burora's*), подъ заглавіемъ *Oesterreich* составляетъ рѣдкое исключеніе. За то, если русская публика справедливо восхваляетъ его и видитъ въ сочиненіи плодъ благородства души автора, то нѣмцы далеко не довольны имъ, а нѣкоторые прямо называютъ его измѣнникомъ.

Можно было бы ожидать точности свѣдѣній отъ англичанъ, извѣстныхъ, по-крайней-мѣрѣ въ отечественной публикѣ, любовью къ свободѣ народной и какъ будто готовностію помогать несправедливо угнетеннымъ. Но свободная дома Англія дѣйствовала всегда въ пользу свободы чужихъ народностей единственно тамъ, гдѣ такое дѣйствіе согласовалось съ ея коммерческими или политическими интересами; гдѣ же подобные интересы не удовлетворялись, она не только охотно поддерживала гнетущее правительство виѣ своей страны, а систематически приводила въ дѣло интриги и коварства для давленія народовъ и въ обширныхъ собственныхъ своихъ областяхъ. Сколько извѣстно, представители Англіи въ Царѣградѣ менѣе всѣхъ другихъ употребляли могучее свое вліяніе на диванъ для ослабленія, если уже не уничтоженія, страшныхъ варварствъ, совершавшихся передъ ихъ глазами и обращенныхъ на несчастныхъ христіанъ турецкихъ. Возстаніе въ Индіи и вспыхивающія неудовольствія на іоническихъ островахъ служатъ не малымъ свидѣтельствомъ національнаго эгонзма и своекорыстія британской державы и по отношенію къ ея подданнымъ инородцамъ.

Туже политику замѣчаемъ мы и въ Австріи. Благопріятіе ли въ коммерческомъ отношеніи или для политическаго вліянія въ Европѣ современное устройство въ Австріи, или, быть можетъ, такимъ устройствомъ удовлетворяется дальнѣйшія цѣли Англии, но только правительство ея холодно смотритъ на безправіе народовъ въ австрійской монархіи и даже не впрочъ показать иногда готовность поддержать въ цѣлости ея устройство, если бы съ другой стороны и обнаружилась къ тому попытка. Направленіе правительства австрійскаго, во все время войны итальянской, освобождаетъ отъ необходимости приводить на это доказательство. При реорганизаціи Австріи легко можетъ пронасть не одинъ миліонъ фунтовъ стерлинговъ, какъ на цѣлую половину, если не болѣе, возможно ослабленіе и политическаго вліянія при силѣ народной симпатіи большинства нынѣшнихъ австрійскихъ подданныхъ къ громадному большинству славянскаго населенія на балканскомъ полуостровѣ и при тяготѣнн тѣхъ и другихъ къ опасному для нея Востоку. И англичане, столь любящіе путешествія, и притомъ, къ ихъ чести, путешествія не безплодныя, по большей части полныя самыхъ полезныхъ и интересныхъ результатовъ, заглядываютъ въ предѣлы австрійской имперіи лишь проездомъ, не разсѣвая въ образованномъ мірѣ тѣхъ истинныхъ свѣдѣній о ея устройствѣ, которыя могли бы способствовать правдному на нее взгляду. Если же принять въ соображеніе добросовѣстность англичанъ, то придется согласиться, что истинныя свѣдѣнія у нихъ есть уже, но они находятъ выгоднѣйшимъ оставлять ихъ за собою. Отсюда такой странный пробѣлъ въ ихъ газетной литературѣ, что касается до подробностей внутренняго положенія дѣлъ Австріи, и богатствомъ чего такъ справедливо можетъ хвалиться эта литература, относительно другихъ странъ и народовъ.

Въ другомъ свѣтѣ является французскій народъ во взглядѣ на подавленные народности Австріи, безъ различія ихъ происхожденія. Не разъ высказывалась симпатія его и къ итальянцамъ, и къ мадьярамъ и къ славянамъ, симпатія, чуждая своекорыстныхъ расчетовъ, вытекающая лишь изъ благородства національнаго характера. И само правитель-

ство, какъ ни смѣются стать въ независимость отъ народныхъ чувствъ, стремленій, а иногда и интересовъ, не одно-кратно, и въ прежніе годы и въ послѣднее время, слѣдовала народной симпатіи и содѣйствовало облегченію участи вѣданныхъ австрійскихъ. Пусть правительство поступало согласно съ желаніемъ народа и потому, что удовлетворялись съ тѣмъ вмѣстѣ и его политическіе расчеты, упрочи-валось вліяніе и усиливался вѣсъ въ дѣлахъ международ-ныхъ, — для насъ все-таки остается важнымъ результатъ освобожденія или облегченія народа отъ губительнаго гнета. Къ сожалѣнію только, вмѣшательство правительства не да-етъ довести дѣла до желаннаго конца, останавливаетъ его на половинѣ или началѣ, ограничиваетъ лишь обрѣдѣнною и тѣсною границею и, руководимое специальными цѣлями, стѣсняетъ результаты своей помощи. Заключеніе перемирія, а вслѣдъ за нимъ и миръ съ Австріей, столь не согласнаго съ прежними рѣшеніями Наполеона и съ успѣхомъ фран-цузско-сардинскаго оружія въ Италіи, справедливо взумили Европу своею неожиданностію. Эту неожиданность обыкно-венно объясняютъ положеніемъ остальныхъ частей Италіи, вліяніе котораго какъ ни необходимо оно для блага на-рода, не входило въ планъ войны. Нельзя не присоеди-нить къ этому и еще одного обстоятельства, оставившагося не замѣченнымъ императору французовъ — готовности къ возстанію мадьяровъ и, по всей вѣроятности, хорватовъ, а быть можетъ, и другихъ народностей въ Австріи. По-свѣдѣнность, съ какою прекратилъ онъ дальнѣйшій свой по-бѣдоносный походъ, кажется не мало указываетъ на то, что движеніе и въ другихъ частяхъ австрійской державы далеко не согласовалось съ его цѣлями, а такое движеніе уже на-чиналось. И въ томъ и другомъ случаѣ, имѣлъ ли въ виду Наполеонъ одну Италію или принималъ онъ въ соображеніе и стремленія остальныхъ народностей въ Австріи, его поли-тика является плодомъ исключительно правительственныхъ расчетовъ. И въ томъ и другомъ случаѣ, остается вполнѣ яснымъ, что правительственная симпатія къ бѣдствію народ-ному сосредоточилась лишь на племенномъ родствѣ, на же-ланіи облегчить участь однихъ австрійскихъ итальянцевъ, и

какъ скоро задумали воспользоваться этимъ другія, чуждыя народности, Наполеонъ остановился, предоставивъ судьбу цѣлой половины своихъ соплеменниковъ итальянцевъ прежней участи подъ тою же австрійскою властію. Подъ руководствомъ правительства, во Франціи и свѣдѣнія о народахъ Австріи почти не выходятъ изъ предѣловъ итальянскихъ. Если и попадаются извѣстія о мадьярахъ и славянахъ, то, какъ ни обшириѣе и ни точнѣе онѣ, сравнительно съ извѣстіями у нѣмцевъ и англичанъ, все же въ сущности, ограничиваются общими замѣтками, отрывочными объявленіями, изъ которыхъ рѣшительно нѣтъ возможности составить яснаго понятія о дѣйствительномъ положеніи этихъ народовъ.

При такомъ сплетеніи племенныхъ и правительственныхъ отношеній къ Австріи у народовъ западныхъ, не естественно-ли обратить внимательный взоръ на послѣднюю нацию, интересы котораго въ ней могутъ быть столь разнообразны. Не касаясь политическихъ видовъ, для опредѣленія и разграниченія которыхъ требуется гораздо болѣе и времени и мѣста, упомянемъ лишь о двухъ третяхъ народонаселенія австрійскаго, состоящаго изъ славянъ, нашихъ соплеменниковъ, сочувствіе и приязнь къ намъ которыхъ русскій встрѣтитъ повсюду. Вотъ почему всякая статья, всякая замѣтка въ нашей литературѣ, имѣющая цѣлю указать на ту или другую черту внутренней политики Австріи, важна, и почему нельзя не благодарить и авторовъ подобныхъ статей и замѣтокъ, хотя немногими и отрывочными фактами разсѣивающихъ мракъ, который такъ плотно и долго закрывалъ отношенія между правительствомъ австрійскимъ и народами Австріи. Я не имѣю, конечно, въ виду статей въ политическомъ обозрѣніи, какъ ни здраво часто и правильно высказываютъ онѣ сужденія объ Австріи. Главный характеръ ихъ и цѣль заключаются въ изложеніи политическаго положенія Австріи. Если иногда въ подобныхъ статьяхъ и встрѣчается нѣсколько мыслей о внутренней организаціи австрійской имперіи, то онѣ обыкновенно не выходятъ изъ границъ голословныхъ выраженій, сопровождаемыхъ хотя и вполне основательными приговорами, но все-таки не достаточныхъ для полной убѣдительности публки, и тѣмъ болѣе, что онѣ легко

могутъ парализоваться столь же голословными похвальными возгласами въ австрийско-нѣмецкихъ и нѣмецко-германскихъ газетахъ: послѣднія могутъ даже нѣтъ болѣе вѣса въ отдаленныхъ концахъ Европы, потому что болшею частью пишутся корреспондентами по программѣ, впередъ для нихъ составленной. А какая огромная, организованная и адресированная толпа такихъ корреспондентовъ содержится въ Австрii. Намъ побольше надобно фактовъ, данныхъ, взятыхъ изъ самой жизни, противъ которыхъ голая фраза, какъ-бы ни убѣдительно и краснорѣчиво была выражена она, останется не болѣе какъ фразою, и притомъ безстыдно-живою. Но такіе факты и могутъ собираться только путешественниками по внутренности Австрii, гдѣ ухо и глазъ наблюдателя могутъ дѣйствовать вполне самостоятельно; а такъ какъ такихъ путешественниковъ у насъ очень не много, то я и считалъ себя вправѣ, въ самомъ началѣ записки, выразиться, что признаю непростительнымъ не подѣлаться своими свѣдѣніями о томъ, что нашелъ я въ трехмѣсячное путешествіе въ южной Австрii, съ своими соотечественниками *).

Естественно, въ запискѣ моей объ Австрii нельзя ожидать строгой и точной системы, глубины обследованія, сведенія всего къ одному центру, — для подобной работы необходимы не три мѣсяца и пребываніе въ отдѣльныхъ городахъ и селеніяхъ не по днямъ и по двумъ или тремъ недѣлямъ. Я намѣренъ указать лишь на то, что успѣлъ собрать въ непродолжительное время, за достовѣрность чего могу поручиться, и что, какъ кажется мнѣ, далеко не все и не въ должной полнотѣ извѣстно нашей публикѣ. Для бѣльшаго уразумѣнія, я только свожу въ одно цѣлое данныя о предметѣ, который приходилось подѣлывать мнѣ въ различныхъ мѣстностяхъ и съ различныхъ сторонъ.

*) На дняхъ я получилъ извѣстіе, что къ именамъ г. Кошелева и особенно г. Погодина, столь характеристически очертившимъ нѣкоторыя данныя объ управленіи австрийскомъ, слѣдуетъ присоединить и г. Сухомлинова. Къ сожалѣнію, письма его въ Русскомъ Вѣстникѣ, по милости австрийской полиціи, не придется мнѣ прочитать долго. Г. Сухомлиновъ, хоти и очень бѣгло, проѣхалъ значительную часть сербо-венгеро-хорватской Австрii, и, разумеется, не мало могъ насмотрѣться диковинокъ.

Первое знакомство мое съ Австріей началось съ войска. Я ѣхалъ отъ Варшавы въ Вѣну въ первыхъ числахъ іюня мѣсяца, и рѣдкая станція проѣзжалась мною безъ того, чтобы не видѣть вагоновъ, наполненныхъ солдатами, и ранеными и не ранеными, военною аммуниціею, оружіемъ и орудіями, — везлись даже пушки на лафетахъ и пороховые ящики. При первой возможности, когда останавливалась наша машина не на одну минуту, я выходилъ изъ вагона и обращался съ распросами къ исхудалымъ, изуреннымъ и оборваннымъ солдатамъ. Тутъ узналъ я, что ихъ везутъ въ Галицію, и это не мало удивило меня, особенно когда, услышалъ я, что везутъ ихъ изъ Італіи. О перемиріи не было еще и слуху, и первое телеграфическое извѣстіе о немъ получено было въ Вѣнѣ только на третій день послѣ моего туда прибытія. Что была за цѣль наводнять Галицію войскамъ и орудіями, — дознаться не могъ я, хотя темные слухи, и между солдатами и между моими сосѣдями пассажирами, слухи о возможной (?) войнѣ съ Россіей оправдывали догадки мои, что Австрія намѣрена противопоставить войска съ своей стороны придвинувшимся къ границѣ русскимъ войскамъ. Но и теперь не могу уяснить себѣ причины, почему правительство рѣшилось вывозить изъ Італіи до оффиціальнаго заключенія мира орудія и военные снаряды, когда, какъ извѣстно, оно сосредоточивало до такой степени все въ военномъ отношеніи необходимое въ Італіи, что вынуждало туда почти все оружіе по крайней мѣрѣ до послѣдней пушки изъ Праги, на спокойствіе которой не легко разсчитывать безъ устрашающихъ средствъ. Австрія знаетъ это болѣе, чѣмъ кто-либо другой. Ужъ не увѣрилась-ли она въ прекращеніи войны итальянской прежде, чѣмъ начались видныя и для другихъ переговоры съ Наполеономъ. Какъ-бы то ни было, а не одинъ и не два дня потребно, чтобы перевезти, и по желѣзной дорогѣ, войска изъ подъ Милана и Венеціи къ Кракову дня за четыре или за пять до положительнаго извѣстія о состоявшемся перемиріи. Въ этихъ-то встрѣчныхъ отрядахъ я впервые увидѣлъ лицомъ къ лицу странную мѣшанину народностей въ войскѣ австрійскомъ, не имѣющихъ часто никакой другъ къ другу

синаптин, а подъ часть проникнутыхъ и взаимною враждою. Здѣсь были и поляки, и русины, и чехи съ славянами и моравянами, и мадьяры съ сербами и хорватами, попадались и итальянцы. Только нѣмцевъ не удалось мнѣ подмѣтить: быть можетъ, впрочемъ, и потому, думалъ тогда я, что я обращался къ солдатамъ съ рѣчью славянскою, хотя еще и не привычною мнѣ въ то время, а на звуки славянской рѣчи, польской и ломано русинской, естественно было стекаться въ кружокъ славянъ. Послѣ я слышалъ и узналъ самолично, что въ низшихъ рядахъ нѣмцевъ между славянами вообще мало: они занимаютъ мѣста офицеровъ и капитановъ. Разговоръ, конечно, обращался на военные дѣйствія въ Италиі, о которыхъ солдаты отзывались какъ-то легко, и, главное, съ полнымъ спокойствіемъ передавали нѣкоторыя о своихъ пораженияхъ. Само собою понятно, что времени слишкомъ было недостаточно, чтобы распространяться даль, да, признаться, я какъ-то и боялся прокажиивающихся и останавливающихся около итальянскихъ нѣмцевъ и нѣмчающихся безпрестанно австрійскихъ офицеровъ: я много слышалъ уже на родинѣ о подозрительности ихъ къ русскимъ, о наблюдательности за ними и о ложно состоявшемся, съ вѣтру вѣтромъ убѣжденіи, будто русскій путешественникъ между славянами непремѣнно долженъ быть какой-либо провагандистъ или эмиссаръ. Теперь, благодаря опытности, хотя я убѣдился и самъ въ действительности такого взгляда на русскихъ у австрійскихъ нѣмцевъ и у правительства, но пересталъ уже стѣсняться вытаращенными глазами съ злобныхъ людей однихъ и направленною полницею послѣдняго. Я дошелъ до осознанія, что цѣль устраненія русскаго чужака отъ сближенія съ славянами далеко заключается не въ одномъ опасеніи провагандизма; умыселъ тутъ есть и другой: не дать знать, что дѣлается съ славянами, отворотить отъ славянъ знакомство съ Россіей и русскими, заставить ихъ забыть о нихъ и воспринять клевету, которая распускается о насъ между славянами австрійскими. Чуждый, подобно всѣмъ русскимъ путешественникамъ въ Австріи, приписываемымъ цѣлямъ эмиссарскимъ, я совершенно пересталъ обращать вниманіе на неотступный над-

зорь и при первой, представившейся въ другой разъ встрѣчѣ съ солдатами, говоряъ съ ними свободаѣ, подробности и выкалъ глубже въ ихъ положеніе.

Вторая встрѣча произошла на пути отъ Землина въ Карловацъ, на дунайскомъ пароходѣ. Это было въ половинѣ августа мѣсяца. Пароходъ отправился около трехъ часовъ ночи, и естественно, ожидать урочнаго времени его прибытія и отъѣзда приходилось на станціи около пристани. Подобное ожиданіе, по крайней мѣрѣ на станціи землинской, составляетъ одно изъ мучительнѣйшей состояній для будущихъ пассажировъ. Изъ двухъ комнатъ, назначенныхъ для послѣднихъ, одна отчислена для пассажировъ перваго класса, другая — втораго. Но ни та, ни другая не отличалась ни просторностію, требуемою количествомъ ожидающихъ обыкновенно въ значительной массѣ, по близости Бѣлграда, по впаденію при Землинѣ Савы, парохода, который привозитъ сюда также не мало народа, наконецъ, по множеству путешественниковъ въ Пестъ и въ Вѣну изъ Славоніи: Землинъ для всѣхъ служитъ сборнымъ пунктомъ; ни еще болѣе по чистотѣ, которая давала бы возможность хотя спокойно отдохнуть или вздремнуть. Я не говорю уже о недостаткѣ скамей и стульевъ. Хорошо еще, если придется вамъ забраться туда по раньше, часовъ въ восемь или девять вечера, вы отыщите свободное мѣстечко на одной изъ скамеекъ; но горе, если запоздаете: тогда, по неволѣ, должны ожидать парохода въ глухую ночь подъ открытымъ небомъ, или довольствоваться стояніемъ посреди комнаты и завидовать остальнымъ спутникамъ, захватившимъ мѣста прежде и дремлющимъ или спящимъ, смотря по специальнымъ свойствамъ натуры каждаго. Но уйти изъ города въ восемь, девять часовъ, слѣдовательно, ожидать парохода пять-шесть часовъ въ душной и лишенной всѣхъ удобствъ комнатѣ, вовсе не рассчитать, а потому я, познакомившійся уже давно съ пристанью землинской, рѣшился лучше помучаться два часа и съ удобствомъ провести остальное время въ одной изъ городскихъ кофеенъ. Понятно, что по приходѣ на пристань въ полночь, я не нашелъ себѣ мѣста сѣсть, тѣмъ менѣе прилечь; стоять же вовсе не былъ въ силахъ послѣ продолжи-

теплой прогулки и осмотра города. Оставаться на террасѣ, передъ комнатою, хотя также безъ стульевъ и скамеекъ, было бы лучше, по большей чистотѣ воздуха; но холодъ, сырость и накрапывавшій дождикъ не позволяли и минуты задуматься о необходимости предпочесть какую-бы то ни было комнату. Въ такомъ положеніи я обратилъ вниманіе на довольно длинный столъ, заваленный мелкими пассажирскими вещами: сложилъ ихъ къ одному мѣсту и спокойно легъ, не стѣсняясь поднимающимися головами владѣтелей дорожныхъ мѣшковъ и ручныхъ чемодановъ. Дневное утомленіе, дреманіе однихъ и храненіе другихъ, наконецъ едва замѣтное освѣщеніе произвели надлежащее на меня дѣйствіе и, не взирая на странное неудобство, задремалъ и я.

Къ несчастію, дремота продолжалась нѣсколько минутъ: сначала раздался около комнаты сильный шумъ, за тѣмъ сильный говоръ по сосѣдству, соединенный съ громкимъ смѣхомъ и вскрикиваніями, а, въ заключеніе еще съ бѣльшимъ невниманіемъ къ спокойствію пассажировъ ввалилось и въ нашу комнату человекъ пять военныхъ: изъ нихъ одинъ обзаялся офицеромъ, двое капралами, а остальные рядовыми. Начались энергическія распоряженія военнаго начальства на нѣмецкомъ языкѣ, обращенныя къ капраламъ и солдатамъ. Вслѣдъ за этимъ, съ уходомъ получившихъ офицерскія приказанія, завязался разговоръ съ офицеромъ двухъ нѣмковъ, переселившихся изъ сосѣдней комнаты, занятой ново-прибывшими. Изъ него я узналъ, что офицеръ везетъ отрядъ войска изъ Италіи, что въ немъ есть нѣсколько раненыхъ, которымъ предстоитъ полная отставка, что ему очень тяжело исполнять это порученіе, потому что народъ безтолковый и ничего не понимающій. Между тѣмъ, голоса за дверями выдѣлялись все яснѣе и яснѣе: въ нихъ нельзя было не замѣтить славянскихъ звуковъ и даже цѣлыхъ словъ, на славянство могло указывать и особое произношеніе въ нѣмецкомъ языкѣ двоихъ солдатъ, явившихся съ офицеромъ и исполнявшихъ его повелѣнія: принести ему трубку, подушку, снать шинель и т. п., наконецъ, и отзывъ начальства о тяжести его положенія, вслѣдствіе безтолковья и непонятливости вѣрренныхъ его надзору воиновъ,—все говорило въ пользу того,

что они скорѣе всего должны быть славяне и, ни въ какомъ уже случаѣ, толковые и понятливые соотечественники офицера. Такъ какъ надежды на сонъ, при громкой разговорчивости веселаго человѣка и двухъ такъ умилно сочувствовавшихъ ему нѣмокъ, не было никакой, слушать же ихъ разговоръ, перешедшій совершенно въ другую сторону, вовсе для меня не интересный, я не имѣлъ охоты, то и за благоразсудилъ отправиться на террасу, а если можно, то и въ сосѣднюю комнату, съ цѣлю познакомиться напередъ съ своими спутниками.

Терраса была наполнена вся солдатами, разлегшимися на полу въ повалку, съ ранцами подъ головами, въ сосѣдней комнатѣ картина была таже, съ тою особенностію, что нѣкоторымъ не хватало мѣста и они, въ числѣ человѣкъ семи, стояли въ углу, съ трубочками во рту и безпощадно выпускали дымъ, которымъ и такъ была переполнена комната. Надобно имѣть или особую привычку или крайнюю нужду, чтобы вытерпѣть и пятиминутное пребываніе въ столь испорченномъ разнообразною смѣсью воздухѣ: я не чувствовалъ ни той, ни другой, и вышелъ снова на террасу. Здѣсь увидѣлъ одного изъ знакомыхъ уже, хотя по лицу, капралъ, стоявшаго, конечно, также съ трубкою, непремѣнною принадлежностію, около рѣшетки, и, какъ будто, наблюдавшаго за полудремающими солдатами. Прежде всего спросилъ я его о происхожденіи, и удивился на первый разъ, когда услышалъ въ отвѣтъ, что онъ изъ Кракова. Изъ Кракова, подумалъ я, значить полякъ, славянинъ, и попытался еще спросить: *ram jest Polak?* Сохрани Боже, заговорилъ мой капралъ чисто по-польски, я родился въ Краковѣ, но чистый нѣмецъ. Мнѣ было понятнѣе послѣ этого и капральское его званіе, при дѣтской почти молодости. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ капралъ одинъ былъ свободенъ и, какъ казалось мнѣ, не прочь поболтать, я остановился около него съ намѣреніемъ узнать изъ чего состоитъ отрядъ, куда ведутъ его и могу ли я, такимъ образомъ, надѣяться улучшить время побесѣдовать съ солдатами, хотя на нароходѣ. Капралъ удовлетворилъ въ этомъ отномненіи всѣ мои желанія: въ отрядѣ, человѣкъ изъ полутеррета, находились почти исключительно русины и поляки, по-

горыхъ слѣдовало прервать въ Осѣкѣ, слѣдовательно, я долженъ былъ съ ними ѣхать все время до Карловца. Значительная часть отряда состояла изъ раненыхъ при Маджентѣ и Сольферино, бывшихъ въ плѣну и только что вышедшихъ изъ госпиталя. Этихъ предварительныхъ свѣдѣній было достаточно, чтобы заинтересовать меня новыми спутниками, и я тѣмъ охотнѣе расстался съ капраломъ, что пароходъ уже пришелъ, пробилъ первый звонокъ и мнѣ надобно было слѣзнуть захватить удобное мѣстечко на остальную ночь въ каютѣ. Замѣчу только, что и капралъ подобно офицеру, и въ тоутѣ своемъ и во взглядѣ и въ словахъ выражалъ ту же безпредѣльность превосходства своего передъ солдатами: онъ смотрѣлъ на нихъ и говорилъ объ нихъ, какъ какой либо аристократъ, глубоко проникнутый сознаниемъ аристократическаго своего происхожденія: а между тѣмъ различіе заключалось все въ томъ, что онъ поселянинъ и немецкій, а солдаты изъ поселянъ славянскихъ. Около шести часовъ утра, когда солнце успѣло уже обогрѣть нѣсколько воздухъ, я вышелъ изъ каюты и направился на переднюю палубу. Она покрыта была вся сидѣвшими, лежавшими и стоявшими солдатами: одни изъ нихъ чистили свои портупеи и сапоги, другіе разговаривали въ кучкѣ, но большая часть лежала молча. Привыкши видѣть веселыя лица русскихъ солдатъ, ихъ разговорчивость, доходящую до болтливости, странно какъ-то было, на первый взглядъ, встрѣтить подъ военнымъ одѣяніемъ здѣсь какую-то мрачность, угрюмость, и видимую неохоту удовлетворять пытливости посторонняго человѣка. Одежда солдатъ еще болѣе производила на душу непріятное впечатлѣніе; она была у всѣхъ грязна, на многихъ разорвана; изъ дырявыхъ сапоговъ выставлялись голыя ноги, а почти черныя отъ нечистоты рубашки, съ волубѣлыми заплатками на нихъ, свидѣтельствовали слишкомъ убѣдительно, что начальство не считаетъ нужнымъ заботиться о томъ, что находится на бѣдномъ солдатѣ подъ верхнюю военную шинелью. Я подошелъ къ пароходной трубѣ. Здѣсь лежала и волулежала отдѣльная партія, партія раненыхъ: у кого не было руки, у кого ноги, у кого перевязана голова или сдѣланъ разрѣзъ на сюртукѣ на синій съ

видимыми слѣдами неснятой еще бинтовки. Самый бѣглый взглядъ на лица этихъ несчастныхъ могъ убѣдить всякаго, что физическія страданія ихъ далеко еще не прекратились: при слабѣйшемъ движеніи или отдѣльнымъ членомъ, или всѣмъ туловищемъ, фізіономія ихъ принимала самый страдальческій видъ. Въ этой партіи приковали мое вниманіе двое дѣтей. Дѣйствительно, я не могу употребить другаго термина для выраженія возраста этихъ солдатъ. Они лежала рядомъ, одинъ безъ руки, другой съ деревянною ногою, и оба носили во всѣхъ частяхъ своего тѣла отпечатокъ той еще физической неразвитости, слабости, нѣжности и миниатюрности, какія составляютъ принадлежность единственно дѣтскаго мужскаго возраста. И, въ самомъ дѣлѣ, одному изъ нихъ не исполнилось еще и семнадцати лѣтъ, а другому только что перевалило за шестнадцать передъ походомъ въ Италію. Старшій полублондинъ, былъ русинъ, младшій, настоящій брюнетъ — полякъ, краковянинъ, съ выразительными, огненнымъ карими глазами и съ рѣзкими очаровательными чертами лица. Я обратился прежде съ вопросомъ къ первому; но заданный по нѣмецки вопросъ мой о его происхожденіи остался безъ отвѣта. Тутъ уже усумнился я въ справедливости словъ нѣмецкаго капрала изъ аристократовъ-поселянъ, увѣрившаго меня, что будто у нихъ всѣ солдаты знаютъ немѣцкій языкъ. Я всегда былъ увѣренъ и безъ него, что австрійскій нѣмецъ, кто бы онъ ни былъ, пламенно желалъ бы этого, и тѣмъ пламеннѣе, чѣмъ хотя и уродливое знаніе нѣмецкаго сильнѣе выбивало бы изъ памяти славянскихъ солдатъ ихъ родную рѣчь, но отъ *ria desideria* до осуществленія еще очень далеко; по крайней мѣрѣ, я съ удовольствіемъ долженъ былъ повторить вопросъ свой раненому ребенку блондину по польски, потому что нѣмецкаго языка, ни онъ, ни его товарищъ, дѣйствительно ни понимали, быть можетъ, на этотъ разъ, хотя и потому, что дрессировка капральская и офицерская не имѣла еще довольно времени для попугайскаго обученія своей рѣчи тѣхъ солдатъ, которые облечены въ военную форму только за четыре и пять мѣсяцевъ. *Jestem Polak*, отвѣчалъ имъ больной солдатъ; но довольно было двухъ послѣдовавшихъ за этимъ еще отвѣтовъ, чтобы,

не смотря на мѣсто рожденія его въ окружной части русинскомъ, не смотря на униатство въ религiи, по самому языку не увидѣть въ немъ истиннаго русина. Такое несоотвѣтствiе настоящаго происхожденія съ первымъ отвѣтомъ объяснилъ мнѣ русинъ тѣмъ, что въ войскѣ начальство не отличаетъ ихъ отъ поляковъ и они, русины, всѣ идутъ подъ одно съ поляками. Удивительная вещь, какъ тонко, своекорыстно и непослѣдовательно дѣйствуетъ одна и таже власть по отношенiю къ одному и тому же народу, только въ различныхъ его мѣстностяхъ и при различномъ сословномъ положенiи. Въ то время какъ въ Галицiи и вообще въ поселенiяхъ русинскихъ правительство постоянно заботится о раздѣленiи двухъ родственныхъ народностей, постоянно усиливается разъяснить и безъ того ясное для народа сознанiе, что русины совершенно особый, самостоятельный народъ отъ поляковъ, какъ это особенно рѣзко выразилось во вмѣшательствѣ правительства въ правописанiи галицкихъ русиновъ — въ войнѣ, напротивъ, оно стремится подвести и ту и другую народность подъ одинъ уровень, подъ одно имя. Цѣль, конечно, понятна: тамъ необходимо держать силу свою взаимною раздѣленностью, соперничествомъ, враждою народностей, взаимнымъ, такимъ образомъ, ослабленiемъ ихъ; здѣсь же, на оборотъ, въ составѣ войска полезна и необходима дѣльность, единство. И почему же не хватиться за противорѣчащiя одно другому средства, когда впереди достигается этимъ своекорыстная цѣль? Изъ дальнѣйшихъ отвѣтовъ русина на мои вопросы узналъ я, что взять онъ въ солдаты не за-долго передъ походомъ въ Италию, что въ числѣ первыхъ раненъ подъ Маджентой, со множествомъ товарищей молодыхъ, выставленныхъ на убой въ первыхъ рядахъ. Онъ не безъ радости сообщалъ о томъ, что, наконецъ, не будетъ болѣе въ военной службѣ, хотя и съ глубокою скорбiю намекалъ на то, что отнятiе правой руки сдѣлаетъ печальною и бѣдственною жизнь его и на родинѣ. На выраженное мною удивленiе приэтомъ, онъ присоединилъ, что самъ работать я уже почти не могу, а бѣдность въ нашей сторонѣ такая, что и самый трудолюбивый работникъ едва не умираетъ съ голоду. Помощи нѣтъ ни откуда; все должны дѣлать на свой счетъ,

а налоги усилились до того, что почти только для них и приходится работать простолюдину. Гдѣ же тутъ ожидать сносной жизни. Когда же я обратилъ вниманіе на пенсію, которую, конечно, онъ будетъ же получать, какъ раненый, русскія махнулъ рукой, замѣтивъ, что даваемой пенсіей не наймись путемъ и здѣсь, во время пути на казенный счетъ. При вопросѣ о пенсіи заговорилъ и его товарищъ, краковянинъ, тѣмъ тономъ и съ тѣмъ выраженіемъ лица, которыя ясно обнаруживаютъ всю силу недовольства и злобы на существующія распоряженія. Не смотря на молодость лѣтъ, онъ говорилъ съ такимъ сознаніемъ, что неволью подумаешь, какъ способіе старить человѣка не количество годовъ, а бѣдствія, несчастія и неприятности, вытерпленные въ жизни. И должно быть жестоки были эти жизненные испытанія, что въ столь кратковременный срокъ, пребыванія на службѣ не болѣе пяти мѣсяцевъ, заставили ребенка мыслить и разсуждать по старчески. Что вы толкуете о нашей пенсіи, обратился онъ ко мнѣ; да развѣ шесть крейцеровъ въ день достаточно, чтобы жить хлѣбомъ? А между тѣмъ безъ ногъ не много заработаешь, да еще трудно сказать, залѣчится ли скоро и вполнѣ рана отъ отрѣза ея, а также и другая рана вотъ въ этой правой рукѣ. Какъ, неужели ты не совсѣмъ еще вылѣчишь? спросилъ я. Нѣтъ еще; наше начальство не даю залѣчить всего у французовъ, въ госпиталѣ которыхъ я лежалъ слишкомъ мѣсяць. Вотъ гдѣ жизнь, такъ это тамъ. За нами ходили тамъ, какъ за своими, давали не только бѣлый хлѣбъ, а и вино, одѣвали чисто, и, вѣроятно, еще недѣли двѣ и я былъ бы совершенно здоровъ. А такимъ раненымъ, какъ я, даютъ у французовъ по 200 гульденовъ: съ ними можно жить и не мучиться цѣлый вѣкъ оной, какъ вредитъ нашему брату; хорошо еще если умрешь поскорѣе, но крайней мѣрѣ не будешь томиться самъ, да и томить другихъ. У насъ видите-ли, какъ дѣлается: вотъ я лишился ноги, раненъ въ руку; чужіе люди, наши непріятели кормили, поили и одѣвали меня, какъ сына родного, лѣчили все равно, что своего брата, а тутъ, чуть чуть оправлянагося, взяли да и везутъ пятыя сутки, не разбирая ни дня ни ночи. Одежду же вы нашу видите и каково

въ ней продрогнуть цѣлую-то ночь хоть бы здѣсь подъ открытымъ небомъ, да еще подъ дождикомъ. Вотъ уже пятую ночь не спимъ мы, и мудрено-ли, что боль возобновилась опять такая же, какъ будто только что отрѣзали ногу. А какое съ нами обращеніе и какъ насъ кормить? При этомъ словѣ онъ вынулъ изъ кармана кусокъ черстваго, заваляваго чернаго хлѣба и сталъ глотать его. Дѣйствительно, взглянувши на одежду и на кусокъ хлѣба, сообразивши, что человекъ едва вышелъ изъ больницы, еще полубольной, и безъ сна, въ непогоду везетъ пятая сутки, подумавши больно не хорошо. Если же принять, при этомъ, во вниманіе, что раненый проливаетъ кровь свою единственно изъ выгоды своего правительства, въ ущербъ не только личнымъ своимъ, но и интересамъ своего народа, то какъ найдешь на столько сильное сравненіе, чтобы охарактеризовать подобное обращеніе? Молодецкій краковянинъ не стѣсняясь ни мало рѣзкостью и язвительностію выраженій, не смотря на то, что давно уже вертѣлся вблизи расчесанный и приглаженный нѣмецъ-капраля. Замѣтивъ развязность языка несчастнаго раненаго, я не безцѣльности замѣтилъ ему о необходимой осторожности, но замѣчаніе мое вызвало еще сильнѣйшую раздраженность, направленную къ тому же прямо на капраля. «Что этотъ нѣмецъ можетъ мнѣ сдѣлать? вѣдь, кромѣ шести крейцеровъ отнять у меня ничего, а имъ цѣмнаго наживешь; осадить же меня куда нибудь, или засадить тоже вѣтъ расчета: надобно кормить безъ всякой пользы, потому что работать я не могу. Вотъ вамъ еще образецъ какъ поступаютъ у насъ. Этотъ нѣмецъ и одѣтъ чище и содержится вообще лучше, а какая изъ него польза и что онъ сдѣлалъ? Намъ ставить прямо подъ выстрѣлы изъ пушекъ и ружей, а ихъ вѣхъ на саидій задъ; мы должны драться и насъ бьютъ, а ихъ награждаютъ и деньги даютъ. Многимъ ли онъ старше меня, а тоже капраля, и все почему? — да только потому, что онъ нѣмецъ; ихъ дѣло только намовать, да забирать наши послѣднія пожитки, а какъ скоро война, то ступай подъ пули и ножи наши брать. Да, хорошо досталось и имъ, замѣтилъ одинъ изъ собравшейся уже около насъ кучки солдатъ, офицеровъ-то у насъ почти всѣхъ переколололи. А развѣ у васъ

офицеры все нѣмцы, возражалъ я. А то какъ же, мы дальше направа не заходимъ, да и то очень рѣдко, развѣ ужъ хорошо понимаемъ нѣмецкій языкъ. Кареекій краковянинъ не остановился на этомъ; какъ ни былъ онъ молодъ, но, видно, многое успѣлъ сообразить и обдумать, а можетъ быть многое успѣлъ услышать отъ другихъ и сознать кратковременною опытностью справедливость слышаннаго, по крайней мѣрѣ убѣдительность тона, съ какимъ произнесъ оцъ слѣдующую фразу, сосредоточенная серьезность на блѣдномъ изнуренномъ лицѣ и увѣренность въ непреложности высказывавшейся имъ мысли, давали полное право думать, что это не одно пустое повтореніе когда-то и отъ кого-то слышаннаго. Офицеру и быть убитому не бѣда: онъ дерется, имѣя впереди награду, да и поддерживаетъ этимъ себя и своихъ нѣмцевъ, а за что насъ-то бьютъ? Вотъ мы, напримѣръ, дрались; многихъ изъ насъ убили, а еще болѣе изувѣчили, а развѣ нашимъ родичамъ лучше отъ этого. Съ каждымъ годомъ требуютъ отъ нихъ больше и больше, и ужъ почти совсѣмъ оголили передъ походомъ. — Такой мысли я никакъ не ожидалъ услышать отъ солдата, не потому, чтобы солдатъ не былъ способенъ къ пониманію того, что дѣлается внѣ военно-формалистическихъ инструкцій, а потому, что мы привыкли уже какъ-то думать, что когда австрійскій подданный, къ какой бы націи не принадлежалъ онъ, облачается въ военный костюмъ, какъ-будто волшебнымъ мановеніемъ перерождается нравственно, забываетъ свои родовые интересы, чѣмъ правительство о своемъ войскѣ успѣло ловко пользоваться, иногда противудѣйствуя съ его помощію народнымъ движеніямъ его соотечественниковъ и земляковъ. Всему есть срокъ и мѣра: они переполнились для Австріи и въ этомъ отношеніи, какъ давно во многомъ другомъ. По крайней мѣрѣ, для стойкости значительной части войскъ своихъ во время битвъ, начальство вынуждалось не разъ указывать на угрожающія сзади орудія, съ намѣреніемъ обратить ихъ противъ него, въ случаѣ отказа въ безпрекословномъ повиновеніи. Я слышалъ объ этомъ не отъ одного солдата на пароходѣ, по пути отъ Землина до Карловца слышалъ по многимъ городамъ и селамъ сербской Воеводины, Срема, Кроаціи и Дал-

націи. Здѣсь передамъ разговоръ свой съ однимъ солдатомъ въ Новомъ-Садѣ, которому, по его характеру, не можетъ отказать въ довѣріи ни одинъ скептикъ.

Разставшись въ Карловцѣ съ бывшими моими военными спутниками, я на третій или четвертый день, уже сухимъ путемъ добрался до Петервардена, объѣхавши предварительно значительную часть монастырей Фрушкогорскихъ. Петерварденъ, отдѣляемый отъ Новаго-Сада однимъ только мостомъ, не могъ остановить меня на долго въ стѣнахъ своихъ. Какъ во всякомъ крѣпостномъ городѣ, такъ и здѣсь взоръ не найдетъ много привлекательнаго, а мысль и воображеніе, при видѣ арестантовъ въ цѣпяхъ, при слухѣ постоянного барабаннаго боя, звуковъ отъ поднимаемыхъ и опускаемыхъ ружей скорѣе заставитъ искать васъ другаго, болѣе тихаго и съ болѣе человѣческими проявленіями мѣста. Петерварденъ особенно оставилъ тяжелое впечатлѣніе въ душѣ моей; правда, что я не Богъ знаетъ сколько видѣлъ на своемъ вѣку крѣпостей, но, тѣмъ не менѣе, почему-то думается мнѣ, что такого невыносимаго звука отъ цѣпей, такого множества арестантовъ, водимыхъ непрерывно по улицамъ на работы и съ работъ, нигдѣ больше не можетъ быть. Я не спору, что сила и болѣзненная напряженность такого впечатлѣнія, быть можетъ, не мало зависѣла и отъ того, что между арестантами я узнавалъ мадьяровъ и славянъ, отчасти и итальянцевъ. Безспорно, что мѣстоположеніе крѣпостнаго города и особенно главной крѣпости великолѣпно; но на это великолѣпіе гораздо удобнѣе любоваться съ противоположнаго берега Дуная, со стороны Новаго-Сада, и потому я часа черезъ три-четыре, послѣ вѣзда въ Петерварденъ, искалъ уже человѣка, который могъ бы нести за мною мой чемоданъ въ одну изъ гостиницъ Новаго-Сада. Хозяинъ кратковременной моей квартиры, услужливый мадьяръ, отрекомендовалъ мнѣ занимавшагося дворническимъ ремесломъ у нихъ солдата, недавно возвратившагося изъ Италіи. Мы отправились. Пространство, которое приходилось пройти намъ, было весьма не велико, времени, такимъ образомъ, терять не слѣдовало, и я тотчасъ же заговорилъ съ своимъ спутникомъ. На первый разъ

показалось мнѣ, что онъ сербъ, но болѣе и болѣе вслушиваясь въ его рѣчь, нельзя было не замѣтить того оттѣнка, который такъ рѣзко характеризуетъ рѣчь западно-славянскую. И дѣйствительно, солдатъ оказался словакомъ. Изъ отвѣтовъ его на мои вопросы узналъ я слѣдующее. Уже двѣнадцать лѣтъ состоитъ онъ въ военной службѣ. По окончаніи положеннаго десятилѣтняго срока, нѣсколько разъ безпокоилъ онъ начальство просьбою объ увольненіи; отвѣта все не было. Между тѣмъ пришло время и къ веснѣ 1859 года, когда распространился слухъ о войнѣ итальянской. Бѣдный словакъ обратился снова съ прошеніемъ, въ отвѣтъ на которое послѣдовало повелѣніе идти вмѣстѣ съ другими въ походъ и обѣщаніе уволить немедленно по окончаніи войны. Но вотъ уже два мѣсяца, какъ возвратился онъ въ Варадинъ, успѣлъ уже опять предъявить свое прошеніе, а увольненія все еще нѣтъ. Несчастный солдатъ, съ такимъ горячимъ чувствомъ говорившій о своей родинѣ, со слезами вспоминавшій о своей родинѣ, потерялъ терпѣніе и съ какимъ-то отчаяніемъ выразился: видно придется мнѣ умереть на чужой сторонѣ. Надобно знать привязанность словака къ своему очагу, чтобы во всей силѣ понять тяжесть бѣдняка, такъ несправедливо и противозаконно удерживаемаго въ войскѣ. Онъ уже болѣе, чѣмъ полустарикъ; голова его замѣтно посѣрѣла отъ сѣдны, лице полно той простодушности и откровенности, какія обыкновенно отпечатлѣваются на физиономіи словаковъ. Жалкій народъ! Судьба нѣсколько вѣковъ давила его жестокимъ гнетомъ мадырскимъ, почти объидотившимъ миллионы одной изъ чистѣйшихъ, неиспорченнѣйшихъ вѣтвей славянской націи; время высшаго образованія въ Европѣ, съ торжественными прокламаціями о гуманизмѣ, принесло словакамъ только новый гнетъ, губительный не менѣе перваго. Пребываніе словака въ Италіи, участіе его въ битвахъ при Маджентѣ и Сольферино, дало мнѣ естественный поводъ спросить и его о нѣкоторыхъ подробностяхъ. Довѣріе къ нему казалось мнѣ тѣмъ основательнѣе, что не смотря на личное стѣсненіе, на оказывавшіяся ему несправедливости, въ немъ не было вовсе замѣтно озлобленія, говорилъ онъ тихо и спокойно, даже нѣсколько апатично. Пусть

свѣдѣнія, заключенныя въ немъ и сообщенныя частью мнѣ, и не совсѣмъ, быть можетъ, согласны съ дѣйствительностью, но важность ихъ опредѣляется взглядомъ и убѣжденіемъ массы на свое положеніе подъ современнымъ правительствомъ и чужеземнымъ начальствомъ. Какъ ни былъ простодушенъ словакъ, но онъ съ положительностью увѣрялъ меня, что дрались въ Италіи только славяне и мадьяры; правда, были и швабы, но при каждой битвѣ, схваткѣ, обыкновенно они удалялись въ задъ, а впередъ выдвигали славянъ, еще больше мадьяръ. Народу гибло пропасть, а между убитыми не находилось швабовъ; между тѣмъ раздача наградъ падала почти исключительно на послѣднихъ. Сколько пропало молодыхъ силъ въ войнѣ этой, съ грустью прибавилъ словакъ! Молоденькіе мальчики, только что взятые въ войско, падали какъ мухи! Не разъ начинали мы думать, что насъ намѣренно ведутъ на явную смерть; нѣкоторые даже говорили, что и война-то самая ведется съ тѣмъ, чтобы поубавить молодаго народу, въ-особенности мадьяръ. Были случаи, когда многіе между нами не хотѣли и начальство слушать, не думали было идти въ бой, такъ умирать-то вѣдь все равно, что отъ непріятельскихъ пушекъ, что отъ своихъ, которые поставлены были сзади. Подъ Сольфериномъ-то самъ царь ужъ видѣлъ, что его швабы-то никуда не годятся и товарищи слышали, какъ онъ сказалъ: швабе не валяя ништо. Въ войскѣ образовался даже и весьма интересный мнѣ, переданный мнѣ словакомъ, будто императоръ былъ захваченъ въ плѣнъ и нѣмцы отказались идти выручать его, такъ что надобно было просить мадьяръ, которые и высвободили его отъ француза. Какъ ярко въ безъискусственномъ разсказѣ словака отражалась, безсознательно съ его стороны, вся сила и значеніе славяно-мадьярскаго элемента, какъ опоры и защиты монархіи, и въ свою очередь ничтожество господствующаго элемента австрійско-нѣмецкаго. Припомнивая видѣнное и слышанное мною на дунайскомъ пароходѣ, присоединяя и переданное мнѣ словакомъ, я востановлю представляю тѣхъ безумныхъ хозяевъ, которые не заботятся о своемъ скотѣ, воляхъ и лошадяхъ, пускаютъ ихъ, пока не надобны, щипать оборышъ-траву и обдирать кору деревьевъ.

ную, но какъ представился случай или необходимость употребить его въ дѣло, — сдѣлають имъ все, что надобно, потрудившись, въ благодарность своей скотинѣ, только распречь ее, да и то не всегда: пусть тратитъ и послѣдніе остатки силъ подъ тягостной сбруей. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ иначе смотритъ австрійское правительство на славянъ и мадяровъ, составляющихъ большинство, центръ, главную массу государства. Впрочемъ, надобно замѣтить, что по поводу разныхъ стѣсненій у славянъ весьма часто проявляются значительныя противу Австріи неудовольствія.

Спуститесь по-южнѣе, вступите въ страну самыхъ хорватовъ или прогуляйтесь по сосѣдней съ ней Далмаціи, гдѣ связи съ хорватами не въ состояніи разрываться строгими карантинами, и вы найдете полное подтвержденіе справедливости мною сказаннаго. Храбрость и ловкость хорватовъ, вѣроятно, давно уже извѣстна русской публикѣ: и, въ самомъ дѣлѣ, по признанію всѣхъ разнообразныхъ поданныхъ австрійскихъ, regimenty кроатскіе, какъ называютъ войско хорватовъ на языкѣ оффиціалномъ Австріи, составляютъ, конечно, самую лучшую, самую могучую часть австрійской арміи. О ея подвигахъ вы услышите не мало разсказовъ и изъ прежняго, болѣе-менѣе отдаленнаго времени, даже изъ устъ нѣмецко-австрійскихъ партизановъ. Они доходятъ иногда до восторга при часто преувеличенной уже передачѣ нѣкоторыхъ фактовъ изъ военной исторіи полковъ хорватскихъ. А теперь, послѣ похода въ Италію, не только хорваты въ тѣни, а еще подвергаются жестокимъ упрекамъ въ бездѣйствіи, въ слабости. И то и другое совершенно справедливо, хотя, разумѣется, взглядъ на эту слабость и бездѣйствіе, въ нашихъ глазахъ, далеко отъ всякихъ упрековъ. Хорваты мало того что не обнаружили прежней, обычной своей храбрости и энергіи, они даже *вовсе не хотѣли и драться*. Вы удивляетесь, читатель, не хотите вѣрить этому? Я опять попрошу васъ побывать въ Кроаціи и поговорить съ бывшими въ Италиіи солдатами. Но, быть можетъ, вы повѣрите мнѣ, стоитъ ли для разговора съ хорватомъ-солдатомъ ѣхать такую даль, гдѣ, притомъ, нѣтъ ни цѣлебныхъ водъ, ни бластательныхъ обществъ, ни

театровъ, ни роскошныхъ магазиновъ, вообще ничего, зачѣмъ обыкновенно мы ѣздимъ за-границу. Къ тому же я переговорилъ не съ однимъ пяткомъ солдатъ, провѣривъ ихъ донесенія подробными разсказами и чиновниковъ, и ученыхъ, и литераторовъ, и поселянъ и даже монаховъ католическихъ и притомъ не только либераловъ капуциновъ, а и смиренныхъ францисканцевъ. Не довѣрять такимъ разнообразнымъ свидѣтелямъ, интересовавшимся, интересующимся и доселѣ всякимъ фактомъ войны итальянской, значило бы принадлежать къ числу тѣхъ скептиковъ, которые не вѣрятъ даже въ собственное свое существованіе. Я, по крайней мѣрѣ, вѣрю во всей полнотѣ и, согласно съ этою вѣрою, передаю фактъ, еще нигдѣ не обнаруженный. Дѣло въ томъ, что хорваты, во время сраженія при Сольферино, вздумали отказаться идти въ бой; нѣкоторые бросили свое оружіе. Увѣщанія и угрозы ближайшаго начальства оказались недѣйствительными, и надобно было явиться самому императору для воодушевленія и поощренія храбрѣйшихъ изъ славянъ. Правда, что заключать отъ хорватовъ къ цѣлой арміи было бы скачкомъ, вѣроятно, и не справедливо, тѣмъ не менѣе, соображая отзывы военныхъ изъ другихъ народностей, а также сужденіе безпристрастныхъ туземцевъ, съ соболѣзнованіемъ не скрывающихъ дурной стороны своихъ соотечественниковъ, едва ли не придется ограничить старую вѣрность и преданность престолу одними чешскими, моравскими regimentами. Такъ передавали мнѣ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые чехи, какъ ни тяжело было имъ отдѣлять, въ этомъ случаѣ, своихъ чеховъ отъ войска австрійскаго изъ остальныхъ народностей. Впрочемъ, и въ чешскихъ солдатахъ симптомы недовольства и негодованія на существующіе порядки становятся все замѣтнѣе и замѣтнѣе. Когда потребовали было резервы въ Италію, состоящіе изъ старыхъ солдатъ, и когда послѣдніе проходили черезъ Прагу, то нѣкоторые изъ нихъ, отвѣчая на распросы любопытствующихъ пражанъ, увѣряли, что переходъ въ лагерь сардинской будетъ для нихъ самымъ первымъ дѣломъ, по прибытіи на мѣсто военныхъ дѣйствій: и дѣйствительно, между перебѣжчиками открывалось не мало чеховъ. Да и молодые солдаты, по возвращеніи изъ Италіи

на родину, считали себя въ правѣ довольно свободно выражаться, что быть австрійскимъ солдатомъ — величайшій позоръ. То je velika hanba byti austriaskim soldatem. Такъ стали уже смотрѣть на Австрію и чешскіе солдаты, долге всѣхъ служившіе вѣрнымъ орудіемъ правительственной политики, на которыхъ издавна привыкла покоиться надежда австрійской монархіи.

Во время путешествія по Далмаціи, мнѣ особенно часто приходилось сталкиваться съ австрійскими офицерами въ кофейняхъ, ресторанахъ, локандахъ и т. д. Я многому могъ наслышаться отъ нихъ, многому насмотрѣться въ нихъ, чтобы не составить хотя бѣглаго понятія объ этомъ спеціальному сортѣ поданныхъ австрійскихъ. Къ величайшему моему сожалѣнію, понятіе мое объ австрійскихъ офицерахъ далеко не сходится съ изображенною ихъ характеристиккою г. Ковалевскаго, высказанною въ увлекательномъ описаніи послѣдняго его пребыванія въ Черногоріи (Русская Бесѣда 1859 г., кн. 5. Смѣсь, стр. 9). Г. Ковалевскій такъ отозвался объ австрійскихъ офицерахъ: «сколько ни случалось мнѣ быть въ сношеніяхъ съ австрійскими офицерами, я болѣею частью находилъ въ нихъ людей, честныхъ, добрыхъ, лично храбрыхъ и не рѣдко образованныхъ.» Мы не имѣемъ основанія не вѣрить автору этой характеристики, но точно также считаемъ себя обязанными признать ее крайне условною, относительною, не только потому, что время нашихъ поѣздокъ въ одну и ту же мѣстность Австріи раздѣлено нѣсколькими годами, а и потому, вѣроятнѣе всего, что г-ну Ковалевскому, при его положеніи и при цѣляхъ, съ какими ѣздилъ онъ, естественнѣе всего случалось входить въ сношенія съ офицерами высшаго разряда, и по значенію и по образованію. Что же касается до меня, то я могъ наблюдать за тѣми офицерами армейскими, которыхъ наибольшая часть и которые постоянно и ближе стоятъ къ солдатамъ, ежедневно занимаясь съ ними военными эхзерциціями и обѣдая за сорокъ-пятьдесятъ крейцеровъ. И вотъ относительно такихъ-то офицеровъ, говоря вообще, думается, нельзя примѣнить ни одного качества, проводимаго г. Ковалевскимъ.

Одни изъ нихъ полны той слѣпой односторонности, бояз-

ливой нетерпимости, которая заставляет их видѣть въ каждомъ человѣкѣ злѣйшаго врага, если онъ только сдѣлаетъ намекъ, что смотреть на дѣло нѣсколько иначе, хотя бы этотъ взглядъ былъ обнаруживаемъ съ полнымъ безпристрастіемъ и даже холодностію: они стараются уничтожить его въ самомъ зародышѣ, предполагая въ развитіи его непремѣнное посягательство на *власть*. Другіе принадлежатъ къ составу ренегатовъ и характеръ ихъ здѣсь одинаковъ съ ренегатами всѣхъ сортовъ и народовъ. Хорошо еще, если такой офицеръ не сознаетъ своего ренегатства, — тогда онъ входитъ всецѣло въ разрядъ первыхъ и бываетъ все-таки сноснѣе, потому что лишень той опаснѣйшей злобы, которая вытекаетъ изъ сознанія нравственной преступности, на столько уже затвердѣвшей, что поворотъ или раскаяніе сдѣлались невозможны.

Каково же можетъ быть отношеніе подобныхъ офицеровъ къ низшимъ чинамъ военнымъ, въ несравненно бѣльшей части принадлежащимъ не нѣмецкой народности, не понимающимъ и не могущимъ понять, по патріархальности своего развитія, всѣхъ тонкостей и ухищреній своего правительства, сознавшимъ только одно, въ послѣдніе годы, что какъ бы ни была мудра ея политика, но для нихъ и ихъ народа она не легка. И дѣйствительно, между подчиненнымъ солдатомъ и начальствующимъ офицеромъ въ Австріи всякая связь прервана, ея нѣтъ и слѣдовъ! оба сословія стоятъ другъ отъ друга отдѣленными непроходимую бездною, изъ-за которой виднѣтся общее развѣ въ одномъ подобіи военной формы. Языкъ иной, понятія другія, убѣжденія противоположныя. Другой-третій десятокъ словъ нѣмецкой команды, механически вдавненный въ память многоязычныхъ солдатъ, можетъ какъ-будто указывать на гармонию обомъ сословіямъ на разводахъ и парадахъ, но бессознательно заученныя движенія однихъ по чуждой командѣ другихъ не въ состояніи, конечно, вознаграждать отсутствія единства мысли тамъ, гдѣ такое единство, обоюдное сочувствіе, взаимность интересовъ только и могутъ привести къ искомому успѣху, какъ на войнѣ, во время битвы. Тутъ формализму уже нѣтъ мѣста, его обязана вступать духовная связь между подчиненнымъ и ближайшимъ началь-

ствомъ, которое единственно этою связью и можетъ возбудить единодушное дѣйствіе, мужество и храбрость. Австрійскій офицеръ не можетъ и мыслить о такомъ влияніи и тѣмъ болѣе, чѣмъ развитіе умственно солдатъ и слѣдовательно, чѣмъ яснѣе понимаетъ онъ несходство своихъ интересовъ съ домогательствами власти. Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемъ въ Австріи совершенно особое положеніе дѣлъ, прямо противоположное характеру ихъ во всѣхъ другихъ странахъ. Въ послѣднихъ успѣхъ считается вѣриѣе, несомнѣннѣе, при самосознательныхъ дѣйствіяхъ солдатъ, при уничтоженіи въ нихъ исключительной машинальности; въ Австріи напротивъ, тѣмъ надежнѣе ихъ мужество и стойкость, чѣмъ менѣе сознательности.

Вотъ почему военная австрійская исторія не укажетъ намъ на случаи, когда отрядъ, по слову своего офицера, или полкъ, по слову полковаго командира, готовъ броситься въ огонь и въ воду, защищать свое начальство до послѣдней капли крови, какъ это мы видимъ въ другихъ странахъ, гдѣ начальство выходитъ изъ среды народа, проникнуто единствомъ основныхъ убѣжденій и гдѣ, по этому самому, слово начальство есть только *напоминаніе* солдату о мысли объ отечествѣ, для того и другаго единой во всѣхъ частяхъ и во всѣхъ ея отношеніяхъ; и наоборотъ, едва ли какойнибудь другой народъ представитъ столько примѣровъ непослушанія, въ самыя критическія минуты, сопровождаемыхъ иногда полною распушенностію, даже угрозами, бранью, подъ часъ и убійствомъ своего офицера, какъ разнородный и разнохарактерный народъ австрійскій. Вотъ почему, въ свою очередь, съ каждою войною Австріи въ послѣдніе годы, распространяющею постепенно глубже и глубже самосознаніе народное, успѣхи военныхъ ея дѣйствій становятся все слабѣе и слабѣе, дошедши, наконецъ, до того, что вести войну съ Австріей хотя и не столь многочисленному государству, какъ она, а только болѣе однородному, стало означать, въ глазахъ европейскаго міра, поражать ее на каждомъ шагу или гнать ея войска. А между тѣмъ едва ли ктонибудь рѣшится сказать, чтобы прежняя испытанная стойкость, мужество и храбрость

нѣкоторыхъ народовъ, какъ: сербовъ, мадьяровъ и кроатовъ, уже погябли. Дайте имъ другое устройство, введите войну въ ихъ народный интересъ, и вы увидите снова въ нихъ надежную опору, съ которою трудно будетъ противостоятъ и огромнымъ силамъ непріятели. При нынѣшнемъ же положеніи этихъ народовъ было-бы не только напрасно, но и безумно ожидать отъ нихъ воодушевленія и энергіи, когда неоднократно опытами могли они убѣдиться, что каждая выигранная ихъ пѣтою и кровью битва, каждая успѣшно оконченная война правительствомъ, придаетъ лишь новую ему силу для бѣльшаго и бѣльшаго ихъ угнетенія и разоренія. Трудно допустить, чтобы и самый глупый человекъ рѣшился охотно отыскивать самъ для другаго оружіе казни, съ увѣренностію, что оно должно обратиться только на его же спину или голову.

И странно, какъ до сей минуты не можетъ уяснить себѣ австрійское правительство причинъ всѣхъ своихъ бѣдствій, или, если оно понимаетъ эти причины, что всего вѣроятнѣе, то не менѣе изумительно его упорство въ старой системѣ. При извѣстной изворотливости ума австрійскаго правительства, доказанной историческими опытами, при ловкости его дѣйствій, какъ быстро, можно сказать разомъ, могло бы оно упрочить себя, возродить и одухотворить могучимъ духомъ настоящее свое положеніе, если бы взглянуло человѣческимъ окомъ на составные элементы, слагающіе австрійское государство, и поставило бы себя въ естественныя отношенія съ этимъ элементомъ. Но такъ глубоко сросся съ австрійскимъ правительствомъ его принципъ втянуть въ одно цѣлое разнороднѣйшія части и, обезнародивъ ихъ, переродить въ иную свою нѣмецкую народность, что, кажется, и не можетъ отстать отъ него.

Трудно, да едва-ли и возможно допустить, чтобы избранные органы такою главою австрійскою отличались, говоримъ вообще, основательнымъ образованіемъ и истиннымъ благородствомъ. Первое не только не согласуется съ безотчетнымъ формализмомъ, а, напротивъ, требуетъ осмысленія всякаго дѣйствія, оправданія его убѣжденіямъ; второе рѣшительно уже противорѣчитъ тѣмъ побужденіямъ, съ ка-

кими дѣлаетъ выборъ органовъ правительство и съ какими обыкновенно домогаются его или принимаютъ его выбираемые. И можно указать не на одинъ примѣръ того, какъ дѣйствительно благородные люди спѣшили выдти изъ службы, не видя въ ней возможности удовлетворять чувству благородства своего, и встрѣчая на каждомъ шагу самую неестественную потребность дѣйствовать противъ его требованій. И, въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только немного вникнуть въ жизнь общественную офицеровъ австрійской имперіи (ежели жизнь офицеровъ въ кофейняхъ, ресторанахъ и на улицахъ назвать общественною жизнью), чтобы убѣдиться въ крайнемъ недостаткѣ ихъ образованія и въ слабости благородства душевнаго. Я ограничилъ жизнь офицеровъ кофейнями и ресторанами и улицами. Не думайте, чтобы это было увлеченіе или общее заключеніе отъ одного какого-либо мѣста: въ этихъ только предѣлахъ приходилось мнѣ подмѣчать жизнь австрійскихъ офицеровъ и въ Землянѣ, и въ Панчевѣ, и въ Новомъ-Садѣ, и въ Карловцѣ, и въ Загребѣ, и въ Рѣкѣ, и въ Сплитѣ, и въ Шебенико, и въ Зарѣ, и въ Дубровникѣ, и въ Котторѣ, наконецъ и въ Прагѣ. Увѣренія же горожанъ въ каждомъ изъ упомянутыхъ мною городовъ было такого свойства, что другихъ предѣловъ и нѣтъ, гдѣ бы можно было еще наблюдать за жизнью офицерскою, если не принимать въ соображеніе квартиры ихъ, въ которыхъ они остаются только на ночь, во время сна.

Было бы совершенно излишне приводить подробности время-провожденія офицерскаго для каждаго города отдѣльно: оно до такой степени однообразно, такъ безъ всякихъ вариаций повторяется повсюду, конечно, гдѣ я былъ, одно и то же, что достаточно сказать объ одномъ городѣ, что бы имѣть правильное понятіе о жизни офицеровъ во всѣхъ остальныхъ. Особенно продолжительно и часто вынужденъ я былъ, къ величайшему моему прискорбію, сталкиваться съ нами въ Задрѣ. Имѣеть-ли понятіе читатель о путешествіи вдоль Далмаціи? Ежели нѣтъ, то я предваряю его, чтобы онъ не воображалъ о тѣхъ удобствахъ и въ садѣ, и въ помѣщеніи, и въ улицѣ, къ которымъ или привыкъ онъ во время своихъ путешествій по западной Европѣ, или которыя

предполагаетъ, при мысли, что Далмація также входитъ въ составъ западной Европы, о которой слышался онъ такъ много хорошаго.

Прену читателя выбросить изъ головы всякую связь въ этомъ отношеніи Далмаціи съ западною Европою, и смотрѣть на первую, какъ на лежащую особнякомъ и болѣе чѣмъ напоминающую, въ указанныхъ условіяхъ, отдаленный намъ Востокъ. Правительство, на томъ основаніи, что ходятъ вдоль береговъ Далмаціи пароходы Лойда, съ большою кусающими насѣкомыми, и съ не вкуснымъ столомъ и съ кункаторскою медленностью, нашло излишнимъ пускать почтовые экипажи по сухому пути даже между тѣми пунктами, гдѣ проведены шоссеиные дороги. Читатель можетъ думать, что почтовые экипажи не составляютъ еще необходимаго условія для поѣздки — могутъ быть частые экипажи, кареты, коляски. Замѣчаніе справедливое, но только на первый взглядъ. Кареты, въ самомъ дѣлѣ, бывали; остатки ихъ существуютъ и доселѣ; но, во-первыхъ, вамъ надобно ожидать по крайней мѣрѣ еще троиухъ пассажировъ, чтобы проѣхать пространство отъ города до города, а это напрасное ожиданіе: туземный житель привыкъ къ картинамъ своего края и ни за что въ мірѣ не предпочтетъ ѣзду въ каретѣ пароходу, гдѣ и дешевле, да можно больше захватить съ собой и багажу, во-вторыхъ сухонутная ѣзда не лишена въ Далмаціи опасности быть ограблену, и если почтовые экипажи въ Кромации обезпечиваютъ себя конвоемъ изъ пяти, шести человекъ солдатъ съ заряженными ружьями, то карета частная, если бы вы даже одинъ и заблагоразсудили заплатить за троиухъ или четверыхъ, все таки будетъ ѣхать съ однимъ вами, съ кучеромъ да съ кондукторомъ. Остается ваять колеи и ѣздить отъ деревни до деревни; но если вы не привыкли ходить ишкомъ, по раздробленнымъ острымъ камнямъ, или по густымъ слоямъ пыли на отрывкахъ шоссеиной дороги, то оставьте до иного, болѣе благоприятнаго времени, осмотръ живописныхъ видовъ срединны Далмаціи, а въ колахъ ѣхать вамъ не советую: вы изобьете себя бока и спину и принуждены будете возвратиться больнымъ. И такъ вы обязаны ѣхать на пароходѣ, терпѣть полугодѣ и не много обра-

щать вниманія на распухшія красныя пятна на вашемъ тѣлѣ, слѣды ночнаго укушенія лейдовско-пароходныхъ насѣкомыхъ. Вотъ видѣется и городъ, все равно Зара, Спитъ или Шибенико, — вы можете надѣяться на отдыхъ и на аппетитный обѣдъ. Подъѣзжаете къ пристани, при гамѣ и крикѣ факшновъ, рвущихъ одинъ отъ другаго изъ рукъ ваши вещи, вы идете въ городъ. Васъ съ перваго разу поражаетъ грязь и зловоніе, которыя тѣмъ сильнѣе и непріятнѣе дѣйствуютъ на ваше обоняніе, чѣмъ уже улицы, по которымъ спѣшите вы въ одинъ изъ отелей.

Наконецъ васъ проводятъ по отвратительной лѣстницѣ, передъ которой задній ходъ одного изъ нашихъ самыхъ послѣднихъ уѣздныхъ трактировъ показался бы самымъ параднымъ, въ какой-то грязный чуланъ. Вы недовольны, спрашиваете *комнату* и слышите въ отвѣтъ, что это самая лучшая комната, что другія гораздо хуже и всё заняты. Естественно, вы обращаетесь къ факину, съ намѣреніемъ искать другой отель; но съ ужасомъ узнаете отъ него, что другой *локанды* (такъ называютъ здѣсь отели) въ городѣ не имѣется. Я спрашивалъ у своихъ знакомыхъ далматинцевъ о причинѣ подобнаго невниманія къ путешественникамъ и изъ объясненія ихъ увидѣлъ, что обвинять въ этомъ горожанъ вовсе не слѣдуетъ. Причина отсутствія сносныхъ отелей заключается въ недостаткѣ путешественниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, если и заглянетъ чловѣкъ пятнадцать-двадцать въ мѣсяцъ, то они или проживаютъ по одному, по два дня, или тотчасъ же отыскиваютъ частную квартиру, если думаютъ пробыть въ городѣ около мѣсяца. Я оставался въ Зарѣ десять дней, а потому и долженъ былъ примириться съ необходимостію удовольствоваться помѣщеніемъ въ далматинской локандѣ. Тутъ же, при локандѣ, и единственный общій столъ, — и вотъ основаніе, по которому я ежедневно сходилъ съ оцацерами, по три раза.

Трудно себѣ представить, не видѣвши, какъ пуста, ничтожна и грязна жизнь этихъ людей. Локанда служитъ ихъ притономъ, въ которомъ проводятъ они въ сконѣ, чловѣкъ изъ пятидесяти, почти цѣлый день: утромъ являются за завтракомъ и сидятъ часа по два, въ двѣнадцать часовъ соби-

раются обѣдать и остаются чуть не до вечерень, въ сумеркахъ приходятъ за ужиномъ и расходятся въ полночь по квартирамъ съ тѣмъ, чтобы завтра повторить тоже самое. Остающіеся часы дня отъ занятій въ локандѣ посвящены бѣготѣ по городу или биллиардной игрѣ въ одной изъ кофеенъ, отдѣляемой собственно для нихъ въ каждомъ городѣ. Во все время пребыванія моего въ городахъ южной Австріи, не удалось мнѣ ни разу увидѣть въ рукахъ офицера книгу или газету, ни разу услышать разговора, выходящаго изъ круга житейскихъ мелочей, сплетень и ночныхъ похожденій. И какъ все это рассказывается? Неистовый хохотъ, еще болѣе неистовый стукъ ногами и руками слышатся далеко на улицѣ и слишкомъ убѣдительно свидѣтельствуютъ каждому прохожему о степени трезвости людей и нравственности ихъ бесѣды. Но для болѣе полной понятія объ этихъ господахъ, я бы совѣтовалъ заглянуть въ самую локанду или кофейню, скрѣпить сердце и просидѣть хотя часокъ времени. Вы увидите тутъ, какъ господа офицеры, утоливши первый свой голодъ, начинаютъ потѣшаться надъ своими собаками, составляющими чуть ли не непременную принадлежность австрийскаго офицера, какъ маленькая трубочка — солдата, или надъ жалкою прислугою. Дразнить собакъ и тѣхъ людей, которые поставлены въ необходимость служить офицерамъ, кажется, принадлежитъ къ высочайшему наслажденію послѣднихъ. Пискъ, визгъ и лай собакъ, соединенный съ бѣшеннымъ смѣхомъ офицерскимъ и съ бѣготней до удушливости, до упаду, въ полномъ смыслѣ слова, прислуги — вотъ картина, которою пришлось бы любоваться вамъ, когда бы вступили вы въ ту единственную комнату, гдѣ можете найти что-нибудь поѣсть. Вы озлоблены на безчувственное обращеніе офицеровъ съ собаками, на звѣрскую ихъ потѣху, но взгляните на несчастную дѣвушку или на бѣдныхъ мальчиковъ — и вы выбѣжите вонъ, чтобы не оставаться зрителемъ таковаго, постыднѣйшаго попраанія челоуѣческаго достоинства. Офицеръ точно также занимается гонкою прислуживающихъ, какъ охотникъ во время дрессировки своихъ собакъ, съ тѣмъ, конечно, различіемъ, что у послѣдняго есть цѣль и повторяется это изрѣдка, съ опасеніемъ не из-

курить и не истратить силъ своей собаки, здѣсь же цѣлн нѣтъ, кромѣ потѣхи и производится гонка каждый день и по цѣлымъ днямъ. И какое зато наслажденіе, какой грохотъ возбуждаетъ радость, когда удастся имъ загнать свою жертву до того, что она наконецъ упадетъ и разобьетъ тарелку или чашку, съ которыми бѣжала до стола офицерскаго. Но послушаться дикихъ приказаній офицеровъ вельзя: есть хозяинъ и хозяйка, считающіе священной обязанностью удовлетворять *осамъ* ихъ желаніямъ, какъ единственныхъ почти посѣтителей, поддерживающихъ существованіе *заводемія*, а съ нимъ и самихъ хозяевъ; послѣдніе не потерпятъ невнимательности къ такимъ гостямъ прислуги и немедленно же озаботятся смѣнить ее другою. А кто хоть въ сотой доли знакомъ съ поразительною бѣдностью далматинцевъ и вообще юго-славянскихъ подданныхъ австрійской имперіи, тотъ пойметъ всю необходимость бѣдныхъ служащихъ, терпѣть, чтобы не лишиться и тяжелаго куска хлѣба: все же лучше, чѣмъ быть вовсе безъ хлѣба.

Само собою понятно, что надобно имѣть особое общество горожанъ, чтобы ввести въ него подобнаго сорта людей, какъ описанные мною офицеры. Но, къ счастью, такого общества, кромѣ обыкновенной женской прислуги въ отеляхъ еще не образовалось, да едва ли и можно ожидать гдѣ-нибудь его образования. Отсюда очевидна полная разобщенность офицеровъ съ жителями, — и они составляютъ изъ себя тотъ заколдованный кругъ, къ которому боится свободно подступить всякая человѣческая душа. Нужно ли послѣ этого доказывать, что не приѣхъ дамами города Зары офицерскаго бала, въ іюлѣ или августѣ мѣсяцѣ, не могъ заключать въ себѣ рѣшительно никакой политической демонстраціи? Онѣ не явились по приглашенію единственно потому, что знали уже очень хорошо тѣхъ, кто приглашалъ ихъ. Сами мужья находили себя вынужденными присутствовать на этомъ балѣ, подъ предсѣдательствомъ далматинскаго губернатора Мамулы, лишь для того, чтобы отвлечь неизбежное, въ противномъ случаѣ подозрѣніе въ демонстраціи, и разошлись съ него въ началѣ офицерскаго разгула.

Въ заключеніе взгляда моего на австрійскихъ офицеровъ,

передамъ споръ мой за мѣсто на пароходѣ съ майоромъ; онъ также можетъ служить для характеристики образованія о-инчерскаго, даже болѣе, — майорскаго.

Это было въ половинѣ сентября мѣсяца, когда ѣхалъ я на пароходѣ по Савѣ отъ Землина до Сисека. Въ городѣ Бродѣ, часовъ въ десять вечера, сѣлъ на пароходъ одинъ майоръ, ѣхавшій тоже въ Сисекъ. Большая часть пассажировъ уже расположилась спать; другіе заняли мѣста на диванахъ, положивши на нихъ свои пальто, дорожные мѣшки, зонтики и т. п. Надобно вамъ замѣтить, что на савскихъ пароходахъ нѣтъ особыхъ постелей, а только довольно узенькіе диваны вокругъ общей каюты и складные стулья, положенные въ кучу на ея среднѣ; при этомъ женская каюта такъ мала, что значительная часть дамъ должна помѣщаться на ночь въ мужскомъ отдѣленіи. Я занялъ мѣсто около самой двери, но не ложился еще, хотя и не сходилъ съ него, боясь потерять съ наплывомъ новыхъ пассажировъ спокойный ночлегъ. Я далеко еще былъ отъ той опытности въ путешествіи на рѣчныхъ австрійскихъ пароходахъ, гдѣ каждый заботится такъ эгоистически о своей особѣ, что безъ разсужденія разваливается, во всю длину, на диванѣ, захватывая такимъ образомъ три или четыре мѣста сидѣнья, хотя бы другой, заплатившій такія же деньги, не имѣлъ куда приклонить и голову свою. Майоръ, по входѣ въ каюту, нѣсколько разъ смотрѣлъ на тотъ полудиванъ, гдѣ сидѣлъ я, и старался забрать по больше пространства: онъ выскивалъ удобнаго помѣщенія; но каждый разъ отворачивался и покончилъ тѣмъ, что положилъ свои вещи на противоположномъ полудиванѣ, съ другой стороны двери, гдѣ оставался праздный кусокъ мѣста, на которомъ, впрочемъ, едва можно было только сидѣть. Конечно, трудно было предположить, чтобы военный, при томъ австрійскій майоръ, человекъ довольно мясистый и съ заспанною физиономіею, готовъ былъ ограничиться сидящимъ положеніемъ, втеченіе цѣлой ночи. Подобное предположеніе заставляло меня быть осторожнымъ и крѣпче держаться своего мѣшка и шинели. Прошло съ полчаса, и майоръ вышелъ, значительно убавивши вина изъ поданной ему бутылки: это было часовъ въ одиннадцать. Спать мнѣ еще не хотѣлось, а

курить хотѣлось сильно. Полагая, что майоръ на палубѣ и что я могу за нимъ слѣдить, да къ тому же, по неопытности, все еще думая, что хотя и австрійскій онъ майоръ, но не рѣшится такъ насильственно въ моихъ глазахъ отнять у меня мѣсто, — я вышелъ самъ на палубу. Майоръ сидѣлъ на одной изъ скамеекъ и курилъ; закурилъ папиросу и я, и сталъ ходить, не спуская глазъ пока съ чаемаго непріятеля. На бѣду, я только начиналъ курить, а онъ уже оканчивалъ, а можетъ быть бросилъ свою папиросу забортъ и въ половину не докуренною. Мнѣ было совѣстно бѣжать за нимъ въ каюту: предположеніе, даже какая-то увѣренность, что мѣсто мое не пропадетъ, взяли верхъ, и я остался на палубѣ. Само собою разумѣется, что это продолжалось столько, сколько необходимо времени, чтобы выкурить три четверти легкой папиросы, къ тому же со спѣхомъ: едва-ли длилось мое пребываніе на палубѣ, безъ майора, и пять минутъ. Каково же было удивленіе и досада моя, когда подошедши къ своему мѣсту, я увидѣлъ на немъ совершенно раздѣтымъ, развалившимся во весь ростъ, майора. Онъ даже притворился спящимъ. Естественно, что я больше чѣмъ кто-нибудь другой могъ знать, что онъ только притворился: нельзя же въ пять минутъ сбросить съ себя узкое австрійско-военное платье, со всѣми военными атрибутами, улечься и заснуть. Мнѣ надобно было заговорить съ нимъ. Но какъ? Мнѣ хотѣлось, для вящаго успѣха, показать, что я иностранецъ, и я рѣшился употребить французскій языкъ. Правда, произношеніе мое далеко не обличаетъ природнаго француза, да я очень хорошо опредѣлилъ, что австрійскіе военные — не русскіе, и что между ними также трудно найти офицера, разумющаго французскій языкъ, какъ у насъ знающаго, напримѣръ, итальянскій. Едва только произнесъ я, наклонившись къ головѣ своего непріятеля: *vous avez pris ma place, monsieur*, произнесъ необыкновенно тихо, какъ майоръ въ половину корпуса поднялся и выставилъ на меня свои оловянные отъ вина глаза; я повторилъ, съ подобающею нѣжностію, мою фразу, — майоръ ни слова, только покачалъ головой. Я сказалъ тоже по нѣмецки; майоръ отвѣтилъ, что этого не хочетъ знать, что онъ нашелъ мѣсто свободнымъ

и занялъ его. — Но вы могли очень ясно видѣть, что на этомъ мѣстѣ лежатъ вещи — шпокъ и шивель, нѣсколько разъ также видѣли, что это мѣсто было занято мною и что я вышелъ только на пять минутъ, чтобы выкурить папиросу, что также вы видѣли. — Nein, ich habe keine Sache gesehen, а на мѣстѣ не было написано, что оно ваше. — Это взбѣсило меня, тѣмъ болѣе, что самъ же онъ переложилъ мои вещи на столъ; я легко могъ замѣтить, что майоръ принадлежитъ къ тѣмъ существамъ, съ которыми излишняя церемонія можетъ только повредить. Замѣтивъ, что во время нашего разговора нѣкоторые изъ сосѣднихъ пассажировъ подняли головы, я громко сказалъ: довольно уже путешествовалъ я, многихъ видалъ изъ различныхъ народностей, но ни разу не встрѣтилъ столь грубаго обращенія и безправія, какъ на австрійскомъ пароходѣ отъ австрійскаго офицера. Вы можете спокойно пользоваться отнятымъ у меня такъ нагло мѣстомъ, которое занималъ я уже двое сутокъ, и я охотно прошу на стулѣ цѣлую ночь, съ мыслию, что тѣмъ сильнѣе оставлю воспоминаніе о вашемъ поступкѣ, который не можетъ быть терпимъ и въ полуобразованномъ обществѣ. — Майоръ вскочилъ и въ одной рубашкѣ (не забудьте, что здѣсь были и дамы) побѣжалъ по лѣстницѣ, призывая контролера. Но, услышавъ на палубѣ, что контролеръ еще не возвратился съ берега, спустился внизъ, и сѣлъ на кончикѣ дивана, принявъ самую обиженную физиономію. Черезъ минуту задыхающимся голосомъ объявилъ, что онъ передаетъ все дѣло контролеру и пусть тотъ разсудитъ, кто изъ насъ правъ. — Очень пріятно, дополнилъ я. — Дѣйствительно, спустя четверть часа вошелъ контролеръ, и майоръ, чуть чуть не въ атлетическомъ костюмѣ, сталъ ему объяснять спорный процессъ съ своей точки зрѣнія. Я сидѣлъ въ отдаленіи и не говорилъ ни слова, пока майоръ не кончилъ. Потомъ подошелъ къ истцу и судѣи, обратившись прежде къ первому, замѣтилъ: человекъ образованный, за котораго слѣдуетъ принимать васъ по мундиру, долженъ бы былъ говорить истину, передавать обстоятельство такъ, какъ дѣйствительно оно случилось. Затѣмъ во всей подробности передалъ случившееся замѣшательство контролеру, стараясь, конечно выставить на-

мѣренность поступка со стороны майора, такъ какъ онъ искалъ прежде мѣста, два раза подходилъ ко мнѣ, видѣлъ меня полулежащимъ и потомъ видѣлъ тоже самое лицо на палубѣ съ папиросою, и все-таки тотчасъ же захватилъ мое мѣсто, воспользовавшись пяти минутнымъ отсутствіемъ. Положеніе контролера было крайне щекотливо: съ одной стороны виновный и майоръ, съ другой правый и чужестранецъ, повсему, чловѣкъ весьма не важный. Не мудрено, что онъ старался подыскать выраженія, какъ бы пройти, не задѣвъ ни того ни другаго, и вотъ чѣмъ завершилъ: вы, разумѣется, могли занять мѣсто, какъ скоро увидѣли его *ganz leer*, сказалъ онъ майору; а мнѣ, съ особенною сладкою мягкостію объявилъ, что «я васъ видѣлъ на этомъ мѣстѣ отъ самого Землина.» Майоръ былъ недоволенъ и, схвативъ свои атрибуты, съ шинелью и сапогами, отошелъ отъ дивана съ выраженіемъ, что я не *echt Deutscher*. Я присоединилъ, что у меня и въ головѣ не было когда-нибудь претендовать на столь почтенное званіе; впрочемъ напрасно тревожитесь, г. майоръ, я ищу мѣсто только для сидѣнья около своихъ вещей, и вамъ остается еще довольно, разумѣется, уже не ложиться, а сидѣть; на это, какъ заплатившіе одинаковыя деньги имѣемъ мы равное право. — Но не могъ я оставить безъ возраженія и мысль контролера о пустотѣ мѣста: вы справедливо замѣтили, что пустое мѣсто можно занять; но вѣдь оно можетъ быть оставлено по минутной нуждѣ, тогда нѣтъ уже ровно никакой гарантіи. На подобномъ условіи, я охото предоставлю мѣсто майору, но буду караулить, и какъ скоро онъ встанетъ, хотя бы для того, чтобы выпить стаканъ воды, я займу его мѣсто, какъ пустое. — Контролеръ на это засмѣялся и пожелалъ мнѣ доброй ночи; потомъ пожелалъ такой же майору и вышелъ. Желаніе контролера для меня исполнилось: я спалъ превосходно; майоръ же, какъ говорили мнѣ на другое утро сосѣди, цѣлую ночь кряхтѣлъ и ворочался на трехъ стульяхъ.

Разставшись съ австрійскимъ военнымъ сословіемъ, посмотримъ на народъ, какъ онъ живетъ въ своихъ родовыхъ славяно-мадьярскихъ владѣніяхъ.

І.....СКІЙ.

ВОСПИТАНІЕ ВДУЧКИ.

ПОВѢСТЬ.

(Посвящается Ф. С. Г — но.)

Вмѣсто предисловія.

Густая аллея тянулась ровною полосой отъ калитки сада къ крылечку Облаго пятиконнаго домика. Чистым, ровно разбросанный песокъ устилалъ помость аллеи. Облачное небо кое-гдѣ проглядывало сквозь вѣтви акаціи и тополя, сообщая неопредѣленный, сѣренькій колоритъ освѣщенію аллеи; только посреди нея опредѣленною тѣнью очертывался станъ женщины, одѣтой во все черное. Женщина эта долго оставалась неподвижною. Блѣдно-матовое ея лицо выражало грустную задумчивость; длинныя черныя рѣсницы полузакрывали прекрасныя, но заплаканныя черныя глаза; какъ бы не окончивъ задуманнаго движенія, она замерла на одномъ мѣстѣ и дала изъ себя образъ, который не ладился къ сѣренькой его обстановкѣ.

— Сестра! а, сестра! — звучно пронесся мужской голосъ съ крылечка.

— Я здѣсь.... отвѣтила черная женщина, и въ позѣ ея произошла быстрая переменна: одною рукою притянула она къ себѣ вѣтку акаціи, а другою сорвала листокъ и тотчасъ же стала мять его губами; на блѣдныхъ щекахъ ея показались легкая розовая краска.

— Иди, Анята, въ домъ, — повторилъ тотъ же мужской голосъ: — бабушка давно уже ждетъ....

— Иду, иду!... нетерпѣливо произнесла она, и въ то же время прошептала: — Господи, чего они отъ меня хотятъ?...

Аллея опустѣла.

Въ одной изъ комнатъ домика, съ его бѣдной, старинной обстановкой, сидѣла на кожаномъ диванѣ сѣдоволосая старуха; подлѣ нея на жесткомъ кожаномъ стульчикѣ помѣстился молодой человѣкъ, съ озабоченымъ лицомъ, въ нетерпѣливыхъ движеніяхъ выражавшій всю тягость молчанія, которое царило въ комнатѣ.

Вошла Анята и, потупивъ глаза, остановилась противъ старухи.

— Что же, Аннушка, исполни общее наше желаніе — выговорилъ старуха: — мы тебѣ хотимъ добра, — ты сама это видишь...

Анята молчала.

— Какая ты, сестрица, перѣшительная! замѣтилъ молодой человѣкъ: — вспомни наше положеніе.... Я уѣду Богъ знаетъ куда — поѣдешь ли ты за мною? Но, положимъ, ты поѣдешь: все же я боюсь за тебя, найдешь ли со мною спокойствіе, довольство?

— Я не стану утруждать тебя — отрывочно замѣтила Анята.

— Ахъ, не то, не то, сестра.... Ты не покинешь меня, какъ и я тебя не покину; но зачѣмъ же такое равнодушіе къ своей участи? Къ чему такъ слѣпо падѣяться на будущее?.. Женихъ, котораго предлагаетъ бабушка, богатъ или, по крайней мѣрѣ съ достаткомъ; онъ можетъ полюбить тебя...

Анята такъ пристально посмотрѣла на брата, что тотъ прервалъ свой монологъ и рѣшительно уступилъ бабушкѣ все поле дипломатки.

— Сережа правъ.... правъ.... кашляя сказала старуха: — а? не упусти своего счастья, Аннушка...

— Я счастлива — замѣтила Анята.

— Но впереди, Аннушка, впереди.... что-то Богъ пошлетъ....

— Что-нибудь.... я за все Ему благодарна.

— Охъ, спаси тебя Господь!... А я-то ѣхала съ своей старушечьей немощью, деревушку бросила: вотъ-то, думала, утѣшу Аннушку, вотъ-то женихъ хорошій напрашивается... Не даромъ же, говорю, я воспитала ее: умру, думала, при ней спокойно.

Анюта проворно подѣла къ бабушкѣ и поцѣловала ей руку, хотѣла что-то сказать, но слезы покатались по ея щекамъ и она снова припала къ рукѣ бабушки.

— Что же ты, дурочка, а? Ты видно шутишь? Богъ съ тобою, Аннушка, Богъ съ тобою!... Я не принуждаю тебя.... такъ только, для твоего же счастья.... не упусти его, а?

— Бабушка, ради Бога, оставьте это.... Я не видѣла этого жениха, я вѣрю, что онъ хорошъ.... Но ни за него, и ни за кого другаго я не пойду замужъ... я такъ и умру!

— Что ты, дурочка, перекрестись, — тебѣ ли думать о смерти? Я тебѣ не примѣръ.... Ох-ох-охъ!.. прокашляла старуха... Я и думала было выйдти замужъ, да видно не судилъ Богъ, такъ и состарѣлась... Ох-ох-охъ! Богу было угодно.

— Богу.... бабушка! настойчиво сказала Анюта и подняла глаза свои на икону.

— Я тутъ рѣшительно ничего не понимаю, — подумалъ Сережа, выходя изъ комнаты: — или она влюблена.... но въ кого же? или же она хочетъ дѣвствовать.... А жаль, право жаль: вышла бы изъ нея прекрасная жена. Все это бабушки да тетушки!.. Сережа сердито покачалъ головой и отправился бродить по саду. Однако напрасно онъ старался позабыть на время нерѣшенную судьбу своей сестры; напрасно, усѣвшись на скамейкѣ, занялся черченіемъ разнообразныхъ фигуръ на песокъ и насвистываньемъ знакомыхъ театральныхъ арій: черченіе фигуръ закончилось вензелемъ Анюты, а насвистыванье перешло въ восклицаніе: эхъ! ужъ эти мнѣ бабушки да тетушки! — Но въ это время онъ усмотрѣлъ на аллеѣ черную фигуру сестры. Поднявшись со скамьи, сталъ онъ подкрадываться, все тише и осторожнѣе, пока наконецъ не подошелъ къ задумчивой сестрѣ такъ близ-

ко, что, наклонившись нѣсколько впередъ, поцѣловала ея въ голову. Она вздрогнула.

— Ты была бы чудной женой! съ восторгомъ произнесъ Сережа.

— Тсс!.. грозя пальцемъ, прервала его Анюта.

— Развѣ кто-нибудь слышитъ! спросилъ изумленный братъ.

— Не говори этого. Я не люблю, когда и ты напоминаешь мнѣ о замужествѣ.

— И я?..

— Да, ты. Ты знаешь почему я не хочу, не могу и не должна выходить замужъ.

— Я знаю только то, что ты сама себя обманываешь.

— Радуйтесь за себя: вы такъ учены, умны... Анюта закусилла губы и отвернулась.

— Сестра! сказалъ Сережа: — поговоримъ не шутя, безъ гнѣва... Посуди сама, на что будетъ похожа твоя жизнь, одинокая, лишенная цѣли? Вѣдь ты увлечена предрассудкомъ, который въ наше время потерялъ всѣ свои достоинства; вѣдь ты обрекаешь себя на медленное самоубійство, вѣдь ты грѣшишь и грѣшишь противъ природы...

— Тсс!... грозя пальцемъ, опять прервала его Анюта.

— Это стыдно, сестра, ты ужъ не ребенокъ!..

— Ради Бога, замолчи, Сережа: ты грѣшишь.

— Въ чемъ, сударыня? — научите, сдѣлайте одолженіе, откройте глаза слѣпому.

— Послѣ, Сережа, послѣ.

— А теперь? Будете по прежнему смотрѣть на небо? — Фи, сестра! какъ это тебѣ не надоѣло...

Сережа сердито махнулъ рукой, отвернулся отъ Анюты и проворно пошелъ въ направленіи къ дому. Анюта боязливо посмотрѣла вслѣдъ за нимъ и, когда онъ скрылся, прошептала что-то со вздохомъ, перекрестилась, и долго потомъ одинокая фигура ея чернѣлась на бѣломъ помостѣ аллеи.

Анюта оставалась непреклонною, п бабушка должна была возвратиться въ свою деревушку, не успѣвъ выполнить главную цѣль своей трудной поѣздки. Но не желая совершенно опечалить старуху, Анюта рѣшилась сопутствовать ей и бро-

сить, даже навсегда, родной городокъ и бѣдный домикъ, въ которомъ жилъ и трудился покойный ея отецъ. Сережа также готовился въ дорогу. Окончивъ курсъ своего воспитанія, онъ находился теперь въ переходномъ состояніи, еще на время принадлежа жизни уѣзднаго города и роднаго крова, а воображеніемъ летая далеко, посреди ожидавшей его туманной будущности.

Съ-тѣхъ-поръ какъ братъ и сестра крупно поговорили между собою на счетъ замужества, они искося подсматривали другъ за другомъ и видимо избѣгали поводовъ къ взаимной откровенности. Такое натянутое положеніе безпокоило доброго отъ природы Сергѣя Ивановича и онъ желалъ какъ можно скорѣе избавить сестру отъ тѣхъ стѣсненій, которыя причиняло ей его присутствіе. Заложивъ руки за спину, повѣсивъ задумчиво голову, шагаль онъ во всѣхъ направленіяхъ по тѣснымъ комнатамъ и размышлялъ о цѣляхъ своей сестры. «Что у ней за виды? И отчего эта странная ея скрытность? Правда, мы росли съ нею врознь, воспитывались далеко другъ отъ друга; но все же — я ей братъ.... Кажется, довольно и этого для откровенности между нами.» — Въ то же время Аня молча сидѣла надъ книгой; но мысли ея мало заняты были чтеніемъ. Шаги брата напоминали ей, что она не одна въ домѣ, что за нею слѣдятъ, что какъ-то неловко ей опуститься на колѣни передъ иконами и начать свою обычную молитву. Она любила брата, но не могла ему довѣриться; обстоятельства ея жизни положили предѣлъ, за который она боялась перешагнуть въ откровенности всякаго рода, а здѣсь дѣло шло о судьбѣ ея, о всей ея жизни. «Нѣтъ, — думала она — братъ не узнаетъ моего прошлаго и долженъ предоставить меня на мой собственный произволъ.»

Время шло къ вечеру. Аня по обыкновенію вышла на аллею. На этотъ разъ въ рукахъ ея былъ исписанный листокъ бумаги и, медленно переступая съ ноги на ногу, она глубоко задумалась надъ чтеніемъ листка. Сережа былъ на той же алее. Поддувтивъ къ себѣ сестру на нѣсколько шаговъ, онъ приподнялся къ ней на встрѣчу съ вопросомъ: «что это читаешь ты, Аня?»

Анюта не приготовилась къ этой встрѣчѣ; она вздрогнула, покраснѣла, смаяла въ рукѣ бумажку и проворно спрятала ее въ карманѣ своего платья.

— Мы всегда не въ пору сходимся — сурово замѣтилъ Сергѣй Ивановичъ. Анюта промолчала на это, отвернувшись нѣсколько въ сторону и занялась разсматриваніемъ прятанной вѣтки.

— Кажется, — продолжалъ Сергѣй Ивановичъ — мы съ тобой никогда и не ссорились, всегда считали себя близкими другъ другу, а между нами столько неизвѣстнаго, скажу даже, тайнаго, что — право — скорѣе можно видѣть въ насъ давнихъ враговъ.... Мы только и ищемъ удобнаго случая, чтобъ поймать другъ друга на удочку. Вотъ и теперь.... Неужели эта бумажка должна быть для меня секретомъ?

— Должна.... невнятно произнесла Анюта.

— Послѣ этого рѣшительно я сегодня же ѣду; я не буду больше стѣснять тебя ни въ чемъ. Живи — и дѣлай, что хочешь.... Надѣюсь, тысячи верстъ, которыя будутъ раздѣлять насъ, для тебя — милыя версты....

Сказавши это, Сергѣй Ивановичъ проворно пошелъ къ дому.

— Сережа! куда ты? — живо вскрикнула Анюта: Ради Бога, не сердись....

Сергѣй Ивановичъ остановился. — Ну, что же? произвесь онъ настойчиво.

— Не уходи, не сердись.... Я хотѣла тебѣ что-то сказать.... Видишь ли, мнѣ самой больно, что мы никакъ между собой не поладимъ: а не правда ли, мы все-таки друзья? братъ и сестра?...

— Какое братъ и сестра! сердито сказалъ Сережа: — бумажка, всякій пустякъ, ведетъ насъ къ крупнымъ разговорамъ.

— Охота же тебѣ обращать вниманіе на пустяки? Я отыскала у себя въ комодѣ эту бумажку, исписанную уже давно.... хотѣла порвать ее....

— Ну, вотъ, вмѣсто того чтобъ рвать, отдай ее мнѣ.

— Да нельзя же, братъ.... это, быть можетъ, мой секретъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что между нами не должно быть никакихъ секретовъ. Какіе жъ мы послѣ этого друзья? Ахъ, Анята, Анята.... Не одна эта бумажка, а почти вся жизнь твоя для меня секретъ! Другіе больше о тебѣ знаютъ, чѣмъ я, твой другъ и твой братъ.... и это развѣ не больно мнѣ?

Анята бросилась обнимать Сережу и могла произнести только: «Я въ этомъ не виновата».... Слезы текли по ея щекамъ, глаза ея мелькнули небывалымъ блескомъ и такъ пронизывали потерявшагося Сергѣя Ивановича, что онъ, готовый самъ заплакать, только гладилъ руками черные волосы сестры и бормоталъ: «полно же Анята, полно....»

Въ это время на ближней церкви раздался благовѣстъ къ вечерни. Призывный звукъ колокола отвлекъ Аняту отъ брата и напомнилъ ей обычный ходъ дѣла.

— Куда же ты? спросилъ опомнившійся Сергѣй Ивановичъ.

— Въ церковь, другъ мой, слышишь — звонять.... Я скоро вернусь, теперь служеніе короткое.... Пусти же, мнѣ нужно еще оправиться — сказала она, поправляя свои волосы, взятые неосторожнымъ прикосновеніемъ рукъ брата.

— А бумажку? спросилъ онъ настойчиво.

— Какой же ты неотвязчивый....

— Анята, слышишь ли? бумажку! бумажку!... Но Анята проворно убѣжала къ крыльцу и не отвѣтила на голосъ брата. Огорченный Сергѣй Ивановичъ прошелся по аллеѣ. «Эти секреты ея — думалъ онъ — все, все между нами портятъ»... Вдругъ подъ ногами у себя онъ увидѣлъ тотъ самый взятый листокъ бумаги, который читала сестра. Онъ схватилъ его, спряталъ въ карманъ, дождался, пока Анята ушла въ церковь — и тутъ ужъ не могъ удержать свое любопытство. Дрожавшими пальцами развернулъ онъ, мѣстами пожелтѣвшій и потертый, листокъ и, недолго думая, сталъ разбирать слѣдующія строки:

«Я читала одну книжку, тамъ много хорошихъ писемъ: «вогъ такъ бы и я хотѣла написать.... Знаете чтѣ: вы должны быть большой грѣшникъ, или же у васъ — какъ говорится бабушка — нехорошій глазъ. Вы сглазили меня. Съ той поры, какъ я васъ увидѣла, мнѣ стало нехорошо.

«Съ той поры я стала рѣдко молиться Богу, а если молюсь, то не усердно, не такъ какъ прежде, и за молитвой все «думаю о васъ. Вотъ хоть бы и сегодня. Гуляла я въ церковной оградѣ между могилами хотѣла молиться.... Что-жъ? «Хочу произнести имя Божіе — произношу ваше!... Я испугалась, упала на колѣни, думала опять молиться; но вы «опять помѣшали. Это должно быть искушеніе. Вотъ и теперь.... Я плачу, я хочу думать о Богѣ, а вы тутъ ужъ и «стояте. Ахъ! Не смотрите такъ прекрасно, не стойте возлѣ «меня... не искушайте.....»

На этомъ оканчивалось прерванное письмо. Сергѣй Ивановичъ поморщился, потеръ себѣ лобъ и подумалъ: «чтожъ бы все это значило?» — Нѣсколько минутъ смотрѣлъ онъ на измятый листокъ, на желтыя его пятна, на женскій нетвердый почеркъ, подмѣтилъ нѣкоторыя грамматическія промахи письма, и только послѣ вторичнаго прочтенія загадочной бумажки, въ головѣ его составились опредѣленные вопросы: къ кому же это было писано и зачѣмъ? И вслѣдъ за этими вопросами передъ нимъ по немногу стала сплетаться драма, съ завязкой, актами и развязкой, драма, готовая тотчасъ разыгратъ передъ нами, лишь только поглубже взглянешь во всякое мимолетное явленіе жизни. Въ воображеніи его рисовалась миловидная головка шестнадцатилѣтней дѣвушки, съ ея наивно-свѣтлыми стремленіями, которымъ угрожаетъ невозмутимо-старческій образъ бабушки; мечутся молодыя силы, нѣтъ имъ ни откуда помощи, а время не терпитъ, настойчиво требуя отчета во всѣхъ внушенныхъ его полетомъ мысляхъ и чувствахъ; робко суетится бѣдная дѣвушка, не зная — на чемъ опочить и, какъ въ потьмахъ, оцупью хватается за первый попавшійся ей предметъ, — и тотъ предметъ подставленъ руками бабушки: старческій образъ торжествуетъ.... Тутъ должна окончиться драма — думаетъ Сергѣй Ивановичъ: а жаль, что такъ рано: все же изъ сестры была бы прекрасная жена! — И онъ въ третій разъ принялся перечитывать таинственный манускриптъ.

Въ это время воротилась изъ церкви Анюта. Ея глазамъ тотчасъ представился завѣтный листокъ въ рукахъ брата. Краска покрыла блѣдныя ея щеки; не зная на что рѣшиться,

она остановилась на мигъ и съ словами: что ты сдѣлалъ, братъ!... бросилась къ нему на шею. Тутъ только понялъ Сережа, какъ онъ нагло поступилъ, завладѣвши насильно чужою тайной. Пристыженный, онъ краснѣлъ, сгибался и едва могъ выговорить: я твой братъ, Анята....

Медленно она опустилась на скамейку; лицо ея горѣло; волосы, опять приведенные въ безпорядокъ, мѣстами приподнялись, мѣстами опустились и пристали къ влажнымъ отъ слезъ щекамъ; глаза ея искрились, а грудь тяжело дышала.... Послѣдніе лучи заходившаго солнца озарили ее и заставили склонить голову и опустить рѣсницы.... Сергѣй Ивановичъ изподлобья взглянулъ на сестру.

— Прости меня, Анята.

— А ты прочелъ?

— Прочелъ....

— И понялъ?

— Ровно ничего не понялъ.

— Я такъ и думала.

— И прекрасно. Зачѣмъ же ты упрямялась мнѣ показать прежде? Вѣдь это, кажется, давнишнее и, быть можетъ, дѣтская шалость.

— Ахъ, братъ! Я вижу — ты многое понялъ, но скрываешься, хочешь успокоить меня.... Нѣтъ, это не шалость; я сама не знаю, что это было.... Но все, что здѣсь написано — правда, ужасная правда! Я не знаю даже, для кого я писала это письмо; но что я была тогда ужасная грѣшница — это опять сушья правда....

Сергѣй Ивановичъ приготовился уже возражать.

— Перестань, Сережа! прервала его Анята: я знаю, что ты будешь говорить и какъ станешь утѣшать меня. Оставь это, ради Бога: я точно была ужасная грѣшница, я была тогда въ страшномъ отчаяніи; для меня, казалось мнѣ, уже невозможно было спасеніе.... Я была молода, неопытна, я знала только, что святымъ часто посылались искушенія.... Они ихъ побѣждали, а я не могла.... Да, Сережа, я хотѣла вотъ этимъ письмомъ избавиться отъ своего искушителя; но еще хуже.... я и письма не дописала. Онъ же не отставалъ,

вооружалъ меня противъ всего святаго.... Ахъ, то было страшное искушеніе! сквозь слезы договорилъ Анята.

Сергѣй Ивановичъ весь превратился въ слухъ: Анята разговорилаь.... Не вынаружиться для нея было теперь тяжело въ всякихъ признаній. И долго, порою принимаясь рыдать, она рассказывала брату про всю свою прошлую жизнь.

..... — Батюшка не пустилъ меня въ монастырь, — заканчивала Анята — а когда онъ умеръ, я и сама раздумала. Видно, Богу не угодно было.... видно, я страшная грѣшница.... Братъ мой, Сережа! проговорила она схвативши его за обѣ руки: — ты видишь теперь, что мнѣ нельзя уже жить иначе; на это была не моя воля.... Я умру, но умру такую же какъ теперь.... Я ищу себѣ только оправданія.... Я дала клятву — загладить свой грѣхъ....

Анята замолчала и отерла платкомъ свои слезы. Сергѣй Ивановичъ былъ не въ духѣ и чувствовалъ себя не на мѣстѣ.

— Пройдемся, сестра: тебѣ надо освѣжиться.

Рука объ руку они молча сдѣлали нѣсколько поворотовъ по темной аллеѣ.

— Такъ ты твердо рѣшилась сестра? сурово спросилъ Сережа.

— Твердо! — отвѣтила Анята.

— Гм!... значительно произнесъ недовольный братъ. Нѣтъ, — думалъ онъ: я ошибался, — драма все еще длится; только перешла она въ одинъ длинный и длинный актъ.... Длиннота его утомить и актера и зрителей....

— Кончай скорѣе, сестра! произнесъ онъ громко.

— Чтò такое? испугавшись спросила Анята.

— Ахъ, право.... это я такъ.... Пора, говорю, намъ и въ комнаты.

— Да, пора.... Пойдемъ.

Разлучившись съ сестрою и отѣхавъ на житье вдаль отъ родины, Сергѣй Ивановичъ часто вспоминалъ домашнія свои обстоятельства, часто задумывался надъ участію Аняты.

«Вѣдь такія пустыя обстоятельства — говоривалъ онъ при этомъ — и могутъ такъ сильно портить жизнь человѣка!»

Со словъ его я передамъ нѣкоторыя черты изъ жизни Анюты.

I.

Давно уже Ирина Савишна Коржикова собиралась въ Кіевъ на богомолье; давно ужъ эта завѣтная поѣздка сдѣлалась содержаніемъ всѣхъ ея деревенскихъ хлопотъ и разговоровъ. Лишь только черезъ-чуръ долго тянулася зима и на поляхъ медленно таялъ снѣгъ, — Ирина Савишна ужъ сильно беспокоилась и говорила: «вотъ не будетъ весны! Вотъ не дастъ Богъ мнѣ удивѣть Кіевъ!» — Лишь только наступала весна и начинали шумѣть по полямъ ручьи, разливались рѣчки, а дороги брались непроѣзжею грязью, — у Ирины Савишны являлись новыя безпокойныя мысли: «вотъ не наступитъ лѣто! вотъ не просохнуть дороги, не исправятся мосты и гати! Опять не дастъ мнѣ Богъ побывать въ Кіевѣ....» Наступало наконецъ лѣто. Ирина Савишна рѣшительно приступала къ завѣтной поѣздкѣ, приказывала выкатить изъ-подъ сарая на дворъ старую бричку, выдавала сало на смазку колесъ и только выжидала, какъ бы на новолуніе да выпала ясная погода. Но случалось болѣею частію такъ, что въ день рожденія мѣсяца или накрапывалъ дождь, или скучивались громовыя тучи, или бывало туманное утро, или же выпадалъ сѣренькій день. И вотъ съ мѣсяца на мѣсяць, откладывалась дальняя поѣздка, пока наконецъ осень не обрѣзывала своимъ ненастьемъ неудавшихся сборовъ на богомолье. — «Не довелось мнѣ въ этомъ году побывать въ Кіевѣ — говорила Ирина Савишна: — вотъ ужъ на слѣдующій годъ, какъ Богъ дастъ буду жива и здорова, непременно поѣду; а то, не приведи Господь, умрешь».... Тутъ она робко крестилась и невольнымъ вздохомъ отгоняла отъ себя мысль о смерти: смерти она сильно побаивалась.

Такъ проходили для Ирины Савишны годы за годами. Въ своей деревушкѣ, малолюдной и уединенной, она успѣла про-

жить до сѣдыхъ волосъ, до старческаго кашли и слабости во всемъ тѣлѣ, а впереди не имѣла для себя ровно никакой опредѣленной цѣли. Сперва невѣста безъ жениховъ, потомъ старая дѣва безъ надежды на замужество, наконецъ старуха безъ наслѣдниковъ, — она однообразно проводила дни за днями, хозяйничая въ своемъ маленькомъ помѣстьи, и дошла до такого состоянія, что принимала гораздо больше участія въ курахъ и индѣйкахъ, чѣмъ въ людяхъ. Что совершалось въ божьемъ мірѣ — объ этомъ она имѣла самыя темныя повятія, да и не чувствовала въ себѣ потребности прояснить ихъ. Порою и занимали ее толки про то-другое въ быту ея знакомыхъ, но этой любознательности вполнѣ удовлетворяла старая ея ключница Матрена. Чтò скажетъ Матрена по поводу какого-нибудь слуха о сосѣдскомъ дѣлѣ, какъ взглянетъ на него, — такъ Ирина Савишна на этомъ и ошочинетъ. Ѣздить по гостямъ была она не охотница, да и сосѣди ея были очень скупы на посѣщенія, такъ что она совсѣмъ отвыкла отъ общежитія и тяготилась даже принять у себя самага рѣдкаго гостя. Церковь была единственнымъ мѣстомъ, гдѣ она могла и людей увидѣть и себя показать. Сюда собирались помѣщики всей округи, большею частію люди состоятельные, смотрѣвшіе на Ирину Савишну свысока, какъ на мелкопомѣстную дворянку стариннаго покроя; къ тому жъ еще и она, при своемъ мелкопомѣстьи, не сгибалась передъ ними съ умиленіемъ въ очахъ, не напрашивалась на разговоръ, да и не умѣла завести его съ новомодными помѣщиками. Рѣдко-рѣдко бывало какой помѣщикъ, и то ужъ старикъ, замѣтивъ ее въ церкви, обратится къ ней съ привѣтствіемъ: «А вы еще, матушка, существуете? что, каково ваше здорovie?» — Ирина Савишна, отъ такого привѣтствія чувствуя себя не слишкомъ ловко, съ недовольнымъ видомъ отвѣчала: «Еще Богъ милуетъ.... Да и вы, батюшка, крѣпко подались, чай и васъ скоро позовутъ на судъ Божій».... Этимъ и ограничивались взаимныя привѣтствія. Большею же частію окружныя владѣльцы, посѣщая церковь, не обращали никакого вниманія на ближайшую къ ней владѣтельница. Церковь не составляла ея собственности и стояла на церковной, по актамъ значившейся, землѣ, и да-

же дорога къ ней пролегла не чрезъ владѣнія Ирины Савишны: значить, всё могли смотрѣть на нее, какъ на лицо постороннее, не имѣвшее значенія во всемъ церковномъ приходѣ.

Если въ жизни Ирины Савишны было мало общаго съ бытомъ ея сосѣдей, то не имѣлось у ней также и внѣшнихъ переводовъ къ тѣсному сближенію съ ними: она не вела по судамъ никакихъ процессовъ и лишена была удовольствія имѣть между сосѣдами своими родичей-наслѣдниковъ. — Владѣнія ея не представляли черезолосностей и составляли ядро владѣній ея отца, который, при жизни своей черезъ процессы растратилъ много денегъ, выпустилъ изъ рукъ не мало земли и умеръ, едва сохранивши при себѣ уголокъ, перешедшій къ единственной его дочери. Дочь, какъ дѣвушка, не умѣла и не посмѣла возобновить спорныя дѣла своего батюшки, и довольна была ужъ и тѣмъ, что сосѣди оставили ее въ покоѣ. Сосѣди, съ своей стороны отмежевавъ себѣ, что только можно было, отъ владѣній ея отца, и не чувствуя за это придиорокъ по судамъ, замолчали и не тревожили ее въ жалкихъ остаткахъ ея наслѣдства. — Что у Ирины Савишны не было вблизи родичей-наслѣдниковъ, это произошло вслѣдствіе обстоятельствъ давноминувшихъ, но очень обыкновенныхъ. Всѣ ея дяди и тетки давно уже почивали въ могилахъ, а дѣти ихъ и внуки, размножившись, покинули предковскія владѣнія, раздробленныя на мелкія части, и разсыпались по разнымъ концамъ Россіи, отыскивая себѣ болѣе пространныхъ владѣній. Эти мелкія части скуплены были людьми новыми, заѣзжими издалека; съ ними-то Ирина Савишна не могла ужъ никакъ породниться: на ней никто не женился и она не вышла ни за кого замужъ.

И очутилась Ирина Савишна одна-однихонька среди тѣхъ мѣстъ, которыя составляли достояніе ея предковъ. Повела она, какъ казалось ей, жизнь честную и разумную, чтобъ не помянуть честнаго въ свое время рода Коржиковыхъ. Вставала она съ восходомъ, ложилась съ заходомъ солнца, пила чай, обѣдала и ужинала въ опредѣленные разъ на всегда часы дня; ходила прилежно въ церковь, а еще прилежнѣе молилась Богу у себя въ домѣ; по большимъ праздникамъ

взывала священника и служила на дому молебны; въ спальнѣ ея теплилась неугасшая лампада; но утрамъ и ввечеру курилось по всѣмъ комнатамъ херувимскимъ ладаномъ. Въ промежуткахъ между всѣми этими благочестивыми занятіями, Ирина Савишна вязала чулки и штопала старое платье, а съ-тѣхъ-поръ какъ въ волосахъ ея, когда-то черныхъ, густыхъ и волнистыхъ, засеребрились сѣдые волоски и познала она немалый счетъ прожитыхъ ею годовъ, — съ-тѣхъ-поръ она стала часто заглядывать въ Житіе Святыхъ, просиживала надъ чтеніемъ ихъ по-часу и больше, и величала уже себя не иначе, какъ невѣстой Христа. Наконецъ Ирина Савишна собрала и заперла въ сундуки свои стародавнія наряды, свои старомодныя косынки, обшитыя брабантскими кружевами, за которыя батюшка ея кряхтя платилъ когда-то большія деньги, — заперла, приговаривая: «все это прахъ и суета!» Сѣдую ея голову сталъ прикрывать простенькій бѣлый кисейный чепецъ, а тоншее тѣло ея облеклось въ дешевыя, неизвѣнно чернаго цвѣта, платья.

Между тѣмъ чтеніе Житія Святыхъ раскрыло передъ Ириною Савишною новый міръ, чуждый современной дѣйствительности, но въ глазахъ ея зажившій снова своею таинственною и увлекательною жизнію, отъ которой нѣсколько вострепнулось зачерствѣвшее сердце старухи. Вслѣдствіе этого она въ первый разъ въ своей жизни наконецъ предположила себѣ опредѣленную цѣль — съѣздить въ Кіевъ и помолиться его святынѣ. О такомъ предположеніи сообщила она и священнику своему, отцу Никитѣ, а отецъ Никита замѣтилъ на это: «благое дѣло изволили замыслить, матушка Ирина Савишна.»

— Далече только, отецъ Никита, далече отсюда Кіевъ, продолжала Ирина Савишна: — сподобитъ-ли Господь Богъ меня доѣхать? Говорятъ вѣдь, батюшка, пятьсотъ верстъ отсюда до Кіева, и ѣхать-то лѣсами дремучими, по горамъ да по пескамъ....

— Доѣдете, матушка, Богъ — помощникъ благаго дѣла, утѣшалъ отецъ Никита, — и вотъ Ирина Савишна принялась за сборы на богомолье.

Однако не легко было осуществить задуманную поѣздку. Тутъ заключалась цѣль, единственная цѣль, которую, хотя и поздно, озарилась наконецъ жизнь Ирины Савишны. Нужно было хорошенько эту цѣль выработать и взлелеять. Человѣкъ обыкновенно медлитъ окончательно порѣшить давно-задуманное и долго наслаждается лишь созерцаніемъ задушевной своей цѣли, какъ бы боясь разомъ взять предстоящее ему счастье: такая нерѣшительность имѣла мѣсто и въ головѣ Ирины Савишны. Къ тому-жь, дѣйствительно, до Кіева было не близко, а старушка привыкла сидѣть на одномъ мѣстѣ и даже пятидесятиверстный переѣздъ изъ деревушки своей въ городъ, гдѣ проживалъ ближайшій ея родитъ, изъ фамиліи Коржиковыхъ, — до того казался ей длиннымъ и опаснымъ, что она сдѣлала его только разъ въ своей жизни, да и закалалась. Понятно поэтому, отчего поѣздка въ Кіевъ откладывалась съ одного лѣта на другое и состоялась наконецъ въ то время, когда и дороги просохли, и мосты исправились, и на новолуніи была ясная погода, и Иринѣ Савишнѣ стукнуло за шестьдесятъ.

Въ одно свѣжее майское утро на дворѣ у Ирины Савишны произошло необыкновенное движеніе. Тройка малороссійскихъ тощихъ лошадокъ подвезла къ крыльцу дома бричку, заваленную кульками, мѣшечками и подушками; на козлахъ возсѣдалъ кучеръ Евтухъ; на запяткахъ мастилась босоногая дѣвка Алена. Отецъ Никита со всѣмъ своимъ причтомъ два раза приходилъ служить напутственный молебень, а ключница Матрена, недоспавшая и разсерженная, разъ тридцать пробѣжала уже отъ кухни къ дому, отъ дома къ кухнѣ.... Наконецъ появилась на крыльцѣ и Ирина Савишна. Матрена въ сотый разъ должна была выслушать отъ нея всякія хозяйственныя наставленія и, обливаясь слезами, должна была пособить барышнѣ-старушкѣ усеѣться въ бричку. Лошадки тронулись.

— Ты смотри, Евтухъ, говорила Ирина Савишна своему возницѣ: — ты смотри у меня, не гони лошадей, сдерживай ихъ, а особливо подъ-гору... да пожалуйста, Евтухъ, не бей ихъ кнутомъ, а то, не дай Богъ, понесутъ еще....

— И, барышня, отвѣчалъ возница, оглядывая своихъ

тощихъ лошадокъ: — чего имъ носить? Колибъ только не пристали.

— Ну-ну, не важничай, прошу тебя! И не такія лошади да носить.

— Носятъ-то носятъ, — на то онѣ, барышня, лошади, — такъ для чего же и нашъ братъ кучеръ?

— То-то смотри. Я и взяла тебя, потому что ты человекъ старый, опытный, не запьянствуешь и съ дороги не собьешься. Ужъ какъ съѣдимъ благополучно въ Кіевъ, такъ я тебѣ, Евтухъ, новую свиту пошью; только ты, пожалуйста, лошадей-то сдерживай.

— Ужъ будьте покойны, барышня, въ цѣлости доставимъ, отвѣтилъ возница, и отъ удовольствія, что ему готовится новая свита, стегнулъ кнутомъ пристяжнаго.

— Чтожъ ты, Евтухъ!... вскрикнула Ирина Савишна. — Еще и ничего, а ты ужъ кнутомъ стегаешь! Нѣтъ, ужъ лучше спрячь кнутъ.... или подай его мнѣ.... Вотъ такъ! А какъ будетъ кнутъ нуженъ, такъ у меня спросишь.

Обезоруживъ Евтуха, Ирина Савишна спокойноѣ взглянула на окрестности, оборотилась на свою деревушку.... увы! деревушка ея уже спряталась за пригоркомъ и видѣлась отъ нея только верхушка церкви. Екнуло сердце Ирины Савишны: сна вздохнула и начала креститься. А лошади пустились по ровной дорогѣ мелкой рысцою, и старая бричка, качаясь кузовомъ направо и налево, стучала, скрипѣла, визжала....

II.

По дорогѣ отъ деревушки Ирины Савишны на Кіевъ находился малороссійскій городокъ В..... Тутъ проживалъ одинъ изъ честнаго рода Коржиковыхъ, двоюродный племянникъ Ирины Савишны, Иванъ Лукичъ Коржиковъ. Жилъ онъ не хуже и не лучше незначительныхъ уѣздныхъ чиновниковъ, имѣлъ свой домикъ съ садомъ и огородомъ, получалъ жалованье до 500 рублей на ассигнаціи въ годъ, съ прибавкою непредвидѣнныхъ доходовъ по службѣ, которые

состояли въ мукѣ, маслѣ, салѣ и другихъ живностяхъ; какъ ревностный служака, онъ неуклонно посѣщалъ уѣздный судъ на день два раза, приносилъ съ собою дѣловыя бумаги и на домъ, писалъ и рылся въ сводѣ законовъ, не пилъ горькой и все служилъ, служилъ безъ устали. Домикъ достался ему въ приданое за женою, которая умерла, оставивъ слѣды своего существованія въ двухъ хорошенькихъ дѣткахъ, Лють и Сережѣ. Дѣтки были утѣшеніемъ труженика-отца, и, любуясь на нихъ, онъ забывалъ свою горькую долю.

Бѣдность, однако, заставляла Ивана Лукпча задумываться надъ участію его дѣтей и не разъ отравляла его отцовскіи чувства. Но больше всего онъ страдалъ отъ неумѣнья своего обращаться съ дѣтьми, отъ недосуговъ присмотрѣть за ними. Не умѣлъ онъ въ пору ихъ приласкать, въ пору сказать имъ строгое слово; въ обращеніи съ ними онъ стоялъ на той ровненькой серединѣ, которая не отталкиваетъ отъ себя, но и не привлекаетъ къ себѣ горячей любви. Онъ по природѣ своей былъ человѣкъ робкій, но недостатокъ средствъ къ жизни и постоянныя заботы о пропитаніи семейства прибавили къ природной его робости еще запуганность, такъ что онъ ставилъ себя ни во что, всю силу полагалъ въ другихъ, отъ себя отнималъ должное, другимъ приписывалъ то, чего они не имѣли; дѣлалъ всегда такъ, какъ ему совѣтовали, и никому не рѣшался самъ совѣтовать; нуждался самъ въ руководствѣ, въ нянькѣ, и никакимъ образомъ не могъ быть руководителемъ другихъ, а слѣдовательно — и собственныхъ дѣтей. Увидѣвъ смиренную фязіономію Ивана Лукпча и услышавъ слабый его голосъ, можно было порѣшить, что это человѣкъ и добрый, да только доброта эта глядитъ немощью; является въ хозяйнѣ своемъ черезчуръ машинальною; видно было, что въ немъ ни разу не кипѣла живучая струя самостоятельности и свободныхъ дѣйствій.

Такая страдательная натура отца, безъ сомнѣнія, много вредила дѣтямъ. Особенно пострадала отъ этого дочь его, Люта. Правственное несостоятельность Ивана Лукпча подѣла ее на первыхъ же порахъ ея жизни хуже всякой бѣдности. По второму году оставшись безъ матери, она

предоставлена была расти и развиваться самой себѣ. Для Сережи отыскалась полюбившая его кормилица, а для нее не нашлось и няньки. Заплачетъ бывало Аня — никто ее не утѣшитъ, не убаюкаетъ; ребенокъ вдоволь накричится да и замолкнетъ. Улыбнется, бывало, Аня — никто радостно не встрѣчаетъ ея улыбки: ребенокъ свѣситъ свою головку и точно задумается, но такъ сосредоточено и глубоко, какъ не задумываются дѣти. Никто не помогаль ей, когда она училась ходить; сама, не подъ голосъ няни, начала лепетать первыя слова. Робкій сирота-отецъ не зналь какъ и подступить къ ребенку, а больше всего служилъ и въ судѣ и дома; успокоиваль себѣ тѣмъ, что есть-же въ домѣ кормилица, которая можетъ присмотрѣть за обоими дѣтьми.... Кормилица, дѣйствительно, смотрѣла за Сережей, а на Анюту, какъ на дитя совершенно ей чужое, не обращала ровно никакого вниманія, — благо у Аняты имѣлись же игрушки, на которыя не скупился Иванъ Лукичъ.

Дѣвочка подросла, подросаль и Сережа; но между братомъ и сестрой дружба не ладилась. Братъ терся около бывшей своей кормилицы, на колѣняхъ у нея раскладываль свои игрушки и не нуждался въ сестрѣ: ему было съ кѣмъ лепетать и смѣяться. Сестра, по прежнему, развивалась въ одиночку, говорила только къ своимъ кукламъ, а чаще уставляла свои черныя глазки въ какой нибудь предметъ и оставалась долгое время неподвижною, точно въ ней и не было потребности въ живыхъ дѣтскихъ движеніяхъ. Судьба не подарила ей на эту пору даже ровестницы-подруги, а Иванъ Лукичъ не пошелъ противъ судьбы, предоставивши обстоятельствамъ слагаться для его дочери такъ, какъ они слагались сами собою, хотя и очень легко было свести ее съ дѣтьми сослуживцевъ и сосѣдей.

Когда наступило время приняться за научное образованіе Аняты, Иванъ Лукичъ совершенно растерялся. Въ городѣ не было никакой общественной женской школы, а заняться образованіемъ дочери самому — онъ не имѣль свободнаго времени да и не могъ, потому что собственное его образованіе началось и закончилось въ стѣнахъ канцеляріи. Кое-какъ попробоваль онъ учить Анюту разбирать грамоту и

скоро принужденъ былъ сложить съ себя обязанность руководителя; дочь его такъ проворно научилась разбирать слова, что ему пришлось потихоньку ахать, удивляться и стать наконецъ рѣшительно въ тупикъ: онъ не зналъ, что дѣлать дальше. Доброе сердце его говорило ему, что нужно бы сообщать дочери о томъ и о другомъ; но какъ это сдѣлать, къ чему и къ кому въ этомъ случаѣ прибѣгнуть — этого онъ ни какъ не осилилъ.

Анюта и здѣсь пошла въ одиночку. Сосредоточенность ея обратилась на книгу; она выучилась бѣгло читать, а острия ея способности дали ей возможность кое-что и понимать изъ читаннаго. Свобода, предоставленная ей отцемъ, отсутствіе подругъ и всякихъ развлеченій, привязали ее къ книгѣ, какъ къ лучшей изъ игрушекъ; книжка ей не казалась, какъ многимъ дѣтямъ въ ея возрастѣ, ни доукою, ни непріятелемъ; чтеніе всякій разъ увлекало ее, а не представлялось чѣмъ-то въ родѣ горькой пилюли. Такимъ образомъ ей предстоялъ одинъ путь къ саморазвитію — читать и читать все, что ни попадется подъ-руку, и отсюда извлекать что-нибудь для ума и сердца. Хотя и безсознательно, Анюта вступила на этотъ путь. Ее стали навѣщать раннія думы и ранняя грусть: она стала глядѣть вокругъ себя какою-то старою дѣвочкой. Такое положеніе, безъ сомнѣнія, не нормально. Ранняя грусть, раннія думы хуже поздняго пробужденія: онѣ преждевременно истощаютъ нашъ организмъ, но все же онѣ лучше ранняго усыпленія. И если ужъ выпало на долю дитяти задумываться не по лѣтамъ, то не миновать ему впоследствии сильныхъ стремленій и горячихъ порывовъ къ просвѣтленію нравственныхъ силъ. Такія стремленія, сперва безсознательныя, начинали бродить ужъ въ сердцѣ Анюты; она, быть можетъ, упрочились бы и перешли въ разумныя, — какъ совсѣмъ неожиданныя обстоятельства повели ее въ жизнь новымъ путемъ.

III.

Былъ майскій вечеръ. Черныя тучи, озаряясь молніей, заволокли западный край неба. Но поднялся вѣтеръ, погналъ

ихъ на сѣверъ, прочистилъ подъ ними золотистую полосу, — и солнце во всемъ блескѣ попрощалось съ землею.

Иванъ Лукичъ сидѣлъ на крыльцѣ своего дома, закрытаго съ улицы заборомъ и высокими воротами; Анюта сидѣла у раскрытаго окна и смотрѣла на Сережу, который копался въ дождевой лужѣ и проводилъ отъ нея канавку вдоль ступеньки крыльца.

— Полно, Сережа, копаться, проговорилъ отецъ: — скажи лучше, чтобъ ужинать давали, а ты, Анюта, свѣчку зажги....

Но въ эту минуту послышался на улицѣ стукъ экипажа. Иванъ Лукичъ приподнялся, чтобъ взглянуть черезъ заборъ на проезжаго, какъ въ то же время стукъ умолялъ и за воротами послышался голосъ: эй! а кто тамъ есть? Отворяй!

Иванъ Лукичъ въ смущеніи побѣжалъ къ воротамъ.

На дворъ взѣхала бричка, забрызганная грязью; сидѣвшая въ бричкѣ старушка выглянула изъ-подъ кузова и сильно закашлялась.

— А гдѣ тутъ Иванъ Лукичъ? наконецъ спросила она, обращаясь къ Ивану Лукичу.

— Я, сударыня, отвѣтилъ онъ, смѣшался и покраснѣлъ.

— Ты, батюшка? Да ты, видно, не узналъ меня?

Иванъ Лукичъ совсѣмъ растерялся.

— Стыдно, стыдно забывать родичей... тетку не узнать!... качая головою, твердила старуха: тетку не узнать!...

— Ирина Савишна! воскликнулъ въ испугѣ Иванъ Лукичъ: — тетушка, виновать! Глаза, видно, ужъ изжилиять. Виновать, тетушка! И какими судьбами? Откуда? вопрошалъ онъ, припадая къ рукѣ Ирины Савишны и помогая ей вылезти изъ брички.

— На богомолье, батюшка, въ Кіевъ собралась-было.... Да куда ужъ мнѣ, старухѣ, ѣздить-то; видно, Господу Богу не угодно удостоить меня такимъ подвигомъ. Вотъ, такъ растряслась, такъ растряслась, пока къ тебѣ доѣхала, а дальше-то что жъ? Каки-кхи-кхи.... Не дай Богъ, умру еще на дорогѣ.

— Чтѣ вы, тетушка, о какой смерти изволяете говорить? Богъ милостивъ....

— Знаю, батюшка, знаю, перебила старуха. — Да вѣтъ ужъ, не поѣду въ Кіевъ! видно, не суждено мнѣ.... Вотъ, такъ рада, что къ тебѣ доѣхала, такъ рада.... А то, можешь себѣ представить, дождь, громъ, молніи такая ужасная, а тутъ еще Евтухъ лошадей безъ толку гонить....

— Гдѣ жъ таки, барышня, гонить? отозвался недовольный Евтухъ: все шажкомъ ѣхали....

— Я тебѣ дамъ — шажкомъ! крикнула Ирина Савишна. — Старый чортъ ты этакой! Думала, что косточекъ моихъ не останется, всѣ разнесутъ.... И взяла-то его, стараго чорта, какъ пеньющаго, надежнаго человѣка, свиту новую пообѣщала: какъ же, получишь!...

Евтухъ ворчалъ что-то про себя и слѣзалъ лѣнливо съ козелъ.

— Да что жъ ты стоишь? обратилась старуха къ племяннику: — принимай же гостей, проси въ комнаты!....

— Ахъ, виновать, тетушка! сдѣлайте милость, пожалуйста, вотъ сюда — на крылечко.... Иванъ Лукичъ опять растерялся; его перепугало то, что онъ не узналъ Ирины Савишны: — не хорошо, право, думалъ онъ, входя за нею въ комнаты: — какъ же, въ самомъ дѣлѣ, тетки не узнать! Странно, право....

Страннаго, впрочемъ, ничего тутъ не было: Иванъ Лукичъ видалъ тетку свою, еще бывши мальчикомъ, а съ-тѣхъ-поръ утекло воды не мало.

— А это внушки, что ли? спросила старуха, указывая на Аниоту и Сережу.

— Внушки, тетушка, мои дѣти.

— А? сердито произнесла Ирина Савишна. Какъ же это — внушки, да и не здороваются съ бабушкой.... Эхъ, какой же ты, Иванъ Лукичъ! Подведи ихъ; дѣтей-то надо учить, наставлять.

— Виновать, тетушка.... Аниота! Сережа! цѣлуйте ручку у бабушки.... Вотъ такъ! добавилъ оторопѣвшій Иванъ Лукичъ, увидѣвъ, что дѣти бросились цѣловать руку Ирины Савишны.

— Какія жъ они у тебя дикія!!... протяжно, качая го-

ловою, произнесла она: — чай, и грамоты до-сихъ-поръ не разумѣють?

— Грамотѣ учимся, отвѣтилъ Иванъ Лукичъ, — да вотъ бѣда, тетушка: присмотра мало, женскаго попеченія о нихъ нѣту. Вотъ, видите, Анюта подрастаетъ....

— А я-то что? Будто не тетка тебѣ? торжественно спросила Ирина Савишна.

— Вы? Вы, тетушка?... Благодарительница вы наша!... кланяясь, воскликнулъ Иванъ Лукичъ.

— То-то.... то-то, ласково замѣтила старуха и стала разсматривать стоявшую подлѣ нея внучку. — А на кого она у тебя похожа, а? Ахъ-ти, мать моя, никакъ правда! Точно, въ нашъ родъ пошла.... И глаза-то такіе быстрые, со звѣздами. Ахъ-ти, Господи! родство-то какъ и видомъ связуется: точно, волосы у ней будто мои.... То-то, слышишь, Иванъ Лукичъ, коса-то у ней будетъ вотъ этакая, волнистая, длинная....

Иванъ Лукичъ весь превратился въ зрѣніе, будто развернули передъ нимъ роскошную косу прекрасной женщины, хотя Ирина Савишна рисовала ее только на воздухѣ, движеніемъ своихъ рукъ, и не посмѣла указать на тощій хвостикъ своей теперешней косы, непроницаемо скрытой подъ шелковымъ капоромъ.

— Какъ-бишь ее зовутъ? продолжала Ирина Савишна.

— Анютой, тетушка.

— Анюточка, Аннушка... и имя хорошее. Ко мнѣ се, Иванъ Лукичъ! Какъ тебѣ не совѣстно до такихъ поръ держать дѣвочку при себѣ-только, чему она у тебя научится? А нынче, знаешь, свѣтъ каковъ? Воспитаніе, батюшка, все воспитаніе....

— Воспитаніе, благодарительница наша! Охъ, тетушка! не оставьте сиротку — сквозь слезы договорилъ Иванъ Лукичъ.

— То-то... то-то, ласково произнесла старуха. Ко мнѣ ее! давно бы пора....

Вызовъ Ирины Савишны принять участіе въ воспитаніи Анюты, не былъ дѣломъ напередъ обдуманнымъ. Единственное предположеніе, которое она долго лелеяла, — поѣздка въ Кіевъ на богомолье — готово было уже осуществиться,

какъ проливной дождь, застигшій ее, вопреки всякихъ ожиданій, на первыхъ же порахъ ея благочестиваго предпріятія, принудилъ ее отказаться отъ него не только на настоящее время, но даже и навсегда. «Видно, не угодно Богу удостоить меня такимъ подвигомъ», — этими словами она порѣшила свою поѣздку, вздохнула и — успокоилась. А когда Ирина Савишна, послѣ дорожныхъ передрагъ, очутилась въ комнатахъ племянника, и пахнуло на нее тишиной и уютностью ея собственныхъ покоевъ, — она даже рада была, что вотъ тутъ-то и конецъ ея странствованію. Въ комнатахъ Ивана Лукича было тихо, тепло; въ раскрытыя окна свѣшивались вѣтки акаціи съ благоухающими бѣлыми цвѣтами; огонекъ свѣчки отемнялъ зелень и кое-гдѣ дрожалъ изумрудами въ капляхъ, висѣвшихъ на вымытыхъ дождемъ листьяхъ, — и тутъ же самоваръ завелъ свой успокоительный шумокъ.... А въ дорогѣ-то могутъ представиться всякаго рода безпокойства, и отъ ненастья, и отъ ухабовъ, и отъ лошадей, которыхъ не умѣетъ сдерживать старыи чортъ Евтухъ: нѣтъ! Ирина Савишна совершенно отказалась отъ поѣздки въ Кіевъ, и при такомъ рѣшеніи ей стало легко, свободно, точно сбросила она съ себя лишнюю обузу и не предстоить ей ужъ больше никакихъ хлопотъ....

Но долго существовавшее въ головѣ Ирины Савишны предположеніе о поѣздкѣ въ Кіевъ имѣло то благодѣтельное послѣдствіе, что голова ея тотчасъ, съ потерей одного, родила другое предположеніе — взять Аниуту къ себѣ въ деревушку и окружить ее женскимъ присмотромъ. Въ чемъ и какъ будетъ этотъ присмотръ — объ этомъ она еще не подумала. Безхитростно проживши вѣкъ свой въ уединенной деревушкѣ, она не привыкла сдерживать себя правиломъ: подумай, а потомъ скажи. Что бы ни зашевелилось внутри ея, она тотчасъ же, бессознательно, высказывалась — будь передъ нею ключница Матрена, будь — какъ теперь — Иванъ Лукичъ. Предположеніе бессознательно родилось и тутъ же сказало въ торжественномъ спросѣ: «А я-то что? Будто не тетка тебѣ?»

Иванъ Лукичъ, привыкшій соглашаться со всякимъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло близко касалось его са-

мого, въ вызовѣ тетки своей увидѣлъ благодѣяніе, отъ котораго онъ могъ обрадоваться, но не отказаться. Дѣйствительно, онъ не зналъ, куда пристроить Анюту, и вдругъ неожиданно посылается къ нему разрѣшеніе трудной загадки. «Благодѣтельница ты наша!» восклицаетъ онъ въ умиленіи, и этимъ чистосердечнымъ возгласомъ еще больше подогрѣлъ вызовъ Ирины Савишны. «Самъ Господь Богъ, думаетъ она — навелъ меня на доброе дѣло; судьбы его неисповѣдимы: думала сдѣлать Ему угодное — сѣздить на богомолье, а Онъ мнѣ вручаетъ сиротку....» И она еще настойчивѣе твердитъ племяннику:

— Какъ тебѣ не стыдно, Иванъ Лукичъ! Ко мнѣ ее, давно бы пора!... Этакая черноволосая шутовка, вся въ нашъ родъ пошла. И не загорѣла, — видно, что наша кровь...

Долго еще въ тотъ вечеръ Ирина Савишна находила сходство между свѣжестью хорошенькой своей внучки и давно отжившими чертами всего честнаго рода Коржиковыхъ да и своей собственной увядшей красотой....

И участь Анюты порѣшилась.

IV.

Какъ ни тяжело было двѣнадцатилѣтней дѣвчкѣ разстаться съ отцовскимъ домомъ, все же деревушка и жилище Ирины Савишны повѣяли на Анюту новою, привольною жизнью. Дремучій садъ съ трехъ сторонъ окружалъ густою зеленью деревенскій старинный домъ, который передъ домникомъ Ивана Лукича могъ показаться барскими палатами. Хотя многолѣтняя крыша успѣла уже покосить углы его стѣнъ и сообщить ему видъ дряхлаго подслѣшоватаго зданія, но зеленныя вѣтви деревьевъ живописно убрали его наружность, заглядывали въ окна и пропускали въ комнаты мягкіе лучи солнца, игравшіе на полу множествомъ разнообразныхъ веселыхъ фигуръ. Среди такой обстановки Анюта на первый разъ вообразила, что въ это радужное жилище перенесли ее волшебныя, сказочныя силы. Она бояливо растворяла двери на балконъ, отсюда по шаткимъ ступенькамъ сходила къ

пестрымъ цвѣтникамъ, и робко заглядывала въ чашу сада, съ запущенными дорожками, съ непролазною густотою малины и крапивы промежъ высокихъ деревьевъ. Но скоро она освоилась съ этою дичью и полюбила ее; скоро дичь эта сдѣлалась для нея самымъ вѣрнымъ товарищемъ и собесѣдникомъ.

«Воспитаніе, бабушка, все воспитаніе!...» Такими словами Ирина Савишна упрекала Ивана Лукча. И вотъ теперь Анята при ней. Какъ же станеть воспитывать бабушка?

Сидя въ высокихъ креслахъ, съ очками на носу, съ неизмѣннымъ чулкомъ въ рукахъ, часто она почтывала изъ Житія Святыхъ; Анята должна была сидѣть тутъ же, вязать и свой чулокъ, а главное — сидѣть прямо и смотрѣть весело на бабушку.

— Что ты такъ ломаешься? часто бывало ворчить старуха: пулно держать себя прямо, да смотри мнѣ въ глаза бойко, весело....

Въ этомъ заключалась первая наука, въ которой нѣкогда хорошо успѣвала Ирина Савишна, и въ которую теперь стала посвящать свою внучку. Но дальше этого наука не двигалась. И не мудрено: бабушка взялась вовсе не за свое дѣло. Правда, воспитаніе не представлялось ей дѣломъ головоломнымъ; ей, не получившей никакого научнаго образованія, казалось, что оно состоитъ въ женскомъ присмотрѣ за дѣвочкой да въ усвоеніи нѣкоторыхъ внѣшнихъ приемовъ общежитія, безъ которыхъ стыдно было бы показаться въ люди; ей даже и не приходило на мысль, что можетъ быть образованіе ума и сердца. — Но отчего же, при такихъ понятіяхъ, старуха тотчасъ же заговорила о воспитаніи, какъ только увидѣла свою невоспитанную внучку? — Оттого, что многіе люди должны были бы цѣлый вѣкъ молчать, еслибъ на выручку ихъ не существовало множества общихъ фразъ, которыя всякій разъ безсознательно провозносятся при видѣ одинаковаго рода предметовъ и ведутъ за собою всякій разъ одинаковаго рода неосмысленные поступки. И если ужъ съ помощью фразъ не одинъ пошлякъ и безчестный человекъ казался и умнымъ и честнымъ, то отчего же и нашей Ирине Савишнѣ не взять было на себя роль воспитательницы?...

Плохо бы тянулась распускающаяся жизнь дѣвочки ђ-бокъ съ неподвижною жизнію ошеломленной годами старухи. Но посреди тишины и уединенія, вблизи дряхлыхъ и никогда вполнѣ не жившихъ слѣ бабушки, Анюта встрѣтила очаровательный пріютъ, полный юныхъ, вѣчно работающихъ силъ природы. Эта деревенская глушь какъ нельзя больше пришлась по вкусу дѣвочки, которая предрасположена была къ мечтательности и созерцательной жизни.

Ирина Савишна съ каждымъ мѣсяцемъ все больше слабѣла, часто не спала по ночамъ, а послѣ обѣда часа два-три дремала, сидя въ высокихъ креслахъ безъ всякаго движенія, съ закрытыми глазами, причемъ обыкновенно терся и урчалъ подлѣ нея баловень-котъ. Въ это время Анюта могла бѣгать по саду, какъ и гдѣ ей было угодно, не стѣняясь постороннимъ надзоромъ. Черезъ балконную дверь спускалась она къ цвѣтникамъ, а оттуда перебѣгала изъ-подъ тѣни въ тѣнь, во всѣ концы дремучаго сада. Роскошныя липы и жиденькія березы, широколиственный зеленый кленъ и сѣдоватая осина — все здѣсь перемѣшивалось, сплеталось вѣтвями и шумѣло непонятно-шепчущими отъ вѣтерка листьями, все раздвигалось потомъ площадкою, на которую лились бѣлые лучи полуденнаго солнца, все опять смыкалось въ прохладную густую тѣнь. Вотъ чаще и чаще попадаются тонковѣтвистыя вербы и, сдѣпившись дружка за дружку обнаженными корнями, медленно покачиваются надъ голубыми разводами рѣчки, которая прихотливыми мелкими извилинами все моетъ да моетъ эти желтые, морщинистые корни.... Вотъ жалобно крикнула чайка; вотъ раскидисто плеснула щука; сердито зашумѣли листья осины, — и опять тишина, глубокая, таинственная, готовящая что-то новое. Невольно дрогнетъ сердце Анюты, холодъ потечетъ у ней по жиламъ трепещущей струйкой — и рада она, когда, выбѣгая на свѣтлую площадку, снова встрѣчаетъ и жаркое солнце, и синеву неба, и ласкающій ея кудри, свободно-вѣющій вѣтерокъ. А отсюда — подъ тѣнь деревъ, дальше и дальше, до широкой поляны села, на которой высится церковь. Каменная, мѣстами развалившаяся ограда тянется бѣлымъ поясомъ на высокой травѣ поляны и на стройныхъ стволахъ тополей, которыя

окружили низенькую, дикаго цвѣта деревянную церковь: сюда-то спѣшить Анята, пробирался едва замѣтной тропинкой — и весело ей бѣгать промежь давнихъ могилъ, отдыхать на нихъ и молиться передъ старыми, наклонившимися къ землѣ крестами, весело одной, безъ спутника и безъ свидѣтеля.....

Ирина Савишна не обращала вниманія на уединенныя прогулки Аняты. Открывая глаза послѣ своей старческой дремоты, она по временамъ могла видѣть изъ окна, какъ внучка ея гуляла промежь цвѣтниковъ и деревьевъ. Тутъ она иногда звала ее къ себѣ, и, когда Анята входила въ комнату, обращалась къ ней съ такими ласковыми словами: «Ахъ ты моя садовница! Тебѣ бы все гулять да гулять.... Присядь-ка еще подлѣ меня да расскажи что-нибудь.

— Что же вамъ рассказать, бабушка? спрашивала Анята.

— Ну, чтѣ ты тамъ видѣла въ саду?

— Ничего, бабушка. Маляна уже поспѣваетъ; вотъ я вамъ принесла ягодку. — Да отчего это вы, бабушка, сидите все въ комнатахъ, не пойдете погулять? Въ саду такъ хорошо, такъ весело!...

— И! душечка, я уже нагулялась въ молодости; нужно еще и отдохнуть.

— А сколько вамъ, бабушка, лѣтъ?

Вопросъ этотъ смущалъ Ирину Савишну. Она прерывала вязанье чулка, сурово смотрѣла на Аняту и, немного помолчавши, говорила: «стара ужъ, стара; отъ старости позабыла сколько и лѣтъ прожила. Вотъ и ты, какъ состарѣешься, тоже позабудешь про свои годы, а теперь — вишь какая востроглазая!»

Анята, въ свою очередь, смущалась отъ такихъ словъ бабушки, краснѣла и начинала осматривать свои пальцы.

— Матрена! а, Матрена! кликнула Ирина Савишна.

На этотъ зовъ двери спальни отворились и въ нихъ показалось лицо ключницы.

— Ты никогда не отзовешься — прикрикнула Ирина Савишна. Ужъ сколько времени учу тебя, что нужно всегда отвѣтить, когда тебя зовутъ.... Ну, чего молчишь, дура? Скажешь бы: чего изволите, сударыня?

Матрена, однако, упорно молчала.

— Сбѣгай къ отцу Никитѣ да попроси у него книжки-какой почитать для барышни; скажи, что возвратятъ-моль въ цѣлости. Да слышишь, Матрена, не бѣрись тамъ долго; ты всегда-вѣдь, къ мѣсту ни къ мѣсту, языкъ свой распустишь и до почи тебя не дождешься. А какъ отецъ Никита дастъ книжку, такъ завернешь къ попадѣ, попроси у ней меду.... такъ, ложки двѣ-три; скажи, что у Евтуха поясница болитъ, такъ нужно-моль медъ на капустный листъ намазать да приложить къ поясницѣ; скажи, что отдамъ скоро и медъ и дрожжи, что на дняхъ брали мы на пирогъ. Да слышишь, Матрена, завернешь оттуда на огородъ, сорвешь капустный листъ, какой побольше.... да не бѣрись же, говорю тебѣ толкомъ.

Матрена выслушала, не сказавши ни слова, и удалилась.

— У отца Никиты хорошія книги есть — сказала Ирина Савишна, обращаясь къ Анютѣ: все священные.... Вотъ ты бы иной разъ, чѣмъ бѣгать по жарѣ, сѣла да почитала-бъ что-нибудь, и я бы послушала.

— У меня есть книжки, бабушка — отвѣчала Анюта: вотъ я и сегодня читала одну книжку: какъ бы отецъ Никита еще такую прислалъ!

— Чтожь ты тамъ вычитала?

— Тамъ, бабушка, разбойникъ представленъ, страшный такой; жилъ въ лѣсахъ, а въ лѣсахъ былъ его домъ, такой большой да чудесный! Разбойникъ все невѣсту хотѣлъ себѣ достать, дочь одного князя....

— Ахъ, онъ душегубецъ этакой! прервала Ирина Савишна.

— А княжеская дочь, продолжала воодушевленно Анюта, — также влюбилась въ него и бѣжала отъ отца....

— Вишь, богопротивная какая! опять прервала бабушка. — Пѣтъ, Аннушка, ты не читай этой книжки, да и ничего такого не читай; тамъ иной разъ такія страсти пишутъ, что волоса становятся дыбомъ. Не читай, Аннушка, не то и ночью, пѣзави Богъ, приснится головорѣзъ какой, да еще перепугаетъ. Ужь я знаю этихъ разбойниковъ....

— Развѣ, бабушка, вы ихъ видѣли? спросила Анята и устремила на бабушку испуганный и вмѣстѣ съ тѣмъ любопытный взглядъ.

— Богъ меня сохранилъ отъ такой напасти! Старуха перекрестилась. И не выдавши ихъ — продолжала она: — я ночи три, какъ оглашенная, металась по комнатамъ, да ждала, что вотъ-вотъ найдутъ ко мнѣ эти богоотступники.

— Какъ же это? спросила робко Анята.

— А такъ.... пообѣщавъ было пріѣхать ко мнѣ одинъ шибенникъ, Засоринимъ его звали. Я еще была молодою, а онъ, слышишь, такой былъ чудесникъ, что никакая сила удержать его не могла; изъ тюрьмы уходилъ: вотъ такъ нарисуетъ на стѣнѣ лодочку, сядетъ въ нее да и улетитъ, куда ему хочется. Съ нечистою силою знался, окаанный! И все, бывало, ѣздитъ по помѣщикамъ, деньги отбираетъ, а кого и зарѣжетъ. Страсти такія творилъ, что, бывало, какъ пообѣщается къ кому пріѣхать, такъ ужъ жди только, непременно пріѣдетъ; въ самую глухую полночь, сквозь замкнутую дверь пройдетъ!.... Ну, меня пощадилъ Господь, не былъ у меня ни разу этотъ окаанный Засоринъ, а было совсѣмъ уже пообѣщавъ.

— А вотъ, бабушка, я читала, что разбойники бываютъ и добрые.

— Изъ какихъ мерзкихъ книгъ ты это вычитала? строго спросила Ирина Савишна.

— Я съ собой привезла.... изъ-дому — отвѣтила смѣшавшись Анята.

— И не смѣй мнѣ читать этихъ книгъ! Грѣхъ такой, прости Господи.... Да и батюшка-то твой хорошъ, нечего сказать: такія богомерзкія книги давать дитяти! — Нѣтъ, ужъ ты, Аннушка, помолись Богу, вымоли у него свой грѣхъ, да впередъ — слышишь — не читай своихъ книгъ! Окромѣ того, что пришлетъ отецъ Никита, все глупости пишутъ, чтобъ развратить только людей, лишитъ ихъ царства небеснаго....

Ирина Савишна нѣсколько разъ перекрестилась.

Такое приказаніе Ирины Савишны оказалось черезъ-чуръ позднимъ: всѣ книжонки, какія только привезла Анята изъ-

дому, были уже по нѣсколько разъ ею читаны. Но каждое слово бабушки глубоко западало въ сердце Анюты; волей-неволей она должна была задумываться надъ каждымъ замѣчаніемъ своей воспитательницы и возводить его въ непреложный для себя законъ: вѣдь изъ другихъ устъ, кромѣ бабушкиныхъ, она не могла услышать никакого наставленія. Мысль, что прочитанныя ею книги богопротивны, что читая ихъ, она страшно грѣшила, стала беспокоить ее и днемъ и ночью. Она молилась и плакала втихомолку, а между тѣмъ молодое ея воображеніе, какъ нарочно, то и дѣлало, что рисовало ей картины изъ прочитанныхъ грѣховныхъ книгъ. Бабушка не въ состояніи была понять, на какую почву пришлось падать ея наставленія и безсознательно поселила въ своей внучкѣ первые зародыши душевныхъ страданій; а казалось бы, что отъ этихъ послѣднихъ обстоятельствъ куда какъ далеко и сохранно запрятали Анюту!...

Все тотъ же дремучій садъ, все та же деревенская церковь, окруженная тополями и опоясанная бѣлой оградой. Все также Анюта любитъ перебѣгать изъ-подъ тѣни въ тѣнь, вдыхать въ себя свѣжесть цвѣтовъ и деревьевъ, смотрѣть въ рѣчку, гдѣ, какъ въ зеркалѣ, отражаются и деревья, и камыши, и небо съ солнцемъ и облаками. Но чаще прежняго ей становится страшно бродить одинокою по закоулкамъ сада, чаще прежняго пробираетъ ее дрожь отъ шумливой пѣсни осинника и пугаетъ неожиданный крикъ перелетной дикой птицы, который порою жалобно раздается въ тишинѣ сада, Богъ знаетъ откуда и зачѣмъ.... Еще недавно воображеніе Анюты любило населять эту глушь образами сказочнаго міра; ей весело было, погруженной въ область таинственныхъ сказаній о дремучихъ лѣсахъ, замкахъ и волшебникахъ, скитаться въ тѣнистомъ саду подъ напѣвъ отъ вѣтерка трепещущихъ листьевъ.... И теперь воображеніе ея заводило прежнюю игру; но она старалась подавить ее и разогнать чудесные призраки лещетомъ молитвы. Рука ея творила крестныя знаменія, губы шептали заученный исаломъ, а воображеніе все таки не унималось. И становилось ей не въ мѣру страшно: ей уже вѣрилось, что мрачная чаща деревь готовитъ ей грозную встрѣчу, что въ шопотѣ

листьевъ скрывается что-то недоброе, что случайный крикъ перелетной птицы есть вѣщунъ близкаго ея горя.... Поспѣшно, дрожа всѣмъ тѣломъ, убѣгала она изъ сада, садилась — блѣдная — возлѣ бабушки, или же болѣзненно прижималась къ ней и начинала цѣловать ея руки.

— Чтò ты, дурочка, вся дрожишь? спрашивала Ирина Савишна.

— Ничего, бабушка.

— Какъ ничего? На тебѣ человѣческаго лица нѣтъ...

— Нѣтъ, бабушка, ничего.... Мнѣ только иногда страшно бываетъ.

— Отчего же, дурочка, страшно?

— Такъ, не знаю сама.... Вы всегда жили одинъ?

— Одна. А кого жъ мнѣ еще нужно?

— Я спросила такъ только.... видите, бабушка, мнѣ одной страшно иногда бываетъ, а вѣдь и я буду жить, такъ какъ вы жили?

— Богъ знаетъ, душечка, ты еще въ такихъ лѣтахъ, что нельзя тебѣ знать все: вотъ какъ подрастешь — тогда увидишь.

— А вы, бабушка, отчего не вышли замужъ?

— Богъ не судилъ....

— А зачѣмъ это, продолжала допрашивать Анюта, — зачѣмъ это все замужъ выходить?

— Это, душечка, отъ слабости. Кого не удостоитъ Господь подвигомъ, тотъ и замужъ выходитъ, а кого удостоитъ — та на этомъ и на томъ свѣтѣ невѣстою Христа останется. Вотъ и меня сподобилъ Господь.... проговорила Ирина Савишна, вздохнула и перекрестилась.

Анюта мало удовлетворялась подобными отвѣтами бабушки, но разспрашивать больше не смѣла. Ирина Савишна въ уединеніи своемъ отвыкла отъ общительности и рѣдко бралась разрѣшать неудоивнія своей внучки; болѣею частію она отдѣлывалась суровымъ замѣчаніемъ, что кто много знать хочетъ — скоро состарѣется. Между тѣмъ Анюта находилась въ той порѣ жизни, когда впервые пробужденная въ насъ любознательность пораждаетъ въ умѣ нашемъ вопросы за вопросы.

V.

Отец Никита надѣлялъ Ирину Савишну и ея внучку книгами, такъ навываемаго священнаго содержанія. Но эти книги были такого качества, что мало проясняли жизнь, не отвѣчали прямо на тѣ простые вопросы жизни, которыхъ разрѣшенія инстинктивно требуетъ младенчествующей чело-вѣкъ отъ всего его окружающаго. Анята, однако, съ жаромъ взялась за чтеніе и этихъ книгъ. Ей нужно было чѣмъ-нибудь наполнять долгіе часы ея досуговъ, нужно было кѣмъ-нибудь населять и просторные покои дома и мрачныя тѣни дремучаго сада. А тутъ подошла дождливая осень; за нею поспѣшила суровая зима: нужно было повести такую же ендячую жизнь, какую могла выносить равнодушно только старуха-бабушка. Въ комнатахъ стала витать могильная тишина; только стучалъ маятникъ стѣнныхъ часовъ, урчалъ баловень-котъ, кашляла бабушка да изрѣдка тяжело ступала старая ключница. Присмирѣло пылкое воображеніе Аняты, ее перестали уже тревожить таинственные герои волшебныхъ замковъ; дневныя грезы и ночныя видѣнія утратили для нея свой прежній устрашающій характеръ и молитвы ея шептались по-дѣтски, безъ внутреннихъ тревогъ и страданій.

Но жизнь Аняты все-таки двигалась: среди зимней тишины покоевъ бабушки и въ долгіе часы внутренняго спокойствія внучки понемногу зараждались сѣмена новаго содержанія для ихъ жизни....

Осень и зима держали Аняту неотлучно при Иринѣ Савишнѣ и внучка должна была дѣлать почти тоже, что дѣлала бабушка. Ирина Савишна вязала чулокъ — Анята вязала также; Ирина Савишна принималась читать про себя Житіе Святыхъ — Анята бралась за свои книги, Ирина Савишна, почувствовавъ припадки зѣвоты, отходила на покой — Анята также должна была ложиться въ постель.... Но, за чтеніемъ Житія Святыхъ, бабушка иногда уставала глазами и, обращаясь къ внучкѣ, говорила: «Брось-ка свою книгу, да возьми мою и читай мнѣ громко.»

Анюта повиновалась; звонкій голосъ ея начиналъ раздаваться въ тишинѣ уютной комнаты, и часто произносилось имъ подобное священное сказаніе:

«Въ то время царствовалъ злочестивый Максимиліанъ, а странкою управлялъ князь Фронтонъ, который, наслышавшись о святыхъ дѣвахъ, приказалъ взять ихъ и привести къ себѣ. Имъ, ягницамъ невиннымъ, пустынные звѣри не вредили, а люди звѣрообразные и звѣронравные, схвативши ихъ, привели передъ мучителя. И стали на судъ нечестивыхъ три дѣвы, какъ три ангела. Не предъ людьми, но предъ самимъ Богомъ имъ бы стоять слѣдовало: глаза грѣшныхъ людей не достойны были смотрѣть на ихъ прекрасно-святыхъ лица, сіявшія ангельскою красотою и благодатию Св. Духа. Удивился мучитель красотѣ ихъ, въ пустынѣ храненой, какой не видалъ онъ никогда и въ домахъ царскихъ».....

— Читай, Аннушка, громче! прерывала Ирина Савишна. Развѣ ты не знаешь, что я немного не слышу на это ухо...

Анюта откашливалась и продолжала:

«И направилъ къ нимъ князь такую льстивую рѣчь: красавицы! васъ полюбили наши великіе боги и красотою такою почтили; они почтутъ васъ и богатствами, если только имъ воздадите честь и вмѣстѣ съ нами принесете жертву и поклоненіе. Я же похваляю васъ и предъ царемъ. И когда царь увидитъ васъ — непременно полюбитъ, обогатитъ, за вельможъ своихъ васъ выдастъ, и будете вы въ чести, славѣ и богатствѣ передъ всѣми другими женами»....

— Погоди, Аннушка, погоди немного, прерывала Ирина Савишна: — вонъ тамъ чулокъ мой лежитъ, подай его сюда....

Анюта подавала чулокъ и продолжала:

«Старшая сестра отвѣчала: Богъ насъ создалъ и образомъ Своимъ украсилъ; Ему кланяемся и другаго бога, кромѣ Его, и слышать не хотимъ. Въ вашихъ же богатствахъ и почестяхъ мы столько нуждаемся, сколько въ сметы, которое попираютъ ногами. Да ты еще и благородныхъ мужей намъ отъ царя своего обѣщаешь: но кто же можетъ быть лучше Христа?....

— Громче, Аннушка, громче! замѣчала бабушка.

«Онъ наша честь и слава, чптала дагѣ Анюта: «и наше богатство, и отъ Него — не только ты и царь твой — но и весь этотъ мѣръ отлучить насъ не можетъ. — Да и что намъ мѣръ — прервала средняя сестра — что онъ передъ любимымъ нашимъ женихомъ и Господомъ? Грязь передъ золотомъ, тьма передъ солнцемъ, желчь передъ медомъ.... Для мѣра-ли суетнаго измѣнимъ въ любви къ Господу и души свои погубимъ? О, нѣтъ!... — Много рассказываете — замѣтилъ мучитель — оттого, что не видѣли еще мученій и не испытывали ихъ боли, а когда узнаете это — иное заговоритсѣ. — Да не желаешь-ли запугать насъ мученіями? съ жаромъ спросила меньшая сестра. — Собери здѣсь со всей вселенной орудія пытки, мечъ, колеса, желѣзные когти, призови палачей всего мѣра и казни наши слабыя тѣла: ты увидишь, что всѣ тѣ орудія переломаются и руки всѣхъ палачей устанутъ, прежде чѣмъ мы отъ Христа нашего отречемся» ...

— Матрена! а Матрена! прерывала опять Ирина Савишна.

Дверь комнаты растворялась и показывалось суровое лицо ключницы.

— Ты никогда, Матрена, не отзовешься, какъ я тебя учпла! Ужъ такая упрямая! Принеси-ка мнѣ довязанный чулокъ.... Читай, Аннушка, читай.

Анюта продолжала:

«И сказалъ князь, обратившись къ старшей сестрѣ, ты старшая лѣтами и разумомъ, тебѣ слѣдовало бы другихъ наставлять, чтобъ слушались царя и насъ, ты же и сама не слушаешь и ихъ развращаешь. Послушай, прошу тебя, исполни приказаніе, поклонись богамъ, и сестры твои, на теби глядя, то же самое сдѣлаютъ. — Напрасно трудиться, князь — отвѣчала святая: напрасно хлопчешь отъ Христа насъ отлучить и преклонить къ идоламъ, которыхъ вы называете богами: ни я этого не сдѣлаю, ни сестры мои.... Совѣтую тебѣ, не трудись больше на словахъ, а испробуй на дѣлѣ: бей, сѣки, жги, раздробляй на части, и тогда увидишь, покоримся-ли мы твоему безбожному повелѣнію. Мы принадлежимъ Христу, и умереть за Него — готовы. — Услы-

шавши это, князь Фронтонъ исполнился ярости и весь гнѣвъ свой излилъ на свитую.... Біена же бысть...»

Тутъ голосъ Анюты дрожалъ, останавливался; бабушка прерывала вязанье чулка, крестилась и шептала: — Прости нмѣ, Господи, не вѣдятъ бо, что творять.

Подобныя чтенія повторялись въ домѣ Ирины Савишны втеченіе всей зимы. Сперва Анята немного понимала изъ Житія, но потомъ все больше и больше входила въ духъ читаннаго, сживалась съ исторіями христіанскихъ подвижниковъ и мучениковъ, и воображенію ея открылся новый міръ. Не только для Ирины Савишны, она стала заглядывать въ Житія и для самой себя. Тихіе, пустынные покои бабушки стали въ глазахъ внучки населяться новыми жильцами. Въ долгіе зимніе вечера, когда сумерки боролись съ темнотою, а въ комнаты медли вносить свѣчи; когда въ углу предъ образами все ярче и ярче начинала теплится лампада, — Анята рассказывала одиноко по залѣ стариннаго дома, и чего-чего не создавало потревоженное чтеніемъ ея воображеніе! Полумракъ и полусвѣтъ комнаты еще больше помогали этому. Начавъ съ жизни одного подвижника, воображеніе ея быстро переносилось чрезъ весь рядъ страдальческихъ лицъ Житія и, по немногу ускоряя походку Анюты, доводило задумчивость ея до полнаго забытья. Настоящая обстановка для нея переставала существовать и окружалъ ее особый фантастическій міръ. Предъ нею разступались горы и въ нѣдра свои принимали преслѣдуемую мучителями жертву; надъ нею стояло ясное небо, но изъ него гремѣли громаы и вслѣдъ за ними гремѣли карательныя слова Бога; то вдругъ скоплялись страшныя черныя тучи, а изъ-за нихъ являлся сіяющій крестъ, или же огненными чертами горѣло слова Божіи. Природа и люди — не наши, незнакомые намъ вынѣ — рисовались предъ нею въ самыхъ осязательныхъ формахъ. Сіяющіе присутствіемъ ангеловъ храмы, мрачныя пещеры, дремучіе лѣса, непроходимыя пустыни — все это въ ухахъ ея наполнялось небесными голосами, съ которыми гармонически сливались и пѣсни святыхъ, и говоръ древесныхъ листьевъ, и шопотъ былинки. Анята всецѣло жила въ этомъ чудесномъ мірѣ — пока не пробуждалъ ея отъ забы-

тя зовъ бабушки, или пока свѣчка, внесенная въ комнату Матрeпой, не выводила ея изъ поэтическаго мрака на तु-скый свѣтъ. Но и здѣсь она спѣшила въ свою маленькую темную комнату, тамъ иногда доканчивала зданіе своего во-ображенія, или же, упавши на колѣни, молилась предъ обра-замп, молилась долго.... Губы ея шептали слова знакомыхъ ей молитвъ, глаза блистали слезинками, грудь испускала вздохи. Но о чемъ были эти вздохи, о чемъ такія пламен-ныя молитвы — Анята сама бы не отвѣтила на это ни слова. И только утомленная долгимъ стояньемъ на колѣняхъ, она прерывала свои бессознательныя молитвы, ложилась на кровать и долго, долго еще глядѣла черезъ оконныя сте-кла на ночное зимнее небо. Яркія звѣзды младенчествующей ея умъ пересоздавалъ въ очи ангеловъ, и подъ обаяньемъ ихъ прерывчатыхъ лучей она тихо, незамѣтно для самой себя засыпала невиннымъ сномъ младенца.

Не всегда, однако, бывали такъ спокойны вечернія гре-зы Аняты. Воображеніе ея, переносясь въ отдаленное время, полное чудесныхъ дѣлъ и своеобразной поэзіи, рисовало ей и страшныя картины. Тянулся предъ нею и длинный рядъ тѣхъ лютыхъ за вѣру гонителей, тѣхъ стойкихъ за вѣру мужей, тѣхъ въ вѣрѣ-только пламенныхъ дѣвъ, которыми наполнены преданія первыхъ вѣковъ христіанства. Предъ нею являлись тѣ ужасныя орудія пытки, тѣ изысканныя муки, которыми увеселяли себя мучители и на которыя гордо взиралъ мученики. И посреди этого міра ожесточеній и стра-даній не слышалось ни вопля, ни призыва на помощь, ни ро-пота, ни крика отчаянія: слышались только самыя муки и порою — слова вѣры умирающаго. Холодный, тяжелый міръ! — И бывало, когда, переносясь въ эту отдаленную отъ насъ суровую жизнь, воображеніе Аняты останавливалось на пре-красной, цвѣтущей молодости христіанкѣ, когда на нее, невинную, бросаются остревенѣлые противники, бьютъ ее, утомляются въ выдумкахъ новыхъ мученій и не слышатъ отъ нея ни раскаянья, ни мольбы; когда рѣжутъ и жгутъ ее — и все же не слышатъ ни вопля, ни стона: Анята останавливала свою походку, чтобы перевести духъ за свя-тую героиню. Холодъ пробѣгалъ по жиламъ ея; она вздра-

гивала и, блѣдная, смотрѣла вокругъ себя, какъ безумная. Но вслѣдъ за этимъ она тотчасъ же продолжала свою походку ровно, спокойно, на щекахъ ея разгорался румянецъ, и, какъ бы выросши на поларшина, она выпрямлялась и смѣло смотрѣла куда-то впередъ, точно овладѣвала ею какая-то роковая рѣшимость.

Такія грезы преслѣдовали Анюту ежедневно.

— И теперь людей мучаютъ? спросила она однажды у Ирины Савишны.

— Какъ это мучаютъ? въ свою очередь спросила Ирина Савишна.

— А вотъ такъ, бабушка, какъ святыхъ мучили.

— Ты, дурочка, не знаешь о чемъ спрашиваешь. То — святыхъ мучили, а теперь на землѣ мало гдѣ святости, все грѣхомъ взялось; Господь, значитъ, прогнѣвался на насъ и не посылаетъ къ намъ праведниковъ.

— А если, бабушка, явится праведникъ, то его непременно будутъ мучить?

— О-охъ! Все отъ Бога дается... и на мученичество нужно, чтобъ Господь сподобилъ.

— Какъ это, бабушка?

— Ты, дурочка, ничего не возьмешь толкомъ. Вотъ какъ удостоить кого Господь, тотъ и мученикомъ станетъ, и святость пріемлетъ; а безъ соизволенія Божія никто въ святые не причислится и мучить его не стануть.

— Вотъ, еслибъ меня избралъ Господь! подумала Аня и сильно вздохнула.

— О чемъ это ты такъ вздыхаешь, Анюшка? спросила Ирина Савишна.

Анюта покраснѣла.

— Такъ... проговорила она: — ни о чемъ, бабушка... А вотъ, говорятъ, въ Кіевѣ и теперь есть святые?

— Какъ не быть тамъ святымъ! Тамъ угодники Божіи почиваютъ, тамъ вся святость наша хранится — и Феодосій Печерскій, и преподобный Антоній, и Варвара Великомученица...

— Вотъ, если бъ мнѣ жить въ Кіевѣ! думала Аня.

— Бабушка! сказала она съ особымъ одушевленіемъ: — пустите меня въ Кіевъ!

— Чтò ты, Аннушка, съ ума сошла?!... Меня, старуху — и то не удостоилъ Господь побывать въ Кіевѣ, а то — вишь ты бѣ поѣхала....

— Я пошла бы пѣшкомъ....

— И не говори мнѣ такихъ глупостей! строго прервала Ирина Савишна: — еще и выросли не выросла, а ужъ на умѣ у тебя всякія вольнодумства!

Анюта замолчала, покрасѣла и даже заплакала. Ей стало досадно и на себя, и на бабушку, и на все.... Вотъ такъ и подступало къ сердцу ея что-то давящее, вотъ такъ и рвалась она высказать бабушкѣ многое, многое, о чемъ она думала прежде и о чемъ хотѣла спросить у кого-нибудь....

— Вишь, нѣженка какая! прикрикнула Ирина Савишна. Сейчасъ и въ слезы.... А грѣхъ быть такой злою!

— Нѣтъ, бабушка, я не со злости....

Но рыданія захватили ей духъ и она не могла докончить своей фразы. Рыданія все усиливались и скоро перешли въ нервный припадокъ. Ирина Савишна испугалась.

— Богъ съ тобою, Аннушка! заговорила она, проворно поднявшись съ кресель. Чего ты, моя милая? а? Успокойся.... успокойся, Христось съ тобою!

Анюта все еще рыдала.

— Христось съ тобою! твердила бабушка и, поднявши головку Анюты, стала утирать ей слезы. — Что съ тобою, мой ангель?

— Ничего.... прошептала внучка.

— То-то — ничего! а плачешь-то зачѣмъ?

— Право, бабушка, ничего — все еще всхлищивая, проговорила Анюта.

— Ну, полно, полно-жъ, дурочка! утѣшала Ирина Савишна: — поцѣлуй меня.... вотъ такъ! — Сядь ко мнѣ на колѣни.... вотъ такъ!

Анютѣ сдѣлалось легче; она прижалась къ груди бабушки и долго оставалась въ такомъ положеніи; съ глазъ ея текли еще слезы, но отъ нихъ все легче, все теплѣе становилось у ней на сердцѣ.... Однако, заговорить въ тотъ разъ снова съ бабушкой — она не заговорила.

VI.

Когда, года через два, Иванъ Лукичъ удосужился на-вѣстить свою дочку, онъ не зналъ, какъ и благодарить Ирину Савишну за ея воспитательныя заботы. Анята его успѣла за это время подрости, похорошѣть и держалась такъ прилично, что батюшка мысленно величалъ ее благовоспитанною. Ирина Савишна и на этотъ разъ повторила своему племяннику многозначительное: «Воспитаніе, батюшка, все воспитаніе»!... а племянникъ по прежнему умилился духомъ отъ этой фразы.

— Ужъ такая она вышла у меня скромница, хвалила Ирина Савишна свою внучку: — ужъ такая скромница, что и водой не замутить.

Иванъ Лукичъ съ умилениемъ смотрѣлъ на Аняту и, дѣйствительно долженъ былъ согласиться, что дочь его удивительная скромница. Все молчить, рѣдко-рѣдко скажетъ словечко, да и то скажетъ такъ обдуманно, а смотреть.... вотъ только отчего это смотреть не весело? Впрочемъ, Иванъ Лукичъ недолго остановился на этомъ вопросѣ, потому что Анята на этотъ мигъ улыбнулась и спросила его съ такимъ добрымъ выраженіемъ въ голосѣ: — А что, папаша, какъ поживаетъ Сережа?

— Сережа? Онъ учится хорошо, уже въ гимназій.... Пишетъ ко мнѣ часто, и всякій разъ тебѣ кланяется.

— Поклонитесь ему, папаша, и отъ меня. Вѣдь онъ ужъ большой?

— А какъ-бишь.... Кажется, четырнадцатый, не-то пятнадцатый годокъ ему пошелъ. Ты бы, Анечка, сама ему что-нибудь написала, а я перешлю.

— Непремѣнно, Анюшка, непременно напиши! замѣтла Ирина Савишна. — Вотъ такъ сегодня же сядь и напиши....

Впрочемъ, такой-только безотвѣтно-добрый отецъ, какъ Иванъ Лукичъ, могъ остаться доволенъ наружнымъ осмотромъ своей дочери. Правда, Анята выросла, похорошѣла, имѣла свѣжій цвѣтъ лица, одѣта была простенько, но очень

опратно; правда и то, что бабушка не ошиблась, когда порочила ей роскошную косу: въ самомъ дѣлѣ, волосы у ней были черные, волнистые и очень красиво убирали ся личико.... Но Иванъ Лукничъ все-таки мало вглядѣлся въ ея глаза — въ эти прекрасные, черные, бархатистые глаза, подернутые, однако, такимъ грустнымъ выраженіемъ, что отъ взгляда ихъ становилось на-сердцѣ черезчуръ тоскливо. Бабушка говорила когда-то, что у внучки ея и глаза-то такіе быстрые, со звѣздами; но звѣзды эти стали теперь потухать и урывчато мерцали прощальными лучами: какъ тучки, все заволакивало ихъ что-то похужее на зародыши слезинокъ.

Иванъ Лукничъ могъ бы обратить вниманіе и на то странное обстоятельство, что при встрѣчѣ съ нимъ дочь его не выразила ни радости, ни удивленія: какъ смотрѣла она грустно до неожиданной встрѣчи съ отцемъ, такъ съ тѣмъ же самымъ взглядомъ и повисла у него на шеѣ. Иванъ Лукничъ могъ бы замѣтить также, что Аня держится съ нимъ, какъ съ чужимъ человѣкомъ, не разболталась съ нимъ откровенно на счетъ подробностей своего житія, ничего не сказала ему о своихъ отношеніяхъ къ бабушкѣ, а если онъ обращался къ ней съ разспросами, то она бѣльшую частію робѣла и ограничивалась неопредѣленными *да* или *нѣтъ*. Въ письмѣ ея къ Сереежѣ онъ прочелъ только хорошенькія фразы: я здорова; я молюсь Богу, чтобъ и ты былъ здоровъ.

Только подѣзжая къ своему дому, углубясь въ свое сиротское положеніе и зная, что дома никто его не встрѣтитъ, не приласкаетъ, не разшевелитъ, а между тѣмъ есть же на свѣтѣ такіе счастливы, какъ напимѣръ, семьянинъ-помѣщикъ, къ которому онъ заѣзжалъ по дорогѣ.... семьянинъ-помѣщикъ, у котораго дочери такія игривыя, такъ ласкаютъ старика-отца, такъ вотъ и ловятъ всѣ его желанія, чтобъ наперерывъ, дружка передъ дружкой, исполнить ихъ... только тутъ Иванъ Лукничъ вспомнилъ о своей Анятѣ, такой скромной, молчаливой и непривѣтливой. Вдругъ заплакалъ онъ горькими слезами — въ виду неба да безлюдной стени, на своей тряской тѣлѣжкѣ; но заплакалъ безъ ропота на кого-нибудь изъ близкихъ ему, безъ упрёка и своей дочери. И

если ужъ шевелился въ немъ упрекъ, то это былъ упрекъ себѣ-самоу, что зачѣмъ-де онъ такой безталанный....

И въ то время какъ сирота-отецъ подъѣзжалъ къ своему дому съ тяжестью на сердцѣ, дочь его сиротка о немъ и не думала. Иной міръ, иныя людскія отношенія завлекли ея человѣческіе инстинкты. Бабушка наслаждалась послѣ-обѣденной дремотой, а черноволосая внучка скиталась за бѣлой оградой деревенской церкви. Тамъ, между могилами неизвѣстныхъ покойниковъ блуждалъ задумчивый ея взглядъ, отыскивая недоконченное на землѣ отжившими людьми, подслушивая недосказанное ранними покойниками. И вырастали въ глазахъ ея тѣ бѣдныя могилы все выше и выше, громоздились горами одна за другую, раскрывались темными ущельями и глубокими пещерами; преображалась та ветхая деревенская церковь въ златоверхіе храмы стараго Кіева; слышались невнятно голоса отшельниковъ, тихо звучали молитвенные звоны.... Вдругъ — шумъ, тревога; мчатся грозные мучители, слышатся стоны, крики, угрозы.... льется кровь и видятся убійства. Мертвая тишина покрываетъ разрушенныя убѣжища святыхъ; умолкъ молитвенный звонъ.... И предъ глазами Аняты снова стоятъ прежнія бѣдныя могилы вокругъ ветхой церкви, и тѣмъ жарче молится она предъ старыми могильными крестами....

Ирина Савишна также могла бы и не хвалиться скромностью своей внучки, могла бы и не твердить о воспитаніи. Скромность Аняты была слѣдствіемъ скрытности, которая зародилась въ ней подъ вліяніемъ старческой несговорчивости Ирины Савишны и развилась въ созерцательную жизнь. А что до воспитательнаго бездѣйствія бабушки, то оно совершенно спутало внучку. Во всемъ ей видѣлись такія стороны, которыхъ не было передъ нею въ дѣйствительности, и не замѣчала она того, что на самомъ дѣлѣ происходило передъ ея глазами. Воображеніе ея работало непрерывно; чувства ея стыли въ тѣхъ странныхъ отношеніяхъ къ людямъ, какія создавала она въ своемъ умѣ, а умъ ея постоянно терялся въ тѣхъ чудесныхъ обстановкахъ, которыя изобрѣтались выликомъ ея воображеніемъ. Постоянное настроеніе къ таинственности и чудесности поддерживалось еще

одиночествомъ и невозмутимо-спокойнымъ бытомъ бабушкина окологда. Уголокъ Ирины Савишны былъ свободенъ отъ всякихъ набѣговъ окружной жизни, да и сама Ирина Савишна не въ состояніи была предпринять набѣгъ на сосѣдскія владѣнія. Ей всего милѣе былъ покой, невозмутимый, переходный къ тому покою, котораго уже ничто не потревожитъ. Къ такому покою прилаживала она и молодую свою внучку. По своему, по старчески, она даже любила ее. Но — Анята постоянно у ней на глазахъ, такая покорная и скромная: старухѣ и въ голову не приходило, что молодой внучкѣ не всегда такъ весело смотрѣть на отживающую свой вѣкъ бабушку, какъ бабушкѣ на разцвѣтавшую внучку.

Ирина Савишна, пожалуй, могла бы усомниться въ благотворности своего вліянія на Аняту; но трудно было дойти ей до этого, трудно ужъ и потому, что самъ отецъ Никита, справляя въ домѣ ея молебны, всякій разъ твердилъ одно: «святую жизнь ведете, матушка!» А когда Ирина Савишна заговаривала съ нимъ объ Анятѣ, то постоянно слышала эти слова: «по истинѣ, доброе дѣло творите сироткѣ.»

А время шло. Какъ ни прилаживалась Анята къ своей обстановкѣ, однако молодость брала свое; наружно покорная, она замѣчала въ себѣ тревоги, вовсе невѣдомыя старческимъ немощамъ бабушки. Закипи только вокругъ нея житейское, поспѣши оно къ ней со всѣми своими тревоженіями — и, безъ сомнѣнія, не угнаться бы бабушкѣ за внучкой.

Но житейское медлило подступать къ Анятѣ. Для нея, какъ и для Ирины Савишны, только въ церкви можно было на людей посмотреть и себя показать. Издали, не входя въ ихъ жизнь, незнакомая съ ихъ побужденіями, она могла наблюдать ихъ наружность и наряды: но всѣ шляпки, казалось ей, хороши и всѣ платья окружныхъ помѣщицъ нарядны, потому что у ней не было ни шляпки, ни дорогихъ платьевъ. О такихъ наблюденіяхъ она ничего не передавала бабушкѣ, потому опять, что Ирина Савишна, забывъ свою молодость и брабантскія кружева, и желая предохранить внучку отъ излишнихъ притязаній на наряды, часто говорила: «это, душечка, прахъ и суета; лишъ бы душа человѣка была не безобразная».... Притомъ же Анята помнила нападки бабуш-

кны на окружныхъ помѣщикахъ, что всѣ онѣ мотовки и вѣтренницы, что въ церкви онѣ то и дѣлають, что оглядываются по сторонамъ, а кто на молитвѣ по сторонамъ смотритъ, тотъ думаетъ о чортѣ, а не о Богѣ. Подъ вліяніемъ такихъ наставленій, Анюта старалась по возможности не смотрѣть ни на кого изъ прихожанъ, становилась поближе къ мѣстнымъ иконамъ, часто крестилась и усердно клала поклоны. Порою молитва ея бывала самою одушевленною: тогда прояснялся грустный ея взглядъ, разгоралось блѣдное ея лицо, — и хладнокровный наблюдатель, стоявшій въ той же церкви, могъ бы увлечься этою невинною, горячею молитвою и лишній разъ о себѣ задуматься.... Густые, безъискусственно-вившіеся черные локоны составляли весь головной уборъ Анюты; бѣлизна ея тѣла, въ которой Ирина Савишна усматривала присутствіе крови честнаго рода Куржиковыхъ, отъ темноты волосъ казалась еще болѣе блестящею; простенькое бѣлое платье какъ нельзя лучше шло къ ея лицу, воодушевленному молитвою. Но въ блестящихъ глазахъ ея, въ наклоненной на бокъ головкѣ, въ медленныхъ движеніяхъ, все таки главною чертою являлось выраженіе грусти. И вся она не могла бы возбудить въ наблюдателѣ ни удивленія, ни восторга, ни страсти: нѣтъ, тяжело становилось на сердцѣ при видѣ такой красоты....

VII.

Впрочемъ, о вкусахъ не спорятъ....

Въ одинъ изъ воскресныхъ дней, въ трехъ верстахъ отъ деревушки Ирины Савишны, въ домѣ молодаго помѣщика Цвѣткова, шла толка о нашей Анютѣ.

— Такъ недурна? спрашивалъ Цвѣтковъ, зѣвая и потягиваясь на диванѣ.

— Очень, очень не дурна, говорилъ Шустовъ, также молодой человекъ, гость Цвѣткова. Въ ней, знаешь, много граціи, особенно въ то время, когда она молится. Я всю обѣдню смотрѣлъ на нее.

— Да, она мнѣ напомнила молящуюся Магдалину....

— Ну, это ужь слишкомъ, — развѣ Магдалинку. Я раза два толкнулъ ее легонько: ничего, смотреть чистѣйшею невинностью.

— Счастливъ ты однако, что не выбрала тебя старуха Коржикова.

— Какая это Коржикова?

— Да она стояла тамъ же, въ допотопномъ чепцѣ, съ бородавкой на кончикѣ носа. Она прочла бы тебѣ лекцію, какъ нужно стоять въ церкви.

— Ну чтожъ? познакомились бы.... А все же, какъ бы развѣдать объ этой Магдалинкѣ?

— Это мы сейчасъ же сдѣлаемъ. Эй! крикнулъ Цвѣтковъ: Леонтій!

Вошелъ старый лакей Цвѣткова.

— Кто эта дѣвушка, что живетъ у старухи Коржиковой?

— Это, сударь, ихняя родственница — никакъ внучкой доводится. Изъ города взяли-сь, годка четыре кажись, ужь есть, какъ взяли-сь.

— Чтожъ она, выходитъ, сирота?

— Никакъ нѣтъ-сь.... то-есть матери нѣтъ, а отецъ-то у нихъ есть, тоже Коржиковъ, Иваномъ Лукичемъ зовутъ.... Въ судѣ служатъ; вотъ къ нимъ еще о рождествѣ муку посылали изъ экономіи.

— Ба! вскрикнулъ Цвѣтковъ: мы, Шустовъ, видѣли его въ судѣ, такой смиренный да безтолковый. Помнишь, онъ еще бумаги давалъ мнѣ подписывать.... Такъ его зовутъ какъ?

— Иваномъ Лукичемъ — отвѣтилъ лакей.

— Хорошо. Ступай!

Леонтій удалился.

— Ну, Шустовъ, дѣло нѣсколько проясняется.

— Да. Однако тутъ еще не все: — можно ли къ ней подбится?

— Къ кому, къ бабушкѣ? Не совѣтую.... выбрать.

— А къ внучкѣ?

— Да что, скажи мнѣ откровенно, ты хочешь на ней жениться?

— Вотъ еще выдумалъ что! Зачѣмъ же непременно жениться? Нельзя ли такъ, для разнообразія....

— Нѣтъ, въ деревнѣ-то ужъ забудь всякія этакія городскія продѣлки; здѣсь, для разнообразія, какъ разъ оженять, а особенно Ирина Савишна Коржикова. Сама не вышла замужъ, такъ вучку-то постарается выдать. — А впрочемъ, добавилъ Цвѣтковъ: — вѣдь внучка, кажется, единственная наслѣдница Ирины Савишны, все таки въ приданое возьмешь десятинъ четыреста, пятьсотъ....

— Какъ? Развѣ у Ирины Савишны нѣтъ больше наслѣдниковъ?

— По крайней мѣрѣ, я не зналъ никого. Родные ея живутъ гдѣ-то далеко и едва-ли помнятъ объ ея существованіи. Вотъ для практическаго человѣка случай: попробуй сдѣлаться ея наслѣдникомъ.

— Ну что же тутъ привлекательнаго: какихъ-нибудь четыреста-пятьсотъ десятинъ....

— Жена будетъ хорошенькая.

— Это-то правда, да что съ подобною женою? она, навѣрное, и читать не умѣетъ.

— А это ужъ твое дѣло освѣдомиться.

Цвѣтковъ замолчалъ, а Шустовъ сталъ взадъ и впередъ шагать по комнатѣ, и мысли его — при каждомъ его поворотѣ сводились на одно: какъ бы подбиться къ этой хорошенькой внучкѣ.

Вообще Шустовъ не отличался высокими стремленіями. Жизнь его до-сихъ-поръ шла такимъ путемъ, что хорошенько поѣсть, поиграть въ карты, потанцовать и полюбезничать съ хорошенькой женщиной — составляло для него все. А какъ средствомъ для подобной жизни могутъ, безъ сомнѣнія, служить только деньги, самъ же онъ былъ человѣкъ безъ всякаго состоянія, то у него составила маленькая само-бытная теорія жизни, которую онъ и приводилъ въ дѣйствіе всякій разъ, какъ только представлялся ему случай поживиться на счетъ ближняго. Природа дала ему такую наружность, которая на первыхъ порахъ располагала въ его пользу всякаго встрѣчнаго. Вкрадчивый голосъ, пріятная улыбка, всегда веселый беззаботный взглядъ, мягкіе приемы, которые не заключали въ себѣ ни тѣни строптивости, гордости или же особеннчества — все это углаживало житейскую ея

карьеру. Не имѣя собственныхъ средствъ для образованія себя, онъ однакоже поступилъ въ университетъ и съ помощью такъ называемыхъ кондицій провелъ четыре года безбѣдно, одѣвался опрятно и даже щегольски, посѣщалъ театры, собранія, и въ то время какъ болѣе богатые его товарищи не отыскивали у себя денегъ на перчатки или извозчика, онъ обыкновенно показывался въ перчаткахъ, безукоризненной бѣлизны и всегда отыскивалъ у себя свободный рубль на извозчика. Онъ рано обратилъ вниманіе на карты, но игралъ въ такихъ кружкахъ, гдѣ много пили и гдѣ попадался новичекъ въ игрѣ. На сходкахъ онъ пробирался въ толпу богатыхъ товарищей, но всегда тонко и любезно привѣтствовалъ бѣдняковъ и выходило такъ, что богатые смотрѣли на него какъ на равнаго себѣ, а бѣдняки, причисляя его къ кружку богатыхъ, все же не косились на него какъ на птицу вышлага полета. Наука въ глазахъ его была собраніемъ книгъ и тетрадокъ, къ которымъ онъ чувствовалъ маленькую ненависть, но часто просиживалъ надъ ними дни и ночи, въ виду репетицій и экзаменовъ; каждый годъ перешелъ онъ съ курса на курсъ и едва не получилъ степени кандидата. Тутъ помѣшалъ ему одинъ профессоръ, который — какъ говоритъ самъ Шустовъ — мститъ ему за невниманіе къ своей дочери: «я знаю, увѣрялъ онъ своихъ товарищей — знаю хорошо, за что поухталъ мнѣ профессоръ; это все за рыжую свою дочку, съ которою я ни разу не танцевалъ въ клубѣ».... Товарищи, однако, не давали вѣры такимъ словамъ, потому что сами видѣли, какъ Шустовъ увивался за профессорской дочкой; но и не противорѣчили ему, даже принимали въ немъ участіе, говоря, что если князь Гурскій получилъ кандидата, то Шустову, не пропустившему ни одной лекціи, слѣдовало бы по всѣмъ правиламъ сдѣлать снисхожденіе.... Какъ ни тяжело было подобное участіе, но нельзя было и обижаться его лукавымъ смысломъ; дѣйствительно, никто не могъ сравниться съ Шустовымъ въ аккуратномъ посѣщеніи лекцій.

Окончивши курсъ въ университетѣ, Шустовъ не спѣшилъ поступить на службу, пока еще не пущены были въ ходъ его связи съ богатыми товарищами. И вотъ на время на-

просился онъ въ деревню къ лучшему своему другу, Цвѣткову. Цвѣтковъ принадлежалъ къ тѣмъ безцвѣтнымъ личностямямъ, которые охотно подчиняются постороннему вліянію и всегда имѣютъ у себя много друзей, жадныхъ на чужія деньги. По развитію онъ стоялъ еще ниже своего гостя и былъ постоянно доволенъ собою, благодаря прекрасному своему матеріальному состоянію и тѣмъ льстивымъ похваламъ, на которыя не скупился его вѣжливый другъ. Оба они пріѣхали въ деревню на короткій срокъ: хозяинъ для того, чтобы очевидноѣ блеснуть передъ другомъ своимъ состояніемъ; другъ — чтобы не скучалъ хозяинъ, а главное, не зажился бы въ деревнѣ одинъ и не забылъ бы своихъ городскпхъ связей и привычекъ.

— По моему, говорилъ Цвѣтковъ, потягиваясь на диванѣ — пора бы и въ дорогу. Какъ ты думаешь?

Шустовъ остановился.

— Въ дорогу? Да, не мѣшаетъ.... Вѣдь ты успѣлъ уже сдѣлать всѣ распоряженія по хозяйству, а оставаться здѣсь опять безъ всякаго дѣла, особенно для тебя, — это должно быть скучновато. Тутъ, какъ я вижу, ни одного порядочнаго человѣка по близости нѣтъ, не съ кѣмъ даже и поговорить.

— Да, какъ видишь.... Все или Ирина Савишна, или Сава Ирничъ.

— Ха-ха-ха! Такъ какъ? Ирина Савишна или Сава Ирничъ? Ха-ха-ха!... Послушай, Цвѣтковъ, отчего ты не пишешь комедій? Вѣдь, право, тебя станетъ на все.

— Да вотъ никакъ не выберу сюжета.

— Ну, полно!... А Ирина Савишна-то на чтò? Право, я рѣшился бы съ нею познакомиться, хоть для того чтобъ доставить тебѣ сюжетъ.

— Сдѣлай одолженіе! А между тѣмъ и внучка....

— Само собою разумѣется. Только позволь мнѣ съѣздить къ ней одному: ты, знаешь, того.... затмишь меня передъ внучкой, а я бы этого не хотѣлъ....

— Сдѣлай одолженіе, изволь, поѣзжай и побѣждай.... О, да ты практическая голова, какъ я вижу! Право, хоть куда!...

При словѣ *практическая*, Шустовъ самодовольно улыбнулся, зашагалъ снова по комнатѣ и погрузился въ пріят-

ныя размышленія. Такое дѣйствіе производило на него всегда это магическое слово, особенно, если оно относилось прямо къ его особѣ. Ни отъ какой похвалы такъ радостно не билось его сердце, такъ не свѣтлѣла передъ нимъ будущая судьба, какъ при мысли, что онъ точно практической человѣкъ....

VIII.

Ирина Савишна и Анюта сидѣли въ спальнѣ и вязали чулки. Было утро. Яркій свѣтъ знойнаго лѣтняго дня заливалъ уютную комнатку, весело играя на бѣлой постели старухи, на пестромъ коврикѣ, на кучѣ всякаго бѣлья, собраннаго близъ комода и у печки. Комнатный воздухъ отзывался еще ладаномъ, которымъ курили съ ранняго утра. На лицахъ работавшихъ замѣтна была усталость. Ирина Савишна не разъ уже вздыхала, произнося: — Господи, какъ душно! Точно полдень, а теперь еще чай и десяти часовъ вѣтъ. Погляди, Аннушка, никакъ на дождь парить....

— Нѣтъ, бабушка, тучъ не видно, — ясно вездѣ.

— Ну, ужъ будетъ сегодня дождь... непременно будетъ! Ирина Савишна опять вздохнула.

Въ это время на дворѣ раздался громкій лай собакъ и вслѣдъ за тѣмъ послышался стукъ экипажа, подѣхавшаго къ крыльцу. Анюта проворно побѣжала въ переднюю.

— Бабушка! крикнула она: — кто-то пріѣхалъ въ коляскѣ....

— Кто жъ бы это такой?—проговорила смущенная старуха:—дай мнѣ поскорѣ платокъ на шею.... да чепецъ.... Скорѣ, скорѣ, Аннушка!

Крехтя, приподнялась она съ кресла, подошла къ дверямъ сосѣдней комнаты и робко заглянула за нихъ. Передъ нею стоялъ щегольски одѣтый молодой человѣкъ и весьма любезно раскланивался. Старуха въ торопяхъ не разслышала его привѣтствій, а потому спросила: — кого вамъ, батюшка, угодно?

Молодой человѣкъ нѣсколько спутался отъ неудачи пер-

выхъ прѣвѣтствій, на эффектъ которыхъ разсчитывалъ вполне; онъ ближе подошелъ къ Иринѣ Савишнѣ, еще разъ любезно раскланялся.

— Къ вамъ, Ирина Савишна, — сказалъ онъ: — пріѣхалъ засвидѣтельствовать лично мое глубочайшее почтеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ передать вамъ поклонъ отъ вашего родственника....

— Садитесь, батюшка, прошу покорно.... А позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю честь....

— Шустовъ — перебилъ молодой человекъ — Шустовъ, Василій Григорьевичъ.... пріѣзжій изъ Москвы.

— Садитесь, батюшка.... очень пріятно....

Шустовъ сѣлъ.

— Такъ вы изволи сказать что-то.... Я, извините меня, не дослышала.

— Я, Ирина Савишна, пріѣхалъ къ вамъ засвидѣтельствовать мое глубочайшее уваженіе и передать поклонъ отъ вашего родственника.

— Отъ какого это родственника, не отъ Ивана Лукича-ли?

— Такъ точно. Онъ просилъ меня быть у васъ и передать....

— Аннушка! крикнула старуха: — поди сюда, Аннушка.... Вотъ.... Позвольте, батюшка, узнать-то имя ваше — обратилась она къ Шустову: — я въ торопяхъ хорошенько не расслышала.

— Василій Григорьевичъ.

— Такъ вотъ видишь, Аннушка, Василій Григорьевичъ привезъ поклонъ отъ твоего батюшки; выходи сюда поскорѣе.... Вѣдь вы, Василій Григорьевичъ, чай ужъ знакомы съ моею внучкой?

— Нѣтъ, не имѣю удовольствія — смѣло отвѣтилъ Шустовъ. Я останавливался въ городѣ проездомъ, былъ по дѣламъ у Ивана Лукича, и онъ убѣдительноше просилъ меня засвидѣтельствовать вамъ его живѣйшую благодарность за всѣ ваши попечительныя заботы о его дочери; онъ выставялъ мнѣ васъ какъ образецъ благодѣлительнѣйшей женщины и воспитательницы.... Я не могъ отказать себѣ въ

счастіи лично вамъ представится и вмѣстѣ съ тѣмъ исполнить такую пріятную порученность обязательнаго Ивана Лукнча.

— Такъ.... такъ.... очень вамъ благодарна — проговорила Ирина Савишна, и пріятныя ощущенія отъ льстивой рѣчи собесѣдника достигли прямо до ея сердца. Очень вамъ благодарна, да спасибо и Ивану Лукнчу.... Хоть самъ не ѣдетъ, такъ по крайности добраго человѣка заслалъ. А вы же, позвольте узнать, не изъ сосѣдей-ли нашихъ?

— Я временный гость вашихъ мѣсть.... Я изъ Москвы, — гошу у сосѣда вашего, Цвѣткова.

— Слышала объ немъ.... А вотъ вамъ и Аннушка.

Анюта въ замѣшательствѣ поклонилась гостю и умоляющимъ взглядомъ посмотрѣла на бабушку, какъ бы спрашивая ее — какъ тутъ быть, что ей дѣлать? Въ первый еще разъ въ жизни она видѣла передъ собою молодаго человѣка, какъ своего гостя.

— Я привезъ вамъ поклонъ отъ вашего папа — поспѣшилъ заговорить Шустовъ и подошелъ къ Анютѣ такъ близко, что она отступила на шагъ. Онъ васъ такъ любить — продолжалъ онъ: — съ такимъ восторгомъ вспоминаетъ о васъ....

Анюта еще больше смѣшалась и поспѣшила присѣсть.

— Я завидую — обратился Шустовъ къ Иринѣ Савишнѣ: — я завидую, у кого есть родители, близкіе родные....

— Грѣшно, батюшка, завидовать.

— Ахъ, нѣтъ! Моя зависть самаго невиннаго свойства. Вѣрнѣе сказать, я сожалѣю только о себѣ, зачѣмъ такъ рано лишился я отца и матери, отчего у меня нѣтъ никого изъ близкихъ родныхъ, подлѣ кого бы можно было погрѣться сердцемъ?...

— Такъ вы, батюшка, значитъ сирота? съ участіемъ спросила Ирина Савишна.

— Круглый сирота! со вздохомъ отвѣтилъ Шустовъ: — И бабушки-благодѣтельница у меня нѣтъ.

— На все воля Божія! замѣтила Ирина Савишна и также вздохнула.

Между тѣмъ Анюта успѣла оправиться; съ любопыт-

ствомъ глядѣла она на стоявшаго къ ней въ профиль красиваго юношу; когда онъ говорилъ и вздыхалъ, ей также хотѣлось вздохнуть.

— Какой у васъ прекрасный садъ! вдругъ воскликнулъ Шустовъ.

— Заросъ, батюшка.... и не хвалите! ужъ столько лѣтъ, какъ запущенъ.

— Ахъ, нѣтъ, бабушка, хорошъ! неожиданно высказалась Асюта.

— Я съ вами совершенно согласенъ, — обращаясь къ ней, подхватилъ Шустовъ: — онъ необыкновенно хорошъ! Вотъ эта именно дикость, запущенность его, особенно для меня привлекательна. Не правда-ли?

Но Асюта уснѣла опять смѣшаться и могла только прошептать: «да, я люблю его...»

— Вы позвольте мнѣ, Ирина Савишна, заглянуть въ него? Я такой любитель природы!

— Извольте, батюшка.... да только какъ же? Самы хотите посмотреть? А не то вотъ Аннушка пусть вамъ покажетъ.

— Ахъ, право, смѣю-ли я беспокоить!...

Но Асюта проворно открыла дверь на балконъ и, обращившись назадъ, своими черными глазками выразила Шустову: «сидите же!»

Шустовъ поспѣшилъ за нею. «Она еще — думалъ онъ — чисто дѣвочка.... прежде она показалась мнѣ какъ-то болѣе взрослою. Однако, формы — ничего! Платьеце только мѣшковато.... А деревенщина-то какая! Нужно бы разшевелить ее какънибудь»...

— Вы такъ проворно идете! произнесъ онъ громко.

— Проворно? Я — если хотите — даже побѣгу.

Асюта дѣйствительно побѣжала.

«Что за чортъ! Подумалъ Шустовъ: — ужъ не кокетничаетъ-ли она? Дай, и я побѣгу»....

И онъ побѣжалъ.

Асюта своротила нѣсколько въ сторону съ прямой дорожки, наклонилась надъ кустомъ малины и сорвала двѣ ягодки. Шустовъ подбѣжалъ къ ней.

— Хотите? спросила она, поднося къ нему ягодку на ладони; рука ея дрожала.

— Хочу.... И, лукаво улыбаясь, онъ наклонился къ ягоdkѣ, какъ бы хотѣлъ взять ее губами.

— Зачѣмъ вы не берете пальцами?

— Такъ вкуснѣе.... Притомъ же у васъ такая хорошенькая рука!

Шустовъ легонько взялъ эту дѣйствительно хорошенькую руку, нѣжно сжалъ ее и смѣло, съ вкрадчивою улыбкою, посмотрѣлъ въ лицо Анюты. Анюта не знала, какъ ей и быть, щеки ея разгорѣлись; ротикъ раскрылся, чтобъ произнести какое-то слово, но оно не произносилось; только въ глазахъ ея ясно выразились и удивленіе, и недоумѣніе, и настойчивый вопросъ.

— Право же, хорошенькая! продолжалъ Шустовъ: — да и вся вы....

— Ну, вотъ! проговорила наконецъ Анюта и отдернула свою руку.

— За что же вы разсердились? спросилъ Шустовъ.

— Я? съ чего вы это взяли?—отворотившись сказала Анюта:—А видите, сколько на томъ кустѣ ягодъ, да какихъ красныхъ! Это онѣ за сегодня успѣли такъ покраснѣть. Хотите сорвать?

Она подбѣжала къ кусту малины, присѣла, а подлѣ нея присѣлъ и Шустовъ. Въ воздухѣ стояла духота; не шевелилъ ни одинъ листочекъ; мухи кучками сидѣли на листьяхъ крапивы, жужжа снимались и опять кучками онѣ усаживались на прежнихъ мѣстахъ.

Но въ этой духотѣ Шустовъ ощущалъ лихорадочный ознобъ. Его подергивало схватить, вмѣсто ягоды, руку дѣвушки, которая, видимо волнуясь и тяжело дыша, усердно обдергивала вѣтку малины.

— Ахъ, гадкая, жжется....

— Что такое?

— Крапива жжется! плачевно проговорила Анюта и стала лизать ужаленную руку, искоса поглядывая на Шустова. Шустовъ не выдержалъ этого взгляда: мгновенно обхватилъ онъ станъ дѣвушки обоими руками.

— Ахъ!... вырываясь, вскрикнула Анята.

— Тсс!... Бабушка услышитъ, — прошепталъ Шустовъ: — тсс!...

Анята замерла въ своемъ движеніи.

— Чего вы испугались? А? Я хотѣлъ васъ только... поцѣловать! — договорилъ онъ, цѣлуя отвернувшееся личико Аняты, испуганное и поблѣднѣвшее.

— Аннушка! гдѣ вы? Аннушка?... пронесся голосъ Ирины Савишны.

— Здѣсь! крикнулъ Шустовъ и тотчасъ же высвободилъ изъ рукъ своихъ Аняту. Пойдемте — обратился онъ къ ней: — да не сердитесь....

— Жарко теперь гулять, батюшка! продолжала кричать съ балкона Ирина Савишна: — лучше идите въ комнаты!...

— Идемъ, идемъ! отвѣчалъ Шустовъ и тутъ же шепталъ Анятѣ: — слышите, не сердитесь... чтобъ бабушка не узнала... Вы такая хорошенькая; я увидѣлъ васъ въ церкви и тотчасъ же полюбилъ... Да не сердитесь же, слышите? Слезу сотрите.

Анята машинально повиновалась.

— Я къ вамъ еще не разъ приѣду, шепталъ Шустовъ: — только чтобъ бабушка ничего не знала. Приѣхать? А?

Анята подняла на него ласковый взглядъ. «Приѣзжайте»... проговорила она. Тутъ щеки у ней опять разгорѣлись; судорожно рванулась она впередъ, искоса взглянула на Шустова и побѣжала по дорожкѣ прямо къ балкону.

— Вышь какъ раскраснѣлась! встрѣтила ее Ирина Савишна.

— Въ самомъ дѣлѣ, такъ душно, нельзя не раскраснѣться, подхватилъ Шустовъ. — Но какъ хороши вашъ садъ — это прелесть! Особенно, воображаю, вечеромъ или въ мѣсячныя ночи! Это чисто сокровище. Только у васъ еще, у старинныхъ людей, и можно встрѣтить подобную поэтическую глушь; всѣ эти новые сады, съ подрѣзанными деревьями — никуда не годятся, я ихъ терять не могу...

— Такъ, такъ, батюшка, не все же у стариковъ дурно, самодовольно замѣтила Ирина Савишна.

— Какое — дурно! это восторгъ, очарованіе! продол-

жалъ воодушевленно Шустовъ, и рѣчь его на эту тѣму заняла по крайней мѣрѣ полчаса времени. Анята слушала ее съ напряженнымъ вниманіемъ, хотя ни разу не могла прямо посмотрѣть въ глаза оратору; бабушка, напротивъ, скоро устала слушать. И когда Шустовъ, откланиваясь и любезно, хоть и насильно пожимая имъ руки, удалился изъ комнаты, Ирина Савишна, почти въ догонку ему, произнесла:—какой же ты, прости Господи, неугомонный!...

IX.

Прошла недѣля-другая: Шустовъ не пріѣзжалъ. Бабушка о немъ и думать позабыла, но внучка... эти двѣ недѣли для Аняты составили цѣлые годы. Созерцательная жизнь ея усилилась; но предметъ созерцанія перемѣнился и перемѣнился совершенно независимо отъ ея воли. Вслѣдъ же за любезными прощальными поклонами Шустова, Анята стала втайнѣ переживать опять мгнъ за мигомъ всѣ подробности свиданія съ неожиданнымъ гостемъ. Къ этому присоединились воспоминанія о первой встрѣчѣ съ Шустовымъ въ церкви. Точно, она припомнила, какъ мѣшали ей молиться взгляды молодого человѣка, стоявшаго подлѣ нея въ церкви, какъ онъ не спускалъ съ нея глазъ, какъ она давала себѣ зарокъ не оборачиваться въ его сторону и какъ, однако, нѣсколько разъ оборачивалась. Ей припомнился и легонькій толчекъ, который она почувствовала въ то время, когда хотѣла-было положить земной поклонъ, — и не положила его, а опять посмотрѣла на молодого человѣка. Ей было въ то время неловко, она осматривала свое платье, подносила безъ всякой надобности платокъ къ носу, и тутъ же разсѣяннo крестилась. По выходѣ изъ церкви, когда пахнуло на нее свѣжестью яснаго дня, она и забыла уже про несноснаго молодого человѣка, какъ онъ опять явился передъ нею, заглянулъ ей въ лицо, и тутъ же смѣялся и разговаривалъ о чемъ-то съ другимъ молодымъ человѣкомъ; потомъ оба они сѣли въ блестящій экипажъ и укатили.... Вспомнилось ей, что она хотѣла спросить у бабушки, что это за люди и

зачѣмъ одинъ изъ нихъ не давалъ ей молиться въ церкви, смотрѣлъ на нее такъ странно: однако, тогда побоялась спросить, а потомъ и вовсе-было про него забыла. Какъ тутъ опять... И Анюта перебирала въ памяти всѣ мелочи послѣдняго свиданія своего съ Шустовымъ. Она не разъ навѣстила тотъ кустъ малины, подлѣ котораго онъ просилъ ее не сердиться. И она не сердилась. — «Странно! думала она: отчего я тогда испугалась? вѣдь онъ такой добрый! Онъ, быть можетъ, оттого и не ѣдетъ къ намъ, что думаетъ, будто я на него сержусь... Вотъ, еслибъ онъ теперь былъ здѣсь: я сама бы его поцѣловала....» Въ ея воображеніи черты лица Шустова сливались въ самый привлекательный образъ, который мало походилъ на свой оригиналъ; она даже не поразспросила хорошенько ни бабушку, ни Матрену — кто этотъ Шустовъ, зачѣмъ онъ пріѣзжалъ и зачѣмъ такъ скоро уѣхалъ? Онъ спугнулъ прежнія ея видѣнія и самъ для нея превратился въ видѣніе, тѣмъ болѣе увлекательное, что она живо ощущала недавнее его присутствіе подлѣ себя, его взглядъ, его голосъ. — «Зачѣмъ только онъ не ѣдетъ?» спрашивала она себя всякій разъ, какъ пересозданный ею образъ Шустова мелькалъ въ густотѣ листвы, въ вечернихъ тѣняхъ аллея, въ ночныхъ потемкахъ комнаты. «А еще говорилъ, что любить меня....» твердила она всякій разъ, какъ доносился къ ней его голосъ, шептавшій ей теперь за одно съ шелестомъ осинника, съ плескомъ рѣчной струи, съ пѣніемъ малиновки, съ крикомъ перелетной чайки. Но все это твердила она безъ упрека и сожалѣнія. Она и не думала о томъ, что нужно рассказать бабушкѣ, какъ она угощала Шустова ягодами, какъ онъ обнялъ и поцѣловалъ ее; ей не впадало на мысль, что здѣсь можетъ заключаться что-нибудь недоброе. Но виѣсть съ тѣмъ, если бы сама бабушка спросила ее, что говорилъ ей Шустовъ въ саду, что дѣлалъ, — она не могла бы отвѣчать ей правдою; она бы сказала свое обыкновенное: ничего, право, ничего... и совѣсть ея не тревожилась бы отъ этой утайки правды. Такія отношенія сами собой сложились между ней и бабушкой; Анюта не натягивала ихъ; она въ душѣ не питала недобѣрчивости къ своей воспитательницѣ, и, однако, не ощущала въ себѣ ни-

какой потребности дѣлиться съ нею впечатлѣніями жизни. Возможность другаго положенія для себя и для бабушки ей и не впадала на мысль. Она не довѣряла старухѣ своихъ мелочныхъ сомнѣній, мимолетныхъ чувствованій и не тяготилась этимъ нисколько; она вошла въ свой собственный міръ и по чувству самосохраненія не допустила бы въ него ничего посторонняго взгляда. А теперь, когда она жила въ чаду полнаго очарованія и подъ обаяніемъ самой увлекающей иллюзіи, тѣмъ еще менѣе могла она кому-нибудь довѣриться. Напрасно Ирина Савишна замѣчала ей не разъ: «что съ тобой, Аннушка? Что ты такая разсѣянная?» Напрасно она кричала на внучку, когда та разбила блюдо и наливала чай, вмѣсто чашки, въ тарелку съ сухарями: ни замѣчанія въ разсѣянности, ни крики не потревожили Анюты. — Какъ прежде, такъ и теперь, она усердно молилась и утромъ и вечеромъ, шептала слова заученыхъ молитвъ, клала поклоны до изнеможенія; но во время молитвы передъ нею постоянно носился все тотъ же образъ, что сложился въ ея воображеніи послѣ встрѣчи съ Шустовымъ, и она его отъ себя не гнала...

Недѣля-другая прошла: Шустовъ не пріѣхалъ. Анюта хотя и часто спрашивала себя: отчего это онъ не ѣдетъ? однако не томилась ожиданіемъ, не страдала и Богъ знаетъ сколько времени, все также очарованная, ждала бы новой съ нимъ встрѣчи. Не страсть и не чувства истинной любви опутали ее: для нея вовсе не требовалось милаго образа живьемъ, дѣйствительнымъ присутствіемъ его подлѣ нея; для созерцательнаго ея настроенія нужна была только благопріятная обстановка, которая не разрушала бы возможности насладиться безплотнымъ милымъ образомъ. И Анюта имѣла такую обстановку....

Но въ одно утро она разслышала въ комнатѣ бабушки самый оживленный докладъ Матрены; не разъ онъ прерывался восклицаніями Ирины Савишны: «ахъ, онъ негодный!...»

— Сказано, все село не нарадуется — говорила Матрена. Еще въ ту субботу уѣхали. Чего ужъ они не натворили! Недаромъ боялись таки, что вотъ молодой баринъ пріѣдетъ, вотъ пріѣдетъ.... И не такъ-то все онъ, какъ этотъ напичъ,

что къ намъ заѣздилъ, Василемъ Григоровичомъ его называютъ. Сказано, каждую было ночь содомъ поднимали, ни стыда у нихъ, ни совѣсти.... Аксютка плачетъ не заплачется. Зашла я это вчера съ вечерни, у матери ея холста хотѣла купить, шестнадцатки,—тонкій такой да бѣлый, все къ намъ на рѣчку бѣлить его носили: такъ куды до холста! Погубили — говорить — дочку ни за что, ни прочто, — а Аксютка тутъ же сидитъ да слезами обливается....

— Ахъ, онъ шельмецъ такой, прости Господи! прервала Ирина Савишна.

— Я почала Аксютку спрашивать, жалко такъ ее стало мнѣ, а она мнѣ въ сердцахъ и чего не наговорила! Не я — говорить — первая, не я послѣдняя; вотъ говорить — молитесь Бога, что панычъ барышни вашей незобидѣль, а ужъ какъ похвалялся!...

— Ахъ, онъ шельмецъ проклятый: опять вскрикнула Ирина Савишна. Да отсохни у него языкъ поганый.... Вишь, съ чѣмъ подѣзжаетъ....

Сердце Анюты чуяло, что этотъ разговоръ, неполнѣ для нея понятный, заключаетъ въ себѣ что-то недоброе. Она рѣшилась было подстеречь Матрену, когда она будетъ выходить изъ бабушкиной комнаты, и спросить ее хорошенько, про кого и про что она говорила. Но Ирина Савишна предупредила Анюту. Лишь только замолкла Матрена, какъ она сгоряча тутъ же крикнула: «Аннушка! поди ко мнѣ, Аннушка!...»

Анюта вошла.

— Что это на тебѣ лица человѣческаго нѣту? а? Что это, мать моя, смотришь ты такъ болѣзненно?

Анюта дѣйствительно перетревожилась и смотрѣла на бабушку, поблѣднѣвъ и дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Видно, ты Богу не молишься, что Онъ насылаетъ на насъ такія напасти — говорила Ирина Савишна. Вотъ слышала, что тутъ рассказывала Матрена?

— Что такое? едва прошептала Анюта.

— А вотъ то, что шельмецъ этотъ, что приѣзжалъ къ намъ — я и прозвище-то его позабыла, вотъ онъ съ тобой

еще въ саду гулялъ.... такъ онъ, слышала ты, съ какими негодными мыслями прѣѣзжалъ къ намъ? а?

Анюта еще больше поблѣднѣла и задрожала; но Ирина Савишна успѣла уже не много опомниться.

— Чтобъ ты и не слышала этого никогда! Да сохранишь тебя Богъ и думать объ этомъ!... Вишь, богопротивный!... У меня недаромъ и сердце-то похолодѣло, когда это пошелъ онъ съ тобою въ садъ; я вотъ такъ сейчасъ же и выскочила на балконъ да кричу: Аннушка!

— Бабушка.... произнесла Анюта: я ничего.... я ничего тутъ не понимаю.

— И хорошо дѣлаешь, что не понимаешь. Молись Богу: онъ не дастъ въ обиду сиротки. Молись, ему Аннушка.

Такъ на этотъ разъ и окончились наставленія бабушки. Но они нисколько не удовлетворили внучки. Напротивъ, внучка запуталась въ предположеніяхъ всякаго рода и, какъ ни билась, вопросы, представлявшіеся ей уму, не разъяснялись. Она опять рѣшилась прибѣгнуть къ Матренѣ. Казалось, минута для распросовъ была удобная, но ключница на тотъ разъ была не въ духѣ.

— Душечка, Матрена, заговорила Анюта:— что это ты рассказывала бабушкѣ и на кого это Аксютка плачется?

— Вы бы стыдплись и спрашивать! сурово замѣтила Матрена, и не сказала больше ни слова.

Анюта еще больше запуталась въ своихъ предположеніяхъ. Ее сталъ одолевать страхъ; изо всего дня она попяла только наставленіе бабушки: «молись, Аннушка, молись!... «Но развѣ я не молюсь? спрашивала себя Анюта: не согрѣшила-ль я въ чемъ нибудь? А, можетъ быть, бѣда какая-нибудь готовится.... Господи! что жъ это такое?...» Она собралась покончить этотъ день самую усердную молитвою, стала на колѣни въ своей комнаткѣ, подняла взглядъ на иконы, произнесла нѣсколько словъ... но передъ глазами ея, точно живой, мелькнулъ знакомый образъ. Анюта понеслась за нимъ воображеніемъ, перестала креститься и пропозносить слова молитвы: такъ она простояла нѣсколько минутъ.

— Ахъ, что же это я дѣлаю! опомнившись, подумала она: — мнѣ нужно молиться....

Опять она положила поклонъ, произнесла начало молитвы — и опять ея воображеніе понеслось за милымъ образомъ.

— Боже мой, что это такое! произнесла она, въ другой разъ опомнившись: — это сущее наказаніе! Мнѣ нужно молиться....

Но чѣмъ больше принуждала она себя молиться, тѣмъ сильнѣе разыгрывалась ея воображеніе, тѣмъ навязчивѣе мелькала передъ нею знакомый образъ. Она заплакала.

— Отстань ты отъ меня, несносный, отстань!... шептала она. Но воображеніе не унималось. Слезы у ней лились, она закрывала глаза руками и боялась взглянуть вокругъ себя, думая, что призракъ ея носится передъ нею въ воздухѣ, и въ то же время твердила: «отстань! отстань!» Призракъ видѣлся ей и сквозь опущенныя вѣки и сквозь пальцы рукъ. Въ этой борьбѣ провела она часъ — другой.... Усталая до изнеможенія, она прилегла на кровать, и вдругъ въ головѣ ея промелькнула мысль, что все это — искушеніе!

Припомнились ей случаи изъ «Житія святыхъ», случаи, какъ искушалъ дьяволъ многихъ праведниковъ, являясь къ нимъ въ самыхъ привлекательныхъ видѣніяхъ. Припомнила она, какъ мужественно противились этимъ искушеніямъ христіанскіе подвижники и какъ скорбѣла сила вражья, что не могла одолѣть ихъ.... «Да, думала Анята: — это и меня искушаетъ дьяволъ; но я-то, я... какъ поддалась искушенію! То-то радуется нечистый духъ! Боже мой, Боже! какая я страшная грѣшница!...»

Анята зарыдала.

— Бабушка права, вздыхая, говорила она: — это все происходитъ отъ нашей слабости.... Молись Богу, Анишка.... Но какъ же тутъ молиться, когда, вотъ... вотъ онъ, поганый, вотъ онъ! опять искушаетъ меня.... Не Богу, а ему я молилась за все это время.... Вотъ онъ... вотъ!

Анята прятала голову свою въ подушки, но ни сонъ не одолѣвалъ ея, ни воображеніе ея не унималось.

X.

Съ этой мучительной ночи наступили для Анюты самые томительные дни. Душевные тревоги ея все усиливались; рѣдко она осиливала свой призракъ: чаще поддавалась ему вполне. Дремучій садъ превратился для нея въ хранилище всякихъ страховъ; изъ-за каждаго куста она ожидала появленія какихъ-нибудь чудовищъ. Забыты были церковныя могилы съ ихъ прежними чудесными превращеніями въ мечтахъ дѣвочки; не слагалась никакъ молитва, такъ горячо лившаяся прежде изъ невинныхъ устъ, не слагалась въ то время, когда сознательно чувствовалась ея потребность. Все этотъ неотступный милый образъ: передъ нимъ исчезли всѣ очарованія прежней жизни.

— Что дѣлается съ моей Аннушкой? не разъ спрашивала себя Ирина Савишна. — Ужъ не больна ли?

Но Анята нисколько не высказывалась передъ бабушкой.

— Не сглазилъ ли ея этотъ шельмецъ? рассуждала Ирина Савишна, и ужъ порѣшила-было послать за знахаркой; но прежде попыталась еще разъ допросить внучку. Глядя на блѣдное, изнуренное ея лицо, она восклицала: — Господи, да что такое дѣлается съ тобой, Аннушка?

— Ничего бабушка, право, ничего.

— А? сердито произнесла Ирина Савишна. Ничего? А, ну... подойди поближе.

Анюта приблизилась къ креслу бабушки.

— Мать моя! да что съ тобою? На тебѣ лица человѣческаго нѣту!

— Это такъ, бабушка... пройдетъ.

— А? не вѣришь мнѣ? не скажешь? Я гоюю тебя, бью? А?

— Бабушка! бросившись на колѣни, проговорила Анята: — простите... простите меня! Я плакала долго... такъ, не знаю сама, отчего... видно, какое-нибудь предчувствіе.

Ирина Савишна все еще грозно смотрѣла на упавшую передъ ней внучку.

— Ты меня обманываешь! ты знаешь, отчего ты плакала....

— Бабушка, не знаю, не знаю!... заливаясь слезами, утѣряла Анята, и вслѣдъ за этимъ бабушкины слезы присоединились къ внучкинымъ рыданіямъ: обнявшись, обѣ онѣ плакали долго и согласно. Анята и здѣсь не сознала своей лжи передъ бабушкой, и ни одинъ упрекъ совѣсти не потревожилъ ее за это. Она не могла точно опредѣлить настоящее свое положеніе; у нея накопилось много душевной муки, такъ что ею захлебывалась она, и, вся занятая призраками своего большаго воображенія, не могла удѣлять вниманіе свое на дѣйствительность. Слова бабушки обѣжали передъ нею, какъ что-то вовсе ненужное; къ нимъ она не прислушивалась сердцемъ: оно все занято было борьбою съ неотступнымъ милымъ призракомъ.

— Какая я страшная грѣшница! все думала она: — никакъ не прогону его, не осилю искушенія.... Значитъ, Богъ совсѣмъ отъ меня отступился....

Такое настроеніе Аняты продолжалось нѣсколько дней; оно притупило бы въ ней всякую воспримчивость явленій жизни; но по немногу стало закрадываться въ сердце ея раздраженіе.

— Ну, что жъ! стала она иногда говорить себѣ: — ну, пусть я и грѣшница.... Пусть! Гдѣ же искушеніе? Выходи ко мнѣ!... Не идишь? Да иди же, иди! Не бойся: я не буду молиться, не стану прогонять тебя....

Такимъ раздраженіемъ стали все чаще заключаться ея страданія, и всякій разъ, давъ волю ему, она чувствовала себя бодрѣе, спокойнѣе, даже стала подсмѣиваться надъ собою, хотя и не безъ маленькой злости.

— Ну, пусть и въ адъ пойду, не разъ говорила она себѣ: — что жъ! Въ адъ — такъ и въ адъ... Не хочу молиться!...

Лишь только начала она раздражаться подобнымъ образомъ и рѣже стала принуждать себя къ молитвѣ, призракъ ея сталъ терять надъ ней свою обаятельную силу и рѣже тревожилъ ея воображеніе. Но хотя и рѣже, за то чувствительнѣе было переносить эту тревогу: появилось мучительное сознаніе, что къ прежней вивѣ, она, раздражаясь, прибавляла новыя.

— Матрена! что́ это сдѣлалось съ Рябкой? спросила однажды Анята, стоя на крыльцѣ и лаская дворняшку.

— А что тамъ такое? отозвалась Матреца, и въ ея голосѣ на этотъ разъ не слышалось гнѣва.

— Посмотри, Матрена! никакъ объѣлась она чего-то? стала такая толстая....

Матрена взглянула на суку, потомъ на Аняту и презрительно покачала головой:

— Чудныя вы какія, барышня!...

— Чудныя... да развѣ ты не видишь?

— Что́ жь тамъ видѣть? Сука собралась щенятъ навести — оттого и потолстѣла. Сказано: молодо, зелено, то такъ и вы, барышня: не знаете, откуда что берется.

Анята покраснѣла.

— Ты, Матрена, не сердись, проговорила она: — я этого не знала.

— Есть что и знать! Видѣли жь, что и бабы толстѣютъ, когда собираются рожать, — вотъ, такъ и сука. Чудныя, право, какія!

Сказавши это, Матрена опять презрительно окинула взглядомъ Аняту и удалилась въ комнаты.

Но что казалось очень обыкновеннымъ въ глазахъ старой ключницы, то показалось совершенно новымъ для шестнадцатилѣтней дѣвушки, взрослой въ уединеніи и не имѣвшей понятія о многихъ самыхъ обыденныхъ явленіяхъ жизни. По тѣмъ книгамъ, которыя она прочла, нельзя было познакомиться съ простымъ ходомъ дѣйствительности; можно было Анятѣ лишь переименовать его въ воображеніи на самый уродливый ладъ. Бабушка не разъясняла, даже считала смертнымъ грѣхомъ разъяснять внучкѣ многія стороны жизни, а къ тому жь и подругъ ровесницъ не оказывалось у Аняты, не было и горничныхъ, словоохотливыхъ и болѣе опытныхъ, чѣмъ барышни. Пришлось ей, въ самомъ дѣлѣ, показаться въ глазахъ Матрены, чудною, странною, достойною презрѣнія.

Когда, задумавшись надъ новымъ своимъ открытіемъ, Анята пошла бродить по саду, а за нею, тяжело переваливаясь съ ноги на ногу, виляя хвостомъ, поплелась и приласканная Рябка, — цѣлый рядъ самыхъ уродливыхъ кар-

тнѣ пронесся въ воображеніи дѣвушки, и всё онѣ сводилсь на фигуру тутъ же ступавшей суки.

— Противная... не разъ прошептала Анята. — Значить, и всё люди, думала она, — рождаются такъ же, какъ рассказывала Матрена?... А святые?..... Господи! что я подумала? вдругъ вскрикнула она и тутъ же повалилась лицомъ на землю: — Боже мой, прости мнѣ!...

Приласканная собака и въ эту минуту не оставила ее въ покоѣ: она наклонилась къ уху дѣвушки и лизнула его.

— Прочь! вскрикнула Анята и замахнулась рукой: — прочь, негодная! закричала она, ставши на ноги: — вотъ... вотъ опять дьяволъ проклятый въ комъ искушаетъ меня... прочь!

Собака, отскочивъ нѣсколько въ сторону, ласково смотрѣла на Аняту и виляла хвостомъ.

— Боже мой, Боже! какая я ужасная грѣшница! простонала Анята, закрыла лицо руками и побѣжала въ свою комнатку. Здѣсь, упавъ на колѣни передъ образомъ Богоматери, она зарыдала: — Защити меня, Пресвятая! Заступись за меня!....

И она нѣсколько минутъ пролежала неподвижно, распростершись передъ образомъ и орошая полъ слезами. Ей стало легче. Она подняла голову, взглянула опять на образъ — и вдругъ опять съ крикомъ: «прочь, негодная!» опустилась на полъ: воображеніе нарисовало ей живо недавнюю сцену въ саду. На этотъ крикъ вбѣжала испуганная Ирина Савишна.

— Что съ тобой, Аннушка?

— Бабушка!... бросаешь на шею къ ней, вопила внучка: — защитите... Искушаютъ меня... Прогоните Рябку!... Бабушка, душечка! прогоните... Она — дьяволъ, искушаетъ...

— Съ нами крестная сила! Господь съ тобою, Аннушка! Гдѣ дьяволъ, гдѣ онъ?... А крестъ-то нашъ святой на что? А образа святые?...

Но Анята не слышала этихъ утѣшеній; судорожно прижалась она къ бабушкѣ и замерла въ ея объятіяхъ.

На крикъ Ирины Савишны прибѣжала Матрена. Аняту уложили въ постель, принесли крещенской воды, омыли ей лицо, затеплили восковыя свѣчи передъ образами и стали

курить херувимскимъ ладномъ. Домашняя тревога по немногу стала успокоиваться.

А между тѣмъ золотистое солнце снѣжило къ заходу. Косвенные лучи его, сквозь голубоватый дымъкъ ладона, играли на стѣнѣ, подлѣ которой лежала Анята. Блѣдная, она тяжело дышала; черные, влажные ея глаза, то открывались, то прятались подъ густыя рѣсницы; ротъ ея оставался открытымъ и только изрѣдка сжимался; чтобъ прошептать одно-другое невнятное слово. Ирина Сявишна сидѣла тутъ же, у изголовья постели; она всякій разъ крестила внучку, лишь только замѣчала этотъ невнятный шопоть. Лучи солнца, понижаясь, позолотили и черные распущенные волосы дѣвушки, еще ярче освѣтили изнуренное ея лицо: Анята шевельнулась и, вмѣстѣ съ солнечнымъ лучемъ, на губахъ ея мелькнула улыбка. Бабушка привстала и хотѣла задернуть оконную занавѣску.

— Не нужно.... произнесла Анята: — не задерживайте!

— Чтò, Аниушка, тебѣ лучше?

— Мнѣ, бабушка, хорошо... легко такъ... Я рѣшилась...

— На что ты рѣшилась, дорогая моя? нѣжно спросила Ирина Сявишна.

— Это я такъ... ничего... я спать хочу...

— Ну, спи, дитя мое, спи! Господь съ тобою!...

Бабушка на цыпочкахъ вышла изъ комнаты, а внучка, все еще кротко улыбаясь, то закрывая, то открывая глаза, спокойно шептала: «Рѣшено!... завтра же... Богъ мнѣ поможетъ... завтра же»....

Съ этимъ шопотомъ и съ этой улыбкой она заснула. Золотистое солнце закатилось.

XI.

Въ домѣ царила тишина. Утро едва начиналось. Ирина Сявишна, утомленная долгой бессонницей и присмотромъ за снавшею больною внучкой, на зарѣ забылась крѣпкимъ сномъ. Внучка между тѣмъ проснулась. Съ первымъ же пробужденіемъ она быстро соскочила съ постели; на лицѣ ея не видно

было ни страданій, ни истомы; голова у ней была свѣжа, дыханіе легко. Она положила нѣсколько поклоновъ передъ образомъ Богоматери и окончила молитву свою словами: «надо... надо какъ можно скорѣе»...

На гвоздѣ висѣло старенькое ея платье; она тотчасъ надѣла его. «Теперь бы старенькую кацавейку найти, — подумала она: — не взять-ли бабушкину? Только какъ бы не разбудить... да ужъ кстати.»... Тутъ она открыла ящикъ комода, порылась въ немъ, отыскала нѣсколько серебряныхъ мелкихъ монетъ, положила ихъ къ себѣ въ карманъ, потомъ вынула неисписанные лоскутки бумаги: тутъ были переписанные ею любимыя молитвы, молитвы въ стихахъ, — она также спрятала ихъ въ карманъ. На одномъ листкѣ, впрочемъ, она остановилась и прочла написанное. — «Все вымолю, все.... Господи! поддержи меня!» проговорила она и тутъ же взяла чистый лоскутокъ бумаги и написала на немъ крупными буквами: *Аще кто хочетъ по мнѣ идти, да отвержется себе, возьметъ крестъ свой и по мнѣ грядетъ.* Съ этой записочкой осторожно вошла она въ комнату бабушки. Ирина Савишна спала, испуская горломъ то вздохи, то легкія клокотанья. Минутная робость овладѣла внучкой. Колѣни ея задрожали.

— Нѣтъ, рѣшено! ободряла она себя: — рѣшено! Земной поклонъ передъ спящей бабушкой сообщилъ ей прежнюю рѣшимость; прощально взглянула она на старуху, вздохнула, положила на столѣкъ приготовленную записку, захватила старую кацавейку и тихо, еще осторожнѣе прежняго, удалилась за дверь.

Черезъ нѣсколько минутъ, новязанная большимъ платкомъ по головѣ, въ старушечьей кацавейкѣ, съ палкой въ рукѣ, Анюта была уже на полянѣ, за садомъ, откуда видѣлись изъ-за деревьевъ только крыши и трубы жилища бабушки. Солнце всходило; сизый паръ поднимался съ поляны: на травѣ дрожали росинки радужными огоньками: повѣвалъ свѣжій вѣтерокъ. И домъ, и садъ, и вся усадьба Ирины Савишны, залиты были блескомъ свѣтлаго утра. Анюта оборотилась. «Прощай!» произнесла она со слезами на глазахъ, положила три земныхъ поклона и поспѣшно, уже не оглядываясь пошла въ далекій путь. Сердце у нея стучало....

Поздно въ то утро проснулась Ирина Савишна. Шумящій самоваръ давно уже поджидалъ къ себѣ ея прихода; баловень-котъ не разъ уже, мяуча, обходилъ столъ, толкаясь хвостомъ объ его ножки, и жадно обонялъ присутствіе на немъ горячаго хлѣба и свѣжаго масла. Вотъ и Матрена вошла въ спальню старухи.

— А что Аннушка? былъ первый вопросъ проснувшейся старухи.

— Барышни не видать, — должно быть въ саду гуляютъ, отвѣтила ключница.

— Слава Богу! перекрестясь, сказала старуха: — а я ужъ боялась — не захворала-ли она не на шутку.

— Чего имъ хворать! сурово замѣтила Матрена (притязанія на неограниченное обладаніе личностью и хозяйствомъ Ирины Савишны мѣшали ей привязаться къ Аниутѣ).

— А все-жъ таки кликни ее къ чаю, приказала бабушка.

Матрена удалилась. Могучій крикъ ея раздался съ балкона: отвѣта не было. Крикъ повторился....

— Это ужаси, что ихъ нигдѣ не слышать! проворчала ключница.

— Ужъ не приключилась-ли съ нею чего недобраго, прости Господи! подумала Ирина Савишна и перекрестилась. — Матренушка! поди въ садъ, кликни еще.

А неугомонный котъ пронзительно напоминалъ, что сегодня не было еще подачи ему со стола; Ирина Савишна начинала уже сердиться на эти беспорядки въ домѣ, и къ этому опять раздался могучій крикъ ключницы. Ошеломилъ онъ собою шопоть древесныхъ листьевъ, запугалъ пѣсню осинника: но отвѣта не было.

Въ тотъ день не пили чаю въ домѣ Ирины Савишны, не покурили херувимскимъ ладономъ, не слышали чтенія изъ Житія Святыхъ. Аниута исчезла, и всѣ поиски за нею оканчивались словами: «нѣтъ барышни! Богъ знаетъ, куды онѣ дѣлись! Пропали, прости Господи!» Старуха въ безпокойствѣ передвигалась съ одного мѣста на другое; за нею неотступно слѣдовалъ голодный котъ. Пронзительное его мяуканье наконецъ остановило на себѣ вниманіе встревоженной

Ирины Савишны. Она топнула на него ногою, — онъ еще жалобнѣе замяучилъ.

— Матрена! а, Матрена! крикнула раздосадованная старуха: — выбрось вонъ эту проклятую кошку!

Но Матрены не было близко.

— А? Матрена! крикнула вторично Ирина Савишна, и, не дождавшись отвѣта, схватила безвинно-голодавашаго кота, ударила его больно и швырнула немилосердно вонъ за окошко.

ХІІ.

Наступили сумерки. Въ тридцати верстахъ отъ деревушки Ирины Савишны, по большой дорогѣ, ведущей къ уѣздному городу В..., едва двигалась наша странница. Силы оставляли ее. Пролившійся передъ вечеромъ дождь разгрязнилъ дорогу, измочилъ всю одежду на Анютѣ, запачкалъ и промялъ водою всю ея обувь. Но странница не падала духомъ. Выбиваясь изъ послѣднихъ силъ, не чувствуя подъ собою ногъ отъ боли, порою отъ изнеможенія падая на землю, она все еще подвигалась впередъ: тамъ примѣтила она людное село, тамъ надѣялась отдохнуть и подкрѣпитесь для новаго пути.

«Въ Кіевъ! въ Кіевъ!»!... шептало ей воображеніе. Но на самомъ дѣлѣ о Кіевѣ она знала только изъ Житія Святыхъ да изъ сборовъ бабушки ея на богомолье; слыхала она, что до Кіева пятьсотъ верстъ, но не знала хорошо, что-то такое версты, что-то значить быть въ дорогѣ; видала она странниковъ и странницъ, заглядывавшихъ въ домъ Ирины Савишны за подалньемъ и бывавшихъ еще подальше Кіева, но не взяла въ расчетъ, что — они люди хожалые, искусившіеся годами въ продолжительныхъ переходахъ съ мѣста на мѣсто. Подъ обаяніемъ своего твердаго рѣшенія — достигъ Кіева, остаться въ немъ навсегда, принять тамъ на себя мученической подвигъ — она ни о чемъ не хотѣла спрашивать: «Богъ меня доведетъ, Богъ мнѣ поможетъ, — Его святая воля!» Подъ обаяніемъ своей рѣшимости она забыла преслѣдовавшіе ее призраки: опять златоверхіе храмы древняго Кіева, горы съ ихъ пещерами, мученики съ ихъ мо-

литванн, мучители съ ихъ казнями — вся обстановка мученическаго вѣка — опять завладѣли ея воображеніемъ. Одушевленная вѣрою и упованіемъ на помощь Небесную, она пустилась въ невѣдомый путь и шла, не обращая вниманія ни на боли въ ногахъ, ни на крайнюю усталость, ни на голодь: въ тотъ день она еще ничего не ѣла.

Сумерки сгущались. Впередн стали блистать кое-гдѣ огоньки и сквозь вечерній туманъ глянули неопредѣленные очертанія деревъ и сельскихъ построекъ. Собравши послѣднія силы, Анюта добралась до крайней избы. Но лишь только хотѣла она постучаться въ ворота, какъ съ громкимъ лаемъ бросились на нее отовсюду собаки. Анюта оробѣла. Прислоняясь къ плетню, остановилась она неподвижно, замирая отъ страха, а стая собакъ все ближе къ ней подступала, все громче заливалась неистовымъ лаемъ. «Господи! не отступись отъ меня», промолвила блѣдная, перепуганная дѣвушка, и слезы готовы были политься у ней, какъ въ эту же минуту скрипнула дверь въ избункѣ.

— А кто тамъ? послышался старушечій голосъ.

— Это я... дрожая всѣмъ тѣломъ, проговорила Анюта.

— Да кто-жь ты?

— Я... странница... въ Кіевъ на богомолье иду: впусти, матушка, перечековать...

Собаки замолкли. Старуха подошла ближе къ Анютѣ и, взглядываясь въ лицо и одежду ея, только ахнула. «Та се яка-сь панночка!» подумала она, — и впустила странницу въ хату. Когда же Анюта сбросила съ себя платокъ и кацавейку и подошла обсушиваться къ огню, пылавшему въ печи, старуха-хозяйка еще больше убѣдилась, что передъ нею никто другая, какъ панночка. Съ любопытствомъ и недоумѣніемъ она осмотрѣла ее съ головы до ногъ и наконецъ, качая головой, спросила: «Куды-жь се вы собрались?»

— На богомолье, матушка... въ Кіевъ.

— Мати Божая! замѣтила старуха, все еще покачивая головой: — да ходять же такія, какъ вы, на богомолье? Гдѣ-жь таки это видано? Да еще въ однихъ чулочкахъ и башмачкахъ... Охъ, горе мнѣ съ вами! И что мнѣ съ вами дѣлать?

— Ничего, матушка! я только переночую... а завтра рано, войду опять.

— Куды-жъ то вамъ идти! Охъ, Мати Божая! Наши-то всё въ полѣ, на работѣ, а тутъ... Да скажите ужъ — можете вы бѣглянка?

Анюта отреклась, но старуха, по прежнему, все еще сомнительно покачивала головою.

— Долго-ли до бѣды! твердила она: — а какъ бѣглянка, что мнѣ тогда дѣлать? А тутъ еще въ селѣ и судъ весь — исправникъ пріѣхалъ, Трофимъ Герасимовичъ, и засѣдатель Иванъ Лукичъ...

— Какой Иванъ Лукичъ? быстро спросила Анюта.

— Да Коржиковъ же Иванъ Лукичъ — никто другой... Мати Божая! куды-жъ мнѣ съ вами дѣться?... Еще засудятъ... Ну да ужъ, ночуйте! Только завтра рано, рано — чуть свѣтъ — и идите себѣ съ Богомъ...

Извѣстіе, что въ этомъ же селѣ находится отецъ, что вотъ здѣсь гдѣ-то онъ теперь такъ близко, поразило Анюту; она и грѣлась подлѣ огня, и бросало ее еще въ большую дрожь. «Что, какъ узнаеть? думала она: гдѣ мнѣ спрятаться? Не идти-ли сейчасъ въ дорогу?... Господи! какъ же тутъ быть? Но нѣтъ, нѣтъ! Богъ не оставитъ меня... въ Кіевъ, въ Кіевъ!»

И опять обуяла ее прежняя рѣшимость.

— Вотъ тутъ ложитесь и спите себѣ, говорила старуха, очищая лавку: — вотъ вамъ и подушка въ головы... я ужъ и огонь въ печи залью, чтобъ равно не зашелъ кто....

— Хозяюшка, душечка! перебила ее Анюта: — мѣтъ ли у тебя хлѣба кусочка? я заплачу — дай только.

— И, Мати Божія, какая тутъ плата! Вотъ хлѣбецъ!... Кушай, моя голубушка, кушай сколько душѣ твоей хочется.

Анюта съ жадностью схватила ломтикъ чернаго хлѣба, но едва успѣла сжевать нѣсколько крохъ, какъ ноги окончательно отказались служить ей. Она опустилась на лавку и черезъ минуту уже спала....

Сонъ, однако, былъ тревожный. Не смотря на сильное заморозеніе, она не разъ за ночь схватывалась съ лавки, смотрѣла въ окошечко — не загорается ли заря; шептала

несвязныя слова: то грезился ей отецъ, то представлялась бабушка, то отгнала она отъ себя собакъ. Но и здѣсь все сводилось на Кіевъ. «Въ Кіевъ!... Владычица Богородица, подкрѣпи меня!...» шептала она, крестилась и снова засыпала.

Не успѣло проглянуть утро, — странница была уже на ногахъ; даже старуха-хозяйка не предупредила ее пробужденіемъ. Такъ, не попрощавшись съ нею, Анята и побрела въ новый путь, хотя силы ея далеко не подкрѣпились.

Она была уже въ полѣ. Солнце начинало грѣть. По дорогѣ стали встрѣчаться прохожіе и проѣзжіе.

— Эй, молодушка, обожди! обратился къ ней бойкій парень, ѣхавшій верхомъ на лошади. На немъ былъ картузь и суконный кафтанъ; изъ-подъ кафтана виднѣлась красная рубаха; къ сѣдлу привязанъ былъ боченокъ.

Анята ускорила шаги.

— Обожди! куды спѣшишь? Вотъ лучше нива вмѣстѣ напьемся. Эй! слышишь?

Анята и не оглянулась. Но парень подскочилъ къ ней и лошадью заступилъ ей дорогу.

— Что такъ больно спѣсива? Ну-ка поздравствуемся....

Съ этими словами онъ слѣзъ съ лошади и хотѣлъ обхватить Аняту. Она рванулась въ сторону, пробѣжала нѣсколько шаговъ и упала: силы покинули ее.

— Вишь какая прыткая! и не догонишь ее, — смѣясь замѣтилъ парень, подводя къ ней лошадь: — уморилась!... ну-ка пивка лучше выпьемъ да опочинемъ, — а то что, дура, бѣжишь?

Анята подняла глаза къ небу: бѣдняжкѣ оставалась одна надежда, одна защита...

Вдругъ зазвенѣлъ колокольчикъ; по дорогѣ показалась пыль, — и мигомъ почтовая тройка поровнялась съ мѣстомъ, на которомъ лежала Анята.

— Спасите! закричала она, вскочивъ на ноги.

— Стой! стой! крикнулъ проѣзжіи.

На телегѣ сидѣлъ Иванъ Лукпчъ Коржиковъ.

Черезъ нѣсколько часовъ привезъ онъ домой дочь свою въ сильной горячкѣ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Разъ встрѣтился я съ Сергѣемъ Ивановичемъ послѣ продолжительной поѣздки его на нашу общую родину. Пошли у насъ толки о знакомыхъ лицахъ и знакомыхъ мѣстахъ.

— А что́ ваша сестра? спросилъ я между прочимъ.

— Плохо! отвѣтилъ Сергѣй Ивановичъ.

— Что такъ?

— Да какъ бы вамъ объяснить это покороче? Живетъ она по-прежнему, безъ всякой цѣли, лишь бы день до вечера... да молить Бога, чтобъ смерть пришла къ ней поскорѣе: вотъ и вся ея жизнь! Посторонніе, глядя на нее, порѣшили, что она ханжить; а я... мнѣ просто жаль ея — и только.

— Живетъ же она теперь гдѣ?

— Въ деревушкѣ. Бабушка, умирая, отказала ей все свое имущество, да и жизнь свою продолжать — также, кажется, ей завѣщала.

— Послѣднее завѣщаніе, однако, выполнить едва ли можно?

— Подите! вспыльчиво замѣтилъ Сергѣй Ивановичъ: — трудно — а выполняетъ! Я прожилъ у нея нѣсколько дней — и, право, въ жизни ея все тѣ же порядки, что завела бабушка: также Матрена всѣмъ хозяйствомъ заправляетъ, та же безлюдца вокругъ, тѣ же чтенія «Житія Святыхъ», да молебны съ отцемъ Никитою; даже дѣвочку какую-то взяла къ себѣ на воспитаніе. Я посмотрѣлъ на все это — да и рукой махнулъ. Состарится — будетъ та же Ирина Савишна.

— Впрочемъ, сердце у ней навѣрно помягче-то, чѣмъ у бабушки; борьба съ собой не обошлась же ей даромъ?

— Это-то такъ. То есть, скажу вамъ откровенно, у ней претеплое сердце. Какъ она меня встрѣтила! Какъ провозжала! А, бывало, приласкаешься къ ней, поговоришь, приляжешь къ ней на колѣни: какъ смотритъ кротко и любовно! Бывало, засну подъ мягкій ея голосъ: вѣдь сидитъ — не двинется, только волосы мои перебираетъ легонько своими пальцами.... Сплю часъ, другой — а она не шелохнется и, какъ проснусь, смотритъ на меня такъ благодарно, точно я

доставилъ ей величайшее удовольствіе! Да, это правда, сердце у ней мягкое.

— Оно-то ее и поддержишь.

— Дай Богъ! только плохо вѣрится въ это. Грѣтъ этому сердцу нѣкого, а главное — управы ему нѣтъ. Если бы смотрѣла она на жизнь открыто, если бы не пугалась мысли! А то, вѣрите ли — въ это свиданіе съ нею я боялся коснуться словомъ хоть одного изъ ея убѣжденій: руками махать, плачетъ, слушать ничего не хочетъ! Не грѣши, говоришь, и меня не вводи въ искушеніе. Запугана, бѣдняжка, сильно! А скажите, какъ мнѣ было и не говорить ей? Вѣдь я не вижу ничего для ней впереди....

— А воспитанница?

— Да какъ же она можетъ воспитать ее? По примѣру бабушки, что ли? Эхъ! я бы пменно отнял у нея эту дѣвочку.

— Такъ что же, по вашему, дѣлать ей слѣдуетъ? Замужъ выйдти?

— Куда замужъ! она объ этомъ давно ужъ порѣшила... это для нея рѣшительно невозможно.

— Такъ что же остается?

— А вотъ тутъ-то и вся задача!... Охъ! ужъ эти мнѣ бабушки! заключилъ Сергѣй Ивановичъ.

Видя опечаленное лицо своего пріятеля, я прекратилъ этотъ тяжелый для него разговоръ, и не знаю теперь, какъ поживаетъ Анята.

НИКОЛАЙ ВОРОНОВЪ.

Декабрь, 1859 года.

ЧАЙКА.

Поднял корабль паруса;
Въ море спѣшить онъ, родной покидая заливъ,
Буря его догнала и швырнула на каменный рифъ.

Бьется онъ грудью объ грудь
Скалъ, опрокинутыхъ вѣчнымъ прибоемъ морскимъ,
А бѣлогрудая чайка летаетъ и стонетъ надъ нимъ.

Съ бурей обломки его
Въ даль унеслись; — чайка слѣла на волны — и вотъ,
Тихо волна покачавъ ее новой волнѣй отдастъ.

Вонъ — отдѣлились опять
Крылья отъ скачущей пѣны — и вѣтра быстрѣй
Мчится она, упадая въ объятія вечернихъ тѣней.

Счастье мое — ты — корабль:
Море житейское бьетъ въ тебя бурной волной; —
Если погибнешь ты, буду какъ чайка стонать надъ тобой.

Буря обломки твои
Пусть унесетъ! но — пока будетъ пѣна блестя, —
Даль я волнамъ покачать себя, прежде чѣмъ въ ночь улетѣть.

Я. ПОЛОНСКИЙ.

ТЮРГО И МИНИСТЕРСТВО ЕГО.

II.

Когда Тюрго управлялъ Лиможемъ, вдругъ по Франціи пронеслась вѣсть о смерти Людовика XV. Зараженный внутренней оспой отъ молодой дѣвушки, подведенной ему дю-Бари въ Трианонѣ, онъ скончался послѣ трехдневной болѣзни, 10 мая 1774 года. Надъ гробомъ его не видно было ни дѣтски-искреннихъ слезъ народа, утомленнаго позорнымъ правленіемъ, ни даже лицемѣрнаго сожалѣнія придворныхъ слугъ, усталыхъ отъ апатичной власти деспота. Всѣ чувствовали необходимость обновленія, но никто еще не предвидѣлъ, что «старый король похоронилъ въ своей могилѣ старую монархію.»

Положеніе преемника его было трудное. Людовикъ XVI, удаленный подозрительнымъ дѣдомъ отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ, воспитанный по примѣру своихъ предковъ, пустымъ куртизаномъ и іезуптомъ, всходилъ на престолъ безъ знанія Франціи, безъ опытности и даже безъ силы въ рукѣ двадцатилѣтняго юноши. Онъ смотрѣлъ на свой вѣнецъ, какъ на достояніе наслѣдства, но не зналъ, что съ нимъ соединялись другія, болѣе справедливыя надежды, — надежды народа на улучшеніе своего состоянія. «Это было чувство, говорить Амеде Рене, новой жизни, жизни политической; ни въ какую эпоху Франція столько не надѣялась. Она ожидала отъ новаго царствованія всего, чего перестала ожидать отъ Людовика XV; она хотѣла

снять пятно безславія съ королевской власти; она хотѣла сама себя возстановить.» (Louis XVI et sa cour, par Amédée Renée, стр. 2.) Въ самомъ дѣлѣ, въ народѣ явилась дотогѣ неизвѣстная сила — общественное мнѣніе; оно было подготовлено писателями, и мало-по-малу перешло въ массы. Разрывая послѣднія связи съ преданіемъ, оно требовало другихъ началъ, другаго порядка; ему не доставало яснаго политическаго взгляда, потому что оно было дурно воспитано и уже давно отвыкло отъ управленія собственными интересами, но въ немъ проглядывала новая мысль, способная понимать поступки правительства и не совѣмъ равнодушная къ его ошибкамъ или злоупотребленіямъ. Въ немъ, конечно, заключалось больше идеальныхъ, чѣмъ положительныхъ стремленій, но тѣмъ оно было опаснѣе для тѣхъ тридцати интендантовъ, которые, по выраженію Шамфора, вѣдали судьбой «истинно-европейской Турціи.» Подъ вліяніемъ этого мнѣнія, общество во многомъ измѣнилось; за пятьдесятъ лѣтъ прежде, теряя одно право за другимъ, оно ницъ падало передъ трономъ юнаго короля; а теперь не хотѣло признать даже тѣхъ реформъ, которыя, дѣйствительно, были полезны государству. Вся разница состояла въ томъ, что тогда оно вѣрило въ авторитетъ, а теперь перенесло довѣренность отъ правительства къ его оппозиціи. Такъ въ одномъ и томъ же социальномъ организмѣ встрѣтились двѣ враждебныя силы, готовыя оспаривать другъ у друга каждый шагъ развитія. Лудовикъ XVI хотѣлъ примирить ихъ, но было поздно. Съ одной стороны слишкомъ много собралось ненависти, а съ другой — недалковидности и произвола.

Другое обстоятельство, затруднявшее новое правленіе, заключалось въ самой администраціи. Мы ужъ сказали, что она сложилась подъ вліяніемъ фискальной системы и на-счетъ муниципальной независимости. Во второй половинѣ XVIII вѣка Парижъ поглотилъ въ себя всѣ мѣстныя силы; онъ походилъ на чудовищную голову, поставленную на маленькомъ туловищѣ карлика; въ немъ соединилось все, что было самого богатаго, образованнаго и сановитаго въ цѣлой Франціи. Провинціи перестали существовать, какъ живые члены одного политическаго тѣла; единственной связью

между ними и столицей была власть интендантовъ, но эта связь, кромя оффиціальной формы, не имѣла ничего общаго съ народной жизнью. Должностныя мѣста, болѣею частью, занимались людьми средняго состоянія. Потомственные сеньоры, свысока смотрѣвшіе на правительство, поднявшееся на развалинахъ ихъ привилегій, не вмѣшивались въ администрацію. Кой-гдѣ они сохранили судебныя права, ограниченныя предѣлами ихъ ленныхъ владѣній; кой-гдѣ они еще удержали личное рабство надъ своими подданными, со всѣми его грустными послѣдствіями; но они не хотѣли вербовать себя въ число королевскихъ чиновниковъ. Это отвращеніе, впрочемъ, вытекало не изъ самолюбія или самоуваженія; нѣтъ, такое чувство было бы выше ихъ характера; они съ жадностью искали придворныхъ отличій и ливрей, унижались и интриговали вездѣ, гдѣ можно было удовлетворить честолюбію или презрѣнію къ простому разночинцу; нѣтъ, это чувство было плодомъ затаенной ревности къ монархическому блеску и глубокой антипатіи къ неблагодарному труду канцелярскаго работника. Они воспитывались все еще въ преданіяхъ веселыхъ турнировъ, рыцарскихъ походовъ, салонной дрессировки, и потому лучше предпочитали занять положеніе Донъ-Кихота, чѣмъ отказаться отъ разгульной и лѣнливой жизни своихъ отцевъ. Притомъ, сами короли не желали вводить въ кругъ своей дѣятельности людей, съ которыми имъ пришлось такъ долго бороться за одни и тѣже права. Но чѣмъ меньше сеньоры участвовали въ дѣлѣ внутренняго управленія, тѣмъ больше было простора другимъ сословіямъ. Буржуазія *), вызванная къ жизни крестовыми походами и освобожденная отъ феодальной тиранніи королевской защитой, постепенно возвышалась въ политическомъ отношеніи; на ея сторонѣ были два огромныя преимущества — трудъ и образованіе, чего, собственно, не имѣли сеньоры. Трудъ

*) Въ исторіи французской буржуазіи различаютъ три періода. Въ первый она только начинаеть отдѣляться отъ народа; во второй, составляетъ собственное сословіе, она пріобрѣтаетъ административный характеръ; въ третій, послѣ революціи, сила ея основывается на капиталѣ. Мы говоримъ о буржуазіи втораго періода (см. Histoire des classes laborieuses, par F. Celler. 1859).

поставилъ ее, съ прогрессомъ времени и промышленности, на первомъ планѣ дѣятельныхъ сословій; онъ далъ ей средство для пріобрѣтенія матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія. Впродолженіе прошлаго столѣтія этотъ классъ является съ видимымъ перевѣсомъ надъ всѣми другими; изъ его рядовъ выходятъ первые капиталисты, литераторы, художники, министры и, относительно, лучшіе граждане; онъ вноситъ въ общество свои собственные элементы — духъ экономіи семейства и, съ необыкновеннымъ терпѣніемъ, соединяетъ дѣловую опытность и пронырство. По убѣжденіямъ, буржуазія всегда была консервативнымъ сословіемъ, по чувствамъ и правиламъ, она больше принадлежала народному слою, чѣмъ аристократическому. Выходя изъ мастерскихъ и куваческихъ конторъ или обращаясь постоянно на биржѣ, она не имѣла ни желанія, ни времени, ни свѣтскаго лоска, чтобъ тереться между «шелковыми героями» Версаля; тамъ она была не въ своей тарелкѣ. Но за стѣнами дворца влияние ея чувствовалось на каждомъ шагу. Всегда съ понозовеніемъ къ власти и привилегіямъ, она, послѣ денегъ, особенно горячо искала гражданскихъ отличій. И это понятно; они во многомъ сравнивали ее съ феодальнымъ дворянствомъ, соціальному положенію котораго она не могла не завидовать; они открыли ей дорогу къ престолу, и нерѣдко изъ угнѣтеннаго дѣлаи угнѣтателя. Поэтому администрація, во всѣхъ ея безчисленныхъ видоизмѣненіяхъ, перешла въ ея руки. «Я насчиталъ въ 1750 году, говорить Токвиль, въ одномъ провинціальномъ городѣ средней руки до сто девяти лицъ, занимавшихъ только судебныя мѣста, и сто двадцать шесть, уполномоченныхъ исполненіемъ того, что опредѣляли первые, и всѣ изъ городскихъ жителей. Жажда мѣщанъ захватывать должности, была истинно-безпримѣрная. Едва кто пріобрѣталъ небольшой капиталъ, — вмѣсто того, чтобъ употребить его въ торговлю, спѣшилъ купить себѣ мѣсто. Это жалкое тщеславіе гораздо больше повредило земледѣлію и промышленности Франціи, чѣмъ цехи и даже поземельно-личная подать.» (*L'ancien Régime*, par A. Tocqueville, стр. 142). Мы совершенно согласны съ знаменитымъ публицистомъ, относительно вреда, но должны замѣтить, что онъ

смѣшиваетъ дѣйствіе съ причиною. Не тщеславіе повредило труду, а отсутствіе свободнаго труда и уваженія къ нему породило бюрократическую манию. Еслибъ выборъ занятія, вознагражденія его и оцѣнка способности были поставлены въ болѣе выгодныя условія, тогда французскій мѣщанинъ не сталъ бы добиваться должности, и не предпочелъ бы грубую дисциплину чиновника независимому положенію гражданина. Онъ искалъ королевской службы отнюдь не потому, чтобъ она была особенно привлекательна, а потому, что съ ней соединялись разныя привилегіи; она, въ понятіяхъ того времени, облагороживала осла, и змѣѣ давала видъ ласточки; она давала ему извѣстную степень вліянія, вѣрный доходъ, и нерѣдко богатство. Могъ ли надѣяться Дюбуа, при его тупости и подлости, получить триста тысячъ франковъ годоваго дохода, еслибъ онъ остался въ качествѣ аптекаря? Для ремесленника ничего не могло быть лучше, какъ добратся до оффиціального мѣста; оно освобождало его отъ стѣснительнаго регламента корпорацій, отъ безконечныхъ налоговъ, отъ униженія, соединеннаго съ постояннымъ подчиненіемъ власти, вездѣ его преслѣдующей; оно обезпечивало пролетарію постоянный трудъ, въ которомъ онъ часто пуждался, при всей его готовности трудиться, однимъ словомъ, канцелярія XVIII вѣка спасала его отъ сырадной мастерской, подобно тому, какъ средневѣковый монастырь укрывалъ бѣднаго раба отъ хищнаго замка. Лудовикъ XV понималъ это; стѣсняя, съ одной стороны, ремесленный трудъ, съ другой увеличивая продажу мѣсть, онъ образовалъ изъ бюрократіи притонъ тунеядцевъ и всегда готовыхъ тирановъ народа. Впослѣдствіи изъ нея выработалось особенное сословіе, потерявшее всякое родовое сходство съ мѣщанскимъ классомъ. Притомъ, чиновная буржуазія, наводя администрацію, имѣла въ виду охраненіе личныхъ интересовъ. Управляя городомъ, сначала она защищала его отъ разбоевъ и грабежей феодальнаго дворянства, потомъ отъ королевскаго своеволія и наконецъ сплась съ правительствомъ въ общемъ неуваженіи къ чисто-народнымъ интересамъ. Посвященная въ тайныя намѣренія политической власти, изучая законы и знакомяся съ ихъ крючковатыми формами, обстав-

женная вездѣ покровителями того же класса, она лучше могла отстоять свои выгоды, чѣмъ беспомощный житель деревни. Поэтому когда король ставилъ на мѣсто ея своихъ собственныхъ агентовъ, она перекупала ихъ должности, чего бы онѣ ни стоили.

Но чѣмъ муниципальная независимость падала ниже, и чѣмъ плотнѣе бюрократія сливалась съ централизаціей, то есть, чѣмъ меньше было въ ней содержанія и больше формы, тѣмъ дальше она отходила отъ народа. Въ XIV или XV вѣкѣ, когда трудно провести отличительную грань между мѣщаниномъ и поденнымъ работникомъ, она, собственно, жила одной жизнью съ низшимъ сословіемъ; ее сравнивало съ нимъ невѣжество, раболѣпіе, бѣдность и одинаковое желаніе освободиться отъ «медвѣжьей лапы» вассала; въ XVIII вѣкѣ она болѣе не нуждалась въ гражданскихъ правахъ; теперь она сама господствовала и притѣсняла. «Каждый городъ, говоритъ Тюрго, занятый своими собственными интересами, готовъ жертвовать имъ деревнями и селами своего округа.» Иначе и быть не могло. Правительственная система, основанная на разъединеніи и эгоизмѣ, отнюдь не могла покровительствовать единству отдѣльныхъ сословій; повидимому, одно чувство было общимъ чувствомъ — любовь къ отечеству, но истинный патріотизмъ развивается въ прямомъ отношеніи съ народной свободой. Раба подкупаютъ легко, потому что онъ продаетъ легко. По мѣрѣ того, какъ французская буржуазія замыкалась въ касту, ненависть народа къ ней становилась глубже. Онъ увидѣлъ въ ней того же сеньора, но болѣе хитраго и грубаго, съ тѣми же хищными инстинктами, но съ болѣею скарденностью. Крестьянинъ чувствовалъ эту зависимость во всѣхъ своихъ движеніяхъ; заводилъ ли онъ тяжбу, искалъ ли онъ труда и хлѣба, занимался ли онъ ремесломъ или торговлей, вездѣ тяготѣло надъ нимъ неотразимое вліяніе мѣщанина. Правительство, столь щедрое на узаконенія всякаго рода, какъ будто забыло, что въ деревняхъ есть также люди, которымъ кромѣ хлѣба и воды, необходимо гражданское существованіе; оно занималось устройствомъ однихъ городовъ; для нихъ оно придумывало ежедневные декреты, публичные должности и

печи; здѣсь за всѣмъ наблюдавъ глазъ его полиціи, всѣмъ руководила его воля. Деревня, напротивъ, была заброшена. Конечно, она ничего не теряла бы отъ этой слишкомъ отеческой заботливости; но не надо забывать, что ея нравственныя и матеріальныя средства были ничтожны; сама по себѣ она не могла ничего предпринять и выполнить. Для малаго ребенка лучше дурная нянька, чѣмъ никакой. Притомъ королевская власть забывала сельскую комуну только тогда, когда нужно было помочь земледѣлю, облегчить нищету, ввести новое право или усовершенствованіе, но она хорошо помнила, когда наступалъ срокъ сбора податей или требовалась надбавка налоговъ. Такъ, во второй половинѣ прошлаго вѣка, французское село, отрѣзанное отъ всѣхъ другихъ сословій, представляетъ явленіе странное. Въ его нѣдрахъ, какъ въ нетронутыхъ золотыхъ розсыпяхъ, лежитъ вся сила народа; оно работаетъ за всю страну, даетъ лучшихъ дѣтей войску, несетъ всю тяжесть государственныхъ расходовъ, страдаетъ за всю Францію, и никто не хочетъ этого видѣть; мирный житель его находится въ положеніи современнаго индѣйскаго райи. Его съ презрѣніемъ называютъ *la canaille, le vilain*, обращаясь съ нимъ немногимъ лучше ручнаго животнаго; многіе вполне убѣждены, что онъ, дѣйствительно, созданъ для страданія и нищеты и не имѣетъ права рассчитывать на лучшее будущее. Религія учитъ его смиренію, а политика молчанію. И онъ дикъ, безграмотенъ, мстителенъ отъ огорченія и скрытенъ отъ недоуверчивости. Все, что выше его, стоитъ къ нему въ положеніи осаждающаго: сеньоръ, его вассаль, сборщикъ податей, церковникъ и всякая инфузорія, отличенная отъ него мундиромъ, требуетъ покорности, работы и денегъ. «Представьте же, говоритъ Токвиль, французскаго земледѣльца XVIII вѣка или, лучше, того же самого, котораго вы видите теперь: онъ остался тѣмъ же; положеніе его измѣнилось, но не характеръ. Посмотрите на него такъ, какъ описываютъ его документы, страстно желающаго имѣть землю, на покупку которой онъ жертвуетъ всѣми сбереженными средствами и покупаетъ ее во что бы то ни стало. Чтобы пріобрѣсть ее, ему, во-первыхъ, надо заплатить право, не

правительству, а другимъ сосѣднимъ собственникамъ, столь же чуждымъ администраціи, какъ и онъ, почти также бессильнымъ, какъ и онъ. Наконецъ онъ приобретаетъ ее; здѣсь онъ закапываетъ сердце вмѣстѣ съ зерномъ. Этотъ клочекъ земли, составляющій его собственность въ этой обширной вселенной, наполняетъ его гордостью и независимостью. Впрочемъ, наступаютъ другіе сосѣди и отрываютъ его отъ поля, заставляя идти работать въ другомъ мѣстѣ безъ вознагражденія. Еслибъ онъ сталъ оберегать свое зерно отъ хищной птицы, они мѣшаютъ ему; тѣ же препятствія ожидаютъ его у рѣки, гдѣ онъ платитъ за право переѣзда. Они, т. е., сосѣди, преслѣдуютъ его на рынкѣ, гдѣ онъ покупаетъ право продавать свое собственное добро, и когда, возвратясь домой, онъ захочетъ употребить для себя остатокъ ржи, той ржи, которая выросла передъ его глазами и его стараніями, онъ не можетъ этого сдѣлать, не обратясь снова къ тѣмъ же лицамъ: онъ долженъ молотъ ее на ихъ мельницахъ, печь въ ихъ печахъ (*Ancien régime*, стр. 71). Что бы онъ ни дѣлалъ, повсюду встрѣчаетъ своихъ безпокойныхъ сосѣдей, нарушающихъ его удовольствіе, стѣсняющихъ его трудъ, поѣдающихъ его произведенія. И когда онъ оканчиваетъ съ ними, другіе, одѣтые въ черное платье, являются къ нему и берутъ лучшую долю его жатвы. Представьте же состояніе нужды, характеръ, страсти этого человѣка и сообразите, если можно, какія сокровища ненависти и зависти накопились въ его сердцѣ» (*L'Ancien Régime*, стр. 46—47).

Теперь спросите, да спросите по совѣсти, возможенъ ли былъ прогрессъ въ этомъ сословіи? Могли ли эти двадцать милліоновъ людей, при настоящихъ условіяхъ, — не говоримъ, подняться нравственно, но обезпечить себѣ матеріальное довольство? Мы уже видѣли, какая поразительная бѣдность сокрушала жизнь этого добраго народа. Намъ остается только прибавить, что послѣ Лудовика XIV въ немъ развился неизлѣчимый пауперизмъ, т. е., та безвыходная среда всевозможныхъ человѣческихъ лишеній, въ которой нѣтъ не только средствъ, но и возможности выйти изъ положенія нищаго. Это ирландское *statu quo*, которое бьетъ парализмъ соціальное развитіе въ самомъ сердцѣ общества. Между

тѣмъ въ высшихъ сферахъ совершалось движеніе; тамъ была умственная дѣятельность, искусства, удобства жизни, доведенныя до утонченной роскоши; тамъ съ каждымъ поколѣніемъ очищался вкусъ, смягчались нравы и прояснялось человѣческое достоинство; тамъ было не меньше пороковъ и злодѣяній, но ихъ обличала гласность или сдерживало приличіе; тамъ были свои суевѣрія, тѣмъ болѣе вредныя, что ихъ поддерживали политическіе расчеты, но имъ противодействовала мысль. Если мы возьмемъ два первые класса парижскаго общества въ концѣ жизни Людовика XV, они стояли по образованію неизмѣримо выше всѣхъ европейскихъ націй. Но деревня осталась въ томъ же состояніи, въ какомъ мы видимъ ее въ X или XIII вѣкѣ. Прогрессъ нисколько не коснулся ея, потому что дальше города онъ не проходилъ, за неизмѣнимъ органическихъ отношеній между селомъ и столицей. Этого мало; вслѣдствіе такого раздвоенія въ народѣ, самая цивилизація обращалась во вредъ ему. Въ одной и меньшей половинѣ его, съ каждымъ годомъ, увеличивалось число паразитовъ, между тѣмъ въ другой число работающихъ рукъ оставалось тоже; тамъ являлись новыя потребности, страсти и вели за собой новыя налоги, а здѣсь производительныя силы по прежнему чахли; когда при Карлѣ VII собиралось поземельной подати до 1,200,000 ливровъ, тогда разрядъ привилегированныхъ лицъ былъ очень невеликъ; а теперь народъ платилъ 80,000,000, и число свободныхъ отъ платежа подати было огромное; сторожъ аббатства, слуга богатаго буржуа, художникъ, ученый и всякаго цвѣта и званія чиновникъ были исключены изъ списка податныхъ состояній. Самая промышленность обходила добромъ сельскаго жителя; она только брала отъ него, но не давала ему. Въ 1716 году внѣшняя торговля Франціи простиралась до 112 милліонъ, и въ 1787 — до 611 милліонъ, т. е., въ семьдесятъ лѣтъ она въ пять разъ прибыла, но общій итогъ бѣдности въ деревняхъ не только не уменьшился, но постепенно увеличивался. Извѣстно, что, по приказанію Шуазёля, хотѣвшаго уничтожить нищенство арестами, было схвачено въ одно время пятьдесятъ тысячъ человѣкъ. Но если образованіе и бросало косвенные лучи въ деревни, лежав-

нія въ окрестностяхъ большихъ городовъ, то фосфориче-
скій свѣтъ его больше блестѣлъ, чѣмъ согрѣвалъ; оно рас-
крывало умъ и сердце только для того, чтобъ глубже чув-
ствовать боль, какъ чувствуетъ ее больной, просыпающійся
отъ хлороформа подъ ножомъ хирурга.

Точно также администрація разъединила интересы дру-
гихъ сословій. Между сеньоромъ и буржуа кромѣ наслед-
ственной антипатіи, прекратились всѣ нравственныя отноше-
нія. Съ унадкою генеральныхъ штатовъ и общимъ разру-
шеніемъ мѣстныхъ независимостей, мѣщанинъ и дворяннъ
болѣе не встрѣчались въ общественной жизни, и чѣмъ необ-
ходимѣй было это сближеніе, тѣмъ они дальше отступали
другъ отъ друга. Ихъ взаимные интересы такъ разлучились,
что не было почти ни одного соціального пункта, на кото-
ромъ бы можно было сойтись имъ. Въ частномъ же быту
они дѣйствовали не только какъ соперники, но и какъ вра-
ги. Поэтому, когда во время революціи эти два сословія со-
шлись на одной, довольно узкой политической аренѣ, они
столкнулись однѣми наболѣвшими ранами и безпощадно раз-
рывали другъ друга. Еще меньше замѣчается единства ме-
жду народомъ и духовенствомъ. Сельскій попъ, по прежнему,
былъ самымъ близкимъ лицомъ къ крестьянину; кромѣ ре-
лигіозныхъ обрядовъ, онъ вліялъ на его судьбу, какъ наста-
вникъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ заступникъ, но, говоря
вообще ни образованіе, ни поведеніе его не внушали къ нему
особеннаго уваженія. Кто помнитъ смерть графа Сэнъ-Поля,
казненнаго Лудовикомъ XI и сцену на эшафотѣ между му-
ченикомъ и его двумя исповѣдниками, когда они оспариваютъ
право на нѣсколько золотыхъ монетъ, оставшихся въ кар-
манѣ умирающаго, тотъ знаетъ въ миниатюрѣ исторію ка-
толическаго монаха. Одна сторона, кажется, могла бы сбли-
зить духовенство съ націей — его филантропическія учре-
жденія, основанныя при монастыряхъ для бѣдныхъ и сиротъ,
но и здѣсь милостыня не совсѣмъ была чиста отъ коры-
стныхъ разчетовъ касты; подъ видомъ дароваго куска хлѣ-
ба часто скрывались черныя замыслы іезуита, вездѣ искав-
наго прозелитовъ. Притомъ высшее духовенство, состояв-
шее, бѣльшей частью, изъ младшихъ сыновей потомственнаго

дворянства, одинаково съ феодальной властью притѣсняло народъ; аббать, епископъ имѣли своихъ рабовъ, требовали отъ нихъ тѣхъ же услугъ и налоговъ, и оставили въ душѣ народа столько же грустныхъ воспомнаній прошлаго. Франція никогда не забывала ни гоненія Абеяра, ни вароогемеевской ночи, ни инквизиціонной палаты Франциска I, ни желѣзныхъ клѣтокъ Бастиліи, ни преслѣдованій свободы совѣсти при Лудовикѣ XIV, и мысли при Лудовикѣ XV. Кресть и мечъ, противоположные по духу, въ политикѣ почти всегда дѣйствовали за-одно. Вслѣдствіе этого между церковью и обществомъ, съ теченіемъ времени, образовался тотъ непримиримый антагонизмъ, который приготовилъ, между прочимъ, эпоху девяностыхъ годовъ.

Въ такомъ видѣ принялъ Францію Лудовикъ XVI. Поставленный, съ одной стороны, въ необходимость прислушиваться энергическихъ желаній общественнаго мнѣнія, съ другой — возвратить довѣріе правительству, разрушенное ошибками его предковъ, онъ приступилъ къ реформамъ. Первымъ дѣломъ его была смѣна стараго министерства, которое онъ не могъ оставить при себѣ, не повредивъ популярности своего имени. Надо замѣтить, что въ составѣ его, съ нѣкотораго времени первое мѣсто принадлежало генераль-контролеру; съ-тѣхъ-поръ, какъ финансовая система сдѣлалась главнымъ предметомъ правительственныхъ заботъ, въ рукахъ министра ея соединились всѣ отрасли администраціи; онъ управлялъ публичными работами, коммерческими и почти всѣми внутренними дѣлами; отъ него зависѣло назначеніе и смѣна интендантовъ, распредѣленіе податей и смѣта государственнаго бюджета. Терзъ, переживъ Людовика XV и заточивъ дю-Бари въ монастырь, все еще надѣялся сохранить портфель; прикинувшись ненавистникомъ стараго порядка и притворно раздѣляя намѣренія молодаго короля, онъ рассчитывалъ найдти въ его личномъ расположеніи опору для продолженія безчестной карьеры; но не было ни одного министра, такъ презираемаго народомъ и рѣдко болѣе гонимая личность занимала государственную постъ, какъ аббать, — случайная креатура Шуазеля. Лудовикъ XVI это зналъ, и потому, не видя особенной надобности противорѣчить об-

шимъ обѣтамъ, оставилъ Терэ, а съ нимъ и всѣхъ другихъ его товарищей. Этотъ день названъ былъ днемъ св. Варооломея министровъ. Едва жители Парижа провѣдали о перемѣнѣ правительства, восторгъ былъ всеобщій. Ночью, подъ арками Сэнъ-Женевьскаго собора, было повѣшено чучело съ изломанными членами и обезображенной фигурой; оно представляло падшаго аббата. Поутру народъ сбѣжался посмотрѣть на зрѣлище, выразившее общее неудовольствіе. Терэ постыжился убраться изъ столицы, но молва повсюду провожала его; когда онъ переправлялся черезъ рѣку въ свое имѣніе Ламоть, жители деревни собрались на берегу и кричали лодочникамъ: «утоните этого м.....» (Вгеззон. стр. 584.)

Между тѣмъ, при дворѣ шли споры относительно организаціи новаго правительства. Здѣсь былъ тотъ же хаосъ и разложеніе, какъ и въ самомъ обществѣ. Марія Антуанета, тайное орудіе Кауница, держалась австрійской партіи; дофинъ и принцы Конде стояли за военныя привилегіи и старый абсолютизмъ Лудовика XV; графъ д'Артуа и его партія — за нововведеніе и философъ; самъ король колебался между крайностями и болѣе слушалъ, чѣмъ дѣлалъ и рѣшалъ. Изъ трехъ кандидатовъ, онъ назначилъ графа Морепа первымъ министромъ, не потому, чтобъ онъ видѣлъ въ немъ какія-нибудь особенныя качества, а потому, что такъ случилось. Въ эту эпоху достаточно было самой невинной интриги, одной удачной фразы, чтобъ поднять или уронить сановника. Впрочемъ и то надо сказать, что государственныя способности были теперь чрезвычайно рѣдки, потому что для нихъ не было ни школы воспитанія, ни сферы дѣятельности. По крайней мѣрѣ выборъ Лудовика XVI никакъ не оправдывалъ его искренней любви къ народу. Морепа былъ лживый острякъ, въ родѣ придворныхъ шутовъ XVI вѣка; онъ любилъ конисывать легкія пѣсенки и за одну изъ нихъ, очень горькую для репутаціи Помпадуръ, былъ загнанъ въ ссылку; онъ зналъ почти всѣхъ поэтовъ наизусть и ради красиваго слова не щадилъ ничего, даже своего собственнаго самолюбія; но онъ вовсе не имѣлъ ни охоты, ни ума управлять государственными дѣлами. Его страстью было

веселое общество, игра въ каламбуры и рассказы анекдотовъ. Отъ этой страсти не излѣчили его ни преклонный возрастъ, ни двадцати-пятилѣтняя ссылка. Ставъ въ головѣ министерства, онъ озаботился окружить себя людьми, безопасными его честолюбію или вліянію; между прочимъ, онъ привелъ съ собой въ совѣтъ Мироминиля, человѣка ничтожнаго, успѣвшаго понравиться графу игрой Криспина въ его замкѣ. Только одинъ министръ является съ душой, талантомъ и высокимъ образованіемъ, достойный лучшихъ дней французской исторіи — это былъ Тюрго.

Назначеніе его сблизило правительство съ общественнымъ мнѣніемъ какъ нельзя лучше. Впродолженіе ста лѣтъ Франція привыкла видѣть въ государственныхъ вождяхъ людей, большей частью, пустыхъ, равнодушныхъ къ народной пользѣ, выдвигаемыхъ на сцену то закулиснымъ покровительствомъ любовницъ, то мелкими расчетами королей. Съ другимъ правомъ и репутаціей представился Тюрго; десятилѣтнее управленіе его Лиможемъ составило ему прекрасное имя; его честность была уважаема даже врагами; его умъ и обширныя экономическія соображенія были извѣстны въ кругу лучшаго парижскаго общества. И за всѣмъ тѣмъ, Тюрго обязанъ былъ назначеніемъ не королю, который, вѣроятно, и не слышалъ о немъ, не Морепу, который вовсе не желалъ имѣть при себѣ соперниковъ, а чистому капризу придворной женщины. Аббатъ Вери, товарищъ Тюрго по Сорбоннѣ, имѣлъ вліяніе на старую ханжу, графиню Морепу. Неизвѣстно, съ какой стороны она знала лучше лиможскаго интенданта, но ея ходатайство рѣшило выборъ новаго генераль-контролера. Впрочемъ, сначала Тюрго былъ опредѣленъ на мѣсто морскаго министра — Гэюйна, т. е., на такое мѣсто, гдѣ онъ всего менѣе могъ быть полезенъ управленію; но Лудовикъ XVI, приблизивъ его къ себѣ и скоро замѣтивъ въ немъ человѣка, о которомъ онъ впоследствии выражался такъ: «только я и Тюрго любимъ народъ,» возвелъ его въ достоинство министра финансовъ, 24-го августа 1774 года. На другой день поднялся биржевой курсъ и громко заговорили о счастливомъ событіи министерства. По этому случаю Вольтеръ, съ его обычнымъ сарказмомъ, писалъ од-

ному изъ друзей своихъ: «Извините меня, гг. парижане, если я скажу вамъ, что вы счастливы.»

Дѣйствительно, Франція была счастлива, потому что передъ ней открывался новый періодъ государственной жизни. Удачное назначеніе правительственнаго лица гораздо важнѣе въ монархическомъ правленіи, чѣмъ въ конституціонномъ или демократическомъ обществѣ; здѣсь его намѣренія и цѣли его вліяніе и личныя убѣжденія подчиняются общимъ принципамъ; онъ служитъ только органомъ той невидимой, но живой силы, которая править ходомъ цѣлаго механизма; если онъ встрѣчается съ противоположнымъ потокомъ мнѣнія, его единичная воля слишкомъ слаба, чтобъ одолѣть его; если же онъ идетъ вслѣдъ за нимъ, его направленіе не мѣшается, а содѣйствуетъ общему движенію. Иное дѣло въ монархіи; тамъ личная воля государственнаго дѣятеля имѣетъ огромное значеніе; онъ не вправѣ имѣть свою политическую вѣру, но его дѣятельность, въ извѣстныхъ границахъ, не стѣняется никакими посторонними препятствіями; ния короля въ его рукахъ можетъ быть всемогущимъ талисманомъ какъ добра, такъ и зла; если положеніе его всегда шаткое, то съ другой стороны и отвѣтственность его сравнительно ничтожная. «Намъ такъ легко, говорилъ Талейранъ за себя и за свою партію, ставить и рѣшать народныя вопросы, что, кромѣ собственной совѣсти и будущаго страшнаго суда, некого бояться; къ сожалѣнію, совѣсть — дѣло привычки, а въ страшномъ судѣ многіе сомнѣваются.» Тюрго совершенно понималъ трудность новаго назначенія; онъ принималъ его съ горячими вѣрованіями, строго-опредѣленной цѣлью и съ рѣшимостью Гамлета: «to be or not to be»; онъ зналъ, что его ожидаетъ тѣма враговъ, и ни одного искренняго покровителя; онъ предвидѣлъ, что ему предстоитъ борьба не только съ предрасудками тѣхъ, противъ кого онъ направитъ реформу, но и тѣхъ, за кого онъ будетъ дѣйствовать; онъ былъ увѣренъ и отчасти уже испыталъ, что нельзя «чистить болота не потревоживъ лягушекъ.» Поэтому, вступая въ должность, онъ говорилъ Лудовику XVI, что вполне полагается на него, не какъ на короля, а какъ на человѣка добраго и честнаго. Выслушавъ отъ него въ Компьенѣ свое

назначеніе, онъ немедленно написалъ ему письмо, на которомъ еще чувствуется трепетъ сердца и волненіе крови благороднаго министра. Изъ этого письма видно, на что обрекалъ себя Тюрго ради народнаго блага. «Я знаю, выражался онъ, что мнѣ придется воевать съ злоупотребленіями великаго рода, съ упорствомъ тѣхъ людей, которымъ эти злоупотребленія выгодны; бороться съ множествомъ предразсудковъ, враждебныхъ всякой попыткѣ къ прогрессу, и служить цѣлью вѣчной интригѣ людей, находящихъ пользу въ застоѣ. Этого мало; мнѣ придется бороться съ естественной добротой, съ вашимъ личнымъ благородствомъ, государь, и съ тѣми лицами, которыя вамъ всего дороже. Меня будетъ бояться, ненавидѣть большая часть двора, всѣ тѣ, кто ищетъ вашихъ милостей; меня обвинятъ во всѣхъ отказахъ, представятъ человѣкомъ грубымъ, потому что я стану убѣждать монарха, что онъ не долженъ обогащать даже тѣхъ, кого онъ любитъ, — обогащать на счетъ народнаго состоянія. И этотъ народъ, которому я приношу себя въ жертву, такъ легко поддается обману, что, можетъ быть, я сдѣлаюсь предметомъ его озлобленія, — за тѣ же самыя мѣры, которыя я предприиму для облегченія его. Меня покроютъ клеветой»... Рѣдко французскіе короли имѣли счастье читать такія строки отъ своихъ министровъ, рѣдко государственные люди выражались такъ откровенно, подходя къ престолу. Въ томъ же письмѣ Тюрго представилъ программу своей дѣятельности; онъ изложилъ ее въ трехъ словахъ: нѣтъ больше банкротства; нѣтъ больше надбавки податей; нѣтъ болѣе займовъ. Чтобъ осуществить эти три пункта, продолжаетъ онъ, есть одно средство — сократить расходы ниже доходовъ, такъ чтобъ сберечь въ экономіи десятка два милліоновъ и погасить ими старыя долги. Безъ этого первый ударъ пухляки заставитъ государство обанкротиться... Надо, государь, вооружить васъ противъ доброты вашей же собственной добротой; подумайте, откуда течетъ къ вамъ то золото, которое вы раздаете куртизанамъ, и сравните бѣдность тѣхъ, у кого отнимаютъ его жесточайшими притѣсненіями съ положеніемъ тѣхъ, кого вы награждаете. Можно надѣяться, съ помощію улучшенія земледѣлія, уничтоженія злоупотребленій въ вси-

наніи податей и болѣе правомѣрной раскладки налоговъ, значительно помочь народу, не многимъ уменьшивъ государственный бюджетъ... Счастье вашего царствования, внутреннее спокойствіе, высшее уваженіе, благо народа и вашего семейства — преимущественно зависятъ отъ экономіи.» (*Economistes au XVIII siècle*, т. 8, стр. 167).

Такой планъ предназначталъ Тюрго, и онъ остался ему вѣренъ до конца своего служенія. Между его убѣжденіемъ и дѣломъ вообще не было разногласія; въ этомъ случаѣ, скорѣе можно обвинять его въ слишкомъ строгой выдержанности, чѣмъ въ лицемеріи или непостоянствѣ. Достигая предполагаемой цѣли, въ справедливости которой онъ не сомнѣвался, Тюрго часто забывалъ, что онъ работалъ на зыбкой практической почвѣ, что его теорія прилагалась прямо къ человѣческой кожѣ. Разумѣется, истина ничего не прощывала; напротивъ, нравственный характеръ ея тѣмъ болѣе возвышался, чѣмъ прямѣй и энергичнѣй поступалъ благонамѣренный министр. Въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ онъ могъ бы оказать Франціи огромныя услуги; но теперь самое благородство его обратилось во вредъ ему. Не обращая вниманія ни на лица, ни на матеріальную силу своихъ враговъ, онъ слишкомъ рѣзко отдѣлился отъ ихъ стана и тѣмъ ослабилъ самого себя. Какъ человѣкъ, съ понятіями выше своей эпохи, онъ легко могъ воспользоваться чужимъ орудіемъ для собственной побѣды: но для этого нужно было менѣе стойкости за систему и больше примѣняемости къ живому міру. Впрочемъ, мы не можемъ согласиться съ тѣми, кто считаетъ Тюрго фанатикомъ своей идеи, которой онъ будто пожертвовалъ всѣми *практическими результатами*. Замѣчено выше, что онъ, какъ мыслитель, отличался самымъ спокойнымъ темпераментомъ; рѣдко разностороннія силы души дѣйствуютъ такъ согласно, какъ онѣ дѣйствовали въ немъ; мысль сама по себѣ никогда не затемняла его мозга, не волновала его страстей, но результаты ея, въ высшей степени, занимали его; онъ хотѣлъ видѣть осуществленіе ихъ какъ можно скорѣй, и потому не столько разсчитывалъ на средства, сколько на самое окончаніе задуманнаго дѣла. Въ этомъ вся ошибка его государ-

ственной карьеры. За всѣмъ тѣмъ практическіе результаты его реформъ были очень важныя; реакція уничтожила ихъ фактическую сторону, но не нравственную; его протестъ не остался безъ послѣдствій, его примѣръ увлекъ за собой множество поборниковъ той же мысли и труда; умирая, онъ видѣлъ, что Франція скоро должна выйти на путь экономическихъ преобразованій, начатыхъ имъ, — къ сожалѣнію, выйти не мирнымъ прогрессомъ, а радикальнымъ переломомъ въ цѣломъ обществѣ.

Въ первые дни управленія онъ пользовался безграничною довѣренностью короля. Послѣ Морепа, потѣшавшаго Лудовика XVI сентиментальными анекдотами, между властителемъ и его подданными главнымъ посредникомъ былъ Тюрго. Его совѣты уважались; его вліяніе чувствовалось повсюду. Есть основаніе думать, что по его внушенію король отказался отъ пышнаго коронаванія, и самъ Тюрго роздалъ бѣднымъ триста тысячъ франковъ, обыкновенно подносимыхъ генеральной фермой вновь-назначенному министру; онъ предложилъ Лудовику XVI выпустить изъ торжественной клятвы, произносимой при вѣнчаніи, слѣдующее выраженіе: «d'exterminer les hérétiques» и измѣнить фразу «de ne jamais faire grâce aux duellistes.» Духовенство и Морепа успѣли увѣрить безхарактернаго монарха, что генераль-контролеръ злоумышляетъ противъ религій и тамъ, гдѣ собственно нѣтъ никакой религій, легко принимается всякій фантомъ за дѣйствительную опасность... Наконецъ онъ былъ изъ числа первыхъ противниковъ возстановленія уничтоженнаго парламента. Что бы ни говорили о значеніи этого учрежденія, но оно постоянно было на сторонѣ преданія и тиранніи; отъ Ришельё и до Шуазёля оно систематически мѣшало своимъ *velo* всѣмъ новымъ идеямъ, и если не оказало ни одной дѣйствительной услуги престолу, то непрерывно вредило народу. Тюрго понималъ, что парламентъ, какъ привилегированная каста, особенно будетъ противостоять его реформамъ, и онъ не ошибся. Едва Лудовикъ XVI отпраздновалъ его возобновленіе въ Парижѣ, 12-го ноября 1774 года, какъ онъ оскорбилъ общественное мнѣніе гордостью и оппозиціей новому прогрессу. «Вы увидите, государь, говорилъ Тюрго, что

онъ свяжетъ вамъ руки тогда, когда ихъ надо развязать не только вамъ, но и народу.» По крайней мѣрѣ, министръ финансовъ старался ослабить его вліяніе не только во мнѣніи короля, но и общества. Лудовикъ XVI, успокоивая Тюрго, увѣрялъ его: «не бойтесь, я поддержу васъ.» За всѣмъ тѣмъ туча враговъ тѣмъ больше густѣла, чѣмъ шире развивался планъ его реформы. Морена угадалъ въ немъ своего соперника, особенно опаснаго тѣмъ, что молодой министръ заслонилъ своей репутаціей кой-какую популярность восьмидесяти-лѣтняго балагура; товарищи не любили его, потому что онъ нарушалъ ихъ спокойное бездѣлье и рѣдко обращался къ нимъ за совѣтами; дворянство ненавидѣло его за то, что онъ затронулъ ихъ привилегіи; парламентъ противорѣчилъ ему по привычкѣ, потому что благоденствіе Франціи, по его мнѣнію, состояло въ томъ, чтобъ она навсегда осталась въ томъ же видѣ, какъ была при Карлѣ Великомъ или Лудовикѣ Святомъ. Самая школа физіократовъ разошлась съ нимъ, потому что онъ не во всемъ соглашался съ ней, и не хотѣлъ вносить духа партіи въ общенародное дѣло; «искать истину, говорилъ онъ имъ, стадомъ не ходятъ.» Подъ конецъ, самъ король пересталъ вѣрить Тюрго и боялся за его нововведенія. Только одинъ изъ его друзей и сотрудниковъ во всемъ сочувствовалъ ему; это былъ Малесербъ, котораго благородный голосъ не умолкалъ даже при Лудовикѣ XV, когда онъ былъ первымъ президентомъ откупной палаты (*de la cour des aides*); но Малесербъ, не видя возможности продолжать поприще честнаго правителя, и усталый отъ ссылки и постоянной борьбы съ злоупотребленіями, оставилъ министерство. За тѣмъ Тюрго былъ одинъ въ совѣтѣ, гдѣ съ каждымъ днемъ положеніе его становилась труднѣй и минута паденія приближалась.

Теперь мы взглянемъ на самый ходъ и содержаніе его реформы. Первымъ актомъ министерской дѣятельности Тюрго было освобожденіе внутренней торговли отъ монополя и разныхъ полицейскихъ узъ. Съ этой цѣлью, 1774 года 18 сентября былъ изданъ эдиктъ, которымъ призывались всѣ классы, безъ всякаго различія и привилегій, къ участию въ коммерціи, провинціи были открыты взаимнымъ сообще-

нiямъ и произволъ частныхъ компанiй, составлявлявшихъ корпорацiи, былъ замѣненъ общественной конкуренцiей. Только въ этой свободѣ Тюрго видѣлъ самое вѣрное средство возстановить возможно-лучшее равенство въ цѣнахъ на хлѣбъ и предупредить періодическiй голодъ Францiи. «Чѣмъ свобода обмѣна, говорятъ онъ, будетъ оживленнѣй и обширнѣй, тѣмъ обезпеченiе народнаго продовольствiя будетъ скорѣй, дѣйствительнѣй и обильнѣй». Обращаясь къ прежней запретительной системѣ, онъ приписываетъ ей все зло, — недостатокъ пропитанiя въ одномъ округѣ и избытокъ его въ другомъ, разъединенiе производителя съ потребителемъ, истощенiе богатыхъ почвъ и повсемѣстную нищету страны; онъ доказываетъ, что правительство никогда не можетъ предусмотрѣть индивидуальныхъ желанiй и цѣлей такъ хорошо, какъ ихъ предусматриваетъ и опредѣляетъ самое общество; дороговизна цѣнъ, возвышаемыхъ произволомъ купца и страхомъ народа, опасющагося воображаемыхъ нуждъ, по его мнѣнiю зависятъ не столько отъ неурожаевъ и недостатка производительности, сколько отъ злоупотребленiя самой торговли. «Тогда правители, продолжаетъ министръ, вводимые въ заблужденiе безпокойствомъ, увеличивающимъ тревогу народа, предаются ужаснымъ обыскамъ въ домахъ гражданъ, позволяютъ себѣ оскорблять право собственности, свободы, чести торговаго и земледѣльческаго сословiя, и всѣхъ тѣхъ, кого они подозрѣваютъ въ укрывательствѣ зерна». Оттого коммерцiя слабѣетъ, колеблется и, теряя довѣрiе въ глазахъ нацiи, больше и больше исчезаетъ. Терроръ достигаетъ апогея; дороговизна безмѣрно увеличивается, и затѣмъ всѣ средства правительства прекращаются». Тонъ этого эдикта, какъ и всѣхъ другихъ, выходявшихъ изъ-подъ пера Тюрго, отличается яснымъ и наставительнымъ изложенiемъ предмета; онъ не просто рѣшаетъ вопросъ, не силой королевскаго слова, а разъясняетъ его и убѣждаетъ, во имя разума. Вообще, генералъ-контролеръ считалъ необходимымъ раскрывать народу нечлѣпость старыхъ узаконенiй, закрѣпленныхъ временемъ и предразсудками. «До-тѣхъ-поръ, замѣтилъ онъ Людовику XVI, пока эти правила останутся въ темнотѣ, народъ не перестанетъ кричать, какъ это было во многихъ и многихъ

случаяхъ, что они *младъ мудрости нашихъ отцовъ, просвѣщенныя опытомъ.*

Послѣ этого эдикта, въ началѣ ноября, явился новый, относительно торговли хлѣбомъ въ Парижѣ и окрестностяхъ его. Извѣстно, что здѣсь, около полутора вѣка, существовала самая строгая запретительная система. Превотъ и городскіе старосты составляли компанію, которая снабжала столицу хлѣбомъ, на правахъ отвратительнаго монополя; кромѣ ея, никто изъ частныхъ лицъ не могъ выставить на рынкѣ съѣстные припасы, если только она не продавала на то особеннаго права, никто не могъ сберегать зерна въ житницахъ, сверхъ опредѣленнаго количества, и цѣнность произведеній, сбываемыхъ только на одномъ мѣстѣ, опредѣлялась по усмотрѣнію самой компаніи. Притомъ покупатель подвергался, на каждомъ шагу, надзору полиціи; онъ не могъ ни взвѣсить, ни перенести, ни уложить своего товара, безъ исполненія той или другой формальности. Чиновникъ преслѣдовалъ его повсюду и, разумѣется, не безъ выгоды для собственнаго кармана. Тюрго рѣшился разорвать и эту плотину. Онъ объявилъ полную и безграничную свободу обмѣна; каждый могъ запасаться зерновыми произведеніями, сколько было угодно; каждый могъ торговать, гдѣ хотѣлъ; норма цѣнъ зависѣла отъ доброй воли купца и потребителя; наконецъ онъ уничтожилъ всѣ полицейскія формы и распустилъ вовсе ненужныхъ чиновниковъ. Эта реформа какъ мы увидимъ впоследствии, вооружила противъ него не только парламентъ, но и всѣ привилегированныя сословія; полиція, богатое купечество и все что спокойно ѣло народъ, возстало противъ преобразователя. Но Тюрго не остановился. 22 апрѣля онъ отмѣнилъ пошлины съ хлѣбной промышленности въ четырехъ многолюдныхъ городахъ, потомъ открылъ свободу винной торговли и принялъ подъ особенное покровительство всѣхъ негоціантовъ, которые займутся ввозомъ иностраннаго зерна во Францію; чтобъ облегчить способы существованія и доступъ труда бѣдному классу, онъ организовалъ публичныя работы во многихъ провинціяхъ, и особенно тамъ, гдѣ бѣдность чувствовалась сильнѣй; далѣе, онъ уничтожилъ внутренній таможенный тарифъ на хлѣбъ, привозимый въ пре-

дѣлы Бордо сухимъ или водянымъ путемъ, и вслѣдъ затѣмъ распространилъ это право на всѣ главные города. Благодѣтельныя послѣдствія реформы такъ были очевидны, что многие округа, которыхъ она не коснулась, сами просили о введеніи ея. Наконецъ въ іюнѣ 1775 года упала послѣдняя преграда свободной торговлѣ; компанія купцовъ въ Руанѣ, состоявшая изъ 112 человекъ, присвоила себѣ, подобно нарижской, исключительное право продовольствовать хлѣбомъ жителей города. Съ тѣмъ вмѣстѣ въ ея распоряженіи было пять мельницъ, на которыхъ каждый обязанъ былъ молотъ свою муку, съ платежемъ извѣстной пошлины. Хищность этихъ монополистовъ была такъ велика, что дороговизна хлѣба въ Руанѣ почти постоянно была вдвое выше сравнительно съ Орлеаномъ или Дижономъ; негодованіе народа иногда прорывалось открытыми бунтами, но полиція, подкупаемая компаніей, поддерживала спокойствіе штыкомъ, и это злоупотребленіе продолжалось около ста лѣтъ. Тюрго положилъ ему конецъ навсегда. Такимъ образомъ, не болѣе какъ въ годъ, онъ совершилъ то, чего, послѣ Кольбера, не могли сдѣлать преемники его въ продолженіе ста лѣтъ. Конечно, корни зла еще оставались; но экономическая идея, такъ блистательно провозглашенная во Франціи, въ первый разъ на пути ея исторической жизни, принесла свой плодъ. Общественное мнѣніе, чуждое пристрастія въ этой реформѣ, убѣдилось въ ея несомнѣнной пользѣ; оно увидѣло, что свобода обмѣна есть величайшій двигатель народнаго богатства. Закоренѣлые предрасудки запретительной системы, выгодные только единицамъ и вредные мплліонамъ, слишкомъ ясно разоблачили свою нелѣпость, чтобъ снова возродиться въ умахъ народа. Это главное дѣло въ преобразованіяхъ. Всякій застои дѣлается невозможнымъ, насильственнымъ съ того момента, когда его несправедливость чувствуетъ общественное мнѣніе; онъ можетъ быть протянутъ или сохраненъ людьми, подобными бездушному Морепа, но не надолго. Матеріальная сила должна вѣсить во сто разъ больше противъ нравственной, чтобъ вырвать у нея побѣду.

Рядомъ съ свободой торговли Тюрго создавалъ другую социальную свободу; онъ эмансипировалъ человѣческой трудъ,

сравнивая его права между отдельными состояниями и освобождая от корпораций. Здѣсь предстояло ему еще больше усилий и борьбы. Свобода торговли была уже вопросом поставленнымъ прежде; она давалась по-временамъ въ видѣ исключенія, и слѣдовательно была известна обществу; ея оковы, потрясенныя рукой Кольбера, постепенно ослабѣвали, и когда рука Тюрго окончательно разорвала ихъ, они упали безъ особеннаго шума. Напротивъ, свобода ремесленного труда никогда не представлялась уму государственнаго чело-вѣка; со временъ Генриха III, она болѣе и болѣе ограничивалась, и никто не подалъ голоса въ защиту ея. При-томъ, тамъ реформа касалась одного купеческаго сословія, а здѣсь она отнимала привилегіи не только у средняго клас-са, но и высшаго. Сеньоры и духовенство должны были от-казаться отъ нѣкоторыхъ правъ въ пользу народа. Тюрго началъ съ уничтоженія *Cogvées* *) (подорожныхъ повинно-стей). Еще въ Лиможѣ онъ задумалъ этотъ планъ, и вы-полнилъ его въ своей провинціи; теперь онъ рѣшился при-жѣнить его къ цѣлой Франціи. Мы ужъ замѣтили, что это былъ самый обременительный и ненавистный налогъ для на-рода; онъ падалъ на самые бѣдные ряды земледѣльцевъ, тѣмъ несправедливѣе, что они менѣе другихъ пользовались выгодами хорошихъ путей сообщенія. Тюрго разсматривалъ его именно съ этой точки. Въ эдиктѣ отъ 1776 года, фе-враля (?), онъ объясняетъ подробно, почему дороги Франціи находятся въ жалкомъ состояніи, и почему этотъ трудъ са-мый неблагоприятный изъ трудовъ націи. «Человѣкъ, говоритъ онъ между прочимъ, работающій по неволѣ и безъ вознагражденія, работаетъ нехотя и небрежно. Съ тѣмъ вмѣстѣ трудъ его не спорится и дурно выполняется. Рабочіе часто должны являться на мѣсто назначенія за три мили и столько же пройти, чтобъ возвратиться домой; очевидно, они те-

*) *Cogvées*, собственно, были оброчныя работы, налагаемыя сеньорами на колонистовъ. Государство наследовало ихъ отъ феодальной власти. Сюда относились различныя отрасли поденнаго труда, какъ, напримѣръ, перевозка военной провизіи, доставка матеріаловъ для постройки крѣпостей и самая постройка ихъ. Но устройство и поправка дорогъ была постоянной и самой тягостной работой.

ряютъ много времени попусту. Частыя отлучки, трудность опредѣлять и раздать работу, предпринимаемую множествомъ лицъ, случайно собранныхъ, также губятъ много времени. Поэтому этотъ трудъ стоитъ государству и народу втрое дороже, чѣмъ онъ стоилъ бы, переведенный на деньги.» Но перевести на деньги и обложить новымъ налогомъ народъ, не было никакой физической возможности. Тюрго перевелъ его на поземельныхъ собственниковъ. Такъ какъ изъ этой категоріи не исключались ни сеньоры, ни духовныя лица, то онъ встрѣтилъ общую оппозицію. Парламентъ не хотѣлъ скрѣпить эдикта и публично возражалъ ему. Онъ не посоветился сказать въ открытомъ засѣданіи, что «народъ облагается податями и оброками произвольно;» онъ боялся за то, что «этотъ налогъ смѣшаетъ дворянство — твердую опору престола — и духовенство — святаго служителя олтаря — съ народомъ; онъ, не блѣднѣя говорилъ, что «трудъ земледѣльца и ремесленника есть господское право (*droit domanial*).» На эти пошлые софизмы Тюрго отвѣчалъ, что «право труда есть личное право каждаго человѣка; что же до крѣпкой опоры престола, то счастье двадцати милліоновъ подданныхъ еще крѣпче.» Не смотря на противорѣчіе парламента и общее неудовольствіе привилегированныхъ людей, эдиктъ получилъ силу. Совѣтъ, не опредѣливъ суммы налога, предоставилъ себѣ право назначать его каждый годъ для каждой провинціи, распредѣляя между поземельными владѣльцами. (*Econom. au XVIII s. т. 89. см. Administration.*)

Наконецъ, 12-го марта 1776 года, вышелъ знаменитый и лучший эдиктъ Тюрго объ уничтоженіи ремесленныхъ корпорацій. Въ предисловіи министръ ставитъ вопросъ рѣшительно и ясно. «Богъ, давъ человѣку нужды, въ то же время положилъ источникъ труда необходимымъ; онъ образовалъ изъ права трудиться собственность каждаго, и эта собственность есть первое, самое святое и непремѣнное изъ правъ.» Такое понятіе, конечно, было новымъ для многихъ, когда парламентскіе чиновники называли трудъ господской привилегіей. Корпораціи закричали, что *неблагодѣтельный* Тюрго покушается на собственность; они утверждали, что искусство и ремесло могутъ процвѣтать только благодаря

деху. На это онъ отвѣчалъ имъ такъ: «мы отиѣняемъ эти произвольныя учрежденія, потому что они не позволяютъ бѣдняку жить своимъ трудомъ; они исключаютъ женскій полъ*), которому слабость дала много нуждъ и мало средствъ, обрекая его неизбѣжный бѣдности и тѣмъ увеличивая соблазнъ и развратъ; они гасятъ соревнованіе въ промышленности и дѣлаютъ бесплодными таланты тѣхъ, кого не принимаетъ въ свою среду корпорація; они лишаютъ ремесла образованія, закрывая двери иностранцамъ; они замедляютъ прогрессъ искусствъ, посредствомъ множества затрудненій, встрѣчаемыхъ изобрѣтателями, у которыхъ цехи оспариваютъ права на открытія, не сдѣланныя ими самими.» За всѣмъ тѣмъ парламентъ не хотѣлъ утвердить эдикта; Тюрго обратился къ абсолютному рѣшенію короля, и реформа осуществилась. Но придворная партія, руководимая Морена, изъ которой многіе участвовали въ выгодахъ парижскихъ корпорацій, не хотѣла болѣе простить Тюрго; она выжидала перваго случая, чтобъ низвергнуть его, и въ этомъ успѣла. Не желая, впрочемъ, раздражать умы, министръ опредѣлялъ вознагражденіе; хотя далеко неполное, за потерю уничтоженныхъ привилегій. Самое же исполненіе эдикта онъ раздѣлялъ на два періода: въ первый и немедленно онъ распустилъ столичныхъ ремесленниковъ, прекратилъ всѣ процессы между отдѣльными цехами и открылъ мастерскую свободной конкуренціи обоимъ половъ и всѣхъ жителей Франціи. Что же касается до провинціальныхъ корпорацій, отиѣна ихъ послѣдовала послѣ. Изъ нихъ только три учрежденія, съ которыми соединялась общественная безопасность, — книгопечатаніе, мастерство золотыхъ дѣлъ и фармація остались на прежнемъ основаніи, впредь до преобразования ихъ на другихъ началахъ. Послѣдній ударъ нанесенъ былъ этому чудовищному произведенію среднихъ вѣковъ въ 1790 году. (См. Esopont. au XVIII s. т. 9. Administration).

Такъ, безъ потрясенія и крови, совершилась величайшая реформа, благодаря уму и твердой волѣ мыслителя-министра.

*) Женщины не допускались въ корпораціи даже для такихъ работъ, какъ, напримѣръ, шитье и вышиванье, которыя особенно свойственны имъ.

Рабство отъ привилегій и рабство отъ монополя — какъ двѣ неразлучныя формы полнѣйшаго угнетенія народовъ — если не были разрушены вполне, то, по крайней мѣрѣ, потеряли прежній варварскій характеръ. Свобода обмѣна и труда, безъ которой нѣтъ никакой соціальной свободы, были предвѣстниками новой жизни для Франціи; Тюрго признавалъ неравенство состояній, какъ историческій фактъ, но онъ отвергалъ его въ теоріи. Отсюда вытекала его горячая ненависть къ полицейски-торговымъ стѣсненіямъ, къ привилегированнымъ компаніямъ и къ порабощенію труда цеховымъ монополямъ. Всѣ гражданскіе его акты, всѣ частныя дѣйствія проникнуты однимъ правиломъ, выраженнымъ Гурне въ двухъ словахъ: «laisser-faire, laisser-passer». Онъ хотѣлъ дать Франціи то, за что она заплатила, въ продолженіе послѣднихъ семидесяти лѣтъ, ужасными страданіями; среди гражданскихъ смутъ и политическихъ волненій, никогда не терялся изъ виду одинъ капитальный вопросъ — свобода труда. И что особенно странно, когда мы пишемъ эти строки, передъ нами лежитъ программа Наполеона III, въ которой онъ признаетъ необходимость свободнаго обмѣна и ослабленія запретительной системы. «Съ давнихъ поръ, говоритъ онъ, провозглашаютъ истину, что для процвѣтанія торговли надо увеличивать средства обмѣна; что безъ конкуренціи промышленность находится въ застоѣ и поддерживаетъ дороговизну цѣнъ, мѣшающую прогрессу потребленія; что безъ промышленности, развивающей капиталы, самое земледѣліе остается въ младенческомъ состояніи. Такъ все связывается въ неразрывную цѣпь въ постепенномъ развитіи элементовъ народнаго довольства». (Lettre au ministre d'état. 1860. 5 января). Въ этомъ нѣтъ ничего новаго, но здѣсь говоритъ за свободу труда человекъ, который еще такъ недавно ограничивалъ ее.... Слѣдовательно логика событій становится неотразимой даже для той власти, которая и не хотѣла бы признать ее. Начало солидарности въ международныхъ и общественныхъ отношеніяхъ, съ каждымъ днемъ, принимаетъ болѣе очевидный характеръ; всѣ начинаютъ убѣждаться, что въ этомъ огромномъ мірѣ, раздѣленномъ географическими и соціальными границами, въ этой вѣчной борьбѣ

націй, состояній и страстей, въ этомъ безконечномъ лабиринтѣ частныхъ интересовъ, желаній и цѣлей, есть внутренній законъ гармоніи и связи; мы не видимъ его, но онъ управляетъ судьбами народовъ! По этому закону, все дѣйствуетъ взаимно и все вмѣстѣ другъ на друга. Если страдаетъ Неаполь, съ нимъ страдаетъ и все остальное человечество; если житель Константинополя или Пеккина бѣденъ и невѣжественъ, эта бѣдность и невѣжество вредитъ не ему одному, а всѣмъ обществамъ на землѣ. Мы не чувствуемъ этихъ соотношеній, какъ не чувствуемъ во время заразы, что воздухъ вдыхаемый нами, прошелъ черезъ другія больныя легкія и убиваетъ здоровый органъ, потому, что онъ дышетъ одной атмосферой съ зараженнымъ. Такъ, нѣтъ ни одной песчинки, которая бы не соединялась съ общимъ устройствомъ вселенной. Если мы желаемъ вражды, гнета и бѣдности другимъ народамъ, то мы готовимъ ихъ и самимъ себѣ. То же самое явленіе происходитъ въ отдѣльныхъ обществахъ: счастье каждаго сословія есть непремѣнное условіе общественнаго блага; напрасно мы стали бы искать его въ антагонизмѣ отдѣльныхъ членовъ; какая бы ни была боль моего ближняго, она, непремѣнно, отзывается на мнѣ и на всѣхъ, какъ боль ноги или пальца чувствуется во всемъ тѣлѣ. Надо быть очень короткимъ на умъ, чтобъ не понимать этой истины.

Основной идеей Тюрго было примиреніе различныхъ классовъ Франціи. Онъ хотѣлъ выдѣлить народу, какъ можно больше, мѣстной независимости. Его политическое воззрѣніе ясно раскрывается изъ мемуара: О муниципальных правахъ (*sur les municipalités*), представленнаго Лудовику XVI въ 1775 году. Изъ этого проекта видно, что Тюрго считалъ централизацію и положеніе комуны главнымъ препятствіемъ будущаго прогресса; чтобъ дать странѣ единство и направить ея разорванныя части къ одной цѣли, онъ прежде хотѣлъ удалить междусословныя разграниченія, образовавшія въ одномъ обществѣ нѣсколько особенныхъ обществъ, едва похожихъ другъ на друга. Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ этого единства онъ считалъ народное воспитаніе. Какъ ученикъ Кенэ, который говорилъ, что «деспотизмъ невозмо-

женъ тамъ, гдѣ народъ просвѣщенъ», онъ полагалъ найти въ образованіи не разрѣшеніе всѣхъ соціальныхъ проблемъ, какъ нѣкоторые думаютъ, а единственно-лучшее ручательство за умѣнье народа управлять собой. Разумѣется, и до него было кой-какое воспитаніе во Франціи, но односторонность его болѣе вредила, чѣмъ помогала обществу. Единственнымъ учителемъ сельской школы, тамъ гдѣ онѣ существовали, былъ пасторъ, и единственной книгой, — католическій катехизисъ. Что общаго могло быть между мертвой буквой религіи, преподаваемой болѣе по долгу, чѣмъ по совѣсти и желанію, и притомъ толкуемой въ одномъ мѣстѣ такъ, въ другомъ — иначе, и вездѣ въ видахъ нравственнаго квіетизма? Тюрго поднималъ задачу выше. «Первая связь націй, пишетъ онъ, — нравы; первая основа нравовъ — юношеское образованіе относительно человѣческихъ обязанностей въ обществѣ... Странно, продолжаетъ онъ, что есть школы для воспитанія математиковъ, художниковъ, но нѣтъ школы для воспитанія гражданъ.» Поэтому онъ совѣтуетъ королю соединить академіи, университеты, коллегіи и училища подъ однимъ свѣтскимъ авторитетомъ «Совѣта народнаго просвѣщенія» и дать образованію самый широкій планъ. «Въ десять лѣтъ, говорилъ онъ Лудовику XVI, не узнаете своей націи». Относительно внутренняго управленія деревни, онъ предлагалъ замѣнить королевскихъ чиновниковъ выборами мѣстныхъ властей. Впрочемъ, дѣятельность ихъ Тюрго ограничивалъ однимъ внѣшнимъ вліяніемъ, дѣйствительное же участіе въ дѣлахъ онъ предоставлялъ муниципальнымъ сходкамъ. На этихъ сходкахъ допускалась всеобщая подача голосовъ, основанная на правѣ собственности; каждый могъ совѣщаться и рѣшать дѣла своего округа, если ежегодный доходъ его съ земли равнялся 600 ливрамъ. Собственники же, болѣе бѣдные, могли представлять за себя депутатовъ, такъ что два лица, имѣвшія только по 300 ливровъ, избирали за себя одного представителя. Но на какомъ же основаніи Тюрго исключилъ пролетарія изъ своей конституціи? При невѣжествѣ и бѣдности народа, онъ боялся подкуповъ и малодушія въ народныхъ совѣтахъ. И въ этомъ случаѣ онъ былъ правъ. Только при такомъ коммунальномъ устрой-

ствѣ онъ надѣялся поднять нравственное и матеріальное состояніе земледѣльца; — сблизить ихъ взаимные интересы, развить духъ предпріимчивости и агрпкультурный трудъ. Не исключая изъ совѣтовъ ни дворянства, ни духовенства, онъ, однакожь, допускалъ ихъ только въ томъ случаѣ, когда они владѣли поземельной собственностью. Притомъ, онъ видѣлъ одно важное препятствіе — естественное разногласіе и въ выгодахъ и въ голосахъ двухъ сословій, призванныхъ разсуждать объ общихъ вопросахъ, но раздѣленныхъ привилегіями. Потому, онъ предполагалъ сравнять подати и налоги между всѣми классами, возможно-справедливѣй, такъ, чтобъ каждый платилъ столько, насколько онъ пользовался выгодами соціального положенія; онъ не разъ представлялъ на видъ королю злоупотребленія духовной касты, которая была уволена отъ всѣхъ податей; правда, она отдавала государству свой добровольный даръ (*don gratuit*), но съ большими ограниченіями и рѣдко безъ протеста; между тѣмъ въ рукахъ ея было множество земель, людей и независимыхъ учрежденій. Перенести подать на поземельные доходы и распредѣлить ее по-ровну между всѣми гражданами — въ этомъ состояла вся финансовая система Тюрго. За муниципальными совѣтами, онъ предполагалъ устроить провинціальныя, съ той же инициативой и на тѣхъ же началахъ, и потомъ соединить ихъ въ королевскомъ совѣтѣ посредствомъ собранія депутатовъ. Неизвѣстно, или, лучше, не ясно высказано имъ, какъ далеко могла простираться королевская власть въ этомъ политическомъ организмѣ. Неизвѣстно и то, какъ былъ принятъ мемуаръ Лудовикомъ XVI, но большая часть его впоследствии осуществилась. Одной ошибки не избѣжалъ Тюрго въ своемъ планѣ—увлеченія системой физиократовъ; давая обширную степень вліянія землевладѣльцамъ, онъ почти не считалъ гражданами другихъ собственниковъ; хозяинъ дома, фабрики или мастерской, конечно, имѣетъ такое же право разсуждать и представлять свои интересы, какъ и владѣлецъ земли, между тѣмъ Тюрго ставилъ ихъ въ одной категоріи съ пролетаріемъ. Здѣсь гражданская несправедливость не замедлила бы обратиться въ политическій монополю. Очевидно, преобладающей его мыслью было улучшение земледѣлія и облегченіе

самого бѣднаго сословія, но въ общихъ государственныхъ воззрѣніяхъ всякая односторонность ведетъ къ печальному результату.

Впрочемъ, подробности этой идеи Тюрго общалъ развить внослѣдствіи. Вѣроятно, предлагая ее королю, онъ напередъ хотѣлъ знать, какъ она примется, и потомъ дополнить и заключить ее. Во всякомъ случаѣ, историческое значеніе ея имѣетъ для насъ цѣну; изъ этого мемуара ясно, что Франціи, какъ стараго, такъ и новаго времени, не достаетъ индивидуальной силы, то есть, той способности къ самоуправленію, которой такъ богата англо-саксонская порода.

Кромѣ актовъ государственной дѣятельности, Тюрго оставилъ потомству много сочиненій. Самое замѣчательное изъ нихъ: «*Réflexions sur la formation et la distribution des richesses*». (Размышленіе объ образованіи и распредѣленіи богатствъ.) Оно было первымъ сводомъ экономическихъ понятій XVIII вѣка; оно появилось за десять лѣтъ до книги Смита, и, конечно, лежало подъ рукой шотландскаго социалиста, когда онъ писалъ свой безсмертный трудъ. Въ общихъ воззрѣніяхъ они совершенно сходятся. Тюрго и Смитъ одинаково горячо защищаютъ свободу труда и обмѣна, но они не согласны въ опредѣленіи производительныхъ силъ народа. У перваго — земля и разработка ея составляетъ главный и единственный источникъ народнаго богатства; у втораго — трудъ; первый не допускалъ косвенныхъ налоговъ, а второй, увлекаясь духомъ англійской аристократіи, возвелъ ихъ въ экономическій законъ.

Едва Тюрго началъ осуществлять реформу, какъ Лудовикъ XVI лишаетъ его государственнаго поста. Трудно сказать, на сколько былъ искрененъ въ этомъ случаѣ несчастный король — искренность достойна нѣкотораго извиненія — но ошибка его была самая грубая. Главнымъ орудіемъ въ паденіи геніальнаго министра былъ Морепа. Тюрго совершенно точно предсказалъ, что его возненавидитъ придворная партія; такъ это и было. Она ловила каждый удобный случай, чтобъ повредить ему. Когда, послѣ объявленія эдикта о свободной торговлѣ хлѣбомъ, вспыхнулъ мятежъ въ Па-

рижѣ, нельзя сомнѣваться, что въ этомъ возмущеніи тайными пружинами были парламентъ, принцъ Конти, префектъ Лепуаръ и всѣ барышники города. Дѣло кончилось безъ послѣдствій, но его растолковали королю такъ, что виновникомъ оказался Тюрго; этого мало; Вержень и Сартинь выпустили подозрѣніе, будто онъ былъ подкупленъ Англіей. Съ этой поры положеніе его дѣлается шаткимъ; онъ рѣдко видитъ Лудовика XVI, неловко чувствуетъ себя въ совѣтѣ, но рѣшается продолжать министерство до-тѣхъ-поръ, пока ему прикажутъ выйти. Враги его долго не могли найти основательнаго предлога, и, вѣроятно, никогда не нашли бы, еслибъ Морепа не рѣшился на подлую клевету; онъ изобрѣлъ подложныя письма, въ которыхъ, будто бы Тюрго рѣзко и неприлично отзывался о Лудовикѣ XVI. Эти письма были показаны королю и онъ, обманутый, не хотѣлъ лично объясниться съ человѣкомъ, оставившимъ лучшую страницу въ его исторіи. 12-го мая 1776 года Тюрго принялъ отставку. «Версаль и парижскіе салоны, говоритъ Деръ, забричали отъ радости, какъ только пронеслось извѣстіе о паденіи друга общаго добра. Наконецъ заключенъ былъ миръ съ партіей монополя и привилегій; при дворѣ съ безстыдствомъ рукоплескали, и торжественно поздравляли другъ друга на улицахъ и гуляньяхъ. Только небольшой кругъ образованныхъ людей трепеталъ за будущее, и перо Вольтера, выражая ихъ общее чувство, возразило противъ низверженія Тюрго.» (*Économistes au XVIII siècle*, т. 8, стр. 114—115.)

Съ паденіемъ его немедленно началась реакція. Преемникъ Тюрго, Клюньи, старался разрушить все, что было сдѣлано его предшественникомъ. Черезъ три мѣсяца королевскій декретъ возобновилъ, въ одномъ Парижѣ, шесть купеческихъ корпорацій и сорокъ четыре ремесленныхъ цеха; изъ столицы духъ монополя быстро распространился по всей Франціи; черезъ годъ, Ліонъ открылъ сорокъ одну корпорацію, и девяносто пять другихъ городовъ — по двадцати въ каждомъ. Завсѣмъ тѣмъ Тюрго слишкомъ далеко ступилъ впередъ, чтобъ можно было возвратиться къ прежнему времени; многія злоупотребленія навсегда исчезли, цехи сливались по два и по три въ одну компанію, и законодатель,

желая согласить рутину съ новыми требованіями, обратилъ половинную свободу въ смѣшное положеніе, не имѣвшее ни силы, ни смысла. Посвятивъ послѣдніе дни жизни уединенію и спокойнымъ кабинетнымъ занятіямъ, Тюрго съ душевнымъ прискорбіемъ смотрѣлъ на возрастающую бурю кругомъ престола; онъ умеръ за восемь лѣтъ (въ 1781 году) до открытія національнаго собранія. Лудовикъ XVI долженъ былъ вспомнить слова честнаго министра, который нѣкогда сказалъ ему: «Государь, вамъ не останется другаго выбора — между мускетомъ Карла IX или эшафотомъ Карла I». Когда новые преобразователи коснулись свободы труда и обшѣна, имя Тюрго явилось въ блистательномъ свѣтѣ. Депутатъ Диларъ, говоря съ народной трибуны, выразился о немъ такъ: «Покрытые пылью вѣковъ, эти злоупотребленія продолжали гибельное дѣйствіе до того самого времени, когда представился Тюрго. Онъ просвѣтилъ короля на-минуту, и въ эту минуту злоупотребленія прекратились. Они скоро снова возникли; время еще не созрѣло для принятія идеи министра-философа. Декретъ совѣта уничтожилъ планъ одного изъ прекраснѣйшихъ плановъ, какими только могло гордиться царствованіе Лудовика XVI....» (Цит. Levasseur. Hist. des classes ouvrières, т. II, стр. 415).

Г. БЛАГОСВѢТЛОВЪ.

Парижъ. 20-го января 1860 года.

ИСТОРИЯ ИСЛАМА.

II.

Обзоръ Востока въ религіозномъ отношеніи, предъ появленіемъ Мохаммеда ¹⁾.

I.

Всякая реформа есть исходъ кризиса болѣзни въ организмѣ сословія или народа; дальнѣйшая ся судьба зависитъ отъ искусства медика и отъ поведенія и воздержанія пациента; малѣйшая ошибка и неосторожность могутъ вести къ другимъ болѣзнямъ, иногда совершенно пагубнымъ. Сѣмена отравы часто сѣются невидимою рукою коварства и злобы: умы заболѣваютъ, чувства раздражаются и бессознательное увлеченіе, — эта опасная горячка, — ведетъ болѣзнь къ счастливому или неблагополучному кризису. Тутъ проявляется борьба жизни съ смертью — и искусный въ наукѣ или въ счастьи медикъ уноситъ вѣнецъ славы.

1) Въ обзорѣни Востока въ религіозномъ и нравственномъ отношеніи мы должны на время углубиться очень далеко: разсмотрѣть бѣгло вѣроисповѣданія древняго Востока, его философію, реформы въ ученіяхъ, ихъ результаты, а потомъ изъ всего этого вывести вліяніе ихъ на появленіе въ обществѣ христіанскомъ многихъ сектъ, на порчу человѣческихъ нравовъ до появленія Мохаммеда. О язычникахъ мы будемъ говорить лишь мимоходомъ. Ихъ вліяніе на арабскаго законодателя было весьма незначительное, этнографическое, что, впрочемъ, войдетъ въ составъ нашего сочиненія, при самомъ его жизнеописаніи.

Свѣтъ предвѣчной истины, чрезъ призмы откровенія, искони освѣщаетъ мрачный міръ нашъ разноцвѣтными лучами *единою* слова; но *зло*, противопоставивъ свои скривали, всегда пользовалось его слабыми отраженіями и маняло смертныхъ къ этимъ расходящимся и исчезающимъ отблескамъ. Моисеевъ законъ, въ которомъ хранились лучи истины, озарявшіе слова и дѣла боговдохновенныхъ людей, указывалъ на грядущаго спасителя міра, Мессію, въ которомъ должны были сосредоточиваться скопляющіеся въ одну точку лучи обѣтованій правосуднаго Бога. Этотъ Мессія сдѣлался «соблазномъ» для ожидавшихъ его и «безуміемъ» для язычниковъ. Зло выставяло свои призраки, направляло къ нимъ глаза ожиданія людей; — и до-сихъ-поръ *язычный* и *книжный* ²⁾ міръ ждетъ себѣ Спасителя.

Истина, помраченная въ самомъ началѣ, еще въ первую эпоху развитія человѣческаго, могла удержаться лишь за немногими избранниками, неотступно согрѣвающимся ся благотворными лучами. Плоть взяла верхъ надъ духомъ юнаго міра и страсти *однихъ* отвлекли *многихъ* отъ ихъ предназначенія. Разрисовалось язычество соблазнами неправды; утвердилось безбожіе во многихъ формахъ; лишь Израиль, тѣсный массой увлеченныхъ, хранилъ обѣтованіе потомству.

Рядомъ съ моисеевымъ закономъ шли двѣ главныя формы богопочитанія, буддизмъ и магізмъ. Изъ соплетенія основъ того и другаго съ философіею Востока показывались и раскинулись по разнымъ направленіямъ разныя исповѣданія языческія; явились въ Индіи, Китаѣ, Персіи, Египтѣ и Халдеѣ разныя мудрствованія. Аравія, Сирія и Еоіонія не спаслись отъ ихъ вліянія, вездѣ господствовали вѣтви буддизма; во многихъ странахъ господствовала магія; повсюду распространилось поклоненіе таинственнымъ предметамъ видимой природы или «священному огню».

Когда вѣроисповѣданіе, какое бы то ни было, съ одной стороны обуяютъ суевѣріе и предразсудки, а съ другой гнетутъ его злоупотребленія небрежныхъ или коварныхъ славолюбцевъ, во имя религіи дѣйствующихъ въ пользу своихъ

2) Т. е., евреи и даже мусульмане; одни ждутъ Мессію, другіе *Месдіа*.

интересовъ, — конечно, изъ этого проистекають пагубные результаты — и является реформа. Древняя религія персовъ до появленія Зороастра была въ сильномъ упадкѣ отъ этихъ двухъ причинъ; браминны въ Индіи, жрецы въ Иранѣ довели проповѣдуемыя ими исповѣданія до постыднаго положенія. Будда Гаутама явился въ Индіи какъ управитель міра, четвертымъ воплощеніемъ Будды; въ Персіи явился Зороастръ. Этотъ послѣдній своею философіею нѣсколько очистилъ религію древнихъ отъ угнетавшихъ человѣчество суевѣрій и предрасудковъ. Говорять, около 80,000 браминновъ возстали противъ него, но не могли сдѣлать никакой преграды усиліямъ его ученія. Его философія, съ своими новыми идеями, распространилась въ Персіи, Халдеѣ, Сиріи, малой Азіи, Египтѣ и Индіи. На пути своемъ, смѣшиваясь съ другими дотошъ существовавшими системами, она породила множество особыхъ сектъ. Полтеизмъ развился до неимовѣрной степени повсюду, начиная съ Индіи, Китая, Египта, черезъ малую Азію, Грецію до жилищъ кельтовъ. Въ одной Греціи, по сказанію поэта Гезіода ³⁾, считалось до 30,000 боговъ и полубоговъ.

Философія древняго міра не только недостаточна была для самоуказательнаго достиженія истины, но, напротивъ, нѣкоторые изъ мудрецовъ его усилили размноженіе числа сектъ политеистовъ и огнепоклонниковъ. Восточная философія въ этомъ отношеніи была пагубнѣе своими результатами чѣмъ *греческая*. О подробностяхъ первой мы знаемъ очень мало. Намъ остается только сожалѣть, что греки, передавшіе потомству элементы прежняго просвѣщенія, въ-особенности познакомившіе насъ съ исторіею древней философіи, не брали на себя труда указать на разныя системы филосо-

3) Этого біотійскаго поэта относили къ весьма отдаленнымъ временамъ, къ IX столѣтію до Р. Х., т. е., его считали почти современникомъ Гомера; Зороастра же — къ VI-му столѣтію до Р. Х.; но дальнѣйшими изслѣдованіями теперь признано, что Зороастръ жилъ гораздо прежде, по крайней мѣрѣ за тысячу лѣтъ до Рождества Христова, а Гезіодъ дѣясти лѣтъ послѣ Зороастра. Въ Греціи политеизмъ существовалъ и умножался независимо отъ ученія Зороастра, чему много содѣйствовали разныя секты собственно греческой философіи.

фин Востока, которыя господствовали внѣ Греціи, когда процвѣтали греческія школы и секты. Но, рассматривая различныя древнія секты и ихъ ученія, сколько онѣ отражаются въ дошедшихъ до насъ документахъ, мы видимъ, что системы этой философіи образовались позже, подъ вліяніемъ греческихъ. По учрежденіи александрійскихъ школъ греческіе и восточные философы имѣли между собою и тайныя и явныя сношенія; позже, когда въ царствованіе Птолемея Фисконъ, александрійскіе философы разсѣялись и отъ преслѣдованія бѣжали въ Азію, сношенія ихъ съ восточными философами стали тѣснѣе и чаще. Потому-то мы и встрѣчаемъ иногда въ философіи послѣднихъ платоническія начала, и на оборотъ, смѣсь восточныхъ школъ у грековъ.

Начало гностиковъ приписываютъ даже временамъ гораздо отдаленнѣйшимъ, чѣмъ періодъ первыхъ христіанскихъ расколовъ, когда ихъ ученіе развивалось въ Сиріи. Думаютъ, что въ тѣ времена, когда еще александрійскіе платоническіе философы посѣщали Востокъ ⁴⁾, нѣкоторые туземные занимствовали у нихъ греческое названіе *гностикъ*, чтобы тѣмъ выразить свою претензію на лучшее и *болѣе ясное* знаніе божества, чѣмъ другіе философы ⁵⁾. Стало-быть гностическія секты между христіанами должны были занимствовать мудрость въ мистицизмѣ ⁶⁾ у этихъ первыхъ гностиковъ.

Греческая философія хотя была запятнана атеизмомъ, помрачена ученіемъ *эпикурейцевъ* и *академиковъ*, но постепенное ея развитіе, основанное на началахъ близкихъ къ истинѣ, дало ей превосходство и отличіе; нѣкоторые ея прин-

4) Подъ Востокомъ и Азіею разумѣются здѣсь тѣ части Азій и Востока, гдѣ господствовало ученіе такъ-называемыхъ восточныхъ философовъ, т. е., персидскихъ и халдейскихъ, въ противоположность *греческимъ*.

5) Willam Jone's History of the christian chorche the fausth, edit. 1819, VI, p. 58.

6) Василиидъ александрійскій, еретикъ-гностикъ 1—2 столѣтій, напримеръ, давалъ большое значеніе числу 365, изъ котораго онъ составлялъ даже и талисманъ (*Abgasas*); утверждалъ, что столько же находится *мебесъ*, наполненныхъ разумомъ различныхъ степеней и что нашъ міръ сотворенъ послѣднимъ изъ этихъ разумовъ; что въ человѣкѣ *два души* (этимъ онъ объяснялъ борьбу ума съ страстями); вѣрилъ переселенію душъ (*metempsychosis*).

ципы перешли даже въ Азію и вся она цѣликомъ была принята всѣми тѣми римлянами, которые подвизались на поприщѣ знанія и мудрости. Платоново ученіе между другими блистало и тогда, когда господствовало стоическое, начиная со времени знаменитаго аѳинскаго посольства (155 до Р. X). Хотя его управленіе демоновъ судьбою міра и ограниченіе понятій о божествѣ, лишеннаго атрибутовъ безконечности, безмѣрности, вездѣсущности, всевѣдѣнія, всемогущества, составляютъ большіе недостатки платонической системы философин, но его ученіе о божествѣ, какъ о верховномъ, высочайшемъ управителѣ вселенной, какъ о высочайшемъ разумѣ и могуществѣ, вовсе изолированномъ отъ физическаго міра⁷⁾; его ученіе о душѣ, истекающей изъ сего первобытнаго источника, а потому и безсмертной, — поддержали всю славу древней философіи и дѣйствовали постоянно въ пользу религиозныхъ чувствъ народа.

Конечно, въ философіи Востока, или собственно въ древней восточной философіи хотя мы не видимъ никакой идеалистической, чѣмъ она отличается отъ греческой, но нравственный результатъ послѣдней даетъ ей первое мѣсто въ скрижаляхъ исторіи міра. Хотя говорятъ, что философія Зороастра и будизмъ клонялись къ тому, чтобы ослабить власть жрецовъ, направляющихъ всю слабую сторону народа, его суевѣріе, его предрасудки къ своему лишь интересу, но, сравнивая власть духовныхъ сподвижниковъ народнои религіи въ Египтѣ, Персіи, Халдеѣ и Сиріи съ греческими, мы находимъ поразительныя различія. Когда послѣдователи Зороастра и Будды и Магіи старались единственно о томъ, чтобы сѣтью мистицизма и другихъ обманчивыхъ мудростей очаровать народъ и держать его въ цѣпяхъ невѣжества и обмана, греческіе мудрецы, и даже скептики, боясь, чтобы

7) Т. е., совершенно противоположно ученію стоиковъ, которые думали какъ мистики Востока, даже какъ школа *тариката*, что Богъ оживляетъ всякую часть міра своимъ присутствіемъ; проникаетъ все, даже и огонь. Это ученіе ближе могло заинтересовать агонизмъ людей и много способствовало къ поддержанію мнѳологіи, но разрушало всѣ религиозныя чувства въ своихъ послѣдователяхъ (Klippel, *comm. exhibens doctrinae stoicorum etc.*, 1828, p. 8).

ихъ ученіе не повредило и не ослабило мѣстнаго народнаго вѣрованія, на которое смотрѣли какъ на поддержку государства, — старались объ ограниченіи своего вліянія на людей неприготовленныхъ къ ихъ ученію и даже употребляли мѣры къ поддержанію мѣстной религіи (Cicero de leg. 11, 7). *Сцевола*, проконсулъ азіійскій, въ исходѣ перваго столѣтія, до Р. Х., желалъ утвердить господствовавшую тогда вѣру, уже болѣе или менѣе потерпѣвшую отъ философіи и міеологіи, совершеннымъ ея очищеніемъ отъ того и другаго; немного позже (50 л. до Р. Х.) *Терентій Варронъ* придерживался этой мысли, стараясь приготовить для предполагаемаго преобразования новое основаніе изъ стоическаго ученія (Augustin de civit. Dei IV, 27; ibidum VI, 2). Такая противоположность доказываетъ: а) сильное вліяніе греческихъ и римскихъ философовъ тогдашняго времени на умы народа, или, другими словами, значительную степень развитія просвѣщенія страны; б) необузданную власть жрецовъ и мистиковъ Востока въ народѣ, или, другими словами, незавидное положеніе просвѣщенія въ массѣ народа въ Египтѣ, Сиріи и Персіи. Это еще лучше можно видѣть, когда мы обратимъ вниманіе на вѣротерпимость у грековъ и римлянъ, сравнительно съ Востокомъ.

Вообще политеисты, слѣдуя основному ученію своихъ исповѣданій, допускали вѣротерпимость. «Сами боги, — думали они, — устроили во всякомъ государствѣ особыя формы богослуженія; почему разныя исповѣданія многобожниковъ терпѣли другъ друга, лишь бы всякое ученіе по принадлежности ограничивалось только кругомъ его исповѣдующихъ. То же было и у грековъ и римлянъ. Они смотрѣли предосудительно только на случаи, когда кто-нибудь изъ одного исповѣданія старался ввести въ другое чужихъ боговъ, чужіе обряды и форму богослуженія, что считалось вреднымъ наравнѣ съ введеніемъ въ религію предразсудковъ, пагубныхъ для интересовъ общества (Hartung 1, 249). Отъ такого положенія вѣротерпимости, какъ видно, возникло зло въ разныхъ слояхъ общества, въ-особенности, когда римляне расширили свои владѣнія и покорили разноплеменные народы, неодинаковые съ ними въ исповѣданіи религіи. Это,

вѣроятно, было поводомъ къ воспослѣдованію закона *sacra peregrina*, который и повторялся нѣсколько разъ (Livius XXXIX, c. 8. 28. Valerius Maximus, 1. 3).

Изъ приведеннаго видно, къ чему могло вести положеніе философіи и религій народовъ, между которыми впоследствии постепенно распространялось христіанское ученіе; каковы могли быть успѣхи его подъ вліяніемъ греческой философіи, между греками и римлянами, и какую участь оно должно было терпѣть на Востокѣ или въ Азіи, подъ вліяніемъ восточной мистической философіи. Здѣсь намъ нельзя не обратиться на время къ состоянію евреевъ, суемудріе которыхъ также имѣло пагубное послѣдствіе на судьбу христіанства и приготовляло матеріалы для ученія Мохаммеда въ грядущихъ столѣтіяхъ.

Когда, съ позволенія Кира, евреи ушли обратно въ свое отечество, еще многіе изъ нихъ оставались въ Вавилонѣ. Размножаясь тамъ годъ-отъ-году (Jos. Ant. XV. 3—1), они постепенно подавались оттуда въ разныя страны Востока. Почти за сто лѣтъ до Р. Х. мы видимъ евреевъ въ Аравіи, гдѣ ихъ ученіе было такъ распространено, что сами хитъ-яридскіе государи этой страны приняли его. Затѣмъ оно дошло до древняго Курдистана, гдѣ государь *адіабенскій*, именемъ *Изатесъ* (въ 45 г. до Р. Х.) также обратился въ іудейскую вѣру (Jos. Ant. XX, 2). Александръ и Птоломей Лаго переселяли евреевъ въ Египетъ, Киренъ и Ливію, такъ что во всѣхъ этихъ мѣстахъ, говорятъ, было около 1,000,000 евреевъ (Jos. de B. 1, 11, 36; Jos. Ant. XII, 2, 4; Philo in Flacc, p. 971). Въ Александріи $\frac{2}{3}$ народонаселенія были евреи (тамъ же, Philo p. 973). Однимъ словомъ, годъ за годъ, евреи размножились въ Сиріи, Фригій, Лидіи, наводнили всю малую Азію и вошли въ Грецію. *Libertini* ⁸⁾ были евреи, освобожденные отъ плѣна въ Римѣ, которые послѣ получили дозволеніе отъ Юлія Цезаря открыть тамъ синагогу (Jos. Ant. XIV, 10—8) и скоро послѣ они заняли большую часть го-

8) Первые евреи съ своимъ царемъ Антигономъ были привезены въ Римъ Помпеемъ. По полученіи ими свободы они были названы либертинами, т. е., свободными, или *вольными*.

рода за Тибромъ (Philo, de legat. at Cai. p. 1014. Tacit. ann. 1185; Jos. Ant. XIV, 10, 8; Philo L. c.). По словамъ Страбона (XIV, с. 2), около появленія Спасителя, трудно было найти какую нибудь страну, въ цѣлой римской имперіи, гдѣ бы не было евреевъ (см. также Philo legat. at Cai. p. 1031).

Строгая привязанность евреевъ къ своимъ законамъ и преданіямъ отдѣляла ихъ отъ всякаго общенія съ окружающими ихъ народами и вѣроисповѣданіями; они ненавидѣли всѣхъ и въ свою очередь были ненавистны всѣмъ. Однакожъ вѣротерпимость у римлянъ имъ доставляла права и привилегіи больше даже чѣмъ они могли ожидать (Jos. Ant. XIV, 10, 2; XIX, 5, 3).

Съ другой стороны мы видимъ, что евреи успѣли найти себѣ сочувствіе между язычниками. Понятія евреевъ о Богѣ, о Его величіи, всемогуществѣ, не могли не обратить на себя вниманія и не удивить многобожниковъ: имя Іеговы было священо между многими язычниками, ознакомившимися съ юдаизмомъ. Еслибы не трудны были обряды евреевъ, то, конечно, число прозелитовъ ихъ умножалось бы ежегодно. *Обрѣзаніе* всегда у нихъ было камнемъ преткновенія, какъ мы видимъ это также изъ событій временъ апостольскихъ (Посланіе апостола Павла къ Галатамъ, 11, 9, 12 и далѣе V, 6, 11, VI—15); почему число прозелитовъ юдаизма изъ язычниковъ, какъ видно, всегда было болѣе изъ *женщинъ* (Joseph de B. J. 11, 20, 2, 18, 2—Aut. XVIII, 3, 5; Дѣяніе Апостоловъ XIII, 50; XVII—4).

Гиллельская школа, къ которой принадлежалъ и *Гамалиель*, учитель апостола Павла (Дѣяніе Апостоловъ XXII—3), слѣдующаго смыслу закона (Исходъ, XX—10; Второзаконія V—14; Левитъ XVII, 8 съ слѣдующими), допускала, что *«привратные»* прозелиты ⁹⁾ имѣютъ удѣлъ въ царствіи *Мессіи*, что отвергала шамаійская школа, ссылаясь, какъ та, такъ и другая,

9) Язычники, предавшіеся юдаизму, были двухъ категорій: прозелиты *«правдные»*, которые совершенно подчинялись законамъ моисеевымъ и даже обрѣзанію. О таковыхъ говоритъ *Tacitus*, hist., V, 5; — прозелиты *«привратные»* (выраженіе *«привратные»* или *«обитающіе притлець»* взято изъ книги Моисея, *Исходъ* XX, 10), которые признавали Іегову, служили Ему, но не подвергали себя трудностямъ закона, въ особенности обрѣзанію.

на смыслъ 18 стиха 9-го псалма ¹⁰⁾. Какъ гиллельская школа имѣла перевѣсъ надъ другой, такъ что во всѣхъ почти спорныхъ пунктахъ въ толкованіи Ветхаго Завета равнины до-сихъ-поръ слѣдуютъ ея мнѣнію (см. Othonis lexicon rabbin, p. 243. Roeth, p. 129), то прозелиты не теряли надежды на обѣщанное благо и числомъ значительно увеличивались каждагодно. Они, не отставая отъ язычества, исполняли еврейскіе обряды, соблюдали ихъ праздники и вѣрили ихъ предразсудкамъ. Чтобы пользоваться суевѣріемъ таковыхъ, нашлись изъ самихъ евреевъ *заклинатели*, которые ходили и ѣздили съ мѣста на мѣсто и обирали ихъ во имя святыни религіи; примѣры такіе мы находимъ и въ первыхъ порахъ христіанства (Дѣянія Апостоловъ. гл. XIX, ст. 13, 16).

II.

Заглянемъ на время въ положеніе самихъ іудеевъ.

Предъ появленіемъ Спасителя, въ Палестинѣ господствовали двѣ системы вѣроисповѣданія: іудейская и самарянская. Послѣдователи каждой изъ нихъ были непримиримые враги исповѣдниковъ другой, и это обстоятельство было не мало-важно въ ряду несчастій, постигшихъ еврейскій народъ въ исторіи его древней жизни. Ученіе самарянскаго исповѣданія тогдашняго времени въ подробности и съ настоящей точки зрѣнія намъ неизвѣстно; ибо все, что передано о ней потомству передано по диктовкѣ іудейскихъ раввиновъ, которыхъ нельзя не подозрѣвать въ пристрастіи. Мы знаемъ однакожь: 1) что окончательный переходъ самарянъ отъ идолопоклонства къ моисееву закону былъ въ V-мъ столѣтіи до Р. Х.

10) Смыслъ этого стиха состоитъ въ слѣдующемъ: ...ибо нуждающійся не всегда будетъ забыть; ожиданіе бѣднаго (не) навсегда погибнетъ (т. е. не навсегда тщетно). Во второй половинѣ стиха въ еврейскомъ текстѣ отрицательной частицы «не» не находится (потому мы поставили ее въ переводѣ въ скобкахъ). Филологи говорятъ, что это отрицаніе понятно пзъ предъидущаго, т. е., отрицаніе въ словахъ «не всегда будетъ забыто» распрстраняется и на слѣдующую половину стиха. Видно, шамаійская школа подъ словомъ «бѣднаго» разумѣла прозелитовъ *привратныхъ*, т. е., причисляла ихъ къ «бѣднымъ» въ *дмлатъ* и принимала фразу не въ отрицательномъ смыслѣ.

Робинсонъ, въ своихъ изслѣдованіяхъ церковной исторіи (Ecclesiastical Researches p. 27) говоритъ, что у Іуды первосвященника іерусалимскаго былъ сынъ по имени Манассій; онъ женился на дочери Санбалета, самарянскаго губернатора (со стороны персидскаго государя). За такой противозаконный поступокъ Манассій былъ изгнанъ губернаторомъ іерусалимскимъ Негеміею. Изгнанникъ, съ однимъ спискомъ Пятикнижія Моисеева, прибылъ къ самарянамъ, поселился между ними и ревностно занимался обращеніемъ ихъ отъ идолопоклонства къ истинному Богу. Въ этомъ онъ успѣлъ такъ, что всѣ самаряне безвозвратно отреклись отъ язычества. На горѣ *Горазинъ* былъ выстроенъ Санбалетомъ храмъ, съ разрѣшенія Дарія Охуса (или Ноуса), и въ этомъ храмѣ Манассій впервые отправлялъ богослуженіе по закону моисееву, въ качествѣ первосвященника. Отсюда вышло Самарянское Пятикнижіе, — прибавляетъ Робинсонъ, — въ древнемъ еникійскомъ письмѣ, которое утвердило іудейское; отсюда вышелъ и греческій списокъ Пятикнижія для употребленія эллинскими самарянами, жившими въ другихъ странахъ, преимущественно александрійскими ¹¹⁾.

2) Что самаряне не были свѣдуши въ познаніи Бога и святыхъ Его; они не признавали ничего, кромѣ Пятикнижія Моисеева. Невѣжество ихъ Спаситель выразилъ въ бесѣдѣ своей съ самарянкою (Евангаліе отъ Іоанна, IV—22).

3) Что самаряне ожидали Мессію съ великою надеждою, будучи увѣрены, что онъ будетъ духовнымъ ихъ учителемъ и наставитъ народъ на истинный путь и изъяснитъ ему все, чего онъ не зналъ (тамъ же, ст. 25).

11) Самарянское Пятикнижіе, по словамъ изслѣдователей богословія древнихъ, во многомъ было измѣнено. Храмъ, выстроенный на горѣ *Горазинъ*, они считали единственнымъ священнымъ мѣстомъ богослуженія; іерусалимскаго храма не признавали, и въ Второзаконіи, гл. XXVII, ст. 4 (и будетъ, егда преидете Іорданъ, да поставите каменіе сіе, яже азъ повелѣваю вамъ днесь въ горѣ Геваль и побѣлиши ихъ мѣломъ) слово Геваль измѣнили въ *Горазинъ*, чтобы придать храму божественное значеніе (Ges. de Pent. Sam., p. 61). Вообще разногласіе самарянскаго Пятикнижія съ іудейскимъ впоследствии было въ числѣ причинъ, по которымъ Мохаммедъ упрекалъ евреевъ въ «искаженіи» закона моисеева, — какъ о томъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

4) Что самаряне стояли выше іудеевъ въ одномъ, — это въ точкѣ зрѣнія, съ которой они смотрѣли на грядущаго Мессію. Не смотря на ясныя описанія книгъ пророческихъ, *исповѣдующихъ* іудеями о Мессіи, жидаы, увлекаемые предразсудками, лишенные духовнаго созерцанія, думали, что грядущій Спаситель будетъ герой своего времени, — завоеватель, — изъ дома іудеева, что онъ спасетъ народъ израильскій отъ рабства язычниковъ и утвердитъ миръ между ними, и проч. и проч. Но самаряне, какъ выражалась даже простая женщина (тамъ же), не смотря на то, что отвергали книги пророческія, въ которыхъ обѣтованіе Бога Аврааму изложено яснѣе и понятнѣе, слѣдовательно менѣе іудеевъ заслуживали бы упрека въ этомъ отношеніи, имѣли лучшее понятіе объ ожидаемомъ Спасителѣ.

Самаряне, какъ жители Палестины, подвергались всѣмъ тѣмъ же несчастіямъ, которыя отягощали судьбу іудеевъ. Во внутреннемъ своемъ быту однакожь они не имѣли того разногласія, которое образовали *секты* между іудеями, и потому мы не знаемъ, существовали ли между ними различныя ученія, равносильныя іудейскимъ; напримѣръ, фарисейскимъ, саддукейскимъ и прочимъ; но въ первомъ столѣтіи по Р. Х. мы видимъ попытки трехъ самозванцевъ, которые одинъ за другимъ предлагали новыя ученія: 1) *Досифей* (въ первомъ столѣтіи Р. Х.), выдававшій себя за пророка, обѣщаннаго во Второзаконіи, гл. XVIII, ст. 18. Въ чемъ состояло его ученіе, навѣрное неизвѣстно. Ему ошибочно иные приписываютъ разныя особенныя ученія, которыя давно были у самарянъ, а именно тѣ, которыя введены въ Самарію священникомъ, назначеннымъ туда ассирійскимъ государемъ Сеннахеримомъ (712—707 до Р. Х.) послѣ ея разоренія (четвертая книга царствъ XVII—27—28); ибо преданія іудейскія называютъ этого священника раввинъ *Досаи*, — стало быть ошибка только въ ссылкѣ. Все, что отъ Досифеева ученія намъ извѣстно — это особенная строгость къ соблюденію *саббата*, которою, впрочемъ, самаряне всегда отличались отъ евреевъ.

2) *Симонъ магъ*, о которомъ будемъ говорить ниже. Онъ былъ знатокомъ того времени, своимъ волхвованіемъ изу-

млялъ народъ самарянскій и успѣлъ приобрѣсть себѣ прозелитовъ даже въ Римѣ. Онъ также называлъ себя сыномъ Божиимъ, Мессією, посланнымъ къ самарянамъ. Говоря строго, его ученіе нельзя назвать самарянскою сектою.

3) *Менандръ*, ученикъ Симона, тѣмъ же путемъ волхвованія открывшій свое ученіе въ Самаріи, а потомъ въ Антиохіи, съ обѣщаніемъ небеснаго царства принимающимъ крещеніе во имя его, какъ во имя истиннаго Мессіи и что принявшіе крещеніе во имя его не узрятъ смерти (Fleury, т. 1, р. 9). Но такое лживое обѣщаніе не принесло ему успѣха и обманъ его обнаружился вскорѣ.

Всѣ эти такъ-называемыя секты мало-по-малу исчезли, но передавали свое этнографическое вліяніе другимъ, образовавшимся въ IV, V и VII столѣтіяхъ ложнымъ ученіямъ.

Что касается до іудеевъ, то первоначальное ученіе ихъ подвергалось многимъ измѣненіямъ. Во время появленія Спасителя оно было лишено много своей чистоты, своего первоначальнаго превосходства; причиною тому были, — какъ и всегда, — дурные толки, дурное направленіе, происходившее изъ иныхъ началъ, несродныхъ съ духомъ истиннаго ученія Ветхаго Завѣта. Тутъ были причины и себялюбія людей, ихъ страсти и вліянія сношеній евреевъ съ окружающимъ ихъ міромъ, вліянія этнографическое и географическое. Восточная философія, мистицизмъ и волхвованіе также были не безъ вліянія на нихъ. Изъ многихъ сектъ и ученій іудейскихъ самыя извѣстныя, имѣвшія значеніе во времена Спасителя и перваго вѣка христіанства, были: *фарисейское*, *саддукейское*, о которыхъ мы имѣемъ указанія въ Новомъ Завѣтѣ, и *іессейское*, о которомъ мы читаемъ у Іосифа Филона и у другихъ современныхъ тогда писателей.

Какъ въ этихъ сектахъ и въ ихъ ученіяхъ мы встрѣчаемъ много сходнаго съ мусульманскими, то считаемъ нужнымъ сдѣлать краткое обозрѣніе ихъ въ цѣломъ составѣ еврейскаго народа.

Сущность іудейской религіи, на какихъ началахъ истины она укрѣплена и на какомъ основаніи она построена боговдохновенными пророками, — можно видѣть изъ Ветхаго

Завѣта. Но до какой степени іудеи отстали отъ направленія этой истины, какъ они исказили выраженія своихъ надеждъ, смыслъ обѣтованій, — тоже можно видѣть изъ синагогическаго ихъ ученія, изъ ихъ жизни и исторіи ихъ быта.

Какъ общественное, такъ и частное, домашнее богослуженіе іудеевъ всегда отправлялось въ іерусалимскомъ храмѣ и въ синагогахъ, съ строгимъ соблюденіемъ моисеева закона и предписаній, и ихъ праздники никогда не пропускались безъ торжественнаго отправленія и усердія со стороны каждаго прихожанина. Въ этомъ іудеи всегда отличались между язычниками, возбуждали къ своимъ богослужебнымъ обрядамъ сочувствіе окружающихъ и, какъ мы замѣтили выше, римляне не препятствовали имъ во всемъ этомъ и оставляли за ними права ихъ. Но, какъ можно видѣть изъ изслѣдованій ученыхъ нашихъ богослововъ и историковъ, не говоря о мѣстныхъ синагогическихъ обрядахъ іудейскихъ во время ихъ богослуженія, даже въ храмѣ іерусалимскомъ въ первыхъ вѣкахъ еще христіанства, даже во время Спасителя найдены нѣкоторые обычаи языческіе, вошедшіе туда по вѣковому вліянію сношеній евреевъ съ иноплеменными народами. Прибавимъ къ этому еще много предрасудковъ, появлявшихся въ народѣ вслѣдствіе обыкновенныхъ законовъ суевѣрной жизни; еще болѣе ложные принципы, выведенные послѣ плѣна изъ Вавилона и Халдеи старыми евреями, или сообщенные имъ греками, египтянами и сирійцами. Все это не могло остаться безъ дурныхъ послѣдствій для ученія Ветхаго Завѣта. Явились преданія, явились и толкованія на священное писаніе, — и то и другое отвлекло евреевъ отъ истины и даже заслонило собою законъ, которому были преданы такъ сильно, такъ примѣрно. Они стали *«всеу чтить Бога, учаще ученіемъ заповѣдемъ человѣческимъ.»* — какъ сказалъ объ нихъ одинъ изъ ихъ первостатейныхъ пророковъ (Исаія, XXIX, 13), а также и Спаситель, указывая на это, порицалъ ихъ и сдѣлалъ имъ вопросъ: «Почто вы преступаете заповѣдь Божию за преданіе ваше.» (Матѳеѣ XV, 3—9).

Какъ удивительно сходно образованіе мусульманскихъ преданій (Суннетъ) съ іудейскими! Тутъ есть много подражанія и довольно много случайнаго, происходящаго, впрочемъ, отъ

общихъ законовъ построения народной религіи. Мы не можемъ пропустить случая изложить въ немногихъ словахъ ходъ образованія *преданій* іудейскихъ, чтобы читатель могъ сличить его съ описаніемъ развитія *науки преданія* между мусульманами, — о чемъ будемъ говорить въ исторіи развитія мусульманскихъ сектъ.

Иудеи признають два *отдѣла* законовъ, которые даны Богомъ Моисею на горѣ Синаѣ. Первый законъ въ Пятикнижїи, которое немедленно было передано въ *письмъ* или *письменно*; второй — *словесный*, который былъ передаваемъ отъ колѣна колѣну въ *изустныхъ преданїяхъ*: Эти преданія сохранялись въ устахъ старѣйшинъ Сенедрїона (Совѣта), (См. Дѣянїя Апостоловъ, V, 21 и многія другія мѣста въ Новомъ Заветѣ), которые изустно передавали ихъ по наследству своимъ преемникамъ и ученикамъ. Но каждый изъ этихъ учителей оставлялъ и въ *письмъ* для себя, или будущаго потомства то, что онъ слышалъ отъ своихъ учителей. Такъ шло до половины втораго столѣтія по Р. Х.; преданія умножались; оказалось между ними даже разногласіе. Въ половинѣ втораго вѣка Іуда, извѣстный у евреевъ подъ почетнымъ именемъ *Ха-Кадашь*, т. е., *святой*, страшась, чтобы преданія отцовъ синагоги не потерялись или не подверглись бы измѣненію, — *собралъ ихъ вмѣстѣ* и составилъ кодексъ, извѣстный подъ названіемъ *Мишна* или *Мисна* ¹²⁾ (т. е. «*второй*» законъ). Къ этому, въ V—VI вѣкѣ раввинъ *Ассеръ* написалъ нѣчто въ-родѣ толкованія и назвалъ его *Гемара* (т. е. *дополненіе*). Оба эти произведенія, наполненные множествомъ преданій баснословныхъ и ошибокъ хронологическихъ, носятъ общее имя *Талмудъ* (т. е. *ученіе*) ¹³⁾.

Нѣкоторые ученые свидѣтельствуютъ, указывая на авто-

12) Полный переводъ Мишны съ еврейскаго на латинскій языкъ изданъ въ Амстердамѣ, въ 1698 году, въ шести частяхъ, Суренгузіемъ (Surenhusius).

13) Полный Талмудъ изданъ въ первый разъ въ Венеціи, въ 1520 году, Бомбергомъ, въ двѣнадцати частяхъ, in-folio; потомъ это изданіе перепечатано въ Амстердамѣ, въ 1744 году.

ритеть раввиновъ (Allen's Modern Judaism, ch. III, p. 22—36), что у евреевъ-талмудистовъ этотъ второй законъ стоитъ гораздо выше законовъ *Пятикнижія*.

Самая многочисленная часть іудеевъ съ древнѣйшихъ временъ принимала эти прибавленія, немногіе также изъ древнѣйшихъ временъ отвергали его. Здѣсь мы видимъ начало раздробленія юдаизма на секты. Конечно, много и другихъ обстоятельствъ послужило къ ихъ умноженію, обстоятельства нравственныя и этнографическія. Но все-таки главное разъединеніе основано на отдѣленіи преданій отъ закона письменнаго, и въ этомъ мы имѣемъ много сходнаго между іудеями и мусульманами.

Мы сказали, что самаряне не признавали ничего кромѣ *Пятикнижія*, т. е., ни пророковъ, ни преданія. Фарисеи и книжники признавали все и строго соблюдали все по буквамъ законовъ и преданій. Книжники, еще болѣе фарисеевъ, ставили преданія выше закона (Евангеліе отъ Маттея, гл. XXIII). Саддукеи и іессеи во многомъ разнствуютъ съ фарисеями. Разберемъ всѣ эти секты сколь возможно основательно, хотя и бѣгло.

Фарисеи составляли самую многочисленную партію изъ іудейскаго народа. Начало образованія этой секты неизвѣстно. Надо полагать, что книжники, т. е., ученые законники изъ іудеевъ, которые, по своему званію, еще съ древнѣйшихъ временъ, удостоивались переписки священныя книгъ¹⁴⁾, и которые передавали преданія изъ рода въ родъ, первые были причиною возрожденія этой секты, равно какъ первыя знакомства іудеевъ съ восточною философіею, съ буддизмомъ и съ зороастровымъ ученіемъ были поводомъ къ образова-

14) Книжники, въ томъ значеніи, какъ мы встрѣчаемъ ихъ въ Новомъ Заветѣ, исторически извѣстны со временъ давидовыхъ. *Ионаманъ*, Давидовъ дядя по отцу, былъ совѣтникъ, мудрецъ и книжникъ (I Паралипоменонъ, 27, 32); *Варухъ*, ученикъ и секретарь пророка Исаи, былъ книжникъ (Исаи, 36, 26); *Ездра* былъ весьма примѣчательный книжникъ (I кн. Ездры, 7, 6). Такіе книжники постепенно умножались, конечно, съ меньшимъ достоинствомъ, и во время Спасителя ихъ было очень много.

нію саддукейской и даже іессейской школь. Какъ видно, эти книжники, постепенно отдѣляясь отъ прочихъ іудеевъ, составляли кругъ послѣдователей, строго преданныхъ обрядамъ закона и преданій, а по прошествіи многихъ столѣтій составилаь огромная партія *сепаратистовъ* (такъ значило еврейское слово *фарисеи*), съ особымъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ученіемъ, которымъ и отдѣлились отъ другихъ въ массѣ народа. Они вѣрили въ безсмертіе души и въ существованіе ангеловъ и духовъ (Дѣянія Апостоловъ, гл. XXIII, ст. 8); вѣрили подь часть также, подь вліяніемъ браминизма, переселенію душъ благочестивыхъ изъ одной формы въ другую, тогда какъ души грѣшниковъ должны страдать вѣчно въ преисподней (*Cruden's concord.* сл. *Pharisee*); вѣрили въ награду въ будущей жизни только благочестивымъ евреямъ и присуждали души язычниковъ къ вѣчнымъ мученіямъ, а воскресенія тѣлъ ихъ недопускали; вѣрили, что все подь небомъ, исключая только благочестія, подчинено судьбамъ міра сего (*Brown's dictionary of the Holy-Bible* слово *sect*); строго были привязаны къ наружнымъ обрядамъ закона и всѣми мѣрами старались выказывать свое благочестіе наружными его выраженіями, мало обращая вниманія на моральную сторону закона и его ученія.

Эта секта своею числительностію дошла до такого значенія, что нѣсколько разъ угрожала своею силою іудейскимъ государямъ Гиркану и Занеѣ ¹⁵⁾. О вліяніи ихъ между іудеями во время Спасителя мы имѣемъ много указаній въ Новомъ Завѣтѣ ¹⁶⁾. Вообще эта секта, кажется, стала усиливаться по водвореніи саддукеевъ, и первыя возстанія ея послѣдователей были изъ зависти за расположеніе Гиркана, іудейскаго правителя, къ саддукеямъ.

15) Первый, во второмъ столѣтїи до Р. Х., поддерживалъ саддукеевъ противъ фарисеевъ, и потому было возстаніе между послѣдними и кровопролитная война. Вторая, Занея, королева, сорока годами позже, также имѣла много непріятностей отъ злоупотребленій фарисеевъ, за что послѣдніе сильно пострадали.

16) Еванг. отъ Маттея, гл. V, ст. 20; IX, 14, 34; XIII и XV; отъ Луки, V, 30; VI, 7; VII, 30; XI, 39; XVI, 14; XV, 24; XVIII, и другія мѣста.

Саддукеи, по своему историческому началу, болѣе извѣстны чѣмъ фарисеи. Основателемъ этой секты, говорятъ, былъ *Саддукъ* — «справедный,» жившій за триста лѣтъ до Рождества Христова. Начала его ученія были извлечены, какъ говорятъ (Dr. Brown), изъ ученія Антигона, его учителя¹⁷⁾, — что любовь наша къ Богу должна быть чистая, безъ примѣси какой бы то ни было идеи объ интересѣ, и что наше служеніе и поклоненіе ему должно основываться единственно на этой чистой любви, безъ видовъ малѣйшей награды. Прекрасное это ученіе, указывающее прямо на чистоту любви къ Богу, и вовсе неотвергающее, ни съ какой стороны, надежды на благодать Бога и на будущее блаженство, — Саддукомъ было растолковано совсѣмъ иначе, т. е., *буквально*, а не умозрительно, морально. Онъ положилъ, что нѣтъ ни будущей награды, ни наказанія; отсюда — что нѣтъ и будущей жизни. На этихъ основныхъ началахъ обработалось это ученіе его учениками, которые почитая святость одного Пятикнижія Моисея, отвергали будто *все прочее*¹⁸⁾. Иегову они считали единственнымъ вѣчнымъ Духомъ и не вѣрили ни въ ангеловъ, ни въ злыхъ духовъ, — вѣроятно, принимая ангеловъ Пятикнижія въ какомъ-нибудь другомъ смыслѣ¹⁹⁾. Наградой за свои добрыя дѣла полагали мірскія блага: долгоденствіе и спокойную, всегда въ изобиліи, жизнь. Такое нелѣпое мнѣніе, распространившееся между іудеями мохаммедова времени, изъ которыхъ одни вѣрили очень слабо, другіе вовсе не вѣрили воскресенію мертвыхъ, подало ему поводъ съ смѣлостью защищать ученіе Христово о необходимости вѣрованія въ будущую жизнь. — «Тѣ на истин-

17) Этого Антигона считаютъ за ученика Симона, первосвященника иудейскаго (умеръ 293 до Р. Х.).

18) Это вѣрно, что они отвергали преданія, но отвергали ли другія части Св. Писанія? Такъ принимаетъ большая часть богослововъ нашего времени, потому что, по свидѣтельству *Елифанія*, саддукеи не признавали Святаго Духа, и потому еще, что Спаситель, въ обвиненіяхъ саддукеевъ, ссылаясь только на Пятикнижіе. Кажется, доказательство слабое: и фарисеи, кажется, не признавали Св. Духа въ настоящемъ его смыслѣ. Иосифъ ни слова не говоритъ о томъ, что они отвергали прочія части Св. Писанія.

19) Говорятъ, что они принимали это, какъ идею о воскресеніи мертвыхъ, за какія-то иллюзіи (Cruden's Concord, слово *Saducees*).

номъ пути Господа, — говорилъ онъ своимъ слушателямъ, — которые твердо вѣрятъ въ будущую жизнь: они-то и суть блаженные.» (Смыслъ 3-го и 4-го стиховъ 2-й суры корана).

Иесееи, или иначе *асданимы*, составляютъ удивительное проявленіе между европейскими расколами. Ученіе ихъ изслѣдовано многими дѣльными учеными по Филову и Юсифу. Одни (Неандеръ) приписываютъ особенности, обрисовывающія это ученіе, влиянію древней восточной философіи, ученія персовъ и халдеевъ, не находя въ немъ ничего изъ началъ александрійской школы; другіе (Dahne) подозреваютъ, что іесееи основывали свою философію на началахъ александрійской школы; а третьи (Baur Apollonius de Tyana, у Гейслера, *compendium etc.*, § 15, note 9) — называютъ іесееевъ іудейскими пифагорійцами. Сколько я ни вникаю въ ученіе іесееевъ, — оно составляетъ смѣсь всего съ началами браминизма, и во многомъ ему подражали нѣкоторые мусульманскіе ордены дервишей, особливо индѣйскихъ.

Предлагая здѣсь нѣсколько словъ объ ученіи и обычаяхъ іесееевъ, мы позволили себѣ отличать курсивомъ всѣ тѣ черты того и другаго, которыя заимствованы послѣдователями *Тарыката* у мусульманъ.

Иесееи, по Юсифу, дѣлились на *двѣ категоріи*: монашествующихъ и свѣтскихъ. Поэтому ихъ дѣлятъ на *теоретическихъ* и *практическихъ*. Первые, *называя себя послѣдователями* моисеева закона, *по своимъ дѣламъ*, хотя во многомъ хорошимъ, *совершенно отдѣлялись отъ* іудеевъ. *Они не исполняли* ничего въ *строгомъ смыслѣ* изъ обрядовъ іудейскихъ; *избѣгали общества*, *скрывались въ пещерахъ*, *не подчинялись ничему свѣтскому*, *отказывались отъ богатства*; *держали свое тѣло въ изнуреніи*, *не позволяя себѣ никакого наслажденія*; *укрѣпляли духъ*, *сколько возможно, созерцаніемъ*. Этимъ послѣднимъ, — говоритъ одинъ писатель (Jones), — они давали возможность безсмертной душѣ, не смотря на свое тѣлесное заточеніе, постоянно держаться своего стремленія къ родной свободѣ и быть готовой немедленно по разрушеніи

тѣла, воспарить въ свое небесное отечество. Однакожъ они свято сохраняли день *субботный* и еженедѣльно собирались въ седьмой день недѣли всѣ вмѣстѣ. При такихъ случаяхъ, т. е., въ собраніи, старшина ихъ читалъ имъ проповѣдь; они *молились вмѣстѣ*, а потомъ *пиршествовали за общей трапезой*, гдѣ все угощеніе состояло изъ *хлѣба, соли и воды*. Затѣмъ, говорятъ, слѣдовала *пляска*. Сперва плясали мужчины и женщины отдѣльно, потомъ, когда приходили въ *экстазъ*, смѣшивались вмѣстѣ и проводили въ *пляскѣ цѣлую ночь до измуренія силъ*, обнаруживая свои восторгъ разными *утомительными жестикюляциями*.

Все означенное нами курсивомъ принадлежать тарыкату у мусульманъ. Путешественники по Востоку, конечно, слышали о *захидахъ*, *абдаллахъ* и видѣли дервишей-плясуновъ мевлевидскаго ордена.

Практическіе іессен жили въ *городахъ* и *селеніяхъ*, въ Сиріи, Палестинѣ и Египтѣ. Во всякомъ городѣ они *имѣли свое сборище*, куда *сходились для отправленія богослуженія*; *имѣли* свою общину; *были строги къ своимъ обязанностямъ*; *примѣрны въ подчиненности общественнымъ постановленіямъ*; *воздержны въ пищѣ* и въ словѣ; честны, трудолюбивы, такъ-что окружающее ихъ общество много пользовалось ихъ *примѣрами*.

Вообще іессен вѣрили въ единого Бога, въ бессмертіе души и существованіе ангеловъ; но не допускали воскресенія тѣла; вѣрили въ будущее блаженство и мученіе души, но безъ участія тѣла; послѣ Бога, благоговѣли передъ солнцемъ, вѣроятно, какъ выраженіемъ величія единого Бога,— и вѣрили въ то, что души человѣковъ какими-то судьбами *пали изъ свѣтлыхъ жилищъ своихъ въ земныя формы*, гдѣ онѣ находятся какъ бы въ *темницахъ до разрушенія тѣла*. Ученіе ихъ допускало *бракосочетаніе* лишь для колѣно-производства, и потому считали болѣе похвальнымъ избѣгать его. Но, не смотря на все это, между іессеями находились и такіе, которые болѣе другихъ исполняли предписанія *моисеева закона*.

Еслибы кто-нибудь изслѣдовалъ ученіе *тарыката* на Востокѣ, *познакомился бы съ жизнью тамошнихъ дервишей* и

календеровъ, съ ихъ отношеніемъ между собою и къ окружающимъ ихъ обществамъ, то, конечно, нашель бы очень много сходнаго съ описаніемъ іессейскихъ ученій.

III.

Настало время возрожденія истины. Утренняя звѣзда на горизонтѣ Востока привѣтствовала міръ — что писанія и пророчества обьясь — и рождшійся царь началъ въ Внелеемѣ благодатное царствіе свое. Свѣтъ Христова слова озарилъ вершины Синая и возсіялъ завѣтъ Бога первобытнымъ сініемъ своимъ. Долго онъ свѣтился во мракѣ и тьма не обьяла его; но явился истинный свѣтъ, который разсѣялъ мракъ и простеръ свои благовольные лучи и на всѣ грядущія царства.

Въ пятнадцатомъ году царствованія Тиберія, пророчествомъ изображенный гласъ возвѣстилъ въ пустынѣ о немедленномъ основаніи царства Мессіи. Не прошло, быть можетъ, и восьми лѣтъ, какъ христіанскій свѣтъ, хотя еще слабо, началъ озарять страны міра отъ Египта до Рима ²⁰); успѣхи боговдохновенныхъ апостоловъ и учениковъ ихъ, дѣятелей Церкви, не могли не возбудить зависть ²¹) и опасеніе между язычниками. Съ одной стороны, еще во времена апостольскія явились ложные ученики, пожелавшіе, во имя истины, проложить путь своему значенію; съ другой, — возрастающее христіанство привело въ ужасъ свѣтскія власти дотога, что римляне стали нарушать давнишнее правило вѣротерпимости. Духовныя и физическія препятствія вооружились противъ истинной Церкви: распространились ложныя

20) Въ день пятидесятицы, при сошествіи Св. Духа находились люди, говорившіе на многихъ языкахъ, между которыми были и египтяне и римляне, со многими другими (Дѣянія Апостоловъ, гл. II, ст. 5—12). Въ тотъ же день около трехъ тысячъ человекъ приобщились Церкви (тамъ же, ст. 41 и 42). Конечно, многіе изъ принявшихъ здѣсь св. крещеніе, если не возвратились въ свое отечество, то сообщили туда о столь великомъ событіи.

21) Между первыми учителями были даже и такіе, которые говорили о Христѣ съ завистью. Посланіе къ Филиппіанамъ, гл. I, ст. 18.

ученія, текли потоки христіанской крови отъ гоненія. Но равы, напесенныя Церкви первыми, были гораздо язвительнѣе тѣхъ мученій и терзаній, какія претерпѣли сотни тысячъ невинныхъ: онѣ умвляли Церковь на цѣлыя грядущія столѣтія, а пролитая невинная кровь послужила сѣменами будущей ея славы.

Ложныя ученія еретиковъ были враждебны не только внутреннему развитію Церкви, постепенному, спокойному и безпрепятственному расширенію истины, но и вредны для самихъ язычниковъ, ихъ окружающихъ, и генерацій будущихъ столѣтій. Ихъ домашнія распри, во имя Христа, не могли не оттолкнуть отъ нихъ многихъ, которые, быть можетъ, и былибы готовы принять христіанство; а главное, — еслибы не ихъ ложное ученіе, не ихъ междоусобные раздоры и печальное положеніе, то лжепророки не осмѣливались бы насмѣяться надъ христіанствомъ; Мохаммедъ не посмѣлъ бы предстать съ своимъ новымъ ученіемъ.

Для того, чтобы намъ яснѣе видѣть, въ чемъ состояли ошибки первыхъ христіанскихъ сектаторовъ и какими изъ нихъ преимущественно пользовался Мохаммедъ, мы считаемъ не лишнимъ разсмотрѣть ихъ ученіе, отмѣчая, подъ какииъ вліяніемъ эти признаки истиннаго ученія Христова предавались своимъ заблужденіямъ и какъ эти заблужденія передавались отъ рода въ родъ до появленія ислама.

Вѣкъ апостоловъ.

Немалые примѣры въ исторіи христіанскаго міра убѣждаютъ насъ, какъ закоренѣлыя привычки и суевѣріе ветхаго человѣка помрачали его новую христіанскую жизнь и запятнали его вѣру, его дѣянія. Чистое Христово ученіе было искажено многими, которые, изъ видовъ своихъ интересовъ, дѣйствовали на слабыя стороны малодушныхъ, и какъ только они успѣвали въ своихъ попыткахъ, тотчасъ основывали новое ученіе и обрабатывали его на началахъ этихъ старыхъ суевѣрій, но подъ вліяніемъ какихъ-нибудь чужихъ принциповъ, примѣняя и ихъ, конечно, сколь возмо-

жно, къ мѣстнымъ обычаямъ, къ склонностямъ своихъ прозелитовъ. Такъ дѣйствовали всегда лжепророки, лжеапостолы, лжеучители Церкви. Когда первые христіане, еще не совсѣмъ очищенные и неосвобожденные отъ вліянія ветхаго человѣка, спорили междѣ собою о чести своихъ учителей, одни говорили: мы павловы, другіе мы аполлосовы, третьи мы кивины, истинные наставники ихъ, въ честь которыхъ они кричали, останавливали ихъ смиреннымъ словомъ. Павелъ говорилъ имъ: «Развѣ раздѣлился Христосъ? Развѣ Павелъ распялся за васъ, или въ павлово имя вы крестились?» Онъ умолялъ ихъ всѣхъ говорить *одно*, и чтобы между ними не было *раздѣленія* (Посл. I, къ Кориню. гл. 1. стр. 10—19).

Когда апостолы, преслѣдуемые гонителями, прибыли въ ликаонскіе города и Павелъ исцѣлилъ силою слова одного хромага отъ рожденія, имѣвшаго призваніе къ вѣрѣ, то народъ, увидя это, поднялъ крикъ, что *боги въ человѣческомъ образѣ сошли къ нимъ* и назвали Варнаву Юпитеромъ, а Павла Меркуріемъ, и даже жрецъ Юпитеровъ, приведши воловъ и принесши вѣнки, вмѣстѣ съ народомъ хотѣлъ совершать жертвоприношеніе. Но апостолы отказались отъ такой чести; это было не по ихъ призванію; въ отчаяніи они разодрали на себѣ одежды и бросились въ толпу, проповѣдуя Спасителя и доказывая ихъ гнусное заблужденіе. Что же? — Вмѣсто предлагаемаго божественнаго сана, кончилось тѣмъ, что Павла побіли камнями и вытащили за городъ, считая его умершимъ ²²⁾. Апостолы предпочли скорѣе умереть, чѣмъ основать собственную пользу на суевѣрїи бессмысленнаго народа и обратить его въ новое ученіе во славу своего имени. Но другіе не такъ поступали, и противъ таковыхъ-то тотъ же апостолъ Павелъ предупреждалъ Церкви въ разное время и въ разныхъ своихъ посланіяхъ. Первымъ изъ таковыхъ былъ, напримѣръ, Симонъ, извѣстный подъ эпитетомъ *волхвъ* (*magus*), который въ своемъ отечествѣ принялъ крещеніе отъ одного изъ семи избранныхъ апостолами учениковъ (Дѣян. Апост. VI—5), Филиппа, и затѣмъ замыслялъ

22) Дѣянїя Апостоловъ, гл. XIV, ст. 8—13).

о приложеніи святаго дѣла къ ложному своему ученію (Дѣян. Апост. VIII, 5 — 25). Какъ мы знаемъ изъ сказаній того времени, Симонъ успѣлъ въ этомъ не только въ своемъ отечествѣ, но даже и въ Римѣ приняли его ученіе. Смѣсь гипотезы съ политеизмомъ и волшебствомъ составляла это гнусное ученіе. Послѣдователи его именовали себя также христіанами, называя Симона Мессією, а его наложницу святымъ духомъ, но въ сущности они были вполнѣ идолопоклонники и вѣрили, что Симонъ и его наложница были воплощенные Юпитеръ и Минерва. По словамъ св. Юстина (умеръ 167 по Р. X.), говоритъ Dr. Brown (a dictionary of the N. Bible см. слово Simon), въ 150 году Р. X. почти всѣ самаряне поклонялись Симону какъ божеству.

Съ другой стороны, разсматривая этнографическія причины, поселившія раздоры и несогласія между первыми дѣйствительными христіанами іудейскими и эллинскими, начавшіяся еще во времена апостольскія, но разрѣшенные и пріостановленныя апостольскимъ Соборомъ въ Іерусалимѣ (Дѣян. Апост. гл. XV), — мы видимъ, что эти причины постоянно были у первыхъ камнемъ соблазна и преткновенія. Пока Іаковъ младшій и его братъ Симонъ (или Симеонъ) управляли церковью въ Іерусалимѣ, необузданные злоумышленники не могли явно достигъ своей цѣли²³. *Тебузъ* (Thebuthis), упоминаемый въ древнѣйшей исторіи Церкви, былъ въ числѣ духовныхъ личностей того времени, положившій основаніе раздорамъ между іудеями и христіанами; тутъ въ истинной христовой Церкви являются расколы, постепенно образовавшіеся подъ вліяніемъ то *юдаизма*, то *іессеизма*, то *тостики*: явились *эвѣониты*, *эльсезаиты* (Elcesaites) или *сампсаиты* (Sampsaeans); но общее названіе всѣхъ было *эвѣониты*. Изъ нихъ нѣкоторые во время Траяна жили на востокъ отъ Мертваго моря и исповѣдывали *іессеизмъ*; онъ состоялъ изъ ас-

²³ Въ отрывкахъ, уцѣлѣвшихъ въ Eusebius (III, 32) изъ исторіи Церкви, епископомъ Негессірія (177 Р. X.) говорится, что до конца жизни Симона, т. е., до Траяна, Церковь наслаждалась совершеннымъ спокойствіемъ.

Eusebius, IV, 22. См. о разногласіи о настоящей эпохѣ появленія этихъ раздоровъ у Веслера (C. L. Gieseler, Compend. etc.) § 32, примѣчаніе 6.

сетизма иессейскаго раскола (см. выше объ иессеяхъ), съ приложеніемъ къ нему особеннаго вѣрованія, что духъ Божій сообщался пророкамъ двояко каждому: чтобы каждый передалъ народу одну и ту же истину и чтобы онъ возобновлялъ ее, когда она затмѣвалась. Такіе пророки были: Адамъ, Энохъ, Ной, Авраамъ, Исаакъ, Моисей и Иисусъ; значить, каждый изъ этихъ пророковъ объявилъ одну и ту же истину, и что всякій слѣдующій за первымъ, возобновлялъ затмившуюся истину и объявлялъ новою, по требованію времени и обстоятельствъ.

Позже *эвѣониты* ²⁴⁾, съ присоединеніемъ къ нимъ другихъ расколовъ, умножились и жили, по свидѣтельству Епифанія, въ его время (около исхода IV-го столѣтія) въ разныхъ мѣстахъ и странахъ.

Изложивъ здѣсь ихъ вѣрованія, замѣчу изъ нихъ такія, которыя, не знаю, какимъ путемъ, дошли до Мохаммеда, и онъ, между прочими принципами своего ученія, указалъ на нихъ и въ Коранѣ и въ преданіяхъ.

1) Они кромѣ Евангелія Св. Матея не признавали другихъ частей Новаго Завѣта. Сверхъ того его сократили, въ особенности родословіе Спатителя; не признавали никакихъ пророковъ послѣ Иисуса Навина и самые законы моисеевы подвергали *измѣненіямъ* во многихъ мѣстахъ. (Коранъ во многихъ мѣстахъ обвиняетъ іудеевъ и христіанъ въ этомъ поступкѣ, о чемъ будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ).

2) Они не считали апостола Павла за боговдохновенное лицо и говорили, что онъ былъ изъ іудейскихъ прозелитовъ,

24) Gieseler въ своемъ *compendium*, § 32, утверждаетъ, что названіе Ебіонъ — *нищій, бѣдный*, іудеями давалось въ родѣ насмѣшки своимъ отпадшимъ братьямъ, т. е., принявшимъ христіанство; но Флѣри (Fleury), ссылаясь на Епифана и другихъ (см. т. I, стр. 90), говоритъ, что расколъ этотъ сложился отъ ученія одного ебіона, жившаго въ Бассанской-землѣ, въ городѣ *Коката*, и тамъ его основавшего въ то время, когда послѣ разоренія Іерусалима іудейскіе христіане находились еще въ городѣ *Пелль*, въ декапольскомъ округѣ, т. е., недалеко отъ мѣстопребыванія Ебіона. Однакоже геслерова ссылка на *Hegeßipus* и его этимологическое производство слова *Ебіонъ* (см. тамъ же, § 32, примѣч. 6, 7, 8) уважительнѣе, не смотря на то, что и въ Тертуліанѣ (*de Praescript. haeret.*, с. 38) мы находимъ въ первый разъ также указаніе на одного человѣка, назвавшегося *Ебіонъ*.

изъ язычниковъ (см. выше, о прозелитахъ), и, желая жениться на дочери одного важнаго лица, подвергъ себя даже обрѣзанію; но потомъ, не достигнувъ цѣли, онъ началъ преслѣдовать и законъ и обрѣзаніе. (Намеки на это находятся и въ коранѣ и въ преданіяхъ мусульманскихъ).

3) Исповѣдывали, что Богъ предоставилъ управленіе всею вселенною двумъ лицамъ — Мессіи и дьяволу, и что послѣдній имѣетъ полную власть надъ настоящимъ міромъ (смѣсь зороастрова ученія; Мохаммедъ отчасти и этимъ пользовался).

4) Говорили, что Христосъ былъ сотворенъ какъ одинъ изъ ангеловъ, но онъ былъ больше всѣхъ прочихъ, и что Иисусъ родился отъ Маріи и Іосифа вслѣдствіе обыкновеннаго сочетанія; по своей добродѣтели онъ современемъ былъ избранъ въ званіе Сына Божія, посредствомъ Христа, который съ небесъ сошелъ въ него въ видѣ голубя.

5) Они не допускали, чтобы одна вѣра во Христа была достаточною для спасенія, безъ соблюденія закона (такого содержанія и ученіе корана).

6) Они допускали многоженство.

Пагубна была эта испорченная смѣсь юдаизма и христіанства для истинной вѣры; отравы ея дѣйствовали шесть вѣковъ и Мохаммедъ воспользовался ими, пока еще раны Церкви, вслѣдствіе новыхъ смуть, были свяжи на Востокѣ.

Современны съ эвѣонитами, еще въ первыхъ вѣкахъ, были керинюиды (Cerinthides), послѣдователи ученія Керинѣа (Cerinth), расколоводителя, принимаемаго нѣкоторыми за ученика Симона-волхва, слѣдственно товарища Менандра. Этотъ лжеучитель прибавилъ къ ученію эвѣонитовъ еще нѣсколько догматовъ изъ принциповъ буддизма и магіи. Въ *Иисусъ* керинюиды признавали обыкновеннаго человѣка въ смѣси съ *Христомъ*, сошедшимъ въ него въ видѣ голубя; такимъ образомъ считали въ немъ вмѣстѣ и человѣка и духа. Предъ тѣмъ какъ ему страдать, Христосъ (духъ) оставилъ его (Иисуса) и вознесся на небо. Иисусъ страдалъ, умеръ и воскресъ, но Христосъ не участвовалъ въ этихъ проявленіяхъ. Это частію отразилось позже въ ученіяхъ монофизитовъ и даже несторіанъ. Христосъ былъ ниспосланъ Богомъ, упра-

вителимъ міра, — который, по ученію Керинса, гораздо ниже Творца вселенной; а Богъ евреевъ не что иное, какъ только одинъ ангелъ (вліяніе восточной философіи). Въ своемъ лжеоткровеніи онъ предсказалъ, что по воскресеніи мертвыхъ будетъ земное царство Иисуса Христа и что въ Іерусалимѣ будутъ наслаждаться впродолженіе тысячи лѣтъ всѣми земными удовольствіями, и проч. (У мусульманъ также есть тысячелѣтнее царствованіе Иисуса Христа на землѣ, только предъ самымъ воскресеніемъ мертвыхъ) ²⁵).

Пока эвѣониты и керпнѣны въ началѣ еще своего поприща старались распространить ученіе объ Иисусѣ-человѣкѣ, о Христѣ-ангелѣ-духѣ, явился между язычниками, никогда не видавшими Христа (а вѣровавшими въ него черезъ благовѣстителей), которые принимали его какъ истиннаго Бога, безъ участія человѣческаго естества. Это были *докеты*, азіятскіе мудрецы, *фантазеры*, которые не вѣрили рожденію Христа, его страданіямъ, его смерти и воскресенію, а говорили, что все это были проявленія призрака, въ формѣ совершеннаго человѣка, явившагося Бога, присутствовавшего среди апостоловъ духомъ, а не тѣломъ, говорившаго съ ними говоромъ, сотвореннымъ силою Всемогущаго; однимъ словомъ какъ ветхозавѣтные боги, явившіеся въ видѣ ангеловъ патриархамъ и говорившіе съ ними.

Двѣ эти противоположныя системы эвѣонио-керпнѣидовъ и докетовъ, сверстницы истиннаго ученія Церкви, передавали свои заблужденія изъ рода въ родъ, изъ расколовъ въ расколы. Явились маркіониты, манихѣе и многіе другіе.

II, III и IV столѣтія.

Чѣмъ непонятнѣе вещь, тѣмъ она болѣе вызываетъ напряженіе ума и прилежаніе неприваннаго философа. Онъ путаетъ дѣло; необразованный классъ людей увлекается только любопытствомъ, удивляется, приходитъ въ восторгъ, рукоплещетъ, не понимая вовсе, въ чемъ состоитъ оно; шар-

²⁵) Читай обо всемъ этомъ въ Fleury, т. I, стр. 90 и 91. Говорятъ, что апостолъ Іоаннъ писалъ свое евангеліе противъ заблужденій Керинса и гл. IV, стихъ 3 перваго посланія его есть прямое указаніе на этого лжеучителя, какъ думаютъ нѣкоторые.

латаны достигаютъ цѣли, благодаря слѣпотѣ массы, ихъ окружающей; имъ удивляются, а истина блеститъ во мракѣ, въ неизвѣстности, постигаемая лишь истинно-ищущими ее.

Въ первыхъ порахъ христіанства перевороты въ умахъ евреевъ и язычниковъ, переходившихъ въ христіанство, происходили оттого, что, при переложеніи древняго ветхозавѣтнаго ученія истины въ новое евангелическое, злоумышленники легко могли пользоваться неуясненною еще новизною дѣла, незапечатлѣнною еще приобщеніемъ Св. Духа. Понятія людей, даже отъ искренности души и сердца принявшихъ слово спасенія непосредственно изъ устъ самого Христа, были такъ затуманены въ продолжительномъ мракѣ господствовавшаго дотошнѣ суевѣрія, что и апостолы иногда не понимали своего божественнаго учителя, когда онъ говорилъ съ ними о мѣрахъ спасенія, приготовленныхъ Богомъ для человѣка, о которыхъ они ежедневно читали въ писаніяхъ пророковъ (см. Еванг. отъ Марка VIII, 31—33; отъ Луки II, 49 и 50; XVIII, 34; XXIV, 49; отъ Іоанна XII, 16). Это самое положеніе было причиною, почему Спаситель, по воскресеніи своемъ, долженъ былъ являться апостоламъ въ продолженіе сорока дней, чтобы продолжать учить ихъ тайнамъ царствія Божія (см. Пространный Катихизисъ митрополита Филарета, о 5-мъ членѣ). Такимъ образомъ, отдѣлившіеся отъ Церкви въ самомъ еще началѣ ея основанія на Новомъ Завѣтѣ, не могли быть иначе, какъ въ неизбежномъ заблужденіи. Это заблужденіе, подъ вліяніемъ господствовавшаго тогда суевѣрія, — этого вѣрнаго и мѣткаго орудія расколоводителей, не могло не заразить раздраженнаго, бо-лѣзненнаго, неразвитаго ума народа вредными отравками, и эти отравы, поддерживаемыя злоумышленными спекуляторами, конечно, не могли скоро дождаться совершеннаго исцѣленія.

Пока апостольская Церковь своею духовною силою развивалась въ Іудеѣ, Палестинѣ, Египтѣ, малой Азіи и въ Римѣ, подъ управленіемъ апостоловъ, ихъ учениковъ и преемниковъ, злоумышленники съ одной стороны, обиженные

честолюбцы, изъ бывшихъ членовъ Церкви, съ другой, неуспшно и повсемѣстно дѣйствовали противъ ея ученія. Слишкомъ четыреста лѣтъ заблужденіе за заблужденіемъ манили и умъ и сердце людей отъ истины и любви, которыхъ полно Христово слово, и обращали всю ихъ энергію къ раскрытію непостижимыхъ его тайнъ. Гдѣ нужна была, для спасенія одна лишь вѣра, основанная на любви и кротости, замѣшалась полемика, основанная на самолюбіи и пристрастіи; гдѣ нужна была, для постиженія царствія Божія, помощь дѣха истины (Дѣян. Апост. 1, 3; Еванг. отъ Іоанна XV, 26), они прибѣгнули къ своей фантазіи. Отчужденнымъ отъ духа истины одна только фантазія могла внушать идеи, которыми они растолковывали и троицу, и божество и человѣчество Іисуса Христа вмѣстѣ и отдѣльно, и на которыхъ основали свое ученіе и маркіониты и манихейяне и многіе другіе гностики и аріяне, во времена еще святаго Ирена (204 Р. Х.).

Истинное евангельское ученіе, благодаря ревности боговдохновенныхъ его дѣятелей, постепенно преуспѣвало. Оно прошло невредимо сквозь бури страстей человѣческихъ, претерпѣло и гоненіе и позоръ, но скоро гонители его стали ревностными его защитниками и господство его надъ всѣми лжеученіями ознаменовалось неувядаемымъ торжествомъ. Но сѣмена отравы долго еще производили плоды на почвѣ суетвѣрія народа.

Въ началѣ развитія христіанства, пока ученіе Церкви представлялось еще гораздо проще и истина оберегалась ея защитниками отъ преслѣдованія еретиковъ, отрицающихъ ея начала, дѣла Церкви рѣшались епископами, патріархами и наконецъ мѣстными или частными соборами. Но по дальнѣйшемъ развитіи Церкви, когда она начала господствовать въ христіанскомъ мірѣ ²⁶⁾, — римскіе императоры, съ цѣлью,

26) Судя по вычисленію, сдѣланному учеными изслѣдователями церковной исторіи, число христіанъ во время царствованія Теодосія Великаго доходило до 24-хъ милліоновъ; это значитъ, что оно составляло $\frac{1}{8}$ всего народонаселенія римской имперіи въ то время. Содержаніе словъ Іоанна Златоуста, что въ то время число вѣрующихъ превосходило число жидовъ и язычниковъ (т. I, р. 592) понимается такъ: св. Златоустъ, для своего соображенія, имѣлъ въ виду жителей Антиохіи; говоря о числѣ спасен-

чтобы положить конецъ религіознымъ распрямъ и ошаменовать единую Церковь исповѣдуемой и покровительствуемой ими уже впродолженіе многихъ лѣтъ единой Христовой вѣры, положили собирать вселенскіе Соборы, для утвержденія истиннаго ученія и благочинія между христіанами, придавая рѣшеніямъ или постановленіямъ этихъ Соборовъ значеніе государственныхъ законовъ ²⁷⁾.

На этихъ вселенскихъ Соборахъ разсматривались съ болѣе уже развитой точки зрѣнія, съ большимъ знаніемъ наукъ богословскихъ, въ болѣе обширномъ ихъ значеніи всѣ увлеченія представителей христіанства въ разныхъ странахъ тогдашняго міра и рѣшались дѣла истинной Церкви и подкрѣплялись ея опредѣленія. По мѣрѣ преуспѣянія христіанства, по назначенію вселенскихъ Соборовъ и подъ покровительствомъ императоровъ, расширялись и дѣйствія и энергія спекуляторовъ: еретики, хотя не такъ обширно, но не менѣе сильно, если еще не сильнѣе, стали защищать и распространять свои ученія. Предметы споровъ и толковъ были не только недоступны вѣрующему классу народа, но и непонятны самимъ мудрствующимъ. Рѣчь шла о Словѣ (logos), о его происхожденіи, о его естествѣ, о Сынѣ Божіемъ, объ отношеніи Слова къ Нему и Богу-Отцу; однимъ словомъ — о Троицѣ. Смиренію люди предпочли виды самолюбія; въ созерцаніи таинствъ Евангелія, гдѣ нужно было единственное руководство обѣщаннаго Духа, — этого наслѣдія апостольской Церкви, прибѣгнули къ собственному мышленію, — чуждому элементовъ первобытнаго ученія. Краснорѣчіе людей и вліяніе ихъ на придворцевъ и на императоровъ иногда брали верхъ надъ администраторами времени, желав-

ныхъ чрезъ св. крещеніе, оныя разумѣлъ и великихъ и малыхъ, и рабовъ и чужестранцевъ, тогда какъ послѣднія три категоріи не входили въ реестръ гражданъ, пользовавшихся общественной свободой. Доказательство справедливости такого воззрѣнія можно искать въ указаніи того же вселенскаго учителя (т. VII, стр. 658 и 810), что въ Антиохіи число вѣрующаго во Христа было 100,000, изъ которыхъ 3000 — жили на счетъ общественныхъ сборовъ; въ Антиохіи же въ ту пору считалось до полумилліона жителей (см. Gibon, The Decl. de fall. etc., с. XV; также The Hist. of the christ. church by Will. Jones, t. I, p. 360, четвертое изданіе).

27) Gieseler's Compend. etc., § 80.

шими дѣлать религію орудіемъ своей политики, — и тѣмъ производили перевороты въ христіанствѣ и болѣе или менѣе мѣшали внутреннему развитію истинной Церкви. Вотъ еще почему повторялись вселенскіе Соборы.

Несогласія, существовавшія между донатистами и ортодоксами, окончились раздорами, гоненіями частными, а потомъ и общими: сперва сѣверная Африка пострадала отъ взаимнаго преслѣдованія другъ-друга между христіанами, а потомъ отъ гоненія ихъ всѣхъ вмѣстѣ вандалами. Пока существовало это зло, начались споры и раздоры въ самой Церкви. Явился Арій, съ намѣреніемъ выяснитъ непонятные вопросы, увлекавшіе ненадолго Діониса александрійскаго, и высказавъ, что Logos сотворено и потому-то непредвѣчно (eternal). Вслѣдствіе этого онъ былъ отчужденъ отъ Церкви въ 318 году; но по сочувствію къ нему сирійскихъ и малоазійскихъ епископовъ, въ-особенности по сочувствію двухъ Евсевіевъ (Eusebius), никомидійскаго и кесарійскаго, а болѣе сподвижничествомъ извѣстнаго въ исторіи Церкви софиста Астеріуса (Asterius) каппадокійскаго, ученіе еретика распространилось, и, не смотря на постановленіе перваго вселенскаго Собора въ 325 году, которымъ оно было совершенно опровергнуто, и Арій и его содѣятели сосланы, — немного спустя (328 — 330) еретикъ былъ вызванъ и его ученіе возведено на степень православія императоромъ Константиномъ II.

По смерти Арія въ Константинополѣ въ 336 году, когда уже онъ считался православнымъ, принятымъ въ церкви іерусалимской, наступило время сильнѣйшаго распростра-ненія аріанизма на Востокѣ. Аріане преобладали здѣсь до конца царствованія Констанція (Constantius). Этотъ императоръ Востока, во время жизни своего брата Констанса, императора Запада, гдѣ Церковь отвергала господствовавшій на Востокѣ аріанизмъ, или лучше сказать *евсевіизмъ*, — потому что онъ былъ главнѣйшимъ сподвижникомъ этого ученія при императорѣ Констанціи, — постоянно поддерживалъ это ученіе и совершенно подналъ подъ вліяніе никомидійскаго епископа, возведеннаго уже въ 338 году въ епископы Константинополя. Между тѣмъ частные Соборы (въ Антиохіи

341 и 345, въ Сардикѣ (Sardica) и Филипполісѣ 347, въ Миланѣ 347, въ Сирміи (Sirmium) 351) не могли помирить враждебныя партіи и рѣшить дѣла къ общему благу Церкви, но, напротивъ, увеличили разногласіе и раздоры. По кончинѣ Констанса (350), когда братъ его Констанцій (Constantius) соединилъ подъ своимъ скипетромъ и Востокъ и Западъ, волею и неволею онъ склонилъ духовенство Запада также принять арианизмъ, разработанный Евсевіемъ и арелатскимъ, или арльскимъ, и медиоланскимъ синодами (353—355)²⁸). Положено было отлучить отъ Церкви св. Лоанасія, этого необыкновеннаго сподвижника ея славы, невредимо вынесшаго истину на раменахъ своихъ мужественно изъ бури мятежа, объявшаго арианизмомъ весь христіанскій міръ. Волненіе умовъ, гоненія и злоба продолжались еще тридцать лѣтъ въ полной силѣ; Соборы смѣнялись Соборами, ученья ученьями; съ одной стороны *Аномецы* (Anomeans), подъ предводительствомъ новыхъ мыслителей арианскаго ученія²⁹) вызывали новые споры; съ другой обиженный Аполливарій, своими новыми толкованіями о воплощеніи Іисуса Христа, возстановилъ Церковь противъ себя и положилъ, — по указанію нѣкоторыхъ ученыхъ, — первое, хотя и слабое, начало монофизическаго ученія³⁰).

Между тѣмъ споры и полемики не оставались безъ вліянія и на развитіе самой католической или православной Церкви: предстояло великое дѣло — со всею точностію опредѣлить образъ истиннаго ученія, согласно съ Словомъ Божіемъ, и дать всю прочность сему опредѣленію. Это дѣло досталось въ удѣлъ Θεодосію-Великому. Онъ созвалъ въ 381 году вторично вселенскій Соборъ въ Константинополѣ, и этимъ-то Соборомъ выражено и утверждено истинное ученіе.

28) См. Fleury, т. I, стр. 528—540. Разговоръ между Констанціемъ и папою Либеромъ (Libere), тамъ же, стр. 338 и 339; также Gieselер, § 82, стр. 338.

29) Аетіусъ антиохійскій, Еупоміусъ каппадокійскій и Акацій (Acacius) кесарійскій (см. эти имена въ Fleury).

30) Его воззрѣніе чрезвычайно замысловато. Читай Fleury (т. I, стр. 706), также объясненіе Габона (с. XLVII—IV). La Croze (Hist. de christianisme d'Éthiopie, t. I, pag. 8—10 etc.) полагасть начало монофизизма въ ученіи Аполливарія.

Но произведенія сѣмень, посѣянныхъ рукою злобы въ почвѣ христіанской въ минувшихъ столѣтіяхъ, въ свою очередь умножились и расплодились до того, что трудно было окончательно очистить жатву отъ этихъ плевелъ; они породили новые, не менѣе пагубные плоды въ грядущемъ христіанствѣ. Явились монофизиты, появилось ученіе Несторія, и во время разгара новыхъ споровъ и раздоровъ между христіанами на Востокѣ, продолжавшихся нѣсколько, можно сказать, столѣтій, — явился Мохаммедъ и возненавидѣлъ въ своемъ отечествѣ христіанъ.

Въ немногихъ словахъ постараюсь обратить вниманіе читателя на положеніе христіанства въ V, VI и VII столѣтіяхъ.

V, VI и VII столѣтія.

Если страсти могли найти себѣ добычу между членами Церкви въ раннихъ ея порахъ, то, конечно, онѣ должны были дѣйствовать еще сильнѣе послѣ, по мѣрѣ расширенія христіанства: отъ этого въ обществѣ христіанъ явилось много разномыслящихъ партій. Мы видѣли, въ чемъ состояли заблужденія, явившіяся въ первыя четыре вѣка; теперь явились новыя. Вопросъ о воплощеніи сталъ обращать на себя вниманіе съ V столѣтія и продолжалъ быть предметомъ споровъ до позднѣйшихъ временъ. Монофизитство и несторіанство были главными его темами. И то и другое Мохаммедъ засталъ въ полномъ ихъ развитіи.

Зерно монофизическаго ученія было заронено непостижимымъ толкованіемъ одного только божества въ Спасителѣ, однимъ лицомъ, очень извѣстнымъ въ Церкви, любимцемъ нѣкогда Великаго Аѳанасія, Аполинаріемъ, славнымъ риторомъ и велерѣчивымъ писателемъ и учителемъ своего времени (381). Ученіе Аполинарія было не что иное, по моему понятію, какъ ошибка, происходившая отъ чрезмѣрнаго усердія опровергнуть еретика Арія; ею воспользовался Евтихій, монахъ константинопольскій, который будто выжидалъ случая удовлетворить долготерпѣнію своему насчетъ привязанности къ нему окружающихъ его, вѣрившихъ въ истинную его добродѣтель. Когда александрійскій и ефесскій Соборы (430—

431) предавали учение Несторія проклятію, хотя оно послѣ стало еще болѣе распространяться, — Евтихій вышелъ на сцену защитникомъ православія противъ еретика и самъ подвергся той же участи, какой подвергся антогонистъ его, также защищая истину противъ Арія. Онъ впалъ въ ошибки аполинаріева мудрствованія и обличенъ былъ въ лжеученіи, — съ-тѣхъ-поръ начинается открыто исповѣданіе монофизитовъ, которые основали свою школу на *сознаніи одной только божественной природы въ Иисусъ Христъ* во плоти человѣческой. Это зло породило другое ему подобное: нѣсколько позже явилось учение *моноелитовъ* (626—629), т. е., признающихъ, что у Иисуса Христа была *единая воля*, потому что личность его была *одна*. Всѣ эти споры и распри были въ Константинополѣ, въ малой Азіи и въ самой Аравіи (Федоръ, епископъ фаронскій, былъ въ числѣ первыхъ сподвижниковъ моноелитскаго ученія) около двадцатаго года царствованія Ираклія, современника Мохаммеда. Съ другой стороны не менѣе произвело увлеченія учение Несторія на Востокъ въ началѣ пятаго столѣтія. Этотъ энергическій деспотъ, явившись съ словомъ на устахъ и язвою въ самомъ словѣ³¹⁾ истребить учение Арія, мало успѣлъ въ предначертанномъ планѣ, и потому, вѣроятно, увлекся идеей создать новое учение, которымъ онъ надѣялся совершенно опровергнуть силу своихъ антогонистовъ, и безъ того уже ослабѣвающую со временъ Феодосія. Если не успѣлъ онъ въ этомъ самъ, то успѣли его ученики. Въ VI и VII столѣтіяхъ, по мѣрѣ умноженія несторіанъ, очевидно упали ариане. Въ малой Азіи, Египтѣ, Сиріи и Аравіи учение Не-

31) Вотъ слова его къ императору: «Дай мнѣ, государь, землю, очистишь ее отъ еретиковъ, тогда вважѣнъ ея я тебѣ дамъ небесное царство; истреби ихъ съ мною еретиковъ, тогда я буду истреблять съ тобою персовъ.» (Fleury, t. II, p. 304). Позорное имя *зажигателя*, оставшееся за Несторіемъ въ исторіи Церкви (см. тамъ же), было приобрѣтеніемъ, сдѣланнымъ имъ вслѣдствіе гоненія арианъ нѣсколькими днями послѣ произнесенной Феодосію-Младшему сказанной рѣчи. Преслѣдуемые предали огню свое сонмище и пожаръ произвелъ опустошеніе общее. О положеніи Византіи въ это время, въ отношеніи къ Персіи, мы уже упоминали въ нѣсколькихъ словахъ въ «Обозрѣніи Востока въ политическомъ отношеніи» (Русское Слово, февраль, 1860 г., стр. 129).

сторія распространялось съ огромными успѣхами въ это время: ревностные миссіонеры этого исповѣданія уже преподавали и распространяли христіанство въ Персіи, Туркестанѣ³²⁾ и въ Индіи.

Итакъ, во время появленія Мохаммеда въ Аравіи были сильны и многочисленны несторіане и монофизиты; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были въ значительномъ числѣ и аріане; павлианство было также не малое количество, а монофизиты только-что распустили свое ученіе по Аравіи. Между этими расколами продолжались иренія и соревнованія не менѣе чѣмъ когда нибудь. Нѣкоторые представители расколовъ были даже обличены въ подлогахъ³³⁾; иные дѣйствовали втайнѣ въ пользу властолюбія и приглашали представителей другихъ расколовъ дѣйствовать соединенными силами черезъ слитіе въ одно сподвижничество³⁴⁾. Вражда и зависть были вожатыми безсмысленныхъ прозелитовъ каждаго суемудреннаго исповѣданія; вездѣ господствовало беззаконіе и безнравственность между отщепенцами, носившими имя святости.

Главною точкою, около которой вращалось мудрствованіе еретиковъ въ это время, было *воплощеніе*. Пока не бралъ еще верхъ въ полемикѣ этотъ вопросъ, аріане, отвергая ученіе о Троицѣ, не допускали троичности; даже въ пылу

32) Даже уйгурское, нынѣ монголо-калмыцкое, письмо взяло свое начало отъ сирійскаго, принесеннаго въ Туркестанъ этими миссіонерами.

33) Обличали Сергія, константинопольскаго патріарха, въ началѣ VII-го вѣка въ томъ, что онъ отправилъ къ фаронскому епископу Теодору письмо, писанное будто бы константинопольскимъ же патріархомъ Менасомъ (Menas) къ папѣ Вигилію (Vigilius), о томъ, что въ Иисусѣ Христѣ онъ сознаетъ *одну только волю*. Обличали также Синезія (Synesius), птоломейскаго ученаго епископа, въ подлогѣ, что онъ свое сочиненіе, втайнѣ писанное, выдалъ за книгу Діонисія Ареопагита (Denis Areopagite) въ пользу монофизизма (Fleury, t. II, p. 326, 327. La Croze, p. 4, 5). Все это чрезвычайно важно для изслѣдованія ученія Мохаммеда, относительно св. Писанія, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

34) Сергій, патріархъ константинопольскій, бывшій первымъ, можно сказать, авторомъ идеи о *единствѣ воли* Иисуса Христа, сперва склонилъ къ этой мысли фаронскаго епископа Теодора, потомъ, купно съ нимъ, дѣйствовалъ на другихъ представителей раскола; напримѣръ, пригласилъ Павла, северійскаго раскольника, и Григорія Арзана павлианскаго, убѣждая соединиться *въ одно*, будто во славу Церкви (Fleury, t. II, p. 327).

раздоровъ отреклись и отъ божественности Слова (Logos), говоря, что Иисусъ Христосъ не иное что, какъ существо происшедшее изъ ничего и гораздо ниже Отца. Евтій (Oetius), за нимъ Евномій (Eunomius), Евсевій (Eusebius) и другіе разрабатывали и разнообразили это ученіе до такой неправды, что многіе изъ нихъ получили отъ истинныхъ христіанъ названіе *язычниковъ*³⁵⁾.

Монофизиты и моноелиты кричали о *единствѣ природы* Христа и его *воли*, предствляя въ немъ божество воплощеннымъ безъ всякаго соучастія въ его страданія, смерти и воскресенія. Несторіане возбудили вопросъ о томъ, что Иисусъ Христосъ, рожденный отъ Маріи, былъ сынъ Маріи по плоти, Богъ по воплощенію; что Марію нельзя назвать *Богоматерью*, но матерью *человѣка* Христа (не *Θεοτοκοςъ*, а *Απεροποτοκοςъ*) и что въ Христѣ воплощенъ Богъ, который не рождается, не умираетъ, не воскресаетъ, но онъ воскресилъ того, въ которомъ онъ былъ воплощенъ³⁶⁾. Павліансты спутились еще ниже. Флѣри говоритъ, что когда произошелъ расколъ моноелитовъ (въ VII вѣкѣ), послѣдователи ученія Павла-Самосатскаго, не иначе разумѣли Христа какъ *просто за человѣка* и приписали ему только *одну природу*, почему Сергій-моноелитъ и надѣялся на сочувствіе ихъ къ своему ученію. (Fleury, t. 2, p. 827). Все это было въ началѣ VII вѣка.

IV.

Въ заключеніе нашего обзора философіи и ученія расколовъ и положенія христіанства до VII вѣка, намъ остается изложить здѣсь краткій выводъ изъ всего сказаннаго и выставить рядъ заблужденій, передаваемыхъ изъ рода въ родъ

35) Послѣдователей ученія Евтіи (Oetius), вѣроятно, по аналогіи, звуку имени и содержанію ученія называли, вмѣсто евтинистовъ (oetyists), аоеистами (Gib., The Decl. et fall. etc., chapitre XXI, стереотипное изданіе 1886 года, стр. 315).

36) Въ первой проповѣди Несторія о подтвержденіи имъ сказаннаго, дѣлаются ссылки на евангелистовъ Матѳея, I, 20; Іоанна, II, 6; Посланіе къ евреямъ, VII, 3. См. Fleury, t. II, p. 311.

между іудеями и христіанскими расколами и впоследствии составившихъ цѣлое наслѣдство для новаго еретика и законодателя арабовъ. Повѣряя наше обзорѣніе съ глубокой древности до VI вѣка христіанской эры, мы можемъ слѣдить, идя этнографическимъ путемъ, какіе господствовавшіе пороки, какіе закоренѣлыя суевѣрія и предразсудки поддерживали заблужденіе въ пространствѣ пятнадцати вѣковъ времени и какіе плоды могли принести сѣмена зла, брошенныя на почву невѣжества. Критически разсматривая цѣлые ряды этихъ заблужденій, перерождавшихся изъ идей въ идеи, изъ формъ въ формы, мы находимъ, что главный характеръ каждаго всегда сохранился почти невредимо чрезъ столь отдаленное пространство времени, такъ что въ христіанскихъ расколахъ VI—VII столѣтія можно распознать почти безъ исключенія всѣ отрасли закоренѣлыхъ золъ и опредѣлить, изъ какихъ началъ они распускались, отъ какихъ корней пробивались эти начала.

Ожиданіе возстановителя порядка, тишины и благочестія въ падшемъ человѣчествѣ, управителя и спасителя міра принадлежитъ всѣмъ періодамъ исторіи религіи Востока. Отголосокъ перваго *обитованія* Бога раздался по всѣмъ обитающимъ перваго человѣчества; идея о грядущемъ Спасителѣ была похищена, усвоена язычниками и передана эхомъ по всѣмъ слоямъ ихъ рода. Были *мегабды* и ожидаютъ еще одного Гебри; были будды и ожидаютъ ихъ воплощенія индусы и китайцы; были Лже-Мессіи и ожидаютъ его миллионы людей. Такъ исказилась истина въ отголоскахъ лжеудрствованій. *Обманъ и похищеніе*, плоды себялюбія человѣческаго, создавали лжепророковъ, лжеучителей и непризванные просвѣтителі оковали умы людей цѣпями невѣжества и успѣли отуманить отъ родной истины простолюдиновъ, болѣе увлеченныхъ ихъ баснями чѣмъ вѣрою по сознанію.

Мохаммедъ болѣе своихъ предшественниковъ счумѣлъ извлечь изъ этого вреднаго начала принципы для своей религіи. *Во-первыхъ*, онъ назвалъ себя пророкомъ, обѣщаннымъ Богомъ Моисею (См. Второзаконія XVIII, 18.) ³⁷⁾ и Фара-

37) Тоже дѣлалъ Досифей-самарянинъ. См. выше, о самарянахъ.

клитомъ, предсказаннымъ въ Новомъ Завѣтѣ (см. коранъ, гл. LXI—6 съ толкованіемъ Бейзави). Идея объ ожиданіи Спасителя и управителя міра *сахибу-з-замаль* передана имъ псламу точь-въ-точь какъ засталъ онъ ее у евреевъ о будущемъ *Мессіи*, олицетворивъ ее въ одномъ изъ своего рода по прозванію *Месди* и предзнаменовавъ его пришествіе вторымъ пришествіемъ Иисуса Христа, который долженъ прежде его *царствовать на земль тысячу лѣтъ* (см. Ученіе Керннеа, выше сего).

Идеи о воплощеніи у буддистовъ, тайновѣдніе у маговъ, у халдеевъ, подъ вліяніемъ древней восточной философіи, съ одной стороны образовали ученіе іесеевъ и нѣкоторыхъ другихъ іудейскихъ и самарянскихъ сектъ, съ другой создавали разныя заблужденія гностиковъ; вліяніе же греческой философіи на лучшее направленіе умовъ къ истинѣ также не могло не потерпѣть отъ вліянія буддизма и восточной философіи. Политензмъ обнялъ весь міръ; гностика съ III столѣтія до Р. Х. стала развиваться между іудеями, а потомъ христіанами. Заблужденія самарянъ, въ отношеніи къ юдаизму, отразились въ христіанскихъ ихъ колѣнахъ; заблужденія іудеевъ перешли къ христіанскимъ ихъ потомкамъ; въ обществѣ христіанъ оказались разномыслящіе. Предметомъ споровъ и состязаній между ними сперва были *личность Спасителя, Новый Завѣтъ и значеніе* апостола Павла. Евіонисты и керннеиды отвергали божество Спасителя; видѣли въ немъ смѣсь человѣка съ духомъ небеснымъ — Христомъ; отвергали въ Новомъ Завѣтѣ многое и отреклись отъ апостола Павла. Доссеты признавали въ Христѣ единого Бога, безъ участія человѣческаго естества. Идеи эти тревожили Церковь спорами о Троицѣ; явились лжеевангелія, лжепосланія, лжеучители и все это въ VI столѣтіи создало разномыслія о Христѣ Спасителѣ, поражающія своими противоположными и нелѣпыми колоритами всякій здравый умъ.

Между христіанами VII столѣтія въ малой Азій, Сиріи, Египтѣ, Египтѣ и Аравіи и тѣмъ, которые образовали расколы I-го вѣка мы находимъ тысячу оттѣнковъ языка и вѣрованій; но главные отдѣлы послѣднихъ могли быть доступными Мохаммеду черезъ арабскій и сирійскій пдіомы сиеме-

тического языка. Твердымъ знаніемъ своего отечества и своимъ путешествіемъ въ Сирію онъ легко могъ познакомиться съ положеніемъ христіанъ въ этихъ странахъ и по нимъ имѣть полное понятіе о всѣхъ другихъ. Главные пункты разногласія между всѣми этими христіанами онъ скоро постигъ и ихъ же обратилъ онъ въ орудіе противъ своихъ антогоністовъ. «Исусъ-Богъ, Исусъ-человѣкъ, Исусъ-Богочеловѣкъ, онъ Слово Бога, онъ Сынъ Бога, онъ сынъ Маріи» — вотъ вопросы вѣрованія о личности Спасителя, представлявшіеся его понятію несообразными противорѣчіями. О священномъ писаніи онъ видѣлъ не менѣе противорѣчій между христіанами и евреями. Между послѣдними одни признавали лишь Пятикнижіе Моисея; другіе болѣе, третьи еще болѣе, т. е., апокрифическія книги. Между христіанами онъ видѣлъ то же въ отношеніи къ Новому Завѣту и подложнымъ евангеліямъ и посланіямъ. До него доходили распри и толки христіанъ апостольскихъ временъ, обвиненіе во лжи первыхъ христіанъ (евіонитовъ), Павла и даже другихъ апостоловъ (Марка, Луки и Іоанна) и другихъ; ибо евіониты и керинопды, какъ мы замѣтили выше, ничего не признавали кромѣ евангелиста Матеіа; до него доходили слухи, что у первыхъ христіанъ евангеліе (отъ Матеіа) также подвергалось искаженію, какъ въ древности законы Моисея. Напримѣръ, у самарянъ было свое пятикнижіе, у іудеевъ свое; у назарянъ было свое евангеліе, у евіонитовъ — свое, и т. п. Все это Мохаммедъ собралъ вмѣстѣ и началъ свои упреки евреямъ и христіанамъ. Самое первое, чѣмъ возсталъ онъ противъ нихъ, было обвиненіе, что человѣки, т. е., евреи и христіане, исказили Божіе слово (см. коранъ, гл. II, ст. 70; гл. IV, ст. 48; гл. V, ст. 16, 45). На этомъ обвиненіи онъ основалъ свое ученіе: *Что Богъ ниспослалъ человѣкамъ свое слово (пятикнижіе, книги пророческія и евангеліе) черезъ избранныхъ своихъ пророковъ: Адама, Еноха, Ноя, Авраама. Исаака, Моисея и Исуса* ³⁸⁾; *что человѣки исказили слово Бо-*

38) Замѣтить надо, что имена пророковъ тѣ же, что мы встрѣчаемъ у первыхъ евіонитовъ и эльсезанитовъ. См. выше, о первыхъ расколахъ христіанскихъ.

жизне и отвергли истину; что все писаніе въ рукахъ евреевъ и христіанъ разлчилось наименованій — не слово Божіе, а сущій подлогъ, и что настоящее слово Божіе исчезло и скрылось отъ глазъ грѣшниковъ. Это ученіе, переданное потомству частію въ коранѣ, а болѣе въ преданіяхъ (*хадисъ*), послужило основаніемъ мохаммедовой религіи. Чтобы доказать, что это его ученіе истинно, Мохаммедъ обращалъ вниманіе самихъ евреевъ и христіанъ на самое положеніе ихъ ученія, на разные толки между ними существующіе, на разныя несообразности съ истиной. — «*Богъ-три, Богъ одно изъ трехъ, Богъ-троица!*» восклицалъ онъ христіанамъ (коранъ гл. V, ст. 77). «*Богъ-Христосъ сынъ Маріи!*» — сказала онъ несторіанамъ (коранъ, гл. V, ст. 19, 76). «*Богъ одинъ! — прибавилъ онъ, — нѣтъ Бога кромѣ Аллаха; Христосъ же, — сынъ Маріи, — не кто другой, какъ пророкъ Божій, а мать его — праведная жена; оба они пили и пили!*» (коранъ, гл. V, ст. 76). Иудеевъ же онъ упрекалъ за то что они, ради своихъ выгодъ, «исказили слово Божіе и не приняли Его пророка Исуса, Слова Божія, рожденнаго отъ Святаго Духа». И тѣхъ и другихъ осыпалъ упреками, угрожалъ несчастіями въ здѣшней жизни и въ будущей, за то, что они отвергаютъ послѣднюю пророка Божія, обѣщаннаго въ священномъ писаніи, — *Ахмеда* ³⁹⁾!

Ясно видимъ, какъ Мохаммедъ собралъ матеріалы изъ жизни и ученій христіанскихъ расколовъ, господствовавшихъ до него въ Аравіи, Сиріи и въ сосѣднихъ странахъ. Ученіе объ Исусѣ Христѣ *вмѣстѣ* и объ Исусѣ и о Христѣ *срознь* (какъ преподавали евіониты и керинейды) не могло не быть поводомъ къ лжемудрствованіямъ аріанъ, павлинистовъ и несторіанъ. Непонятная система Аполинарія, взявшая свое начало изъ ученія дакетовъ, разработанная у меркіонистовъ, у манихіанъ и другихъ гностиковъ, послужила основаніемъ

39) Коранъ говоритъ, что Исусъ Христосъ сказалъ иудеямъ: «Чада израилевы! Я, посланный Бога, утверждающій законы моисеевы, мнѣ извѣстные, и притомъ благовѣствующій о грядущемъ за мною пророкѣ, которому имя — «Ахмедъ!» Коранъ, гл. LXI, ст. 6.

монофизитовъ. Всѣ эти заблужденія наводняли христіанство VI и VII вѣка въ отечествѣ Мохаммеда и пограничныхъ съ нимъ мѣстностяхъ. Онъ, съ одной стороны, былъ правъ въ своемъ убѣжденіи, что до него не могло дойти истинное христіанское ученіе въ первобытной его чистотѣ, какъ оно хранилось въ православной католической Церкви. Онъ былъ окруженъ несторіанями и монофизитами, которые дѣйствительно исказили ученіе Христово и приготовили поприще еретику. Самыя первыя основы ученія Мохаммеда столько же почти различествуютъ отъ ученія несторіанъ и древнихъ евіонитовъ, сколько эти послѣдніе отъ истиннаго православнаго ученія. Но преобразователь расколовъ, утвердивъ свое значеніе между своими соотечественниками арабами, этимъ единственнымъ древнимъ народомъ симетической расы, отличавшимся всегда призваніемъ къ пропагандизму, началъ помышлять о другомъ, болѣе соотвѣтствующемъ его успѣхамъ. На приведеныхъ началахъ онъ устроилъ свою новую религію, вооружилъ ее неслыханнымъ фанатизмомъ, и силою своей политики приготовилъ новый народъ къ новымъ подвигамъ, къ новымъ побѣдамъ, за чертою отечества — въ странахъ громко-историческихъ.

Въ слѣдующей третьей главѣ нашего сочиненія мы будемъ говорить объ этомъ великомъ преобразователѣ Востока, основателѣ ислама и имперіи грозныхъ въ свое время сарациновъ.

МИРЗА АЛЕКСАНДРЪ КАЗЕМЪ-БЕКЪ.

С.-Петербургъ. 24-го февраля 1860 года.

ДЕРЕВЕНСКІЕ РАЗСКАЗЫ

БЕРТОЛЬДА ЛУЭРБАХА.

III.

ТОНЕЛЕ УКУШЕННАЯ-ЩЕКА.

На концѣ поля, тамъ, гдѣ раздѣляется дорога, и одна ведетъ въ Мюрингенъ, а другая въ Альдорфъ, у такъ называемаго «Вишневаго куста», въ воскресенье послѣ обѣда, сидѣли три дѣвушки подъ цвѣтущей вишней. Вокругъ все было тихо; не двигался плугъ, не скрипѣла телега. На сколько глазъ могъ видѣть, всюду былъ воскресный покой. Съ противоположной возвышенности, изъ Дабервазена, гдѣ еще стоитъ церковь стараго монастыря, раздавался благовѣстъ, какъ бы громкимъ привѣтомъ провожая домой богомольцевъ. Въ небольшой долинкѣ, названной «Ямой», межъ зеленью хлѣбнаго поля желтѣла рѣпа, а справа на пригоркѣ съ жидовскаго кладбища виднѣлись только четыре плакучія ивы, стоявшія по четыремъ угламъ большой насыпи, подъ которой поконится бабушка, мать и пятеро дѣтей, сгорѣвшіе всѣ въ одномъ домѣ. Далѣе, внизу, между цвѣтущими деревьями, стояло высокое, кирпичнаго цвѣта съ бѣлыми полосками распятіе. Все же остальное дышало тихо текущей жизнью. Единственный лиственный лѣсъ во всей окрестности, названный «Буковымъ лѣскомъ», стоялъ въ пышной зелени, а по другую сторону дороги тянулася еловый лѣсъ со своимъ гордыми и прямыми деревьями въ ясномъ,

движимомъ спокойствіи. Не шелохнулось ни листка. Высоко подь облаками раздавалось пѣніе жаворонка и, спрятавшись глубоко въ бороздѣ бѣлъ перепелъ. Поля, казалось, цвѣли только сами для себя; нигдѣ не было видно человѣка съ заступомъ и лопатой, который обличалъ бы, что земля ему подвластна. Тамъ и сямъ поперегъ поля проходилъ крестьянинъ, иногда одинъ, иногда проходило нѣсколько, дружески разговаривая; они смотрѣли на урожай своего посѣва; всѣ были одѣты по праздничному, и съ удовольствіемъ любовались на мирное господство и дѣятельность природы въ праздничной красѣ.

Три дѣвушки спокойно сидѣли, сложивъ руки на свои праздничные передники, и напѣвали пѣсню. Бербеле пѣла первый голосъ, Тонеле (Антопія) и Бригитле вторили ей съ природнымъ смысломъ. Благоговѣнно и заунывно разносились по полю протяжные звуки, и всякой разъ, какъ дѣвушки начинали пѣть, щегленокъ, сидѣвшій на вѣткѣ вишни, начиналъ свистать съ двойнымъ удовольствіемъ, и лишь только дѣвушки останавливались послѣ куплета, или тихонько разговаривали другъ съ другомъ, почти внезапно останавливался и щегленокъ. Дѣвушки пѣли:

«Побудь ты со мной, дорогая!
Хоть годикъ со мною побудь!
Кормить и поить тебя стану.
Зачѣмъ собираешься въ путь?»

«Нельзя мнѣ съ тобою остаться.
Мы ѣдемъ въ чужіе края.
Какъ буду далеко, далеко —
Смотри, не забудь ты меня!»

Какъ въ край чуждеальной пришелъ я —
И вижу ее у воротъ....
«Ахъ! какъ это здѣсь очутился?»
Сама жъ и на встрѣчу нейдетъ.

Красавицы нѣту на свѣтѣ,
Чтобъ съ нею сравниться красой;
Нѣтъ дѣвушки въ Австріи цѣлой
Съ такою жестокой душой!

Пафъ! раздался выстрѣлъ; дѣвушки вздрогнули; щегленокъ вспорхнулъ съ вишни. Тутъ дѣвушки увидѣли мюрингенскаго егеря; онъ бѣжалъ по полю; собака его бѣжала впередъ. Егеръ поднялъ коршуна; выдернулъ изъ него перо, воткнулъ его себѣ въ шляпу, сунулъ птицу въ ягташъ и повѣсилъ ружье себѣ на плечо; это былъ красивый мужчина.

Тонеле сказала:

— Могъ бы въ воскресенье и не бить птицъ.

— Да, сказала Бербеле:— всѣ егеря не истинные христіане; они только и знаютъ, что сажать бѣдныхъ крестьянъ за самовольную порубку въ тюрьму, да убивать невинныхъ животныхъ. Этотъ зеленый чортовъ слуга еще недавно засадилъ Блезиса Кетера на четыре недѣли въ рабочій домъ. Я бы не вышла замужъ за егеря, хоть онъ и не знаю чего сулилъ бы мнѣ.

— Старая Урсель рассказывала мнѣ разъ, сказала Бригитле, самая младшая изъ трехъ:— что егеръ долженъ каждый день убить что-нибудь живое.

— Этого у него и на себѣ довольно, смѣясь, сказала Бертеле, намекая можетъ быть на блохъ.

Между тѣмъ егеръ подошелъ ближе. Какъ будто сговорившись, всѣ три дѣвушки начали пѣть; онѣ хотѣли сдѣлать видъ, будто не замѣчаютъ егеря, а все-таки пѣли въ смущеніи только въ полголоса послѣдніе стиха пѣсни:

Не стану я много крушиться;
Осѣдланъ мой конь вороной.
Коль милая мнѣ измѣнила,
Поѣду обратно домой!

— Здравствуйте, дѣвушки; что поете такъ тихо? спросилъ егеръ, остановившись.

Дѣвушки начали хихикать, закрывая рты передниками; Бербеле всѣхъ скорѣе образумилась, и сказала:

— Спасибо, господинъ егеръ; мы поемъ только для себя, а сами слышимъ, какъ бы тихо ни пѣли; мы для другихъ не поемъ.

— Брр! сказалъ егеръ:— языкъ у васъ рѣжетъ, какъ наточенный.

— Наточенный, или ненаточный; а какой есть, такой и есть; кому не нравится, пусть дѣлаетъ, что знаетъ, отвѣчала Бербеле.

Тонеле толкнула ее, и шопотомъ сказала:

— Вѣдь ты груба, какъ бобовая солома!

— Шутку я и принимаю шутя, сказалъ егеръ, стараясь не обидѣться.

Какъ бы то ни было, дѣвушки были сконфужены и избрали самое неудачное средство скрыть смущеніе; онѣ встали, взялись подѣ руки и пошли домой.

— Позвольте, дѣвушки, пойдти съ вами! снова сказалъ егеръ.

— Дорога широка, сказала Бербеле.

Егеръ хотѣлъ было убраться прочь отъ грубой дѣвушки, но скоро одумался, что смѣшно позволить такъ озадачить себя. Онъ чувствовалъ, что надо бы отвѣчать такимъ же тономъ; но не могъ: Тонеле, подлѣ которой онъ шелъ, такъ бросилась ему въ глаза, что онъ не могъ пошутить порядочно, хотя былъ совсѣмъ не изъ робкаго десятка; онъ спустилъ дѣвушкѣ ея шутку, и молча шелъ подлѣ нихъ.

Чтобъ какъ нибудь загладить свои слова, Тонеле спросила:

— Куда жъ вы идете въ воскресенье?

— Въ Горбъ, сказалъ егеръ: — и если дѣвушкамъ угодно пойдти со мной, ужъ я не поскуплюсь угостить ихъ бутылочкой.

— Мы останемся дома, сказала Тонеле, и покраснѣла до ушей.

— Мы лучше угостимся домашнимъ виномъ; вѣдь оно у насъ также даровое, сказала Бербеле.

Подойдя ближе къ деревнѣ, Бербеле опять сказала, указывая на дорогу:

— Господинъ егеръ, вы можете обойдти сзади; вотъ ближайшая дорога въ Горбъ.

Егерю не достало терпѣнія, и на языкѣ у него уже было грубое словечко; но онъ остановился и сказалъ:

— Я съ удовольствіемъ встрѣчаю честныхъ людей въ честной деревнѣ.

Но онъ не могъ удержаться, чтобы при этомъ не повернуться спиной къ Бербеле.

Такъ всегда бываетъ. Такъ-какъ егеръ не могъ пошутить, онъ сдѣлалъ грубость; это часто случается.

Когда всѣ четверо вошли въ деревню, егеръ спросилъ Тонеле, какъ ее зовутъ; но та еще не успѣла отвѣтить, какъ Бербеле сказала:

— Какъ окрестили.

Егеръ обратился къ Бербеле и сказалъ:

— Вы удивительно какъ умны; сколько вамъ лѣтъ?

И получилъ обыкновенный отвѣтъ:

— Столько же, сколько моему мизинцу.

Тонеле отвѣчала въ полголоса:

— Меня зовутъ Тонеле. Зачѣмъ вы спрашиваете?

— Затѣмъ, что мнѣ пріятно знать это.

Они начали подыматься въ гору, по которой тянулось два ряда домовъ; наверху, у дома Зауербруненбапа, дѣвушки молча соединились своими головами, и вдругъ, какъ спугнутые голуби, разсыпались въ разныя стороны, и оставили егеря одного; онъ свиснулъ своей собакѣ, убѣжавшей за дѣвушками, засунулъ лѣвую руку за ремень, на которомъ висѣло ружье, и пошелъ далѣе.

У «Каменной ямы» дѣвушки отдохнули, и снова собрались идти.

— Ну! ужъ ты слишкомъ груба, сказала Тонеле Бербеле.

— Правда, подтвердила Бригитте.

— Вѣдь онъ ничего тебѣ не сдѣлалъ, продолжала Тонеле: — а ты напала на него, какъ цѣпная собака.

— Я также ничего ему не сдѣлала, сказала Бербеле: — я только подурачила его; зачѣмъ же онъ, дуралей, не отвѣчалъ мнѣ тѣмъ же? Ужъ правда, такъ правда; я ничего ему не сдѣлала; зачѣмъ же эта зеленая куртка навязывается? Ужъ не думаетъ ли онъ, что если служить у мюрингенскаго барона егеремъ, такъ и смѣетъ такъ гулять съ нами по всей деревнѣ, чтобъ люди думали, что мы хотимъ чего-нибудь отъ него? А что подумаетъ Сепперъ и

Каспаръ? Нѣтъ, я не такая вѣтренница, какъ ты; я терпѣть не могу этихъ графовъ и бароновъ.

Разговоръ прекратили пришедшіе Сепперъ и Каспаръ; они искали своихъ милыхъ у «Вишневаго куста» и не нашли. Бербеле стала рассказывать всю исторію съ егеремъ, я не давала никому слова сказать; а такъ какъ на умъ ей приходило еще много острыхъ словъ, она, не стѣсняясь, и ихъ вставила въ рассказъ. Это часто бываетъ, что человѣкъ, рассказывая что-нибудь о себѣ, прикрашиваетъ рассказъ, сообщая, что сказалъ и сдѣлалъ то-то и то-то, на что во время у него не доставало рѣшимости, или что позже пришло ему въ голову.

Сепперъ вполне одобрилъ Бербеле, и сказалъ:

— Эту барскую сволочь напередъ всегда надо отщелкать!

Егеря, совсѣмъ не походившаго на барина, все таки причислили къ господамъ, чтобы больше можно было ругать его.

Сепперъ взялъ подъ руку милую свою Тонеле, а съ другой стороны повисла Бригитле; Каспаръ и Бербеле шли подлѣ нихъ, и такимъ образомъ компанія шла по Гольгассе въ Гохбуксъ.

Сепперъ и Тонеле были красивая парочка; оба почти одинакаго роста и статные; идя вмѣстѣ, они были вдвойнѣ красивы; каждый и отдѣльно былъ уже красивъ, но еще лучше были они вмѣстѣ; изъ тысячи можно было ихъ выбрать: вамъ-де быть вмѣстѣ. Сепперъ былъ одѣтъ вполувину солдатомъ, вполувину крестьяниномъ; коротенькая крестьянская куртка на распашку еще болѣе выдавала прекрасную, пропорціональную фигуру его, обтянутую узкими панталонами. Сепперъ имѣлъ видъ офицера, одѣтаго по домашнему; такъ манеры его были ловки и строги, и вмѣстѣ съ тѣмъ свободны и непринужденны.

Прийдя въ Гохбуксъ, они увидѣли недалеко егеря; онъ разговаривалъ съ пордштетенскимъ лѣснымъ сторожемъ. Сепперъ даже замѣтилъ, что егеръ указывалъ на нихъ, и сталъ откашливаться, какъ будто ему надо было порядкомъ

отвѣтить «барину», хотя они были еще въ двухъ стахъ шагахъ отъ него. Потомъ онъ обнялъ Тонеле и отъ души поцеловалъ ее, какъ бы издали отвѣчая. Потомъ пошелъ, весело посвистывая и дерзко и смѣло покачиваясь.

Еслибъ онъ слышалъ разговоръ егеря со сторожемъ, онъ еще бы больше разходился; егерь говорилъ:

— Смотри, вотъ она идетъ! Эта дѣвушка точно восковая; сколько я помню, я еще не встрѣчалъ такой.

— Да, да! я угадалъ, отвѣчалъ сторожъ: — это Тонеле Кудлашкина; отца ея зовутъ Кудлашкой, потому что волосы у него какъ у барана; у Тонеле такіе же свѣтлые, курчавые волосы; ее также вся деревня зоветъ борсдорфскимъ яблокомъ: у ней такія красныя щеки. Старый аббатъ нашъ былъ не дуракъ и хотѣлъ взять ее себѣ въ кухарки; да держи карманъ! Кудлашка утеръ ему рыло славнымъ «спасибо.» У Тонеле будетъ свое хорошее хозяйство; дѣло не къ спѣху.

Егерь протянулъ лѣсному старостѣ руку, и прежде чѣмъ гуляющіе дошли до нихъ, быстро пошелъ внизъ по тропинкѣ.

Сидя на межѣ поля, знакомые наши провели день разпѣвая и цалуясь. Всѣхъ хуже было тутъ Бригитле; дружокъ ея въ Гейльбронѣ въ солдатахъ; кто знаетъ, гдѣ онъ теперь, въ то время, какъ милая его, отвернувшись нылающимъ лицомъ отъ другихъ, играетъ цвѣткомъ, и думаетъ о комъ? Когда начало смеркаться, Бригитле оправила подругъ своихъ; ея воротничекъ былъ въ порядкѣ, волосы же и воротнички другихъ смялись и спутались, и она, оправляя ихъ, добродушно ворчала.

Они опять пошли гулять по улицѣ. Всѣ дѣвушки и парни собрались тутъ, и раздѣлились на мужскую и женскую половину.

На западѣ, или, какъ у насъ говорятъ, «надъ Рейномъ», солнце сѣло, залитое краснымъ заревомъ, предвѣщая хорошую погоду на слѣдующій день.

Парни ходили длинными рядами, но каждый отдѣльно, разпѣвая и подсвистывая хору. Шаговъ за тридцать отъ

нихъ шли дѣвушки подѣ руку, также длинными рядами, за-
нявъ всю ширину улицы. Онѣ не прерываясь пѣли. Какая-
нибудь дѣвушка постоянно начинала новую пѣсню, а другія
подхватывали безѣ дальнѣйшихъ размысленій и разгово-
ровъ.

Тонеле шла съ лѣваго фланга; за ея правую руку дер-
жалась Маранна Блечле, прозванная Фламбомаранной. Это
была несчастная дѣвушка; вся лѣвая сторона лица ея была
синяго цвѣта, какъ будто облитая запекшейся кровью. Во
время большаго пожара, восемнадцать лѣтъ тому назадъ,
на которомъ сгорѣли семь человѣкъ, мать Маранны была
беременна, и ее поскорѣ вывели изъ дому; увидавъ пламя,
она съ испугу схватилась рукой за лицо. Когда дитя роди-
лось, одна сторона лица была у него огненнаго цвѣта. У
Тонеле былъ непреодолимый страхъ къ Мараннѣ; но у ней
недоставало довольно духа оттолкнуть ее, когда та брала ее
подѣ руку. Такимъ образомъ и теперь она шла подлѣ нея,
внутренно трепеща, и пѣла какъ можно громче, чтобы тѣмъ
придать себѣ духу.

Около дома Шлосбауера егеръ, возвратясь изъ Горба,
догналъ дѣвушекъ. Увидя Тонеле, онъ вспыхнулъ, снялъ ру-
жье съ плеча, потомъ опять положилъ и сказалъ, обращаясь
къ Тонеле:

— Здравствуйте, дѣвушки!

— Благодарствуйте, отвѣчали нѣкоторые; а егеръ обра-
тился къ Тонеле не такъ громко:

— Можно ли теперь идти съ вами?

— Нѣтъ, это нейдетъ, чтобъ вы шли съ нами по де-
ревнѣ; сдѣлайте одолженіе, идите впередъ, къ парнямъ, от-
вѣчала Тонеле также совсѣмъ тихо.

Егеръ былъ чрезвычайно доволенъ и пошелъ впередъ,
вѣжливо кланаясь.

Всѣ остановились у «Орла». Раздался вечерній звонъ;
парни сняли фуражки, и тихо прочитали «Отче нашъ»; дѣ-
вушки также шопотомъ молились, и потомъ каждый пере-
крестился.

Лишь только это кончилось, начались опять шутки и про-
казы. Егеръ сказалъ:

— Прощайте, добрые люди!

И пошелъ своей дорогой.

Дѣвушки начали дразнить Тонеле егеремъ, и тѣмъ, что она о чемъ-то шепталась съ нимъ. Сепперъ, слышавшій это, вдругъ остановился, какъ окаменѣлый, судорожно сжалъ трубку, которую подносилъ ко рту, лѣвой рукой сложилъ кулакъ, и не выговорилъ ни слова, но въ глазахъ, прпстально устремленныхъ на Тонеле, выражалась страшныя мысли. Но вслѣдъ за этимъ онъ опять гордо сталъ покачиваться, и только разъ обернулся.

Когда всѣ разбрелись, Сепперъ пошелъ провожать Тонеле. Онъ сначала шелъ молча, потомъ сказалъ:

— Что у тебѣ тамъ съ егеремъ?

— Ничего.

— Чтò ты съ нимъ говорила?

— Такъ; чтò обыкновенно говорится.

— Я хочу, чтобъ ты не говорила съ нимъ ни слова.

— А я не хочу, чтобъ ты приказывалъ мнѣ, съ кѣмъ говорить.

— Ты гордая и лукавая дѣвушка.

— Если ты такъ думаешь, и прекрасно.

Оба шли еще нѣсколько шаговъ, не говоря ни слова. Они пришли къ дому Тонеле, она сказала: «прощай», но Сепперъ не отвѣтилъ ей, и Тонеле вошла въ домъ. Сепперъ весь вечеръ простоялъ около дома; онъ свисталъ и пѣлъ на разные лады, думая, что Тонеле выйдетъ къ нему; но она не вышла, и онъ въ злобѣ пошелъ домой.

Въ продолженіи всей недѣли Сепперъ ни слова не говорилъ съ Тонеле; онъ даже избѣгалъ ея при встрѣчѣ.

Въ субботу послѣ обѣда Сепперъ поѣхалъ на лошадахъ въ Вюрмлестеле за травой къ воскресенью. На возвратномъ пути, онъ увидѣлъ Бербеле, шедшую изъ Вейгелестеле съ тяжелой связкой травы на головѣ; онъ остановился, и закричалъ Бербеле, чтобы она положила траву на телегу, и сама бы сѣла къ нему. Тутъ на возу произошло основательное объясненіе. Бербеле такъ намылила голову Сепперу за его глупую ревность, что онъ въ тотъ же вечеръ ждалъ Тонеле у

ратушнаго колодца; когда она пришла за водою, онъ быстро подскочилъ къ ней, поднявъ ей кадку на голову, и, идя подлѣ нея, сказалъ:

— Какъ провела ты эту недѣлю? У меня чертовски много было дѣла.

— И самъ еще больше себя чертовски мучишь.... Ты человѣкъ дикій. Видишь ли теперь, что былъ несправедливъ?

— Съ егеремъ, смотри, не смѣй говорить ни слова!

— Захочу, такъ стану говорить, сказала Тонеле: — я не ребенокъ, и знаю, какъ вести себя.

— Если не придется, такъ не для чего тебѣ говорить съ нимъ.

— Да, не для чего; но я не позволю держать себя на привязи.

Миръ былъ снова восстановленъ; помѣхи никакой не случилось; да и егеръ долго не приходилъ въ Нордштетень.

Тонеле часто по воскресеньямъ сидѣла съ подругами или съ Сепперомъ у «Вишневаго куста», и пѣла и шутила. Лѣсная вишня (другой у насъ и нѣтъ) давно поспѣла; рѣпу выкопали; рожь и ячмень сжали; въ тихой, мирной жизни нашихъ друзей все было по старому; любовь Сеппера и Тонеле усилилась, если только это возможно. Этой осенью Сепперу оставалось лишь явиться на послѣдніе маневры, получить отставку, а потомъ сыграть и свадьбу.

Съ того весенняго воскресенья Тонеле ни разу не видѣла егеря. Разъ только, когда она съ Сепперомъ жала овесъ въ Мольде, егеръ прошелъ мимо, и сказалъ: «хорошо ли жнется?» Тонеле невольно вздрогнула, не отвѣчала ни слова, а наклонилась, и прилежниѣ стала жать; Сепперъ же отвѣчалъ: «спасибо!» и, придавивъ колѣномъ снопу, крѣпко стянулъ его, какъ будто перетягивая егерю шею. Егеръ пошелъ далѣе.

Хорошо, что Сепперу нужно было отправиться на маневры только черезъ три дня послѣ свадьбы Бербеле съ Каспаромъ. Онъ намѣревался хорошенько повеселиться, и сдержалъ слово.

Почти во всѣхъ домахъ, куда Сепперъ съ Каспаромъ приходили приглашать на свадьбу, люди говорили:

— Ну, Сепперъ, теперь и до тебя скоро дойдетъ очередь. Сепперъ самодовольно ухмылялся.

Въ день свадьбы Сепперъ былъ веселъ, какъ птица на льянномъ сѣмени. Онъ предвкушалъ свое будущее, скорое счастье. Прийдя на танцы, онъ взошелъ къ музыкантамъ на возвышеніе, и заказалъ на свою свадьбу двухъ лишнихъ трубачей; какъ гвардейцу, ему хотѣлось побольше трубачей.

Вечеромъ появленіе егеря положило тѣнь на намѣреніе Сеппера; егеръ пришелъ также на танцы, и прежде всѣхъ ангажировалъ Тонеле.

— Ужь ангажирована, сказалъ Сепперъ вмѣсто Тонеле.

— Онѣ вѣрно сами умѣютъ говорить, отвѣчалъ егеръ.

— Слѣдующій вальсъ мы будемъ съ вами танцовать, сказала Тонеле, взявъ Сеппера за руку.

Она еще разъ обернулась къ егерю, прежде чѣмъ начала танцовать. Когда Тонеле танцевала вальсъ съ егеремъ, Сепперъ сѣлъ за столъ, намѣреваясь не двинуться впродолженіе цѣлаго вечера, да запретить и Тонеле танцовать. Тутъ пришла Бербеле, присланная подружкой, и пригласила надувшася Сеппера. Отказать въ танцѣ молодой никто не смѣетъ, и Сепперъ пошелъ за Бербеле; во время отдыха она порядочно пожурила его.

— Я совѣмъ не понимаю, говорила Бербеле: — ты кажешься мнѣ чистымъ дуракомъ со своимъ егеремъ! Ты самъ виноватъ, что Тонеле пріятно съ нимъ. Она бы никогда не вспомнила о немъ, если бъ ты вѣчно не надоѣдалъ ей съ нимъ; ей поневолѣ приходится все о немъ вспоминать, и думать, точно ли она нравится егерю; а этакъ, пожалуй, и онъ ей понравится; смотри-ка, онъ умѣетъ танцовать лучше тебя; вѣдь ты не провальспируешь такъ на выворотъ.

Сепперъ засмѣялся, но въ душѣ согласился съ хитрой умницей, и сидя потомъ за столомъ со своей мпой, выпилъ за здоровье егеря (отвѣчая на его тостъ) и, мигнувъ при этомъ Тонеле, сказалъ:

— Чокнись съ нимъ!

Егеръ, вѣжливо поклонившись, выпилъ за здоровье Тонеле; Сепперу онъ едва кивнулъ. Сепперъ же рѣшился не сердиться болѣе въ этотъ день; онъ былъ очень радъ своему

умному поведенію съ егеремъ, и съ наслажденіемъ держаль Тонеле за руку. Тутъ его позвали на главную свадебную затѣю.

Всѣ холостяки украли, по старому обычаю, молодую. Они замкнули ее въ кружокъ, и Каспаръ, молодой, долженъ былъ съ разными шутовскими прибаутками выкупать ее. Шесть бутылокъ вина освободили молодую, и новобрачные отправились домой. Музыканты сошли съ возвышенія къ открытому окну, и играли имъ обычный маршъ, а за ними раздалось еще нѣсколько «ура!»

Тонеле задумчиво стояла у окна, когда Бербеле давно уже ушла, и всѣ снова принялись танцовать.

Была уже поздняя почъ, или, лучше сказать, раннее утро, когда Сепперъ пошелъ провожать домой Тонеле. Они еще долго сидѣли одни, и Тонеле съ жаромъ прижималась лицомъ къ его щекѣ и крѣпко обнимала его. Сепперъ тоже былъ сильно взволнованъ; но все-таки не могъ утерпѣть, чтобъ не заговорить о егерѣ.

— Полно теперь съ егеремъ! право! теперь для меня на свѣтѣ ты одинъ.

Сепперъ высоко приподнял Тонеле, потомъ снова обнялъ ее и, прижавшись губами къ ея щекѣ, сказалъ:

— Такъ бы и укусилъ тебя!

— Кусай, сказала Тонеле.

О ужась! Сепперъ въ самомъ дѣлѣ укусилъ; кровь полила изъ щеки Тонеле до самой шеи. Съ испугомъ схватилась она рукой за щеку, и, почувствовавъ слѣды зубовъ, оттолкнула отъ себя Сеппера такъ, что онъ упалъ навзничъ; потомъ начала она кричать и выть такъ громко, что разбудила всѣхъ въ домѣ. Сепперъ поднялся, чтобъ утѣшить ее; но она съ жалобными воплями опять оттолкнула его отъ себя. Когда въ домѣ послышался шумъ, Сепперъ убѣжалъ, думая: «дѣло не важное»; онъ хотѣлъ избавить и себя и Тонеле отъ всякаго смущенія, надѣясь, что она съумѣетъ найти объясненіе, когда народъ соберется.

Отецъ и мать пришли съ огнемъ, и всплеснули руками при видѣ своей окровавленной дочери. Поскорѣй послали за

старой Урсель, знавшей много домашнихъ средствъ. Старуха прямо сказала:

— Можеть сдѣлаться ракъ; пусть тотъ, кто надѣлалъ это, выльжетъ рану языкомъ своимъ.

Тонеле громко клялась лучше умереть, чѣмъ позволить Сепперу еще разъ дотронуться до себя.

Употреблены были разные средства, и Тонеле стонала, какъ умирающая.

На другой день происшествіе это было извѣстно всей деревнѣ, и люди толковали, что Сепперъ выкусилъ цѣлый кусокъ мяса изъ щeki Тонеле. Всѣ пришли утѣшать Тонеле, да вмѣстѣ удовлетворить и своему любопытству. Сепперъ тоже пришелъ; но Тонеле кричала, какъ бѣснующаяся, чтобъ Сепперъ убирался, и чтобы ноги его никогда не было въ домѣ. Никакія просьбы, никакія жалобы не помогли; Тонеле была точно сумасшедшая, и Сепперу пришлось уйти. Онъ отправился къ Бербеле, и просилъ ее замолвить за него доброе словечко. Бербеле была занята уборкой свадебныхъ подарковъ; кухонная посуда и разная домашняя рухлядь были разложены около нея. Она, побранивъ порядкомъ Сеппера, все тотчасъ же оставила, и пошла къ Тонеле. Тонеле съ громкимъ крикомъ бросилась на шею къ своей подругѣ:

— Я на всю жизнь опозорена!

Послѣ долгихъ уговоровъ она таки встала съ постели и, подойдя въ первый разъ къ зеркалу и увидавъ свою раненую щеку, вскричала:

— Господи Иисусе Христе! Вѣдь я точно Фламбомаранна! Господи! Я вѣрно противъ нея согрѣшила, и вотъ за это наказана.

Тонеле ни подъ какимъ видомъ не хотѣла болѣе видѣть Сеппера, и онъ черезъ два дня пошелъ наконецъ въ Штутгартъ съ маленькимъ бѣлымъ кожанымъ ранцемъ за спиной.

Тонеле вышла изъ дома только черезъ двѣ недѣли; но все еще съ завязанной щекой. Удивительно! Егеръ почти первый встрѣтился ей, когда она шла, съ лопатой на плечѣ, рыть въ полѣ картофель.

— Какъ поживаете, прекрасная Тонеле? дружески сказалъ онъ раненой.

Тонеле со стыда готова была сквозь землю провалиться; ей было такъ странно, что онъ назвалъ ее по имени и прибавилъ еще «прекрасная»; она тутъ вдвойнѣ почувствовала, какъ ужасно была обезображена. Она только молча вздрогнула; а егеръ сказалъ:

— Я уже слышалъ, что случилось съ вами; позвольте посмотрѣть.

Тонеле съ смущеніемъ сдвинула платокъ; егеръ, невольно всплеснувъ руками, сказалъ:

— Это непростительно, безчеловѣчно обойтись такъ съ такой прекрасной дѣвушкой! Это просто какая-то мужицкая грубость; простите меня; я не объ васъ это говорю; но люди часто бываютъ полувзвѣрми. Не горюйте очень!

Изо всего этого Тонеле обратила вниманіе только на участіе егеря, и сказала:

— Не правда ли, я очень опозорена?

— По мнѣ, это ничего, сказалъ егеръ; — и еслибъ у васъ была только одна щека, вы все таки понравились бы мнѣ больше всѣхъ дѣвушекъ отъ Нордштетена до Парижа.

— Не хорошо такъ смѣяться, сказала Тонеле, печально улыбаясь.

— Нѣтъ, я не смѣюсь, сказалъ егеръ и, взявъ за руку дѣвушку, продолжалъ:— право! Богъ свидѣтель, что я сейчасъ женился бы на васъ.

— Грѣшно такъ говорить, сказала Тонеле.

— Я не вижу грѣха въ томъ, чтобъ намъ жениться, сказалъ егеръ.

— Если хотите остаться со мной хорошимъ пріятелемъ, не говорите больше ни слова объ этомъ, сказала Тонеле, и пошла поперегъ поля.

Егеръ былъ ужъ и тѣмъ доволенъ, что могъ быть съ Тонеле хорошимъ пріятелемъ; онъ и воспользовался этимъ; почти каждую недѣлю приходилъ онъ раза два въ Нордштетень. Сначала онъ велъ переговоры съ Кудлашкой, отцемъ Тонеле, о возжѣ дровъ, происходившей этой осенью; это давало ему больше случаевъ говорить съ Тонеле. Онъ не говорилъ ни слова о женитьбѣ; но надо было быть дуракомъ, чтобъ не замѣтить, что онъ вертится все около этого.

Егеръ былъ не въ чести у Бербеле, а безъ этого у Тонеле нельзя было много выиграть. Сначала пробовалъ онъ дѣйствовать добротой и шуткой, но Бербеле не понимала уже шутокъ; она говорила о Сепперѣ всякой разъ, какъ приходилъ егеръ.

Тутъ представился егерю такой случай, лучше котораго ему и желать было нечего. У Тонеле была богатая тетка въ Мюрингенѣ, выхившая замужъ; свадьба ея должна была быть черезъ нѣсколько дней, и Тонеле пришла на три дня постоянныхъ танцевъ въ Мюрингенъ; сестра егеря скоро сдружилась съ Тонеле, и обѣ дѣвушки вмѣстѣ гуляли по долинамъ и полямъ, и въ танцахъ были также вмѣстѣ. Тонеле тутъ въ первый разъ явилась безъ повязки на щекѣ, и почти можно было сказать, что она съ укушенной щекой еще красивѣе.

Нѣкоторые дикіе и сѣверные народы нарочно увѣчатъ совершенную красоту, чтобъ дурной глазъ не имѣлъ надъ нею силы и дьяволъ, не терпящій ничего прекраснаго, успокоился бы этимъ. Укушенной щеки Тонеле было довольно, чтобы отвести зависть дьявола, не сносившаго похвалъ чему бы то ни было.

Егеръ на танцахъ былъ все время около Тонеле, а вечеромъ доставилъ ей удовольствіе, какого не испытала еще ни одна дѣвушка въ Нордштетенѣ.

Старый баронъ, избѣженный толстякъ, какъ ни былъ скупъ и какъ ни строго преслѣдовалъ крестьянина, пришедшаго въ лѣсъ за вязанкою дровъ, все таки разщедрился на маленькій театръ, который былъ устроенъ у него въ замкѣ, и пригласилъ на него окружную знать. Егеръ получилъ позволеніе привести съ собой въ театръ Тонеле.

Тонеле такъ дрожала, что зубъ съ зубомъ не сходился, когда она шла съ егеремъ на гору, гдѣ стоялъ замокъ, по древнему образцу съ подъемными мостами, валами и рвами. Тихо, почти не дыша, на цыпочкахъ вошла Тонеле въ залъ, гдѣ уже собрались господа; ей указали мѣсто неподалеку отъ музыкантовъ. Главная надзирательница замка направила лорнетъ свой на Тонеле; а Тонеле опустила глаза, и сидѣла

ни жива ни мертва; шрамъ на щекѣ у ней горѣлъ, какъ будто взглядъ главной смотрительницы разтравилъ рану. Вслѣдъ за музыкой зашумѣлъ поднимающійся занавѣсъ, и Тонеле стала слушать едва дыша. Она горькими слезами оплакивала судьбу дочери бѣднаго, добродушнаго Лоренца (играли эту пьесу); еслибъ она была дочерью, то вѣрно не ждала бы такъ долго. Только когда занавѣсъ опустился, тяжелый вздохъ облегчилъ ея грудь.

На возвратномъ пути егеръ обнялъ Тонеле, и она дружески прижалась къ нему; она совсѣмъ растаяла отъ сильнаго волненія; ей казалось, что все это подарилъ ей егеръ, что онъ самъ все это сдѣлалъ, и она еще разъ съ такимъ же удовольствіемъ опять вернулась бы къ доброму старику и его милой дочери, блаженствовавшимъ теперь виѣсть.

Егеръ тоже блаженствовалъ; онъ добился обѣщанія, что Тонеле въ воскресенье, послѣ обѣдни, пойдетъ съ нимъ въ буковую рощу.

Такимъ образомъ егеръ былъ гораздо счастливѣе въ своихъ маневрахъ, чѣмъ Сепперъ на маневрахъ въ лудвигсбургской долині; Сепперъ не успѣлъ получить отставку отъ начальства, какъ ужъ получилъ ее отъ Тонеле.

Возвратившись домой, онъ тотчасъ же отправился къ Тонеле. Онъ засталъ ее за прялкой, въ комнатѣ у ея родителей; но она не сказала съ нимъ ни слова, и только иногда пристально взглядывала на него. Онъ показывалъ свою почетную отставку, и, сдувъ со стола пыль, разкладывалъ ее; но Тонеле не встала даже, чтобъ хоть разъ взглянуть на бумагу. Онъ опять завернулъ отставку въ двойную бумагу, и пошелъ къ Бербеле, осторожно держа документъ въ рукѣ. Тутъ онъ узналъ все, и что подруги поссорились изъ-за егеря. Сепперъ смялъ обѣими руками отставку въ комокъ, и пошелъ отъ нея.

Это было въ сумеркахъ; Сепперъ сидѣлъ у того же «Вишневаго куста», гдѣ мы въ первый разъ видѣли Тонеле. Дерево было голо; вѣтеръ свисталъ по сжатому полю; еловый лѣсъ шумѣлъ и ревѣлъ, какъ потокъ; изъ Дабервазена раздавался ночной колоколь, и опоздавшая воропа каркала надъ лѣсомъ. Но Сепперъ ничего не видѣлъ и не слышалъ.

Онъ сидѣлъ, упершись локтями въ колѣна, и закрывъ лицо руками. Сидѣлъ онъ долго. Тутъ послышался ему лай собакъ и приближавшіеся шаги; онъ быстро вскочилъ. Егеръ шелъ изъ деревни. Сепперъ видѣлъ, какъ блеснуло ружье; разглядѣлъ онъ и бѣлый передникъ, и вѣрно заключилъ, что Тонеле провожаетъ егеря. Они на минуту остановились; потомъ Тонеле пошла назадъ.

Когда егеръ приблизился къ нему, Сепперъ сказалъ дерзкимъ тономъ:

— Доброга вечера!

— Покорно благодарю, отвѣчалъ егеръ.

— Мнѣ еще надо раздѣлаться съ вами, сказалъ Сепперъ.

— Ахъ, Сепперъ! сказалъ егеръ: — давно ли вы воротились?

— Для тебя слишкомъ рано; ты... нечего намъ долго разговаривать; бросимъ жребій, кому изъ насъ достанется Тонеле; и если я потерялъ ее, такъ дай мнѣ ружье!

— Я не хочу бросать жребія.

— Ну, такъ я вырву изъ тебя душу, зеленый мошенникъ! закричалъ Сепперъ, одной рукой схватившись за ружье, а другой за горло егеря.

— Вальдманъ, пиль! закричалъ егеръ въ полголоса. Сепперъ далъ собакѣ порядочный пиннокъ, и тѣмъ нѣсколько высвободилъ егеря. Оба они боролись изо-всей мочи за ружье, схвативши другъ друга за горло. Вдругъ ружье выстрѣлило, и егеръ навзничъ свалился въ ровъ. Онъ простоналъ еще разъ; а Сепперъ наклонился надъ нимъ, прислушиваясь, дышетъ ли онъ.

Тутъ приближала Тонеле, услышавъ во мракѣ ночи выстрѣлъ; она не ждала ничего хорошаго.

— Вотъ онъ! вскричалъ Сепперъ: — вонъ лежитъ твой егеръ; теперь выходи за него замужъ!

Тонеле остолбенѣла, и не могла шевельнуться; наконецъ сказала:

— Сепперъ, Сепперъ! ты сдѣлалъ и себя и меня несчастными!

— Что тебѣ за дѣло до меня? Я никого въ свѣтѣ знать не хочу, вскричалъ Сепперъ и скрылся въ еловомъ лѣсѣ. Больше объ немъ никогда не было слышно.

По дорогѣ въ Мюрингенъ, у «Вишневаго куста», стоитъ около межи каменный крестъ, въ вѣчную память, что тутъ былъ убитъ мюрингенскій егеръ.

Тонеле умерла только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ одинокой и печальной жизни.

ОДИНЪ ИЗЪ МНОГИХЪ.

И въ безконечно-маломъ отражается
величіе цѣлаго.

Пессимизмъ въ мнѣніяхъ о чиновникахъ у насъ нынѣ въ модѣ. Ни одному благомыслящему человѣку не придетъ въ голову сомнѣваться въ исторически-разумной необходимости и практической полезности этого направленія литературы.

Но сословіе чиновниковъ состоитъ изъ людей, которыхъ умственная и нравственная точка зрѣнія представляетъ такое же несмѣтное множество степеней и отгѣнковъ, какъ и точка зрѣнія людей, принадлежащихъ къ любому другому сословію.

Нельзя отрицать, что среда, въ которой человѣкъ живетъ и дѣйствуетъ, много способствуетъ къ опредѣленію его нравственнаго направленія, но столь же несомнѣнно, что многое въ этомъ направленіи также зависить отъ природной организаціи человѣка, отъ его воспитанія, примѣровъ, предъстоявшихъ ему въ дѣтствѣ и первой юности, отъ степени его образованія и тысячи разныхъ другихъ обстоятельствъ, которыхъ нельзя и предусмотрѣть всѣхъ.

Мы идемъ далѣе этого: не институція первоначально создаетъ для себя личности, способныя войти въ нее, свыкнуться съ нею; напротивъ, только тамъ можетъ возникнуть извѣстная институція, гдѣ личности болѣе или менѣе склонны принять ее. Другими словами: ни одна институція не привьется тамъ, гдѣ она діаметрально противоположна духу народа, и ни одна не удержится, если, вслѣдствіе прогресса,

утратились въ народномъ характерѣ черты, породившія и поддерживавшія существованіе ея. Оттого мы видимъ, что одна и таже инстипуція различно прививается къ различнымъ народамъ, и у того же народа различествуетъ въ разныя эпохи его существованія.

Тоже самое относится и къ личностямъ.

Выраженія: «среда поглощаетъ человѣка» «человѣкъ поглощается средою, въ которой движется,» могутъ быть приняты только въ смыслѣ риторическиххъ фигуръ, и во всякой личности всегда остаются стороны не объятая данною средою, какъ и всегда встрѣчаются люди, по какой-нибудь причинѣ, счумѣвшія сохранить неприкосновенность, непосредственную чистоту свою отъ вліянія среды, въ которой вращаются.

И эти личности не всегда принадлежать къ такъ называемымъ баловнямъ фортуны, часто даже не обладаютъ тѣмъ орудіемъ, которое одно способно служить вѣрнымъ ручательствомъ за побѣды; я разумѣю полное образованіе. Очень часто эти необъятыя своею средою личности бѣдны въ матеріальномъ отношеніи, не образованны и даже не умны и не воспитаны. Стали же онѣ тѣмъ, что есть, вслѣдствіе какого-то природнаго настроенія, которое было сильнѣе обстоятельствъ, вслѣдствіе какого-то инстинкта челоувѣчности, который безсознательно руководилъ ихъ къ добру, тамъ, гдѣ тысячи ихъ собратій почти также инстинктивно увлекались рутинною ко злу.

Втеченіе шести-лѣтней жизни моей въ губернскомъ городѣ N...., я перепробовалъ всѣ доступные мнѣ способы удобнѣйшаго устройства моего холостаго быта. Нѣсколько разъ обзаводился я небольшимъ хозяйствомъ, то одинъ, то сообщая съ другими подобными мнѣ бобылями, но самымъ дешевымъ и удобнымъ образомъ жизни все оказывался тотъ, который я повелъ тотчасъ по приѣздѣ въ N...., и который между недостаточными холостыми людьми въ провинціи привился менѣе, нежели въ столицахъ. Этотъ образъ жизни состоитъ въ томъ, чтобы вовсе не имѣть хозяйства, а на-

нимать отъ хозяевъ или жильцовъ квартиру съ отопленіемъ, прислугою и столомъ.

Однажды я возвратился къ такому образу жизни, вслѣдствіе того, что кухарка, вполне и почти безотчетно завѣдывавшая моимъ хозяйствомъ, дочиста обобрала меня и, захвативъ свой паспортъ, который я какъ-то плохо положилъ, скрылась. Эта продѣлка лишила мое хозяйство не только фундамента, но и необходимыхъ элементовъ, изъ которыхъ оно слагалось, не говоря уже о томъ *souffle de vie*, безъ котораго оно оставалось мертвымъ агрегатомъ.

Я переѣхалъ на квартиру къ старой знакомкѣ своей, купчихѣ Марьѣ Федоровнѣ С*, у которой дважды уже принимался жить на хлѣбахъ, но съ которой оба раза, по разнымъ обстоятельствамъ, ни мало не нарушившимъ нашихъ дружелюбныхъ отношеній, принужденъ былъ разлучиться.

Деревянный домикъ Марьи Федоровны собственно состоялъ изъ одной, и то не очень помѣстительной, квартиры, потому что былъ снабженъ только одною кухнею, помѣщавшеюся въ подвалѣ, и при которой, кромѣ чулановъ и остальныхъ принадлежностей, была еще маленькая комнатка для прислуги. Но бойкая, находчивая хозяйка, не смотря на порядочный объемъ своего тѣла, сжумѣла такъ сжаться, что сама помѣстилась въ подвалѣ, а весь верхній этажъ могла отдавать холостымъ людямъ.

Что касается верхняго этажа, то Марья Федоровна умудрилась разгородить его на пять, чуть не микроскопическихъ, комнатъ, которыя оклеила дешевенькими, красивыми бумажками, уставила простенькою, но довольно удобною мебелью и содержала въ примѣрной опрятности. Двѣ изъ этихъ комнатъ выходили въ сѣни и очень удобно могли быть превращены въ переднія для двухъ отдѣльныхъ квартиръ, чѣмъ Марья Федоровна, по природной смѣтливости, и умѣла воспользоваться для своихъ мелкихъ барышей.

Въ тотъ разъ, въ который я переѣхалъ къ Марьѣ Федоровнѣ, вслѣдствіе вышеноказанной катастрофы въ моемъ хозяйствѣ, я занялъ меньшую изъ двухъ квартиръ, состоящую изъ одной комнаты съ переднею, между тѣмъ какъ большая — двѣ комнаты, также съ переднею — уже была

занята, какъ я узналъ только послѣ переѣзда, стряпчимъ уголовныхъ дѣлъ, Иваномъ Григорьевичемъ Звуборскимъ, по случаю отсутствія настоящаго прокурора исправлявшимъ его должность.

Прежде всего, признаться, это сосѣдство пришлось мнѣ нѣсколько не повутру, потому что мое тогдашнее общественное положеніе, или, лучше сказать, совершенный недостатокъ у меня общественнаго положенія, ставилъ меня въ необходимость съ крайнею осторожностью и деликатностью обходить всѣ губернскія власти, въ-особенности главныя: губернатора, жандармскаго штабъ-офицера, прокурора и полиціймейстера.

Съ другой стороны, меня не могло не удивить, чтобы не сказать поразить, что губернской стряпчій, уже нѣсколько времени исправляющій должность прокурора, занимаетъ такую квартиру, которая развѣ годилась бы какому-нибудь столоначальнику или даже помощнику столоначальника, притомъ еще изъ простаковъ, не умѣющихъ создавать себѣ ни грѣшныхъ, ни безгрѣшныхъ доходовъ.

Но всѣмъ моимъ недоумѣніямъ, догадкамъ и сомнѣніямъ суждено было на первыхъ же порахъ разрѣшиться самымъ удовлетворительнымъ и успокоительнымъ для меня образомъ.

Однажды, по утру, когда я совершенно былъ погруженъ въ чтеніе исторіи жирондистовъ Ламартина, голосъ сосѣда, который, по причинѣ тонины стѣны, раздѣлявшей наши квартиры, уже не могъ не быть знакомымъ мнѣ, произнесъ у наружной двери въ мою переднюю:

— Господинъ сосѣдъ, позвольте на минутку зайти къ вамъ!

— Вотъ тебѣ нѣ! подумалъ я, вставая съ дивана, на которомъ лежалъ, запахивая халатъ и спѣша въ переднюю: а я читаю исторію жирондистовъ; притомъ и одѣваться куда какъ не хочется!

— Прошу покорнѣйше! договорилъ я уже громко, отворяя дверь въ стѣни: — Только извините великодушно... я не одѣтъ... мнѣ такъ совѣстно... у меня одна только комната...

Въ отворенную дверь медленно и нѣсколько наклонивъ голову, входилъ человѣкъ огромнаго роста съ довольно объ-

емистымъ брюшкомъ, гигантъ, при которомъ моя миниатюрная квартира должна была показаться еще несравненно меньше.

— Помилуйте, что за церемоніи между сосѣдями! говорилъ гигантъ, проходя въ комнату. Люди свои: не стѣсняются же... А я счелъ пріятнымъ долгомъ... Много слышался объ васъ, и очень жалѣлъ, что не приводится случай познакомиться... А вотъ и привелся... Ха, ха, ха! Вотъ и привелся: на ловца и звѣрь бѣжитъ... Имѣю честь рекомендовать, здѣшній прокуроръ Иванъ Григорьевичъ Звуборскій... Прошу любить и жаловать... Вы, пожалуйста, извините меня... Вѣдь, я большой шутникъ... Куралѣсите мое дѣло... Ну, иногда и сболтнешь что-нибудь не такъ... Вы извините, пожалуйста... Вѣдь вы, говорятъ, человекъ ученый, не то что нашъ братъ — неучъ... Вотъ, вѣдь, и теперь, какъ я вошелъ, читали...

Иванъ Григорьевичъ указалъ на книгу, которая, какъ нарочно, раскрылась заглавною страницю:

— Гисторъ десь Жирондинсъ! медленно прочелъ онъ и потомъ скороговоркою воскликнулъ махнувъ рукою:

— Гисторъ, вѣдь, это исторія... Ну а Жирондинсъ должно быть что-нибудь жирное или даже сальное... Ну, и выходитъ — сальная исторія — вотъ и вся не долга... Ха, ха, ха! Парле ву франсе... Уй, уй, фрикассе, ассѣ, ассѣ... Ха, ха, ха!.. Извините, пожалуйста!.. Вѣдь, мы на мѣдные гроши обучались... Чуть не лѣвою ногою сморкаемся, а правымъ ухомъ ротъ утираемъ... Такъ ужъ не взыскивайте слишкомъ строго съ нашего брата, военнаго человека.. Дзынь, дзынь, ха, ха, ха!

И подражая языкомъ звону шпоръ, Иванъ Григорьевичъ дѣлалъ рукою жестъ, какъ будто крутилъ усы, хотя на его невинной прокурорской губѣ, конечно, не было оставлено ни одного противозаконнаго волоска.

Это совершенно оригинальное вступленіе въ знакомство, сбывавшее съ толку всѣ мои представленія о губернскихъ прокурорахъ вообще и объ исправляющемъ должность Н-скаго прокурора въ-особенности, такъ озадачило меня, что я едва находился отвѣчать на любезности своего гостя употре-

бительными въ такихъ случаяхъ фразами, и только съ большимъ любопытствомъ разсматривалъ его.

Нарядъ Звуборскаго, состоявшій изъ чернаго фрака, желтыхъ перчатокъ, изъ которыхъ только лѣвая была надѣта, а правая торчала въ рукѣ, и шляпы, полями засунутой подъ мышку, былъ въ явномъ противорѣчii съ словами его, что сосѣди не должны церемониться другъ съ другомъ. Иванъ Григорьичъ былъ въ полномъ всеоружii человѣка, дѣлающаго визиты, и притомъ церемонные.

При огромномъ ростѣ и порядочной тучности, Иванъ Григорьичъ дѣлалъ соразмѣрно очень маленькіе шаги, волоча по землѣ ногами и описывая корпусомъ вращательное вкругъ вертикальной оси своей движеніе. Въ то же время руки его выдѣлывали тотъ жестъ, которымъ непривычный къ эквилибристикѣ человѣкъ инстинктивно сопровождаетъ шаги свои, когда приходится по узенькой дощечкѣ перебираться черезъ канаву или просто черезъ лужу. Какъ походка, такъ и тѣлодвиженія Звуборскаго объяснялись тѣмъ, что ноги у него между колѣнями и ступнями были искривлены внутрь.

Лицо Ивана Григорьича, котораго черты были довольно правильны и даже красивы, принадлежало къ числу тѣхъ, которыя неспособны ни къ какому опредѣленному, а тѣмъ менѣе къ рѣзкому выраженію. Нижняя часть, начиная отъ глазныхъ впадинъ, замѣтно преобладала въ немъ надъ верхнею, долженствующею въ фізіономикѣ называться челомъ, между тѣмъ какъ лбомъ называется только передняя вертикальная часть чела. Уши Ивана Григорьича очень близко подступали къ серединѣ лица. Не смотря на такой складъ лица, обыкновенно придающій фізіономіямъ выраженіе нѣкоторой пошлости, даже подлости и скотской чувственности, лицо Ивана Григорьича, вслѣдствіе особенной комбинаціи линий, при всемъ своемъ ничтожествѣ, скорѣе могло быть признано привлекательнымъ по разлитой на немъ кротости и какой-то дѣтской недоконченности. Нѣсколько портили его свѣтлоголубые прозрачные глаза, которыхъ взглядъ могъ быть сравниваемъ только съ телячьими. Ивану Григорьичу

было лѣтъ подь пятьдесятъ, но свѣтлорусые совершенно гладкіе волосы его еще только кой-гдѣ начинали сѣдѣть.

О дѣлахъ Иванъ Григорьячъ говорилъ очень медленно и какъ-то жуя слова, за то, когда шутилъ, болталъ или рассказывалъ что нибудь, то обыкновенно рѣчь его являлась неудержимымъ потокомъ, въ которомъ главный предметъ совершенно исчезалъ въ безднѣ отступленій, вводныхъ предложений и восклицаній, въ родѣ слѣдующихъ:

— Ну, опять замолоть вздоръ!... — Извините, пожалуйста: можетъ быть, я вамъ наскучилъ?... — Экъ, куда хватилъ.... — Вы только слушайте, слушайте, что изъ этого будетъ.... — Небось, смѣшно вамъ дурака слушать?... — Пожалуйста, скажите, когда я вамъ надоѣмъ.... и т. под.

Иногда въ рѣчахъ Ивана Григорьяча встрѣчались цѣлыя длинныя тирады, положительно лишенные всякаго смысла, но состоявшія изъ такого уморительнаго набора вовсе несогласимыхъ между собою словъ, что слушателъ поневолѣ хотелъ и тѣмъ доставлялъ Ивану Григорьячу огромное удовольствіе. Процессъ этого рода остроумія можетъ быть наглядно представленъ только слѣдующимъ образомъ: разрѣжьте по строкамъ на мелкія полоски какую-нибудь книгу, въ которой не встрѣчается ни научныхъ терминовъ, ни словъ, перешедшихъ къ намъ изъ иностранныхъ языковъ. Соблюдайте при разрѣзываніи, чтобы на каждой полоскѣ пришлось по два, по три или по четыре слова, грамматически согласованныхъ. Потомъ, перемѣшавъ всѣ полоски, снова сложите ихъ по произволу случая, и читайте то, что выйдетъ. Выйдетъ, конечно, совершенная безсмыслица, которая въ этомъ случаѣ можетъ быть болѣе или менѣе забавною, а у Ивана Григорьяча, повторяю, всегда была крайне забавна.

Конечно, долго нельзя было слушать Звуборскаго. Зато, какъ бы ни наскучала его безтолковая болтовня, она, по крайней мѣрѣ во мнѣ, никогда не рождала чувства досады, въ другихъ случаяхъ всегда рождаемаго бессмыслицею. Причину этого явленія я приписываю тому, что въ рѣчахъ Ивана Григорьяча было много общаго съ лепетомъ дѣтей, которыхъ я очень люблю: безотчетная веселость, наивная болтливость Звуборскаго была чужда малѣй-

шей жолчи, малѣйшаго желанія выказать умъ, малѣйшей задней мысли или заботы о мнѣнїи другихъ. Прелесть ея состояла, я думаю, въ совершенной объективности ея, и я часто слушалъ ее также, какъ прислушиваешься къ вою вѣтра или шелесту листьевъ, не стараясь распознать въ нихъ ничего, кромѣ звука, и не требуя отъ нихъ того, чего нѣтъ въ нихъ.... такъ! совершенно машинально!...

За то, и Иванъ Григорьичъ иногда болталъ при мнѣ совершенно такъ, какъ будто бы считалъ меня за своего двойника, за своего alter ego, передъ которымъ нѣчего скрываться, потому что онъ и безъ словъ знаетъ, что думаешь, и которому нѣчего объяснять, потому что ему дѣло столько же извѣстно, сколько и Ивану Григорьичу. Если въ такія минуты, я нечаянно вслушивался въ его слова и выражалъ свое несогласіе съ его мнѣніемъ или сомнѣніе въ справедливости его сужденія, или требовалъ объясненія, то непривычный къ такому внимательству моему въ его рѣчь, Иванъ Григорьичъ или вовсе не обращалъ вниманія на мои слова, или сбивался съ толку и начиналъ болтать вздоръ, чтобы разсмѣшить меня.

Впрочемъ, хотя мы съ перваго же дня знакомства очень коротко сошлись съ Звуборскимъ, однако пустяшныя бесѣды наши, не смотря на близость сосѣдства, не могли быть ни очень часты, ни очень продолжительны, какъ потому, что я рѣдко бывалъ совершенно празднымъ, такъ и по причинѣ страннаго образа жизни, который велъ мой сосѣдъ.

Вся жизнь Ивана Григорьича представляла двѣ совершенно противоположныя полосы. Въ одной изъ нихъ, Звуборскій очень чинно ходилъ на службу, откуда возвратившись домой и пообѣдавъ послѣ одной рюмки водки или даже вовсе безъ нея, снималъ съ себя всю сбрую, какъ называлъ всякую стѣснительную для себя одежду, и надѣвалъ предпочитаемый всему халатъ. Что онъ далѣе дѣлалъ въ эти дни, которые величалъ названіемъ постныхъ, — это неизвѣстно ни одному смертному, потому что дверь Звуборскаго послѣ обѣда ни для кого не отворялась, и хозяйка получала приказаніе говорить всѣмъ входящимъ, что «господина прокурора, молъ, дома нѣтъ-съ, куда-то уѣхали съ самого обѣда-съ.... Да и

домой не хотѣли скоро быть». (Привожу подлинныя слова Ивана Григорьяча.)

Чаю Иванъ Григорьячъ ни утромъ, ни вечеромъ не пилъ, кофе также никогда не употреблялъ; послѣ обѣда хозяйка ставила на окнѣ огромный туясъ съ квасомъ и стаканъ, п на другое утро убирала туясъ всегда совершенно пустымъ.

Въ длинныя зимніе вечера этой полосы въ жизни Ивана Григорьяча, окна его очень часто оставались вовсе неосвѣщенными. Но судя по тому, что журналы, которые Звуборскій бралъ на-домъ, къ утру всегда бывали подписаны, надо было думать, что онъ не спалъ. А между тѣмъ тишина въ его квартирѣ не нарушалась ни малѣйшимъ звукомъ, который обличилъ бы присутствіе въ ней живаго существа. Однажды, когда я высказалъ Ивану Григорьячу свое удивленіе, что уже нѣсколько дней не слыхалъ его шаговъ, онъ очень наивно отвѣчалъ мнѣ:

— Я, знаете, люблю сидѣть безъ сапоговъ... Удобнѣе, знаете.... Если кто-нибудь, паче чайній, подойдетъ къ дверямъ, да ему скажутъ, что меня нѣтъ дома.... а вдругъ я бы въ это время и ну расхаживать въ сапожищахъ: тукъ, тукъ, тукъ.... Не хорошо, вѣдь.... Можетъ иной подумать: эхе-хе, голубчикъ! Ты, вотъ, какъ нынче: важнымъ баринномъ сталъ.... ферлею-компреневу.... А какого чорта я важный баринъ.... Просто, на просто, хочу быть одинъ.... Гдѣ ужъ намъ важничать.... пускай важничаютъ тѣ, что побогаче.... А нашъ братъ бѣднякъ, только бы никто насъ не трогалъ.... всякому дорогу дадимъ.... Сдѣлайте одолженіе, проходите.... А мы и по грязи умѣемъ.... Не извольте беспокоиться, ваше сіятельство.... вѣдь, наши обстоятельства, просто, куликъ да сорока.... Ну, пошелъ молоть вздоръ.... Ни складу, ни ладу, одного смраду.... Извините, пожалуйста! Не взыщите съ дурака....

Въ другой полосѣ своей жизни Иванъ Григорьячъ вовсе переставалъ ходить на службу, въ случаѣ крайней надобности даже рапортовался больнымъ и очень систематически принимался за чарку. Запой его дляся иногда недѣлю, двѣ и рѣдко больше одного мѣсяца. Въ это время самые нужные

журналы приносили къ нему для подписи на-домъ и онъ подшсывалъ ихъ, бѣльшею частью, вовсе не читая.

Втеченіе запоя, наружная дверь квартиры Звуборскаго никогда не запералась, по вечерамъ квартира была блистательно освѣщена, иногда въ ней слышалась игра на шарманкѣ или гитарѣ, пѣніе и громкій говоръ двухъ или нѣсколькихъ голосовъ.

Въ эти дни въ квартирѣ Ивана Григорьича всегда появлялось одно постороннее лицо, съ которымъ необходимо познакомить читателя. Какъ только Звуборскій запивалъ, такъ посылалъ хозяйскую кухарку за городскимъ извозчикомъ Андрономъ, который пользовался его особеннымъ расположеніемъ и взаимно былъ привязанъ къ нему съ вѣрностью собачонки.

Преданность Андрона отчасти проистекала изъ чувства благодарности. Еще не будучи исправляющимъ должность прокурора, слѣдовательно получая ничтожное жалованье губернскаго стряпчаго, которое въ тѣ времена, до изданія нынѣшняго штата, не простиралось свыше 400 рублей серебромъ, Иванъ Григорьичъ умудрился помочь Андрону въ покупкѣ лошади и обзаведеніи дрожками и санями, соразмѣрно-довольно значительною суммою. Чтобы быть въ состояніи совершить этотъ подвигъ, Звуборскій принужденъ былъ взять впередъ двухмѣсячное жалованье свое. Внослѣдствіи, хотя Андронъ и расквитался въ деньгахъ съ Иваномъ Григорьичемъ, однако по душѣ почиталъ себя вѣчнымъ должникомъ его.

Итакъ, посланная за Андрономъ хозяйская кухарка, по возвращеніи, обыкновенно докладывала прокурору (хотя Иванъ Григорьичъ и утверждалъ, что почитаетъ себя только калифомъ на часъ и что «гдѣ ему быть настоящимъ прокуроромъ», однако очень любилъ, чтобы его величали такимъ образомъ), что Андронъ тотчасъ, или черезъ часъ, или два, смотря по возможности, пріѣдетъ.

Черезъ нѣсколько времени, дѣйствительно, ворота дома Марьи Федоровны С* отворялись настежь, и въ нихъ въѣзжали дрожки или городскія сани, смотря по времени года; на дрожкахъ или санкахъ сидѣлъ Андронъ, правя сухопарою,

рысистою лошадкою, куплевною за деньги, занятыя у Ивана Григорьяча.

Звуборскій, который, въ ожиданіи Андрона, нетерпѣливо расхаживалъ по комнатѣ въ халатѣ и сапогахъ, слышавъ скрипъ и стукъ воротъ и шумъ отъ вѣзжавшаго во дворъ экипажа, подходилъ къ окну и, раздвинувъ вѣтви стоявшихъ на немъ цвѣтовъ, съ улыбкою смотрѣлъ внизъ.

Векорѣ Андронъ, привязавъ лошадь подъ навѣсомъ, самъ появлялся на порогѣ передней Звуборскаго и восклицалъ тономъ плохообученнаго рекрута:

— Здравствія жалаю, ваше высокородіе! Присылать изволили за мной....

Андронъ былъ маленькій худенькій мужичишка лѣтъ тридцати съ небольшимъ. Лцо его, не смотря на загаръ и грязь, иногда накоплавшуюся на немъ до того, что оно получало совершенно сѣрый цвѣтъ, было гораздо нѣжнѣе, нежели у бѣльшей части нашихъ крестьянъ, и довольно красиво. Темнорусая шелковистая борода, такіе же усы, брови и волосы весьма шли къ нему. Каріе глаза смотрѣли ласково и умно, а иногда и грустно.

— Стой — равняйся! командовалъ Андрону Иванъ Григорьячъ въ отвѣтъ на его привѣтствіе.

— Что приказать изволите, ваше высокородіе? спрашивалъ Андронъ.

— Стой — равняйся! повторялъ Иванъ Григорьячъ, съ комическою важностью приближаясь къ нему.

— Да я и то стою на мѣстѣ, ваше высокородіе! говорилъ Андронъ, выпрямляясь какъ солдатъ во фронтѣ.

— Водку пьешь? спрашивалъ Иванъ Григорьячъ.

— Пью, ваше высокородіе, съ улыбкою отвѣчалъ Андронъ, которому эта сцена была уже не въ новинку.

— Такъ чегожь смотришь, болванъ? кричалъ Иванъ Григорьячъ.

— Да я не зналъ, ваше высокородіе, что можно.... говорилъ Андронъ, съ хитрою усмѣшкою подходя къ столу, на которомъ уже съ самаго утра стоялъ огромный графинъ съ водкою и при немъ на тарелкахъ мелконарезанные огурцы, сырая капуста, грузди и черный хлѣбъ.

Андронъ наливалъ въ рюмку водки, крестился, оборотясь лицомъ къ образу, висѣвшему въ правомъ углу, потомъ, взявъ рюмку правою рукою, низко кланялся Звуборскому и говорилъ :

— Еще здравія желаю вашему высокородію! Много лѣтъ здравствовать!...

Потомъ открывалъ ротъ и подносилъ къ нему рюмку, которую собирался опрокинуть въ него. Но въ это самое мгновеніе Иванъ Григорычъ величественнымъ жестомъ отводилъ его руку ото рта и громко восклицалъ :

— Стой — равняйся!

Андронъ съ покорнымъ видомъ ставилъ рюмку на столъ, а самъ, принимая позицію солдата, произносилъ, глотая набѣгавшія во рту слюны :

— Что изволите приказать, ваше высокородіе?

— Кто тебѣ, свинѣ, позволилъ пить мою водку? спрашивалъ Иванъ Григорычъ комически-строгимъ тономъ.

— Да я думалъ, что ваше высокородіе приказываете пить! говорилъ Андронъ, показывая видъ будто обижается, но очень хорошо зная, что все это одна комедія: — А впрочемъ, присовокуплялъ онъ, отворачиваясь отъ стола и дѣлая шагъ къ дверямъ: по мнѣ пожалуй, я и не стану пить!...

— Куда же ты, осель? кричалъ Иванъ Григорычъ, схватывая Андрона за плечо и опять поворачивая его лицомъ къ столу.

— Да, вѣстимо, куда? возражалъ Андронъ: — Вѣдь, мы свое мѣсто знаемъ у дверей.... Нашему брату не посередь же комнаты стоять приходится.... Знай сверчокъ, свой шестокъ....

— Стой — равняйся! повторялъ въ десятый разъ Звуборскій.

Андронъ снова вытягивался въ солдатскую позицію, и разговоръ продолжался почти всегда въ слѣдующихъ выраженіяхъ :

— Какъ я училъ тебя, дубина, пить водку? спрашивалъ Иванъ Григорычъ.

— Да какъ ее пьютъ? говорилъ Андронъ: — Вѣстимо, ртомъ....

- Дуракъ!
- Съ роду такъ, ваше высокородіе.
- Какъ я тебя училъ, болванъ, пить водку?
- Нѣшто — носомъ?
- Осель!
- И за то спасибо, ваше высокородіе.
- Какъ я тебя училъ водку пить?
- Эхма! А у меня совсѣмъ изъ ума вонь!...
- Ну?

Андронъ, который уже не въ первый и не въ десятый, а можетъ быть въ сотый разъ бывалъ собесѣдникомъ Ивана Григорыча во время запоя, только для потѣхи показывалъ видъ, будто каждый разъ забывалъ его наставленія относительно водкопитія и имѣлъ надобность въ напоминаніи. И потому, вслѣдъ за послѣднимъ «ну»? , произнесеннымъ Звуборскимъ, онъ принимался говорить тономъ затверженнаго урока :

— Перекрестившись, съѣсть груздь и кусочекъ хлѣбца съ солью; потомъ снова перекреститься, поклониться вашему высокородію; потомъ можно выпить рюмку, и опять....

— Дуракъ! перебивалъ Иванъ Григорычъ.

— А это за что, ваше высокородіе? спрашивалъ озадаченный Андронъ.

— Да развѣ рюмку можно выпить? А? Развѣ можно, ослѣпина?

— Эхма! Точно нельзя! Ну, водку выпить....

— Такъ ты, обжора, всю мою водку хочешь выпить?...

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше высокородіе! Только ту, что въ рюмкѣ.

— Ну, пей, чижикъ! Ха, ха, ха!

И очень довольный своимъ остроуміемъ, Иванъ Григорычъ снова начиналъ рассказывать по комнатѣ, отъ времени до времени приближаясь къ столу и выпивая полрюмки водки. Между тѣмъ, Андронъ, выпивъ свою рюмку водки отходилъ къ дверямъ и останавливался опершись о косякъ, въ ожиданіи новыхъ фантазій или какихъ нибудь приказаній со стороны Звуборскаго.

Съ самого начала запоя Ивана Григорыча, до самого

конца его, лошадь Андрона, запряженная въ саши или дрожки, всякій день съ утра до поздняго вечера стояла во дворѣ дома Марья Ѳеодоровны, а самъ Андронъ у дверей въ прокурорскую переднюю.

Изрѣдка Иванъ Григорьичъ по вечерамъ ѣздилъ кататься и забѣжалъ къ своей прежней хозяйкѣ, вдовѣ — мѣшанкѣ Лисицыной, съ которою за четыре года передъ тѣмъ прижилъ сына, Володю, толстаго, неуклюжаго мальчпшку, заставлявшаго его родительское сердце биться невыразимою пѣжностью и гордостью. Съ Лисицыной Иванъ Григорьичъ разошелся, потому что она, ужъ слишкомъ явно выразила свою надежду, со временемъ быть стряпчихою. Впрочемъ, мнѣ сильно сдается, что Лисицына наконецъ все-таки достигла бы цѣли своихъ стремленій и надеждъ, если бы была менѣе строптиваго, вздорливаго и неуживчиваго нрава и если бы довольствовалась любовью одного Ивана Григорьича.

Такъ какъ подробности этой любовной интрижки и самыя личности Лисицыной и Володи вовсе не знакомы мнѣ, то и не распространяюсь о нихъ болѣе, а возвращаюсь къ запую Звуборскаго.

Кто бы, въ это время, ни заходилъ къ Ивану Григорьичу, кухарка ли, подававшая на столъ, или сама хозяйка, толстенная купчиха Марья Ѳеодоровна, приносившая послѣ обѣда туясъ съ квасомъ, сторожъ ли, присланный изъ присутственныхъ мѣстъ съ журналами, или прачка съ бѣльемъ, проситель ли — какойнибудь мѣщанинъ, о спѣшномъ дѣлѣ котораго состоялся журналъ, или чиновникъ, или нищій-бродяга въ изодранномъ платьѣ и съ сумкою черезъ плечо — Иванъ Григорьичъ никого не отпускалъ отъ себя безъ того, чтобы заставить выпить съ нимъ одну, другую рюмку водки.

Случалось также, онъ зазывалъ къ себѣ шарманщика, котораго заставлялъ играть все, на что гораздъ былъ его инструментъ и потомъ поллъ и награждалъ, смотря по своимъ средствамъ, деньгами. Во время игры шарманки, Иванъ Григорьичъ ходилъ по комнатѣ, отъ времени до времени мимикой выражая чувства, возбуждаемыя въ немъ мотивомъ шарманки.

Однажды, зашедши къ Звуборскому въ такую минуту,

я засталъ его расхаживающимъ медленными большими шагами, со сложенными на груди руками и склоненною головою. Мой приходъ только на одно мгновение прервалъ экстазъ Ивана Григорьяча; поздоровавшись со мною, онъ опять сталъ расхаживать по комнатѣ.

— Что это, Иванъ Григорьячъ, спросилъ я:—Вы, кажется, кого-то представляете?

Звуборскій не отвѣчалъ мнѣ до-тѣхъ-поръ, пока шарманка съ грустнаго мотива, подъ вліяніемъ котораго онъ расхаживалъ, не перешла почти безъ перерыва на «барыню.» Тутъ и съ Иваномъ Григорьячемъ сдѣлалось мгновенно превращеніе: онъ поднялъ голову, улыбнулся, выхватилъ изъ кармана клѣтчатый бумажный платокъ, и повязавъ его по женски на голову, затопалъ ногами и заплѣлъ:

— «Ай, барыня, барыня,
Сударыня барыня...»

Но вслѣдъ за тѣмъ, прервавъ свое пѣніе, сказалъ мнѣ съ громкимъ хохотомъ:

— Это, знаете, я въ Петербургѣ видалъ какъ даютъ «Пана Твардовскаго»... Какъ онъ заигралъ эту длинную-то, заунывную, мнѣ и вспомнилось: какъ это, панъ Твардовскій идетъ по сценѣ, а музыка играетъ такой погребальный маршъ... Тру, тру, тру.... Ха ха ха! Я, вѣдь, только всего два раза бывалъ въ петербургскихъ театрахъ. Да и то не попалъ бы на свои деньги... Гдѣ нашему брату за кресло пять рублей платить... Тогда еще на ассигнаціи считали... Да оберъ-секретарь А. оба раза мнѣ дарилъ билеты... Онъ меня за что-то любилъ... Ну, и подарить билетъ... Сначала-то мнѣ ужасно неловко было войти въ эту залу... Такъ свѣтло, капальство... а у меня сюртучишко потертый и шапка такая маклацкая... А потомъ — ничего: сѣлъ, осмотрѣлся... и думаю, что жъ? и я такой-же баронъ, какъ и всѣ они... за билетъ заплачено... А что сюртучишко не хорошъ, такъ мы сьумѣемъ носить и лучше... Давай лишь... А нѣтъ, такъ гдѣ возьмешь?...

Здѣсь, думаю, кстати будетъ разсказать то, что, изъ многочисленныхъ неоконченныхъ разсказовъ Звуборскаго уда-

лось мнѣ узнать положительнаго о жпзненной и служебной каррьерѣ его.

Иванъ Григорьичъ былъ сынъ Григорія Иваныча Звуборскаго, который также былъ стряпчимъ уголовныхъ дѣлъ въ одномъ изъ губернскихъ городовъ Малороссіи, своей родины.

Иванъ Григорьичъ обучался въ уѣздномъ училищѣ и началъ службу въ казачьемъ полку юнкеромъ. Когда уже онъ былъ произведенъ въ офицерскій чинъ, полкъ, въ которомъ онъ служилъ, былъ расформированъ въ кавалерійскій. Иванъ Григорьичъ, по бѣдности и, кажется, отчасти по неспособности своей къ кавалерійской службѣ, перешелъ въ корпусъ пограничной стражи. Изъ этого объясняется привычка его называть себя военнымъ человѣкомъ, часто употреблять выраженіе: «мы и сами съ усами,» дѣлать рукою жестъ крученія усовъ и проч

Не знаю, что побудило Звуборскаго избрать службу въ пограничной стражѣ, службу, требующую расторопности, смѣтливости, неутомимой дѣятельности, качествъ, которыми небыла съ излпшней щедростью надѣлена его натура. Знаю только, что Иванъ Григорьичъ, не долго прослуживъ въ корпусѣ пограничной стражи, вышелъ въ отставку и поѣхалъ на свиданіе съ отцомъ въ Малороссію. Григорій Иванычъ, человѣкъ, какъ я изъ многого могъ заключить, непоколебимой честности, и потому бѣдный, кое-какъ съ помощью друзей и знакомыхъ, снарядилъ сына въ Петербургъ, давъ ему нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ своимъ сослуживцамъ, сенатскимъ чиновникамъ, при помощи которыхъ Иванъ Григорьичъ и былъ принятъ на службу въ сенатъ, сначала копистомъ, а потомъ поступилъ на открывшуюся вакансію журналиста. Въ должности журналиста Иванъ Григорьичъ прослужилъ, или, какъ самъ выражался, промаячилъ ровно десять лѣтъ, по истеченіи которыхъ, за отлпчно-усердную и безукоризненную службу, былъ опредѣленъ уголовныхъ дѣлъ стряпчимъ въ N...., мѣсто, которое, по различнымъ причинамъ, мало кого соблазняло.

Изъ бѣдной жизни Ивана Григорьича втеченіе службы его въ полку, пограничной стражѣ и потомъ въ сенатѣ, только немногія черты сохранились у меня въ памяти.

Будучи юнкеромъ и даже офицеромъ въ казачьей полку, онъ велъ жизнь, по всему видному, ничѣмъ не лучше рядоваго казака, участвовалъ въ казачьей артели, спалъ безъ матраса на печи или скамьѣ, подложивъ, какъ выражался, подъ голову кулакъ и накрывшись также кулакомъ. Пѣзже, служа въ пограничной стражѣ, онъ часто проводилъ ночи на конѣ и даже не имѣлъ ватной шинели на зиму. Наконецъ въ Петербургѣ, Иванъ Григорьичъ жилъ гдѣ-то около смоленскаго кладбища, откуда, ежедневно въ восемь часовъ утра, ходилъ на службу въ сенатъ. Такъ какъ жалованья журналиста не доставало на чулки, то Иванъ Григорьичъ зиму и лѣто носилъ сапоги на босую ногу. Дорога въ сенатъ была дальняя и зимою ноги страшно зябли у Ивана Григорьича, такъ, что онъ принужденъ бывалъ на перепутьи заходить погрѣться въ мелочную лавочку на васильевскомъ острову. Мало-по-малу, это посѣщеніе одной и той же мелочной лавочки обратилось у Ивана Григорьича въ привычку, такъ, что онъ, въ послѣдніе годы, ужъ и лѣтомъ никогда не могъ пройти мимо той лавочки, чтобы не заглянуть въ нее.

Объ удобствахъ, достопримѣчательностяхъ и увеселеніяхъ петербургской жизни Иванъ Григорьичъ имѣлъ очень ограниченныя и темныя понятія. Даже въ театрѣ онъ, какъ мы видѣли, былъ всего два раза и то съ даровыми билетами. Внеслужебное время, онъ проводилъ большею частью дома, находя, что прогулки въ сенатъ и обратно совершенно достаточно на весь день.

И не смотря на эту жизнь, исполненную лишеній, тяжкаго механическаго труда, чуждую всѣхъ высшихъ интересовъ, могущихъ заставить забыть жизненные дрязги, пошлости и печали, тѣмъ безцвѣтнѣйшую, что рядомъ съ нею протекала жизнь счастливецъ, до пресыщенія пользующихся всѣми родами удовольствій и избытка, не смотря на эту жизнь пролетарія, въ Иванѣ Григорьичѣ не развилось ни одной капли жолчи, озлобленности на судьбу и людей, не осталось и слѣда сожалѣнія о томъ, что столько силъ пошло на перенесеніе нужды, не явилось ни одной изъ тѣхъ системъ практической мудрости, которыхъ общій смыслъ можетъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ:

— Эхъ! Не умѣлъ я пользоваться! Вотъ еслибъ снова представились тѣ же случаи, нагрѣлъ бы я карманъ!

Нѣтъ! Иванъ Григорьичъ находилъ, что «еще, слава Богу!»

— Голодать, говаривалъ онъ: никогда не приходилось: а что не богатъ, такъ не всѣмъ же быть богачами... Довольно и того, что хлѣбъ насущный есть... А сколько людей на свѣтѣ, въ десять разъ бѣднѣ меня, да, вѣдь, тоже живутъ... А я, дуракъ, съ чего взялъ, что мнѣ слѣдуетъ богатымъ быть... Глупъ, какъ туясь, ничему не учился, да туда же бы, со своимъ рыломъ, въ богачи полѣзъ!..

Это самоуничиженіе у Ивана Григорьича вытекало изъ глубокаго недовѣрія къ самому себѣ, недовѣрія, вѣроятно развившагося вслѣдствіе горькаго опыта и неудачъ въ жизни.

Разскажу случай, въ которомъ это недовѣріе къ себѣ и готовность, ради истины, не щадить собственнаго самолюбія выразилось у Ивана Григорьича особенно-комическимъ образомъ.

Въ качествѣ исправляющаго должность губернскаго прокурора, Звуборскій былъ однимъ изъ самыхъ главныхъ и вліятельныхъ членовъ городскаго комитета о тюрьмахъ, которому обязанъ былъ подавать, не помню, третные ли, полу-годовые или годовые отчеты о состояніи острога.

Передъ наступленіемъ срока для подачи перваго такого отчета, считая со времени вступленія Звуборскаго въ исправленіе этой должности, комитетъ прислалъ ему о томъ повѣстку. Иванъ Григорьичъ, крайне встревоженный, прибѣжалъ ко мнѣ.

— Совершенно не знаю — чего они отъ меня хотятъ? говорилъ онъ, разумѣя подъ словомъ «они» комитетъ:—Разберите, пожалуйста! продолжалъ онъ, подавая мнѣ повѣстку.

— Тутъ нечего разбирать! отвѣчалъ я:—Васъ извѣщаютъ о приближеніи срока къ подачѣ отчета о состояніи острога... Вотъ, и все!...

— Да эго-то я и самъ прочелъ... возразилъ Иванъ Григорьичъ съ легкою досадою: — отчета имъ отъ меня нужно.... Да какого отчета?.... Въ чемъ этотъ рожонъ — отчетъ состоятъ долженъ? — этого и не говорятъ въ повѣсткѣ!...

Вѣдь, я вновѣ на этомъ мѣстѣ.... какъ мнѣ знать, въ чемъ мнѣ отдавать отчетъ?... Ну, и написали бы — чего мнѣ отъ меня нужно?

— Объ этомъ вы сами можете справиться въ уставѣ тюремнаго комитета, сказалъ я: — вѣдь, тамъ вѣрно есть статья объ обязанностяхъ прокурора по комитету.

— Ваша правда! задумчиво произнесъ Иванъ Григорычъ: — Да только, что жъ изъ этого? Ну, статья объ обязанностяхъ прокурора есть въ уставѣ.... А я все таки ума не приложу — въ чемъ отчетъ долженъ состоять?..

— Принесите сюда уставъ! промолвилъ я, стараясь сохранить серьезный видъ, что стоило мнѣ не малаго труда: — Потолкуемъ.... Дѣло, вѣроятно, очень просто, какъ всѣ такого рода дѣла.... Нужно только вникнуть!..

— Нѣтъ ужъ, воскликнулъ Иванъ Григорычъ, выходя изъ задумчивости, тономъ, которымъ дѣти просятъ у маменьки позволенія погулять: — чѣмъ толковать, не будете ли вы такъ добры, не напишете ли мнѣ сами этотъ проклятый отчетъ?... Вотъ, ужъ одолжили бы... Вамъ, вѣдь, это чтó? Плевое дѣло... Сѣли и навалили, хоть сто, хоть двѣсти страницъ... А мнѣ, дурню, гдѣ тутъ!... Иногда, вотъ, думаешь протестъ написать... всего строкъ пятокъ... что такая-то статья подведена невѣрно или упущена изъ виду такая-то статья такого-то прибавленія къ такому-то тому... И тутъ... подумаешь, подумаешь... да и махнешь рукою... куда намъ?... только насмѣшивъ добрыхъ людей, какъ сморзпши что-нибудь не впасть!..

— Если это такъ затрудняетъ васъ, я съ удовольствіемъ готовъ на выручку... Только потрудитесь доставить мнѣ всѣ нужныя къ отчету свѣдѣнія!..

— Свѣдѣнія? Сколько угодно!... Только приказывайте — какія нужно свѣдѣнія... Всѣ доставимъ...

— А прежде всего, принесите мнѣ уставъ...

— Уставъ сейчасъ же представляю...

Согласно статьѣ устава объ обязанностяхъ прокурора и на основаніи доставленныхъ Звуборскимъ свѣдѣній, отчетъ вскорѣ былъ составленъ. Но какъ я самъ никогда не служивалъ въ общей гражданской службѣ и порядки ея знать

болѣе по наслышкѣ, то и взяло меня раздумье: что если я не попалъ въ тонъ дѣловыхъ бумагъ, а Иванъ Григорьячъ, понадѣявшись на меня и подавъ составленный мною отчетъ, въ томъ видѣ, какъ онъ есть, попадетъ въ просакъ? Совѣтоваться объ этомъ съ самимъ Звуборскимъ я считалъ почти лишнею тратою времени, потому что отъ него трудно было добиться чего-нибудь толковаго. Но былъ у меня въ N.... одинъ близкій пріятель, очень порядочный человѣкъ, съ свѣтлой головой, университетскимъ образованіемъ и въ-которой служебной опытностью. Къ нему-то и обратился я, конечно, подъ условіемъ строгаго храненія дѣла въ тайнѣ, съ вопросомъ:

— Можетъ ли мой отчетъ быть пущенъ въ ходъ отъ имени прокурора?

Прочитавъ часть написаннаго мною, пріятель мой, сопровождая слова свои совершенно гомерическимъ хохотомъ, воскликнулъ:

— Помилуй, любезный! Можно ли, до твоихъ лѣтъ прожить въ нашемъ миломъ отечествѣ и оставаться въ блаженномъ невѣдѣніи того, что значитъ отчетъ прокурора комитету о тюрьмахъ.

— Какъ не знать? возразилъ я съ досадою: — А это что?... Развѣ не отчетъ?

— Вовсе не отчетъ... Это весьма толковое разсужденіе о нынѣшнемъ состояніи острога и сдѣланныхъ втеченіе известнаго срока, а также остающихся сдѣлать улучшеніяхъ въ немъ.

— А чѣмъ же, по твоему, долженъ быть отчетъ, какъ не толковымъ разсужденіемъ обо всемъ, псчисленномъ тобою?...

— А вотъ, я тебѣ покажу, чѣмъ долженъ быть отчетъ? отвѣчалъ мнѣ пріятель, свертывая въ трубочку написанное мною.

— Что ты это намѣренъ дѣлать? спросилъ я съ нѣкоторымъ біеніемъ сердца, похожимъ на чувство отца, отъ котораго хотять увести любимое дѣтище.

— Завтра можешь зайти ко мнѣ за отчетомъ... флег-

матически произнесъ мой пріятель, укладывая свертокъ въ карманъ.

— Но ты, пожалуйста, началъ я.

— Да ужь, сдѣлай милости, не бойся! перебилъ мой пріятель: — Вѣдь, я и самъ сижу въ этомъ комитетѣ и знаю всѣ служебные порядки... Не стану же я нарочно портить....

На другой день, согласно условію, я зашелъ къ пріятелю и ужаснулся, увидѣвъ — до чего онъ искажилъ мой добросовѣстный трудъ.

— Помилуй! воскликнулъ я голосомъ человѣка, котораго принимаютъ рѣзать: — Вѣдь, ты сдѣлалъ изъ моего отчета какое-то полуграмотное сочиненіе гимназиста на заданную тему... Да и рѣдкій гимназистъ напишетъ такимъ устарѣлымъ слогомъ и такъ безсвязно, безлогично!...

Мой пріятель иронически засмѣялся.

— Да я еще пощадилъ въ твоемъ отчетѣ многое... сказалъ онъ: — Просто, лѣнь было возиться съ нимъ... А еслибъ ты видѣлъ чѣмъ были отчеты прежняго прокурора, которые считались у насъ чуть не образцовыми какъ по ясности и красотѣ изложенія, такъ и по дѣльности содержанія, то ты сказалъ бы совершенно другое... Да впрочемъ... чего толковать? Самъ убѣдишься, что и въ этомъ видѣ отчетъ родитъ подозрѣніе въ томъ, что прокуроръ не самъ написалъ его... Вѣдь, его всѣ знаютъ, и всѣмъ также извѣстно, что вы съ нимъ сосѣди....

— Будь по твоему! отвѣчалъ я, и понесъ къ Звуборскому отчетъ въ томъ видѣ, въ который онъ былъ приведенъ моимъ пріятелемъ, конечно, отдавъ его предварительно переписать нà-чисто.

Черезъ недѣлю Иванъ Григорьичъ просилъ меня зайти къ нему потолковать объ отчетѣ.

— Ну, подумалъ я: — вѣрно, онъ принялъ искаженный трудъ мой за насмѣшку...

И уже приготовился къ довольно неприятной сценѣ, но каково же было мое удивленіе, когда я услышалъ изъ устъ моего добраго сосѣда слѣдующія слова:

— Я вамъ очень, очень обязанъ за отчетъ... Прекрасно

написанъ... Да только ужъ слишкомъ хорошо... Вѣдь, никто не повѣритъ, чтобы я такъ умно могъ написать... Сейчасъ скажутъ, вѣрно попросилъ кого-нибудь... Ужъ не своего ли сосѣда?... Вѣдь, онъ дока... А это, знаете, неприятно... Разнесется, что я не самъ пишу отчеты... Скажутъ: «какой онъ прокуроръ?»... Знаете что? Нельзя ли какъ-нибудь такъ передѣлать, чтобы похоже было, что я самъ написалъ?...

— Ну ужъ это надо, чтобы вы сами сдѣлали, отвѣчала я: — Передѣлывайте, какъ знаете!...

Недовѣріе Ивана Григорьяча къ самому себѣ доходило до того, что иногда даже препятствовало ему въ добросовѣстномъ исполненіи его обязанностей.

Однажды, между журналами, принесенными Звуборскимъ для разсмотрѣнія на дому, встрѣтился ему одинъ, котораго содержаніе показалось ему нѣсколько сомнительнаго свойства. А такъ какъ со всѣми своими сомнѣніями, затрудненіями и недоумѣніями Иванъ Григорьячъ, во все продолженіе нашей жизни по сосѣдству, обыкновенно обращался ко мнѣ, то и въ настоящемъ случаѣ принесъ ко мнѣ сомнительный журналъ, прося посоветовать ему — можно ли пропустить его въ этомъ видѣ, или слѣдуетъ протестовать. Я оставилъ журналъ у себя и обѣщалъ къ вечеру прочитать и сказать свое мнѣніе.

Оказалось, что въ сомнительномъ журналѣ одной изъ палатъ дѣло шло о сложеніи, на какомъ-то основаніи, ничтожной недоимки съ погорѣвшей волости. Прочитавъ показавшійся Звуборскому сомнительнымъ журналъ и убѣдившись, что протестовать тутъ рѣшительно не для чего, потому что ничьи интересы не могутъ пострадать отъ этой мѣры, да и отвѣтственности за нее никто не можетъ подвергнуться, я отъ нечего дѣлать продолжалъ перелистывать тетрадь, въ которой, кромѣ того, было еще нѣсколько журналовъ отъ другихъ присутственныхъ мѣстъ.

Вниманіе мое обратило на себя дѣло губернскаго суда, по которому торгующій мѣщанинъ Стенанъ Л, за оскорбленіе нанесенное частному приставу Ж. при исполненіи послѣднимъ своей служебной обязанности, осуждался на шестимѣсячное содержаніе въ острогѣ.

— Мѣщанинъ оскорбилъ частнаго пристава? подумалъ я: — статское ли это дѣло?

И чтобы убѣдиться въ возможности такой неслыханной аномалии въ нашемъ гражданскомъ быту, принялся читать журналъ. Выходило на повѣрку, что мѣщанинъ Л., по торговымъ дѣламъ своимъ, пріѣхалъ въ городъ N. и занялъ на постояломъ дворѣ особый номеръ, въ которомъ и расположился, разбросавъ по столамъ, стульямъ и полу свои деньги, товары и вещи. Вдругъ, въ то время, какъ онъ спалъ или былъ занятъ, къ нему постучался частный приставъ Ж., именемъ закона требуя, чтобы Л. немедленно отворилъ.

Послѣдній, нимало не приготовленный къ посѣщеніямъ людей, въ - особенности незнакомыхъ, которыхъ честности имѣлъ полное право не довѣрять, отвѣчалъ, что не можетъ впустить никого посторонняго, пока не приведетъ въ порядокъ разбросанныхъ вещей своихъ. Тогда Ж., подъ предлогомъ, что хочетъ обыскать: не скрылся ли у Людина воръ, слѣды котораго открыты полиціею, объявилъ, что велитъ сломать дверь. Полагая, что сопротивленіе ни къ чему не поведетъ, Л. отвѣчалъ, что сейчасъ отворить дверь, но просилъ, чтобы, на первый случай, вошелъ одинъ частный приставъ, такъ какъ номеръ не великъ и обыскать его весьма не трудно одному человѣку. Но когда онъ отворялъ дверь и увидѣлъ, что вслѣдъ за Ж. ворвалось въ комнату нѣсколько другихъ лицъ, чиновниковъ и нижнихъ чиновъ, то началъ протестовать противъ такого совершенно бесполезнаго насилія, вслѣдствіе котораго могъ лишиться нѣкоторой части своего имущества. За этотъ протестъ Ж. приказывалъ ему молчать. Но разсерженный явною несправедливою частнаго пристава, Л. сгоряча обругалъ этого послѣдняго энергическими выраженіями, которыми нашъ народъ имѣетъ обыкновеніе срывать свое сердце.

За эту дерзость относительно начальства, имущество Л. было тотчасъ же припечатано, а самъ онъ препровожденъ въ острогъ, гдѣ и содержался уже болѣе года, пока въ судѣ производилось его дѣло и гдѣ приговоренъ былъ просидѣть еще полгода.

Очевидно, виновенъ во всемъ этомъ дѣлѣ былъ частный

приставъ Ж., котораго нападеніе на номеръ Л., какъ оказывалось по слѣдствію, лишено было всякаго основательнаго повода, потому что искомаго имъ вора въ номерѣ не оказалось.

Я побѣжалъ къ Звуборскому, изложилъ ему всю вошіющую несправедливость рѣшенія суда и просилъ, именемъ человѣчества, вступить за несчастнаго, ни въ чемъ виноватаго мѣщанина. Иванъ Григорьевичъ согласился со мною, что частный приставъ Ж. несовершенно правъ, но стоялъ на томъ, что и мѣщанинъ, хотѣвшій воспротивиться обыску въ номерѣ, долженъ быть признанъ виновнымъ въ неповиновеніи законной власти, и слѣдовательно наказанъ.

— Но, вѣдь, онъ просилъ только отсрочки для приведенія въ порядокъ своихъ вещей и припрятанія денегъ.... возразилъ я.

— А еслибы воръ былъ въ номерѣ, сказалъ Иванъ Григорьевичъ: — да, воспользовавшись отсрочкою, тягу далъ... Тогда что?...

— Что же мѣшало частному приставу разставить, на это время, у дверей и, пожалуй даже, подъ окнами номера часовыхъ?...

— Да, вѣдь, воровъ ищутъ по горячимъ слѣдамъ! Тутъ всякое промедленіе можетъ испортить дѣло!...

— Но въ такомъ случаѣ, полиція имѣетъ право ворваться въ домъ, въ которомъ умирающій, перепугать на смерть родильницу, малолѣтнихъ дѣтей, полоумнаго старика, все на томъ основаніи, что вора ищутъ по горячимъ слѣдамъ и всякое промедленіе можетъ испортить дѣло?... Помилуйте, да развѣ отысканіе одного вора важнѣе всѣхъ безчисленныхъ бѣдствій, которыя подобный образъ дѣйствій полиціи можетъ навлечь на мирныхъ гражданъ?... Полиція должна быть охранительницею общественнаго порядка, а здѣсь она явно является нарушительницею его.... Она для того и существуетъ, чтобы нашъ очагъ былъ въ безопасности отъ внезапныхъ нападеній неблагонамѣренныхъ людей, чтобы торгующій мѣщанинъ, съ полною безопасностью, могъ расположиться въ своемъ номерѣ и разложить въ немъ, какъ захочетъ, свои товары и деньги, въ твердомъ убѣжденіи,

что никто не вправѣ дотронуться ни до чего, принадлежащаго ему, потому что надъ нимъ бдитъ благоустроенная полиція. Не знай мѣщанинъ, что въ городѣ есть полиція, предположи онъ, что къ нему могутъ ворваться, онъ, безъ всякаго сомнѣнія, не разбрасывалъ бы своихъ вещей и денегъ, а старался бы собрать ихъ въ кучу и припрятать.... И вдругъ, въ ту минуту, когда для него спокойствіе равносильно съ безопасностью, сама полиція внезапно нападаетъ на него, врывается въ его комнату, шаритъ въ его товарахъ, которые даже не всѣ, можетъ быть, принадлежать ему и изъ которыхъ онъ многихъ можетъ схватиться только черезъ мѣсяцъ или два. И за то, что этотъ человѣкъ, въ защиту своего имущества противъ могущихъ, между низшими полицейскими чинами, быть воровъ, протестуетъ, его бьютъ; а за то, что онъ осмѣливается, на побой, нанесенные ему въ его же квартирѣ, отвѣчать бранью, бѣдняка держутъ годъ въ острогѣ, таскаютъ по судамъ, и наконецъ еще приговариваютъ къ шестимѣсячному заключенію, что, другими словами равносильно окончательному разоренію его, потому что вы, вѣроятно, не будете же отрицать того, что, для торгующаго человѣка полуторагодовая остановка въ дѣлахъ, да еще по причинѣ заключенія въ острогѣ, то же самое, что банкротство?...

— Согласенъ, согласенъ съ вами! отвѣчалъ мнѣ Звуборскій, не знаю — вполнѣ ли понявшій мои доводы, но совершенно убѣжденный априорически въ томъ, что я такъ горячо не защищалъ бы дѣла, еслибы оно не было справедливо: — но, продолжалъ онъ, послѣ минутнаго молчанія, втеченіе котораго былъ въ видномъ замѣшательствѣ: что же я буду дѣлать! Протестъ мой нисколько не поможетъ мѣщанину, только затянетъ дѣло, которое, увѣряю васъ, и въ сенатѣ будетъ рѣшено не въ пользу его.... Значить, онъ, вмѣсто полу-года, можетъ просидѣть въ острогѣ еще два года, а тамъ опять присудятъ его къ полу-годовому заключенію.... Ну, и чтожь онъ выиграетъ отъ этого?... Ему главная выгода въ томъ, чтобы поскорѣе быть свободнымъ.... А, вѣдь, не присудятъ же, ни въ какомъ случаѣ, Ж. къ уплатѣ Л. всей той суммы, которую онъ потерялъ вслѣд-

стві заключенія... Много, много, при самомъ благопріятномъ для Л. рѣшеніи дѣла, велятъ сдѣлать Ж. выговоръ за излишнее усердіе въ исполненіи своихъ обязанностей... А Л. заплатится за это двумя лишними годами заключенія.... Да и признательно сказать, я, право, не знаю, что написать въ протестѣ? Вѣдь, нельзя же написать того, что вы говорите... Попробуй, такъ сейчасъ прогнали бы съ мѣста за потворство ослушникамъ законнымъ властямъ.... Да и то тоже возьмите: Л.-то никакъ пчѣмъ не поможешь, а въ Ж. наживешь себѣ лютаго врага... Вотъ, оно что!... Нѣтъ! Никакъ нельзя протестовать противъ этого дѣла! Что хотите — говорите!

Можетъ быть, Иванъ Григорьичъ съ одной стороны и правъ былъ въ данномъ случаѣ въ своемъ благоразуміи, но все-таки очевидно, тутъ играло главную роль недовѣріе его къ самому себѣ, и притомъ, въ смыслѣ абсолютномъ, онъ, какъ прокуроръ, поступилъ прямо вопреки своему долгу, не подавъ протеста.

Впрочемъ, тамъ, гдѣ Звуборскій чувствовалъ самого себя виновнымъ въ неисполненіи своихъ обязанностей съ ущербомъ ближнему, онъ оставлялъ въ сторонѣ всякое благоразуміе и готовъ былъ пожертвовать всѣмъ, не исключая и служебной карьеры, отъ которой положительно зависѣло его существованіе. Примѣромъ можетъ служить слѣдующій случай.

Однажды, во время періодическаго кутежа Ивана Григорьича, къ нему присланъ былъ, для безотлагательнаго подписанія, журналъ, заключавшій въ себѣ приговоръ къ наказанію двадцатью пятью ударами и ссылкой въ каторжную работу преступника Луки Никитина.

Запой Звуборскаго приближался къ своему перелому, послѣ котораго обыкновенно наступалъ такъ называемый имъ въ шутку, постъ, и потому былъ въ полномъ разгарѣ, какъ это всегда бывало передъ постомъ.

Долго не обдумывая дѣла, къ чему, въ такіе дни, голова его была болѣе нежели не способна, Иванъ Григорьичъ подмахнулъ подъ журналомъ: «читалъ такой-то».

На третій день послѣ этого, онъ отправился на службу,

гдѣ узналъ, что часа черезъ три приговореннаго преступника поведутъ наказывать. Такая поспѣшность въ исполненіи приговора нѣсколько удивила Ивана Григорыча, и, желая лично удостовѣриться — доволенъ ли преступникъ приговоромъ и вполне понялъ ли его, пошелъ самъ въ острогъ.

Такъ какъ дѣло, за которое преступникъ былъ приговоренъ, производилось уже довольно долго, то Звуборскій очень хорошо зналъ въ лицо виновнаго, и когда на вопросъ его, гдѣ человѣкъ, котораго будутъ въ то утро наказывать, ему указали на Луку Никитина, тотчасъ воскликнулъ:

— Да это не тотъ, чтѣ судился по такому-то дѣлу!

— Точно такъ, ваше высокородіе! отвѣчалъ приговоренный бѣднякъ: — я вовсе не по тому дѣлу судился; мнѣ, по моему дѣлу, и тѣлеснаго наказанія не слѣдуетъ; а меня, вотъ, за другаго хотятъ наказать....

— Такъ чего жъ ты до-сихъ-поръ молчалъ? спросилъ Иванъ Григорычъ, блѣднѣя и чувствуя, что волосы, какъ живые, зашевелились у него на головѣ.

— Да, вѣдь, я говорилъ всѣмъ.... продолжалъ бѣднякъ, чуть не плача: просилъ, чтобы вамъ и жандармскому штабъ-офицеру доложили.... Да, ишь, они взяли взятку съ настоящаго-то, да и хотѣли меня за него отстегать.... Защитите, ваше высокородіе, безвиннаго! Явите божескую милость!

До исполненія приговора оставалось всего часа два. До губернаторскаго дома отъ острога было безъ малаго версты три: Иванъ Григорычъ пришелъ въ острогъ пѣшкомъ, а посылать за извозчикомъ было некогда, потому что извозчики стоятъ еще дальше губернаторскаго дома. Могло также случиться, что Андрона нѣтъ на биржѣ, чужому же извозчику слѣдовало заплатить за проѣздъ, а у Ивана Григорыча, отъ кутежа не осталось за душой и мѣднаго гроша.

Все это мгновенно мелькнуло въ головѣ Звуборскаго и, кромѣ того, мелькнуло у него въ головѣ, что онъ виновенъ въ томъ, что невинный будетъ наказанъ, мелькнуло, что его Звуборскаго подвергнуть за это слѣдствію, потомъ предать суду за участіе въ пристрастномъ осужденіи, и осудить на лишеніе правъ, чести, добраго имени.... потомъ мелькнуло въ головѣ лямка.... Горе!

Но жалость къ безвинно-приговоренному человѣку перевѣсила все эти эгоистическія побужденія. Иванъ Григорьичъ побѣждалъ къ губернатору, который одинъ могъ взять на себя отвѣтственность за остановку исполненія приговора, положеннаго губернскимъ судомъ. Почти не переводя дыханія бѣжалъ онъ; рубашка его прилипла къ тѣлу, волоса въ беспорядкѣ слиплись на лбу и вискахъ; потъ крупными каплями катился у него съ лица и по всему тѣлу. Онъ остановился только въ залѣ губернатора, которому тотчасъ же доложилъ о приходѣ прокурора.

— Ваше превосходительство, спасите, помогите! бормоталъ Иванъ Григорьичъ, увидѣвъ его передъ собою, между тѣмъ какъ самъ принужденъ былъ прислониться къ дверному косяку, чтобы удержаться на ногахъ.

— Чтò съ вами, Иванъ Григорьичъ? спрашивалъ губернаторъ, взявъ его за руку и усаживая на стулъ: — успокойтесь ради Бога, Иванъ Григорьичъ! Вы такъ разстроены...

— Бѣда! Бѣда! бормоталъ Звуборскій въ какомъ-то забытіи.

— Въ чемъ бѣда? Какая бѣда? спросилъ губернаторъ.

— Безвиннаго наказывать поведутъ!

— Какъ безвиннаго? Зачѣмъ безвиннаго? Чтожъ вы раньше не подумали объ этомъ? Вѣдь, вы подписывали журналъ приговора... Вѣдь, ваша обязанность присутствовать при объявленіи приговора... Чтоже вы смотрѣли? Вѣдь, вы прокуроръ!

— Виновать! Кругомъ виновать! говорилъ Иванъ Григорьичъ тономъ глубокаго отчаянія: — да только не давайте губить безвинной крови, ваше превосходительство!.. Позвольте отложить исполненіе приговора...

— Какъ можно отложить, Иванъ Григорьичъ! вскричалъ губернаторъ: — вѣдь вы сами не можете не знать, что приговоръ губернскаго суда равносильнъ высочайшей конфирмаціи, если някто во время не протестовалъ противъ него... Что же значить отложить его... Отмѣнить, все-таки, мы уже не въ состояніи...

— Позвольте отложить, только отложить! твердилъ со слезами Иванъ Григорьичъ: — тамъ ужъ слѣдствіе дока-

жеть, что вышла ошибка въ лицѣ обвиненнаго... Тогда севать отиѣнить, коли ужъ на то поидеть... Пронадай лучше моя голова, чѣмъ бѣдняку безвинно пострадать...

— Но, возразилъ губернаторъ: — если я отложу исполненіе приговора, что на это скажутъ предѣдатель губернскаго суда и жандармскій штабъ-офицеръ, которые также должны пострадать, одинъ за самый приговоръ, другой за попушеніе подобнаго дѣла безъ своевременнаго извѣщенія о немъ высшаго начальства...

— Позвольте только вы, ваше превосходительство, отложить, а ужъ остальное я беру на себя! бормоталъ Иванъ Григорьичъ, ежеминутно ожидая, что услышитъ барабанную дробь, долженствовавшую возвѣстить о томъ, что преступника ведутъ на мѣсто казни.

Послѣ этого, не было возможности не согласиться, и губернаторъ тотчасъ же послалъ дать знать, что исполненіе приговора отлагается.

Не смотря на то, Иванъ Григорьичъ тѣмъ же *pas de charge* помчался обратно въ острогъ, чтобы удостовѣриться, что приказаніе губернатора въ точности исполнено. Приближаясь къ острогу, онъ услышалъ роковую барабанную дробь и, еще прибавивъ шагу; послѣднія полверсты, въ буквальномъ смыслѣ слова, бѣжалъ бѣгомъ.

Къ счастью, оказалось, что усердіе его завлекло слишкомъ далеко въ ущербъ его силамъ; потому что приговореннаго уже вели обратно въ острогъ.

Надо было видѣть Ивана Григорьича, когда онъ, измученный, весь покрытый потомъ и пылью, возвратился изъ острога домой. Сначала онъ совершенно походилъ на помѣшаннаго: сѣбялся, разговаривалъ самъ съ собою, махалъ руками, билъ себя въ грудь и по лбу, дѣлалъ уморительныя гримасы и прыжки.

Потомъ мгновенно произошла въ немъ необычайная перемѣна: лицо его приняло выраженіе такой важности и религіозной сосредоточности (*opstion*), къ которой я и не почиталъ его способнымъ. Тогда только онъ былъ въ состояніи рассказать мнѣ причину своей необыкновенной радости,

и рассказал ясно, толково, безъ малѣйшихъ отступленій, вставочныхъ предложеній и неумѣстныхъ шутокъ.

Когда онъ кончилъ, я съ сердечностью и вмѣстѣ съ грустью пожалъ ему руку и именемъ человѣчества благодарилъ его за спасеніе бѣдняка.

— Да меня за что благодарить! воскликнулъ Иванъ Григорьичъ:— я же подписалъ журналъ, да меня и благодарить за то, что не далъ безвиннаго наказать по моей винѣ!... Помилуйте! Если можно кого благодарить, такъ развѣ губернатора за то, что велѣлъ отложить исполненіе приговора... А меня совсѣмъ не за что...

— Но, вѣдь, вы, Иванъ Григорьичъ, за это дѣло, можетъ быть, болѣе другихъ пострадаете... печально произнесъ я: вотъ за что я благодарю. За то, что вы, спасая этого бѣдняка, ради справедливости, ради святой истины, не пожалѣли и самого себя!...

— Да, не пожалѣлъ! отвѣчалъ Звуборскій, съ невыразимо пріятною улыбкою: — Точно не пожалѣлъ себя! Да дѣлать-то было нечего... Нельзя было оставить такъ дѣло... Пропaday ужъ лучше моя глупая голова за то, что въ пьяномъ видѣ журналъ объ осужденіи человѣка подписывалъ, чѣмъ за меня другому пропадать...

Къ счастью, дѣло это еще можно было общими силами потушить. Слѣдствіе произведено было домашнимъ образомъ. Оказалось, что столоначальникъ, докладывавшій дѣло, взялъ съ настоящаго преступника довольно значительную взятку и, приписавъ ему дѣло, подвергавшее меньшей мѣрѣ наказанія, вину его, а слѣдовательно и наказаніе за нее, взвалилъ на Луку Никитина. Какъ совѣтники губернскаго суда, такъ и предсѣдатель подписали дѣло, не читая; потомъ приговоръ, также безъ соблюденія должныхъ, закономъ положенныхъ формальностей, былъ объявленъ преступнику, за котораго, не смотря на его протестаціи, по безграмотности подписали, что онъ доволенъ приговоромъ.

Негодая-столоначальника, совершившаго рассказанную нами вопіющую несправедливость отъ суда спасло одно то, что приговоръ уже былъ подписанъ всѣми и его слѣдовало, передѣлывать, слѣдовательно виновнаго нельзя было раздра-

жать. И потому ограничились однимъ тѣмъ, что выгнали его изъ службы, съ чистымъ аттестатомъ. Болѣе никто не пострадалъ по этому дѣлу, а между тѣмъ безвинно-приговоренный Лука Никитинъ былъ спасенъ, а настоящій преступникъ наказанъ.

Служебное безкорыстіе Звуборскаго не подлежало и никакъ не подвергалось ни малѣйшему сомнѣнію. Оно особенно замѣтно выразилось при слѣдующемъ случаѣ, бывшемъ на моихъ глазахъ.

Къ числу обязанностей прокурора принадлежитъ посѣщеніе острога въ дни и часы отправленія пересыльных партій, и также надзоръ за тѣмъ, чтобы арестанты получали все, по закону положенное и чтобы справедливыя жалобы ихъ были удовлетворяемы.

Иванъ Григорьичъ, въ дни своего служебнаго рвенія, весьма аккуратно исполнялъ этотъ долгъ свой, причемъ не разъ имѣлъ случай защищать интересы арестантовъ.

Однажды, позже обыкновеннаго возвратившись изъ острога, Звуборскій зашелъ ко мнѣ.

— Откуда вы это, если мой вопросъ не нескромность? спросилъ я.

— Изъ острога, отвѣчалъ Иванъ Григорьичъ: партію смотрѣлъ.... Да случилось тамъ очень неблаговидное дѣло.... Пришлось за жандармскимъ штабъ-офицеромъ ѣхать.... показанія снимать.... все такое.... Дѣло, знаете, очень серьезное.... Острожному смотрителю, кажется, не одобровать.... Можетъ быть, и полиціймейстера задѣнуть... да и губернатору быть съ носомъ....

— Чтожь это такое? воскликнулъ я, настороживъ уши.

— А вотъ, видите, началъ очень серьезнымъ тономъ Звуборскій: — Въ пересыльной партіи шелъ и—скій мѣщанинъ, захваченный въ Москвѣ безъ паспорта и препровождаемый на мѣсто приписки для удостовѣренія — дѣйствительно ли онъ тотъ самый человѣкъ, за котораго выдаетъ себя.... Такъ какъ Пестровъ — этимъ именемъ онъ назвался — ни въ какомъ другомъ противозаконнымъ дѣлѣ, кромѣ безпашпортности, не замѣченъ, то при немъ и были оставлены всѣ его вещи и между прочимъ шкатулка, въ которой, какъ онъ

показываетъ; были у него разныя нужныя бумаги, денегъ слишкомъ 2000 рублей серебромъ и еще разныя драгоценности: кольца, брильянтовыя запонки, какой-то суперъ и проч., на 700 рублей, и того всего на сумму безъ малаго 3000 рублей. Шкатулка эта, по показаніямъ всей партіи, партіоннаго офицера и солдатъ, прешрождавшихъ партію сюда и еще не успѣвшихъ отправиться обратно на станъ, принесена была Пестровымъ въ нашъ острогъ... и здѣсь уже, нынѣшнею ночью, украдена... неизвѣстно кѣмъ. Меня, знаете, сегодня не ждали къ отправкѣ партіи, потому что, вѣрно, ужь пролюхали, что я вчера на замыку ѣздилъ, да тамъ немного подкутилъ, дрымъ-дымъ-дымъ, по военному... Ну и думали всѣ, что ужь я съ этого и запью... Анъ, шалишь! я-то, какъ изъ земли выросъ... Спрашиваю:

— Нѣтъ ли претензій, ребята!

А партія ужь совсѣмъ готова къ отправкѣ.

— Мѣщанинъ-то и рассказываетъ: «Такъ и такъ! Обокрали здѣсь въ ночь!»

— Такъ зачѣмъ же ты, дуралей, говорю: не просилъ остаться до изслѣдованія дѣла....

А Пестровъ-то человѣкъ молодой, изъ себя на мѣщанина не походитъ... въ нѣмецкомъ платьѣ... и цѣпочка болтается, эдакъ по жилету.

— «Да я, говорить, просилъ г-на смотрителя; такъ онъ какъ закричитъ на меня и даже постращаль розгами.... Оно и не мудрено! Ему очень хочется меня съ рукъ сбить.... Можетъ, воръ-то съ нимъ и подѣлится, али онъ съ воровъ....

— «Какъ ты смѣешь такъ отзываться о начальствѣ?»

— «Да чего, говорить: отзываться! Вы, ваше высокородіе, только послушайте, какіе о г-нѣ смотрителѣ слухи-то между содержащимися въ острогѣ ходятъ, такъ ажно морозъ но кожѣ подереть....

Я позвалъ смотрителя.... Вижу — блѣдеиъ, канала, какъ полотно.... «А! думаю: знаетъ кошка чье мясо съѣла.... Не даромъ ты, плутъ блѣдеиъ.... вѣдь, вообще не изъ трусливаго десятка». А между тѣмъ говорю ему:

— «Оставить мѣщанина Пестрова здѣсь!...

Вдругъ вижу: смотритель отъзываетъ меня, эдакъ, къ сторонѣ и ну, спрашивать — не дѣлать этого....

— «Это, говоритъ: и полиціймейстеру будетъ неприятно, Иванъ Григорьичъ.... и губернаторъ разсердится, что лишнія дѣла — слѣдствія, хлопоты изъ-за такого мерзавца навяжутъ имъ на шею.... Могу, говоритъ, васъ завѣрить, что по слѣдствію окажется, что все это пуфъ, шкатулки никакой при этомъ, бездѣльникѣ и не бывало, а, просто, ему хочется остаться въ N. для какихъ-нибудь шапней, а пуще для того, чтобы оттянуть время, потому что, видно, онъ вовсе не и-скій мѣщанинъ, что по удостовѣренію и должно оказаться... Ну, ему и не хочется этого....

А самъ, знаете, бездѣльникъ и намекаетъ мнѣ сторону, что если соглашусь оставить это дѣло втунѣ, то онъ почтетъ себя обязаннымъ поблагодарить меня по своимъ силамъ — за избавленіе, будто бы, отъ лишнихъ хлопотъ и ни къ чему не ведущаго слѣдствія.... Тутъ ужъ меня и взорвало.... Я и закричалъ на него, чтобы немедленно было исполнено мое приказаніе о задержаніи арестанта....

Потомъ я снялъ предварительныя показанія съ партіи, чтобы не задерживать ея, да и поскакалъ къ жандармскому штабъ-офицеру, да съ нимъ ужъ мы допросили и арестанта.... Ну, батюшка! Если все, что говоритъ Пестровъ — правда, такъ за смотрителемъ водятся такія дѣла, что не роди меня, мать-сыра земля!...

Такъ заключилъ свой рассказъ Звуборскій.

Всякому, знающему наши порядки, нѣтъ надобности объяснять, что, для взяточника, на мѣстѣ Звуборскаго, это дѣло могло бы стать настоящимъ кладомъ, источникомъ непрерывныхъ и немаловажныхъ доходовъ, потому что смотритель острога былъ человекъ съ порядочнымъ состояніемъ, нажитымъ разными темными путями, изъ которыхъ, однимъ была кража у арестантовъ денегъ и вещей. И нельзя сказать, чтобы Иванъ Григорьичъ былъ въ блаженномъ невѣдѣніи того, что дѣлаетъ. Когда по суду показанія арестантовъ, большею частью, подтверждались, и смотритель, за десятокъ дѣлъ, изъ которыхъ каждое стоило примѣрнаго на-

казанія, былъ приговоренъ къ лишенію правъ и ссылкѣ въ каторжную работу, Звуборскій воскликнулъ:

— Жаль его.... Семья, вѣдь, осталась.... На моемъ мѣстѣ, другой взялъ бы съ него порядочный кушъ, да и оставилъ бы его въ покоѣ.... Да я-то никогда этого не сдѣлаю.... Ни за какія миллионы не дамъ потачку грабителю.... Это что за жалость?... Злодѣя пожалѣешь, а бѣдные арестанты-то, которыхъ онъ грабитъ, поплачиваться будутъ.... Нѣтъ, слуга покорный.... Бобыль я, кругомъ бобыль, въ карманахъ фю-фю-фю. вѣтеръ дуетъ, да зато ужъ взятки никогда не возьму и никто, по крайней мѣрѣ, ни въ какой намѣренной пакости не упрекнетъ....

Подъ взятками Иванъ Григорьичъ разумѣлъ не одни подарки, имѣющіе цѣлю совращать служащаго съ честнаго пути, но и такъ называемые, безгрѣшные доходы, въ томъ числѣ и благодарности за ускореніе хода дѣла или лишніе хлопоты по производству его.

И что же? Разъ онъ чуть было не отступилъ отъ своихъ правилъ. Причиною, впрочемъ, какъ читатель самъ увидитъ, была отнюдь не корысть, а неумѣнье отказаться отъ благодарности и вообще крайняя неловкость его въ житейскихъ дѣлахъ.

Въ одно прекрасное октябрьское утро, часу въ одиннадцатомъ, когда я еще сидѣлъ за утреннимъ чаемъ, Звуборскій, въ халатѣ, зашелъ ко мнѣ съ озабоченнымъ и даже нѣсколько встревоженнымъ видомъ. Я предложилъ ему чаю.

— Покорно благодарю! отвѣчалъ онъ, мѣрно рассказывая по комнатѣ и насасывая трубку: — Не до чаю мнѣ.... Да я, признаться, этого зелья и отъ роду не пивалъ.... Что въ немъ.... животъ наполнишь.... а толку нѣтъ.... Я сегодня ужъ полтуяса квасу выпилъ.... Вотъ это — другое дѣло! И дешево, и прохладительно, и въ носъ бьетъ.... А впрочемъ.... не въ томъ вовсе дѣло, что кума съ кумомъ сидѣла.... Это можно и послѣ обсудить да умомъ пораскинуть....

— А въ чемъ же дѣло? спѣшилъ я перебить, зная, что, если не вмѣшаюсь въ разговоръ, то не дождусь конца отступленія.

— Да я къ вамъ съ однимъ важнымъ обстоятельствомъ пришелъ.... отвѣчалъ Звуборскій.

— Говорите: что за важное обстоятельство? Я буду слушать!

— Да вы, пожалуйста, не шутите! продолжалъ Иванъ Григорьичъ, снова принимая прежній озабоченный видъ: — Дѣло дѣйствительно очень важное.... Помните: я говорилъ вамъ, что хлопочу о томъ, чтобы подвинуть въ судѣ дѣло сапожника Гусева....

— Помню, помню! Ну, что же?

— Ну, дѣло, и дѣйствительно, пошло какъ будто бы его масломъ подмазали.... Вчера ужъ и резолюція бѣдняку прочитали.... Рѣшено въ его пользу.... Ну, кажется бы, и слава Богу, что успѣлъ еще одно доброе дѣло, на своемъ прокурорствѣ, сдѣлать....

— Да, спасибо вамъ, Иванъ Григорьичъ! Вы своею властью очень честно пользуетесь, надо отдать вамъ справедливость....

— Ань, выходитъ-то, что вовсе не того надо.... а вотъ чего надо.

При этихъ словахъ Звуборскій сдѣлалъ рукою жестъ съченія розгами.

— Кому? воскликнулъ я со страхомъ.

— Да, конечно, кому, какъ не мнѣ? отвѣчалъ Иванъ Григорьичъ: — Послушайте только, что будетъ-то. Вчера, узнавъ, что дѣло Гусева кончено, я такъ обрадовался, какъ не обрадовалъ бы меня генеральскій чинъ и губернаторское мѣсто, а сегодня утромъ Гусевъ самъ приходитъ ко мнѣ....

— «Ваше высокородіе, говоритъ: поблагодарить пришелъ за дѣлцо.... Ужъ какъ-то буду за васъ Бога молить...

— «А за это и тебѣ, братецъ, спасибо, что Бога за меня молить хочешь.... Грѣшнѣе я, много грѣшнѣе передъ Богомъ....

Смотрю, а онъ изъ-за спины свертокъ какой-то вытащилъ.

«— Это что?

«— Да это, говоритъ: батюшка, ваше высокородіе, опечекъ.... Не обидьте.... Примите отъ бѣднаго человѣка по усердію его.... Не побрезгайте, сдѣлайте божескую ми-

лость... Разъ облагодѣтельствовали, и въ другой ужъ облагодѣтельствуйте!...

— «Да что ты это? распроканалья ты эдакая.... Вѣдь, ты это мнѣ взятку хочешь дать.... Знаешь ли ты: я прокуроръ; значить: царское око.... А ты, вѣрно, хочешь, чтобы я такая же бестія сдѣлалась, какъ и ты....

— «Помилуйте, ваше высокородіе, говоритъ: какая же тутъ взятка? Дѣло это ужъ рѣшено и журналъ подписанъ и къ рукоприкладству меня водили.... Такъ съ чегожъ я буду взятки давать?... А такъ, отъ радостнаго сердца принесть вамъ опочекъ, да еще по той причинѣ, что вы, изъ-за моего дѣла, разъ десятокъ другой лишній сапожки драли, ходили въ присутственныя мѣста.... Ужъ не обидьте бѣднаго человѣка отказомъ и васъ Богъ не обидеть.... Не побрезгайте!

— Да не брегаю я вовсе, чортова ты кукла! я ему въ отвѣтъ:—Да только не нужно мнѣ твоей кожи... Убирайся къ чортовой матери! Сапоги нужны будутъ, на жалованье куплю, а твоего опочка не нужно мнѣ! Понимаешь? Убирайся! Отстань!... Не тѣ, разсержусь!...

Нѣтъ, вѣдь, не отстаешь и только... Тѣу! такая, право, оказія! Да потомъ, знаете, ушелъ, а кожу-то подъ стуломъ и оставилъ... А я тѣмъ временемъ въ другой комнатѣ былъ... Прихожу и думаю:

— Ну, слава Богу! Унесло его, окаяннаго, съ кожей, бдятъ его мухи и комары!... Да, вдругъ... Фу! Что за запахъ кожей?... Ахъ, ты, распроканалья эдакая! Вѣдь, съумѣлъ же ухитриться, оставить кожу.... А теперь не знаю—какъ и быть? хожу, какъ въ горячей водѣ купаный... Съ какими глазами теперь въ присутственныя мѣста пойду, да людямъ въ глаза смотрѣть буду... Самъ недавно подписалъ журналъ о преданіи суду за взятку столоначальника Уминова, а тутъ съ самимъ такой казусъ... Не правда ли, вѣдь, скверно?

— Да, не скрою отъ васъ, отвѣчалъ я:— что, по моему крайнему разумѣнію, если вы оставите у себя подарокъ бѣдняка, то не хорошо сдѣлаете, потому что подадите ему поводъ думать, что только церемонились или даже ожидали че-

го-нибудь бѣльшаго... Впрочемъ, все дѣло очень легко поправить...

— Поправить? воскликнулъ Иванъ Григорьячъ: — Вы думаете — можно поправить?

— Даже очень просто! Стоитъ отослать кожу къ Гусеву!...

Иванъ Григорьячъ, нѣсколько минутъ молча походилъ назадъ и впередъ по комнатѣ и съ лица его мало-по-малу стала исчезать тѣнь озабоченности.

— Ваша правда! сказалъ онъ наконецъ съ улыбкою: — Только отсылать не годится. Во-первыхъ, вѣдь, я этого сапожника, можетъ, никогда больше и не увижу... Какъ же я узнаю — получилъ ли онъ обратно свой опоекъ или нѣтъ?.. Посланный можетъ себѣ взять, да и сказать, что отнесъ... Вѣдь, народъ это такой, знаете, у! Не клади худо!... При томъ же и прислуга узнаетъ, что я кожу вначалѣ-то взялъ, а ужъ потомъ только одумался, да и отсылаю назадъ... Какими глазами я тогда на прислугу-то смотрѣть буду?...

— Но какъ же вы сдѣлаете, чтобы избѣжать этихъ неудобствъ, которыя и я, пожалуй, признаю?... Не думаете ли послать за самимъ сапожникомъ, да здѣсь и отдать ему опоекъ?...

— Нѣтъ! возразилъ Звуборскій: — Здѣсь онъ не возьметъ.. Ни за что не возьметъ... Скажетъ — не мой опоекъ — и только...

— Но какъ же вы намѣрены быть?

— А, просто на просто, самъ отвезу ему сегодня вечеромъ кожу.. да и вся недолга!... рѣшительнымъ тономъ произнесъ Иванъ Григорьячъ.

— Какъ? воскликнулъ я: — Вы, прокуроръ, поѣдете къ сапожнику, въ какуюнибудь землянку, отвозить опоекъ?.. Да, вѣдь, прилично ли это будетъ?

— А по мнѣ къ чортовой матери эти приличія!... вскричалъ Звуборскій, уже совершенно развеселившись: По моему, еще неприлично будетъ, если Гусевъ не получитъ своего опойка обратно, да подумаетъ, что я съ нимъ только тулумбасы разные выдѣлывалъ, отказываясь отъ подарка... Не будь я рохлей, дурнемъ, не уходи въ другую комнату — пока Гу-

савъ тутъ, прогони я его съ его кожей ко всѣмъ тартарамъ, умѣючи, — такъ онъ не посмѣлъ бы оставить кожи... и отвъ зить нечего было бы... Ну, а теперь — любяшь кататься, люби и Парашу...

И Иванъ Григорьичъ замололъ свою обычную дичь, а вечеромъ, въ томъ же день, послалъ за Андрономъ и подъ шинелью отвезъ къ сапожнику Гусеву опоекъ.

Въ дружескихъ отношеніяхъ своихъ ко мнѣ и къ нѣкоторымъ другимъ, впрочемъ не ко всѣмъ лицамъ, онъ былъ обязателенъ до самозабвенія, которое наивностью и неожиданностью своего проявленія иногда принимало отбнокъ нѣкотораго добродушнаго комизма.

Когда я однажды захворалъ довольно упорною, мучительною и продолжительною болѣзнью, Иванъ Григорьичъ почти не отходилъ отъ моей постели и заботился обо мнѣ, какъ самая усердная сидѣлка или даже какъ добрая жена. Дѣло было зимою. Докторъ предписалъ мнѣ взять нѣсколько теплыхъ ваннъ, и чтобы не простудиться, я принужденъ былъ брать ихъ въ комнатѣ.

Иванъ Григорьичъ самъ распоряжался приготовленіемъ ваннъ, потомъ испытывалъ воду и приказывалъ прибавить теплой или холодной воды, смотря по тому, какую, ему казалось, я вынесу температуру. Для этой операціи, онъ очень систематически снималъ съ себя халатъ, засучалъ по самое плечо рукава рубахи и опускалъ, то одну, то другую руку въ воду, налитую въ ванну.

Разъ ему почему-то показалось этого мало. Вдругъ, вижу, онъ начинаетъ совершенно раздѣваться.

— Чтò вы это намѣрены дѣлать, Иванъ Григорьичъ? спросилъ я, едва удерживаясь отъ смѣха.

— Хочу ногами попробовать—негоряча ли вода?... Флегматически отвѣчалъ Звуборскій:—Руки-то терпятъ... да на то олъ и руки... А ногамъ, можетъ, и слишкомъ жарко будетъ... Да вы, впрочемъ, пожалуйста, не брезгайте... Вѣдь, для меня сегодня баню топили: я прямо оттуда къ вамъ... Стало быть, чистехонекъ!..

— Да, помиуйте, Иванъ Григорьичъ, воскликнулъ я:—Я нисколько не думаю брезгать... Но зачѣмъ же вы, за меня,

въ горячей-то водѣ вариться будете? Вѣдь, если вода горяча для меня, стало быть, горяча и для васъ...

— Да это совсѣмъ разное дѣло! говорилъ Звуборскій, ставя одну ногу въ ванну, а потомъ постепенно и весь влѣзая въ нее. Я человекъ здоровый, а вы большы... Я многое вынесу, что васъ совсѣмъ съ ногъ сшибло бы... Уху, ху! какой жаръ! Вѣдь, вотъ, я такъ и думалъ, что вамъ немного погодить придется, пока простынетъ...

И Иванъ Григорьичъ, красный, какъ вареный ракъ, быстро выскочилъ изъ ванны и сталъ одѣваться, между тѣмъ какъ мнѣ сильно хотѣлось и посмѣяться надъ смѣшною стороною дѣла, и обнять чудака за его нѣжную заботливость.

Вскорѣ послѣ моего выздоровленія, по нѣкоторымъ причинамъ, не заключающимъ въ себѣ ни малѣйшаго интереса для читателей, я переѣхалъ на другую квартиру и, вслѣдъ за тѣмъ, совершенно потерялъ Ивана Григорьича изъ виду. Но черезъ два года, собираясь покинуть городъ N., я почелъ своею обязанностью посѣтить почтеннаго человека, котораго за многое полюбилъ и даже научился уважать.

Въ этотъ промежутокъ времени, Иванъ Григорьичъ опять сталъ, просто, уголовныхъ дѣлъ-стряпчимъ, потому что на мѣсто прокурора пріѣхалъ изъ Петербурга молодой человекъ, окончившій курсъ въ университетѣ. Но какъ, между тѣмъ, состоялись новые штаты для чиновниковъ министерства юстиціи, то Иванъ Григорьичъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи матеріальномъ, не могъ такъ чувствительно ощутить это разжалованіе въ прежнее званіе.

Не смотря на прибавку жалованья стряпчимъ, Звуборскій жилъ въ очень отдаленной отъ центра города, грязной и узкой улицѣ, въ маленькомъ домикѣ вдовы надворной совѣтницы Кузнецовой. Я засталъ его посреди двора, въ халатѣ, съ трубкою, разговаривающимъ съ двумя плотниками, которые рубили какое-то бревно.

— Чтò вы это, Иванъ Григорьичъ, строитесь? спросилъ я, послѣ обычнаго размѣна привѣтствій.

— Нѣтъ-съ! отвѣчалъ онъ, махнувъ рукою:—Гдѣ намъ чай пить... мы и квасомъ продовольствуемся... Это я для хозяйки, въ свободное время, хлопочу... Дѣло, знаете, вдове,

что коровье.... Безъ нашего брата никакъ не обойдется!... А впрочемъ пойдѣте въ комнату... Авось, я тамъ сокру вамъ что-нибудь поскладяѣ... Здѣсь плотники мѣшаютъ... какъ разъ обличать...

— Врешь-то ты по прежнему, братъ! подумалъ я:—да и о другихъ хлопчешь по прежнему.

Говорятъ, при новомъ прокурорѣ, Иванъ Григорьичъ во многихъ отношеніяхъ перемѣнился къ лучшему: бросилъ пить запоемъ и сталъ показываться въ порядочныхъ домахъ. Теперь онъ вѣроятно уже въ отставкѣ, до к торой ему оставалось весьма немного времени.

Ф. ТОЛЬ.

БРИТВА

Двѣ повѣсти г. Тургенева: «Наканунъ» и «Первая любовь» (Русскій Вѣстникъ, январская и Библіотека для Чтенія — мартовская книжки).

Каждое новое произведеніе г. Тургенева, только что разнесутся слухи въ обществѣ о скоромъ появленіи его, ожидается съ ликорадочнымъ нетерпѣніемъ, читается съ жадностію; толки о немъ не умолкаютъ долгое время; живыхъ людей называютъ именами лицъ, созданныхъ воображеніемъ поэта; выраженія ихъ и любимыя фразы на долго входятъ въ обыкновенный разговоръ, усваиваются обществомъ. Ясное свидѣтельство того, въ какомъ близкомъ, въ какомъ тѣсномъ отношеніи къ русскому обществу находится талантъ г. Тургенева. Мы до того привыкли къ періодическимъ явленіямъ произведеній этого писателя, что въ каждомъ изъ нихъ невольно ждемъ чего-то новаго, прежде несыханнаго нами, ждемъ того *новизны слова*, о которомъ часто и иногда вовсе не встаетъ говорить московскіе критики. Впрочемъ такое ожиданіе очень понятно, если мы вспомнимъ существенныя стороны таланта г. Тургенева, если мы обратимъ вниманіе на то именно, что составляетъ содержаніе его произведеній. Талантъ этотъ растетъ передъ нашими глазами, но онъ растетъ не одиноко, онъ растетъ вмѣстѣ съ нами, растетъ вмѣстѣ съ русскимъ обществомъ, вмѣстѣ съ тою общественною средою, къ которой принадлежатъ задуманныя и призванныя къ жизни г. Тургеневымъ лица его повѣстей и разсказовъ. Вглядываясь при-

стально въ галерею живыхъ портретовъ этого прекраснаго мастера, вы изучаете постепенное развитіе сознанія, вы видите, что съ каждымъ новымъ произведеніемъ черты дѣлаются рѣзче и опредѣленнѣе, что больше мысли, больше сердца свѣтится въ глазахъ этихъ портретовъ, что глубже орбиты этихъ глазъ, однимъ словомъ полнѣе духовная и нравственная жизнь этихъ портретовъ. За примѣрами ходить недалеко. Возьмите любой рассказъ Тургенева изъ прежнихъ лѣтъ, возьмите любую героиню его прежняго времени и сравните съ тѣми лицами, съ тѣми героинями, которыя появляются и дѣйствуютъ въ послѣднихъ рассказахъ его и вы легко увидите духовное преображеніе, совершившееся съ лицами, а слѣдовательно и съ жизнію. Шесть лѣтъ тому назадъ въ рассказѣ его «Затишье,» какъ и всѣ исполненномъ поэзіи, какъ и всѣ задуманномъ на вѣчной идеѣ любви, являются также живыя русскія лица, но какъ незначительно ихъ духовное содержаніе, какъ не осмыслились, не просвѣтѣли еще черты ихъ лицъ, какою дикою является страсть ихъ гнетущая. Отъ Марьи Павловны, героини «Затишья», этой прямо русской степной красавицы, молчаливой и гордой, какъ статуя Юноны, гнѣвной и страстной, которая умѣла только пѣть свои родныя южно-русскія пѣсни да любить удалую натуру Верещаева, до Елены, героини послѣдней повѣсти «Наказуиѣ» множество драматическихъ женскихъ лицъ и каждая кажется всегда старшимъ сестрою предшествовавшей и умнѣе и лучше и развитѣе, и съ болышимъ запасомъ нравственныхъ силъ. Вглядитесь въ нихъ по пристальнѣе: основаніе одно и тоже. Обѣ практическія натуры, ничего мечтательнаго и ложнаго, ничего натамутаго и дѣланнаго; обѣ съ жаждою дѣятельнаго добра, но малая разница: Марья Павловна годовою ребенкомъ сравнительно съ Еленой. И этотъ герой «Затишья», этотъ идеальнѣйшій дѣлаушка, Верещаевъ, погубившій ее и доведшій ее до самоубійства, эта широкая прожигальная жизнь натуры удалаго молодца, сильнаго и непрокопачаго, съ шапкою на бокрень, съ гитарою въ рукахъ, съ звучною пѣснью на устахъ, кончающая смѣлиною фигурою въ испанскомъ плащѣ и фуражкѣ, съ изношенными лицами, вращающимися усами и запылившимися отъ пыланья глазами, — съ жизнью прожитою даромъ, незлѣпо, пошлю, — какъ далеко отстоитъ онъ отъ Иссарова, нашего современника, любимаго Еленой, съ жаждою выгнавшейся въ страстную, полную любовь къ родной, Иссарова — гражданина, Иссарова — патриота не на словахъ, а на дѣлѣ.

Всякій литературный талантъ подчиненъ общему закону жизни, отъ котораго не уйдетъ ничто живущее — закону развитія. Талантъ г. Тургенева растетъ и развивается; всякое послѣднее его произведеніе необходимо должно быть полнѣе и художественнѣе предшествовавшаго, глубже и окончательнѣе, какъ по мысли заключенной въ немъ, такъ и по отдѣлкѣ. До-сихъ-пору для г. Тургенева почти не было исключенія изъ этого историческаго закона. Но художественная полнота созданія зависитъ отъ автора, тогда какъ нравственная полнота лицъ, выводимыхъ имъ, зависитъ ужъ вовсе не отъ него, а отъ жизни, а отъ среды, на которой они выросли и которую не передѣлаетъ никакой авторскій талантъ. Если герои и героини г. Тургенева растутъ, мучаются и совершенствуются нравственными и гражданскими образами, то причину этого роста надобно искать не въ развитіи прекраснаго таланта г. Тургенева, а въ развитіи самого общества. Нигдѣ такъ наглядно не представляется ростъ общества человѣку мыслящему, какъ въ повѣстяхъ г. Тургенева; современемъ, будущій историкъ нашего общества, посмотритъ на нихъ, какъ на документы нашего общественнаго сознанія. Да, при всемъ нашемъ глубокомъ уваженіи къ прекрасному таланту г. Тургенева, мы убѣрены, что нравственное содержаніе его творчествъ дается жизнью и не зависитъ отъ его таланта. Талантъ даетъ имъ болѣе или менѣе законченную форму; онъ пересаживаетъ ихъ изъ дѣйствительности въ область фантазій; онъ окружаетъ ихъ любовью или ненавистью, но не создаетъ ихъ; содержаніе готово, дано, и таланту надобно только воспользоваться имъ. Г. Тургеневъ принадлежитъ къ тѣмъ чуткимъ, къ тѣмъ богато развитымъ людямъ мысли, которые жадно прислушиваются къ жизни дѣйствительной, ловятъ ея неумовимые звуки, какъ востъ прислушивается къ ропоту моря, къ шуму лѣса, къ молчанію степи, старающься поймать разлитую во всей вселенной гармонию, старающься сознать и изобразить ее. При этомъ живомъ отношеніи къ дѣйствительности, любовь и симпатія, составляющія содержаніе таланта г. Тургенева, позволяютъ ему улавливать каждый звукъ, каждый образъ, на многое находить отвѣтъ въ себѣ и преимущественно на явленія общественныя. Вотъ поэтому-то г. Тургеневъ любимецъ русскихъ читающихъ людей и они давно уже привыкли восторженно встрѣчать каждое новое произведеніе его, полагая найдти въ немъ отвѣтъ на завѣтныхъ думы, надѣясь подстеречь въ немъ художественный образъ того, что волнуетъ и мучитъ душу, что неслышно, смутно, неопредѣленно

волнуется въ настоящей дѣйствительности и что только въ краскахъ и образахъ художниковъ получаетъ вѣчную форму. Вотъ поэтому-то слухъ о появленіи новаго романа г. Тургенева заставлялъ всѣхъ ожидать его съ нетерпѣніемъ, читать его съ жаждою, задумываться надъ скрытой въ немъ, но невольной выставляющейся мыслию. Самое названіе его, съ своимъ символическимъ намекомъ, которому можно придать очень обширный смыслъ, указывало на мысль повѣсти, заставляло догадываться, что авторъ хотѣлъ сказать что-то больше того, что заключено въ его художественныхъ образахъ. Не мы первые высказываемъ мысль, что русское общество переживаетъ переходную эпоху; явленія нашей общественной жизни, реформы вѣковыхъ учрежденій, это неустановившееся, смутное броженіе въ умахъ, эти силы, этотъ пылъ молодости, часто растрачиваемый на пустяки и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствующій о жизни, заключенной въ нихъ, все это указываетъ, что общество должно измѣниться, что ему предстоитъ коренное преобразование, что прежніе идеалы должны вмѣстѣ съ формами замѣниться другими, что старыхъ людей, измученныхъ и дряблыхъ, вынесшихъ на плечахъ своихъ много тяжелаго, людей очень умныхъ, но не практическихъ, отлично иронизирующихъ, все понимающихъ, но не способныхъ на дѣло, должны смѣнить иные, новые люди, выросшіе совершенно для другой дѣятельности и при другихъ общественныхъ условіяхъ. Человѣкъ, передъ которымъ не напрасно проходятъ явленія жизни, ясно видитъ, что мы живемъ *наканунъ* этого общественнаго перелома, что если наша дѣятельность неясна, такъ это оттого, что мы погружены еще въ сумракъ зари, а не освѣщены дѣйствительнымъ и полнымъ солнечнымъ свѣтомъ. Вглядываясь въ черты фizioномій множества лицъ, мастерски написанныхъ Тургеневымъ, черты, въ которыхъ много родственнаго, а между тѣмъ такая страшная градація развитія нравственнаго, мы, хотя и сказали, что въ этомъ развитіи видимъ ростъ самого общества, должны однакожь ограничить нашу мысль. Между сердечными стремленіями Марьи Павловны въ «Затишьи» (останемся при прежнемъ примѣрѣ) и Елены въ «Наканунѣ» — цѣлая бездна, но изъ этого мы не станемъ выводять заключенія, что общество наше идетъ въ семимильныхъ сапогахъ. Гораздо вѣрнѣе это колебаніе чертъ, эту неуловимую построту явленій, не успѣвшихъ вылиться въ ясную форму, отнести на счетъ неопредѣленности, переходности самой, переживаемой нами эпохи. Сравнивая портреты г. Тургенева, а они по художествен-

вой отдѣлкѣ своей допускаютъ это сравненіе, съ портретами великихъ мастеровъ, умѣвшихъ изображать человѣческія лица, съ портретами Тиціана, Гольбейна, Ванька, Рембрандта, вѣсь выражаетъ то обстоятельство, что первые похожи на туманные образы, что въ общей массѣ ихъ безконечныя варіаціи, что они не смѣло свидѣтельствуютъ о жизни, объ эпохѣ, произведеніи ихъ, тогда какъ въ послѣднихъ мы видимъ яркое выраженіе эпохъ ихъ создавшихъ, со всѣмъ добромъ и зломъ, окружающаго ихъ міра. Названные нами великіе портретисты имѣли дѣло съ лицами, конечно разнообразными, но по которымъ преобладала одна мысль, которые выражаютъ одинаковое нравственное содержаніе; у насъ же такая пестрота и разнообразіе, что руки опускаются при желаніи уловить духовный образъ эпохи: не ясно ли, что жизнь переживаетъ трудное, переходное время, что она не опредѣлилась еще вполне, что она волнуется, какъ не остывшая масса, что намъ еще долго дожидаться того времени, когда изъ этихъ волнъ осядутъ правильные кристаллы, вѣчные типы.

Новая повѣсть г. Тургенева «Наканунѣ», въ которой авторъ, какъ будто окончивъ съ типами доселѣ имъ любимыми, пытается создать новыхъ людей, ожидаемыхъ обществомъ, встрѣчена была такими разнообразными толками и противорѣчающими сужденіями, какими не сопровождалось ни одно изъ его произведеній, хотя критика не успѣла еще разработать этотъ типъ — намекъ, представленный г. Тургеневымъ, не успѣла еще освоиться съ нимъ. Большинство осталось положительно недовольнымъ этимъ болгаромъ Инсаровымъ, увлекшимъ русскую дѣвушку, на которую авторъ потратилъ все богатство своего восточнаго творчества, для которой не пожалѣлъ ни красокъ, ни любви. Одни негодовали на то, что этотъ пришлецъ Инсаровъ лицо очень не поэтическое, что онъ нигдѣ не выказываетъ своей дѣятельности, что дѣятельность эта, на сколько она проявляется въ повѣсти, очень пуста и ничтожна и что напрасно авторъ своимъ Инсаровымъ тычетъ какъ бы въ глаза такимъ развитымъ, богато-одареннымъ натурамъ, каковы художникъ Шубинъ или ученый Берсеевъ. Другіе порицали автора за то, что взявъ своего новаго героя изъ Болгаріи, онъ какъ будто этимъ хотѣлъ сообразить, что земля наша велика и обильна и много производитъ прекрасныхъ личностей, а Инсаровыхъ въ ней покуда еще нѣтъ, такъ что приходится ихъ, какъ маршальковъ или лтвцовъ выискивать изъ-за моря. Од-

иныхъ словомъ, востановленіе произведенное новымъ повѣствователемъ. Тургеневъ было больше неблагодарное, чѣмъ благодарное; иные, назойливые люди, доходили до убѣжденія, что автора подвергнула полному фиаско и что только чудная прелесть, дѣйствительная поэзія его «Первой любви», искупаетъ недостатки «Наканунѣ», повѣсти, написанной съ неудачною тенденціею. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Точно ли г. Тургеневъ, заслуживаетъ упрековъ и порицанія и не виновата ли сама жизнь въ томъ, что первый встрѣчающійся въ нашей литературѣ типъ Инсарова, человѣка дѣлаго, не раздвоеннаго и не подорваннаго, человѣка, у котораго слово и дѣло сливаются въ одно, у котораго нѣтъ готовыхъ на устахъ, но, иногда не приближаемыхъ къ дѣлу фразъ, который не задумывается надъ любовью, или ненавистью, надъ долгомъ или страстію, который весь отданъ великому дѣлу, совершаемому имъ безъ парада и шума, безъ реторики и кривляній, что типъ Инсарова вышелъ немножѣ удаченъ и неудовлетворителенъ насъ? Былъ ли онъ въ состояніи сдѣлать изъ этого лица такой полной и опредѣленной образъ, какой представлятъ намъ «Лишніе люди», Рудины е tutti quanti, эти «грызуны, гамлетики, самоѣды», какъ называется ихъ Шубинъ, люди, которыхъ огромное число выкормила и покаронила русская земля, съ которыми сжился талантъ г. Тургенева? Да, виновата среда, если лицо Инсарова въ русской повѣсти кажется намъ иностраннымъ; авторъ самъ чувствовалъ неловкость своего героя, еслибъ онъ родился въ русской кожѣ, и выписалъ его изъ Болгаріи. Намъ горько и больно это обстоятельство, но дѣлать тутъ нечего и мы покорно клонимъ голову передъ неизбежнымъ произволомъ автора, но за то радостно привѣтствуемъ этотъ новый, невиданный дотошъ въ русской литературѣ, а следовательно и жизни, образъ, какъ заждавшіеся, старѣющіе суаррты привѣтствуютъ первое дитя свое, ожидаемое съ трепетомъ и молитвою.

Содержаніе «Наканунѣ» все основано на любви, составляющей пафосъ повѣсти, въ которой присутствуютъ разные характеры и гдѣ побѣдителемъ является болгарь Инсаровъ, подчиняющій себя вполнѣ одинъ изъ лучшихъ женскихъ характеровъ, когда-либо созданныхъ г. Тургеневымъ. До-сихъ-поръ, женщины г. Тургенева стояли гораздо выше мужчинъ; теперь онъ командному ставитъ своего новаго героя выше этой Елены. Выглядеетъ прежде на эту прекрасную русскую дѣвушку повѣсти, и смотришь почему ей изъ всѣхъ ее окружающихъ лицъ возможно

было полюбить только Инсарова и много другого, почему одним зовут человека, инсуре даже не талантливый и не поэтический остался побѣдителемъ между другими.

Удивительная, смелая дѣвушка эта Елена, выросшая, подобно героинѣ «Дворянскаго гнѣзда» Богъ знаетъ на какой почвѣ, въ какомъ семействѣ, уродившаяся ни въ мать, ни въ отца. Подобныя явленія только на Руси бываютъ, и мы не знаемъ какъ и объяснить ихъ. Отецъ — пустѣйшій и вадорный болтушка, забывавшій жену для адовы нѣмецкаго происхожденія, дочь — для клуба. Мать, всегда склонная къ волненію и грусти, всегда больная и капризная, съ пансіонскими мечтами на старости лѣтъ (Шубицъ называетъ ее курлицей) еще меньше могла имѣть вліяніе на развитіе дочери. Оставленная на свободѣ, она развернулась роскошнымъ поэтическимъ цвѣткомъ, созданнымъ волевыми и полными и не ся вина, если она охладѣла и къ отцу и матери. Впечатлѣнія ложились глубоко къ ней въ душу. «Слабость возмущала ее, глупость сердца, хоть она не прощала, требованія ея ни передъ чѣмъ не отступали, самыя молитвы не разъ имѣлись съ укоромъ. Стоило человѣку потерять ее уваженія, — а судъ провозносилъ она скоро, — и ужъ онъ переставалъ существовать для нея». Безъ подругъ и безъ этой теплой обстановки, которая дѣлаетъ русскую дѣвушку «барышней», нарядной куклой, а жизнь ея мелкою и ничтожною, она ждала не парадовъ и праздниковъ, какъ всѣ, а дѣятельнаго добра; нищія, голодные, больные ее занимали, тревожили, мучили. Всѣ притѣсненныя животныя находили въ ней покровительство и защиту. На десятомъ году она познакомилась съ нищею дѣвочкой Катей и прислушивалась къ ея разговорамъ, и потомъ хотѣлось ей надѣть сумку, убѣжать съ Катей и скитаться по дорогамъ. Безъ внѣшняго шума, безъ внѣшнихъ волненій, жизнь ея перегорала во внутренней тревогѣ, одиночю, никому не слышной борьбою. «Ея душа и разгоралась и загасала одинокою, она билась, какъ птица въ кліткѣ, а клітки не было; никто не стѣснялъ ее, никто не удерживалъ, а она рвалась и томилась... Все, что окружало ее казалось ей не то безмысленнымъ, не то вопиющимъ. Какъ жить безъ любви? а любить нѣкого! думала она и странно становилось ей отъ этихъ думъ, отъ этихъ ощущеній... Иногда ей приходило въ голову, что она жалость чего-то, чего никто не жалеетъ, о чемъ никто не мыслитъ въ дѣлѣ Россіи». Елена смотритъ уже ступенью выше Инсарова Михайловаго въ «Дворянскомъ гнѣздѣ»;

она не жалея себя выходи въ томъ крѣпостѣ, въ томъ вѣзвѣтнѣскомъ ипрѣсвержаніи, которымъ удовлетворялась горенія «Дворянскаго гнѣзда»; она ждала чего-то, жаждала, мучилась и страдала, плакала недоумѣвающими но итучими слезами. Такою является она передъ нами, когда встрѣча съ Инсаровымъ, на дачѣ въ Кунцовѣ, рѣшаетъ ея участь и опредѣляетъ окончательно ея жизнь.

Отрывки изъ дневника Елены указываютъ намъ то состояніе ея души, когда она познакомилась съ Инсаровымъ. Состояніе это — дѣвушка, развитой духовно, которой только любовь даетъ послѣднее опредѣленіе. Все окружающее ее такъ пошло и ничтожно; привязаться ей не къ кому. Оттого у ней нѣтъ покоя, оттого ей грустно и тошно такъ, что она завидуетъ пролетающимъ птицамъ. Ей нѣкому протянуть руки; она спрашиваетъ себя за чѣмъ у ней эта молодость, эта душа, за чѣмъ живетъ она. «Пошла бы куда-нибудь въ служанки, право: мнѣ было бы легче», пишетъ она. Какъ могла бы она полюбить, какимъ бы могучимъ счастіемъ окружила она человѣка, выбраннаго душой ея. Она никогда не мыслила, не чувствовала въ половину. И вотъ наступаетъ для нея этотъ періодъ блаженства, эта долгожданная, долго призываемая любовь и русская литература обогатилась нѣсколькими страницами такого блестящаго описанія страсти, страницами полными роскоши молодого и свѣжаго чувства, полными волшебнаго обаянія любви, какія рѣдко случалось перечитывать намъ доселѣ. Весеннимъ благоуханіемъ вѣетъ со страницъ этихъ и счастливо общество, въ которомъ посреди нестройныхъ звуковъ и формъ неуясннвейшей, полу-ди-кой дѣйствительности, раздаются подобныя гармоническіе звуки, возникаютъ такіе ясныя, роскошныя образы.

Кому же отдалась эта дѣвушка, эта чуткая душа, какъ называется ее Шубинъ, отдалась вполне и безраздѣльно? Кто этотъ счастливецъ, вырвавшій ее изъ пошлаго міра ее окружающаго? Чѣмъ увлекъ онъ ее, чѣмъ соблазнилъ ее? Четырехъ молодыхъ людей выставляетъ авторъ претендентами сердца Елены. Каждый изъ нихъ и благороденъ и чистъ и достоинъ всякаго сердца женскаго, но одинъ изъ нихъ выше остальныхъ трехъ. Чѣмъ же онъ выше? Что это за новый идеалъ, волнующій сердце дѣвушки? Чѣмъ онъ достойнѣе остальныхъ извѣстныхъ и знакомыхъ намъ личностей, которыя не разъ г. Тургеневъ подвергалъ безпомощному анализу, гдѣ соединялась тонкая просія съ грустными сожалѣніемъ?

Непосредственная, художественная, блестящая натура представляется намъ въ лицѣ художника-окультора Шубина. Здоровье и молодость, безвечность, самонадеянность, избалованность невольно привлекаютъ къ нему. Какъ горячо, какъ страстно говоритъ онъ о любви, которую проситъ молодость, объ этой жадѣ счастья, которою полна душа его. «Мы молоды, не уроды, не глупы, говоритъ онъ Берсеневу, мы завоюемъ себѣ счастье!» «Какіе безмолвные восторги пилъ бы я въ этихъ ночныхъ струяхъ, подъ этими звѣздами, подъ этими алмазами, еслибъ я зналъ что меня любятъ» говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Дальше этого счастья; эгоистическаго но классическаго, дальше этого греческаго идеала наслажденія не идетъ Шубинъ. Онъ какъ-то художественно, порывисто влюбленъ въ Елену и въ то же время гоняется за красивой горничной Аннушкой и отбивается у отца Елены Августину Христіановну. Это типъ такъ называемой широкой натуры, доведенный здѣсь до изящества, до граціи, освобожденной отъ всего грубаго, дикаго, удалаго исполненной той сдержанной, законной гармоніей, которая проникаетъ все существо Шубина. Ему хочется свѣта, простора, Италіи, обѣтованной земли художниковъ. Это облагороженный эцикурентъ, ревниво ограждающій свое счастье отъ всякаго облачна. Онъ не допускаетъ малѣйшей тѣни на этомъ свѣтломъ небѣ изящнаго наслажденія жизни и когда Берсеневъ, въ ясный вечеръ, рассказываетъ Еленѣ исторію отца своего, послѣдователя пеллигоновой философіи, онъ проситъ говорить о соловьяхъ, о розахъ, о молодыхъ глазахъ и улыбкахъ. Онъ ничего еще не сдѣлалъ, но въ немъ множество задатковъ; гениальная натура его сказывается въ изящныхъ статуэткахъ, гдѣ мѣтко подмѣчены имъ выраженіе лица и внутренній міръ его знакомыхъ. Онъ и кончаетъ въ повѣсти не дурно. Мы прощаемся съ нимъ въ Римѣ, гдѣ онъ весь отдался своему неумству, работаетъ много и считается однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ ваятелей. Шубинъ — представитель дѣлаго поможѣнія молодыхъ русскихъ людей, къ счастью отживающаго теперь, которые въ слѣдствіе независимости отъ нихъ обстоятельствъ, выбрали своею дѣятельностію изящное наслажденіе жизни, а идеаломъ для подражанія художественную фигуру Вильгельма Мейстера. Въ немъ много обаянія, шарму, какъ говоритъ онъ самъ. Такія лица нравятся женщинамъ съ эцикурейскими наклонностями, но на Елену онъ не могъ подействовать. Она пишетъ въ своемъ дневникѣ, что ей не нужно его любви; она прямо говоритъ ему, что не по-

любить тудоземца. Онъ парадень, какъ бабочка, по словамъ ей, да лобуется своимъ парадень, чего бабочки не дѣлаютъ. Кроме этой изысканной вышности, надвышности, блеска, у Шубина прекрасное сердце, прекрасная душа. Въ немъ такъ много любви ко всему окружающему; эту любовь, это человеческое участие онъ вноситъ въ домашнія ссоры семейства, гдѣ живетъ; онъ улыбкой прогоняетъ вадохъ, шуткой сглаживаетъ набѣжавшія морщины на лобъ близкаго ему человѣка; онъ шутитъ надъ грубыми выходками и пристыжаетъ; онъ является спасителемъ въ затруднительныя минуты. Онъ красиво умезъ, но ни во что не вѣритъ, потому что «въ самого себя вѣрить нельзя» говорить Елена. Въ сравненіи съ Инсаровымъ онъ вовсе не драмъ, но Елена никогда его не любила, какъ сама признается. Что для ея натуры съ вѣчною жаждою дѣятельнаго добра могла значить эта красивая, блестящая личность съ ея проней и эцикурейской бездѣятельностію? Намъ указать на римскія работы Шубина и сказать, что онъ вовсе не бездѣятель, но эти работы были его личнымъ дѣломъ, прихотью его художической души, послѣобѣденнымъ кей-зомъ. Играй искусство въ настоящее мѣръ ту роль, какую играло оно въ XIV, XV, XVI вѣкахъ, сдѣлайся оно главнымъ содержаніемъ цѣлой эпохи, такъ что художникъ является живымъ сосудомъ цѣлаго міра общественныхъ идей и стремленій, и будь Шубинъ однимъ изъ такихъ художниковъ, воплотившимъ въ свои созданія современную мысль родины — конечно Елена имѣла бы полное право полюбить его. Но теперь искусство служить для украшенія жизни; связи съ народною исторіей оно не имѣетъ никакой и Шубина могла полюбить только лѣнвая, жаждущая наслажденія женщина, а не строгая, дѣятельная Елена.

Теперь другой типъ, который нѣсколько подѣйствовалъ на сердце Елены, такъ что ей казалось одно время, что она любитъ его — Берссневъ, человѣкъ хороно воспитанный, кандидатъ московскаго университета, съ лицомъ, выражающимъ привычку мыслить и доброту. Г-жа Туръ когда-то сдѣлала подобное лицо героску своего большого романа «Племинница». Это представитель тѣхъ жрецовъ науки, которыми, по словамъ Шубина, справедливо гордится классъ средняго русскаго дворянства, будущій посредникъ между наукой и россійской публикой. Онъ учится много, работаетъ усердно, но въ немъ нѣтъ этой вышности Шубина, этой возможности отдаться на драго, страстно, съ забвениемъ самого себя авсчлыванію. Онъ чувствуетъ, что

из него зародилось любовь къ Еленѣ, она груститъ и страдаетъ; въ немъ уже есть зародыши той реальности, которая губитъ жизнь, уничтожаетъ наслажденіе, не допускаетъ беззащитно отдаться чувству. Всего яснѣе контрасты обнѣихъ натуръ выражаются во взглядѣ на природу у Шубана и у Берсенева. Когда первый радостно вдыхаетъ въ себя это дыханіе жизни, рождаютъ повсюду, Берсеньевъ чувствуетъ безомошество, тревогу, грусть; онъ силится размышленіемъ объяснить себѣ свое душевное состояние. Когда подъ вліяніемъ вечера, проведеннаго съ Еленой, онъ возвращается домой и сердце его настроено на любовь, онъ садится за фортепьяно въ своей комнатѣ и подъ аккорды звуковъ, выражающихъ чувство, онъ плачетъ горькими слезами; да, онъ умѣетъ плакать. Но тотчасъ же, онъ умѣетъ подавить въ себѣ зародившуюся тревогу, умѣетъ закрыть фортепьяно, заглушить звуки, поюшіе въ сердцѣ и перейти къ тому, что по его понятіямъ составляетъ его призваніе въ жизни. Онъ можетъ раскрыть Раумерову *Исторію Гогеншлуфенскихъ князей* на той страницѣ, на которой остановился по утру и продолжить свое изученіе дальше, перейти отъ Раумера къ Гроту и т. д. Что-то порядочное, нѣмецкое, въ этомъ подчиненіи себя идеалу долга, признанію. Любимая мечта его, цѣль его жизни — сдѣлаться профессоромъ. «Какое же можетъ быть лучше призваніе, говоритъ онъ Еленѣ, — подумайте, пойдти по слѣдамъ Тимошеи Николаевича?» Одна мысль о подобной дѣятельности наполняетъ его радостью и смущеніемъ. Онъ не гордъ и не самоуверенъ, онъ сознаетъ все, чего недостаетъ ему и мечтаетъ получить позволеніе, съѣздить на границу года на три, четыре и тамъ научиться въ германскихъ университетахъ. Его идеаль — эта дѣятельность слова въ аудиторіи, этотъ свѣтъ мысли неогнеменно пробивающій густую тьму, эта просвѣщенная борьба со зломъ, которой онъ хочетъ отдать всю свою жизнь, выбравъ орудіемъ борьбы — науку. Онъ говоритъ прекрасно, сдержанно, съ сосредоточенною мыслию. Умъ и сердце слышатся въ словахъ его; Шубану объясняетъ онъ красоту, которую понимаютъ какъ эстетически-развитый человѣкъ, а не какъ художникъ, и Елена слушаетъ его со вниманіемъ, не отводя взора отъ его убедительнаго лица, отъ глазъ его, дружелюбныхъ и кроткихъ. При разговорѣ съ нимъ душа ея раскрывалась и что-то нѣжное, справедливое, херонное, не то вливалось въ ея сердце, не то изростало въ немъ. Берсеньевъ не экикуреецъ. Онъ не ждетъ счастья; подобно Шубану; онъ смотритъ на счастье, какъ

на эгоизмъ; у него есть кой-что помимо этого личнаго счастья. Онъ говоритъ Шубину, что есть на свѣтѣ слова соединяющія людей, вставляющія ихъ подавать другъ другу руки, что слова эти: искусство, родина, наука, свобода, справедливость — выше счастья, что любовь, которая для Шубина есть наслажденіе, по его понятію должна быть жертвою, что все назначеніе нашей жизни — *поставить себя кумаромъ вторымъ* (въ противоположность эгоизму художника), и съ этой точки зрѣнія подчиняющія себя общему благу, забвенія своей личности, онъ смотритъ на будущую свою дѣятельность. Берсенева существо серьезное, но абстрактное, идеалистъ; его цѣль не близка; она далеко; за его словомъ не послѣдуетъ тотчасъ же примѣненія, дѣйствія. Берсенева сознательно добра. Елена въ дневникѣ сравниваетъ его развѣ съ Инсаровымъ и говоритъ, что Берсенева можетъ быть ученѣе его, можетъ быть умнѣе, «но я не знаю, прибавляетъ она, *онъ передъ мимъ такой маленький*». Самоотверженіе его тогда, когда узнаешь онъ о любви Елены къ Инсарову, когда нейдетъ ему въ голову Раумеръ, — трогательно. Заботы у постели больного Инсарова, роль посредника между нимъ и Еленой, которую любилъ онъ, роль, вѣроятно, стоившая ему тяжелыхъ часовъ глухаго страданія, вызываютъ къ нему участіе. Лучшее всего выражается его характеръ въ слѣдующихъ словахъ его: «Не даромъ мнѣ говаривалъ отецъ: мы съ тобой, братъ, не сибариты, не аристократы, не баловни судьбы и природы, мы даже не мученики, — мы труженики, труженики и труженики. Надѣвай же свой кожаный фартукъ, труженикъ, да становись же за своей рабочей станокъ, въ своей темной мастерской! А солнце пусть сіяетъ другимъ! И въ нашей глухой жизни есть своя гордость и свое счастье!» Люди, подобные Берсеневу, носятъ въ груди своей мятву рыцарей Круглаго Стола; это такъ называемые *монеры будущаго* и, конечно, мы не откажемъ имъ въ нашемъ глубокомъ, полномъ сочувствіи, если только призваніе свое выполняютъ они честно и искренно, если они не сворачиваютъ съ своей дороги и ни съ кѣмъ никогда не дѣлаютъ компромиссовъ. Образецъ, приводимый Берсеневинымъ, по слѣдамъ котораго онъ хочетъ идти — Грановскій есть типъ этихъ чистыхъ рыцарей, которымъ явѣренъ Грааль науки, бережно хранимый ими въ глухомъ лѣсу, посреди дикихъ звѣрей. Но время Грановскаго, не смотря на всю близость его къ намъ, не похоже на настоящее время и мы увѣрены, что Грановскій теперь былъ бы нами. Въ этомъ служеніи абстрактному идеалу науки, въ этомъ

оказавшим отдаленный выходъ ей, въ этой медленной и острой таинственной здании есть что-то инстинктивное, инстинктивное. Молодая жизнь не терпит никакого инстинктивизма. Ея горячія слезы отираются дѣлательной любовью; ея раны залечиваются дѣлательными хирургами, а не теоретиками съ художественно-изящными фразами на устахъ. *Age longa vita brevis* — говоритъ омысленная употребленіемъ пословица и жизнь не ждетъ, какъ не дождалась Елена, можетъ быть сначала чувствованная влеченіе къ Берсеневу, того времени, когда онъ кончить свое ученіе на казенный счетъ въ Парижѣ, Гейдельбергѣ, Берлинѣ и напечатать статьи свои: *О некоторыхъ особенностяхъ древне-германскаго права въ дѣлѣ судебнаго наказанія* и *О значеніи геродотическихъ началъ въ вопросѣ цивилизаціи*, написанныя языкомъ нѣсколько тяжелымъ и испорченными иностранными словами. Эти названія сочиненій Берсенева звучатъ какъ пренія: такъ далеки они отъ жизни, такъ ясно показываютъ, въ какую отдаленную сферу кинулся авторъ ихъ. А Елена поѣхала туда, гдѣ бьетоя настоящая жизнь, гдѣ народъ подымается противъ своихъ нѣкомыхъ вратѣснителей — турновъ, гдѣ у каждаго на устахъ слова: родина, независимость....

Вотъ два мида-типа, люди прекрасные во многихъ отношеніяхъ, съ которыми дружна Елена, но которыхъ не полюбитъ она, какъ любила Инсарова. Отношенія ея къ нимъ совершенно свободны. Третій молодой человекъ, третій типъ — женихъ, выбранный дочери благоразумнымъ родителемъ, идеаль родителской власти, идеаль мамонекъ, прекрасный мужъ, но неимѣющъ никакихъ семействъ. «Образованія отличнаго, правовѣдъ, манеры прекрасныя, тридцать три года, оберъ-секретарь, коллежскій сѣкѣтчикъ, и Станиславъ на шеѣ.» Онъ отличный работникъ во канцелярской части, дѣлецъ, — человекъ положительный и честный: когда представлялъ ему возможность существовать свободно своимъ жалованьемъ, онъ отказался въ пользу своихъ братьевъ отъ ежегодной суммы, назначенной ему отцомъ. Это напомнитъ «Дворянскаго гнѣзда», но умѣе его, положительнѣе и не такъ фразистъ. Очевидно, что онъ считаетъ себя выгоднымъ женихомъ для всякой порядочной дѣвушки и рассчитываетъ съ своей стороны также на выгодную женитьбу. Въ немъ много сторонъ и благородныхъ и практическихъ; это человекъ уже нашего времени, воспитанный современными понятіями. Къ петербургскому сошше *il faut*, къ этой недосягаемой обѣтованной землѣ для нашихъ провинцій, онъ совершенно равнодушенъ и

наказавшая тебя чернорабочимъ, презастеріеги. Но — это саркастическая фраза, это хвастовство съ его стороны: чернорабочіе не хвастаются. Какъ и Елена, какъ и Инсаровъ — Курнатовскій ничего не смыслитъ въ художествѣ, не совсѣмъ по другой причинѣ; тѣ, потому что для нихъ практическое добро выше эгоистическаго наслажденія изящными формами, а это тѣ потому что дѣйствительно не смыслитъ. Лучшій портретъ этого обратнаго господина заключается въ слѣдующихъ словахъ письма Елены къ Инсарову: «Онъ небольшого роста, меньше тебя, коротко остриженъ, носитъ большіе бакенбарды. Глаза у него небольшіе (какъ у тебя), нѣріе, быстрые, губы плоскія, широкія: на глазахъ и на губахъ постоянная улыбка, *официальная* *накал-но*: точно она у него дежуритъ. Держится онъ очень просто, говоритъ откровенно и нос у него откровенно: онъ ходитъ, свѣтается, ѣсть, словно дѣло дѣлаетъ... Въ немъ есть что-то жалѣзное... и тумое и пустое въ то же время — и честное, говоритъ, онъ точно очень честенъ: Ты у меня *вообще* *ослабленный*, *да не такъ, какъ зможь*» Какъ современнѣйшій практичекій человекъ, онъ знаетъ толкъ въ коммерческихъ предпріятіяхъ; онъ не разоритъ своего семейства и всегда выйдетъ сухъ изъ воды. Выбери Елена его собѣ въ мужья и она заслужила бы одобреніе тѣхъ критикъ, которыя навязать ее на основаніи придуманной ими ложной нравственности. Но Елену оттолкнуло отъ господина Курнатовскаго то, что лицо это мертвое, что онъ представитель бюрократизма и администраціи, лицо не выработанное жизнью, не живое, что онъ, по словамъ Шубина, «не живой живилью данный идеалъ (какъ Инсаровъ), что здѣсь даже не чувство долга, а просто служебная честность и дѣльность безъ содержания». Подъ вліяніемъ этой служебной честности онъ легко можетъ обратиться въ страшнаго деспота и самъ высказываетъ, на основаніи своего принципа, что если человекъ, попавшійся въ вѣзгѣ, и *не оми-самъ*, *не разными обстоятельствами*, но если онъ попался; такъ его *отъ* *всѣхъ* *слѣдуетъ* *раздасомъ*. Порядочность и современность не позволяютъ ему открыто вооружиться противъ науки, университетовъ и т. д., но его слова объ этомъ предметѣ приводятъ въ негодование Берсенева. Онъ смотритъ на науку какъ на гимнастику. Онъ пойдетъ далеко, будетъ гдѣ нибудь губернаторомъ, не задумается надъ дѣйствительностію, не смеетсяся ею, но счастья любящей женщины не сдѣлаетъ.

О четвертомъ лицѣ, объ этомъ свистунѣ — Лупелровѣ —

говорить ничего. Она весь выразилась въ томъ трагизмѣ, каковое раздается въ концѣ повѣсти народа Искароулами, посредѣ испанской весны и ярнѣхъ формъ ананъ, какъ грустное напоминаніе о далеской родицѣ.

Таковы представители помогѣнія, окружающаго Елену, представители хорошо намъ знакомые и изъ жизни и изъ вѣрнѣхъ портретовъ, написанныхъ г. Тургеневымъ. Долго обращался онъ съ этими лицами, то иронически выставя ихъ на судъ современниковъ, то выражая къ нимъ грустное, полное любви сожалѣніе. Какъ бы сами ни виноваты были они въ своей пустотѣ и бездѣятельности, въ недостаткѣ воли, необходимой для дѣятельности, въ своей безполезности, въ гамлетовскомъ эгоизмѣ и отчасти энуренизмѣ, въ недостаткѣ самопожертвованія и вѣры, безъ которыхъ ничто прочное и великое не совершается на землѣ, намъ нельзя оглуломъ обвинить ихъ всѣхъ; нельзя отказать имъ въ сожалѣніи и участіи. Въ ихъ безполезности виновата много и исторія страны, и среда общественная, и разныя обстоятельства. Тутъ безвыходный логическій кругъ; одно явленіе поддерживаетъ другое, одно опирается на другое; причинны и слѣдствія связаны. Обыкновенно эти люди, и мы не разъ читали это замѣчаніе въ нѣкоторыхъ критикахъ, повинившихся по поводу «Наканунѣ», оправдываются въ своемъ бездѣйствіи тѣмъ, что ихъ никто не звалъ на работу, что никому не нужны были ихъ руки... Полюбили, что это такъ, но развѣ эти люди, пусть признаются они, положили руку на сердце, готовы, способны для дѣятельности, еслибъ дѣятельно признали раздался. Въ глухомъ бездѣйствіи, въ изнѣженномъ наслажденіи жизни, въ абстрактной наукѣ, въ вѣчномъ холодномъ размышленіи надъ самимъ собою, убивающемъ жизнь, въ мапимальномъ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, они разучились дѣйствовать, они потеряли способность и на жертву и на увлеченіе, необходимыя для всякой дѣятельности. Всѣ они очень умные люди, а потому, безъ всякаго сомнѣнія, сами признаются въ своей ненужности. Что дѣлать? Не даромъ Гамлетъ — лице глубоко трагическое и мы искренно о нихъ сожалѣемъ. Но въ насъ это сожалѣніе неапно. Мы не отвернемся отъ нихъ и дружелюбно протянемъ имъ братскую руку, потому что знаемъ связь общественныхъ явленій между собою, потому что сами сдѣлались жертвами ихъ, потому что и намъ привелось страдать съ ними общимъ страданіемъ, безтолковымъ и глухимъ, какъ болѣзнь съ своимъ стѣпленнымъ сломомъ. Но Елена? Развѣ могла въ ней развиться эта

критическая, резонирующая точка зрѣнія? Елена является здѣсь символомъ жизни, которая не разсуждаетъ о причинахъ явленій, а принимаетъ ихъ такъ какъ они есть. Она въ фактахъ жизни, въ лицахъ ее окружающихъ, не доискивается скрытаго историческаго смысла, оправдывающаго ихъ, а беретъ только то, что могутъ они дать ей. Она хладнокровно обходитъ ненужное, не сродное ей и страстно влечется къ тому, что манитъ и зоветъ ея душу, что родственно душѣ ея. Ей ли, съ ея оригинальнымъ развитіемъ, съ ея страстною и порывистою натурою, съ этою жаждою дѣятельнаго добра, постоянно живущею въ ея сердцѣ, удовлетвориться людьми, неспособными ни на положительное добро, ни на положительное зло, этими призраками, похожими на тѣ призраки, которые Дантъ помѣстилъ въ преддверіи своего ада? Она строго осудила окружающихъ ея людей; она покончила съ ними совершенно и когда смыслъ ея жизни, одного порыва, одной привязанности къ человѣку, удовлетворившему тайную жажду ея души, былъ разгаданъ, съ какою грустію заключала она письмо свое изъ Венеціи къ роднымъ словами: «А вернуться въ Россію — зачѣмъ? что дѣлать въ Россіи?» Дѣйствительно, она знала что тамъ нѣтъ другаго Инсарова, что единственный Инсаровъ, мужъ ея, былъ не русскій. Для нея въ этомъ лицѣ воплотился идеалъ человѣка и она отдалась ему со всѣмъ пыломъ, со всею страстію, со всею граціею, на которыя только способна была ея прекрасная натура. Инсаровъ — это контрастъ всѣмъ остальнымъ мужчинамъ повѣсти г. Тургенева, это тотъ Донъ-Кихоть, котораго недавно поставилъ онъ въ противоположность Гамлету въ своей рѣчи объ этихъ характерахъ. Мысль рѣчи и мысль повѣсти однѣ и тѣ же. Одновременное появленіе обохъ произведеній заставляетъ дѣлать невольное сближеніе между ними. Въ Инсаровѣ должно быть выражено «высокое начало самопожертвованія.» Онъ долженъ былъ воплотить въ себя, по словамъ рѣчи «вѣру прежде всего; вѣру въ нѣчто вѣчное, незыблемое, въ истину, находящуюся *внѣ* отдѣльнаго человѣка, не легко ему дающуюся, требующую служенія и жертвъ, — но доступную постоянству служенія и силѣ жертвы». Его умъ не блестящъ. «Постоянное стремленіе къ одной и той же цѣли придаетъ нѣкоторое однообразіе его мыслямъ, односторонность его уму; онъ знаетъ мало, да ему и не нужно много знать: *онъ знаетъ въ чемъ его дѣло и зачѣмъ онъ живетъ на землѣ, а это главное знаніе.*» Въ чемъ же его обаяніе? «Крѣпость его нравственнаго состава придаетъ особенную силу и вѣдча-

вость всёхъ его сужденіямъ и рѣчамъ, всей его фигурѣ.... Онъ энтузіастъ, служитель идеи, и потому обвѣянъ ея сіяніемъ.» Фигура его комична. Что за дѣло, если его подвиги неудачны, если онъ падаетъ, не достигнувъ желанной цѣли. «Главное дѣло въ искренности и силѣ самого убѣжденія.... а результатъ — въ рукахъ судьбы. Онѣ однѣ могутъ показать намъ, съ призраками ли мы боролись, съ дѣйствительными ли врагами. Наше дѣло вооружиться и бороться.» За такими личностями и женщины и массы людей, идутъ беззавѣтно вѣруя, страстно отдаваясь имъ. Мы увѣрены, что эти мысли, выписанныя нами изъ рѣчи г. Тургенева, не разъ приходили въ голову самому автору, когда онъ создавалъ характеръ и типъ Инсарова, и что слова эти или представляются отвлеченіемъ, результатомъ наблюденій его надъ этимъ характеромъ или что самый характеръ есть воплощеніе этихъ мыслей. Конечно русское общество должно быть благодарно г. Тургеневу, что онъ послѣ долгаго обращенія съ болѣзненными личностями, съ неудовлетворяющими начинающейся жизни людьми, обратился къ живому человѣку, составленному изъ жертвы, вѣры, сознательной дѣятельности, которыхъ жаждетъ наша жизнь, какъ знойное поле дождя. Въ теоріи, въ критикѣ, мы давно уже познакомились съ необходимостію подобнаго идеала, нисколько не похожаго на прежніе. И вотъ передъ нами является наконецъ этотъ идеалъ, давно желанный и жданный, нарисованный рукою художника въ образецъ поколѣніямъ. Кто же онъ? Молодая жизнь, недавнее ли развитіе общественное создало эту личность или это абстракція автора? что за лицо этотъ Инсаровъ, которымъ осуждаются прежнія поколѣнія?

Дмитрій Никаноровичъ Инсаровъ, болгаръ, студентъ московскаго университета, пріѣхавшій учиться въ Россію, на которую славяне вообще, какъ южные такъ и западные, смотрятъ какъ на великое единоплеменное государство, единственно независимое изъ всёхъ славянскихъ государствъ. У него одна мысль: освобожденіе бѣдной, вритѣсенной родины. Самая судьба его необыкновенна. Отецъ его — зажиточный купецъ, родомъ изъ Тернова, жившій торговыми связями съ Россіею. Сестра его, тетка Инсарова, замужемъ въ Киевѣ за старшимъ учителемъ исторіи въ гимназій. Въ дѣтствѣ Инсарова мать его была похищена турками; черезъ недѣлю ее нашли зарѣзанною. Отецъ хотѣлъ отплатить турецкому агѣ, но его разстрѣляли безъ суда. Сынъ, герой новѣсти, воспитывался въ Россіи и двадцати лѣтъ сдѣ-

лазь путешествіе по родинѣ, чтобъ выучиться забытому имъ на чужбинѣ родному языку и завести патріотическія связи. Турецкое правительство преслѣдовало его какъ политическаго агента; онъ подвергался большимъ опасностямъ; на шеѣ у него широкий рубецъ, но онъ не рассказываетъ почему и гдѣ получилъ онъ его; онъ вообще молчаливъ и не любитъ говорить о себѣ. Передъ Еленой онъ является какъ энтузіастъ, служитель идеи, а потому обвѣявъ ея сіяніемъ. — «Освободить свою родину! — говоритъ она. — Эти слова даже выговорить страшно, такъ они велики!» О своей родинѣ, о Болгаріи, слѣдовательно о томъ, что составляетъ его завѣтную думу, Инсаровъ охотно говоритъ со всякимъ. При одномъ упоминаніи его родины въ немъ совершалась перемяна: «не то, чтобы лицо его разгоралось или голосъ возвышался — нѣтъ! но все существо его какъ будто крѣпло и стремилось впередъ, очертаніе губъ обозначалось рѣзче и неумолимѣе, а въ глубинѣ глазъ зажигался какой-то глухой, неугасимый огонь.» Инсаровъ является существомъ очень прозаическимъ, ничего въ немъ нѣтъ геніальнаго. «Необыкновенный онъ индивидуумъ, что ли? спрашиваетъ Шубинъ у Берсенева. — Да. — «Умный? даровитый?» — Умный?... да. Даровитый?... не знаю, не думаю.» Какъ лицо дѣйствующее, онъ является передъ нами только составителемъ болгарской хрестоматіи, переводчикомъ болгарскихъ пѣсенъ, да припрятелемъ двухъ какихъ-то оборванныхъ своихъ соотечественниковъ, мелкихъ купцовъ, поссорившихся изъ-за грошей и пришедшихъ къ нему судиться изъ тронцкаго посада. Не станемъ говорить о единственномъ подвигѣ его, состоящемъ въ томъ, что онъ бросилъ пьянаго нѣмца въ царицынскій прудъ.... Весь пафосъ его, вся сила его въ любви къ родинѣ. Это одна идея, проникающая все его существованіе.

— Вы очень любите свою родину, спросила его Елена.

— Это еще неизвѣстно, отвѣчалъ онъ. — Вотъ, когда вѣнзбудь изъ насъ умреть за нее, тогда можно будетъ сказать, что онъ ее любитъ. Вы сейчасъ спрашивали, продолжаетъ онъ, — люблю ли я свою родину? Что же другое можно любить на землѣ? Что одно неизмѣнно, что выше всего сомнѣній, чему нельзя не вѣрить послѣ Бога? И когда эта родина нуждается въ тебѣ.... *Замышьте, послѣдній мужикъ, послѣдній лѣтчикъ въ Болгаріи и я, — мы желаемъ одного и того же. У насъ одна цѣль. Поймите, какую это даетъ заперенность и силу.»* Эта-то общая цѣль народа, которую проникнулъ Инсаровъ, это

отданіе всего себя общему дѣлу, великой идѣ борьбы за родину и дѣлаютъ Инсарова существомъ гораздо высшимъ всѣхъ дѣствующихъ въ повѣсти молодыхъ людей, у которыхъ цѣли или эгоистическія или далекія. Съ перваго разу понравиться онъ не можетъ. На Елену произвелъ онъ меньше впечатлѣнія, чѣмъ она сама ожидала. Она ждала чего-то болѣе «фантазнаго», героическаго, а въ немъ и признаковъ героя не было. Онъ не производитъ никакого эффекта. Некрасивый, неловкій, тихій, молчаливый, въ немъ нѣтъ никакихъ внѣшнихъ достоинствъ, которыми нравятся чувствительнымъ и образованнымъ барышнямъ. Чтобъ полюбить его надобно быть натурою простою, неисчерченною условными пріемами общества, а такою и была Елена. «Талантовъ никакихъ, говорить о немъ совершенно справедливо Шубинъ (Инсаровъ не убитъ пѣть, не занимается музыкой, ничего не понимаетъ въ искусствахъ, много говоритъ по французски и не стыдится того,) поэзіи нѣма, способностей къ работѣ прѣмать, память большая, умъ не разнообразный и не глубокий, но здравый и живой; сушь и сила, и даже даръ слова, когда рѣчь идетъ объ егѣ, между нами сказать, скучнѣйшей Болгаріи.» И при всемъ томъ, художникъ самъ сознаетъ свою ничтожность передъ этимъ лицомъ. «Сушь, сушь, а всѣхъ насъ въ порошокъ стереть можетъ. Онъ съ собою землю связанъ — не то, что наши пустые сосуды, которые ластятся къ мѣруду: слезы, моль, съ мекъ, жидкая вода!» Но Шубинъ ошибается, что всѣ эти качества не нравятся женщинамъ. Елена полюбила именно только его, и за мотивы любви ея мы конечно назовемъ ее лучшею, полнѣйшею, благороднѣйшею женщиною изъ всѣхъ созданныхъ г. Тургеневымъ. Къ этой любви она приготовлена была всею своею жизнію, своимъ нравственнымъ развитіемъ и въ-особенности жаждою добра, желаніемъ дѣлать добро.

Изъ дневника Елены мы видимъ почему она предпочла его всѣмъ другимъ, почему ея сердце неотразимо было увлечено имъ. Это былъ первый встрѣченный ею въ жизни человекъ, который не лжетъ. Все остальное было кругомъ, начиная съ отца и матери, которыхъ двухмысленныя супружескія отношенія заставляли гнать другъ другу и мѣняя маленькой нѣмочной Зоей. Изъ міра семейной и общественной жи, въ мірѣ стломной лоси, она въ первый разъ увидѣла истину въ человекѣ. Инсаровъ не только совершилъ, какъ говоритъ Шубинъ съ блестящей граціей, съ мѣткой ироніей, мать говорить Берсеневъ съ глубокою мыслію, какъ прежде говоритъ Рудинъ, первый

риторъ тургеневскихъ разсказовъ, *Инсаровъ дѣлалъ и будуще дѣлать*. Этой гармоніи между словомъ и дѣломъ, между фактомъ и фразой нѣтъ ни у кого въ новѣсти, кромѣ него. Но больше всего она полюбила его за то, что у него есть цѣль жизни и цѣль близкая, осязаемая, что все существо его отдано этой цѣли. «Оттого такъ ясно у него на душѣ, что онъ весь отдался своему дѣлу, своей мечтѣ... Кто отдался весь... весь... весь... тому горя мало, тотъ ужъ ни за что не отвѣчаетъ.» Чувство, долгъ и жизнь — слились въ этомъ человѣкѣ въ одно цѣлое. Оттого онъ и взявъ обѣими руками прекрасное сердце. Ко всему этому надобно прибавить и внѣшнія обстоятельства, которыя придали и Болгаріи, родицѣ Инсарова и самому ему особенное значеніе. Дѣйствіе происходитъ накануне восточной войны. Дунайскія княжества заняты; Турція объявила войну Россіи. Славянскія земли, измученныя рабствомъ, казнями, вѣками страданій, волнуется и подымается на голосъ Россіи, за свою независимость. Всѣ сердца натянуты, всѣ ждуть мировыхъ событій. «Молодое, славное, смѣлое дѣло! говоритъ Шубинъ. — Смерть, жизнь, борьба, паденіе, торжество, любовь, свобода, родина... Хорошо, хорошо. Дай Богъ всякому! Это не то, что сидѣть по горло въ болотѣ, да стараться показывать видъ, что тебѣ все равно, когда тебѣ дѣйствительно въ сущности все равно. А тамъ — натянуты струны, звени на весь міръ или порвись!»

Есть отчего закружиться молодой головѣ, есть отчего встрепенуться молодому сердцу и промѣнять бѣдную, одиобразную дѣйствительность на поэтическій міръ свободной и смѣлой борьбы за независимость. Какъ весело отдаться человѣку, который принимаетъ участіе въ великомъ дѣлѣ, идетъ на великую борьбу! Любовь Елены такъ просто и естественно является результатомъ всей жизни и всей обстановки ея, что она могла удивить только отца ея Николая Астафьевича, да хладнокровную нѣмку Зою. Какъ весенняя буря охватила эта любовь сердце Елены и мы нечасто встрѣтимъ, въ русской литературѣ, такія глубоко-прочувствованныя, поэтическія страницы, какъ тѣ, гдѣ описывается эта любовь. Кому не напомнимъ погибшую молодость, первыя слезы и первый трепетъ любви эта сцена свиданія въ часовнѣ, это описаніе счастья раздѣленной, сознательной любви въ Еленѣ, *нетомы счастлиа*, окружившей какъ волны все существо ея, это свиданіе въ бѣдной комнаткѣ Инсарова и потомъ другое, счастливое, когда онъ выздоровѣлъ. Намъ рѣдко случалось любоваться на такія

блестящія картины молодой любви и счастья, оставляющія впечатлѣнія чистыя, дѣйствительныя. Только люди цинически настроенные могли подмѣтить цинизмъ и оскорбленіе нравственнаго чувства въ этихъ сценахъ, и осуждать Елену. Намъ досадно, что вслѣдъ за г. Дараганомъ, критикомъ «Нашего Времени», даже *Русская олимпиада* въ томъ же журналѣ позволила себѣ смотрѣть такими же глазами. Великолѣпнымъ финаломъ всей этой поэмы счастья представляется день проведенный молодыми супругами въ Венеціи, похожій на венеціанскій закатъ роскошнаго дня, какихъ нигдѣ въ мірѣ не бываетъ, кромѣ Венеціи... Прогулка по большому каналу, въ залахъ академіи, слушаніе *Травиаты* въ театрѣ, молодой смѣхъ и молодое счастье, шутки и слезы, близость освобождающейся родины за голубыми волнами Адриатики, солнце Венеціи и море ея — дай Богъ всякому окончить такъ поэму любви своей. Послѣ такого конца и умереть весело и не жаль разстаться съ жизнью....

«Но, пишетъ Елена въ дневникѣ своемъ объ Инсаровѣ: «отчего онъ не русскій? Нѣтъ, онъ не могъ бы быть русскимъ.» Въ этомъ-то обстоятельствѣ и заключается, по нашему мнѣнію, существенный недостатокъ новой повѣсти г. Тургенева. Да, Инсаровъ не русскій и онъ не могъ быть русскимъ. Авторъ съ такимъ же точно правомъ, и можетъ быть еще съ большимъ, могъ взять въ грѣхъ своей повѣсти, итальянца, если принимать въ соображеніе великія современныя событія въ Италіи, дѣлающія изъ каждаго чувствующаго, мыслящаго итальянца героя, за котораго бьется сердце. Въ Инсаровѣ нѣтъ ни одной черты, напоминающей наше отечество. Все чужое, все не наше. вмѣсто неопредѣлившихся чертъ характера, вмѣсто волнующейся, неустановившейся личности, мы видимъ твердый, желѣзный характеръ, упрямую волю, конечно проявляющуюся еще въ мелочахъ, но познаго ея проявленія, подробнаго дѣйствія вовсе не нужно было для идеи самой повѣсти. Инсаровъ не беретъ никогда ни у кого денегъ въ займы, не любитъ ни кѣмъ одолжаться — черта также не русская: «Это желѣзный человѣкъ, опредѣляетъ его Берсеневъ, въ немъ есть что-то дѣтское, искреннее, при всей его сосредоточенности и искренности. Правда, его искренность — не наша дрянная искренность, искренность людей, которымъ скрывать рѣшительно нечего».... Всѣмъ этимъ онъ стоитъ гораздо выше нашихъ людей, но этимъ онъ и выходитъ изъ ихъ круга, не принадлежитъ землѣ нашей. Въ немъ нѣтъ той сложности, той ухищренности, которыми отличаются

наши люди, произведенія болѣзненного и долгаго развитія, являющіяся вслѣдствіе непоправимаго разрыва съ народомъ и народностію. Его цѣль и проста и ясна, а попробуйте-ка спросить опредѣленіе цѣли дѣйствія у лучшаго нашего дѣятеля, если это дѣйствіе не происходитъ въ ограниченной, специальной сферѣ; а хочетъ быть народнымъ.... Инсаровъ аккуратень, какъ нѣмецъ. Онъ не хочетъ даромъ жить въ комнатахъ дачи Берсенева, предлагаемыхъ ему, потому что онѣ стоятъ пустыя и принуждаетъ его взять деньги за нихъ по разсчету. Онъ не хочетъ ѣсть его обѣда, потому что его средства не позволяютъ ему обѣдать такъ, какъ обѣдаетъ Берсенева. Инсаровъ никогда не мѣняетъ своего рѣшенія, никогда не откладываетъ даннаго обѣщанія. На него всегда можно положиться; онъ сдержитъ свое слово. У него нѣтъ этой распушенности, которою щеголяютъ русскіе характеры. Берсеневу его незнакомая намъ аккуратность кажется дикою, смѣшною. Въ своемъ странномъ, ушастомъ картузѣ, гуляетъ онъ по Кунцову, какъ благоразумный школьникъ въ воскресенье, тогда какъ Шубинъ егоситъ какъ французъ, а Берсенева восторгается какъ нѣмецъ. При всемъ сильномъ желаніи нашемъ представить что нибудь наше родное въ Инсаровѣ, мы не нашли въ немъ ни одной русской черты. Самая политическая обстановка Инсарова далека отъ историческаго положенія нашего отечества. У насъ мы ничего не можемъ вообразить себѣ подобнаго тому, съ чѣмъ готовится бороться Инсаровъ, за что хочетъ онъ пожертвовать своею жизнью. Авторъ очевидно, съ глубокою обдуманностію сдѣлалъ Инсарова не русскимъ, болгаромъ, выдѣливъ его совершенно изъ русской жизни.... А между тѣмъ онъ герой русской повѣсти, онъ вторгается въ русскую жизнь, итѣвшую до его появления мирное, хоть и пошлое теченіе. Во имя какихъ принциповъ вторгается онъ въ эту жизнь? Во имя чего ставится онъ за идеалъ для подражанія русскимъ людямъ, какимъ очевидно хотѣлъ поставить его г. Тургеневъ? До-сихъ-поръ г. Тургеневъ самовластно, деспотически, распоряжался со всѣми русскими характерами, которые дѣйствуютъ въ его разказахъ, до-сихъ-поръ онъ становился всегда выше ихъ, смотрѣлъ на нихъ какъ побѣдитель на побѣжденнаго. Одинъ только Инсаровъ — характеръ идеальный, возвышенный, конечно выше всего его окружающаго и авторъ не свободно стоитъ передъ нимъ. Неужели же онъ сдѣлалъ его идеальнымъ изъ уваженія къ чудному, чего нельзя передѣлать, съ чѣмъ нельзя поступить критически? Гѣ-

ворить и доказывать это значило бы оскорблять нашего автора. Цель его гораздо выше. Инсаровъ является героемъ въ русской повѣсти, какъ представитель общечеловѣческихъ началъ, того, что придаетъ смыслъ жизни въ современности, что даетъ ей высшую санкцію. Упрекать автора въ томъ, что его повѣсть имѣетъ *напрасленіе*, что она написана съ задуманною идеею — мы не станемъ, да и критика давно уже не имѣетъ права на подобныя упрёки. Въ наше время нельзя ничего писать безъ живаго отношенія къ современности; это воздухъ, въ которомъ мы всё живемъ, и мы не вѣрнемъ въ чистое искусство. Какъ бы могущественъ ни былъ талантъ, жизнь сильнѣе его и очевидно, что Инсаровъ и его дѣятельность невольно просились въ повѣсть г. Тургенева. Это стонъ нашей жизни, то чего жаждетъ она. Понятно, что г. Тургеневъ, талантъ чрезвычайно чуткій на пониманіе явленій общественныхъ и нашего развитія, томится тою же жаждою *новыхъ людей*, какую томится наше общество. И онъ, какъ и всё мыслящее русскіе люди эпохи нами переживаемой, понимаетъ чего недостаетъ русской жизни. До-сихъ-поръ рѣчей и словъ было видимо не видимо; фраза за фразой, одна кругомъ другой, одна блестяще другой, лились потокомъ людей и событій. Съ глубокимъ трагическимъ выраженіемъ лучшіе люди наши повторяютъ слова посѣдѣвшаго, сгорбленнаго, грустнаго Рудина: «Слова, все слова! дѣлъ не было!» Потому-то автору легко было наблюдать и создавать русскіе характеры, въ основаніи которыхъ лежала фраза, мыльные пузыри. Не имѣя дѣйствительной почвы подъ ногами, они носились въ безвоздушномъ пространствѣ, оторванные отъ народной жизни. Рудинъ называетъ себя перекатиполею. Пестрыя китайскія тѣни, эти характеры не имѣли рельефности, необходимой для дѣйствительности. Ихъ стоило только посадить на иглы какъ бабочекъ, расправить разноцвѣтныя крылья съ большимъ или меньшимъ искусствомъ авторскимъ и потомъ артистически или критически любоваться ими. Нѣсколько неудачный приемъ, незначительная ошибка литературнаго энтомолога не мѣшали самому дѣлу. Экземпляръ все таки былъ найденъ и сохраненъ въ назиданіе потомству. Но съ дѣйствительно-идеальными характерами, выросшими на народной почвѣ, надобно обращаться иначе. Тутъ уже малѣйшая ошибка въ созданіи бьетъ въ глаза, малѣйшая фальшь въ исполненіи съ большою отзвучаетъ въ сердцѣ, ложные тоны оскорбляютъ народное чувство, заставляютъ страдать его. А что если жизнь сама не приготовила еще ни одного идеальнаго характера, такъ

что въ самой попыткѣ создать его будетъ уже заключаться ложная тенденція? Г. Тургеневъ все это очень хорошо понималъ и не взялся создать народный идеальный характеръ, вызывая его изъ русской дѣйствительности, а между тѣмъ онъ былъ необходимъ по всему ходу его прежняго развитія, по его отношенію къ современности, по любви его къ общественнымъ потребностямъ. Этотъ идеальный характеръ былъ необходимъ, какъ образецъ для подражанія, какъ урокъ поколѣніямъ и авторъ поневолѣ долженъ былъ взять его изъ чужбины, поставить его въ контрастъ съ явленіями нашей жизни и принести ему въ жертву лучшей цвѣтокъ этой жизни.

Но идеальные характеры, являющіеся въ литературѣ, тогда только неотразимо и могущественно дѣйствуютъ на современное сознаніе, когда они вырастаютъ на народной почвѣ, когда каждая мысль ихъ есть мысль народа, когда каждый нервъ ихъ въ связи съ народною жизнью, когда въ груди ихъ бьется живое сердце и чувствуетъ все горе и все счастье своего народа. Однимъ словомъ идеальные характеры должны быть народными, своими типами. А Инсаровъ здѣсь совершенно чужой и не смотря на обстановку, чрезвычайно умно данную ему авторомъ, многіе посмотрятъ на него хладнокровно и не поймутъ, что это только типъ-намекъ, типъ-упрекъ. Мало ли чего хорошаго нѣтъ въ чужихъ земляхъ, да все это не наше, не свое. Мало ли существуетъ на свѣтѣ идеальныхъ характеровъ? Стоитъ только раскрыть Плутарха и передъ нами откроется цѣлая галерея личностей и какихъ личностей! Классическій профиль и гражданское мужество, военная доблесть и семейныя добродѣтели; лица, прямо просящіеся на пьедесталь, передъ которыми и Инсаровъ будетъ казаться пигмеемъ, не смотря на его геройскія достоинства по отношенію къ намъ. А между тѣмъ все это такъ далеко и чуждо и жизнь не тронется на голосъ, звѣняцій изъ чужбины. Что же дѣлать автору, когда ему необходимы идеальныя лица, когда идеаловъ проситъ сама общественная жизнь, проситъ но не въ состояніи дать ихъ, какъ не взять ихъ въ повѣсть изъ жизни чужаго народа и помѣстить ихъ упрекомъ въ ней. Приглядываясь къ жизни окружающей насъ, къ этому пестрому міру явленій, въ которомъ все волнуется и ничего не установилось, гдѣ ничто не приняло твердыхъ формъ, приглядываясь къ содержанію переходной дѣйствительности, гдѣ проходятъ люди тѣнями, въ наскрадномъ платьѣ, мы видимъ, что не пріятно еще время для идеальныхъ харак-

теровъ , для типовъ-образцовъ , что нѣтъ еще почвы для ихъ дѣятельности , что жизнь не сложилась еще для нихъ. Если мы и видимъ , что въ послѣдніе , переживаемые нами годы русской жизни , началось что-то такое , что не похоже на старое , что предвѣщаетъ новую жизнь , гдѣ знакомые намъ характеры будутъ уже отверженцами , то и это новое , начинающееся , назначеніе котораго есть борьба , не создало , да и не въ состояніи создать еще ни одного типа. Посмотрите куда уходятъ лучшія силы. Въ борьбу , которой конца не видно , въ которой цѣли нѣтъ , ясной и опредѣленной. Инсаровъ знаетъ за что готовъ онъ сложить свою голову , знаетъ съ чѣмъ и съ кѣмъ онъ идетъ на борьбу , а у насъ , съ болѣю сердечною признаться надобно , туманъ передъ глазами. Всѣ подвиги наши могутъ покуда ограничиваться шумихою словъ , а на это мы были большіе мастера и прежде , или представляться дѣтскими выходками. Нападаютъ на Инсарова за то , что лицо это не удовлетворяетъ насъ , и обвиняютъ въ томъ автора. Какъ болгарь , онъ совершенно вѣренъ своему назначенію , своему призванію , но нашъ идеальный характеръ , нашъ дѣятель , долженъ принять иную форму. Совершенно справедливо , что Инсаровъ не удовлетворяетъ насъ русскихъ , но въ этомъ недостаткѣ виноватъ не талантъ г. Тургенева , а сама жизнь , не успѣвшая или не могшая намъ дать своего Инсарова. Еще спорный вопросъ : молода или стара эта жизнь , но успокоимся на томъ мнѣніи , что жизнь эта еще молода и станемъ ждать когда она дастъ намъ идеальнаго дѣятеля. Его надобно ждать отъ жизни , а не отъ таланта ; талантъ беретъ только у жизни. Не знаю долго ли намъ придется ждать этотъ будущій идеальный типъ , но конечно всякій читатель отъ души пожелаетъ вмѣстѣ съ нами , чтобъ еще г. Тургеневу суждено было представить намъ его. Тутъ будетъ двойной выигрышъ : и для жизни и для насъ...

Разладъ , который вносится въ русскую жизнь , появленіемъ Инсарова въ повѣсти г. Тургенева , очень естественно должно быть привести нѣкоторыхъ критиковъ къ обвиненію его въ томъ , что онъ сомнѣлъ съ настоящей своей дороги , что онъ въ ущербъ своему таланту , сталъ «увлекаться философскими воззрѣніями на жизнь» , что идея повѣсти «въ состояніи сбить съ толку весьма многихъ не утвердившихся еще во взглядѣ на личные характеры и общественныя отношенія , который служатъ основаніемъ истинной нравственной философіи». Таково , во крайней мѣрѣ , содержаніе критики «Нашего Времени» (№ 9),

журнала, такъ неудачно пытавшася разрушить послѣднюю драму г. Островскаго. Мы оставляемъ въ сторонѣ упреки той же критики, что повѣсть не имѣетъ строгаго плана, что она задумана неясно и исполнена небрежно. Мы смотримъ на повѣсть не глазами художественнаго критика и не хотимъ сойдти съ исторической точки зрѣнія. Критика совершенно справедлива, когда разбирая Инсарова, она спрашиваетъ: такнхъ ли дѣятелей, ради Бога, намъ нужно въ настоящее время? Но она ошибается, она близорука, когда утверждаетъ, что авторъ хотѣлъ навязать русской жизни какъ типъ дѣятеля сервантесова Донъ-Кихота. Конечно, не мечтательная дѣятельность Донъ-Кихота, сражавшагося съ мельницами, нужна намъ, а сердце его, непреклонная воля, нравственность, а главное вѣра, теплая вѣра въ успѣхъ своего дѣла, служеніе идеѣ, неразрывно слившейся съ жизнью, со всѣмъ существомъ человѣка. Инсаровъ г. Тургенева, по отношенію къ своимъ соотечественникамъ — болгарамъ — вовсе не Донъ-Кихотъ, а лицо дѣйствительное.... Намъ не нужно въ повѣсти подробнаго изображенія всего круга его дѣятельности, его сношеній съ болгарскими патриотами, разсказа какъ въ дѣлѣ выражаются его умъ, воля, характеръ. Авторъ пишетъ повѣсть, изъ русскаго быта, а вовсе не исторію славянскихъ племенъ. Да если бы г. Тургеневъ и задумалъ представить Инсарова гдѣ нибудь въ Мостарѣ или Терновѣ, организующимъ патриотическое возстаніе противъ турокъ, а не заставилъ его умереть въ Венеціи, накануне отъѣзда въ Далмацію, то съ поучительной точки зрѣнія, въ какой обвиняетъ его критикъ, мы все таки ровно ничего не выиграли бы отъ знакомства съ подобною дѣятельностію Инсарова. Что хорошо въ Болгаріи или Герцеговинѣ, то не годится намъ. Также несправедливо требованіе критика, чтобъ г. Тургеневъ, для показанія превосходства Инсарова передъ Шубиннымъ и Берсеневымъ, поставилъ бы ихъ рядомъ не въ отношеніи къ Еленѣ, а въ отношеніи къ ихъ политической или по крайней мѣрѣ гражданской дѣятельности, поставилъ бы ихъ если не въ борьбѣ, то по крайней мѣрѣ въ соревнованіи другъ къ другу. Критикъ забываетъ, что соревнованіе для нихъ невозможно ни гдѣ, ни въ какой другой благородной сферѣ, кромѣ общечеловѣческаго чувства любви (да въ этомъ только и надобно видѣть цѣль автора), потому именно, что у всѣхъ совершенно различны идеалы, что то, къ чему стремится Инсаровъ — незнакомо ни Берсеневу, ни Шубину, что общаго между ними нѣтъ ничего, что эти типы

разныхъ несколькихъ народностей, что авторъ не думалъ создавать идеаловъ, въ чемъ обвиняетъ его критика, что онъ не удался отъ истинной, прямой цѣли художника — изображать людей такими, какъ они есть. Реальность лицъ «На кануѣ» очевидна для всякаго, кто смотритъ на нихъ не предубѣжденными глазами. Но, выбирая героемъ своей повѣсти иностранца, болгара, г. Тургеневъ вѣроятно не думалъ, и не воображалъ, что женскій критикъ того же журнала, такъ смѣло идущій по слѣдамъ г. Дарагана, вѣроятно очень-впечатлительная дама (существо всѣхъ ея нападеній заключается въ томъ, что Елена дурно воспитанная дѣвушка) обвинить его въ томъ, что онъ «беретъ на себя защиту всѣхъ нашихъ эмигрантовъ, такъ легко переселяющихся за-границу, потому, что въ отечествѣ нѣтъ ни достойнаго ихъ поирнца, ни пищи для ихъ любви и дѣятельности, ни тѣхъ пріятностей и удобствъ жизни, которыя доставляетъ имъ за-границей русское золото. Онъ даже не только неослѣ оправдываетъ ихъ, но слится внушить намъ смиренное уваженіе и удивленіе къ нимъ. *«Орреръ! Орреръ!»* остается сказать намъ вслѣдъ за этими строками виѣтъ съ этою «дамою пріятною во всѣхъ отношеніяхъ».

Что касается до несчастной Елены, то она больше всего потеряла отъ мужскаго и женскаго критиковъ «Нашего Времени». Всѣ обвиненія сходятся. Ее называютъ и блѣдною во всѣхъ отношеніяхъ, и бѣлоручкой, и непростительно-дурно воспитанной барышней, и кокеткой, и развратницей. Они непремѣнно хотятъ видѣть въ Еленѣ идеалъ современной русской женщины, который г. Тургеневъ ставитъ яко-бы въ образецъ всѣмъ нашимъ дамамъ. Они говорятъ, что любовь ея нарушаетъ всякія приличія, законы среды, гдѣ она живетъ, забывала, что эта среда смотритъ сквозь пальцы на отношенія Николая Астафьяча и Августины Христіановны и, пожалуй, оправдываетъ ихъ.... Не станемъ вводить въ споръ съ этими критиками о предметахъ отвлеченной нравственности. Если мы будемъ смотрѣть на художественное произведеніе съ точки известной нравственности, съ точки временной нравственности, то, конечно, ни одно изъ нихъ не выдержитъ критики и каждое разрушится. Отсылаемъ ихъ къ слѣдующему хорошо всѣмъ известному предисловію «Корнея Ченота», въ которомъ они забыли, а можетъ быть и не слышали. Намъ только странно показалось желаніе этихъ критиковъ видѣть, условно напередъ цѣнимъ тамъ, гдѣ его нѣтъ, гдѣ его никто не видитъ, гдѣ простое, молодое сердце бьется

нравственнымъ трепетомъ, гдѣ льются свѣтлыя слезы. Для циническихъ открытій въ произведеніяхъ человѣческой поэзіи необходима обширная начитанность въ сочиненіяхъ «Марива де Сада», «Ланло», «Мирабо», пока еще онъ не сдѣлался членомъ національнаго собранія, сочиненій, мало намъ знакомыхъ, но, повидимому, извѣстныхъ и мужескому и женскому критику «Нашего Времени».

«Первая любовь», небольшая повѣсть, напечатанная въ «Библиотецѣ для Чтенія», не наведетъ критиковъ на тяжелыя думы, на вопросы, болѣзненно поднимающіеся въ обществѣ и не дающіе покоя.

Если «Наканунѣ» вызвало столь разнообразныя толки и въ обществѣ и въ журнальныхъ статьяхъ, если большая часть мнѣній (пестрота ихъ и невыдержанность ясно свидѣлствуютъ о нашемъ переходномъ состояніи) была неблагоприятна для автора, если большинство было недовольно г. Тургеневымъ частію за появленіе въ русской повѣсти иностранца, частію и самимъ этимъ болгаромъ, отъ котораго требовали какой-то обширной гражданской дѣятельности и могущественныхъ подвиговъ, то «Первая любовь» должна была удовлетворить всѣхъ. Мы сказали уже, что многіе смотрятъ на нее, какъ на искупительное дѣло автора, какъ на покаятельный фактъ его литературной дѣятельности. Читатель знакомъ съ нашимъ взглядомъ на «Наканунѣ» и ему очевидно, что мы не можемъ раздѣлять подобнаго мнѣнія, доказывающаго только поверхностное отношеніе къ литературнымъ явленіямъ, легкое пониманіе ихъ. Идея «Наканунѣ», неволью носившаяся передъ авторомъ въ то время, какъ онъ создавалъ эту повѣсть, глубина вопросовъ, имѣющихъ такое живое примѣненіе къ нашему общественному положенію, лица, дѣйствующія въ повѣсти, вырванныя съ такимъ художественнымъ тактомъ изъ водоворота русской жизни и поставленныя въ такое естественное отношеніе къ болгару, все это невольно должно было возбуждать разговоръ и подымать критическую дѣятельность. «Наканунѣ» вызвало уже нѣсколько критическихъ статей, противоположныхъ по направленію и по взгляду критиковъ; вѣроятно критическая дѣятельность не остановится на этомъ и будетъ разрабатывать эту повѣсть, представляющую намъ и новыя типы и новую ступень въ развитіи г. Тургенева по отношенію къ общественнымъ явленіямъ. Ясно, что это живое участіе публики къ повѣсти зависитъ не столько отъ признаннаго таланта г. Тургенева, сколько отъ содержанія ея. «Пер-

вая любовь», не касаясь тяжелых и сразу не дающихся общественных вопросов, проникнутая вся глубокою поэзіею любви, изображать которую такой удивительный мастеръ г. Тургеневъ, не вызвала еще ни одной критической статьи, хотя, конечно, всё прочли ее съ глубокимъ наслажденіемъ. Начавъ читать эти страницы, нельзя оторваться отъ нихъ до конца. Поэзія чувства разлита въ нихъ щедрою рукою. Живыя лица повѣсти всё охвачены потокомъ любви, окружены волшебнымъ свѣтомъ, въ которомъ всякій предметъ получаетъ яркіе цвѣты. Въ этой повѣсти такъ много прочувствованнаго и прочувствованнаго не даромъ, а съ глубокимъ поэтическимъ пониманіемъ, что она невольно захватываетъ за живое всякаго читателя, у котораго въ молодости шевелилось въ сердцѣ что-либо похожее на чувство, описанное въ повѣсти. Тайною прелестью дѣйствительныхъ воспоминаній первой любви, молодымъ восторгомъ и молодою скорбью вѣетъ отъ этихъ горячихъ, страстныхъ страницъ. Старые, умершіе образы, подъ вліяніемъ этой поэзіи возникаютъ въ сердцѣ, какъ подъ вліяніемъ перваго весенняго вѣтра просятся въ душу забытые сны. Какъ наслажденіе сѣверною весною невольно оставляетъ въ душѣ легкую скорбь, какое-то сожалѣніе, особенно если годы говорятъ о невозвратимыхъ потеряхъ, такъ и эти весеннія воспоминанія невольно навѣваютъ тайную грусть о прошедшемъ.

Быть можетъ, въ мысли намъ приходитъ,
Средь поэтическаго сна,
Иная, старая весна,
И въ трепеть сердце намъ приводитъ
Мечтой о дальней сторонѣ,
О чудной ночи, о лунѣ...

Вся повѣсть рассказываетъ, какъ воспоминаніе о первой любви отъ лица холостяка Владиміра Петровича, о которомъ мы знаемъ только, что онъ «человѣкъ лѣтъ сорока, черноволосяй съ просѣдью». Дѣйствіе происходитъ весною, на дачѣ подъ Москвою, когда этому Владиміру Петровичу исполнилось только шестнадцать лѣтъ и онъ готовится къ вступительному экзамену въ университетъ, подъ вліяніемъ весны, гнѣвно изучая знаменитый учебникъ Кайданова и повторяя наизусть любимые, заученные на память стихи, въ то время какъ молодая жизнь скальвается неопредѣленными, сладкими желаніями. «Кровь бродила по мнѣ; и сердце пыло — такъ сладко и смѣшно; я все ждалъ, робѣлъ чего-то и всему дивился, и весь былъ наготовѣ; сан-

тазія играла и носилась быстро вокругъ однихъ и тѣхъ же представлений, какъ на зарѣ стрижи вокругъ колокольни; я задумывался, грустилъ и даже плакалъ; но и сквозь слезы и сквозь грусть, навѣянную тѣмъ пѣвучимъ стихомъ, тѣмъ красотою вечера, *проступало, какъ осенняя травка, радостное чувство молодой, закипающей жизни.*» Этой молодой жизни, съ ея безпредметными восторгами и желаніями, недоставало человѣческаго чувства — любви, не замедлившей явиться. «Во всемъ, что я думалъ, во всемъ, что я ощущалъ, таилось полусознанное, стыдливое предчувствіе чего-то новаго, несказанно-сладкаго, женскаго....» Эта ожидаемая женщина является шестнадцатилѣтнему юношѣ въ лицѣ оригинальной княжны Зинаиды Засѣкиной, одной изъ тѣхъ поэтическихъ женщинъ, создавать которыя такой мастеръ г. Тургеневъ, сосѣдкѣ по дачѣ. Ея характеръ обрисовывается съ удивительной граціей и изяществомъ въ небольшихъ сценахъ повѣсти, имѣвшихъ такое вліяніе на юношу. Она, вся какъ живой образъ стоитъ передъ нами съ своею красивою внѣшностію, съ игривою прелестью кокетства, даваемого молодостью и красотою, съ своею невысказываемой, но очевидною страстью, о которой не догадывается только бѣдный юноша и съ своимъ поэтическимъ образомъ выраженія. Отъ всей фигуры ея вѣетъ чувствомъ и полнотою жизни. Не даромъ у ней было столько разнообразныхъ поклонниковъ, которыми она могла распоряжаться самовластно, какъ царица. Она была пятью годами старше студента. Избалованная общимъ обожаніемъ, она должна была смотрѣть на шестнадцатилѣтняго юношу, какъ на дитя. Но въ юношѣ между тѣмъ созрѣло настоящее человѣческое чувство любви и эту любовь молодая дѣвушка должна была естественно щадить. Она сама постепенно дѣлается жертвою могучей страсти къ отцу студента, отдаваясь ей безотвѣтно, забывая всѣхъ своихъ поклонниковъ, забывая то, что она являлась всегда побѣдоносною между ними. Эта борьба въ ея душѣ и въ ея жизни между чувствомъ сожалѣнія, пощады къ бѣдному юношѣ, которое не позволяетъ ей высказаться и своею собственною страстію, ея подавляющею, составляетъ одну изъ тайныхъ, сразу незамѣтныхъ красотъ разсказа.

Но главная прелесть его состоитъ въ чередѣ смѣтеномъ страсти въ молодомъ сердцѣ, въ первомъ волненіи и первомъ трепетѣ его и первомъ горѣ ревниваго чувства. Мы могли бы назвать этотъ разсказъ о любви глубокимъ психологическимъ этюдомъ, еслибъ въ немъ не заключалось такъ много дѣйстви-

тельно пережитого, прожитого сердцемъ. Невольно въ головѣ читателя возникаетъ мысль, что эта любовь есть сердечная повѣсть молодости рассказчика, созданная не авторскою фантазіею, а дѣйствительною жизнью. Свѣтлое сожалѣніе объ этой безвозвратно исчезнувшей молодости мы встрѣчаемъ на многихъ страницахъ повѣсти: «О, кроткія чувства, мягкіе звуки, доброта и утиханіе тронутой души, тающая радость первыхъ умилений любви, — гдѣ вы, гдѣ вы?» Первое сознаніе юности, что онъ полюбилъ, что слово найдено, котораго такъ жадно добивалась душа въ тотъ вечеръ, когда онъ усталый послѣ впечатлѣній дня возвращается въ свою студентскую комнату, передано удивительно просто и естественно: «Я присѣлъ на стулъ и долго сидѣлъ какъ очарованный. То, что я ощущалъ, было такъ ново и такъ сладко.... Я сидѣлъ, чуть-чуть озвряясь и не шевелясь, медленно дышалъ и только по временамъ то молча смѣялся, вспоминая, то смущенно холоделъ при мысли, что я влюбленъ, что вотъ она, вотъ эта любовь. Лицо Зинаиды тихо плыло передо мной во мракѣ — плыло и не проплывало; губы ея все также загадочно улыбались, глаза глядѣли на меня съ боку, вопросительно, задумчиво и нѣжно.... какъ въ то мгновеніе, когда я расстался съ ней. Наконецъ я всталъ, на ципочкахъ подошелъ къ своей постели и осторожно, не раздвѣваясь, положилъ голову на подушку, какъ бы страшась рѣзкими движениями непреодолимое то, чѣмъ я былъ переполненъ».... Ночная гроза и трепетныя молніи, поминутно вспыхивавшія, какъ нарочно соотвѣтствуютъ этимъ нѣмымъ и тайнымъ порывамъ зарождающагося чувства. Это чувство не постепенно растетъ и развивается; оно разомъ, съ перваго дня, овладѣваетъ всѣмъ существомъ молодого человѣка; ему ничто и на умъ нейдетъ крѣпкой одной востанной, напряженной думы о ней и только въ присутствіи ея дѣлается ему легче. Зинаида окружена поклонниками; они со всѣхъ сторонъ льнутъ къ ней, ищутъ ея взгляда, ласки. Всѣ они гораздо старше бѣднаго юноши и знаютъ чего хотятъ и добиваются въ этой страсти, а юношѣ остается только ощущать свое ничтожество, изнывать цѣлые дни, ревновать. Она кокетничаетъ со всѣми, потѣшается надъ всѣми и, долго остается свободною, гордою и сіяющею, пока въ ней самой не заговорило сильное чувство, сломившее ея независимую волю. Съ какою мукою, хотя и послѣ всѣхъ, молодой человѣкъ впервые узнаетъ, что Зинаида полюбила. Но кого? отвѣтъ на этотъ вопросъ, хотя онъ ничего не прибавитъ къ ревнивой мужѣ, со-

ставляет новую тревогу для юноши. На какие подвиги, на какие жертвоприношения готовъ онъ рѣшится, чтобъ только завоевать это сердце, непреклонное и гордое, пока не овладѣла имъ страсть. Эти порывы выражаются ребячествомъ, но приковываютъ участіе. Съ высокой стѣны оранжереи, съ двухсаженной высоты, онъ летитъ въ поле на шутивый вызовъ Зинаиды и больно ушибается, но возбуждаетъ скорбное чувство въ прихотливой красавицѣ. «Милый мой мальчикъ, говорила она, наклоняясь надо мною — и въ голосѣ ея звучала встревоженная нѣжность, «какъ могъ ты это сдѣлать, какъ могъ ты послушаться.... вѣдь я люблю тебя.... встань....» Ея грудь дышала возлѣ моей, ея руки прикасались моей голове и вдругъ — что случилось со мной тогда! ея мягкія, свѣжія губы начали покрывать все мое лицо поцѣлуями.... онѣ коснулись моихъ губъ.... «Боль отъ ушиба прошла быстро и замѣнилась сладостнымъ ощущеніемъ любви, надеждою раздѣленного чувства; ревность и муки сомнѣнія забыты (юношѣ такъ немного нужно, чтобъ вновь увѣровать и успокоиться). Чувство блаженства, которое я испыталъ тогда, уже не повторилось въ моей жизни. Оно стояло сладкой болью во всѣхъ моихъ членахъ и разрѣшилось наконецъ восторженными прыжками и восклицаніями. Точно, я былъ еще ребенокъ.» Но въ молодости одно чувство такъ быстро смѣняется другимъ, такъ круты переходы, такъ быстро стучитъ сердце. Ревнивая тоска вновь изгоняетъ ощущеніе минутнаго блаженства и подъ вліяніемъ злыхъ намековъ, подъ вліяніемъ современнаго романтизма (дѣйствіе происходитъ въ тридцатыхъ годахъ), онъ воображаетъ себя пушкинскимъ Алеко, мстителемъ за измѣну и отправляется ночью караулить чужое счастье въ садъ съ англійскимъ ножикомъ вмѣсто кинжала. Эти ночныя ощущенія ревниваго юноши, а кому не случалось переживать подобное, этотъ школьникъ-Отелло и потомъ быстрый переходъ къ испугу, когда юноша въ счастливомъ соперникѣ узнаетъ отца своего, рассказаны удивительно вѣрно. «Я такъ скорчился и съежился, что, кажется, сравнялся съ самою землею. Ревнивый, готовый на убійство Отелло, внезапно превратился въ школьника.» На другой день онъ какъ дитя играетъ и бѣгаетъ въ саду съ двѣнадцатилѣтнимъ кадетомъ, братомъ Зинаиды. Но, ноющая грусть грызетъ его сердце, теперь уже нѣтъ сомнѣній; тоска ревности превратилась въ безвыходное, но сознательное страданіе, которое ничѣмъ не поправишь, которое неотразимо стоитъ въ сердцѣ и напоминаетъ вѣчно о себѣ;

слезы льются неудержимо. Прежде, покуда тайна была неясна, пока не была она открыта вполне, дѣтское легкомысліе помогало. *«Я не хотѣла знать, любятъ ли меня, и не хотѣла сознаться самому себѣ, что меня не любятъ; отца я избѣгалъ — но Зиванду избѣгать я не могъ.... Меня жгло какъ огнемъ въ ея присутствіи.... но къ чему мнѣ было знать, что это былъ за огонь, на которомъ я горѣлъ и таялъ — благо мнѣ было сладко таять и горѣть. Я отдавался всѣмъ своимъ впечатлѣніямъ, и самъ съ собой лукавилъ, отворачивался отъ воспоминаній, и закрывалъ глаза передъ тѣмъ, что предчувствовала впереди. Это томленіе вѣроятно долго бы не продолжилось; громовой ударъ разомъ все прекратилъ и перебросилъ меня въ новую колею. «Когда всѣ сомнѣнія исчесли, когда нельзя уже было съ эппкуреизмомъ юности обманывать себя, когда печальная истина стояла съ неотразимою болью въ сердцѣ, «это внезапно откровеніе раздвинуло меня.... Все было кончено. Всѣ цвѣты мои были вырваны разомъ и лежали вокругъ меня, разбросанные и истоптанные.» Въ сладость прощальнаго поцѣлуя подмѣшано было много горечи погибнувшаго чувства.*

Не въ одномъ этомъ влюбленномъ юношѣ и въ измѣненіяхъ его молодого чувства принимаетъ живое участіе читатель: еще больше возбуждаетъ его виновница этой любви, молодая дѣвушка, которая проносится въ повѣсти какъ поэтическая греза съ самаго перваго оригинальнаго ея появленія. «Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня — на полянѣ, между кустами зеленой малины, стояла высокая, стройная дѣвушка, въ полосатомъ, розовомъ платьѣ и съ бѣлымъ платочкомъ на головѣ; вокругъ нея тѣснились четыре молодыхъ человѣка и она поочередно хлопала ихъ по лбу тѣми небольшими сѣрыми цвѣтками, которыхъ имени я не знаю, но которые хорошо знакомы дѣтямъ: эти цвѣтки образуютъ небольшіе мѣшечки и разрываются съ трескомъ, когда хлопнешь ими по чему нибудь твердому. Молодые люди такъ охотно подставляли свои лбы — а въ движеніяхъ дѣвушки (я ее видѣлъ съ боку) было что-то такое очаровательное, повелительное, ласкающее, насмѣшливое и милое, что я чуть не вскрикнулъ отъ удивленія и удовольствія, и, кажется, тутъ же бы отдалъ все на свѣтъ, чтобы только и меня эти прелестныя пальчики хлопнули по лбу.» Съ этой дѣвушкой молодому человѣку пришлось часто встрѣчаться въ саду и познакомиться. Въ повѣсти насъ поражаетъ ея внѣшнее появленіе, всегда оригинальное и полное своенравной граціи; о томъ же, какъ зараж-

дается въ ней страсть къ отцу молодого человѣка; что происходитъ въ ея сердцѣ, когда эта страсть поработаетъ и губить ее, мы можемъ догадываться только по внѣшнимъ признакамъ. Разказъ идетъ отъ лица молодого человѣка, а онъ былъ юношески недогадливъ и вѣрилъ въ свое чувство. Но эта самая таинственность чувства бросаетъ на нее прелесть тайны. Живая, подвижная, внѣшняя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страстная натура ея сказывается въ ней во всемъ. Свѣтлая и вмѣстѣ лукавая улыбка не сходитъ съ ея губъ, пока ее совѣмъ не прогнала могучая страсть. Мужчины, постоянные ея поклонники, постоянно окружающіе ея, очерчены въ немногихъ словахъ какъ живые люди: польскій графъ Малевскій, хитрый, фальшивый, мастеръ писать анонимныя письма, сорокалѣтній докторъ Лушинъ, скептикъ и насмѣшникъ, романтическій поэтъ Майдановъ, написавшій дикую поэму «Убійца», которую намѣревался издать въ черной оберткѣ, съ заглавными буквами кроваваго цвѣта, отставной капитанъ Нирмацкій, безобразный и влюбленный до того, что княжна, играя въ фанты и представляя собою статую, беретъ его за пьедесталъ, молодой гусаръ Бѣловзоровъ, съ значками на выкатѣ, съ нѣмою до глупости любовью, предлагающій сто рублей, чтобъ ему уступили право поцѣловать ручку княжны въ фантахъ и потомъ, когда тайна ея сдѣлалась извѣстною, пропадающій безъ вѣсти на Кавказѣ. Она своенравно и кокетливо тѣшится ихъ страстью; употребляетъ ихъ на посылки, требуетъ услугъ, и они только и хлопочутъ о томъ, какъ бы услужить ей. Вся эта разнообразная свита всегда окружаетъ княжну, заискиваетъ ея слова, ея взгляда, играетъ съ нею въ фанты. Въ этой безпорядочной, страстной атмосферѣ, окружающей прекрасную дѣвушку, тѣшущуюся всѣмъ, что ни попадется ей подъ руку, страсть бѣднаго юноши горитъ сильнѣе и сильнѣе. Она играла имъ какъ кошка мышью. «Въ одномъ штрафѣ (въ фантахъ) мнѣ довелось сидѣть съ ней рядомъ, накрывшись однимъ и тѣмъ же шелковымъ платкомъ; я долженъ былъ сказать ей *свой секретъ*. Помню я, какъ наши обѣ головы вдругъ очутились въ душной, полупрозрачной, пахучей мглѣ, какъ въ этой мглѣ близко и мягко свѣтились ея глаза и горячо дышали раскрытыя губы, и зубы видѣлись, и концы ея волосъ меня щекотали и жгли. Я молчалъ. Она улыбалась таинственно и лукаво и наконецъ шепнула мнѣ: ну, что же? а я только краснѣлъ и смѣялся и отворачивался, и едва переводилъ духъ». Подъ этими чарами, когда шестнадцатилѣтнее сердце

само еще не знает, чего хочет оно, легко и роскошно раз-
вертывается мучительно-сладкое чувство первой любви. Жен-
щина стоит выше молодого человека; она только гѣшится его
любовью, дурачитъ, балуетъ и мучитъ его, когда онъ изны-
вается, когда у него все изъ рукъ валится отъ напряженной
души о ней, когда непреодолимая сила влечетъ его къ ней,
когда онъ всякій разъ съ невольной дрожью счастья, пересту-
паетъ порогъ ея комнаты. Каковъ ей дѣло было до ребенка, до
этого шестнадцатилѣтняго мечтателя съ его робкою, неполною
любовью, когда люди гораздо старше его работливо лежали у
ея ногъ. «Всѣ мужчины, посѣщавшіе ея домъ, были отъ нея
безъ ума—и она ихъ всѣхъ держала на привази—у своихъ ногъ.
Ее забавляло возбуждать въ нихъ то надежды, то опасенія, вер-
тѣть ими по своей прихоти (это она называла: стукать людей другъ
о друга)—и они не думали сопротивляться и охотно покорялись
ей. Во всемъ ея существѣ, живучемъ и красивомъ, была какая-
то особенно обаятельная смѣсь хитрости и безпечности, искус-
ственности и простоты, тишины и рѣзвости; надо всѣмъ, что
она дѣлала, говорила, надъ каждымъ ея движеніемъ носилась
тонкая, легкая прелесть, во всемъ сказывалась своеобразная,
играющая сила. И лицо ея безпрестанно мѣнялось, играло тожа:
оно выражало почти въ одно и тоже время—насмѣшливость, за-
думчивость и страстность. Разнообразнѣйшія чувства, легкія,
быстрыя, какъ тѣни облаковъ въ солнечный вѣтренный день,
перебѣгали то и дѣло по ея глазамъ и губамъ. «Это не поверх-
ностная и холодная натура; еще не пришла ея очередь. Всѣ
окужающіе ее мужчины стоятъ ниже ея. «Я такихъ любить не
могу, на которыхъ мнѣ приходится глядѣть сверху внизъ. Мнѣ
надебно такого, который самъ бы меня сломилъ.... Да я на та-
кого не наткнуся, Богъ милостивъ! Не попадусь никому въ лапы,
ни, ни!» И она попалась въ лапы и сломилась ея гордая на-
тура. Такъ почти всегда оканчиваютъ подобныя женщины....

За развитіемъ ея страсти мы можемъ слѣдить только по внѣ-
шнимъ признакамъ, по тому, что успѣетъ замѣтить молодой че-
ловѣкъ, по ея собственнымъ словамъ и по нѣкоторымъ отрыв-
очнымъ сценамъ. Мы видимъ какъ она блѣднѣетъ и скрываетъ
страданіе, мы подмѣчаемъ глухую и упорную борьбу въ ней,
естественную въ такой гордой натурѣ, какою была она. Оче-
видная перемена произошла въ ней. Она стала гулять одна и
ходила долго, запиралась въ своей комнатѣ. Когда ей замѣчаетъ
Лушинъ, что вся ея натура высказывается въ двухъ словахъ:

капризъ и независимость, она отвѣчаетъ съ нервическимъ смѣхомъ: «опоздали почтой, любезный докторъ. Наблюдаете много; отстааете. — Надвѣйте очки. — Не до капризовъ мнѣ теперь; васъ дурачить, себя дурачить.... куда какъ весело! а что до независимости...» Вся поэтическая натура ея высказывается въ этомъ прекрасномъ разсказѣ, который она импровизируетъ въ видѣ ствѣ условій игры въ фанты:

«Вотъ послушайте, начала она наконецъ, что я задумала. Представьте себѣ великолѣпный чертогъ, лѣтнюю ночь и удивительный балъ. Балъ этотъ даетъ молодая королева. Вездѣ золото, мраморъ, хрусталь, шелкъ, огонь, алмазы, цѣлты, куренья, всё прихоти роскоши.... Гостей множество, всё они молодцы, прекрасны, храбры, всё безъ нажима влюблены въ королеву.... она высока и стройна; у ней маленькая золотая діадема на черныхъ волосахъ.... Всё таняется вокругъ нея, всё рстачаютъ передъ ней самыя лстивыя рѣчи.... Королева слушаетъ эти рѣчи, слушаетъ музыку, но не глядитъ ни на кого изъ гостей: шесть оконъ раскрыты сверху до низу, отъ потолка до полу; а за ними темное небо, съ большими звѣздами, да темный садъ съ большими деревьями. Королева глядитъ въ садъ. Тамъ—около деревьевъ, фонтанъ: онъ бѣгаетъ во мрамѣ — длинный, длинный какъ привидѣнне. Королева слышитъ сквозь говоръ и музыку тихий плескъ воды. Она смотритъ и думаетъ: вы всё, господа, благородны, умны, богаты, вы окружили меня, вы дорожите каждымъ моимъ словомъ, вы всё готовы умереть у моихъ ногъ, я владѣю вами.... а тамъ, воелѣ фонтана, возлѣ этой плещущей воды, стоитъ и ждетъ меня татъ, кого я ни бую, кто мною владѣетъ. Ни немъ нѣтъ ни богатаго платья, ни драгоценныхъ камней, никто его не знаетъ, но онъ ждетъ меня и увѣренъ, что я приду, и я приду, и нѣтъ такой власти, которая бы остановила меня; когда я захочу пойдти къ нему и остаться съ нимъ, и потеряться съ нимъ тамъ, въ темнотѣ сада, подъ морохъ деревьевъ, подъ плескъ фонтана....»

Всѣ слушающіе дорого бы дали, чтобъ быть этии счастливецемъ у фонтана. Страсть ея по немногу открывается. Увлеченная ея водоворотомъ, она уже не думаетъ скрыватья, боротся. Эта страсть является контрастомъ робкой любви юности; онъ только тутъ познаетъ какого свойства бываетъ страсть, какъ быстро она изъ гордой и независимой дѣвушки, привыкшей играть людьми; дѣлаетъ безотвѣтную жертву, покорно склоняющуюся передъ своимъ властителемъ. «Да, думалъ я, вотъ

это — любовь, это — страсть, это — преданность, и вспоминались мнѣ слова Лещина: жертвовать собою сладко для иныхъ». Она сдѣлалась покорною до забвенія самой себя; на ея печальномъ, серьезномъ лицѣ, съ котораго прежде не сходила своеобразная улыбка явился «непереданный отпечатокъ преданности, крусти, любви и какого-то отчаянія...» Последняя небольшая сцена въ глухомъ переулкѣ Москвы, въ небольшомъ деревянномъ домикѣ, у раскрытаго окна котораго стоитъ отецъ молодого человѣка и разговариваетъ съ Зинаидою, показываетъ вполне до чего могла она покориться.... Онъ ее уговариваетъ въ чемъ-то; она улыбалась покорно и упрямо. «Зинаида выпрямилась и протянула руку.... вдругъ въ глазахъ моихъ совершилось невероятное дѣло: отецъ внезапно поднялъ хлысть, которымъ сбивалъ пыль съ полы своего сюртука — и послышался рѣзкій ударъ по этой обнаженной до локтя рукѣ. Я едва удержался, чтобы не вскрикнуть, а Зинаида вздрогнула, молча посмотрѣла на моего отца и медленно поднесла свою руку къ губамъ, поцѣловала заалѣвшійся на ней рубецъ. Отецъ швырнулъ въ сторону хлысть и, торопливо взбѣжавъ на ступеньки крыльца, ворвался въ домъ... Зинаида обернулась — и протянувъ руки, закинувъ голову, тоже отошла отъ окна....» Тяжелымъ гнетомъ ложится эта сцена на душу юноши. Что передъ этою дѣйствительною страстью его мечтательная, робкая, дѣтская любовь! «Вотъ это любовь, говорилъ я себѣ снова, сидя ночью передъ своимъ письменнымъ столомъ, на которомъ уже начали появляться тетради и книги, «это страсть!... Какъ кажется не возмутиться, какъ снести ударъ отъ какой бы то ни было... отъ самой милой руки! А видно можно, если любишь... А я-то... я-то воображалъ....»

Но эта скорбь молодого сердца, эта подавленная, обманутая любовь, это страданіе, разрѣшается въ молодости въ свѣтлое чувство; они принимаютъ образъ отраднатога воспоминанія... что такое любовь въ молодомъ сердцѣ?

..... юнымъ, дѣвственнымъ сердцамъ
Ея порывы благотворны
Какъ бури вѣшнія лугамъ.

И это сознаніе могучихъ силъ молодости, заключающей въ себѣ возможность будущаго развитія, ея эгоизма, быстрой смѣны впечатлѣній, выражается въ прекрасномъ дирирамбѣ ея которымъ заключается вся исполненная свѣжей поэзіи, повѣсть:

«О молодость! молодость! тебѣ нѣтъ ни до чего дѣла, ты какъ будто обладаешь всѣми сокровищами вселенной, даже грусть тебя тѣшитъ, даже печаль тебѣ къ лицу, ты самоуверенна и дерзка, ты говоришь: я одна живу — смотрите! а у самой дни бѣгутъ и исчезаютъ безъ слѣда и безъ счета, и все въ тебѣ исчезаетъ, какъ воскъ на солнцѣ, какъ снѣгъ.... И можетъ быть вся тайна твоей прелести состоитъ не въ возможности все сдѣлать — а въ возможности думать, что ты все сдѣлаешь — состоитъ именно въ томъ, что ты пускаешь по вѣтру силы, которыя ни на что другое употребить бы не умѣла, — въ томъ, что каждый изъ насъ не шутя считаетъ себя расточителемъ, не шутя полагаетъ, что онъ въ-правѣ сказать: О, чтобъ я сдѣлалъ, еслибъ я не потерялъ времени даромъ!»

Н. К—ИИ.

ВИБЛІОГРАФІЯ.

Пермскій Сборникъ. Повременное изданіе. Книжка вторая. Москва. 1860. Въ 8-ю д. л. 42, 184, 40, 39 и XXXVIII стр. Съ тремя таблицами рисунковъ.

Не знаемъ, слѣдуетъ ли приписать столь быстрое появленіе, вслѣдъ за первой, и второй книжки «Пермскаго Сборника» сочувствію къ этому изданію публики и интересу, возбужденному имъ въ читателяхъ, или надо отнести выходъ этой второй книжки пока лишь къ просвѣщенной готовности издателей дѣлать свое дѣло, не рассчитывая на матеріальныя выгоды отъ своего въ высшей степени полезнаго изданія. Именно признавая за «Пермскимъ Сборникомъ» такую степень полезности для исторіи и этнографіи не только мѣстной, но и обще-русской, и употребили мы слово: *пока*. Изданію, представляющему большую часть лишь матеріалы для изученія извѣстнаго края, а не стройное, обще-интересное описаніе этого края, нельзя, разумѣется, и рассчитывать на большой успѣхъ въ большинствѣ нашей читающей публики; но интересъ къ изученію русской исторіи, русской этнографіи съ каждымъ годомъ сообщается все большому и большому числу читателей, и прочность успѣха и постоянная цѣнность изданій, подобныхъ «Пермскому Сборнику», стоить грознаго и быстрого, но за то часто и недолговѣчнаго успѣха многихъ предпріятій, рассчитанныхъ на массу публики.

Вторая книжка «Пермскаго Сборника» составлена съ такою же тщательностью, съ тѣмъ же тактомъ и знаніемъ дѣла, какъ и первая, о которой мы имѣли удовольствіе говорить въ октябрьской книжкѣ «Русскаго Слова» за прошлый годъ. Во всемъ довольно объемистомъ, очень убористо напечатанномъ томѣ нельзя указать на что-либо лишнее, напечатанное лишь для бал-

ласта, что такъ часто случается въ большей части периодическихъ изданій. Правда, «Пермскій Сборникъ» не стѣсненъ срочностью выхода; но за то онъ не имѣетъ выгоды другихъ подобнаго рода изданій, у которыхъ шире кругъ изслѣдуемыхъ и изучаемыхъ предметовъ. Избравъ предметомъ наблюденія исключительно одинъ какой-нибудь край, имѣя въ виду лишь то, что къ нему относится, трудно не попасть въ крайность — не упустить изъ соображенія интересы болѣе широкаго круга, не приписать излишняго, ~~преувеличеннаго~~ значенія тому, что можетъ показаться важнымъ и знаменательнымъ лишь безотносительно, а при сравнительномъ взглядѣ тотчасъ же лишится и своей мнимой важности и своей мнимой знаменательности. Этой крайности нигдѣ не видимъ мы въ «Пермскомъ Сборникѣ». Большая часть статей, составляющихъ его содержаніе, имѣютъ предметомъ дѣйствительно достойные общаго вниманія факты и явленія мѣстной исторіи и жизни, и нигдѣ не проглядываетъ то довольно общее у насъ мѣстное самодовольство, самовосхваненіе, самую крайнюю комическую сторону котораго представляютъ, напримеръ, хоть бы статейки вѣдомостей какой угодно губерніи о мѣстныхъ событіяхъ.

То же распредѣленіе всѣхъ статей на четыре отдѣла (по исторіи, по этнографіи, по географіи и статистикѣ, и наконецъ отдѣлъ смѣси) сохранено и во второмъ выпускѣ «Пермскаго Сборника», какъ и въ первомъ. И здѣсь отдѣлъ историческій заключаетъ въ себѣ нѣсколько матеріаловъ для исторіи Пугачевщины.

Всѣ эти матеріалы касаются осады города Кунгура и вообще нашествія «въ кунгурскій уѣздъ отъ извѣстной злодѣйской толпы банкрутцевъ, татарскихъ и прочихъ иновѣрскихъ и приклонившихся къ нимъ русскихъ людей многочисленныхъ злодѣйскихъ пашекъ». Въ одномъ изъ этихъ актовъ, которые всѣ имѣютъ характеръ вполнѣ оффиціальныя, секундъ-майоръ Пашаевъ (sic) излагаетъ свои дѣйствія противъ бунтовщиковъ; въ другомъ представляемъ поденный журналъ объ осадѣ города Кунгура и объ отраженіи осаждавшихъ, произведенномъ упомянутымъ секундъ-майоромъ да капитаномъ Буткевичемъ. Отъ уѣздныхъ обывателей подгота была не велика: «это были все люди (какъ говорится въ журналѣ) не только не знающіе оборотовъ (вѣроятно военныхъ?), исключая уже смѣльства, что всего надобнѣе по непривычкѣ къ зарядкѣ ружей и по неготовности штыроу къ узкоствольному оружію». Поденный отчетъ этотъ,

представленный казанскому генералъ-губернатору «онъ Брандту отъ перискаго провинціального канцелярія, довольно кратко». Герццо обстоятельно рассказываетъ все дѣло казанскаго бунтовщика на Кунгуръ и его убадь и вразумил пречему никакъ не рапортъ тому же «онъ Брандту отъ перискаго провинціального магистрата. Изъ него между прочимъ видно, что всѣ присутствующіе и секретари (перискаго провинціального канцелярія), по известной злодѣйской башкирской толпы опасности, оставя всѣ свои порученныя должности и налично имѣвшуюсь въ присутственныхъ мѣстахъ денежную многотысячную казну, а притомъ и содержащихся колодниковъ, не давъ о томъ никому, ниже и остающемуся тогда одному здѣшнему магистрату знать, невѣдомо куда изъ города Кунгура, миновавъ учрежденные караулы, объѣздными дорогами выѣхали».

Мы не станемъ излагать всѣхъ подробностей упомянутой осады. Матеріалы «Перискаго Сборника» не представляютъ какихъ-нибудь особеннорѣзкихъ случаевъ. То же въ большей или меньшей степени повторялось во всѣхъ мѣстностяхъ, которыхъ касался пугачевскій бунтъ. Матеріалы, напечатанные теперь, интересны не столько сами по себѣ, сколько важны для полной и восторонней картины этого грознаго мятежнаго движенія, картины, которая тогда только и будетъ возможна къ исполненію, когда будутъ собраны по всѣмъ волнованнымъ въ ту пору мѣстностямъ подробныя свѣдѣнія, подобныя обнародованнымъ теперь въ «Перискомъ Сборникѣ». Даже сухіе оффиціальныя отчетами въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ никакъ пренебрегать. При обилии такихъ отчетовъ самыя цѣры превратятся для историка въ яркія и полныя жизни краски. Изъ нихъ будетъ ясно, что мятежъ, «поколебавшій (какъ говорить Пушкинъ) государство отъ Сибири до Москвы и отъ Кубани до нуромекскихъ лѣсовъ», уопялся не «по непростительному нерадѣнію начальства» (Пушкинъ же), а по болѣе существеннымъ и жизненнымъ причинамъ.

Въ заключеніе упомянутыхъ оффиціальныхъ актовъ, помещенныхъ въ «Перискомъ Сборникѣ», мы наводимъ тамъ еще чрезвычайно-любопытную бумагу. Это одинъ изъ возмущительныхъ листовъ, ходившихъ въ народѣ во время Пугачевщины и служившихъ сильною поддержкою волненія. Приводимъ этотъ документъ отъ слова до слова.

«Самодержавнаго императора Петра Федоровича Всероссийскаго, и прочая, и прочая, и прочая, великой улья».

«Имянное мое повелѣніе: какъ дѣды и отцы ваши служили, такъ и вы послужите мнѣ, великому государю, — вѣрно и неизмѣнно, до послѣдней капли крови. Второе: когда вы исполните мое имянное повелѣніе, — и за то будете жалованы крестомъ и бороною, рѣкою и землею, травами и морями и денежнымъ жалованьемъ, и хлѣбнымъ провіантомъ, и свинцомъ и порохомъ, и вѣчною вольностію. И повелѣніе мое исполняти со усердіемъ. Ко мнѣ приѣзжайте, то совершенно меня за оное приобрѣсти можете къ себѣ мою монаршую милость; а ежели вы моему указу противитесь будете, то въ скорости возчювствовать на себя праведный мой гнѣвъ. Власти Всевышняго Создателя нашего и гнѣва моего избѣгнуть не можетъ никто, — отъ сильныя нашея руки защищать не можетъ. Подлинный подписанъ такъ: Великій Государь Петръ Третій Всероссійскій.»

Еще одинъ подобный листъ былъ помѣщенъ въ первой книжкѣ «Пермскаго Сборника». Редакція въ выноскѣ къ приведенному листу говоритъ, что во время Пугачевщины въ народѣ ходили три возмутительныхъ листа, всѣ разнаго содержанія. Кромѣ двухъ напечатанныхъ теперь, о существованіи третьяго (на татарскомъ языкѣ) редакція «Сборника» заключаетъ изъ разныхъ, приобрѣтенныхъ ею въ послѣднее время бумагъ. Самаго текста въ нихъ, однакожь, не найдено.

Какъ чиновники изъ пермской провинціальной канцеляріи, посѣщавшіе удалиться изъ находившагося подъ его настоятельствомъ долматовскаго монастыря и архимандритъ Іакинѣвъ, краткія біографическія свѣдѣнія о которомъ слѣдуютъ во второй книжкѣ «Пермскаго Сборника» за матеріалами для Пугачевщины. Долматовъ монастырь, какъ обнесенный крѣпкою каменною стѣною и снабженный пушками, представлялся бунтовщикамъ надежною опорой въ случаѣ натиска войскъ, которыя ожидались изъ Сибири, и они долго его осаждали, хотя до прихода войскъ завладѣть имъ все-таки не успѣли. Подробности этой осады изложены въ статьѣ г. Зырянова, о которой мы упоминали, говоря въ «Русскомъ Словѣ» о первой книжкѣ «Пермскаго Сборника».

Въ пермскомъ краю Іакинѣвъ былъ особенно извѣстенъ своимъ участіемъ въ усмиреніи мятежа крестьянъ, принадлежавшихъ, вмѣстѣ съ землями и угодьями вотчинными, духовному вѣдомству, и искавшихъ въ началѣ царствованія Екатерины II выхода изъ-подъ этой власти. Въ пермскомъ краю волненіе это сохранилось въ народной памяти подъ именемъ Дубинщины. Оно прекращено стараніями Іакинѣва за два мѣсяца до обнаро-

дованія духовныхъ штатовъ «со всею жестокостію тогдашняго времени (какъ говорится въ «Сборникѣ»): сто шестьдесятъ одинъ человекъ главныхъ зачинщиковъ нещадно были биты кнутомъ и плетми». Неудовольствіе на Іакинѣа таялось въ народѣ до самой Пугачевщины, и онъ принужденъ былъ удалиться изъ монастыря долматовскаго въ Тобольскъ при первомъ мятежномъ движеніи въ краѣ, и возвратился лишь по водвореніи тутъ совершеннаго спокойствія. Впослѣдствіи изъ долматовскаго монастыря онъ перешелъ настоятелемъ же въ монастырь соликамскій-пыскорскій, гдѣ и оставался до конца жизни своей. Трусость очень часто бываетъ принадлежностью характеровъ жестокихъ. Объ Іакинѣѣ сохранилось преданіе какъ о человекѣ «права жестокаго». На него то и дѣло поступали жалобы въ Синодъ. Жаловались не только на жестокость, но и на другаго рода злоупотребленія (именно въ хозяйственномъ управленіи монастыря). Но всѣ эти жалобы достигали совсѣмъ не той цѣли, какую имѣли въ виду. Наказаніе обращалось на доносителей, которыхъ растригали, били плетми и проч., потому-что мѣстные власти, получивъ приказаніе разобратъ справедливость жалобъ, поступающихъ на Іакинѣа, рѣшали дѣло всегда въ его пользу, и жалобы признавались или клеветой, или извѣтомъ, сдѣланнымъ «затѣйливо, изъ побужденій недоброхотства». Видно, въ жалобахъ этихъ была, однакожъ, правда, потому-что пермское намѣстническое правленіе не разъ совѣтовало Іакинѣу «растворять строгость свою благоснисхожденіемъ». Это видно и изъ трагическаго насильственнаго конца архимандрита. Въ «Сборникѣ» разсказана подробно ночная сцена убійства Іакинѣа.

Наибольшее число страницъ заключается въ этой книжкѣ въ отдѣлѣ этнографическомъ. Между статьями этого отдѣла первое мѣсто принадлежитъ большому изслѣдованію г. Рогова подъ названіемъ: «Матеріалы для описанія быта пермяковъ.» Не смотря на значительный объемъ, эта статья есть лишь вторая половина сочиненія, напечатаннаго подъ тѣмъ же заглавіемъ въ «Журналѣ Минпстерства Внутреннихъ Дѣлъ» въ 1858 годѣ, гдѣ сообщены историческія свѣдѣнія о пермякахъ и количествѣ ихъ въ настоящее время, о физическомъ и нравственномъ характерѣ народа, о домашнемъ бытѣ и нѣкоторыхъ чертахъ быта общественнаго, о домоустройствѣ и языкѣ пермяковъ, и представленъ списокъ рѣкъ и рѣчекъ, носящихъ пермятскія названія. Очень жаль, что эта часть статьи не перепечатана въ «Сборникѣ». Кромѣ представленія статей, матеріаловъ и изслѣдованій

появилась, одною изъ задачъ его должна бы, по нашему мнѣнiю, быть и перепечатка любознательныхъ данныхъ, касающихся жизни края, изъ другихъ источниковъ, отыскиванiе которыхъ сильно затруднено необходимостью рыться во множествѣ книгъ и изданiй. Впрочемъ, редакция «Пермскаго Сборника» и въ этомъ отношенiи оказала важную услугу изслѣдователямъ и значительно облегчила ихъ трудъ. Въ приложенiи ко второй книжкѣ напечатанъ прекрасно, критически составленный г. Наркисомъ Чудинскимъ «Указатель сочиненiй, въ которыхъ заключаются географическiя и статистическiя свѣдѣнiя о пермской губернiи», продолженiе котораго должно явиться въ слѣдующемъ выпускѣ «Сборника». Вслѣдъ за этимъ указателемъ помѣщены отдѣльно перечневые списки статей о пермской губернiи въ двухъ периодическихъ изданiяхъ, особенно обращающихъ вниманiе на этотъ край, а именно въ «Казанскихъ Извѣстiяхъ» съ 1811—1820 г., и въ «Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» съ основанiя ихъ до 1856 года.

Вторая, нынѣ являющаяся половина статьи г. Рогова заключаетъ въ себѣ чрезвычайно подробное описанiе одежды и обуви пермяковъ, ихъ пищи и житья, праздниковъ и замѣчательныхъ простыхъ дней со связанными съ ними обычаями и повѣрьями, плясокъ и игръ, обрядовъ при свадьбѣ, при родинахъ и крестинахъ, при именинахъ, похоронахъ и поминкахъ, воспитанiи дѣтей. Изъ этого уже исчисленiя видно, что авторъ не пренебрегъ ни одною стороною истинно быта, какъ бы незначительна она ни казалась; мы уже сказали, что обо всемъ говорится въ статьѣ съ чрезвычайною подробностью. Расположенiе ея почти таково же, какъ въ подобныхъ описанiяхъ, вынужденныхъ этнографическою программой нашего географическаго общества и составившихъ изданный обществомъ «Этнографическiй Сборникъ».

Говоря о бытовыхъ обрядахъ, объ играхъ и проч., нельзя не обратить большаго вниманiя на пѣсни, безъ которыхъ не существуетъ у насъ игръ и забавъ, и въ которыхъ часто встрѣчается уясненiе смысла сопровождаемыхъ ими обрядовъ. Статья г. Рогова очень богата народными пѣснями; онъ записалъ множество и круговыхъ, и обрядовыхъ, и паломныхъ пѣсенъ, и даже просто прибаутокъ.

Въ числѣ протолосныхъ или протяжныхъ пѣсенъ есть двѣ три очень замѣчательныя (не смотря на свой позднѣйшiй характеръ) о рекрутчинѣ. Въ нихъ есть даже повѣя, отсутствующи

второй сильно страдают пѣсни новѣйшаго, ильминнаго, легкаго новаго русскаго быта. Въ одной изъ записанныхъ г. Роговымъ пѣсень этого разряда молодецъ жалуется, что нѣмается его веселое житье, что отпировава его буйная головоушка...

«Чесаль-то я свою головоушку
Частымъ да мелкимъ гребенкомъ...
Вились мои кудри, завивались,
Вились, вились кудри, не сѣклися.
Только слышать мои кудри надъ собой невзгоду.»

Молодца берутъ, сажаютъ «въ логонькую повозочку», везутъ въ Пермь-городъ, вѣдутъ тамъ «въ рожуточку приѣмну». Вотъ какъ пѣсня оканчивается:

«Подхватили меня, добра молодецъ,
Старше солдаты;
Носадилъ меня, добра молодецъ,
На дубовый стулчикъ;
Стали у меня, у добра молодецъ,
Волосы стригчи;
Повалились русы погосы
На мои волѣны.
Собирали-то я русы кудерцы,
Связывали въ дорогой платочекъ;
Отсылали-то русы кудерцы
Размалушкѣ въ демикъ.»

Въ другой пѣснѣ поется, какъ «не по питерской дорожкѣ, по московской, шли прошли солдаты молодые»....

«За ними идутъ матушки родныя.
Вы не плачьте, наши матушки родныя!
Не смочить вамъ мать сыру землю слезами,
Не напоить сына моря горькими.»

Между-прочимъ г. Роговъ записалъ и очень недурной вариантъ пѣсни о хмѣлѣ.

«Какъ во славномъ-было городѣ Казани,
На широкомъ на татарскомъ на базарѣ,
Тутъ по выходамъ хмѣлюшка гуляетъ,
Самъ себя онъ, хмѣль, выхваляеть:
Нѣтъ меня, хмѣлюшка, получше,
Нѣтъ меня, хмѣля, веселѣе.»

Въ пѣснѣ этой нѣтъ, правда, той стройности, какъ въ однородной съ нею, старинной англійской пѣснѣ о богатырѣ Джонѣ Ячменномъ Зернѣ (John Barleycorn), которую художественно обрабо-

такъ Робертъ Бёрнсъ; но мы думаемъ, судя по нѣкоторымъ чертамъ, что наша пѣсня про хмѣль дошла до насъ не въ полномъ составѣ. Хмѣль, ударивши мужика въ тынь головою, мститъ (какъ и въ англійской пѣснѣ) за то, что его въ землю закопали, «во сердеченко тычинки вотыкали»; а въ вариантѣ, записанномъ г. Роговымъ, между первымъ униженіемъ и послѣдующею силой хмѣля нѣтъ почти никакого отношенія.

Не мало также пѣсенъ сообщено въ статьѣ «О свадебныхъ обрядахъ г. Чердыни». Вообще свадебныхъ пѣсенъ собрано и записано въ настоящее время гораздо болѣе, чѣмъ пѣсенъ нѣаго содержанія, напримѣръ историческихъ или вообще этическихъ. Впрочемъ этотъ отдѣлъ едва ли не богаче всѣхъ въ нашей народной поэзіи. Какъ ни условны въ настоящее время эти неизмѣнныя причитанія и плачи, всюду слышно въ нихъ глубокое и живое чувство, протестовавшее противъ семейнаго наслія и рабства. По тому количеству свадебныхъ и вообще домашнихъ обрядовыхъ русскихъ пѣсенъ, которое теперь напечатано, можно бы составить поразительную и полную мрачной поэзіи отчаянія картину семейнаго быта, устроеннаго согласно идеямъ Сираха и «Домостроя».

Въ статьѣ г. Рогова приведена между прочимъ особенно стройно сохранившаяся пѣсня невѣсты, когда ее ведутъ въ послѣдній разъ передъ свадьбою въ баню. «Раскатишься ты», проситъ невѣста:

«Раскатишься ты, банюшка,
 На четыре сторонушки,
 По единому бревешечику!
 Становитесь-ко вы, бревешечки,
 По старымъ по мѣстечкамъ,
 Что лѣсами да темными:
 Не пройди чтобъ, не пройхати
 Моимъ-то разлучникамъ,
 Моимъ-то супостатчикамъ.
 Разсыпсья-ко ты, каменка,
 На четыре сторонушки,
 По единому камешечику!
 Становитесь-ко вы, камешки,
 По старымъ по мѣстечкамъ,
 Что горами да крутыми:
 Не пройди чтобъ, не пройхати
 Моимъ-то разлучникамъ,
 Моимъ-то супостатчикамъ.»

Разсыпьтесь-ко вы, вѣнчики,
 На четыре сторонушки,
 По одному пруточку!
 Становитесь-ко вы, пруточки,
 По старымъ по мѣстечкамъ,
 Что частымъ безрезничкомъ:
 Не пройди чтобъ, не проѣхати
 Моимъ-то разлучникамъ,
 Моимъ-то супостатчикамъ.»

Этнографическій отдѣлъ «Пермскаго Сборника» заключается нѣсколькими сказками и притчами, которыя могутъ служить дополненіемъ къ издаваемымъ г. Аванасьевымъ «Сказкамъ». Г. Зыряновъ, собравшій сказки, напечатанныя въ «Пермскомъ Сборникѣ», записалъ ихъ по методѣ, принятой г. Аванасьевымъ въ его изданіяхъ, со всѣми особенностями, ошибками и неправильностями въ языкѣ. Намъ кажется, что въ сказкахъ важнѣе всего содержаніе или пожалуй эпическіе ихъ приемы, а не языкъ; а эта точность въ записываніи всякаго «ицо» или «ишно» вмѣсто «еще», всякаго «топеря» или «типеря» вмѣсто «теперь» только затрудняютъ и сердить читающаго, не принося въ то же время ни малѣйшей пользы никому, будь читающій даже самый рьяный филологъ. Ужъ если непременно охота сохранять эти «ишно» и «топеря», не лучше ли бы упомянуть о нихъ въ отдѣльномъ примѣчаніи? По крайней мѣрѣ съ ними встрѣтился бы въ книгѣ только разъ, а не кололи бы они глазъ на каждой строчкѣ. Въ «Пермскомъ Сборникѣ», въ видѣ образца нарѣчія, помѣщенъ небольшой рассказъ, записанный вѣроятно со словъ; вотъ и довольно бы, кажется. Притомъ, развѣ не одинаково выговорить всякой русскій, всѣхъ мѣстностей и всѣхъ сословій, слово «что» или «родится» какъ вы ни напишите его, такъ ли, или этакъ напрямѣръ: «што», «родитца»?

«Пермскій Сборникъ» богатъ еще интересными статьями; но подробное разсмотрѣніе всѣхъ ихъ завело бы насъ слишкомъ далеко. Мы остановимся лишь на кажущейся намъ наиболѣе любопытною статьѣ г. Николая Вагнера: «Отъ Чердыни до Ныроба (изъ путевыхъ замѣтокъ»..) Село Ныробъ, лежащее въ семидесяти верстахъ отъ Чердыни, извѣстно въ исторіи тѣмъ, что туда сосланъ былъ царемъ Борисомъ Годуновымъ бояринъ Михаилъ Никитичъ Романовъ, родной братъ патріарха Филарета Никитича. Память объ этомъ важномъ ссыльномъ сохранилась и въ преданіяхъ мѣстныхъ жителей, и въ осязательныхъ памятникахъ. Далекій и непривѣтливый пермскій край съ давнихъ

временъ и до очень недавней поры служилъ мѣстомъ пригоднымъ для людей, казавшихся безнормальными и опасными. Будь тамъ болѣе дѣятельной промышленности и общественной жизни, непрочныхъ памятниковъ нашей старины можетъ быть вовсе не сохранилось бы тамъ. Они стерлись бы и изгладились подъ движеніемъ практической современности. Глушь и затишь края и его унылая природа оберегли многіе слѣды древности. Нѣсколько строкъ г. Вагнера о природѣ пермскаго края, и преимущественно чердынскаго уѣзда, по которому онъ проѣзжалъ, очень живо переносятъ насъ въ эту непріютную, осѣненную туманами и обвѣянную стужей сторону. «Въ этомъ краю (говоритъ г. Вагнеръ), въ особенности осенью, уже чувствуется приближеніе полярныхъ странъ, почти безлѣсныхъ, болотистыхъ тундръ, мѣлыхъ мушкетерей. Небо блѣдно, холодно, въ лѣсу мертвая тишина, всѣ деревья становятся вообще ниже, сосны, въ особенности на мокрыхъ мѣстахъ, какъ бы растутъ въ землю: никакой, но толстый штампъ, и приземистая верхушка — шапкой. Береза также теряетъ прямую стройность, штампъ вѣтвится, растетъ изгибами; попадаются довольно много чисто сѣверной кустарной березы (*Betula nana*). Цвѣтовъ нѣтъ, трава чахлая, рѣдкая, — только олений мохъ разрастается сплошнымъ сѣрозеленымъ ковромъ на прогалинахъ и краяхъ дороги. — Въ параллель съ этою природною растительностію идетъ ростъ хлѣбовъ и овощей. Огороды рѣдки; рѣпа и картофель мелки и нерѣдко вымерзаютъ отъ лѣтнихъ утренниковъ и осеннихъ морозовъ. Земля торфяниста или пещана, яровые поздно вызрѣваютъ, и уборка ихъ совершенно своеобразна, примѣнена къ климату: вмѣсто складыванья въ снопы на полѣ, овесъ здѣсь подвѣшиваютъ снопами на жердяхъ, у которыхъ выходы сучковъ заострены въ видѣ кольщиковъ, — вмѣсто солнца эти снопы обдуваетъ и просушиваетъ вѣтеръ. Рожь также скудно родится и нерѣдко бываютъ года, когда цѣлыя деревни ѣдятъ черный хлѣбъ пополамъ съ нильной мукой, а иногда только четверть ржи идетъ на приправу. Трудно и тяжело рассказывать всѣ невзгоды, всю многострадальную борьбу къ жизни, которую выноситъ почти все населеніе чердынскаго края.»

Не весело должно было казаться житье изгнаннику и на волѣ въ этомъ печальномъ и уныломъ краѣ. Но Михаилъ Никитичъ Романовъ былъ здѣсь не только изгнанникомъ, но и узникомъ. Темница, въ которой сидѣлъ сосланный бояринъ, сохранилась донынѣ; г. Вагнеръ видѣлъ ее и представляетъ въ статьѣ

своей рисунокъ съ нея. Это не что иное, какъ тѣсная землянка, входъ въ которую былъ заложенъ, когда сидѣлъ въ ней Романовъ; свѣтъ проходилъ въ нее лишь въ небольшое четырехугольное оконце, оставленное вверху. Сквозь это оконце спускали къ заключенному пищу. Стѣны землянки выведены сводомъ въ одинъ кирпичъ на фундаментѣ изъ дикаго камня. Вышина ея не болѣе двухъ съ половиной аршинъ; а все пространство подъ нею около двухъ квадратныхъ сажень. Въ одной стѣнѣ замѣтны должны быть остатки печи: тутъ есть углубленіе, выложенное камнемъ. Даже и теперь, когда входъ въ это подземелье открытъ, а не заваленъ, какъ было прежде, «свѣту (говорить г. Вагнеръ) такъ мало, что глазу долго нужно присматриваться, чтобы разглядѣть сырыя, мокрыя стѣны и неровный полъ, заваленный камнями»... Но и этого заключенія было мало по тогдашнему взгляду на людей опасныхъ, какимъ являлся вѣроятно Борису Годунову бояринъ Романовъ. Къ заключенію прибавили ручныя и ножныя цѣпи, вѣсомъ въ два пуда. Эти цѣпи до-сихъ-поръ цѣлы. Г. Вагнеръ срисовалъ и ихъ.

Верхъ въ своемъ «Путешествіи въ Чердынь и Соликамскъ» говоритъ: «Нырбцы, узнавъ, что Михайлу Никитичу не дадутъ ничего болѣе, кромѣ хлѣба и воды, научили дѣтей своихъ носить къ нему въ дудочкахъ квась, масло и подобныя вещи. Дѣти, какъ будто играя около землянки, спускали въ оную дудочки свои и питали подобнымъ образомъ заточеннаго Михайла Никитича. Въ одинъ несчастный день, Романъ Тюшинъ (главный сторожъ, привезшій Романова въ Нырбъ), прохаживаясь по лугу, замѣтилъ, что дѣти спустили что-то въ подземелье; онъ схватилъ ихъ, началъ питать и извѣдалъ, что они по приказу отцевъ своихъ носятъ пищу боярину. Злобный исполнитель Годуновой мести схватилъ немедленно шесть сопричастныхъ нырбцевъ и отослалъ ихъ въ Москву, за крѣпкимъ карауломъ. Въ царствованіе В. И. Шуйскаго возвратились въ Нырбъ только два человѣка изъ сихъ страдальцевъ, и рассказывали, что остальные четыре товарища ихъ померли отъ жестокихъ пытокъ и изнурительнаго содержанія въ тюрьмѣ. Михаилъ Никитичъ, просидѣвъ только годъ въ подземельѣ, окончилъ дни свои. Носился слухъ, будто бы его уморили съ голоду, ибо буйная стража его, привыкшая къ табаку и вину, не имѣя здѣсь онаго, безпрестанно роптала, и ожидая съ нетерпѣливостію кончину его, едвали не споспѣшествовала оной. Миллеръ говоритъ также въ своихъ Историческихъ Отрывкахъ: «Михаилъ Никитичъ

Романовъ сосланъ въ Пермь, въ древнюю Нырпу, семь верстъ отъ города Чердыня, содержался въ темницѣ, но вскорѣ потомъ удавленъ.» Если бы послѣднее было справедливо, то память о семъ могла легко сохраниться въ Ныробѣ. Бывши самъ нѣсколько разъ въ упомянутомъ подземельѣ, думаю, что Михайло Никитичъ умеръ не насильственною смертію, а еще удивляюсь, какъ могъ онъ прожить годъ въ такой тѣсной и сырой ямѣ. Максимъ Пономаревъ, ходячій памятникъ всѣхъ ныробскихъ происшествій, рассказывалъ, что Михайло Никитичъ Романовъ былъ большаго роста, весьма плотенъ тѣломъ и имѣлъ необыкновенную силу. Послѣднему можно повѣрить, ибо бывшія на немъ желѣза удивляютъ тяжестію своею каждого путешественника.»

Надъ темницею построена часовня, видъ которой тоже помещенъ въ «Пермскомъ Сборникѣ». Эта часовня каменная, и возведена въ 1793 году, взамятъ прежде бывшей на этомъ же мѣстѣ деревянной, «тщаниемъ и коштомъ (какъ гласитъ на ней надпись) здѣшней волости крестьянъ и усерднымъ стараніемъ крестьянина Максима Пономарева», конечно того самого Максима Пономарева, о которомъ упоминаетъ Берхъ.

Въ заключеніе мы считаемъ обязанностью сказать еще объ одной замѣткѣ въ смѣси «Пермскаго Сборника». Она касается заведенной въ селѣ Иваншценскомъ (въ семнадцати верстахъ отъ Шадрина) библіотеки. Возникла она, по словамъ редакціи, совершенно случайно; въ ней пока всего до тридцати названій книгъ, но всѣ онѣ тщательно выбраны, приваровлены къ понятіямъ и нуждамъ крестьянскимъ и отличаются возможною популярностью изложенія. Библіотека получала также въ прошломъ году «Русскую Газету» и «Народное Чтеніе». Завѣдуетъ ею государственныи крестьянинъ А. Н. Зырановъ, членъ географическаго Общества. Редакція «Пермскаго Сборника» приводитъ между-прочимъ слѣдующій отрывокъ изъ письма почтеннаго основателя библіотеки: «Желательно было бы намъ имѣть, кромѣ «Русской Газеты» и «Народнаго Чтенія», которыя мы получаемъ, еще какія-нибудь періодическія изданія. Читалъ я гдѣ-то извѣстія о томъ, что издатели охотно жертвуютъ для сельскихъ библіотекъ газеты и журналы. Чтò, еслибъ и насъ они подарили своимъ вниманіемъ, — вѣдь для нихъ жертва одного экземпляра ихъ изданій не обременительна, а для насъ — бѣдняковъ, живущихъ среди тьмы и будничной суеты о кускѣ хлѣба — она была бы даромъ неоцѣненнымъ. Во всякомъ случаѣ, мы были

бы рады, еслибъ намъ представилась возможность имѣть за половину цѣну хоть еще два какихъ-нибудь изданія — журналы и газету», и проч.

Вѣроятно, не одинъ изъ нашихъ издателей, прочитавъ эти строки, захочетъ содѣйствовать столь полезному дѣлу, какъ развитіе просвѣщенія въ отдаленномъ и темномъ уголкѣ родной земли, и потому сообщаемъ, какъ адресовать пожертвованія для Иваниценской бібліотеки. Ихъ слѣдуетъ посылать на имя Александра Никифоровича Зырянова, въ село Иваницевское, Шадринскаго уѣзда.

М. З.

Юридическія записки. Томъ IV-й, изданный *И. Рѣдкинымъ* и *К. Яковичемъ-Яковскимъ*. Спб. 1860.

Въ одной изъ прежнихъ книжекъ «Русскаго Слова» мы говорили при разборѣ третьяго тома «Юридическихъ записокъ» о направленіи и характерѣ этого изданія. Новый томъ изданъ въ томъ же духѣ, — поэтому мы ограничимся только указаніемъ на его содержаніе.

Половину книги занимаетъ обширная статья г. Рѣдкина: «Обозрѣніе литературы по юридической энциклопедіи». Авторъ представилъ довольно полную и блестяще-изложенную исторію обработыванія общихъ началъ права, начиная съ грековъ и римлянъ. Съ особенной полнотой разсмотрѣна имъ школа Гегеля и произведенія современныхъ намъ юристовъ по энциклопедіи у всѣхъ европейскихъ народовъ. Другая статья того же автора «О независимости юстиціи» такъ коротка, что читатель не можетъ составить себѣ по ней осязаемаго понятія объ этомъ важномъ вопросѣ. Она не отличается даже точностью; въ ней смѣшаны въ одно англійская и сѣверо-американская системы, которыя, однако, имѣютъ большое различіе; въ сѣверо-американской юстиціи смѣшаны федеральная и штатная (въ отдѣльныхъ штатахъ), — не показано, какими образомъ уравниваются судебная и законодательная власти и проч.

Статья г. Яковича-Яковскаго, «О судѣ присяжныхъ въ Англіи», содержитъ въ себѣ кое-что объ общемъ значеніи этого института и длинныя опроверженія возраженій писателей, отрицающихъ авторитета. Объ организаціи суда присяжныхъ и его функцияхъ ничего не говорится. Авторъ, впрочемъ, обѣщаетъ впоследствии еще поговорить объ этомъ предметѣ. Статья эта не только недостаточна, но и совершенно излишняя въ нашей литературѣ послѣ того, какъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» появи-

лась обширная и написанная съ полнымъ знаніемъ дѣла статья г. Утина о томъ же предметѣ. Сравнивая эти двѣ статьи, невольно задаешь себѣ вопросъ: по какому началу распредѣляются у насъ статьи между спеціальными и общими журналами? Статья г. Утина — большая, и вполнѣ научный трактатъ — помѣщена въ учено-литературномъ журналѣ, а статья г. Яневича, — которая по объему, формѣ и содержанію не обременила бы литературнаго отдѣла газеты, — стоитъ на самомъ видномъ мѣстѣ въ спеціальномъ юридическомъ изданіи.

Двѣ переводныя статьи «Юридическая техника» Игеринга и «О честности въ коммерческихъ дѣлахъ», парижскаго адвоката Карла Милльона не представляютъ ничего особеннаго, — и редакція не объяснила, почему она избрала ихъ для перевода изъ множества превосходныхъ и общеприятныхъ статей современной юридической литературы. Далѣе, помѣщено два процесса — опять изъ нѣмецкой практики, къ которой издатели обнаруживаютъ рѣшительное пристрастіе. Любопытно, что изложеніе одного изъ этихъ процессовъ — о какомъ-то солдатѣ, страдавшемъ неодолимою страстью къ кражѣ гусей, оканчивается слѣдующими глубокомысленными словами: «Онъ (то есть воръ) былъ вѣрный приверженецъ извѣстнаго ученія, основаннаго на мысли: *la propriété c'est le vol*». Неизвѣстный составитель этой статьи, по видимому, полагаетъ, что Прудонъ силился доказать законность воровства вообще и гусей въ частности. Это очень оригинально, и хорошо рекомендуетъ его аналитическую способность.

Изъ двухъ замѣтокъ г. Владиславлева особенно важна вторая: «О судебныхъ раздѣлахъ». Авторъ справедливо говоритъ, что безконечныя проволочки и тяжбы, возникающія отъ несогласій наслѣдниковъ при дѣлежѣ недвижимаго имущества, а также нераціональный раздѣлъ, имѣющій слѣдствіемъ паденіе цѣнности одного хозяйственнаго цѣлага, происходитъ въ значительной степени отъ недостатка въ нашемъ законодательствѣ постановленій, обеспечивающихъ скорый и правильный раздѣлъ цѣнности имущества и сохраненія въ нераздѣльности хозяйственнаго цѣлага, — постановленій, которыя такъ хорошо выработаны западными законодательствами, особенно французскимъ. То есть, учрежденія комиссій экспертовъ для оцѣнки имущества и раздѣленія его на равноцѣнныя части, предоставленія хозяйственнаго цѣлага одному изъ наслѣдниковъ (старшему, по соглашенію ихъ или по жребію), съ выдачей остальнымъ за ихъ части денегъ.

А. Л.

Эротическія стихотворенія русскихъ поэтовъ. Собралъ Григорій Книжничъ. Спб. 1860 года. Въ 16-ю д. л. 192 стр.

Для еще бѣльшаго поясненія содержанія этой книжечки, на оберткѣ ея написано посреди гирляндъ и амуровъ: «Любовь». Два амура держатъ сердце, на которомъ начерчены круги для цѣли, третій амуръ пускаетъ въ цѣль стрѣлу, четвертый играетъ на гитарѣ. «Очень, очень недурно, какъ говоритъ Александръ Ивановичъ въ «Утрѣ Дѣловаго Человѣка»: корзиночки, лира, вокругъ сухарки, бубны и барабанъ! очень, очень натурально!» При нѣкоторомъ вниманіи внизу между этими корзиночками и сухариками можно замѣтить подпись: «Любви всѣмъ возрасты послушны.» Повторяемъ: очень, очень не дурно!

Далеко не такъ мило и затѣливо содержаніе книжечки. Григорій Книжничъ выказалъ полнѣйшее отсутствіе вкуса въ выборѣ стихотвореній и полнѣйшее безразличіе. Именъ, именъ конца нѣтъ; а стихотворенія—одно другаго плоше, кромѣ, разумѣется, всѣмъ извѣстныхъ стиховъ Пушкина, Лермонтова и еще двухъ-трехъ поэтовъ. Но за то стихи эти всѣмъ извѣстны, и вѣрно ихъ никто не станетъ искать именно въ этой книжечкѣ посреди отчаяннѣйшаго хламу. Да еслибъ даже, составляя антологию изъ любовныхъ стиховъ, издатель хотѣлъ непременно помѣстить въ ней пьесы, вдохновенныя нашимъ лучшимъ поэтамъ любовью, то ли бы слѣдовало взять?

Достаточно назвать имена Кольцова, Лермонтова, Огарева, чтобы сами собою назвались лучшія пѣсни о любви этихъ поэтовъ. У Кольцова прежде всего придетъ на память:

«Не весна тогда
Жизнью вѣяла!»

у Лермонтова:

• Пускай холодною землею
Засыпанъ я,
Мой другъ, всегда, вездѣ съ тобою
Душа моя!»

у Огарева:

• Была чудесная весна;
Они на берегу сидѣли...
Во цвѣтѣ лѣтъ была она;
Его усы едва чернѣли.»

А что выбираетъ у нихъ Григорій Книжничъ? У Кольцова онъ беретъ изъ числа слабѣйшихъ его пѣсней: «Ты не пой соловей!» и «Послѣдній поцалуи»; у Лермонтова: «Отчего?» «Они

любили другъ друга» и «Изъ-подъ таинственной, холодной полумаски»; у Огарева — очень плохой переводъ «Разговора» Мицкевича, и тоже слабое стихотвореніе «Она никогда его не любила».

Григорій Книжникъ хотѣлъ только, повидимому, надергать возможно большее число стихотвореній изъ возможно-большаго числа поэтовъ, хотя бы эти стихотворенія никуда не годились и были совершенно подстать своимъ никогда и никѣмъ несслыханнымъ авторамъ. Попалось въ стихахъ слово: «любовь» — прекрасно; давай его сюда! Это, значить, эротическое стихотвореніе. Печатать его въ сборникъ! Слова «любовь» нѣтъ; ну, такъ нѣтъ ли чего нибудь этакъ въ родѣ бѣлоснѣжной груди — или бѣлыхъ плечъ...

«Груди бѣлыя, высокія —
Что листъ дрожать.»

Превосходно! Сюда эту пьесу. А вотъ это, напримѣръ, и еще лучше:

«И локоны до пять, и грудь полунагая.»

Что за картина прелестная! «Локоны до пять»... Какъ же не напечатать пьески г. Грекова за этакой стишокъ?

Или вотъ, послушайте г. Николая Сушкова, какъ онъ умоляетъ одну искусительницу не будить страсти въ его безмятежномъ сердцѣ.

«Не мани же головкой кудрявой,
И движеньемъ прекрасной руки,
Не играй мнѣ такъ ножкой лукаво
И улыбкой къ себѣ не влечи.
Не вскрывай же плечей бѣлоснѣжныхъ,
Не скидай же покрыва съ груди...»

Удивительно, какъ это Григорій Книжникъ не напечаталъ въ своей книжонкѣ, подъ пару къ этой шалунѣ, играющей лукаво ножкой г. Сушкову, стиховъ г. Бенедиктова, гдѣ поэтъ сравниваетъ грудь красавицы съ океаномъ:

«И на этомъ океанѣ,
Въ пѣнѣ млечной бѣлизны,
Въ бѣлой дымкѣ, какъ въ туманѣ,
Колыхались двѣ волны...»

или хоть бы стишковъ г. Розенгейма, гдѣ онъ описываетъ свиданье въ саду ночью, какой-то «капотикъ», и подъ капотикомъ, разумѣется, «груди волну»....

Съ «локонами до пять» можно бы сопоставить косу, сочиненную тѣмъ же г. Бенедиктовымъ, изумительную косу, въ кото-

рую, если не ошибаемся, предполагалось возможнымъ завернуть земной шаръ.

Мы было хотѣли сказать нѣсколько словъ, по поводу «Эротическихъ Стихотвореній», о пользѣ хорошихъ антологій, о обилии ихъ за границей и о совершенномъ отсутствіи у насъ; но можно ли говорить о чемъ нибудь порядочною по случаю послѣдней книжонки, составитель которой одинаково восхищается стихами Пушкина :

«Для береговъ отчизны дальней
Ты покидала край чужой»...

и слѣдующими виршами, сфабрикованными въ потѣ лица княземъ И. М. Долгорукиемъ :

«Видалъ я Сонюшку въ нарядѣ,
Когда въ каретѣ золотой
Катить въ обширномъ нашемъ градѣ
На званый балъ плѣнять собой.

«Видалъ ее я въ амазонѣ
Одну, безъ чванства и безъ слугъ,
На борзомъ ей подвластномъ конѣ
Летающу въ поле во весь духъ.»

Недавно мы видѣли въ газетахъ объявленіе о какой-то книжонкѣ подъ заглавіемъ : «Пѣсни и куплеты московскихъ цыганокъ и гризетокъ, распѣваемые ими въ жѣстахъ нѣги и удовольствія». Вотъ бы Григорію Книжнику такое заглавье выдумать для своей книги!

Сочиненія Лермонтова, приведенныя въ порядокъ и дополненныя С. С. Дудышкинымъ. Томъ I, съ портретомъ поэта, гравированнымъ профессоромъ *Θ. Јорданомъ*, и двумя снимками съ почерка Лермонтова. Спб. Изданіе книгопродавца *А. И. Глазунова*. 1860. Въ 8-ю д. л. XXIV и 432 стр.

Выписываемъ это заглавіе не для того, чтобы разбирать художественное и общественное значеніе поэзіи Лермонтова, чтобы опредѣлять степень его важности и вліянія въ русской литературѣ и въ русской жизни. Такая задача несовмѣстима съ тѣсными предѣлами библиографической замѣтки. Мы хотимъ сказать нѣсколько словъ лишь о достоинствахъ и недостаткахъ новаго изданія.

До-сихъ-поръ Лермонтовъ былъ изданъ крайне плохо, безъ всякаго критическаго размѣщенія текста, какъ попало. Сочиненія

зрѣлой его поры, отдѣланныя имъ п назначенныя къ печати, смѣшивались съ дѣтскими опытами, которыхъ онъ никогда не хотѣлъ печатать; ошибки и опечатки одного изданія повторялись слѣдующимъ, и т. под. Такъ въ стихотвореніи «Изъ Гёте» стихъ: «Горныя вершины», чуть ли не въ трехъ изданіяхъ читался: «Гордыя вершины».

Къ несчастію Лермонтовъ былъ не единственною жертвою небрежности и невниманія русскихъ издателей. Стыдно сказать, а между-тѣмъ это правда: *ни одного* изъ нашихъ писателей до Пушкина не издано у насъ хоть мало-мальски порядочно. Смирдинское «Полное собраніе русскихъ авторовъ» только перепортило текстъ, и отсрочило хорошія изданія, будучи напечатано въ очнь значительномъ количествѣ экземпляровъ. До-сихъ-поръ у насъ нѣтъ сносныхъ изданій не только второстепенныхъ писателей, какъ, напримѣръ, Дмитріева, Богдановича, но и главныхъ свѣтилъ нашей литературы, Ломоносова, Карамзина. Мы говоримъ только о настоящемъ времени, ибо въ прошломъ столѣтіи и въ началѣ нынѣшняго были для своей поры прекрасныя изданія. Такъ ничто до-сихъ-поръ не замѣняетъ еще, по исправности текста и по изяществу, перваго изданія сатиры Кантемира; лучшія изданія Ломоносова принадлежатъ тоже прошлому вѣку.

Въ послѣднее время явилось, впрочемъ, съ легкой руки П. В. Анненкова, образцово издаваемаго Пушкина, нѣсколько тщательныхъ и выполненныхъ съ знаніемъ дѣла изданій. Таково исаковское изданіе «Сочиненій Пушкина», которое, послѣ анненковского, могло бы быть, впрочемъ, и болѣе правильно въ корректурномъ отношеніи; таково изданіе г. Кулиша «Сочиненій и писемъ Гоголя»; таково, наконецъ, изданіе «Сочиненій Лермонтова», приготовленное г. Дудышкинымъ.

Одна изъ главныхъ особенностей новаго изданія, это распредѣленіе всей массы оставшихся послѣ Лермонтова произведеній на двѣ половины. Къ первой (которая и составила содержаніе перваго, теперь вышедшаго тома) г. Дудышкинъ отнесъ все, что Лермонтовъ печаталъ при жизни и признавалъ годнымъ къ печати. Вторая половина, изъ которой будетъ состоять второй и послѣдній томъ, заключаетъ въ себѣ всѣ остальные стихотворенія Лермонтова, отъ первыхъ попытокъ до полного образованія его стиха и прозы.

Въ «Отечественныхъ Запискахъ» прошлаго года (N°N° 10 и 11) г. Дудышкинъ помѣстилъ разборъ бывшихъ у него въ ру-

какъ «Ученическихъ тетрадей Лермонтова». Эти тетради, а также и многія новыя стихотворенія, помѣщенные въ этомъ изданіи, дѣлають, по словамъ издателя, весь художническій, постепенно развивающійся трудъ Лермонтова почти нагляднымъ, и во многихъ случаяхъ замѣняютъ недостаточныя біографическія свѣдѣнія о поэтѣ.

Нынѣ вышедшій томъ начинается статьею г. Дудышкина «Вмѣсто предисловія», въ которой, въ немногихъ словахъ, но точно и ярко обрисована литературная личность Лермонтова и его отношенія къ Байрону, съ которымъ у него было много родственнаго и въ самомъ характерѣ, независимо отъ вліянія произведеній англійскаго поэта. Въ помянутыхъ выше статьяхъ г. Дудышкина мы нашли одну очень характеристическую замѣтку пятнадцатилѣтняго Лермонтова въ одной изъ его черновыхъ тетрадей. «Есть сходство въ жизни моей съ лордомъ Байрономъ, замѣчаетъ онъ. Его матери, въ Шотландіи, предсказала старуха, что онъ будетъ великій человекъ и будетъ два раза женатъ; про меня, на Кавказѣ, предсказала то же самое старуха моей бабушкѣ. Дай Богъ, чтобы и надо мной сбылось, хотя бы я былъ такъ же несчастливъ, какъ Байронъ.»

Стихотворенія начинаются съ *Ангела* («По небу полуночи ангелъ летѣлъ»), написаннаго въ 1831 году. Къ нему прибавлена въ выноскѣ неизвѣстная, самимъ Лермонтовымъ уничтоженная и не замѣчательная строфа. Далѣе слѣдуетъ *Демонъ*, занимавшій мысль Лермонтова съ 1829 по 1834 годъ.

Эта поэма, обошедшая всю Россію въ непчислимомъ множествѣ списковъ, извѣстная всѣмъ отъ мала до велика наизусть, до сихъ поръ печаталась отрывочно. Теперь, въ изданіи г. Дудышкина, она является въ полномъ своемъ составѣ. Кромѣ того, издатель привелъ подъ текстомъ и нѣкоторыя вполнѣдствіи выкинутыя авторомъ мѣста, и нѣкоторые варианты изъ другихъ списковъ. Въ одномъ изъ такихъ вариантовъ намъ кажутся не совсѣмъ правильно напечатанными стихи (стр. 11):

«Ея узорною повязкой
Играетъ вѣтеръ, какъ волна.
Нескромной думою полна,
Грудь подымается высоко.»

Сравненіе съ волной относится, по видимому, къ груди, а не къ вѣтру, и не правильнѣе ли было бы напечатать такъ:

«Ея узорною повязкой
Играетъ вѣтеръ. Какъ волна —
Нескромной думою полна —
Грудь подымается высоко.»

Замѣтимъ кстати еще одинъ стихъ въ пьесѣ *Кинжалъ*, который тоже, повидимому, искаженъ, и, вѣроятно, не былъ замѣченъ г. Дудышкинымъ.

Въ строфѣ третьей (стр. 164 новаго изданія) мы читаемъ :

«И черные глаза, остановясь на мнѣ,
Исполнены таинственной печали,
Какъ сталь твоя предъ трепетомъ огня,
То вдругъ тускнѣли, то сверкали.»

Первый стихъ, противъ правила, принятаго стихотвореніемъ, не римуется съ третьимъ; а между тѣмъ видна забота о римѣ постановленіемъ слова «огонь». Такія небрежности очень рѣдки у Лермонтова. Не ошибка ли тутъ? и не слѣдуетъ ли третьяго стиха читать такъ :

«Какъ сталь твоя при трепетномъ огнѣ!»

Въ этомъ случаѣ лучше всего обратиться за отвѣтомъ къ первому изданію этого стихотворенія, а если сохранилась рукопись, къ рукописи.

Въ пьесѣ *И скудно и грустно*, тоже странно видѣть неправильный стихъ :

«А годы проходятъ — все лучшіе годы!»

Не «все лучшіе годы», а *все* лучшіе годы».

Еще одинъ недосмотръ, въ которомъ можетъ быть впрочемъ издатель и не виноватъ. Въ предисловіи между прочимъ сказано : «За Байрономъ послѣдовалъ въ эту область и Лермонтовъ въ своемъ *Демонѣ*, восточной сказкѣ, съ эпиграфомъ изъ *Камы*.» Развертываемъ «Демона»; эпиграфа не оказывается.

Изъ числа другихъ стихотвореній въ первомъ томѣ новаго изданія слѣдуетъ указать еще на впервые вошедшее въ собраніе сочиненій Лермонтова стихотвореніе *На смерть Пушкина*. Оно теперь напечатано цѣликомъ, за исключеніемъ лишь одной строкъ, которую слѣдовало бы отмѣтить — между стихомъ : «Игрою счастья униженныхъ рабовъ» и стихомъ : «Свободы, генія и славы палачи!»

Въ число стихотвореній послѣдняго года жизни Лермонтова (1841), г. Дудышкинъ помѣстилъ и нѣкоторыя недоделанные пьесы, и нѣкоторые отрывки. Они какъ-то нарушаютъ стройное

развитіе таланта поэта, за которымъ мы слѣдимъ постепенно по всей книгѣ. Не надо было бы забывать, что нѣкоторыя изъ помѣщенныхъ пьесъ и отрывковъ лишь черновые наброски. Таковы, по нашему мнѣнію, горская легенда *Блалецъ*, «Не смѣйся надъ моею пророческою тоскою». Ихъ лучше бы отнести ко второму отдѣлу, тѣмъ болѣе, что въ первомъ не помѣщено и довольно стройныхъ уже пьесъ: «Какъ мальчикъ кудрявый рѣзвалъ» и *Посвященіе къ «Демону»*.

При стихотвореніи *Видъ горъ изъ степей Козлова* слѣдовало бы отмѣтить, что это подражаніе одному изъ «Крымскихъ Сонетовъ» Мидкевича. Не замѣчено также, что пьесы *Сосна* и «Они любили другъ друга такъ долго и нѣжно», взяты у Гейне.

Первый томъ заключается «Героемъ нашего времени» и примѣчаніями издателя, гдѣ изложенъ планъ, которому онъ слѣдовалъ.

Второй томъ (котораго ожидаемъ съ нетерпѣніемъ), вмѣстѣ съ немногими біографическими свѣдѣніями, дополнить, какъ говоритъ издатель, исторію этого быстро развившагося и скоро оставившаго русскую литературу громаднаго таланта.

Наружный видъ изданія очень изященъ: хорошая бумага, прекрасно гравированный портретъ, два факсимиле, одно съ черновой рукописи «Сказки для дѣтей», а другое съ перебѣленнаго стихотворенія «Журналистъ, читатель и писатель»... тогда какъ про прежнія изданія Лермонтова можно было сказать его же стихами:

«Во первыхъ — сѣрая бумага;
Она быть-можетъ и чиста,
Да какъ-то страшно безъ перчатокъ....
Читаешь — сотни опечатокъ!»

М. Л.

Краткая животно-физиологическая химія. Сочиненіе доктора *Леманна*. Перевелъ студентъ казанскаго университета, *Александръ Блалецъ*. Издано подъ редакцію *А. И. Ходнева*. С.-Петербургъ. 1860. Въ 8-ю д. л. II и 247 стр.

Изданіе торговаго дома Струговщикова, Похитонова и Водова.

Прежде всего оговоримся и скажемъ, что изданіе прекрасно, изящно, что переводъ отличается тою точностію и ясностію, которыми отличались до-сихъ-поръ все изданія торговаго дома, прошедшія чрезъ редакцію г-на Ходнева. Переводъ достоинствомъ нисколько не уступаетъ оригиналу, и если бы един-

ственной цѣлю г.г. компаніоновъ-издателей было издать книгу Леманна на русскомъ языкѣ, то намъ оставалось бы только сказать, что цѣль ихъ достигнута какъ нельзя лучше, и тѣмъ покончить нашу рецензію. Но дѣло рецензента осложняется, какъ скоро редакція объявляетъ, что г.г. компаніоны руководствовались въ этомъ дѣлѣ высшею, благородною цѣлью — пополнить одиѣ изъ важнѣйшихъ пробѣловъ отечественной литературы по отдѣлу естественныхъ наукъ, и доставить особенную пользу нашимъ молодымъ медикамъ. Въ этомъ случаѣ, по мимо разбора присущихъ книгѣ достоинствъ или недостатковъ, рецензенту приходится опредѣлить, въ какой степени выборъ книги соотвѣтствуетъ цѣли, которой желали достигнуть господа издатели. Назначеніе книги, какъ видно изъ предисловія къ ней, написаннаго отъ редакціи, служить руководствомъ для нашихъ молодыхъ врачей, которые хотя и слушаютъ обязательно химию, но легко могутъ впасть въ заблужденіе или замѣшательство при выборѣ химическихъ фактовъ, относящихся къ животной физиологій, потому что *самостоятельный выборъ такихъ фактовъ безъ основательнаго уже знанія химіи, очень невѣренъ и затруднителен*. Вотъ исходная точка, съ которой редакція торговаго дома приглашаетъ публику и рецензента смотрѣть на изданный ею переводъ сочиненія извѣстнаго химика Леманна. Мы принимаемъ приглашеніе редакціи, которая, сказать мимоходомъ, что-то особенно налегаетъ на извѣстность автора въ ученomъ мѣрѣ. Не забывая впередъ и не выводя еще нашего окончательнаго мнѣнія о сочиненіи Леманна, мы замѣтимъ тутъ кстати, что вообще авторитетъ какого-нибудь автора не всегда можетъ служить, а, слѣдовательно, и не служитъ ручательствомъ за достоинство сочиненія его. Мы уже видѣли разительный примѣръ тому между изданіями того же торговаго дома, на *Геологическихъ картинахъ* г. Бернгардта Котты, редактированнаго г. Пузыревскимъ *). Докторъ Леманнъ рѣшительный противникъ всякой жизненной силы; для него рѣшительно не существуетъ жизненной силы. *«Такъ какъ почти невозможно доказать существованія особенной, такъ-называемой жизненной силы, принадлежащей исключительно тѣламъ организованнымъ, то всѣ явленія, свойственныя живымъ существамъ, должно объяснять по законамъ физики и химіи; только эти законы дадутъ намъ ключъ къ объясненію жизненныхъ явленій, и близко уже то время, когда начала физики и*

*) См. «Русское Слово», сентябрь, 1859 года, библиографія, стр. 104.

тн.ниі будутъ единственнымъ основаніемъ животной фізіологіи» (стр. 5). Не странно ли выходить съ такими воззрѣніями, не доказывая ихъ положительности, на сцену съ цѣлью поучать людей, которые на дѣлѣ ежедневно убѣждаются въ безсиліи г.г. антивиталистовъ? И сколько несообразности, абсолютизма въ этихъ немногихъ строчкахъ! Если невозможно доказать существованія особенной жизненной силы, то слѣдуетъ ли изъ этого, что она не существуетъ? Докажите, г. Леманнъ, что она *не существуетъ*, и ваше дѣло будетъ выиграно; и къ тому же вы довольно совѣстливо допустили въ вашу фразу слово *почти*; слѣдовательно есть основанія и въ пользу предполагаемаго существованія жизненной силы. Наконецъ, если бы абсолютно невозможно было доказать существованія жизненной силы, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы всѣ жизненныя явленія *должно* было объяснять физикою и химіею, какъ скоро именно эти двѣ науки сплошь да рядомъ безсильны къ объясненію жизненныхъ явленій и сангвиническія надежды найдти въ нихъ разрывъ-траву для всѣхъ фізіологическихъ гордіевыхъ узловъ, до-сихъ-поръ еще носятся въ туманной дали вѣрностей. Но довольно.

Вся книга дѣлится на три отдѣла. Въ первомъ изъ нихъ излагаются *составныя части животнаго организма* (стр. 7—71). Читая этотъ отдѣлъ, мы вспомнили, что и въ наше время органическую химію постигаетъ та же плачевная участь, которой она подвергалась болѣею частью и въ учебникахъ и на профессорскихъ кафедрахъ. Пока дѣло идетъ о химіи вообще и объ неорганической въ-особенности, малочисленность, простота и ясность законовъ, управляющихъ химіею, практичность ея положеній, подтверждаемыхъ на дѣлѣ воспроизведеніемъ тѣхъ явленій, которыми эти положенія доказываются, возможность самому учащемуся убѣдиться, что имѣешь дѣло именно съ такимъ веществомъ, а не съ другимъ, простота и ясность номенклатуры, всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, дѣлаютъ изъ химіи одинъ изъ самыхъ занимательныхъ предметовъ академическаго курса, даже при посредственномъ талантѣ и усердіи со стороны преподавателя. Но это обаяніе продолжается только до-тѣхъ-поръ, пока дѣло идетъ объ неорганической химіи; едва только профессоръ переступаетъ въ сферу органической химіи, и особенно животной, сцена перемѣняется. На слушателей обрушивается цѣлая груда новыхъ терминовъ; имъ перечисляютъ безконечный рядъ новыхъ тѣлъ, не представляемыхъ на дѣлѣ, и не разбирая, какія именно изъ нихъ необходимы для изученія и какія нѣтъ.

Слушателямъ приходится вѣрить на слово, что въ коровьемъ маслѣ есть и мирстинъ и пальмитинъ и бутинъ, а при нѣкоторыхъ условіяхъ кислоты: капроновая, каприловая, каприновая, вакциновая. Но слушатели не видятъ необходимости знать о существованіи этихъ началъ и кислотъ, да и самъ профессоръ не указываетъ важности знанія этихъ тѣлъ, потому что и самъ не въ состояніи доказать, чтобы студенту или медику было полезно знать въ подробности характеристическія отличія этихъ веществъ; а не знать этихъ различій, значить знать эти тѣла только по названіямъ, что, разумѣется, совершенно бесполезно. Слушатель выучиваетъ на память эту серію терминовъ, потому что этого требуетъ профессоръ, а послѣдній читаетъ все это *ex officio*, да развѣ въ томъ убѣжденіи, что всякое знаніе благо: Говоря другими словами, органическую химию постигала ббльшую частію участь пьесы, даваемой подъ конецъ спектакля: утомленные актеры играютъ спуста рукава; публика слушаетъ въ полуха; вниманіе ея развлекается ежеминутно мелькающимъ передъ глазами проходящимъ и выходящимъ народомъ, бряцаніемъ шпоръ и сабель, хлопаніемъ дверей по локамъ. Такой же участи подверглась животная химія и въ первомъ отдѣлѣ сочиненія Леманна, съ тою только разницею, что этотъ отдѣлъ составляетъ вступленіе къ главному предмету книги, напоминая собою пьесу, даваемую въ началѣ спектакля, для сѣзда публики. Объяснимся.

Одно изъ главныхъ условій всякаго хорошаго *краткаго* руководства заключается очевидно въ строгомъ выборѣ фактовъ. Въ *краткомъ* руководство должны быть допущены только важнѣйшіе факты, существенно необходимые для пониманія или изученія предмета, излагаемаго въ руководствѣ; менѣе важныя подробности, всѣ схоластическія мелочи принадлежатъ уже сферѣ обширнѣйшаго изложенія науки. Только при соблюденіи этого условія *краткое* руководство можетъ доставить существенную пользу. Въ первомъ отдѣлѣ химіи Леманна это условіе совершенно упущено изъ вида. Не характеризуя подробно всѣхъ важнѣйшихъ физиологическихъ составныхъ частей организма, авторъ почти на каждой страницѣ, чуть не на каждой строчкѣ упоминаетъ о веществахъ, которыхъ значеніе въ организмѣ рѣшительно неизвѣстно, о веществахъ даже вовсе не встречающихся въ человѣческомъ тѣлѣ, но составляющихъ продукты разложенія, воспроизводимые внѣ организма пытливою рукою химика. Прочтите, напримѣръ, страницу, на которой излагается группа олеиновыхъ кислотъ (стр. 26—27); тутъ говорится о

кислотахъ акриловой, ангеликовой, олеиновой, дамолевой, дамалуровой, кашалотовой и горчичной, но изъ всѣхъ этихъ веществъ *одна только олеиновая кислота находится въ животномъ организмѣ* (стр. 27), а ей посвящена только *третья часть* всего параграфа; тогда какъ *два трети* послѣдняго говорить о томъ, что совершенно излишне для медика; и такого рода соотношение между фактами нужными и излишними подробностями поражаетъ читателя по всему первому отдѣлу книги. Что за необходимость, напримѣръ, распространяться, не только что упоминать о *бензоликоколевой* кислотѣ. «Эта кислота, говоритъ авторъ, замѣчательна тѣмъ, что водяной растворъ ея легко разлагается отъ дѣйствія теплоты на кислоту бензойную и гликоколевую. Совершенно образованною въ организмѣ *никогда ея не находили, и въ животной химии она интересна только какъ продуктъ разложенія тилуровой кислоты дѣйствіемъ окиси азота* (стр. 31). Къ чему распространяться о томъ, что *холевая кислота*, очень легко теряя элементъ воды, подъ вліяніемъ теплоты и кислотъ, превращается въ кислоту *холодиновую* и *дисламизъ* (стр. 31), если объ этомъ измѣненіи не упоминается далѣе ни однимъ словомъ, ни во второмъ отдѣлѣ химіи, подъ рубрикою желчи, ни въ третьемъ отдѣлѣ книги, излагающемъ животно-химическіе процессы. Къ чему упоминать, что «*триметилламинъ* $C_3H_9N_3$, принадлежащій къ тѣламъ этого рода (къ летучимъ щелочамъ), встрѣчается только какъ продуктъ самопроизвольнаго или искусственнаго разложенія, напримѣръ, въ разсогѣ сельдей, въ гнилой мочѣ, въ анатомическихъ препаратахъ, сохраняемыхъ въ алкогольѣ, и проч. *Тетрилламинъ* (бутипраминъ или петянинъ) $C_4H_{11}N_3$, *иридинъ* $C_{10}H_{17}N_3$, *фетилламинъ* или *аминъ* и изомерный съ нимъ *николинъ* $C_{12}H_{19}N_3$; *лютилинъ* $C_{11}H_{19}N_3$, образуются только сухою перегонкою нѣкоторыхъ животныхъ веществъ (стр. 37)»? Это ли требуется отъ толковаго краткаго руководства, назначеннаго для людей, уже знакомыхъ съ предметомъ и надѣющихся найти въ книгѣ только идущіе къ дѣлу факты, бросающіе сколько-нибудь свѣта на разнообразныя физиологическіе и патологическіе вопросы, представляющіеся врачамъ при постели больного? А если книга назначена для недозрѣвшихъ медиковъ, для студентовъ, то тѣмъ хуже; неопытъ не сдѣлаетъ опознанья (s'orienter) въ этомъ педантическомъ перечлѣ химическихъ терминовъ, а перечень этотъ занимаетъ шестьдесятъ пять страницъ, то есть, почти четвертую часть всей книги. До-сихъ-поръ мы говорили о тѣхъ излишнихъ по-

дробностяхъ, которыя, скрадывая рельефность важнѣйшихъ фактовъ лишаютъ послѣдніе присущей имъ важности въ глазахъ именно тѣхъ читателей, для которыхъ назначена книга, по отзыву редакціи, то есть, въ глазахъ невмѣющихъ основательныхъ свѣдѣній по химіи. Но этимъ не ограничивается неудовлетворительность перваго отдѣла сочиненія Леманна; она распространяется и на описаніе составныхъ частей организма, имѣющихъ свое значеніе въ животной экономіи. Одни изъ этихъ веществъ обхарактеризованы съ химической точки зрѣнія, при описаніи другихъ это необходимое условіе совершенно упущено изъ вида. Вы читаете о мочевины, о мочевой кислотѣ, глюкозѣ, креатинѣ и о множествѣ другихъ составныхъ частей человѣческаго тѣла и не находите при описаніи этихъ веществъ ни малѣйшаго указанія на химическія ихъ свойства, на реагенты, которыми можно удостовѣриться въ присутствіи того или другаго тѣла. Въ этомъ отношеніи первый отдѣлъ химіи Леманна распадается, неизвѣстно почему, самъ собою на двѣ части, рѣзко отличающіяся одна отъ другой. Въ первой, на сорока трехъ страницахъ, вовсе не упоминается о какихъ бы то ни было реакціяхъ, какъ будто бы ихъ вовсе не существовало; а далѣе, на четырнадцати страницахъ, на которыхъ описываются вещества, образующія тканн, это существенное условіе толковой химической характеристики соблюдено, какъ слѣдуетъ. Мы не беремся объяснить эту странность, но увѣрены, что трудно было бы самому отчаянному панегиристу книги Леманна поставить указанный нами недостатокъ въ достоинство сочиненію германскаго химика.

Во второмъ отдѣлѣ разсматриваются *жидкости и тканн жнвотнаго организма*. Молодые медики, пользу которыхъ имѣли въ виду гг. компаніоны издатели, найдутъ всѣ изложенные въ томъ отдѣлѣ факты въ любой толковой физиологіи; но именно того, зачѣмъ наши молодые медики, еще неопытные въ химіи, захотѣли бы обратиться къ книгѣ Леманна, они не найдутъ въ ней; они не найдутъ тутъ необходимаго для нихъ хотя поверхностнаго указанія къ анализу всѣхъ этихъ жидкостей и тканей; а если этого нѣтъ въ химіи Леманна, то спрашивается, какую пользу могутъ извлечь изъ нея наши молодые эскулапы? Ужъ если медики радѣтъ объ наукѣ, то онѣ безъ сомнѣнія запаса хорошею физиологіею, а въ такомъ случаѣ ему рѣшительно нечего дѣлать съ первыми двумя отдѣлами химіи Леманна; въ первомъ изъ нихъ онѣ скорѣе запутается, нежели попадетъ на

чистую, торную дорогу; а во второмъ онъ встрѣтитъ повтореніе того, что заключаетъ въ себѣ любая хорошая физиологія. Если же медикъ апатиченъ къ своей наукѣ, и не позаботился запастись хорошею физиологіею, то ужъ навѣрное ему не придетъ на мысль заняться химіею Леманна, Ерго..... Остается третій отдѣлъ, въ которомъ авторъ, — изложивъ довольно поверхностно основанія, побуждающія его отвергать, вмѣстѣ съ большею частію рьяныхъ химиковъ, существованіе жизненной силы, — переходитъ къ изложенію животно-химическихъ процессовъ. Тутъ только, въ этомъ отдѣлѣ, не смотря на его краткость, 73 страницы, читатель замѣчаетъ, что онъ бесѣдуетъ съ однимъ изъ корифеевъ науки. Кратко, но ясно и полно набросана тутъ картина того соучастія, которое химическіе процессы принимаютъ въ воспроизведеніи жизненныхъ явленій. Къ сожалѣнію, тутъ же, въ этомъ же отдѣлѣ, еще болѣе кидается въ глаза разладица, или, вѣрнѣе сказать, отсутствіе всякой внутренней связи между этимъ отдѣломъ и первыми двумя, чуть ли не излишними: въ первомъ, какъ мы уже сказали, ему трудно опознаться, и онъ въ болѣе части случаевъ не найдетъ въ немъ удовлетворительнаго объясненія тѣмъ недоумѣніямъ, которыя могли бы возникнуть при чтеніи третьяго отдѣла; во второмъ отдѣлѣ онъ прочтетъ одни общезвѣстные медикамъ факты. Отсутствіе общей, проведенной чрезъ все сочиненіе идеи, отсутствіе этого необходимаго условія всякаго капитальнаго произведенія, лучше всего доказывается тѣмъ, что въ третьемъ отдѣлѣ, — самомъ важномъ для медиковъ, потому что въ немъ заключается *resumé*, сводъ всѣхъ усилій, сдѣланныхъ учеными для приложенія химіи къ объясненію жизненныхъ явленій, — чрезвычайно мало посылкокъ на первые два отдѣла, такъ, что читая его помимо первыхъ двухъ, никто не расклется въ такой попыткѣ приберечь дорожное для медика время на прочтеніе чего-нибудь болѣе дѣльнаго.

Вотъ заключенія, къ которымъ привело насъ внимательное чтеніе химіи Леманна. Повторимъ еще разъ: редакція исполнила свое дѣло со всѣмъ возможнымъ знаніемъ дѣла, со всею возможною совѣстливостію, обезоруживая самую щепетильную придирчивость. Но этимъ нисколько не ослабляется неприятное впечатлѣніе, производимое чтеніемъ химіи Леманна. Еслибы выборъ книги зависѣлъ отъ редакціи и еслибы редакція объявила печатно, что она не могла найти лучшаго руководства животно-физиологической химіи для русскихъ врачей, то оставалось б

только поблагодарить ее отъ души за принятый ею трудъ, и пожелать, чтобы между иностранными учеными нашелся кто-нибудь, болѣе Леманна знакомый съ потребностями русскихъ молодыхъ неопытныхъ по химіи врачей. Но если, съ чѣмъ вѣроятно согласится и редакція, было изъ чего выбирать, то мы вправѣ сказать, что *выборъ очень неудаченъ*. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, мы рекомендуемъ руководство Леманна, потому что на безрыбьи и ракъ рыба.

О девизахъ въ медицинѣ и медицинскихъ туптфруттикахъ. Категорической отвѣтъ г-ну *В. Ханкину* на его критику «Категорической классификаціи болѣзней.» Доктора медицины *Дмитрія Росновскаго*. Санктпетербургъ, 1860. Въ 8-ую д. стр. 83.

Въ октябрьской книгѣ Русскаго Слова, 1859 года, въ отдѣлѣ библиографіи, стр. 84—92, напечатана рецензія моя на брошюру г-на доктора медицины *Дмитрія Росновскаго*, полную *неприличныхъ и бранныхъ выраженій*, которыми ученый соотечественникъ осыпаетъ своихъ рецензентовъ. Рецензія моя кончается слѣдующими прощальными словами къ доктору Росновскому:

«Мы не знаемъ, докторъ, вашей личности; не знаемъ обстановки ея, мы не предлагаемъ вамъ вопроса: *dis moi qui tu habites, je te dirai qui tu es*. Этотъ вопросъ совершенно удовлетворительно разрѣшается вашимъ сочиненіемъ, которое нисколько не возбуждаетъ въ насъ желанія ближе ознакомиться съ вашею сферою. Мы не знаемъ, приличны ли тамъ, въ вашей сферѣ, употребляемыя вами выраженія и подобное вашему обращенію. Мы не можемъ объ этомъ судить; можетъ быть оно тамъ и нужно такъ. Но вамъ показалось тѣснымъ въ вашей сферѣ; вы захотѣли выглянуть на свѣтъ, явиться въ образованное общество, и явились съ вашею книгою. И съ этой минуты вы ужъ виноваты. Вы должны были сообразить, что всякой классъ общества имѣетъ свои понятія о приличіи; что рекомендуясь образованнымъ людямъ, нельзя являться въ общество по домашнему въ халатѣ или балахонѣ. Если у васъ, тамъ, позволительно и прилично ругаться, то это считается невѣжливымъ между образованными людьми. И у насъ возникаютъ споры, прѣнія; и между нами стоятъ до упаду за свои убѣжденія, спорятъ пылко, но не ругаются. Если рецензенты вашей диссертациі огорчили васъ, плачьте, приходите къ намъ съ вашими слезами; ме-

жду нами найдутся добрые люди, которые утѣшутъ васъ. Вамъ досадно? — Что-жь дѣлать? Пересильте это чувство; оставьте безъ вниманія выходки и нападки критиковъ, если дѣло ваше маловажно или ясно какъ день; если же оно важно, или въ немъ замѣшаны интересы науки или общества, то отвѣчайте съ достоинствомъ человѣка, сознающаго достоинство и того дѣла, за которое онъ стоитъ, и свое собственное; защищайтесь, но не сердитесь. — Ты сердился, Юпитеръ, слѣдовательно ты не правъ. — Если, наконецъ, вы черезъ-чуръ пылки, то посердитесь, но не бранитесь; не ругайтесь, а лѣчитесь на основаніи вашей же классификаціи. Если бы даже рецензенты ваши поступили съ вами такъ, какъ вы обращаетесь теперь съ ними, то и въ такомъ случаѣ обращеніе ваше неприлично. Вамъ и въ этомъ случаѣ слѣдовало отвѣчать съ достоинствомъ, и вы получили бы тогда на защиту адвоката, предъ которымъ ничтожны всѣ ваши громы, будьте вы сами Зевесъ-громовержець; на вашей сторонѣ стало бы общественное мнѣніе, и оно казнило бы презрѣніемъ человѣка, который позволилъ себѣ, въ дѣлѣ науки и общественной пользы, говорить лицепріятнымъ языкомъ престопадной распри. Но ни въ какомъ случаѣ вамъ не слѣдовало браниться. Брань неприлична, и унижительно для васъ. Вы заслуживали бы сожалѣнія, если бы ваша брань только унижила ваше дѣло, если бы она унижила только васъ самихъ. Но вы оскорбили общество образованныхъ людей, на судъ которыхъ вы явились съ вашею книгою. И не думайте, чтобы вы оскорбили его вашею бранью. Ваша брань такъ далеко не залетаетъ. Но общество оскорблено вашимъ присутствіемъ, присутствіемъ человѣка, способнаго выражаться между образованными людьми такъ, какъ вы выражаетесь. Вы забыли всякое уваженіе къ обществу и потому не погнѣвайтесь, если образованные люди замѣтятъ вамъ, что пока вы не получите болѣе вѣрныхъ понятій о свѣтскомъ приличіи, вамъ не мѣсто между ними. — *Подайте шляпу господину доктору Росновскому.*»

Докторъ Росновскій прочиталъ мою рецензію и отвѣчаетъ на нее диссертациею въ 83 страницы, нисколько не опровергнувъ сущности моей рецензіи, которая принесла ему однакожь видную пользу. Докторъ Росновскій сдѣлался скромнѣе. Онъ уже самъ какъ будто бы признаетъ себя недостойнымъ того образованнаго общества, въ которое онъ явился было съ бранью и ругательствами; онъ самъ отрекается отъ этого образованнаго общества. — Докторъ Росновскій сталъ вѣжливѣе. Онъ уже не

относить высказанной имъ брани ко всѣмъ вообще рецензентамъ и критикамъ, несогласнымъ съ его воззрѣніями, но ограничиваетъ число жертвъ своихъ только двумя или тремя лицами. Относительно меня докторъ Росновскій какъ-то нерѣшительнѣ въ своихъ приговорахъ; онъ называетъ меня и герольдомъ и привратникомъ образованнаго общества, и такимъ образомъ, какъ бы тамъ ни было, причисляетъ меня къ просвѣщенному обществу, отъ котораго самъ отрекается. — Я доволенъ успѣхами доктора Росновскаго. Изъ уваженія къ этимъ успѣхамъ на поприщѣ вѣжливости и принимая въ соображеніе ужасную трудность, съ которою искореняются застарѣлыя привычки, я, съ своей стороны, не въ состояніи пенять ему за то, что онъ, сбиваясь на старыя лады, позволяетъ себѣ *поплевать* на образованное общество, къ которому я имѣю честь принадлежать. *Spero et respero*, говоритъ онъ, считая вѣроятно латинскую фразу болѣе вѣжливою, нежели русскую. — Я не въ состояніи сердиться на г. доктора Росновскаго даже и за то, что онъ между прочимъ выказываетъ въ своей диссертациі попользованіе сравнить меня, съ какимъ-то *четвероногимъ*. Я не могу быть судьей въ моемъ собственномъ дѣлѣ и только сожалѣю о докторѣ Росновскомъ, въ томъ убѣжденіи, что образованное общество отвѣтитъ ему за меня послѣдними словами моей рецензіи: *подайте шляпу господину доктору Росновскому.*

Requiescat in pace.

В. ХАНКИНЪ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ДВА СВѢТА, РОМАНЪ КРАШЕВСКАГО.

(Dwa Swiaty, powieść Kraszewskiego.)

Не слишкомъ давно въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ появились коротенькія статейки о польской литературѣ и, если мы не ошибаемся, переводы двухъ трехъ польскихъ романовъ, которые, впрочемъ, не дали никакого понятія о манерѣ, направленіи и развитіи польскихъ романовъ. Между тѣмъ языкъ польскій и языкъ русскій такъ родственны, самыя эти двѣ націи принадлежатъ къ одному племени и слѣдовательно не могутъ представлять слишкомъ рѣзкихъ различій. Ближайшее знакомство съ польской литературой не можетъ не быть интереснымъ для большинства русскихъ читателей, и потому мы беремъ на себя представить на этотъ разъ публикѣ одинъ изъ романовъ Крашевскаго въ сокращенномъ видѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ мысли, которыя возникли въ насъ при его чтеніи.

Въ настоящее время, когда въ нашемъ отечествѣ обращено столько вниманія на примиреніе сословій, на взаимное соглашеніе ихъ интересовъ, романъ Крашевскаго «Два свѣта» показался намъ по своему содержанію и мысли, руководившей автора, если не совсѣмъ симпатичнымъ, то по крайней мѣрѣ, наиболѣе интереснымъ. Главная мысль автора, какъ говоритъ самое названіе романа, состоитъ въ томъ, чтобы показать существующія отношенія между богатымъ и бѣднымъ дворянствомъ, между такъ называемой знатью и честно трудящимися потомками не богатыхъ и незнатныхъ дворянскихъ родовъ. Мы съ намѣреніемъ не

употребили слова аристократія, замѣняя его словомъ *знатью*, потому что не нашли строго аристократическихъ элементовъ въ положеніи, значеніи и дѣятельности того слоя общества, который описываетъ Крашевскій. По нашему мнѣнію строго аристократическія понятія существуютъ только на Западѣ. Для насъ, какъ и для Польши слово *знать* выражаетъ полнѣе и вѣрнѣе значеніе родовъ или личностей, занимающихъ видное мѣсто. Мы не станемъ теперь развивать далѣе эту, всѣмъ не чуждую мысль, и ограничимся подробнымъ изложеніемъ повѣсти Крашевскаго, которая не разъ наведетъ самихъ читателей на соображенія и размышленія такого рода.

Въ одинъ ненастный, осенній вечеръ два молодыхъ человека, Алексѣй и Юліанъ встрѣтились въ бѣдной корчмѣ, укрываясь отъ непогоды. Это были два старые друга, два университетскихъ товарища. Алексѣй Дробицкій, сынъ небогатаго шляхтича, имѣлъ тридцать лѣтъ отъ роду, атлетическое сложеніе, говорившее о несокрушимомъ здоровьѣ и силѣ и загорѣлое лицо, не столько замѣчательное чертами, сколько выраженіемъ. На лицѣ этомъ выказывалось чувство спокойствія и вѣры въ себя, которое отчасти вырабатывается черезъ знакомство съ трудомъ, отчасти дается самою природою. Это симпатичное лицо было освѣщено темными, полными огня и ума глазами и доброй улыбкой. Не большой ростомъ, крѣпкій, здоровый, пригожій и сильный Алексѣй былъ такъ сказать представителемъ веселаго и спокойнаго труда. Юліанъ Карлинскій, потомокъ знатной фамліи и владѣтель богатаго зѣмка, былъ молодой человекъ въ цвѣтъ лѣтъ, сухощавый, стройный, съ голубыми глазами и безукоризненными чертами. Темно-бѣлокурые волосы, прелестный овалъ лица, печальная улыбка и блѣдный цвѣтъ кожи неодолимо влекли къ нему и глазъ и сердце. Такъ былъ онъ деликатенъ, слабъ и женствененъ, недостатокъ силы проявлялся въ немъ избыткомъ боязливой нѣжности; самая одежда его изысканная и причудливая, хотя полная вкуса, говорила о томъ же.

Увидя невзначай другъ друга, молодые люди встрѣтились съ восклицаніемъ радости и заскорузлая рука одного дружески сжала бѣлую и нѣжную ручку другаго. Глаза ихъ блеснули тѣмъ умиленіемъ, которое овладѣваетъ людьми, вспомнившими вдругъ

раннюю молодость, ободную дружбу и товарищество на одной лавкѣ.

— Что за счастливый случай! Ты здѣсь Алексѣй, что ты дѣлаешь?

— Мой милый Юліанъ — отвѣчаетъ Алексѣй, смѣшавшись, — я живу здѣсь по сосѣдству.

— Какъ? давно?

— Да съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ вышелъ изъ университета. Изъ моего домика я смотрю на вашъ дворецъ и огромныя деревья вашего парка.

— Какъ? и ко мнѣ не навѣдался! — сказалъ Юліанъ съ упрекомъ. — Этого я не ожидалъ отъ тебя!

Алексѣй улыбнулся печально. — Милый Юліанъ, — сказалъ онъ — иное дѣло наша простая университетская лавка, которая равняетъ всѣхъ, иное дѣло свѣтъ, среди котораго мы теперь живемъ.

— Алексѣй, я не узнаю тебя! Но объ этомъ послѣ, куда ты ѣдешь?

— Домой.

— Дождь льетъ, вечеръ наступилъ, останься со мною, останься для меня!

Алексѣй не можетъ отказать другу и остается съ нимъ ночевать въ корчмѣ. Вся ночь занята бесѣдой двухъ молодыхъ людей. Эта бесѣда такъ многозначительна, такъ важна для всего разъясненія характеровъ и хода романа, что мы рѣшаемся привести ее буквально, не смотря на ея длину.

— Боже мой! — воскликнулъ Алексѣй — какъ ты похорошѣлъ и въ то же время сталъ изнѣженнѣе, настоящій барченокъ (*rapiczyk*). Какъ видно, что тебѣ незнакома тяжесть судьбы, что ты свободенъ и счастливъ!

Юліанъ вздохнулъ въ отвѣтъ на это восклицаніе и возразилъ также чистосердечно.

— А въ тебѣ видѣнъ загорѣлый хозяинъ. Заржавѣлъ ты братъ! Заработался! Ты измѣнился, поглубѣлъ, а все красивъ собою и глядишь бодро.

И у Алексѣя вырвался легкой, едва замѣтный вздохъ.

— Оба мы измѣнились, — сказалъ онъ — иначе и быть не могло. Я въ трудѣ, а ты въ покоѣ.

— Ты не избралъ ученой карьеры?

— А ты не пошелъ по дипломатической части, какъ мечталъ сначала?

— Я долженъ былъ жить съ матерью и помогать ей, отвѣчалъ Алексѣй.

— И меня тоже приковало къ дому семейные интересы. Я глава семьи.

— И я также. Посмотри, сказалъ Алексѣй, мы были равными, когда сидѣли на школьной скамьѣ. Голова каждаго изъ насъ одинаково преклонялась предъ наукою, да и теперь, если бы не нашлось этого братства, какая бы бездна лежала между нами. Мое мѣсто въ ряду скромныхъ работниковъ, трудящихся изъ-за куска хлѣба, твое — среди тѣхъ, которые ни въ чемъ не нуждаются и могутъ потому спокойно мыслить, мечтать и не знаютъ иныхъ занятій, кромѣ занятій умственныхъ, единственно изъ прихоти.

— Всякое званіе, всякая должность живо отвѣчалъ Юліанъ, равны мнѣ кажется въ общественномъ смыслѣ, когда исполняются добросовѣстно, съ сознаниемъ ихъ важности и пользы. Зачѣмъ возбуждать раздоръ между братьями? зачѣмъ искать различія между нами?

Алексѣй усмѣхнулся. — Такъ — возразилъ онъ — мы конечно братья, но одинъ старшій, а другой меньшей и правъ первородства и безсилія младшихъ ничто не сотретъ. Всѣ эти разсужденія объ уравниеніи состояній убѣдительно выходятъ на бумагѣ, а въ свѣтѣ все остается по прежнему. На самомъ дѣлѣ мы не можемъ быть равны, какъ мы равны передъ правомъ, Богомъ и смертью. Все это тщетно.

— Откуда взялось у тебя это воззрѣніе?

— Изъ опыта, мой милый, изъ опыта.

— По крайней мѣрѣ ты долженъ согласиться, что умственное образованіе лучше всего уравниваетъ, братаетъ насъ и что при немъ должны исчезнуть различія сословій и общественныхъ положеній.

— Къ несчастію мы не живемъ одною умственною жизнью; есть минуты равенства, есть для обиженныхъ даже минуты, въ которые они становятся выше; но жизнь ежедневная раздѣляетъ тѣхъ, руки которыхъ были соединены.

— Это мнѣніе — сказалъ Юліанъ — объясняетъ мнѣ отчего, живя за милю отъ Карлпна, смотря изъ оконъ жардинецакаго двора на зеленыя деревья нашего сада, ты даже не пытаешься припомнить себѣ, что ты тамъ имѣешь друга.

— Ты думаешь, что у меня это когда-нибудь вышло изъ памяти? — сказалъ Алексѣй — ты ошибаешься. Я помнилъ о

тебѣ; можетъ быть я вздыхалъ по тебѣ, но я умѣлъ устоять противъ искушенія

— Признаюсь тебѣ, что я этого не понимаю.

— Потому что не понимаешь сколько разницы между людьми производить ихъ общественное положеніе, обязанности, кругъ, въ которомъ они вращаются, сфера, въ которой живутъ. Мы должны жить только съ равными намъ. Въ сношеніяхъ, очень впрочемъ пріятныхъ, съ тѣми, которые богаче и живутъ иначе, мы найдемъ пріятныя минуты, но за нихъ должны заплатить униженіемъ или печалью.

— Старая дворянская гордость говорить въ тебѣ.

— Нѣтъ молодой опытъ, братъ мой. Нужно часто отказываться отъ сладостей, въ которыхъ скрывается отравка. Не отрицаю, что для тебя общество мое было бы пріятнымъ минутнымъ развлеченіемъ. Можетъ быть тебѣ и не былъ бы неприятенъ видъ человѣка, который въ простой буркѣ и съромъ сюртукѣ проникъ бы въ твои гостинныя. Онъ внесъ бы съ собою новую стихію, сгладилъ бы морщины на лбу твоемъ, а я? Противъ воли я долженъ бы былъ разнѣжиться, разлѣниться, раскаться, позавидовать и приобрести чувство, котораго не хочетъ знать мое сердце. Тебѣ кажется ничѣмъ ежедневное сожитіе двухъ людей, которыхъ положеніе чрезвычайно различно; я въ немъ вижу угрозу для себя и изъ эгоистическаго опасенія я не ѣду въ Карлшт.

— Это что-то слишкомъ умно придумано и показываетъ слишкомъ много прозорливости въ молодомъ человѣкѣ, любезный Алексѣй, и въ добавокъ мнѣ кажется, что ты ошибаешься. Зачѣмъ ты не предположишь, что я могъ бы возмужать съ тобою, а полагаешь что ты самъ долженъ бы былъ знѣжиться? Зачѣмъ не рассчитываешь на свое собственное вліяніе, а боишься поддаться чужому?

— Потому что знаю человѣка вообще и себя въ-особенности — сказалъ Алексѣй. — Положеніе мое не нормально. Слишкомъ много у меня мысли и духа для плуга и бороны. Я дѣлаю усилія, чтобъ исполнять свои обязанности безъ вздоховъ и грусти. Чтожъ было бы тогда, если бъ я имѣлъ передъ глазами картину, которая ежеминутно должна бъ была возбуждать во мнѣ зависть и сожалѣніе о самомъ себѣ.

— Такъ ты несчастливъ? — спросилъ Юліанъ съ нѣжностію

— Я не ропщу — отвѣчалъ Алексѣй — я убѣжденъ, что во всякомъ состояніи сумма счастья и страданій, данная въ

удѣлъ человѣка равна. Отъ него зависитъ достигнуть ее, но для этого шменно нужно сростись и сжиться съ своимъ состояніемъ и отворотить глаза отъ того, чего желаетъ сердце, но чего достигнуть ему невозможно.

— Да, ты правъ — сказалъ Юліанъ, — во всякомъ состояніи, во всякомъ положеніи есть тревоги, нераздѣльныя съ существованіемъ человѣка. Онъ вздохнулъ. — Поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ — сказалъ онъ. — Расскажи мнѣ, что ты дѣлалъ; а я расскажу тебѣ о себѣ. Сейчасъ намъ подадутъ чай. Закуримъ сигары и посмѣемся, какъ въ наши лучшіе дни.

Не смотря на длину этого разговора, мы старались перевести его буквально. Въ немъ задача всего романа, положеніе дѣйствующихъ лицъ, главная мысль, на которой авторъ создаетъ свою повѣсть. Алексѣй и Юліанъ будутъ его героями; сопоставленіе ихъ въ этомъ разговорѣ, который есть ничто иное, какъ прологъ для будущей драмы, достаточно о томъ свидѣтельствуесть. Очевидно, что одинъ изъ нихъ долженъ оказаться несостоятельнымъ. Посмотримъ, за которымъ останется сочувствіе автора, который изъ нихъ надѣленъ силою и волей, который изъ нихъ съ большимъ успѣхомъ сразился съ людьми и обстоятельствами — съ жизнью.

Виродожненіе цѣлой длинной ночи герои романа переходятъ отъ спора объ отвлеченныхъ понятіяхъ къ болѣе натуральному, при первой встрѣчи друзей, разсказу о собственной жизни. Мать Юліана-принуждена была безъ любви выдти замужъ за отца его, къ которому, не смотря на всю его доброту и благородство, никогда не могла привязаться. У ней было трое дѣтей: Юліанъ, съ которымъ мы познакомились, и красавица дочь Анна, другой сынъ Эмиль, глухонѣмой и полу-идіотъ. Еще въ молодости она осталась вдовою, и, такъ какъ она была богата, то братъ ея мужа, не любя ее нисколько, заботился лишь о томъ, чтобъ она вторично не вышла замужъ, и тѣмъ не лишала дѣтей своихъ значительнаго состоянія. Именно то и случилось, чего боялся Павелъ Карлинскій, опекунъ малолѣтнихъ дѣтей своего брата. Приѣзжій французъ Дельрію, дослужившійся въ русской службѣ до чина полковника, влюбился въ молодую вдову и ея состояніе и предложилъ ей руку и сердце. Не колеблясь, она приняла это предложеніе, не сомнѣваясь нисколько.

ко, что возбудить пущую ненависть въ Павлѣ Карлинскомъ, котораго сама ненавидѣла. Дѣйствительно, опекунъ грозился отнять у нея дѣтей, на что она отвѣчала холодно съ иронической улыбкой, что чувствуетъ себя неспособной воспитывать потомковъ такого знатнаго рода и слагаетъ эту обязанность въ болѣе достойныя руки. Надо замѣтить, что вдова Карлинская была дочь простаго, бѣднаго дворянина, нажившаго впоследствии огромное богатство. По вторичномъ замужествѣ она выгнала изъ Карлина, оставляя за собою даже и дочь свою Анну, которую опекуны не согласились отправить съ нею. Съ-тѣхъ-поръ, не примиримая ненависть возникла между матерью и дядями молодыхъ Карлинскихъ. Павелъ Карлинскій взялъ на себя воспитаніе дѣтей и управленіе имѣніемъ, и когда Юліанъ возвратился изъ университета, онъ передалъ ему свои обязанности въ отношеніи къ брату и сестрѣ. Состояніе оказалось обременено долгами, а слабый Юліанъ, какъ онъ самъ говорилъ, долженъ былъ поправить его, быть покровителемъ брата, поддерживать значеніе своего имени и положенія и быть опорой сестры. Бремя тяжкое для всякаго, и которое должно было необходимо задавить и болѣе сильную, чѣмъ Юліанъ, натуру.

Положеніе Алексѣя, какъ всякаго бѣдняка было гораздо проще. У него былъ собственный домикъ, небольшое количество земли, которое обрабатывали человекъ пять крестьянъ; была старая мать и братья, которымъ слѣдовало дать образованіе. Трудясь усиленно, Алексѣй содержалъ свое семейство, жилъ самъ, если не счастливо, то спокойно и покорился уже въ дущѣ этой не блестящей, но полезной участи.

Ночь проходитъ какъ мгновеніе для двухъ пріятелей и сближаетъ ихъ еще больше. Да и какъ могло бы быть иначе. Въ домѣ Карлинскихъ царствуетъ энтузіамъ родныхъ, онъ омраченъ присутствіемъ полоумнаго Емяля и Юліанъ не имѣетъ никого, съ кѣмъ бы отвести душу. Алексѣй тоже: мать его женщина практическая, умная, но поглощенная хозяйствомъ. Всѣ ея усилія направлены на то, чтобы столкнуть сына въ прозябскую дѣятельность, затопить его до истощенія силъ физическимъ трудомъ, чтобы забить въ немъ страсть къ книгамъ и разнымъ мыслямъ; по ея мнѣнію это гибель, порча и язва. Не смотря на свое влеченіе къ Юліану, Алексѣй не даетъ ему слова пріѣхать въ Карлинъ, сознательно боясь его обольщеній; но судьба распорядится иначе. Нарочный изъ Карлина пріѣзжаетъ сказать о болѣзни матери Юліана, которая гоститъ у него. Юліанъ спѣ-

шить къ матери, а Алексѣй изъ дружбы къ нему ѣдетъ за докторомъ и самъ привозить его въ Карлинъ. Карлинъ дѣлаетъ на Алексѣя довольно странное впечатлѣніе; особенно, если мы примемъ во вниманіе, что Алексѣй человѣкъ образованный и развитой. Онъ почувствовалъ въ себѣ какую-то боязнь, которую говоритъ авторъ, чувствуютъ всѣ ему подобныя, происходящую отъ самолюбія, опасющагося быть затронутымъ. Этотъ старинный величественный замокъ, множество слугъ, признаки знатности и аристократіи разбѣянные всюду, сдѣлали непріятное впечатлѣніе на человѣка, привыкшаго къ равнымъ себѣ или низшимъ, съ которыми чувствовалъ себя совершенно свободнымъ. Уже съ порогу, когда предъ нимъ растворились двери, онъ сказалъ себѣ, что не долженъ былъ переступить его. Но ужъ было поздно — и его и доктора провели въ бель-этажъ по разостланнымъ вездѣ коврамъ до комнатъ Юліана. Когда Алексѣй очутился въ гостинной Юліана, которой бы не постыдилась ни одна щеголиха, то совсѣмъ смѣшался и сдѣлался самъ не свой при видѣ тысячи вещей, которыхъ значенія, или цѣны, онъ и отгадать не могъ. Зачѣмъ имъ все это? подумалъ онъ. Неужели для того, чтобы тратились деньги, которыя можно истратить иначе? Ужели хорошо воспитанный человѣкъ не можетъ обойтись безъ этихъ излишнихъ бездѣлушекъ, годныхъ лишь для того, чтобы тѣшить глаза ребенка? Ужели тотъ образъ жизни, о которомъ говорятъ всѣ эти мебели и убранство, не вытягиваетъ изъ нихъ силы и не дѣлаетъ ихъ тѣмъ, что они есть — куклами, дрожащими отъ каждаго дуновенія вѣтра? Кто изъ насъ двухъ ошибается? Я ли, который обхожусь безъ всего этого, или онъ, который не можетъ жить безъ незнакомыхъ мнѣ потребностей?

Когда вышелъ хозяинъ, когда всѣ они усѣлись въ кресла, Алексѣй скоро понялъ, какъ ко всему этому легко было привыкнуть. Болѣзнь матери Юліана оказалась неважною, потому онъ могъ опять предаться разговорамъ съ пріятелемъ. Въ минуту молчанія Алексѣю послышался шорохъ у двери и шелестъ женскаго платья разбудилъ его отъ задумчивости и заставилъ вновь предаться страху. Онъ поднялъ глаза и увидѣлъ передъ собою неожиданное явленіе — женщину дивной красоты. Легко понять, что это была Анна. Она имѣла родовыя черты Карлинскихъ: черные глаза, правильный носъ, печально улыбающіяся уста, сохранившія дѣтское, полное наивности выраженіе. Какъ Юліанъ, Анна была худощава, такъ что, казалось, вѣтеръ могъ бы сейчасъ унести ее на воздухъ и то, что въ ея братѣ было

слабостью, въ ней составляло прелесть, приближающую ее къ идеаламъ поэтовъ.

Юлианъ представилъ Алексѣя, какъ своего друга, и если Анна сразу овладѣла сердцемъ Алексѣя, то и она въ свою очередь не могла не обратить на него нѣкотораго вниманія. Она привыкла видѣть людей, вылитыхъ такъ сказать въ одну форму, подведенныхъ подъ общій уровень манеръ, выраженія мысли и обычаевъ.

Алексѣй показался ей только страннымъ.

— Гдѣ ты добылъ себѣ такого оригинальнаго друга, спросила она у брата.

— Онъ тебѣ не нравится, Аня?

— Мало я его видѣла, и судить о немъ не могу. Признаюсь тебѣ, что первое впечатлѣніе не совсѣмъ выгодно: онъ какой-то страшный, физиономія какого-то трибуна; въ немъ есть что-то грубое. Мнѣ стало какъ-то холодно, когда я его у тебя увидѣла.

Юлианъ разсмѣялся и расхвалилъ Алексѣя. На другой день рано утромъ Алексѣй возвратился домой. Когда мать его, уже безпокоившаяся о его продолжительномъ отсутствіи, узнала, что онъ былъ въ Карлигѣ, ей стало досадно и непріятно. Она посмотрѣла ему прямо въ глаза и покачала головой.

— *Otôz! masz!* Мы таки попали въ тѣ руки, отъ которыхъ такъ долго отдѣлывались. Напрасно я тебя предупреждала, чтобы ты не вспоминалъ о томъ баричѣ и не заводилъ съ нимъ никакихъ сношеній. Судьба распорядилась иначе. Нечего дѣлать! печего дѣлать! Но меня это убиваетъ!

— Маменька, возразилъ Алексѣй: — могъ ли я поступить иначе? Могъ ли я уклониться, или отвѣчать равнодушіемъ на искреннюю пріязнь стараго друга?

— А на что тебѣ пріязнь барича? Зачѣмъ? Для чего? Голову вскружить? Въ ненужныя издержки ввести? Разсѣмься, разлѣздишься; или онъ станетъ сюда заглядывать и заставить насъ даромъ время тратить. Ужъ говорю тебѣ, что этого терпѣть не могу!

На слова Алексѣя, что пріятель его человѣкъ добрый, мать отвѣчаетъ:

— Добрый человѣкъ! всѣ они люди добрые, да намъ не жить съ ними. Они ни времени, ни денегъ цѣнить не умѣютъ. Себѣ повредишь, а имъ пользы не принесешь. Надо жить съ своими. Хоть бы ты былъ и Богъ вѣсть какой мудрый, хоть

бы ты былъ имъ равный сердцемъ и головой, никогда не найдешь ты тамъ ни искренней пріязни, ни братства, ни равенства! Тебѣ надо будетъ ихъ забавлять, служить имъ, жертвовать для нихъ собою, а за это, если они никого не найдутъ, кто лучше тебя, то насмѣются надъ тобой же въ тихомолку. Повѣрь мнѣ....

Поговоривъ съ матерью и рассказавъ ей о впечатлѣніи, которое на него сдѣлала Анна и жизнь въ Карлинѣ, Алексѣй выѣхалъ въ поле вмѣстѣ съ братомъ, а мать его, задумчивая и недовольная, пошла хлопотать по хозяйству.

Между тѣмъ въ Карлинѣ жена полковника Дельріо была все еще больна, такъ что пришлось послать за ея мужемъ. Не смотря на строгій приказъ Юліана, чтобы дядя его Карлинскій не зналъ, что у него гостить больная мать, онъ объ этомъ провѣдалъ и тотчасъ пріѣхалъ. Быть можетъ въ первый разъ пріѣздъ дяди, котораго Юліанъ и Анна любили, оцѣняя его о себѣ заботливость, былъ имъ непріятенъ. Это понятно. Не смотря на изысканную вѣжливость Карлинскаго къ госпожѣ Дельріо, онъ и она взаимно ненавидѣли другъ друга. Онъ не могъ простить ей, что она не любила его брата и вышла вторично замужъ. Передъ ней въ лицѣ его возставала будто тѣнь ненавистнаго ей перваго мужа и помимо этого, она еще видѣла въ немъ человѣка, который отнял у ней дѣтей. Онъ зналъ, что поставивъ ногу въ Карлинъ, принудить ее тотчасъ оттуда выѣхать, и имѣлъ жестокость, никогда не оставлять ее съ дѣтьми болѣе трехъ дней.

Карлинскому было лѣтъ пятьдесятъ отъ роду, нѣкоторые говорили, что онъ даже старше, но по лицу ему нельзя было дать и этихъ лѣтъ.

Онъ былъ свѣжъ, живъ, одѣтъ изысканно, осанкой былъ еще похожъ на молодаго человѣка, гонялся за модой, и хотя былъ женатъ, всегда волочился за женщинами. Онъ не имѣлъ дѣтей. Жена его, избѣгая домашней скуки, ѣздила то на воды, то къ морю, то искать солнца въ теплыхъ странахъ, искать развлеченій по цѣлому свѣту и нигдѣ не находила ничего, кромѣ зѣвоты. Какъ только Карлинскій проводитъ жену за ворота, къ нему непремѣнно возвращалась веселость и холостая, свободная жизнь. Всѣ чувства его сердца сосредоточились на дѣтяхъ брата, въ-осо-

бенности на Аннѣ. Онъ любилъ ихъ обоихъ всею силой ненависти, которую имѣлъ къ ихъ матери.

Какъ Анна была душою Карлина, такъ ея дядя былъ его хозяиномъ. Юліанъ дѣлалъ что хотѣлъ, ему никто не противился, никто его не стѣснялъ; но дядя, болѣе практической и дѣятельный, болѣе свѣдующій, незамѣтно управлялъ самимъ Юліаномъ и заставлялъ его дѣйствовать, не позволяя ему совершенно предаться праздности, бывъ той пружиной, безъ которой все бы остановилось въ Карлинѣ.

Увидѣвъ повозку дяди, Юліанъ пошелъ ему на встрѣчу. Онъ застаѣ его уже въ гостинной, занятаго отъискиваньемъ зеркала, чтобы поправить волосы, платье и весь уборъ свой, о которомъ чрезвычайно заботился. Милый дядя! милый племянникъ, поздоровались они съ улыбкой.

— Какъ ваше здоровье?

— А ваше?

— Мое хорошо, но маменька пріѣхала къ намъ, больна, захворала.

— Зачѣмъ ѣздить? съ притворнымъ добродушіемъ сказалъ дядя, подходя къ зеркалу. — Вы бы могли къ ней поѣхать на какой-нибудь денекъ.... съ ея здоровьемъ....

— Хотѣла видѣть Эмиля.

— Ну ужъ теперь ему не поможешь, грустно сказалъ дядя.

А Анюта?

— У матери.

— Полковница не выходитъ?

— Нѣтъ, докторъ Грэберъ не приказалъ.

— А! тутъ ужъ и Грэберъ.

— Маменька была очень нехороша.

— А полковникъ не пріѣзжалъ?

— Не приказывала ему писать, что больна.

Павелъ Карлинскій пожалъ плечами.

— Сомнѣваюсь, чтобъ ей было отъ этого лучше; она должна и объ мужѣ безпокоиться!

— Но вѣдь и выѣхать ей нельзя, дядя! Нельзя! настаивая сказалъ Юліанъ. — Она должна остаться еще нѣсколько дней, пока не наберется спль.

— Я ничего не имѣю противъ этого, сказалъ Павелъ Карлинскій сухо. — Ну, а я могу съ ней видѣться?

Юліанъ смѣшался.

— Милый дядя, сказалъ онъ, подходя къ нему, — ты меня

поймешь. Прошу тебя, не принуждай ее видѣться съ тобою! Она тебя цѣнитъ, но ты самъ знаешь, какъ ее это встревожить.

— Я не подозрѣвалъ, что это ее встревожить. Но если ты хочешь, я не буду некать случая ее увидѣть.... Я никогда не бывалъ ни навязчивымъ, ни невѣжливымъ....

Въ то самое время, какъ Юліанъ благодарилъ дядю за эту уступку, докторъ Грѣберъ вошелъ въ комнату.

— Прикажи намъ подать завтракать, сказалъ дядя племяннику, желая удалить его и обращаясь къ доктору прибавилъ: — Что тамъ случилась съ женой полковника? Она въ самомъ дѣлѣ больна, или ей понадобилось прилечь къ больной?

Политичный Грѣберъ пожалъ плечами, не зная, что отвѣтить.

— Однако? Вѣдь вы уже три дня ее лѣчите, слѣдственно должны знать, что у ней такое?

— Нервное расстройство... маленькой катаръ, функціи....

— Ну это, слава Богу, не страшно.... Дайте ей померанцевой воды, а противъ катару, вѣдь вы докторъ знаете изъ опыта, что ничего нѣтъ лучше, какъ *маленькая поѣдка*, и свѣжій воздухъ.

Докторъ улыбнулся — но Юліанъ вошелъ и прекратилъ такимъ образомъ разговоръ этотъ.

Въ тотъ же день, узнавъ о болѣзни жены, пріѣхалъ полковникъ Дельріо, который точно также не любилъ предсѣдателя, какъ и предсѣдатель его, но это взаимное недоброжелательство, скрывалось подъ холодною вѣжливостью и совершенно равнодушнымъ тономъ. Полковникъ такъ держался, будто намекалъ, что его недовольно уважали, а въ тонѣ предсѣдателя чувствовалось, что-то похожее на пренебреженіе; встрѣчи этихъ двухъ лицъ были рѣдки, и разговоры ихъ длились не долго. Полковникъ отправился тотчасъ къ женѣ.

Добрая, нѣжная, но сентиментальная женщина эта жила въ поднебесной и оттого не умѣла опѣнить перваго мужа, не умѣла привязаться къ нему и жестоко ошиблась во-второмъ, изъ-за котораго потеряла свое послѣднее въ жизни не молодой женщины счастье: счастье жить съ взрослыми, добрыми и любившими ее дѣтьми. Если не брать во вниманіе сентиментальность, искажающую все и все представляющую въ превратнымъ свѣтѣ, то было бы не понятно, какъ могла она такъ ошибиться во-второмъ мужѣ. Конечно во всемъ свѣтѣ не было двухъ характе-

ровъ болѣе несхожихъ, какъ его и ея характеръ. Она не только жила однимъ чувствомъ, но еще и вносила сентиментальность и какую-то приторную чувствительность во всякое свое чувство. Онъ вовсе не заботился о чувствѣ, не понималъ его, видѣлъ въ людяхъ одну смѣшную ихъ сторону и жплъ шутя; другой стороны жизни онъ и не подозрѣвалъ. Въ немъ была значительная доля положительности и эгоизму и все, что заходило за предѣлы обыкновеннаго и ежедневнаго, было ему недоступно. До женитьбы, когда онъ старался плѣнить жену свою, онъ напустилъ на себя меланхолю, разыгралъ роль мечтателя и влюбленнаго очень недурно, а плѣнивши ее отказался отъ этой тягостной роли, какъ отъ маскараднаго платья. Мужъ и жена въ ту минуту, какъ мы знакомимся съ нимъ, насквозь знали другъ друга и ничто не было такъ ей противно; какъ его нѣжничаніе, особенно, когда онъ хотѣлъ услужить ей или понравиться.

— Не повѣришь, какъ я была больна, сказала она.

— Докторъ говорилъ мнѣ: это, душка, нервы....

— Вы такъ легко отзываетесь о нашихъ страданіяхъ....

— Я не могу говорить иначе, потому что мнѣ это тяжело.

Но, слава Богу, теперь все прошло; ты опять здорова, молода и хороша собою. Какіе глазки!...

— Да, отъ горячки.

— Ну, какъ же; въ нихъ блескъ жизни, и быть можетъ, любви и грусти....

Жена полковника почувствовала всю неприличность такой выходки и невольво смутилась и опустила глаза, будто пятнадцатилѣтняя дѣвушка. Мужъ обнялъ ее съ улыбкой хвата и поцѣловалъ ее.

— Только ты не хворай....

Обиѣнявшись парой пошлыхъ любезностей, полковникъ спросилъ у жены:

— Когда жъ мы поѣдемъ домой?

— Не знаю, мнѣ докторъ не позволяетъ еще выѣхать.

— Но этотъ дьяволъ — предсѣдатель ужъ прикатилъ сюда.

Жена полковника встала съ кресла, блѣдная и встревоженная.

— Предсѣдатель.... здѣсь.... Кто сказалъ тебѣ это?

— Я его видѣлъ... Сладокъ, какъ солодкового корень.... Онъ меня здѣсь и принялъ....

Полковница сѣла.

— А, пріѣхалъ, сказала она: — ты понимаешь, что намъ надо выѣхать.... Мы не можемъ жить съ нимъ подъ одной кровлей.

— Я не могу сказать, чтобы я обожалъ его, но вѣдь одинъ день можно прожить и съ нимъ, сказалъ Дельрио. Надо же показать ему, что мы его не боимся и не бѣжимъ отъ него.

Жена не отвѣчала ему и сидѣла спустивъ голову, задумчивая и печальная.

— Ну полно— разгони тучу, которую предсѣдатель привезъ съ собою.... не думай объ немъ.... посмотри лучше на меня своими пятнадцати-лѣтними глазами, которые проникаютъ меня насквозь.... Текла.... *chère ange*....

Напрасны были старанія полковника; жена его оставалась и встревоженная и сердитая. Анна пришла звать его завтракать и не мало обрадовала обоихъ супруговъ, разлучивъ ихъ. Каждый изъ нихъ былъ въ тягость другому.

Если къ этому легкому очерку жизни въ Карлигъ прибавить нѣсколько словъ объ Эмигѣ, то всякому будетъ понятно, какъ тяжела, скучна и томительна была жизнь въ этомъ роскошномъ замкѣ, гдѣ всё говорило о довольствѣ и повидимому о счастіи. Эмиль, глухоймшой отъ рожденія, былъ недурень собою и походилъ на сестру и брата; голубые глаза его не имѣли особеннаго выраженія, но они одни оживляли мертвенное лицо его и некогда не улыбавшіеся уста. Не смотря на нѣжныя заботы сестры, на ея попеченія, на помощь медицины, онъ остался въ двадцать лѣтъ ребенкомъ и мысль не освѣтила его душу, погруженную въ непробудный сонъ. Изъ всѣхъ окружавшихъ онъ лучше другихъ зналъ сестру, которая, едва вышедши изъ дѣтства, постоянно навѣщала его и ходила за нимъ; онъ пристально глядѣлъ на нее, и удерживалъ ее подлѣ себя, когда она намѣревалась выйти изъ комнаты. Часто не имѣя силы встать съ постели, онъ высказывалъ страданіе дикими криками, похожими на крикъ звѣря, отъ которыхъ содрогались всѣ его окружавшіе. Лѣтомъ онъ выходилъ въ садъ, лежалъ на лугу, смотрѣлъ безсмысленно вверхъ и наслаждался бессознательно солнцемъ, зеленью и теплымъ воздухомъ. Такихъ образомъ всѣ, кромѣ быть можетъ Анны, чувствовали въ Карлигѣ тягость жизни и несли эту тягость съ большей или меньшей усталостью. Юліанъ особенно сознавалъ мучительную тоску, которая одолеваетъ безсильнаго человѣка, не имѣющаго ни цѣли передъ собою, ни даже серьезныхъ занятій. Онъ не имѣлъ пріятелей, не имѣлъ и разсвѣнія; не мудрено, что посреди тоски и праздности, безцѣльной жизни, Алексѣй былъ для него драгоценной находкой и онъ схватился за него съ эгоистической страстію,

лица въ немъ спасенія отъ скуки, развлеченія отъ монотонной жизни, повѣреннаго дѣя всѣхъ чувствъ своихъ, самыхъ тайныхъ, о которыхъ, какъ мы увидимъ, онъ не смѣлъ и не могъ говорить Аннѣ. Лишь только онъ нашелъ свободную минуту по отъѣздѣ дяди, какъ отправился къ Алексѣю и засталъ у него цѣлый полкъ деревенскихъ оригиналовъ, которые поспѣшили собѣжаться въ гости къ Алексѣю, лишь только увидѣли у его бѣднаго домика экипажъ богатаго и знатнаго сосѣда. Между ними былъ одинъ оригиналъ, старикъ, одѣтый въ простой сѣрый мужицкій армякъ и обутый въ лапти. Онъ былъ огромнаго росту, съ жилистыми, заскорузлыми, но еще прекрасными по формѣ руками, величаваго вида, съ окладистой сѣдой бородой. Прекрасныя черты лица его выражали невозмутимое спокойствіе и ясность: морщины, загорѣлаго отъ непогоды и солнца лица, не уничтожили врожденнаго благородства и чего-то особенно внушающаго уваженіе, такъ что взглядъ, остановившись на немъ, не могъ больше оторваться отъ этой почтенной наружности. Алексѣй познакомилъ съ нимъ Юліана; это былъ графъ Мартынъ Юноша.

— Я люблю молодежь, сказалъ графъ Юліану—вы кажется, не слышали моего имени, а я хорошо зналъ отца вашего. Онъ былъ женатъ на Теклѣ Гельминской. А! А! старые годы! Мы были вмѣстѣ въ Парижѣ, во Флоренціи, на берегахъ Рейна....

— Признаюсь, что я въ первый разъ слышу ваше имя, графъ.

— А! вамъ кажется это дико. Поживши, не разъ случится вамъ видѣть чудныя вещи; увидите—и барина въ сермягѣ и мужика въ бархатѣ. *Ludit in arbe Deus...* Пожито, лѣтъ много потрачено, и дошло дѣло до мужицкаго кафтана.... не отъ нужды; могъ бы и я глядѣть бариномъ— а изъ доброй воли.... Вотъ что я долженъ поразказать вамъ, чтобы вы не таращили глазъ на мою сермягу и лапти. Знаете Переверты? Тамъ тысячу душъ— я отдалъ ихъ моей дочери, Маруси. Она ходитъ въ брильянтахъ, а отецъ ея въ сѣрмягѣ. Она дочь почтительная и не допустила бы меня до этого, еслибъ не моя охота, не моя воля.... Мнѣ такъ лучше. Много, много пережито и вотъ я пришелъ къ убѣжденію, что лучшая жизнь есть жизнь простая, то есть, какъ можно менѣе потребностей, какъ можно больше свободы, поменьше знакомыхъ и никакпхъ привычекъ. Съ молодю, и моя голова закружилась. Послѣ родителей остался я съ нѣсколькими милліонами, знатнымъ именемъ, и пламеннымъ характеромъ; очертя голову, бросился я въ свѣтъ. Вездѣ, за-границей и дома, было въ волю жизни, вездѣ я ее черпалъ до дна; и въ обществѣ мо-

лодыхъ женщинъ и при пгорныхъ столахъ, я упивался ею. Когда мнѣ становилось скучно я бросался въ другую сторону, оппбался, мучился, бился и наконецъ опомнился. Опытъ научилъ меня, что всё мы надломлены; намъ кажется что гдѣ-то, тамъ— можетъ быть лучше, что цвѣтъ платья и вкусъ ѣды составляютъ счастье и спокойствіе, а всё это суцная ложь. Люди, прости имъ Боже, всё до одного вылѣплены изъ одной глины; жпзнь вездѣ одинакова, но наиболѣе безопасна тамъ, гдѣ наименьше потребности и наименѣе возможности паденія. Добровольно захотѣлъ я испробовать на себѣ, послѣ жпзни самой утонченной, жизнь самую простую и мнѣ стало такъ хорошо, что пнаго ничего я не желаю. Живу въ пзбѣ, въ лѣсу, прѣстая баба готовить мнѣ ѣсть, хожу на охоту, курю трубку и отвыкъ отъ всего, безъ чего человекъ можетъ обойтись, отвыкъ даже отъ гостинной, въ которой растратилъ я полжпзни и по правдѣ сказать, мнѣ теперь лучше живется.

— И вамъ ничего не стоило измѣнить вдругъ всю жизнь свою, сказать Юліанъ.

— Стоило, конечно — но зачѣмъ же намъ данъ разумъ? Я бы въ барскихъ хоромахъ замучилъ себя на смерть, силы мои истощались бы, глупыя мысли сновали бы въ головѣ; я едва, едва не женился во второй разъ. Хворалъ, старѣлся, и поэтому прочь халать и пуховики! въ работу! въ лишенія! въ трудъ въ пѣть лица. Сначала было тяжело; изнѣженное тѣло требовало пуховиковъ, просило то того, то этого. Я посадилъ его на хлѣбъ и па воду, па молоко и галушки. Не долго длилось перерожденіе — но я передѣлалъ себя и теперь доволенъ.

— Это все ничего еще не значитъ — но уже ли вы не скучаете безъ общества?

— Объ этомъ долго разговаривать. Отъ книгъ я не отказался, дочь вижу каждый день, я не отказался и отъ того, что я знаю и что приобрѣлъ втеченіе жизни. Но повѣрьте мнѣ, что въ соприкосновеніи съ простымъ народомъ, точно также какъ въ соприкосновеніи съ природой, я приобрѣлъ много. Это меня освѣжило. Мы понимаемъ и знаемъ гораздо больше чѣмъ простой народъ, потому что наша мысль вращается больше въ умственной сферѣ; но... это но огромная вещь. Мы разорвали связь съ природой и съ народомъ и замкнулись въ тѣсныхъ предѣлахъ, въ которыхъ не болѣе ста тысячъ человекъ развиваютъ всё новыя и новыя варіаціи на одну и ту же тему. Мы не смотримъ въ вѣковую книгу природы, въ живой народъ, твореніе

Бога, не черпаемъ (знаній) изъ преданій—мы всему учимся изъ книгъ. Книжки тоже пишемъ по книгамъ; изъ нихъ мы узнали, черезъ нихъ честны, и, высосавъ изъ нихъ все, пьемъ седьмую воду на кисель. Иисусъ Христосъ и апостолы не были вовсе люди книжные, и однакожь обновили міръ. Будьте увѣрены, что если придетъ новая эра, то возрожденіе наше не произойдетъ отъ безумной библии мормоновъ, не отъ печатныхъ теорій, не отъ философскихъ трактатовъ, но отъ живаго слова. Народъ не знакомъ съ наукой, но смотритъ, чувствуетъ, обладаетъ опытомъ и въ чистотѣ сохраняетъ свою человѣческую натуру. Между тѣмъ какъ мы, по большей части, искусственные, картонные люди. Въ насъ, людяхъ образованныхъ, грубость народныхъ нравовъ, напивость языка, простота мысли, вызываетъ только — презрѣніе — однакожь во всемъ этомъ гораздо больше жизни и истины, нежели въ насъ самихъ. Придетъ время когда до сотни книгъ придется сжечь и довольствоваться тѣмъ, что останется.

Старикъ замолчалъ.

— Вы должны были, сказалъ Юліанъ, принять меня, по платью и лицу, за ревностнаго послѣдователя свѣтской жизни, и однако ошиблись; я только не имѣю силы сдѣлаться инымъ, но вижу хорошо и ясно свое положеніе.

— Ну — и дойдешь до сѣрмяги.

Послѣ этого разговора, Юліанъ пригласилъ къ себѣ графа Мартына, который отказался говоря, что разорвалъ всякую связь съ свѣтомъ — что его забыли тамъ, также какъ и онъ самъ забылъ всѣ старыя связи свои.

Графъ потихоньку ушелъ, а Юліанъ, посмѣявшись въ душѣ надъ собраніемъ деревенскихъ оригиналовъ, провелъ цѣлый вечеръ у Алексѣя и уѣзжая взялъ съ него слово, что онъ придетъ въ Карлпнтъ.

— Вотъ мое слово, если ты непременно хочешь этого, сказалъ Алексѣй, только смотри, чтобы у тебя я самъ не разыгралъ той смѣшной роли, которую разыграли здѣсь передъ тобою мои гости. Итакъ до свиданія.

Предсѣдателю не возможно было усидѣть у себя, зная что жена полковника всё гоститъ у дѣтей; онъ опять возвратился въ Карлпнтъ и его пріѣздъ смутилъ всю семью. Анна особенно старалась уладить свиданіе своей матери и опекуна, каждое

слово котораго пыталась смягчить или объяснить иначе. Не смотря однако на всё ея успія, семейныя собранія въ гостинной приняли характеръ холодный и принужденный; было ясно, что натаянность подобныхъ бесѣдъ невыносима и что всёхъ тяготило что-то — всёхъ, исключая самого предсѣдателя. Онъ одинъ былъ неутомимъ — его намеки, остроты, колкости, возбуждали или гнѣвъ или слезы во всёхъ другихъ членахъ семейства и, покидая гостинную, каждый чувствовалъ себя растроенымъ, смущеннымъ или раздосадованнымъ. Описывая семью Карлинскихъ, намъ надо познакомиться еще съ однимъ изъ лицъ его. Въ самый годъ рожденія Анны, управитель одного изъ имѣній Карлинскихъ женился на гардеробянкѣ матери Анны; вскорѣ у нихъ родилась дочь, и потомъ осталась круглой сиротою. Карлинскіе взяли дѣвочку, которая вскорѣ изъ гардеробной перешла въ гостинную и сдѣлалась неразлучною подругой Анны. Она была одарена отъ природы блестящими способностями и быть можетъ больше Анны воспользовалась воспитаніемъ ей предоставленнымъ. Она называлась Аполлинаріей, а въ семейномъ кругу ее привыкли звать уменьшительнымъ именемъ Поля. Поля была крошка ростомъ, съ бѣлокуро-золотистымъ цвѣтомъ волосъ, съ голубыми небеснаго цвѣта глазами, съ круглымъ, свѣжимъ, подвижнымъ личикомъ; и притомъ такъ жива, мила и граціозна, что на нее нельзя было не засмотрѣться. Ея ножка, ручка, талія, были пропорціональны и красивы, и вся ея маленькая особа была полна привлекательной чарующей прелести. Живость Поля умѣрляла меланхолическое настроеніе Анны; въ Поля жизнь была ключемъ; она вздыхала по свѣтѣ, котораго не видала и не знала, томилась жаждою чувства, желаніемъ борьбы, бою, драмы и рвалась изъ того уголка, гдѣ жила до-сихъ-поръ. Она была совершеннымъ контрастомъ Анны, жизнь которой замкнулась въ одномъ Карлинѣ, за предѣлы котораго она даже и мыслью никогда не уносилась. Анна привыкла думать, что вся будущность ея заключается въ жизни въ Карлинѣ, въ исполненіи обязанностей относительно братьевъ, и особенно въ уходѣ за больнымъ и несчастнымъ Эмилемъ.

Возвратившись изъ университета, Юліанъ засталъ Полю взрослой и красивой дѣвушкой и разумѣется влюбился въ нее безъ памяти. Да и могло ли случиться иначе, при уединенной жизни въ Карлинѣ, безъ опредѣленныхъ занятій, безъ труда, безъ цѣли. Юліанъ былъ однако человѣкъ честный и зная, что ему нельзя жениться на ней, старался если не задуть свое

къ ней чувство, то по крайней мѣрѣ хранить его въ тайнѣ отъ всѣхъ и отъ ней самой. Чувство его росло однако помимо его воли и дошло наконецъ до страшнаго безумія, граничащаго съ отчаяніемъ. Поля не сознавала какого именно свойства было чувство Юліана къ ней; она не заглядывала и въ глубину собственнаго сердца, а если ей иногда приходило на мысль, что это чувство любовь, она едва, едва не предавалась радости, что этотъ званый не разъ ею гость, эта любовь наконецъ посѣтила и ее. Не разъ, съ бьющимся сердцемъ, смѣясь сквозь слезы, она спрашивала сама у себя: чтобы это было такое? и отвѣчала сама себѣ: Ну чтожъ? полюбить и потомъ умереть. Ужели этого мало? Изъ чего же складывается жизнь, какъ не изъ любви и слезъ? Счастье не состоитъ ли въ томъ, чтобы быть несчастной именно такимъ образомъ? Чего же еще можно надѣяться? Поля была безумная дѣвушка.

Анна въ простотѣ души ни о чемъ не догадывалась; она смѣялась надъ подругой и ея пламенными мечтами; она старалась усмирить эти пылкія волненія, умѣрить порывы ея веселости или печали, и не видѣла въ этомъ никакой опасности; въ ней самой, сосредоточенной, незнакомой съ страстными желаніями и влеченіями, сердце спало глубокимъ сномъ, какъ дитя въ колыбели. Она была женщина, отдававшаяся вполне семейству, и, какъ сестра милосердія, служила другимъ, забывая о себѣ. Любовь по ея мнѣнію, была ребячествомъ, игрушкой, чѣмъ-то слишкомъ земнымъ и низкимъ, чтобы можно было растратить на нее сокровища души и сердца. Когда Поля говорила съ ней о любви, она выговаривала ей, какъ выговариваютъ ребенку, который лезтъ по деревьямъ, не видя особенной вины въ этой шалости, не предчувствуя опасности, которой онъ можетъ подвергнуться.

Алексѣй равно любовался обѣими дѣвушками, но уже мы сказали, что первый взглядъ Алексѣя на идеальную Анну не былъ равнодушенъ. Во второе посѣщеніе это первое впечатлѣніе только удвоилось, да и сама Анна всматривалась въ Алексѣя съ большимъ любопытствомъ, возбужденнымъ похвалами брата. Поля съ своей стороны сизилась отгадать, что кроется подъ этой простой наружностью, подъ этой простой деревенской одеждой, совершенно чуждой моды. Анна говорила съ Алексѣемъ съ обыкновенною ей вѣжливостію и нѣкоторою ей свойственною важностію, смѣшанной съ простодушіемъ и добротою, — Поля же напротивъ насмѣшливо шутила, отпускала колкости, что въ ней было несомнѣннымъ признакамъ раждающейся симпатіи. Предсѣдатель

рѣшилъ сразу, что Алексѣй человѣкъ необразованный и грубый, какъ всякій простолюдинъ; что касается до полковника, то онъ, судя людей по положенію и состоянію, не почелъ за благо обратить на него свое вниманіе. Сначала разговоръ оказался почти невозможнымъ; міръ Карлинскихъ былъ чуждъ Алексѣю, а занятія его и его жизнь были не понятны и не интересны для Карлинскихъ. Наконецъ Полкъ удалось заинтересовать его и онъ разговорился съ двумя молодыми дѣвушками; рѣчь шла о деревнѣ и городѣ и Алексѣй высказалъ нѣсколько оригинальныхъ мыслей, которыя могли дать понятіе о его взглядѣ и складѣ ума.

Предсѣдатель прислушивался издали къ разговору и, наконецъ, отведя въ сторону племянника, спросилъ его, показывая на Алексѣя.

— Кто это?

— Это мой университетскій товарищъ, небогатый дворянинъ.

— Не мудрено отгадать это.... вотъ чудакъ-то! Зачѣмъ онъ здѣсь?

— Я просилъ его пріѣхать къ намъ. Онъ живетъ подлѣ самаго Карлина и, благодаря какой-то дикости и чудачеству, не хотѣлъ до-сихъ-поръ заглянуть ко мнѣ....

— Я вижу, что онъ благоразуменъ.

— Я встрѣтился съ нимъ случайно и почти насильно заставилъ его сюда пріѣхать.

— А зачѣмъ?

— Милый дядя — въ мои лѣта дружба необходима.

— Бѣдный дворянинъ? спросилъ опять предсѣдатель медленно.

— Дворянинъ, отвѣчалъ улыбаясь Юліанъ, и отличный человѣкъ.

Предсѣдатель покачалъ головою.

— Допуская его въ свой домъ, — пораздумай-ка впередъ о томъ, что дѣлаешь.

— Но я его знаю и люблю, дядя.

Предсѣдатель не отвѣчалъ ни слова.

— Онъ мнѣ необходимъ — я не имѣю здѣсь ни души, съ кѣмъ бы могъ вымолвить слово, кому бы могъ открыться.

— А я? спросилъ дядя съ чувствомъ.

— Милый дядя.... какъ мы можемъ вполнѣ понять другъ друга, когда наши лѣта такъ различны.

— Правда, молодому надо молодого. Но эта мелкопомѣстная голь... у тебя въ домѣ сестра и Поля, этотъ горячій уголь.

Юліанъ понялъ, но не отвѣчалъ ни слова.

— Повторяю тебѣ, подумай прежде чѣмъ завяжешь съ нпмъ тѣсныя отношенія.

— Да вы сами его полюбите, когда узнаете его короче, сказалъ Юліанъ, я въ этомъ увѣренъ....

И Юліанъ, оставивъ дядю, отправился къ разговаривающимъ. Алексѣй уже овладѣлъ и собою и разговоромъ; гордость его возвратилась къ нему, и чувство собственнаго достоинства одержало верхъ надъ застѣчивостью и замѣшательствомъ. Вечеръ прошелъ незамѣтно для всѣхъ, и когда всѣ стали расходиться, Юліанъ принялся уговаривать Алексѣя остаться ночевать въ Карлигѣ и провести тамъ слѣдующій день, который былъ воскресенье.

— Я не имѣлъ минуты, и не видалъ тебя съ глазу на глазъ, сказалъ Юліанъ, останься, прошу тебя.

— Это невозможно — что скажешь на это моя мать?

Всѣ присутствующіе присоединили свою просьбу къ юліановой и Анна замолвила свое словечко, которое порѣшило дѣло. Алексѣй остался.

На другой день вечеромъ Юліану удалось наконецъ поговорить съ Алексѣемъ совершенно откровенно, когда поздно вечеромъ они остались съ глазу на глазъ.

— Ну какъ тебѣ здѣсь показалось? спросилъ Юліанъ у Алексѣя.

— Вы счастливы, отвѣчалъ онъ ему.

— А! и тебя ослѣпили вѣншіи блескъ. Послушай, ты видѣлъ какъ мы въ гостинной живо разговаривали между собою, сердечно обнимали другъ друга..... Мать наша, которая должна была показаться тебѣ и прекрасной и счастливой, обречена на вѣчную печаль.... она искала счастья и наняла одинъ обманъ... Дельрію пожалуй и добръ для нея, но понять и оцѣнить ее онъ не въ состояніи... Какъ мать, она тоже не счастлива: — она потеряла дѣтей, потому что дядя ненавидитъ ее, а онъ опекунъ нашъ. Анна, это ангелъ, принесшій себя въ жертву; Эмиль не можетъ обойтись безъ ней, да и я тоже. Анна отказалась для насъ отъ собственнаго счастья. Печально смотрѣть на все это, но еще печальнѣе жить посреди этого. Къ довершенію всего, скажу тебѣ, что я долженъ жениться на богатой дѣвушкѣ для поддержанія имени Карлижскихъ, для спокойствія

Эмилія и для избавленія Анны — я тоже долженъ пожертвовать собою.... а я безумно влюбленъ, и влюбленъ безнадежно.

— Не говори въ кого, прервалъ его Алексѣй, я ужъ знаю это, — я догадался!

— Ты! Но какъ же это? Неужели это такъ бросается въ глаза, воскликнулъ Юліанъ.

— Можетъ быть и нѣтъ, но дружба проникательна.

— Тише! Молчи, ради Бога, и лучше дай мнѣ совѣтъ.

— Для этого надо имѣть опытность, а я ее не имѣю; я никогда не любилъ — и никогда любить не буду, договорилъ Алексѣй печально.

— Не думай, чтобы мое чувство было похоже на желаніе завести пустую интригу.... между мной и ею нѣтъ никакихъ отношеній, кромѣ дружескихъ; я никогда не сказалъ ей, никогда не намекнулъ ей на то чувство, которое я къ ней имѣю... я не знаю любить ли она меня; эта любовь не имѣетъ и не можетъ имѣть будущности, и однако она такъ велика, такъ страстна, что бываютъ минуты, когда я забываюсь и кажется такъ бы унесъ ее, умеръ бы вмѣстѣ съ ней, если не могу жить съ ней. Юліанъ былъ взволнованъ; глаза его, полные слезъ, горѣли и руки его дрожали; все лицо его дышало экзальтаціей.

— Не забудь, прибавилъ онъ съ горькой усмѣшкой, что не смотря на то, что Поля подруга Анны и ея первый другъ, она все-таки дочь экономки и управителя, что она спрота безъ имени и родства; мнѣ невозможно жениться на ней, а любить ее грѣхъ, позоръ и безчестье.

— Ты требуешь моего совѣта — слушай: вамъ надо растаться, и уничтожить въ себѣ чувство, которому не слѣдовало бы родиться. Вотъ одинъ совѣтъ — другаго дать не умѣю, не могу.

— Есть ли у тебя сердце? знаешь ли ты что такое любовь? воскликнулъ Юліанъ. Передо мной нѣтъ будущности, передо мной только тяжкія цѣпи самопожертвованія; ужели владѣя одной только минутой счастья мнѣ надо добровольно отречься отъ ней? Это сверхъ силъ моихъ. Я хочу только глядѣть на нее, слушать ее веселый смѣхъ, ея дѣтскую болтовню, любоваться на ея дѣтскія выходки....

— Не говори больше объ этомъ, ты только волнуешься, еще болѣе разстраиваешь себя. Счастье мечта, въ дѣйствительности есть только трудъ и терпѣніе; готовь себя на борьбу съ жизнью, а не мечтай о наслажденіяхъ. Если хочешь спокойствія,

ищи его на другой дорогѣ. Либо уѣзжай самъ, либо удали ее изъ дому.

— Такъ у тебя нѣтъ для меня слова утѣшенія и надежды? Зачѣмъ я не одинъ изъ тѣхъ холодныхъ людей, которые прежде всего думаютъ о себѣ, и легко приносятъ другихъ себѣ въ жертву; чего было бы легче, какъ поймать минуту счастья, хотя бы и пришлось послѣ облитъ слезами.

— А упреки совѣсти? Впрочемъ ты не знаешь любить ли она тебя?

— Любить ли она меня? Да, я не знаю этого; она мнѣ этого не сказала — но ея взглядъ, ея улыбка и тысяча другихъ примѣтъ заставляютъ меня думать, что она также несчастлива какъ и я, съ тою только разницею, что она вызываетъ опасность и летитъ ей на встрѣчу.... не подозрѣвая ее. Она притягиваетъ меня къ себѣ, зная очень хорошо, что еслибы я отдалъ ей сердце, то она сама не позволила бы мнѣ отдать ей руки моей. Она странное созданіе. Чѣмъ больше я ее избѣгаю, тѣмъ больше она ищетъ меня, льнетъ ко мнѣ съ наивностію дитяти. Это неслыханная мука.

— Надо бѣжать отъ ней — бѣжать.

— Не разъ, продолжалъ Юліанъ, будто онъ не слышалъ послѣднихъ словъ Алексѣя: — не разъ, среди пустаго обыкновеннаго разговора, она вдругъ говорила мнѣ такія слова, которыя жгли меня и волновали въ продолженіе долгихъ часовъ. Она готова на всѣ жертвы, лишь бы узнать, испытать это великое чувство. Что мнѣ дѣлать? Какъ мнѣ устоять противъ себя и противъ ней?

— Я тебя слушаю и не понимаю — не понимаю васъ обоихъ. Эта любовь ваша мнѣ непомята. Чего она хочетъ? Зачѣмъ гониться? чего добивается? Разочарованія, охлажденія.... Любовь, какъ я ее понимаю, живетъ въ высшихъ сферахъ духа. Вы вмѣстѣ, никто вамъ не мѣшаетъ любить другъ друга, лелѣять въ сердцѣ святой огонь любви, и жить цѣлые годы чувствомъ, которое бы, можетъ статься, замерло и угасло въ обыкновенномъ союзѣ.

— Это поэзія — человѣкъ созданъ иначе. Твоя любовь — это Беатриче Данта, которая ведетъ его въ поднебесные міры — въ человѣкъ не одна душа, онъ не можетъ раздѣлить чувства на двѣ равныя части, и одну изъ нихъ затереть въ себѣ. Я люблю ее и душою, и сердцемъ, и кровью; люблю ее съ головы до ногъ, какъ Богъ сотворилъ ее.

— Бѣднякъ — такъ готовъ же себя на мученія и обманъ...
 Пріятели замолчали и разошлись.

На другой день въ Карлинѣ съѣхалась вся знать, жившая въ томъ округѣ, и Алексѣя надо было представлять каждому посѣтителю. Это были и молодые и пожилые люди, большею частію праздные, занятые парижскими модами, Доллюю Монтесть, о которой тогда много говорили, словомъ люди пустые, свѣтскіе: многіе изъ нихъ путешествовали, но привезли въ отечество одну любовь къ Парижу и одно желаніе туда возвратиться. Другіе были игроки, страстные любители лошадей или поединковъ, при которыхъ были секундантамъ безчисленное число разъ. Изъ женщинъ выдавалась пожилыхъ лѣтъ дама, преисполненная чувства собственнаго достоинства, потому что принадлежала къ одной изъ самыхъ извѣстныхъ фамилій; она была мать взрослыхъ дочерей и сыновъ, воспитаніемъ которыхъ гордилась, ибо и тѣ и другіе были свѣтскіе люди, съ утонченными и изнѣженными вкусами. Сыновья жили дома въ совершенной правдности и могли назваться вполне свѣтскими людьми, что больше всего радовало ихъ счастливую мать. Она воображала, что чрезъ это ихъ будущность совершенно устроена и счастье жизни упрочено. Другая была вдова, погрязшая въ дѣлахъ по управленію имѣніемъ и веденію процессовъ — она только и говорила, что о просьбахъ, резолюціяхъ, аппеляціяхъ, и всё бѣжало отъ ней какъ отъ чумы. Третья была кокетка, все занятіе которой состояло въ томъ, чтобы одѣваться къ лицу, плѣнять собою мужчинъ, а искусство въ томъ, чтобы избѣгнуть всякой огласки и не попасться наконецъ въ какую-нибудь неблагоприятную исторію, чего она впрочемъ благополучно избѣжала.

Алексѣй чувствовалъ себя стѣсненнымъ въ этомъ пустомъ, но чинномъ, важномъ и полномъ чувства своего превосходства обществѣ. Правда, изящная форма маскировала пустоту содержания: всё они несли голову такъ гордо, выступила такъ важно, говорили такъ съ высока, что надо было думать съ перваго взгляда, что они сознаютъ все свое надъ другими смертными превосходство. Это превосходство состояло только изъ состоянія и имени — ни о чемъ другомъ не могло быть и рѣчи, и Алексѣй не скоро отыскалъ эту ахиллову пяту, потому что блестящая форма, изысканно вѣжливые приемы и изящная одежда общества ослѣпили его сначала. Словомъ здѣсь собрались всё типы, представлявшіе современную аристократію, фондъ которой составляютъ блѣдные и истертыя лица. Ничто не могло взвол-

новать или воспламенить застывшія сердца этихъ людей, и эгоизмъ, соединенный съ цинизмомъ, былъ плохо прикрытъ прекрасной формой. Ледяная холодность была первымъ условіемъ этого общества и считалась за доказательство ума, а въ самомъ дѣлѣ изобличала только изнуреніе и сухость сердца. Иабѣгая новыхъ знакомствъ, Алексѣй сѣлъ въ уголь и разсматривалъ общество, какъ вдругъ услышалъ подлѣ себя шелестъ платья и увидѣлъ улыбающееся лицо Поля.

— Для чего вы сѣли въ уголь, зачѣмъ не хотите сблизиться съ обществомъ, спросила она Алексѣя.

— Я здѣсь чужой....

— И вы не хотите узнать этого общества. Ужели его вѣщность такъ поразила васъ?

— Скажите лучше, испугала меня.

— Въ самомъ дѣлѣ; а меня такъ они больше смѣшать чѣмъ пугаютъ.

— Но, для васъ этотъ свѣтъ не чужой?

— Вы ошибаетесь, отвѣчала ему Поля съ особенной живостью: — это не мой свѣтъ, хотя я въ немъ воспитана и выросла — вѣдь я сирота и у меня нѣтъ родныхъ — сперва я помимо воли думала, что нахожусь въ своемъ обществѣ. Но нѣтъ — какой-то инстинктъ влечетъ мою мысль куда-то въ иное мѣсто. Вѣрите ли, что глядя на Жербы, я завидовала этимъ старымъ домикамъ посредн густыхъ липъ, завидовала жизни въ этихъ домахъ, крытыхъ соломой.

Поля улыбалась сквозь слезы; она обладала способностію плакать и смѣяться въ одно и тоже время.

— Я подошла къ вамъ потому, что здѣсь только мы двое чужіе и пришельцы... мы обязаны поддерживать другъ друга... нечего лгать и притворяться не тѣмъ, чѣмъ мы есть на самомъ дѣлѣ. Юліанъ говорилъ вамъ обо мнѣ, прибавила она смѣло глядя въ глаза его.

Алексѣй сказалъ, что нѣтъ, и смутился; Поля поняла, что онъ опять солгалъ и круто переимѣнивъ разговоръ, спросила у него, какъ нравятся ему Анна. Алексѣй смутился еще болѣе, но Поля была рѣшительна и смѣла, и замѣтила Алексѣю, что отъ нее не укрылось, что онъ не можетъ отвести глазъ своихъ отъ ней. Она сказала, что Анна существо вышнее, ангелъ во плоти; Алексѣй отвѣчалъ, что и Юліанъ имѣетъ также рѣдкое сердце и рѣдкій умъ. Чередъ смутиться стоялъ за Полей, она встала и ушла, чувствуя, что Алексѣй владѣетъ ся тайной.

Между тѣмъ этотъ разговоръ и особенно смущеніе Поля встревожили Юліана; онъ напрасно распрашивалъ у Алексѣя о чемъ Поля говорила съ нимъ, и не добившись правды, отошелъ отъ него недовольный и смущенный.

Въ эту минуту Аннѣ подали письмо и подарокъ отъ дяди ея, Атаназія; это были четки изъ чернаго дерева, на концѣ которыхъ были превосходно выточенные изъ бѣлой слоновой кости крестъ, терновый вѣнецъ и мертвая голова.

Всѣ гости изъявили удивленіе и неудовольствіе; развѣ такія вещи дарятъ въ именины, повторяли всѣ. Одна Анна не удивилась, но обрадовалась, и на восклицаніе дяди отвѣчала кратко, что дядя Атаназій не могъ прислать ей лучшаго подарка.— Молитва, терпѣніе, примѣръ Христа и напоминаніе о смерти, неужели это вещи дурнаго предзнаменованія, сказала она.

Не желая смущать долѣе гостей своихъ, она вышла изъ комнаты. Поля подошла опять къ Алексѣю и сказала ему, что дядя Анны, Атаназій, такой чудакъ, съ которымъ стоитъ познакомиться поближе. Такъ какъ она закончила свою фразу восторженной похвалой Аннѣ, то Алексѣй въ свою очередь почувствовалъ особенное влеченіе къ Полѣ и понялъ, что ему есть теперь съ кѣмъ дѣлиться и мыслию и чувствомъ.

Въ первый разъ въ жизни Алексѣй уклонился отъ предназначенной дороги, поддавшись дружбѣ или силѣ впечатлѣнія, которое сдѣлала на него Анна. Не скажу, что онъ влюбился въ Анну, это слово недостаточно выразило бы рѣдкое необыкновенное чувство, овладѣвшее Алексѣемъ. Въ сердцѣ человѣческомъ есть тысяча отбѣнковъ привязанности, но его пробужденіе зависитъ отъ искры его воспламеняющей. Каждая женщина заставляетъ любить себя по своему и есть идеалы, которые несокрушимую силою духа могутъ увлечь въ неземную сферу даже самого матеріальнаго изъ людей. Люди любятъ сердцемъ и головою, тѣломъ и духомъ, любятъ смѣшеніемъ всего этого и въ различныхъ степеняхъ. Алексѣй испыталъ, увидѣвъ Анну, такое чувство, что его опредѣлить невозможно; въ немъ заключалось и удивленіе красотѣ, и очарованіе прелестями, и угадываніе ея души, и уваженіе къ ея преданности, и пониманіе ея внутренняго величія, всѣмъ тѣмъ, чѣмъ благородно она обладала въ высокой степени. Алексѣй забылъ о матери и о своихъ обязанно-

стяжъ, забылъ свою днкость и бѣдность; ему хотѣлось только подольше остаться въ Карлснѣ и наглядѣться на тотъ образъ, который долженъ былъ навѣки запечатлѣться въ душѣ его.

Только одни глаза замѣтили, что совершалась въ таинственной глубинѣ души этого человѣка — глаза Поля, которая благодаря необычайному инстинкту, угадывала людей и ихъ чувства.

Бѣдняга, думала она, онъ какъ и я обреченъ на неизлѣчимую болѣзнь.... Онъ можетъ любить горячо. А Анна? Душа Анны обнимаетъ весь мiръ, она любитъ всѣхъ людей, но такую любовь, какъ моя, она не пойметъ, и она не зародится въ ней никогда.

Размышляя такъ, Поля сѣла къ фортепянамъ и унеслась въ тотъ мiръ, гдѣ мысль выражается потокомъ звуковъ. Юліанъ глядѣлъ на нее, не спуская съ нее своихъ взоровъ; наконецъ глаза ихъ встрѣтились; оба они не замѣтили, что на нихъ смотрятъ другіе. Поля не опустила глазъ своихъ, Юліанъ не отвелъ ихъ отъ ней и они сказали другъ другу однимъ взглядомъ, все что сказать хотѣли. Поля задрожала и выбѣжала изъ комнаты. Вскорѣ за нею вышелъ и Юліанъ. Анна пошла за Полей, чтобы спросить у ней не больна ли она?

Предсѣдатель тоже хотѣлъ уйти за ними, но жена полковника попросила его остаться.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ у ней.

— Я бы хотѣла поговорить съ вами о моихъ дѣтяхъ, сказала она, не скрывая чего ей стоилъ разговоръ съ человѣкомъ ей ненавистнымъ: — мнѣ хочется обратить ваше вниманіе на одно обстоятельство, которое будто ускользнуло отъ васъ.

— Что такое? спросилъ нѣсколько удивленный предсѣдатель.

— Я всегда была противъ того, чтобы Анна привязывалась и дружилась съ дѣвочкой такого низкаго происхожденія, какъ Поля. Конечно для этого ангела Анюты не можетъ быть никакой опасности, но такая молодая и пылкая дѣвушка какъ Поля, опасна для Юліана. Онъ влюбленъ въ нее.

Предсѣдатель зналъ это также хорошо, какъ и жена полковника, но видя, что его предупреждали, онъ перемѣнилъ тактику и недовѣрчиво разсмѣялся.

— Онъ влюбленъ? вы видите больше чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ. Быть можетъ, она его забавляетъ, развлекаетъ... Да если бы онъ и влюбился, я не боюсь послѣдствій; онъ знаетъ свое

и ея положеніе и какая пропастъ раздѣляетъ ихъ. Я ужь напелъ ему жену.

Жена полковника покраснѣла при мысли, что судьбою ея сына распорядился другой безъ ея вѣдома.

— Вы не боитесь послѣдствій, потому что не хотите ихъ видѣть; онъ человѣкъ молодой, она его поймаетъ въ свои сѣти и пожалуй вообразитъ, что онъ на ней можетъ жениться.

Предсѣдатель опять засмѣялся.

— Вы принимаете все это слишкомъ горячо. Поля разсудительна и понимаетъ, что мы не допустили Юліана до такой женьтыбы. Ужъ довольно было мезальянсовъ въ нашемъ семействѣ, прибавилъ онъ съ особымъ выраженіемъ и вздохомъ.

Жена полковника вспыхнула отъ гнѣва, зная, что это было сказано прямо на ея счетъ.

— Будьте покойны, мы стоимъ на-сторожѣ, докончилъ предсѣдатель.

— Я сказала то, что должна была сказать, теперь дѣлайте, какъ хотите, отвѣчала жена полковника и, простившись церемонно съ предсѣдателемъ, вышла изъ комнаты.

На другой день Юліанъ по просьбѣ Алексѣя поѣхалъ съ нимъ въ Шуру, къ дядѣ его Атаназію. Панъ Атаназій былъ не безъ основанія признанъ всѣми за чудака. Въ молодости своей онъ объѣхалъ Европу, потомъ служилъ по волѣ отца въ военной службѣ, которую скоро, впрочемъ, оставилъ и, сдѣлавшись по смерти родителей независимымъ, удалился отъ свѣта и жлъ въ уединеніи. Онъ заперся въ своемъ имѣніи, читалъ, молился и размышлялъ; онъ не занимался хозяйствомъ и свысока смотрѣлъ на всѣ людскія заботы. Всѣ мысли его были направлены къ вѣчности, и будущей жъзни. Онъ былъ кротокъ и снисходителенъ, сострадателенъ, ждалъ смерти и не искалъ ничего въ людяхъ. Онъ любилъ родныхъ своихъ какъ и другихъ людей, но не спѣшилъ предлагать имъ свою помощь въ дѣлахъ житейскихъ, потому что считалъ это очень маловажнымъ. Въ Шурѣ съ нимъ жило нѣсколько лицъ, къ которымъ онъ привыкъ, но которыхъ особенно не любилъ. Рядомъ однако съ его религіозно мистическою вѣрою жла другая любовь и другая вѣра; онъ вѣрилъ въ особенное значеніе аристократіи на землѣ и плакалъ надъ ея упадкомъ. Изъ священнаго писанія онъ приво-

дать тексты въ подтвержденіе своихъ мыслей и уважалъ предковъ своихъ наравнѣ съ святыми. Упадокъ аристократіи онъ объяснялъ по своему, утверждая, что, отказавшись отъ своего предназначенія руководить народомъ для высшихъ цѣлей, она предалась матеріальнымъ наслажденіямъ, употребила дары Божіи не для другихъ, а для себя и тѣмъ подверглась гнѣву Божію — онъ наказалъ ее потерю силы, власти и вліянія. Все существованіе Карлинскаго было построено на двухъ основахъ — на вѣрѣ въ жизнь будущую и на уваженіи въ себѣ потомка людей, назначенныхъ провидѣніемъ для великихъ дѣяній.

Юліанъ старался приготовить Алексѣя къ знакомству съ чужакомъ дядей. Надъ всей Шурой господствовала только что не могильная тишина, когда оба пріятели въ нее вѣхали. Не встрѣтивъ въ домѣ ни души, они отправились къ капеляну, человѣку веселому и любезному, гдѣ повстрѣчались съ новыми лицами, съ старой экономкой дома, придерживавшейся во всемъ обычаевъ старины, и съ молодымъ оригиналомъ, о которомъ мы должны сказать нѣсколько словъ, такъ какъ онъ будетъ играть значительную роль въ этой повѣсти. Юстинъ Поддубенецъ былъ молодой человѣкъ, огромнаго росту, съ густыми усами и бакенбардами, съ черными глазами и замѣчательными чертами лица, которыя впрочемъ не отличались правильною красотой. Осанка его, не смотря на бѣдность одежды и деревенскій покрой ея, отличалась смѣлостью, независимостью и гордостью; приемы его были свободны — а бѣлые его руки показывали, что онъ не жилъ трудами ихъ, а имѣлъ возможность существовать независимо. Алексѣя познакомили съ Юстиномъ и всѣ они отправились въ домъ велѣдъ за экономкой, обѣщавшей завтракъ. Пока плп коле, слышалась тихая и важная походка, и вскорѣ на порогѣ показался худощавый мужичина, въ соломенной шляпѣ, съ сучковатою налкою въ рукахъ и большою книгой подъ мышкой.... Это былъ Атаназій Карлинскій. Представьте себѣ пуританина, вренъ религіозныхъ преобразованій въ Англїи, суроваго, съ блѣднымъ лицомъ, порою съ угасшими, порою съ горѣвшими аскетическимъ огнемъ глазами, съ лицомъ, на которомъ рѣзкими чертами изобразилась жизнь лишений, борьбы духа съ тѣломъ и пороабощеніе послѣдняго. Важность и величіе Атаназія вытекало изъ двухъ источниковъ: изъ набожности и родовой гордости, пробивавшейся даже и сквозь власяницу камчатогоя грѣшника. Углубленный въ себя, хозяинъ вошелъ въ залу и казалось никого не видѣлъ — но наконецъ опомнившись и замѣтивъ незна-

когда ему Алексѣя и нежданнаго Юліана, тихо снявъ съ головы шляпу и довольно холодно привѣтствовала всѣхъ. При появленіи его, капелянъ, который былъ въ отличномъ расположеніи духа, тотчасъ сдѣлался серьезенъ, эконожка стала держаться еще прямѣе, а Юліанъ, поцѣловавъ руку дядѣ, представилъ ему Алексѣя. Все это Атаназій принялъ холодно, сѣлъ на стулъ, и сложивъ руки, долго оставался безмолвнымъ, какъ-будто не могъ оторваться отъ вдругъ прерванныхъ мыслей.

— Радуюсь, что вижу тебя, милый Юліанъ, сказалъ онъ наконецъ: — ты часто приходишь мнѣ на память.... мнѣ надо много поговорить съ тобой.... я готовился къ этому, предчувствуя, что ты прійдешь; отдохни — я тебя скоро не выпущу отсюда. На мнѣ лежатъ въ отношеніи къ тебѣ строгія и суровыя обязанности.

Юліанъ покраснѣлъ; всѣ другіе почтительно молчали, видя, что старикъ опять погрузился въ думу. Вскорѣ онъ всталъ, взявъ свою шляпу и книгу и молча удалился въ свои покои. Когда онъ въ первый разъ послѣ этого минутнаго появленія своего въ гостинную увидѣлъ племянника, то спросилъ у него, кто былъ Алексѣй, лицо котораго ему понравилось, хотя онъ отгадалъ тотчасъ, что Алексѣй не принадлежалъ къ аристократіи. Юліанъ отвѣчалъ дяди, что Алексѣй другъ его, такой же дворянинъ, какъ и они.

— Какъ и мы? воскликнулъ съ удивленіемъ дядя Атаназій: — я вижу, что ты еще очень молодъ. Впрочемъ, если этотъ человѣкъ удостоился чести стать твоимъ другомъ, мнѣ довольно этого, чтобы считать его достойнымъ человѣкомъ. Я мало люблю людей, но иногда мнѣ бываетъ пріятно высказаться передъ ними, потому что затаенная внутри мысль рвется наружу....

Между тѣмъ Алексѣй и Юстинъ, оставшіеся вмѣстѣ, познакомились ближе и понравились другъ другу. Юстинъ былъ съ дѣтства взятъ Атаназіемъ на воспитаніе, учился въ университетѣ и даже былъ за-границей. Къ несчастію онъ не выбралъ себѣ никакого опредѣленнаго занятія, не предался никакому труду. Если бы онъ родился за тысячу лѣтъ, то былъ бы странствующимъ трубадуромъ; да и теперь онъ жилъ почти также. Онъ бродилъ по полямъ, лугамъ и лѣсамъ, плуталъ въ нихъ, думалъ, читалъ, писалъ, чуждался людей и не заботился о своей будущности. Онъ никогда не жаловался на судьбу и жизнь и приходилъ въ негодованіе, если вычитывалъ эту жалобу въ сочиненіяхъ поэтовъ: — «это не поэты, восклицалъ онъ,

они презирають міръ, но жаждутъ его благъ, топчуть золото, но страстно желаютъ его.... Поэтъ не можетъ завидовать никому, онъ такъ высоко стоитъ надъ всѣми, такъ далеко видитъ и все предчувствуетъ вѣщей душою....»

Вечеромъ, когда всѣ жители Шуры сошлись вмѣстѣ, не исключая и дяди Атаназія, онъ спросилъ у Юліана, что онъ думаетъ дѣлать и узнавъ, что Юліанъ занятъ семействомъ, хозяйствомъ и вообще матеріальнымъ устройствомъ жизни, выразилъ свое неудовольствіе и свой исключительный взглядъ на жизнь.

— Склонивъ свою голову передъ героями, твоими предками, сказалъ онъ Юліану, показывая на фамильные портреты: — Господь Богъ ничего не дастъ даромъ или для одной только забавы. Наши предки — это долгъ, который мы должны заплатить сыновьямъ нашимъ, это святое наслѣдіе; но кто изъ насъ понимаетъ свои обязанности такъ, какъ понимали ихъ въ старину? Никто! Мы идемъ къ погибелю и ослабленію. Все на свѣтѣ имѣетъ свое значеніе, ничто не существуетъ для пустой забавы; человѣческія учрежденія кажутся намъ такими съ мірской точки зрѣнія, зараженной матеріализмомъ, но перстъ Божій вездѣ. Посмотри, что стало съ Карлинскими? до чего снизились они! Они сдѣлались хозяевами, юристами, какими-то кулаками или людьми, которые жаждутъ однихъ наслажденій, потому еще болѣе унижутся они, обѣднѣють, сдѣлаются посмѣшищемъ и наконецъ исчезнутъ. Это станется не съ одними нами, а съ аристократіей цѣлаго свѣта. Подлѣ насъ нарождаются новые люди — сѣмя будущности; а мы старики за то, что забыли преданія и заповѣди Божіи, должны сойти съ мѣста борьбы, съ поля дѣйствія. Выслушай чѣмъ мы были; я не хочу своимъ рассказомъ возбудить въ тебѣ гордость — это чувство бѣсовское — я хочу только пристыдить тебя, изобразивъ тебѣ наше теперешнее униженіе.

И Атаназій Карлинскій, возведшій свой аристократизмъ въ мистическое ученіе, пустился въ длинный рассказъ о своихъ предкахъ. Одинъ изъ нихъ, Андрей Карлинскій, возбуждалъ особенное уваженіе Атаназія за свою мысль основать новый свѣтскій орденъ, подлѣ именовъ: «рыцарей терноваго вѣнца». Цѣль этого ордена должна была состоять въ томъ, чтобы трудиться для общаго блага, и не только самимъ исполнять обязанности предписываемыя ученіемъ Христа, но вездѣ и не обращая вниманія ни на что, указывать людямъ истинный путь, говорить правду, подавать собою примѣры самоотверженія, словомъ, обязаться

териѣтъ на землѣ, чтобы достигнуть еще на землѣ мира по слову Божию. Андрей поѣхалъ въ Римъ, въ надеждѣ, что папа утвердитъ статутъ новаго ордена, но статутъ этотъ встрѣтилъ много возраженій со стороны духовныхъ властей. Папа не рѣшился утвердить его — и Андрей Карлинской все еще хлопоталъ о своемъ дѣлѣ, когда смерть застигла его.

— Это былъ великій человѣкъ, воскликнулъ Атаназій. Глаза его раньше и лучше другихъ видѣли до чего мы должны были дойти. Онъ искалъ лѣкарство отъ этого грозившаго намъ недуга, и умеръ отъ отчаянія, что люди не хотятъ воспользоваться имъ. Въ настоящее время мы развратились и утратили чувство необходимости пожертвованія, которое нѣкогда свѣтило на людей какъ звѣзды и держало ихъ на вышинѣ нравственной.... Теперь время упадка. Что теперь занимаетъ свѣтъ? Чѣмъ онъ живетъ и дышетъ? Матеріальными усовершенствованіями, довольствомъ, увеличеніемъ состоянія, устройствомъ полного счастья на землѣ. Мы только и говоримъ, что о богатствѣ, заботимся объ изученіи экономіи, а то, что человѣка возвыщаетъ, мы отбросили. Духъ угасъ, всѣ забыли о существованіи души.... Стало пусто на свѣтѣ.... а въ тысячу разъ будетъ еще хуже.... наука Христова стала мертвымъ словомъ, духъ въ насъ замеръ; мы не вѣримъ, не желаемъ, ничего не понимаемъ кромя того, что можно ощупать.... Мы сыскали то, къ чему стремились — мы стали хладными трупами, прахомъ, ничтожествомъ!...

Голосъ Атаназія прервался — онъ умолкъ, опустилъ голову, потомъ еще разъ взглянулъ на портреты предковъ и неровнымъ шагомъ удалился въ свои покои. Юліанъ слушалъ молча и глаза его блуждали по портретамъ предковъ; лицо его говорило, что вполне понимая ихъ величіе, онъ не находилъ въ себѣ силъ сравниться съ ними.

Алексѣй поддался другому впечатлѣнію; онъ не могъ почувствовать тому, что говорилъ старикъ. Сынъ нашего времени, Алексѣй признавалъ себя равнымъ всѣмъ и никакъ не допускалъ превосходства породы; но важная фигура отшельника и мистическаго аскетика невольно возбуждала его уваженіе. Мы вообще любимъ людей мягкихъ, но необходима сила характера, чтобы пробудить въ насъ уваженіе; именно это чувство овладѣло Алексѣемъ. Юстинъ уже давно привыкъ къ эксцентричности Атаназія, но онъ смотрѣлъ на свѣтъ сквозь свою призму и на все съ точки зрѣнія поэзіи. Поэзію находилъ онъ въ избыткѣ въ этихъ разсказахъ о прошедшемъ, вполне принявъ отъ своего

воспитателя убѣжденіе, что все прахъ и суета, и питалъ совершенное пренебреженіе къ земной жизни. Отсюда его безпечность, беззаботность, жизнь со дня на день, безъ мысли о будущности, о богатствѣ, о положеніи.

— Неужели мы рѣшимся окончить эту прелестную ночь глупымъ сномъ, спросилъ Юстинъ у Алексѣя и Юліана.

— Мнѣ спать не хочется, отвѣчалъ Алексѣй, — рассказы эти увлекли меня... всѣ Карлинскіе у меня передъ глазами.

— А я вижу цѣлый божій непостижимый и прекрасный міръ передъ собою, сказалъ Юстинъ. — Пойдемъ въ садъ — шумъ деревъ и тишина природы лучше всего успокоитъ насъ. Если мы не поймемъ, то угадаемъ чувствомъ гармонию вселенной.

Юліанъ хотѣлъ встать и идти за пріятелями, но почувствовалъ такую слабость, что принужденъ былъ остаться, говоря, что онъ отдохнетъ и помечтаетъ. Несчастный потомокъ богатырей былъ слабъ тѣломъ, слабъ душою, слабъ сердцемъ и душою. Нѣжность и грація замѣнила въ немъ энергію и силу, которыми обладали когда-то его предки.

Ужъ совсѣмъ разсвѣло, когда благовѣсть разбудилъ Юліана и прервалъ разговоръ двухъ молодыхъ людей, ходившихъ по аллеямъ сада. Проведя всю ночь вдвоемъ, они сблизились какъ братья и возвратились въ домъ, гдѣ нашли пристыженнаго Юліана. Вскорѣ появился и Атаназій.

— Пойдите молиться, сказалъ онъ важнымъ тономъ, — единственное счастье человѣка въ молитвѣ; для меня это поэзія жизни....

Послѣ обѣди всѣ сошлись вокругъ стола, гдѣ стоялъ сытный завтракъ — одинъ Атаназій не подошелъ и не притронулся къ нему. Былъ постъ, а въ такіе дни онъ ѣлъ только хлѣбъ и пилъ воду. За то другіе, и болѣе всѣхъ капелянъ, уничтожали съѣстное.

— Я не дивлюсь, что вы не можете поститься; тѣло вапе, сказалъ Атаназій своимъ гостямъ, — привыкло къ нѣгѣ и прихотямъ; оно умерло бы, если бъ вы перестали поддерживать его пищею — вѣдь вы живете однимъ тѣломъ. Уже нѣсколько тысячъ лѣтъ у всѣхъ народовъ вы найдете учрежденіе поста, какъ вѣрнѣйшее средство къ свободѣ духа.... Не глядите же на меня — чудака; питался однимъ хлѣбомъ, я чувствую себя здоровѣе и сплнѣе, чѣмъ вы послѣ самыхъ питательныхъ кушаньевъ. Ну, что Анна? спросилъ онъ, обращаясь къ Юліану; — я не спрашиваю о ея здоровьи, а только о томъ, какъ она пьетъ.

свою чашу, какъ носить свой терновый вѣнецъ. Выражается ли на ея лицѣ ея самоотверженіе и милосердіе къ ближнимъ.

— Нѣтъ, сказалъ живо Юліанъ.

— Анна ангелъ, который не обращаетъ вниманія на свои израненныя ноги... Въ ней одной течетъ старая кровь наша; оттого я ей, а не тебѣ послалъ терновый вѣнецъ.... Я не виню тебя; ты не можешь быть инымъ; ты — живая правда божіихъ словъ, ты кара за грѣхи предковъ нашихъ. Ты знаешь добро, но не имѣешь силы на подвиги добра; водянистая кровь течетъ въ твоихъ жилахъ. Душа твоя рвется, но взлетѣть не можетъ.

Юліанъ былъ взволнованъ; старикъ обнялъ его.

— Да исполнится то, что написано въ неисповѣдимыхъ судьбахъ божіихъ; упадокъ предназначенъ намъ, ничто не отвратитъ приговора.

— Сомнѣваться въ Божіемъ милосердіи грѣшно, произнесъ капелянъ и Атаназій замолчалъ и покорился.

Между тѣмъ Юліану надо было возвратиться домой; экипажъ его былъ уже готовъ. Онъ сталъ прощаться съ дядей.

— Ужели вы не посѣтите насъ, дядя? спросилъ онъ у старика.

— А зачѣмъ, отвѣтилъ онъ, — что мнѣ у васъ дѣлать? Мнѣ здѣсь лучше; живые люди не поймутъ меня, и мнѣ будетъ тяжело видѣть вашъ свѣтъ. Мнѣ пришлось бы, какъ одному изъ нашихъ предковъ, учить и обличать, и надо мною стали бы смѣяться. Мнѣ здѣсь лучше; съ Богомъ и въ молитвѣ, я буду ждать наказанія за мои и чужіе грѣхи. Можетъ быть, я замолю за васъ и призову на свою сѣдую голову то, что могло бы сразить вашу. Быть можетъ, я испрошу для васъ милости Божіей.

Слезы показались на глазахъ Атаназія, и онъ прибавилъ:

— Поѣзжай; свези мое благословеніе Аннѣ и бѣдному Эмилию.... Миръ Христа да будетъ съ вами.

II.

Выѣхавъ изъ Шуры, Юліанъ и Алексѣй долго не вымолвили ни слова. Каждый изъ нихъ думалъ о старикѣ и, не раздѣляя его убѣжденій, старался, по крайней мѣрѣ, понять, какъ они сложились.

— Что ты думаешь о дядѣ? спросилъ наконецъ Юліанъ.

— Это человѣкъ необыкновенный.... Вѣра его въ предна-

значеніе фамицій не согласна съ моимъ убѣжденіемъ, но понятія его все же гораздо лучше понятій твоего дяди-предсѣдателя. На землѣ нельзя обойтись безъ превосходства однихъ натуръ надъ другими... аристократическая натура всегда видна въ гени. Уравнять человѣчество въ отношеніи ума, сердца и духа, значитъ наложить на него цѣпи, болѣе тяжкія чѣмъ тѣ, которыя оно носитъ на себѣ. Я также не понимаю исключеній ради древности рода, какъ не понимаю безумной и дикой мысли всеобщаго уравненія, котораго гени не терпятъ; оттого онъ всегда выбьется изъ общей колеи.

— Ты аристократъ больше, чѣмъ я, отвѣчалъ Юліанъ. — Для чего дядя хочетъ сдѣлать меня работъ промеднаго, хочетъ замучить меня жертвами ради моего имени, могилъ моихъ предковъ — и все это для какого-то величія, котораго я не желаю. За что онъ обрекаетъ меня на отреченіе отъ собственной воли, свободы дѣйствій и выбора рода жизни.

— А тебѣ хотѣлось бы только мечтать, отдыхать, наслаждаться.... Ты боишься всякаго труда!...

— Нѣтъ, но я сознаю до глубины души, что не способенъ трудиться. Виновать ли я, что не созданъ для труда. Я знаю, знаю, какое бы счастье я создалъ себѣ въ тихомъ и прекрасномъ гнѣздѣ моемъ. Поля бы играла и пѣла мнѣ; я глядѣлъ бы въ ея голубыя очи, цѣловалъ бы ее, наслаждался бы жизнью; деревья шумѣли бы надъ нами и невозмутимое спокойствіе окружало бы насъ.... Но надо мною тяготѣетъ неволя! Мнѣ запрещено любить тамъ, куда влечетъ меня сердце, я не могу жить такъ, какъ бы желалъ, для меня невозможно это желанное будущее; вездѣ препятствія.... Есть, однако, счастливыцы... ты первый! вотъ, если бъ я былъ на твоемъ мѣстѣ.

Алексѣй громко разсмѣялся, но въ его смѣхѣ выразалось сильное внутреннее волненіе.

— Я! Что жъ такого счастливаго ты нашелъ въ моемъ положеніи? Бѣдность! Развѣ я также не невольникъ моей матери и ея понятій о счастіи и обязанностяхъ? Развѣ я не принужденъ продать себя за свободу братьевъ? Я невольникъ моей доли и изъ ней не вижу исходу. Ты видишь въ моей участи только одинъ пунктъ — возможность жениться на Поли! Но послушай, другъ мой, мою теорію о справедливости Божіей. Все на землѣ такъ устроено, какъ быть слѣдуетъ; въ судьбахъ человѣчества исправлять нечего — все совершается по заслугамъ и закону необходимости. Количество счастія одинаково и бѣдняку нечего

завидовать богатому, а тебѣ нельзя завидовать мнѣ.... Вы аристократы осмѣиваете, презираете насъ за то, что мы не имѣемъ понятія о вашихъ обычаяхъ и изяществѣ....

— Охотно соглашаюсь, что это грѣшно, сказалъ Юліанъ.

— Нѣтъ, это только нелѣпо, возразилъ Алексѣй. — Всѣ вы похожи на древнихъ грековъ, которые всѣхъ, кромѣ себя, называли варварами, хотя подъ простотой варваровъ таилась жизнь болѣе могущественная, чѣмъ цивилизація грековъ. Вы держите себя слишкомъ высоко, а мы своими приемами съ вами укореваемъ въ васъ эту надменность. Отчего внѣшняя форма должна въ васъ однихъ говорить о внутреннихъ достоинствахъ и отчего глупый франтъ, болтающій по французски лучше мыслящаго человѣка, говорящаго просто и не одѣвающегося по модѣ.

— Согласенъ, сказалъ Юліанъ, — лишь бы только ты не заставлялъ меня любить твоихъ неуклюжихъ сосѣдей въ Жербахъ и отыскивать, подъ ихъ уродливыми сюртуками и куртками, высокія моральныя достоинства.

— Я всѣхъ ихъ гуртомъ жертвую тебѣ, сказалъ Алексѣй.

Въ эту минуту они подъѣзжали къ Карлину; Юліанъ взглянулъ изъ экипажа и увидѣлъ сестру и Полю, шедшихъ къ нимъ на встрѣчу. Послѣ первыхъ привѣтствій, распросовъ, сужденій о старикѣ дядѣ, къ которому Анна чувствовала необычайное почтеніе, Поля исключительно занялась Юліаномъ, а Анна Алексѣемъ. Она видимо сближалась съ нимъ; говорила съ нимъ откровенно и начинала понимать, какъ онъ уменъ и благороденъ. Она говорила о своемъ положеніи, о положеніи своей матери, Юліана и Эмilia, о своихъ къ нимъ чувствахъ и выразила мысль, что ей мнѣе страдать въ Карлинѣ, чѣмъ наслаждаться самою блестящею участью вдали отъ него и людей ей милыхъ.

— Вы созданы для самопожертвованій — въ нихъ заключается ваша жизнь и вы иначе понять ее не можете, сказалъ Алексѣй.

— Но развѣ можно сказать, что я жертвую собою, возразила Анна: — я такъ счастлива, мнѣ такъ хорошо, мнѣ такъ пріятно....

Между тѣмъ Поля и Юліанъ шли молча другъ подлѣ друга; они хотѣли казаться равнодушными и не могли, хотѣли говорить и не знали о чемъ; Поля то срывала цвѣты по дорогѣ, то разрывала паутину, висѣвшую на кустарникахъ; — тяжелое бремя давило грудь ея; Юліанъ еще меньше владѣлъ собою и могъ

говорить развѣ только о томъ, что горѣлъ желаніемъ ей высказать. Когда наконецъ разговоръ завязался между ними, и Юліанъ сказалъ Полю, что дядя цѣлую ночь рассказывалъ ему о родѣ Карлннскихъ и о ихъ значеніи и величіи, Поля быстро взглянула на него, какъ бы желая вычитать въ глазахъ его тайную мысль. Юліанъ посигъшилъ успокоить ее, говоря, что рѣчи дяди ппмало не возбудили въ немъ охоты подражать предкамъ; къ тому же онъ чувствовалъ, что Богъ сотворилъ его иначе, чѣмъ ихъ.

— Чѣмъ же Богъ сотворилъ васъ? лукаво спросила его Поля.

Юліанъ будто испугался такого прямаго вопроса.

— Онъ сотворилъ меня слабымъ и вялымъ эгоистомъ, сказалъ онъ.

Но Поля, какъ того и ожидать слѣдовало, ему не повѣрила, и была убѣждена, что онъ клевететь самъ на себя; но лишь только разговоръ принялъ оборотъ менѣе общій, какъ Анна подошла къ влюбленнымъ и замѣтила, что она не узнаетъ Полю, такъ она сдѣлалась печальной съ нѣкоторыхъ поръ. — Обыкновенно ты одна такъ бодрa, прибавила она, что приносишь намъ веселье и щебечешь въ нашей кѣткѣ. Когда мы всѣ печальны да и тебѣ самой хочется плакать, то ты и тогда улыбаешься. Ты одна обнаруживаешь силу воли.

— Оставь меня въ покоѣ, пожалуйста, а то я заплачусь, сказала Поля и, пересиливъ себя, принялась шутить и спросила о Юстинѣ, котораго звала своимъ обожателемъ.

Всѣ разсмѣялись, потому что всякой разъ, какъ Юстинъ приходилъ къ Карлннскимъ, Поля шутя преслѣдовала его признаніями въ любви, и хотя цѣнила молодаго поэта, но не могла удержаться отъ насмѣшекъ надъ нимъ. Замѣшательство и неуклюжесть его забавляли ее.

— Какая бы чудная была изъ насъ пара; онъ ничего не шибетъ кромѣ поэзіи, я ничего кромѣ сердца; онъ самый восторженный изъ поэтовъ, я самое прозаичное созданіе; онъ молчаливъ, я болтлива, въ добавокъ мы оба одинаковаго происхожденія. Ему слѣдовало бы влюбиться и жениться на мнѣ.

— Только займитесь имъ дня два, а за успѣхъ я ручаюсь, сказалъ Юліанъ.

— Но вѣдь вы видѣли, что я пробовала, но онъ сбѣгаетъ отъ меня какъ отъ чумы. Я бы серьезно могла полюбить это доброе, честное созданіе, опека и уходъ ему необходимы, — но онъ избѣгаетъ меня.

Между тѣмъ Анна вошла черезъ калитку въ садъ и, забывъ объ Алексѣѣ, пошла по дорогѣ, которая вела къ тому мѣсту, гдѣ обыкновенно бѣдный Эмиль проводилъ часть дня.

Вспомнивъ, что Алексѣй съ ними, Анна хотѣла воротиться, но было уже поздно, Эмиль увидѣлъ сестру и принялся кричать дикимъ голосомъ, вырываясь изъ рукъ стараго слуги, который хотѣлъ удержать его. Всѣ, не исключая и Алексѣя, подошли къ липѣ, подъ которою лежалъ глухонѣмой, пристально вперивъ взоръ въ незнакомое ему лицо Алексѣя. Пораженный видомъ несчастнаго Эмиля, Алексѣй былъ глубоко тронутъ, и это не ускользнуло отъ вниманія Анны и Поли; объ онѣ оцѣнили его чувствительность. Пользуясь первою минутою задумчивости несчастнаго, заглядѣвшагося на тучку въ небѣ, всѣ непримѣтно удалились и вошли въ домъ въ самомъ грустномъ настроеніи духа. Видъ несчастнаго Эмиля всегда производилъ это впечатлѣніе на всѣхъ жителей Карлина.

На слѣдующій день Алексѣю должно бы было возвратиться къ матери, но онъ уже не чувствовалъ силы оставить Карлинъ. Эта атмосфера печали и спокойствія, послѣ шума, неустанныхъ трудовъ и борьбы въ Жербахъ, подѣйствовали на него употребительно. Онъ сильно полюбилъ Анну и мечталъ только о томъ, чтобы сдѣлаться полезнымъ Карлинскимъ; онъ даже думалъ и объ Эмилѣ и былъ не прочь посвятить себя ему, чтобы пробудить въ немъ искру сознанія. Однако ему надо было рѣшиться ѣхать къ себѣ; къ счастью проливной дождь и гроза помѣшали ему; онъ провелъ вечеръ съ Юліаномъ и Анною, слушая игру Поли на фортепьянахъ. Когда наконецъ она встала и ушла въ залу, Юліанъ пошелъ за нею и долго шепотомъ говорили они вмѣстѣ, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ. Алексѣй остался вдвоемъ съ Анною; чувство его было такъ молодо и чисто, что онъ упивался однимъ ея присутствіемъ и впалъ въ какое-то восторженное состояніе, которое рѣзко отражалось въ рѣчахъ его. Анна, не подозрѣвая его любви къ себѣ, оцѣнила только его умъ и чувство и, задумавшись объ немъ, рѣшила, что наружность обманчива, что напрасно она съ перваго взгляда сочла его за человѣка обыкновеннаго... подумавъ минутою, она сказала сама себѣ: «какъ жаль, что онъ человѣкъ не нашего свѣта!»

Между тѣмъ, какъ Алексѣй медлил своимъ отъѣздомъ изъ Карлина, въ Жербахъ готовилась буря. Мать, сильно любившая Алексѣя, инстинктивно понимала, что ему скучно и тѣсно въ этой жизни, и что онъ рвется на свободу, въ болѣе широкую

и увы! быть может богѣ изящную сферу. Графу Юншѣ, пришедшему навѣстить старуху, удалось нѣсколько успокоить ее, доказывая ей, что кромя Алексѣя у ней есть другіе сыновья, богѣ чѣмъ онъ, созданные для сельской трудовой жизни; старушка сознавалась въ этомъ, но сердце ея говорило другое и его неумолкаемый голосъ смущалъ ее: Алексѣй былъ любимымъ ея сыномъ и ей особенно трудно было сознаться, что онъ-то именно и не могъ жить счастливо съ нею, въ семействѣ, въ тѣсномъ кругу ихъ обыденной жизни. Алексѣй возвратился въ Жербы именно въ ту минуту какъ мать говорила о немъ съ графомъ; послѣ первыхъ распросовъ, на которые Алексѣй отвѣчалъ неохотно, мать попрекнула его, что его не бываетъ дома, гдѣ глазъ хозяина всегда необходимъ. — Впрочемъ прибавила она, Янъ, мой второй сынъ, не поѣдетъ въ школу и будетъ хозяйничать со мною — а ты свободенъ, поѣзжай куда хочешь.

Видя, что разговоръ принимаетъ такой поворотъ, графъ исчезъ и мать и сынъ остались съ глазу на глазъ.

— Маменька, сказалъ Алексѣй, мнѣ кажется, что до-сихъ-поръ вы не могли ни въ чемъ упрекнуть меня; я работалъ изъ всѣхъ силъ.

— Да, но ты исполнялъ только долгъ свой въ отношеніи себя и братьевъ.

— Такъ неужели вина моя велика, потому что я для отдыха отлучился изъ дому на нѣсколько дней.

Мать посмотрѣла ему прямо въ глаза.

— Вина эта не велика, конечно; но скажи мнѣ почему ты не свидѣнь по три дня у нашихъ сосѣдей въ Жербахъ? Какъ волка не корми, онъ въ лѣсъ глядитъ — я думала тебя передѣлать, но вышло не такъ. Отецъ далъ тебѣ ненужное воспитаніе, голова твоя набита мыслями, а свѣта ты не знаешь. Ты воображаешь, что люди, которые говорятъ краснѣ насъ, потому уже и лучше насъ — ну, иди къ нимъ.... Только лучше ли будетъ? Чужой хлѣбъ горекъ. Ты тамъ чужой и всегда останешься чужимъ, хотя бы для нихъ оторвалъ нозъ-сердца. Они примутъ отъ тебя всякія жертвы, какъ будто такъ оно и слѣдуетъ, и за это наноятъ тебя укусомъ и желчью. Ты не знаешь этого прекраснаго свѣта, гдѣ на лицахъ привѣтъ, а въ груди ледъ и пустота. Юліанъ не любитъ тебя больше, чѣмъ я, однако ты предпочитаешь его матери и братьямъ. Богъ съ тобой, иди, куда ведетъ тебя судьба твоя.

— Да я и не думаю никуда идти, сказалъ Алексѣй.

— Рано или поздно, а это будетъ; я нечочу два разъ над-рывать свое сердце. Слушай, Алексѣй, прибавила она съ волне-ніемъ, когда ты воротился домой, при одномъ взглядѣ на тебя, я поняла, что ты не долго останешься съ нами. Ты съ нами только будешь мучиться; мы бы постоянно ссорились и раздра-жали другъ друга, и потому надо положить конецъ всему этому. Намъ надо раздѣлиться.

— Раздѣлиться! Ты меня хочешь выгнать изъ дому? За что? воскликнулъ Алексѣй.

— Выгнать, — да что ты съ ума сошелъ, гнѣвно сказала старушка. Зачѣмъ дѣлать сцену — надо порѣшить дѣло. Ты живи отдѣльно, я останусь съ Яномъ.

— Но онъ еще не доучился, сказалъ Алексѣй.

Онъ и то ужъ слишкомъ много учился — пожалуй и онъ, какъ ты, влюбится въ книжки. Не разсуждай больше. Дѣлай что хочешь, ты свободенъ.

Алексѣй стоялъ пораженный и не зналъ что отвѣчать; мати подошла къ нему, со слезами поцѣловала его и сказала:

— Ты старшій сынъ мой, мое любимое дитя, пусть Богъ благословитъ тебя. Быть можетъ я не понимала тебя, и потому стѣсняла и отравляла жизнь твою — будь свободенъ.

— Это ваше послѣднее слово, маменька.

— Послѣднее и рѣшительное. Мать довольно надоѣла тебѣ: увидишь, лучше ли будутъ къ тебѣ тѣ люди, которые станутъ ласкать и хвалить тебя. Да хранить тебя ангелъ Божій, во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь, сказалъ Алексѣй, цѣлуя руку матери.

Не было конца толкамъ сосѣдей о томъ, что Алексѣй дѣ-лится съ матерью и будетъ жить особенно; полагали, что близ-кая связь Алексѣя съ Карлинскими была главной тому причиной и потому каждый изъ сосѣдей благоразумно придумалъ, что можно бы извлечь изъ этой связи какую нибудь для себя пользу. Одинъ хотѣлъ быть представленнымъ въ Карлинѣ и воображалъ уже себѣ, что Анна или другая богатая дѣвушка замѣтитъ его; другой намѣревался купить за безцѣнокъ лѣсъ въ карлинскихъ дачахъ, третій мечталъ достать изъ погреба Карлинскихъ отличной старой водки, о которой такъ много го-ворили. Но едва только сосѣди собрались къ Алексѣю и его ма-терп, чтобы поговорить о всемъ этомъ, какъ ему принесли псы-

мо отъ Юліана, въ которомъ его опять настоятельно звали въ Карлинь. Алексѣй не медля отправился туда, хотя былъ и не спокоенъ духомъ и боролся съ собою; съ одной стороны сердце тѣнуло его туда, съ другой слова матери и ея печаль смущали его несказанно. Какъ всегда бываетъ, сердце одержало верхъ. Между тѣмъ вотъ что тамъ происходило. Предсѣдатель явился въ Карлинь смущенный и озабоченный, что не могло укрыться отъ глазъ дѣтей (такъ называлъ онъ Юліана и Анну). Вскорѣ Юліанъ подумалъ, что это ему показалось, такъ дядя былъ веселъ, шутливъ и разговорчивъ. Не такъ легко было обмануть Анну. Оставшись съ дядей наединѣ, она не безъ страху услышала, что онъ желалъ поговорить съ нею серьезно. Предсѣдатель открылъ рѣчь пышной похвалою богатству безъ котораго по его мнѣнію не могло быть ни счастья, ни положенія, ни спокойствія. Анна не была совсѣмъ согласна съ дядей, но ей надо было его выслушать. Дѣло было въ томъ, что предсѣдатель созналъ самъ, что Юліанъ неспособенъ заниматься дѣлами и хозяйствомъ, испугался за него, за участь всего семейства и не смотря на восклицаніе идеальной Анны, что братъ ея обладаетъ слишкомъ возвышенной душою для того, чтобы быть въ возможности заняться устройствомъ имѣнія и приобрѣтеніемъ денегъ, твердилъ, что надо рѣшиться на что-нибудь. Когда хитрый предсѣдатель задавалъ вопросъ, отвѣтъ былъ уже готовъ у него, и этотъ вопросъ былъ не богѣе, какъ военная хитрость, чтобъ убѣдить противника. Такъ случилось и теперь. Напрасно Анна говорила, что ей ничего не нужно, что Карлинь останется за Юліаномъ, дядя отвѣчалъ, что долговъ на немъ такъ много, что и думать нечего спасти его — словомъ, что конечное разореніе грозно семейству.

Анна перепугалась. Дядѣ только того и было нужно. Онъ улыбулся и сказалъ успокоительно: Не бойся, еще до-сихъ-поръ нѣтъ ничего слишкомъ ужаснаго; все можетъ поправиться, вамъ нуженъ опытный человѣкъ, который бы занялся хозяйствомъ, а Юліанъ пусть отдохнетъ — мы его женимъ.

— Ахъ! да! женимъ его воскликнула Анна; онъ скучаетъ — ему необходимо сильное сердце и руки, чтобы поддержать его на дорогѣ жизни....

— Да, да, ему необходима богатая и трезво смотрящая на жизнь женщина.... Но скажи мнѣ Анна, ты не замѣтила, чтобы онъ имѣлъ склонность къ кому-нибудь?

Предсѣдатель думалъ о Полѣ.

— О нѣтъ, воскликнула Анна простодушно, онъ не имѣеть секретовъ отъ меня.

— Пойдемъ къ нему и ни слова о томъ, что я говорилъ тебѣ, сказалъ дядя.

Юліанъ сидѣлъ въ своей комнатѣ, задумчивый, съ сигарой въ рукахъ, съ какимъ-то французскимъ обзорѣніемъ на колѣняхъ.

Разговоръ съ первыхъ же словъ упалъ на дѣла, и Юліанъ признался, что они страшно ему надоѣли и тяготятъ его; онъ рѣшился сдать ихъ кому-нибудь другому. Впрочемъ, когда дядя сказалъ, всколзъ отвѣчая на слова племянника, что онъ неспособенъ управлять имѣніемъ, то Юліанъ по свойственному ему малодушію обидѣлся. Дядя и сестра двумя, тремя хвалебными фразами успокоили его, и было рѣшено, что Алексѣй именно такой человѣкъ, какой нуженъ для управленія Карлиномъ. Мысль эта, какъ и слѣдовало ожидать, была подана предсѣдателемъ, и съ восторгомъ принята братомъ и сестрою. Когда вскорѣ послѣ этого Алексѣй пріѣхалъ, Юліанъ оставшись съ нимъ наединѣ бросился къ нему, и въ самыхъ нѣжныхъ и дружескихъ выраженіяхъ умолялъ его спасти его отъ гибели и разоренія, взять на себя управленіе его имѣніемъ.

— Спаси насъ, другъ мой, воскликнулъ онъ — я знаю что требую много, но не думай, что я хочу даромъ взять труды твои....

Алексѣй покраснѣлъ и напрасно отказывался, говоря, что у него мать и трое братьевъ — ему доказывали, что Жербы близъ Карлина, и что онъ можетъ постоянно навѣщать своихъ, и даже не оставлять собственныхъ дѣлъ. Но у Алексѣя было въ запасѣ еще одно слово.

— Хотя насъ раздѣляетъ положеніе наше, мы всё-таки друзья — мы еще равны — а что станетъ съ нашей дружбой, когда я буду зависѣть отъ тебя? сказалъ онъ.

Юліанъ вспыхнулъ и жарко протестовалъ противъ этого. Мысль постоянно жить въ Карлинѣ показалась такъ привлекательна Алексѣю, что онъ согласился на предложеніе Юліана, не обдумавъ, что принимая должность управителя онъ ставилъ себя въ зависимое положеніе, и тѣмъ воздвигалъ между собою и предметомъ своей любви непреодолимую преграду. Онъ прояснелъ согласіе и Юліанъ бросился ему на шею.

Алексѣй отправился къ своему старому другу, графу Юношѣ,

чтобы извѣстить его обо всемъ, и при его помощи объясниться съ матерью. Графъ принялъ новость неблагоприятно.

— Это важный шагъ, болѣе важный чѣмъ кажется, сказалъ онъ Алексѣю. Ты былъ бѣденъ по независимъ, теперь ты добровольно запродалъ себя и готовишь себѣ тяжелую будущность. Что ты тамъ заработаешь себѣ? Большое униженіе да малые деньги! Ты, какъ я вижу, ужъ попался въ западню и нашелъ ужъ въ ней уголокъ для себя. Дѣлай что хочешь. Пока ребенокъ не обожжется, онъ не вѣрится въ силу огня. Тебѣ, видно, тоже надо обжечься. Ну, поѣдемъ къ матери.

Янъ горячо занимался хозяйствомъ вмѣстѣ съ матерью; оно ему больше нравилось чѣмъ ученіе.

Графъ и Алексѣй застали ихъ вмѣстѣ.

— Я пріѣхалъ поздравить васъ съ двумя счастливыми случаями.

— Какими? спросила старушка съ недоумѣніемъ.

— Во-первыхъ съ новымъ хозяиномъ, съ этимъ молодымъ, который снялъ мундиръ школьника и такъ горячо принялся за дѣло, что готовъ отъ радости сломить себѣ шею, а второе поздравиеніе, прибавилъ графъ садясь на лавкѣ у крыльца, еще важнѣе, и вы еще объ немъ не знаете.....

— Ужъ не случилось ли чего? Не надѣлъ ли скать скирды?

— Гораздо хуже. Знатные господа загрызли у васъ сына, сказалъ графъ.

— Да я ужъ это знаю.

— Не совсѣмъ. Алексѣй сталъ управителемъ, повѣреннымъ и привилегированнымъ другомъ Карлнскихъ.

Мать сплеснула руками.

— Да это его погнбель, воскликнула она.

— Что же въ томъ худого? спросилъ графъ.

— И вы еще спрашиваете, сердито возразила вдова, зачѣмъ это вы надѣли сѣрый кафтанъ, если хотите ложь выдавать за правду? Неужели вы думаете, что для моего сына, человѣка свободнаго и независимаго, большое счастье сдѣлаться подчиненнымъ, слугою, на жалованьи!

— Если ужъ говорить по правдѣ, возразилъ графъ, то я не похваляю Алексѣя, но вѣрю, что человѣку надо дать полную волю.

— Я ужъ сказала разъ навсегда, что онъ свободенъ; но повѣрь мнѣ, что ты и друга потеряешь, и себя унизишь, прибавила она обращаясь къ сыну.

Алексѣй вынесъ эти нападенія въ покорномъ молчаніи и когда старушка высказавшись успокоилась, онъ объяснилъ свою будущность, какъ самъ глядѣлъ на нее, въ совершенно иномъ свѣтѣ, и въ заключеніе сказалъ, что больше для своего семейства, чѣмъ для себя, рѣшился на такой поступокъ. Онъ надѣялся на значительныя матеріальныя выгоды, которыя могли поправить ихъ стѣсненное положеніе.

— Я всегда имѣла предчувствіе, сказала въ заключеніе мать Алексѣя, что Карлинскіе накличуть на насъ бѣду; одно имя производило на меня непріятное впечатлѣніе и я невольно содрогнулась когда узнала, что ты у нихъ. Твой прадѣдъ, дѣдъ и отецъ никому не служили; они были бѣдны, но довольствовались малымъ и жили спокойно. Ты хочешь попробовать чужаго хлѣба.... я бы желала видѣть тебя обрабатывающимъ собственную землю; повѣрь мнѣ, что тамъ, — спокойствіе и веселость оставляютъ тебя.

Она кивнула головой графу и ушла въ свой скромный домишко, приглашая его за собою.

Ни совѣты матери, ни насмѣшка графа, ни внутреннее тайное безпокойство не остановили Алексѣя: увлекаемый своею любовью, онъ отправился въ Карлинъ, и вступилъ въ должность, которую по собственному сознанію за нѣсколько мѣсяцевъ прежде отказался бы принять; такое предложеніе онъ считалъ бы обиднымъ для себя и насмѣшливо бы отвергнулъ его. Теперь все измѣнилось и онъ съ горячностію молодости и рвеніемъ влюбленнаго взялся за дѣло семейства Карлинскихъ, проводилъ цѣлый день въ полѣ или за бумагами и только послѣ ужина долго заспживался съ Юліаномъ. Юліанъ не говорилъ уже ему о Полѣ, да и Алексѣй мало думалъ о пріятелѣ, предавшись собственному чувству къ сестрѣ его. Вблизи Анна привыкала еще болѣе; она вся жила для ближнихъ и Бога.... Чѣмъ идеальнѣе была женщина, тѣмъ выше казалась она Алексѣю; самая холодность Анны, ровность ея характера, сердце ея, которое билось только для другихъ, изобличали въ ней, по его мнѣнію, чистую и высокую натуру. Алексѣй удивлялся ея величавой неподвижности, какому-то непонятному охлажденію ко всему, ея равнодушію къ свѣту и людямъ, ея преданности къ семейству, и видѣлъ въ ней ангела сошедшаго съ неба на землю. Дѣйствительно Анна была неспособна испытать то чувство, которое зовутъ любовію, и которое составляетъ неотъемлемую принадлежность молодости; оно было совершенно чуждо ей, она не считала себя къ нему

способной и смѣялась надъ нимъ, и называла его не болѣе какъ выдумкой или дѣтствомъ. Когда у Поли вырывалось неосторожное или легкомысленное слово, она пожимала плечами и улыбалась съ соболѣзнованіемъ. Предсѣдатель смѣясь, называлъ ее *салтою*; Юліанъ смущался отъ одного ея взгляда, когда онъ сидѣлъ подлѣ Поли; Алексѣй трепеталъ при мысли, что Анна можетъ отгадать его чувство къ себѣ, и какъ преступника изгнать его изъ дома. Не смотря однако на все это, Анна была любезна, мила, привлекательна, необыкновенно добра и полна самоотверженія. Черты и выраженія лица ея говорили больше чѣмъ слова; иногда взглядъ ея закигался и глаза горѣли. Ея жизнь была чрезвычайно наполнена: молитва, нѣжныя попеченія о Эмигѣ, лѣченіе больныхъ, чтеніе душеспасительныхъ книгъ, порою рисованіе, занимали весь день ея.

Можетъ быть изъ всѣхъ молодыхъ людей, которыхъ она знала, Алексѣй болѣе всѣхъ нравился ей, но сердце ея не дрогнуло, и не забилось любовью къ нему. Въ ея глазахъ онъ былъ и навсегда остался существомъ иного свѣта, другой породы, другаго происхожденія, а быть можетъ и то, что часъ любить и страдать не насталъ еще для нея.

Между тѣмъ Юліанъ, сдѣлавшись совершенно свободнымъ, даже болше чѣмъ свободнымъ, сдѣлавшись — празднымъ, сблизился съ Полей. Отношенія ихъ были странны, бурны; они то ссорились, то мирились. Анна во всемъ этомъ видѣла только ребячество, прихоть или простую дружбу и не догадывалась о страсти, потому что не знала, что это за сила. Въмѣсто того, чтобы стать между братомъ и подругой своего дѣтства, она еще сблизжала ихъ; каждая минута развлеченія для Юліана была дорога ей; она любила его очень нѣжно, и не подозрѣвала, какая опасность угрожала ему. Одинъ Алексѣй съ безпокойствомъ и раздраженіемъ глядѣлъ на все это, тѣмъ болѣе, что Юліанъ тщательно скрывалъ отъ него свои поступки. Поля была откровеннѣе, потому что не могла, а быть можетъ и не желала скрывать своего чувства и Алексѣй рѣшился поговорить съ нею. Ничего не было легче, какъ ввести разговоръ на этотъ предметъ. На упрек Поли, что онъ холоденъ, Алексѣй отвѣчалъ, что онъ и ей бы желалъ такой же холодности. — Развѣ вы находите, что я слишкомъ пламенна?— Нѣтъ... но... произнесъ Алексѣй не смѣло.

— Говорите откровенно, возразила Поля.

— Я думаю, что никто такъ горячо не работаетъ для своего счастья, какъ вы хлопчете о слезахъ и страданіи.

— Вы не понимаете жизни! воскликнула Поля.

— Я понимаю ее иначе, чѣм вы.

— Сомнѣваюсь; вы потихоньку, благоразумно устраиваете себѣ свою будущность и думаете уже о тепломъ уголкѣ подъ старость, а я кочу весь мой запасъ счастья уничтожить въ одинъ мигъ, увѣться имъ и потомъ умереть весело съ улыбкой на губахъ.

— Вы видно не знаете, какое бремя жизнь, когда потрачены силы, сказалъ Алексѣй серьезно.

— А вы знаете? Изъ опыта? Къ тому же, что вамъ за дѣло до моего *застра*; оставьте меня въ покоѣ; неужели вы думаете, что и я не могла бы прочесть вамъ небольшого наставленія, еслибъ только захотѣла этого.

Она прямо взглянула въ глаза ему; Алексѣй вспыхнулъ, но принялъ смѣлый видъ и сказалъ:

— Пожалуйста дайте мнѣ наставленіе.

— Есть вещи, которыя, какъ ихъ не таи, не утаишь.... есть чувство, которое положе на мускусъ; его запахъ распространяется въ воздухъ, сказала Поля.

— Вы говорите, точно во снѣ бредите.

— Бываютъ вѣщіе сны, отвѣчала она.*

— Что же касается до меня, возразилъ Алексѣй, то я смотрю на васъ, — сожалею, опасаясь и отъ всего сердца....

— Благодарю васъ, перебила Поля рѣшительно, не продолжайте однако. Я не понимаю иной жизни какъ короткой, но волной и страстной. Каждый выбираетъ что хочетъ. Все, что вы мнѣ сказали, я говорила себѣ не разъ и пришла къ заключенію...

Она вдругъ остановилась и прибавила:

— Что не дала вамъ права вѣшиваться въ мои дѣла.

Она подала ему свою бѣлую ручку, которую онъ пожалъ и принялся собирать двѣты, потому что Юліанъ подходилъ къ нимъ. Увидѣвъ на лицѣ Поли и Алексѣя смущеніе, и не зная его причины, влюбленный молодой человекъ почувствовалъ ревность и вообразилъ себѣ, что не первый ужъ разъ пріятель изнѣживаетъ ему. Онъ взглянулъ на Алексѣя, который только пожалъ плечами.

— Пойдемъ вмѣстѣ, сказалъ онъ неспокойно Алексѣю, мнѣ надо поговорить съ тобою.

Поля разсмѣялась имъ вслѣдъ.

Отойдя нѣсколько шаговъ, Юліанъ спросилъ: — О чемъ ты говорилъ съ Полей?

— О самых обыкновенных вещахъ.

— Алексѣй не обманывай меня: скажи правду — вѣдь ты влюбленъ въ нее.

Алексѣй разразился такимъ искреннимъ смѣхомъ, что Юліанъ одумался и устыдился.

— Во-первыхъ, я тебѣ говорилъ сто разъ, что никогда бы не могъ полюбить Полю; я люблю ее какъ братъ....

— Ты лжешь!

— Слушай, сказалъ Алексѣй горячо, съ какого права, съ какого повода ты подозрѣваешь меня въ лжѣннѣ? Еслибъ я любилъ Полю, то не сталъ бы, какъ ты, скрывать своей любви, но ради Бога, уѣзжай отсюда, бѣги, или я предсказываю тебѣ, что все это худо кончится.

— Я не люблю пророковъ. Ничего не начиналось, стало быть нечему и кончатся. Поговоримъ о чемъ нибудь другомъ.

— Ты явно избѣгаешь искренняго разговора со мною. Это худой знакъ, Юліанъ.

-- А ты не понимаешь меня.

— Давно ли? Почему ты не хочешь уѣхать?

— Не могу; каждая минута дорога мнѣ.

— Ты не хочешь послушаться меня?

Юліанъ замолчалъ и только тихо прошепталъ.

— У тебя нѣтъ сердца!

Алексѣй вздохнулъ и прервалъ разговоръ.

Такъ текла жизнь въ Карлинѣ, спокойно, тихо, счастливо для глазъ свѣта, но подъ этой поверхностью водъ озааренныхъ солнцемъ, много скрывалось черной тины. Одна Анна была спокойна и надѣлена самообладаніемъ, а у остальныхъ обитателей стараго замка за улыбкой таились слезы.

Алексѣй, искренно привязавшійся ко всѣмъ имъ, рѣшился заняться бѣднымъ Эмилемъ и начиналъ собирать свѣдѣнія о воспитаніи глухонѣмыхъ, надѣясь зажечь искру сознанія въ этомъ несчастномъ существѣ, до того слабомъ, что до-сихъ-поръ всѣ окружающіе заботились исключительно объ одномъ его здоровьи. Сперва онъ старался приучить къ себѣ Эмиля, а потомъ, съ бьющимся сердцемъ, выбирая минуты, когда Анна не могла застать ихъ, принялся учить его. Въ такихъ случаяхъ начало всего мудренѣе, къ тому же Эмилъ былъ своеволенъ,

разсѣянъ и изнѣженъ. До-сихъ-поръ о его нравственномъ развитіи никто не заботился — его только забавляли. Надъ мыслью его тяготѣла физическая немощь, онъ окостенѣлъ въ праздности и принудить его къ внимательности и напряженію разума казалось невозможно; но Алексѣй не терялъ надежды. При первомъ признакѣ усталости, онъ оставлялъ его, и въ другую минуту опять принимался за него, онъ приходилъ къ нему по нѣсколько разъ въ день, забавлялъ его, потомъ принимался учить, словомъ и ловкостью и настойчивостью онъ старался достигнуть цѣли. Эмиль полюбилъ его и привязался къ нему — тогда все пошло успѣшнѣе, и Анна, не подозрѣвавшая о попыткахъ Алексѣя, только дивилась переменѣ, каждый день совершавшейся съ братомъ. Самое здоровье его поправилось — онъ началъ ходить безъ посторонней помощи и лицо его приняло иное выраженіе. Пробужденная мысль отразилась въ глазахъ и на всемъ лицѣ его; самая улыбка и движенія его измѣнились — сознание проникло все существо его. Анна приписывала это лѣкарствамъ доктора, которыя выпадали за окно, и превозносила его искусство; самъ докторъ не сомнѣвался, что эта переменна произошла, благодаря его методѣ лѣченія; одинъ только старый слуга, не покидавшій Эмиля, зналъ кому онъ былъ обязанъ новой жизнію, которая повѣяла на него и одушевила его. Ужъ Алексѣй и Эмиль выучились говорить знаками, а глухонѣмой отгадывъ, что Алексѣй все скрываетъ отъ Анны, ни разу не выдалъ ни его, ни себя.

Такъ миновались осень и зима. Наступила весна, всегда новая и прелестная. Распустились деревья, запѣли птички, отворились сердца и опять начался новый актъ челоувѣческой жизни... Въ Карлинѣ не произошло повидимому никакихъ переменъ, только Алексѣй сблизился съ Анною, и осмѣливался высказывать ей даже и такіе мысли, которыхъ она не могла раздѣлять; только любовь Поли къ Юліану стала осторожнѣе и укрывалась подъ равнодушіемъ, что именно и пугало Алексѣя; только Эмиль ожилъ совершенно, вырванный дружеской рукою изъ преждевременной могилы.

Однажды вѣчеромъ Алексѣй и Анна ходили по гостинной, двери которой были отворены въ садъ. Задумчивая и печальная Поля вышла туда, а Юліанъ, сперва ходившій по комнатѣ, тотчасъ вышелъ за нею. Алексѣй видѣлъ какъ они сошлись, пожали другъ другу руки и догадался, что у нихъ назначено было свиданіе. Сердце его сжалось при мысли о судьбѣ несчастной Поли.

Анна всё ничего не подозревала и спокойно продолжала разговаривать, жалуясь на перемену въ характерѣ Юліана.

— Вы не сомнѣваетесь, отвѣчалъ ей Алексѣй, привыкшій говорить съ ней откровенно, въ моей привязанности къ Юліану и потому я могу сказать вамъ правду. Жизнь, которую онъ ведетъ, должна принести горькіе плоды. Юліанъ не имѣетъ цѣли въ жизни, не имѣетъ занятія, не составилъ себѣ понятія о своемъ будущемъ, слишкомъ привыкъ баловать себя, да и мы слишкомъ избаловали его.

— Что вы хотите, чтобы онъ дѣлалъ?

— Хотя что-нибудь. Отъ чего бы ему не ѣхать путешествовать.

— А я бы осталась одна, одна въ этомъ пустынномъ Карлскѣ, проговорила Анна.

— Я не вѣрю вашимъ словамъ.... Можете ли вы жаловаться на одиночество; жизнь ваша полна дѣятельности, мысли и трудовъ.

— Я нѣсколько разъ совѣтовала ему поѣхать куда-нибудь— но онъ всегда отвѣчаетъ, что не терпитъ путешествій и что было бы жестоко удалить его отсюда. Онъ такъ насъ любитъ!

Алексѣй не смѣлъ сказать ей всей правды и сказалъ только:

— Когда же вы видали, чтобы больной такого рода добровольно согласился принять горькое лѣкарство. У Юліана большой недостатокъ воли и силы; необходимо, чтобы чужая воля помогла ему.

— Я этого не понимаю — вѣдь онъ не дитя, отвѣчала Анна.

— Молодости тѣсно въ одномъ мѣстѣ — ей необходимо нуженъ просторъ и пища — не находя ихъ она увядаетъ, умираетъ.... Оставшись здѣсь, онъ прирастетъ къ землѣ, къ подушкамъ, закоснѣетъ и уснетъ.

— Я не сумѣю убѣдить его, сказала Анна послѣ минутнаго молчанія и задумчивости. Впрочемъ дядя упоминалъ о другомъ средствѣ.

— О какомъ же?

— Я не имѣю отъ васъ тайнъ; дядя хочетъ женить его на богатой дѣвушкѣ; онъ думаетъ, что новыя обязанности и перемена жизни...

— Еслибъ это было возможно! воскликнулъ Алексѣй и замолчалъ, не досказавъ своей мысли.

— Договаривайте, сказала Анна.

— Тутъ мои понятія, понятія вашего дяди и ваши расходятся, и я не знаю поймете ли вы меня. Вы знатные, привыкли всё основывать на богатствѣ и имени. Независимость, значеніе, счастье, всё по вашему мнѣнію зависить отъ богатства. Дядя вашъ готовъ женить Юліана вопреки его сердцу, лишь только бы эта женитьба была свѣтская и богатая. Къ этому онъ способенъ.

— Вы привыкли глядѣть на міръ съ идеальной точки зрѣнія; дядя привыкъ видѣть дѣйствительность такъ, какъ она есть, сказала Анна. Если та, которую дядя прочтѣ для Юліана, молодая, хороша собою и хорошо воспитана, отъ чего жъ бы онъ могъ не полюбить ее? Отъ чего бы имъ не влюбиться другъ въ друга и не быть счастливымъ?

— Отъ чего... Вотъ въ этомъ словѣ и заключается великая тайна міра, сказалъ Алексѣй: — отъ чего изъ среды толпы одно существо привлекаетъ насъ, а другое, хотя бы во всемъ блескѣ красоты, отталкиваетъ насъ. Отъ чего еще не зная ту, которую мы выберемъ, мы толкуемъ по ней, а узнавъ ее привязываемся къ ней навѣки!

— Этой тайны я не только не понимаю, но еще считаю ее фантазіей; можно привязаться ко всякому.

— По христіански, по братски, сказалъ Алексѣй.

— Развѣ этого не достаточно? страстныхъ и исключительныхъ привязанностей я не понимаю и считаю ихъ заблужденіемъ и преступнымъ безуміемъ. Человѣкъ не долженъ...

— Не долженъ — но если сила, которая его притягиваетъ, нескрушима, если она убиваетъ въ немъ разумъ, разсчетъ, благоразуміе...

— Надо бороться..... Впрочемъ, прибавила она, я этого не понимаю и никогда не буду въ состояніи понять.

— Но развѣ можно отрицать правду чувства, потому что мы не способны испытать его. Развѣ оно не можетъ существовать для другихъ, потому что не существуетъ для васъ?

— Мнѣ жаль такихъ людей, сказала Анна.

— Не жалѣйте ихъ, возразилъ Алексѣй. Все на свѣтѣ устроено такъ премудро, что мученія стоятъ рядомъ съ восторгомъ и душевными наслажденіями, и чѣмъ больше жертва, тѣмъ драгоценнѣе добыча. За страданія сердца платитъ само сердце, за страсть — минуты безумныхъ сожалѣній, за минутами счастья — бѣдствіе.

— Я слушаю все это, какъ сказку о заколдованной царевнѣ,

воскликнула Анна — но ужь десять часовъ, а мы заболтались. Спокойной ночи.

Она ушла къ себѣ, а Алексѣй, оставшись одинъ, вышелъ изъ дому въ садъ; разговоръ его съ Анной навелъ на него тревожныя думы. «Зачѣмъ, думалъ онъ, есть созданія, которыя любить цѣлый міръ и не понимаютъ, что можно любить одну больше всѣхъ и всѣхъ любить въ ней одной. Для чего Богъ не вложилъ въ сердце Анны святаго огня? быть можетъ онъ таятся тамъ невидиме, и достаточно одного взгляда, чтобы заставить его вспыхнуть.»

Онъ шло машинально впередъ и вдругъ оцѣнилъ и осмотрѣлся; мѣсяцъ серебряной струею свѣтилъ сквозь густыя листья бесѣдки, въ которой, забывъ о цѣломъ свѣтѣ, сидѣли Юліанъ и Поля. На лицѣ ея выражалась необузданная страсть; въ улыбкѣ ея отпечатывался избытокъ счастья; Юліанъ болѣе молчаливый, но не менѣе ея упоенный любовью, дрожалъ какъ листъ, теряя присутствіе духа, и почти изнемогая отъ чрезмѣрнаго счастья. Она кипѣла жизнью, а онъ казалось умиралъ отъ ея всемогущаго прикосновенія.

— Милый мой Юліанъ, серебрянымъ голосомъ говорила Поля, долго, долго дожидалась я этой минуты... Теперь я могу умереть... Скажи мнѣ еще разъ, что любишь меня... повтори это! Можетъ ли это быть! Ты любишь меня, ты... мой ангелъ, любишь меня бѣдную, истомившуюся отъ огня страсти, униженную ею, и безумно бросающуюся тебѣ на шею. И ты не презираешь меня — не отталкиваешь?..

— Я люблю тебя Поля! о какъ люблю! А что я вытерпѣлъ... какъ боролся!

— И ты думалъ что это возможно? Я увлекла тебя! Ты не знаешь сколько и я выстрадала... стыдъ... мысль о будущемъ, благодарность... я все подавила въ себѣ... сколько слезъ я проглотила... сколько разъ желала умереть воображая, что никогда не пробужу тебя отъ оцѣпенѣнія.

— Я долженъ былъ бороться — но глаза мои говорили тебѣ, что я чувствовалъ.

— Этого мнѣ было мало — ты любишь меня! О еслибы я могла теперь умереть — въ твоихъ объятіяхъ. Передо мною встаетъ завтрашнее грозное утро; я боюсь всего и всѣхъ... людей, тебя, ее... свѣта, несчастія — боюсь себя самой; а нынѣ ты мой, и мнѣ было бы сладко умереть въ эту минуту.

— Поля, мы будемъ жить!

— Ты меня обманываешь, Юліанъ; вѣдь ты хорошо знаешь, что мы не можемъ жить вмѣстѣ — но зачѣмъ отравлять эти минуты страшными мыслями — сегодня принадлежитъ мнѣ.

И она обняла его и осыпала поцѣлуями.

Алексѣй не смѣлъ ступить ни назадъ, ни впередъ; оставаться онъ тоже не хотѣлъ; опомнившись отъ неожиданнаго удара, онъ рѣшился тихонько отойти въ сторону и опять громко на-свистывая, подошелъ къ бесѣдкѣ — но тамъ уже никого не было, только двѣ тѣни мелькнули передъ нимъ въ тѣнистой аллеи; на землѣ, возлѣ скамьи, гдѣ сидѣли они, лежалъ бѣлый платокъ. Алексѣй поднялъ его и напрасно стараясь настичь влюбленныхъ, возвратился домой и пошелъ прямо въ комнату Юліана, желая дожидаться его. Онъ изумился увидя его уже тамъ; на лицѣ его отражались еще слѣды сцены въ саду: замѣшательство, страсть и досада. Онъ изъ подлобья посмотрѣлъ на Алексѣя, желая угадать знаетъ ли онъ обо всемъ или нѣтъ? Алексѣй стоялъ передъ нимъ какъ строгій судья, вынулъ платокъ и бросилъ его Юліану.

— Я нашелъ его въ бесѣдкѣ, сказалъ онъ, — гдѣ вы съ Полей разыграли такую безумную сцену. Я нечаянно сдѣлалъ вашимъ повѣреннымъ — но видно, судьба хотѣла этого.

Юліанъ задрожалъ отъ гнѣва, но Алексѣй не далъ ему времени сказать ни слова и продолжалъ:

— Ты не испугаешь меня своимъ гнѣвомъ; къ тому же я пришелъ не съ упреками, а изъ состраданія. Что ты дѣлаешь? Помнись! Если уже ты не вѣришь ни моей дружбѣ, ни моему сердцу, обратись къ собственному разуму.

Юліанъ бросился ему на шею.

— Я знаю, что зашелъ слишкомъ далеко... я не могъ устоять... Поля увлекла меня.... Будь другомъ а не судьей и спасай... со-вѣтуй....

— Скажи себѣ рѣшительно, что ты женишься на ней или бѣги отсюда. Я, на твоемъ мѣстѣ, не обратилъ бы вниманія на предразсудки и вымышленное неравенство и смѣло бы женился на ней, не боясь ни бѣдности, ни трудовъ; если же ты не можешь рѣшиться, то бѣги отсюда завтра же.

— Ужъ вродно, вымолвилъ Юліанъ дрожащимъ, разбитымъ голосомъ.

— Стало быть, ты знаешь какъ должно теперь поступить. Передъ тобою лежитъ теперь одна только честная дорога.

— Сдѣлаю, что должно, отвѣчалъ Юліанъ, — она любитъ меня... я люблю ее до безумія, ничто не можетъ разлучить насъ. Но ради Бога, прошу тебя, держи все это въ тайнѣ; я долженъ приготовить дядю, Анну, я самъ долженъ вооружиться мужествомъ, потому что знаю, что мнѣ предстоятъ страшныя препятствія....

— Дѣлай, какъ хочешь, сказалъ Алексѣй, садясь на кресло, — но не думай, что отерочка дастъ тебѣ силу; ты боишься вожылки — но ты не можешь ее избѣгнуть — что нынче, что завтра, все одно.

— Мнѣ нужно собраться съ мыслями, составить планъ.... Молчи до поры, до времени, сказалъ Юліанъ.

— Будь покоенъ; я никогда никому не измѣнялъ; я буду молчать, закрывши глаза, потому что еще вѣрю въ тебя!...

Когда на другой день всѣ сошлись вмѣстѣ, Алексѣй боялся взглянуть на Полю, чтобы не смутить ее, но любовь ея была такъ сильна и искренна, что она не краснѣла. Поля была въ самомъ веселомъ настроеніи духа; она болтала, какъ въ прежнее доброе время, и преслѣдовала своими шутками Алексѣя. Юліанъ страдалъ отъ этой веселости, которую раздѣлять не умѣлъ; за то Анна, ничего не подозрѣвавшая, вмѣшивалась въ разговоръ съ ангельскою невинностью. Помня вчерашній разговоръ свой съ Алексѣемъ, она вызвала брата, желая выпытать его намѣренія, и Поля осталась съ глазу на глазъ съ Алексѣемъ. Поля тотчасъ подошла къ нему, и подала ему свою дрожащую руку.

— Вы не сердитесь на меня, спросила она.

— Я! За что же?

— Я жестоко васъ преслѣдую... слезы показались на глазахъ ея и она, улыбаясь сквозь нихъ, прибавила: — я такъ счастлива; я люблю васъ какъ брата! Вѣдь вы все знаете. Я видѣла васъ вчера, вы тоже должны были видѣть насъ. Я люблю его такъ, что готова пожертвовать ему всею жизнью... что мнѣ свѣтъ?... что люди?

— Но подумали ли вы о будущемъ?

— Нѣтъ, и не кочу думать. Вы холодный, расчетливый человѣкъ, — цѣлый вѣкъ живете въ будущемъ и оттого не видите настоящаго. Завтра — но развѣ оно принадлежитъ мнѣ?

Какие вы мелкие люди... вы недоростки, дѣти, старшки — но ужь никакъ не мужички и не люди.

— Но если дѣло идетъ не объ одной вашей, но еще и чужой будущности, то маленькій расчетъ не былъ бы лишнимъ.

— Чужой? моя и его будущность — это одно и то же. Во всякомъ случаѣ охлажденіе, опасенія, слезы и раскаяніе придутъ слишкомъ скоро! Не отравляйте же нашего счастья! Впрочемъ, прибавила она полушутя, — я сама держу васъ въ рукахъ.

— Меня!

— Да, больше, чѣмъ вы воображаете.

Алексѣй засмѣялся, но покраснѣлъ.

— Если вы помѣшаете мнѣ и станете на моей дорогѣ, вы еще меня не знаете — я страшно отомщу вамъ. Я эгонистъ, потому что въ моемъ эгонизмѣ заключается счастье двоихъ.... Я ничего не побоюсь: насплетничаю, догадаюсь, выдумаю, солгу наконецъ, если это будетъ необходимо.

— Что это значитъ? хладнокровно спросилъ Алексѣй.

— Ничего.... Предположимъ, что у меня горячка — но въ ней я брежу небомъ; оставьте меня въ покоѣ... я не хочу выздороавливать!... и ужь никакъ не выберу васъ своимъ докторомъ.

Она отвернулась, а Алексѣй остался, задумчивый и печальный, разуждать на досугъ о такой неожиданной развязкѣ любви, которую думалъ подавить и уничтожить. Онъ рѣшился ни во что не вшутываться и дивился только тому, что никто кромя его не замѣчалъ переменъ въ отношеніяхъ Поля и Юліана. Между тѣмъ Поля вовсе не скрывала ни своей любви, ни правъ, которыя имѣла надъ Карлинскимъ. Она то поведѣвала имъ какъ госножа, то капризничала, то ревновала, дѣлала сцены, то безумствовала, и у ногъ его клялась пожертвовать ему цѣлой своей жизнью. Она обливалась слезами, впадала въ отчаяніе или упивалась любовью. Юліанъ хотя и страстно любилъ ее, но тяжело было ему переносить эту мучительную любовь женщины, которая, не вѣря будущему, не могла успокоиться, но безпрестанно жаждала вспышекъ страсти, предавалась подозрѣніямъ, видѣла во всякой бездѣлицѣ признаки равнодушія и металась лихорадочно. Карлинскій мучился и падалъ подъ бременемъ такой дикой, такой безумной привязанности, которой удовлетворить не могъ, а успокоить не умѣлъ.

Между тѣмъ Эмиль совершенно ожилъ. Мысль стала развиваться въ немъ и наконецъ обнаружилась предъ изумленными глазами учителя. Однажды утромъ, когда Алексѣй училъ его,

объясняясь съ нимъ знаками, Анна, вставъ равнѣ обыкновеннаго, вошла нечаянно въ комнату. Она остановилась, какъ онемѣлая; сердце ея забилося благодарностью, руки сложились невольно какъ для молитвы, слезы выступили на глаза. Она поняла въ эту минуту, что Алексѣй сдѣлалъ и какихъ неизреченныхъ трудовъ и усилій все это ему стоило. Въ порывѣ счастья она бросилась къ нему, схватила его руку и выразила ему всю свою благодарность, и послала тотчасъ за братомъ и Полю. Юліанъ былъ также тронутъ, какъ сестра, и бросился Алексѣю на шею; Поля объяснила, что она все знала ужъ давно и молчала. Рѣшено было послать сказать матери и дядѣ о такой неожиданной радости.

Когда Анна осталась одна съ Юліаномъ, она сказала ему:

— Ты былъ правъ, говоря мнѣ, что я не знаю Алексѣя. Какой человекъ! Что за сердце, что за деликатность — какой характеръ! Чѣмъ мы можемъ заплатить ему за все это?

Помимо воли въ Юліанѣ сказался въ эту минуту баричъ.

— Надо подумать и сдѣлать для него что нибудь — онъ бѣденъ, произнесъ онъ.

— Братъ! вскрикнула Анна, — за это не платить.

Поля насмѣшливо улыбулась и сказала съ горечью:

— Ахъ, знатные господа! баричи! Хотите тотчасъ платить, чтобы расквитаться и не быть обязанными ничѣмъ! Я лучше знаю его, чѣмъ вы; вы жестоко обидѣли бы его, если бъ занюхались о своей благодарности. Если вы думаете, что онъ ниже васъ, возвысьте его до себя, назовите его братомъ.... Вотъ единственная награда, которую можете предложить ему.

— Развѣ мы когда-нибудь смотрѣли на него иначе, спросила у ней Анна.

— Позвольте мнѣ и ему судить объ этомъ, сказала Поля, смотря украдкой на Юліана, — и перестаните говорить объ этомъ.

Алексѣй, избѣгая въ первый день изъявленій благодарности Карлинскихъ, побѣжалъ въ гости къ матери и лашегъ ее расположенную любовью къ нему и также враждебно относительно Карлинскихъ. Она не переставала пророчить ему недоброе въ будущемъ. Узнавъ, что Алексѣй въ гостяхъ у матери, всѣ сосѣди Жербовъ сбѣжались и Алексѣй съ удовольствіемъ слушалъ смѣшныя вопросы и простодушную болтовню деревенскихъ дво-

рять. Сквозь смѣшную форму въ нихъ видно было сердце, а тамъ, въ Карлинѣ, при сѣздѣ сосѣдей высшего полета за изящной формой скрывался эгоизмъ и пустота. Алексѣй просидѣлъ у матери до поздняго вечера.

— Что съ вами, дѣти? восклицалъ дядя предсѣдатель, прѣхавшій въ Карлинъ: — зачѣмъ вы меня выписали? что за неожиданное счастье, ужъ не выиграла ли вы мильона въ лотерею?

— Больше, воскликнула Анна.

— Больше мильона, закричалъ предсѣдатель, — на какой же это лоттерей — возможно ли это?

— Вы не поняли насъ, милый дядя — мы больше выиграла, чѣмъ мильонъ — послушайте только.

— Слушаю, сказалъ предсѣдатель, садясь въ кресло, — видно, я поглупѣлъ — не могу догадаться.

— Алексѣй возвратилъ намъ Эмиля, сказалъ живо Юлианъ.

— Этотъ благородный человекъ, сказала также живо Анна, — трудился, ничего намъ не говоря, до-тѣхъ-поръ, пока не развилъ разсудка у нашего бѣднаго брата. Теперь Эмиль говоритъ, читаетъ — онъ ожилъ!

— Въ самомъ дѣлѣ!... сказалъ предсѣдатель холодно и задумчиво. — Неужели онъ говоритъ?

— Говорить знаками, пояснилъ Юлианъ.

— А! по методѣ глухонѣмыхъ; да, это большое счастье; пойдите къ Эмилю.

— Алексѣй возвратилъ намъ брата, возвратилъ сына матери... какъ благодарить его! воскликнула опять Анна.

— Объ этомъ не беспокойтесь, холодно сказалъ старый щеголь: — заплатить деньги не мудрено. Я полагаю, что Дробицкій сдѣлалъ это не безъ задней мысли. Очень натурально, что мы не можемъ принять даромъ такой жертвы.

Анна схватила руку дяди.

— Ради Бога, дядюшка, развѣ вы его не знаете?

Предсѣдатель улыбнулся, какъ умѣютъ улыбаться только знатные бары.

— Ба! ба! ба! самое большое безкорыстіе труднѣе всего удовлетворить, но его все-таки можно перевести на наличныя деньги. Какъ ты думаешь, Юлианъ? спросилъ онъ, потирая себѣ лобъ.

— Алексѣй сдѣлалъ это изъ одной дружбы къ намъ и мы не можемъ и подумать о другомъ вознагражденіи, кромѣ сердечнаго, сказалъ Юліанъ.

— Оно-то и придется изъ рукъ вонъ дорого, пробормоталъ предсѣдатель, — ну, да объ этомъ послѣ.

Стукъ экипажа извѣстилъ о приѣздѣ обоихъ Дельріо. Искренняя радость блистала въ глазахъ матери, знавшей уже о всемъ. Эмиль, увидя мать, въ первый разъ сознательно улыбнулся ей и сказалъ Аниѣ, уже выучившейся понимать его знаки:

— Скажи ей, что онъ сдѣлалъ все это. Онъ далъ мнѣ возможность узнать Бога, мать, васъ всѣхъ и меня самого.

Полковница Дельріо была въ восхищеніи и искала Алексѣя, чтобы благодарить его — но его не было въ Карлинь. Предсѣдатель вышелъ отъ Эмиля съ наморщеннымъ лбомъ и вошелъ въ садъ съ Юліаномъ; когда они дошли до глубины сада, гдѣ никто не могъ ихъ слышать, онъ сказалъ племяннику:

— Кто просилъ объ этомъ вашего Дробицкаго? Зачѣмъ онъ путался въ это дѣло?

— Я васъ не понимаю, дядюшка.

— А вотъ, поймешь сейчасъ. Все это, конечно, устроилось прекрасно, но Эмиль никогда не будетъ человѣкомъ въ полномъ смыслѣ слова; быть можетъ, онъ теперь и самъ будетъ несчастливъ, чѣмъ прежде, а въ итогѣ остается, что вчера ты былъ полнымъ владѣльцемъ Карлина, а нынче потерялъ цѣлую половину имѣнія. Законъ (по шѣрѣ того, какъ предсѣдатель говорилъ, онъ все больше и больше оживлялся) не отстраняетъ глухонѣмыхъ отъ правъ наслѣдства, если только они могутъ говорить знаками и обладаютъ сознаниемъ. Понимаешь ли ты, что изъ этого слѣдуетъ? Вы и такъ были не богаты — что жъ будетъ теперь? Признаюсь! Хорошо удружилъ вамъ этотъ Дробицкій!

Юліана раздражили слова эти.

— Милый дядя, воскликнулъ онъ, — ваша любовь къ намъ ослѣпляетъ васъ. Пренебречь воспитаніемъ Эмиля значило убить его!

— Да кто убиваетъ его, безумный! пусть его живетъ — я очень радъ, плачу отъ восторга — но ты все-таки сталъ вдвое бѣднѣе! Кто знаетъ! Быть можетъ Эмиль и еще больше поправится и захочетъ жениться — не одна, а тысячи женщинъ пойдутъ за него. Эти глухонѣмые, слыхалъ я, бываютъ превлюбчивые! Къ тому же, какъ знать, кто овладѣетъ Эмилемъ?

и поведетъ его за насъ. Не утверждаю, но весьма вѣроятно, что этотъ Дробицкій имѣлъ тутъ свои виды.

Юліанъ, на сколько было въ немъ силы для противорѣчія, возсталъ противъ этой мысли дяди.

— Ну, хорошо; я вѣрю въ него, уважаю его — но что сдѣлано, то сдѣлано. Вы бѣдны и надо искать средствъ поправить это, да въ добавокъ подумать какъ заплатить звонкою монетою г-ну Дробицкому за это благодареніе?

— Дядюшка!

— Ну, я замолчу — только я знаю свѣтъ и людей; Дробицкій, быть можетъ, и благороденъ, но не услужилъ ни вамъ, ни Эмилю; Карлинъ теперь надо раздѣлить; кромѣ того надо что нибудь дать и Аннѣ, а поразсмотрѣвъ долги ваши и придень къ заключенію, что у васъ мало, очень мало состоянія.

— Можно жить и малымъ, сказалъ Юліанъ. Конечно, только для этого надо передѣлать себя, ограничиться избушкой, щами и армякомъ, и главное не имѣть на плечахъ тяжести, которое называется *именемъ*.

— Мнѣ кажется, что живя въ бѣдности, его можно носить съ достоинствомъ.

— На манеръ Цинцинната! сомнѣваюсь! Тебѣ впрочемъ предстоитъ выборъ: бѣдность и знатное имя или богатая женитьба, слѣдственно легкая и пріятная будущность.

— Ни за что! воскликнулъ Юліанъ.

— Что? почему? спросилъ его дядя, глядя ему прямо въ глаза.

— Это противно моимъ правиламъ, это безчестная сдѣлка, торговля, сказалъ Юліанъ.

— Юныя, ребяческія понятія! Надѣюсь, что Карлинскій не какая-нибудь голь и дастъ что-нибудь съ своей стороны дѣвухѣ, на которой женится, къ тому же для чего предполагать, что это будетъ бракъ безъ привязанности. Но можетъ быть тебѣ уже нравится кто-нибудь?

Юліанъ не отвѣчалъ ни слова, и такъ кончился разговоръ. Этотъ, непріятный обомъ. Передъ Анной и ея матерью предсѣдатель разумѣется не высказался и показывалъ видъ, что и онъ очень доволенъ состояніемъ Эмиля.

Впродолженіе дня Алексѣй возвратился въ Карлинъ и съ обычною въ немъ скромностію принялъ жаркія выраженія благодарности всего семейства. Озабоченный предсѣдатель наблюдалъ очень внимательно за Юліаномъ и отъ его проинципаль-

наго опытнаго взора не могли укрыться отношенія Юліана къ Поли. Онъ тотчасъ сообразилъ все и имѣлъ всѣхъ людей, которые хорошо знаютъ свѣтъ, и потому подозрѣваютъ всѣхъ въ лукавствѣ и какихъ-то тайныхъ планахъ, и замыслахъ, рѣшилъ, что Дробицкій извлекъ Эмиля изъ состоянія близкаго къ идіотизму для того, чтобы овладѣть имъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ помогаетъ Юліану въ его любви къ Поли, изъ демократическихъ убѣжденій.

— Хорошу птицу посадилъ я въ здѣшнюю клетку, сказалъ онъ самъ себѣ. Онъ овладѣлъ даже Анною! Кто его знаетъ? Онъ готовъ, быть можетъ, окончательно обезумѣть и поднять глаза свои на нее. Этими людямъ все придется въ голову. Карлинскіе погибли, если не положить конца всему этому.

Вслѣдствіе такой бесѣды съ самимъ собою, предсѣдатель объявилъ, что, не имѣя важныхъ дѣлъ дома, остается гостить въ Карлинѣ. Полковница, по своему обыкновенію, приняла эту фразу за желаніе выжить ее, но она была такъ счастлива въ сію минуту, что не побоялась остаться. За то мужъ ея сказалъ вадыхая: — Что касается до меня, то не смотря на мою привязанность къ семейству, къ которому *нѣкоторыми образомъ* имѣю счастье принадлежать, я долженъ ѣхать домой.

— *Нѣкоторыми образомъ*, пробормоталъ предсѣдатель: — хорошо еще, что онъ вставлялъ это словцо, а то я ужъ думалъ, что онъ подаритъ насъ родствомъ своимъ.

Юліанъ и Поля, бывшіе въ этомъ день въ ссорѣ и только что помирившіеся, не остерегались предсѣдателя, такъ что онъ могъ убѣдиться къ концу вечера, какъ далеко зашли они въ своихъ отношеніяхъ. Это открытіе поразило его тѣмъ болѣе, что онъ припомнилъ, какъ мать Юліана нѣсколько времени тому назадъ напрасно предостерегала его. Теперь она могла упрекать его, и онъ самъ сознавалъ вину свою. Пришедши въ свою комнату, онъ тотчасъ позвалъ къ себѣ стараго слугу Карлинскихъ, ревизора и эконома Барнавскаго, искренно привязаннаго ко всему семейству. Барнавскій былъ человѣкъ необыкновенно честный, но вѣчно возбуждавшій неумолкаемый смѣхъ во всѣхъ подчиненныхъ. Онъ постоянно суетился, приказывалъ, ссорился, а въ сущности ничего дѣльно не дѣлалъ — обмануть его было не трудно. Онъ любилъ болтать и разговаривать, постоянно хвастался *своими порядками*, постоянно ходилъ то туда, то сюда, сидѣлъ въ дѣвичьей, гдѣ всегда волочился за которой-нибудь изъ горничныхъ и слѣдственно зналъ всю подлостную

жизни въ замѣ и его окрестностяхъ. Такой человѣкъ въ такую минуту былъ находкою для предсѣдателя. Оставшись наединѣ съ Барнавскимъ, предсѣдатель пошелъ прямо къ цѣли и просто спросилъ у него, что говорятъ люди о молодомъ господинѣ и его отношеніяхъ къ паннѣ Аполлиаріи. Отвѣтъ Барнавскаго обратилъ догадки предсѣдателя въ несомнѣнную достовѣрность, и это такъ встревожило уже и такъ встревоженнаго старика, что онъ не могъ заснуть и вышелъ въ садъ, желая освѣжить себя прогулкою. Онъ, какъ и Алексѣй, набрелъ на влюбленныхъ и своими ушами могъ слышать разговоръ ихъ.

— Я не хочу обманывать себя надеждами, говорила Поля: — я знаю, что твои родные не позволятъ тебѣ жениться на бѣдной сиротѣ — но я на это и не рассчитывала. Я ничего не желаю, кромѣ твоего сердца.

Предсѣдатель недовѣрчиво покачалъ головою и продолжалъ слушать.

— Я знаю, что я сдѣлала, продолжала Поля, и буду имѣть мужество назвать мой поступокъ его именемъ. Сирота, взятая и воспитанная въ домѣ, я изъ безумной страсти возмущаю семейное спокойствіе и поступаю низко. Въ тебѣ любовь пройдетъ какъ сонъ, но я должна умереть если насъ разлучать....

— Поля расплакалась. Юліанъ утѣшалъ ее.

— Дитя, ужели ты такъ мало полагаешься на мое сердце, спросилъ онъ у ней.

— У тебя золотое сердце, но не въ твоей волѣ слѣдовать его внушеніямъ. Ужели ты думаешь, что за любовь мою я возьму въ награду твою руку, твое имя, твою будущность? Нѣтъ, во мнѣ есть своего рода гордость. Я тебѣ приношу жертву, но отъ тебя не приму ее.

Предсѣдатель не слышалъ конца разговора, онъ потихоньку отошелъ прочь и воротился домой. Случай какъ нельзя болѣе помогъ ему; сперва онъ сомнѣвался въ Полѣ, но ея голосъ, ея слезы завѣрили его въ искренности. Теперь онъ зналъ, какъ нужно было поступать и рѣшился сперва дѣйствовать на Полю, и убѣдить ее отступить отъ Юліана, а потомъ какъ можно скорѣе женить его и такимъ образомъ изгладить въ немъ самое воспоминаніе объ этой любви. На другой же день предсѣдатель сыскалъ случай говорить наединѣ съ женою полковника, которой сказалъ всю правду, также какъ и свой планъ для немедленнаго прекращенія этой любви. Мать Карлинскихъ пришла въ негодованіе и у ней едва достало словъ, чтобы клеймить по-

веденіе Поля. О поведеніи сына она не говорила вовсе и только благоразумныя холодныя рѣчи председателя могли удержать ее въ границахъ приличія. Еслибы не онъ, она бы непременно сдѣлала Поля страшную сцену. На другой же день послѣ своего разговора съ председателемъ, она цѣлый день провела въ своей комнатѣ, Юліана подъ камнемъ-то предлогомъ отослала къ сосѣдямъ, Анну къ Эмилю, а Алексѣя затаили дѣломъ. Такимъ образомъ председатель остался во всемъ домѣ одинъ съ Полей. Поля давно уже чула въ немъ недруга, теперь она сказалась больною, избѣгая лученія остаться съ нимъ наединѣ; но онъ прислалъ убѣдительно просить ее выйти къ нему. Бѣдная Поля, едва держась на ногахъ, отъ страха и волненія явилась къ нему. Председатель встрѣтилъ ее очень вѣжливо и ласково и увелъ ее въ садъ. Нѣсколько минутъ продолжалось убійственное молчаніе; Поля то блѣднѣла, то краснѣла, холодный потъ выступалъ на лбу ея.

— Полю, Аполлинарія, сказалъ наконецъ председатель, взявъ ее за руку, мы должны поговорить искренно и дружески. Я всё знаю, приложилъ онъ съ особымъ удареніемъ.

Слезы брызнули изъ глазъ дѣвушки.

— Вы всё знаете, а я ничего не хочу тайть, сказала она не безъ гордости, ну, что же вы придумали? Конечно выгнать изъ дому ту несчастную, которая внесла въ него и страсть и стыдъ.... Если выная ибудь жертва можетъ искупить мой грѣхъ, говорите, я готова....

— Я всегда надѣялся на наше сердце, на вашъ характеръ и на ваше ясное пониманіе людей и свѣта, холодно отвѣчалъ ей председатель. Я не обвиняю васъ, а только сожалею о васъ; понимаю также и то, что вамъ невозможно было жить съ нимъ и не любить его. Онъ гораздо виновнѣе васъ.

— Охъ! вы ошибаетесь, я одна виновата, воскликнула Поля.

— Но я надѣюсь, сказалъ председатель, что вы никогда не допустили мысли, что можете выйти замужъ за Юліана. Это случается иногда въ романахъ, а на свѣтѣ почти никогда; а если и случается, то ведетъ за собою тяжелыя жертвы, большія несчастія.

— Вы, надѣюсь, не обвиняете меня въ такомъ низкомъ расчетѣ?

— Нисколько, но вы безъ расчета, такъ привязали его къ себѣ, что вы только одинъ и можете теперь поправить зло это. Юліанъ любитъ любовью въ первый разъ въ жизни; пренятствія

только раздражать его и онъ прибѣгнетъ къ крайнимъ средствамъ. Вы однѣ можете сдѣлать это....

— Я всё сдѣлаю, но какую муку придумали вы для меня?

— Нужно, чтобы разрывъ произошелъ отъ васъ, чтобы вы полюбили другаго, и оттолкнули Юліана отъ себя—такимъ только образомъ вы можете поправить зло, которое сдѣлали.

Поля разсмѣялась мучительнымъ, спазматическимъ смѣхомъ.

— Конецъ достойный начала, воскликнула она; ради Бога, лучше выгоните меня изъ дому, очерните....

— Это бы ни къ чему не послужило, сказалъ предсѣдатель нисколько не трогаясь отчаяніемъ Поля; еслибъ мы васъ выгнали, онъ полетѣлъ бы за вами на край свѣта, оклеветанную онъ бы защищалъ.... но послѣ измѣны, у него останется только равнодушіе.

— Вы были молоды? сердце было у васъ? вдругъ спросила Поля.

— Лъшу себя надеждою, сказалъ вѣжливо предсѣдатель, что еще часть его ношу въ своей груди, и во имя его клянусь вамъ, что постараюсь облегчить для васъ ту жертву, которую вы намъ принесете. Выбирайте кого хотите, мы выдадимъ васъ замужъ, сдѣлаемъ приданое....

Поля откинулась въ сторону, какъ еслибъ получила ударъ въ сердце.

— Какъ вы смѣете говорить такъ со мною; вы на части раздражаете мое сердце. Это ужасно, это низко и подло!

— Тише, ради Бога тише, насъ могутъ услышать.

— Пусть слышутъ! воскликнула Поля.... Вы не знаете, что вы разшевелили въ моемъ сердцѣ—какое чувство пробудили неосторожно. Чувство мести— оно также сильно, какъ и любовь. Я держу въ рукахъ моихъ участь вашу; если я захочу, онъ на мнѣ женится.... Я заставлю его жениться на мнѣ, если хотъ разъ вы осмѣлитесь повторить мнѣ то, что сказали. За кого вы меня принимаете?

— За самое благородное существо, воскликнулъ предсѣдатель, замѣтивъ на какую фальшивую дорогу онъ взошелъ— я на колѣняхъ буду просить васъ забыть....

— Такія обиды не забываются. Этого не доставало! Заплатить! заплатить мнѣ.... вы о бѣдныхъ людяхъ не имѣете понятія! принцы да короли платятъ своимъ любовницамъ и выдаютъ ихъ замужъ! но вы не принцы, а я не изъ такихъ женщинъ, которыя берутъ на себя роль любовницы принцовъ.

— Вы сердитесь, сказалъ предсѣдатель: — а для нашего разговора надо имѣть хладнокровіе. Любите ли вы Юліана? Лучшимъ доказательствомъ любви вашей было бы самопожертвованіе.... Пощадите его, не оставляйте въ немъ жгучихъ сожалѣній.

— Говорите же что мнѣ дѣлать? сказала Поля, овладѣвая собою.

— Я ужъ сказалъ, вы должны заняться другимъ, бросить Юліана, раздражить его, и непремѣнно, непремѣнно выйдти замужъ.

— То есть сыграть комедію, драму, притвориться и собственными руками разорвать себѣ сердце, сказала Поля.

— Я не виновата въ этомъ, возразилъ предсѣдатель.

— Я виновата.... я знаю и должна заплатить.... избавить его отъ тоски и угрызений совѣсти.... Слушайте, г. предсѣдатель, я сдѣлаю это — хотя и умру — но если словомъ, намекомъ, мыслию вы дадите мнѣ поводъ думать, что хотите заплатить мнѣ.... я все разрушу, брошусь ему на шею и вырву его на вѣки изъ рукъ вашихъ.

— Простите неосторожное слово....

— Оставьте меня дѣйствовать и будьте спокойны: я не дорожу жизнію и принесу себя въ жертву съ гордостію. Я умѣла любить безъ расчета и пойду на страданіе безъ трепета.... Оставьте меня теперь!...

Она махнула ему рукою и онъ тихо удалился отъ нее и пошелъ въ свою спальню.

Поля не выходила изъ своей комнаты и сказалась больною; когда она показалась на другой день, Юліанъ искалъ на лицѣ ея разрѣшенія какой-то тайны, которую предчувствовалъ, но въ ней нельзя было ничего замѣтить, кромѣ опухшихъ отъ бессонницы глазъ, блѣдности и слѣдовъ страданія, происходившихъ быть можетъ отъ вчерашней болѣзни. Поля владѣла собою и, выбравъ дорогу, по которой должна была идти, вступила на нее съ геройской рѣшительностью. Юліанъ не могъ понять, что съ ней дѣлается, тѣмъ болѣе, что онъ привыкъ къ ея причудливости, безпричинной печали, горькимъ слезамъ, часто отравлявшимъ краткія минуты счастья, къ капризамъ воображенія, раздражавшимъ сердце. По этому онъ заключилъ, что вчерашняя болѣзнь и слѣды печали происходили отъ присутствія предсѣдателя, которое стѣсняло ее.

— Кто будетъ моей жертвой? думала Поля и сердце ея билось усиленно.

Юлианъ успокоенный пожатіемъ руки, ждалъ съ нетерпѣніемъ минуты, когда ему будетъ возможно увидѣться съ нею безъ свидѣтелей. Предсѣдатель притворился очень искусно, что ничего не видитъ, но за то жена полковника не скрывала своего гнѣва, своей ненависти къ Полѣ, и только присутствіе Анны удержало ее въ границахъ приличія. Такъ прошегъ весь день и никто не угадалъ бы подъ ежедневной маской, тайно разыгрывавшейся драмы.

Вечеромъ Юлианъ спѣшилъ въ бесѣдку — скоро пришла туда и Поля.

— Наконецъ-то, воскликнулъ онъ — ты не знаешь, что я вытерпѣлъ.

Поля грустно улыбнулась и, опираясь на его руку, сказала.

— Милый, не говори о страданіяхъ.... не будемъ отравлять ни вчерашнимъ, ни завтрашнимъ, нашего краткаго настоящаго счастья.

— Ты печальна? что съ тобою?

— Нѣтъ — ничего. Я грустна, потому что чѣмъ дольше живу, тѣмъ менѣе вѣрю въ себя, въ тебя, въ цѣлый свѣтъ.

— Въ меня? съ укоромъ сказалъ Карлинскій.

— Да и въ тебя. Вѣдь ты не имѣлъ бы рѣшимости сказать дядѣ, что такъ унизылъ себя. Слабый ангелъ мой! сказала она, цѣлуя его въ голову. А тутъ надо столько силы! Тутъ предстоитъ борьба не съ однимъ предсѣдателемъ, не съ одной матерью и сестрою, а съ цѣлымъ вашимъ свѣтомъ. Достало ли бы тебя на это?

Юлиану было стыдно и сердце его билось.

— Ты всегда упрекаешь меня въ слабости, но теперь убѣдишься....

— Молчи, прервала его Поля — я не хочу убѣжденій, я сто разъ говорила, что наша любовь не имѣетъ будущности. Къ чему возобновлять эти вопросы; мы свободны, какъ птички.... и когда я наскучу тебѣ, оттолкни меня и ты никогда не увидишь меня болѣе....

Такъ говорили долго молодые люди, гуляя по саду; надъ ними тяготѣло черное предчувствіе и первые проблески утренней зари, первое щебетанье разбуженныхъ птицъ разлучили ихъ; какъ Ромео и Юлію. Они, прощаясь другъ съ другомъ, провожали другъ друга изъ аллеи въ аллею и все дальше и дальше,

такъ что Поля очутилась на порогѣ комнаты Юліана. Тутъ слезы брызнули изъ глазъ ея, и она убѣждала, чтобы скрыть ихъ.....

На другой день Карлинскихъ посѣтилъ простодушный Юстинъ, и Поля рѣшилась сдѣлать его своею жертвою, очаровать, увлечь и выйти за него замужъ, чтобы освободить Юліана. Между тѣмъ онъ ничего не подозрѣвалъ, и наивно рассказывалъ предсѣдателю о всей весенней красотѣ природы, которою онъ уживался, идя иѣшкомъ въ Карминъ. Само собою разумѣется, что предсѣдатель слушалъ его съ презрѣніемъ, къ которому поневолѣ примѣшивалась досада, потому что Юстинъ обращался просто и совершенно равно и свободно со всѣми, и по мнѣнію стараго аристократа не выказывалъ ему и его роднымъ надлежащаго уваженія. Нѣсколько колкихъ словъ сказанныхъ имъ Юстину вызвали со стороны остальнаго семейства большую вѣжливость и ласку. Поля, рѣшившись однажды пожертвовать для Юліана и собою и Юстиномъ, принялась дѣйствовать. Она мало-по-малу сближалась съ Юстиномъ, не отдаляясь еще отъ Юліана; но онъ былъ ревнивъ и тотчасъ замѣтилъ это. На его вопросы и сомнѣнія Поля отвѣчала уклончиво, и нѣсколько не перемѣнила своего поведенія. Сперва она была насмѣшлива, шутлива и весела въ своемъ обращеніи съ Юстиномъ, потомъ сдѣлалась сентиментальна, восхищалась поэзіей и оставила въ сторонѣ всякія шутки. Простодушный, деревенскій поэтъ едва смѣлъ вѣрить такой перемѣнѣ и очень скоро поддался обаятельной красотѣ Поли и ея умному и полному поэзіи настроенію.

Онъ очень скоро, какъ всѣ простодушные и медальніе люди, одаренные въ-особенности сердцемъ, влюбился въ нее. Поля постоянно гуляла въ саду съ нимъ, слушала его стихи и восторженные рѣчи и почти не бывала съ Юліаномъ. Юліанъ безпокоился, хотя считалъ все это сперва шалостью, потомъ испытаніемъ — но наконецъ онъ не выдержалъ и пришелъ въ отчаяніе. Однажды вечеромъ, онъ вбѣжалъ въ комнату Поли, возоживъ себя объяснить съ ней непремѣнно, принять всѣ ея условія и воротить, какой бы то ни было цѣною, свое прежнее потерянное счастье. Онъ засталъ ее на колѣнахъ передъ распятіемъ, всю въ слезахъ, съ блѣднымъ и утомленнымъ лицомъ. Юліанъ остановился въ дверяхъ и Полѣ надо было обладать нечеловѣческими силами, чтобы увидя его встревоженное блѣдное

лицо, страданіе въ немъ изображенное, не броситься ему на шею. Она встала, и просила его выйти вонъ, говоря что тотчасъ придетъ за нимъ. Оба они вышли вмѣстѣ въ садъ. Онъ хотѣлъ было вести ее къ бесѣдкѣ, но она остановилась и сказала ему, что ей надо обвиняться съ нимъ только нѣсколькими словами.

— Именемъ Божиимъ заклиная тебя, Поля, скажи Юліанъ, объясни мнѣ въ чемъ дѣло? что случилось? Или ты любишь Юстина? Отталкиваешь ли ты меня, или только жестоко испытываешь?

— Я сама не знаю, кого люблю и что дѣлаю, проговорила дѣвушка; наше счастье исчезло, гдѣ искать его. Я всегда говорила тебѣ, что нашъ бракъ невозможенъ — что судьба раздѣлитъ насъ — не сегодня, такъ завтра; разстанемся же какъ это возможно, безъ упрековъ и презрѣнія.

Всегда кроткій и спокойный до-тѣхъ-поръ, Юліанъ вышелъ изъ себя, и воскликнулъ съ горечью.

— Что ты такое, наконецъ? Неужели тебѣ надо новой любви? Я жилъ спокойно; по какому праву ты отравила мнѣ жизнь, и теперь оставляешь меня! Ты не имѣешь этого права, ты моя!

— Я свободна, возразила Поля; когда ты обѣщалъ жениться на мнѣ, я смѣялась надъ тобою, потому что это было невозможно.

— И однако это будетъ, воскликнулъ Юліанъ.

— Нѣтъ, никогда, сказала Поля рѣшительно.

— Стало быть ты уже не любишь меня? воскликнулъ Юліанъ.

Поля опустила глаза и молчала. Богъ вѣсть, что могло бы стать съ нею и выдержала ли бы она роль свою, еслибъ Юліанъ вмѣсто того, чтобъ высказать ей свое горе не сталъ упрекать и оскорблять ее. Поля не могла вынести этихъ укоровъ, она зашаталась, но собрала послѣднія силы свои и убѣжала отъ него. Онъ медленно воротился домой, въ свою комнату, но не могъ снести одиночества и пошелъ къ Алексѣю. Этотъ испугался, увидѣвъ его; на лицѣ Юліана выражались всѣ чувства его волновавшія, какъ всѣ слабосильные и безхарактерные люди, онъ очевидно переживалъ кризисъ, въ которомъ, метаясь туда и сюда, разстрчивалъ малую долю энергіи, которой едва достало бы у него на краткое отчаяніе.

Онъ просилъ Алексѣя уговорить Полю выйти за него замужъ, обвиняться тайно, и послѣ ужъ открыться матери и

дядямъ; Алексѣй отказался быть посредникомъ между влюбленными и бѣдный Юліанъ бросился въ кресла и зарыдалъ какъ дитя.

Прошло еще нѣсколько дней; Поля продолжала привязывать къ себѣ Юстинѣ, Юліанъ глядѣлъ на это, но не смѣлъ, боясь предсѣдателя, явно высказать свою ревность; наконецъ сама Анна, жившая въ семьѣ, какъ-то особнякомъ стала замѣчать что-то необыкновенное вокругъ себя и пришла въ безпокойство. И она, какъ братъ ея, обратилась къ Алексѣю и спросила у него отчего Юліанъ страдаетъ и что случилось съ нимъ? Алексѣй не могъ сказать ей правды и отвѣчалъ опять, что брату ея необходимо разсѣяніе.

Анна замѣтила, что Поля и Юстинѣ кажется влюблены другъ въ друга и ушла очень довольная своей догадкой и мыслью, что ей скоро придется, быть можетъ, заняться приданнымъ подруги. Самъ Юстинѣ въ разговорѣ съ Юліаномъ высказалъ ему любовь свою къ Полю и тогда Юліанъ еще разъ рѣшился говорить съ ней, и окончательно увѣрится въ своемъ несчастіи. Поля, поставленная въ необходимость отвѣчать прямо и просто, сказала Юліану, что она не любитъ его, что она ошиблась.

Уничтоженный Юліанъ почувствовалъ ту мучительную тоску, которая овладѣваетъ человѣкомъ послѣ потери того, что онъ считалъ самымъ драгоценнымъ въ жизни, и инстинктивно желалъ избавиться отъ этой мучительной нравственной агоніи. Такого состоянія ждалъ предсѣдатель; онъ сторожилъ Юліана, и желая разсѣять его, увезъ съ собою въ домъ къ богатымъ сосѣдямъ, Гиреевичамъ, у которыхъ было огромное состояніе и единственная дочь. Дорогой онъ между прочимъ сказалъ племяннику:

— Откровенно скажу тебѣ, что Богъ какъ будто нарочно создалъ молодую Зенобію Гиреевичъ для одного изъ Карлинскихъ.

Юліанъ вздрогнулъ но не отвѣчалъ ни слова.

— Будь повеселѣе, прибавилъ предсѣдатель, вѣдь тебѣ это ничего не стоитъ.

Гиреевичи не принадлежали къ древнимъ родамъ нашего края; но въ аристократіи, какая бы ни была она, есть общее свойство, легко перемѣнять почву и приниматься на новой. Въ нашей аристократіи вошло въ обыкновеніе производить свой родъ, не

изъ отечества, а изъ-за моря, такъ что нѣкоторые роды, носящіе даже чисто національныя фамиліи, не могутъ помириться съ генеалогіей самою простою и обыкновенною, а предпочли бы признать своимъ родоначальникомъ неаполитанскаго фадина или нѣмецкаго бургомейстера, чѣмъ малоконюбнаго дворянина или казака. Каждый смотритъ какъ бы ускользнуть изъ родной земли и идетъ искать себѣ потеряннаго прапрадѣда въ Римѣ, Скандинавіи, Константинополѣ, Далмаціи, Истрии и такъ далѣе. Отецъ настоящаго Гиреевича, составилъ себѣ неизвѣстно чѣмъ огромное состояніе, а сынъ его изобрѣлъ себѣ старинную родословную, и къ гербу своему прибавилъ княжескую мантію, какъ доказательство своего происхожденія отъ крымскихъ хановъ гиреевъ. Графъ Юрій былъ женатъ на графинѣ Виллерсъ, происходившей отъ тѣхъ графовъ, которыхъ развелось у насъ такъ много въ царствованіе Станислава Августа. Домъ Гиреевича, какъ и ихъ происхожденіе, былъ очень оригиналенъ. Графъ Юрій былъ страстный музыкантъ, кромѣ того собиратель и любитель всякаго рода рѣдкостей, разсматриваніемъ которыхъ измучивалъ своихъ гостей, заставляя ихъ по неволѣ любоваться и бібліотекой и изящескимъ кабинетомъ и собраніемъ всякихъ старинныхъ вазъ и древностей. Но самымъ первымъ сокровищемъ и перломъ въ домѣ была молодешькая, единственная дочь Гиреевичей, Эсмеродія. Это была дѣвочка лѣтъ пятнадцати, нѣжная, избалованная, захваленная съ дѣтства и привыкшая внушать удивленіе, восхищеніе и любовь; весь домъ жилъ и дышалъ волею Зеи; она была неограниченная ея поведительница. Зея была впрочемъ не дурна собою, бѣлокура, съ голубыми глазами, стройная и ловкая; она была не зла, но прихотамъ и капризамъ ея было предоставлено широкое поле; имъ было гдѣ разгуляться. Мать Зеи была добрая и простая женщина и благоволяла передъ дочерью; сама она нѣкогда была очень красива и въ старое время, предсѣдатель былъ влюбленъ въ нее.

Гиреевичъ принималъ Карлинскихъ съ распростертыми объятіями, и измучилъ ихъ вдоволь выставкой древнихъ вазъ, оружія, дорогихъ старинныхъ мебели, осмотромъ бібліотеки, наконецъ согласился повести ихъ къ женѣ и дочери, которыя принарядившись, ждали ихъ въ гостиной. Юліана представила дамамъ, но онъ былъ такъ печаленъ и разстроенъ, что не могъ оживиться; Зея бросила на него бѣглый взглядъ и она ей понравилась — ей понравилась даже его несмѣлость. Разговоръ принялъ обычное направленіе и такъ какъ его трудно было под-

держивать, то козлова предложили послѣ чая небольшой концертъ. Зеня обѣщалась въ немъ участвовать. Гирсовичъ содержалъ квартетъ и канцельмейстера, и угостилъ своихъ посѣтителей безконечною домашнею музыкой. Зеня играла хорошо и отчетливо, но безъ тѣни чувства, и Юліану, привыкшему наслаждаться осмысленной игрою Поля, тяжело было слушать бездушное бренчанье этой дѣвочки. Ливнь только концертъ кончился, председатель замѣтилъ мрачную скуку, объявшаю Юліана, его нетерпѣніе послѣрѣе уѣхать, и считалъ за нужное не томить его болѣе; онъ распростился и, не смотря на просьбы козлава, уѣхалъ. Юліанъ сидѣлъ въ повозкѣ точно убитый.

— Какъ они не развеселили тебя, спросилъ его председатель.

— Они мнѣ ужасно надоѣли.

— А Земобія?

— Ее можно поставить на полку рядомъ съ индійскимъ божкомъ.

— Однако она хороша собою?

— Не дура.

— А миллионы ея?

Юліанъ опять не отвѣчалъ, и поздно вечеромъ они воротились въ Карлингъ.

Занявшись этими лицами, мы совершенно потеряли изъ виду Алексѣя и должны воротиться къ нему. Онъ всякій день все больше и больше любилъ Анну и все становился печальнѣе, понимая, что долженъ скрывать свою любовь, какъ страшную тайну, скрывать ея передъ собою и другими: лишенный надежды, онъ могъ только поклоняться своему идеалу. Онъ не могъ упрекать ее за то, что она его не любитъ, потому что самъ не считалъ себя достойнымъ любви ея — но онъ обвинялъ ее, что она никого не любила, что въ ней не было потребности сильной привязанности. Она не подозрѣвала, что есть тоска, знакомая молодости; она шла спокойно впередъ и никогда не глядѣла въ даль, за черту того, что окружало ее. Алексѣй, не смотря на ея холодность, считалъ ее святою и былъ готовъ на величайшія жертвы, лишь бы только ему остаться у дверей ея, слышать ея голосъ, видѣть ея улыбку, жить тамъ, гдѣ все было полно ею.... Прикованный, онъ влачилъ свое существованіе, не жалуясь на свои жестокия мученія. Эти мученія стали отражаться на

лицѣ его, во всей его особѣ, въ его движеніяхъ и даже въ образѣ мыслей.... Алексѣй утратилъ свою независимость, гордость, спокойствіе, веселость; глаза его впали, выраженіе лица было мрачно, губы упрямо молчали. Онъ трудился, но трудъ ужъ не былъ ему отраденъ, онъ не видѣлъ цѣли передъ собою. Когда онъ пріѣзжалъ въ Жербы, мать все печальнѣе и печальнѣе вглядывалась въ своего любимаго сына; иногда она уговаривала его, оставить Карлинъ и воротиться домой, но Алексѣй улыбался и молчалъ. Мать чуяла нравственную болѣзнь, его томившую, и рѣшилась поговорить съ графомъ Юношей, который тотчасъ высказалъ подозрѣніе, что быть можетъ Алексѣй влюбился. — Было рѣшено, что онъ отправится въ Карлинъ и самъ постарается, при помощи своей наблюдательности, отгадать въ чемъ дѣло. Графъ, не смотря на все свое отвращеніе отъ великосвѣтскихъ господъ и богатыхъ палатъ, немедленно отправился въ Карлинъ къ Алексѣю, и отъ него зашелъ къ хозяйкамъ, съ которыми былъ когда-то знакомъ. Онъ безъ всякаго труда отгадалъ тотчасъ, что Алексѣй любитъ Анну, но не почелъ однако нужнымъ объявить о своемъ открытіи старухѣ его матери; напротивъ того, онъ рѣшился скрыть отъ ней все это, и сказалъ только, что въ Карлинѣ всѣ любятъ ея сына, что ему жить тамъ хорошо и пріятно.

— По моему мнѣнію, сказалъ онъ въ заключеніе, Алексѣй больно много мечтаетъ, тоскуетъ, — оттого онъ исхудалъ и поблѣднѣлъ.... Поэзія пища не питательная — его бы надо стащить за ноги на землю, да женить.

— Поищите-ка ему жену.

— Гдѣ мнѣ найти ему жену? отвѣчала мать; я бы измучилась.... Это его дѣло.... Пусть его дѣлаетъ что хочетъ, я въ его дѣла не мѣшаюсь.

Между тѣмъ Поля разыгрывала взятую на себя роль, и съ геройскимъ самопожертвованіемъ шла неуклонно къ цѣли. Уже влюбленный до безумія Юстинъ былъ у ногъ ея, а Юліанъ съ бѣшенствомъ глядѣлъ на нихъ обоихъ. Сначала онъ язвительно насмѣхался надъ Полей, потомъ впалъ въ отчаяніе, и наконецъ отъ усталости упалъ совершенно духомъ. Въ этомъ хиломъ сердцѣ небыло силы ни для борьбы, ни для сильной привязанности, и первое столкновеніе съ жизнію уничтожило въ немъ и волю и страсть и ту безконечно малую долю силы, которыми

надѣлила его мать природа. Когда онъ увидѣлъ, что Поля рѣшительно его оставила и любить повидимому другаго, огромное бремя упало съ плечь его — онъ могъ наконецъ отдохнуть и печаль замѣнила недавнее отчаяніе. Иногда пробуждалось въ немъ воспоминаніе о прошломъ и жгучее сожалѣніе о потерянной любви — тогда онъ принимался роптать и плакать.

Въ одинъ лѣтній вечеръ, живо напомнившій ему недавнія свиданія съ Полей въ бесѣдкѣ, онъ вошелъ къ Алексѣю и спросилъ у него: — объясни ты мнѣ Полю, меня самого и наше положеніе.... вѣришь ли, я ничего не понимаю.

Алексѣй молчалъ.

— Ради Бога, скажи мнѣ, посоветуй, спаси меня. Прошу тебя во имя нашей дружбы, скажи, чтобы ты сдѣлалъ на моемъ мѣстѣ?

— Все зависитъ теперь отъ того, любить ли тебя Поля или нѣтъ, сказалъ Алексѣй?

— А какъ ты думаешь? Если ты мнѣ другъ, говори всю правду, отвѣчалъ ему Юліанъ.

— Все поведение Поли загадка.... Кто знаетъ, твоя мать, твой дядя могли имѣть на нее вліяніе; вы плохо хранили свою тайну — всѣ знали о ней. Мнѣ сдается, что Поля играетъ комедію, чтобы освободить тебя.

— Мнѣ уже приходила мысль эта, отвѣчалъ Карлинскій, холоднѣе прежняго: — что же мнѣ дѣлать?

— Не спрашивай меня.... было время когда тебѣ можно было бѣжать отъ нея — теперь тебѣ остается одно пренебречь всѣмъ, идти съ ней въ церковь и обвѣнчаться.

Юліанъ стоялъ, какъ окаменѣлый.... видно было, что онъ колебался.... онъ хотѣлъ любить, но боялся жениться.

— Я люблю ее, отвѣчалъ онъ, но можемъ ли мы быть счастливы?

— Рѣчь уже идетъ не о счастіи, а о долгѣ твоемъ въ отношеніи къ ней; она отдалась тебѣ и жизнь твоя принадлежитъ ей, сказалъ ему Алексѣй.

Карлинскій смѣшался.

— Знаешь ли, сказалъ онъ робко, перемежая разговоръ, что дядя нарисовалъ мнѣ, и вѣроятно не безъ цѣли, картину моей будущности, если я женюсь на бѣдной дѣвушкѣ.

И Юліанъ слово въ слово повторилъ всѣ доводы дяди; Алексѣй пожалъ плечами.

— Стало быть ты боишься бѣдности, говори откровенно, сказалъ ему Алексѣй. Да, ты боишься ее, — въ такомъ случаѣ, мнѣ жаль тебя сердечно — ты погибъ. Посмотри на чѣмъ основано твое счастье: на состояніи, деньгахъ, то есть, на самыхъ непрочныхъ изъ всѣхъ земныхъ благъ.... И для прикостей и комфорту ты готовъ пожертвовать своими принципами, любовью, честью?...

— Вотъ какъ! сказалъ обиженный Юліанъ.

— Ты хотѣлъ, чтобы я говорилъ откровенно — я не умѣю говорить не такъ какъ думаю. Говори и ты — я буду слушать и буду радъ, если ты оправдаешься.

Юліанъ сдѣлался холоденъ и припомнилъ самъ себѣ, что не смотря на дружбу, Алексѣй и онъ не были равны другъ другу. Голосъ его изобличилъ обиженного барича, когда онъ произнесъ слѣдующія слова:

— Все это однѣ фразы! Я люблю Полю, но не вижу ни для себя, ни для ней счастья въ бракѣ. Бѣдные, отверженные родными, съ такою бурною любовью, какъ наша....

— Отчего жъ ты вспомнилъ о деньгахъ?

— Потому что въ деньгахъ одинъ изъ задатковъ спокойствія и счастья.

— Нѣтъ, Юліанъ. Одна нужда забиваетъ человѣка, а нужда при твоёмъ состояніи не можетъ тебя коснуться; наконецъ ты могъ бы трудиться....

— А! разнѣ ты не знаешь, какъ я воспитанъ. Для меня недостатокъ — есть ужъ нужда.

Алексѣй печально замолчалъ и, взглянувъ въ окно на мѣсяцъ, сказалъ вполголоса.

— Далекое оно, очень далеко осталось за нами время нашихъ университетскихъ прогулокъ, далеко отъ насъ и тѣ мысли, которыми мы тогда дѣлились! Далекое и то, о чѣмъ мы разсуждали съ такимъ жаромъ, встрѣтаясь на постояломъ дворѣ. Кажется, я еще все тотъ же, но тебя уже измѣнило холодное прикосновеніе вашего общества.... Я не обвиняю тебя, ты слабъ; помни только, что счастье не тамъ, гдѣ ты его предполагаешь; даже спокойствія ты не найдешь въ одномъ богатствѣ, если оставишь его въ первомъ ряду условій жизни.

— Ты ошибаешься; я бы не боялся бѣдности одинъ, но съ Полей....

— Съ нею! бояться! да она готова отдать за тебя жизнь свою.

— Стало быть ея отношенія къ Юстинѣ одна комедія? спросилъ вдругъ Юліанъ.

— Не знаю — но не могу ничѣмъ инымъ объяснить себѣ этой внезапной переменны.

Юліанъ началъ ходить по комнатѣ молча.

— Все это выше силъ моихъ, сказалъ онъ наконецъ: — я не создаю для борьбы... я знаю Полю и знаю, что не былъ бы счастливъ съ нею.

— Но, ради Бога, вспомни, чѣмъ ты обязанъ ей.

— Обязанъ!... я?... воскликнулъ Юліанъ: — скажи лучше, она.... Никто бы не устоялъ на моемъ мѣстѣ... она увлекла меня....

Алексеѣ сказалъ ruhig.

— Молчи, ради Бога, воскликнулъ онъ: — эти слова не должны были сорваться съ твоего языка. Она дѣвочка, не понимающая опасности; виноватъ ты, какъ старшій, какъ мужчина, и тысячу разъ виноватъ тѣмъ, что смѣешь обвинять ее.

Юліанъ почувствовалъ себя обиженнымъ.

— Я вижу, сказалъ онъ, — что въ сущности, чѣмъ больше мы живемъ, тѣмъ меньше старые друзья понимаютъ насъ. Тебя жизнь и опытъ ничему не научили: ты еще все принимаешь по студенчески, горячо, и декламируешь... Я созрѣлъ гораздо болѣе.

— Не хвались этимъ; вѣдь ты самъ вызвалъ меня на разговоръ... дѣлай, что хочешь... ужъ это до меня не касается.

— Ты ужъ ко мнѣ черезъ чуръ строгъ.

— Также строгъ, какъ былъ бы къ себѣ самому. Въ нравственномъ отношеніи нѣтъ средней дороги и уступокъ...

— Но если сама Поля не хочетъ слышать обо мнѣ и отвергаетъ меня.

— Если ты этому вѣринишь — то я не имѣю ничего отвѣчать тебѣ.

— Но вѣдь ты видишь самъ, малый Алексѣй.

— Я ничего не вижу, не знаю, и не хочу ни видѣть, ни знать. Лучше пойдѣмъ въ садъ и покодимъ тамъ молча; это припомнитъ намъ, быть можетъ, счастливое время нашей молодости... Молодость и жизнь — такая это жестокая антитеза!

Бываютъ минуты, когда самый обыкновенный изъ гостей пріятель, потому что онъ служитъ громовымъ отводомъ, разлагающимъ элементомъ; онъ избавляетъ отъ угрожающей от-

кровенности, отъ семейныхъ сценъ, и всё надѣваютъ для него маски и забавляютъ гостя.

Въ Карлинѣ всё были рады нечаянно пріѣхавшему посѣтителю. Это былъ однофамилецъ и племянникъ графа Замшанскаго, Альбертъ Замшанскій, недавно возвратившійся изъ путешествія по Европѣ. Мы уже видѣли въ Карлинѣ графа, обожателя Лолы Монтезъ и знатока въ сигарахъ — теперь онъ явился съ племянникомъ, который одѣвался превосходно и по послѣдней модѣ. Альбертъ былъ средняго росту, живой, ловкій, съ усиками и бородкой, подстриженными по модѣ, также какъ и волосы, и долженъ былъ понравиться всякому. Онъ въ первую минуту поражалъ всѣхъ своимъ неслыханнымъ знаніемъ свѣта и людей, своей ученостью, смѣлостію взглядовъ и умственнымъ превосходствомъ. Одаренный талантами и быстротою пониманія, онъ весь былъ созданъ для перваго взгляда и перваго впечатлѣнія, созданъ, такъ сказать, на показъ, но за всѣмъ этимъ таилась глубокая пустота и отсутствіе всякихъ мѣтній. Онъ не имѣлъ ни постоянныхъ правилъ поведенія, ни точки, съ которой бы глядѣлъ на жизнь. Онъ ничего не зналъ основательно, ничего не любилъ искренно, ничѣмъ не занимался, и былъ истиннымъ сыномъ XIX вѣка, прежде всего заботящимся о комфортѣ, а потомъ уже о репутаціи и наконецъ, послѣ всего, о сдѣлкахъ съ совѣстью и внутреннемъ мирѣ. Холодный какъ ледъ, веселый какъ птичка, вѣжливый, привѣтливый, блестящій, онъ очаровывалъ кого хотѣлъ и зналъ это, умѣя при случаѣ прикинуться скромнымъ и тихимъ; всё прокричали о немъ, какъ о феноменѣ, о воплощенномъ совершенствѣ. Прибавьте къ этому, что онъ, объѣздивъ всю Европу, слышалъ и видѣлъ всё знаменитости, былъ коротокъ съ Понятовскими во Флоренціи, съ Ламартиномъ и принцессою Матильдой въ Парижѣ, былъ принятъ при саксонскомъ дворѣ и представлялся королю прусскому.

Юліанъ и предсѣдатель почувствовали, какая знаменитость посѣтила домъ ихъ, и такъ какъ Альбертъ сразу поставилъ себя съ ними на ногу короткости, то они не нарадовались своему новому знакомцу. Да и какъ могло быть иначе; Альбертъ положительно зналъ, какимъ цвѣтомъ окрашены ложи въ парижской оперѣ, съ которой стороны входъ въ Jardin des plantes и какъ зовутъ тѣхъ лошадей, которыя выиграли послѣдніе призы на скачкахъ. Однимъ словомъ, и въ Карлинѣ, какъ вездѣ, онъ очаровалъ всѣхъ, даже Анна, святая Анна, также поддалась обаянію хорошенькаго щеголя, который посматривалъ на нее съ

чувствомъ меланхолическаго и живѣйшаго участія. Предсѣдатель открылъ въ Альбертѣ тотчасъ всё добродѣтели, всё свойства, которыя могъ бы желать найдти въ другѣ; Юліанъ съ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя атмосферу чужихъ краевъ, атмосферу Париза, которая вѣяла отъ графа Альберта. Но что могло привлечь Анну?

Это тайна; мы, что ни шагъ, встрѣчаемся съ непонятными симпатіями и влеченіями. Самые обширные умы спускаются къ самымъ обыкновеннымъ умамъ, самыя чистыя сердца бываютъ притянуты къ самымъ развратнымъ.... Какой же неразгаданный доселѣ законъ управляетъ нами? разумъ напрасно ему сопротивляется и годенъ только на то, чтобы быть свидѣтелемъ нашего паденія.

Альберту тоже все понравилось въ Карлинѣ; онъ восхищался даже стариннымъ замкомъ, садомъ, семействомъ, словомъ, всемъ и всѣми, и съ великимъ удовольствіемъ согласился остаться погостить тамъ. Когда онъ наконецъ уѣхалъ, самыя стѣны, казалось, трещали отъ похвалъ, которыми его осыпали. Только Поля, Юстинъ и Алексѣй молчали; молчаніе послѣдняго безпокоило Анну и она рѣшилась поговорить съ нимъ. Но этотъ разговоръ не только не привелъ ихъ ни къ какому хорошему результату, но еще отдалилъ Анну отъ Алексѣя. Несчастный молодой человѣкъ былъ такъ поработченъ своей любовью, что не смѣлъ высказать откровенно своего мнѣнія объ Замшанскомъ, а показалъ только, что не раздѣляетъ мнѣній Анны — и этого ужъ было слишкомъ довольно, чтобы заставить ее охладѣть къ нему. Она была въ восторгѣ отъ Альберта.

Между тѣмъ, отѣхавъ немного отъ Карлина, старый и молодой Замшанскіе взглянули другъ на друга.

— Ты всёхъ заполонилъ, поздравляю тебя, сказалъ зятекъ сигаръ.

— Это домъ очень пріятный, хотя на немъ и есть ржавчина деревни, отвѣчалъ Альбертъ. — Анна Карлинская красавица.... А каково ихъ состояніе?

— По имени и связямъ Карлинскіе стоятъ очень высоко, мнѣніе ихъ разстроено, но все еще значительно. Къ тому же у нихъ два бездѣтныхъ дядей, слѣдовательно, Анна принесетъ въ приданое слишкомъ полмилліона.

— Это отличная партія, воскликнулъ Альбертъ, въ семействѣ котораго, хотя и не бѣдномъ, было такое изобиліе дѣтей, что на его долю приходилось очень небольшое состояніе.

— Для тебя это было бы отлично. Почему бы тебѣ не постараться, сказалъ старикъ, желанный породниться съ Карлинскими. — Анна холодная какъ ледъ, но ты и ей умѣлъ понравиться. Остается половчѣе обойтись съ председателемъ, который глядитъ на вещи съ положительной точки зрѣнія, и нѣсколько не легко обморочить, да понравиться пану Атаназію — этому аристократу *во Христъ*.

— О, мы найдемъ средство и противъ нихъ! сказалъ Альбертъ и задумался.

— А теперь поѣдемъ къ Гиреевичамъ; тутъ два милліона чистыми деньгами и дѣвушка не дурна собою; отецъ и мать смѣшны, но за то имѣютъ чѣмъ это выкупить.

Альбертъ разсмѣялся.

— Надо посмотрѣть и этихъ — поѣдемте туда, сказалъ онъ.

Влюбленный до безумія Юстинъ отырылся своему воспитателю Атаназію, что хочетъ жениться, и когда тотъ спросилъ у него, чѣмъ онъ будетъ жить, то Юстинъ едва нашелся отвѣчать — онъ никогда не думалъ объ этомъ. Атаназій Карлинскій успокоилъ его и сказалъ, что онъ давно приготовилъ ему въ подарокъ одно изъ своихъ имѣній, *Горы*, гдѣ есть усадьба и все нужное для простой, но безбѣдной жизни. Счастливымъ Юстинъ полетѣлъ въ Карлиги, чтобы подѣлиться съ Полей этой пріятной новостью. Когда Юстинъ увидѣлъ ее, блѣдную и встревоженную, и хотѣлъ пожать ей руку, то остановился передъ нею молча.

— Знаете ли, зачѣмъ я пришелъ сюда, сказалъ онъ ей наконецъ.

— Не знаю, отвѣчала она.

— Съ просьбою; здѣсь намъ не хорошо и какъ-то грустно, отдайте мнѣ вашу руку и уйдемъ отсюда.

— Куда? спосила Поля.

— Въ *Горы*; они мои; тамъ у меня домъ, тѣнь деревьевъ, рѣка и деревенская тишь. Тамъ все....

Поля встала съ какою-то безумною рѣшительностію, подала ему руку и повела его въ садъ. Юстинъ глядѣлъ на нее съ безпокойствомъ, потому что на лицѣ ея изображалась внутренняя, жестокая борьба.

— Теперь поговоримъ о будущемъ, сказала Поля: — та, ко-

той вы отдаёте сердце и руку, не стоить васъ. Знаете ли вы ея прошедшее?

— Прощедшее не принадлежитъ мнѣ... но ваше сердце — мое, не правда ли?

— Мнѣ надо наконецъ сказать вамъ всю правду, бѣдная, воскликнула Поля, заливаясь слезами. — Хотя признаніе ужасно, но я не хочу ничего скрыватьъ передъ вами... я любила и люблю другаго... я принадлежу другому и ничего не могу отдать вамъ, кромѣ руки моею...

Юстинъ поблѣднѣлъ и задрожалъ.

— Ты меня обманывала, сказалъ онъ.

— Обманывала. Мнѣ должно было оттолкнуть того, кого я любила, удалить его отъ себя навсегда и я притворилась влюбленною въ тебя.

— Есть ли въ тебѣ сердце? воскликнулъ онъ съ гнѣвомъ, но гнѣвъ этотъ растаялъ, когда онъ взглянулъ на лицо ея.

— Оттолкни меня, съ презрѣніемъ сказала Поля: — я не стою тебя, твоего чистаго сердца и святой любви. Прости меня.

— Простить, но могу ли я обвинять, когда мнѣ такъ жаль тебя. Я люблю тебя... и все принимаю. Я не хочу знать и разбирать прошедшаго, не буду просить любви твоей, а только буду любить тебя самъ. Надѣюсь, что Господь Богъ, тишина, уединеніе и мои о тебѣ заботы излѣчатъ печаль твою.

— Такъ ты не презираешь меня, спросила она шепотомъ.

— Мнѣ жаль тебя, повторилъ онъ: — мнѣ больно за тебя. Завтра я скажу обо всемъ Аннѣ и Юліану, обвиняюсь съ тобою, и уѣдемъ въ Горы.

— Да, уѣдемъ, повторила дрожа съ головы до ногъ, бѣдная Поля: — уѣдемъ. Здѣсь воздухъ отравленъ... здѣсь жить нельзя... здѣсь все обманчиво... это не нашъ свѣтъ, не наши люди...

Поля замолчала и молча возвратилась въ замокъ вмѣстѣ съ Юстиномъ. Взглядъ Юліана, подозрительный и холодный поразила ее; уже давно онъ избѣгалъ ее, — Поля достигла цѣли — но сердце ее было разтерзано. Казалось ему не многого стоило забыть любимую женщину, забыть прошедшее, научиться презирать то, что онъ любилъ когда-то. Любовь его была слаба, и скоропроходяща!

Анна съ радостію узнала о замужствѣ Поли и спѣшила поѣхать этой новостію съ братомъ. Смертельная блѣдность покрыла лицо его при этой вѣсти, а выраженіе страданія изо-

бразилось на немъ такъ рѣзко, что Анна впервые догадалась и поняла, что происходило около ней.

— Тутъ есть всё условія для счастья, сказала она брату: — равенство положеній, сходство мыслей, обоюдная склонность.... дядя Атаназій обезпечиваетъ ихъ будущность — чего жъ больше желать?

— Правда твоя, Анна, они будутъ счастливы, сказалъ Юліанъ, поспѣшно выходя изъ комнаты. Поговори обо всемъ съ предсѣдателемъ.

Юліанъ заперся у себя. Никогда человѣкъ не чувствуетъ такъ живо цѣны своего сокровища, какъ въ ту минуту, когда его теряетъ. Теперь въ Юліанѣ вдругъ проснулась подавленная любовь, и чувство долга, и мученье, и невыразимая тоска. Онъ ходилъ по комнатѣ, какъ помѣшанный, ломалъ себѣ руки и удерживалъ себя въ недостаткѣ силы и воли, въ томъ, что не умѣлъ предпочесть настоящее счастье какому-то сомнительному будущему. Онъ бессильно метался, ни на что не умѣлъ рѣшиться и только умѣлъ страдать....

Алексѣй вошелъ къ нему, и засталъ его въ какомъ-то окаменѣніи.

— Я все знаю, сказалъ онъ ему: — ты не имѣлъ силы и смѣлости бороться за счастье и поссориться съ цѣлымъ свѣтомъ; умѣй теперь хладнокровно и мужественно перенести страданіе.

— Ты отличный менторъ, сказалъ Юліанъ съ досадой: — ты холоденъ какъ камень и такъ устроилъ себѣ жизнь, что она идетъ, какъ англійскіе часы. Оставь меня въ покоѣ, забудь обо мнѣ! Ты никогда не любилъ, и не терялъ того, что любилъ.

Алексѣй замолчалъ.

Въ эту минуту вошелъ предсѣдатель, который всегда боялся вліянія Алексѣя на племянника, и не желалъ оставить ихъ теперь вдвоемъ. На порогѣ показалась его улыбающееся лицо.

— Вотъ и у насъ свадьба! Вѣдь ты ужъ знаешь, что Поля выходитъ за Юстина. Лучшей парочки подобрать нельзя. Намъ однако надо что-нибудь сдѣлать для Поли.

— Конечно, сказалъ съ замѣшательствомъ Юліанъ: — Анна распорядится.

— Да, приданымъ — но надо бы дать ей денегъ, хотя пять-сотъ дукатовъ.

— Но, захочетъ ли она взять ихъ? сказалъ Юліанъ.

— Будь пожененъ, возьметъ. Еслибъ я могъ также уладить и твою свадьбу съ Зенобіей Гиреевичъ.

— Мнѣ ничто не удается, сказалъ Юліанъ печально.

— Пустяки, возразилъ дядя. Любовь такого рода какъ любовь Поли и Юстина не можетъ возбуждать зависти, а если ты въ самомъ дѣлѣ завидуешь имъ, то кто тебѣ мѣшаетъ завести свой романъ и покончить его, когда онъ тебѣ надоѣстъ, да хоть бы съ этой же самой Полей, которой черезъ нѣсколько мѣсяцевъ непременно наскучить ей позѣтъ....

Они взглянули другъ на друга. Юліанъ былъ возмущенъ.

— Я еще не такъ старъ, чтобы холодно разсуждать о страданіяхъ сердца. Я вѣрю въ любовь и....

— И я также, сказалъ предсѣдатель, усаживаясь въ креслѣ: — въ свое время всѣ мы любили.... а потомъ научились просто любить женщинъ... а потомъ любить только самихъ себя. Поэзія гаснетъ — дѣйствительность вступаетъ въ свои права. Я тебѣ вмѣсто отца и ты долженъ быть откровененъ съ своимъ старымъ дядей. Мнѣ сдается, что ты чувствовалъ маленькую симпатію къ Полѣ. Тутъ ничего нѣтъ удивительнаго. Хорошенькая дѣвушка, умная головка, большой талантъ, горячее сердце. Но для тебя все таки большое счастье, что Юстинъ на ней женится.

Юліанъ покраснѣлъ.

— Чего ты стыдишься; я радъ, что огонь погасъ въ тебѣ, il faut que jeunesse se passe. Можетъ быть тебѣ неприятно, что она будетъ принадлежать другому, но держать любовницу на глазахъ Анны, да, еще сироту воспитанную въ вашемъ домѣ, неприлично. Все это устроилось какъ нельзя лучше. Ты повздыхаешь да и забудешь, ну, а еслибы вы со временемъ вспомнили старое....

Предсѣдатель размѣялся и началъ ерошить голову съ комической миной.

— Поговоримъ теперь о другомъ — я увѣренъ, что ты все это принималъ такъ горячо къ сердцу, благодаря совѣтамъ этого глупца Алексѣя. Я вижу это по твоей трагической омурѣ. Я самъ пригласилъ его въ Карминъ и вижу какую сдѣлалъ непростительную глупость — я его терять не могу. Онъ внушаетъ вамъ фальшивыя понятія, овладѣлъ Анною, тобою, привязалъ къ себя Эмиля, который безъ него жить не можетъ — куда не ступи — вездѣ онъ; никто безъ его согласія и позволенія ни-

чего здѣсь не дѣлаетъ — это мнѣ надоѣло. У него есть какіе-нибудь проекты и планы.

— Милый дядя — онъ самый честный человѣкъ, къ тому же мои отношенія съ нимъ самыя дружескія и короткія.

— Все это прекрасно, только я короткости не умѣю выносить отъ людей такого рода, и скажу тебѣ прямо, что я хочу удалить отсюда этого Дробицкаго.

— Это будетъ трудно — безъ причины? Да и Анна... скажи Юліанъ.

— Я съ ней поговорю объ этомъ. Уже одно то, что отъ него нельзя избавиться, когда хочешь, должно тебѣ раскрыть глаза...

— А Эмиль? спросилъ Юліанъ.

— Обойдется и безъ этого опекуна. Его можно отвести въ Варшаву для дальнѣйшаго воспитанія.

— Надо бы спросить Анну? опять возразилъ Юліанъ.

— Мы и спросимъ.... Для меня этотъ Дробицкій невыносимъ — да и тебѣ онъ въ тягость, только ты не хочешь признаться.

— Я! я люблю его! Мы такъ ему обязаны....

— Помни всегда, важно перервалъ его дядя: — что если люди его класса дѣлаютъ услуги, то за нихъ платятъ; и мы заплатимъ Алексѣю — чего лучше платить, какъ наличными деньгами?

Этимъ разговоръ и кончился.

Предсѣдатель не медлилъ исполненіемъ своего плана; къ Аннѣ пристуиться было труднѣе, но старикъ обдѣлывалъ и не такіе дѣла. Онъ началъ разговоръ свой съ того, что расхвалилъ Алексѣя и потомъ уже пожалѣлъ, что онъ человѣкъ не практическій и потому не довольно хорошій управляющій. Жаль было потерять такого человѣка, но что же дѣлать?

При этихъ словахъ дяди, Анна испугалась и, вставъ съ мѣста, воскликнула.

— Вы вѣрно ошибаетесь! Подумайте, что желая лучшаго мы теряемъ....

— Я вижу, что ты очень къ нему привязана, сизалъ ей дядя смѣясь.

— Всѣмъ сердцемъ, отвѣчала она.

Онъ поцѣловалъ ее въ голову, продолжая улыбаться и оставилъ разговоръ до другаго разу.

Свадьба Поля состоялась посреди семейнаго круга. Тотчасъ послѣ вѣнчанья, она почувствовала себя нездоровой и просила мужа увезти ее изъ Карлина. Онъ тотчасъ велѣлъ подать экипажъ, и не дожидаясь обѣда, не простясь ни съ кѣмъ кромя Анны, посадилъ въ него жену свою и поѣхалъ съ ней въ Горы. Дорогой Поля горько плакала — онъ молчалъ, и молча сжималъ ее руку, которую держалъ въ своихъ рукахъ. Когда она пріѣхали, онъ ввелъ ее въ домъ. Все въ немъ вѣяло заустѣннѣемъ, нигдѣ не было слѣдовъ жизни. Въ комнатахъ Поля стояли ея вещи, привезенныя изъ Карлина; она со слезами кинулась къ нимъ. Это были фортепяно, кресла, рабочій ея столикъ, корзинка для работы и кое-какія бездѣлюшки, къ которымъ она привыкла; нѣкоторыя изъ нихъ были разломаны или разбиты при перевозкѣ. Разломано и разбито было и то прошедшее Поля, которое она напоминали ей. Войдя въ одну изъ комнатъ, они застали въ ней стараго Атаназія. Его важная, суровая фигура, погруженная въ религиозныя размышленія поразила Полю, которая почти не знала его. Она невольно прижалась къ мужу.

— Послѣ Карлина тебѣ будетъ здѣсь скучно, дитя мое, сказалъ онъ, обращаясь къ Полю, — на землѣ всѣ мы изгнанники. Мы тоскуемъ, не вѣдая о чемъ, тоскуемъ по небѣ, нашей отчизнѣ, тоскуемъ по Богѣ, ища его въ людяхъ и не имѣемъ покоя до-тѣхъ-поръ, пока въ его лонѣ найдемъ и покой и счастье. Вотъ вашъ домъ, въ которомъ вамъ суждено провести краткую земную жизнь. Тебѣ, женщина, все должно дѣлиться съ мужемъ.....

И онъ вдался по своему обыкновенію въ длинное мистическое поученіе, которое Поля не совсѣмъ поняла.

— Я старикъ и не буду мѣшать вамъ, сказалъ онъ въ заключеніе, я зашелъ сюда, чтобы взглянуть на васъ, и возвращаюсь домой. Если вамъ будетъ что-нибудь нужно, то пришлите ко мнѣ.

Онъ всталъ и вышелъ скорыми шагами.

А въ Карлинѣ было веселѣе; хотя Анна и вспоминала о Полю, подругѣ дѣтскихъ лѣтъ, но гости, семья, шумъ не давали ей возможности задуматься. Можетъ быть виною этой веселости Анны былъ въ-особенности Альбертъ Зампанскій, который опять пріѣхалъ въ Карлинъ и продолжалъ очаровывать всѣхъ собою. Въ первый разъ Алексѣй съ стѣсненіемъ сердца увидѣлъ, что Анна смущается отъ взглядовъ молодого человѣка, что она краснѣетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ кажется веселою и становится необыкновенно любезною; словомъ: всѣ эти признаки

рождающагося чувства не ушли отъ зоркаго его взгляда. Если бѣ онъ могъ только сказать себѣ въ утѣшеніе, что онъ стоитъ ее. Невыразимая боль сердца томила его при мысли, что она, этотъ идеаль его, достается самому обыкновенному изъ всѣхъ людей — когда онъ, считая себя недостойнымъ ея, не смѣлъ поднять на нее глазъ, и только издали дерзалъ поклоняться ей, какъ поклоняются святынѣ.

Родные скоро замѣтили склонность Анны къ Альберту, и всѣ были рады этому, кромѣ предсѣдателя; ему надо было узнать достоверно, каково состояніе Замшанскаго. Поэтому онъ рѣшился выспросить все у дяди, который въ свою очередь былъ очень тонокъ и не скоро говорилъ то, чего сказать не хотѣлъ. Эти два старые бойца сошлись вмѣстѣ и борьба завязалась. Дядя Замшанскаго оказался тоньше предсѣдателя — не отвѣчая на его вопросы, или отвѣчая на нихъ уклончиво, онъ успѣшилъ признаться, что желалъ бы женить племянника и имѣть уже свои виды на Зенобію Гиреевичъ. Предсѣдатель смутился и, испугавшись за Юліана, не догадался, что это былъ не болѣе какъ искусный маневръ со стороны Замшанскаго, который зналъ, что изъ боязни потерять Зенобію для Юліана, предсѣдатель согласится оставить Альберта ухаживать за Анной. Правда, что Замшанской охотно женилъ бы племянника на Зенобіи, но тамъ дѣло не совсѣмъ ладилось, и родители богатой невѣсты не хотѣли отдавать единственную дочь за пріѣзжаго, незнакомаго имъ челоуѣка, когда имѣли подъ рукой Юліана, семейство котораго было издавна дружно съ ними.

Послѣ первой минуты удивленія и смущенія предсѣдатель оправился и признался, что и онъ думалъ о Зенобіи для своего племянника, на что Замшанскій сказалъ спокойно.

— А я и не зналъ этого, — но впрочемъ такъ какъ мы вы, ни я не интриганы, то не будемъ завоевывать невѣсту хитростью — а кому Богъ дастъ счастье....

Предсѣдатель успѣшилъ согласиться, и хотя сохранялъ спокойный видъ, но внутренно мучился боязнію и страхомъ вынуть изъ рукъ миллионы Гиреевичей. Разговоръ его былъ прерванъ появленіемъ слуги, звавшаго ихъ въ гостинную пить чай. Оба застали молодыхъ людей вмѣстѣ; Анна разливала чай, Альбертъ любезничалъ съ ней и рассказывалъ что-то о Парижѣ и тамонней жизни. На замѣчаніе Анны, что въ парижскихъ жителяхъ преобладаетъ чувство эгоизма, Альбертъ горячо всту-

нился за это свойство души человеческой и сказалъ слѣдующую замѣчательную тираду.

— Эгоизмъ хорошо понятый не такъ страшенъ и не отвратителенъ, какъ кажется. Въ хорошемъ значеніи онъ вмѣщаетъ въ себѣ разумную филантропію и никому не мѣшаетъ. Отвращеніе къ эгоизму предразсудокъ, продолжалъ Альбертъ улыбаясь, эгоизмъ, это спаивающая сила, безъ нея свѣтъ не могъ бы устоять; только этою силою, какъ и всякою другою, долженъ управлять разумъ. Въ варварскомъ состояніи общества эгоизмъ все низпровергаетъ или уничтожаетъ, потому что тамъ нѣтъ будущаго; но въ цивилизованномъ мірѣ эгоизмъ сохраняетъ, — эгоизмъ есть начало консервативное.

Алексѣй, слушая эту выходку, пожалъ плечами, Анна приняла эти плохіе парадоксы за глубину мысли. Какой тонкій умъ! подумала она и взглянула на него съ умиленнымъ удивленіемъ.

Внутреннее страданіе и какое-то предчувствіе бѣды почѣшали Алексѣю замѣтить предсѣдателя, вѣжливо подошедшаго къ нему, чтобы шепнуть ему, что завтра онъ просигъ его прійти со всѣми счетами, которые онъ хочетъ повѣрить.

— Я всегда готовъ, сказалъ Алексѣй.

— Очень хорошо, увидимъ, равнодушно отвѣтилъ предсѣдатель и удалился.

Алексѣя удивило это намѣреніе обревизовать дѣла, тѣмъ болѣе, что предсѣдатель ихъ безпрестанно пересматривалъ, во все вникалъ, и очень хорошо зналъ положеніе ихъ.

На другой же день приступили къ ревизіи дѣлъ, куда совершенно ко всему равнодушный Юліанъ, былъ приглашенъ дядей только для формы. Алексѣй представилъ счета, планы, балансы и объяснилъ мѣры, которыя принялъ для удовлетворенія кредиторомъ. Предсѣдатель усмѣхаясь пересматривалъ бумаги и только искалъ предлога, и вскорѣ обратилъ вниманіе на одно весьма запутанное дѣло съ жидомъ, которое было окончено любовной сдѣлкой. За него надо было уплатить известную сумму.

— У этого жида можно было бы выторговать гораздо больше, сказалъ предсѣдатель.

— Здѣсь потери ихъ очевидны, отвѣчалъ Алексѣй.

— Ужъ вы слишкомъ честны и добросовѣтны, сказалъ предсѣдатель.

— Особенно въ чужихъ дѣлахъ, возразилъ Алексѣй.

— И изъ чужаго кармана, сказалъ въ полголоса предсѣдатель.

Алексѣй вспыхнулъ и задрожалъ.

— Я готовъ заплатить изъ своихъ денегъ, горячо воскликнулъ онъ.

— Не горячитесь; о дѣлахъ надо говорить хладнокровно и обдуманно, сказалъ предсѣдатель.

— Я старался говорить хладнокровно, впрочемъ если мои распоряженія вамъ не нравятся, то мы не связаны другъ съ другомъ.

Юліанъ молчалъ — онъ давно уже охладѣлъ къ Алексѣю, который взглянувъ на него и, прочитавъ на лицѣ его совершенное равнодушіе къ себѣ, сложилъ бумаги, поклонился и вышелъ.

Алексѣй былъ пораженъ тѣмъ, что Юліанъ не сказалъ ни слова въ его защиту, приказалъ укладываться, но когда все было готово, онъ понялъ, что будетъ ему стоить покинуть Карлинь и особенно Анну, разговоръ и улыбка к которой услаждали жизнь его. Цѣлый день онъ просидѣлъ молча въ своей комнатѣ и никто, даже за обѣдомъ, не спросилъ о немъ и о причинѣ его отсутствія. Вечеромъ Алексѣй вышелъ изъ своего отупѣнія, хотѣлъ встать съ мѣста и не могъ. Въ головѣ у него шумѣло, онъ чувствовалъ жаръ и ознобъ, а передъ глазами его появились какіе-то неясные и насмѣшливые образы и видѣнія. Поздно вечеромъ Юліанъ пришелъ наконецъ вмѣстѣ съ дядей къ Алексѣю и нашелъ его безъ памяти, въ бреду. У него открылась сильная горячка. Не медленно послали за докторомъ; Юліанъ хотѣлъ самъ ходить за больнымъ, но дядя увелъ его за собою, говоря, что онъ боится заразы.

Алексѣй былъ порученъ Барнавскому. Аннѣ ничего не сказали о случившемся. Дядя осмѣялъ слабыя попытки Юліана и полуслова его, въ защиту Алексѣя, и сказалъ, что это все пустяки, что ему пустятъ кровь и все пройдетъ, ушелъ къ себѣ, но не выдержалъ и опять зашелъ къ Алексѣю. Больной лежалъ въ страшномъ бреду и говорилъ объ Аннѣ и своей любви къ ней. Предсѣдатель выслалъ слугъ и, увидѣвъ Юліана сзади себя, схватилъ его за руку и, дрожа отъ бѣшенства, воскликнулъ выводя его въ сосѣднюю комнату.

— Ты слышалъ? Онъ любитъ Анну! Этотъ негодяй! этотъ сумазбродъ! Люди услышатъ ея имя! Нѣтъ! я запру его, и не пушу сюда ни доктора, ни ихъ, никого.... пусть умираетъ! Я

возьму этотъ грѣхъ на душу, но не позволю тѣжи упасть на Анну.

— Но дядя, это горячка, сказалъ Юліанъ.

— Не оправдывай его, этого негодя! Иди отсюда оставь меня одного.

— Юліанъ еще въ первый разъ въ жизни видѣлъ дядю въ такомъ гнѣвѣ, что онъ не владѣлъ собою.

— Еслибъ онъ и въ самомъ дѣлѣ влюбился въ Анну, не надо изъ этого дѣлать драмы, сказалъ Юліанъ, никто не пойметъ и не догадается о чемъ онъ говорить, а скорѣе по нашимъ лицамъ догадаются, что есть что-то. Вѣдь нельзя же бросить его или запереть — это будетъ все равно, что убить его. Лучше покажемъ, что ничего нѣтъ и оставимъ все по прежнему.

Предсѣдатель понялъ, что больше дѣлать нечего, и потому, показавъ совершенное хладнокровіе, хотя и былъ страшно взволнованъ. Онъ вышелъ и, увидя Барнавскаго, такъ сказалъ Юліану, чтобы тотъ могъ его слышать.

— Все это вышло изъ глупой любви его къ Аннѣ Пальковской — видно онъ узналъ, что она выходитъ замужъ за Маршинскаго.

Отклонивъ (такъ онъ думалъ) подозрѣніе, предсѣдатель возвратился наконецъ къ себѣ, но не могъ заснуть отъ безпокойства. Очень поздно вечеромъ Анна узнала отъ своей горничной, что Алексѣй опасно болѣнъ, она испугалась и тотчасъ побѣжала къ брату. Онъ ходилъ по комнатѣ. Узнавъ, что Алексѣй дѣйствительно при смерти, и заболѣлъ въ слѣдствіе ссоры съ предсѣдателемъ и рѣшенія оставить Карлинъ, Анна очень огорчилась и спросила, кто же можетъ замѣнить его при Эмиль?

Юліанъ подошелъ къ сестрѣ.

— Мы должны разстаться съ нимъ, сказалъ онъ ей, дядя былъ дальновиднѣе всѣхъ насъ....

— И онъ шепнулъ ей нѣсколько словъ на ухо.

Она живо отступила отъ него, покраснѣла, и взглянула на него изумленными глазами. На лицѣ ея выразилась оскорбительная гордость, какая-то тревога и даже гнѣвъ.... она покачала головою.

— Этого не можетъ быть.... вамъ это пригрезилось.

— Мы оба слышали.... дядя и я: дядя такъ взбѣшенъ, что я его такимъ и не видывалъ.

— Вѣдныя! воскликнула Анна, какъ онъ могъ забытья до такой степени.

Отд. II.

1/4 11

— И я не понимаю; все это огорчаетъ и мучить меня, и я боюсь, что самъ занемогу. Ступай къ себѣ, Анна; ты видишь что тебѣ нельзя даже показать заботы о немъ; люди, да и онъ самъ перетолкутъ это иначе. Будь, что будетъ!...

Анна ушла къ себѣ. Слова, которыя ей тихонько шепнулъ Юліанъ, такъ чтобы и стѣны ихъ не слышали, произвели на нее страшное впечатлѣніе. Въмѣсто благодарности и состраданія она почувствовала гнѣвъ и оскорбленіе гордости. Она готова была заплакать; любовь Алексѣя казалась ей смѣшною; ей казалось, что и она сама можетъ стать смѣшною, а это она привыкла считать величайшимъ несчастіемъ. Гнѣвъ заглушилъ въ ней природную жалость.

Прошелъ еще день — Алексѣю не было лучше. Докторъ сказалъ, что онъ за него не отвѣчаетъ. Юліанъ боялся матери Алексѣя и потому не послалъ къ ней, а только къ графу Юношѣ, который тотчасъ явился и уже не отходилъ отъ больнаго. Предсѣдатель спрашивалъ нѣсколько разъ у доктора, нельзя ли въ каретѣ отвезти Алексѣя домой — но докторъ объявилъ, что это невозможно. Эмиль безпокоился что не видитъ Алексѣя и наконецъ пришелъ въ такое раздраженіе, что ему надо было уступить и привести его къ нему. Увидя своего друга въ такомъ положеніи, глухонѣмой съ свойственнымъ такимъ людямъ упорствомъ и силою, сказалъ знаками, что не расстанется съ нимъ, не оставитъ того, кому столько обязанъ. Такимъ образомъ у постели умирающаго сидѣли старый графъ, да молодой человѣкъ; докторъ навѣщалъ только больнаго, но весь день игралъ въ карты съ предсѣдателемъ и Альбертомъ и окуривался уксусомъ и одеколономъ, боясь прилипчивой горячки.

Наступилъ кризисъ — и онъ былъ благодѣтеленъ. Алексѣй остался живъ и сталъ мало-по-малу поправляться. Лишь только онъ пришелъ въ себя, какъ имъ овладѣло необузданное желаніе возвратиться къ себѣ, въ свой домъ, въ Жербы. Матери Алексѣя было сказано, что онъ уѣхалъ по дѣламъ, и когда его рѣшились перевезти домой, уступая его постояннымъ просьбамъ, графъ отправился къ старушкѣ, чтобы предупредить ее. Она спросила у него объ сынѣ.

— Онъ воротился вчера, сказалъ графъ, но онъ нездоровъ!

— Онъ болѣнъ! воскликнула она, а зачѣмъ вы не сказали мнѣ этого. Развѣ я дитя? Развѣ я не знаю какъ у знати заботятся о больномъ? Тамъ пожалуй, не будетъ недостатка въ дек-

торахъ и пищахъ, но кто будетъ ходить за нимъ, кто успокоитъ и утѣшитъ его?

— Алексѣй ѣдетъ къ вамъ, сказалъ графъ.

— Такъ онъ очень болѣнъ? спросила она дрожа отъ страха.

— Быть опасно болѣнъ, но теперь ему гораздо лучше.

— Боже мой! и мнѣ, матери, ничего не говорили, воскликнула старуха и нѣсколько минутъ стояла пораженная и безсилая; потомъ она очнулась и принялась очищать комнату, приготавливать постель; чувствительность никогда не убивала въ ней сознанія и дѣятельности.

— Лишь только показалась на улицѣ карета, какъ Дробицкая выбѣжала ей на встрѣчу. Увидѣвъ изхудавшаго и совершенно измѣнившагося отъ болѣзни сына, старуха пришла въ ужасъ и ломая руки воскликнула:

— Боже мой, что они изъ него сдѣлали!

Гнѣвъ овладѣлъ ею тотчасъ.

— Вотъ сострадательность знатныхъ! Не дать знать матери, что сынъ ея умираетъ! Они вѣрно воображали, что я такое же жалкое безсильное созданіе, какъ и они? Это подлость! Это злодѣйство. А тамъ не было подлѣ него ни одного дружескаго лица, ни одной дружеской руки!

— Ошибаешься, милая маменька, графъ и Эмиль не отходили отъ меня ни на шагъ, сказалъ Алексѣй.

— А вы поступили глупо — сказала старушка обращаясь къ графу. больно глупо, вѣдь я не ребенокъ.... и не понимаю церемоній... всякія утайки, секреты мнѣ хуже петли. Гдѣ мое мѣсто, тамъ мнѣ и быть слѣдуетъ.

Больнаго осторожно положили въ постель и когда Алексѣй осмотрѣлся и увидѣлъ себя въ той же самой комнаткѣ, гдѣ онъ провелъ, трудясь нѣсколько лѣтъ, быть можетъ скучныхъ, но за то покойныхъ, слезы потекли потоками по изхудалому и блѣдному лицу его. Онъ пожалъ руку брата и матери. — Мнѣ здѣсь легче, сказалъ онъ, я чувствую, что я подъ родимой кровлей, что здѣсь мнѣ свободнѣе тосковать, свободнѣе думать и высказываться... Спасибо вамъ.... я выздоровѣю.

Но не смотря на всѣ заботы и уходъ родныхъ, Алексѣй медленно поправлялся. Жестокая болѣзнь оставила слѣды свои на всю жизнь; Алексѣй всталъ съ постели преждевременнымъ старикомъ; глаза его и щеки ввалились, полосы вылѣзли, силы, молодые силы долго не возвращались. Еще болѣе былъ онъ убитъ душею. Любовь его къ Аннѣ, какъ горячечный бредъ,

томила его. Онъ любилъ ее и постоянно она чудилась ему вѣстѣ съ Альбертомъ, подающая ему руку. Всѣ обитатели Карлина, прежде такъ имъ любимые, теперь были оцѣнены имъ по достоинству — онъ зналъ ихъ легкомысліе и всѣ ихъ слабости, и болѣе сожалѣлъ о нихъ, чѣмъ ненавидѣлъ ихъ. Онъ понялъ, что никому нельзя рассчитывать на эти слабыя существа, что они ищутъ только развлеченій и наслажденій, считаютъ себя главною цѣлію и центромъ всего и, смотря по надобности, привлекаютъ къ себѣ другихъ или отталкиваютъ ихъ. Этотъ высшій, прекрасный, великолѣпный свѣтъ представлялся ему въ настоящемъ своемъ видѣ. Алексѣй всталъ съ постели болѣе зрѣлый, болѣе холодный, чѣмъ прежде, и уже не вѣрилъ ни въ существованіе ангеловъ на землѣ, ни въ исключительныя, совершенныя натуры.

Къ счастью онъ не впалъ въ другую крайность и разумъ заставилъ его остановиться на той чертѣ, откуда свѣтъ кажется такимъ, какимъ есть, — страшною смѣсью добра и зла, добродѣтелей и пороковъ, поэзіи и прозы, грязи и золота, тѣла и души.... словомъ: драматическою борьбою двухъ началъ, по очереди низпроверяющихъ и поднимающихъ несчастнаго чело-вѣка, который дѣлается ихъ игрушкою.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

ЕВГЕНІЯ ТУРЪ.

174

С И Т С Ъ .

Б ѣ д н ы й г е р о й .

Спиридонъ Алексѣевичъ Пирожковъ, о которомъ мы хотимъ кое-что рассказать, ничѣмъ не отличался отъ большинства провинціальныхъ чиновниковъ ; носилъ, какъ и они, фракъ и шляпу, гладко, безъ фокусовъ, причесывалъ волосы и одѣвался безъ всякихъ затѣй. Ложе жизни его хотя и было усыпано множествомъ бугорковъ, то есть неприятностей, но эти бугорки были такъ не высоки, что катясь по нимъ, онъ только подскакивалъ, какъ экипажъ по засохшей грязи ; въ общемъ же жизнь его катимась очень ровно ; большихъ подъемовъ и спусковъ не было. Съ нимъ и не могло ничего особеннаго случиться, потѣму что онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ господъ, которые кажутся ко всему человѣчеству умѣютъ сохранить нейтралитетъ. Если Пирожкову случалось присутствовать при какомъ-нибудь спорѣ, то онъ непремѣнно соглашался съ обѣими сторонами.

— Правъ я, Спиридонъ Алексѣевичъ, спрашивалъ у него одинъ.

— Разумѣется правы, слѣшилъ отвѣтить Пирожковъ.

— Слѣдовательно я не правъ? спрашивалъ другой.

— Нѣтъ, и вы тоже правы.

— Такъ кто же изъ насъ правъ? спрашивали оба спорившіе разомъ.

— Вы оба правы господа, говорилъ Пирожковъ. Я съ обоими согласенъ.

Пирожковъ никогда не обнаруживалъ ни своихъ мнѣній ; ни своихъ желаній ; онъ по опыту зналъ, что изъ этого непремѣнно вытечетъ какое-нибудь дурное послѣдствіе ; наиримѣръ, что

его мнѣнія негѣпы, а желанія рогаты. Чувство самохраненія постоянно удерживало его отъ малѣйшихъ порывовъ; больше всего онъ боялся, чтобъ какой-нибудь злодѣй не подслушалъ его тайныхъ чувствъ и помысленій, и не разслабилъ бы по всему свѣту, что этотъ монахъ тоже имѣетъ свои претензіи, какъ и настоящіе люди.

Пирожковъ былъ не женатъ; да я и не знаю, чтобы такое вышло изъ него, еслибъ онъ женился. Есть много холостяковъ, но ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ Пирожковымъ; то люди практическіе, которые думаютъ, что неразумно жениться тогда, когда человѣкъ не успѣлъ еще устроить свое благосостояніе и что лучше пока имѣть не жену, а такъ себѣ, такую, которую потомъ можно уволить въ чистую отставку. Такіе холостяки, какъ Пирожковъ, остаются навсегда холостяками; а если случится ужъ оказія, что подобный холостякъ женится, то его очень легко узнать, когда онъ гуляетъ въ городскомъ саду въ воскресенье съ своей женой; онъ всегда идетъ отдѣльно отъ жены, особенно въ оживленныхъ аллеяхъ, старается казаться независимымъ, какъ будто онъ гуляетъ самъ по себѣ, а дама, идущая рядомъ, тоже сама по себѣ, какъ будто совсѣмъ неизвѣстная дама. Но Пирожковъ былъ не женатъ, хотя онъ давно уже чувствовалъ потребность жениться или чего-нибудь въ родѣ этого.

Въ провинціальныхъ городахъ непремѣнно есть какая-нибудь набережная, большая улица или мостъ, которая имѣетъ то же значеніе, какъ Невскій въ Петербургѣ. Чиновники, офицеры и прочее юношество, сколько-нибудь владѣющее геройскимъ духомъ, отправляется въ сумерки на эту набережную искать приключеній. Эти вечерніе авантюристы догоняютъ прогуливающихся по тротуарамъ дамъ и великодушно предлагаютъ себя имъ въ обожатели. Нашъ тридцати-пяти-лѣтній юноша одинъ бѣжалъ по тротуару, видѣлъ мелькающія шляпки и бурнусы, но, увы! никогда не могъ принудить себя отрекомендоваться обожателемъ какой-нибудь дамѣ. Онъ иногда выкинулъ изъ дому съ рѣшительнымъ намѣреніемъ сдѣлать предложеніе, неизвѣстно на какомъ разстояніи терялъ это намѣреніе и спѣшилъ домой, ведомя на совершенное отсутствіе героизма въ своей душѣ. Природа Пирожкова была странно устроена и не подходила подъ условія нашей жизни; для его успѣха въ жизни нужно было, чтобъ міръ былъ созданъ иначе, чтобъ не кавалеры предлагали быть проводниками дамамъ, а дамы кавалерамъ. Словомъ, онъ

не походили на обыкновенныхъ обитателей земли, — и какъ будто явился на землю съ другой планеты.

Жалованье Пирожковъ получалъ маленькое, какъ будто начальство знало, что онъ въ самомъ дѣлѣ обитатель другой планеты; занималъ онъ казенную квартиру, одну большую комнату, въ которой оконные и дверные косяки и двери были вымазаны известкой подъ одинъ рядъ со стѣнами, и которую онъ для большей уютности разгородилъ пополамъ ширмами; время Пирожковъ проводилъ однообразно. До обѣда былъ въ должности, послѣ обѣда оставался дома и цѣлый вечеръ ходилъ по комнатамъ изъ угла въ уголъ. Утро и вечеръ у Пирожкова представляли большой контрастъ: утромъ онъ только слышалъ однѣ цифры, повсюду виднѣлись желтые счеты, и самъ онъ дѣлалъ то умноженіе, то дѣленіе; вокругъ сидѣли чиновники въ плотно застегнутыхъ сюртукахъ; солнце безощадно лило свѣтъ въ комнату столбикими лучами, сколько было оконъ; каждый лучъ отпечатывался на противоположной стѣнѣ въ видѣ свѣтлаго четвероугольника, и если захватывалъ клиномъ часть сюртука какого-нибудь чиновника, сидѣвшаго у стѣны, то сукно дѣлалось въ этомъ мѣстѣ рожимъ. Свѣту такъ было много, что было видно каждую прорѣшку и пушинку, приставшую къ сюртуку чиновника; солнце какъ будто старалось обнаружить всякую неапправность.

Отъ обѣда до другаго утра Пирожковъ жилъ совершенно иначе; тутъ ничего не было такого, чтобы напоминало положительность цифръ; Пирожковъ то ходилъ, то лежалъ, и совершенно оторвавшись отъ дѣйствительности, жилъ въ сферѣ, которую создала его собственная фантазія, потому что все это время онъ проводилъ въ придумываньи какой-нибудь исторіи, въ которой онъ самъ игралъ героическую роль. Такъ какъ дѣйствительность совершенно отказалась допустить его до какого-нибудь успѣха въ жизни, то онъ создалъ самъ другую сферу, въ которую и переносился каждый вечеръ, и въ которой онъ былъ и богатъ, и счастливъ, и даже иногда женатъ. Иногда у него было разомъ три исторіи, и онъ въ одинъ вечеръ принимался продолжать то одну, то другую, то третью; иногда цѣлую недѣлю онъ каждый вечеръ начиналъ все одну и ту же исторію и передумывалъ ее съ различными прибавленіями и варіаціями. Онъ занимался этимъ при всякомъ удобномъ случаѣ, и въ церкви, слушая обѣдню, и въ залѣ у начальника, дожидаясь позволенія войти въ кабинетъ, но особенно онъ своимъ

но предавался этому занятію, когда ложился спать. Разнообразные мотивы для этихъ исторій давали разныя городскія происшествія. Пріѣзжай въ городъ пѣвица и падѣлай шуму своей красотой, и вотъ Пирожковъ шляется изъ угла въ уголъ въ своей комнатѣ и придумываетъ совершенно несбыточную исторію, какъ эта пѣвица неожиданно подходитъ къ Пирожкову и говорить: Сипридонъ Алексѣичъ! Вы мнѣ съ перваго разу понравились! И потомъ они ѣдутъ вѣнчаться; весь городъ собирается смотрѣть на свадьбу, къ величайшей злобѣ городскихъ львовъ. Пріѣдетъ въ городъ музыкантъ, который очаруетъ общество своими артистическими манерами, — Пирожковъ уже мечтаетъ, что будто онъ тоже пріѣзжій артистъ, тоже съ артистическими манерами и иностраннымъ произношеніемъ русскихъ словъ, что онъ даетъ въ городѣ концертъ, всѣ очарованы имъ, онъ приглашаетъ къ губернатору, идетъ въ садъ съ дочерью губернатора и наконецъ объясняется въ любви. Такой конецъ былъ у всѣхъ исторій Пирожкова. Иногда Пирожковъ придумывалъ такую исторію, что будто онъ нашелъ гдѣ-нибудь въ Сибири неистощимый рудникъ, цѣлую скалу золота, такъ что, отрубивъ большую глыбу отъ нея, онъ разомъ уплатилъ долгъ въ десять милліоновъ, который должна была Россія кажется еще съ прошлаго столѣтія какому-то голландскому банкиру; за это государь далъ ему званіе графа и объ этомъ было напечатано во всѣхъ газетахъ; тогда онъ сватался за дочь губернатора; вотъ они стояли уже въ церкви предъ алтаремъ; сзади четыре шафера; священникъ заставляеть ихъ при всѣхъ поцѣловаться... И чего онъ не выдумывалъ по ночамъ.

Онъ хранилъ эти фантазіи въ строжайшемъ секретѣ, и если въ то время, какъ воображеніе его расходится, входилъ къ нему его короткій знакомый, Антиповъ, то Пирожковъ даже конфузился, какъ будто думалъ, что его по глазамъ можно узнать, чѣмъ онъ занимался. Онъ даже боялся начать разговоръ, чтобъ Антиповъ не перервалъ его словами: пѣтъ, нѣтъ братъ, постой! Ты не заговаривай! Ты скажи-ка напередъ, что ты дѣлалъ сейчасъ? Такъ вотъ чѣмъ ты занимаешься? А я и не подозреваю ничего и думаю, что онъ и въ самомъ дѣлѣ невинная дѣвушка!

Этотъ порядокъ намѣнялся только по большимъ праздникамъ. Наканунѣ праздника, вечеромъ, Пирожковъ выдвигалъ изъ подъ кровати свой чемоданъ и доставалъ оттуда новое платье, въ которомъ онъ намѣревался дѣлать визиты. Внутренность

этого чемодана была похожа на разстросенный желудокъ; все, что тамъ заключалось, было перемѣшано хаотическимъ образомъ вслѣдствіе привычки Пирожкова доставать вещи изъ чемодана ощупью; онъ засовывалъ въ него руку, рылся цѣлый часъ, сердился, наконецъ — находилъ вещь и, вытаскивая ее изъ самой середины, переворачивалъ всю внутренность чемодана со дна. Оттого вещи въ чемоданѣ были перепутаны, цѣплялись другъ за друга, и если Пирожковъ тащилъ полотенце, то за нимъ непременно тащилась пара связанныхъ сапоговъ, половина романа, подсвѣчникъ, воротникъ отъ старой шинели, другая половина романа и т. д. Чемоданъ былъ единственная область, въ которой Пирожковъ былъ властелиномъ, и разумѣется, по общему свойству человѣка, былъ деспотомъ.

Вынутое изъ чемодана платье Пирожковъ складывалъ на стулѣ въ томъ порядкѣ, въ которомъ оно должно надѣваться. Утромъ онъ вставалъ ранѣе обыкновеннаго, надѣвалъ лучшіе сапоги и панталоны и долго оставался въ этомъ костюмѣ, то поглаживая сукно и осторожно снимая прильнувшій пухъ, то становя ноги вмѣстѣ и стараясь, сверху усмотрѣть, не ниже ли одна панталона другой. Замѣтивъ въ окнѣ приведеннаго извозчика, съ которымъ онъ долженъ ѣхать, онъ спѣшилъ окончить свой туалетъ, надѣвалъ жилетъ, фракъ, перчатки, шляпу и, обыкновенно, когда совсѣмъ собирался уже переступить черезъ порогъ, замѣчалъ, что не повязалъ галстуха. Тутъ разомъ представлялась ему вся перспектива его злополучія: галстухъ не былъ вынутъ съ-вечера, его нужно было искать въ чемоданѣ, а въ этомъ хаосѣ трудно было что-нибудь скоро найдти. Полный негодованія на судьбу, на чемоданъ и на галстухъ, Пирожковъ спѣхался надѣ чемоданомъ, засовывалъ въ него руку и начиналъ шарить по всѣмъ угламъ; то попадалась ему въ руку змятая шапка, то романъ, а галстухъ, какъ нарочно, зарылся въ какой-то самый глухой закоулокъ въ бѣльѣ; Пирожковъ проходилъ всѣ эти этажи бѣлья сверху до низу, отламывалъ съ досады кончикъ стеариновой свѣчки, попавшейся ему въ руку въ третій разъ вмѣсто галстуха, и все таки не отыскивалъ галстуха, пока не открывалъ крышки. Измучившись, онъ насилу разгибалъ спину и начиналъ подвязывать галстухъ, и вдругъ опять замѣчалъ, что рукавъ рубашки во время поспѣховъ въ чемоданѣ, испачкался объ какую-то краску, такъ что никуда не годно. Нужно было переодѣться съ ногъ до головы, а между тѣмъ время было расчтано на минуты, и въ какія

нибудь четверть часа нужно было сдѣлать тоже, что было сдѣлано въ три. Ужъ конечно такъ хорошо не выйдетъ!

Наконецъ онъ выходилъ на улицу, гдѣ давно уже ждалъ его извозчикъ, жиденькій мальчишка въ зипунѣ и ободрѣломъ клеёнчатомъ картузѣ; онъ сидѣлъ на дрожжахъ, въ которыя былъ впряженъ конь такъ называемой голубой масти, слѣдовательно одного цвѣта съ небомъ, хоть, признаюсь, я одинъ только разъ видѣлъ небо такого цвѣта и то сквозь бутылочное стекло. На такомъ экипажѣ Пирожковъ блуждалъ по городу до трехъ часовъ; городъ этотъ находился въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ уголковъ въ Россіи; все въ немъ отзывалось самыми мирными, безцеремонными манерами; часто одинъ домъ выѣзжалъ цѣлымъ угломъ впередъ другаго и закрывалъ у послѣдняго нѣсколько оконъ; улица была общиннымъ владѣніемъ, на которое со всѣхъ сторонъ выбрасывали и выливали, что хотѣли; мѣстами она сохраняла слѣды дождя, шедшаго въ прошломъ мѣсяцѣ; по срединѣ гниль чей-то саногъ. У одного дома черезъ заборъ была перекинута вышска, какъ простой армякъ, такъ что половина надписи «панорама» скрывалась во внутренней сторонѣ двора. У всякаго дома былъ свой запахъ, который онъ распространялъ на всю улицу; отъ нѣкоторыхъ пахло возбуждательнымъ ароматомъ кухни, отъ другихъ — картузнымъ табакомъ. Послѣдній запахъ вѣроятно принадлежалъ тѣмъ жилищамъ, въ которыхъ помѣщались смотритель училища, лѣкарь и другіе подобные господа, болѣе ученые и потому люди или совсѣмъ холостые, или такіе, что не то чтобъ женаты, и не то чтобъ холостые, или наконецъ и женатые, да бездѣтныя, и потому курящіе табакъ въ такомъ изобиліи, что потолки ихъ жилищъ копятся, карнизники у печки, окна, доньшки у подсвѣчниковъ усыпаются золой и окурками, и въ сосѣднихъ домахъ мрутъ курицы отъ табачнаго запаха. Обитатели этихъ жилищъ таскаютъ этотъ запахъ съ собой повсюду, и въ гостиныицы, и въ присутственныя залы, потому что всѣ фракы ихъ пропитаны имъ также, какъ бумажный картузъ, въ которомъ продается табакъ.

Самый важный визитъ, какой дѣлалъ Пирожковъ въ праздникъ, былъ къ генералу. Это былъ предобрѣйшій генералъ. И въ самомъ дѣлѣ онъ былъ такого характера: если онъ замѣтитъ, что солдатъ, стоящій гдѣ-нибудь у будки, еще за версту спѣшилъ сдѣлать на караулъ, генералъ махалъ ему обѣими ру-

кани и кричалъ всю всю мочу: «не безпокойся, мой любезный, не безпокойся!»

Пирожковъ входилъ къ нему въ кабинетъ и, поздравивши его съ враздникомъ, присоединялся къ прочимъ гостямъ, слушавшимъ рассказъ генерала о какомъ нибудь происшествіи, случившемся съ нимъ во время его холостой жизни. Пирожковъ начиналъ слушать со всею усердіемъ, не потому, чтобъ рассказъ въ самомъ дѣлѣ былъ поучителенъ, но потому что нужно тѣмъ нибудь показать свое уваженіе къ хозяину; часто Пирожковъ заставлялъ рассказъ на половинѣ, не смотря на всѣ усилія, ничего не могъ понять, но если вдругъ всѣ захохотутъ, какъ ни странно это казалось Пирожкову, онъ все таки считалъ неприличнымъ одному просерьезничать, когда генераль отпустилъ что-то смѣшное, и то же хохоталъ вмѣстѣ съ другими. За тѣмъ Пирожковъ сѣвши въ гостиную къ генеральшѣ. Генеральша всегда покоилась на диванѣ и была такая маленькая дама, что Пирожковъ, вопреки въ гостиную, съ трудомъ могъ отличить её отъ пестрыхъ подушекъ, среди которыхъ она сидѣла. Она всегда говорила Пирожкову:

— Благодарю васъ! Прошу васъ садиться!

И потомъ тотчасъ же обращалась къ стоявшей передъ ней горничной съ покрасѣвшимъ лицомъ, и продолжала распеканье, которое было прервано Пирожковымъ.

— Ты мнѣ скажи, кто тебѣ это позволилъ? спрашивала генеральша.

— Что же я буду дѣлать барыня, если...

— Нѣтъ, нѣтъ! ты мнѣ скажи только, кто тебѣ позволилъ это?

Дѣвушка раскрывала ротъ, чтобъ сказать что-то.

— Да нѣтъ, ты мнѣ все не то... я у тебя объ одномъ спрашиваю: кто тебѣ позволилъ? прерывала её генеральша.

Сначала Пирожковъ начиналъ вслушиваться въ этотъ диалогъ и вникать въ домашнее управленіе генеральши, не по какому-нибудь коварному чувству, а просто потому, что неблагодарно же оставаться бессмысленнымъ свидѣтелемъ разговора и не сочувствовать хозяйкѣ; но потомъ безконечность процесса и большое разстояніе отъ сцены не замѣтно отрывало его вниманіе отъ генеральши къ ближайшимъ предметамъ, къ жужжанію мухи у окна, къ украшеніямъ на зеркалѣ или къ причудливой тѣни на полу, образовавшейся отъ цвѣтка, стоявшаго на окнѣ; вскорѣ онъ находилъ въ силуэтѣ цвѣтка сходство съ

смотрителемъ училища, въ которомъ онъ получилъ образованіе; онъ припоминалъ, какъ этотъ учитель подходилъ къ столу, нюхалъ табакъ, пускалъ вслухъ изъ носу струю воздуха и, стуча по столу, говорилъ: Эй, Пирожковъ! быть вамъ сегодня высѣчену! Потомъ онъ припоминалъ, что у смотрителя училища есть хорошенькая дочка, и онъ было уже принялся сочинять исторію, какъ онъ открылъ неистощимый рудникъ и заплатилъ долгъ голландскому банкиру, но тутъ вдругъ приходило ему на память, что онъ не дома, что визитъ ужъ очень сильно продлился и что пора раскланяться съ генеральшей. Но сдѣлать это было не легко; генеральша могла не замѣтить его прощанья. Но и оставаться долѣе было неприлично; чѣмъ дальше, тѣмъ становилось несноснѣе; онъ горѣлъ, весь превращался во вниманіе и слѣдилъ за каждымъ движеніемъ головы генеральши. Какая разница была между его невыносимымъ положеніемъ на стулѣ въ гостиной генеральши и положеніемъ мальчишекъ, кричавшихъ и гонявшихся другъ за другомъ подъ самыми окнами на улицѣ. На улицу, на улицу! это все равно, что на свободу! Не умирать же на стулѣ. И Пирожковъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ поднимался и начиналъ прощаться. Но генеральша обыкновенно не замѣчала сразу его движенія и смотрѣла въ сторону, такъ что Пирожковъ оставался на мѣстѣ. Но онъ ужъ не садился болѣе, и стоялъ, пока генеральша не повертывалась къ нему лицомъ, раскланивался и съ большою головой выбѣгалъ на улицу.

Послѣ того Пирожковъ дѣлалъ еще нѣсколько визитовъ; между прочимъ къ протопопу и городничему. У городничаго онъ заставаъ въ залѣ даму, вѣроятно жену его, у которой спрашивалъ: «дома городничій?» Дама, не сказавши ни слова, отправлялась въ другую комнату, но такъ медленно маршируя съ поднятыми носками, какъ будто прогуливалась, даже подходила къ окну посмотрѣть на улицу, гдѣ ничего не было, и потомъ уже скрывалась въ сосѣдней комнатѣ, изъ которой, немного погодя, выбѣгалъ рыцарь городничій и принималъ Пирожкова.

Вечеромъ Пирожковъ иногда ѣхалъ въ театръ. Давали какую-нибудь пьесу, въ которой матросы такъ весело жили и балагурили и имѣли такихъ добрыхъ офицеровъ, что Пирожкову самому являлась охота сдѣлаться матросомъ, или, по крайней мѣрѣ, сочинить такую же пьесу.

Послѣ праздника жизнь опять входила въ свою прежнюю колею. Опять по утрамъ цѣлы и рѣжущій глаза свѣтъ, а ве-

черомъ сочиненіе исторій. Но иногда воображеніе отказывалось совершенно работать, вечеръ дѣлался пустымъ и тогда Пирожкову становилось скучно. Съ каждымъ верхкомъ опускавшася солнца тоска становилась сильнѣе; онъ готовъ былъ въ эту минуту купить веселья на золото, но золота, какъ извѣстно, у него не было; онъ шелъ въ кухню, хотъ перекинуться тамъ хотъ словцомъ съ живымъ человѣкомъ; но кухня оказывалась пустою; баба, жнившая въ ней, ушла встрѣчать коровъ, возвращавшихся съ поля; только подъ лавкой ворошилась курица, сидѣвшая на яйцахъ; еще грустнѣе становилось тогда. Пирожковъ надѣвалъ шапку и бѣжалъ изъ дому. Всѣ зданія уже въ тѣни; восточная часть неба совсѣмъ темная; только на западѣ горитъ еще отрадная полоса зари, и къ ней, какъ къ остатку ликовавшаго дня, бѣжалъ Пирожковъ, пока не выбѣгалъ за городъ; но тутъ онъ вдругъ останавливался: между имъ и зарей лежало безконечное пустое поле, покрытое кучами навозу и сору, на которыхъ мѣстами бѣлѣлись оглоданные кости. Одна собака бѣгала между кучами, но ни одного человѣка не было видно. Возвращался онъ домой, пораженный этой непріятностью земли, и нарочно медлил, хотъ прійти домой какъ можно позже, хотъ прійти и прямо лечь спать и не видѣть этихъ стѣнъ, которыя уже надоѣли своимъ неизмѣннымъ видомъ и равнодушіемъ къ своему обитателю. Бѣдному обитателю становилась противною, невзрачною своя раковина; съ досадою встрѣчался его взоръ съ наутной въ углу, которую онъ еще сегодня утромъ разсматривалъ безъ непріятности, и съ этимъ темнымъ пятномъ на стѣнѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Пирожковъ отколунывалъ постоянно известку, хотъ засыпать чернила.

Еще было одно спасительное средство у Пирожкова отъ этой скуки — онъ заходилъ къ своему знакомому, Антипову; но Антипова рѣдко можно было застать дома. Антиповъ любилъ общество и съ трудомъ могъ усидѣть дома, и если ужъ приходилось ему непременно сдѣлать это, то онъ выдумывалъ себѣ какія-нибудь занятія, которыя мѣнялъ одни за другими: или онъ разбиралъ стѣнные часы до послѣдняго гвоздика и снова собиралъ, или пригѣбливалъ кусочикъ хлѣба къ потолку и кричалъ: «Трезоръ, нси!» Большая лагавая собака высовывала изъ подъ кровати голову съ длинными ушами, точно въ чепцѣ, но не выходила, какъ будто желая знать напередъ, въ чемъ дѣло — или ѣсть принесли или зовутъ для представленія? «Иси же, дуракъ!» говорилъ Антиповъ и собака вылазила и начинала съ лаемъ ме-

таться къ потолку. Антиповъ хохоталъ надъ ея неловкостью и твердилъ: «дуракъ, дуракъ!» Но когда Трезоръ наконецъ сшибалъ хлѣбъ на полъ, Антиповъ бралъ его за голову и говорилъ: «ну дай, я облобызаю твою морду» и въ самомъ дѣлѣ напечатлѣвалъ ему поцѣлуй на носъ. Бываютъ въ природѣ погрѣшности; Антиповъ иенне былъ такой погрѣшностью; онъ нигдѣ и никогда не стѣснялся; не успѣвъ еще съ вами коротко познакомиться, а ужъ громко распѣваетъ пѣсни въ вашей комнатѣ, хотя бы тутъ было много незнакомыхъ ему людей. Ему ничего не стоило прервать самую торжественную тишину; если ему случалось нечаянно толкнуть въ церкви серебряный подсвѣчникъ, который, гремя, валялся на полъ, Антиповъ нисколько не конфузился, а еще разсматривалъ, не запачкалъ ли онъ свое плечо.

Когда къ нему приходилъ Пирожковъ, онъ не оживлялся нисколько, и продолжалъ разбирать часы или ружье. Только въ дамскомъ обществѣ Антиповъ становился общительнымъ, и потому Пирожкову не очень было весело сидѣть у своего друга, но онъ сидѣлъ — все таки, по крайней мѣрѣ, живой человѣкъ.

— Станемъ, Петя, говорить о чемъ нибудь! иногда упрашивалъ его Пирожковъ.

Собственно, Пирожковъ рассчитывалъ не на какой-нибудь простой разговоръ; ему хотѣлось, чтобъ Антиповъ сталъ рассказывать ему о своихъ любовныхъ похожденияхъ, которыя Пирожковъ любилъ слушать и потомъ, дома, приклеивалъ къ своимъ исторіямъ: онъ жилъ чужимъ развратомъ. Но онъ боялся прямо высказать свое желаніе.

— Не хочу я говорить ни о чемъ! Отвяжись! отвѣчалъ Антиповъ и продолжалъ чистить длинный чубукъ, или заниматься другимъ пріятнымъ дѣломъ.

Послѣ этого Пирожковъ надолго умолкалъ.

Въ одно воскресенье, утромъ Пирожковъ засталъ Антипова осматривающимъ свое платье.

— Ты куда-то собираешься? спросилъ онъ.

— Отправляюсь на вечеръ къ Тебенъковымъ. Не хочешь ли ѣхать со мной? Я бы тебя, пожалуй, представилъ; мнѣ это ничего не стоитъ!

— Что тамъ особеннаго — два старца.

— Нѣтъ, не два старца. Къ старцамъ и меня не затанешь. Тамъ бываетъ много хорошенеккихъ барышень; сегодня будутъ

танцы; если хочешь, я тебя познакомлю съ ними. Я съ ними совсѣми коротко знакомъ.

— Пожалуй! Только я не знаю, какія же тамъ могутъ-быть хорошенькія.

— Такія, какія обыкновенно бываютъ. А тебѣ все нужно, чтобъ принцессы были, изъ какого-нибудь романа. Этакимъ, братъ, во всю жизнь свою не дождешься.

Антиповъ точно подслушивалъ исторіи Пирожкова.

— Я не прочь отъ твоего предложенія. Но что же я буду тамъ дѣлать?

— Ну, братъ, съ тобой невыносимо говорить. Вѣдь я тебя не упрашиваю: хочешь — поѣдемъ, а иѣтъ — я и одинъ поѣду. Еще лучше — безъ хлопотъ!

Однакожь порѣшили ѣхать вмѣстѣ, потому что хотя Пирожковъ и упряился, но въ самомъ-то дѣлѣ ему очень хотѣлось къ Тебеньковымъ, только ему было нужно, чтобъ это сдѣлалось какъ будто по неволѣ, какъ будто онъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ, а его силой туда притащили. Оставалось еще около пяти часовъ свободныхъ; Пирожковъ сидѣлъ дома; этотъ промежутокъ показался ему совершенно лишнимъ; онъ не зналъ, какъ его скоротать. Сочинять что-нибудь не кстати; сама дѣйствительность подступаетъ, улыбаясь; а маленькая частица счастья въ состояніи разсѣять прелесть самыхъ чудовищно-льстивыхъ созданій воображенія. Пирожкову пришло въ голову уйдти въ лѣсъ, который росъ за городомъ у рѣки. Онъ надѣлъ шапку и вышелъ изъ города; въ это лѣто онъ входилъ въ лѣсъ еще въ первый разъ. Лѣсъ уже весь заросъ густой травой; на нѣкоторыхъ растеніяхъ были уже сѣмена; другихъ уже не было и въ поминѣ; если станешь рыться между лежащими на почвѣ сухими стволами, то и тамъ не найдешь остатковъ отъ нихъ; давно уже они отцвѣли, засыпали свои сѣмена въ землю для будущаго лѣта, а сами исчезли. Пирожковъ прошлялся въ лѣсу до самаго вечера; никакія фантазіи не приходили ему въ голову; онъ былъ счастливъ и веселъ безъ нихъ. Хоть онъ былъ одинъ и могъ бы въ лѣсу свободно предаваться своему любимому занятію, но онъ такъ освѣжлялъ душой, что забылъ о нихъ и все время былъ занятъ самыми простыми вещами. Такъ, на примѣръ, въ одномъ мѣстѣ онъ вышелъ къ какой-то ямѣ съ водой; изъ нея изрѣдка торчали стволки ситовника; надъ водой они стояли отвѣсно, а въ водѣ казались переломленными; Пирожковъ сложилъ большой сухой

стебель и сталъ его опускать въ воду и изслѣдовать это удивительное явленіе. И ни о чемъ онъ въ это время не думалъ, какъ только объ томъ: «отчего это стебель совершенно цѣлый и прямой, а какъ опустишь его въ воду, онъ кажется изломаннымъ; а вынешь изъ воды, онъ опять цѣлый». Потомъ онъ очутился на небольшомъ болотѣ съ сухими кочками и цѣлый часъ пропрыгалъ съ кочки на кочку; въ это время онъ объ одномъ только заботился, какъ бы вѣрнѣе повастъ ногой на кочку; иногда онъ задавалъ себѣ урокъ пропрыгать черезъ все болото ни разу не оступившись, и если на серединѣ онъ дѣлалъ промахъ, онъ возвращался къ вершинѣ болота и снова начиналъ свое предпріятіе. Словомъ, онъ нѣсколько часовъ бѣгалъ по лѣсу, скатывался съ косогоровъ, падалъ, ѣлъ ягоды, даже пѣлъ, кричалъ, передразнивалъ птицъ, ровно ни о чемъ не думая, кромѣ птицъ, кочекъ, деревьевъ, травы и тому подобныхъ предметовъ.

Въ семь часовъ Пирожковъ и Антиповъ ѣхали вмѣстѣ къ Тебеньковымъ. Тебеньковъ былъ отставной майоръ; это былъ высокій старичекъ, котораго можно было каждый день въ извѣстный часъ встрѣтить на рынкѣ въ сюртукѣ съ высокими, краснымъ воротникомъ; онъ толкался на рынкѣ не потому, что занимался хозяйствомъ, — эта часть вполнѣ уже лежала на майоршѣ; но потому, что онъ любилъ распрашивать о цѣнахъ на принасы и сравнивать ихъ съ прежними; вообще онъ ничѣмъ не занимался, но аккуратно слѣдилъ за рыночными цѣнами и за ущербомъ луны. Когда онъ садился за утренній чай, онъ сообщалъ своей супругѣ, какъ политическую новость, что сегодня мѣсяца ущербъ; а возвратившись съ рынка, онъ, переодѣвшись и помолчавши немного, сообщалъ ей, что сегодня пшеничная мука въ той же цѣнѣ, какъ и вчера. По временамъ Тебеньковы дѣлали вечера для своихъ знакомыхъ; тогда майорша навѣшивала на окна шторы, сдѣланныя изъ ея кисейныхъ юбокъ; брала у своей знакомой, также старушки, посуду, серебро, стекло и салфетки для ужина; на всѣхъ столахъ зажигались салъные свѣчи; для молодежи нанималось нѣсколько музыкантовъ, которые стояли въ припхожей безъ свѣчи и играли наизусть все, что было угодно. Когда пріѣхали Антиповъ и Пирожковъ, въ комнатахъ у Тебеньковыхъ было уже шумно, и скрипачъ, сжимая въ широкой ладони шейку скрипки, игралъ уже какой-то вальсъ. Антиповъ повелъ Пирожкова сначала въ ту комнату, гдѣ были дамы, чтобы представить его хозяйкѣ;

комната была такъ полна свѣту, жившагося со свѣчь, и отражавшагося отъ зеркалъ, брошекъ, колець и тому подобныхъ предметовъ, что Пирожковъ сконфузился и ничего не различилъ въ этомъ потокѣ свѣта. Онъ видѣлъ голубыя, розовыя и другія платья, но вышедши изъ комнаты, онъ не могъ сказать, гдѣ какое онъ платье видѣлъ, которое напередъ ему встрѣтилось, голубое или розовое, и какой барышнѣ принадлежали хорошенькіе черныя глазки которые онъ замѣтилъ нечаянно, той ли, которая была въ розовомъ, или той, которая была въ сѣренькомъ платьѣ. Онъ удержалъ въ памяти только фигуру хозяйки, которая была въ старинной прическѣ, съ такими большими висками, что между ними оставалась весьма узкая полоса лица, на которой помѣщались глаза, носъ и ротъ. Потомъ Антиповъ представилъ Пирожкова самому майору въ той комнатѣ, которая была предназначена для мужчинъ. Отцы семействъ, напознавшіе комнату, толпились около закуски; каждый, вышедши изъ толпы съ кускомъ икры или чего-нибудь другаго, обращался къ хозяину съ какимъ-нибудь пріятнымъ вопросомъ. Напримѣръ, одинъ спрашивалъ: «гдѣ это вы покупаете, Алексѣй Ивановичъ, такую хорошую икру?» Другой замѣчалъ: «Чудесная, свѣжая икра; только мнѣ кажется, немножко лишнее положено соли!» Пирожковъ также взялъ кусокъ икры и также хотѣлъ изъ вѣжливости къ хозяину сказать какую-нибудь замѣтку. Но что было сказать? Икра, дѣйствительно, хороша, но это уже успѣлъ кто-то сказать. Потомъ Пирожковъ замѣтилъ, что въ самомъ дѣлѣ въ ней была лишняя соль, но и это уже сказано. А больше ничего не приходило въ голову, и Пирожковъ отошелъ въ сторону, не сказавши ничего майору.

- Послушай, ты мѣй визави, сказалъ Антиповъ Пирожкову.
- Да я еще не рѣшился танцевать, отвѣчалъ Пирожковъ.
- Зачѣмъ же ты прѣѣхалъ сюда?
- У меня и дамы нѣтъ.
- Такъ иди же и приглашай.
- Какъ же приглашать, когда я не знакомъ съ ними.
- Тогда и познакомишься, когда пригласишь.
- Однако жъ это опасно?
- Что опасно?
- Да приглашать незнакомую.
- Чѣмъ же опасно?
- А если она откажется?
- Ну, такъ что за бѣда. Тогда приглашай другую.

— А если и другая откажется?

— Ну, тогда третью, четвертую, и так далѣе, до тѣхъ поръ, пока какая-нибудь не согласится.

— А если всѣ не согласятся со мной танцовать, тогда что будетъ?

— Вотъ ахинею выдумалъ! Такъ будешь разсуждать, далеко, брать, не убѣдешь. Говори, хочешь танцовать или нѣтъ — или я пойду искать другаго.

— Да я не прочь, почему же! но какъ же я пойду въ ту комнату одна, и притомъ прямо къ какой-нибудь дамѣ? А если тутъ вдругъ сзади закричатъ: «куда вы, назадъ! что за невѣжество!»

— Съ тобой не сговоришь. Ну, хорошо, я пойду вмѣстѣ съ тобой и представлю тебя одной барышнѣ, и ты пригласи ее. Согласенъ?

— Хорошо.

— Пойдемъ?

— Пойдемъ!

— Позвольте вамъ, Марья Дементьевна, представить моего друга Спиридона Алексѣевича Пирожкова, произнесъ Антиповъ и оставилъ Пирожкова передъ молоденькой барышней.

Сначала Пирожкову показалось, что неловко вдругъ такъ и начать предложеніе и что нужно немного помолчать, но потомъ ему показалось, что онъ слишкомъ ужъ, кажется, много помолчалъ, что лучше бы вовсе не молчать; наконецъ онъ сталъ думать, не поздно ли ужъ дѣлать приглашеніе и не лучше ли уйти прочь. Но онъ собралъ всѣ свои силы и рѣшился сдѣлать предложеніе; онъ уже сообразилъ начало предложенія.

Въ это время подлѣ него кто-то произнесъ:

— Позвольте васъ, сударыня, пресить на кадрили.

Пирожковъ былъ уничтоженъ; стоять тутъ ужъ было не при чемъ, а уйти безо всего совѣстно; ему казалось, что всѣ гости смотрятъ теперь на него. Между тѣмъ какой-то господинъ поднялъ Марью Дементьевну со стула и увлекъ ее въ вихоръ вальса. Онъ посадилъ ее на другомъ концѣ залы. Пирожковъ вдохнулъ свободно и хотѣлъ было уйти изъ залы, но вспомнилъ, что его ждетъ съ извѣстіемъ объ успѣхѣ Антиповъ, что онъ подниметъ его на смѣхъ, онъ рѣшился еще разъ попробовать, подождать къ Марьѣ Дементьевнѣ и сдѣлать ей какъ можно скорѣе приглашеніе хоть на вторую кадрили.

Онъ направился въ ту сторону, гдѣ сидѣла Марья Дементьевна, на серединѣ комнаты повернулся къ двери и скрылся.

— Ты куда? закричалъ Антиповъ, держа за рукавъ шляпели Пирожкова, когда тотъ собирался уже выскочить на улицу.

— Домой! отвѣчалъ Пирожковъ. Отпусти меня поналаубѣста.

— А какъ же кадрили?

— Я не пригласилъ и не буду танцовать.

— А я-то какъ! Вѣдь я дамъ пригласилъ.

— Я не знаю. Отпусти, мнѣ нужно скорѣе домой.

— Ну, убирайся къ чорту! Телятина!

Пирожковъ пріѣхалъ домой, зажегъ свѣчу и сталъ ходить по комнатѣ изъ угла въ уголокъ, припоминая подробности послѣдняго происшествія. Онъ былъ уже влюбленъ въ Марью Дементьевну, что очень легко было предвидѣть, потому-что онъ влюблялся въ каждую промелькнувшую женщину. И онъ уже сочинялъ слѣдующую исторію:

У Тебеньковыхъ балъ. Уже танцуютъ, какъ я вхожу въ залу; я высокій и красивый мужчина; я ловко раскланиваюсь со всѣми; самъ подхожу къ хозяйкѣ; у меня черные усы и я кручу ихъ; у меня лицо продолговатое и блѣдное, какъ у грека, который сидитъ на скалѣ съ ружьемъ и караулитъ турка. Я подхожу къ Марьѣ Дементьевнѣ и начинаю съ ней говорить по французски; я умѣю говорить по французски, по нѣмецки и по армянски; однажды я прихожу въ лавочку къ армянину и начинаю съ нимъ говорить по армянски. (Въ городѣ былъ армянинъ, торговавшій константинопольскими платками и табакомъ; это былъ единственный иностранецъ въ городѣ.) Барышни, которыя были въ лавочкѣ, смотрятъ на меня съ удивленіемъ и интересуются знать, кто я. Одна изъ нихъ очень хорошенькая... Но я не обращаю на нее никакого вниманія; я вообще предвзвѣдно смотрю на женщинъ.....

Тутъ Пирожковъ, замѣтивъ, что онъ удаляется отъ главной нити своей исторіи, возвращался опять назадъ. Я подхожу къ Марьѣ Дементьевнѣ и начинаю съ ней говорить по французски. Всѣ слушаютъ и ничего не понимаютъ; юноши завидуютъ мнѣ. «Мусье Пирожковъ, говорятъ Марья Дементьевна: — отчего вы не женитесь?» — «Оттого, сударыня, что я равнодушенъ къ женскому полу. Я не имѣю къ женщинамъ ни магійнаго влеченія», отвѣчаю я.

— Хотите, я разрушу ваше равнодушіе?

— Сдѣлайте одолженіе.

— Бьетесь объ закладъ?

— Съ большимъ удовольвіемъ!

— Ну, смотрите же: вы должны мнѣ купить фунтъ кофея, если я выиграю. Только съ условіемъ — вы должны слушаться меня; вы должны исполнять все, что я ни прикажу... слышите, все, все, что бы ни выдумала я....

И она лукаво смотритъ на меня!

— Однакожь ваша очередь танцовать, говорить она мнѣ.

Я танцую; всѣ обращаютъ на меня вниманіе; никто еще такъ ловко не танцовалъ здѣсь; я ввожу нѣкоторыя новости, не вывезенныя еще изъ Петербурга въ провинцію и поправляю музыкантовъ; я останавливаю ихъ и напѣваю: тамъ, тарарамъ... голосъ у меня удивительный! Я десять лѣтъ путешествовалъ за границей, изучалъ искусство и никто не зналъ, куда я дѣвался; губернаторъ донесъ, что я бѣжалъ въ Турцію; а я вдругъ, черезъ десять лѣтъ, возвращаюсь въ Петербургъ и даю концертъ въ большомъ театрѣ; тысячи огней освѣщаютъ театръ; народу въ ложахъ, какъ игрушекъ въ игрушечной лавкѣ; мѣста раскуплены за мѣсяцъ; возлѣ сцены сидятъ въ нѣсколько рядовъ музыканты съ торчащими вверхъ трубами въ сажень длиною; я выхожу и только начинаю пѣть, какъ театръ уже рукоплещетъ; волна рукоплесканій какъ будто переливается изъ одного конца театра въ другой, то гремитъ на лѣвой сторонѣ, то видимо перекачивается на правую, то вдругъ весь театръ становится единодушнымъ и хочетъ покрыть мой голосъ. Но я усиливаю свое пѣніе и заглушаю рукоплесканья пѣлаго театра. Эти рукоплесканія, въ сравненіи съ моимъ пѣніемъ, какъ полосканье бѣлья сравнительно съ ревомъ бури. Я пою и начинаю подниматься на небо....

Тутъ вновь Пирожковъ замѣчалъ, что онъ удалился отъ главной нити своей исторіи и вновь возвращается къ ней. Такъ онъ бредилъ около двухъ недѣль. Словомъ, онъ былъ влюбленъ; онъ ходилъ въ церкви, въ магазины, на гулянья, всюду, гдѣ только могъ встрѣтить Марью Дементьевну и посмотреть на нее. Онъ еще сильнѣе сталъ фантазировать, и иногда прохаживалъ до полночи, такъ-что утромъ опаздывалъ въ должность.

Но «вѣчно любить невозможно.» Любви Пирожкова суждено было имѣть, какъ всегда, грустный исходъ. Однажды Пирожковъ явился въ должность, въ сюртукѣ, по обыкновенію покрытомъ пушинками и пылью, съ сонными глазами и съ позывами на зѣвоту. Онъ подошелъ къ кружку чиновниковъ, занимав-

шихся посторонними разговорами до прихода старшихъ. Разговоръ имѣлъ убійственное для Пирожкова содержаніе: говорили о томъ, что Марья Дементьевна выходитъ замужъ и что такъ какъ женихъ скоро уѣзжаетъ, то свадьба будетъ на дняхъ. Пирожковъ воротился тогда изъ должности унылый; онъ не могъ просидѣть дома этотъ вечеръ; тоска приступила къ сердцу; ему хотѣлось рассказать кому-нибудь свое горе, но кому? Скажи Антипову, онъ еще расхохочется и скажетъ: «вишь куда хотѣлъ залетѣть!» Цѣлый вечеръ, съ пораженнымъ сердцемъ, проходилъ Пирожковъ по городскимъ улицамъ, не зная, гдѣ оставить тяжелую ношу, и поздно уже воротился домой. Онъ сѣлъ на кровать. Лунный свѣтъ такъ обильно вливался въ комнату, что Пирожковъ не зажигалъ свѣчи. Отъ двухъ оконъ на полу образовались два свѣтлые четверугольника, по временамъ застилавшіеся тѣнью, когда на небѣ мимо луны проходили облака.

Пирожковъ вспомнилъ, какъ онъ пріѣхалъ въ этотъ городъ, какъ онъ вошелъ въ эту комнату, которая произвела на него грустное впечатлѣніе своей обширностью и показалась ему африканской стѣнью, потому что была пуста, и только у стѣны стояла голая кровать, одинъ конецъ которой былъ отодвинутъ отъ стѣны вѣроятно прежнимъ жильцомъ, когда онъ, оставляя свое жилище, хотѣлъ выбрать изъ-за нея свой домашній хламъ; онъ вспомнилъ, какъ ему показались неприятными косяки и двери, которыя были вымазаны известкой подъ одинъ цвѣтъ со стѣнами; какъ онъ, чтобъ разсѣять неприятное впечатлѣніе пустой комнаты, подошелъ къ окну, — но и тамъ увидѣлъ только безконечный заборъ и двухъ коровъ подлѣ него, стоявшихъ одна сзади другой и даже ничего не жевавшихъ. Но надежды на будущее положеніе и таинственность его наполняли сердце Пирожкова такой внутренней жизнью, что всѣ эти событія проици для него незамѣченными тогда. Какъ онъ долженъ было смотрѣть теперь на тѣ же стѣны и на тѣ же окна, когда это будущее разрѣшилось отъ своей таинственности. Ему стала также ненавистна своя конура, какъ дѣлается ненавистенъ намъ тотъ домъ, въ которомъ мы потеряли любимую женщину.

Онъ увидѣлъ на столѣ чернилицу, вазочку и другіе предметы, которыми обыкновенно украшаютъ письменный столъ. Какъ ни дорого стоило Пирожкову это поползновеніе на свѣтскую обстановку, потому что Пирожковъ для этого долженъ былъ отказываться отъ необходимаго, часто украсть у самого себя, оно все-таки было поползновеніемъ, потому что двѣ, три

вещицы какъ-то тоскливо стояли посреди пустынного стола. Пирожковъ понялъ, что это была народія на усѣянный вещицами столъ городского франта, который теперь, можетъ быть, раздушенный, безопасно веселится гдѣ-нибудь на вечерѣ. Но у этого франта все это ничто ему не стоить, онъ покупаетъ все это за одинъ разъ; а вѣдь Пирожкову во всю жизнь не наполнить пустоту своей комнаты.

— И къ чему еще онѣ напоминаютъ мнѣ мое безсиліе? думаетъ Пирожковъ. Онъ отворилъ окно, взялъ чернилицу и другія вещи, такъ долго хранимыя, и швырнулъ ихъ на улицу какъ можно далѣе; потомъ онъ затворилъ окно, не замѣтивши, что на дворѣ была торжественная ночь, точно въ природѣ шло богослуженіе.

П.

Господину Густаву Радде.

Въ № 46 иркутской газеты вамъ угодно было обидѣться, что мы не восторгаемся дѣйствіями и пслѣдованіями вашей экспедиціи; что мы не раздѣляемъ въ этомъ случаѣ мнѣнія вашихъ петербургскихъ и нѣмецкихъ доброжелателей! Что же дѣлать, господинъ Густавъ Радде! — Мы знакомы съ вашей экспедиціей не по однимъ только хвалебнымъ бюллетенямъ, печатаемымъ въ Вѣстникѣ Императорскаго Географическаго Общества, а нѣсколько поближе. Мы знаемъ многое, что не напечатано въ Вѣстникѣ Географическаго Общества, что даже можетъ быть и совсѣмъ неизвѣстно Географическому Обществу. Такъ уже простите насъ великодушно, господинъ Густавъ Радде, если мы осмѣливаемся имѣть о вашей экспедиціи наше собственное мнѣніе.

Мы радовались снаряженію усурійской экспедиціи г. Будоговскаго, говоря что всѣ ея дѣйствія опираются на здравыя начала, точныя и вѣрныя свѣдѣнія. Зная лица, ея составляющія, мы имѣли право это сказать, и результатъ показалъ, что мы сказали это не напрасно. До-сихъ-поръ вернулась въ Иркутскъ только часть этой экспедиціи, а уже мы имѣемъ предъ собою груды маршрутовъ, плановъ, картъ, множество любопытнѣйшихъ свѣдѣній о мѣстности и растительности новаго края, нѣсколько астрономически-опредѣленныхъ пунктовъ; а сколько еще прибавится ко всему этому, когда вернутся остальные отряды экспедиціи. Для насъ важны въ-особенности *практическія* данныя, и по-

тому мы съ особеннымъ интересомъ узнали отъ усурійской экспедиціи, что рѣка Усури судоходна, что мѣстность приусурійскаго края представляетъ особыя удобства для поселенія, что по такимъ-то рѣкамъ растутъ вѣковыя лѣса, а по такимъ-то растиаются необозримыя равнины, что такіе-то заливы представляютъ отличныя якорныя стояжки; что жители тамъ такіе-то и ихъ столько-то, и проч.; а что на Усури водятся скарабеусы съ шестью или пятью ногами, или есть ли тамъ кукушки съ низкимъ перомъ въ шлейфной части — это насъ мало интересуетъ.

Итакъ вотъ, извольте ли видѣть, господинъ Густавъ Раде, что мы имѣли нѣкоторое основаніе сочувствовать успѣхамъ усурійской экспедиціи нѣсколько болѣе чѣмъ пашей, и не напрасно утверждали, что всѣ предназначенныя ей разслѣдованія и всѣ ея дѣйствія опираются на *здравыя начала, точныя и свѣдѣнія*. А что этого до-сихъ-поръ не видно было въ посѣщавшихъ нашъ край ученыхъ экспедиціяхъ, и это было сказано нами не безъ основанія. Вамъ какъ ученому, участвовавшему въ ученой экспедиціи *съ качествомъ члена*, конечно извѣстно, что при каждомъ ученомъ трудѣ весьма важную роль играютъ приготовительныя работы, пожалуй *Vorstudien*, если по нѣмецки выразительнѣе, и что, отправляясь въ ученою экспедицію, весьма полезно и даже необходимо подготовить себя къ предстоящимъ занятіямъ чтеніемъ всѣхъ источниковъ о мѣстности, вообще о край, въ который отправляешься. — Что подобными приготовительными работами не пренебрегли предъ отправленіемъ усурійской экспедиціи — это мы знаемъ. За нѣсколько еще лѣтъ были выписаны сюда изъ С.-Петербурга почти всѣ рѣдкія иностранныя сочиненія, въ которыхъ что либо упоминалось о Маньчжуріи и о приусурійскомъ край; изъ архива генеральнаго штаба были получены драгоценныя рукописныя матеріалы, и первымъ результатомъ обработки этихъ свѣдѣній была карта Маньчжуріи, составленная и напечатанная въ здѣшнемъ генеральномъ штабѣ, въ которую вошли въ первый разъ всѣ, имѣвшіяся до того времени и разбросанныя въ разныхъ изданіяхъ, свѣдѣнія объ этой странѣ. Надѣмся что и вы, господинъ Густавъ Раде, если только видѣли когда либо эту карту, то, какъ ученый, отдайте должную справедливость этому ученому труду и его добросовѣстности и очетливости, не смотря на то, что карта эта была составлена безъ всякаго пособія и участія *вашей* экспедиціи. Въ параллель этому обратимся къ той ученой экспедиціи,

въ которой вы участвовали *въ качество члена*. Какъ она подготовила себя приготовительными работами (Vorstudien) къ предстоявшимъ ей трудамъ и занятіямъ, о томъ въ бюллетеняхъ географическаго общества (кромя астрономовъ) ничего не значится, хотя подобная скромность въ этомъ случаѣ, казалось, была бы неумѣстна. А вотъ по поводу этого мы расскажемъ случай, который покажется вамъ (да и не однимъ вамъ), такъ невѣроятнымъ, что вы непременно скажете, что это вздоръ, что этого быть не можетъ. Но чтобы вы ни сказали, тѣмъ не менѣе мы расскажемъ вамъ этотъ случай, потому что онъ *былъ*, и, пріѣхавши въ С.-Петербургъ, вы убѣдитесь, что онъ *дѣйствительно былъ*. Въ февралѣ или мартѣ нынѣшняго года, въ С.-Петербургѣ, въ квартирѣ географическаго общества, было засѣданіе отдѣленія географіи физической, въ которомъ между прочимъ разсматривалась инструкція г. Шмидту, отправляемому обществомъ на Амуръ для геогностическихъ изслѣдованій. Въ этомъ засѣданіи въ числѣ прочихъ членовъ присутствовалъ г. Шварцъ, бывшій начальникъ той ученой экспедиціи, въ которой вы участвовали *въ качество члена*. Въ инструкціи все теченіе Амура было разбито на четыре участка; отъ раздѣльныхъ точекъ были проведены безъ всякаго основанія черты къ сѣверу до становаго хребта; этими чертами вся сѣверная часть приамурскаго края раздѣлялась на четыре площади и на изслѣдованіе каждой площади полагалось по одному году, чѣмъ и опредѣлялся четырехъ-годовой срокъ существованія экспедиціи. Кажется чего бы легче и проще; но на дѣлѣ оказывалось иначе. Раздѣлить на картѣ всю страну на четыре участка было очень не трудно, да изслѣдовать-то каждый изъ нихъ было не такъ легко, не говоря уже о томъ, что нѣкоторые участки оказались состоящими изъ равнинъ и болотъ, не представляющихъ особаго интереса для геогностическихъ изслѣдованій. Но не въ этомъ дѣло; эта достопочтенная инструкція теперь уже канула въ Лету, и извѣстно, что г. Шмидту предоставлено дѣйствовать болѣе по своему соображенію и направлять свои изслѣдованія сообразно со средствами и способами края, съ чего и надобно бы было начать. Но вотъ что для насъ особенно любопытно. Когда предсѣдательствующій въ отдѣленіи прочелъ первый отдѣлъ инструкціи, заключавшій изслѣдованія верхней части Амура до устья Зеи, то одинъ изъ членовъ общества возразилъ, что притомъ слѣдовало бы поручить особенному вниманію посылаемой экспедиціи изслѣдованіе той части Амура, гдѣ онъ пересѣ-

кается *большимъ Хинганскимъ хребтомъ*, какъ пункта незамѣчнаго ни одною ученою экспедиціею. Предсѣдательствующій отвѣтилъ, что объ этомъ будетъ сказано *ниже*. Ему было возражено что этотъ пунктъ *выше*, — что онъ уже прошелъ эту часть Амура, потому что *Большой-Хинганъ* пересѣкаетъ Амуръ *выше* устья рѣки Зен. Предсѣдательствующій указалъ на картѣ среднюю часть Амура, говоря что Хинганъ находится въ этомъ мѣстѣ. На это было замѣчено, что дѣйствительно Амуръ въ этой части пересѣкается хребтомъ, — который хотя ученая экспедиція г. Маака и назвала Хинганскимъ, — но этотъ хребетъ не есть Хинганскій; — что вѣроятно никто не отвергнетъ, что при преніяхъ, происходящихъ въ *географическомъ* обществѣ, всѣ мѣстности приличіе называть *настоящими географическими* именами, усвоенными уже наукою, и такъ сказать освященными авторитетомъ знаменитыхъ географовъ Риттера и Гумбольта. А такъ какъ по этимъ даннымъ, хребетъ, отдѣляющій Маньчжурію отъ Монголіи и пересѣкаемый Амуромъ близъ слиянія Шилки съ Аргунью, называется *Большой-Хинганъ*, — а хребетъ пересѣкаемый Амуромъ въ средней своей части, — величаемый ученою экспедиціею г. Маака Хинганскимъ, — называется *Доусса-алинь*; — то въ засѣданіяхъ географическаго общества кажется приличіе бы было называть первый *Большимъ-Хинганомъ* — второй *Доусса-алинь*, или, если уже по примѣру ученой экспедиціи г. Маака тоже Хинганскимъ, — то надобно при этомъ различать эти хребты. На это г. Шварцъ изъяснилъ сомнѣніе, что *едвали* въ верхней части Амура *существуетъ* какой-либо хребетъ, который бы пересѣкалъ эту рѣку, — что онъ *не думаетъ*, чтобы между Маньчжуріей и Монголіей былъ хребетъ, называемый *Большой-Хинганъ*, — такъ что для разрѣшенія этихъ преній секретарь общества приказалъ принести карту (не знаешь какую, но кажется Риттера). — Когда г. Шварцъ увидалъ на этой картѣ меридіональный хребетъ, направляющійся къ пункту слиянія Шилки съ Аргунью, — и вдоль этого хребта подпись *Gr. Hinggan*, то онъ вслухъ весьма наивно сознался, что *это странно*, что онъ *объ этомъ до-сихъ-поръ не зналъ*. Не правда ли, господинъ Густавъ Радде, какъ это все не правдоподобно! А между тѣмъ это *фактъ*, дѣйствительно *случившійся*, который вамъ въ Петербургѣ подтверждать присутствовавшіе въ этомъ засѣданіи члены общества, — если только они не успѣли забыть это событіе. Это уже *вѣдь не приотвѣтительныя, а окончательныя работы*. Вы, возвращаясь съ Амура, вѣроятно убѣдились уже

лично, что Амуръ въ верховьяхъ своихъ пробивается черезъ хребетъ Большой Хинганъ; г. Шмидтъ также, кажется, нашелъ тоже самое, а начальникъ той ученой экспедиціи, въ которой вы участвовали въ качествѣ члена, не успѣлъ въ нѣсколько лѣтъ своего пребыванія въ Сибири узнать объ этомъ, не успѣлъ предварительно прочесть объ этомъ, если не у Риттера, такъ въ статьѣ г. Семенова, напечатанной въ томъ же Вѣстникѣ Географическаго Общества, въ которомъ печатались и бюллетени г. Шварца. А вѣдь между тѣмъ г. Шварцъ, не бывавшій никогда на Амуръ и не видавшій его въ глаза *), составляетъ въ С.-Петербургѣ авторитетъ по части Амура и ораторствуетъ о немъ какъ очевидецъ, во всѣхъ ученыхъ и неученыхъ собраніяхъ. Къ нему обращаются за свѣдѣніями объ Амурѣ, его приглашаютъ разрѣшать споры объ Амурѣ, — какъ лицо, пользовавшееся довѣренностію географическаго общества, и сужденія его считаются до-сихъ-поръ непогрѣшимыми.

Да и сами вы, господинъ Густавъ Радде, давно ли узнали о существованіи *Большаго-Хингана*? Знали ли вы объ немъ напримѣръ при отъѣздѣ вашемъ изъ С.-Петербурга, или узнали о существованіи его уже здѣсь, въ Сибири? Еслибы мы были убѣждены въ вашей искренности, мы бы предложили вамъ вопросъ еще болѣе категорическій, напримѣръ въ слѣдующемъ родѣ: знали ли вы, отправляясь на Амуръ въ 1857 году; что *близъ слиянія Шилки съ Аргунью* Амуръ пробивается черезъ хребетъ *Большой-Хинганъ*? Мы убѣждены что нѣтъ, — и готовы бы были доказать это, еслибы были увѣрены, что въ памяти вашей сохранились воспоминанія 1857 года, и что вы будете столь чистосердечны, что рѣшитесь выставить эти воспоминанія на судъ публики. Упомянули ли вы напримѣръ о *Большомъ-Хинганѣ* въ своемъ путевомъ журналѣ (съ 27 мая по 1 августа 1857 года), представленномъ географическому обществу? Сказали ли вы при этомъ, что тотъ хребетъ, въ которомъ вы зимовали, не есть *Хинганъ*, — что такого названія не существуетъ ни у мѣстныхъ жителей, ни у маньчжурскихъ властей, — что въ этомъ

*) Изъ всѣхъ членовъ сибирской экспедиціи географическаго общества только одинъ астрономъ, г. Рашковъ, проплылъ по всему Амуру и даже два раза. — Г. Радде видѣлъ только $\frac{1}{2}$ верхняго теченія Амура, до устья Усури. — Г. Усольцовъ путешествовалъ по притокамъ Амура, рѣкамъ Зеѣ и Буреѣ, и потому посѣтилъ только верхнюю половину Амура. — Начальникъ экспедиціи, г. Шварцъ, вовсе не былъ на Амурѣ, ни въ кытайскую, ни въ прежнюю (забайкальскую) экспедиціи.

случаѣ вы только повторили ученую ошибку своихъ ученыхъ предшественниковъ? Прибавили ли вы притомъ, что если вашъ хребетъ и называется иногда Хинганскимъ, то это все-таки взялось отъ ученыхъ предшественниковъ вашихъ, — перепутавшихъ названія, — а теперь усвоилось до такой степени, что и исправить трудно? Намъ кажется, что обязанность ученыхъ заключается между прочимъ и въ томъ, чтобы разбирать сбивчивыя и ошибочныя свѣдѣнія и названія, а не усвоивать ихъ, и потому, если вы въ 1857 году знали о существованіи хребта *Большой-Хинганъ*, — то не имѣли никакого основанія мѣсто своей зимовки на среднемъ Амурѣ называть *Хинганскимъ хребтомъ* въ ученыхъ донесеніяхъ географическому обществу. Если бы въ то время вы знали, что есть *Grosse Chingan*, — то вѣроятно для своего хребта употребили бы названіе *Kleine Chingan*, и этимъ тогда бы вполне объяснились и присвоенный вамъ титулъ — *Roi de Chingan*, — и появившаяся въ иллюстраціи картинка вашего жилища въ *Чимъ-Ганскихъ* горахъ.

Г. Маакъ тоже не зналъ о существованіи *хребта Большой Хинганъ*, — доказательствомъ этому служитъ его книга (Путешествіе на Амуръ 1859 года), въ которой онъ названіемъ *Малый Хинганъ* окрестилъ нашъ забайкальскій *Яблоновскій хребетъ* (стр. 114). Г. Маакъ также какъ и вы, — величаетъ *Хинганскимъ* — хребетъ *Доуссэ-алинъ*, а о Большомъ-Хинганѣ вовсе не упоминаетъ. Но объясненіе такого пропуска до нѣкоторой степени мы находимъ въ самой же книгѣ г. Маака. Онъ только что вернулся изъ амурской экспедиціи, не успѣлъ хорошенько отдохнуть и осмотрѣться, какъ его послали въ новую экспедицію на Амуръ. Конечно тутъ нѣкогда было заниматься *Vorstudien*, а дай Богъ было въ нѣсколько недѣль только собраться, уложиться и застаться всѣмъ нужнымъ для долгаго пути. Другое дѣло если бы вы, или г. Шварцъ, знали тогда о существованіи Большаго-Хингана: конечно вы оба могли бы пособить въ этомъ случаѣ г. Мааку, и обратить его вниманіе на эту замѣчательную мѣстность верховья Амура, хотя бы только въ одномъ геогностическомъ отношеніи.

Послѣ всего этого скажите чистосердечно, господинъ Густавъ Радде, имѣли ли мы нѣкоторое основаніе написать, что въ сообщавшихъ нашъ край ученыхъ экспедиціяхъ не было видно, чтобы дѣйствія ихъ опирались на точныя и стрныя свѣдѣнія. Приведенный выше случай и разговоръ г. Шварца, кажется, можетъ убѣдить, что если ученый начальникъ вашей ученой экс-

педициі не зналъ о существованіи одного изъ главныхъ горныхъ массивовъ азіатскаго материка, — меридіональнаго хребта — *Большой-Химанг*, — то значить, что его *Vorstudien* не были обширны. По нѣкоторымъ даннымъ это въ извѣстной степени относится и до васъ, господинъ Густавъ Раdde, — и до экспедиціи г. Маака. А если *Vorstudien* экспедиціи не были произведены въ достаточномъ размѣрѣ, значить экспедиція предъ открытіемъ своихъ дѣйствій не имѣла *вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній* о краѣ подлежащемъ ея изслѣдованіямъ; а не имѣя *вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній*, дѣйствія ея весьма естественно и не могли опираться на эти *точные и вѣрные свѣдѣнія*.

Вотъ все, что мы имѣли въ виду сказать объ вашей экспедиціи, по поводу отправления экспедиціи г. Будогоскаго. Вы считаете свою обязанностію сдѣлать возраженіе на этотъ упрекъ, почти, по вашему мнѣнію, какъ бы лично до васъ касающійся, и утверждаете, что съ результатами вашихъ изслѣдованій, равно какъ и съ другими работами ученой экспедиціи, мы вовсе незнакомы, и не можемъ быть знакомы, по той простой причинѣ, что кромѣ краткихъ донесеній, ничего объ этихъ изслѣдованіяхъ не было еще нигдѣ опубликовано. Въ этомъ мы не только что не споримъ, а даже вполне съ вами соглашаемся, и лучшимъ доказательствомъ тому служить то, что мы и не разбираемъ результатовъ вашей экспедиціи; объ нихъ мы успѣемъ поговорить когда труды ея обработаются и появятся въ свѣтъ, — значить еще черезъ нѣсколько лѣтъ. Теперь же мы только старались пояснить, что *Vorstudien* вашей экспедиціи не были произведены въ достаточномъ размѣрѣ, а безъ этихъ *Vorstudien*, экспедиція, въ которой вы участвовали *въ качествѣ члена*, не могла опираться свои дѣйствія на *точные и вѣрные свѣдѣнія*, — при чемъ шаткость основаній, конечно не могла укрѣпить послѣдствій!

За тѣмъ вы спрашиваете, что значить эта фраза: «а распорядители (ученыхъ экспедицій) заботились большею частію о томъ, чтобы прожить въ Сибири извѣстное число лѣтъ, израсходовать извѣстное число денегъ, и въ заключеніе получить «извѣстную награду.» Приэтомъ вы просите сказать, какъ ухитриться чтобы достигнуть чего-нибудь на бѣломъ свѣтѣ, не употребивъ для того ни времени, ни средствъ. Изъ подписи къ вашей статьѣ мы видимъ, что она переведена съ нѣмецкаго, а изъ этого выводимъ заключеніе, что русскій языкъ вы знаете плохо. Поэтому, если вы не поняли нашей фразы, то вѣроятно

не потому, что не хотѣли понять, а этому виною или ваше плохое знаніе русскаго языка, или вашъ переводчикъ. *Извѣстное* число лѣтъ, денегъ и наградъ, — вовсе не значитъ *безъ* лѣтъ, *безъ* денегъ и *безъ* наградъ. Въ томъ-то и дѣло сколько было употреблено на разныя, — въ томъ числѣ и на вашу, — ученые экспедиціи въ Сибирь — лѣтъ, денегъ и наградъ, — и дѣйствительно ли экспедиціи эти требовали *столько* лѣтъ, денегъ и наградъ. Но такъ какъ о пользѣ и необходимости израсходованныхъ денегъ и времени можно судить только по результатамъ, — а результаты эти по вашимъ же словамъ не могутъ быть намъ знакомы, — то мы и отлагаемъ сужденія по этому предмету до появленія въ свѣтъ трудовъ вашей экспедиціи, — если только Богу угодно будетъ продлить нашъ вѣкъ до такого отдаленнаго времени.

Остановимся на наградахъ, — и именно на вашемъ замѣчаніи, что всѣ служащіе имѣютъ ихъ въ виду, отчего же и *ученымъ* на нихъ не рассчитывать. Оттого, господинъ Густавъ Раде, что *не должно, не слѣдуетъ* рассчитывать. Ученый долженъ рассчитывать только на одно: принести пользу наукѣ; высшая награда для него есть открытіе той истины, къ которой онъ стремится! — Какъ вы думаете, на что рассчитывалъ Александръ Кастренъ, когда совершалъ свои путешествія? Что увлекало Барта, Лпвингстона и Фогеля въ пустыни Африки? Неужели надежда на чинъ, крестъ, или пенсію? Да обратимся лучше къ вамъ самимъ, господинъ Густавъ Раде! Неужели, когда вы взбились на вершину Чохондо или Мунко-Хардыкъ, или когда остались по доброй волѣ зимовать въ вашемъ Хинганѣ, — неужели вы рассчитывали на награду? Вы сами говорите, что ваша экспедиція работала для ученаго, или лучше сказать, для всего образованнаго міра, и въ тоже время допускаете мысль, что она рассчитывала на награды. Но въ этомъ случаѣ позвольте вамъ не повѣрять! Мы сами были знакомы съ нѣкоторыми членами вашей экспедиціи, — которые хотя были *офицеры*, слѣдовательно по вашему выраженію *люди служащіе*, — однако никогда не рассчитывали на награды, не смотря на тяжкіе труды и лишения, постоянно сопровождавшія порученныя имъ изслѣдованія и представили своему безкорыстію блистательныя доказательства. Но, можетъ быть, говоря объ ученыхъ, рассчитывающихъ на награды, вы подразумевали только одного себя, — то и это вамъ кажется неудобопонятнымъ. Нѣсколько уже лѣтъ сряду въ отчетахъ географическаго общества мы читаемъ, что труды

ваши были совершены съ рѣдкимъ усилѣхомъ, къ которому приводить *лишь горячая любовь* къ своему предмету, что въ описаніяхъ вашихъ видна строгая обдуманность, согрѣтая только *любовью къ природѣ*, что во все время вашихъ изслѣдованій вы были *преисполнены ожара науки* и проч., и потому извините насъ, господинъ Густавъ Радде, съ этимъ какъ-то не вяжется разсчитать на награды! Уважая васъ, ваши знанія и ваши заслуги предъ наукою, засвидѣтельствованныя отчетами географическаго общества, мы, не смотря на ваши увѣренія, — никакъ не рѣшаемся допустить на вашъ счетъ столь обиднаго предположенія, что будто бы всѣми вашими изслѣдованіями на поприщѣ науки руководили какія-нибудь пныя, болѣе мелкія побужденія, кромѣ тѣхъ, которыя упоминаются въ отчетахъ географическаго общества. Мы допускаемъ, что награда можетъ обрадовать васъ какъ свидѣтельство правительства, что труды ваши въ Сибири были полезны, но не думаемъ, чтобы вы заранѣе на нее разсчитывали. Если же это не такъ, если мы ошибаемся — то просимъ насъ великодушно извинить, и, предъ отъѣздомъ вашимъ въ С.-Петербургъ, просимъ принять наше искреннее поздравленіе съ будущею наградою.

Вы много странствовали по Сибири и вѣроятно много сдѣлали для науки, это покажутъ результаты. Но вѣроятно вы не станете отвергать, что и другіе члены вашей экспедиціи трудились и сдѣлали не менѣе васъ. Сколько намъ извѣстно, труды и лишенія другихъ лицъ были даже больше, несравненно больше, вашихъ собственныхъ. Напримѣръ: вы, зимою 1857 — 1858 года *съ самимъ Химманъ*, въ тридцати верстахъ отъ русской деревни, не терпѣли ни голода, — потому что у васъ былъ запасъ провіанта слишкомъ на годъ, — ни холода, потому что спали въ теплой хатѣ съ печкой, — ни особыхъ лишеній, потому что могли во все время соблюдать величайшій комфортъ — чистоту, — по случаю стоявшей рядомъ съ вашимъ жильемъ бани, — а между тѣмъ посмотрите какъ всѣ кричали о вашей зимовкѣ, о вашемъ отшельничествѣ. Это было даже описано въ нѣмецкой иллюстраціи съ рисунками, какъ будто нѣчто особенное. Бюлетень географическаго общества даже сообщалъ, что вы зимовали *въ тижимъ*, хотя по-русски это названіе вовсе не выражаетъ деревянный домъ съ печкою. Многіе считали это величайшимъ подвигомъ, величайшимъ самоотверженіемъ съ вашей стороны, забывая что въ 1857 году, когда половина Амура была уже заселена, зимовать тамъ не

составляло никакого подвига, вовсе не было такъ трудно какъ въ прежніе годы, напримѣръ въ 1855; что въ тридцати верстахъ отъ васъ находилась казацкая станица, изъ которой вы всегда могли имѣть въ случаѣ нужды и пособіе и защиту, а въ случаѣ крайности могли даже и совсѣмъ перебраться на зимовку въ эту станицу. Вѣроятно вы и сами не станете отвергать, что ваша зимовка въ вашемъ Хинганѣ была не болѣе какъ играшка, какъ забава, въ сравненіи съ тѣми лишеніями и трудами, которые напримѣръ перенесъ другой, — и единственный изъ всѣхъ, проплывшій по *всему* Амуру, — членъ вашей экспедиціи г. астрономъ Рашковъ, во время своей зимовки въ 1855 году на устьѣ Амура, во время своихъ зимнихъ поѣздокъ на собакахъ по лиману и сахалинскому побережью и вообще во время *своего трехлѣтняго* пребыванія на Амурѣ. Вѣроятно вы также не станете отвергать, что ни въ одну изъ вашихъ поѣздокъ вамъ не приходилось быть въ такомъ отчаянномъ, безвыходномъ положеніи, въ какомъ очутился другой астрономъ вашей экспедиціи, г. Усольцовъ, во время своего путешествія по рѣкѣ Зеѣ, и что вы не можете имѣть и понятія о тѣхъ неестественныхъ трудахъ и страшныхъ лишеніяхъ, которыя выпадали на долю этого отважнаго молодого человѣка во время его четырехъ странствованій по дикимъ и недоступнымъ пустынямъ. А напоминать ли вамъ о третьемъ астрономѣ вашей экспедиціи, — подпоручикѣ Смирягинѣ, который заплатилъ свою жизнь за свои благородныя стремленія на изслѣдованія новыхъ странъ? И отчего же вмѣстѣ съ этими, *не равномерно* выпавшими на долю каждаго изъ участниковъ вашей экспедиціи трудами, мы не можемъ указать и на соразмѣрныя вознагражденія таковыхъ трудовъ? Скажите намъ, кто изъ членовъ вашей экспедиціи получилъ наибольшую награду: тотъ ли кто болѣе всѣхъ трудился, кто болѣе всѣхъ перенесъ лишеній, или кто былъ старше прочихъ званіемъ или чиномъ? Кто изъ вашихъ сотоварищей получалъ болѣе содержаніе: тотъ ли, на долю котораго выпадали самыя длинныя путешествія въ самыхъ отдаленныхъ странахъ, или тотъ кто большую часть года сидѣлъ въ теплой комнатѣ и если пускался въ разѣзды, то по странамъ болѣе близкимъ, болѣе населеннымъ. Отчего бюллетени географическаго общества говорятъ преимущественно о вашихъ занятіяхъ, вашихъ трудахъ, весьма подробно сообщаютъ намъ не только о занятіяхъ, но даже и о *состояніи здоровья* г. Шварца, упоминаютъ и о трудахъ другой, совершенно отдѣльной ученой

экспедиціи г. Маака и только въ сжатомъ очеркѣ приводятъ результаты изслѣдованій прочихъ вашихъ сочленовъ, нисколько не восторгаясь ихъ подвигами, весьма мало упоминая о перенесенныхъ ими безпримѣрныхъ трудахъ и лишеніяхъ? Отчего это, господинъ Густавъ Радде? Неужели только оттого, что фамиліи Рапковъ, Усольцовъ, Смирягинъ имѣютъ несчастье не походить на фамиліи Шварцъ, Маакъ, Радде! Неужели только оттого, что у насъ на Руси до-сихъ-поръ не устарѣлъ, не отжилъ свой вѣкъ пзвѣстный грибоѣдовскій стихъ.....

Для большаго уясненія предмета представимъ вамъ слѣдующее сравненіе. Г. Маакъ съѣздивъ на Вилюй, и послѣ того въ 1855 году сплылъ вмѣстѣ со многими по Амуру до Маринска, откуда вернулся въ лодкѣ до Айхуна, а выше по льду на лошадахъ; Смирягинъ въ это же время, отправившись на изслѣдованіе рѣки Витима, былъ тамъ убитъ. Г. Маакъ за свое путешествіе получилъ *три* награды: св. Владиміра 4-й степени, св. Станислава 2-й степени и триста рублей ежегодной пожизненной пенсіи; въ это же время мать Смирягина въ награду усердія и рвенія ея сына, убитаго въ сибирской экспедиціи географическаго общества, получаетъ въ изъясненіе собогъзнованія совѣта общества ежегодно примѣрно до *семидесяти пяти рублей*. Мы не отвергаемъ ученыхъ заслугъ г. Маака, мы не находимъ, чтобы полученные имъ за это награды были излишни или несправедливы, — мы не сомнѣваемся, что перенесенные имъ труды и лишенія на Вилюѣ и Амурѣ были велики, — но этимъ же самымъ трудамъ и лишеніямъ, только несравненно въ большей степени, подвергались всѣ бывшіе на Амурѣ въ 1855 году.

Что же касается до вашего предположенія, что не писали ли мы даже своихъ статей иногда изъ одного только желанія получить за свое писаніе награду, — то намъ остается сожалѣть, что вы не указали на источникъ вашего вдохновенія! Усматривая изъ этого, что одновременно съ обработкою ученыхъ изысканій вашей экспедиціи вы находите и время и возможность заниматься собираніемъ всякихъ *вѣстей* и *слуховъ*, мы имѣемъ честь представить на ваше просвѣщенное и ученое вниманіе нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя можетъ быть пригодятся вамъ впослѣдствіи на поприщѣ вашей учено-литературной дѣятельности. Конечно теперь эти свѣдѣнія не болѣе какъ слухъ, и можетъ быть слухъ весьма недостоверный, а потому относительно его мы и придерживаемся русской пословицы: *«не всякому слуху вѣръ»*. Но хотя мы и не

вѣримъ этимъ слухамъ и считаемъ ихъ (по вашему выраженію), *фактами вымышленными*, однако тѣмъ не менѣе полагаемъ не лишнимъ сообщить ихъ вамъ, какъ сырой, необдѣланный матеріалъ, изъ котораго вы можете быть и добьетесь какого-нибудь смысла, а пожалуй можетъ быть еще и выработаете что-нибудь интересное для публики въ вашихъ будущихъ изданіяхъ. Въ противномъ случаѣ, вы можете быть покажете и докажете до какой степени эти слухи нелѣпы и неосновательны, до какой степени эти факты *недѣйствительны и вымышленны*, а тѣмъ самымъ подтвердите наше настоящее мнѣніе о недостоверности ихъ. Напримѣръ, говорятъ что будто бы въ драгоценныхъ для науки зоологическихъ коллекціяхъ, собранныхъ въ Сибири нашими учеными натуралистами, — главную роль играютъ не науки, блохи и бабочки, — а разнообразныя *собольиыя шкурки*, всевозможныхъ оттѣнковъ и видоизмѣненій. Утверждаютъ, что число этихъ, (по вашему выраженію), — *необходимыхъ матеріаловъ для естествознанія и физической географіи*, доходитъ иногда въ зоологическихъ собраніяхъ до такой большой цифры, что наши ученые естествоиспытатели часто поставлены бываютъ въ затрудненіе относительно дальнѣйшей перевозки ихъ до С.-Петербурга. Въ доказательство этого приводятъ то, что одинъ изъ ученыхъ натуралистовъ, возвратившись изъ своей ученой экспедиціи въ Иркутскъ, поставленъ былъ въ горькую необходимость навязать большую часть собранныхъ имъ собольихъ шкурокъ какому-то простому и вовсе не ученому купцу. Правда, прибавляютъ, что купецъ, хотя и не былъ озаренъ свѣтомъ науки, но не оказался же вовсе безчувственнымъ, и въ знакъ своего глубокаго уваженія къ тяжкимъ трудамъ ученаго натуралиста, понесеннымъ при собираніи своихъ зоологическихъ коллекцій, обезпечилъ его дальнѣйшее прослѣдованіе до С.-Петербурга и пребываніе его въ этомъ сѣверномъ Вавилонѣ нѣкоторымъ количествомъ презрѣннаго металла. Намъ говорили даже о количествѣ этого металла, но теперь мы этого не припомнимъ. Мы слышали, что прибывъ въ Иркутскъ, и вы господинъ Густавъ Радде, будто бы очутились въ подобномъ же безвыходномъ положеніи. Утверждаютъ, что и въ вашихъ зоологическихъ коллекціяхъ, количество *этихъ необходимыхъ и многочисленныхъ матеріаловъ для естествознанія и физической географіи* такъ увеличивало вѣсъ собранныхъ вами рѣдкостей, что во избѣжаніе затруднительности въ перевозкѣ вы должны были рѣшиться на мѣру весьма грустную. Говорятъ, что вы по-

сгнули разрознить вашу коллекцію, и часть этих *драгоценныхъ материаловъ для естествознанія*, рѣшились послать въ С.-Петербургъ къ вашимъ ученымъ друзьямъ, а другую часть передать разнымъ лицамъ здѣсь въ Иркутскѣ. Если все это правда, то будьте увѣрены, что мы глубоко соболѣзуемъ о той крайности, которая вынудила васъ на подобную мѣру. Но мы объ этомъ не распространяемся, а снова переходимъ къ *слухамъ* не имѣющимъ повидимому никакого основанія и вѣроятія. Скажите, господинъ Густавъ Радде, не знакомы ли вы съ тѣмъ ученымъ натуралистомъ, который, бывши недавно въ Тункѣ, и *пресполненный вѣроятно жара науки*, съ такимъ рвеніемъ предавался своимъ *зоологическимъ* разслѣдованіямъ, что незамѣтно перешелъ къ изысканіямъ *френологическимъ* и вслѣдствіе этого разбилъ черепъ какому-то казаку? Говорятъ даже, что недавно самъ этотъ ученый естествоиспытатель рассказывалъ о своихъ подвигахъ въ какомъ-то изъ здѣшнихъ трактировъ, и хотя отъ разбитія черепа и отказался, — но подтвердилъ, что онъ дѣйствительно поподчивалъ русскаго казака собственноручно, — *«да такъ немногу, — далъ плюхъ двадцать не больше»*, — и въ заключеніе приводилъ аргументъ, что русскій человекъ — *скотина*, — и что для него долго еще нужна будетъ палка, что въ Германіи онъ не поступилъ бы такъ, ибо германскій человекъ совсѣмъ не то, что русскій мужикъ, и проч. Вотъ здѣсь мы уже обратимся къ вамъ съ нашей *вспокорнѣйшей* просьбой, господинъ Густавъ Радде! — Сдѣлайте милость, сообщите намъ по-подробнѣе объ этомъ обстоятельствѣ, тѣмъ болѣе, что вы сами недавно были въ Тункѣ, и вѣроятно объ этомъ что-нибудь слышали. Мы бы весьма были рады, еслибы этотъ слухъ былъ несправедливъ; а то согласитесь, что же тутъ будетъ хорошаго, что какой-то нѣмецъ, — иностраннаго происхожденія, — вслѣдствіе своихъ ученыхъ изслѣдованій вздуетъ собственноручно и безнаказанно русскаго казака и потомъ уѣдетъ въ свою пресловутую Германію и станетъ тамъ проповѣдывать, что русскій человекъ — скотина, что онъ ничего кромѣ палки и кнута не понимаетъ и въ доказательство этого будетъ приводить свои собственноручныя френологическія изысканія. Мы тѣмъ охотнѣе обращаемся къ вамъ съ подобною *вспокорнѣйшею* просьбою, что такъ какъ вы изъявили желаніе поступить въ число русскихъ подданныхъ, то вѣроятно не откажете въ своемъ содѣйствіи къ принужденію иностранца уважать русскіе законы, — то есть тѣ самые законы, подъ защиту и покровительство которыхъ вы сами от-

ныиѣ становитесь. Что же касается до объясненія ученаго естествоиспытателя, что въ Германіи онѣ этого бы не сдѣлали, — то это мы и безъ него знаемъ. Потому-то эти ученые господа, съ своими идеями вольности и равенства и позволяютъ себѣ буйства и самоуправства, — что увѣрены, что имъ, какъ иностранцамъ, *стоящимъ несравненно выше русскихъ, и къ тому же ученымъ*, — все должно съ рукъ сходить.

Все это хотя и длинно, а можетъ быть и скучно, но согласитесь, пѣветъ нѣкоторую связь съ учеными изслѣдованіями нашихъ ученыхъ иностранцевъ и ученыхъ экспедицій. Согласитесь также, что мы не на-вѣтеръ сказали, что многія дѣйствія ученыхъ экспедицій, (вотъ хотя бы и френологическія изысканія) не начатаны въ хвалебныхъ бюллетеняхъ географическаго общества. А между тѣмъ онѣ проливаютъ новый свѣтъ на характеръ ученыхъ изслѣдованій и на достоинство ученыхъ результатовъ. И такъ хотя статья выходитъ и длинна, но мы не кончимъ ее, не отвѣтивъ на всѣ ваши вопросы, чтобы вы послѣ не могли насъ обвинить въ принаглчваніи. Говоря о практическихъ данныхъ, вы полагаете что отъ математическаго отдѣла вашей экспедиціи никто и не ожидалъ фактовъ непосредственно полезныхъ для практической жизни, и прибавляете, что «можетъ быть нѣкоторымъ будетъ и неприятно, что Витимъ «придется верстѣ на двѣсти перенести въ сторону, и сдѣлать многія другія не совсѣмъ удобныя измѣненія по части картографіи, вслѣдствіе *опрнаго* астрономическаго опредѣленія вашею экспедиціею важнѣйшихъ пунктовъ, а *этой* участи не *измѣлится* *адаже* самый Байкаль.» Если опредѣленія вашей экспедиціи были дѣйствительно *опрны*, то можемъ увѣрить васъ, господинъ Густавъ Радде, что отъ этого никому неприятно не будетъ. А *опрны-ли* эти опредѣленія о томъ слѣдуютъ пункты: *Спрашивается*: по чьимъ опредѣленіямъ до сего времени означалось на картѣ озеро Байкаль? *Отвѣтъ*: по опредѣленіямъ забайкальской экспедиціи, существовавшей въ 1849—1853 годахъ. *Вопросъ*: Кто производилъ астрономическія опредѣленія Байкала въ забайкальской экспедиціи? *Отвѣтъ*: Г. астрономъ Шварцъ! *Вопросъ*: Кто въ настоящую экспедицію производилъ опредѣленіе *того-же* озера Байкала? *Отвѣтъ*: Г. астрономъ Шварцъ! *Вопросъ*: Кому можетъ быть неприятно, что Байкаль *подоинется* и *измѣлится* на картѣ, какъ утверждаетъ о семъ въ иркутской газетѣ печатно господинъ Густавъ Радде?... Но уже на этотъ

вопросъ потрудитесь отвѣчать вы сами господинъ Густавъ Радде и предъ публикою, и предъ г. Шварцемъ.

Какъ же это въ самомъ дѣлѣ! Г. Шварцъ въ одну ученую экспедицію опредѣляетъ астрономическіе пункты по берегамъ Байкала, и по нимъ составляетъ карту этого озера *), а чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ же самъ, участвуя въ другой ученой экспедиціи, открываетъ, что прежнія его опредѣленія не вѣрны. Ну, а если Богъ дастъ мы доживемъ до третьей ученой экспедиціи, не можетъ ли она открыть, что и опредѣленія вашей экспедиціи также не вѣрны? Конечно теперь еще не вычислено окончательныхъ результатовъ астрономическихъ опредѣленій вашей экспедиціи, которыми г. Шварцъ будетъ заниматься *три* года, — и потому мы сообщимъ только то, что намъ извѣстно. Здѣсь есть за подписью г. Шварца нѣсколько каталоговъ пунктовъ астрономически опредѣленныхъ вашею экспедиціею, и вычисленныхъ приблизительно — и всѣ эти каталоги одинъ на другой нѣсколько не похожи. Если вы вздумали бы составить по нимъ карту, наприимѣръ, хотя Амура, то вы были бы въ затрудненіи который изъ нихъ выбрать? Конечно казалось бы, что въ этомъ случаѣ можно было бы положиться на авторитетъ самого г. Шварца, — но вотъ вамъ по этому случаю анекдотъ слѣдующаго рода. Съ адмираломъ Путятинымъ занимался въ 1855 году вверхъ по Амуру мичманъ Пещуровъ и на пути сдѣлалъ нѣсколько астрономическихъ опредѣленій. Эти опредѣленія были вычислены самимъ г. Пещуровымъ, а въ Иркутскѣ *перевычислены* г. Шварцемъ. Морской Сборникъ (Апрѣль 1857 года № 4:) отвергъ результаты г. Шварца и построилъ свою карту Амура по вычисленіямъ г. Пещурова. Г. Шварцъ конечно стоялъ на своемъ и за свои вычисления, — но послѣ этого *снова перевычислилъ* (т. е., выходитъ *пере-перевычислилъ*) нашель, что результаты г. Пещурова вѣрнѣе его собственныхъ, и потому посовѣтовалъ построить составлявшую здѣсь въ прошломъ году карту Амура не по собственнымъ *перевычисленіямъ*, а по вычисленіямъ г. Пещурова, что и было сдѣлано. Сличивъ каталоги астрономическихъ пунктовъ, напечатанныхъ въ Морскомъ Сборникѣ (Апрѣль 1857 года) и въ Вѣстникѣ Географическаго Общества (1858 года Кн. 1) вы сами можете убѣдиться, что позднѣйшія вычисленія г. Шварца ближе подхо-

*) Карта эта находится въ управленіи генеральнаго штаба восточной Сибири по общему каталогу подъ № 52-мъ.

дѣтъ къ результатамъ Пещурова, чѣмъ его первыя перевычисленія. Для примѣра возьмемъ Маріинскій постъ. — По опредѣленіямъ Пещурова онъ лежитъ подъ

51° 40' 20" сѣв. ш. и 140° 12' 22,5" вост. д. отъ Гринв.

По перевычисленіямъ г. Шварца:

51° 40' 20" 140° 46' 00"

По опредѣленіямъ и вычисленіямъ г. Ранкова:

51° 42' 18" 140° 12' 15"

По позднѣйшимъ перевычисленіямъ г. Шварца, въ печатномъ каталогѣ Вѣстника Географическаго Общества:

51° 41' 140° 12'

По опредѣленіямъ г. Ранкова, перевычисленнымъ г. Шварцемъ въ допозительномъ, и еще болѣе позднѣйшемъ, каталогѣ за его подписью:

51° 42' 25" $\frac{9 \text{ ч. } 21' 10,2'' \text{ въ часахъ}}{140^\circ 17' 38''}$

Изъ этого видно, что хотя гг. Пещуровъ и Ранковъ опредѣляли одинъ и тотъ же пунктъ въ разное время, разными инструментами и приемами, но ихъ и опредѣленія и вычисленія долготы весьма близки одно къ другому. Но не угоднѣе теперь объяснить намъ, которое изъ этихъ вычисленій вѣрнѣе, и которое слѣдуетъ принять для нанесенія на карту? Дѣлать нечего; — подождемъ три года окончательныхъ результатовъ и въ эти три года не будемъ составлять, не будемъ печатать ни одной карты Амура. Для большаго уразумѣнія возьмемъ еще одинъ пунктъ г. Пещурова съ двойственными перевычисленіями г. Шварца. Напримѣръ островъ виноградныхъ лозъ:

По опредѣленіямъ и вычисленіямъ г. Пещурова:

47° 44' 31½" 131° 26' 4,5"

По перевычисленіямъ г. Шварца:

47° 44' 24" 132° 1' 0"

разница въ долготѣ 36' или до 30 верстъ.

По позднѣйшимъ перевычисленіямъ г. Шварца:

47° 44' 131° 34'

разница въ долготѣ только 9' или до 11 верстъ.

Изъ всего этого всеюду предоставляется выводить заключеніе какое ему заблагоразсудится; мы только покорнѣе просимъ васъ господина Густава Радде сказать намъ: который изъ всѣхъ этихъ каталоговъ слѣдуетъ въ настоящее время принимать за истинный? Кстати уже, объясните намъ причины и прѣвы, почему въ печатный каталогъ пунктовъ, опредѣленныхъ

вашей экспедиціей, вошло до пятидесяти тысячъ, которые она не только что не опредѣляла, но даже и не подсчитала, на примѣръ Удской острогъ, Аляу, Нельканъ и т. п. Или для большаго важности, для увеличенія массы ученыхъ результатовъ, собранныхъ вашей экспедиціей? Пункты эти были опредѣлены еще забайкальской экспедиціей 1849—1853 годовъ, которую по нашему мнѣнію нѣтъ никакого основанія сближивать съ настоящей вашей ученой экспедиціей, — слѣдовательно и нѣтъ причины присвоивать себѣ результаты другой, пражней и совершенно отдѣльной экспедиціи.

Вы упрекаете насъ въ томъ, что мы осмѣливаемся имѣть сужденіе о дѣйствіяхъ вашей экспедиціи, не дождавшись результатовъ вашихъ ученыхъ работъ, и къ этому прибавляете, что когда «ваши науки сдѣлаются чрезъ васъ извѣстными публикѣ, тогда будетъ зависѣть отъ каждаго мыслящаго человѣка, гдѣ «возможно, разумно воспользоваться доставленными фактами и «приложить ихъ къ пользамъ края.» Вотъ мы и дождались, господинъ Густавъ Раде, окончательныхъ результатовъ ученой экспедиціи на Амуръ сибирскаго отдѣла. Предъ нами великолѣпно изданный толстый томъ in quarto, съ огромными англо-немецкимъ картинъ и рисунковъ и съ пышными заглавіемъ «Нутешествіе на Амуръ.» Чтобы доказать вамъ, что и въ этомъ случаѣ наше мнѣніе было не безъ основанія, стоило бы только разобрать въ подробности книгу г. Маака. Но такъ какъ статья наша и безъ того слишкомъ длинна, то мы и отлагаемъ этотъ трудъ до болѣе удобнаго случая. Во всякомъ случаѣ книга г. Маака еще болѣе подтвердила прежнее наше мнѣніе, что наша ученой экспедиціи, не считая на болѣшія суммы истраченныхъ ими, не доставили намъ никакихъ практическихъ данныхъ, и что за такія деньги можно было бы и избрать ученыхъ и принести большую пользу краю! А деньги истраченныя ими были слѣдующія: экспедиція г. Маака и изданіе его трудовъ стоили г. Соловьеву говорить до 30,000 рублей; ваша экспедиція съ изданіемъ своихъ трудовъ будетъ стоить въроятно не менѣе 50,000 рублей. Если положить на странствованіяхъ по Амуру отдѣльныхъ ученыхъ нутешественниковъ гг. Дитмара, Шренка, Максимовича по 4,000 рублей на каждаго, то вѣдь въ итогѣ получится сумма близкая къ 100,000 рублей. Сумма почтенная; а какая отъ этого польза для края?

Но найдемъ ли мы какихъ либо практическихъ данныхъ въ трудахъ другихъ ученыхъ нутешественниковъ, гг. Дитмара,

Шренка, Максимовича? Результаты ихъ трудовъ тоже кажется еще не обнаружены, а если и обнаружены, то вѣроятно въ такихъ количествахъ, которые рѣдко попадаются подъ руку. Мы знаемъ, что г. Дитмаръ была вверушена отъ здѣшняго начальства задача весьма важная и весьма практичная: изслѣдовать мѣсторожденіе каменнаго угля на Сахалинѣ и опредѣлить его достоинство. Г. Дитмаръ былъ на Сахалинѣ, набралъ нѣсколько образцовъ каменнаго угля и произнесъ свой ученый приговоръ, что сахалинскій уголь дрянъ, что его не стоитъ разрабатывать, и т. д. Хорошо, что здѣшнее начальство не повѣрило на слово ученому геологу, а послало на Сахалинъ команду людей не ученыхъ — ломать каменный уголь. Такимъ образомъ на Сахалинѣ открылось добываніе угля, паровыя суда начали подходить къ берегу и нагружаться этимъ углемъ, — оказалось, что онъ и горитъ прекрасно и котловъ не портитъ и проч. Командеры всѣхъ паровыхъ судовъ, которымъ удалось употребить сахалинскій каменный уголь, единогласно отдають ему предпочтеніе вредъ японскимъ, нагаасакскимъ и вообще японскимъ каменнымъ углемъ; въ послѣднее время сахалинскій уголь такъ распространился по Тихому океану, что сдѣлался извѣстнымъ въ Шангаѣ, С. Франциско и даже образцы его пошлн въ Австралію, Нью-Йоркъ и проч. Вотъ послѣ этого и вѣрнѣе тѣмъ ученымъ, которые тамъ искусно примѣняютъ свои знанія къ дѣлу, и на основаніи непреложныхъ правыхъ мауин дають намъ, неученымъ, такіе вѣрныя практическіе результаты. Не помнимъ въ какой-то газетѣ было напечатано, что въ Англій одинъ химикъ разлагалъ манъ сахалинскій уголь и нашелъ, что онъ не уступаетъ, или весьма мало уступаетъ ньюкестельскому; торговый домъ Bussel and Co въ Шангаѣ дѣлаетъ заказы этого угля, или проситъ отвести ему площадь для разработки; — президентъ Соединенныхъ Штатовъ дѣлаетъ чрезъ нашего посланника предложеніе объ ежегодномъ отпускѣ до 50,000 тоннъ (3,000,000 пудовъ) сахалинскаго каменнаго угля для учреждающейсѣ компаніи пароходства по Тихому океану. Но всѣ эти факты не убѣждаютъ нашихъ ученыхъ въ С. Петербургѣ — всѣ они вѣрують и въ сказанія и въ коллекціи г. Дитмара, и никакъ не допускають, чтобы на Сахалинѣ могъ существовать порядочный уголь. Будемъ надѣяться, что по крайней мѣрѣ г. Шивдтъ разувѣритъ ихъ въ этомъ.

Какія практическія данныя мы можемъ потерннуть изъ трудовъ другаго ученаго, послѣдня Лесольда фонъ Шренка? —

Раскрываемъ Вѣстникъ Географическаго Общества (К. 1. 1857 года), читаемъ письма г. Шренка къ секретарю академіи наукъ и изъ нихъ узнаемъ двѣ любопытнѣйшія и конечно никѣмъ еще неовѣданныя новости. Первая, что Сунгари сливается на Амурѣ съ невѣдомою рѣкою *Сахали*, а вторая, что по нижнему Амuru живетъ народъ *Золотое Пламя*. Дѣйствительно, только ученому можетъ придти такая пылкая фантазія — доставить ученому и образованному міру такія свѣдѣнія. Что это за *Сахали*? Не подразумѣваетъ ли господинъ Леопольдъ Фойъ-Шренкъ подъ этимъ названіемъ рѣку Амуръ, на томъ основаніи, что манчжуръ называютъ верхнее теченіе ея *Сахалинь-Ула*? Но во-первыхъ *Сахалинь-Ула* не есть еще *Сахали*, а во-вторыхъ надѣмся, что г. Шренкъ писалъ для ученаго и для образованнаго міра, — а не для манчжуровъ; а образованный міръ не придаетъ рѣкѣ Амuru никакого другаго названія кромѣ *Амуръ*! Хорошо бы было, если бы мы, описывая нижнюю часть рѣки Амuru, для того только, чтобы блестящею ученостью, назвали бы ее китайскимъ именемъ *Хунь-Тхунь-Цзянь*, и потомъ удивлялись, что многіе не понимаютъ о чемъ идетъ рѣчь. Что же касается до *Золотого Пламени*, вы можетъ быть станете увѣрять, что это вина переводчика, то и это не такъ! Племя, живущее на Амурѣ ниже устья Сунгари, называетъ себя такимъ именемъ, которое ученый путешественникъ, — если только онъ внимательно вслушивается въ звуки чуждаго ему языка, — никакъ не можетъ вполне выразить нѣмецкимъ словомъ *Gold* (золото) какъ г. Шренкъ, или русскимъ *Гольдъ*, какъ сдѣлалъ г. Маакъ. Ни то ни другое невѣрно, для обозначенія названія племени *Гольдмей*. Впрочемъ, что г. Шренкъ не обладалъ способностью вѣрно подслушивать звуки невѣдомыхъ ему языковъ, мы видимъ этому доказательство въ приведенномъ имъ названіи *Чанчу*, которымъ именуется находящееся при устьѣ Сунгари селеніе (постъ) *Дзаль-Дзюнь* — Гиринь.

Г. Максимовичъ доставилъ нѣкоторую практическую пользу своей запискою о характерѣ и растительности береговъ Амuru, указавъ при этомъ на мѣста удобныя для поселенія. Что касается до его книги: *Primitive Flore Amurensis*, — то она доступна только специалистамъ уже по одному тому, что писана на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Г. Максимовичъ знаетъ весьма хорошо по русски, — путешествовалъ по порученію русскаго Инженерскаго ботаническаго сада, — и мы не понимаемъ почему бы ему не издать свои труды на языкѣ русскаго.

Намъ извѣстно, что вамъ господинъ Густавъ Раде какъ и г. Дитмару, было дано отъ здѣшняго начальства порученіе чисто практическое. Вамъ какъ ученому натуралисту, прозировавшему въ вашемъ Хинганѣ, и изслѣдовавшему мѣстность и природу этого горняго корридора, было дано отъ здѣшняго начальства весною 1858 года порученіе — выбрать мѣсто для поселенія казаковъ, въ томъ предположеніи, что вы какъ ученый натуралистъ, конечно лучше всякого можете опредѣлить по травамъ, кустарникамъ и деревьямъ, мѣста, гдѣ почва земли способна для огородничества и хлѣбопашества, — словомъ начальство хотѣло, чтобы съ помощію вашей науки вы опредѣлили съ точностію то, до чего неученые доходятъ только впоследствии, горькимъ опытомъ. Вы и взяли за это; выбрали мѣсто; подъ вашимъ наблюденіемъ поселились на этомъ мѣстѣ казаки, и въ благодарность за вашъ трудъ новую станицу называли вашимъ именемъ *Радееской*. Что же изъ этого вышло?

Вскорѣ казаки стали жаловаться, что мѣсто не удобно, что и скотинки-то выгнать некуда, да и пашни-то расчистить негдѣ, кругомъ все сѣро, мокро. Начальство не обращало на это вниманія; да и какъ же было слушать какихънибудь неучей и принимать ихъ доводы, когда мѣсто было избрано ученымъ натуралистомъ? Начальство приказывало казакамъ жить на избранномъ вами мѣстѣ, казаки слушались и жили, — но на худое мѣсто жаловаться не переставали. Прошло лѣто, прошли осень и зима; казаки по приказу начальства жили и все жаловались, наконецъ начальство сдѣлалось внимательнѣе къ ихъ жалобамъ, и мало-по-малу нашло, что онѣ не такъ не основательны, какъ казались съ перваго раза. Вслѣдствіе этого казакамъ *Радееской станицы* весною нынѣшняго года разрѣшено было переселиться на другое мѣсто, выбранное ими самими, и если названіе *Радеески* сохранено этой станицѣ и на новомъ мѣстѣ, то вѣроятно въ ознаменованіе вашего ученаго выбора, непризнаннаго невѣжественными казаками, которые хотя и не отвергали, что мѣсто для мошекъ и букашекъ можетъ быть и хорошо, *да для нихъ скотинки-то не дородно!*

А посмотрите что вышло изъ этого простаго случая! Г. Завалишинъ печатаетъ, что амурскія поселенія каждый годъ переносятся съ мѣста на мѣсто и обвиняетъ распорядителей въ недостаточныхъ изслѣдованіяхъ мѣсть для новыхъ поселеній. Конечно, вѣроятно г. Завалишинъ и не знаетъ о томъ, что грубые и невѣжественные казаки не одарены способностію усвои-

вать себѣ высокія начала вашей науки естествознанія и физической географіи! Не правда ли, господинъ Густавъ Раdde?

Вы конечно вправѣ сказать, что приложеніе науки не по вашей части, что вы занимались чистой наукой, не имѣющей другой цѣли какъ достиженіе известной истины. Въ этомъ случаѣ вы правы, и мы исполнѣ съ вами согласны. Изъ бюллетеней географическаго общества мы знаемъ, что вы состояли при сибирской ученой экспедиціи въ качествѣ препаранта для собранія коллекцій, набивки чучель и т. п. и изъ отчетовъ экспедиціи видно, что вы исполнили свою обязанность какъ нельзя лучше. Слѣдовательно, по нашему мнѣнію, вы нисколько не можете быть виноваты въ томъ, что *Раdde* перѣѣхала на другое мѣсто. Въ этомъ виноватъ тотъ, кто не разобравъ вашего значенія при ученой экспедиціи, поручилъ вамъ выборъ мѣста для поселенія.

При этомъ случаѣ считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о нашихъ ученыхъ экспедиціяхъ, прибавляя что слова эти не относятся прямо къ вамъ, а вообще къ нашимъ ученымъ обществамъ и составляютъ наше личное мнѣніе. Многие, въ томъ числѣ кажется и вы, смотрятъ на дѣло ученой экспедиціи какъ на цѣль чистой науки; полагаютъ, что если натуралистъ успѣлъ набрать большой и тяжелый запасъ зоологическихъ и ботаническихъ коллекцій, доставилъ свой обозъ въ С. Петербургъ, тамъ эти коллекціи разсортировали, распредѣлили по классамъ и родамъ, и составили каталогъ, что въ такомъ-то краѣ водятся такіе-то звѣри, птицы, насѣкомыя, растутъ такіа-то виды деревьевъ, кустарниковъ, травъ, то дѣло и кончено. А по нашему мнѣнію это не совсемъ такъ. Наука въ наше время, выходя изъ тѣснаго круга, очертаннаго избранниками-специалистами, незамѣтно проникаетъ во всѣ отрасли народной жизни, дѣлается общедоступнымъ достояніемъ массы, словомъ вездѣ идетъ рука объ руку съ своими приложеніями къ практической жизни. Вотъ на основаніи этихъ-то убѣжденій мы и писали, что на деньги, тратимыя нашими учеными экспедиціями, можно бы было и набрать науковъ, и принести большую пользу краю. Если бы наши экспедиціи, составляя описаніе цѣлаго края и отдѣльных мѣстностей, указывали на началахъ науки, что те и то дѣлается такъ или не такъ, и т. п. тогда нельзя было бы не быть имъ благодарными, и не радоваться успѣху ихъ дѣйствій. А те вотъ уже пять лѣтъ какъ наши ученые путешественники и экспедиціи странствуютъ по Амуру, на ихъ ученныя изслѣдованія упо-

требовано до 100,000 рублей серебромъ, а мы до-сихъ-порѣ не имѣемъ никакого, даже и мученаго описанія Амура. Послѣ этого не мудрено, что въ Россіи большинство образованной публики принимаетъ весьма слабое участіе въ ходѣ нашихъ ученыхъ экспедицій. Всякій заранѣе знаетъ, что ожидать отъ нихъ: наберутъ и навезутъ козявокъ и бумажекъ, напечатываютъ о неусыпныхъ трудахъ и санктіяхъ экспедицій, будутъ восхищаться собранными коллекціями, а практической пользы не будетъ ни на грошъ. При этомъ у нашихъ ученыхъ есть заманка издавать свои труды преимущественно не по-русски, на томъ будто бы основаніи, что наука есть достояніе общае всѣхъ народовъ. Въ сущности же это дѣлается для того, чтобы заслужить себѣ похвалу за-границею, которая есть пока самый вѣрный рецептъ для приобрѣтенія славы, извѣстности и уваженія среди ученаго сословія въ Россіи. Императорское русское географическое общество, слава Богу, не слѣдуетъ этому призыву и печатаетъ свои труды по-русски, но мы знаемъ, что при учрежденіи общества была предложена мысль, весьма тогда популярная, издавать труды общества на нѣмецкомъ языкѣ. Мысль эта хотя и не удержалась, но однакоже мы видимъ ея проявленіе въ изданіи на нѣмецкомъ языкѣ трудовъ уральской экспедиціи. Выстѣ съ этимъ существуютъ даже журналы свѣдѣній о Россіи издаваемые русскими академиками на нѣмецкомъ языкѣ. Чтобы сказалъ англійскій народъ, если бы его академія, или какое-нибудь ученое общество, вздумало издавать свои труды на иностранномъ языкѣ? Казалось бы все равно, на какомъ языкѣ не выражайся, да говори дѣло? Но у насъ это не совсѣмъ такъ. У насъ весьма часто слышится упрекъ, что мы *русскіе*, весьма плохо знаемъ *Россію*. Да помилуйте, развѣ есть возможность узнать такую обширную часть свѣта при скудости нашихъ печатныхъ свѣдѣній, а тѣмъ болѣе когда бѣольшая и лучшая часть этихъ свѣдѣній напечатана на иностранныхъ языкахъ? И выходитъ, что для того чтобы изучать русскую землю, нужно знать по крайней мѣрѣ три или четыре иностранныхъ языка. Конечно, по русскимъ понятіямъ, знаніе иностранныхъ языковъ составляетъ необходимую принадлежность всякаго образованнаго человѣка; но почему же нѣмца, француза, англичанина, никто, даже самые русскіе, не посмѣютъ счесть за людей необразованныхъ, потому что они говорятъ и пишутъ только на своихъ природныхъ языкахъ. Каждая нація переводитъ на свой языкъ лучшія произведенія иностранной литературы, а наши русскіе

учены, какъ будто въ урожденіи иностранцамъ, предлагаютъ имъ готовые переводы своихъ трудовъ, переводы издаваемые однако жъ на русскія деньги. Вѣсто траты русскихъ денегъ на иностранные переводы русскихъ трудовъ, гораздо приличнѣе было бы употребить ихъ на русскіе переводы иностранныхъ сочиненій о Россіи, для доставленія болышинству русскаго народа возможности пользоваться всѣми печатными свѣдѣніями о русской землѣ*). Пора бы вовсе отбросить эту старинную методу хвастовства предъ Европой. Что хорошо, то непременно будетъ переведено и на иностранные языки. Если *Герой нашего времени*, *Ледяной домъ* и другое переведены на французскій языкъ, то можно смѣло надѣяться, что никакой добросовѣстный, а тѣмъ болѣе ученый трудъ на русскомъ языкѣ не останется для Европы безъизвѣстнымъ.

Вотъ на основаніи этихъ-то убѣжденій мы и поняли, что наши ученые экспедиціи трудились главнѣйше для Европы, а не для насъ русскихъ. Въ заключеніе остается поблагодарить васъ за сообщенную намъ новость что «фотографія, желѣзныя дороги, паровыя машины и въ-особенности электрическіе телеграфы были изобрѣтены тогда, когда достаточно были изучены свойства свѣта, пара и электричества!» Но довольно!... Вамъ пора отправляться изъ Сибири въ С. Петербургъ съ вашими *полупорастапудовыми* коллекціями. *Bon voyage*, господинъ Густавъ Раде!...

Д. РОМАНОВЪ,

дѣйствительный членъ Императорскаго
Русскаго Географическаго Общества.

Иркутскъ. 20 ноября 1859 года.

*) Начало этому мы видимъ только въ патріотическомъ пожертвованіи покойнаго Голубкова, на счетъ котораго издается на русскомъ языкѣ твореніе Риттера, которое, надѣмся, найдетъ въ Россіи читателей не менѣе, чѣмъ въ Германіи.

На пароходѣ отъ Нижняго до Твери въ 1859 году.

Пароходъ обыкновенно отправляется изъ Нижняго въ Тверь въ шесть часовъ вечера, но пассажировъ просятъ приѣзжать къ четыремъ часамъ. Следовательно пассажиру приходится ожидать по крайней мѣрѣ два часа до послѣдняго звонка.

Что прикажете дѣлать въ продолженіе этихъ двухъ часовъ? Нижний я думаю знакомъ большей части читателей. Панорама съ Волги описана рѣшительно всѣми, кто только умѣлъ писать; такъ называемое *beau vue* тоже не новость. — Ну, что тут смотрѣть, думалъ я, все это я видѣлъ по крайней мѣрѣ сто разъ, перенесу-ко свой дорожный мѣшокъ на пароходъ да закурю сигару, тѣмъ временемъ явятся пассажиры, хоть на нихъ посмотрю, все что-нибудь новенькое замѣчу. Съ этой цѣлью рука моя протянулась къ моему сакъ-де-воажу, я хотѣлъ уже поднять его, какъ вдругъ рука моя неволью опустилась и на клецѣ моемъ опутилась огромная ручище стараго моего пріятеля и родственника, нѣкогда служившаго въ послѣднемъ ополченіи. Онъ, какъ и всегда, былъ въ этомъ живописномъ костюмѣ, съ очень маленькимъ измѣненіемъ.

— Здорово, сказалъ я, — куда? По обыкновенію безъ цѣли ѣдешь, куда глаза глядятъ?

— Тоска въ Нижнемъ, прожилъ цѣлый мѣсяцъ. Ярмарка — это дѣйствительно что-то азіатское, т. е., понимаешь въ томъ смыслѣ, въ какомъ я всегда употребляю это слово.

— То есть, въ смыслѣ отсталости, не комфортабельности, словомъ въ отсутствіи всякой идеи цивилизаціи. Знаю и помню, что ты называлъ Азіей, сказалъ я. — Однако, я не во всемъ согласенъ съ тобою. Ныѣншній годъ ярмарка неудачна, театръ слабъ, трактиры вомяютъ масломъ и грязны какъ всегда; здѣсь вѣдь русскій элементъ, по выраженію кажется твоему же, но все надѣлю пробить можно.

— Поишли, я всего три раза былъ на ярмаркѣ. Одинъ уже базаръ Дезире наводитъ на меня тоску, скажу больше, отчаяніе. Да за кого же онъ насъ принимаетъ? навѣзъ почериѣвшую дутую броню, пестрые платки, сломанные механическія куклы и прочіе *tutti quanti*. Я бѣсился. И есть ли хоть что-нибудь порядочное въ лавкахъ? старомодныя матеріи, обракованныя даже въ Москвѣ въ магазинѣ «Городъ Листъ.» А потомъ на все какая дороговизна. Ты знаешь, я не француз. Я усѣхнулъся, огля-

дѣвъ его поношенный бархатный кафтанъ. — Ты знаешь, я далъ себѣ слово одѣться съ ногъ до головы въ Петербургѣ, когда будетъ готова нижегородская желѣзная дорога, а до того времени остануться вѣрять нашему ардатовскому шоркскому Апполону Вельведерскому, какъ гласить его вышѣска. Повторяю, я не франтъ, не сознаю необходимость приличнаго туалета. — Я опять усмѣхнулся. — Я не нашелъ ничего соблазнительнаго въ магазинѣ Григорьева, столь славнаго своими брюками. Я знаю многихъ, которые его предпочитаютъ Шармеру. И онъ тоже съ другими смѣется надъ публикой: дрянъ-дрянью. Между тѣмъ народу было бездна. Многие торговцы не нашли мѣстъ и уѣхали во свояси. Торговля двигалась, кромѣ нѣкоторыхъ продуктовъ, напримѣръ: ситцевъ, миткалей и прочая, да я-то не увлекся этимъ движеніемъ, а нообѣдавши два или три раза въ трактирѣ Никиты Егорова, засѣлъ въ Нижнемъ и на шагъ на армарку. Даже не было клуба—этого единственнаго приличнаго мѣста для отдохновенія. Больше же всего я жалѣлъ дамъ. Онѣ бѣдныя, умаявшіяся отъ переходовъ изъ лавки въ лавку, не могли нѣста, гдѣ присѣсть и выпить стаканъ воды.

— А кондитерская Мишеля?

— Это какой-то караванъ-серай безъ крыши и отъ дождя и безъ защиты отъ пыли. Во внутренности же тѣснота и густой дымъ отъ табаку. Повторяю: Азія, Азія.

— А ресторанъ Никиты Егорова? Онъ, согласись, спосенъ.

— Да, когда человѣкъ голоденъ; но запахъ масла и жаренаго выгоняетъ оттуда. Да притомъ онъ стоитъ на выгонѣ и въ самой испорченной атмосферѣ.

— Такъ ты недоволенъ Нижнимъ? Куда же теперь направляешься?

— Ъду въ Тверь. Говорятъ, что на пароходѣ удобнѣе, уютно и наконецъ здѣсь чувствуется прогрессъ цивилизаціи. Всемогущій паръ несеетъ тебя по рѣкѣ, гдѣ плавали еще не такъ давно разбойничьи лодки и грабили безконечные караваны хлѣба и товаровъ. Знаешь, цѣль моей поѣздки ознакомиться съ берегами Волги, богатыми воспоминаніями русской жизни. Вѣдь мы на матушкинѣ норминицѣ Волгѣ, сказалъ онъ ударяя меня по плечу.

— Вотъ ты такъ Азія. Кто жъ такъ больно треплетъ по плечу? Про тебя можно сказать словами Островскаго: «Ахъ ты моя необразованность.»

— Еще бы тебѣ не показалось больно, у тебя одѣтъ кожа да кости. Ну а ты куда направляешься дальше?

— Я тоже їду въ Тверь, а тамъ въ Москву; пойдёмъ вмѣстѣ.

— До Твери я тебя совѣтую, а тамъ, въ глушь, въ останковскій уѣздъ къ теткѣ, Сошной двадцатый годъ въ чачоткѣ. Нѣтъ, я далъ слово проѣхать только по желѣзной дорогѣ отъ Нижняго, и вытерплю. Тутъ мой пріятель отомель отъ меня и сталъ отдавать приказанія своему человѣку.

Пока онъ занятъ по хозяйству, я опишу его личность.

Ему за сорокъ лѣтъ. Помѣщикъ съ хорошими средствами, оригиналь до чрезвычайности. Собой не дурень, умное лицо, черные глаза, волосы темные съ просѣдью, голосъ громкій до непріятности, какъ вообще у всѣхъ провинціаловъ. Подъ грубыми и отрывистыми движеніями скрывается самая деликатная натура и образованность. На первый взглядъ онъ непріятель, даже оттодживаетъ, но чѣмъ ближе его узнаешь, тѣмъ болѣе онъ дѣлается симпатиченъ. Души необыкновенно доброй, всегда на распахку, послѣдняя рубашка для пріятеля. Не пьяница, не мотъ, а денежкамъ не водъ. Да и не мудрено, у него всѣ берутъ деньги и никто не платитъ. Самой скромной жизни для себя, для другихъ у него разливное море. Непосѣдъ на мѣстѣ. Какъ человѣку одинокому, всякій теплый и радушный уголокъ для него родина. Втеченіе цѣлаго года онъ путешествуетъ. Весь домъ его помѣщается въ тарантасѣ и для всякой вещи свое помѣщеніе. Онъ до невозможности упростилъ свои переѣзды. Такъ какъ ему легко собираться, то онъ никогда никого не предупреждаетъ о своемъ отъѣздѣ. Въ прошломъ году онъ гостилъ у своего брата въ Пензѣ, въ продолженіе цѣлаго года, отъ мая до мая; въ одинъ прекрасный вечеръ, гуляя за городомъ, онъ почувствовалъ такую грусть по своей деревнѣ, что немедленно воротясь домой приказалъ человѣку привести лошадей. «Прощай, сказалъ онъ брату, взгрустнулось что-то, свѣзжу домой.» И уѣхалъ; а въ домѣ брата готовилась свадьба. Его никто никогда не удерживаетъ, всѣ знаютъ его странности. Онъ никогда никому не пишетъ, вдругъ пріѣзжаетъ въ гости и гоститъ безъ срока. Его чрезвычайно всѣ любятъ за неподдѣльный юморъ. Онъ рожденъ быть высокимъ комическимъ актеромъ. Въ его пзобрѣтательности развлеченій бездна неподдѣльнаго комизма. Какъ-то въ святки, ему вздумалось пародиться. Что же онъ выдумалъ? Вдругъ посреди разряженныхъ съ претензією провинціальныхъ масокъ является мой пріятель въ видѣ блаженной. — Въ чемъ же состоялъ его костюмъ? онъ

надѣлъ женскую рубашку только; потомъ повязалъ голову платкомъ, кое-чемъ прикрылъ плечи, разрисовалъ лицо и съ босыми ногами явился въ залу. Хозяйка дома отличалась претензіями на тонъ и великосвѣтскость и непремѣнно желала видѣть моего пріятеля въ характерномъ костюмѣ, на что онъ и изъявилъ свое согласіе. Когда онъ показался въ залѣ и подошелъ къ хозяйкѣ, она отвернулась и, вся вспыхнувъ, ушла изъ комнаты; онъ же, не потерявшись нисколько, идетъ вслѣдъ за нею.

— Помилуйте, что же можетъ быть болѣе характернаго моего костюма? Блаженные день-ото-дня становятся рѣже, надо возобновлять этотъ типъ.

Хозяйка просто бѣсилась.

— А вотъ подождите, я умѣю и говорить такъ, какъ онѣ. Право много скажу, а никто не пойметъ. Въ этомъ и есть весь секретъ ихъ глубокомысленности. Онѣ русскія Пшеи. Я вижу, вы не любите блаженныхъ, а вотъ я пойду къ барышнямъ. — Не находя нисколько свой костюмъ страннымъ или неприличнымъ, онъ отправился къ барышнямъ, но онѣ хлынули толпой изъ залы, и онъ скрылся. Въ тотъ же вечеръ онъ уѣхалъ неизвѣстно куда. — Я былъ очень радъ этой встрѣчѣ на пароходѣ и рассчитывалъ, что въ его обществѣ трехдневный переѣздъ мнѣ покажется очень скорымъ.

Наконецъ зазвонилъ давно ожидаемый колокольчикъ. Мы усѣлись на мѣста и пароходъ тронулся.

Сидѣть было просторно. Въ первомъ классѣ пассажировъ было не много и каждый изъ насъ занялъ диванчикъ. Мы всѣ взаимно осмотрѣли другъ друга и остались довольны. По диванчику приходилось на брата. Вдругъ отворилась дверь и явилась какая-то фигура съ кучею узловъ и дорожныхъ мѣшковъ. За нею показался гарнизонный офицеръ при шпагѣ, повидному, хозяинъ вещей. Оглянувши каюту, онъ выбралъ мѣсто подлѣ моего пріятеля. Пріятель по привычкѣ повелъ только судорожно плечомъ, какъ будто кафтанъ его рѣзалъ подлѣ мышкой, и нѣсколько потѣснился. Офицеръ, уложивъ свои подушки одна на другую, причемъ послѣдняя пришлась на полъ-аршина выше головы своего сосѣда, пошелъ на встрѣчу къ дамѣ, которая его провожала.

— Буаля тутъ во шось, сказала она ему если не по французски, то по крайней мѣрѣ по французско-нижегородски, что конечно и было весьма локально.

Наконецъ пароходъ тронулся. Офицеръ, желая умять подушки, съ размаху сѣлъ на нихъ и обсыпалъ пухомъ моего пріятеля.

Послѣдній опять повелъ плечомъ и любезно осмотрѣлъ сѣда.

— Выновать, я кажется васъ обезпокоилъ, сказалъ офицеръ.

— Ничего, только у васъ подушка кажется распоролась, весь пухъ вылетитъ и вы привезете одну наволочку. Офицеръ въ молчаніи снялъ свою верхнюю подушку и положилъ её въ погн.

Они еще разъ оглянули другъ друга и успокоились.

То смотря въ окошко, то выходя на палубу, то закуривая сигару, но все молча, доѣхали мы до первой станціи, Балахны, и прошли ее не останавливаясь. Начиная дуть пріятный вечерній вѣтерокъ. Небо было безоблачно и на рѣкѣ царствовала тишина необъятная. Скучно стало сидѣть въ каютѣ, мы вышли съ пріятелемъ на палубу.

— Надо будетъ познакомиться съ капитаномъ, сказалъ онъ мнѣ.

— Зачѣмъ же надобно?

— Все же лучше. Мнѣ вотъ страхъ какъ хочется взойдти къ нему на балконъ. Тамъ видѣе.

— Да что тамъ видѣть-то особеннаго, берега очень обыкновенные, ихъ и съ палубы видно.

— Нѣтъ, а даль-то, да притомъ тамъ никто не мѣшаетъ.

— А вотъ посмотри на объявленіе. Оно гласитъ, что на балконъ никто не допускается.

— Мало ли что пишутъ, чрезъ протекцію все можно сдѣлать.

— Скажите пожалуйста капитанъ, въ которомъ часу мы завтра будемъ въ Костромѣ? сказалъ мой пріятель, подходя къ балкону.

Капитанъ, старый морской офицеръ въ бѣломъ парусинномъ анутрементѣ оглянулъ моего пріятеля, не зная за кого принять его, за кунца или вродо за двороваго человѣка.

Въ самомъ дѣлѣ костюмъ пріятеля не давалъ точнаго понятія о его общественномъ положеніи.

Онъ былъ въ красной рубашкѣ поверхъ панталонъ, въ длинныхъ сапогахъ, а сверху надѣтъ былъ озямъ, или по просту сѣрый кафтанъ безъ талии. Борода, стриженные волосы и смуглый цвѣтъ лица дѣлали его отчасти похожимъ и на арестанта.

Развязность, съ которою онъ сдѣлалъ вопросъ капитану, убѣдила послѣдняго, что онъ имѣетъ дѣло съ отставнымъ оболочечемъ, такъ какъ костюмъ ихъ сохраненъ еще многими изъ мнѣч.

— Завтра въ двѣнадцать часовъ утра. Тамъ мы переѣдемъ пароходъ по мелководью, и вамъ придется прождать въ Костромѣ до шести часовъ слѣдующаго утра.

— Такъ значитъ мы совершимъ наше плаваніе не въ три сутки, какъ объявлено, а болѣе?

— Нѣтъ, на четвертые сутки вы непременно будете въ Твери.

— Однако очень долго.

— Что дѣлать. Мелководье нынѣшнимъ лѣтомъ страшное. Пароходы по нѣскольку разъ въ день садятся на мель, оттого мы ночью стоимъ на якорѣ. Иначе въ третьи сутки вы должны бы были прѣхать на мѣсто.

Пользуясь разговорчивостію капитана и другіе пассажиры закидали его подобными же вопросами; капитанъ отвѣчалъ на нихъ съ одинаковою любезностію.

Я не буду пересчитывать всѣхъ станцій, которыя проѣдетъ пароходъ; скажу только, что Волга очень живописна, оживлена и пѣніемъ бурлаковъ и массами движущихся барокъ, но далеко не представляетъ той особенноти, которой ожидаютъ путешественники. Берега ея по преимуществу пологи и грунтъ ихъ или глинистый или песчаный. Лѣса, окаймляющіе восточную то лѣвый, то правый берегъ далеко не вѣковые. Правда, берега оживлены красивыми деревнями, но въ переѣздъ отъ Нижняго до Костромы намъ не встрѣтилось ни одного большаго селенія. Города: Городецъ, Юрьевъ, Плещъ, Пучежъ, Кинешма и другіе кажутся очень красивыми. Въ нихъ множество каменныхъ церквей, все болѣе стила XV-го вѣка, крайне однообразнаго. Очень хороши колокольни съ узкими окнами въ пирамидальной формѣ кровлѣ, чрезвычайно оригинальной постройки, созданной русскими безъ заимствованія. Впрочемъ я очень слабъ въ архитектурѣ и, можетъ быть, ошибаюсь, относя эти колокольни къ XV-му вѣку. Во всякомъ случаѣ онѣ всегда переносятъ меня въ старинную русскую жизнь. Это мнѣніе и моего пріятеля. Онъ сравнилъ даже ихъ форму съ вѣтрянными мельницами, и мнѣ кажется это сходство близкимъ. Время переѣзда до Костромы прошло у насъ въ ужинѣ, утреннемъ чаѣ, завтракѣ, причѣмъ мы познакомились съ однимъ землякомъ, бывшимъ изъ Пучежа въ Кострому. Когда мы съ нимъ разговаривали, онъ объявилъ намъ съ увѣренностію, что мы въ двѣнадцать часовъ не будемъ въ Костромѣ.

— Отчего это? спросили нас.

— Оттого, что я съ вами и сегодня пятница.

— Такъ что же?

— А пятница очень важный день въ моей жизни, и притомъ самый несчастный. Въ пятницу я никогда не выѣзжаю, и если мнѣ случилось этотъ день быть въ дорогѣ, то я непременно жду чего нибудь неприятнаго. Въ пятницу я имѣлъ несчастье въ первый разъ посориться съ моимъ начальникомъ, когда служилъ въ колониновожатыхъ, вызвалъ его на дуэль, ранилъ. Въ пятницу былъ арестованъ графомъ Аракчѣевымъ и въ пятницу былъ отданъ подъ судъ. Въ пятницу же объявлена мнѣ была немилостивая о моемъ разжалованіи въ солдаты. Въ пятницу я потерялъ жену. Словомъ всѣ важные и неприятные случаи въ моей жизни были въ пятницу. Посмотрите, и сегодня не будемъ въ двѣнадцать часовъ въ Костромѣ. И въ самомъ дѣлѣ Пятница, какъ прозвалъ землемѣра мой пріятель, былъ правъ: мы ничего двѣнадцати часовъ, за противнымъ вѣтромъ прѣѣхали въ Кострому только въ три часа.

Только что успѣли кинуть якорь, мы съ пріятелемъ поспѣшили на пристань и, едва переводя дыханіе отъ крутого подъема, добрались до набережной. Повернули въ аллею, окаймляющую берегъ Волги и пошли нуда глаза глядятъ. Дойдя до площади, замѣчательной тѣмъ, что къ ней сходятся всѣ главныя улицы, — мы остановились у монумента Ивану Сусанину.

Не знаю, почему коснувшись костромской почвы, я проникнулся какими-то особеннымъ чувствомъ до-тѣхъ-поръ мною не испытаннымъ. Я, казалось, окунулся въ древнюю русскую жизнь, и перенесъ себя за 250 лѣтъ назадъ, къ длиннымъ кафтанамъ, шапкамъ мурмокамъ, безмолвнымъ обѣдамъ, къ юродивымъ, и, смотря на моего спутника въ плоть служилаго человѣка, я былъ готовъ пошутить, что я въ годуновской Костромѣ. Къ этому еще какъ нарочно встрѣтился ницѣй въ родѣ юродиваго, съ длинной бородой кинжолъ и съ коротко выстриженной головой. Или же мы по берегу, кажется еще мало измѣнившему свою физиономію со временъ царя Бориса или Михаила Феодоровича. Съ лѣвой стороны была также Волга, тѣже пологіе берега, несаясь тѣмъ же вси что и за двѣсти лѣтъ назадъ, а на правую сторону я не хотѣлъ смотрѣть, чтобъ не впасть въ дѣйствительность. Омоетъ и немощными улицами, чтобы еще больше поддержать нашу иллюзію, выбрали мы на площадь и остановились передъ монументомъ. Я облизнулъ совѣхъ стороны шира-

миду и сталъ внимательно разсматривать бронзовый бюстъ царя Михаила Феодоровича.

Бюстъ сдѣланъ съ портрета царя въ молодости. Лице царя необыкновенно пріятно. Царь представленъ юношею, какими онъ былъ при избраніи на царство. На пьедесталѣ, обращенномъ къ площади, барельефъ представляетъ Сусанниа въ гѣсу, окруженнаго поляками. Очень много покорности жребію въ лицѣ Сусанниа и очень смѣло сгруппированы поляки. Имя художника мнѣ неизвѣстно. Бюстъ Михаила Феодоровича лицомъ обращенъ къ площади, гдѣ гостинный дворъ. На другой сторонѣ площади сосредоточивается вся административная дѣятельность Костромы.

Мы взяли извозчика, чтобы ѣхать въ Ипатьевской монастырь, увидеть мѣсто, гдѣ большую часть своей юности провелъ Михаилъ Феодоровичъ, почти заточенный Борисомъ Годуновымъ.

Мы проѣзжали по улицамъ вообще очень хорошо обстроеннымъ, гдѣ замѣтенъ искусный топоръ галитанина въ рѣзбахъ и украшеніяхъ оконъ. Ивдали видѣли Богоявленной монастырь, самое древнее зданіе Костромы; стѣны и башни и даже самая церковь поросли мохомъ и почти развалились. Нынче ихъ передѣлываютъ. Выѣхали на набережную рѣки Костромы въ виду прекраснаго дома г. Шинова, гдѣ помѣщается и его механический заводъ. На рѣкѣ стояли оконченные пароходы. Мы подъѣхали къ перевозу и чрезъ десять минутъ вступили въ ограду Ипатьевского монастыря. Монастырь стоитъ при впадении рѣки Костромы въ Волгу; при немъ особая слобода, довольно хорошо обстроенная. Странно бы было, еслибы въ Костромѣ не было красивыхъ избъ.

Мы вошли въ ограду. Прежде всего намъ представился пирамидальный столбъ на монастырскомъ дворѣ. Въ него вдѣлана доска, которая гласитъ, что монастырь основанъ мурзою Четою въ 1330 году, родоначальникомъ рода Бориса Годунова, и что монастырь обязанъ своимъ благолѣпіемъ щедротамъ царя Бориса и его матери, инокини Садукеи. Мы бѣгло осмотрѣли церкви. Главная цѣль нашей поѣздки была видѣть келью царя Михаила.

Услужливый казначей ввелъ насъ въ теремъ царскій, очень мало отличающійся архитектурою отъ обыкновенныхъ монастырскихъ построекъ. Стѣны его снаружи выкрашены разноцвѣтными красками, въ видѣ шахматной доски. На окнахъ почти нѣтъ вычурной шаблонной работы. Лѣстница въ теремъ каменная съ кирпичными сложными перилами. Окна въ родѣ амбра-

зурь. Всѣ комнаты за-ново выкрашены голубою, желтою и зеленою масляною краскою и въ нихъ очень пусто. Въ одной на стѣнахъ мы увидали портретъ патріарха Филарета и царя Михаила, уже въ совершенныхъ лѣтахъ. Говорятъ, что эти портреты современны своимъ оригиналамъ. Въ другой большой комнатѣ повѣшены въ золотыхъ рамахъ собственоручныя подписи лицъ нынѣ царствующаго дома, свидѣтельствующія о посещеніи ими терема.

На замѣчаніе мое отцу казначею, что мебель совсѣмъ не современна царю Михаилу Федоровичу, онъ мнѣ отвѣчалъ, что она была поставлена къ пріѣзду императрицы Екатерины II, во время ея знаменитаго путешествія по Россіи. Къ этому времени надо отнести и вообще всѣ ремонтныя исправленія терема. Стулья и кресла, я думаю, конца восемнадцатаго столѣтія. Обиты они очень замѣчательной кожей съ золотыми и серебряными цвѣтами на подобіе парчи. Я думаю, только одна обивка и современна царю Михаилу. Однѣ только вычурныя изразцовыя печи гласятъ о своей древности и даютъ понятіе о степени грамотности того времени. Изразцы, какъ и вездѣ въ старинныхъ русскихъ зданіяхъ, голландскаго образца съ символическими изображеніями, надписями голубою краскою. Время не позволило мнѣ записать всѣ надписи, явственно сохранившіяся на изразцахъ, однако я записалъ нѣкоторыя, свидѣтельствующія о духовно-философическомъ направленіи, господствовавшемъ въ то время; напримѣръ: нарисованъ въ очертаніяхъ гробъ въ облакахъ и внизу надпись по русски:

«Азъ ничего вящаго отъ Бога не желаю.»

Представленъ маякъ съ крестомъ наверху, или церковь, и надпись: «свѣтитъ землю и морю.» Другія просто символическія, напримѣръ: представлено дерево безъ листьевъ съ надписью: «Азъ лучше прозябну.»

Или: отъ многого потиранія происходитъ огонь.

Или: представленъ ракъ съ подписью: «Такъ иде моя любовь».

Всѣ печи, какъ дѣлалось въ старину, съ лежаннами.

Было поздно, а потому мы не хотѣли болѣе задерживать услужливаго отца казначея и вышли изъ терема. Мнѣ хотѣлось еще взглянуть на старинный дворъ, откуда былъ прежній пѣздъ въ монастырь. Дворъ окруженъ крытыми галереями поверхъ стѣнъ, почти развалившихся. По обѣимъ сторонамъ двора лежали кучи разломаннаго и разваливащагося кирпича, и все свидѣствовало о древности и тлѣніи. Только пара па-

вливовъ оживляла крикомъ заснувшюю и мертвую окрестность. Въ душѣ моей пронеслися образы исчезнувшихъ дѣлателей и грустно представился образъ царя Бориса. Мало осталось слѣдовъ его истинно царскаго величія. Даже одинокая могила его въ Троицко-Сергіевской заврѣ не сохранила его имени, которое когда-то было вырѣзано или выдѣлано на камнѣ около фундамента. И такъ какъ гробница годъ отъ году все болѣе и болѣе садится, скоро исчезнуть и послѣдніе знаки, напоминающіе о существованіи знаменитаго человѣка. Я вышелъ изъ ограды Ипатьевского монастыря въ самомъ пріятномъ расположеніи духа. Наконецъ я видѣлъ то мѣсто, которое особенно занимало меня въ дѣтствѣ, когда я слышалъ оперу «Жизнь за царя» или читалъ драму: «Иванъ Сусанинъ». На той же лодкѣ переправились мы на другую сторону, сѣли на дрожки и приказали везти себя за городъ на гулянье, по случаю лямарни.

Еще издали пѣсни и стукъ экипажей дали намъ знать, что народу на гуляньи не мало. И въ самомъ дѣлѣ, въ сосновой рощицѣ, по песку, съ трудомъ тащилась линія экипажей. Тутъ мы увидѣли и старинные рыдваны четверкою, съ двумя высочайшими лакеями на запяткахъ, въ допотопныхъ ливреяхъ, толстыхъ купчихъ въ пролеткахъ и тарантасахъ и юныхъ купчиковъ въ бѣговыхъ дрожкахъ на лпкихъ рысакахъ. Все это кружилось около поляны, на которой были построены шалаши, палатки, питейныя выставкн. Гулянье по своему характеру не представляло ничего оригинальнаго. Пьяныхъ было не мало. Множество зѣвакъ толпилось около огромнаго балагана безъ крыши, откуда долженъ былъ подняться воздушный шаръ. Пользуясь прохладой вечера, мы согласились пройти пѣшкомъ назадъ въ городъ, и, хорошенько уставши, переночевать въ одной изъ гостинницъ.

Дорогою насъ то обгоняла, то давила толпа возвращавшихся съ гулянья.

Проходя мимо одного дома, мы невольно остановились. Окна были отворены, сторы не спущены и въ освѣщенной комнатѣ сидѣла дѣва за фортепьяно, а подлѣ нее стоялъ молодой человѣкъ со скрипкою. Ни толпа зевакъ, ни говоръ на улицѣ, ни безцеремонность слушающей публики, казалось нисколько не беспокоили артистовъ. Они продолжали играть, не замѣчая какъ многіе изъ зрителей безцеремонно вгѣзли на перилы балкона и даже не вошли въ разтворенную дверь.

Мнѣ понравилась эта наивная или умышленная простота нравовъ.

— Это называется *bonheur domestique*, прибавилъ мой пріятель, или въ переводѣ — лакейское счастье: посмотри на фигуру и лицо играющаго на скрипкѣ, совершенный лакей. А одѣтъ онъ даже хуже меня. Кто знаетъ, можетъ быть подъ грубою оболочкою у него скрытъ огромный музыкальный талантъ. Играетъ съ чувствомъ. Очень складно идетъ дуэтъ.

Артисты играли варіаціи на русскія пѣсни. Вѣроятно потому толпа такъ долго и жадно слушала. Мы постояли, еще нѣсколько времени, концертъ не прекращался, а толпа на улицѣ все болѣе и болѣе росла. Мы однакоже не дождались окончанія концерта, потому что свѣжій воздухъ расположилъ насъ на appetite.

— Пойдемъ, поищемъ гдѣ-нибудь трактира, чтобы поужинать, сказалъ мнѣ мой пріятель.

Не доходя до площади, мы увидали вывѣску: «гостинница для прѣзжающихъ.»

Вошли.

Во всѣхъ корридорахъ было пусто и довольно грязно.

Мы спросили, гдѣ общая зала.

Общей залы нѣтъ, а не угодно ли взять отдѣльный номеръ.

— Ну отведи его намъ. Тамъ кстати и переночуемъ.

Отворили дверь въ пустынной номеръ, освѣтили сальной свѣчю, и нашимъ глазамъ представилась комната съ чудовищными диванами, покрытыми какою-то грязною шерстяною матеріей.

— А гдѣ же кровать, спросилъ я.

— А вотъ здѣсь, за ширмами.

На кровати лежалъ грязный тюфякъ безъ одѣяла и подушки.

— А бѣлья и подушки не полагаются? спросилъ мой пріятель.

— У насъ господа всегда прѣзжаютъ съ своимъ бѣльемъ, а потому мы бѣлья и не держимъ, отвѣчалъ номерной.

— Хорошо. Принеси намъ ужинать.

Мы заказали два блюда: живую стерлядь въ костюлѣ, такъ называемую: а-ла-русъ (*à la russe*), и вѣчный классическій бифштексъ. Подали намъ довольно сносно.

Почевать мы не рѣшились, а отправились на пароходъ, гдѣ нашли всѣхъ пассажировъ въ глубокомъ снѣ. Былъ второй часъ

утра, и пароходъ на другой день долженъ былъ тронуться въ шесть часовъ.

Утромъ, при нашемъ пробужденіи, пароходъ летѣлъ на всѣхъ парахъ и нѣкоторые изъ пассажировъ завтракали.

— Мы скоро будемъ въ Ярославль, сказалъ мой пріятель, взглянувъ въ маленькое окошечко.

— Да къ двумъ часамъ, отвѣтилъ ему господинъ весьма приличной наружности въ шинели, спереди широко подбитой бархатомъ.

— Вы вѣротно изъ Костромы, прибавилъ мой пріятель, обратившись къ незнакомцу.

— Да, я постоянный костромской житель и тамошній помѣщикъ.

— Скажите пожалуйста, неужели костромичи такъ мало требовательны, что довольствуются своими грязными гостинницами, сказалъ мой пріятель.

— Да гостинницами мы не можемъ похвастаться, однако въ нихъ хорошо кормятъ, хотя и нѣтъ большой чистоты. Но вѣдь у насъ мало проѣзжающихъ; приплывъ бываетъ только во время выборовъ, и тогда всякій запасается всѣми необходимыми вещами. Согласитесь сами, изъ чего же хлопотать содержателямъ гостинницъ: Кострома стоитъ почти совсѣмъ не на трактѣ: проѣзду мало; а въ туземцахъ не развитъ еще вкусъ къ комфорту. Вы еще встрѣтите у насъ четверомѣстные рыдваны домашней работы съ высочайшими козлами, четверней или шестерней пугомъ. Да и въ жизни нашей еще много чудовищно-стариннаго. Далеко ли отъ насъ Ярославль, а тамъ совсѣмъ другое. Тамъ даже есть аристократическое общество, скучное и замкнутое. А мы живемъ по-русски, всѣмъ рады, и званымъ и не званымъ, потому мы и живемъ по-шире, хотя и семейно, значитъ не нуждаемся ни въ гостинницахъ, ни въ воксалахъ.

— Знаете, костромская гостинница напомнила мнѣ Владимірѣ въ тридцатомъ году, даже расположеніемъ комнатъ и убранствомъ, съ тою разницею, что во Владимірѣ я сдѣлалъ необыкновенную встрѣчу и знакомство, сказалъ мой пріятель. Эта встрѣча такъ интересна, что я не боюсь надобѣсть вамъ моимъ разсказомъ.

«Въ 1830 году я возвращался въ Москву изъ моей нижегородской деревни. Тогда я еще былъ студентомъ московскаго университета и носилъ спій мундиръ съ машиннымъ воротникомъ.

«Проѣздомъ черезъ Владиміръ, я остановился въ единственной тогда гостинницѣ, въ родѣ той, которую я видѣлъ въ Костромѣ. Эта гостинница находилась у Золотыхъ Воротъ. Въ ней имѣлась довольно большая зала, въ которой останавливались всѣ проѣзжающіе. Я спросилъ чаю и расположился у дивана. Вдругъ въ комнату входитъ господинъ, очень хорошо одѣтый. Онъ оглянулъ комнату, меня, и началъ ходить мѣрными шагами. Подходилъ нѣсколько разъ къ окну, которое было противъ дивана, смотрѣлъ въ окно и потомъ начиналъ барабанить по стеклу. Тутъ я замѣтилъ, что у него были необыкновенно длинные ногти, кажется чуть ли не по модѣ того времени. Отъ ногтей и невольно перешелъ ко всей наружности незнакомца и она мнѣ показалась нѣсколько знакомою. Я старался припомнить, гдѣ я видалъ этого господина, какъ онъ вдругъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ.

— Вы студентъ московскаго университета?

— Точно такъ, отвѣчалъ я, все еще стараясь припомнить, гдѣ и когда я его видѣлъ.

— Вашъ университетъ понесъ чувствительную потерю нынѣшній годъ. Вы лишились Алексѣя Ѳеодоровича Мерзлякова.

— Да, онъ умеръ нынѣшній годъ, отвѣчалъ я.

— Вы были у него на лекціяхъ?

— Какъ же. Мы всѣ студенты очень жалѣемъ Мерзлякова. Онъ пользовался общею любовью.

— Скажите, пожалуйста, что онъ говорилъ о Пушкинѣ?

— Онъ называлъ его гениемъ, сказалъ я съ самоувѣренностію студіоза, даже съ нѣкоторымъ фатовствомъ не совсѣмъ доучившагося мальчика, всегда такъ легко усвоивающаго чужое мнѣніе. Жалѣлъ только, что Пушкинъ тратитъ свои способности на пустяки. Это собственное выраженіе Мерзлякова.

Услыхавъ эти слова, незнакомецъ разразился самымъ гоме-рическимъ хохотомъ, повернулся и вышелъ изъ комнаты.

Эта выходка меня отчасти поразила, и я долго съ удивленіемъ смотрѣлъ вслѣдъ ушедшему.

Однако его личность меня крайне заинтересовала. Я вошелъ въ комнату зрителя, чтобы узнать фамилію проѣзжающаго.

— Пушкинъ, отвѣтилъ зритель.

— Какой Пушкинъ?

— Александръ Сергѣевичъ, извѣстный поэтъ.

Всякій можетъ представить что сдѣлалось со мною.

Неужели это тотъ самый Пушкинъ, котораго я мечталъ когда-

то увидѣть, услышать его голосъ. Онъ былъ со мною глазъ на глазъ. И я, восторженный обожатель Пушкина, попался въ такую просакъ.

Я не могъ простить себѣ своей неосторожности, былъ въ отчаяніи какъ ребенокъ и рѣшился идти обыскать его, если онъ еще не уѣхалъ, и пзвиниться. Словомъ, увидеть его во что бы то ни стало.

Къ счастью моему Пушкинъ былъ у себя въ номерѣ.

Я вошелъ въ комнату.

Тѣ же классическіе диваны, тѣ же ширмы какъ въ Костромѣ, словомъ во всемъ сходство до смѣшнаго, чуть ли не такая же обивка мебели. Передъ диваномъ столъ. На столѣ приборъ. Пушкинъ собирался завтракать.

— Александръ Сергѣевичъ, началъ я не твердымъ голосомъ. Вы конечно простите мнѣ мою нескромность. Я можетъ быть не такъ выразился... мнѣ совѣстно... Пожалуйста не примите мнѣніе Мерзлякова за мое собственное. Я вмѣстѣ со всею Россією сочувствую вашему генію. — И замчался, я былъ совершенно сконфуженъ.

Въ это время мнѣ казались вовсе не смѣшными мои выраженія, а Пушкину я думаю было совершенно все равно мое мнѣніе. Кто былъ молодъ, тотъ былъ и немного фатъ.

Пушкинъ свободно взялъ меня за обѣ руки и сказалъ :

— Садитесь, пожалуйста, позавтракаемте вмѣстѣ. Человѣкъ, шампанскаго.

Намъ подали вина. Мы чокнулись бакалами, и я, ободренный радужнымъ приемомъ сдѣлаюя необыкновенно веселъ.

Пушкинъ растранивалъ меня о нашемъ университетѣ, о профессорахъ. Теперь я не могу вспомнить многихъ его удачныхъ выраженій и мнѣній, но онъ окончателью очаровалъ меня.

— Скажите мнѣ, прибавилъ онъ между прочимъ, — я самъ былъ въ лицѣ, всѣ мы были шалунами, а я однимъ изъ первыхъ. Чего мы не передѣлывали съ нашими профессорами! Вѣрно у васъ въ университетской хроникѣ есть разные анекдоты, особенно о Мерзляковѣ, вѣдь онъ, не гнѣвъ будь поминуть, любилъ выпить.

— Такъ какъ у насъ зашла рѣчь о Мерзляковѣ, прибавилъ я, то я могу рассказать вамъ одинъ пресмѣшной анекдотъ.

— У насъ былъ студентъ Полежаевъ, впоследствии извѣстный поэтъ, сказалъ мой родственникъ, обратясь къ широкодушнымъ

слушателей. Однагъ разъ онъ принесъ свои стихи и отдалъ Мерзлякову.

Черезъ недѣлю Мерзляковъ являлся на лекцію и объявляетъ Полежаеву, что его стихи хоть и хороши, но нахнутъ набакомъ.

Полежаевъ былъ очень дерзокъ.

«Не мудро, отвѣтилъ онъ, онѣ у васъ прележали цѣлую недѣлю.»

Пушкинъ такъ и покотился со смѣху.

Мы проговорили еще нѣсколько времени, потомъ прощаясь онъ спросилъ меня, откуда я ѣду.

— Изъ лукояновскаго уѣзда, отвѣчалъ я.

— Ахъ Боже мой, какъ это жстати. А я ѣду въ лукояновскій уѣздъ. Вы знаете Болдино?

— Очень хорошо, отвѣчалъ я. А если вамъ что-нибудь понадобится по вашимъ дѣламъ, то обратитесь къ моему дядѣ, онъ предводителемъ.

Онъ пожалъ мнѣ руку, причемъ я еще разъ замѣтилъ его тщателью отпущенные длинные ногти. И такъ мы расстались. Съ-тѣль-поръ я никогда болѣе не встрѣчалъ его, хотя впоследствии слышалъ, что дядя мой Д. Л. Д. былъ ему даже полезенъ въ хлопотахъ его объ увольненіи изъ членовъ холернаго комитета, куда запртали Пушкина за немѣлемъ другихъ наличныхъ помѣщиковъ. Это назначеніе отвлекало Пушкина отъ его хозяйственныхъ зачатій, а онъ прѣбывалъ въ деревню не на долго.

Говорять въ бытность его въ Болдинѣ, онъ написалъ всѣ стѣны стихами. Тамъ долго хранились его черновыя рукописи, которыя не знаю куда дѣлосъ въ настоящее время. Вѣроятно вывезены его семействомъ. Долго еще потомъ сохранялась его библиотека. Я можеть быть и посѣтилъ бы Болдино, да я дома никогда не бываю, все странствую.

Такия неожиданныя встрѣчи долго не выходятъ изъ памяти, прибавилъ мой пріятель. Я думаю не многимъ случалось встрѣтаться такъ просто съ челоукомъ, на котораго смотрѣла вся Россія и могла каждое его слово. А мнѣ, юному московскому студенту, суждено было провести съ нимъ нѣсколько часовъ въ самой радушной бесѣдѣ.

— И вамъ неизвѣстны дальнѣйшія его похождения въ вашей губерніи, сказалъ костромичъ.

— Я знаю только одно, что его всѣ любили, дамы бѣгали за нимъ, но онъ предпочиталъ дамскимъ бесѣдамъ зеленѣй

стелъ. Въ Печникахъ, кажется, еще живъ до-сихъ-поръ купецъ Горинцовъ, котораго очень любилъ Пушкинъ, и у котораго онъ не разъ проигрывалъ въ карты очень порядочныя деньги.

Во время разсказа моего пріятеля намъ принесли завтракъ.

— Господа, позвольте вамъ предложить бокалъ вина въ память Пушкина, прибавилъ костромичъ. Подали вина. Это была только прищипка. Бокалъ за бокаломъ и мы незамѣтно доѣхали до Ярославля.

— Господа, въ Ярославлѣ не мѣшаетъ осмотрѣть знаменитый погребъ братьевъ Соболевыхъ. Это едвали не самая замѣчательная вещь въ Ярославлѣ.

— Пойдемте на берегъ, водхватали мы дружно. Всего полчаса остаемся мы въ Ярославлѣ.

Такъ какъ мы всѣ были бѣльшею частію въ пріятномъ расположеніи духа послѣ шампанскаго, то мысль увидать вмѣстѣ лице вина намъ была по нраву.

Мы вышли на берегъ, прошли прекрасною аллеєю, обнесенною перилами со стороны Волги, отдохнули нѣсколько минутъ въ павильонѣ на самомъ берегу и, взявши извозчиковъ, поѣхали прямо въ погребъ братьевъ Соболевыхъ.

Я не былъ за-границей, и мнѣ не случалось видѣть тамошнихъ погребовъ и потому погребъ Соболевыхъ поразилъ меня своею громадностію.

Темныя галлерей со сводами, освѣщенныя лампами, тянулись на огромное пространство. Чудовищныя бочки стояли по обѣимъ сторонамъ галлерей, а за прилавками кипѣла дѣятельность.

Однако намъ не могли отыскать шамбертену, а наши двѣ бутылки кло-де-вужо, которыя мы распили на мѣстѣ. Прикащикъ объявилъ намъ, что всѣ лучшія вина были увезены на ярмарку, и что бутылочъ иностранной разливки у нихъ вообще бываетъ не много, такъ какъ спросъ на такія вина рѣдокъ.

Какъ только бутылки наши были опорожены, мы посѣщили назадъ на пароходъ, боясь опоздать. Что только можно было видѣть дорогою при скорой ѣздѣ, то не ушло отъ моего вниманія: геродской садъ подлѣ дома губернатора, деннидовскій лицей съ пирамидальнымъ памятникомъ на площади, прекрасный домъ семинаріи, чрезвычайно оригинальной архитектуры колокольня церкви, кажется, Успенія, словомъ все, что можетъ разглядѣть туристъ въ такое короткое время.

Пароходъ уже прозвонилъ два звонка, когда мы вошли въ каюту. Черезъ пять минутъ онъ летѣлъ на всѣхъ паряхъ. Въ

шестъ часовъ вечера мы остановились противъ Углича. Здѣсь намъ объявили, что пароходъ остается всего двадцать минутъ. Намъ удивило такое странное распредѣленіе остановокъ. Но въ Угличѣ садится мало пассажировъ, и потому пароходъ не обращаетъ никакого вниманія на мѣстный интересъ для путешественниковъ. Дворецъ царевича Дмитрія стоитъ на самомъ берегу, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ пристани.

Всѣ пассажиры хлынули на берегъ, отчего на мостикѣ произошла страшная давка; къ тому же на встрѣчу пассажирамъ таскали дрова съ берега. Вообще нельзя похвастаться большимъ порядкомъ на пароходѣ. Канитаны, болѣею частію, или грубы съ пассажирами, или совершенно къ нимъ равнодушны. Вѣжливость же оставляютъ только пассажирамъ перваго класса. А что терпеть третій классъ, то трудно и описать. Бѣдные люди не имѣютъ никакой возможности спросить что-нибудь во время рейса. Лакеи едва удостоиваютъ ихъ отвѣта. Все, что не спросить, все дорого. Напримѣръ, горячая вода въ чайникъ стоитъ десять копеекъ серебромъ. Еслибы кому-нибудь изъ нихъ захотѣлось супу или щей, то должно заплатить бучетную цѣну, тридцать копеекъ серебромъ за маленькую порцію. Большая часть изъ нихъ довольствуется ѣдою въ сухоматку кое-чѣмъ, найденнымъ на пристаняхъ. Одна только компанія общества «Польза» позаботилась объ этомъ важномъ обстоятельстве для бѣдныхъ пассажировъ. На пароходахъ ея не берется ничего за воду, а за десять копеекъ они получаютъ обѣдъ изъ двухъ блюдъ: щей и каши *). Общество «Самолетъ» монополично распоряжается отъ Ярославля до Твери и мы испытали, что значить ввѣряться этому обществу. Впрочемъ объ этомъ послѣ, а теперь я хочу сказать нѣсколько словъ о дворцѣ царевича Дмитрія.

Онъ расположенъ на правомъ берегу и имѣетъ видъ крестьянской каменной избы въ два этажа.

Въ верхнемъ прорѣзаны окна, а нижній служилъ для погребовъ и кладовыхъ. Со стороны города къ дворцу ведутъ аллеи и мосты съ каменными выбѣленными перилами. Входъ въ верхній этажъ по каменной крытой лѣстницѣ, какія и теперь еще можно встрѣтить въ старинныхъ церквахъ. Во внутренность не пускаютъ, а ее можно видѣть черезъ окна и входную стеклянную дверь. Внутренность состоитъ изъ большой комнаты, въ

*) Этимъ распоряженіемъ общество обязано одному изъ управляющихъ волкомужу Якимору Петровичу Лукину.

которую временно поставлена походящая церковь угличского святи-
щенія. У одного из оконъ было царское мѣсто, которое обо-
значается черными двуглавымъ орломъ на красномъ слгбѣ. На
стѣнахъ портреты. Ихъ трудно рассмотретьъ. Въ окнахъ, обра-
щенныхъ къ городу, вѣсто стеколъ слюда. На наружныхъ
карнизахъ кое-гдѣ встрѣчается очень грубая шаблонная работа.
Дворецъ стоитъ въ саду, равно какъ и всѣ деревья современнаго
парку. Въ церквахъ находятся мощи, но я не узнаю какихъ
святыхъ; въ одной кажется мощи дяди царевича. По увѣренію
монаховъ, находящихся при ракахъ, церкви эти бѣдны и суще-
ствуютъ подаяніями богомольцевъ-путешественниковъ. Жите-
ли же Углича сами бѣдны. Впрочемъ было время, когда Угличъ
процвѣталъ торговлею, и были богаче Ярославля. Кушцы обя-
вляли громадные капиталы. О прежнему богатствѣ Углича сви-
дѣтельствуешь одинъ только гостинный дворъ, очень хорошо вы-
строенный. А теперь Угличъ имѣетъ какой-то вымершій видъ:
на улицахъ тишина, большая часть лавокъ закрыта.

Словоохотливый извозчикъ рассказывалъ мнѣ всю исторію убіе-
нія царевича, назвавши и имена убійцы; однако по увѣренію
его, фамиліи Битяговскихъ и Волковыхъ не существуетъ въ
Угличѣ, который онъ знаетъ вдоль и поперекъ.

Въ Мологѣ мы перешли на паракодѣ по мелководью и сѣли
на самый маленькой. Тутъ мы почувствовали всю прелесть тѣс-
ноты. Въ первомъ классѣ на маленькихъ диванкахъ сидѣло по
двое. Ночью мы спали, кто на полу, кто подъ столомъ, и на
столѣ. Воображаю, что было въ прочихъ классахъ, куда обык-
новенно сажаютъ безъ счету. Палубу завала какая-то команда
безсрочнотпускныхъ, и наверху не было никакой возможно-
сти ходить.

Втеченіе слѣдующаго дня, мы безпрестанно садимся на мѣль;
мелководье было страшное. Иногда приходилось сидѣть въ пес-
кѣ по нѣсколько часовъ. Тутъ мы не мало удивились безбечно-
сти командан. На паракодѣ не было крѣпкихъ снастей, что-
бы можно было команданн стяннуть паракодѣ съ песку. Капи-
танъ паракода принужденъ былъ ѣздить на берегъ и выпра-
шивать всрзвокъ у барачныхъ приказчиковъ. Въ каютѣ было
душно, на палубу выйти нельзя послучае груди тѣхъ пасса-
жировъ третьяго класса. Между тѣмъ, не смотря на тѣсноту,
паракодѣ на всякой станціи принималъ новыхъ пассажировъ.
Мой пріятель начиналъ сердиться и бранить общество «Самодѣтъ»
за такое неуваженіе къ пассажирамъ. Иррзвоя тоже исчезала,

потому что посредничества дежия оставлены, а вслѣдствіе этого и не аккуратное прибѣды на станціи, обманъ воѣ расчеты брест-чанка; замасовъ же промѣны на цѣлый рейсъ сѣмъ сдѣлать не можетъ за немѣнѣемъ ледниковъ на пароходѣ. Одинъ только крѣпкіе напутки не вѣселою и многие отъ скуки прибѣгали къ нимъ. Вслѣдствіе этого одинъ отставной сержантъ, возвращавшійся съ Кавказа, лаянувшись водкой и пунисомъ, наступалъ на ноги пассажировъ, вѣшивался въ разговоры или засыпалъ на пачкахъ своихъ сосѣдей. Бываетъ обшчитывалъ или бралъ цѣны превышавшія рейсъ-курантъ, отчего происходили шумныя объясненія съ оффиціантами.

Съ трудомъ вытерпѣвъ всѣ эти неприятности, мы на пятый день, вмѣсто обѣщанныхъ трехъ сутокъ, добрались до южонинской станціи, верстахъ въ шестидесяти отъ Твери. Ни я ни мой пріятель не въ состояніи были ѣхать далѣе на пароходѣ и рѣшились выйти на берегъ, гдѣмъ болѣе, что отъ Юшны до заводской станціи желѣзной дороги всего пятнадцать верстъ. За гдѣмъ, пожелавъ компаніи Самолетъ смѣрѣйшаго соперничества съ предполагаемой компаніей г. Шилова, мы вышли на берегъ.

— Вотъ тебѣ и прогрессъ, вотъ и всемогущій шаръ, повторялъ мой пріятель, подымаясь по крутому берегу.

И. КРОЛЬ.

Августъ, 1859 года.

Замѣчанія на рецензію г. Свѣрцова объ Учебномъ Атласѣ Юл. Симашко.

Въ первомъ номерѣ «Русскаго Слова» за 1860 годъ помѣщена рецензія г. Свѣрцова на изданный мною Учебный Атласъ Всѣобщей Географіи. Въ этой статьѣ г. рецензентъ выражаетъ убѣжденіе, что мой Атласъ хотя и отличается богатствомъ и разнообразіемъ содержанія, но составленъ *на авось, крайне небрежно*; что онъ не достигаетъ цѣли, для которой изданъ, такъ что даетъ даже поводъ думать, будто составитель, т. е., я, имѣлъ въ виду только ослѣпить малообразованныхъ родителей различными вышними достопримечаніями и такимъ образомъ обезпечить сбытъ учебнаго пособія, не имѣющаго достоинства внутренняго, существеннаго.

Обвиненіе такое оправдывается его г. Свѣрцовъ доказательствомъ указаніями на различные недостатки, замѣченные имъ въ

моемъ трудѣ. Слѣдовательно эти указанія составляютъ основу строгаго осужденія. Попробую же разсмотрѣть ихъ *естъ безъ исключенія* и разобрать въ какой степени они справедливы и что изъ нихъ можно вывести.

Начну съ естественно-историческихъ замѣчаній, съ которыхъ начинается г. Сѣверцовъ, и буду держаться, съ не многими исключеніями, того же порядка, въ которомъ онъ самъ ихъ расположилъ.

На таблицѣ VI у меня изображена англійская скаковая лошадь (фиг. 16), а въ текстѣ къ этому рисунку относится слѣдующая замѣтка: «Быстрота бѣга, слѣдствіе размѣровъ тѣла, объема легкихъ и силы мускуловъ, развитыхъ воспитаніемъ, дѣлаютъ эту породу типомъ совершенства своего рода.» О самой фигурѣ г. Сѣверцовъ говоритъ слѣдующее: «На рисункѣ, по его малости (одинъ вершокъ) не выражено ни мускуловъ, ни легкихъ, а стати порочныя, какъ разъ дѣлающія лошадь неспособною къ скачкѣ: заднія ноги короче переднихъ, такъ что у лошака той-же таблицы формы все еще нѣсколько ближе къ типу скаковой лошади.» Я не совсѣмъ ясно понимаю, что хочетъ сказать г. Сѣверцовъ въ первой половинѣ своего періода; хочетъ ли онъ поставить мнѣ въ вину самую малость рисунка, или укоряетъ меня за то, что я сообщаю въ текстѣ свѣдѣнія, которыя невыражены наглядно на фигурѣ. Если справедливо первое, то отвѣтъ мой простъ и ясенъ: сколько есть заслуживающихъ полнаго уваженія учебныхъ и ученыхъ книгъ, не исключая и Атласа Беригауза (а эту книгу г. Сѣверцовъ призналъ классическою), сколько, говорю я, книгъ, въ которыхъ даже слоны, носороги, нарисованы не много болѣе, или даже не болѣе моей лошади: а между тѣмъ, эти животныя покрупнѣе лошади! Допустимъ теперь, что справедливо второе предположеніе, что г. Сѣверцовъ желаетъ находить въ текстѣ только тѣ свѣдѣнія, которыя наглядно выражены на рисункахъ. Спрашиваю всѣхъ, кому только случилось имѣть дѣло съ учебными или учебными книгами и пособіями, справедливо ли, выполнимо-ли такое требованіе! Отъ себя я, въ этомъ случаѣ, прибавлю только одно: въ объясненія той же VI таблицы, я, по поводу фигуръ 8—12, говорю, что шелковичный червь привезенъ изъ Китая, и что, для получения шелка, куколку шелковичнаго червя умерщвляютъ сильнымъ жаромъ; конечно, эти свѣдѣнія невредны, даже полезны и умѣстны въ учебной книгѣ; однакоже, съ точки зрѣнія г. Сѣверцова, помѣстивъ ихъ, я поступилъ дурно; потому что у меня въ атласѣ

нѣтъ рисунковъ, представляющихъ перевезеніе червей изъ Китая и самый процессъ умерщвленія куколки. Что касается до второй половины вышеприведенной фразы, то, не признавая рисунка лошади, во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительнымъ, — я все таки долженъ сказать, что замѣчаніе г. Сѣверцова *рѣшительно несправедливо*: заднія ноги у моей лошади, хотя и не такъ поразительно длинны, сравнительно съ передними, какъ бываютъ иногда у англійскихъ скакуновъ, однако онѣ *положительно* длиннѣе переднихъ; всякій легко въ этомъ убѣдиться, взглянувъ на мой рисунокъ. Впрочемъ, ошибку г. Сѣверцова, въ этомъ случаѣ, можно легко объяснить (но не оправдать); дѣло въ томъ, что у лошади, о которой идетъ рѣчь, заднія ноги поставлены нѣсколько ниже переднихъ, т. е., плоскость, служащая подножіемъ фигуры, сдѣлана не много покатою въ сторону хвоста животнаго; отъ этого, крупъ лошади, при *поверхностномъ* взглядѣ, можетъ, *если угодно*, показаться поставленнымъ непропорціонально низко; но вѣдь такимъ образомъ смотря на вещи, можно сказать, что и у коня въ памятникѣ Петра Великаго, заднія ноги уродливо коротки: и тамъ передъ лошади поставленъ значительно выше задней части! Что г. Сѣверцова ввело въ заблужденіе дѣйствительно указанное обстоятельство, въ этомъ убѣждаетъ меня и предпочтеніе, которое онъ отдаетъ фигурѣ лошака, которая никакъ не превосходитъ мою лошадь сравнительною длиною заднихъ ногъ; лошаку у меня поставленъ именно не такъ, какъ лошади, подножіе его сдѣлано покатымъ въ сторону головы.

Касательно объясненія, относящагося къ фигурѣ англійской лошади, г. Сѣверцовъ дѣлаетъ одно только замѣчаніе: послѣ словъ: «Быстрота бѣга, слѣдетіе размѣровъ тѣла» онъ прибавляетъ отъ себя: «какихъ?» Этотъ вопросъ: «какихъ?» заставляетъ меня признать, что по мнѣнію рецензента, я дурно сдѣлалъ, намекнувъ на размѣры, но не перечисливъ ихъ. Однако я нисколько не желаю думать, что еслибы г. Сѣверцовъ разсмотрѣлъ мой атласъ какъ слѣдуетъ, еслибы онъ *вникнулъ въ систему* его, то не поставилъ бы мнѣ этого въ вину.

Дѣло вотъ въ чемъ: составляя свой атласъ, я имѣлъ въ виду вовсе не удобство гг. рецензентовъ, болѣе или менѣе компетентныхъ, а исключительно пользу учащихся. Изъ зоологической части моего труда я вовсе не хотѣлъ сдѣлать зоологическаго учебника, что было бы и нехудо, но, тѣмъ не менѣе я желалъ, чтобы она давала ученикамъ нѣкоторыя свѣдѣнія и содѣйствовала развитію ихъ ума. Для этого я между прочимъ, рѣшился

составить эту часть такъ, чтобы, изучивъ ее можно было получить нѣкоторое понятіе о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя производить человѣкъ въ животныхъ, содержа ихъ подъ своею властью. Намѣреніе, какъ всякій согласится, довольно благое. Выполненіе его въ моемъ атласѣ также кажется мнѣ довольно удовлетворительнымъ, хотя г. Сѣверцовъ этого и не замѣтилъ. Дѣйствительно, большинство учащихся, для которыхъ назначался мой трудъ, или вовсе не учились зоологій или знаютъ ее весьма не полно, слѣдовательно длинныя, подробныя зоологическія объясненія для нихъ были бы непонятны и стало бы бесполезно. Какимъ же образомъ можно было познакомить также учениковъ съ измѣненіями, которыя производятся въ животныхъ, жизнью подъ властью человѣка? Конечно, только путемъ нагляднаго сравненія. Я такъ и сдѣлалъ: на таблицѣ III у меня представлены типы, или дикія первоначальныя формы вахитѣйныхъ домашнихъ животныхъ, а на политической картѣ Европы изображены нѣкоторыя домашнія формы тѣхъ же животныхъ, и именно формы, въ которыхъ всего рѣзче выказалось измѣняющее вліяніе человѣка; въ которыхъ всего яснѣе видно, до какой степени это вліяніе преобразило первоначальныя видовыя типы, приравнивъ животныхъ къ потребностямъ людей. Понятно, такимъ образомъ, что для достиженія указанной цѣли, учащимся достаточно сравнить рисунки таблицы III съ рисунками политической карты Европы, и также съ неперисованными въ атласѣ, но извѣстными каждому мальчику, изъ обыденной жизни, домашними животными. Это ученики могутъ сдѣлать и одни, и, еще лучше, при помощи опытнаго — учителя. Въ томъ и другомъ случаѣ они должны почерпать данныя для сравненія изъ того, что видятъ, а не вычитывать ихъ изъ книги. Такой путь ученія я (и, конечно, не одинъ я) считаю чрезвычайно полезнымъ, потому что онъ возбуждаетъ самостоятельность учащихся, заставляетъ ихъ, и слѣдовательно приучаетъ, сравнивать и обобщать факты. Конечно для того, чтобы атласъ мой былъ полезенъ въ этомъ отношеніи, многоглаголаніе въ немъ было бы совершенно излишнее; нужны были только указанія, которыя могли бы навести учащихся и учащихся на желанный мною путь ученія. И такія указанія въ объясненіяхъ рисунковъ есть. Для доказательства приведу одно мѣсто изъ объясненія той же таблицы VI: «13. *Отформированная свинья* слитчатѣе «формъ съ формами дикой свиньи (табл. III, ф. 36) можетъ дать «приблизительное понятіе о измѣненіи формъ подъ вліяніемъ де-

«наилучшей жизни. Разводится во всей Европѣ.» «17. *Дуралекскій* обывъ, порода разводная для мяса, выведенная первоначально въ Англіи. Профиль туловища есть почти четырехугольникъ: «идеаль сѣтоводовъ при разведеніи породъ для мяса (смъчи №. 18 и 5).» Кажется, легко понять въ чемъ дѣло, если внимательно прочесть это мѣсто. Но г. Сѣверцовъ этого повидимому не сдѣлалъ. Поэтому онъ и принялъ въ недоумѣніе насчетъ разиѣровъ англійской лошади, объ которой у меня говорится непосредственно ниже приведенныхъ строкъ. А между тѣмъ отвѣтъ на вопросъ: какіе разиѣровъ? простъ: если учащійся, или кто другой, захочетъ узнать какіе разиѣры въ англійской лошади произведены всмѣтаніемъ, пусть онъ сравнитъ этотъ рисунокъ съ фигурою дикой лошади, находящеюся на таблицѣ III.

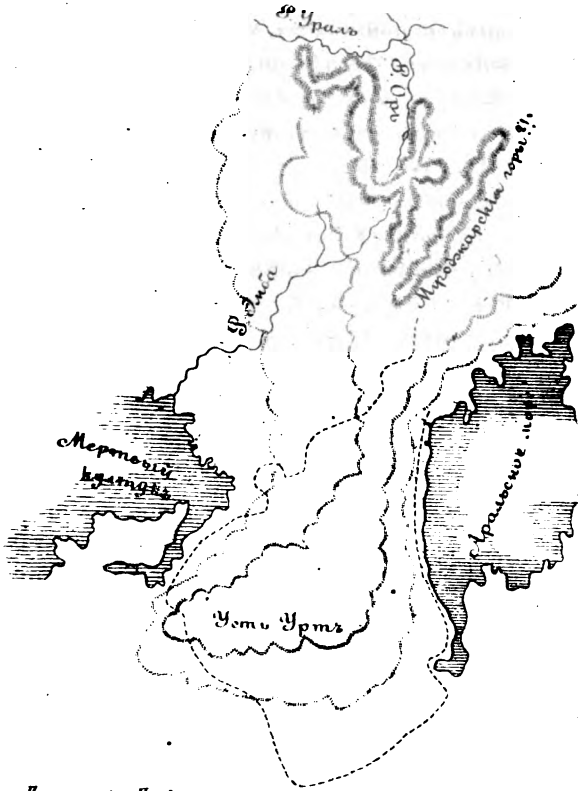
Но довольно о лошадяхъ; перейду къ другимъ замѣчаніямъ г. Сѣверцова и постараюсь быть по возможности краткимъ, чтобы не утомить напрасно вниманіа читателей.

Покончавъ съ лошадью, г. Сѣверцовъ говоритъ: «на таблицѣ «VIII животныя азіатскія; и въ томъ числѣ *Гарпіа* (*Thrasaetos harpya, Gray*) — «огромный ястребъ изъ Южной Америки (это сказано и въ текстѣ).» Въ чемъ же тутъ бѣда! На картѣ Азіи нарисовано животное американское; замѣтивъ ошибку гравера, я самъ указалъ ее въ текстѣ, чтобы никого не ввести въ заблужденіе. Далѣе въ рецензіи сказано: «Рисунокъ саламанга представляетъ просто какую-то ласточку, лисица крестовка такъ «безхарактерна, что ея миниатюрное изображеніе годится для «какой лисицы, безъ разбора видовъ и т. д.» и вотомъ — «мѣсто гуахаро (*Steatornis caripensis*) просто (нарисована) ка- «кая-то длиннокрылая птица, неимѣющая даже признаковъ «отдѣльнаго порядка.» Что саламанга похожа на ласточку, — это не бѣда; онъ дѣйствительно похожъ на нее, такъ, что прежде его даже относили къ роду ласточекъ (*Hirundo*) и называли *Hirundo esculenta*. Такъ было отъ Линнея до тридцатыхъ годовъ, когда стали отличать саламанга какъ отдѣльный родъ. Да притомъ и различія саламанга отъ настоящихъ ласточекъ таковы, что въ на маломъ рисунокѣ дѣлаго животнаго нельзя выразить. Безхарактерность крестовки тоже вещь понятная; крестовка есть просто обыкновенная лисица и отличается отъ другихъ обыкновенныхъ лисицъ только темною поперечною полосою, идущею черезъ лопатки; эта полоса и сдѣлана на моемъ рисунокѣ довольно ясно (она идетъ по мѣсту соединенія шеи съ

туловищемъ), хотя и не такъ хорошо видна какъ была бы видна на фигурѣ раскрашенной. Не знаю почему не замѣтилъ этого г. Сѣверцовъ. Замѣчаніе его насчетъ гуахаро столь же основательно; фигура по моему похожа на гуахаро, насколько можетъ быть похожъ рисунокъ, сдѣланный въ весьма маломъ масштабѣ: что же касается признаковъ отряда, которые будто-бы въ ней невыражены, то г. рецензенту должно быть извѣстно, что вообще въ малыхъ рисункахъ, представляющихъ наружный видъ птицъ, не слѣдуетъ искать признаковъ характеризующихъ отряды. Для этого употребляются другіе приемы, которымъ не должно было удѣлять мѣста въ моемъ атласѣ. За тѣмъ я нашелъ слѣдующее мѣсто, которое и выписываю съ буквальною точностью: «Броненосецъ (*Dasypus*) названъ Побю пораси; а въ текстѣ — Побю парасвайскій.» Что это значитъ — не понимаю: въ моей книгѣ нѣтъ ни «пораси» ни «парасвайскаго» а есть вмѣсто пораси, парагво (сокращеніе, совершенно правильное, слова парагвайскій) и, вмѣсто парасвайскій, парагвайскій (т. е. водящійся въ Парагваѣ). Должно быть эта путаница произошла въ рецензиі отъ ошибки наборщика. Но въ такомъ случаѣ, должно допустить, что рецензентъ недоволенъ тѣмъ, что я назвалъ изображенное животное не Броненосцемъ, а Побю. Это ужъ совершенно несправедливо; эти два названія принадлежатъ двумъ разнымъ родамъ, *Dasypus* и *Euphactus*, которые притомъ въ Россіи не водятся и народныхъ русскихъ названій не имѣютъ: поэтому я не имѣлъ никакой причины допускать путаницу, которой повидимому, желаетъ г. Сѣверцовъ; тѣмъ болѣе что и настоящій Броненосецъ изображенъ у меня на той же картѣ, гдѣ и Побю, и въ объясненіи названъ Броненосцемъ (*Dasypus*).

Послѣ приведеннаго сей часъ мѣста рецензентъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: «большая, съ индѣйку, *Palamedea chavaria* изображена крошечно-водяною курочкою». Съ изображеніемъ водяной курочки мой рисунокъ смѣшать нельзя; отъ такого заблужденія предохранять учащихся и бодцы, видныя на крыльяхъ *Palamedea* и хохолокъ на ея головѣ. Что же касается масштаба рисунка, то объ этомъ предметѣ я могъ бы и умолчать, потому что уже говорилъ о немъ когда разбиралъ замѣчанія, относящіяся къ фигурѣ англійской лошади. Однако я считаю не лишнимъ сказать о немъ еще нѣсколько словъ, чтобы яснѣе выказать всю несостоятельность подобныхъ нападокъ на рисунки. Изображеніе птицы величиною съ индѣйку, имѣющее около полувершка въ наибольшемъ діаметрѣ, кажется г. Сѣверцову слишкомъ ма-

Точный снимокъ
 УСТЬ-УРТА И МУГОДЖАРЬ
 съ атласа г. Сивачико карты № 13

Примечаніе. Пунктирные точки означают истокъ и направление Усть-Урта по карте Генеральнаго Штаба.

лымъ; стало быть изображеніе слона, (достигающаго длины 18—19 футовъ), чтобы избѣжать этого упрека, должно быть сдѣлано по крайней мѣрѣ въ поларшина. Но, въ такомъ случаѣ, каково же должно быть изображеніе Кашалота (достигающаго 70 футовъ въ длину)? Конечно его придется сдѣлать во всю величину большаго листа бумаги, а между тѣмъ и при такой величинѣ Кашалота, мышъ придется сдѣлать чуть не съ булавочную головку. Пускай мнѣ укажутъ хоть одно зоологическое сочиненіе (не говорю ужъ учебное, но хоть какое-нибудь) въ которомъ бы были выполнены эти требованія хоть относительно млекопитающихъ; и тогда я готовъ признать справедливыми все упреки г. Сѣверцова за миниатюрность моихъ рисунковъ. До тѣхъ же поръ, я буду считать эти упреки только слѣдствіемъ недостаточнаго знакомства моего рецензента съ тѣмъ предметомъ, о которомъ онъ взялся судить.

Теперь, слѣдуя порядку изложенія рецензіи, мнѣ слѣдуетъ рассмотреть три замѣчанія филологическаго свойства, (среди нихъ въ рецензіи находится и одно зоологическое — но это я разберу нѣсколько ниже). Два изъ нихъ совершенно справедливы: каюсь, я дурно сдѣлалъ, сказавъ, что молодой нанду доставляетъ «вареное мясо» и что скитропъ скрывается въ «растительной густотѣ». Впрочемъ, мысль, хотя она и дурно выражена, понять все таки можно, а это только, да еще краткость, я и имѣлъ въ виду, составляя зоологическій текстъ, который по самому существу дѣла, весь состоитъ изъ отрывочныхъ фразъ и слѣдовательно ни въ какомъ случаѣ не могъ бы служить образцомъ слова. — Третье замѣчаніе менѣе справедливо: г. Сѣверцову имя Мурашеѣда, данное мною одному австраійскому животному, кажется какъ-то не русскимъ; онъ предлагаетъ замѣнить другое — Мурашкоѣдъ, прибавляя впрочемъ, что и это плохо. По моему, и — думаю — по мнѣнію большинства русскихъ, оба названія хороши: составлены по русски и изъ русскихъ словъ. Слѣдовательно, г. Сѣверцовъ напрасно и высказывалъ свое неудовольствіе, тѣмъ болѣе что и самъ онъ не могъ придумать хорошаго имени.

Упрекивъ меня за вареное мясо, рецензентъ сейчасъ же дѣлаетъ другое замѣчаніе, болѣе важное: онъ объявляетъ, что въ моемъ атласѣ, подъ именемъ канадскаго гуся, нарисована просто европейская казарка *Anser bescorpsis* (т. е., исправивъ опечатку, *Anser leucorsis*). Никакъ не ждалъ я этого замѣчанія отъ рецензента. Я полагаю, что мой рецензентъ тотъ самый

г. Сѣверцовъ, который напечаталъ довольно обширную зоологическую диссертацию, недавно публиковалъ о своихъ публичныхъ зоологическихъ лекціяхъ и обѣщаетъ *) статьи объ акклиматизаци животныхъ, слѣдовательно онъ долженъ быть знакомъ съ зоологическими приемами; а известно что зоологи, желая узнать правильно ли отнесено къ известному виду то или другое животное, прежде всего сравниваютъ его съ диагнозомъ этого вида. Прямѣннимъ же этотъ приемъ къ замѣчанію моего критика. Вотъ диагнозы обоихъ видовъ, взятые изъ Палласа: *Canadensis* A. capite, соho purpurgioque atris, macula utrinque parotica alba. Казарка (*Ameor leucopsis*) A. Bernicla, Pall. A. corpore coerulescente, capite conhoque nigris, facie alba. Ясно, что къ фигурѣ моего атласа прилагается, какъ и должно быть, первый изъ этихъ диагнозовъ, а никакъ не второй: голова на ней представлена черною, безъ бѣлаго цвѣта на передней части (facies), а сзади глаза ясно видно бѣлое пятно (macula parotica) характерное для канадскаго гуся и не существующее у казарки. Сверхъ того в самый складъ тѣла птицы въ моемъ рисункѣ ясно указываетъ на ошибку г. Сѣверцова; канадскій гусь похожъ на лебедя длинною шею, чего про казарку никакъ нельзя сказать, и эта лебединая шея ясно видно въ фигурѣ моего атласа. Каждый зоологъ знаетъ, что это различіе въ физиономіи подаетъ поводъ отнести канадскаго гуся къ полуроду *Cygnoides*, Brandt, а казарку къ полуроду *Bernicla*, Briss. Steph. Эта ошибка г. Сѣверцова тѣмъ болѣе странна, что канадскій гусь акклиматизированъ въ Англіи. Г. Сѣверцовъ должно быть занимается вопросомъ объ акклиматизаци (потому что обѣщаетъ печатать статью объ этомъ предметѣ), но какъ же при этомъ не знаетъ и даже не узнавать предмета своихъ занятій? Сейчас послѣ растительной густоты, г. рецензентъ обращается къ опечаткамъ. Въ объясненіи таблицы 12-ой (Австрія съ Полинезіею) онъ нашелъ слѣдующее мѣсто: «*Двуутробка*. Водится въ Америкѣ. Этотъ видъ есть единственно сумчатое» (см. Зоологію стр. 147 и 148), живущее дико на островахъ Тихаго океана.» Что тутъ дѣло не обошлось безъ ошибокъ со стороны корректора и наборщика—это ясно видно и изъ противорѣчія въ показаніяхъ относительно отечества двуутробки и изъ сравненія приведенной фразы съ тѣми мѣстами текста, среди которыхъ она помѣщена. Такъ думаетъ и г. Сѣверцовъ. И казалось бы этому дѣлу нечего

*) Статья эта доставлена въ редакцію въ половинѣ февраля.

придавать большую важность: отъ какихъ бы то ни было причинъ, но опечатки въ русскихъ книгахъ, особенно нынче, — вещь весьма обыкновенная и слѣдовательно въ нѣкоторой степени извинительная — ихъ въ самой рецензїи множество. Однако же г. рецензентъ, съ величайшимъ терпѣніемъ перечисляетъ всѣ нелѣпые выводы, къ которымъ могутъ дать поводъ опечатки, и затѣмъ называетъ эти опечатки *существенными* ошибками, *крупными* небрежностями. Впрочемъ этому я еще не удивляюсь; вѣдь г. Сѣверцовъ доказываетъ, что атласъ нигде негодится. Но вотъ что странно: онъ и опечатки поправляетъ не такъ какъ слѣдуетъ — переставляетъ строки и т. п., а между тѣмъ настоящаго смысла не восстанавливаетъ. Послѣ этого, мнѣ остается только самому исполнить обязанность корректора, и я сдѣлаю это гораздо проще, чѣмъ г. Сѣверцовъ. Вотъ какъ должно читать выписанное выше мѣсто: «*Дууутробка: водится въ Америкѣ. Этотъ родъ есть почти единственное сумчатое* (см. Зоологію стр. 147, 148 и 150), живущее дико *не на островахъ Тихаго океана.*» Всякій, кто только прочтетъ объясненія, среди которыхъ находится это мѣсто, пойметъ, что здѣсь подъ именемъ острововъ Тихаго океана разумѣется и Австралія.

Наконецъ г. Сѣверцовъ заключаетъ зоологическую часть своей рецензїи слѣдующими словами: «и такихъ крупныхъ небрежностей въ текстѣ очень много, напримѣръ еще:

«Таблица XIII, Россія. Номеръ 5. Сычъ — или пугачъ; когда сычами зовутъ меньшія изъ нашихъ совъ, а пугачемъ наибольшій видъ, филинъ; изображенъ послѣдній. Номеръ 8. Царскій орелъ — по-русски беркутъ; подъ именемъ краснаго гуся (*Phoenicopterus antiquorum*), изображенъ колпикъ (*Platalea leucorodia*); вмѣсто соболя какой-то неопредѣленнаго вида звѣрекъ, и т. д.» Только предпоследнее изъ этихъ замѣчаній вполне справедливо. Дѣйствительно на таблицѣ XIII надъ подписью «Красный гусь» изображенъ колпикъ, или колпива. — Это моя вина, мой недосмотръ; не досмотрѣть было легко, потому что колпикъ имѣетъ такое же право быть помѣщеннымъ на карту Россїи, какъ и красный гусь.

Объ остальныхъ замѣчаніяхъ распространяться нечего; я отвѣчу на нихъ немногими словами. Рисунокъ соболя, хотя и не совсѣмъ удовлетворителенъ, однако ясно представляетъ всѣ главные наружные характеры рода кунницъ, къ которому относится и соболь, и котораго виды всѣ между собою очень сходны физиономіей. Что я говорю дѣло — согласится всякій, кто

внимательно рассмотреть изображеніе, о которомъ идетъ рѣчь. Что касается указанія, относящагося къ *царскому орлу*, и выражающаго желаніе г. Сѣверцова, чтобы я называлъ эту птицу по-русски *беркутомъ*, я замѣчу: во-первыхъ, что беркутъ слово не русское, а татарское (см. Pallas, Zoogr. p. 339); во-вторыхъ, что беркутомъ называютъ не царскаго орла, а *Aquila nobilis* (см. Зоологію стр. 209). Наконецъ, на счетъ имени *сычь*, я могу сказать, что сычемъ въ народѣ зовутъ и пугача, котораго г. Сѣверцовъ (тоже правильно) называетъ филиномъ, и которому у меня въ текстѣ дано два имени — сычь и пугачь. Въ выборѣ русскихъ народныхъ названій нельзя руководствоваться одними печатными свѣдѣніями, потому что эти свѣдѣнія еще весьма недостаточны; надо и самому прислушиваться, что говорятъ русскіе люди. Впрочемъ и съ печатными указаніями замѣтка г. Сѣверцова не согласна: онъ говоритъ, что *сычами зовутся наименьшія изъ нашихъ совъ*; а между тѣмъ сычомъ называютъ и *Aegolius otus* (см. мою Фауну томъ 3, таблица 15, и Кесслера Естеств. Ист. кіевскаго учебнаго округа. Выпускъ III, стр. 32), который далеко не наименьшая изъ совъ.

Этими замѣчаніями и оканчивается разборъ моего атласа въ естественно-историческомъ отношеніи. *Ботанической его части* г. Сѣверцовъ не *разсматриваетъ*, на томъ основаніи, что не знаетъ ботаники. Это, однакоже, не мѣшаетъ ему называть *его естественно-историческую* часть неудовлетворительною. Но я теперь не стану разбирать въ какой степени такое мнѣніе справедливо, въ какой степени оно подтверждается указанными въ рецензій и разобранными мною фактами — я оставляю это до конца моей статьи и перехожу къ собственно картографическимъ замѣчаніямъ рецензента.

Рядъ этихъ замѣчаній начинается такою фразою: «А между тѣмъ, собственно географическія карты также мало удовлетворительны, какъ и естественно-историческая часть (уже осужденная г. Сѣверцовымъ); стѣсненные разными рисунками или помѣщенными по нѣскольку на листѣ, онѣ малы до неразборчивости.» Что это значить? чѣмъ тутъ виноваты рисунки? какая бѣда произошла отъ помѣщенія нѣсколькихъ картъ на одной таблицѣ? Какъ будто я не могъ сдѣлать даже *микроскопическим* *малыя* картъ, не помѣщая однакоже ни рисунковъ на поляхъ, ни по нѣскольку картъ на одной таблицѣ? И на оборотъ, развѣ мнѣ что-нибудь мѣшало награвировать карты громадныя и все-таки окружить ихъ рисунками и собрать по нѣскольку на одномъ ли-

стѣ? Еслибы для величины листа бумаги существовала одна неизмѣнная для всѣхъ атласовъ норма, отъ которой бы и я не отступилъ, тогда дѣло было бы понятно. Но бѣда въ томъ, что ничего подобнаго нѣтъ и не было. Я просто недоуживаю — п одно, что мнѣ остается, это *угадать* мысль рецензента. Единственно вѣроятнымъ кажется мнѣ слѣдующее предположеніе: г. Сѣверцовъ просто хотѣлъ выразить, что мои карты слишкомъ малы, а все остальное прибавилъ *такъ*, съ цѣлю только выставить въ болѣе яркомъ свѣтѣ недостатки моего труда. Этотъ смыслъ въ замѣчаніи рецензента я и буду исключительно имѣть въ виду при своемъ отвѣтѣ, который заключается въ нижеслѣдующемъ. Учебный атласъ (Schul-Atlas) Штилера есть конечно атласъ классическій изъ классическихъ; доказательствомъ этого можетъ служить и то, что онъ имѣлъ, въ многоученной Германіи, уже около сорока изданій, а конечно, нѣмцы умѣютъ учить и учиться. И что же! Всѣ карты атласа Штилера сдѣланы частью въ одинаковомъ съ моими масштабѣ, *частью въ гораздо меньшемъ* *). Мало того, большинство нѣмецкихъ учебныхъ атласовъ, (и дурныхъ и превосходныхъ), составлены изъ картъ такого же, или почти такого же масштаба какъ и карты Штилера и никакъ не больше моихъ: таковы напримѣръ хорошо извѣстные и въ Россіи, атласы Сидова, Бромме и другихъ. Но если справедливо, что въ моемъ атласѣ карты «малы до неразборчивости», то должно допустить, что въ этихъ атласахъ онѣ малы чуть не до невидимости. Это конечно не вѣрно, слѣдовательно не вѣрно приведенное выше мнѣніе рецензента о малости моихъ картъ **).

*) Чтобы предупредить всякое неправильное толкованіе этой части моего отвѣта, считаю нужнымъ сдѣлать одну оговорку: говоря о болѣе и меньшей величинѣ масштаба у меня и въ другихъ атласахъ я сравниваю только карты одинаковыя, т. е., такія, на которыхъ изображены одинаковыя части земной поверхности, напримѣръ карту Азіи съ картой Азіи же, карту Америки съ картою или картами (у Штилера и въ нѣкоторыхъ другихъ учебныхъ атласахъ Америка изображена на двухъ картахъ) Америки же и т. д.

**) Такъ какъ уже мнѣ пришлось говорить о разборчивости моихъ картъ, то, пользуясь случаемъ, сообщу здѣсь нѣсколько соображеній объ этомъ предметѣ, которыя, хотя и не относятся *прямо* къ замѣчанію г. Сѣверцова, но за то могутъ устранить много кривыхъ толковъ. Если кто-нибудь сравнитъ мой атласъ съ атласомъ Штилера, то найдетъ, что въ моемъ атласѣ всѣ части свѣта, кромѣ Австраліи съ Полинезіей и Африки и всѣ страны, представленныя на отдѣльныхъ картахъ (за исключеніемъ только Давіи), начерчены въ двойнѣ: каждая изъ тѣхъ и другихъ изображена на двухъ

Здѣсь кстатн замѣчу, что и внослѣдствн я почти исключительно буду ссылаться на картографическія произведенія Штилера, когда мнѣ понадобится подтвердить какую-либо мысль силою посторонняго авторитета.

Труды Штилера я, въ этомъ случаѣ, предпочитаю другимъ, потому что всѣ они, какъ это хорошо извѣстно въ Россіи, суть труды вполне классическіе.

Затѣмъ обращаюсь опять къ замѣчаніямъ г. Сѣверцова.

Первое изъ нихъ послѣ разобраннаго мѣста, заключается въ слѣдующемъ: «Объясненія красокъ, имѣющихъ условное значеніе, часто не достаетъ, или, при этомъ объясненіи не достаетъ образчиковъ цвѣтовъ, а просто обведенные чертой прямоуглы-«нички.» Первую половину этой замѣтки я разберу ниже, при болѣе удобномъ случаѣ. Теперь же обращу вниманіе только на упрекъ въ томъ, что у меня при объясненіяхъ красокъ часто недостаетъ образчиковъ цвѣтовъ.

Чтобы отвѣчать на этотъ упрекъ, надо начать нѣсколько издалека.

Вотъ въ чемъ дѣло.

Г. Сѣверцовъ писалъ свою статью по экземпляру не полному; мало того, по какому-то странному и непонятному для меня обстоятельству онъ писалъ свою рецензію о второмъ вы-

картахъ одинаковаго масштаба: одна есть карта физическая, а другая — политическая. Напротивъ, у Штилера есть только три физическія карты: Европы, Азии и Германіи. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, я въ своемъ атласѣ сдѣлалъ болѣе для ясности, чѣмъ сдѣлалъ Штилеръ въ своемъ, а именно я: 1) не пропуская ничего важнаго, менѣе пестрилъ — каждую отдѣльную карту подписями и ситуационными штрихами и выгадалъ такимъ образомъ мѣсто, могъ 2) сдѣлать подписи крупнѣе, чѣмъ у Штилера. Я этимъ, впрочемъ, вовсе не хочу сказать, чтобы карты Штилера были менѣе, чѣмъ моя, разборчивы. Это было бы несправедливо; онъ очень разборчивы, но въ нихъ разборчивость обуславливается такимъ совершенствомъ гравировки и особеннаго печатанія, до какого я, издавая атласъ въ Россіи, не могъ достигнуть. Сверхъ того, я долженъ еще замѣтить, что моя карта Россіи въ политическомъ отношеніи значительно отличается отъ прочихъ, бѣднымъ числомъ подписей. Это, конечно, неудобство, но неудобство незначительное; въ Россіи каждый будетъ скорѣе всего чувствовать нужду въ справкахъ о Россіи. Сверхъ того, для тѣхъ, кто не хочетъ подробно изучать Россію, главные города показаны на картѣ Европы, а границы губерній и положеніе губернскихъ городовъ весьма ясны и на картѣ Россіи: первыя отличены замѣтно красками, а подписи губернскихъ городовъ достаточно рѣзко отдѣляются отъ прочихъ крупнѣею шрифтомъ.

пускѣ моего атласа, а начала онъ не зналъ *), въ этомъ онъ и самъ сознается, говоря, что предметъ его рецензій не имѣетъ ни заглавія, ни первыхъ пяти картъ; я прибавлю отъ себя, что онъ также не имѣлъ и предисловія: это явствуетъ изъ того, что по словамъ г. Сѣверцова атласъ начинается оглавленіемъ; (это начало втораго окончательнаго выпуска), а въ полныхъ экземплярахъ, которые вышли въ свѣтъ одновременно со вторымъ выпускомъ, передъ оглавленіемъ находится еще предисловіе, отпечатанное на одномъ листѣ съ заглавіемъ и выпущенное въ свѣтъ при первомъ выпускѣ еще въ 1858 году. Хорошо ли рецензентъ поступаетъ, выразивъ мнѣніе о книгѣ, которой даже не видалъ въ полномъ объемѣ, сдѣлавъ заключеніе «а parte ad totum», — я объ этомъ разсуждать не буду; воспользуюсь только фактомъ, на сколько онъ нуженъ для настоящаго случая. Итакъ къ дѣлу: недостаетъ красокъ въ обведенныхъ чертою прямоугольникахъ на нѣкоторыхъ экземплярахъ гео-гидрографическихъ картъ; краски, о которыхъ идетъ рѣчь, выражаютъ высоту различныхъ мѣстъ надъ уровнемъ моря. Разсмотримъ же какъ объяснить эти пропуски. Въ предисловіи у меня ясно сказано, что, и не смотря на объясненіе цвѣтовъ, всякій можетъ опредѣлять, какое мѣсто ниже, какое выше: «чѣмъ мѣсто ниже тѣмъ темнѣе, чѣмъ выше тѣмъ свѣтлѣе.»

То же самое сказано и въ листочкѣ подъ заглавіемъ «*Опечатки на картахъ*» который приложенъ ко второму выпуску

*) Чтобы сдѣлать это дѣло понятнымъ всякому, я долженъ изложить здѣсь слѣдующее:

Лѣтомъ 1858 года выпущенъ въ продажу первый выпускъ моего атласа съ билетомъ, на коемъ напечатано такъ:

Полный Атласъ, состоящій изъ 26 картъ, стоитъ три рубля 60 коп. серебромъ. Деньги эти платятся при выдачѣ 1-го выпуска Атласа (содержащаго таблицы I, II, III, IV, V, VII, IX, X), при которомъ выдается этотъ билетъ; предѣлитель его имѣетъ право получить изъ книжнаго магазина (вписывается имя магазина) VI, VIII, XI, XII, XIII, XIV, XV, XVI, XVII, XVIII, XIX, XX, XXI, XXII, XXIII, XXIV, XXV и XXVI таблицы этого Атласа, безъ всякой добавочной платы.

Безъ этого билета второй выпускъ, вышедшій уже въ 1859 году, никому выдаваемъ не былъ и отдѣльно второй выпускъ въ продажу не поступалъ.

Всякій пойметъ, что было время, а можетъ быть есть и теперь случаи, что у лица, купившаго Атласъ, есть первый выпускъ (заглавіе и 8 картъ) и нѣтъ втораго выпуска; но какъ могло выйдти то, что случалось съ г. Сѣверцовымъ, — имѣть второй выпускъ, не имѣя перваго, — мнѣ рѣшительно непонятно.

моего атласа, но котораго г. Сѣверцовъ, вѣроятно, (какъ это мы увидимъ ниже) не имѣлъ. Изъ этого ясно, что краски въ прямоугольничкахъ вовсе не необходимы; и потому о помѣщеніи ихъ здѣсь я особенно не заботился, а смотрѣлъ только чтобы были четыре-угольники и при нихъ, числа, показывающія, какая градація высотъ принята на картѣ. Что дѣйствуя такъ, я дѣйствовалъ не «на авось» — можно доказать ссылкой на Schul-Atlas Штилера; на учебный атласъ Сидова и на *другіе учебные атласы*; большая или меньшая высота мѣстъ у Штилера, напиримѣръ выражается большею или меньшею густотою зеленого цвѣта (самыя высокія мѣста — бѣлыя) и не только никакихъ прямоугольничковъ, но даже никакихъ объясненій цвѣтовъ вовсе нѣтъ. Если у Штилера недостатокъ закрашенныхъ прямоугольничковъ не мѣшаетъ пониманію дѣла, то пусть не беспокоится г. Сѣверцовъ — и у меня этотъ недостатокъ ничего не портитъ.

Слѣдующія только что за разобранными замѣчанія г. Сѣверцова я не буду уже разсматривать въ томъ порядкѣ въ какомъ они расположены авторомъ, а расположу ихъ по своему; это будетъ весьма удобно по свойству самыхъ замѣчаній и дастъ мнѣ возможность писать болѣе кратко.

Начинаю съ замѣчаній относящихся къ раскраскѣ, которая служитъ выраженіемъ политическаго дѣленія странъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній относятся къ таблицѣ XV-й, и говорить объ нихъ я считаю излишнимъ, послѣдующей причинѣ: ту таблицу XV-ю, которую имѣлъ передъ собою г. Сѣверцовъ, я самъ призналъ неудовлетворительною и замѣнилъ теперь другою, къ которой упреки рецензента не прилагаются. Эту замѣну равно какъ и замѣну нѣкоторыхъ другихъ таблицъ втораго выпуска я имѣлъ въ виду, уже выпуская въ свѣтъ второй выпускъ и первые *полные* экземпляры моего атласа; чтобы предувѣдомить о ней публику, я объявилъ въ листкѣ «Опечатки на картахъ», который приложенъ къ этимъ экземплярамъ, что таблицы XIII, XIV, XV, XXV и XXVI *будутъ замѣнены новыми, болѣе удовлетворительными, по техническому выполненію, картами* *).

* Для избѣжанія недоразумѣній, долгомъ считаю здѣсь замѣтить, что въ экземплярахъ, представленныхъ мною для разсылки по казеннымъ училищамъ, такихъ неудовлетворительныхъ картъ нѣтъ; вмѣсто ихъ находятся тѣ карты, которыми я замѣняю перечисленные сейчасъ неудовлетворительные оттиски въ экземплярахъ, первоначально пущенныхъ въ частную продажу. Отъ этой-то перепечатки удовлетвореніе мною казенныхъ требованій на атласъ было значительно замедлено.

Кажется, ясно; однако г. Сѣверцовъ не принялъ этой замѣтки во вниманіе. Я могу объяснить это только тѣмъ, что въ его неполномъ экземплярѣ, по которому писана вся критика, не было и этого листочка «Опечатки на картахъ». Это пожалуй не бѣда, просто недоразумѣніе, которое объяснить очень легко, по крайней мѣрѣ легче, чѣмъ *рѣшимость* писать критику по экземпляру явственно неполному.

Другія замѣчанія, относящіяся къ раскраскѣ, не таковы. Ихъ три: Въ первомъ выражено неудовольствіе на то, что (на политической картѣ Европы) «земли непокорныхъ горцевъ на Кавказѣ окрашены краской Турціи». Во второмъ рецензентъ объявляетъ, что у меня (на политической картѣ Азіи) «Мисорская и Низамская область въ Индіи показаны независимыми т. е., окрашены желтой краской, какъ Китай и Персія, между тѣмъ какъ англійскія владѣнія зеленой», причемъ г. Сѣверцовъ прибавляетъ что «эти области покорены Англійей еще между 1795 — 1810 годами». Наконецъ въ третьемъ замѣчаніи онъ сѣтуетъ, что у меня на картѣ Австраліи (съ Полинезіею) цвѣта «не имѣютъ смысла. Если имъ придать значеніе политическое, то, напримѣръ, восточная, независимая часть Новой Гвинееи окажется англійской; если этнографическое, то Новая Зеландія выйдетъ населенной австрійскими неграми — чего нѣтъ».

Всякій, кто прочтетъ эти замѣчанія, не познакомившись предварительно съ моимъ атласомъ, конечно поблагодаритъ рецензента за указаніе такихъ грубыхъ ошибокъ. Никому, навѣрно, не придетъ въ голову подозрѣвать въ невѣрности показаній самого г. Сѣверцова; дѣло кажется такъ просто, что ошибиться ему было невозможно. Но попробуемъ разобрать это простое дѣло, и тогда увидимъ совершенно другое.

Начнемъ съ того, что г. Сѣверцовъ, говоря объ картѣ Австраліи самъ старается придать краскамъ условное значеніе, и что, въ другомъ мѣстѣ (см. выше), онъ указываетъ на частый у меня недостатокъ объясненій цвѣтовъ, которые, по его мнѣнію, имѣютъ условное значеніе. Изъ этого, кажется, ясно, что для рецензента краски въ картахъ имѣютъ какое-то особенное условное значеніе, даже и тогда, когда такое значеніе не придано имъ въ самомъ атласѣ. Это просто не понято! Развѣ г. Сѣверцовъ не учился географіи? Конечно учился. Но въ такомъ случаѣ какъ же онъ, составляя свою рецензію, не принялъ въ расчетъ двухъ самыхъ простыхъ правилъ раскраски, искони принятыхъ всѣми картографами, правила безъ кото-

рыхъ пониманіе картъ невозможно: 1) Если при картѣ или при атласѣ есть какая-либо замѣтка, знакъ и т. п., указывающіе что краски имѣютъ особенное условное значеніе, тогда — и только тогда — онѣ имѣютъ это значеніе. 2) Если же ничего этого нѣтъ, то различныя краски показываютъ только, что мѣста ими покрытыя суть различныя страны или части страны и каждая особенная краска выражаетъ только, что мѣсто карты, ею окрашенное, представляетъ или одну страну, или одну часть страны, отдѣльную отъ сопредѣльныхъ. Никакого другаго значенія краски въ этомъ случаѣ не имѣютъ, такъ что, если страны или части страны не сопредѣльныя окрашены одинаковымъ цвѣтомъ, то это ничего не значить, и никакъ не указываетъ на какую-либо связь между ними.

По второму правилу карты раскрашиваются гораздо чаще, чѣмъ по первому; и если мы станемъ разсматривать всѣ карты съ точки зрѣнія г. Сѣверцова, то это можетъ повести къ весьма страннымъ результатамъ. Примѣровъ этого можно указать множество. Разсмотримъ одинъ изъ нихъ. Schul-Atlas Штилера карта Европы раскрашена по второму правилу, и что же мы видимъ! Одинаковыми красками покрыты Турція съ Пармою; Данія съ Неаполемъ, Бельгія съ Россією, Англія съ Швейцаріею, Тоскана съ Греціею, а земли непокорныхъ горцевъ одинаково съ Австріею. Ошибки ли это? Указываетъ ли здѣсь одинаковый цвѣтъ на какую-либо связь между странами, связь которая на дѣлѣ не существуетъ? Конечно, нѣтъ. Точно также и въ моей картѣ Европы: краска земель непокорныхъ горцевъ совершенно правильна; она показываетъ только, что эти земли составляютъ отдѣльную часть Кавказа. Она не можетъ значить ничего болѣе, потому что карта раскрашена по второму правилу. По этой же причинѣ и раскраска на картѣ Австраліи (съ Полинезіею) должна быть признана имѣющею смыслъ: смыслъ этотъ заключается въ томъ, что восточная часть Новой Гвинеи отлична отъ западной (что и справедливо) хотя вовсе и не составляетъ какого-либо цѣлаго съ Новой Голандіей. Г. Сѣверцовъ нашелъ тутъ бессмыслицу только оттого, что не обратилъ вниманія на второе правило. Другое дѣло въ картѣ (политической) Азіи; къ ней г. Сѣверцовъ приложилъ незнаніе или непризнаніе перваго правила. Дѣйствительно, на этой картѣ, справа находятся два прямоугольника, зеленый и желтый, и изъ объясненія ихъ видно, что во владѣніяхъ остъ-индской англійской компаніи желтый цвѣтъ означаетъ владѣнія, нахо-

дящіяся подѣ покровительствомъ, а зеленѣй — непосредственныя. Изъ этого ясно, что мнѣніе г. Сѣверцова о Мисорской и Низамской областяхъ совершенно не основательно: обѣ области *показаны* находящимися *подѣ покровительствомъ*, что и справедливо, независимыми же ихъ навѣрное не сочтетъ никто кромѣ г. рецензента.

Обращаюсь теперь къ другому роду замѣчаній. Рецензенту не нравятся, что на политическихъ картахъ Европы и Азіи показаны не всѣ горы, а только нѣкоторыя, и хребеть Гималая нанесенъ не вполнѣ. Мой отвѣтъ коротокъ:—горы вполнѣ изображены на картахъ физическихъ; тамъ и долженъ ихъ искать тотъ, кто захочетъ изучить орографію странъ. Карты же политическія я не хотѣлъ пестрить безъ пользы и потому наносилъ на нихъ только тѣ части хребтовъ и тѣ горы, которыя были необходимы для удобства учащихъ при сравненіи политическихъ и орографическихъ условій каждой страны. Вслѣдствіе этого я, напримѣръ, нанесъ на политической картѣ Европы Везувій, котораго положеніе не съ перваго взгляда дается сравненіемъ этой карты съ физической; напротивъ Этну я не нанесъ, потому что взглянувъ только разъ на Сицилію при физической картѣ Европы, всякій легко отыщетъ эту гору и на политической картѣ. Вслѣдствіе тѣхъ же соображеній я не изобразилъ западной части Гималайскаго хребта на политической картѣ Азіи, потому что на мѣстѣ этой части хребта необходимо было помѣстить много подписей, имѣющихъ значеніе въ политической географіи; весь же ходъ Гималая легко опредѣляется на этой картѣ сравненіемъ ея съ картою орографическою. Наконецъ тѣ же самыя причины заставили меня сдѣлать и всѣ другіе, будто бы, пропуски, на которые указываетъ г. Сѣверцовъ. Онъ считаетъ это *упущеніемъ*; но я увѣренъ, что тѣ, которые будутъ учиться по моимъ картамъ, найдутъ, что это только *облегченіе*.

Между разобранными сейчасъ замѣчаніями находятся еще два слѣдующія: «горячій ключъ Гейзеръ показанъ горюю» и Китайскіе (хребты) манестремы произвольно». О Гейзерѣ я отвѣчу, что онъ обыкновенно показывается такъ, какъ у меня, иначе для одного его въ цѣломъ атласѣ пришлось бы составителю придумать, а ученику заучить, особенный знакъ.

Что же касается Китайскихъ хребтовъ, то на это замѣчаніе отвѣчать нечего, ибо г. Сѣверцовъ не сказываетъ, въ чемъ заключается произвольность, которую онъ мнѣ приписываетъ.

Такимъ образомъ дѣйствуя, можно пожалуй объявить, что и весь мой атласъ напестренъ произвольно; только читатели едва ли будутъ довольны такой критикой. Во всякомъ случаѣ я, какъ отвѣтчикъ, какъ обвиненный, не могу быть доволенъ такими голословными обвинениями. За то я очень доволенъ опредѣлительностью выраженій, относящихся къ высотѣ Москвы. Высоту этого пункта (карта XIII) г. Сѣверцовъ находить не только означенною неправильно, но и объясняетъ, почему онъ такъ думаетъ; онъ говоритъ, что Москва стоитъ на высотѣ 400', а что у меня она «выходитъ на одной высотѣ съ Орломъ (1000 футовъ) и выше Пензы (550 футовъ) *). На это замѣчаніе я отвѣчать могу, ибо знаю въ чемъ и на какихъ основаніяхъ меня обвиняютъ. Отвѣтъ же мой заключается въ слѣдующемъ.

На моей картѣ Москва покрыта краской, означающей высоту 750 — 1000 футовъ, и притомъ (прошу обратить на это вниманіе) у самой Москвы эта краска уступаетъ мѣсто другой, означающей высоту 500'—750', такъ что нижній край кружечка, представляющаго Москву, составляетъ часть южной границы перваго изъ двухъ цвѣтовъ. Уже изъ этого видно, что Москва можетъ быть лежать и ниже Орла, а не на одной съ нимъ высотѣ (1000'), какъ утверждаетъ г. Сѣверцовъ, вѣроятно для приданія большей силы своимъ приговорамъ.

Но послѣдуемъ за нимъ далѣе. Онъ говоритъ, что Москва лежитъ на высотѣ 400', и это число, дѣйствительно показано въ календарѣ 1856 года, въ таблицѣ среднихъ температуръ. Но вѣдь календарь не единственный источникъ научныхъ свѣдѣній! Да сверхъ того, таблица среднихъ температуръ составлена въ немъ академикомъ *Веселовскимъ*, непремѣннымъ секретаремъ академіи наукъ, на показанія котораго, кажется, можно полагаться; а послѣ 1856 года вышло другое сочиненіе г. Веселовскаго (обѣщанное въ той же статьѣ календаря) «О климатѣ Россіи», и въ немъ, конечно на основаніи болѣе точныхъ свѣдѣній, это число замѣнено уже другимъ, именно 550'. Это число уже далеко отъ 400'; но найдутся числа еще болѣе несогласныя съ показаніемъ г. Сѣверцова. Дѣйствительно, на картѣ москов-

*) Г. Сѣверцовъ говоритъ еще, что Москва у меня выше и Усть-Урта. Но какъ Усть-Урту онъ приписываетъ высоту въ 1000', то я полагаю, что тутъ вкралась въ рецензію опечатка: если Москва не выше Орла, то не можетъ быть выше Усть-Урта.

ской желѣзной дороги, и по барометрическимъ наблюденіямъ г. Перевощикова, высота Москвы показана ужъ въ 625'. Здѣсь я могъ бы и остановиться, сказавъ только, что напрасно г. Сѣверцовъ, рѣшившись судить меня, не обратился къ ученымъ источникамъ, а удовольствовался справкою въ календарѣ. Но я хочу довести дѣло до послѣднихъ результатовъ и потому иду далѣе. Хочу показать, почему именно я расположилъ краски около Москвы такъ, какъ онѣ у меня расположены.

Вотъ въ чемъ дѣло. Я зналъ что Сокольники, лежація въ двухъ верстахъ отъ Москвы, и не болѣе какъ въ пяти верстахъ отъ Москвы рѣки, стоятъ на высотѣ 815' (смотри приложенія къ XIII части Записокъ военно-топографическаго депо), и вовсе не находятся на вершинѣ какой-нибудь горы. Но разстояніе двухъ верствъ, на моей картѣ (по ея масштабу) представляетъ величину меньшую чѣмъ толщина волоса, меньшую, по крайней мѣрѣ въ десять разъ, чѣмъ діаметръ кружечка, представляющаго Москву; значитъ кружечекъ долженъ былъ покрывать часть страны, заключающую пункты и выше и ниже 750'. Въ немъ самомъ, конечно нельзя было и думать означить эти различныя высоты; онъ менѣе половины линіи въ діаметрѣ и середина его занята точкой. По этому, я провелъ границу цвѣтовъ черезъ нижній край кружечка, и такимъ образомъ выразилъ то, что хотѣлъ, съ возможною опредѣлительностью. Такъ всегда дѣлается на гипсометрическихъ картахъ такого масштаба какъ моя, и легко понять почему: всякій знаетъ, во-первыхъ, что различныя степени возвышенія почти всегда переходятъ одна въ другую постепенно, а во-вторыхъ, что граница различныхъ высотъ бываетъ извилиста, и всѣ ея извилины на картѣ выражены быть не могутъ. Слѣдовательно, всякій, кто только желаетъ пользоваться картами, долженъ знать, что въ пограничныхъ частяхъ каждаго цвѣта могутъ встрѣчаться мѣста, уклоняющіяся отъ нормы той высоты, которую онъ представляетъ *). По этому всякій, кто увидить, что на моей картѣ стоитъ у границы цвѣта соответствующаго высотѣ 750'—1000', пойметъ, что въ той мѣстности, которую покрываетъ кружечекъ ее представляющій, могутъ встрѣчаться высоты составляющія переходъ отъ возвышенія 500'—750' къ возвышенію въ 750' до 1000'. Боль-

*) Такія уклоненія могутъ встрѣчаться и внутри границъ цвѣта, но объ тѣхъ я здѣсь не говорю, потому что это не касается прямо настоящаго вопроса.

шой точности отъ моей карты нельзя и требовать; на ней выражено все, чего можно ожидать по ея масштабу и по принятой на ней градаціи высотъ. Само собою разумѣется впрочемъ, что я говорю здѣсь только о настоящемъ состояніи нашихъ гипсометрическихъ свѣдѣній. Всякая гипсометрическая карта со временемъ можетъ измѣниться, а тѣмъ болѣе карта европейской Россіи (объ азіатской я ужъ и не говорю), которая еще такъ мало изслѣдована въ орографическомъ отношеніи. Это я очень хорошо зналъ, составляя мой атласъ, и даже ясно выразилъ въ предисловіи, гдѣ именно сказалъ, что составляя карты Россіи, долженъ былъ рѣшать нѣкоторые гипсометрическіе вопросы приблизительно, по недостатку данныхъ. Такъ поступалъ я и при нанесеніи очерчаніе Усть-Урта, которое г. Сѣверцову кажется просто фантастическимъ. Г. рецензентъ не объясняетъ, въ чемъ именно оно не вѣрно; а я знаю очень хорошо, что нанеся его, пользовался всѣми извѣстными данными. Слѣдовательно мнѣ остается только предположить, что г. Сѣверцовъ или разрѣшаетъ вопросъ объ Усть-Уртѣ также не вѣрно, какъ и вопросъ о высотѣ Москвы, — или же обладаетъ какими либо необнародованными новыми данными, относительно этой возвышенности. Въ томъ и другомъ случаѣ упрекъ, который дѣлаетъ мнѣ г. Сѣверцовъ по поводу Усть-Урта, совершенно несправедливъ.

Точно также несправедливы замѣчанія его относительно Мугоджарскихъ горъ и будто бы произвольно мною нанесеннаго хребта между Орью. Между Орью и Илекомъ *существуетъ* хребетъ и онъ названъ у меня Губерлинскими горами; но прошу справиться съ картою Оренбургскаго края, не сто верстъ въ дюймѣ и изданной въ 1853 году, которая руководила г. Сѣверцова при составленіи рецензіи въ 1859 году, а съ болѣе подробною и новѣйшею картою этого края, которою я пользовался при составленіи атласа, т. е., съ генеральной картою Оренбургскаго края, пятьдесятъ верстъ въ дюймѣ, отпечатанной въ 1858 году. На этой картѣ ясно показанъ хребетъ, отдѣляющій притоки Илека отъ притоковъ Ори; въ этомъ именно хребтѣ показанъ приискъ каменнаго угля, (слѣдовательно ни у составителей карты Оренбургскаго края, ни у меня онъ не нанесенъ фантастически); далѣе по верховьямъ Ори онъ по той же картѣ носитъ названіе Кара-Тау (не принятое мною не безъ причины) названный на моей картѣ Катень-Эдиръ-Тау; отъ 50-го градуса на вѣгъ хребетъ понижается, образуя высоты Кокъ-Тюбя, Бишъ-Тюбя, Акъ-Канъ; Джарыкъ-Тау, далѣе переходитъ

въ урочище Урпачь, Чйли-Булакъ и соединяется съ тою грядю горъ, которая проходитъ по правому берегу верховьевъ Ори и названа на картѣ Оренбургскаго края Мугоджарскими горами. Итакъ хребтъ между Орью и Илекомъ существуетъ, вопреки мнѣнію г. Сѣверцова. Что касается до Мугоджарскихъ горъ, то г. Сѣверцовъ говоритъ будто двѣ гряды, отстоящія одна отъ другой на десять верстъ, а раздвинуты на сто верстъ, т. е., удесятириль разстояние.

Показаніе это ложно.

Мугоджары не представлены на картахъ Оренбургскаго края въ видѣ двухъ грядъ ни на пятидесятиверстной, ни на стоверстной картахъ, а на обѣихъ представлены хребтомъ узкимъ, идущимъ вдоль верховьевъ праваго берега Ори и лѣваго берега Ымбы отъ 48° широты (вершина Яманъ-Тау) на сѣверъ до $50\frac{1}{2}^{\circ}$ сѣверной широты, образуя склоны болѣе длинныя на востокъ — верстъ на 50 и даже 70. Такъ этотъ хребтъ изображенъ на пятидесятиверстной картѣ Оренбургскаго края и почти такъ и на стоверстной; и точно также, совершенно правильно на своемъ мѣстѣ, проведемъ у меня этотъ хребтъ. Но кромѣ его у меня на картѣ проведенъ подъ именемъ Мугоджарскихъ горъ, другой, простирающійся отъ мѣста, имѣющаго 76° долготы и $47\frac{1}{2}^{\circ}$ широты до мѣста 78° долготы и $49\frac{1}{2}^{\circ}$ широты. Чтобы узнать, что изображаетъ этотъ хребтъ, употребимъ простой картографическій приемъ: нанесемъ этотъ хребтъ хоть на большую пятидесятиверстную карту Оренбургскаго края и посмотримъ чрезъ какія мѣста онъ пройдетъ. Сѣверному пункту его будетъ соответствовать вершина Ташъ-Уба, а южному горы Акъ-Дюртъ-Кумъ и Бакаръ-Тау. Оба эти конца поставлены у меня вѣрно, но должно ли этотъ хребтъ назвать Мугоджарами? вотъ вопросъ; и не правильнѣе ли два крайніе пункта этихъ горъ соединить не прямолинейнымъ хребтомъ, а провести его по другому направленію черезъ вершины Авръ-Кызылъ, Темиръ-Астау, Кабанъ-Кулакъ и остановиться у параллели Акчаты или Ушь-Таганъ? Слѣдовательно, если что-нибудь у меня въ Мугоджарахъ не такъ, то отнюдь къ этому не прилагается замѣчаніе г. Сѣверцова.

Замѣчанія, которыя г. Сѣверцовъ дѣлаетъ о картѣ, представляющей распространеніе животныхъ по земной поверхности, имѣютъ другой характеръ; они — просто слѣдствіе небрежности самого рецензента. Дѣйствительно, онъ въ этой картѣ находитъ ошибку въ томъ, что названія нѣкоторыхъ звѣрей (ка-

барга, тигръ и левъ) поставлены не тамъ, гдѣ эти звѣри составляютъ характерную часть фауны, а напротивъ, тамъ, гдѣ проходятъ самыя крайнія предѣлы ихъ распространенія. Между тѣмъ, это вовсе не ошибка, и даже не небрежность, а напротивъ, слѣдствіе системы принятой мною для нѣкоторыхъ звѣрей, именно для тѣхъ, которыхъ распространеніе обширно, а границы обѣ, полярная и экваторіальная, или одна, не нанесены. Отечество этихъ звѣрей указано въ объясненіи таблицъ, и перестить именами ихъ карту было бы вредно для ея наглядности; потому я и поставилъ имена ихъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя можно считать границами ихъ распространенія.

Еще менѣе основательно осуждаетъ г. Сѣверцовъ карту распространения народовъ (Табл. XXIII) говоря, что она «должна представлять распространеніе народовъ, но показываетъ только «сообразно малой величинѣ, шесть главныхъ (по Блуменбаху, съ прибавленіемъ племени австраійскаго) породъ людей.» Во-первыхъ породы или племена людей, суть группы, на которыя раздѣлена вся совокупность народовъ, населяющихъ земной шаръ; слѣдовательно, если показано расселеніе племенъ, то дано и понятіе о расселеніи народовъ. Во-вторыхъ, на картѣ, о которой говоритъ рецензентъ, именно написано много названій народовъ (монголы, тунгусы, индусы, буряты и проч.); и каждое изъ нихъ означаетъ на картѣ мѣсто того народа, къ которому относится. Если эти доводы не доказываютъ, что карта, о которой идетъ рѣчь, дѣйствительно, представляетъ распространеніе народовъ, то я право ужъ и не знаю можно ли что-нибудь доказать.

Замѣчу еще, что въ приведенномъ сейчасъ мѣстѣ, г. Сѣверцовъ несправедливо считаетъ принятое мною дѣленіе племенъ блуменбаховскимъ; я держался не этого дѣленія, а слѣдовалъ, какъ и сказано въ объясненіи таблицы XXIII, системѣ академика Бэра, которая новѣе и болѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ современной науки. Точно также по современнымъ показаніямъ этнографовъ я показалъ на Новой Зеландіи тоже племя, какое населяетъ Австралію, хотя очень хорошо различаю на всѣхъ этнографическихъ картахъ въ учебныхъ атласахъ сороковыхъ годовъ, племя населяющее Полинезію.

Кромѣ рассмотрѣнныхъ сейчасъ якобы ошибокъ, г. Сѣверцовъ находитъ въ моемъ атласѣ еще двѣ этнографическія невѣрности. Первая изъ нихъ заключается въ томъ, что у меня на (табл. XXIII) Явѣ, Борнео и Суматрѣ показано негрское

племя. Въ моемъ атласѣ тоже не сходно съ обыкновенными, нѣсколько устарѣлыми этнографическими атласами, но да приметъ на себя трудъ г. Сѣверцовъ справиться у людей спеціальныхъ, нѣтъ ли у новѣйшихъ этнографовъ работъ, приводящихъ къ заключенію графически представленному у меня въ атласѣ.

Вторая этнографическая невѣрность найдена въ объясненіи этнографической карты Европы. Эта невѣрность состоитъ по мнѣнію г. Сѣверцова въ слѣдующемъ: «племена славянское, германское, литовское, вообще принимаемыя за подраздѣленія индо-европейскаго, отдѣлены отъ него. Къ индо-европейскому племени причислены только азіатскіе народы: персы, курды, грузины, осетины.» Послѣ этого рецензентъ прибавляетъ: «Но тогда почему же оно (индо-европейское племя) индо-европейское?» Въ отвѣтъ на послѣднее замѣчаніе, я скажу: племя индо-европейское потому такъ названо, что къ нему относятся и греки, народъ, я думаю, европеійскій; греки у меня поставлены въ числѣ индо-европейскихъ народовъ въ томъ именно объясненіи, на которое нападаетъ г. Сѣверцовъ, но онъ проглядѣлъ ихъ и потому пришелъ въ недоумѣніе. Что же касается раздѣленія племенъ вообще, то я объ этомъ могу сказать слѣдующее: 1) то, что г. Сѣверцовъ называетъ племенами, у меня названо семействами (индо-европейскимъ, славянскимъ, германскимъ и проч.) 2) Семейства, мною принятыя, отдѣлены одно отъ другаго не мною, а европейскими учеными новаго времени, которыхъ авторитетъ не подлежитъ сомнѣнію; все что мною сдѣлано это то, что четыре семейства, имѣющія въ Европѣ мало представителей, названы однимъ общимъ именемъ индо-европейскаго семейства: что вовсе не ошибка. 3) Семейства, на раздѣленіе которыхъ сѣтуетъ г. Сѣверцовъ, не совершенно разрознены: они, какъ и слѣдуетъ, отнесены у меня къ одному племени, названному кавказскимъ или западнымъ.

Затѣмъ обращаюсь къ разбору ботаническихъ картъ, таблица XXIV, изъ которыхъ г. Сѣверцовъ спеціально разсматриваетъ только ту, на которой представлено распространеніе хлѣбныхъ растений и деревьевъ; онъ находитъ въ этой картѣ много невѣрностей, но я считаю ее хорошей; она цѣлкомъ взята изъ известнаго труда Бромме: Atlas zu Alexander von Humboldt's Kosmos.

Карта, разбираемая г. Сѣверцовымъ, скопирована совершенно вѣрно и есть именно одна изъ картъ, въ которыхъ выражены ботанико-географическіе взгляды великихъ знатоковъ ботаниче-

ской географіи, Гумбольдта и Шоу. На основаніи этого я могъ бы совершенно уклониться отъ разбора самыхъ указаній г. Сѣверцова, сказавъ только, что вмѣстѣ съ Бромме, Гумбольдтомъ и Шоу, я легко перенесу его критику. Но въ началѣ моей статьи я обѣщаль разобрать всѣ замѣчанія рецензента и потому разберу всѣ его ботанико-географическія упреки. Первое изъ нихъ, въ порядкѣ изложенія рецензіи, относится къ полярной границѣ дуба; неправильность г. Сѣверцовъ находитъ въ томъ, что эта граница проведена черезъ Камчатку и Лену. И дѣйствительно, она идетъ слишкомъ далеко на сѣверъ. Но проводя эту границу, я не хотѣлъ измѣнять карты Бромме, чего отъ меня никто не можетъ и требовать: для этого надо бы было разработать вновь, ученымъ образомъ, источники; ученой же разработки матеріаловъ, по всѣмъ частямъ науки, можно требовать только отъ ученыхъ специальныхъ трудовъ, а не отъ учебныхъ книгъ. Однакоже, я не оставилъ границу дуба совершенно безъ поправки. Въ объясненіи къ таблицѣ XIII ясно видно, что дубы принадлежатъ южнымъ частямъ Восточной Сибири; а, конечно, южными частями Сибири никто не сочтетъ ни Камчатку, ни часть Ленской долины, черезъ которыя проведена граница дуба на моей картѣ. Послѣ границы дуба г. Сѣверцовъ беретъ за границу пшеницы и находитъ ошибку въ томъ, что она, на Тихомъ Океанѣ, загибается дугой къ югу, а не идетъ прямолинейно; «какъ будто пшеница на морѣ растетъ», остроумно замѣчаетъ рецензентъ. На это я отвѣчу коротко, пусть посмотритъ мой рецензентъ, растетъ ли пшеница на морѣ у Бергауза, атласъ котораго самъ одобряетъ; а если его поражаетъ уклоненіе линіи къ югу на морѣ, то пусть проведетъ ее прямо и попробуетъ подписать значеніе линіи. Здѣсь мнѣ слѣдовало бы опять объяснять первоначальныя условія картографіи, какъ это показано при сужденіяхъ о раскраскѣ, но вѣдь это скучно; да и жалъ времени. Скажу одно: *если* границы, подобныя той, о которой идетъ рѣчь, обыкновенно проводятся такъ, какъ у меня.

Далѣе г. Сѣверцовъ, замѣтивъ, что граница пшеницы идетъ чрезъ Финляндію и Сибирь, спрашиваетъ: «какая же пшеница родится въ Финляндіи? въ Сибири? озимая или яровая?» На это онъ самъ отвѣчаетъ: «Кажется, можетъ только послѣдняя, и то не воздѣлывается, ибо посѣвы не окупаются.» Я же отвѣчу на все замѣчаніе такъ:

Вопросъ — какая пшеница? просто неумѣстенъ, потому что карта, о которой идетъ рѣчь, весьма не велика и имѣетъ цѣль

показать распространіе только главныхъ формъ хлѣбныхъ растений, а не всѣхъ ихъ видоизмѣненій. Совершенно съ такимъ же правомъ можно бы было сдѣлать по поводу этой карты множество подобныхъ вопросовъ. Напримѣръ, можно бы было спросить, какіе сорты картофеля, котораго полярная граница означена на картѣ, разводятся въ различныхъ странахъ; какія породы и разновидности плодовыхъ деревьевъ воздѣлываются около той или другой границы ихъ распространія; какія разновидности ржи разводятся въ разныхъ мѣстахъ области, названной у меня областью ржи и т. д., и т. д. Если бы я ввелъ отвѣты на всѣ такія вопросы въ свою карту, то изъ нея вышло бы нѣчто совершенно неудобно-разбираемое, чего я, разумѣется, не желалъ, да, вѣроятно, не пожелаетъ и никто изъ пользующихся моимъ атласомъ.

Отчего г. Сѣверцовъ полагаетъ, что въ Сибири и Финляндіи пшеница не разводится, мнѣ рѣшительно неизвѣстно. Свѣдѣнія, опубликованныя до-сихъ-поръ, доказываютъ совершенно противное: такъ, напримѣръ, въ объясненіи къ хозяйственно-статистическому атласу министерства государственныхъ имуществъ, на страницѣ 30-й, сказано: «Пшеница въ Россіи воздѣлывается до 62° сѣверной широты, но она можетъ разводиться, а мѣстами и разводится еще сѣвернѣе; въ Финляндіи предѣлъ ея разведенія идетъ по южной границѣ улеборгской губерніи» и т. д.

Послѣднее ботанико-географическое замѣчаніе г. Сѣверцова относится къ гречихѣ; онъ находитъ, что полярная граница ея неправильно показана въ Гижигинской тундрѣ, «тогда какъ ея (гречихи) нѣтъ и по всему охотскому побережью». Почему такъ думаетъ г. Сѣверцовъ, не вѣдаю: у меня одной чертой показана граница не только гречихи, но и картофеля, да сверхъ того въ показаніяхъ Бромме я не имѣю причины сомнѣваться до-тѣхъ-поръ, пока они не будутъ опровергнуты новыми наблюденіями.

Сужденія о таблицѣ XXIV г. Сѣверцовъ оканчиваетъ слѣдующимъ общимъ замѣчаніемъ: «Карты этой таблицы, кромѣ неточностей, еще и слишкомъ малы, такъ что не даютъ никакого понятія о ботанической географіи; видна какая-то путаница знаковъ». На это замѣчаніе много отвѣчать нечего. Ботанико-географическія неточности моего атласа были сейчасъ разобраны, а мнѣніе о малости картъ и о «путаницѣ знаковъ», судя по аналогіи, г. Сѣверцовъ вѣроятно составилъ на основаніи такихъ же невѣрныхъ данныхъ, какія заставили его сказать, что пшеница въ Финляндіи не разводится. Иначе объяснить это замѣчаніе

я не могу, съ одной стороны, потому что г. Сѣверцовъ не указываетъ, какія именно знаки спутаны и чему помѣшала малость картъ, а съ другой стороны потому, что эти карты, какъ всякій легко убѣдится, взглянувъ на нихъ, принадлежать къ числу наиболѣе разборчивыхъ, заключающихъ (разумѣется, сравнительно съ величиной) наименьшее число знаковъ и подписей во всемъ атласѣ.

Теперь я разсмотрю нѣсколько совѣтовъ, высказанныхъ въ формѣ желаній, которые встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ рецензій. Конечно, значеніе этихъ совѣтовъ не совсемъ понятно; рецензентъ, излагая ихъ, нигдѣ не говоритъ опредѣлительно, въ какой степени атласъ мой пострадалъ отъ того, что я дѣйствовалъ не такъ, какъ бы онъ желалъ. Но во всякомъ случаѣ, судя по общему тону статьи, въ нихъ могутъ заключаться указанія на важныя, по мнѣнію рецензента, ошибки, и я считаю себя обязаннымъ, не оставлять этихъ совѣтовъ безъ разбора. Самые важныя изъ нихъ два слѣдующіе: рецензентъ желаетъ, чтобы на картѣ изотермъ (вмѣсто изономалій, о которыхъ я буду говорить ниже) были указаны пространства съ материковымъ и приморскомъ климатомъ и разграничены области лѣтнихъ и зимнихъ дождей. О первомъ изъ этихъ желаній я скажу, что оно несвоевременно: кто въ настоящее время рѣшится опредѣлить границы климатовъ приморскихъ и континентальныхъ? Второе желаніе основательнѣе, за то оно и исполнено: на таблицѣ III представлены области лѣтнихъ и зимнихъ дождей въ Европѣ. Онѣ даны только для Европы, а не для всѣхъ частей свѣта (въ которыхъ показано только годовое количество дождя), подобно системѣ принятой во всемъ атласѣ — обрабатывать Европу подробнѣе всѣхъ другихъ частей свѣта.

Третій (по порядку рецензій первый) совѣтъ заключаетъ желаніе, чтобы на физическихъ картахъ былъ изображаемъ весь рельефъ страны, а на политическихъ означено только главное направленіе хребтовъ, по способу Гумбольдта, рядами параллельныхъ черточекъ. Что касается физическихъ картъ, то они такъ и сдѣланы, какъ предлагаетъ г. Сѣверцовъ. Объ нанесеніи же горъ на политическія карты, я сказалъ главное уже выше. (См. разборъ ошибокъ на политическихъ картахъ.) Здѣсь мнѣ остается только прибавить, что гумбольдтовъ способъ изображенія горъ кажется мнѣ менѣе удобнымъ, чѣмъ принятая въ атласѣ — обще-германская манера, потому что онъ менѣе нагляденъ и не такъ рѣзко отличаетъ горы отъ подписей.

Наконецъ, четвертый и послѣдній совѣтъ (по порядку рецензій второй), относится къ раскраскѣ: рецензентъ желаетъ, чтобы на политическихъ картахъ области не были покрываемы «такими густыми и темными цвѣтами». По моему, это желаніе справедливо только въ нѣкоторой, довольно незначительной степени, и притомъ, только относительно нѣкоторыхъ картъ, а далеко не всѣхъ. Дѣло въ томъ, что густота и темнота красокъ важны для наглядности; при такихъ только краскахъ (разумѣется, если взяты, какъ это и сдѣлано у меня, краски рѣзко различающіяся одна отъ другой) области явственны и рѣзко разграничиваются въ глазахъ учащихся. Надо только стараться, чтобы густота красокъ не мѣшала удобочитаемости и явственности подписей; но въ значительной степени противъ этого не погрѣшаетъ ни одна изъ моихъ картъ, и только на нѣкоторыхъ картахъ попадаются мѣстами подписи, которыя хотя и совершенно замѣтны, однако не совсѣмъ такъ рѣзко отдѣляются отъ красокъ, какъ было бы желательно. Это, какъ всякій согласится, еще небольшая бѣда.

Послѣ этихъ совѣтовъ мнѣ остается разсмотрѣть еще одно обвиненіе, и весь запасъ фактическихъ указаній на недостатки моего атласа будетъ истощенъ. Но это обвиненіе, навѣрно, самое важное изъ всѣхъ; рецензентъ объявляетъ въ немъ, что я нанесъ на одну изъ моихъ картъ *цѣлую систему линий и площадей, построенную на основаніи фантастическомъ*, взятую произвольно. Хуже этого ничего нельзя ужъ и вообразить; надѣлать ошибокъ или пропусковъ, представляя что либо дѣйствительное, истинное — это дѣло еще простительное; но дать учащимся, вмѣсто выводовъ науки, произведенія фантазіи и произвола, — это такой поступокъ, которому не возможно и названія придумать. Чтобы приписать кому бы то ни было — даже человѣку, заподозрѣнному въ желаніи ослѣпить неопытныхъ родителей — такое преступленіе, надо быть твердо увѣреннымъ въ своемъ знаніи дѣла, въ своей способности отличать истинное отъ ложнаго, фантастическое отъ дѣйствительнаго.

Безъ сомнѣнія, г. Сѣверцовъ имѣетъ такую увѣренность. Посмотримъ же, правъ ли онъ въ этомъ отношеніи. Вотъ все, что онъ говоритъ о картѣ, составляющей *corpus delicti*.

«Затѣмъ (на таблицѣ XXIII) карта изотермъ съ нововведеніемъ: вся земля раздѣлена на пространства съ температурой «выше нормальной, и съ температурой ниже нормальной; а нормальная температура является только на пограничныхъ линіяхъ

«этихъ пространствъ. Но какая же тутъ норма, кромѣ развѣ «произвольнаго приуроченія изотермъ къ градусамъ широты, да «и тогда, почему средняя температура 0° для Россіи нормальна «подъ 60° широты, а для Тихаго Океана подъ 55°. И вмѣсто «этой фантастической нормы и разграничиваемыхъ по ней про- «странствъ». За этими словами слѣдуютъ уже совѣты: что слѣ- довало бы помѣстить вмѣсто пространствъ, разграниченныхъ по *фантастической* нормѣ — совѣты, которые уже разобраны выше. Собственно о картѣ, въ томъ видѣ, какой она теперь имѣетъ, ничего болѣе не говорится. Но и того, что сказано, уже до- статочно, чтобы понять мысль рецензента: для него норма на моей картѣ *плодъ фантазіи, дѣло произвола*; слѣдовательно, и раздѣленіе земли на основаніи этой нормы и изаномалии, кото- рыми испещрена вся карта и которыя выражаютъ только раз- личныя степени уклоненія отъ нормы — все это — *фантазія, произволъ*. Какъ бы, кажется, усомниться въ справедливости этой мысли? Кромѣ всего другаго, уже имя рецензента должно ру- чаться за ея вѣрность. Тутъ идетъ дѣло о вопросѣ метеороло- гическомъ, а метеорологія должна быть близко знакома г. Сѣвер- цову; онъ и въ своей диссертациіи на степень магистра раз- работываетъ вопросы, въ которыхъ метеорологическій элементъ играетъ важную роль — вопросы, касающіеся вліянія климата на животныхъ. Мало того, онъ — авторъ статьи объ акклимати- заціи животныхъ, а ужъ, конечно, изучая акклиматизацію, трудно мпновать метеорологію. Но, не смотря на все это, я долженъ сказать, что въ настоящемъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, г. Сѣверцовъ совершенно ошибается — выражаетъ мысль *рѣ- шительно неосновательную*; сверхъ того, я еще долженъ при- бавить, что избѣжать этого ему было бы очень легко, если бы онъ прежде, чѣмъ осуждать мою карту, просмотрѣлъ ея объяс- неніе, или заглянулъ въ русскія книги весьма извѣстныя въ на- шей ученой и учебной литературѣ. Дѣйствительно, въ объясне- ніи таблицы XXIII, у меня объ этой картѣ сказано: «II. Рас- пространеніе тепла: годовныя изотермы и изаномалии (по Dove: Die Verbreitung der Wärme, 1852)» и т. д. Изъ этого видно, что она собственно принадлежитъ не мнѣ, а Дове; именно она цѣликомъ скопирована (только краски замѣнены штрихами) съ одной изъ картъ помянутаго сочиненія, представляющей годов- ныя изотермы, изаномалии и линіи нормальныхъ годовыхъ тем- пературъ всей земли. Эти-то нормальныя температуры, и вы- веденныя на основаніи ихъ изаномалии и показались г. Сѣвер-

цову фантастическими. Но, повторяю, если бы онъ прочелъ объясненіе карты, то усомнился бы въ справедливости своего воззрѣнія и, навѣрно, не высказалъ бы его, по крайней мѣрѣ, такъ рѣзко — усомнился бы потому, что имя Дове извѣстно всѣмъ занимающимся климатологіею, какъ имя человѣка, оказавшаго наукѣ не *фантастическія* услуги. Впрочемъ, кромѣ моего атласа, есть и въ другихъ русскихъ книгахъ указанія на трудъ Дове: онъ цитруется: въ «Физической географіи» академика Ленца (изданіе 1858 года) и въ книгѣ академика Веселовскаго, «О климатѣ Россіи», изданномъ въ 1858 году, и въ обѣихъ этихъ книгахъ о немъ говорится, какъ о трудѣ въ высшей степени важномъ и достойномъ уваженія. Мало того, въ обѣихъ книгахъ указывается, какъ на нѣчто весьма основательное и дѣльное, на тѣ именно изаномаліи и линіи нормальныхъ температуръ, которыя показались г. Сѣверцову результатомъ произвольнаго приуроченія изотермъ къ градусамъ широты. Чтобы доказать справедливость моихъ словъ, приведу выписки изъ названныхъ сейчасъ русскихъ книгъ:

Въ книгѣ г. Веселовскаго, на стр. 158 сказано: «Наконецъ въ новѣйшее время, Дове (въ сочиненіи *Die Verbreitung der Wärme auf der Oberfläche der Erde. 2-te Auflage 1852*), которому «климатологія обязана послѣдними своими успѣхами, нашелъ возможнымъ, на основаніи собраннаго имъ большаго запаса данныхъ, выразить распредѣленіе теплоты на земномъ шарѣ особыми линіями для каждаго изъ двѣнадцати мѣсяцевъ». Эти-то особыя линіи и суть тѣ изаномаліи, выражающія различныя степени отклоненія отъ нормальной температуры, о которыхъ идетъ теперь рѣчь. Далѣе, въ книгѣ г. Ленца, на страницѣ 218, сказано о сочиненіи Дове слѣдующее: «Выводы Дове обработаны такъ тщательно, что результаты, заключенные въ «его сочиненіи, можно разсматривать какъ *вѣрнѣйшее выраженіе расположенія тепла по земной поверхности*». А за тѣмъ, на стр. 223—224, сказано: «Значительность матеріала употребленнаго Дове при составленіи своихъ картъ изотермическихъ линій, какъ годовыхъ, такъ и для отдѣльныхъ мѣсяцевъ, дало ему средство выразить характеристическія свойства разныхъ странъ, въ отношеніи къ теплотѣ, *еще болѣе нагляднымъ образомъ, чѣмъ посредствомъ изотермическихъ линій*. Для этой цѣли онъ во-первыхъ, для каждаго мѣсяца отдѣльно, посредствомъ «интерполяціи, опредѣлялъ температуру разныхъ параллельныхъ «круговъ, соответствующихъ широтамъ 0, 10, 20, 30 и пр. гра-

«дусовъ до 90°, въ 36 мѣстахъ, а именно въ долготахъ 0°, 10°, «20°, и пр. до 360°. Изъ полученныхъ 36 температуръ даннаго «параллельнаго круга онъ взялъ арифметическое среднее и называлъ полученное такимъ образомъ число *нормальною среднею температурною* даннаго параллельнаго круга въ данный мѣсяцъ.» И за тѣмъ нѣсколько ниже сказано :

«Сравнивая съ этими числами, выражающими нормальныя температуры параллельныхъ круговъ, напримѣръ для января, тѣ «температуры того же мѣсяца, которыя въ самомъ дѣлѣ наблюдаемы были въ разныхъ долготахъ на томъ же параллельномъ «кругѣ, Дове нашелъ на сколько онѣ выше или ниже нормальныхъ температуръ; найденныя разности онъ назвалъ *аномалиями* температуръ. Для обозрѣнія этихъ Аномалій Дове соединилъ линіями тѣ мѣста, гдѣ аномаліи равны между собою, и назвалъ эти линіи *изаномальными* линіями или *изаномалами*, т. е., «линіями равныхъ аномалій. *Система этихъ линій дастъ намъ наилучшій способъ сравненія мѣстъ самыхъ теплыхъ и самыхъ «Холодныхъ».*

Въ дополненіе къ этимъ выпискамъ я скажу отъ себя, что на моей картѣ представлены годовыя нормальныя температуры и изаномаліи выведенныя изъ мѣсячныхъ самимъ Дове. Да еще прибавлю, что линіи, разграничивающія мѣста съ температурою выше нормальной отъ мѣстъ съ температурою ниже нормальной, суть естественно тѣ мѣста, гдѣ проходитъ *изономалія*, 0° т. е., мѣста, гдѣ температура не уклоняется отъ нормальной—нормальна. Послѣ этого, мнѣ, для полнаго опроверженія (чтобъ не сказать болѣе) г. Сѣверцова, остается сказать весьма немного. Всякій, прочтя двѣ послѣднія выписки, легко пойметъ какимъ образомъ выведены нормальныя температуры, и что значить *изаномалія*. А этого достаточно, чтобы убѣдиться, что тѣ и другія—не произведенія *фантази* и *произвола*, а, напротивъ, плодъ строго-научной обработки фактовъ. Сверхъ того изъ этихъ же двухъ выписокъ можно увидѣть, что карта *изаномалій* и *нормальныхъ температуръ* весьма уместна въ моемъ атласѣ, потому что чрезвычайно удобна для нагляднаго изученія термическихъ условій въ различныхъ странахъ. Дѣйствительно, пространства съ температурою ниже и выше нормальной имѣютъ значительную величину и формы весьма простыя. Отъ того, изучить ихъ нагляднымъ образомъ весьма легко: этого уже достаточно, чтобы, зная хотя приблизительно годовую температуру разныхъ широтъ, получить

общее, и довольно точное, понятіе о распредѣленіи годоваго количества тепла на всемъ земномъ шарѣ.

Больше я ничего не имѣю сказать противъ взгляда г. Сѣверцова на норму Дове. Читатели сами рѣшатъ *идь фантазія и произволь?*

Здѣсь, я и окончу свой разборъ «*фактическихъ замѣчаній*» г. Сѣверцова, окончу, потому что нечего больше разбирать; я рассмотрѣлъ *рѣшительно все, даже самыя незначительныя фактическія* указанія на недостатки моего труда. И теперь, мнѣ остается только, на основаніи данныхъ добытыхъ въ этой первой части, высказать нѣсколько общихъ соображеній о значеніи и смыслѣ всей рецензіи г. Сѣверцова. Начну съ сужденія его о рамкахъ моего атласа. Замѣчаній относящихся къ рамкамъ сдѣлано въ рецензіи всего семнадцать. Изъ этого числа только семь (четыре относящіяся къ фигурѣ гарпіи, гуахаро, краснаго гуся и соболя, двѣ указывающія ошибки противъ русскаго языка и одно, относящееся къ опечаткѣ въ текстѣ) могутъ быть признаны вѣрными вполне или отчасти; остальные совершенно неосновательны*). Уже эти ариметическія соображенія показываютъ, я надѣюсь, что сужденія г. Сѣверцова о рамкахъ моихъ картъ не такъ основательны, какъ было бы желательно. Въ рецензіяхъ, вообще и особенно въ такихъ рѣзкихъ, какъ рецензія г. Сѣверцова, промахи не допускаются; а если еще число промаховъ превосходитъ число вѣрныхъ замѣчаній, то едвали такую рецензію не слѣдуетъ признать написанною на авось.

Еще болѣе невыгодный результатъ для статьи г. Сѣверцова, получится, если разобрать самый характеръ тѣхъ же семнадцати замѣчаній. Дѣйствительно, на нихъ, и только на нихъ основаны всѣ сужденія рецензента о естественно-историческихъ рамкахъ моего атласа; они должны показать читателямъ, что эти рамки вмѣстѣ съ объясненіями, составлены крайне небрежно, на авось. Конечно отъ такихъ замѣчаній можно требовать, что бы они указывали на что либо *существенное* въ трудѣ, къ которому относятся. А между тѣмъ, именно этого-то и нельзя сказать про большую часть замѣчаній г. Сѣверцова: шесть изъ нихъ

*) Число всѣхъ замѣчаній, относящихся къ рамкамъ, можно бы принять и болѣе семнадцати, потому что нѣкоторые изъ нихъ можно считать за два и за три замѣчанія; но такъ какъ принявъ семнадцать, я уменьшилъ только число замѣчаній не основательныхъ, то г. Сѣверцовъ, надѣюсь, не поспѣетъ на меня за эту угрюмость.

имѣють характеръ чисто филологическій: частью относятся къ небольшимъ неправильностямъ въ выраженіи мыслей, частью же указываютъ (впрочемъ неосновательно) на неудовлетворительность русскихъ названій различныхъ животныхъ, отечественныхъ и иностранныхъ. Затѣмъ *одно* замѣчаніе относится къ недосмотру корректора въ текстѣ и одно къ ошибкѣ гравера, — поправленной мною въ объясненіи таблицы, и слѣдовательно не заслуживающей почти названія ошибки или недосмотра. Конечно всѣ эти замѣчанія никакъ незаслуживаютъ названія важныхъ, а скорѣй похожи на мелкія придирки и ужъ *во всякомъ случаѣ не имѣють никакого научнаго характера*. Остальные *девять* замѣтокъ, хотя лишены этого характера, но говоря вообще, не имѣють большаго значенія. Это просто девять ничѣмъ несвязанныхъ одно съ другимъ указаній на восемь рисунковъ и одну фразу текста. Въ нихъ нѣтъ никакого даже намека на общую систему моего труда, на начала, которыми я руководствовался при выборѣ и размѣщеніи своихъ рисунковъ и при составленіи объясненій. Словомъ, принявъ даже, что всѣ эти девять замѣчаній справедливы (собственно же они болѣею частію ложны) читатели убѣдятся только, что въ естественно-исторической части моего труда есть девять недосмотровъ, мелкихъ, потому что заключеніемъ ихъ вся эта часть можетъ быть очень хороша, — а у меня (замѣчу кстати) на рамкахъ изображено около пятисотъ предметовъ, да въ объясненіи таблицъ сообщено по крайней мѣрѣ столько же научныхъ фактовъ. Сверхъ того изъ этихъ недосмотровъ только три (колпикъ, канадскій гусь и скаковая лошадь) имѣють, сами по себѣ, нѣкоторую важность, остальные же — не болѣе, какъ малозначительныя несовершенства въ выполненіи рисунковъ. Но развѣ такого рода недосмотры не могутъ встрѣчаться во всѣхъ изданіяхъ, подобныхъ моему? Конечно могутъ, и даже въ самыхъ классическихъ. Что бы не далеко ходить за доказательствами, я укажу на атласъ Беркгауза. Въ этомъ атласѣ также какъ и въ моемъ, есть рамки, на которыхъ изображены животныя и растенія. Такихъ изображеній у Беркгауза гораздо менѣе чѣмъ у меня, животныхъ тридцать три, однакоже и у него на рамкахъ можно найти много недосмотровъ. Такъ напримѣръ, на таблицѣ № 1, у орангутанга на правой задней ногѣ на указательномъ пальцѣ коготь, также какъ и у пндри; Нугахъ—изображенъ какимъ-то щеночкомъ; у орниторияха нѣтъ перепонокъ между пальцами переднихъ ногъ; Шоегоригъ — представленъ такъ, что нельзя узнать какой это видъ, родъ, къ ка-

кому принадлежит семейству и даже отряду — видно одно, что это млекопитающее; кангуру — объ одномъ пальцѣ; на заднихъ ногахъ слона нѣтъ копытъ и т. д. Эти недосмотры совершенно равнозначущи съ тѣмъ шестью неважными ошибками, которыя г. Сѣверцовъ нашелъ, или думалъ, что нашелъ, на моихъ рамкахъ. А вотъ и болѣе важная ошибка Беркгауза, которую можно, по крайней мѣрѣ, поставить на равнѣ съ *единственною*, нѣсколько значительною ошибкою, которою *вѣрно* указалъ г. Сѣверцовъ на моихъ рамкахъ: у меня подъ именемъ краснаго гуся изображенъ колпикъ, а у Беркгауза (5-te Abth. N° 2) подъ именемъ *арековой пальмы* (*Agave catechu*) изображенъ *перець*, бетель, — растеніе также мало сходное съ пальмами, какъ мало сходны напримѣръ алое и береза, и, что еще хуже, эта пальма названа по нѣмецки — *Betel*. Итакъ въ рамкахъ беркгаузова атласа можно найдти совершенно такіе же научные недостатки, какіе рецензентъ нашелъ въ моихъ. А между тѣмъ этотъ атласъ всѣми знающими дѣло признанъ классическимъ, и самъ г-нъ Сѣверцовъ признаетъ его такимъ. Послѣ этого, мнѣ остается только спросить г. Сѣверцова, просматривалъ ли онъ когда нибудь внимательно атласъ Беркгауза, и, если просматривалъ, то отчего называетъ этотъ атласъ классическимъ, а мой признаетъ нигуда негоднымъ? не знаю, что отвѣтитъ г. Сѣверцовъ на этотъ вопросъ, а мнѣ самому прискаты на него удовлетворительный отвѣтъ очень трудно, также трудно, какъ и разрѣшить вопросъ: отчего рецензентъ, посвятивъ только двѣ съ половиною страницы разбору моихъ естественно-историческихъ рамокъ, *сдѣлалъ девять ошибокъ* въ указаніяхъ на недостатки моего труда? Рѣшить оба эти вопроса я не берусь, а скажу только, что доводы, которыми доказываетъ г. Сѣверцовъ справедливость своихъ сужденій о рамкахъ моего атласа и ихъ объясненіяхъ, *не могутъ быть признаны доказательными*. Вотъ все, что я считалъ *нужнымъ* сказать о естественно-исторической части въ рецензін г. Сѣверцова. Оставляю эту часть и перехожу къ замѣчаніямъ картографическимъ. Замѣчанія этого рода гораздо многочисленнѣе: по самому умѣренному счету число ихъ простирается до двадцати пяти; а если отнести къ нимъ совѣты, которые даетъ мнѣ авторъ, да считать отдѣльно всѣ указанія ошибокъ и пропусковъ въ размѣщеніи горъ на политическихъ картахъ, то число всѣхъ замѣчаній будетъ значительно болѣе тридцати. Изъ всѣхъ этихъ замѣчаній только весьма не многія имѣютъ характеръ болѣе или менѣе общій, т. е., относятся къ общимъ

началамъ, которыми я руководствовался въ выборѣ и способѣ выраженія свѣдѣній, при составленіи моего атласа. Къ числу такихъ указаній я отношу, напримѣръ то, что г. Сѣверцовъ говорить о малости собственно географическихъ картъ и о картѣ изаномалій; въ числѣ замѣчаній этого рода *нѣтъ ни одного спр-наго*. Всѣ же остальные замѣчанія имѣютъ характеръ болѣе частный, каждое изъ нихъ относится не болѣе какъ къ одному отдѣльному факту, представляетъ только одну ошибку, вкравшуюся при выполненіи той или другой карты. Изъ числа этого рода замѣчаній вѣрны только пять и то не вполне; одно изъ нихъ, относящееся къ Мугоджарскимъ горамъ, собственно ложно, но я отнесъ его къ вѣрнымъ, потому что въ направленіи Мугоджарскихъ горъ у меня дѣйствительно вкралась ошибка, хотя и не та, которую замѣтилъ г. Сѣверцовъ; остальные три замѣчанія, относящіяся къ границѣ дуба и къ населенію большихъ Зондскихъ острововъ и Новой Зеландіи таковы, что по поводу ихъ можно сказать только: «рецензентъ правъ, но и составитель атласа имѣлъ основаніе дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовалъ.» Но какъ бы то ни было, положимъ, что всѣ четыре ошибки указаны совершенно вѣрно; все таки надо согласиться, что изъ двадцати пяти, (по самому умѣренному счету), замѣчаній г. Сѣверцова двадцать одно оказались совершенно не вѣрными. Уже эти числа показываютъ, что выводы г. Сѣверцова построены на весьма шаткомъ основаніи. Но противъ нихъ можно привести еще и многое другое. Начать хоть съ того, что всѣ пять ошибокъ, которыя вѣрно, или почти вѣрно, указаны г. Сѣверцовымъ — только ошибки выполненія, пять отдѣльныхъ невѣрныхъ фактовъ. Удивительно-ли, что такіе недосмотры встрѣтились въ моемъ трудѣ? Конечно нѣтъ! Мой атласъ заключаетъ болѣе 32,000 однѣхъ географическихъ подписей на картахъ, стало быть содержитъ гораздо болѣе 32,000 однихъ географическихъ фактовъ, а сколько еще въ немъ фактовъ различныхъ другихъ родовъ? Поэтому нѣтъ ничего страннаго если нѣкоторые факты, въ этой огромной массѣ свѣдѣній, оказались невѣрными; просмотрѣть одну ошибку между тысячею вѣрныхъ показаній весьма возможно и извинительно. Это можно сказать обо всякомъ подобномъ трудѣ, а тѣмъ болѣе объ атласѣ, котораго только первое изданіе является въ свѣтъ; доски для всякаго новаго атласа приготавливаются вновь, и при гравированіи ихъ трудно избѣжать многихъ ошибокъ; также трудно, въ первое время, устранить и нѣкоторые недосмотры въ раскраскѣ картъ печатаемыхъ красками; только современемъ,

годами, доски исправляются, число ошибокъ на нихъ уменьшается, раскраска картъ дѣлается болѣе и болѣе правильной и, такимъ образомъ, атласъ постепенно приближается къ совершенству. Съ этой точки зрѣнія должно смотрѣть и на мой атласъ, и въ немъ, кромѣ немногихъ недосмотровъ вѣрно указанныхъ рецензентомъ, я самъ могу уже теперь указать нѣсколько невѣрныхъ фактовъ и пропусковъ.

Подобныхъ недосмотровъ въ моемъ атласѣ можно найти довольно много. Но изъ этого вовсе нельзя выводить, что онъ дуренъ. Можно только пожелать, чтобы число ихъ съ каждымъ новымъ изданіемъ его, постепенно уменьшалось. Ошибки, подобныя указаннымъ, встрѣчаются въ самыхъ лучшихъ атласахъ, и особенно многочисленны въ первыхъ изданіяхъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ достаточно сличить первыя изданія знаменитаго Hand-Atlas Штилера съ новѣйшими. А что вообще фактическіе недосмотры—явленіе, даже въ лучшихъ атласахъ возможное, это я могу сей часъ доказать, сличивъ подробную карту собственно Англіи Штилера съ такою же картою Кипперта; въ обоихъ атласахъ, на картѣ Англіи показанъ Бристоль; это конечно, городъ извѣстный, и важный; а между тѣмъ онъ у Кипперта показанъ главнымъ городомъ одного графства; а у Штилера онъ — простой городъ другаго графства, слѣдовательно мѣсто и значеніе его у одного изъ картографовъ показано невѣрно. Подобныхъ несогласій можно указать въ этихъ двухъ атласахъ довольно много. Однако оба они признаются не только хорошими, но превосходными. Изъ этого ясно видно, что на основаніи только не многихъ фактическихъ недосмотровъ, никакъ нельзя признать мой атласъ дурнымъ, составленнымъ на авось. Можно даже сказать, что если бы и всѣ этого рода ошибки указаны были г. Сѣверцовымъ вѣрно—онъ все таки не имѣлъ бы права дать о моемъ трудѣ тотъ невыгодный отзывъ, который изложенъ въ началѣ моего отвѣта, а такъ какъ другихъ основаній въ подтвержденіе этого отзыва онъ не приводитъ, то рецензію его, по крайней мѣрѣ по отношенію къ основательности картографическихъ сужденій, никакъ нельзя признать удовлетворительною и доказательною. Впрочемъ и въ другихъ отношеніяхъ картографическая часть въ этой рецензіи не можетъ быть признана удовлетворительною: она написана такъ, какъ никогда не пишутся дѣльныя рецензіи. Къ этому убѣжденію привели меня слѣдующія соображенія.

Разсматривая собственно картографическую часть моего ат-

ласа, г. Сѣверцовъ, хотя въ компетентности его я не могу и не смѣю сомнѣваться, явственно дѣйствовалъ, какъ критикъ не компетентный. Это можетъ показаться страннымъ, но между тѣмъ это справедливо. Дѣйствительно, первымъ условіемъ компетентности, во всякомъ критикѣ, считается конечно, знаніе дѣла, о которомъ онъ судить. Слѣдовательно, отъ человѣка, который берется судить учебный атласъ политической и физической географіи, условіе компетентности требуетъ, чтобы этотъ человѣкъ во-первыхъ зналъ какъ вообще составляются такого рода атласы, и во-вторыхъ имѣлъ хорошее понятіе о современномъ состояніи тѣхъ предметовъ, для изученія которыхъ атласъ назначенъ. Но въ сдѣланномъ выше разборѣ картографическихъ замѣчаній мы находимъ прямыя указанія на то, что г. Сѣверцовъ многія, и притомъ самыя важныя части своей рецензіи писалъ именно какъ человѣкъ, неимѣющий свѣдѣній этого рода. Дѣйствительно, отчего онъ нашелъ ошибки въ раскраскѣ политическихъ картъ Европы (земли непокорныхъ горцевъ), Азіи (Мисоръ и Низамъ) и Австраліи съ Полинезіей (безсмысленность цвѣтовъ)? Оттого, что рассматривая мой атласъ, упустилъ изъ виду правила раскраски, принятыя всѣми картографами, — правила, сообразно которымъ раскрашены и мои карты. Далѣе, на какомъ основаніи г. Сѣверцовъ смѣется надъ тѣмъ, что граница распространенія пшеницы, проведена черезъ Тихій Океанъ не прямолинейно, а дугообразно? Только потому, что не сравнивалъ моего атласа съ другими: не принялъ во вниманіе, что всѣ подобныя границы почти вездѣ (напримѣръ въ атласахъ Беркгауза, Бромме) проводятся такъ, какъ я ихъ провелъ. Наконецъ, отчего мои изаномаліи и нормальныя температуры показались г. Сѣверцову нелѣпыми, фантастическими? Только оттого что, рассматривая ихъ, онъ не обратилъ вниманія на современное состояніе нашихъ знаній о распредѣленіи тепла по земной поверхности; не принялъ въ расчетъ ни знаменитаго сочиненія Дове (вышедшаго впрочемъ уже въ 1852 году), изъ котораго они взяты, ни указаній на это сочиненіе, находящихся въ ученомъ трудѣ академика Веселовскаго и въ учебномъ руководствѣ академика Ленца. Эти три вопроса съ отвѣтами (ихъ впрочемъ можно бы надѣлать и больше) достаточно показываютъ, что г. Сѣверцовъ, разбирая чисто картографическую часть моего атласа, дѣйствовалъ слишкомъ самостоятельно; что доказывая не удовлетворительность моего труда онъ не стѣснялся ни правилами картографіи, ни современнымъ состояніемъ физической географіи.

Сверхъ того, я имѣю причины думать, что онъ и разсматривалъ карты не всегда съ достаточнымъ вниманіемъ. Въ этомъ убѣждаетъ меня между прочимъ и замѣчаніе его о картѣ распростра-ненія народовъ по земному шару (таблица XXIII). Онъ хулитъ эту карту за то, что она представляетъ только распространіе шести главныхъ племенъ а не народовъ; а между тѣмъ на ней указаны мѣста обитанія очень многихъ народовъ. Ясно, слѣдовательно, что тутъ г. Сѣверцовъ впалъ въ ошибку отъ недостатка внимательности при разсмотрѣніи карты. Подобныхъ указаній на невнимательность можно бы привести и много, но и приведеннаго уже достаточно, тѣмъ болѣе, что оно довольно развѣтливо.

Послѣ этого мнѣ почти ничего не остается прибавлять о рецензій г. Сѣверцова; дѣло говорить само за себя. Онъ хотѣлъ сначала доказать, что естественно-историческія рамки и ихъ объясненія никуда негодны, но вовсе этого не доказалъ. Потомъ принялся за картографическую, главную часть моего труда и доказалъ только... но что онъ доказалъ, о томъ я предоставляю судить самимъ читателямъ.

Окончиваю свой отвѣтъ, потому что отвѣчать больше не на что.

ЮЛ. СИМАШКО.

20-го февраля.

Отвѣтъ на замѣчанія г. Симашко на мою рецензію его Атласа.

Прежде всего, долженъ покаяться въ неисправности передъ читателями «Русскаго Слова», и поблагодарить г. Симашко, обязательно взявшагося исправить мой промахъ, и исполнившаго это съ полнымъ успѣхомъ. Моя рецензія была написана нѣсколько поспѣшно; общія сужденія были недостаточно связаны съ частными примѣрами недостатковъ атласа, такъ что мой приговоръ могъ казаться недостаточно оправданнымъ — вотъ моя вина передъ читателями «Слова.» А. Г. Симашко, стараясь въ своихъ замѣчаніяхъ оправдаться, далъ такія основательныя доказательства справедливости моего приговора, какихъ бы я, некомпетентный рецензентъ, и сообразить бы не сумѣлъ — какъ же не быть ему благодарнымъ, даже не смотря на его, нѣсколько желчныя сужденія о моей рецензій? Кромѣ того, въ

его антикритикѣ есть и указанія нѣкоторыхъ дѣйствительныхъ промаховъ моей рецензій; наконецъ, и научныя объясненія, весьма хорошія въ учебномъ отношеніи — именно такія, которыхъ отсутствіе въ текстѣ къ учебному атласу меня такъ неприятно поразило (что и въ рецензій отозвалось).

Зато теперь я долженъ отдать полную справедливость антикритикѣ, доказавшей лучше моего, что я справедливо осудилъ атласъ; постараюсь показать какъ г. Симашко, стараясь оправдаться, невольно дошелъ до такого высокаго самоотверженія, къ которому вовсе и не стремился.

Г. Симашко начинаетъ съ того, что въ краткихъ словахъ приводитъ мое сужденіе, и говоритъ, будто я его обвиняю въ желаніи «ослѣпить малообразованныхъ родителей (стр. 59)» — когда я, по поводу естественно-историческихъ рисунковъ его атласа, говорю, что только и можно предположить одну цѣль ихъ помѣщенія въ географическій атласъ — дать ученику понятіе о природѣ изображенной страны; эта цѣль не достигается, по недостаточности исполненія, *но мы не можемъ допустить иной*; кромѣ ея только бы и можно предположить упомянутый нехорошій расчетъ. Какъ же г. Симашко видитъ посягательство на свою честь отъ рецензента, который «не можетъ допустить», чтобы у автора атласа былъ расчетъ пустить пыль въ глаза?

Но на счетъ обвиненія въ составленіи атласа какъ-нибудь, въ неразсчетливости стремленія все помѣстить въ небольшомъ учебномъ атласѣ — мы остаемся при немъ, не смотря на антикритику г. Симашки, который, въ отвѣтъ на мое, дѣйствительно нелестное сужденіе объ его трудѣ, и самъ меня обвиняетъ вообще въ слѣдующемъ.

1) Что я легкомысленно осудилъ зоологическую часть его труда, на основаніи семнадцати неточностей, на половину мнимыхъ.

2) Что еще легкомысленнѣе осудилъ часть собственно географическую, по своему незнанію картографіи.

3) Что написалъ рецензію по неполному экземпляру.

Начнемъ съ послѣдняго пункта; г. Симашко объясняетъ, что этотъ неполный экземпляръ есть второй выпускъ: я этого не обязанъ былъ знать — я имѣлъ экземпляръ атласа, въ синей оберткѣ, безъ всякаго означенія выпуска; при немъ упоминаемый г. Симашко листокъ опечатокъ на картахъ, гдѣ сказано, что таблицы XIII, XIV, XV, XXV, XXVI будутъ замѣнены

болѣе удовлетворительными въ маѣ; причемъ карандашомъ вычеркнуть № XIV и мѣсяць, а на поляхъ карандашемъ же отмѣчено: въ ноябрѣ. Въ декабрѣ я могъ слѣдовательно считать ихъ замѣненными, чего, по видимому, нѣтъ и теперь, въ мартѣ 1860. Этотъ экземпляръ былъ добытъ у г. Кожанчикова, комиссіонера Русскаго Слова, который уполномочиваетъ и проситъ меня сказать здѣсь, что только такіе неполные экземпляры и есть у него, а на счетъ ихъ дополненія недостающими картами, или замѣны полными, онъ уже годъ хлопочетъ бесполезно, получая только общіе отзывы, что ему будутъ доставлены экземпляры исправленные *). Устраняя тутъ себя, какъ и всякаго покупателя, отъ разбирательства сношеній книгопродавцевъ съ издателемъ атласа, я предоставляю г. Симашко объясняться уже съ г. Кожанчиковымъ **), а рецензію по неполному экземпляру написалъ потому, что самое существованіе его въ продажѣ, вмѣсто полнаго, безъ означенія что это второй выпускъ, мнѣ показалось излишней безцеремонностью съ публикой. Теперь впрочемъ я отыскалъ въ другомъ магазинѣ и полный экземпляръ — и долженъ сказать, что карты перваго выпуска вообще кажутся мнѣ исполненными лучше, нежели карты втораго, какъ будто старательность издателя постепенно уменьшалась. Это предоставляю провѣрить всякому читателю; вотъ нумера этихъ картъ: I — V, VII, IX, X; во второмъ также хороши карты XI, XIII, XVI, а остальные менѣе удовлетворительны.

Это приводитъ меня къ собственно географической сторонѣ атласа, ко второму обвинительному пункту: и тутъ самая слабая сторона моей рецензіи, такъ что сдѣланное г. Симашко подтвержденіе моихъ отзывовъ, какъ нельзя болѣе кстати.

Напримѣръ на счетъ высоты Москвы, на орографической картѣ Россіи (№ XIII); г. Симашко подозрѣваетъ, что я справился съ однимъ календаремъ 1856 года, если выписалъ въ рецензіи высоту въ 400 футъ, и самъ ссылается на Записки Военно-топографическаго депо, на книгу г. Веселовскаго о климатѣ Россіи, говоря: я зналъ что Сокольники на высотѣ 812, (стр. 76 и слѣд.); почему поставилъ Москву на границѣ двухъ цвѣтовъ.

*) Показаніе г. Симашко.

***) На счетъ противорѣчій, сказаннаго здѣсь съ стр. 71 и 72 замѣчаній г. Симашко я не судья; а отзывъ г. Кожанчикова, за его подписью, я получилъ и сдать въ редакцію Русскаго Слова.

Г. Симашико объясняет свои источники: объясню и я свои, употребленные для рецензій. Увы! посыплю главу пепломъ: я и съ календаремъ не справлялся. Всѣ выписанныя мной высоты взяты изъ таблицы высотъ, помѣщенной тутъ же, на картѣ — а изъ календаря ли ихъ внести въ эту таблицу г. Симашико, — это его дѣло. А я только отмѣтилъ противорѣчіе между картою и таблицей того же листа: оправдывая первую, г. Симашико не замѣтилъ, что осуждаетъ вторую *). Но вотъ въ чемъ виновъ: мое замѣчаніе о Москвѣ такъ коротко и неясно, что можетъ показаться придиркой; здѣсь я его поясню.

Дѣло не въ маленькомъ пространствѣ кружка, представляющаго мѣсто Москвы, какъ острить на мой счетъ г. Симашико, а въ неточномъ изображеніи бассейна Оки. Тамъ Москва дѣйствительно у границы двухъ красокъ: но какихъ? Самой блѣдно-желтоватой, присвоенной высотамъ отъ 750 до 1000', и болѣе, густожелтоватой, для высотъ отъ 500 до 750. Недостаётъ желто-зеленой, для высотъ отъ 250 до 500', а долина Оки ниже этого уже съ Калуги (473'); должна бы быть хоть узкая желто-зеленая полоса по Окѣ, развѣтвляющаяся по ея притокамъ, на Москвѣ рѣкѣ до Москвы, какая показана на той же картѣ на Днѣпрѣ, между устьями Припечи и Песѣла. — Потому я въ этой картѣ и одобрилъ только способъ изображенія высотъ; неточность бассейна Оки и Киргизской степи, заставила меня подозревать и другія неточности, въ недостаточно извѣстныхъ мѣстахъ Россіи. Впрочемъ, вполне согласенъ съ г. Симашико, что при недостаточномъ количествѣ измѣренныхъ высотъ, совершенно точная орографическая карта пока невозможна; только зачѣмъ неточности именно въ мѣстахъ наиболѣе извѣстныхъ, каковъ бассейнъ Оки?

Такимъ образомъ, опроверженія моей рецензій относительно высоты Москвы, хотя содержатъ и полезныя свѣдѣнія, но показываютъ только то, что г. Симашико для своей антикритики прилежно пользовался источниками. Также ли старательно онъ справлялся съ ними для составленія критикуемой мной карты, если не избѣгъ только что указанныхъ противорѣчій? Не знаю.

*) Онъ еще замѣчаетъ, что слова моей рецензій: «Москва показана выше Усть-Урта», — опечатка. Нѣтъ; такъ на его картѣ; но 1000-футовая высота Усть-Урта не назначена на этой картѣ. Это высота мыса Мыш-су-амназъ, назначенная на картѣ Оренбургскаго края, въ масштабѣ 20 верстъ на дюймъ; а на картѣ г. Симашико Усть-Уртъ назначенъ въ 500—750' ниже Москвы.

Но еще неудачиѣ его ссылки на карту Оренбургскаго края, составленную въ оренбургскомъ отдѣленіи генеральнаго штаба, въ масштабѣ пятьдесятъ верстъ на дюймъ, изданія 1858 года. У меня нѣтъ этого изданія : но есть изданіе 1853 года, котораго точность я новѣрялъ на мѣстахъ и нашелъ весьма удовлетворительной.

Г. Симашко начинаетъ тутъ съ Усть-Урта, и относить его къ тѣмъ гипсометрическимъ вопросамъ, которые надо рѣшать приблизительно, по недостатку данныхъ. Это вѣрно относительно высоты : но онъ говоритъ объ очертаніи ; говоритъ : «рецензентъ не объясняетъ, почему онъ нашелъ это очертаніе фантастическимъ : а я знаю очень хорошо, что нанося его, пользовался всѣми извѣстными данными.» Сравнимъ же это очертаніе хоть съ двумя источниками : съ картой при книгѣ Гумбольдта о Средней Азій, и съ упомянутой картой Оренбургскаго края, 1853 года, послѣ котораго и до 1858 *) новой съемки Усть-Урта и Мугоджаръ не было, такъ что эти части Киргизской степи нанесены на карту изданія 1858 года, безъ перемѣнъ. На обѣихъ картахъ очертаніе Усть-Урта одинаково, согласно съ натурой и несогласно съ картой г. Симашко ; различаются между собою тѣмъ, что на картѣ генеральнаго штаба, сѣверо-западный чиникъ, или обрывъ, представленъ извилистымъ съ множествомъ выемокъ, каковъ онъ и въ натурѣ ; у Гумбольдта сплошнымъ, что, кромѣ отсутствія съемки въ то время, уже достаточно оправдывается и малымъ масштабомъ карты.

На обѣихъ картахъ края Усть-Урта прямо, однимъ уступомъ поднимаются надъ низкой стенью ; форма этой нагорной площади — неправильная трапеція, съ открытымъ къ сѣверо-востоку острымъ угломъ ; ея окраина начинается у верховьевъ рѣки Чагака, прямо на югъ отъ Мугоджаръ, и идетъ къ юго-западу, къ Мертвому Култуку, сѣверо-восточному заливу Каспійскаго моря ; тамъ *плыветъ у самаго берега* ; потомъ поворачиваетъ къ юго-востоку, далѣе къ югу, наконецъ къ сѣверо-востоку, къ южному концу Аральскаго моря ; тутъ крутой поворотъ къ сѣверу, и Усть-Уртъ уже составляетъ высокій западный берегъ Аральскаго моря. Между сѣверо-западнымъ угломъ этого моря и верховь-

*) Въ 1853 г. исправлена, сдѣланная еще въ 1841 г., и нанесенная на карту Базинера съемка восточной части Усть-Урта ; но эти исправленія мелки и не пошлѣли къ изданію 1858 г. 50-верстной карты Оренбургскаго края.

ямъ Чагака Усть-Уртъ спускается къ низменной стени непрямѣтной покатостью; а съ Мугоджаромъ соединяется весьма узкимъ, едва выпуклымъ водораздѣломъ (на обѣихъ картахъ низкимъ хребтомъ), который означается только вершинами дождевыхъ водомоннъ, и отдѣльными, низкими и плоскими холмами.

А на картѣ г. Симашко возвышенная площадь Усть-Урта есть продолженіе той, на которой стоятъ Уральскій хребтъ и Мугоджары; эта площадь (отмѣченная желтымъ) суживается у озера Самъ, далѣе къ югу расширяется; это южное расширение и есть Усть-Уртъ, только не настоящій; край настоящаго отъ верховьевъ Эмбы къ озеру Самъ не идетъ, а идетъ *параллельно* Эмбѣ, между ею и этимъ озеромъ, находящемся во впадинѣ самой высокой площади. Края этой желтой площади у г. Симашко и отъ Мертваго Культака и отъ запада Аральскаго берега верстахъ въ сто; въ натурѣ, у Гумбольдта, и на картѣ генеральнаго штаба эти края прибрежные. У г. Симашко эта желтая площадь обведена другой, съ параллельными краями, желтозеленой, т. е., ниже 500': вотъ эти два уступа съ параллельными краями и составляютъ фантастическое очертаніе Усть-Урта. Если уже дѣлать, при недостаткѣ гипсометрическихъ измѣреній, разные уступы въ степи, такъ желтозеленый долженъ бы упереться въ сѣверо-западной край Усть-Урта на меридіанѣ озера Самъ.

Для бѣльшей ясности, Усть-Уртъ г. Симашко скопированъ на прилагаемой картѣ посредствомъ прозрачной бумаги, и тутъ же, пунктирной линіей показано его настоящее очертаніе по упомянутымъ картамъ. Такимъ образомъ читатель можетъ судить о «невѣрностяхъ» моей рецензіи относительно Усть-Урта и Москвы, и о добросовѣстности предположенія г. Симашко, что я пользовался какими либо необнародованными источниками (стр. 78), когда я, не объясняя тогда дѣйствительно объясненную теперь фантастичность очертаній Усть-Урта, вмѣсто того сослался, для краткости, на самую общедоступную изъ изданныхъ генеральнымъ штабомъ картъ оренбургскаго края, что г. Симашко и самъ упоминаетъ, стр. 78.»

Тамъ онъ опровергаетъ меня на счетъ Мугоджаръ; трудно сдѣлать болѣе путаницы нежели видно въ его антикритикѣ.

Тамъ онъ называетъ, и правильно, Мугоджарами средній изъ трехъ хребтовъ отмѣченныхъ и на приложенной здѣсь картѣ: но на его картѣ эти горы названы Катен-Эдиръ, — и онъ самъ признается, что *Мугоджарами* назвалъ хребетъ (*вымышленный*), которымъ соединилъ отдѣльныя горы Бакыръ и

Таш-Убе!! Видѣвши тѣ мѣста, я никакъ не могъ догадаться, что г. Симашко придумаетъ такой несущестующій хребетъ, чтобы соединить двѣ горы, изъ которыхъ одна, Бакыръ, на юго-западъ отъ южнаго конца Мугоджаръ, а другая, Таш-Убе, на востокъ отъ сѣвернаго. Вотъ этотъ хребетъ я принялъ за восточную гряду Мугоджаръ, *видѣнную мной въ натурѣ*, у источниковъ Якши-Кайракты и Кайнды. Въ этихъ мѣстахъ *два* гряды показаны и на картѣ генеральнаго штаба; но показано тамъ тоже, что число грядъ *) въ различныхъ частяхъ Мугоджаръ не одинаково. За что же меня укорять въ ложномъ показаніи? За то ли, что не догадался объ изобрѣтательности г. Симашко насчетъ *несущестующихъ хребтовъ, на которые онъ произвольно переноситъ имя настоящихъ!* — по дѣломъ мнѣ за недогадливость. Но признаніе въ такихъ вымыслахъ не подтверждаетъ ли сужденія моей рецензіи?

А хребта между вершинами Ори и Илека всё таки нѣтъ въ природѣ; есть плоскій водораздѣлъ, и этотъ водораздѣлъ, у котораго еще въ 1847 году открытъ принскъ каменнаго угля, на картѣ генеральнаго штаба оттушеванъ гораздо слабѣ настоящихъ хребтовъ; эта тупевка, справедливо осуждаемая Риттеромъ, и ввела въ ошибку г. Симашко. Его же Мугоджары я называлъ *вымышленнымъ хребтомъ **)*, потому что *изъ ни въ натурѣ, ни на картѣ генеральнаго штаба нѣтъ.*

На Гумбольдтовой картѣ Средней Азіи есть оба названія, встрѣчающіяся и у г. Симашко, и Мугоджары и Катен-Эдиръ; но Катен-Эдиръ г. Симашко, на *востокъ* отъ Ори и Эмбы, у Гумбольдта *правильно* названъ Мугоджарами; а Катен-Эдиръ Гумбольдта ***) идетъ отъ Губерлинска къ Урчачу, на *западъ* отъ Ори. На картѣ генеральнаго штаба этого имени Катен-Эдира нѣтъ, и въ степи я его не слышалъ.

Но довольно о степи. Я и не придаю излишней важности этой, довольно бесполезной части нашихъ владѣній — нужно было только показать фактами, какъ добросовѣстна антикритика г. Симашко, съ своими ссылками на источники, и какъ онъ,

*) При масштабѣ г. Симашко Мугоджары могутъ быть означены только однимъ хребтомъ.

**) Кромѣ Бақыра, онъ къ этому хребту причисляетъ и Ак-дюрт-куль, — *лишь* или выступъ сѣверо-западнаго края Усть-Урта.

***) Это и есть только что упомянутый, плоскій водораздѣлъ между Орью и Илекомъ.

стараясь оправдать свой атласъ, оправдываетъ ту самую рецензію, которую желалъ бы осрамить. Онъ даетъ оружіе на себя — я пмъ пользуюсь.

Посмотримъ его другія географическія возраженія.

Я говорилъ, что нныя карты стѣснены рамками съ естественно-историческими рисунками; другія, по нѣскольку на листѣ, малы до неразборчивости. Г. Симашко считаетъ это критикой на избранный имъ форматъ, весьма достаточный, ссылается на Штилера.... А выходитъ, что при томъ же форматѣ, карты могли бы занимать болѣе мѣста на листѣ, безъ этихъ рамокъ, которыя я называлъ и считаю излишними: именно карты частей свѣта тогда были бы разборчивѣе, съ чѣмъ согласится г. Симашко, самъ же упоминающій, что у Штилера малая величина картъ вознаграждается невозможной у насъ отчетливостью исполненія... впрочемъ нѣтъ: онъ защищаетъ свое право дѣлать карты хоть *микроскопическими*, т. е., неразборчивыми, безъ полезными для учащихся (страница 68) — чтобы опровергнуть замѣчаніе, что на *избранномъ имъ форматѣ*, но безъ рамокъ съ рисунками, карты были бы больше и явственнѣе.

Я еще говорю: объясненія красокъ, имѣющихъ условное значеніе, часто не достааетъ, пли, при этомъ объясненіи недостааетъ образчиковъ цвѣтовъ, а просто — какіе-то обведенные чертой прямоугольнички.

Я, для краткости, не сказалъ на какихъ именно картахъ эти прямоугольнички, такъ какъ ихъ всякій можетъ найдти, просматривая атласъ. Г. Симашко воспользовался этимъ умолчаніемъ, и отнесъ (произвольно) это замѣчаніе къ своимъ географическимъ картамъ, вѣроятно Франціи, Англіи и Италіи; такъ какъ на остальныхъ картахъ образчики цвѣтовъ есть. У Штилера, говоритъ онъ, никакихъ образчиковъ цвѣтовъ нѣтъ; цвѣта ясны сами собой; что свѣтлѣе, то выше. Согласенъ. Но если г. Симашко счелъ нужнымъ дать эти образчики, такъ замѣна ихъ пустыми прямоугольничками на нѣкоторыхъ картахъ есть *небрежность*, потому что одинъ и тотъ же цвѣтъ присвоенъ на разныхъ картахъ неодинакимъ высотамъ: — хотя конечно можно отчасти угадать значеніе цвѣтовъ и безъ образчиковъ, по сравненію съ картами гдѣ образчики есть, и по цифрамъ высотъ при прямоугольничкахъ.

Точно также на политической картѣ Великобританіи: Англія, Шотландія, Ирландія не надписаны, и различены цвѣтами; не надписаны и на физической картѣ. Образчики этихъ условныхъ

цвѣтовъ не даны; но ихъ можетъ замѣнить всякій учитель. Тогда къ чему пустые квадратики? развѣ они не небрежность составителя, хотя бы и мало вредящая дѣлу?

Но худшая путаница цвѣтовъ встрѣчается на таблицѣ XXV и XXVI. Ихъ и г. Симашко обѣщалъ замѣнить: но какъ? при экземплярахъ билета на эту замѣну не дается. О срокахъ замѣны, по имѣющемуся у меня листку опечатокъ на картахъ, я уже говорилъ; только и послѣдній пропущенъ — а это опять небрежность, непозволительная безцеремонность съ публикой. Да какъ могли подобныя карты явиться въ продажѣ? какъ рѣшился ихъ составитель, не краснѣя, выпустить въ свѣтъ? До общаемой замѣны, какъ и послѣ нее, эти таблицы монументальныя доказательства труда какъ *каждо* и на *авось* ихъ составителя. Не его вина, если литографъ ихъ плохо сдѣлаетъ, но *его* вина, что эти оттиски такъ и выпущены, а не сожжены: почему, не смотря на упомянутое обѣщаніе замѣны, я считаю себя вправѣ сказать два слова объ этихъ картахъ. Промахи вотъ какіе.

На зоологической картѣ Европы напимѣръ (таблица XXV) всѣ границы оленя настоящаго названы полярной границей; полярная граница тигра проведена на западъ до Гибралтарскаго пролива, между тѣмъ такъ западнѣе меридіана Тифлиса тигръ и не забѣгаетъ, и т. д. На картѣ распространенія лѣсовъ и предѣловъ воздѣлыванія хлѣбовъ показаны полярныя предѣлы разныхъ породъ *деревьевъ* — а вовсе не распространеніе *лѣсовъ*, для котораго бы нужно разграничить лѣсистыя и безлѣсныя (тундры, степи) части Европы.

За то нѣтъ и предѣловъ *хлѣбовъ*, кромѣ общаго предѣла хлѣбопашества. Въ уголку написано: «мѣста разведенія шелковицы для шелковаго червя» — знака этихъ мѣстъ нѣтъ и самыя мѣста на картѣ не назначены. На картѣ мѣстъ воздѣлыванія замѣчательнѣйшихъ растений должны быть условныя знаки для льна, конопли, свекловицы, винограда, табаку, шелковичнаго червя — всего шесть; вмѣсто ихъ три цвѣтныя пятна, одно для льна, два одинакихъ для винограда и шелковаго червя, которые далеко не вездѣ разводятся вмѣстѣ. За то и на картѣ ровно ничего не разберешь.

Довольно понятны тутъ карты плотности населенія, распространенія тепла, и этнографическая; зато порядочная путаница цвѣтовъ на этнографической картѣ Россіи — а на картѣ культурныхъ растений и объясненіе цвѣтовъ плохо помогаетъ. Впрочемъ тутъ неудовлетворительность картъ дѣйствительно болѣе

зависитъ отъ техническаго выполненія, чѣмъ на таблицѣ XXV; но относительно льна нужно угадывать, что г. Симашко отмѣтилъ не всю его область въ Россіи, а только мѣста, гдѣ онъ, сверхъ домашняго потребленія, еще продается въ большомъ количествѣ, прядей или сѣменемъ. Относительно же табаку, напрасно въ числѣ мѣстъ, производящихъ его, не помѣщены Крымъ и Закавказье, дающіе лучшій въ Россіи табакъ. Наконецъ, самый способъ означенія этихъ областей растений не совсѣмъ ясенъ и нагляденъ.

Далѣе г. Симашко торжествуетъ по поводу моихъ замѣчаній о непокорныхъ горцахъ, Низамѣ и Мисорѣ, раскраскѣ Австраліи и уличаетъ меня въ незнаніи картографіи. Замѣчанія мои о горцахъ и Низамѣ дѣйствительно опрометчивы; защищать ихъ не буду. Но не то объ Австраліи. Тутъ краски и по второму правилу значенія не имѣютъ: потому что все еще можно спросить, что это за граница въ Новой Гвинее. Голландскихъ владѣній? но у голландцевъ тамъ только факторіи на берегу; также и въ Борнео. Тутъ краски просто ненужны. Да и вообще на политическихъ картахъ покрытіе областей и государствъ сплошнымъ красками мнѣ кажется излишней пестротой, вредящей ясности карты, и дающей поводъ къ недоразумѣніямъ. Старинный способъ цвѣтныхъ границъ чуть ли не лучше.

Съ моимъ замѣчаніемъ, что густота раскраски многія политическія карты дѣластъ неясными, соглашается и г. Симашко.

Зато странно его оправданіе въ томъ, что многія горы и хребты выпущены на политическихъ картахъ, чтобы дать мѣсто надписямъ, а отчасти помѣщены, чтобы приурочить города и границы областей къ горамъ, помѣщеннымъ на физическихъ картахъ. Что же значать? что эти пропуски сдѣланы нарочно. Но развѣ этимъ опровергается мое замѣчаніе, что лучше бы, вмѣсто пропусковъ, принять способъ означенія хребтовъ, не мѣшающій надписямъ, хоть бы гумбольдтовъ, а современный нѣмецкій, дающій болѣе полное понятіе о рельефѣ *) страны, ограничить физическими картами.

И тутъ, опять, не будь стѣснены карты своими рамками, было бы мѣсто и для хребтовъ безъ пропусковъ, и для именъ.

*) Кстати: гумбольдтовъ способъ отвергнуть г. Симашко, потому что не довольно отличаетъ хребты отъ надписей!!! (стр. 84). Что это, шутка что ли?

Далѣе г. Симашко говоритъ о Москвѣ и Киргизской степи, что мы уже рассмотрѣли; потомъ отвѣчаетъ на мои замѣчанія объ его картѣ распространенія животныхъ. Я нахожу ошибку въ томъ, что названія кабарги, тигра, льва, напечатаны не тамъ, гдѣ эти звѣри характеризуютъ фауну, а тамъ, гдѣ проходятъ крайніе предѣлы ихъ распространенія. И это, говоритъ онъ не ошибка, и не небрежность, а сдѣлано нарочно: мѣста, гдѣ напечатаны эти имена, должны замѣнять не нанесенныя границы! что г. Симашко называетъ своей системой! Читаемъ и не вѣришь такой системѣ; хорошо, что онъ ее объяснилъ — а по картѣ она непонятна; и этому объясненію, какъ многимъ другимъ, не мѣшало бы быть при атласѣ. А система состоитъ вотъ въ чемъ: эта карта, какъ сказано и въ текстѣ, заимствована изъ книги Шмарды (довольно посредственной компиляціи, но полезной по многочисленнымъ библиографическимъ указаніямъ и по немѣнѣю лучшей). У Шмарды показаны зоологическія области и предѣлы нѣкоторыхъ животныхъ, которыя и названы на его картѣ; названія помѣщены у предѣльныхъ линий. Г. Симашко изъ этихъ предѣльныхъ линий немногія удержалъ, остальные выпустилъ, а названія животныхъ оставилъ на тѣхъ же мѣстахъ какъ и Шмарда — но эти названія такъ и попали въ области, гдѣ означаемыя ими животныя рѣдки и области не характеризуютъ. Тутъ небрежность въ отсутствіи пояснительнаго текста, безъ котораго такая карта непонятна и бесполезна; указаніе родины при рисункахъ животныхъ не замѣняетъ объясненія значенія карты, а только приводитъ въ недоразумѣніе своихъ, хоть и кажущихся, противорѣчіемъ съ картою. Недоразумѣніе увеличивается оттого, что названія нанесены одинаковымъ образомъ на этнографической картѣ XXIII таблицы, гдѣ они должны означать *мѣсто жительства*, и на зоологической той же таблицы, гдѣ они уже означаютъ *границы*. А что я не счелъ писанія народныхъ именъ на картѣ за изображеніе ихъ распространенія — виновать; я и теперь вижу ихъ столько, что эти имена можно только считать за *образчики* каждаго племени, записанные на картѣ — хотя и согласенъ, что это простое записываніе народовъ на мѣстахъ ихъ жительства лучше, чѣмъ разноцвѣтная путаница этнографической карты на таблицѣ XXVI.

Что же касается до дѣленія племенъ, которое я назвалъ измѣненнымъ Блуменбаховымъ, а г. Симашко системой академика Бэра, то самъ академикъ Бэръ называетъ свою систему, какъ и

я, измѣненной Blumenbachовой *); измѣненной болѣе точнымъ разграниченіемъ племень и прибавленіемъ племени австраійскаго?

Наконецъ, мое замѣчаніе объ австраійскихъ неграхъ въ Новой Зеландіи г. Симашко называетъ устарѣлымъ. Отсылаю его къ новѣйшей, 1859 года, статьѣ академика Бэра: *Ueber Papuas und Alfugen* въ запискахъ академіи. Тамъ онъ найдетъ критику тѣхъ новыхъ этнографическихъ работъ, которыми руководствовался; найдетъ, что батты Суматры и даяки Борнео ближе къ малайскому племени, чѣмъ къ австраійскому, хоть и не настоящіе малайцы; что альфуровъ на грядѣ острововъ отъ Явы до Тимора нѣтъ, а есть на Целебесѣ, Цераскѣ, Вайгю, отчасти въ Новой Гвинее и на Манилѣ (Negritos); что высшее сословіе новозеландцовъ имѣетъ чисто полинезійскій типъ, низшее, меньше ростомъ, темнѣе, безобразнѣе — но эти аналогіи съ австраійцами еще недостаточны для племеннаго различенія сословій, и низшее вѣроятно тоже полинезійцы, только искаженные нищетой.

Затѣмъ — поясненія насчетъ индоевропейскаго племени; тутъ есть признаніе 2) *четыре* семейства, имѣющія въ Европѣ мало представителей названы *однимъ* общимъ именемъ индоевропейскаго. У какихъ же ученыхъ, «которыхъ авторитетъ неподлежитъ сомнѣнію,» г. Симашко нашель, что малочисленность въ Европѣ есть признакъ этнографическаго семейства? и у какихъ, что семейство славянское, германское, романское не суть подраздѣленія индоевропейскаго? Всѣ они, говоритъ онъ 3) совершенно разрознены, а отнесены къ одному племени, западному или кавказскому. Такъ; но это племя, особенно по характеру языковъ, дѣлится на *доль* главныя отрасли, индоевропейскую и семитическую. А перенесеніе названія цѣлой отрасли на часть ея остается неточностью, не смотря на оправданіе г. Симашко.

Затѣмъ карта распространенія хлѣбныхъ растений и деревьевъ, таблица XXIV. Г. Симашко оправдываетъ эту карту сперва тѣмъ, что она цѣликомъ взята изъ атласа Бромме къ Гумбольдтову Космосу, что она выражаетъ взгляды великихъ знатоковъ ботанической географіи, Гумбольдта и Шоу. Полно такъ ли? можно ли назвать выраженіемъ ихъ взглядовъ означеніе, отчасти невѣрное, границъ нежногихъ растений? Вѣрю, что

*) Въ антропологической части Русской Фауны, изданной г. Симашко.

г. Симашко на этой картѣ не надѣлалъ своихъ ошибокъ, а скопировалъ ошибки Бромме: такъ зачѣмъ ихъ не исправить? Для этого нужна вновь ученая разработка всѣхъ матеріаловъ — насчетъ границы дуба, помѣщаемой во всякомъ учебникѣ! для того, чтобы провести её на $\frac{1}{4}$ вершка южнѣе! И эта граница будто исправлена показаніемъ текста къ таблицѣ XIII, что дубы водятся въ южной части восточной Сибири — которая считается отъ Енисея; а дубъ водится только по Амуру, спорадически, начиная съ южнаго ската водораздѣла между Шилкой и Витимомъ. Тутъ не исправленіе, а простое противорѣчіе одной карты съ текстомъ другой.

Далѣе о пшеницѣ — если и Беркгаузъ провелъ ея границу по морю, и на морѣ загнулъ къ Югу вмѣсто прямой линіи — такъ неправъ и Беркгаузъ. Такой загибъ понятенъ въ одномъ мѣстѣ, чтобы исключить Камчатку изъ областей, гдѣ растутъ пшеница, но вовсе не нуженъ посреди океана: да и вообще нечего проводить по морю границъ сухопутныхъ животныхъ и растений (хоть это и дѣлается), кромѣ того случая, когда какая-нибудь граница совпадаетъ съ извилистымъ берегомъ, который тогда весь обводится чертой, пдущей по морю; такъ, на Средиземномъ морѣ южная граница настоящаго оленя въ Европѣ.

Еще на счетъ той же границы: граница тѣхъ мѣстъ, гдѣ пшеница имѣетъ хозяйственную важность, кажется нужнѣе на учебной картѣ, чѣмъ крайній предѣлъ, гдѣ пшеница не возвращается сѣмянъ. И граница виноградины такъ и проведена, на той же картѣ — черезъ предѣлы *винодолья*, а не роста вообще винограда на открытомъ воздухѣ, который встрѣчается и въ Бельгій и въ Англіи, на сѣверъ отъ назначенной границы.

Наконецъ, различіе озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ не то, что различіе разновидностей картофеля, потому что зависитъ отъ болѣе существенныхъ географическихъ, именно климатическихъ условій. (Замѣчаніе г. Симашко, стр. 83.)

Далѣе, г. Симашко оправдываетъ гречиху въ Гижигинской тундрѣ — тѣмъ, что у него общая граница для гречихи и картофеля. Да зачѣмъ же онъ скопировалъ хоть отъ Бромме такую невѣрность, какъ общая граница для гречихи и картофеля, имѣющихъ весьма различное распространеніе? Да и картофель въ Гижигинской тундрѣ! Есть свѣдѣнія о картофелѣ въ Якутскѣ и южной Камчаткѣ — такъ черезъ эти мѣста и проводи границу, минуя Гажигу, гдѣ никто, сколько извѣстно, картофе-

ля не разводилъ. Зато извѣстно, что южнѣе, въ Охотскѣ и Аянѣ, огородовъ нѣтъ, земледѣлія тоже *).

Наконецъ — самое грозное замѣчаніе на счетъ изотермъ и изаномалій. Винюсъ въ томъ, что не читалъ изслѣдованія Дове, изъ котораго взята эта карта (таблица XXIII), почему и не говорилъ объ изаномаліяхъ, а только объ извѣстныхъ мнѣ изотермахъ; но какъ же г. Симашко не объяснилъ построение этой карты при самомъ атласѣ, даже не сослался на учебникъ физической географіи академика Ленца, болѣе доступный нашимъ учителямъ, чѣмъ трудъ Дове? Развѣ для того, чтобы сдѣлать изъ этой карты ловушку рецензентамъ, въ которую я и попался? Хороша цѣль учебной карты. А между тѣмъ, при *полномъ отсутствіи объясненія*, замѣненнаго простымъ указаніемъ книги Дове, г. Симашко два раза на одной страницѣ (стр. 86—87) отсылаетъ меня къ этому объясненію, несуществующему въ атласѣ! Читаешь и глазамъ не вѣришь; а за объясненіе, данное въ антикритикѣ, благодаренъ, только не могу принять этихъ нормальныхъ температуръ, хотъ бы вычисленныхъ самимъ Дове, за настоящее выраженіе распредѣленія теплоты на землѣ. Это искусственный приемъ, имѣющій свою цѣль; но гумбольдтово дѣленіе климатовъ на приморскіе и материковые мнѣ кажется ближе къ природѣ, хотя и не допускаетъ такой точной границы **), какъ изаномалія 0, или линія нормальной температуры. И въ нормальныхъ температурахъ Дове мнѣ не понравились именно ихъ искусственность, по которой изаномалія 0 настоящей климатической границы не составляетъ: почему и лучше бы не дѣлать ее такой, а просто назначать на картѣ изотермы и годовыя изаномаліи, безъ различенія пространствъ, гдѣ температура выше и ниже нормальной, слѣдовательно и безъ приведенія Перми въ одну климатическую область съ Лондономъ. И во

*) Мнѣ извѣстно отъ бывшаго тамъ консерватора академическаго музея, г. Вознесенскаго.

**) Я еще желалъ, вмѣсто изаномалій, разграниченія лѣтнихъ и зимнихъ дождей; это, говорятъ г. Симашко, имъ и сдѣлано для Европы, — по его плану Европу представлять подробнѣе, хотя не вижу причинъ, почему бы это разграниченіе выпустить на общей картѣ дождей; тутъ планъ недостаточно оправданъ и произволенъ. Эта общая карта, на таблицѣ III, чуть ли не взята изъ Беркгауза, но на ней можно бы исправить хоть ошибку на счетъ истоковъ Амура, неправильно показанныхъ въ области бездождья; въ томъ краю еще Палласъ наблюдалъ противное. На Шилкѣ и дождя и снѣга довольно; на Аргуши дождя мало, но снѣга обильны.

всякомъ случаѣ, повторю, объясненіе изаномалій въ текстѣ атласа было нужно, а отсутствіе его есть упущеніе.

А на счетъ того, что г. Симашко говоритъ объ моихъ метеорологическихъ занятіяхъ, такъ отвѣчу ему, что я занимался наблюденіями вліянія климата на животныхъ, и тутъ-то и нашелъ, что среднія температуры и другія искусственныя формулы чистой метеорологіи для *прикладной* имѣютъ очень мало значенія; почему и не слишкомъ интересовался этимъ трудомъ.

Въ двухъ словахъ: изаномаліи составляютъ хорошее и полезное дополненіе къ изотермамъ, но главнымъ основаніемъ климатологическаго раздѣленія земли быть могутъ только въ спеціальному трудѣ объ нихъ, какъ у Дове, а никакъ не въ учебномъ атласѣ, какъ у г. Симашко — и сдѣланный ему за то въ моей рецензіи упрекъ, что онъ тутъ не сообразилъ различія между ученой монографіей и учебнымъ атласомъ, я продолжаю считать справедливымъ, не смотря на то, что онъ въ рецензіи не хорошо изложилъ, съ неосторожными выраженіями (фантастическая норма, вмѣсто искусственная норма).

Такимъ образомъ, г. Симашко дѣйствительно уличилъ меня только въ необдуманномъ сужденіи о раскраскѣ земель кавказскихъ горцевъ и покровительствуемыхъ въ Индіи, въ чемъ я и самъ признался, да еще въ нечитаніи книги Дове и въ необдуманномъ же употребленіи слова: фантастическая норма вмѣсто искусственная; вотъ и всѣ недостатки моей рецензіи, относительно географической части атласа. Конечно, не правъ я, что они есть: но доказалъ ли онъ тѣмъ, что его атласъ хорошъ, что мое строгое сужденіе не вѣрно? Читатель могъ оцѣнить достоинство его оправданій. Кстати еще: карту XIII и XIV обѣщано переименовать; но XIII между тѣмъ г. Симашко защищаетъ, что она совсѣмъ вѣрна *); мы, и доказавши ея неточности, сказали, однако, что она, по отдѣлкѣ, все-таки изъ лучшихъ въ атласѣ. Карта XIV, если и не такъ удовлетворительна въ техническомъ отношеніи, зато *единственная* политическая карта атласа, на которой въ раскраскѣ выражена мысль, а не бесполезная пестрота: тамъ Россія раздѣлена на части, по господствующимъ отраслямъ промышленности.

*) Можетъ быть, онъ и говоритъ уже объ исправленной; но по поводу карты XV, онъ говоритъ, какъ и я, объ не-исправленной. Впрочемъ, изъ антикритики (о Москвѣ, Мугоджарахъ) видно, что и на исправленной картѣ XIII будутъ тѣже невѣрности: тогда въ чемъ исправленіе?

Перейдемъ теперь къ зоологической части. Г. Симашко отвергаетъ мои частныя замѣчанія, но совсѣмъ умолчалъ о главномъ упрекѣ, что всѣ эти рисунки на рамкахъ бесполезны, необдуманно помѣщены въ атласъ, напрасно занимаютъ мѣсто, во вреду изданію. А про зоологическую часть я сказалъ, что *все* рисунки, не только семнадцать, невѣрны, ничему не научать; да и текстъ даетъ слишкомъ отрывочныя, не держащіяся въ памяти свѣдѣнія, такъ, что и онъ напрасно занимаетъ мѣсто географическихъ поясненій.

На счетъ рисунковъ г. Симашко, какъ увидимъ, самъ подтверждаетъ въ антикритикѣ мой общій выводъ, и, цовидимому чувствуя это, обращается въ концѣ своихъ замѣчаній къ авторитету Беркгауза, говоря, что и тотъ помѣстилъ въ своемъ атласѣ неточные рисунки, что изъ его тридцати трехъ изображеній животныхъ половина невѣрна — а атласъ считается классическимъ. А у меня, говоритъ г. Симашко, четыреста пятьдесятъ рисунковъ: такъ невѣрности извинительны (стр. 90, 91).

Не имѣю теперь въ рукахъ атласа Беркгауза, по которому, уже давно, отчасти учился физической географіи; но, сколько помню, къ Беркгаузу чуть ли не примѣняются слова моей рецензіи: «понятны эти рисунки при картахъ зоологической и ботанической географіи (Русское Слово 1860 года, I, Библиографія, стр. 102); на что указываетъ и малое число помѣщенныхъ рисунковъ. Но тогда они имѣютъ и очень мало значенія въ огромномъ трудѣ Беркгауза, хотя и составляютъ не достоинство, а недостатокъ, по своему качеству. А у г. Симашко, гдѣ эти изображенія и текстъ къ нимъ играютъ болѣе важную роль — важнѣе и ошибка — на столько, на сколько четыреста пятьдесятъ болѣе тридцати трехъ.»

Г. Симашко говоритъ, что я взялся доказать неудовлетворительность зоологической части его труда и не доказалъ. Это было бы правильно, если бы я основывалъ свое мнѣніе на семнадцати плохихъ рисункахъ изъ четырехъ-сотъ пятидесяти, *какъ мнѣ*; эти семнадцать приведены не какъ основаніе мнѣнія, а какъ подтвердительные примѣры *). Мнѣніе же основано на томъ, что не семнадцать, а слишкомъ двѣ трети всего числа рисунковъ плохи, и всѣ излишни, всѣмъ не мѣсто въ географическомъ атласѣ. Да и какое тутъ сужденіе? какія доказательства

*) У меня сказано: естественно-историческіе рисунки понятіе объ изображаемомъ предметѣ даютъ рѣдко (тамъ же, стр. 101).

на счетъ достоинства рисунковъ? Тутъ выраженіе факта, и всякій желающій можетъ посмотрѣть атласъ и согласиться или не согласиться со мной. Я вижу теперь дверь и говорю: она окрашена въ бѣлую краску — а доказывать этого не буду, но скажу: посмотрите. Вотъ отзывъ о ненужности этой зоологической части уже болѣе похожъ на сужденіе; къ нему еще возвратимся. Во всякомъ случаѣ, что нужно г. Симашко? Чтобы мой зоологическій отзывъ былъ доказательнымъ? Чтобы я перечислилъ всѣ четыреста пятьдесятъ рисунковъ и для каждаго указалъ недостатки, и его, и текста къ нему? Тогда, вмѣсто краткой библиографической статейки, пришлось бы написать книгу, да еще прескучную — и все таки эта книга не забавила бы желающаго купить атласъ отъ труда посмотрѣть его — потому что я не берусь своимъ мнѣніемъ замѣнять собственные глаза каждаго читателя. Какъ всякій рецензентъ, понимающій значеніе рецензій, я говорю: вотъ мое мнѣніе, и при осмотрѣ или чтеніи книги вотъ на что обращайтесь вниманіе для оцѣнки ея, для повѣрки моего мнѣнія, напримѣръ, на такія-то вещи — и привожу примѣры; словомъ, рецензія не *диктуетъ* рѣшенія публики, а даетъ нѣкоторые *элементы* для этого рѣшенія, сколько ихъ найдетъ рецензентъ.

Это азбучныя истины; чего же хочетъ г. Симашко съ своими требованіями доказательности? что, и кому доказывать? Автору, что-ли, что его трудъ плохъ? Не для него, опять повторю, пишется рецензія; онъ не судья, да и рецензентъ тоже; рецензентъ адвокатъ, а судья публика, для которой критики и пишутся, и подробныя и краткія. А я высказалъ впечатлѣніе, произведенное на меня атласомъ; пояснилъ примѣрами, какъ и почему оно вышло такимъ — и доказательства, кому нужно, попросилъ помскать въ атласѣ. Что жъ? при разборѣ оправданій его автора подтвердилось, что эти доказательства тамъ и есть; ихъ нашелъ и высказалъ самъ г. Симашко.

Этимъ я не хочу сказать, чтобы критика могла вовсе обходиться безъ доказательствъ; разбирая логическіе выводы, критика обязана доказать ихъ вѣрность или невѣрность. Только совсѣмъ другое дѣло — карты, рисунки, присутствіе или отсутствіе географическаго пояснительнаго текста (списки государствъ, городовъ и пр. я такимъ не считаю) — тутъ нечего доказывать, потому что нѣтъ логическихъ выводовъ, а отзыву приходится быть основаннымъ на свидѣтельствѣ чувствъ, именно зрѣнія. Помѣщаетъ ли критикъ сличеніе хоть атласа съ его ис-

точниками въ рецензію, или, для краткости, говорить объ одномъ разбираемомъ трудѣ — въ обоихъ случаяхъ доказательствъ нѣтъ и быть не можетъ, а простое изложеніе: вотъ, что я замѣтилъ — а читателю предоставляется самому посмотрѣть или повѣрить критику на слово, что онъ дѣйствительно это замѣтилъ. Въ подобномъ случаѣ нечего осуждать рецензента за его впечатлѣнія; можно за недосмотры, за сбивчивое изложеніе; въ такихъ промахахъ я признаюсь, и читатель видѣлъ, важны ли они, могутъ ли имѣть какое нибудь вліяніе на мнѣніе о достоинствѣ атласа — вѣдь дѣло въ немъ, а не въ моихъ обмолвкахъ.

Мнѣ приносятъ плохой сапогъ — или плохой рисунокъ — я говорю: онъ сдѣланъ какъ нибудь, на авось. Сдѣлавшій отвѣчаетъ: неправда, онъ сдѣланъ очень старательно, по принятой мною системѣ.

Я судилъ по результату, по произведенію; я не могу съ нимъ спорить, не видѣвши, какъ онъ работалъ; что же мнѣ остается сказать? Жаль, что лучше не умѣете, а взялись за это дѣло. Вотъ гдѣ сужденіе, основанное, впрочемъ, тоже на чувственномъ впечатлѣніи — и если отзывъ о небрежности не нравится г. Симашко, я готовъ замѣнить его отзывомъ о неумѣньи хорошо составить учебный географическій атласъ.

Однако, посмотримъ мои девять неточностей на счетъ зоологической части атласа.

Сперва г. Симашко на четырехъ слишкомъ страницахъ оправдываетъ рисунокъ англійской лошади, про который я сказалъ, что стати порочны, заднія ноги короче переднихъ. Такъ на взглядъ и кажется; нуженъ циркуль, чтобы показать иное. Я самъ рисую животныхъ, дѣлалъ и такіе рисунки, на которыхъ съ циркулемъ настоящія стати отыскать можно, иначе нельзя — но уничтожалъ ихъ, потому что такіе рисунки не наглядны. Г. Симашко думаетъ, что я укоряю текстъ за то, что въ немъ есть свѣдѣнія, не изображенныя на рисункѣ, и сравниваетъ эти свѣдѣнія съ свѣдѣніями о томъ, что шелковый червь вывезенъ изъ Китая, а убивается жаромъ, говоря иронически, что я, значить, требую исключенія и послѣднихъ свѣдѣній изъ текста. Это насмѣшка надъ читателемъ. Привезеніе червя изъ Китая нарисовать нельзя; тутъ текстъ — дополненіе къ рисунку: но когда текстъ говоритъ о формахъ лошади, а рисунокъ ихъ не изображаетъ — такъ можно сказать, что такого рисунка помѣщать не стоило. А про текстъ я сказалъ, что онъ не объясняетъ въ чемъ достоинство англійской лошади; не объясняетъ

даже и такъ, какъ объяснено бойное достоинство дургамскаго быка; вотъ къ чему относится мой вопросъ: какіе размѣры? Тутъ не нужно подробныхъ измѣреній, а только означеніе статей, хоть какъ сдѣланное для дургамскаго быка, хотя и къ послѣднему не мѣшало бы прибавить, почему профиль туловца въ видѣ прямоугольника есть идеальскій скотоводовъ при разводеніи скота на мѣсо: потому что эта форма самая удобная для сочетанія большаго количества мяса съ малымъ объемомъ костей.

И выходитъ, что г. Симашко, защищая свой текстъ объ англійской лошади, что въ немъ полезны свѣдѣнія о вещахъ наглядныхъ, но на рисунокѣ не изображенныхъ, о формѣ лошади — осуждаетъ рисунокъ, какъ бесполезный. На что рисунокъ предмета, дающій о немъ менѣе ясное понятіе, чѣмъ три строчки текста? Опять благодарю его за подробное подтвержденіе моихъ немногихъ строкъ на многихъ страницахъ. Да, г. Симашко сравниваетъ еще свою лошадь съ памятникомъ Петра Великаго (!), говоря, что по моему и у послѣдняго ноги уродливо коротки. Тутъ уже только прошу взглянуть на его рисунокъ, и припомнить памятники.

Важнѣе тутъ объясненія о пользѣ зоологическихъ рисунковъ; г. Симашко хочетъ доказать, что для неучившихся зоологіи полезны и тѣ свѣдѣнія, которыя онъ даетъ о вліяніи человѣка на дикихъ животныхъ при превращеніи ихъ въ домашнія. Въ этой части его зоологическихъ рисунковъ есть хоть цѣль; но если бы она и достигалась *), то г. Симашко могъ помѣстить (можетъ быть и помѣстить) эти свѣдѣнія въ изданномъ имъ учебникѣ зоологіи, а не въ географическомъ атласѣ, гдѣ они также умѣстны, какъ отрывочныя замѣтки о снаряженіи греческихъ глаголовъ въ древней исторіи, или, еще лучше, въ текстѣ къ историческимъ картамъ. Иное дѣло отношеніе животныхъ къ землѣ, къ почвѣ, климату, растительности: тутъ зоологія со-

*) А для достиженія ея нужны хорошіе, отчетливые рисунки домашнихъ животныхъ и ихъ дикихъ родоначальниковъ; доказательства, что происхожденіе домашнихъ животныхъ именно отъ этихъ дикихъ — вѣроятно въ всякой другой гипотезы о происхожденіи домашнихъ животныхъ, и, наконецъ, объясненіе происшедшихъ измѣненій. Все это, затрудняющее такихъ ученыхъ какъ Кювье, потому что вопросъ о происхожденіи животныхъ еще спорный, долженъ сдѣлать учитель географіи или даже и ученикъ, чтобы научиться по атласу г. Симашко! Но для людей, способныхъ это сдѣлать, текстъ и рисунки атласа ненужны, для неспособныхъ — бесполезны.

прикасается съ географіей; а на счетъ вліянія человѣка на домашнихъ животныхъ — нисколько.

Г. Симашко можетъ сказать, что п въ его атласѣ зоологія правильно касается географіи, благо онъ упоминаетъ родину изображаемыхъ животныхъ и растений — но эти отрывочныя замѣтки не что иное, какъ обремененіе памяти учащагося. Что онъ узнаетъ изъ того, что двуутробки водятся преимущественно въ Австраліи, когда ни рисунокъ, ни текстъ не даютъ ему понятія о двуутробкѣ? Г. Симашко издалъ учебникъ зоологіи; помнится, тамъ много политипажныхъ изображеній, можетъ быть и лучшихъ, чѣмъ въ географическомъ атласѣ; надѣюсь, что тамъ тоже упомянута и родина описываемыхъ животныхъ. Если этого нѣтъ, такъ географическій атласъ не мѣсто, чтобы дополнять упущенія учебника зоологіи; если есть, такъ нечего въ немъ повторять какъ нибудъ то, что въ учебникѣ зоологіи того же автора исполнено болѣе удовлетворительно. Не такой текстъ, не эти рисунки, а объясненіе построенія картъ распространенія животныхъ и растений, да краткая характеристика этихъ областей, какъ текстъ къ изображающимъ ихъ картамъ — вотъ что было бы полезно въ учебномъ географическомъ атласѣ, и чего нѣтъ въ атласѣ г. Симашко. Только — подобныя объясненія требуютъ больше труда, чѣмъ написать отрывочныя замѣтки и отдать въ литографію плохіе рисунки. А признанія въ плохости рисунковъ въ антикритикѣ г. Симашко повторяются то и дѣло, вмѣстѣ съ нападками на мою рецензію. Прослѣдимъ первыя, не обращая вниманія на послѣднія; одно признаніе, на счетъ лошади, уже нашлось.

Напримѣръ, «лисица крестовка отличается отъ обыкновенной только темною полосой, эта полоса сдѣлана на моемъ рисункѣ довольно ясно (она идетъ по мѣсту соединенія шеи съ туловищемъ) (стр. 63).» А на этомъ мѣстѣ у всякаго звѣря и есть и рисуется *тыль*, (напримѣръ у шакала, таблица XIII, гдѣ она явственнѣе), которую теперь г. Симашко, благо она темнѣе прочей тушовки, называетъ полосой и признакомъ лисицы крестовки. Рисунокъ бесполезный.

Тутъ же: «фигура похожа на гуахаро на сколько можетъ быть похожъ рисунокъ въ очень маломъ масштабѣ... признаковъ искать нечего.» — Къ чему же рисунокъ, педающій понятія о гуахаро, неописанномъ и въ текстѣ? А мнѣніе, что признаковъ птицы изображать нечего, потому что классификаціи мѣняются: это что? И такія вещи пишетъ авторъ зоологическаго учебника.

Далѣе: побю парагвайскій (въ рецензіи тутъ опечатка) — не броненосецъ, потому что тотъ Dasypus, а это Euphraste. Названіе побю непонятно простымъ смертнымъ, не специалистамъ, которыхъ недоумѣніе я и выразилъ, самъ недостаточно зная животныхъ южной Америки, такъ какъ ими специально не занимался, кромѣ кошекъ. Такихъ недоумѣній учебная книга возбуждать не должна. Далѣе насчетъ *Palamedea chavaria* замѣчанія о ея признакахъ, хохолкѣ и бодцахъ. Тутъ г. Симашко обвиняетъ меня въ своей ошибкѣ. Я говорю о птицѣ, названной у него чайя чауна, которой латинскаго имени у него нѣтъ, а я прибавилъ, потому что въ Вигманновомъ *Handbuch der zoologie*, 3-е изданіе, стр. 131, *Palamedea chavaria* названа Чаю, что, по испанскому выговору, чайя. У меня въ рецензіи есть это русское имя, и номеръ таблицы XI; по имени не трудно найти и номеръ рисунка 5.

А птица, которую можно признать по хохолку и бодцамъ за *Palamedea chavaria* есть № 11 той же таблицы, и названа эта птица *каминии*, именованъ, принадлежащимъ другой птицѣ, *Palamedea cognata*, у которой на головѣ не хохолъ, а рогъ; такая же ошибка, какъ на счетъ колпика и краснаго гуся. У рисунка же № 5 дѣйствительно складъ водяной курочки, и притомъ мелкихъ видовъ этого рода, у которыхъ шея кажется толще и короче, потому что перья на ней пропорціонально длиннѣе.

Кстати объ животныхъ, изображенныхъ подъ чужимъ именемъ или съ неточными указаніями; вотъ еще нѣсколько примѣровъ на выдержку, по полному экземпляру атласа.

Таблица III: дикій баранъ, музиманъ альпійскій — на Альпахъ ихъ нѣтъ; а есть, въ Европѣ, только на островахъ Корсикѣ, Сардиніи, Кипрѣ.

Таблица VII: левъ бенгальскій *) — крайне похожъ на Гаррисовъ рисунокъ *капскаю*, да въ бенгальской низменности львовъ и нѣтъ; тамъ тигры, а львы на плоскомъ водораздѣлѣ Инда и Ганга, и въ Гуджератѣ. Далѣе № 8, барсъ — изображенъ, судя по пятнамъ и короткому хвосту, американскій *леуаръ*; въ текстѣ, на двухъ строчкахъ, смѣшаны показанія, относящіяся къ настоящему барсу (водится въ Персіи) *лепарду* (въ Туркестанѣ) и *ирбису* (забѣгаетъ въ Сибирь черезъ барабинскую степь и киргизскую степь, т. е., черезъ восточную часть послѣдней, черезъ Семипалатинскій округъ). № 3, тутъ же: гиена пятнистая, афри-

*) Изъ не многихъ порядочныхъ рисунковъ разбираемаго атласа.

канская; въ текстѣ, подъ этимъ номеромъ, антилопа, помѣщенная на таблицѣ подъ N° 4.

Таблица VIII, текстъ: зебу или брампнскій быкъ, ростомъ съ водолаза — показывался и въ звѣрницѣхъ въ Петербургѣ, что ростомъ съ крестьянскую корову, т. е., почти *одное* длиннѣе водолаза и разъ въ восемь тяжеле.

Таблица IX, Африка. Шерстокрылъ *Galeorithescus*, N° 12 — съ Мадагаскара; ни одного вида на Мадагаскарѣ, всѣ на Зондскихъ островахъ (см. Giebel, *Säugethiere*, p. 1005).

Таблица X. Ягуаръ — N° 3; вмѣсто него, судя по цѣльнымъ ободкамъ пятенъ, *Felis mitis*, видоизмѣненіе оселота; ошибка еще прошлаго вѣка, рисунковъ Бюффона и Шребера, давно замѣченная. N° 35 — койну (*Hydromys*), *грызунъ*, что и по складу видно, названъ американской выдрой, а выдра звѣрь *лищный*. N° 43 — вельзевулъ — изображена обезьяна *Brachymas*, впловыхъ признаковъ не видно, а вельзевуломъ называется пными видъ *Ateles*, другими видъ *Mucetes* (см. Giebel, *Säugethiere*, p. 1050, 1052), и такъ далѣе.

Такія ошибки, я, разумѣется, могъ замѣтить у животныхъ, которыхъ можео еще узнать по рисунку; но такіе рисунки не составляютъ большинства.

Возвратимся къ возраженіямъ г. Симашко. На разсужденіе о слонѣ (съ хоботомъ, что-ли, длиной въ 18 футовъ) и о кашалотѣ не отвѣчаю: пусть обвиняетъ меня въ требованіяхъ, о которыхъ я и не думалъ, какъ уже объяснилъ по поводу *Palamedea schavaria*, да какъ видно и въ моей рецензій, не смотря на ея краткость; этимъ г. Симашко только показываетъ, какъ ему нужно напрягать воображеніе, чтобы оправдать зоологическую часть своего атласа — также, какъ и памятникомъ Петра Великаго. Но далѣе: фразу, что молодой нанду доставляетъ вареное мясо, г. Симашко извиняетъ тѣмъ, что зоологическій текстъ, по существу дѣла весь состоящій изъ отрывочныхъ фразъ *),

*) И послѣ этого признанія, на стр. 65, г. Симашко сѣтуетъ, что въ моей рецензій нѣтъ даже намекъ на начала, которыми онъ руководствовался въ зоологической части своего труда! Да вѣдь они не объяснены, а по сбору отрывочныхъ фразъ трудно угадать какія-нибудь начала, — а я еще предполагаю цѣлыя представить характеръ природы неображаемыхъ странъ (рецензій, стр. 102). Сѣтуетъ еще, что я молчу объ общей системѣ, но я про нее сказалъ, что напрасно она не объяснена; этимъ рецензій и начинается. А изъ атласа вотъ что видно насчетъ общей системы: что есть въ немъ карты физическія и политическія, и что передъ

не можетъ служить образцомъ хорошаго слога (листъ 11, стр. 2). Это самое драгоцѣнное подтвержденіе моего отзыва.

Вотъ въ этомъ-то и небрежность, или неумѣнье, что напечатанъ такой бесполезный текстъ. Что эти отрывчатые фразы? — засореніе памяти ученика, или, чтобы выразиться приличнѣе, обремененіе, учебное препятствіе, вмѣсто учебнаго пособія. П г. Симашко не догадывается или не хочетъ догадаться, что именно эта отрывчатость, этотъ схоластическій сортъ — потому что безсвязныхъ, неосмысленныхъ отрывковъ свѣдѣній, не дающихъ понятія ни объ чемъ, иначе и нельзя назвать — возбуждало мою досаду и придавало рецензій желчный тонъ? Вѣдь я его лично не знаю, дѣла съ нимъ не имѣлъ, а за немногіе частные недосмотры рѣзко осуждать нельзя; но я ясно высказалъ и въ рецензій *общее* сужденіе о текстѣ, что *овсе* состоитъ изъ краткихъ и недостаточныхъ замѣтокъ (Русское Слово 1860, N° 1, библиогр., стр. 100), хотя тамъ это замѣчаніе выражено короче и мягче. Прочтя это въ моей рецензій, какъ же г. Симашко придумываетъ, что я осудилъ его за немногіе недосмотры, отчасти мною же вымышленные, и какъ назвать этотъ способъ оправданія? Не назову вовсе, изъ уваженія къ печатному слову. А петина пробилась и въ направленной противъ меня антикритикѣ, какъ видно изъ только-что выписанныхъ оттуда словъ.

Его замѣчаніе, что я самъ ошибся, принявъ *Anser canadensis*, плохо нарисованный, за плохой же рисунокъ *Anser leucopsis*, справедливо; признаюсь, что для *Anser leucopsis* бѣлое пятно на головѣ изображеннаго гуся не довольно широко. На счетъ двутробки г. Симашко доказываетъ только, что я назвалъ безсмысленной очень значительную опечатку, искажающую смыслъ, такъ что ея исправленіе легко только для самого автора. Но оставленіе подобныхъ опечатокъ развѣ не небрежность? Ихъ нѣтъ и въ моей рецензій, а только замѣна однихъ буквъ другими, хотя я корректуру только просилъ, а не получилъ, потому что написалъ рецензій передъ самымъ выходомъ книжки журнала.

каждой политической, кромѣ Африки и Австраліи, есть и орографическая; этого я въ рецензій не сказалъ. Такъ было въ моемъ непозвономъ экземплярѣ; въ полномъ есть правила, которыми авторъ руководствовался, въ предисловіи, а одно изъ нихъ, способъ изображенія высотъ, я въ своей рецензій и одобрилъ по картамъ, такъ что въ ней есть и отзывъ, и даже похвальный, о системѣ труда; есть и неодобрительные, и тѣхъ больше. Но и предисловіе не замѣняетъ особыхъ географическихъ объясненій.

На счетъ названія колпика краснымъ гусемъ г. Симашко признается, но соболя уже оправдываетъ тѣмъ, что по рисунку можно видѣть его принадлежность къ куньему роду, если внимательно разсмотрѣть — такъ, и даже къ длиннохвостымъ кунницамъ, каковы *Mustela Martes*, *foina*, *rekan*, *hugo* и пр. — но не къ соболямъ; на что же портретъ соболя, изображающій какой-то другой видъ кунницъ, невѣдомо какой изъ длиннохвостыхъ, къ которымъ соболь не принадлежитъ? Къ чему вообще подобныя рисунки? а г. Симашко, какъ мы видѣли, признается, по поводу гуахаро (и салагана), что на малыхъ рисункахъ признаковъ иснать нечего, а что его рисунки вообще малы, это очевидно, иначе бы не умѣстились на рамкахъ. Я не такъ строгъ, и нашелъ и у него нѣкоторые рисунки, которые узнать можно: золотой фазанъ, левъ, тигръ, ягуаръ (подъ именемъ барса), новоголландскій и индѣйскій казуаръ и пр.; вообще около трети всѣхъ. Не всякое животное представляетъ такія рѣзкія отличія, чтобы и малый рисунокъ давалъ о немъ ясное понятіе, недопускающее смѣшать его съ другими: за то только такихъ и можно изображать въ маломъ масштабѣ, а для другихъ — подобныя изображенія бесполезны и составляютъ ошибку, если не изображены притомъ особо органы, дающіе отличительный признакъ. Это ли сужденіе, или направленныя противъ него возраженія показываютъ незнаніе зоологіи? пусть рѣшитъ читатель.

О беркутѣ и царскомъ орлѣ спорить не буду; для меня, если подѣ именемъ царскаго орла г. Симашко не разумѣетъ *Aq. imperialis* (чего не объяснилъ), такъ это могутъ быть два имени *Aq. fulva*, (*Aigle royal* французовъ); но этотъ видъ, опредѣляемый по моимъ наблюденіямъ, согласно съ Темминкомъ, Палласъ и Науманнъ дѣлятъ на два, *Aq. nobilis* и *Aq. chrysaetos*, Pall.; можетъ быть этимъ ученымъ слѣдуетъ и г. Симашко, чего осуждать нельзя, хотя можно находить правильнымъ и противное мнѣніе. Замѣчаніе же рецензій объ этомъ вызвано тѣмъ, что *Aq. nobilis* Pall. въ русскомъ народѣ, если отличается, такъ подѣ именемъ беркута, хоть это имя и татарское; *Aq. chrysaetos*, Pall. — подѣ татарскимъ же именемъ халзана; *Aq. imperialis* — подѣ именемъ могильника.

Зато синонимики сыча съ пугачемъ не пропущу; хотя это и мелочь, да оправданіе ея хорошо: тѣмъ что эта самая ошибка есть въ русской фаунѣ г. Симашко, а подобная ей, названіе сычемъ *Aegolius otus*, у г. Кесслера. Последняя можетъ быть и описка; но г. Симашко говорить, что пугача и въ народѣ зовутъ сы-

чемъ; жаль, что не сказано гдѣ, а я, порядкомъ поѣздивши по Россіи, замѣтилъ, что сычемъ зовется всего чаще *Atheue noctua* а также *Nyctale Tengmalmi*, *Surnia passerina*, *Ephialtes scops* — всё маленькія совы; только не *Bubo* (пугачъ) и не *Aegolius*, да и мудрено что-то народу перемѣшать пугача, ростомъ съ гуся, съ птицами меньше галки, каковы сычи. А если г. Симашко и слышалъ отъ простолюдина такую обмолвку, такъ это не причина вносить ее въ учебный атласъ.

Таковы его зоологическія возраженія — а результатъ? Онъ нашелъ у меня только *одно* вполне *вѣрное* замѣчаніе, о колпикѣ — а въ дѣйствительности всего *одно неточное*, объ *Anser canadensis*; куда же дѣвались остальные восемь изъ курсивнаго числа моихъ девяти ошибокъ? Зато здѣсь приведены еще многія зоологическія ошпбки атласа, противъ которыхъ и возражать врядь ли можно, не помѣщенные въ прежней рецензій и списокъ ихъ здѣсь не истощенъ; подтверждены, кромѣ недосмотровъ автора, еще ошибки въ самомъ планѣ его атласа, и ошибки коренныя: вся зоологическая часть, которой неумѣстность можетъ быть распространена и на ботаническую; отсутствіе пояснительнаго текста къ такимъ картамъ, какихъ въ нашихъ прежнихъ учебныхъ атласахъ не было, нагроможденіе на листахъ — картъ и рисунковъ, другъ другу мѣшающихъ. Тутъ не мѣшаетъ прибавить слова два о томъ, чѣмъ бы полезнѣе для дѣли учебнаго атласа замѣнить рисунки на иныхъ рамкахъ: профилями, уясняющими орографію странъ. Начнемъ съ похвалы къ приложеніямъ къ картѣ II; они всё поучительны; но нельзя того же сказать объ идеальной части звѣзднаго неба, таблицы I.

На таблицѣ V только одинъ профиль и общее изображеніе высотъ, Богъ вѣсть зачѣмъ внизу раскрашенное; еще профили два, по меридіанамъ, черезъ Альпы и Кариаты, болѣе рисунковъ — рамки соотвѣтствовали бы значенію географическаго атласа; и безъ этихъ рисунковъ, отнеся на рамку и существующіе уже на картѣ профили, можно бы увеличить и объемъ карты на томъ же форматѣ бумаги.

На таблицѣ VI тоже не бесполезно увеличеніе объема карты на счетъ рамокъ, простой отмѣной рисунковъ.

Также на таблицѣ VII, на профиляхъ, слишкомъ сближены горы, да и въ Тибетѣ тоже — по малому объему карты. И тутъ полезна отмѣна рисунковъ; на таблицѣ VIII, отмѣна рисунковъ помѣшала бы отмѣнѣ части Гималая; на X и XI, на двухъ половинахъ листа, можно бы представить отдѣльно сѣверную и

южную Америку, объ больше и яснѣе, и осталось бы еще мѣсто для большаго формата профилей; на таблицѣ XIII означеніе высотъ не наглядно, лучше бы профили отъ Нордкапа нежно навскокъ къ Карпатамъ, по меридіанамъ Онеги и Крыма, Мезени и Кавказа, профиль Уральскаго хребта; не только эти четыре, но даже еще два параллельныхъ экватору могли бы умѣститься на рамкахъ — вмѣсто ненужныхъ рисунковъ, которые, послѣ всего сказаннаго, предоставляю автору атласа считать позезными, а не мѣшающими главной, географической цѣли атласа.

Соглашайся съ нимъ, кто хочетъ.

Да, еще скромныя сравненія, которыя г. Симашко дѣластъ между собой и Беркгаузомъ *), претендуя на меня, какъ я смѣлъ назвать классическимъ только беркгаузовъ атласъ, а не его, когда въ обоихъ есть ошибки? (стр. 60, и въ другихъ мѣстахъ своихъ замѣчаній).

По поводу зоологическихъ рисунковъ Беркгауза, я уже отчасти объяснилъ мое предпочтеніе къ нему; здѣсь скажу, что будь въ атласѣ Беркгауза хоть гораздо болѣе ошибокъ, чѣмъ у г. Симашко, что вѣроятно и есть въ изданіяхъ тридцатыхъ годовъ, такъ все-таки его трудъ классическій, потому что онъ обработалъ и свелъ въ атласъ множество разбросанныхъ по разнымъ источникамъ матеріаловъ, потому что изобрѣлъ отчасти и самые способы, которыми до-сихъ-поръ изображаются на картахъ физическія свойства земной поверхности, словомъ, составилъ эпоху въ картографіи, какъ Линней въ естественной исторіи, хотя въ настоящее время компиляція, въ которой будетъ столько же ошибокъ и неясныхъ описаній, какъ въ *Systema Naturae* Линнея, справедливо назовется жалкой и негодной компиляціей, а трудъ Линнея останется классическимъ. Точно также трудъ Риттера объ Азійи есть классическій, а Географическое Общество не рѣшилось переводить его безъ исправленій и дополненій, — наши свѣдѣнія съ-тѣхъ-поръ прибавились. Г. Симашко что-то не то говоритъ про свою ботаническую карту (таблица XXIII), взятую изъ Бромме; но развѣ онъ не знаетъ этихъ элементарныхъ правилъ научной оцѣнки? Вѣроятно знаетъ:

*) И еще Штилеромъ, предварительно назвавъ его атласъ образцовымъ; сравненіе для *предупрежденія кривыхъ толковъ* (стр. 69, въ выноскѣ), умилительное по наивному самодовольству. Тутъ не то, что въ нападкахъ на рецензента: тутъ искреннее выраженіе чувства, рѣдкое въ нашъ испорченный вѣкъ.

такъ какъ же сѣтуеть, что я ихъ примѣнилъ къ его атласу? Развѣ потому, что безпристрастіе къ собственному труду такъ рѣдко, что его отсутствіе трудно-ставить въ укоръ человѣку.

Вотъ и все, что имѣю сказать въ отвѣтъ на замѣчанія г. Симашко, кромѣ указанія умолчанныхъ и теперь, для избѣжанія многословія, частныхъ недостатковъ его атласа. Сохраняя объ этомъ трудѣ довольно низкое мнѣніе, не однократно и здѣсь повторенное, я, благо уже дополнялъ свою рецензію, дополняю ее и на счетъ справедливости, мной уже отданной (по поводу таблицы XIII) орографическимъ картамъ г. Симашко, и охотно скажу, что эти орографическія карты, и еще таблицы I, III и XIV *) (но только это изъ всего атласа) — полезное для учащихъ дополненіе къ нашимъ учебнымъ пособіямъ на счетъ географіи. Почему нельзя сказать того же о прочихъ физическихъ картахъ, даже взятыхъ изъ Бромме и Дове, уже объяснено. Относительно же своей рецензіи, я не дѣлаю какъ г. Симашко, не стараюсь доказать, что это хорошая, классическая рецензія; я только защищаю ея *справедливость*, которую и такъ можетъ подтвердить всякій безпристрастный человѣкъ, взглянувъ на разбираемый атласъ — и охотно соглашаюсь, что ея изложеніе неудачно**), не убѣдительно для человѣка, не видѣвшаго атласа (убѣдить автора вообще отказываюсь); почему здѣсь и воспользовался предложеннымъ мнѣ г. Симашко случаемъ почти что составить новую рецензію, дополняя и объясняя недосказанное въ прежней.

А его замѣчанія? Содержать многія свѣдѣнія (хоть и не всѣ, даже не на половину), желательныя для текста къ атласу, благо текстъ ужъ есть; доказываютъ, что авторъ сильно раздосадованъ и плохой рецензіей, иначе бы онъ не употреблялъ указанныхъ здѣсь приемовъ для опроверженія моихъ отзывовъ. А если онъ скажетъ, что отвѣчалъ хладнокровно, такъ слово досада придется замѣнить словомъ: намѣренная недобросовѣстность,

*) Это еще не значить, однако, чтобы эти карты, почти половина атласа, были положительно хороши; но на орографическихъ весьма удачно выбранъ способъ изображенія рельефа, почему дается вполне наглядно общее понятіе о немъ, — а за подробности, по замѣченнымъ мной ошибкамъ, ручаться нельзя, также и для карты XIV.

**) Для избѣжанія самохвалства, послѣ сказаннаго о рѣдкости безпристрастія къ самому себѣ, скажу и тутъ, что я не пристрастенъ къ этой рецензіи, потому что считаю ее трудомъ весьма незначительнымъ — какимъ не можетъ быть учебный атласъ въ глазахъ его автора.

чего я бездоказательно дѣлать не хочу. Только не доказываютъ эти замѣчанія, чтобы атласъ былъ хорошъ, не смотря на признанную и мной учебную пользу его орографическихъ картъ.

НИКОЛАЙ СЪВЕРЦОВЪ.

ОБЩЕСТВЕННЫЯ И ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Рѣчь,

произнесенная 9-го апрѣля 1860 года, въ Воронежѣ, на публичномъ чтеніи въ пользу Общества для вспомошествованія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Мм. Гг.!

Позвольте поблагодарить васъ за сочувствіе къ нашему предпріятію, за участіе въ дѣлѣ, которое приняло на себя общество для вспомошествованія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Вы откликнулись на наше приглашеніе, вы поспѣшили помочь дѣлу, которое удостоили своимъ высокимъ вниманіемъ Государь Императоръ и Государыня Императрица, которому сочувствуетъ вся мыслящая Россія; слѣдовательно предъ вами нѣчего распространяться о его важности, нѣчего толковать о значеніи литературы, о положеніи благородныхъ подвижниковъ ея, впавшихъ, вслѣдствіе горькой необходимости, въ состояніе, требующее помощи. Но публичныя чтенія съ благотворительною дѣлю только недавно начались въ Петербургѣ и Москвѣ; въ нашихъ провинціяхъ, если не ошибаемся, еще не было ни одного. Какъ новое, до-сихъ-поръ не бывающее явленіе въ Воронежѣ, наше чтеніе, безъ сомнѣнія, возбудитъ много толковъ. — Къ чему этотъ вечеръ? — спросятъ: — тоже самое, только съ большимъ комфортомъ, каждый можетъ прочитать у себя дома. Воронежъ — не Петербургъ и не Москва: тамъ другое дѣло! тамъ литературныя знаменности, тамъ интересно ихъ видѣть и слышать, а здѣсь что!... Будутъ ли еще всѣ хорошо читать-то!... — Мы предчувствовали подобныя возраженія и все-таки не отказались отъ своего намѣренія. Дѣйствительно, положеніе наше ничего не имѣетъ общаго съ читающими въ столицахъ: тамъ являлись передъ публикою литературныя знаменности, здѣсь публика ви-

двѣ передъ собою простыхъ любителей литературы. Мы ничѣмъ не можемъ похвалиться передъ вами, — ни даже искусствомъ хорошаго, увлекательнаго чтенія. Но развѣ одной любви къ литературѣ не достаточно на право составить чтеніе съ благодетельною цѣлію? Развѣ хоть разъ въ жизни, не говоримъ хоть разъ въ годъ, нельзя собраться во имя литературы, когда мы не гнѣнимся собираться во имя того, что послѣ сами же осуждаемъ? Правда, наше чтеніе публично; но оно совершается въ стѣнахъ учебнаго заведенія, въ присутствіи его воспитанниковъ, *) этихъ молодыхъ людей, которымъ не чужда литература, которые, я увѣренъ, сегодняшній вечеръ считаютъ вдвойнѣ праздникомъ, въ присутствіи васъ, Мм. Гг., теперь составляющихъ вмѣстѣ съ нами одинъ семейный, литературный кружокъ. Но и въ другомъ, болѣе публичномъ мѣстѣ голосъ литературы не побоятся раздаться во всеуслышаніе, хотя бы устами непосвященными. А уже въ одной возможности услышать этотъ голосъ публично есть, право, много утѣшительнаго. Намъ кажется, что при подобной мысли позабудешь и о домашнемъ комфортѣ, и о томъ, что читается всѣмъ пзвѣстное, и о томъ — кто и какъ читаетъ, тѣмъ болѣе можно бы позабыть все это, когда цѣль читающихъ — помощь бѣднымъ литераторамъ. — Итакъ пусть же сегодняшній вечеръ, послѣдній вечеръ свѣтлыхъ праздниковъ, будетъ первымъ литературнымъ праздникомъ въ нашемъ городѣ.

Но мы подлежимъ отвѣтственности передъ вами за программу вечера — не за выборъ авторовъ: славныя имена Жуковскаго, Пушкина, Гоголя и Кольцова, нашего воронежскаго Кольцова, громко говорятъ сами за себя; не нуждаются въ нашихъ похвалахъ и такіе писатели какъ гг. Тургеневъ, Майковъ, Костомаровъ и Некрасовъ; не думаемъ, чтобы вы осудили насъ за выборъ пьесы на малороссійскомъ языкѣ: намъ казалось, что чтеніе подобной вещи весьма умѣстно въ Воронежѣ — какъ пзвѣстно, большинство населенія нашей губерніи состоитъ изъ малороссіянъ. Не за это, мы думаемъ, вы насъ упрекнете, а за выборъ пьесы. За этотъ выборъ мы всѣ и каждый въ-особенности подлежимъ вашему суду; я болѣе другихъ.

Мы положили начать нашъ вечеръ чтеніемъ Тургенева, писателя, принимающаго, какъ извѣстно, такое живое участіе въ

*) При чтеніи находились кадеты старшихъ двухъ классовъ, V-го общаго и I-го спеціальнаго.

дѣлахъ общества для вспомошествованія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, и въ публичныхъ чтеніяхъ; ему по праву принадлежитъ первое мѣсто въ нашемъ вечерѣ. Я не стану распространяться предъ вами о значеніи этого симпатичнаго и глубокаго писателя; но считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, почему я выбралъ отрывокъ изъ *Дворянскаго Гнѣзда*, произведенія такъ всѣмъ знакомаго, почему выбралъ такой небольшой отрывокъ, какъ *последній приѣздъ Лаурецаго къ Калитиннымъ*, почему предпочелъ этотъ эпизодъ другимъ вещамъ автора, болѣе цѣльнымъ и, можетъ быть, болѣе интереснымъ для публичнаго чтенія.

Всѣ духовные, истинно національные интересы самымъ полнымъ и осязательнымъ образомъ отражаются въ литературѣ. Наука какъ бы близко не касалась жизни, но уже по самой цѣли своей — стремленію къ истинѣ, отличается отвлеченностію, не всѣмъ доступностію. Живое дѣло народности требуетъ для своего воспроизведенія живой формы — образа, человека, что даетъ искусство, поэзія. Искусство не есть какая-то записная книжка, какъ разсуждаютъ нѣкоторые эстетикки, въ которую вносится для памяти все то, что мы видимъ прекраснаго въ дѣйствительности: безъ искусства, если смотрѣть на практическую его пользу, осталась бы неудовлетворенною лучшая половина нашей духовной природы — міръ помысловъ, міръ чувствъ и страстей; безъ литературы матерія поработила бы духъ; надежды, радости и страданія каждой эпохи, лишившись своего энергическаго адвоката, прошли бы незамѣтными или едва замѣтными для будущихъ поколѣній. Этимъ объясняется отношеніе литературы къ жизни, которое становится тѣмъ ближе, чѣмъ глубже талантъ писателя, чѣмъ болѣе онъ проникнуть народностію. Только въ последнемъ случаѣ современная жизнь выступаетъ въ его произведеніяхъ нормально и всецѣло, безъ всякихъ прикрасъ и передѣлокъ. Глубина таланта есть способность прирожденная, независящая отъ его размѣровъ. Наша литература представляла и представляетъ блестящія дарованія, лишеныя этой національной глубины. Такія дарованія больше сочиняютъ, т. е., придумываютъ, по своему распоряжаясь жизнію для выраженія той или другой идеи, часто также придуманной, чѣмъ творятъ.

Ничего извнѣ придуманнаго мы не находимъ въ произведеніяхъ Тургенева: онъ шыветъ по глубинѣ той рѣки, на днѣ которой нашелъ свое успокоеніе герой *Дворянскаго Гнѣзда*.

Спеціальность Тургенева, если можно такъ выразиться, *до-смѣлорь* состояла въ изображеніи той стороны нашей жизни, которая всегда была и будетъ свѣтомъ во тьмѣ тѣхъ лицъ, которыя были ея представителями, натуръ развитыхъ, передовыхъ, по болѣзненнымъ. Различно относится нашъ авторъ къ своимъ героямъ; но, при всемъ желаніи, ему никогда не удалось отнестись къ нимъ юмористички, никогда не удавалось скрыть отъ читателя своей къ нимъ симпатіи. Какъ талантъ глубокой, хотя и не гениальной, Тургеневъ не могъ поступить иначе: его герои не скроены по байроновской мѣрѣ, не страдаютъ чуждымъ намъ разочарованіемъ. Они не *высшія*, съ презрѣніемъ взирающія на жизнь, природы; нѣтъ! это люди съ ненасытимой жаждой истины, съ горячими стремленіями къ добру, но съ убитой волей, съ пзмученной душой. Желаніе, во что бы то ни стало покончить съ ними дѣло въ послѣднее время особенно замѣтно въ Тургеневѣ: замѣтно въ Дворянскомъ Гнѣздѣ и вполнѣ обнаружилось въ послѣдней его повѣсти — *Наканунъ*. Лаврецкій не умираетъ, не сходитъ со сцены молча и безотвѣтно; нѣтъ! онъ заявляетъ о своемъ существованіи — смиреніемъ. Очувшившись, послѣ многихъ ударовъ, которые нанесла ему жизнь, на *дни рыцки*, т. е., русской народной жизни, онъ говоритъ: «Кто входитъ въ ея кругъ — покоряйся: здѣсь не зачѣмъ волноваться, нечего мутить; здѣсь только тому и удача, кто прокладываетъ свою тропу не торопясь, какъ пахарь борозду плугомъ..... Пусть же вытрезвить меня здѣсь скука, пусть успокоитъ меня, подготовить къ тому, чтобы и я умѣлъ не спѣша дѣлать дѣло.» (*Дворянское Гнѣздо*. стр. 123 — 124). Но это только первый актъ смиренія: вы знаете, что за нимъ послѣдовала новая, потрясающая душу драма, въ которой измученный герой снова является борцомъ и еще разъ пораженнымъ сходитъ со сцены. Умереть бы слѣдовало послѣ такихъ ударовъ; по-крайней-мѣрѣ, художественная правда требуетъ смерти: на что и для кого нужна теперь бѣдная жизнь Лаврецкаго? Но Тургеневъ не покидаетъ своего героя; онъ рисуетъ намъ второй періодъ его смиренія и снова выводитъ его на сцену черезъ восемь лѣтъ. Но не это добродушное смиреніе, не тѣ переменныя, которыя произошли въ Лаврецкомъ и которыми плохо вѣрится, кажутся намъ достойными особеннаго вниманія въ заключительной сценѣ Дворянскаго Гнѣзда, а тотъ единственно возможный и честный выходъ изъ борьбы съ жизнью, который достался на долю Лаврецкаго, — то глубокое чувство, съ которымъ онъ привѣт-

ствуешь молодое поколѣніе, чувство, полное скорби и отрады — скорби о приближающейся къ концу собственной жизни, отрады при мысли, что не совсѣмъ же безплодно прошла эта жизнь, что все же и онъ вложилъ свою лепту въ сокровищницу умственнаго богатства своей родины. Мы увѣрены, что никто равнодушно не прочелъ этой превосходной сцены: въ юношѣ она должна возбудить всѣ непочатыя силы духа на подвигъ добра и правды, въ душу людей, принадлежащихъ къ отходящему поколѣнію — пролить отрадное успокоеніе и согрѣть ихъ сердце любовью къ тѣмъ, которымъ суждено смѣнить насъ, которые осуществляютъ наши надежды, которые не будутъ испытывать нашихъ страданій. Если можно было обойтись безъ этой сцены въ художественномъ отношеніи, то Тургеневъ, какъ писатель современный, какъ писатель, рѣшившійся завязаться другими идеалами, только ею могъ заключить прежнюю свою дѣятельность. Если въ самомъ дѣлѣ таково неизмѣнное рѣшеніе талантливаго автора, то нельзя не пожалѣть объ этомъ. Конечно, мы знаемъ и зародышъ, и развитіе, и ходъ той болѣзни, которою страдаютъ Лаврецкіе; но не Тургеневъ, ни другой кто изъ нашихъ писателей не представилъ ея исторіи въ истиннохудожественномъ образѣ. Неужели наша литература остановится на однихъ симптомахъ болѣзни и не пойдетъ далѣе?

Мы избрали для бесѣды съ вами оправившагося послѣ всѣхъ мукъ Лаврецкаго еще и потому, что, быть можетъ, намъ надолго придется проститься съ этимъ привлекательнымъ образомъ. Г. Тургенева соблазнилъ другой идеалъ, котораго тщетно отыскиваютъ наши современные писатели — идеалъ здоровой общественной дѣятельности. Но если энергія Калиновича оказывается положительно вредною, если неутомимая дѣятельность Штольца слишкомъ отзывается сочинсиемъ и вовсе не въ нашей славянской натурѣ, то и *Исаровъ*, герой *Наканунъ* — не нашъ, не русскій герой: онъ достоинъ уваженія, но увлечся имъ можетъ только дѣвушка, восторженная до экзальтаціи, какъ *Елена*, и кружокъ товарищей, ein кружокъ in der Stadt Moskau, какъ говоритъ Гамлетъ цигровскаго уѣзда, но никакъ не современная русская публика. На вопросъ Шубина, одного изъ героевъ послѣдней повѣсти г. Тургенева: *будутъ ли у насъ люди?* конечно, каждый русскій отвѣтитъ утвердительно, но не станетъ искать ихъ ни между славянскими и нѣмецкими племенами, ни между Штольцами и Калиновичами, а укажетъ на ту молодежь, кото-

рую съ такимъ теплымъ чувствомъ привѣтствовала Лаврецкій въ послѣдній прїѣздъ свой къ Калитинымъ.

МИХАИЛЬ ДЕ-ПУЛЕ.

15-го апрѣля 1860 года.

Мы получили эту рѣчь нашего сотрудника при слѣдующемъ письмѣ :

Спѣшу сообщить вамъ самое отрадное извѣстiе, какое только можно получить изъ провинцiи: у насъ, въ Воронежѣ, 9-го апрѣля, въ экзаменномъ залѣ кадетскаго корпуса, происходило публичное чтенiе въ пользу общества для вспомошествованiя нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Посылаю вамъ программу, изъ которой вы увидите, кто и что читалъ. Къ ней только, для поясненiя, нужно прибавить, что г-жа Лидерсъ изъ *Опьяна* прочла письма Евгенiя и Татьяны, г. Крупковъ изъ *Бодана Хмьльницкаго* прочелъ смерть этого знаменитаго гетмана, а г. Никитинъ — новое свое стихотворенiе, которое, по желанiю публики, было прочтено два раза и которое, безъ сомнѣнiя, будетъ напечатано въ «Русскомъ Словѣ». Не мое дѣло судить о томъ, какъ сошелъ нашъ литературный вечеръ: пусть объ этомъ скажутъ другiе; но я не могу не подѣлиться съ вами тѣмъ прiятнымъ чувствомъ, подъ влiянiемъ котораго теперь пишу. Это чувство не пошлое самоуслажденiе, а радость за литературу, за публику. На нашемъ вечерѣ было до четырехсотъ человекъ; собрано болѣе четырехсотъ рублей серебромъ (по одному рублю за билетъ)... И гдѣ же! не въ столицѣ, не въ университетскомъ городѣ, а въ нашемъ степномъ Воронежѣ! Согласитесь, это явленiе очень знаменательно: значитъ, литература вошла въ плоть и кровь общества, значитъ, велика у насъ масса людей, понимающихъ ея честную службу, ея *добрые подвиги*, которымъ она подвизалась за все прекрасное и благое. Конечно, по поводу разныхъ толковъ, предшествующихъ вечеру и послѣ него, можно бы *что* сказать, но толки эти принадлежатъ не *публикѣ*, а... ставлю нѣсколько точекъ, потому что говорить о нихъ, *по нашему*, значитъ, признать себя авторомъ *воронежскихъ писемъ*, чего я, для душевнаго спокойствiя, вовсе не желаю и отъ чего готовъ печатно отречься. Дѣло совсѣмъ не въ томъ. Я, какъ истый провинциалъ, глубоко порадовался за воронежскую публику, то есть за ту часть ея, которая была у насъ на вечерѣ: во-первыхъ, если не большинство, то половина слушателей состояла изъ дамъ,

во-вторыхъ вниманіе слушающихъ было самое живое, сочувствіе самое теплое. Смотри на эти сотни людей, старающихся не проронить ни одного слова, невольно проникаешься къ нимъ глубокимъ уваженіемъ. Нумерованныхъ креселъ не было; дамы занимали первыя мѣста. Намъ, читающимъ, какъ вы и можете себѣ представить, было особенно дорого участіе въ чтеніи *Е. А. Лидерсъ*, урожденной *Сверцовой*. Вообще нашъ литературный вечеръ обязанъ, какъ своимъ составленіемъ, такъ и многимъ другимъ *А. И. Ватази*, директору кадетскаго корпуса.

ПРОГРАММА

ВОРОНЕЖСКАГО ЧТЕНІЯ ВЪ ПОЛЪЗУ ОБЩЕСТВА ДЛЯ ВСПОМОЩЕСТВОВАНІЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМЪ И УЧЕНЫМЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

9-го апрѣля сего 1860 года, въ экзаменной залѣ михайловскаго воронежскаго кадетскаго корпуса, въ пользу общества для вспомоществованія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, будетъ литературно-музыкальный вечеръ.

ПРОГРАММА.

I.

М. Ѳ. де-Шуле прочтетъ отрывокъ изъ «Дворянскаго гнѣзда», сочиненіе *И. С. Тургенева*.

Н. П. Ждановичъ прочтетъ «Пархимове снаданье», сочиненіе Основьяненко.

Е. А. Лидерсъ прочтетъ отрывокъ изъ «Евгенія Онѣгина», сочиненіе Пушкина.

Н. С. Никитинъ прочтетъ «Тѣсь», стихотвореніе Кольцова.

II.

И. В. Малыгинъ прочтетъ «Три смерти», лирическая сцена изъ древняго міра, сочиненіе *А. Н. Майкова*.

А. И. Ватази прочтетъ «Капитанъ Бопшъ», сочиненіе Жуковского.

III.

Е. В. Крупковъ прочтетъ отрывокъ изъ «Богдана Хмѣльницкаго», сочиненіе *Н. П. Костомарова*.

Е. А. Лидерсъ прочтетъ «Въ деревнѣ», стихотвореніе *Н. А. Некрасова*.

И. С. Никитинъ прочтетъ свое стихотвореніе.

Н. П. Ждановичъ прочтетъ рассказъ о «Пѣтухѣ», отрывокъ изъ второй части «Мертвыхъ душъ», Гоголя.

Въ антрактахъ исполнено будетъ: «Stabat mater» Россини *Е. А. Лидерсъ* на фортепiano и *А. И. Исчаевымъ* на гармоникордѣ.

Начало въ восемь часовъ вечера непременно.

Билеты до 3-го апрѣля можно получать въ книжномъ магазинѣ Никитина, съ 3-го апрѣля — въ главномъ зданіи кадетскаго корпуса.

Цѣна билету одинъ рубль серебромъ.

Такъ какъ цѣль вечера благотворительная, то желающіе пожертвовать большую сумму, благоволятъ подписаться на особомъ листѣ, который будетъ находиться въ мѣстахъ полученія билетовъ.

II.

Паспорты и свидѣтельства на выѣздъ.

Экономическій указатель извѣщаетъ, что при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ учреждена комиссія для составленія проекта новаго устава о паспортахъ. Нынѣшняя паспортная система лежитъ тяжкимъ бременемъ особенно на низшемъ классѣ. Комиссія (по словамъ указателя) считаетъ невозможнымъ радикальное измѣненіе нынѣшней системы, вслѣдствіе нашего законодательства о податяхъ и повинностяхъ. Уплата подушныхъ податей и поставленіе рекрутъ падаетъ на всю общину, члены которой связаны такимъ образомъ круговой порукой. Отсюда проистекаетъ страшная зависимость лица отъ общины. Община имѣетъ безусловное право дать и не дать паспортъ; крестьянинъ или мѣщанинъ, напримѣръ, находится за 5000 верстъ на заработкахъ, срокъ паспорта выходитъ, онъ посылаетъ его для перемѣны, община отказываетъ и бѣднякъ долженъ бросать занятія и идти на родину, иначе съ нимъ поступятъ, какъ съ бѣглымъ, т. е., по этапу отправятъ на родину, а пожалуй могутъ посадить и въ острогъ. А община особенно притѣсняетъ тѣхъ изъ своихъ членовъ, которые подостаточнѣе, или получили порядочное мѣсто. Напримѣръ, случается, что казенный крестьянинъ уходитъ изъ общины, оставляетъ въ ея пользу свой пай земли, и платитъ еще сверхъ того рублей десять въ годъ: потомъ ста-

роста узнаеть, что онъ занимается выгоднымъ промысломъ и община удваиваетъ оброкъ: или плати, или возвращайся домой. И бѣднякъ долженъ заплатить двадцать рублей, за что?.. за то, чтобы община не лишила его выгоднаго занятія. Эта власть общины лежитъ тяжестью на промышленныхъ членахъ ея, — она притомъ безсудная. Приведемъ еще примѣръ проявленія власти общины. Сынъ мѣщанина хочетъ поступить въ гимназію, въ университетъ, — ему необходимо дозволеніе общества, — даже если во время его пребыванія въ университетѣ наступитъ ревизія, онъ долженъ вновь брать увольнительное свидѣтельство, — община можетъ отказать ему, и онъ долженъ оставить университетъ, или налагаетъ на него взносъ въ 25, 40, 50 рублей, — и община права съ своей стороны; на ней лежитъ уплата податей за все число душъ, занесенныхъ въ ревизію, и поставка того числа рекрутъ, какое причитается на цифру ея членовъ. Слѣдовательно, уничтоженіе этой сильной и безконтрольной власти общины, парализирующей свободное движеніе лица, держащей его въ извѣстнаго рода крѣпостной зависимости, возможно только съ измѣненіемъ системы податей личныхъ повинностей и отвѣтственности за нихъ общины. Система паспортная есть необходимое послѣдствіе такого значенія общины. Поэтому задача коммисіи чрезвычайно трудна, даже неодолима, — если основаніе системы податей и повинностей, лежащихъ на низшемъ классѣ, останется тоже. Возможны частныя улучшенія, напримѣръ, болѣе широкій срокъ паспортовъ, — нынѣшній годичный совершенно недостаточенъ для такого обширнаго государства, какъ Россія.

Мы намѣрены представить въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ Русскаго Слова нѣсколько мыслей по поводу этого важнаго вопроса. На этотъ разъ ограничимся указаніемъ на два вида паспортовъ, или свидѣтельствъ, весьма стѣннительныхъ, но безполезныхъ для той цѣли, для которой они учреждены.

Чѣмъ болѣе развивается цивилизація, тѣмъ многочисленнѣе становятся передвиженія лицъ изъ одной части государства въ другую, изъ одного государства въ другое. У насъ это передвиженіе стѣняется не только обыкновенными паспортами, — но еще и особенными свидѣтельствами полиціи о неимѣніи препятствій къ выѣзду лица. Какая цѣль этой мѣры? Чтобы не уѣхалъ человекъ, находящійся подъ слѣдствіемъ или на котораго кому-нибудь вздумается предъявить долговыя претензіи. Спрашивается, почему тысячу лицъ должны терпѣть изъ-за того, чтобы одинъ не нарушилъ сдѣланнаго ему запрещенія выѣз-

жать? Если лицо, находящееся подъ запрещеніемъ, уѣдетъ, то оно совершаетъ проступокъ, и развѣ мало средствъ у полицейскихъ мѣстъ захватить его, послѣ совершенія проступка. Впрочемъ, нельзя не сказать, что запрещеніе выѣзда налагается часто безъ всякаго разумнаго основанія; стѣснить свободу лица въ важномъ правѣ передвиженія своей особы у насъ, вслѣдствіе неопредѣленности закона, ничего не стоитъ для полиціи. Приведемъ одинъ случай, въ достовѣрности котораго ручаемся. Онъ хорошо показываетъ, вслѣдствіе какихъ причинъ можетъ быть наложено запрещеніе и какія оно имѣетъ послѣдствія.

Два купца ѣхали на ярмарку; останавливаются они по дорогѣ въ одномъ изъ маленькихъ городовъ московской губерціи — всего на нѣсколько часовъ покормить лошадей. Приходятъ они въ трактиръ пить чай. Тутъ же сидѣли двое приказныхъ, финансы которыхъ были въ плохомъ положеніи. Счастливая мысль вдругъ озарила ихъ: они начинаютъ спорить между собою, за тѣмъ одинъ ударилъ другаго; побитый кричитъ караулъ, и требуетъ полицію. Является полиція, онъ излагаетъ фактъ, въ подтвержденіе дѣйствительно ссылается на свидѣтельство кушцовъ. Полиція предлагаетъ купцамъ остаться до утра; на другой день приказный подаетъ письменную жалобу, — купцамъ приказываютъ оставаться въ городѣ до окончанія слѣдствія. На долго ли? Пожалуй что и мѣсяцъ пройдетъ, отвѣчаютъ имъ. Купцы въ отчаянны не знаютъ, что и дѣлать — мѣсяцъ остановки — раззореніе для нихъ. Къ счастью ихъ надоумили; дажи они пятьдесятъ рублей приказному, и тотъ взялъ назадъ свое прошеніе. Вотъ какія дѣла дѣлаются!

Но главное еще не въ томъ. Если какая-нибудь мѣра проводится послѣдовательно, то какъ бы ни была она неудобна для публики, но крайней мѣрѣ имѣется презумпція, что на что-нибудь да полезна она.... А между тѣмъ странное дѣло происходитъ съ этими свидѣтельствами; для путешествія по однимъ трактатамъ они нужны, — по другимъ не нужны. Ыдите вы изъ Москвы въ Петербургъ — по желѣзной дорогѣ свидѣтельство полиціи не нужно, — или изъ Москвы въ Харьковъ также не нужно, потому что на этомъ пути устроены вольныя почты, которыя, по правиламъ, даютъ лошадей каждому имѣющему законный видъ; но если бы вы задумали поѣхать изъ Москвы въ Богородскъ, всего за сорокъ верстъ, свидѣтельство полиціи необходимо, т. е., необходима трата времени и денегъ. Вотъ что разсказалъ намъ объ этой процедурѣ одинъ изъ друзей:

«Пріѣзжаю я въ Москву изъ Петербурга, останавливаюсь въ гостинницѣ, на другой день отправляюсь за подорожной въ канцелярію генераль-губернатора. Представляю паспортъ. А свидѣтельство полиціи? спрашиваетъ меня хранитель подорожныхъ бланковъ. Помпайте, отвѣчаю я, да откуда полиція можетъ меня знать? я петербургскій житель, пріѣхалъ вчера по желѣзной дорогѣ, а сегодня уѣзжаю; пожалуйста дайте мнѣ подорожную, мнѣ необходимо сегодня утромъ уѣхать. Но всѣ просьбы остались безъ успѣха. Строгое постановленіе не давать подорожныхъ безъ свидѣтельствъ полиціи! Нечего дѣлать, возвращаюсь въ гостинницу, призываю старшаго слугу, прошу его поскорѣе достать свидѣтельство, даю, разумѣется, денегъ на расходы. Открывается, что полиція не можетъ мнѣ дать свидѣтельства, потому что видъ мой не былъ записанъ въ полиціи, а не былъ онъ записанъ потому, что я сказалъ хозяину, что на другой день утромъ уѣзжаю. Поэтому одновременно надобно было совершить двѣ процедуры: записать билетъ мой, т. е., отпускъ данный начальствомъ, и выдать свидѣтельство о немѣнѣи препятствій къ моему выѣзду со стороны городской полиціи. Не смотря на всю быстроту дѣйствія моего повѣреннаго, я могъ получить свидѣтельство только черезъ четыре часа, да и то потому только, что кварталъ и частный домъ находились въ двухъ шагахъ, а иначе пришлось бы и сутки подождать. И очень понятно почему: въ первый разъ посланный не засталъ квартальнаго надзирателя въ канцеляріи, сказали что онъ будетъ часа черезъ два; получивши отъ надзирателя свидѣтельство, надобно было везти его въ частный домъ для приложенія печати (въ Москвѣ кварталъ не имѣетъ своей печати), опять потеря времени и денегъ. Наконецъ въ три часа я получилъ нужное свидѣтельство, — отправляюсь въ канцелярію генераль-губернатора за подорожной. Увы! канцелярія заперта, приходите въ шесть часовъ. Въ шесть часовъ пріѣзжаю вновь, представляю свидѣтельство. Куда изволятѣ ѣхать? спрашиваетъ писарь. Въ Харьковъ. «Напрасно беспокоились вы насчетъ свидѣтельства полиціи, отвѣчаетъ писарь, по харьковскому тракту не требуется ни подорожныхъ, ни свидѣтельствъ полиціи, предъявите на станціи только вашъ видъ и сейчасъ же получите лошадей.» Такъ дѣйствительно и случилось. Но я потерялъ цѣлый день въ бѣготнѣ и суетѣ.»

Мы спрашиваемъ: если свидѣтельство полиціи гарантируетъ гражданъ города, что несправный должникъ, обвиняемый, и

проч. и проч. не уйдетъ, — то почему же ему запрещено уѣхать только по владимірскому и смоленскому трактатъ, но въ Петербургъ, въ Харьковъ дана возможность?

Странная непослѣдовательность! замѣтимъ и другую. Послѣ получения подорожной можно пробывать еще хоть мѣсяць и уѣхать безпрепятственно. Отъ чего же до взятія подорожной предполагается, что отъѣзжающій уѣзжитъ, не расплатясь съ содержателемъ гостинницы и другими подобными кредиторами, а послѣ полученія онъ непременно расплатится? Если другихъ средствъ заставить заплатить нѣтъ никакихъ, кромѣ невыдачи подорожной, то стало быть во второмъ случаѣ долговья претензіи останутся неудовлетворенными?

Другая оригинальность нашихъ паспортныхъ постановленій: заграничный паспортъ можно получить не иначе, какъ послѣ троекратной публикаціи въ газетахъ, и, кажется, спустя двѣ недѣли послѣ третьей публикаціи; конечно, это постановленіе несравненно легче прежняго, дѣйствовавшаго до 1856 года. Но все-таки и теперь, какая бы ни была настоятельная надобность уѣхать за-границу — для лѣченія, по торговымъ или сейменымъ дѣламъ, надобно ждать нѣсколько недѣль. А теперь сношенія съ за-границей день ото дня дѣлаются чаще и чаще, и сдѣлаются безпрерывными по окончаніи петербургско-варшавской дороги. Въ три недѣли и теперь можно объѣхать всю Европу и воротиться въ Петербургъ, — и столько же времени, по-крайней-мѣрѣ, нужно, чтобъ получить за-граничный паспортъ, не считая того, сколько времени и хлопотъ надобно употребить для полученія права на полученіе паспорта отъ начальствъ, думъ и т. п. Къ чему ведутъ эти публикаціи? Отъ чего они существуютъ только у насъ, а за-границей нигдѣ не слышно объ нихъ? Опять здѣсь дѣйствуетъ опасеніе, — что должникъ уйдетъ отъ кредиторовъ! Но если долговая претензія основательна, то русскій судъ вызываетъ отвѣтчика, и если онъ не явится, то судятъ дѣло и безъ него, — а пестецъ получивъ актъ судебного приговора, можетъ преслѣдовать должника и за-границей, — а векселя и заемныя письма имѣютъ силу въ цѣломъ мірѣ. И во многихъ случаяхъ кредитору было бы выгоднѣе еслибъ должникъ уѣхалъ за границу, потому что, смѣемъ увѣрить, во многихъ государствахъ Запада дѣла о долговыхъ взысканіяхъ идутъ гораздо быстрее, чѣмъ у насъ. И наконецъ, почему *все* путешественники должны подвергаться трехнедѣльной задержкѣ для удобства кредиторовъ нѣсколькихъ господъ,

нежелающих расплатиться съ ними? Каждый, кто довергаетъ другому деньги или товары, не обезпечивая долга его недвижимымъ имуществомъ, долженъ самъ заботиться о вѣрности платежа въ срокъ, наблюдать за своимъ должникомъ, и полиція не обязана, въ виду интересовъ кредиторовъ, еслибъ даже и былъ въ этомъ ихъ интересъ, подвергать тяжелой задержкѣ всю массу путешественниковъ.

III.

Мнѣніе г. Погодина о своемъ собственномъ диспутѣ.

Въ вышедшей на дняхъ книгѣ «Русской бесѣды» г. Погодинъ помѣстилъ печатное опроверженіе мнѣнія г. Костомарова о литовскомъ происхожденіи Руси, предпославъ ему въ видѣ введенія отчетъ о диспутѣ. Поговоримъ объ отчетѣ. Непріятно поражаетъ, даже изумляетъ тонъ отчета и тотъ удивительный маневръ, который употребляетъ г. Погодинъ съ цѣлью доказать, что онъ шутилъ, а всѣ принимали его шутку за серьезное дѣло, и теперь онъ отъ души хохочетъ надъ простотою своихъ обратій.

Полно-те, такъ ли все происходило, какъ вы пишете? Погодите: *giga bien, qui giga le dernier*. Вотъ что пишетъ г. Погодинъ о своемъ вызовѣ: «Письму своему я далъ шутливый тонъ для того, чтобъ, во-первыхъ, *не придавать важною рѣчью излитию отъ мнѣнія* (NB. по мнѣнію г. Погодина всякое его слово, даже опроверженіе, если оно сказано серьезно, подымаетъ на большую высоту и мнѣнія и людей), въ моихъ глазахъ совершенно несостоятельному, во-вторыхъ потому, что не могъ же я читать статью ученаго «Современника», а слѣдовательно и говорить объ ней безъ смѣха. Я былъ увѣренъ, что, прочитавъ и обдумавъ мое письмо, г. Костомаровъ согласится со мною, и чтобъ облегчить ему согласіе, *подать удобный случай, сказать нѣсколько удачныхъ словъ въ отвѣтъ* (NB. какое великодушіе!), я предложилъ дуэль.

«Это было ничто иное, какъ шутка. Что это была шутка, то, казалось мнѣ, выразилъ я ясно въ словахъ, слѣдующихъ за предложеніемъ: *«Безъ шутокъ, прѣхавъ на недѣлю въ Петербургъ, я предлагаю вамъ публичное разсужденіе въ университетѣ, географическомъ обществѣ или академіи, въ присутствіи лицъ, принимающихъ живое участіе въ вопросѣ.»*

Почему же г. Костомаровъ и всѣ читавшіе это письмо, должны были считать предложеніе за шутку? Не потому ли, что г. Погодинъ говоритъ: «Безъ шутокъ... предлагаю вамъ» и проч.? Правда, что тонъ письма оригинальный и нѣсколько шуточный, но вѣдь въ этомъ тонѣ написаны и изслѣдованія, замѣчанія и лекціи г. Погодина и всѣ его критическія статьи! Одно изъ двухъ: или онъ вездѣ шутилъ, или предложеніе не было шуткой. И притомъ къ чему была эта шутка? «Чтобъ облегчить г. Костомарову согласіе и подать ему случай сказать нѣсколько удачныхъ словъ....» Это придумано г. Погодинымъ хуже всего, и это дѣйствительно шутка....

Г. Погодинъ, по его словамъ, удивился, что г. Костомаровъ принялъ его вызовъ не за шутку, и не желая показаться, что труситъ, согласился на бой.

«Гдѣ же намъ условиться о времени, мѣстѣ, порядкѣ боя?»

«Кстати мы приглашены на вечеръ къ г. Калачову — тамъ переговоримъ всѣ вмѣстѣ.»

«Собрались профессора, академики, литераторы. Я понадѣялся, сказать правду, что большинство скажетъ намъ: объ чемъ же вамъ спорить, господа? Дѣло ясно. Сравненія мнѣній, количества, твердости доказательствъ быть не можетъ. Есть только недоразумѣнія на той и на другой сторонѣ: вамъ нужно только объясниться, пожалуй, передъ нами.»

«Нѣтъ, этого не слышалось. Большинство или запомнвало на ту пору старыя основанія, или не познакомило съ новыми, или увлеклось только мыслію о спорѣ, независимо отъ его содержанія.»

«Возникли вопросы: кто нападаетъ — Погодинъ или Костомаровъ. Нападаетъ Погодинъ, ибо онъ вызываетъ, говорили одни. А другіе отвѣчали: нѣтъ, нападаетъ Костомаровъ, ибо онъ представляетъ новое мнѣніе; онъ нападаетъ на старое мнѣніе, а Погодинъ только защищается.»

«Тотчасъ разговоръ перешелъ къ сравненію спора ученаго съ юридическимъ, и явилась на сцену мысль о судьяхъ или арбитрахъ, которые, выслушавъ обѣ стороны, рѣшили бы, кто правъ, кто виноватъ.»

«Если отъ великаго до смѣшнаго одинъ только шагъ, господа, то отъ серіознаго до смѣшнаго еще ближе. Нельзя никому придти съ мнѣніемъ о китайскомъ, японскомъ или тибетскомъ происхожденіи, а уйдти непремѣнно съ монгольскимъ или манжурскимъ.»

Дѣло происходило однако не совсѣмъ такъ, какъ передаетъ г. Погодинъ, и большинство вовсе не было такъ близоруко, какъ онъ хочетъ представить.

Приглашенные должны были подавать мнѣнія не о томъ: быть или не быть диспуту, а о томъ: какъ его устроить, чтобъ онъ былъ не потѣхою, потому что вопросъ о диспутѣ, то есть о томъ, что онъ состоится, былъ уже рѣшенъ обоими противниками въ газетахъ. Г-ну Погодину говорили: «Для правльаго хода диспута необходимъ судья или президентъ, который бы направлялъ ходъ, остановивъ диспутантовъ, когда они вздумали бы удалиться въ сторону отъ предмета (что очень часто случается на диспутахъ), установилъ бы пункты пренія, и закрылъ бы диспутъ, когда увидѣлъ, что противники сказали все, что идетъ къ дѣлу. Безъ этого не будетъ не только внутренняго порядка, то есть порядка въ преніяхъ, но и внѣшняго: будетъ шумъ, хлопанье, свистъ, выйдетъ скандалъ и больше ничего». Г. Погодинъ рѣшительно отвергъ это предложеніе. Кажется, какъ послѣ и оказалось, только потому, что ему хотѣлось самому сказать и привѣтствіе публикѣ и сдѣлать заключеніе о диспутѣ, и такимъ образомъ быть и борцемъ и судьей.

Далѣе, говорили г. Погодину: «Во Франціи адвокаты собираются ежемѣсячно для сужденія о какомъ нибудь спорномъ вопросѣ права. Старшина объявляетъ за мѣсяць о темѣ, избираются защитники про и contra; въ преніяхъ принимаютъ участіе всѣ присутствующіе; за тѣмъ президентъ дѣлаетъ резюме, и предлагаетъ на балотировку: какое мнѣніе кажется болѣе вѣрнымъ? Конечно, это рѣшеніе не связываетъ ничьего личнаго мнѣнія, но оно все таки составляетъ нѣкоторый авторитетъ не только для адвокатовъ, но и для судей. Если мнѣніе принимается огромнымъ большинствомъ, то приверженцы противнаго, если и не убѣждаются, то соглашаются, что ихъ мнѣніе еще не можетъ выдержать серьезнаго спора, и не рѣшаются поддерживать его въ защитительныхъ рѣчахъ и сочиненіяхъ, развѣ откроютъ новые аргументы. По этому, если диспутъ г. Погодина съ г. Костомаровымъ есть рѣшенное дѣло, то для того, чтобъ онъ имѣлъ какой нибудь результатъ, слѣдуетъ избрать человекъ двадцать или тридцать, которые по окончаніи пренія объявили бы, какое изъ двухъ мнѣній о происхожденіи Руси имѣетъ въ настоящее время болѣе сильныя доказательства, или, какъ прибавляли нѣкоторые, объявить: имѣетъ ли мнѣніе г. Костомарова серьезныя основанія, или нѣтъ?» Г. Погодинъ нашелъ француз-

скій обычай превосходнымъ, но при всемъ томъ остался при прежнемъ мнѣніи, что ни судей, ни рѣшенія не нужно. Г. Костомаровъ, напротивъ того, настаивалъ на необходимости судей. «Я долженъ знать, имѣеть ли силу мое мнѣніе въ глазахъ людей компетентныхъ. Если мнѣ скажутъ они, что оно не имѣеть основаній, я отъ него торжественно откажусь, готовъ выполнить какой хотите обрядъ покаянія.» Вообще, г. Костомаровъ не обнаружилъ той родительской нѣжности къ Жмуду, какую г. Погодинъ питаетъ къ норманамъ. Но г. Погодинъ остался непреклоненъ, какія ни предлагались ему комбинаціи. Кто же виноватъ послѣ этого, что изъ диспута вышло не то, что могло бы выйдти? Виновна ли публика въ беспорядкѣ, когда не было никого, кто бы руководилъ преніями, когда диспутанты къ ней обращались за рѣшеніемъ, а чѣмъ же инымъ она могла отвѣчать, какъ не хлопаньемъ или свистомъ. Что было дѣлать публикѣ, какъ не кричать безпрестанно, «садитесь», когда никого не было, кто бы наблюдалъ хотя за нѣкоторымъ внѣшнимъ порядкомъ въ залѣ, гдѣ было болѣе тысячи человекъ! Опять таки это вина г. Погодина.

Г. Погодинъ справедливо говорить въ своемъ отчетѣ, что онъ не желалъ диспута въ присутствіи публики, — онъ желалъ, чтобы были только студенты, профессора и нѣсколько другихъ ученыхъ и литераторовъ. Но ему на это отвѣчалъ одинъ изъ бывшихъ на вечерѣ профессоровъ: «Это невозможно. У насъ теперь двери университета открыты для публики на всѣ лекціи. Какъ же вы хотите, чтобы мы затворили ихъ для такого необыкновеннаго случая. Да намъ, послѣ этого, прохода не дадутъ въ обществѣ». Опять таки г. Погодинъ самъ виноватъ, что диспутъ происходилъ не при такой обстановкѣ, какъ онъ желалъ. Не слѣдовало ему печатать вызова и избирать университетъ мѣстомъ. Если г. Погодинъ недоволенъ диспутомъ, то въ этомъ долженъ винить самого себя: онъ самъ первый предложилъ диспутъ, избралъ для него самую худшую форму, вопреки мнѣнію г. Костомарова и многихъ другихъ. Но г. Погодинъ не захотѣлъ сознаться, а придумалъ новое и весьма остроумное средство: написать въ Москвѣ, что онъ шутитъ въ Петербургѣ. Послѣ этого, можно ожидать, что когда нибудь онъ скажетъ, что статья его въ «Весѣдѣ» также шутка.

Не думаемъ, чтобы такая тактика принесла пользу г. Погодину.

А. Л.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Герой провинціи. — Герой столицы. — Ранняя гроза. — Лѣтній садъ. — Дѣтскій балъ и мнѣвіе нѣкоторыхъ философъ. — Ничто о балаганахъ. — Чиновники. — Преобразование по морскому министерству. — Ассоціація чиновниковъ. — Дуэли. — Браки. — Спектакль общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. — Пожертваніе въ пользу этого общества. — Абонементные билеты царско-сельской желѣзной дороги. — Новая опера. — О Лагуа. — Новый воздушный шаръ.

Къ тебѣ взываю я, о! моя бѣдная муза, воспѣвавшая доселѣ красоту столичныхъ улицъ и окрестной природы или досто-славные подвиги моихъ достойныхъ согражданъ и согражданокъ! Ты, скромная и подъ часъ можетъ быть скучная муза фельетона, подбодрись, отбрось стыдливость, возчувствуй свое достоинство и силы и помоги мнѣ повѣдать моимъ читателямъ нѣсколько похвальныхъ словъ нѣкому мужу, нѣкому такъ сказать, герою и барину, доказавшему, что и обитатель провинціи можетъ выкинуть такую прелестную штуку, за которую имя его содѣлается извѣстнымъ во всѣхъ углахъ Россіи и запишется на скрижали столичнаго фельетона. Много въ Петербургѣ новаго, много занимательнаго, отъ ассоціаціи бѣдныхъ чиновниковъ до новаго воздушнаго шара, но всему свое мѣсто, а первое — вамъ, г. Стромилловъ. Въ газетномъ перечнѣ приключеній, совершившихся въ нашеиъ обширномъ отечествѣ, между прочимъ, показано:

«Убіиство въ Тверской губерніи. Въ выше-волоцкомъ уѣздѣ, 17-го февраля, тамошній *помѣщикъ* Владиміръ Стромилловъ, проѣзжая по дорогѣ отъ деревни Матусовъ къ деревнѣ Череды, встрѣтился съ ѣхавшимъ крестьяниномъ деревни Матусовъ, Гавриломъ Никифоровымъ, и какъ сей послѣдній не успѣлъ своротить съ дороги свою лошадь, то Стромилловъ, выскочивъ изъ саней, хотѣлъ прибить за это Никифорова, но когда Никифоровъ убѣжалъ отъ него, то Стромилловъ началъ бить жену Никифорова, Дарью Иванову, у которой была на рукахъ грудная дочь Анисья. Вслѣдъ за этимъ ребенокъ, бывшій у крестьянки Ивановой, оказался мертвымъ. По изслѣдованію открыто, что означенный младенецъ умеръ отъ задушенія, послѣ-

довавшего, вѣроятно, въ то время, когда крестьянка Иванова защищалась отъ наносимыхъ ей Стромилловымъ побоевъ.

Перечитывая это простое описаніе громкаго подвига Владимира Стромилова, я чувствую, что муза моя остается все таки скромною музою и рѣшительно отказывается воспѣть пня вышеупотянутаго героя. Муза моя очевидно сконфузилась и безсвязно лепечетъ :

— Тамошній помѣщикъ... сей крестьянннъ не успѣлъ своротить... бить крестьянку... грудная дочь... Владиміръ Стромилловъ... Владиміръ Стромилловъ... Въ наше время, когда благодѣтельная гласность, Владиміръ Стромилловъ... Владиміръ Стромилловъ... не успѣлъ своротить...

Чортъ знаетъ, что городить моя оробѣвшая муза; ясно: она не дозрѣла до предметовъ возвышенныхъ или высокыхъ; станемъ говорить о предметахъ низкихъ.

Въ одномъ изъ нумеровъ «С. Петербургскихъ Вѣдомостей» въ прошедшемъ году появилось объявленіе объ изданіи, лѣкаремъ, надворнымъ совѣтникомъ Иваномъ Михайловичемъ Нерехтскимъ *Греческаго и Латинскаго Корнеслововъ*. Объявленіе это соблазнило вольнопрактикующаго лѣкаря въ г. Славянскѣ Карла Шуплевича и сей послѣдній *озалъ* да и послалъ въ Петербургъ къ надворному совѣтнику Нерехтскому рубль серебромъ... Ждать пождать — ибѣтъ корнеслововъ, процю такимъ манеромъ мѣсяца два и вдругъ вольнопрактикующій лѣкаря Карлъ Шуплевичъ получаетъ отъ петербургскаго лѣкаря, надворнаго совѣтника Ивана Михайловича Нерехтскаго писульку слѣдующаго содержанія :

«М. Г. К. С.»

Мнѣ невзвѣстно, кто подъ мопмъ пменемъ напечаталъ въ 228 N° «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» прошлаго 1859 года объявленіе объ изданіи «Греческаго и Латинскаго корнеслововъ», и потому прошу считать не дѣйствительнымъ (?). *Денги, одинъ рубль серебромъ, я получилъ, но возвратитъ не могу, ибо не имью въ на.шности и не имью надежды откуда либо получить для уплаты.*

«Лекаръ Нерехтскій.»

Коротко, ясно и мило! Положительно, я никогда не читывалъ ничего подобнаго въ этомъ навнжомъ родѣ. О! неподражаемый Иванъ Михайловичъ! вы рѣшительно обезсмертили свое имя. Теперь уже не будутъ говорить: *наивенъ или наивна, какъ ни-*

ститутка; нѣтъ, теперь станутъ говорить мажентъ или наивна, какъ Иванъ Михайловичъ Нерехтскій. Я думаю, если г. Карлъ Шуплевичъ поведетъ дѣло судебнымъ порядкомъ, самый судъ, сама управа благочинія опуститъ руки передъ такъ простодушно-присвоеннымъ чужимъ рублемъ. Кто осмѣлится осудить Ивана Михайловича Нерехтскаго, у кого подыметъ рука? Развѣ у Владимира Стромилова...

Воздавъ должное двумъ современнымъ героямъ, я имѣю полное право поднести мопмъ читателямъ букетъ петербургскихъ новостей и удовольствій. Начнемъ, по порядку, съ погоды. 6-го Апрѣля, къ общему удивленію, въ Петербургѣ грянулъ громъ. Это ранняя гроза возбудила разнорѣчивые толки и предсказанія; кто видитъ въ этомъ предвѣстіе теплаго лѣта, кто полагаетъ напротивъ, что лѣто будетъ скверное и, какъ бы то ни было, всѣ или почти всѣ запасаются карточнымъ домикомъ in's Grüne. Въ лѣтнемъ саду каждый день, отъ трехъ до пяти часовъ, прогуливаетъ себя петербургскій beau monde, и будетъ онъ такъ прогуливать себя до-тѣхъ-поръ, пока деревья не одѣнутся листьями; тогда порядочному человѣку стыдно показаться въ лѣтній садъ; порядочный человѣкъ долженъ уѣхать въ чужія края, въ деревню или по крайней мѣрѣ на дачу, а если и случится ему какъ нибудь остаться въ городѣ, то долженъ онъ скрывать это приличнымъ образомъ. Въ лѣтнемъ саду могутъ гулять няньки и дѣти...

Кстати о дѣтяхъ: на четвертый день праздника дѣти танцевали въ залѣ дворянскаго собранія въ пользу «руководящихъ и ея отдѣленія лицъ недостаточнаго состоянія.» *Публики* было не много; одни изъ зрителей восхищались этими разряженными *куколками*, такъ мило подражающими большимъ; другіе, не въ обиду нѣжнымъ родителямъ, находили, что всѣ эти крошечныя брюнетки и блондинки, въ пышныхъ кринолинахъ, кокетничавшія съ будущими гвардейцами, дипломатами и чиновниками, напоминаютъ ученыхъ собачекъ... Многіе, очень серьезно порицаютъ всѣ эти дѣтскіе балы и рауты, находя, что какой нибудь восьмилѣтней красавицѣ и десяти-лѣтнему кавалеру гораздо здоровѣе и приличнѣе побѣгать съ обручемъ по аллеѣ лѣтнаго сада или попрыгать черезъ веревочку и въ десять часовъ вечера лечь спать. За чѣмъ, говорятъ эти философы, насиловать природу, за чѣмъ, прежде времени набивать дѣтскія головы разнымъ вздоромъ? Я думаю всѣ, кромѣ тщеславныхъ маменекъ, согла-

сятъ, что философы эти правы и что маленькому Алешѣ приличнѣе заниматься арифметикой, чѣмъ Лизой.

Никто конечно не посѣтуетъ на меня, если я, нарушая хронологическій порядокъ моихъ сказаній, пропущу всѣмъ и хорошо извѣстныя балаганныя наслажденія — объ этомъ было говорено не разъ, новаго въ этомъ деревянномъ городкѣ, выростающемъ ежегодно на адмиралтейской площади, нѣтъ ничего; тотъ же Бергъ, Симонсонъ, качели, орѣхи, мороженое, остроумники съ пеньковыми бородами и проч. и проч.

Съ удовольствіемъ сообщаемъ нашимъ читателямъ о выходѣ новаго положенія о преобразованіяхъ по морскому министерству. Этимъ положеніемъ сокращены штаты чиновниковъ, но за то увеличены и ихъ оклады и расширена сфера ихъ дѣятельности и власти; оставшіеся за штатомъ чиновники, разумѣется недовольны новымъ положеніемъ, но на всѣхъ угодить нельзя и ни одно нововведеніе не обходиться безъ жертвы. Было время когда всякая служба, кромѣ военной, занятіе торговлею и даже наукой считалось неприличнымъ для дворянина; теперь, слава Богу, это время прошло, наступитъ время когда и занятія ремеслами и мелочная торговля, и даже служба въ приказчикахъ не будутъ считаться унизительною для кандидата или дѣйствительнаго студента императорскаго университета, — образованіе не будетъ обязывать непременно сдѣлаться чиновникомъ и даже благовоспитанныя барышни будутъ предпочитать умныхъ, честныхъ и дѣльныхъ приказчиковъ и сидѣльцевъ чиновникамъ тунеядцамъ или взяточникамъ. Пока наступитъ это время, сами чиновники взялись за умъ и начали прискипвать средства къ обезпеченію своего существованія. Во всѣхъ газетахъ было напечатано предположеніе г. Высотскаго объ учрежденіи чиновничьей кассы, въ которую желающіе должны внести втеченіе двухъ лѣтъ по двадцати рублей серебромъ. Разсчитывая, что изъ этихъ взносовъ составитъ капиталъ до двухъ-сотъ тысячъ рублей серебромъ, Г. Высотскій предполагаетъ устроить ремесленныя и торговыя заведенія для снабженія участвующихъ въ предпріятіи дешевыми товарами и жизненными потребностями въ кредитъ, завести вспомогательный капиталъ для отдачи въ займы за небольшіе проценты, учредить школы и пр. Мы не думаемъ, чтобы всѣ эти блага можно было пріобрѣсти, внеся одновременно въ кассу двадцать рублей серебромъ, но тѣмъ не менѣе сочувствуемъ этому предпріятію: если чиновники не заведутъ для себя портныхъ и сапожныхъ мастерскихъ и не будутъ

производить мелочной торговли, по крайней мѣрѣ въ случаѣ крайней надобности, неизбѣжной въ жизни бѣднаго семейнаго человѣка, приобрѣтутъ возможность достать небольшую сумму денегъ, избѣгая непріятности обращаться къ живодѣрамъ ростовщикамъ и еще бѣдшей непріятности просить въ счетъ жалованья у лицъ, которыя бѣдшею частію непріязненно принимаютъ такіа неделекатныя просьбы. Послѣ перваго собранія акціонеровъ предпологаемаго общества положено избрать депутатовъ отъ каждаго присутственнаго мѣста для обсужденія проекта устава, для выбора распорядителя предпріятія и т. п. Для найма помѣщенія и другихъ издержекъ положено было собрать по десяти копеекъ съ каждаго изъясвившаго желаніе участвовать въ предпріятіи, но почтовое вѣдомство чрезъ своего депутата благородно предложило безденежное помѣщеніе и освѣщеніе въ принадлежащей ему залѣ почтоваго пароходства, на англійской набережной; первыя собранія или, какъ называетъ газета Русской Миръ, первыя митинги депутатовъ уже были устроены; они ограничились выборомъ предсѣдателя и дѣлопроизводителя. Для дальнѣйшихъ разсужденій положено собираться каждую среду въ семь часовъ вечера. Отъ чистаго сердца желаемъ полнаго успѣха предпріятію гг. чиновниковъ!

Быстро идетъ человѣчество по пути развитія, но какъ много нужно уничтожить, какъ много нужно измѣнить или вповь прибавить въ обрядѣ общественной жизни для того, чтобы, не говоря уже о недостижимомъ совершенствѣ, сдѣлать жизнь въ обществѣ сколько-нибудь раціональною и сносною. Но къ несчастію долго еще будутъ процвѣтать вѣковые нелѣпыя предразсудки, которые неразрывною сѣтью опутали наше общество; къ несчастію долго еще придется читать извѣстія въ родѣ дуэли барона Корфа и Набокова, барона Мейендорфа и Демидова. Для каждаго мыслящаго человѣка очевидна вся неосновательность, вся нелѣпость этого способа расправы и долго еще самый глубокой мыслитель можетъ быть поставленъ въ тоже положеніе, что ему придется съ пистолетомъ или шпагою въ рукахъ, вѣрностію глаза или силою мышцъ доказывать свою справедливость, омыывать пятна сдѣланныя умышленно на его чести.

Извѣстіе о дуэли поднимаетъ вопросъ о другой, еще мало вездѣ изслѣдованной и плохо устроенной сторонѣ общественной жизни, вопросъ о нашихъ семейныхъ отношеніяхъ. Сколько возмутительныхъ семейныхъ драмъ разыгрывается ежедневно, и ли-

кто не обращаетъ на нихъ вниманія. Корень этого, едвали исправимаго зла, скрывается въ способѣ заключенія нашихъ семейныхъ обязательствъ. Какъ, и зачѣмъ женятся люди? Иные, аристократы родовые и денежные, заключаютъ браки на основаніи семейныхъ или торговыхъ отношеній, семейная жизнь и семейное счастье не принимаются вовсе въ соображеніе, да семейная жизнь и не стѣснительна при богатствѣ, и мужъ и жена живутъ какъ имъ вздумается, имъ нечего заботиться другъ о другѣ, не сошлись характерами и могутъ не встрѣчаться по цѣлому году. Въ низшемъ классѣ браки заключаются для образованія такъ называемаго тягла, въ видахъ увеличенія населенія: недостаточная степень нравственнаго развитія и тяжелый механической трудъ, заглушающій потребности, пожалуй хоть капризы, ума и сердца, дѣлаютъ невозможнымъ семейныя драмы, которыя могутъ случиться только въ видѣ рѣдкаго исключенія.

Болѣе всего, въ этомъ отношеніи, страдаетъ такъ называемое среднее сословіе; не говоря уже о недостаточности и вредномъ направленіи воспитанія нашихъ женщинъ, разберемъ жизнь ихъ со вступленія въ общество. Молодая дѣвушка, положимъ очень умная, достаточно развитая и образованная появляется въ обществѣ подѣ крылышкомъ заботливой маменьки; ее окружаютъ молодые люди, танцуютъ съ нею, говорятъ по большей части пошлыя любезности, но иногда и умныя рѣчи; въ кругу этихъ молодыхъ людей проходитъ вся жизнь ея до замужства; весьма естественно, что къ этому же кругу долженъ принадлежать и избранникъ ея сердца, но онъ молодъ, ему трудно содержать себя одного, а потому онъ совсѣмъ не рассчитываетъ жениться. Настоящіе женихи въ это время курятъ сигары и козыряютъ въ сосѣднихъ съ танцевальною залою комнатахъ; во время сдачи они поочередно показываются у дверей, орлинымъ взглядомъ окидываютъ рой любимыхъ самокъ и выбираютъ изъ нихъ будущую хозяйку, развлеченіе и подпору ихъ старости. Выборъ сдѣланъ, сороколѣтній холостякъ послѣ ужина пускается въ плясъ, ангажируетъ свою жертву, потѣшаетъ ее нѣсколькими каламбурами и остротами изъ письмавника Курганова, иногда и собственнаго изобрѣтенія, потомъ знакомится съ ея родителями, начинаетъ бывать въ домѣ: но не думайте, чтобъ онъ старался узнать въ это время характеръ и склонности своей будущей подруги, ничего не бывало, онъ играетъ въ преферансъ съ родителями, въ антрактахъ проситъ ее что-нибудь спѣть или сыграть на фортепьяно, иногда пригласитъ ей

бонбоньерку, билетъ въ театръ и т. п. Родители догадываются и сообщаютъ свои замѣчанія дочери. Сильно бьется у бѣдняжки сердце, она мечтала совсѣмъ не о такой партіи, но ей съ малолѣтства внушено, что нужно непременно выйдти замужъ, что это *единственное* назначеніе женщины. Что тутъ дѣлать? Вся надежда на избранника сердца, и вотъ если достанетъ смѣлости, она начинаетъ дѣлать ему намеки, говорить что за нее сватаются, но женихъ ей не нравится, впрочемъ надо же когда-нибудь *пристроиться* и т. п. Опытный юноша старается замѣть такіе многозначительные разговоры, потомъ и вовсе избѣгаетъ и разговоровъ и самой барышни. Она замѣчаетъ это, и раздосадованная, оскорбленная, разочарованная (въ ея лѣта такъ легко очаровываются и разочаровываются) даетъ согласіе пошлому жениху, предложеніе котораго ей очень кстати сообщаютъ родители. И вотъ шестнадцати или семнадцатилѣтняя дѣвушка идетъ къ алтарю съ человѣкомъ совершенно для нея чуждымъ, и не имѣя права по закону подписать сторублеваго денежнаго обязательства, на всю жизнь подписываетъ условіе любить незнакомаго человѣка и быть ему вѣрною. Если мужъ человѣкъ порядочный и жена умная женщина, все идетъ сносно, они по немногу сживаются, рождаются дѣти, заботы объ нихъ и о хозяйствѣ не даютъ молодой женщинѣ времени мечтать и задумываться. Но къ несчастію это рѣдкое исключеніе: все испытавшій, все пережившій, иногда зашпвающій и играющій въ карты мужъ начинаетъ мучить жену то грубостями и капризами, то тривиальными ласками; прежде она была къ нему равнодушна, теперь чувствуетъ отвращеніе и съ такимъ-то чувствомъ должна быть съ нимъ неразлучна, и день и ночь должна казаться любящей, внимательной, иначе будетъ браниться и свирѣпствовать мужъ, и осуждать родные и знакомые.

И никакой надежды на лучшее будущее, никакого выхода изъ невыносимо-мучительнаго положенія! Воръ, убійца, нарушитель общественнаго положенія, не всегда осуждаются на вѣчную каторгу, даже и въ послѣднемъ случаѣ могутъ надѣяться на амнистію; для женщины, связанной судьбою съ ненавистнымъ мужемъ, надежды не существуетъ. — А какова эта каторга, можетъ судить всякій, кому случилось имѣть безпокойнаго, антипатичнаго сожителя или даже сосѣда, отъ которыхъ онъ страдалъ невыносимо, хотя имѣлъ полное право и возможность какъ можно рѣже пользоваться ихъ пріятнымъ обществомъ, а женщина лишена и этой возможности. Тоже самое ожидаетъ и

кроткаго, умнаго мужа, если судьба пошлетъ ему жену съ моднымъ воспитаніемъ и испорченнымъ характеромъ. Мудрено ли послѣ этого если на каждомъ шагу разыгрываются семейныя драмы, о которыхъ мы узнаемъ только тогда, когда принимаемъ въ нихъ личное участіе, или когда какая-нибудь скандальбзная исторія сдѣлаетъ ихъ извѣстными чрезъ газеты.

Чувствуемъ, что надоѣли читателямъ іереміадами, навѣянными современными событіями; обращаемся къ другимъ болѣе утѣшительнымъ явленіямъ. Нельзя не порадоваться успѣху, который сопровождаетъ всѣ дѣйствія вновь учрежденнаго общества вспомоществованія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Москва принимаетъ въ немъ весьма дѣятельное участіа: артисты московскаго театра и извѣстные московскіе музыканты устроили литературно-музыкальный вечеръ, въ которомъ принимали участіе гг. *Щепкинъ*, *Садовскій*, *Самаринъ*, *Шумскій* и *Васильевъ*. Сборъ около 1660 рублей уже доставленъ г. Щепкинмъ въ кассу общества. Въ С.-Петербургѣ даны были два спектакля въ концертной залѣ г. Руадзе. На первомъ шелъ «Ревизоръ» Гоголя, на второмъ «Женитьба» Гоголя и «Провинціалка» г. Тургенера. Зала Руадзе очень хорошо устроена и очень обширна, но неполнѣ удовлетворяетъ своей цѣли, потому что имѣетъ только одинъ подъѣздъ и тотъ выходитъ на узенькую набережную Мойки. Во время перваго спектакля погода была дождливая, и посѣтителы обязаны были весьма далеко идти пѣшкомъ, потому что на набережной до того стѣснились экипажи, что въ ожиданіи ихъ разѣзда можно было пропустить представленіе; и безъ того многіе приходили въ залу уже въ концѣ перваго дѣйствія. Собраніе было многочисленное, дамскіе кринолины рѣшительно уничтожали всякую возможность движенія. — Ревизоръ былъ разыгранъ дружно и прекрасно, ни одинъ изъ исполнителей не выдѣлялся рѣзко, но не одинъ и не портилъ своей роли. Г. Писемскій, игравшій роль городничаго, былъ одинаково хорошъ во всѣхъ дѣйствіяхъ, къ сожалѣнію лучшія мѣста его роли въ первомъ и послѣднемъ дѣйствіи совершенно пропали по милости нашей созрѣвшей публики. Суматоха въ первомъ дѣйствіи произошла отъ причины, объясненной выше, но шумъ и движеніе въ послѣднемъ актѣ объясняются тѣмъ постояннымъ увлеченіемъ, съ которымъ наша публика старается скорѣе убѣжать изъ спектакля, и съ ученаго диспута, и съ публичной лекціи; это стремленіе объясняется во-первыхъ ребя-

чекимъ желаніемъ, скорѣе выручить верхнее платье и найти экипажъ, чтобы уѣхать прежде другихъ, и во-вторыхъ, непросительнымъ тщеславіемъ показать другимъ, что «мы де это ужъ видѣли, намъ не въ диковину.» Фактъ этотъ чрезвычайно возмутителенъ: въ немъ обнаруживается какое-то пренебреженіе и къ обществу, и къ артистамъ, и незнаніе самыхъ первыхъ законовъ приличій. Мудрено ли, что при такомъ явномъ неуваженіи не только къ отдѣльной личности, но и къ цѣлому обществу, мы часто читаемъ печальныя извѣстія о дуэляхъ?

Для живущихъ въ Царскомъ Селѣ и Павловскѣ, вѣроятно интересно извѣстіе, что компанія царскосельской желѣзной дороги, съ 15 апрѣля, открыла абониментъ билетовъ съ значительною уступкою. Отъ С. Петербурга до Царскаго-Села въ первомъ классѣ вмѣсто 65 по 55 копеекъ, во второмъ, вмѣсто 50 по 40, до Павловска въ первомъ классѣ, вмѣсто 85 по 70 и во второмъ, вмѣсто 65 по 50 копеекъ. Билеты выдаются книжками по 50 нумерныхъ билетовъ, каждый разъ при отъѣздѣ вырванный изъ книжки билетъ, обмѣнивается на обыкновенный съ тѣмъ, чтобы правленіе дороги могло распорядиться назначеніемъ достаточнаго числа экипажей. Билеты имѣютъ силу до перваго января 1861 года.

На русскомъ театрѣ играетъ гостинныя роли г. Шумскій, артистъ московскихъ театровъ, а на нѣмецкомъ, пріѣхавшій изъ Германіи, г. Гаазе, о дебютахъ ихъ мы постараемся дать отчетъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ.

Къ числу будущихъ удовольствій должны, между прочимъ, отнести разучиваемую русскою оперною труппою новую оперу: «Кавказскій плѣнникъ»; либретто заимствовано, какъ легко догадаться, изъ поэмы Пушкина, а музыка написана гвардейскимъ офицеромъ г. Куи. По слухамъ это первое произведеніе молодого композитора должно имѣть успѣхъ. Отъ души желаю, чтобы слухи эти оправдались.

Отъ русской оперы до итальянской — одинъ шагъ; стало быть весьма кстати будемъ передать здѣсь слѣдующее: газета «Ostdeutsche Post» извѣщаетъ о колоссальномъ успѣхѣ, какой имѣла въ Вѣнѣ г-жа Лагруа, дебютировавшая въ роли «Нормы». Со времени перваго появленія своего на театрѣ «Каринтійскихъ Ворота» она, по отзывамъ всѣхъ знатоковъ, сдѣлала большіе успѣхи. Таже газета сообщаетъ, что, по окончаніи сезона, г-жа

Лагруа уѣдетъ въ С.-Петербургъ, куда ангажирована на пять мѣсяцевъ за 19,000 рублей серебромъ. Г-жа Лагруа безспорно отличная пѣвица, но, согласитесь, и содержаніе не дурно.

Въ будущемъ, наконецъ, петербургской публикѣ предстоитъ наслажденіе изумляться необыкновенному произведенію уже нѣсколько знакомаго аэронавта г. Берга. Г. Бергъ готовитъ новый воздушный шаръ огромныхъ размѣровъ, на которомъ могутъ улетѣть, кажется, до тридцати человѣкъ. Кредиторы, присматривайте за вашими должниками!

Е. МОЛЛЕРЪ.

ПАМЯТНИКИ СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,

ИЗДАВАЕМЫЕ

ГРАФОМЪ КУШЕЛЕВЫМЪ-БЕЗБОРОДКО

ПОДЪ РЕДАКЦІЮ ПРОФЕССОРА Н. И. КОСТОМАРОВА.

Въ настоящее время кажется уже созрѣло сознание, что для уразумѣнія смысла исторіи недостаточно однѣхъ повѣствованій о минувшихъ политическихъ событіяхъ, законоположеній, указовъ, дипломатическихъ сношеній и вообще всѣхъ источниковъ, относящихся до государственнаго и административнаго строя. Только упорные старовѣры могутъ еще сомнѣваться въ томъ, что государственность со всѣми ея признаками есть только видимое историческое явленіе народной жизни и что послѣдняя составляетъ сущность того, что подлежитъ историческому уразумѣнію. Безъ знанія народнаго духа, понятій, воззрѣній, вѣрованій, сочувствій, антипатій, добродѣтелей и пороковъ народныхъ не возможенъ ясный взглядъ ни на политическія событія, ни на внутреннія учрежденія. — Служа отечественной исторіи и желая содѣйствовать успѣхамъ ея научной обработки, редакція «Русскаго Слова» полагаетъ не бесполезнымъ при своемъ журналѣ печатать въ видѣ приложений памятники старинной русской литературы до-петровскаго времени, большею частію до-сихъ-поръ скрытые въ рукописяхъ нашихъ книгохранилищъ или извѣстные по изданіямъ, разбѣяннымъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, не рѣдко въ отрывочномъ видѣ. Съ этою цѣлю, съ февраля мѣсяца, редакція приступаетъ къ изданію перваго тома

Сборника, названіе котораго выписано выше. Въ составъ его войдутъ: 1) Повѣсть о посадникѣ Щигѣ, съ картинами; 2) Горезлочаствіе; 3) Повѣсть о Дмитріѣ, кievскомъ купцѣ и его сынѣ; 4) О премудромъ Акирѣ; 5) Повѣсть о грѣшной матери, съ картинами; 6) Повѣсть о корыстолюбцѣ, съ картинами; 7) Ерусалапъ Лазаревичъ по списку XVII вѣка; 8) Повѣсть о прекрасномъ Девгеніи; 9) Повѣсть о Саввѣ Грудынь; — кромѣ того, нѣкоторые другіе памятники старинной русской литературы, выборъ которыхъ не рѣшенъ еще окончательно.

Памятники старинной русской литературы будутъ напечатаны или въ четвертку или въ большую осьмушку, смотря по тому, какой форматъ окажется болѣе удобнымъ для картинъ, которыя будутъ сняты фотографически. Собраніе этихъ картинъ, представляющихъ различныя стороны домашней старинной жизни русской, будетъ увеличено фотографическими снимками съ рисунковъ изъ Олеарія, Герберштейна, Струиса, Кленка и другихъ путешественниковъ, оставившихъ описанія о старинномъ бытѣ Россіи. Число всѣхъ фотографическихъ картинъ будетъ простираться до семидесяти; всѣ онѣ будутъ воспроизведены со всевозможною точностію, а тѣ изъ нихъ, которыя въ подлинникѣ раскрашены (такихъ будетъ до двадцати), въ такомъ же видѣ явятся въ снимкахъ.

Памятники старинной русской литературы назначаются исключительно для подписчиковъ «Русскаго Слова» и потому ихъ въ продажѣ не будетъ. Редакторъ «Русскаго Слова», принимающій на себя издержки по изданію памятниковъ старинной русской литературы, предлагаетъ гг. подписчикамъ своего журнала текстъ Сборника бесплатно. Приобрѣтеніе же собранія принадлежащихъ къ нему фотографическихъ картинъ, превышающаго своею цѣною подписную цѣну на журналъ, предоставляется собственному ихъ выбору. За каждую раскрашенную картину платится девяносто копеекъ, за черную двадцать пять копеекъ. Соображаясь съ этою цѣною, гг. подписчики могутъ присылать свои требованія. При нежеланіи получить полное собраніе картинъ (необходимое только для роскошныхъ экземпляровъ), выборъ ихъ будетъ сдѣланъ редакторомъ Сборника, профессоромъ Костомаровымъ. Каждый подписчикъ можетъ получить не болѣе одного экземпляра Сборника.

Хотя первый выпускъ Памятниковъ старинной русской литературы назначался въ маѣ, но въ настоящее время редакція имѣетъ подъ рукою такое количество матеріаловъ, что на пе-

чатаніе ихъ необходимо болѣе продолжительное время. Желая представить публикѣ Сборникъ въ гораздо полнѣйшемъ видѣ, чѣмъ предполагалось, и сверхъ того, соблюсти строгую правильность изданія, которой неизбѣжно препятствовала снѣжная работа, редакція вынуждена объявить, что Памятники не могутъ выйдти въ свѣтъ ранѣ послѣднихъ мѣсяцевъ текущаго года. Первый выпускъ будетъ обнимать отъ 30 до 40 печатныхъ листовъ въ 4^о большого формата въ 2 столбца и заключать въ себѣ до 30 статей, болшею частію повѣствовательнаго содержанія.

Чтобы гг. подписчики Русскаго Слова не встрѣтили затрудненія въ немедленномъ удовлетвореніи ихъ требованій, редакція покорнѣйше проситъ присылать эти требованія заранѣе *), обозначая въ нихъ сколько и какихъ картинъ (т. е., раскрашенныхъ или черныхъ) желаютъ они получить. При требованіи слѣдуетъ прилагать не менѣе третьей части цѣны желаемыхъ картинъ; остальные деньги можно доставить по выходѣ Памятниковъ старинной русской литературы, о чемъ редакція извѣститъ своевременно.

Съ переменною срока выхода въ свѣтъ Памятниковъ старинной русской литературы, редакція находитъ возможнымъ продолжить срокъ подписки на принадлежащее къ нимъ собраніе картинъ до 1-го августа.

Н. Костомаровъ

Графъ Г. Кушелевъ-Безбородко.

*) Требования слѣдуетъ адресовать такъ: въ редакцію Русскаго Слова, въ С.-Петербургѣ, на гагаринской пристани, въ домъ графа Кушелева-Безбородко.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 17.

(ВТОРОЙ ГОДЪ.)

Еще о состязаніяхъ гг. Петрова и Урусова. — Письмо князя Урусова. — Странныя ошибки. — Пополненіе пропуска въ переводѣ теоріи киперганей. — Дополненіе къ ней Макса Беццеля. — Биографія «найденыша». — Двѣ партіи Андерсена съ Гаррвитцомъ и Майетомъ. — Конецъ партіи И. С. Тургенева съ И. С. Шумовымъ. — Рѣшеніе задачъ. — Задачи. — Корреспонденція. Руководство къ изученію шахматной игры соч. кн. С. Урусова (статья 11-я).

Вскорѣ по выходѣ Шахматнаго Листка за декабрь минувшаго года, князь Урусовъ увѣдомилъ меня, что въ составленной имъ запискѣ о состязаніяхъ съ А. Д. Петровымъ онъ ошибся относительно ихъ результата; что въ дѣйствительности онъ выигралъ не шесть, а семь партій, проигралъ тринадцать, и одна окончилась розыгрышемъ. Оговорить эту ошибку въ слѣдующихъ выпускахъ Листка оказалось однако невозможнымъ, ибо князь Урусовъ не сообщилъ къ какому именно дню состязаній относится эта седьмая побѣда, а въ запискѣ его означены результаты каждаго дня, изъ сложенія которыхъ и получается показанный тамъ общій результатъ. Понятно, что нельзя измѣнить суммы, оставивъ слогаемыя въ прежнемъ видѣ. Все это я письменно объяснилъ, въ свое время, кн. Урусову. Но этимъ дѣло не кончилось, и на дняхъ я получилъ отъ кн. Урусова письмо съ извѣщеніемъ, что теперь-то ужъ онъ на вѣрно вспомнилъ дѣй-

ствительный результат своих знаменитых битвъ, который (по истинѣ чудеса!) не согласуется ни съ однимъ изъ его прежнихъ показаній. Князь Урусовъ положительно требуетъ, чтобы письмо его было напечатано въ Листкѣ. Мы не считаемъ себя вправѣ отказать ему въ томъ, хотя и находимъ, что письмо это не только не разъясняетъ, но напротивъ того еще болѣе запутываетъ дѣло.

«Вы извѣстили меня, — пишетъ кн. Урусовъ, — что г. Петровъ прислалъ, для помѣщенія въ Шахматномъ Листкѣ, статью, служащую отвѣтомъ на мою записку, напечатанную въ декабрьскомъ выпускѣ этого журнала. Не получивъ еще апрѣльской книжки, я не могу отвѣчать на статью г. Петрова, но изъ декабрьской вижу, что въ мою записку вкралась важная ошибка относительно моихъ съ нимъ состязаній, и ее-то я намѣренъ исправить. Я не могъ сдѣлать этого раньше, потому что только 2-го апрѣля получилъ декабрьскій Листокъ».

«Въ первые дни мы съиграли пятнадцать партій, изъ которыхъ я выигралъ семь, Петровъ семь, и одна была ничья; послѣ же упомянутого въ запискѣ промежутка, во второй періодъ, съиграли еще шесть партій; изъ нихъ я выигралъ только одну и одну привелъ къ розыгрышу. И того Петровымъ выиграно одиннадцать партій, мною восемь и ничьихъ двѣ. Этотъ результатъ ясно видѣнъ изъ фактовъ приведенныхъ въ запискѣ. Изъ помѣщенныхъ тамъ анализовъ моихъ игоръ съ Петровымъ явствуетъ, что я выигралъ первую, третью, шестую, седьмую, восьмую, десятую, двѣнадцатую и семнадцатую. Что же касается розыгрышныхъ партій, то одна (тринадцатая) приведена мною вполне, а о другой упоминаетъ Петровъ въ письмѣ къ К. А. Янишу».

Трудно понять почему кн. Урусовъ утверждаетъ, будто бы приводимый имъ теперь результатъ ясно видѣнъ, изъ сообщенныхъ въ его запискѣ фактовъ. Оставляя даже въ сторонѣ начальныя ея строки, и переходя къ анализамъ, на которые ссылается теперь кн. Урусовъ, мы и въ нихъ не находимъ подтвержденія его словъ. Такъ на примѣръ, изъ анализа первой партіи видно только, что на пятнадцатомъ ходѣ онъ завоевалъ офицера, но *eine Schwalbe macht keinen Sommer*: можно выиграть офицера, а игру проиграть. Такъ и было въ дѣйствительности, какъ свидѣтельствуетъ статья г. Петрова, гдѣ первая партія приведена почти вполне. Отчего же кн. Урусовъ зачисляетъ ее теперь въ списокъ своихъ побѣдъ?

Что касается вопроса о числѣ ничьихъ, то и въ этомъ отношеніи письмо князя весьма не убѣдительно. «Одна, говоритъ онъ, приведена мною вполне, а о другой (замѣтите, о *другой* а не о *двухъ*) упоминаетъ г. Петровъ въ письмѣ къ К. А. Янишу». Почему же ничья, упоминаемая Петровымъ непременно *другая*, а не та, которая напечатана въ Листкѣ?

Я справлялся по этому предмету у г-на Яниша и узналъ, что въ письмѣ А. Д. Петрова отъ 13 октября 1859 года сообщенъ такой результатъ: выиграно княземъ Урусовымъ семь партій, проиграно тринадцать и одна ничья. Правда, я имѣлъ неосторожность, въ то время когда не читалъ еще этого письма, а слышалъ о немъ только мимоходомъ, сказать (или написать, навѣрно непомню) кн. Урусову: «свѣдѣнія сообщаемыя г-мъ Петровымъ, не согласны съ вашей запиской; онъ, кажется, упоминаетъ о двухъ ничьихъ». Но могъ ли я предполагать, что слова мои введутъ въ заблужденіе кн. Урусова, относительно обстоятельства, которое должно быть извѣстно ему ближе чѣмъ кому бы то ни было?

Впрочемъ, если кн. Урусовъ ошибается касательно первой игры и числа ничьихъ, то тѣмъ не менѣе, онъ правъ, утверждая, что выигралъ, болѣе шести партій. По крайней мѣрѣ, изъ сличенія всѣхъ этихъ разнорѣчивыхъ свѣдѣній, мы пришли къ убѣжденію, что онъ побѣдилъ въ семи партіяхъ. Это подтверждается: во-первыхъ, письмомъ г. Петрова, которое писано вскорѣ послѣ окончанія самихъ состязаній, а потому едва ли содержитъ ошибку; во-вторыхъ, тѣмъ письмомъ кн. Урусова, о которомъ мы говорили въ началѣ настоящаго Листка и наконецъ, заключающимися въ его запискѣ анализами (Шахматн. Лист. № XII, стр. 330—337).

Какъ бы то ни было, нельзя не пожалѣть, что подробности любопытныхъ битвъ нашихъ Филидоровъ не сохранились съ болѣею точностью. Особенно странно, что объ этомъ не позаботился кн. Урусовъ. Онъ придавалъ, и весьма основательно, состязаніямъ своимъ съ Петровымъ, большую важность, написалъ о нихъ длинную статью, и при всемъ томъ, не только не записалъ многихъ партій, не только не запомнилъ положительно ихъ общаго результата, но даже ошибается относительно *исхода первой партіи!*

Весьма желательно, чтобъ сильные игроки какъ можно чаще записывали и печатали свои партіи, съ обозначеніемъ когда именно, противъ кого, на какихъ условіяхъ и при какихъ об-

стоятельствъ онѣ были играны. Подробности тутъ, вовсе не излишни: онѣ придаютъ живой интересъ партіямъ. Всемъ извѣстно напримѣръ, что игра принадлежащая къ серьезному матчу, рѣшающему вопросъ объ относительной силѣ двухъ игроковъ, читается съ гораздо большимъ удовольствіемъ, чѣмъ партія тѣхъ же самыхъ соперниковъ, играная просто для препровожденія времени, хотя бы послѣдняя и не уступала первой въ занимательности комбинацій и глубинѣ соображеній. Это ясно доказываетъ, что шахматныя партіи имѣютъ интересъ не только въ теоритическомъ отношеніи, и что не худо сопровождать ихъ, если можно, пояснительными подробностями. Необходимо только, чтобъ эти подробности были совершенно согласны съ дѣйствительностью; малѣйшая неточность можетъ подать поводъ къ страннымъ недоразумѣніямъ. Вотъ нѣсколько довольно забавныхъ тому примѣровъ.

Недавно вышла въ Лондонѣ, составленная Стаунтономъ книга «Chess Praxis». Въ числѣ множества помѣщенныхъ въ ней партій, находятся двѣ игры князя Урусова съ извѣстнымъ иностраннымъ игрокомъ Шультенемъ. Но кн. Урусовъ не бывалъ за границею, а Шультенъ никогда не пріѣзжалъ въ Россію; стало быть, подумаетъ читатель, они играли по перепискѣ; однако скоро убѣдится, что хотя партіи и хороши, но все же не похоже, чтобъ каждый ходъ ихъ обдумывался по дѣльнымъ днямъ. За тѣмъ бѣдный читатель придетъ совершенно въ недоумѣніе и пребудетъ въ немъ, пока не догадается, что вмѣсто *Шультенъ* надо читать — *Шумовъ*. Въ другомъ мѣстѣ этой книги покойный И. В. Кирѣевскій является подъ именемъ Кіезерцкаго.

Осенью 1857 года графъ Куселевъ-Безбородко, находясь въ которое время въ Вѣнѣ, посѣтилъ тамошній шахматный клубъ, и былъ избранъ въ почетные члены этого общества. *Schachzeitung* сказала о томъ нѣсколько словъ, но, Богъ знаетъ съ чего, назвала графа — *Шуваловичемъ*. Тотъ же журналъ, извѣщая о появленіи Шахматнаго Листка, говоритъ, что онъ выходитъ при Русскомъ Словѣ, издаваемомъ графомъ Куселевымъ-*Бесбородко!* Видно русскіе имена рѣшительно не даются иностраннымъ шахматнымъ изданіямъ.

Въ одномъ изъ номеровъ варшавской газеты *Ilustrowany Tygodnik* помѣщена чрезвычайно остроумная задача въ два хода. Надъ нею надпись: А. Retrow, изъ чего конечно всякій заключить, что проблема составлена нашимъ знаменитымъ шахматистомъ. На дѣлѣ же оно не совѣтъ такъ: она принадлежитъ

Самуилу Лойду и появилась въ первый разъ въ ньюіорскомъ журналѣ Chess Monthly, а потомъ перепечатана берлинскимъ шахматнымъ обзорѣніемъ (Schachz. 1859 года, стр. 263) и нашимъ Листкомъ (№ XI, стр. 331), разумѣется съ указаніемъ первоначальнаго источника. Теперь положимъ, что какой нибудь ревнитель русской шахматной славы предприметь трудъ собрать всѣ, разсѣянные по разнымъ изданіямъ, партіи и задачи гениальнаго Петрова; понятно, что если ему попадетъ варшавскій журналъ, то онъ включитъ въ свой сборникъ и задачу Лойда. Въ этомъ еще нѣтъ бѣды, но бѣда въ томъ, что любители, усмотрѣвъ, что одна изъ проблемъ, приписываемыхъ Петрову, принадлежитъ не ему, усомнятся пожалуй въ происхожденіи остальныхъ.

Но легко водмѣтитъ промахи другихъ, а самому избѣжать ихъ — иное дѣло, и Шахматный Листокъ, такъ горячо вступающійся за истину даже въ малѣйшихъ подробностяхъ всякаго предмета своей специальности, все таки не застрахованъ отъ ошибокъ. Такъ въ переводѣ второй статьи теоріи киперганей (Шахм. Лист. № XIII, стр. 2—13), мы упустили, по недосмотру, одинъ изъ приводимыхъ авторомъ примѣровъ. Читатели конечно помнятъ, что примѣры эти не суть какія либо отдѣльныя, искусственныя проблемы, но положенія систематическія, столь же необходимыя, въ теоріи киперганей, какъ правильныя окончанія въ теоріи игры обыкновенной. По этому-то мы считаемъ необходимымъ привести какъ діаграмму, изображающую пропущенное нами положеніе, такъ и предложенное авторомъ рѣшеніе.

См. стр. 134, діагр. А.

Рѣшеніе.

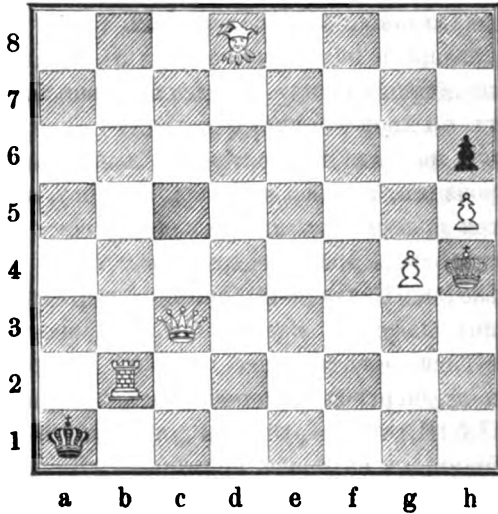
1) b2—c2+	a1—b1	9) e3—d2+	g2—f3
2) c3—b3+	b1—a1	10) d1—h1	f3—e4
3) b3—a3+	a1—b1	11) h1—h3	e4—e5
4) c2—b2+	b1—c1	12) d2—d7	e5—e4
5) a3—c3+	c1—d1	13) d8—f6	e4—f4
6) b2—d2+	d1—e1	14) d7—d6+	f4—e4
7) c3—e3+	e1—f1	15) d6—e6+	e4—f4
8) d2—d1+	f1—g2	16) f6—g5+	h6—g5° x

Не лишнимъ будетъ сообщить здѣсь небольшое, но весьма любопытное дополненіе, сдѣланное къ теоріи киперганей М. Беццелемъ. Онъ замѣтилъ, что въ тѣхъ случаяхъ когда ладьяная пѣшка черныхъ задерживается непріятельскою пѣшкой еще не сдвинутою съ своего первоначальнаго мѣста, бѣлымъ для вынужденія обратнаго мата, достаточно имѣть ладью и слона.

Вотъ сообщенная г-мъ Беццелемъ положеніе (см. діагр. В) со слѣдующимъ къ нему рѣшеніемъ.

А.

ЧЕРНЫЕ.

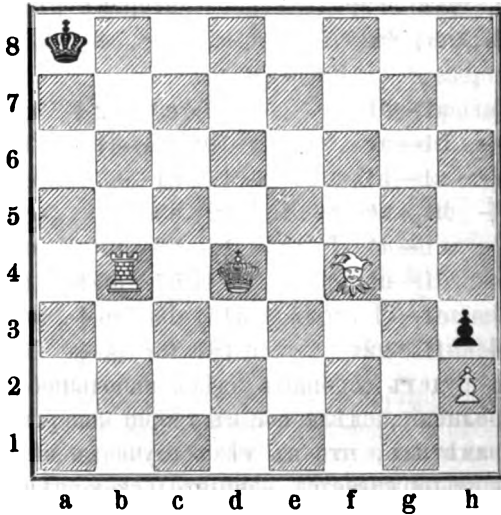

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 16 ходовъ

В.

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 22 хода.

РѢШЕНІЕ.

1) d4—c4	a8—a7	12) b4—b2	d1—c1
2) b4—b8	a7—a6	13) d3—e3	c1—d1
3) f4—e3	a6—a5	14) e3—f2	d1—c1
4) b8—b6	a5—a4	15) f2—g1	c1—d1
5) e3—d2	a4—a3	16) g1—h1	d1—c1
6) b6—b4	a3—a2	17) c3—d4	c1—d1
7) d2—e1	a2—a3 *)	18) d4—e3	d1—e1
8) e1—c3	a3—a2	19) b2—d2	e1—f1
9) b4—a4 †	a2—b1	20) e3—d4	f1—e1
10) c4—d3	b1—c1	21) d4—c3	e1—f1
11) a4—b4	c1—d1	22) d2—g2	h3—g2°×

Этимъ остроумнымъ дополненіемъ опредѣляется *minimum* силъ, необходимый для вынужденія обратнаго мата **). Конечно, можно придумать множество положеній, гдѣ даже одна пашка заставить противника сдѣлать матъ, но эти искусственные или случайныя положенія не относятся уже къ правильнымъ окончаніямъ киперганей, а входятъ въ область чистыхъ проблемъ. Впрочемъ, есть и проблемы, имѣющія близкую связь съ теоріей; такъ на примѣръ знаменитый *найденный* разрѣшается, какъ сейчасъ увидимъ, совершенно согласно съ общими началами ученія о киперганяхъ.

Проблема эта, предложенная фонъ-Оппенномъ въ десять ходовъ, разрѣшена К. А. Янишемъ, немедленно по полученіи ея, въ восемь ходовъ, а именно слѣдующимъ образомъ:

1) f8—g8	f4—f3 или f5
2) g8—g2	f3 или f5—f4
3) e7—e6	f4—f3
4) g1—h2	f3—f4
5) h2—h3	f4—f3
6) g2—h2	f3—f4
7) f6—d5 †	f4—f3
8) e6—g4 †	h5—g4°×

Это сокращеніе чрезвычайно забавно въ томъ отношеніи, что послѣ него ошибочная діаграмма (Шахм. Лист. № V, стр. 125), по-

*) Если король ступитъ на a1, то это нисколько не измѣняетъ рѣшенія.

**) Слово можетъ быть замѣнено конемъ.

давшая поводъ къ созданію найденыша, является уже совершенно правильною задачею, ибо подъ нею напечатано, — и замѣтите, тоже по ошибкѣ! — *бѣлыя начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 8 ходовъ*. Такимъ образомъ, одна опечатка нейтрализовала другую, и обѣ вмѣстѣ создали прекрасную проблему. Послѣ этого и самые закоренѣлые скептики признаютъ сверхъестественныя свойства нашей типографіи.

Кромѣ К. А. Яниша *найденныхъ* разрѣшенъ еще, тоже въ восемь ходовъ, г-мъ Стеллихомъ въ Саратовскій губерніи и И. И. Дравертомъ въ Вяткѣ*). Вотъ какіе знатоки шахматнаго искусства встрѣчаются и въ отдаленныхъ концахъ Россіи! Замѣчательно, что г. Дравертъ, разрѣшилъ эту задачу еще при явленіи майскаго Листка и былъ весьма удивленъ когда мы стали толковать о какихъ-то опечаткахъ.

Теперь, казалось бы, нѣтъ уже причины искать рѣшенія въ десять ходовъ, такъ какъ задача разрѣшена кратчайшимъ способомъ, но найденышъ и въ этомъ случаѣ готовилъ намъ сюрпризъ, а именно: онъ дѣйствительно не можетъ быть разрѣшенъ меньше чѣмъ въ десять ходовъ, если только, — какъ замѣтилъ фонъ-Оппенъ, узнавъ о сокращеніи г. Яниша, — затруднить его слѣдующимъ условіемъ: *бѣлыя обязуются не сдвигать своего короля съ первой полосы доски*. Предлагаемъ любителямъ поломать голову надъ этимъ усложненнымъ найденышемъ.

Отдѣлъ партій въ настоящемъ Листкѣ очень бѣденъ. Тяжкая и продолжительная болѣзнь лишила меня возможности слѣдить въ послѣднее время за шахматною жизнью Петербурга; изъ заграницы тоже не получено никакихъ особенно замѣчательныхъ партій. А потому ограничиваюсь сообщеніемъ двухъ игоръ Андерсена и одного довольно замѣчательнаго окончательнаго положенія партіи И. С. Тургенева съ И. С. Шумовымъ.

*) Рѣшеніе г-на Стеллиха нѣсколько отличается отъ вышеприведеннаго въ отношеніи къ порядку ходовъ, но въ сущности оно совершенно ему подобно.

ПАРТІЯ № 98.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЗАЩИТА НА ВЫХОДЪ КОНЯ.

(Играна на манчестерскомъ турнирѣ 1857 года.)

АНДЕРСЕНЪ. (Бѣлые.)	ГАРРВИТЦЪ. (Черные.)		
		25) f1—g1	e5—d4°
		26) c3—d4°	c6—e7
1) e2—e4	e7—e5	27) f2—f3	b5—b4
2) g1—f3	d7—d6(1)	28) d4—d5	a8—b8
3) f1—c4	f8—e7	29) c2—d4	f4—g3°
4) d2—d3	b8—c6	30) g5—e6	f8—e8
5) c2—c3	g8—f6	31) g1—g3°	a4—c3+(3)
6) h2—h3	0—0	32) b2—c3°	b4—c3°+
7) c4—b3	c8—e6	33) b1—a1	b8—b2(4)
8) c1—g5	f6—h5	34) e2—c4(5)	e8—b8
9) g5—e7°	d8—e7°	35) d4—b3	c3—c2
10) g2—g3	h7—h6	36) d1—c1	b2—b1+
11) b1—d2	g7—g6	37) c1—b1°	c2—b1°+†
12) f3—h4	g8—h7	38) a1—b1°	g8—f7(6)
13) h4—g2	h5—g7	39) c4—e3	b8—g8
14) b3—e6°	g7—e6°	40) c3—a5°	c7—c6
15) g2—e3	f7—f5	41) e6—g5+	f7—g7
16) d1—e2	e7—f7	42) a5—c3+	g7—h6(7)
17) h3—h4	f5—f4	43) c3—f6	c6—d5°
18) e3—c2	h6—h5	44) f6—f7	g8—g7
19) h1—f1	b7—b5	45) f7—f8	e7—g8
20) d2—f3	h7—g8(2)	46) b3—d4	d7—b7+
21) 0—0—0	e6—c5	47) b1—c2	b7—a6
22) c1—b1	a7—a5	48) d4—f5+	g6—f5°
23) f3—g5	f7—d7	49) g5—f7+	h6—h7
24) d3—d4	c5—a4	50) g3—g7×	

Примѣчанія къ партии № 98.

(1) Это любимая защита Гаррвитца и онъ почти всегда употребляетъ ее на практикѣ.

(2) Лучше было бы уходить королемъ на h8.

(3) Этими смѣлыми пожертвованіемъ черные приобрѣтаютъ атаку, но не надолго.

(4) На a7—a4 бѣлые защитились бы посредствомъ e2—e2.

(5) При всякомъ другомъ ходѣ бѣлые проигрываютъ.

(6) Тутъ естественно представляется ходъ а5—а4, но послѣдствіемъ его было-бы: 39) $\frac{c4-c3}{e7-f6}$ 40) $\frac{e4-f5}{a4-b3}$ 41) $\frac{g3-g6}{+}$ и бѣлые выигрываютъ.

(7) Теперъ чернымъ нѣтъ спасенія.

ПАРТІЯ № 99.

СИЦИЛІАНСКІЙ ДЕБЮТЪ.

(Играна въ Берлинѣ въ маѣ 1859 г.)

Андерсенъ. (Бѣлые.)	Майетъ. (Черные.)	13) c1—g5	f7—f6
1) e2—e4	c7—c5	14) a1—d1	a6—c4°
2) g1—f3	b8—c6	15) d6—d7°+	e8—f8
3) d2—d4	c5—d4°	16) d7—c6°	g4—h2°
4) f3—d4°	e7—e5	17) c6—a8°+	f8—f7
5) d4—c6°	b7—c6°	18) f3—e5°+	f6—e5°
6) f1—c4	d8—h4	19) a8—b7+	f7—g6
7) d1—d3(1)	g8—f6	20) d1—d6+	g6—g5°
8) b1—d2	f8—c5	21) b7—g7°+	g5—f4
9) 0—0	f6—g4	22) g2—g3+	f4—e4°
10) d2—f3	c5—f2°+(2)	23) g7—b7+	e4—f5(4)
11) g1—h1	h4—h5	24) f1—f2°+	h2—f3+
12) d3—d6	c8—a6(3)	25) h1—g2	e5—e4

Бѣлые даютъ матъ въ 4 хода.

Примѣчанія къ партіи No. 99.

(1) Въ другой совершенно подобной партіи Андерсенъ на этомъ ходѣ рокировалъ.

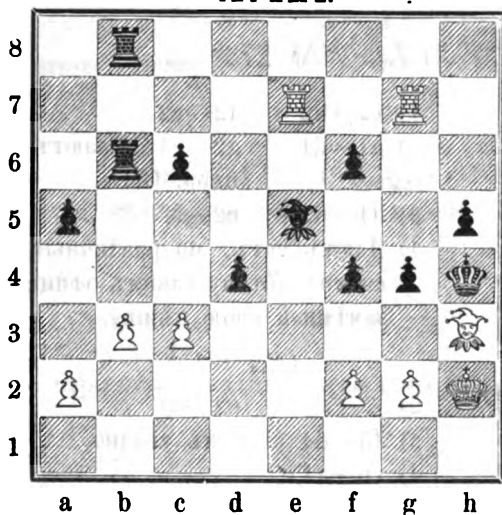
(2) Кажется лучше бы было брать конемъ. Г-нъ Ланге утверждаетъ противное, говоря что бѣлые сыиграли бы c4—f7°+, но я думаю, что черные должны бы уйти королемъ, и партія ихъ вовсе не дурна.

(3) Съ тѣмъ, чтобы, если бѣлые возьмутъ слона, сыиграть 11) $\frac{f3-h2}{g4-h2}$ 12) $\frac{f3-h2}{f2-g3}$ и черные выигрываютъ. Но все это не довольно основательно разсчитано, ибо во-первыхъ, бѣлые могутъ и не брать слона, а во-вторыхъ, если и возьмутъ, то имъ нѣтъ опасности, потому что на ходъ 11) $\frac{f3-h2}{g4-h2}$ отвѣтять не f3—h2°, но d6—e5°, т. е. вынуждаютъ мѣну ферзей и сохраняютъ превосходство силъ.

(4) Идти королемъ на e3 не поправляло дѣла.

И. С. Тургеневъ.

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

И. С. Шумовъ.

Ходъ за бѣлыми; они объявляютъ матъ въ 5 ходовъ.

РѢШЕНИЕ ЗАДАЧЪ. *)

№ 26. **)

- 1) e4—a8† b8—a8°
- 2) c7—a7† a8—b8
- 3) e5—c6† b8—c8
- 4) a7—c7† a6—c7°

Теперь бѣлые играютъ различно, смотря потому, какую пѣшкою имъ было указано сдѣлать матъ. Если пѣшкою b6, то:

- 5) d6—d7† c5—d6°
- 6) b6—b7×

*) Въ нумераціи нѣкоторыхъ изъ этихъ задачъ были опечатки; онѣ исправлены въ февральскомъ выпускѣ на стр. 38.

**) См. Шахи. Лист. за декабрь 1859 г. стр. 84б.

А если пѣшкой d6 то:

- 7) b6—b7+ c5—b6°
- 8) d6—d7×

№ 27.

- 1) c2—b2 f2—e2
- 2) g1—d1 g2—g1 дѣлають любого офицера. (A)
- 3) d1—d2+ e2—f1
- 4) Даютъ матъ, но различнымъ способомъ, смотря потому какимъ офицеромъ черные замѣнили свою пѣшку.

(A.)

- 2) e2—d1°
- 3) f5—d4 какъ угодно.
- 4) c6—a4×

№ 28. *)

- 1) f8—e8 d3—d2
- 2) g5—d8 d7—e8° (A)
- 3) c5—c6 e8—f8
- 4) d8—g5×

(A.)

- 2) d7—c8°
- 3) c5—c6 c8—b8
- 4) d8—b6×

№ 29.

- 1) c3—f3+ h2—f3°
- 2) g3—h3+ f3—h2
- 3) d5—d1+ g4—g1
- 4) d1—f1 g1—f1°×

№ 30.

Рѣшеніе этой задачи помѣщено въ настоящей книжкѣ на стр. 135.

*) См. исправленіе условий этой проблемы (Шахи. Лист. № XIV стр. 38).

№ 31.

- 1) $f3 \rightarrow d4^{\circ} +$ $h5 \rightarrow h4^{\circ}$
- 2) $c7 \rightarrow c4$ $a7 \rightarrow a3 +$ (А. В.)
- 3) $d4 \rightarrow b3 \times$

(А.)

- 2) $e8 \rightarrow g6 +$
- 3) $d4 \rightarrow f5 \times$

(В.)

- 2) $e8 \rightarrow b5$
- 3) $d4 \rightarrow b5 \times$

Остальные варианты читатели легко найдут сами.

№ 32.

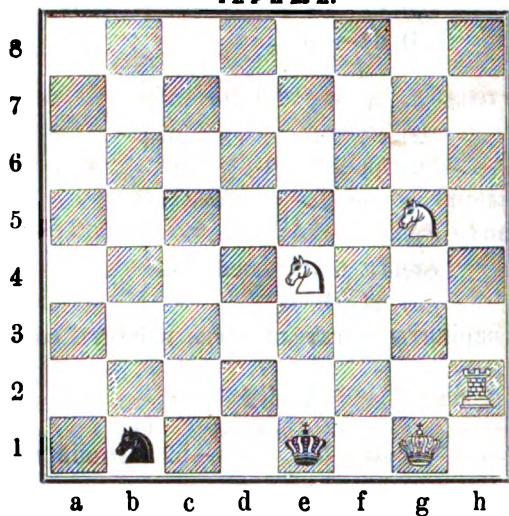
- 1) $b7 \rightarrow b6$ $b3 \rightarrow b2$ (лучший ход).
- 2) $h7 \rightarrow b1$ $e5 \rightarrow d5$
- 3) $b1 \rightarrow a2 +$ $d5 \rightarrow e5$
- 4) $b6 \rightarrow e6 \times$

Задачи.

№ 38.

ОКТАВА ФЕЛЬЕ.

ЧЕРНЫЕ.

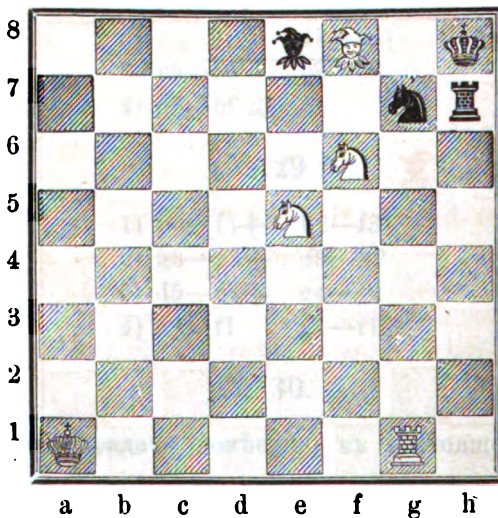
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинают и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 39.

АНДЕРСЕНА.

ЧЕРНЫЕ.

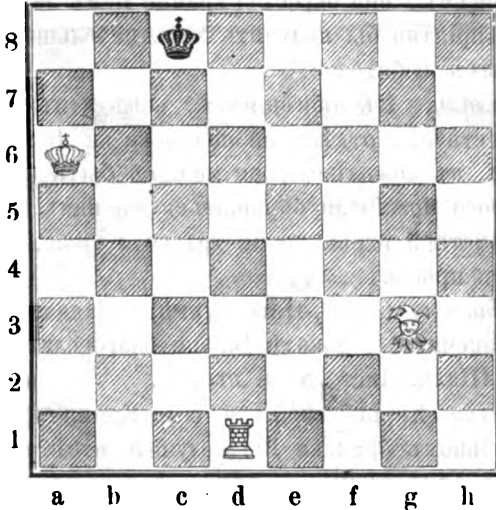
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинают и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 40.

ИЗЪ ПАЛАМЕДА.

ЧЕРНЫЕ.

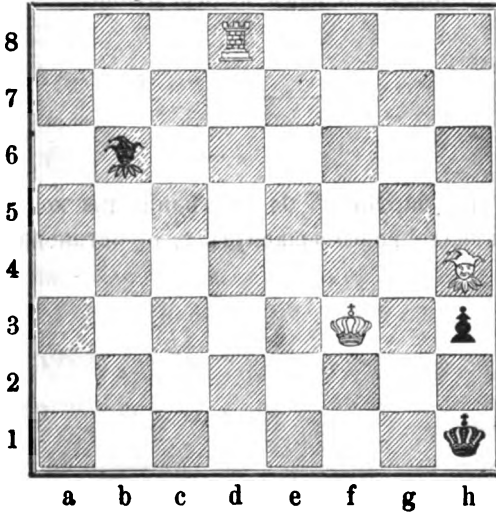
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ НАЧИНАЮТЪ И ДАЮТЪ МАТЬ ВЪ 3 ХОДА.

№ 41.

ГАРРВИТЦА.

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ НАЧИНАЮТЪ И ДАЮТЪ МАТЬ ВЪ 4 ХОДА.

Корреспонденція. *И. И. Драверту* (въ Вяткѣ). Все что вы говорите о *найденышѣ* совершенно справедливо. Не сообщите ли Вы редакціи Листка, что нибудь изъ записокъ, о которыхъ упоминаете въ письмѣ; она была бы крайне Вамъ за то признательна. Особенно пріятно бы получить хоть небольшое число партій провинціальныхъ любителей.

Г-ну Стеллиху. Въ нынѣшнемъ, какъ и въ предыдущемъ году, не существуетъ отдѣльной подписки на Листокъ, а потому желаніе Ваше, къ сожалѣнію, не можетъ быть исполнено. Что касается вопроса можно ли обращаться къ намъ съ замѣчаніями по части шахматной игры, то не только можно, но мы убѣдительно о томъ просимъ.

Г-ну С. Яцк—чу (въ С.-Петербургѣ). Задача Ваша не можетъ быть напечатана, доколѣ Вы не благоволите сообщить ея рѣшеніе (см. Шахм. Лист. № 1, стр. 4).

В. В. Пассеку (Харьковской губ. село Криничное). Въ самомъ непродолжительномъ времени Вы получите отвѣтъ по почтѣ. Я замедилъ имъ единственно по причинѣ серьезной и долгой болѣзни.

В. Г. Саг—му (въ Москвѣ). Ваше рѣшеніе задачи № 30 было бы вѣрно въ такомъ только случаѣ, еслибы черные, продвигнувъ пѣшку на h1, *обязаны были* превратить ее въ ферзя или ладью. Ну а если они замѣнять пѣшку наприимѣръ конемъ?

Г-ну Енотову (въ С.-Петербургѣ). Проблемы за №№ 31, 32, 34, 35 и 36 рѣшены Вами какъ нельзя лучше.

Опечатка: Въ партіи № 94 послѣдніе два хода напечатаны ошибочно; ихъ надо вовсе выкинуть т. е. остановить партію на 47-мъ ходѣ.

РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНІЮ ШАХМАТНОЙ ИГРЫ.

СОЧ. КН. С. УРУСОВА.

(статья 11-я)

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

16. 4 ПЬШКИ ПРОТИВЪ ЧЕТЫРЕХЪ, И 5 ПРОТИВЪ ПЯТИ.

Въ положеніяхъ діагр. СХСІ, СХСІІ и имъ подобныхъ начинающій долженъ выиграть. Въ діагр. СХСІ система атаки таже, что и въ діагр. СХС.

Диагр. СХСІІ. 1) $\frac{d2-d4}{e8-d7}$ (если $h7-h5$, то $d1-e2$ и удержитъ пѣшки) 2) $\frac{c2-c4}{d7-c6}$ 3) $\frac{a2-a4}{h7-h5}$ 4) $\frac{d1-e2}{f7-f5}$ 5) $\frac{e2-f3}{h5-h4}$ (или: 5) $\frac{e7-e6}{c6-b6}$ 6) $\frac{f3-g3}{c6-b6}$ 7) $\frac{c4-c5+}{g5-g4+}$ бѣлые выигрываютъ.) 6) $\frac{d4-d5+}{c6-b6}$ 7) $\frac{b2-b4}{g7-g5}$ 8) $\frac{a4-a5+}{b6-b7}$ 9) $\frac{c4-c5}{g5-g4+}$ 10) $\frac{f3-g2}{f5-f4}$ 11) $\frac{d5-d6}{e7-d6^o}$ 12) $\frac{c5-d6^o}{b7-c6}$ 13) $\frac{a5-a6}{b4-h3+}$ 14) $\frac{g2-h2}{f4-f3}$ 15) $\frac{h2-g3}{f4-f3}$ бѣлые выигрываютъ.

Диагр. СХСІІІ. И здѣсь начинающій выиграетъ. Посредствомъ размѣна или и пожертвования пѣшекъ надо стараться образовать двѣ—три пройденныя пѣшки.

1) $\frac{d2-d4}{e7-e5}$ (если бы $e2-e4$, то: 1) $\frac{d1-e2}{h7-h5}$ 2) $\frac{c2-c3}{f7-f5}$ черные выигрываютъ) 1) $\frac{d7-d5}{e7-e5}$ (если $h7-h5$, то $e2-e4$, и три пѣшки а в с выигрываютъ) 2) $\frac{b2-b3}{h7-h5}$ (если $e7-e5$, то $\frac{d4-e5^o}{d5-d4}$ $\frac{e2-e3}{e7-e5}$ бѣлые выигрываютъ, а если 2) $\frac{c2-c4}{e7-e5}$, то 3) $\frac{c2-c4}{e7-e5}$

- 4) $\frac{c4-d5}{h4-h3}$ бѣлые выигрываютъ) 3) $\frac{c2-c4}{h5-h4}$ 4) $\frac{d1-e1}{d5-c4^\circ}$ (если $h4-h3$,
 то $e1-f2$; если $e7-e6$, то $c4-c5$ и $a2-a4$) 5) $\frac{b8-c4^\circ}{e7-e5}$ 6) $\frac{d4-d5}{f7-f5}$
 7) $\frac{a2-a4}{h4-h3}$ 8) $\frac{e1-f2}{f5-f4}$ 9) $\frac{a4-a5}{e5-e4}$ (или $e8-d7$ 10) $\frac{a5-a6}{d7-c7}$ 11) $\frac{d5-d6+}{f4-f3+}$
 бѣлые выигрываютъ; или 10) $\frac{a6-a7}{h3-h2}$ 11) $\frac{f2-g2}{f4-f3+}$
 13) $\frac{e2-f3^\circ}{e4-e3}$ 14) $\frac{a7-a8^\circ}{e3-e2}$ бѣлые выигрываютъ) 10) $\frac{a5-a6}{h3-h2}$ 11) $\frac{f2-g2}{f4-f3+}$
 12) $\frac{e2-f3^\circ}{e4-e3}$ 13) $\frac{a6-a7}{e3-e2}$ 14) $\frac{a7-a8^\circ+}{e3-e2}$ бѣлые выигрываютъ.

17. 8 пѣшекъ противъ восьми.

Отъ пяти прямо перехожу къ восьми пѣшкамъ, потому что анализъ игоръ шести противъ шести и семи противъ семи также сложенъ какъ и анализъ восьми; во всѣхъ трехъ играхъ точный анализъ мнѣ не посламъ.

Во всѣхъ трехъ играхъ вопросъ относительно результата игры разлагается на два вопроса. Первый: такъ какъ король атакующаго не можетъ приблизиться къ пѣшкамъ обороняющагося, а сей послѣднй не имѣетъ надобности двигать своихъ пѣшекъ, то, спрашивается, можетъ ли атакующй прорвать фронтъ пѣшекъ обороняющагося? Второй: если оставлять пѣшки на мѣстѣ не возможно, то какое именно положенiе должно произойти отъ столкновенiя ихъ между собою, то есть, произойдетъ ли нѣчто подобное положенiю диагр. СХС и СХСІ, или же иное, на примѣръ диагр. СХLV?

Для рѣшенiя перваго вопроса, положимъ, что пѣшки бѣлыхъ пришли на пятую линiю, а черные во все время игры дѣлали ходы $e8-d8$ и $d8-e8$; то есть, что изъ положенiя диагр. СХСІV образовалось положенiе диагр. СХСV. Если въ этомъ положенiи выигрыпъ возможенъ, то должно будетъ вывести заключенiе, что пассивная оборона не достаточна для удержанiя позицiи и что необходимо подвигать пѣшки впередъ.

Но въ этомъ положенiи (диагр. СХСV) выигрыпъ бѣлыхъ не подверженъ сомнѣнiю.

- 1) $\frac{d5-d6}{e7-d6^\circ}$ (если $e8-d8$, то $d6-c7^\circ+$ и 3) $\frac{g5-g6}{f7-g6}$ бѣлые выигрываютъ) 2) $\frac{e5-d6^\circ}{c7-d6^\circ}$ (если $e7-e6$, то 3) $\frac{a5-a6}{b7-a6^\circ}$ 4) $\frac{b5-b6}{a7-b6^\circ}$ бѣлые выигрываютъ) 3) $\frac{a5-a6}{b7-a6^\circ}$ 4) $\frac{b5-b6}{a7-b6^\circ}$ 5) $\frac{c5-b6^\circ}{e8-d8}$ 6) $\frac{g5-g6}{f7-g6^\circ}$
 7) $\frac{h5-h6}{g7-h6^\circ}$ 8) $\frac{f5-f6}{e7-f6}$ бѣлые выигрываютъ.

Слѣдовательно фронтъ пѣшекъ можетъ быть прорванъ и игра можетъ быть выиграна.

Второй вопросъ разрѣшимъ, но весьма приблизительно.

Принимая въ соображеніе, что въ положеніи діагр. СХСV черные проиграли, потому что допустили бѣлыхъ занять пѣшками пятую линію, должно вывести заключеніе, что правильная оборона состоитъ въ воспрепятствованіи атакующему занятію пѣшками пятой линіи. Кромѣ того, такъ какъ въ положеніи діагр. СХСV бой рѣшается въ пользу бѣлыхъ главнымъ образомъ отъ того, что центральная пѣшка d5 могла быть двинута на d6, то изъ этого слѣдуетъ, что всего важнѣе для обороны есть удержаніе центра, то есть клѣтокъ d5 и e5.

Черные могутъ не допустить центральную пѣшку, напр. d2, на пятую линію двоякимъ образомъ: или ходомъ 1) $\frac{e7-e6}{}$, или ходомъ 1) $\frac{d7-d5}{}$. Въ первомъ случаѣ можетъ образоваться положеніе подобное діагр. СХСVI; во второмъ что-либо подобное діагр. СХСVII.

Въ положеніи діагр. СХСVI, игра ничья: 1) $\frac{d4-d5}{e8-d7}$ 2) $\frac{d5-c6^{\circ}+}{d7-c6^{\circ}}$
 3) $\frac{g4-g5}{f6-g5^{\circ}}$ 4) $\frac{h4-h5}{g6-h5^{\circ}}$ 5) $\frac{f4-f5}{a6-a5}$ (или 5) $\frac{b4-b5+}{c6-c7}$ 6) $\frac{f4-f5}{a6-a5}$ 7) $\frac{b4-a5^{\circ}}{b6-a5^{\circ}}$
 8) $\frac{f5-e6^{\circ}}{h5-h4}$ и ничья; ибо бѣлый король долженъ оставаться вблизи пѣшекъ h и g, а черный король на клѣткахъ e6 и e7. Во второмъ случаѣ, въ положеніи діагр. СХСVII, бѣлые при своемъ ходѣ выигрываютъ — b4—a5°. Слѣдовательно положеніе пѣшки на своей третьей линіи сильнѣе для обороны, чѣмъ положеніе ея на четвертой линіи. Иначе сказать: въ положеніи діагр. СХСIV на 1) $\frac{d2-d4}{}$ лучше отвѣчать e7—e6 или d7—d6 чѣмъ d7—d5.

Но все таки никакъ нельзя рѣшить: какой долженъ быть результатъ игры восьми пѣшекъ противъ восьми. Изъ всей вообще игры пѣшками можно вывести только приблизительныя правила.

1) Лишняя пѣшка почти всегда выигрываетъ.

2) Первенство хода имѣетъ наибольшее вліяніе при тождественномъ расположеніи шашекъ.

3) Пройденныя пѣшки содѣйствуютъ атакѣ, а непройденныя усиливаютъ оборону.

4) Сдвинутыя пѣшки содѣйствуютъ атакѣ менѣе чѣмъ не сдвинутыя.

- 5) Раздѣльныя пѣшки труднѣе удержатъ чѣмъ соединенныя.
- 6) Тожественное расположеніе шашекъ выгодно для наступающаго, а не тождественное — содѣйствуетъ оборонѣ.
- 7) Важнѣйшій пунктъ позиціи въ начальномъ положеніи есть центръ.

Правила, проистекающія изъ этихъ выводовъ, очевидны, и потому мы говорить объ нихъ не будемъ. Понятно, что все выгодное для атаки должно служить цѣлью при этомъ образѣ дѣйствій, и проч.

18. 8 пѣшекъ при фигурахъ.

Намъ остается опредѣлить: чему болѣе содѣйствуетъ присутствіе фигуръ: атакѣ или оборонѣ?

Возьмемъ положенія діагр. СХСVIII, и посмотримъ, что произойдетъ при лучшихъ ходахъ съ обѣихъ сторонъ.

Для опредѣленія лучшаго хода бѣлыхъ руководствуемся слѣдующими сужденіями:

- 1) Чтобы увеличить число ходовъ ферзя надо подвигать впередъ пѣшки.
- 2) Центръ есть ключъ позиціи, слѣдовательно должно играть одною изъ центральныхъ пѣшекъ.
- 3) Такъ какъ ходъ e2—e4 увеличиваетъ силу ферзя на 4 хода, а всякій другой ходъ выигрываетъ менѣе клетокъ, слѣдовательно лучшій ходъ бѣлыхъ есть e2—e4.

Для опредѣленія хода черныхъ разсуждаемъ такъ:

Бѣлые угрожаютъ утвержденіемъ пѣшекъ въ центрѣ и овладѣніемъ пѣшки h7 посредствомъ хода d1—h5, спрашивается: можно ли парализовать эти атаки?

Если e7—e5, или d7—d5, или c7—c5, то дѣйствительно, утвержденіе пѣшекъ въ центрѣ не удастся, но за то ходомъ d1—h5 выигрывается пѣшка. Невыгода хода d7—d6 та, что теряется пѣшка:

$$2) \frac{d1-h5}{h7-h6} \quad 3) \frac{h5-h5+}{b7-b6} \text{ бѣлые выигрываютъ.}$$

Невыгода хода c7—c6 та, что пѣшки бѣлыхъ утверждаютъ въ центрѣ. Остается ходъ, уже извѣстный, e7—e6.

Сравнивая этотъ дебютъ, 1) $\frac{e2-c4}{e7-e6}$, съ таковымъ же въ положеніи діагр. СХСIV, видимъ, что присутствіе ферзей усиливаетъ атаку, а не оборону; ибо даже и при ходѣ e7—e6 можетъ быть сильная атака: 2) $\frac{d1-h5}{h7-h6}$ 3) $\frac{h5-e5}{f7-f6}$ 4) $\frac{e5-g3}{f7-f6}$, и т. д.

И въ положеніи діагр. СХСІХ можетъ выйти игра:

- 1) $\frac{e2-e4}{d7-d6}$ 2) $\frac{d2-d4}{e7-e5}$ 3) $\frac{d4-e5^{\circ}}{d6-e5^{\circ}}$ 4) $\frac{0-0-0}{0-0}$ 5) $\frac{d1-d5}{f8-e8}$ 6) $\frac{d5-d7}{a8-c8}$
 7) $\frac{h1-d1}{}$ сильная атака.

Ничего подобнаго быть не можетъ въ положеніи діагр. СХСІV; стало быть и ладьи болѣе усиливаютъ атаку чѣмъ оборону.

Наконецъ и въ положеніяхъ діагр. СС и ССІ могутъ быть весьма сильныя атаки:

- Діагр. СС. 1) $\frac{e2-e4}{e7-e5}$ 2) $\frac{f2-f4}{f7-f6}$ (если $e5-f4^{\circ}$, то $\frac{d2-d4}{g7-g5}$
 3) $\frac{h2-h4}{}$ и $g2-g3$) 3) $\frac{g2-g3}{d7-d6}$ 4) $\frac{c2-c3}{c8-e6}$ 5) $\frac{b2-b3}{c7-c5}$ 6) $\frac{d2-d4}{c5-d4^{\circ}}$
 7) $\frac{c3-d4^{\circ}}{e5-d4^{\circ}}$ 8) $\frac{c1-b2}{}$ или $f1-b4+$.

- Діагр. ССІ. 1) $\frac{g1-f3}{g8-f6}$ 2) $\frac{b1-c3}{c7-c6}$ 3) $\frac{e2-e4}{d7-d6}$ 4) $\frac{d2-d4}{b8-a6}$ 5) $\frac{a2-a3}{e7-e6}$
 6) $\frac{h2-h3}{h7-h6}$ 7) $\frac{e1-d2}{a6-c7}$ 8) $\frac{d2-d3}{f6-h5}$ 9) $\frac{c3-e2}{}$ и $g2-g4$.

Итакъ, всё вообще фигуры содѣйствуютъ болѣе атакѣ чѣмъ оборонѣ. Иначе сказать:

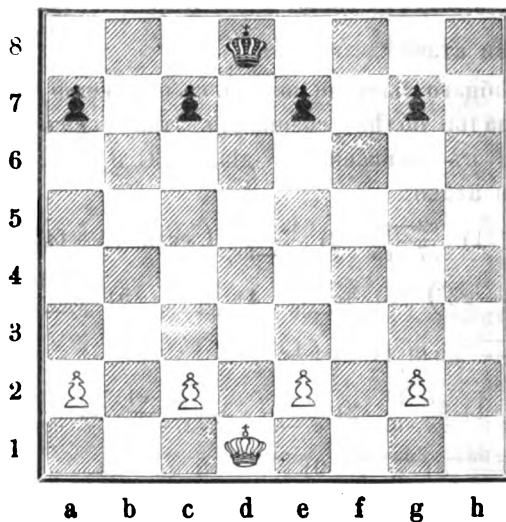
Въ начальномъ положеніи, средства, которыми располагаетъ атакующій, болѣе тѣхъ, коими располагаетъ обороняющійся. Значитъ выигрышь вѣроятнѣе розыгрыша.

Впрочемъ уже изъ статьи о тождественныхъ положеніяхъ видно, что въ начальномъ положеніи игра должна быть выиграна начинающимъ.

Я думаю, что для уравновѣшенія средствъ атаки съ средствами обороны, слѣдовало бы измѣнять порядокъ разстановки шашекъ того изъ противниковъ, которому будетъ приходится играть за рукой. Напримѣръ: въ положеніи діагр. ССІІ оборонительная сила шашекъ черныхъ была бы иная; а бываютъ гораздо сильнѣйшія оборонительныя позиціи.

СХСІ.

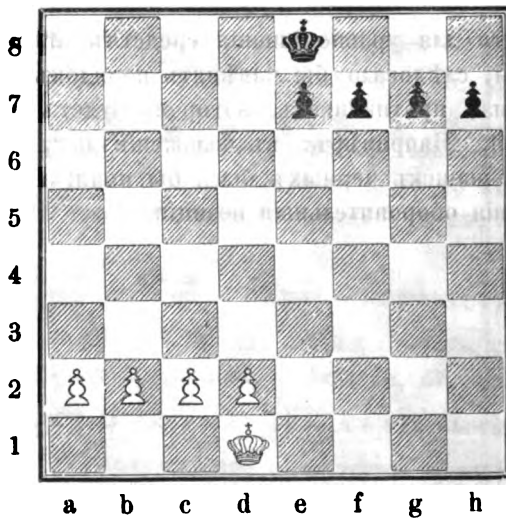
ЧЕРНЫЕ.

БЕЛЫЕ.
Начинающий выигрывает.

СХСІІ.

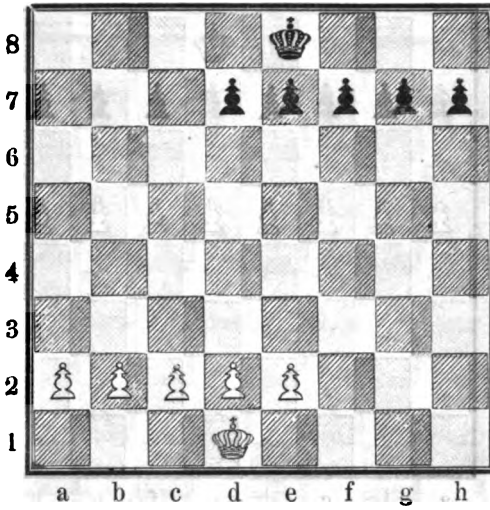
ЧЕРНЫЕ.

БЕЛЫЕ.
Начинающий выигрывает.

СХСІІІ.

ЧЕРНЫЕ.

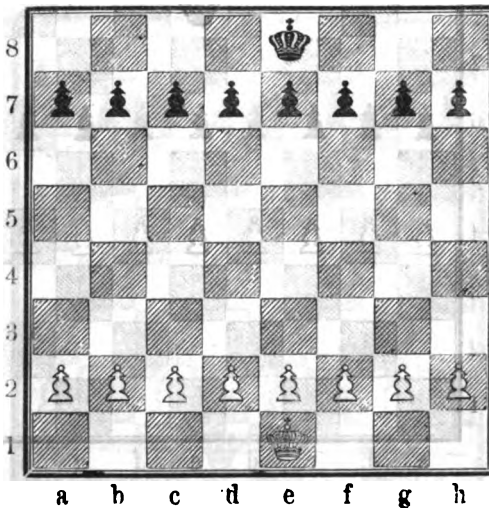

БѢЛЫЕ.

Начинающій выигрываетъ.

СХСІV.

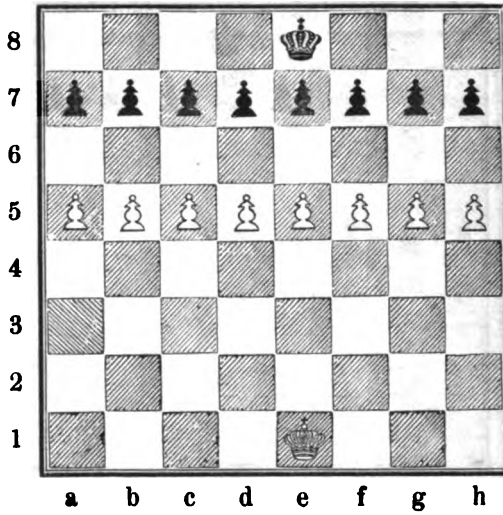
ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

СХСV.

ЧЕРНЫЕ.

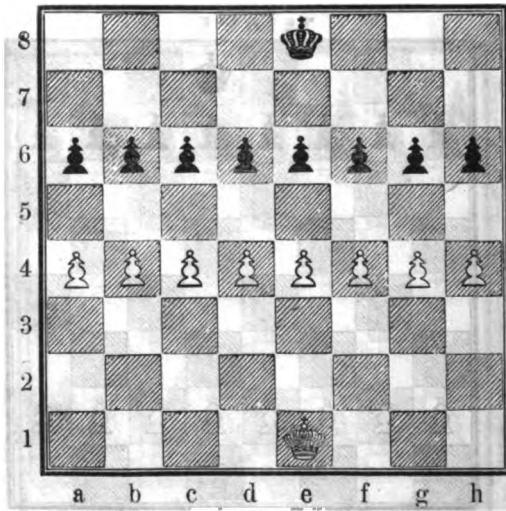

БЕЛЫЕ.

БѢЛЫЕ ВЫИГРЫВАЮТЪ.

СХСVІ.

ЧЕРНЫЕ.

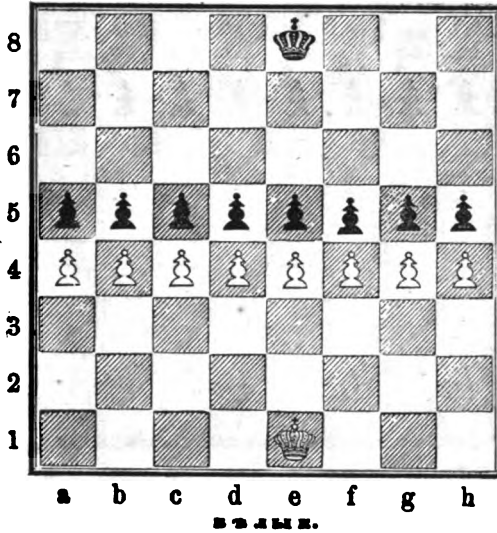

БЕЛЫЕ.

Ничья.

СХСVII.

ЧЕРНЫЕ.

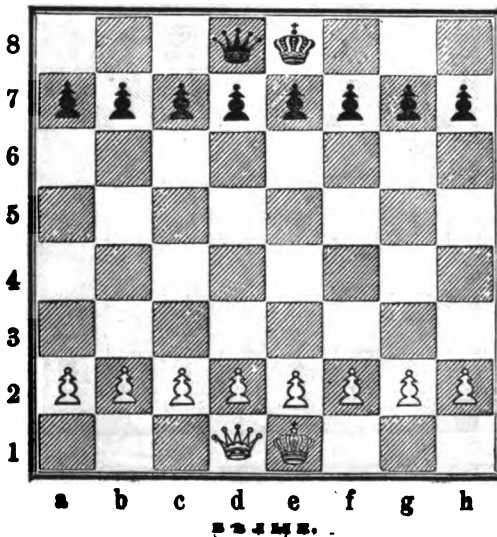

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ ПРИ СВОЕМЪ ХОДѢ ВЫИГРЫВАЮТЪ.

СХСVIII.

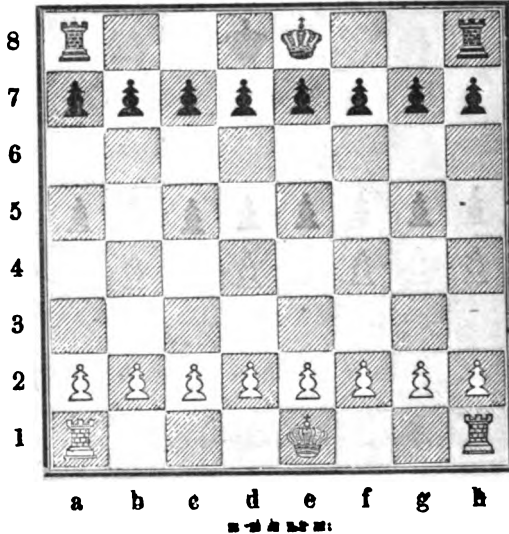
ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

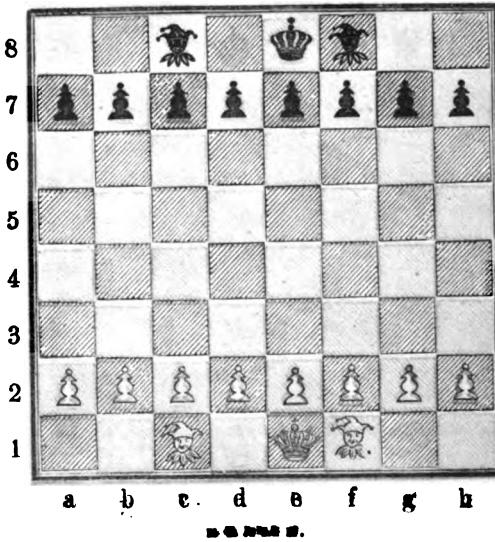
CXCIX.

ЧЕРНЫЕ.

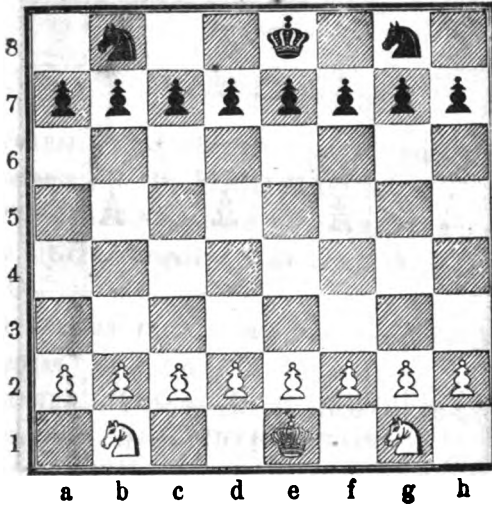
CC.

ЧЕРНЫЕ.

CCI.

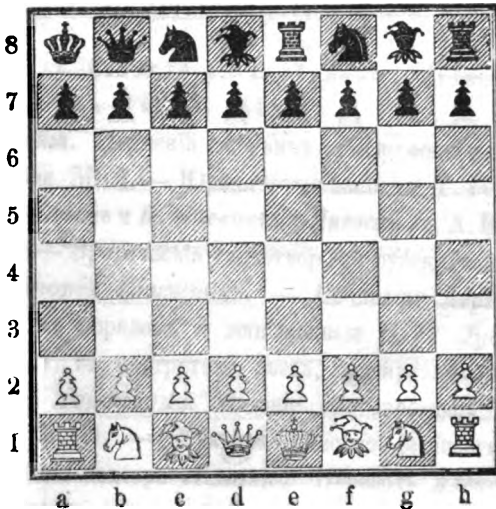
ЧЕРНЫЕ.

БЕЛЫЕ.

CCII.

ЧЕРНЫЕ.

БЕЛЫЕ.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЪ I.

	СТРАН.	
Русскіе инородцы. I. Литовское племя и отношенія его къ русской исторіи. Н. И. КОСТОМАРОВА.	4	✓
Объ изслѣдованіи преступленій въ устномъ и гласномъ процессѣ. (Статья вторая и послѣдняя.) А. И. ПАЛЮМБЕЦКАГО	101	
Трехмѣсячное путешествіе по южнымъ краямъ Австріи. (Статья первая.) Л.....СКАГО.	124	
Воспитаніе внучки. Повѣсть. Н. И. ВОРОНОВА	163	✓
Чайка. Стихотвореніе. Я. П. ПОЛОНСКАГО.	235	
Турго и министерство его. (Статья вторая и послѣдняя.) Г. Е. БЛАГОСВѢТЛОВА.	236	✓
Исторія ислама. II. Обзоръ Востока въ религіозномъ отношеніи, предъ появленіемъ Мохаммеда. А. К. КАЗЕМЪ-БЕКА	267	✓
Древнеинскіе разказы Бертольда Ауэрбаха. III. Тонеле укушенная-щека.	307	✓
Одинъ изъ многихъ. Ф. Г. ТОЛЛЯ.	325	✓

ОТДѢЛЪ II.

Критика. Двѣ повѣсти г. Тургенева: «Наканунъ и «Первая любовь». Н. К—АГО.	1	✓
Библиографія. Пермскій сборникъ. Повременное изданіе. Книжка вторая. М. Л. — Юридическія записки. Т. IV, изданный П. Рѣдкинымъ и К. Яневичемъ-Яневскимъ. А. В. ЛОХВИЦКАГО. — Эротическія стихотворенія русскихъ поэтовъ. Собралъ Григорій Книжничъ. — Сочиненія Лермонтова, приведенныя въ порядокъ и дополненныя С. С. Дудышкинымъ. Томъ I, съ портретомъ поэта, гравированнымъ профессоромъ Ѳ. Йорданомъ. Изданіе книгопродавца А. И. Глазунова. М. Л. — Краткая животно-физиологическая химія. Сочиненіе доктора Лѣманна. Переводъ Александра Бьялева. Изданный подъ редакцію А. И. Ходнева. —		

О девизахъ въ медицинѣ и медицинскихъ тутти-фруттикахъ. Категорическій отвѣтъ г-ну *В. Ханкину* на его критику «Категорической классификаціи болѣзней». Доктора медицины *Дмитрія Росковского*. **В. Л. ХАНКИНА** 39

Иностранная литература. Два свѣта, романъ Крашевскаго. **ЕВГЕНИИ ТУРЬ** 69

ОТДѢЛЪ Ш.

Смѣсь. Бѣдный герой. П—А.	4
Господину Густаву Рааде. Д. И. РОМАНОВА	48
На пароходъ отъ Нижняго до Твери въ 1859 году. П. И. КРОЛЯ	41
Замѣчанія на рецензію г. Сѣверцова объ «Учебномъ атласѣ» Юл. Симашко. Ю. Н. СИМАШКО	59
Отвѣтъ на замѣчанія г. Симашко на мою рецензію его атласа. (Съ географическимъ чертежемъ.) Н. А. СѢВЕРЦОВА	95
Общественныя и литературныя замѣтки. I. Рѣчь, произнесенная въ Воронежѣ на чтеніи въ пользу общества для вспоможенія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. М. ДЕПУЛЕ . II. Паспорты и свидетельства на выѣздъ. III. Мнѣніе г. Погодина о своемъ собственномъ диспутѣ. А. Л.	122
Общественная жизнь въ Петербургѣ. Герой провинціи. — Герой столицы. — Ранняя гроза. — Лѣтній садъ. — Дѣтскій балъ и мнѣніе нѣкоторыхъ философовъ. — Нѣчто о балаганахъ. — Чиновники. — Преобразование по морскому министерству. — Ассоціація чиновниковъ. — Дуали. — Браки. — Спектакль общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. — Пожертваніе въ пользу этого общества. — Абониментные билеты царско-сельской желѣзной дороги. — Новая опера. — О Лагруа. — Новый воздушный шаръ. Е. Θ. МОЛМЕРА	138
Памятники старинной русской литературы, издаваемые <i>графомъ Кушелевымъ-Безбородко</i> подъ редакціею профессора Н. И. КОСТОМАРОВА	148
Шахматный листокъ. В. М. МИХАЙЛОВА	129